
ACADEMIAE HARVARDIANAE IN NOV. ANG. SIGILLUM
VE RI TAS
CHRISTO ET ECCLESIAE

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ

ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ

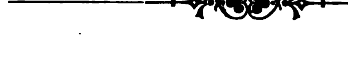
ОСНОВАННОЕ 1-ГО ЯНВАРЯ 1870 Г.

1908.

АПРѢЛЬ.—МАЙ.—ІЮНЬ.

ТРИДЦАТЬ ДЕВЯТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

ТОМЪ СТО ТРИДЦАТЬ ЧЕТВЕРТЫЙ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія «Надежда», Морская, 65.
1908.

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ

ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ.

Годъ XXXIX-й. АПРѢЛЬ. 1908 годъ.

СОДЕРЖАНІЕ:

Приложенія: 1) Портретъ баронессы Ю. Менгденъ. 2) Автографъ Импер. Екатерины II.

Принимается подписка на „Русскую Старину" изд. 1908 года.

Пріемъ по дѣламъ редакц. по понедѣльникамъ и четвергамъ отъ 1 ч. до 3 ч. пополудни.

Редакція помѣщается въ С.-Петербургѣ на Фонтанкѣ д. № 18. Телефонъ 37—66.

Библіографическій листокъ.

Великій Князь Николай Михаиловичъ. Московскій Некрополь. Т. II. (К—П). Спб. 1908 г.

Начавшееся такъ недавно изданіе „Московскаго Некрополя" (первый томъ вышелъ въ ноябрѣ прошедшаго года) уже близко къ окончанію. Нечего говорить о важномъ значеніи этого сборника, какъ цѣннаго пособія при занятіяхъ исторіей. Онъ интересенъ, кромѣ того, со стороны быта, наложившаго свою властную печать и на могилы. Какъ любопытны въ бытовомъ отношеніи всѣ эти

надписи и въ прозѣ, и въ стихахъ
О добродѣтеляхъ, о службѣ, о чинахъ...

Вотъ надпись на могилѣ генералъ-поручика, который „степенно достигъ до такого высокаго достоинства" и теперь „вопіетъ къ намъ, что смерть вездѣ съ нами, тысящію грозящая умерщвленьми", а рядомъ двѣ-три скромныя строчки отмѣчаютъ мѣсто упокоенія какой-то смиренной „провіантмейстерши". На могилѣ „помѣщицы Тираспольскаго уѣзда Херсонской губерніи" слезная надпись гласитъ, что она „пріѣхала изъ страны далекой къ маменькѣ одинокой", но „насталъ часъ роковой, что старушка осталась сиротой". О какомъ-то покойникѣ только и можно было сказать, что онъ „въ супружествѣ жилъ 36 лѣтъ 3 мѣс."; очевидно, ничего болѣе замѣчательнаго въ его жизни не случилось. Другая надпись проситъ Господа явить милость своей „благочестивой рабѣ, супругѣ дворянина, дщери дворянина". Всѣ подобныя мелкія черточки даютъ богатый матеріалъ для яркой бытовой картины, матеріалъ, прочно закрѣпленный монументальнымъ сборникомъ Августѣйшаго издателя.

I. Третякъ. Мицкевичъ и Пушкинъ. Статьи и эскизы. Варшава. 1906 г.

О книгѣ краковскаго профессора Третяка надо сказать нѣсколько словъ, потому что она, хотя и написана по-польски, войдетъ въ пушкиніану. Пушкину въ ней отведена большая часть; нашему поэту посвящены четыре статьи: „Молодость Пушкина", „Мицкевичъ и Пушкинъ какъ байронисты", „Слѣды вліянія Мицкевича въ поэзіи Пушкина" и „Пушкинъ и Россія". Первая статья представляетъ собою довольно связный, но малоинтересный пересказъ старыхъ и давно извѣстныхъ матеріаловъ; съ богатой пушкинской литературой и съ новооткрытыми источниками г. Третякъ вовсе не знакомъ. Гораздо лучше, хотя тоже ненова по взглядамъ, вторая статья—о байронизмѣ Пушкина и Мицкевича. „Слѣды вліянія Мицкевича въ поэзіи Пушкина" г. Третякъ наблюдаетъ по „Мѣдному Всаднику"; вліяніе это было чисто внѣшнее и выразилось въ небольшомъ заимствованіи образовъ при полной самостоятельности поэтической мысли Пушкина и глубокой разницѣ въ настроеніяхъ обоихъ поэтовъ. Можемъ замѣтить, что какъ Пушкинъ вліялъ на Мицкевича („Бахчисарайскій Фонтанъ"—„Крымскіе сонеты"), такъ и Мицкевичъ повліялъ на Пушкина, кромѣ „Мѣднаго Всадника", еще въ другихъ мѣстахъ; такъ, „Полтава" нашего поэта и „Гражина" Мицкевича оканчиваются почти одинаково. Книга г. Третяка не плоха, но и не талантлива; самаго главнаго, что можно требовать отъ критика, г. Третякъ не далъ. Пушкинъ натура слишкомъ богатая и сложная, чтобы можно было его образъ, причудливо-капризный, разнообразный, еле уловимый, замѣнить шаблонной фигурой либерала александровскаго царствованія. Странно истолковывать „священное безуміе", по которомъ тоскуетъ уставшая отъ обычныхъ путей воспріятія душа поэта въ „Не дай мнѣ Богъ сойти съ ума"..., произведеніи, полномъ оргіазма и вакхическаго подъема, какъ „безуміе поэта, который бы сталъ воспѣвать свободу въ Россіи" (стр. 281). Забавно читать это наивное сужденіе послѣ тѣхъ глубокихъ мыслей, которыя высказали по поводу этой пьесы наши поэты и критики—Д. С. Мережковскій и И. И. Коневской. Узенькая политическая тенденція особенно вредитъ г. Третяку, въ которомъ политикъ къ тому же еще слабѣе критика.

Л. Н.

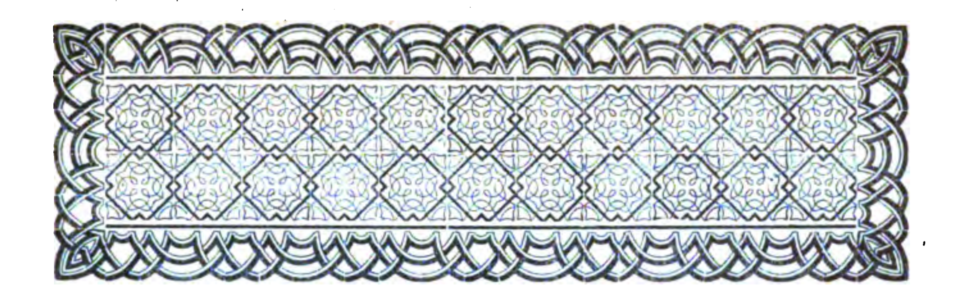
Прошлое Портъ-Артура. Воспоминанія до войны 1904 года. Д-тъ. С.-Пб. 1908 года.

Кто интересуется Д.-Восточнымъ вопросомъ и желаетъ его серіозно изучить, для того цѣннымъ подспорьемъ явится недавно вышедшая книга „Прошлое П.-Артура",—воспом. до войны 1904 г. Хотя авторъ ея и заявляетъ скромно (стр. 4), что „она—легкій штрихъ" въ этомъ вопросѣ, но на самомъ дѣлѣ этотъ штрихъ, слѣ-

Баронесса Ю. Менгденъ.

1719—1786.

Названный Димитрій

и

польскіе аріане.

ъ настоящей статьѣ мнѣ предстоитъ двоякая задача: я желаю познакомить читателей съ сношеніями, установившимися между Димитріемъ и польскими аріанами, а затѣмъ коснуться нѣкоторыхъ спорныхъ пунктовъ о томъ же самозванцѣ.

Въ началѣ XVII вѣка, положеніе аріанъ въ Польшѣ было уже довольно упрочено. Сплотившись въ одно цѣлое, они устроили особыя общины въ нѣкоторыхъ городахъ, часто возобновляли свои съѣзды, такъ называемые синоды, и дѣятельно распространяли свое антихристіанское ученіе. Къ несчастію, ихъ синодальные акты, гдѣ много говорилось, какъ сейчасъ окажется, о Димитріи, для насъ безвѣстно пропали. Около 1786-го года они еще имѣлись на-лицо, ими пользовался кенигсберскій профессоръ Фридрихъ-Самуилъ Бокъ при составленіи своего труда „*Bibliotheca Antitrinitariorum*", и изъ того, что онъ мимоходомъ передаетъ о Димитріи, можно заключить, какъ много новаго и важнаго находилось въ самыхъ актахъ.

Другія свѣдѣнія о самозванцѣ встрѣчаются у Валентина Шмальца, выдающагося аріанскаго богослова въ Польшѣ. Нѣмецъ по происхожденію, переселившись на чужбину, онъ сперва трудился по учебной части, а потомъ посвятилъ себя проповѣдничеству, и съ 1605 года до самой смерти въ 1622 году состоялъ проповѣдникомъ въ Раковѣ, главнѣйшемъ аріанскомъ центрѣ. Былъ онъ однимъ изъ составителей пресловутаго *Катихизиса польскихъ братьевъ*, постоянно объѣзжалъ раскинутыя повсюду общины, пользовался боль-

шимъ почетомъ и былъ обо всемъ хорошо освѣдомленъ. Единственно для себя онъ велъ дневникъ, который менѣе всего предназначался для публики, и появился въ печати не ранѣе ста лѣтъ по смерти автора. Его издалъ Zeltner, въ 1729 году, въ своемъ обширномъ сочиненіи: *Historia Crypto-Socinismi.*

На эти совершенно забытые первоисточники въ новѣйшее время впервые обратилъ вниманіе г. Merczynk въ замѣчательной статьѣ: *Aryanie polscy i Dymitr „Samozwaniec“*, и тѣмъ оказалъ историческој наукѣ не малую услугу [1]). Хотя количественно они содержатъ не многое, но все-таки они очень цѣнны, потому что исходятъ посредственно или непосредственно отъ современниковъ.

Изъ нихъ мы узнаемъ, что по прибытіи въ Польшу и передъ открытымъ выступленіемъ въ качествѣ царевича, Димитрій сблизился съ аріанскимъ проповѣдникомъ Матвѣемъ Твардохлѣбомъ, который и сдѣлался его руководителемъ и совѣтникомъ. Личность Твардохлѣба довольно загадочна. Полякъ ли онъ или русскій эмигрантъ, остается неизвѣстнымъ. Неизвѣстно также, гдѣ именно и при какихъ обстоятельствахъ онъ познакомился съ Димитріемъ. Весь этотъ періодъ первыхъ сношеній Твардохлѣба съ будущимъ московскимъ царемъ намѣренно хранился въ тайнѣ, и даже между собою аріане его какъ-то замалчивали [2]).

При такомъ руководителѣ понятно, какъ Димитрій попалъ въ Гощу, какъ онъ вступилъ въ сношенія съ Гавріиломъ Гойскимъ, основателемъ тамошней аріанской общины, съ которымъ впрочемъ онъ могъ сойтись еще въ Острогѣ, такъ какъ Гойскій былъ маршалкомъ князя Константина. Въ московскомъ архивѣ министерства юстиціи, въ новыхъ книгахъ Литовской Метрики сохранилось письмо князя Острожскаго къ Сигизмунду III, отъ 12-го іюня 1604 года, въ которомъ онъ испрашиваетъ аудіенцію для пана Гойскаго съ товарищемъ, по поводу государственнаго дѣла. Не будучи еще сенаторомъ, Гойскій не имѣлъ права непосредственно обращаться къ королю, а какой успѣхъ имѣло ходатайство князя Константина, мы не знаемъ. Однако позволительно, кажется, догадываться, что государственное дѣло касалось Димитрія.

На основаніи приведенныхъ данныхъ, хоть бы даже Димитрій

---

[1]) Статья напечатана въ варшавскомъ журналѣ *Przegląd Historyczny*, мартъ—апрѣль, 1907, стр. 170—180. По достоинству оцѣняя приводимыя авторомъ выдержки, я долженъ однако признаться, что не соглашаюсь съ нѣкоторыми изъ его выводовъ.

[2]) Arcana est inter ipsos Socinianos historia, quod Mattheus Twardochlebus amosissimum illum Pseudodemetrium... in Polonia... educaverit et ipsi adeo a consiliis intimis fuerit. (Бокъ стр. 979). Выдержка г. Merczynk.

участвовалъ въ еретическихъ богослуженіяхъ, врядъ-ли можно утверждать, что онъ формально принялъ аріанство и перешелъ въ эту секту. Но, что аріанское ученіе заронилось въ его разумъ и оставило въ немъ глубокіе слѣды, объ этомъ есть прямыя свидѣтельства современниковъ.

Велевицкій, пользовавшійся дневникомъ отца Савицкаго для своего сочиненія, утверждаетъ [1]), что къ Димитрію наѣхало не мало еретиковъ, особенно аріанъ, пока онъ гостилъ у князя Вишневецкаго, и что они старались переманить его на свою сторону и, такимъ образомъ, заручиться свободною дѣятельностью въ Москвѣ. Очевидно, Велевицкій ничего не знаетъ о Твардохлѣбѣ и начинаетъ свой разсказъ съ тѣхъ поръ, когда Димитрій публично заявилъ себя царевичемъ.

Тотъ же авторъ сообщаетъ намъ отзывъ Гродзицкаго и Савицкаго. 7-го апрѣля 1604-го года, въ Варшавѣ, когда Димитрій уже склонялся къ католичеству, оба іезуита обсуждали съ нимъ вѣроисповѣдные вопросы, и были поражены тѣмъ, что приводимыя имъ затрудненія истекали не только изъ православнаго, но также изъ аріанскаго ученія. Онъ особенно настаивалъ на происхожденіи Святаго Духа и на причащеніи sub utraque specie. При этомъ онъ легко могъ заблуждаться въ ученіи о Святой Троицѣ и внушать подозрѣніе, что придерживается аріанскаго, противутроичнаго взгляда. Впослѣдствіи, во время московскаго похода, отецъ Чижовскій, исполняющій должность полкового священника, писалъ своему начальнику, 15-го іюня 1605 года, что Димитрій проницательнаго ума, необыкновенной памяти, что онъ обладаетъ историческими свѣдѣніями и знакомъ съ Священнымъ Писаніемъ, особенно съ Новымъ Завѣтомъ. Такое направленіе, въ связи съ выраженными нѣкогда затрудненіями, намекаетъ также на то, что Димитрій проходилъ аріанскую школу, гдѣ Новый Завѣтъ предпочитался Ветхому [2]).

Между тѣмъ тайное присоединеніе Димитрія къ католической церкви и открытыя, близкія сношенія съ католическими семействами безъ сомнѣнія ослабляли его связи съ аріанами. Варшавскій нунцій Рангони и сендомирскій воевода Юрій Мнишекъ зорко слѣдили за нимъ и ничего предосудительнаго не могли допустить. Внѣшній разрывъ, по крайней мѣрѣ, долженъ былъ совершиться. При всѣхъ этихъ перемѣнахъ, трудно рѣшить, до какой степени Димитрій лично слѣдовалъ внутреннимъ убѣжденіямъ или даже порывамъ. Го-

---

[1]) *Historici diarii domus professae Societatis Jesu Cracoviensis..*, т. II, стр. 50, 56.

[2]) Неизданное письмо Чижовскаго находится въ моемъ собраніи.

раздо легче обозвать все это комедіей, какъ часто дѣлается, и такимъ путемъ избавиться отъ дальнѣйшихъ соображеній. Но кто бывалъ въ Польшѣ, кто лично наблюдалъ, какъ беззавѣтно русскіе поддаются обаянію окружающей ихъ среды, обаянію польской культуры и польскихъ женщинъ, тотъ пойметъ глубокую вѣрность гоголевскаго типа Андрія Бульба. А Димитрій, внезапно окруженный непривычнымъ для него блескомъ и увлекаясь Мариною, былъ своего рода Андрій.

Какъ бы то ни было, и какъ ни дѣйствовалъ Димитрій въ данныхъ обстоятельствахъ, аріане не упускали его изъ вида и не отказывались отъ своего предпріятія. И вотъ, вслѣдствіе вѣроятно синодальнаго рѣшенія, отправляется въ Москву, 7-го ноября 1605 г., аріанское посольство. Въ немъ участвовали Твардохлѣбъ, *Morscovius*, *Rostek* и *Lucsovius*. О дѣятельности его въ Москвѣ намъ ничего неизвѣстно. При тогдашнихъ обстоятельствахъ, не удивительно, если они окружали себя величайшею тайною. Есть однако очень знаменательное совпаденіе, которое невольно наводитъ на разныя соображенія. Въ теченіе февраля мѣсяца 1606-го года, Чижовскій очень встревожился по случаю духовнаго настроенія Димитрія, не потому, что онъ самъ наблюдалъ въ Москвѣ, а вслѣдствіе слуховъ, распространяемыхъ въ Польшѣ, и тревога Чижовскаго дошла до того, что онъ пожелалъ въ особой аудіенціи лично переговорить съ Димитріемъ. 16-го февраля, онъ такъ пишетъ объ этомъ своему начальнику въ Краковъ:

„Я испросилъ частную аудіенцію, потому что хотѣлъ кое-что частно сообщить Димитрію, особенно предупредить его о толкахъ анабаптистовъ въ Польшѣ, будто онъ не только одобряетъ ихъ секту, но даже ей покровительствуетъ [1]“. Врядъ ли однако же Чижовскому удалось откровенно высказаться. На аудіенціи присутствовали Станиславъ Бучинскій, объявленный протестантъ, и какой-то русскій, замѣнявшій князя Масальскаго, посланнаго въ Смоленскъ навстрѣчу Марины. При такихъ свидѣтеляхъ неловко было вдаваться въ церковные вопросы. Во всякомъ случаѣ, письмо ничего больше не содержитъ объ этомъ предметѣ. Заботы другого рода увлекали Димитрія. Онъ интересовался путешествіемъ Лавицкаго, посланнаго незадолго передъ тѣмъ въ Римъ съ важными порученіями для папы, и много о немъ разспрашивалъ.

18-го февраля, послѣдовала другая аудіенція, но уже совершенно тайная. Чижовскій даже переодѣвался, чтобы незамѣтно проникнуть во дворецъ. Московское духовенство уже возмущалось изъ-за

---

[1]) Ватиканскій архивъ, отдѣлъ Боргезе, 499. Тамъ же и слѣдующее письмо 20-го февраля.

брака съ Мариною. Носились слухи о боярскомъ заговорѣ. На сей разъ, Димитрій былъ чрезвычайно предупредителенъ, требовалъ немедленнаго пріѣзда начальника польскихъ іезуитовъ, Деція Стривери, одарилъ Чижовскаго драгоцѣнными иконами, наконецъ изъявилъ желаніе вскорѣ исповѣдываться. Но объ аріанскихъ проискахъ въ письмѣ 20-го февраля съ отчетомъ объ аудіенціи опять-таки ничего не находится.

Имѣло ли это посольство какой-либо успѣхъ? Если судить по раннему отъѣзду Твардохлѣба, то отрицательное предположеніе становится правдоподобнѣе. Онъ во-время удалился изъ Москвы и, такимъ образомъ, избѣжалъ ужасы кровавыхъ майскихъ событій. Слѣдуетъ однако замѣтить, что аріане придавали своему посольству огромное значеніе. Дошло до того, что раковскій синодъ 1630 года поручилъ Твардохлѣбу письменно изложить свое путешествіе. Послѣ него осталась дѣйствительно рукопись подъ заглавіемъ: *Itinerarium Moscoviticum*, въ настоящее время безслѣдно утраченная.

Въ этихъ скудныхъ извѣстіяхъ есть одно важное указаніе на національность Димитрія. Аріане, лично его знавшіе, постоянно выдаютъ его за москвича. Также отзываются іезуиты, бывшіе съ нимъ въ близкихъ сношеніяхъ. Наконецъ, собственноручное письмо Димитрія къ папѣ Клименту VIII, превосходно разобранное г. Бодуэномъ-де-Куртене и г. Пташицкимъ, служитъ неопровержимымъ, вещественнымъ доказательствомъ русскаго происхожденія самозванца. Если не ошибаюсь, этотъ вопросъ можно теперь считать окончательно рѣшеннымъ.

Къ сожалѣнію, ничего подобнаго нельзя утверждать на счетъ царскаго родства Димитрія. Въ этомъ отношеніи аріане колеблются: то признаютъ его истиннымъ царевичемъ, то обзываютъ его Лжедимитріемъ. И дѣйствительно, въ сохранившихся выдержкахъ аріанскихъ сочиненій нѣтъ никакого новаго, рѣшающаго доказательства въ пользу Димитрія. Такимъ, конечно, нельзя считать голословное, къ тому же перемѣнчивое наименованіе его царевичемъ. А что онъ формально не принялъ аріанскаго ученія или, по крайней мѣрѣ, впослѣдствіи отшатнулся отъ него, это подтверждается замѣткою Шмальца. Въ 1609-мъ году онъ записываетъ въ своемъ дневникѣ, что всѣ извѣстія о томъ, будто москвичъ Димитрій еще въ живыхъ, оказываются невѣрными, что самъ Богъ не допустилъ дальнѣйшаго существованія гордеца, отвергнувшаго признанную истину и возвышающагося надъ самою гордынею [1]).

---

[1]) Omnia, quae de Demetrio Moscho sparsa erant, quod scilicet in vivis esset, vana fuere. Noluit enim nimirum Deus, eum in vivis esse, qui agnitam veritatem tam superciliose respuebat et qui ipsissima superbia superior esse cupiebat. (Шмальцъ, стр. 1186).—Выдержка г. Merczynk.

Новѣйшимъ защитникомъ рожденія Димитрія отъ Ивана Грознаго явился г. Валишевскій въ своей интересной и картинно написанной книгѣ о Смутномъ Времени [1]). Не обошлось и безъ любезнаго упрека по моему адресу. Дѣйствительно, въ 1877 году, я склонялся къ мнѣнію, что Димитрій былъ истинный царевичъ, а въ 1901 году пытался отождествить его съ Отрепьевымъ. Это совершенно вѣрно. Но менѣе точно утверждать, будто въ данный промежутокъ времени поступилъ въ научный оборотъ только одинъ новый документъ. Ихъ нашлось гораздо больше. Съ упомянутыми годами совпадаютъ усиленныя и не совсѣмъ тщетныя разысканія въ римскихъ и русскихъ архивахъ. Кромѣ собственноручнаго письма Димитрія, на которое ссылается г. Валишевскій, открылась въ архивѣ Инквизиціи замѣчательная депеша нунція Рангони отъ 2-го іюля 1605-го года, вмѣстѣ съ документами о бракѣ Марины. У князя Бонкомпаньи оказалась на-лицо вся переписка нунція Симонетты, которой въ Ватиканѣ нѣтъ въ полномъ видѣ. Отыскался также дневникъ, отыскались новыя письма Лавицкаго, полкового священника въ войскѣ Димитрія. Изъ московскаго архива министерства юстиціи выступила на Божій свѣтъ переписка польскихъ сенаторовъ съ Сигизмундомъ III при появленіи самозванца. Далѣе я пользовался находками г. Шамбинаго, г. Щепкина и другихъ. Изученіе этого новаго матеріала и вызвало перемѣну моего мнѣнія.

Пожалуй, не лишне будетъ выяснить нѣкоторыя разногласія въ оцѣнкѣ старыхъ и новыхъ документовъ. Начну съ доклада князя Адама Вишневецкаго, предпославъ замѣчаніе юридическаго свойства. Такъ называемое onus probandi всецѣло лежало на Димитріи. Выступая царевичемъ, стремясь къ возвращенію себѣ прародительской власти, онъ неизбѣжно долженъ былъ обосновать свои требованія и оправдать свою личность. Такая попытка и была сдѣлана. Всѣмъ извѣстенъ докладъ князя Вишневецкаго, написанный со словъ Димитрія и представленный Сигизмунду III. Его впервые напечаталъ Новаковскій, пріурочивъ къ 1606 году, и не обозначая его происхожденія. Понятно, что историки относились къ нему крайне осторожно и, глубже вникая въ его содержаніе, порою ему не довѣряли, и даже сомнѣвались въ его подлинности.

Въ настоящее время такого рода сомнѣнія вполнѣ устраняются. Докладъ Вишневецкаго съ надлежащими разъясненіями нашелся въ Ватиканѣ при депешѣ варшавскаго нунція Рангони отъ 8-го ноября 1603-го года. Сравнивая его съ депешею того же Рангони отъ 2-го іюля 1605-го года, съ собственноручнымъ письмомъ Ди-

---

[1]) Les origines de la Russie moderne. La Crise révolutionnaire. (1584—1614).

митрія къ Клименту VIII, съ посланіями Сигизмунда III, съ отвѣтами на нихъ сенаторовъ, съ вопросными пунктами епископа плоцкаго Барановскаго [1]), становится очевиднымъ, что докладъ Вишневецкаго не есть навязанная Димитрію исторія. Онъ добровольно усвоилъ ее себѣ, и самъ разсказывалъ такимъ образомъ свои приключенія. Изъ сомнительнаго повѣствованія докладъ сдѣлался документомъ первостепенной важности. Пренебрегать имъ или относиться къ нему свысока теперь уже не позволительно.

И что же мы въ немъ находимъ? Легендарный оттѣнокъ, искусственные пріемы, замалчиванія, несообразности, неправдоподобности. Всѣ свидѣтели и участники умираютъ во-время, нѣтъ никакой поруки. Пребываніе въ монастыряхъ, перемѣщенія, странствованія обозначаются въ самыхъ неопредѣленныхъ словахъ съ видимымъ намѣреніемъ ускользнуть отъ провѣрки.

То же умышленное и осторожное молчаніе постоянно наблюдалъ и Димитрій. Сколько разъ ему представлялся случай убѣдить своихъ приверженцевъ въ своемъ царскомъ происхожденіи, но никакого откровенія онъ не сдѣлалъ. Двадцать лѣтъ тому назадъ можно было надѣяться,—и я льстилъ себя этой надеждой,—что рѣшеніе загадки найдется въ депешѣ, тогда еще неизвѣстной, нунція Рангони отъ 2-го іюля 1605-го года или въ коронаціонной рѣчи Димитрія, которую слышалъ Лавицкій. Надежды эти не оправдались.

Знакомство съ современными заграничными первоисточниками приводитъ насъ къ тому заключенію, что всѣ доказательства о родствѣ Димитрія съ Иваномъ Грознымъ сводятся къ докладу князя Вишневецкаго. Другихъ болѣе вѣскихъ доводовъ никто не зналъ, ни въ Польшѣ, ни въ Римѣ. Король и папа, кардиналы и сенаторы, правящіе и подданные, историки и поэты, всѣ сознательно или несознательно довольствуются докладомъ. Имъ пользовался и ему вторилъ самъ Димитрій. Но подозрительный составъ доклада невольно подсказываетъ предположеніе, что въ немъ не находится разоблаченія тайны, а произвольно вымышленная исторія. Въ защиту Димитрія допускается предположеніе, что онъ не могъ открыть истину, что, пожалуй, самъ ея не зналъ. Но такая уловка пуще самаго жестокаго обличенія.

Далѣе нельзя согласиться съ г. Валишевскимъ на счетъ мнѣнія Сигизмунда III-го, которому онъ не придаетъ большого значенія. Король находился при самомъ источникѣ непосредственныхъ извѣстій. Онъ могъ черпать ихъ изъ первыхъ рукъ. Польскіе добро-

---

[1]) Вопросные пункты Барановскаго напечаталъ въ „*Русской Старинѣ*“ г. Шамбинаго, 1902, т. V, стр. 316. Cf. т. VI, стр. 520.

желатели Димитрія окружали Сигизмунда, и для нихъ было полезно и важно убѣдить его въ законности московскаго предпріятія. Съ другой стороны, король сносился также съ русскими, сперва съ приверженцами, а потомъ съ врагами царевича. Ему было возможно провѣрить противуположные разсказы и сдѣлать окончательный выводъ. Такъ это и случилось. Въ 1608-мъ году, предпринимая походъ противъ Москвы, Сигизмундъ сообщилъ Павлу V обстоятельный отчетъ всѣхъ бывшихъ переговоровъ о Димитріи. Посланный въ Римъ нунціемъ Симонетта, 13-го декабря того же года, интересный отчетъ къ сожалѣнію какъ-то исчезъ изъ римскихъ архивовъ. Осталось только, въ письмѣ Сигизмунда къ папѣ отъ 3-го октября 1610-го года, заключительное и многовѣское слово: *impostor*. Можно ли въ данномъ случаѣ положиться на короля? Онъ обращался къ папѣ съ просьбой о денежной помощи для московскаго похода и, конечно, не рѣшился бы на грубый обманъ въ корыстныхъ цѣляхъ. Къ тому же самозванство Димитрія не могло задобрить папу и повліять на его рѣшеніе. Достойна наконецъ вниманія поразительная разность въ пріемахъ Сигизмунда. Онъ никогда не утверждалъ положительно въ перепискѣ съ папою, что Димитрій, сынъ Ивана Грознаго, но только передавалъ чужія мнѣнія, и самъ пользовался обстоятельствами, но въ упомянутомъ письмѣ онъ выражается твердо и рѣшительно. Это сознательный приговоръ.

Отмѣтимъ еще другое недоразумѣніе. Въ 1671-мъ году, Отрепьевы били челомъ царю Алексѣю Михайловичу о перемѣнѣ всѣмъ ненавистнаго имени. По словамъ г. Валишевскаго, это доказываетъ только то, „что счастливые преемники Димитрія“ успѣли распространить въ народѣ выгодное для нихъ мнѣніе. Другихъ соображеній мы не находимъ у г. Валишевскаго, вѣроятно потому, что онъ не былъ знакомъ ни съ подлиннымъ текстомъ прошенія Отрепьевыхъ, изданнымъ г. Щепкинымъ, ни съ тремя рѣчами литовскаго канцлера Льва Сапѣги, напечатанными г. Любавскимъ [1]). Изученіе этихъ памятниковъ приводитъ къ совершенно другому выводу.

Конечно, царскія и патріаршія грамоты могли имѣть огромное вліяніе на общественное мнѣніе и увѣрить народъ, что Димитрій былъ не кто иной, какъ самозванецъ Гришка Отрепьевъ, но никакія грамоты не были въ состояніи создать убѣжденія Отрепьевыхъ. Они добровольно высказываются и дѣлаютъ самыя тяжкія признанія. Вотъ, между прочимъ, что они пишутъ:

---

[1]) Е. В. Щепкинъ, „*Краткія Извѣстія о Лжедимитріи I*“, стр. 9.—Матвѣй Любавскій, „*Литовскій Канцлеръ Левъ Сапѣга о событіяхъ смутнаго времени*“, passim.

„Смирной Елизарьевъ, сынъ Отрепьевъ, посыланъ былъ въ Литву на обличеніе врага и отступника православные вѣры ростриги Гришки Отрепьева, и на Москвѣ онъ, Смирной, съ сродники нашими всенародне его проклятаго вора обличалъ, и не терпя онъ отъ сродникъ обличенія Смирново-Отрепьева и отца моего Ѳедькина и родителей нашихъ многихъ за обличеніе мучилъ и сослалъ въ ссылку въ сибирскіе городы врознь, а домы, государь, родителей нашихъ разорены отъ него были до конца и были они родители наши холопей твоихъ въ ссылкѣ въ сибирскихъ городѣхъ два годы, всякую ссылушную нужду отъ него вора за обличеніе терпѣли. И какъ, государь, воцарился на московское государство блаженные памяти государь царь и в. кн. Василій Ивановичъ... велѣлъ ихъ изъ ссылки свободить... И служа тебѣ, великому государю, мы, холопи твои, вѣрно со всякимъ усердіемъ отъ всѣхъ людей принимаемъ поносъ и укоризну больше 60-ти лѣтъ внапрасне за наше прозвище, для воровства ростриги Гришки Отрепьева... Вели, государь, намъ, холопемъ твоимъ, писаться инымъ прозвищемъ, какъ тебѣ, великому государю, объ насъ Богъ извѣститъ, чтобъ его воровское Гришки Отрепьева ростриги проклятое имя въ народѣ россійскаго государства, и прозвище впредь не вспоминалось, а намъ, холопемъ твоимъ, впредь кто по насъ роду нашего будетъ отъ того проклятаго Гришкина воровства поносу и укоризны не было. Царь, государь, смилуйся, пожалуй“...

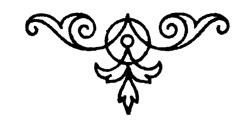
Такъ умоляли царя несчастные Отрепьевы. Ихъ просьба была уважена. Они стали называться Нелидовыми. Необходимо сопоставить ихъ прошеніе съ заявленіями литовскаго канцлера, Льва Сапѣги, на варшавскомъ сеймѣ 1611-го года. Сапѣга лично велъ переговоры съ Смирнымъ-Отрепьевымъ, посланнымъ въ Варшаву, въ 1605-мъ году, для обличенія племянника своего, Гришки, и требовавшаго очной ставки, въ которой ему отказали на-отрѣзъ. Съ тѣхъ поръ, какъ впрочемъ и раньше, Сапѣга неустанно слѣдилъ за Димитріемъ и за московскими событіями. Такъ онъ узналъ, что, овладѣвъ престоломъ, самозванный царь лишилъ своихъ родичей имущества, и сослалъ ихъ въ отдаленные города.

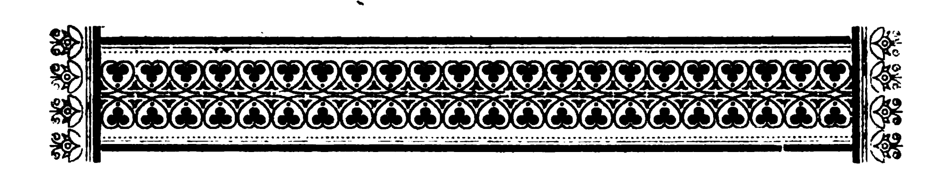
Это совпаденіе показаній литовскаго канцлера и Отрепьевыхъ чрезвычайно важно. Одно показаніе исходитъ изъ Варшавы въ 1611-мъ году, другое изъ Москвы, 60 лѣтъ спустя, въ 1671-мъ г. Независимость второго отъ перваго не подлежитъ сомнѣнію. Отрепьевы не заглядывали въ сеймовые акты, руководились семейными преданіями, личными наблюденіями и опытомъ. У литовскаго канцлера были шпіоны и доносчики. Его увѣдомляли пограничные воеводы, а въ Москву посылались особые развѣдчики. И такъ,

источники показаній совершенно разнородные и ничего общаго между собою не имѣютъ, а содержаніе сообщаемыхъ свѣдѣній тождественно. Значитъ, прошеніе Отрепьевыхъ не боится провѣрки. Оно находится въ московскомъ архивѣ министерства юстиціи. Пожалуй, тамъ еще укрываются другіе акты о ссылкѣ или помилованіи того же семейства. Стоило бы поискать.

Въ заключеніе напомню когда-то уже приведенное замѣчаніе на счетъ *Извѣта Варлаама*. Русскіе люди, слѣдившіе за событіями, знали и увѣряли, что Гришка Отрепьевъ былъ въ Острогѣ, Гощѣ и Брагимѣ. Самъ Димитрій сознавался, что гостилъ въ этихъ трехъ мѣстностяхъ. Но польскіе и русскіе источники утверждаютъ, что бывшій въ Острогѣ, Гощѣ и Брагимѣ выступилъ царевичемъ Димитріемъ. Не слѣдуетъ ли изъ этого, что царевичъ Димитрій былъ Гришка Отрепьевъ?

Пирлингъ.

Свѣтлая личность западнорусскаго прошлаго.

(Къ 300-лѣтней годовщинѣ смерти князя Константина Острожскаго).

Въ разныхъ теченіяхъ исторической жизни Западной Россіи свѣтлымъ явленіемъ проходитъ стремленіе народной массы отстоять и сохранить тѣ вѣковыя преданія, которыми обусловливается прочность племенного самосознанія, наличность идеаловъ, бережно хранимыхъ народной поэзіей, религіозными вѣрованіями, всѣмъ складомъ народной психики. Эта теплая вѣра, поддерживавшая въ теченіе вѣковъ свѣточъ народности въ самыя тяжелыя минуты исторической жизни, одушевила не только темныя массы, но и лучшихъ людей страны. Послѣдніе вносили въ живое дѣло развитія народности элементы личнаго почина, умудреннаго жизненнымъ опытомъ, пытливость ума, ищущаго новыхъ путей, свѣтлыя преданія народности, воспитанныя вліяніемъ всей предшествовавшей духовной культуры.

Память одного изъ этихъ дѣятелей празднуетъ въ настоящемъ году Западная Русь.

Имя Константина Острожскаго связано съ наиболѣе драматическимъ событіемъ въ жизни западнорусскаго народа, началомъ борьбы съ уніей, печальнымъ явленіемъ исторической жизни, расколовшимъ дотолѣ единую цѣльную народную массу на два враждебныхъ стана, вызвавшимъ кровавое зарево казацкихъ войнъ, подточившимъ, въ концѣ-концовъ, жизненныя силы Рѣчи Посполитой.

Эта борьба за сохраненіе народности, ведомая съ энтузіазмомъ идейныхъ людей, съ мощною энергіей устойчивыхъ народныхъ массъ, является едва ли не самою свѣтлою страницею нашей мѣстной исторіи. Она показала воочію, что и глухая, отдаленная окраина тѣсно связана узами общей культуры со старымъ Кіевомъ, съ Москвою, съ отдаленнымъ ломоносовскимъ сѣверомъ.

Въ горнилѣ вѣковыхъ испытаній окрѣпла народная вѣра, пробудилась дремавшая на лонѣ патріархальнаго быта народная мысль, загорѣлось тихое и робкое чувство забитаго бѣлорусса.

Краеугольнымъ концемъ этого святого дѣла народности было изданіе Острожской библіи.

Исторія сохранила намъ слѣды почтенной работы сподвижниковъ стараго князя Острожскаго, имѣвшей первостепенную важность не только для западнорусской, но и для общерусской образованности. Греческіе, сербскіе, болгарскіе ученые, отдаленная Кандія, Москва и константинопольскій патріаршій престолъ были привлечены къ этой важной работѣ. Несмотря на неизбѣжныя несовершенства, тѣмъ болѣе извинительныя при отсутствіи ученыхъ богослововъ и разсадниковъ богословской науки, этотъ трудъ является краеугольнымъ камнемъ духовнаго движенія, охватившаго сѣверозападную и югозападную Россіи. Великій подвигъ Кирилла и Меѳодія былъ повторенъ Константиномъ Острожскимъ много сотенъ лѣтъ послѣ кончины славянскихъ первоучителей. Этимъ трудомъ пролагался путь дальнѣйшему движенію религіозной мысли, принесшему богатые плоды въ дѣятельности митрополита Петра Могилы, основанной имъ академіи, перваго разсадника русской образованности, въ проповѣднической и полемической литературѣ. Черезъ Петра Могилу, Епифанія Славинецкаго, Симеона Полоцкаго, Сильвестра Медвѣдева связывается честный подвигъ стараго бойца за западнорусское народное дѣло съ иными болѣе широкими теченіями русской общественной мысли.

Напитанные духомъ школы Петра Могилы западнорусскіе іерархи сослужили добрую службу дѣлу Петровской реформы. Имя наиболѣе даровитаго изъ нихъ Ѳеофана Прокоповича стало лозунгомъ и русской богословской науки и церковно-общественной образованности. Другъ Петра В., Кантемира, ученыхъ нѣмцевъ, Прокоповичъ незыблемо установилъ начала просвѣщенія и среди духовенства и въ народной массѣ, поддерживая въ трудные годы русскаго культурнаго безвременья завѣты своего царственнаго друга и покровителя.

Задолго до Ломоносова Константинъ Острожскій понялъ, какія силы таятся въ народной душѣ, угадалъ тѣ пути, по которымъ эта пробужденная душа можетъ идти туда, гдѣ „сіяетъ свѣтлой мысли эмпирей“, подслушалъ любящимъ народъ сердцемъ тѣ скорби и обиды, которыя тронули суровое сердце Петра и любящую душу Екатерины, уразумѣлъ величіе народнаго дѣла, завершившагося полтора вѣка спустя добрымъ подвигомъ Іосифа Сѣмашко.

Не одна „горячая милость князя до церкви Божіей“, не одни

посланцы и письмены Константинопольскаго патріарха, поддерживали мощный духъ западнорусскаго Константина; его питала та основа народности, которую въ наше время Левъ Толстой раскрылъ въ чудныхъ художественныхъ полотнахъ: „Войны и мира“ и „Анны Карениной“.

Сто семьдесятъ пять лѣтъ отдѣляетъ кончину Константина Острожскаго отъ смерти другого убѣжденнаго бойца за славянство и народность—Троцновскаго героя Яна Жижки. Испытанный воинъ, бившійся съ нѣмцами въ рядяхъ польско-русскаго войска подъ Грюнвальденомъ, онъ нанесъ тяжелые удары иноземному владычеству въ славную для Чехіи годину культурной и военной мощи. Но между Жижкой, принимавшимъ участіе въ Грюнвальденскомъ бою, и убѣжденнымъ вождемъ гусситовъ, поднявшимъ мечъ за святую чашу и народное право, лежитъ цѣлая пропасть. Въ своихъ бояхъ старый вождь таборитовъ искалъ не одной военной славы; онъ стремился къ освобожденію народной мысли и совѣсти, утвержденію народной вѣры и народнаго права. Не одни Прокопы дали побѣду гусситамъ; ее дали пламенныя проповѣди Яна Гуса, твердость Іеронима Пражскаго, свѣтлыя мысли Милича, тонкій умъ Славянскаго Безы—Рокицаны. Родство низшихъ слоевъ славянства, такъ тонко подмѣченное Полоцкимъ, конечно оказывало свое вліяніе и въ то отдаленное время, когда жилъ Константинъ Острожскій. Въ этихъ устояхъ народной жизни нашелъ старый князь силу для другой, столь же энергичной, менѣе славной по успѣхамъ, но болѣе плодотворной по дальнѣйшимъ слѣдствіямъ борьбы. Глубоко трогательна та страница, которую сохранила для насъ исторія, страница, рисующая намъ твердую вѣру, доброе упорство и смѣлость стараго князя, оставшагося единственнымъ защитникомъ своего народа въ годину поголовной измѣны ему древнихъ княжескихъ и дворянскихъ родовъ. Онъ бросилъ питомцу іезуитовъ Сигизмунду III слова, которыя и теперь могутъ привести въ умиленіе историка своей трезвой правдою и горячимъ сочувствіемъ угнетеннымъ народнымъ массамъ, слова, въ которыхъ громко говорило историческое и народное право, которыя оказались пророческими для самаго существованія Рѣчи Посполитой.

Сильно звучитъ эта рѣчь стараго князя своему королю. „Не хочешь насъ въ православной вѣрѣ нашей держать при правахъ нашихъ, на мѣсто отступниковъ епископовъ другихъ дать, позволяешь этимъ отсупникамъ насилія дѣлать и проливать кровь тѣхъ, которые не хотятъ идти съ ними въ отступничество, грабить ихъ, изъ имѣній выгонять. За вѣру православную наступаешь на права наши, ломаешь вольности наши и, наконецъ, на совѣсть нашу посягаешь,

этимъ присягу свою ломаешь... Видя смерть передъ глазами, напоминаю вашей королевской милости: остерегитесь“.

Но дышавшія пророчествомъ будущаго разгрома Рѣчи Посполитой слова стараго князя не образумили Сигизмунда. Старый князь, бившійся за литовское дѣло на берегахъ Ведроши, не хотѣлъ нарушать присяги поправшему народныя права королю; онъ вѣрилъ въ силы народа, въ его духовное обновленіе, для котораго онъ такъ много сдѣлалъ.

Такимъ же высокимъ паѳосомъ убѣжденнаго защитника народныхъ правъ проникнуто и знаменитое сильное окружное посланіе князя 1595 г., наканунѣ объявленія уніи. Это истинная защита народныхъ правъ, проповѣдь вѣротерпимости, призывъ къ миру, законности и справедливости. Здѣсь говоритъ не жалостными и безсильными словами депутатъ Лаврентій Древинскій; здѣсь слышенъ голосъ поборника народныхъ правъ, понимавшаго, какая опасность грозитъ западно и южно-русскому народу отъ гнета чужой національности.

Въ длинномъ рядѣ актовъ и горячихъ страницъ историческаго протеста не скоро сыщется такое мѣсто, какое представляетъ эта убѣжденная, дышащая вѣрою въ свой народъ и его право рѣчь.

Острожскій хорошо понималъ, какой острый тернъ вонзается въ народное тѣло, какими пагубными послѣдствіями вѣковой непримиримой вражды ознаменуется эта хитрая историческая интрига, прославленная именемъ церковной уніи.

Благоразумный предостерегающій голосъ стараго князя неумолчно раздавался въ это смутное время. Острожскій старался разъяснить истинное положеніе дѣлъ тѣмъ іерархамъ, которые были призваны вести свой народъ по пути духовнаго развитія и оказались предателями нарднаго дѣла. Его письмо къ Поцѣю отъ 21 іюня 1593 г. живыми красками обрисовываетъ состояніе духовной жизни въ Западной и Южной Россіи. Эта яркая бытовая и историческая картина, показывающая намъ значительный уровень общественнаго самосознанія, котораго достигла въ то время Западная Русь.

Старый князь былъ убѣжденнымъ сторонникомъ духовнаго развитія своего племени; послѣ Владиміра Мономаха мы едва ли можемъ указать въ исторіи русскаго Юга такую личность, которая могла бы стать на ряду съ Острожскимъ. За нимъ было не только преимущество идущаго впередъ времени, за нимъ было и преимущество широко развитаго племенного самозознанія.

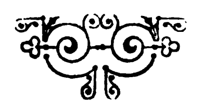
Послѣдніе годы жизни стараго князя были посвящены той же неустанной дѣятельности на пользу родины. Въ ней находилъ Острожскій отраду отъ семейныхъ невзгодъ, которыя поражали его

любящее, благородное сердце. Смерть младшаго сына и измѣна завѣтамъ предковъ старшаго Януша, разрушавшаго дѣло, которому служилъ всю жизнь его отецъ, не могла не отравлять послѣднихъ годовъ, этой полной дѣятельности, любви къ народу и сознаній высокихъ цѣлей жизни.

У наиболѣе авторитетныхъ историковъ личность Константина Острожскаго изображается чертами высоко привлекательными, и заслуги его въ исторіи культурнаго развитія русскаго юга стоятъ внѣ сомнѣнія. Исключеніе представляетъ одинъ измѣнчивый въ своихъ историческихъ взглядахъ Кулишъ, крайній субъективизмъ котораго уничтожаетъ силу его доводовъ, направленныхъ къ умаленію значенія этого виднаго поборника религіозныхъ правъ западно-русскаго племени. Историческая преемственность событій много способствуетъ правильному выясненію заслугъ Константина Острожскаго. Старый князь своими богословскими изданіями, своими смѣлыми посланіями и рѣчами, своею настойчивою защитою исконныхъ правъ родного народа положилъ первый конецъ въ томъ дѣлѣ, наиболѣе видными поборниками, котораго явились и Богданъ Хмѣльницкій, и Тарасъ Шевченко, и Іосифъ Семашко.

Все это уроженцы русскаго юга, настойчивые и убѣжденные люди, вышедшіе изъ слоевъ, близкихъ къ народу. Старый князь является первымъ провозвѣстникомъ народной правды, и въ этомъ его крупная историческая заслуга.

Адр. Круковскій.

Крупное пожертвованіе по случаю необычайной радости.

Однажды въ началѣ 70-хъ годовъ Государь Императоръ Александръ Николаевичъ, по окончаніи майскаго парада замѣтилъ стоявшаго возлѣ своей свиты почтеннаго старца, въ свѣтло-синей Николаевской шинели и въ шапкѣ (что-то среднее между фуражкой и кепи) изъ верблюжьяго сукна съ такимъ же козырькомъ.

Къ удивленію свиты, Государь направилъ къ нему своего коня.

— Здравствуй Казадаевъ!

Старецъ снялъ свой оригинальный головной уборъ, сконфузился и, ничего не отвѣчая, учащенно кланялся головой на манеръ китайской фарфоровой фигуры.

— Какъ поживаешь, здоровъ ли?—спросилъ Государь ласково.

— Здравье ничего Ваше Императорское Величество,—залепеталъ старикъ,—усерднѣйше благодарю, а вотъ... мостовыя одолѣли...

— Какъ одолѣли? что это значитъ?

— Два дома въ городѣ у меня... вымостилъ улицу около нихъ, а черезъ мѣсяцъ опять полиція указываетъ,—размостилась, мости снова...

Государь разсмѣялся.

— Ну, я скажу Трепову, чтобы онъ тебя поберегъ или даже избавилъ отъ этого; будь только здоровъ—и Государь подалъ ему руку.

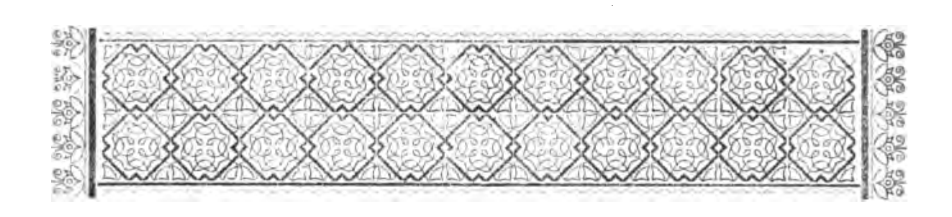
Старикъ этотъ былъ, нежданно уволенный изъ началъ. кавал. дивизіи въ отставку въ числѣ шестидесяти четырехъ человѣкъ въ 1856-мъ году, вскорѣ по вступленіи Государя на престолъ,—генералъ-маіоръ Петръ Александровичъ Казадаевъ, когда-то лихой блестящій гвардейскій офицеръ—красавецъ, танцоръ и сердцеѣдъ. Онъ былъ очень богатъ; между прочимъ, ему принадлежали на Шпалерной ул. два дома рядомъ съ технич. арт. школой (нынѣ дома Полубояриновой подъ № 26).

Возвратясь домой внѣ себя отъ радости и восторга, старикъ, въ тотъ же день, написалъ Царскосельскому предводителю дворянства Платонову письмо, въ которомъ кратко извѣстилъ, что на учрежденіе нѣсколькихъ стипендій въ Царскосельской гимназіи жертвуетъ изъ своихъ средствъ 100 тыс. рублей, при чемъ проситъ указать, какимъ порядкомъ и куда ихъ передать.—

Капиталъ этотъ былъ вскорѣ внесенъ. Что-то не вспоминается точно, но въ аналахъ гимназіи можно усмотрѣть—проценты съ „Казадаевскаго капитала“, были пожертвованы на учрежденіе стипендій покойнаго Цесаревича Николая Александровича или же стипендій Великаго князя Николая Александровича, нынѣ благополучно царствующаго Государя Императора? Петръ Александровичъ Казадаевъ скончался въ 1885 году на 86-мъ году жизни; до конца дней своихъ онъ остался бодрымъ и интересовался общественной жизнью.—

Сообщ. А. Е. К.

1908 г., января 6-го.
Г. Уфа.

Изъ прошлаго [1]).

Въ Болгаріи.

(Воспоминанія офицера генеральнаго штаба).

Глава XIII.

Пребываніе князя въ Москвѣ и Петербургѣ.—Взрывъ въ Зимнемъ дворцѣ 5-го февраля 1880 года.—Рѣшеніе меня отозвать.—Телеграммы и письма полковника Тимлера.—Н. К. Гирсъ.—Письмо епископа Климента съ телеграммой Стоилова.—Пріѣздъ князя.—Мое увольненіе и отъѣздъ изъ Болгаріи.

Въ дорогѣ князь не очень торопился. Покинувъ Софію 2-го или 3-го января и направившись черезъ Румынію, онъ прожилъ до 29-го января въ Бухарестѣ, 1-го февраля прибылъ въ Москву и только 3-го выѣхалъ въ Петербургъ. Время въ Москвѣ было проведено съ пользою; князь видѣлся съ И. С. Аксаковымъ и обворожилъ его. Мнѣ приходилось уже не разъ говорить о томъ, что когда князь Александръ хотѣлъ, онъ могъ обворожить своего собесѣдника; много помогала внѣшность, безусловно привлекательная, и умѣнье представиться искреннимъ. Вдобавокъ, не лишенное трагизма, его положеніе въ виду царствовавшей въ Болгаріи неурядицы. Въ слушателѣ своемъ князь нашелъ благодарную почву. Великій славянофилъ, человѣкъ души, а не суровой дѣйствительности, Иванъ Сергѣевичъ Аксаковъ былъ отъявленнымъ врагомъ парламентаризма, гдѣ бы онъ ни примѣнялся. Убѣжденный монархистъ, пламенный сторонникъ самодержавія *въ Россіи*, для которой онъ признавалъ однако необходимымъ совѣщательный Земскій Соборъ, Аксаковъ прилагалъ эту же мѣрку и къ Болгаріи, въ увлеченіи своемъ забывая, что самодер-

---

[1]) См. „Русскую Старину“, февраль 1908 года.

жавіе въ Болгаріи не имѣло ни историческихъ основъ, ни давности, ни преемственности. Въ увлеченіи своемъ, почтенный Иванъ Сергѣевичъ позабылъ, что Императоръ Всероссійскій, самъ по себѣ, прежде чѣмъ быть Царемъ—уже русскій, и ничто русское ему не чуждо. Не то было въ Болгаріи. Пришелецъ, не связанный съ олгаріей ни рожденіемъ, ни религіей, ни воспитаніемъ, игрою судьбы только „посаженный на княженіе", безъ всякой подготовки и знаній, окруженный или бездарностями, не лишенными однако честолюбивыхъ стремленій къ власти, или же врагами славянства,—князь Александръ, не будучи въ этомъ, конечно, виновенъ, не понималъ ни славянства, ни Болгаріи, ни Россіи; все это было для него чуждо: terra incognita. Онъ зналъ только одно: свое право „княжити", право ему дарованное и только въ силу этого дара существовавшее и, другое право, имъ желаемое—„пра́вити". Князь обошелъ Аксакова, который съ тѣхъ поръ сталъ еще болѣе нападать на болгарскіе порядки. Онъ, въ увлеченіи своемъ, дошелъ до того, что черезъ годъ, во время созванія въ апрѣлѣ 1881 года Великаго Народнаго Собранія, предшествовавшаго Систовскому перевороту, писалъ въ „Руси".

„Не знаемъ чѣмъ кончится кризисъ, и что рѣшитъ Великое Народное Собраніе, созываемое княземъ. Самымъ мудрымъ рѣшеніемъ представляется намъ упраздненіе, хотя бы временное, лѣтъ пока на пять или даже десять, существующей формы правленія, основанной на парламентскомъ большинствѣ и ограниченія правъ собранія только совѣщательнымъ, но конечно вполнѣ свободнымъ, независимымъ голосомъ. Такой добровольный опытъ показалъ бы, по окончаніи срока, какой образъ государственнаго существованія наиболѣе приличенъ Болгаріи и лучше предохраняетъ страну отъ того министерскаго деспотизма, отъ котораго такъ изстрадался народъ".

Прекрасное теоретическое разсужденіе, въ которомъ однако нѣтъ главнаго, самаго главнаго: а кто же будетъ тотъ верховный судья, который, по истеченіи 5 или даже 10 лѣтъ, скажетъ, что „добровольный опытъ" не удался, и что надо перейти къ другому порядку—и какому? Отъ кого узнаетъ правитель, что взятыя имъ на себя полномочія не привели къ благимъ результатамъ, что ему надо отъ нихъ отречься; кто это ему скажетъ? Не скажутъ же этого министры, имъ избираемые, отъ него зависящіе, подъ его покровомъ правящіе и благоденствующіе? Да если бы и нашлись голоса, дерзнувшіе высказаться въ такомъ смыслѣ, то будетъ ли ихъ голосъ настолько авторитетенъ, чтобы его послушались? Можно было бы, конечно, опять созвать Великое Народное Собраніе для обсужденія этого вопроса, но тогда пришли бы къ тому же „парламентскому большинству", противъ котораго ратовалъ Иванъ Сергѣевичъ.

Съ легкой руки Аксакова и нѣкоторыя другія московскія газеты пѣли ту же пѣсню.

Привѣтствуя прибытіе болгарскаго князя въ первопрестольную столицу, „Московскія Вѣдомости" выражали сожалѣніе, что Россія не удовольствовалась избавленіемъ Болгаріи, а взяла на себя задачу устраивать освобожденную страну по чужому шаблону. Такого же тона держались и „С.-Петербургскія Вѣдомости", которыя, признавая прибытіе князя Александра въ Петербургъ событіемъ „весьма пріятнымъ", заявляли, что:

„Сближеніе болгарскаго князя съ Россійскимъ Императорскимъ дворомъ дастъ Болгаріи ту опору, безъ которой самостоятельная, народная жизнь ея немыслима въ дѣлахъ внѣшней и внутренней политики. Ни Вѣна, ни Берлинъ не дадутъ Болгарскому князю то спокойствіе и увѣренность за будущее своей страны, своего правительства и династіи, безъ которыхъ власть представляется и является безцѣльнымъ и тяжелымъ испытаніемъ для облеченнаго ею. Въ данное время князю Александру особенно полезно присмотрѣться къ русскимъ порядкамъ, чтобы окончательно убѣдиться въ странной аномаліи политическаго устройства Болгаріи на началахъ, совершенно иныхъ, нежели устроена Россіи, несмотря на то, что сами же русскіе устраивали образъ правленія во вновь образованномъ государствѣ".

Статья эта очень странная: начата за здравіе, а кончена за упокой. Соглашаясь съ тѣмъ, что ни Вѣна, ни Берлинъ не дали бы князю той *безкорыстной* опоры, которую могла дать Россія, я не могу присоединиться къ совѣту князю „присмотрѣться къ русскимъ порядкамъ" того времени, такъ какъ не далѣе какъ черезъ нѣсколько дней произошелъ взрывъ въ Зимнемъ Дворцѣ, усовершенствованное продолженіе прежнихъ покушеній и предшественникъ ужаснаго 1-го марта 1881 года.

„Московскимъ Вѣдомостямъ" отвѣчала Московская же „Молва" и Петербургское „Новое Время". Первая закончила свою статью такъ:

„... намъ кажется, мы вѣрнѣе „Московскихъ Вѣдомостей" выразимъ привѣтствіе русскаго народа князю Александру І-му, если скажемъ ему, подражая словамъ покойнаго Императора Николая Павловича: „Будьте вѣрны „хартіи" ради достоинства власти и ради избравшей васъ страны".

а „Новое Время" довольно язвительно замѣтило по адресу „Московскихъ Вѣдомостей", что:

„...не приходится упрекать Россію за то, что она не ограничилась черною работою—изгнаніемъ азіатской орды изъ славянской страны и дерзнула положить въ ней начала новаго строя жизни. Пруссіи, напримѣръ, сподручно давать учрежденія государствамъ Германскаго Союза, а Россія „не созрѣла"? Изношенная донельзя теорія, что Россія можетъ освобождать, благодаря своему могуществу, а давать учрежденія освобождаемой странѣ ей не приличествуетъ (хотя эта страна только что вышла изъ-подъ четырехсотлѣтняго рабства и была лишена всякой гражданской организаціи).

Изо дня въ день намъ проповѣдовала эту теорію заграничная печать и не разъ также обращались съ нею къ намъ западные дипломаты въ продолженіе прошлой войны; да и у насъ либеральныя газеты бормотали что-то въ этомъ родѣ. Охота „Московскимъ Вѣдомостямъ" повторять зады".

Пока князь ѣхалъ въ Россію и проводилъ первое время своего прибытія, весело, въ Петербургѣ, у насъ въ Болгаріи было объявлены выборы въ новое очередное Народное Собраніе; агитація шла во всю, и было уже много признаковъ, что новый составъ Собранія будетъ не менѣе оппозиціонный, чѣмъ первый. Епископъ Климентъ держалъ себя прекрасно; новый министръ внутреннихъ дѣлъ, Икономовъ, былъ усердный работникъ, но всѣ понимали, что это министерство только временное. Мои отношенія съ коллегами были хороши, съ епископомъ Климентомъ и дружественны. Въ войско пріѣхало много отличныхъ офицеровъ, выписанныхъ мною изъ Россіи, благодаря которымъ работа шла хотя и не видимая для публики, но твердая и усиленная. Поведеніе офицеровъ не оставляло желать ничего лучшаго, послѣ удаленія нѣсколькихъ, наиболѣе строптивыхъ. Извѣстій изъ Петербурга не было, и это меня нѣсколько удивляло.

Потрясло насъ всѣхъ злодѣйское покушеніе 5-го февраля—взрывъ въ Зимнемъ Дворцѣ, но я никакъ не ожидалъ, что это событіе будетъ имѣть связь съ моей судьбой.

Для секретныхъ сношеній моихъ съ полковникомъ Тимлеромъ у насъ былъ свой собственный, не правительственный, телеграфный шифръ: и вотъ, 20-го февраля, я получилъ отъ него слѣдующую шифрованную телеграмму,

1) „Будешь отозванъ. Милютинъ уступилъ князю. Выхожу въ отставку, но пріѣду сдать дѣла. Старайся, чтобы другіе не покидали службу, а то могутъ повредить твоей карьерѣ. Пишу подробно". Timler.

2) 22-го февраля отъ него же, тоже шифромъ. „Ни подъ какимъ предлогомъ самъ не подавай въ отставку. Общій совѣтъ. Хлопочу о твоемъ назначеніи Россіи".

На послѣднюю телеграмму я отвѣчалъ, тоже шифромъ, 25-го февраля.

„Обѣ телеграммы разобралъ. Совершенно спокоенъ, давно приготовленъ. Употреблю всѣ усилія удержать подчиненныхъ отъ ухода, но не ручаюсь, что, впослѣдствіи, постепенно многіе уйдутъ. Буду ждать не предпринимая самъ ничего".

27-го февраля, отъ Тимлера.

„Отставки ни зачто не подавай. Воздержись". (Далѣе шифръ былъ переврань, и конецъ телеграммы не разобранъ).

Затѣмъ началъ получать и письма; привожу нѣкоторыя, которыя сохранились.

25-го февраля, отъ Тимлера.

„Долго не хотѣлось писать тебѣ, не имѣя ничего радостнаго для сообщенія. Дорогой отношенія князя (ко мнѣ) казались подозрительными, а вскорѣ по пріѣздѣ въ Питеръ у меня былъ разговоръ съ нимъ, при чемъ онъ хотѣлъ узнать, что извѣстно Милютину и что нѣтъ. „Je voudrais toucher les questions qu'on connaît, car il vaut mieux laver le linge sale en famille“ [1]). Я ему отвѣчалъ уклончиво. Затѣмъ, въ одинъ прекрасный день, онъ отправился къ военному министру съ челобитной на тебя, а на другой день я былъ у Милютина относительно вооруженія войска. Покончивъ съ этимъ вопросомъ, я прямо спросилъ Димитрія Алексѣевича, каково положеніе генерала Паренсова, на что получилъ отвѣтъ. „Князь мнѣ такія вещи говорилъ про г. Паренсова, что если вѣрить и половинѣ, то оставаться ему неудобно“. На просьбу мою сказать, что именно, сообщилъ: „князь, между прочимъ, говорилъ, что г. Паренсовъ распускалъ про него разные слухи, т. е. о сказанномъ будто бы княземъ, въ чемъ послѣдній его неоднократно уличалъ“. Послѣ этихъ словъ я высказалъ Милютину всю суть, не стѣсняясь, и онъ во многомъ, повидимому, согласился. На другой день у него былъ Шепелевъ и хлопоталъ, чтобы тебя не иначе отзывали, какъ давши назначеніе въ Россіи. Затѣмъ являлся я къ вел. князю Николаю Николаевичу, съ которымъ, по моей просьбѣ, Тутолминъ говорилъ о тебѣ, послѣ того, какъ князь Болгарскій жаловался на тебя князю Ник. Николаевичу. Н. Н. сказалъ: „я Паренсова знаю и люблю и не вѣрю ничему, что про него говоритъ князь Александръ“.

долженъ сдѣлать оговорку, касающуюся обвиненія меня въ „распусканіи слуховъ“, очевидно ложныхъ и „неоднократномъ“ меня въ этомъ „уличеніи“. Прочитавъ это мѣсто письма Тимлера, я не только разинулъ ротъ отъ изумленія, но даже засмѣялся. Гдѣ, среди кого могъ я распускать эти слухи? Мои отношенія къ князю, почти съ перваго дня, т. е. съ заявленія его министрамъ о титулѣ и моего отказа присоединиться къ ихъ рѣшенію, были уже неискренни, а потомъ, по возвращеніи моемъ изъ Ливадіи, сдѣлались обостренными. Очевидно, что такой характеръ отношеній ставилъ и князя

---

[1]) „Я бы хотѣлъ затронуть вопросы уже извѣстные, такъ какъ грязное бѣлье лучше стирать дома“. (Чтобы не выносить сора изъ избы).

Въ дѣйствительности же это былъ только маневръ со стороны князя, чтобы выпытать у Тимлера свѣдѣнія о томъ, что именно я писалъ графу Милютину и о чемъ не писалъ.

и меня въ рамки сдержанности и осторожности другъ передъ другомъ. Я говорилъ о князѣ, говорилъ много съ Шепелевымъ, Тимлеромъ, дома, но это не есть „распусканіе слуховъ“! Съ болгарами, даже коллегами моими и другими, ко мнѣ расположенными, я никогда не говорилъ искренно, „по душѣ“ о князѣ, уже по одному тому, что въ отношеніяхъ ихъ къ князю и воззрѣніяхъ—ихъ съ одной стороны и моихъ, съ другой—была огромная пропасть; я былъ иноземецъ, русскій генералъ, а они, какъ—никакъ, а все же были подданными царствующаго лица. Они входили въ понятіе: „mon peuple“ [1]), я—нѣтъ.

Что касается до „уличенія“ меня, да еще „неоднократнаго“, то вѣдь человѣкъ „уличенный“, слѣдовательно не только „виновный“, но и вынужденный „признать виновность“ свою, несомнѣнно теряетъ свою независимость и самостоятельность; какъ же соединить такую приниженность съ тою упорною самостоятельностью, которую я проявлялъ въ вопросахъ о титулѣ, о пріемѣ иностранныхъ офицеровъ, объ удаленіи нѣкоторыхъ изъ нашихъ и т. д., и т. д. Замѣчу, что эти независимость и самостоятельность проявлялись не келейно или, что еще хуже, изъ-за угла, а открыто, и притомъ не только на словахъ, но и на бумагѣ, т. е. съ выдачей документа, съ распиской!.. Самымъ настоятельнымъ образомъ утверждаю, что эти слова князя были только одною изъ многочисленныхъ уловокъ, придуманныхъ имъ для того, чтобы меня очернить, благо я былъ лишенъ возможности сейчасъ же опровергнуть на меня возводимое. Князь былъ въ Петербургѣ, а я—„за горами“, даже въ буквальномъ смыслѣ этого слова.

И почему же князь никогда, ни разу и никому не привелъ хоть какого-нибудь факта въ подтвержденіе своихъ обвиненій, кромѣ фразы, совершенно фантастической и ложной „когда г. Паренсовъ мною доволенъ—онъ называетъ меня Высочествомъ, а когда недоволенъ—Свѣтлостью“.

Все это объясняется очень просто: „calomniez, calomniez—il en restera toujours quelque chose“. Такъ оно и случилось—и надолго.

От того же Тимлера и тоже 25-го февраля.

„Пріѣзжаю сегодня во дворецъ и узнаю отъ Шепелева, что князь, въ разговорѣ съ нимъ, высказалъ желаніе, чтобы ты и я удалились до прибытія того, кто будетъ назначенъ на твое мѣсто, мотивируя это тѣмъ, чтобы вновь назначенный познакомился съ ходомъ дѣлъ безъ нашего вліянія и не усвоилъ бы себѣ нашъ взглядъ на вещи, въ особенности на личности, а черезъ это не пре-

---

[1]) „Мой народъ“.

слѣдовалъ бы *тѣхъ*, кого мы преслѣдовали!! Каково? Онъ считаетъ дѣла войска ни во что; одинъ уѣхалъ, другой пріѣхалъ. Забылъ, онъ высказалъ при этомъ, что ему крайне будетъ тяжела встрѣча съ тобой и даже Юліей Павловной [1]),—и вамъ тоже. По-моему оставайся и ни за что не подавай въ отставку; пусть отзовутъ и, когда пріѣдетъ новый, передашь (дѣла). Я бы не поѣхалъ (назадъ въ Болгарію); ѣду единственно потому, что дѣла того требуютъ. Телеграммы, повѣрь, перевираютъ нарочно въ Софіи.

Отъ того же, 11-го марта.

„Не легко писать мнѣ, и одно, что могу сказать: мужайся, не падай духомъ и постарайся стать выше житейской невзгоды, выпавшей на твою долю. Первое время по пріѣздѣ сюда, князь вовсе не занимался дѣлами, т. е. не приступалъ къ вопросу, касавшемуся тебя. „Il sondait le terrain et tachait de gagner les bonnes grâces de l'Empereur [2]), и затѣмъ, подготовивши почву, сперва говорилъ съ Милютинымъ, а потомъ уже съ Государемъ. Не скрою отъ тебя, что Государь недоволенъ тобою, но поддержка Милютина осталась, и Богъ дастъ, со временемъ, онъ устроитъ такъ, что Царь положитъ гнѣвъ на милость. Я остался здѣсь, чтобы покончить дѣла по вооруженію (болгарской арміи) и подготовить почву твоему возвращенію. Не скрою, интрига ловко велась, такъ что вооружили противъ тебя Наслѣдника Александра Александровича и всѣхъ Великихъ Князей, за исключеніемъ Николая Николаевича, который любитъ тебя по-прежнему и не откажетъ протянуть тебѣ руку помощи. Помни объ одномъ—это уйти съ достоинствомъ; избѣгай всего того, на послѣдяхъ, что дало бы поводъ врагамъ и возможность напортить тебѣ еще. Тебя, быть можетъ, будутъ вызывать, но ты не обращай вниманія и уѣзжай тихо и спокойно; безъ протеста, а то это повредитъ тебѣ въ будущемъ, если ты намѣренъ продолжать службу въ Россіи. Я пробуду здѣсь еще недѣлю и затѣмъ возвращусь обратно (въ Софію) и въ концѣ апрѣля исчезну изъ Болгаріи, по сдачѣ дѣлъ. Милютинъ просилъ быть первое время, пока Эрнротъ войдетъ въ курсъ дѣла. Не легко писать, но умоляю, будь остороженъ и отклони всякіе поводы къ демонстраціи, которая можетъ послужить тебѣ во вредъ, при существующемъ настроеніи.

---

[1]) Моя жена. Опасенія князя встрѣтиться съ нею были совершенно излишни, такъ какъ трудно допустить, чтобы онъ ко мнѣ, въ домъ, пріѣхалъ, а моей женѣ ѣхать во дворецъ, очевидно, тоже никакой надобности не было.

[2]) Онъ ощупывалъ почву и старался расположить къ себѣ Государя.

Пожалуйста, не встрѣчайся съ княземъ и лучше всего надѣнь русскую форму" [1]).

Послѣ этого письма я получилъ отъ Тимлера только одну телеграмму, оффиціальную, относительно ружей для болгарскаго войска.

Изъ Петербурга. 16-го марта 1880 г. Шифромъ, „Отпускаютъ 16 тысячъ Бердана, 8 милліоновъ патроновъ, по 18 рублей винтовка, уплатой 8 лѣтъ ежегодно... (неразобрано). Просите постановленіе Совѣта Министровъ для заключенія формальнаго договора.

Timler" [2]).

Въ заграничной печати, всегда лучше нашей освѣдомленной, появились первыя извѣстія о болгарскихъ новостяхъ. Въ англійскихъ газетахъ („Standart") было напечатано о моемъ уходѣ изъ Болгаріи, а Вѣнскія газеты напечатали слѣдующее:

„Оффиціозная Вѣнская газета говоритъ, что князь Александръ выработалъ въ Петербургѣ правительственную программу, одобренную русскими государственными людьми (?). Согласно этой программы, „Уставъ" (конституція) долженъ быть пересмотрѣнъ, система одной палаты должна замѣниться системой двухъ палатъ и „Собраніе" состоять изъ палаты депутатовъ и сената. Кромѣ того князь намѣревается внести высокій цензъ, такъ чтобы въ будущемъ, въ представительное Народное Собраніе могли попасть одни нотабли (?) („чорбаджи"). Министерство должно назначаться помимо одобренія большинства палаты, такъ, чтобы въ Болгаріи было собственно конституціонное, а не парламентарное управленіе („Нов. Время" № 1453, отъ 15 марта 1880 года).

Эту статейку нельзя считать совершенно неосновательной; скорѣе ее можно признать пробнымъ шаромъ, шедшимъ отъ самого князя, такъ какъ въ вопросахъ объ изъятіи назначенія министровъ изъ вѣдѣнія палаты и учрежденія сената отражаются безусловно теоретическіе и безпочвенные взгляды самого князя. Только является вопросъ: кто же будетъ составлять этотъ сенатъ? Есть въ статьѣ указаніе на „нотаблей", которыхъ въ Болгаріи тогда не было, да и не могло еще быть; переводить же слово „нотабль"—„чорбаджи" не имѣетъ смысла, такъ какъ чорбаджіями назывались въ Болгаріи тѣ мѣстные жители, которые были прислужниками и угодниками турокъ, во время ихъ владычества, часто изъ корыстныхъ или честолюбивыхъ видовъ угнетавшіе своихъ же единоплеменниковъ—

[1]) Какъ увидимъ ниже, ни того, ни другого я не могъ сдѣлать, по причинамъ не отъ меня зависѣвшимъ.

[2]) Я запросилъ телеграммой разъясненія, какой № Бердана (ихъ было два: 1 и 2—новѣйшій); получили № 2.—Отвѣтъ былъ полученъ открытой депешой.

Справка: Всеподданнѣйшій докладъ военнаго министра графа Милютина. Особое Высочайшее повелѣніе 6 марта 1880 года объ отпускѣ 16 т. винтовокъ княжеству.

болгаръ. Названіе „чорбаджи" было позорнымъ; хорошъ былъ бы сенатъ, эта верхняя палата, составленная изъ опозоренныхъ и ненавидимыхъ населеніемъ людей! Что касается до того, что эта программа была одобрена „русскими государственными людьми", то въ этомъ можно очень сомнѣваться, такъ какъ совершившійся въ Болгаріи, черезъ годъ, переворотъ явился совершеннымъ сюрпризомъ для дѣйствительно государственныхъ людей: Императора Александра III, графа Милютина, Гирса и др. [1]). Конечно, можетъ быть, и были какіе-нибудь „люди", просто, только мнившіе себя „государственными", которые, изъ любезности къ князю, одобряли его планы. А на мой, личный, взглядъ, такъ это была просто программа самого князя, продиктованная тѣмъ же гр. Кёвенгюллеромъ; этимъ и объясняется появленіе ея, прежде всего въ „Вѣнскомъ" оффиціозѣ.

Остановлюсь нѣсколько на личности Тимлера, мало извѣстной и, къ сожалѣнію, мало оцѣненной. Александръ Карловичъ Тимлеръ былъ гораздо старше меня и получилъ образованіе въ Императорскомъ училищѣ правовѣдѣнія. Во время Крымской войны воспылалъ воинскимъ пыломъ и поступилъ юнкеромъ въ Бородинскій пѣхотный полкъ, съ которымъ выступилъ походнымъ порядкомъ, т. е. пѣшкомъ, въ Севастополь, куда, къ сожалѣнію, пришли по заключеніи перемирія. Это продолжительное странствованіе сблизило А. К. съ нашимъ солдатомъ, привило ему искреннюю, а не напускную любовь къ нему и дало ему возможность близко ознакомиться съ службой и съ солдатскимъ бытомъ, такъ что, по заключеніи мира, онъ остался въ томъ же полку и былъ, по производствѣ въ офицеры, полковымъ адъютантомъ. Перешелъ въ л.-гв. Гренадерскій полкъ, поступилъ, одновременно со мной, въ академію генеральнаго штаба, которую кончилъ по 1-му рязряду. Но служба продолжала быть для Тимлера мачехой. Во время турецкой войны 1877—1878 гг., онъ попалъ, офицеромъ генеральнаго штаба, въ Нижне-Дунайскій отрядъ и, пока мы шествовали черезъ Дунай, къ Балканамъ и далѣе, онъ все сидѣлъ въ Сулинѣ. Затѣмъ командовалъ желѣзно-дорожнымъ батальономъ и съ этой должности былъ приглашенъ мною въ Болгарію. Знаніе службы, любовь къ солдату, безкорыстіе, непоколебимая честность и уваженіе къ долгу, а также искренняя дружба, насъ соединявшая, побудили меня просить его поступить на службу княжества. Я не ошибся въ моемъ выборѣ; взваливъ на себя громадный, кропотливый трудъ, черную работу по министерству и

---

[1]) О полной неожиданности переворота для русскихъ „государственныхъ людей" будетъ сказано ниже, въ гл. XV.

войску, Тимлеръ былъ незримымъ, можетъ быть, для другихъ, однимъ изъ главныхъ устроителей болгарскаго войска. По моемъ отъѣздѣ изъ Болгаріи онъ тоже скоро ушелъ, но въ службѣ ему не повезло и далѣе; онъ скончался въ Одессѣ, въ должности командира бригады. Отчасти, можетъ быть, помѣхой его службѣ были: католическое вѣроисповѣданіе и неукротимое стремленіе говорить правду въ глаза, изобличать порокъ, гдѣ бы и какъ бы онъ ни проявлялся. А это не всегда удобовыносимо. Отношенія его ко мнѣ достаточно обрисованы, приведенными мною, его письмами. Замѣчательно еще и то, что, будучи католикомъ и очень ревностнымъ, онъ былъ пламеннымъ славяниномъ.

Описывая въ этой главѣ тѣ подготовительныя мѣры, которыя князь предпринялъ для моего удаленія изъ Болгаріи, я всѣми силами старался быть безпристрастнымъ, а потому и началъ это повѣствованіе не съ своего голоса, а со словъ Тимлера. Послѣ такого вступленія, считаю себя въ правѣ дополнить сказанное тѣмъ, что я узналъ по пріѣздѣ въ Петербургъ, и при томъ не сразу, а исподоволь.

Лишенный въ Софіи всякихъ удовольствій и развлеченій, князь, первое время, къ серьезнымъ дѣламъ не приступалъ, хотя, дѣйствительно, согласно выраженія Тимлера, подготовлялъ почву, привлекая на свою сторону Великихъ Князей, дворъ, высшую администрацію и стараясь заслужить благоволеніе Государя Императора. И тутъ, во время этой подготовки почвы, случилось событіе, о которомъ я упомянулъ выше, которое явилось очень кстати для князя, совсѣмъ по пословицѣ: не бывать бы счастію, да несчастіе помогло. Этимъ счастливымъ несчастіемъ былъ взрывъ въ Зимнемъ дворцѣ[1]).— Легко понять, какое впечатлѣніе произвелъ на всѣхъ этотъ адскій замыселъ и какъ нервно-подозрителенъ сталъ Петербургъ, въ особенности дворъ и высокіе круги.—Увѣренности ни въ комъ; вѣры— никому. И вотъ, въ эту-то наэлектризованную атмосферу была пущена фраза: „при всемъ ужасѣ происшедшаго несчастія, Государь долженъ почитать себя счастливымъ тѣмъ, что въ Петербургѣ, революціонеры состоятъ изъ поддонковъ общества, а у меня, въ Софіи,

---

[1]) Изъ дневника Валуева.

5 февраля. Вечеръ. Взрывъ въ Зимнемъ дворцѣ. Вчера прибылъ князь Болгарскій. Сегодня (утр.) было у Государя совѣщаніе по болгарскимъ дѣламъ.

6 февраля. По случаю прибытія принца Гессенскаго (пр. Александръ, отецъ князя Александра Болгарскаго, братъ Императрицы Маріи Александровны), обѣдъ былъ на $^3/_4$ часа позже и взрывъ послѣдовалъ, когда Государь былъ еще на пути въ столовую, гдѣ выбиты окна и потухли лампы.

во главѣ болгарскихъ революціонеровъ стоитъ мой военный министръ, генералъ Паренсовъ“.

Я не могу поручиться за то, что фраза эта была сказана княземъ самому Государю Императору, но она была сказана и до Государя дошла; послѣдствіемъ же ея было то, что Государь, зная уже, какъ графъ Милютинъ за меня заступается, поручилъ разобрать дѣло о моей виновности министру иностранныхъ дѣлъ Гирсу. Николай Карловичъ Гирсъ былъ добрѣйшій, почтеннѣйшій человѣкъ, но въ высшей степени слабаго характера и очень боязливый; Государя онъ безусловно боялся [1]). Основной цѣлью его дѣятельности было избѣгать всего того, что могло бы нарушить спокойствіе. Н. К. Гирсъ былъ двоюроднымъ дядей моей жены, отношенія у насъ были хотя и далекія, но вполнѣ хорошія, поэтому нельзя было ожидать отъ него предвзятой, по отношенію ко мнѣ, несправедливости, но боязливость и общее, указанное выше, настроеніе общества, особенно высшаго, привели къ тому, что Н. К., за полученіемъ обо мнѣ достовѣрныхъ свѣдѣній, обратился къ самому князю—и только. Я, конечно, не отрицаю необходимости и правильности, производя дознаніе о конфликтѣ между двумя лицами, спросить сперва сторону, жалующуюся; но смѣю думать, что элементарная справедливость указывала на необходимость спросить и другую сторону, меня, а такъ какъ меня не было, то можно было спросить моего помощника Тимлера. Не довѣряя Тимлеру, какъ моему избраннику и другу, можно было спросить Шепелева, мнѣ не подчиненнаго человѣка, хотя и расположеннаго ко мнѣ, но вполнѣ независимаго. Министръ иностранныхъ дѣлъ Россіи, на котораго возложено особое Высочайшее повелѣніе и притомъ свойства весьма деликатнаго: разобрать недоразумѣнія, возникшія между царствующимъ лицомъ, племянникомъ Государя, и русскимъ генераломъ, военнымъ министромъ иностранной земли, недоразумѣнія, основанныя на весьма щекотливой почвѣ политическихъ воззрѣній,—могъ бы, кажется мнѣ, найти средства, чтобы узнать, существуютъ ли представители другой стороны,—обвиняемой; могъ бы спросить этихъ представителей, и полученныя изъ обоихъ источниковъ свѣдѣнія положить на чаши вѣсовъ справедливости! Ничего этого сдѣлано не было; чаша князя была полна, моя—пуста. Послѣдовалъ докладъ: „къ сожалѣнію.., генералъ Паренсовъ кругомъ виноватъ“, а результатъ—телеграмма Тимлера отъ 20-го февраля: „Будешь отозванъ“...

---

[1]) Глава VII. Поѣздка въ Ливадію.

Получая газету „Русскій Инвалидъ“, я внимательно его просматривалъ, ожидая, со дня на день, прочитать о себѣ: „опредѣляется на службу“..., но ничего не было. Телеграммы изъ Петербурга тоже прекратились, и я просилъ епископа Климента сообщить мнѣ немедленно, если онъ получитъ какое-нибудь извѣстіе. Наконецъ, только 18-го марта, получилъ я извѣстіе опредѣленное, и вотъ этотъ мѣсяцъ, съ 20-го февраля по 18-е марта, былъ, поистинѣ, ужасенъ.

18-го марта получилъ я отъ епископа Климента слѣдующее письмо:

„Его Превосходительству Генералу Петру Дмитріевичу Паренсову, Господину Военному Министру.

Ваше Превосходительство.

Долгомъ считаю сообщить Вашему Превосходительству, что теперь получилась изъ Бухареста, отъ г-на Стоилова, телеграмма, шифрованная, слѣдующаго содержанія:

„Генералъ Паренсовъ се замѣстява съ други Воененъ Министръ. Ако може да предаде веднагэ дѣлата на Плеве и да тръгне преди стигването на Негово Височество нѣма никакво препятствие; ако ли го завари Князя въ София ще трѣбова да чака дохожданието на новыя военень Министръ. Стоиловъ [1]).

Глубоко уважающій Васъ

Епископъ Климентъ“

Софія.
18-го Марта 1880 г.

Въ документѣ этомъ является страннымъ то, что, помѣстивъ въ немъ очень ясное указаніе на неимѣніе препятствій къ тому, чтобы я выѣхалъ изъ Софіи до пріѣзда туда князя, другими словами, чтобы я съ нимъ не встрѣчался, депешу послали только изъ Бухареста, 18-го марта; прочиталъ я ее подъ вечеръ, того же дня, а пріѣздъ князя въ Софію состоялся 20-го днемъ, довольно рано, такъ что на выѣздъ мнѣ съ семьей давалось менѣе 48-ми часовъ. А путь предстоялъ не близкій. Сообразивъ все это, я очень усомнился въ искренности желанія избѣжать со мной встрѣчи, а изъ нѣкоторыхъ послѣдовавшихъ обстоятельствъ я вывелъ заключеніе обратное: су-

---

[1]) „Генералъ Паренсовъ замѣщается другимъ военнымъ министромъ. Если можетъ передать тотчасъ же дѣла Плеве (Павелъ Адамовичъ, подполковникъ русскаго генеральнаго штаба (въ отставкѣ), состоявшій для порученій и при болгарскомъ военномъ министрѣ), и выѣхать до возвращенія Его Высочества—нѣтъ никакого препятствія; если же его застанетъ князь въ Софіи, то необходимо ему выждать пріѣзда новаго военнаго министра“.

ществованіе желанія видѣть меня—но уже безоружнаго и даже униженнаго. Тѣмъ не менѣе я употребилъ всѣ усилія, чтобы уѣхать и разослалъ кого могъ, искать лошадей подъ экипажъ. Наемныхъ, не почтовыхъ, лошадей тогда не было; почту содержалъ тотъ самый австріецъ, ямщики котораго везли повозку съ злополучнымъ чемоданомъ Давыдова. Я рѣшилъ ѣхать на Филиппополь, потому что это было направленіе противоположное пути пріѣзда князя, а также потому, что это было кратчайшее разстояніе до первой желѣзнодорожной станціи. На бѣду лошадей совсѣмъ не оказалось. Всѣ были согнаны на подставы для поѣзда князя и его свиты. Ни просьбы, ни деньги не подѣйствовали, и я вынужденъ былъ остаться, не исполнивъ совѣта Тимлера: не встрѣчаться съ княземъ. Не могъ я исполнить и другого совѣта моего друга: надѣть русскій мундиръ, такъ какъ въ „Р. Инвалидѣ" приказа обо мнѣ еще не было.— Пришлось встрѣчать князя и, конечно, „съ подобающими почестями".

Правительство рѣшило встрѣтить князя за городомъ; вмѣстѣ съ другими министрами поѣхалъ и я. По пути слѣдованія были разставлены войска шпалерами. Князь вышелъ изъ экипажа, быстро поздоровался со всѣми, пожавъ руки, въ томъ числѣ и со мной, а затѣмъ намъ было сообщено, что князь проситъ министровъ сейчасъ же во дворецъ. По прибытіи ко дворцу, кто-то вышелъ и сказалъ мнѣ, что князь проситъ меня—первымъ. Когда я вошелъ въ кабинетъ, князь, сидѣвшій у письменнаго стола, всталъ, встрѣтивъ меня, предложилъ сѣсть и, въ сильномъ, сдерживаемомъ волненіи, сказалъ: „j'étais obligé de demander à l'Empereur votre rappel. J'ai tâché de vous nuire aussi peu que possible et j'espère que vous pourrez rentrer au service russe" [1]). Я вынулъ заранѣе приготовленный рапортъ объ отставкѣ и молча положилъ его на столъ. Князь спросилъ меня: „que dois-je écrire?"—„Ecrivez: одобрено et signez" [2]). Князь сдѣлалъ эту надпись, я взялъ рапортъ, поклонился и ушелъ.

Дома шли спѣшные сборы въ дорогу. Надо замѣтить, что вещи мои, мебель и вся квартирная обстановка, отправленныя осенью 1879 года изъ Петербурга, прибыли въ Софію, черезъ Балканы, только къ Рождеству, на волахъ, и мы пользовались ею всего 2½ мѣсяца. Вести все обратно было немыслимо, тѣмъ болѣе, что, незная ничего о моемъ принятіи вновь на русскую службу, я не зналъ даже, куда мнѣ придется ѣхать. Пришлось все продавать, понятно за безцѣнокъ.

---

[1]) Я вынужденъ былъ просить Государя о вашемъ отозваніи. Я старался вредить вамъ наивозможно менѣе и надѣюсь, что вамъ будетъ можно вернуться на русскую службу".

[2]) „Что долженъ я написать?"—„Напишите: одобрено и подпишите".—

Вѣсть о состоявшейся моей отставкѣ быстро распространилась въ Софіи. Офицеры, русскіе и болгарскіе, пожелали устроить мнѣ прощальный обѣдъ, отъ котораго я, въ виду обстоятельствъ, сопровождавшихъ мой уходъ, а также помня „наказъ“ Тимлера, отказался. Тогда, начальникъ Софійскаго юнкерскаго училища, полковникъ Рябинкинъ [1]), всегда очень ко мнѣ расположенный, затѣялъ ужинъ „келейный“, у него на квартирѣ, съ участіемъ нѣкоторыхъ близкихъ ко мнѣ офицеровъ. Меня предупредили объ этомъ, но еще самъ Рябинкинъ не успѣлъ ко мнѣ зайти съ приглашеніемъ, какъ, по приказанію князя, пришелъ его частный секретарь Менгесъ [2]) сообщить мнѣ, что Его Свѣтлости стало извѣстнымъ о предполагаемомъ чествованіи меня, и что онъ, князь, проситъ меня отказаться. Я просилъ Менгеса доложить князю, что онъ можетъ быть спокоенъ, и что я никакого чествованія не приму. Скоро послѣ того пришелъ ко мнѣ одинъ изъ съѣхавшихся депутатовъ Народнаго Собранія, докторъ Брадель [3]) предупредить, что депутаты, узнавъ о запрещеніи княземъ офицерамъ меня чествовать, рѣшили устроить мнѣ овацію, говоря: „намъ-то онъ запретить не можетъ“. По словамъ Браделя, предполагалось устроить передъ моимъ домомъ факельцугъ, но затѣмъ идти ко дворцу и тамъ устроить демонстрацію—враждебную. Брадель, очень ко мнѣ расположенный, поспѣшилъ меня предупредить, присовокупляя, что онъ не знаетъ и очень опасается, чѣмъ это кончится.

Очевидно было, что мнѣ, уходя изъ Софіи явно, вслѣдствіе вражды, приходилось уѣзжать тайно—вслѣдствіе любви.

Я придумалъ такую комбинацію: всѣмъ объявлялось, что уѣду въ субботу, а въ дѣйствительности, двумя днями раньше, въ среду, около 3-хъ часовъ дня, я, въ открытой коляскѣ, выѣхалъ съ женой на обыкновенную прогулку всей Софіи, въ южномъ направленіи, на Бали-Эфенди, а затѣмъ, покатавшись и встрѣтивъ многихъ знакомыхъ, мы свернули въ сторону и, объѣхавъ городъ, выѣхали въ сѣверномъ направленіи, на дорогу въ Ломъ-Паланку, на которой, верстахъ, кажется, въ 7—9, у одного хана (корчмы), ждалъ насъ дорожный экипажъ для дальнѣйшаго путешествія. Къ удивленію моему—у этого хана, все-таки собралась масса народа и много офицеровъ. Они мнѣ разсказали очень курьезную вещь. Князь, узнавъ откуда-то, что въ силу его запрещенія офицерамъ проводить меня

---

[1]) Константинъ Трофимовичъ (кажется). Въ чинѣ генерала убитъ во время Японской войны.

[2]) О Менгесѣ въ гл. III.

[3]) О Браделѣ въ гл. IV.

въ городѣ, они собираются устроить мнѣ проводы за городомъ, приказалъ начальнику Софійскаго гарнизона отдать приказъ, запрещающій офицерамъ выѣзжать изъ Софіи въ теченіе такого-то дня. Но кажется, тутъ-то и вышелъ курьезъ: запрещеніе это распространялось на субботу, день моего оффиціальнаго, всѣмъ извѣстнаго, но фиктивнаго отъѣзда и не касалось среды, дня моего дѣйствительнаго выѣзда.

До Ломъ-Паланки доѣхали мы на лошадяхъ, въ ландо, любезно предоставленномъ въ мое распоряженіе начальникомъ болгарской артиллеріи, полковникомъ русской гвардейской артиллеріи И. М. Лѣсовымъ, оттуда пароходомъ до Рущука, по желѣзной дорогѣ до Варны и, наконецъ, на русскомъ пароходѣ въ Одессу [1]). Въ Варнѣ жители устроили мнѣ овацію, проводивъ на пароходъ. Не зная ничего о дальнѣйшей моей судьбѣ, я рѣшилъ ѣхать въ Петербургъ. Выйдя на русскій берегъ въ Одессѣ, мысленно взглянулъ на предстоящій мнѣ далекій путь на сѣверъ, на это огромное пространство, впереди меня лежавшее. Оглянулся и назадъ, на Болгарію, которая была ко мнѣ ближе, и какая она показалась мнѣ маленькая... а я самъ, еще недавно, какъ будто бы большой, теперь—точка въ пространствѣ...

Изъ Одессы телеграфировалъ я въ Кіевъ, П. С. Ванновскому, что буду въ Кіевѣ и прошу меня принять. Въ тотъ же день получилъ любезный отвѣтъ съ приглашеніемъ обѣдать. Отъ Петра Семеновича, вручившаго мнѣ № „Русскаго Инвалида", узналъ, что я принятъ вновь на службу, состоять при войскахъ гвардіи и Петербургскаго военнаго округа. — Войсками гвардіи и Петербургскаго военнаго округа командовалъ тогда Наслѣдникъ Цесаревичъ и Великій Князь Александръ Александровичъ, а Начальникомъ Штаба округа былъ князь А. К. Имеретинскій, мой бывшій начальникъ отряда подъ Ловчей и Плевной.

---

[1]) Въ Варнѣ вообще мнѣ пришлось быть много разъ чествуемымъ. Первый разъ, когда я, въ качествѣ начальника штаба сѣвернаго отряда, уѣзжалъ, послѣ оккупаціи, съ начальникомъ этого отряда, г.-ад. Ванновскимъ, въ Россію, въ апрѣлѣ или маѣ 1879 г. Въ іюнѣ того же года, когда, назначенный болгарскимъ военнымъ министромъ, съѣхалъ съ русскаго парохода на болгарскую землю.—Въ мартѣ 1880 года, уѣзжая изъ Болгаріи и, наконецъ, почти черезъ 28 лѣтъ, пріѣхавъ съ депутаціей на болгарскія торжества въ августѣ 1907 года.

Глава XIV.

Представленіе графу Д. А. Милютину.—Полная опала.—Представленіе Государю Императору.—Графъ Николай Павловичъ Игнатьевъ.—Великій Князь Николай Николаевичъ и Великая Княгиня Александра Петровна.—Генералы: Обручевъ, Розенбахъ и Бобриковъ (Н. И.).—Генералъ-адъютантъ Ванновскій.—Мое назначеніе въ Вильну.

По пріѣздѣ моемъ въ Петербургъ, я поспѣшилъ явиться военному министру. Графъ Дмитрій Алексѣевичъ принялъ меня весьма ласково, видимо желалъ успокоить и утѣшить. Но истиннаго положенія, конечно, скрыть было нельзя. На вопросъ мой: долженъ ли я представиться Государю Императору, гр. Милютинъ отвѣтилъ: „что вы, что вы. И не думайте. Князь болгарскій и дневалъ и ночевалъ въ Зимнемъ дворцѣ; чего онъ только не наговорилъ тамъ о васъ.—Уѣзжайте въ отпускъ, скройтесь, вообще лучше не показывайтесь". Затѣмъ, желая меня ободрить, прибавилъ, что время свое дѣло сдѣлаетъ, но пока— „скройтесь". Скрыться мнѣ было некуда, и я, явившись къ князю Имеретинскому, сидѣлъ дома, въ Петербургѣ.

При такомъ переходѣ отъ дѣятельности, безъ преувеличенія сказать, кипучей, съ приподнятыми нервами, къ полной бездѣятельности, соединенной съ нравственнымъ угнетеніемъ, я началъ замѣчать недобрые признаки въ моемъ здоровьи. Явилась чрезвычайная впечатлительность во всемъ, особенно когда рѣчь заходила о Болгаріи.

Такъ продолжалось до Пасхи. Во вторникъ, на Пасхальной недѣлѣ, я получилъ записку отъ Начальника Главнаго Штаба графа Ѳ. Л. Гейдена съ извѣщеніемъ, что на другой день, въ среду, 19-го апрѣля, въ 2 часа дня, я долженъ представиться Государю Императору.

Я былъ до крайности удивленъ. Во-первыхъ, — Пасха, когда вообще пріемы рѣдки; затѣмъ, болѣзнь Императрицы Марьи Александровны, что̀ тоже вліяло на сокращеніе пріемовъ, а главное, такой неурочный часъ, такъ какъ обыкновенные пріемы представляющихся по разнымъ случаямъ происходили въ 11—12 часовъ дня. Но, странное дѣло; на другой день, собираясь ѣхать въ Зимній дворецъ и ѣдучи туда, я былъ совершенно спокоенъ; я столько уже настрадался за все послѣднее время, что, кажется, нервы притупились, и я, сознательно приготовившись къ худому пріему,— успокоился.

Въ извѣстной всѣмъ пріемной Государя, возлѣ бильярдной, были только дежурство и два доктора съ мѣшками кислорода, для Императрицы. Дежурнымъ генералъ-адъютантомъ былъ графъ Ник. Павл. Игнатьевъ, нашъ бывшій посолъ въ Константинополѣ и авторъ Санъ-Стефанскаго договора, всегда очень ко мнѣ благоволившій. Скоро предупредили, что Государь идетъ, и я сталъ рядомъ съ докторами, ниже ихъ. Поравнявшись со мной, Государь очень милостиво улыбнулся и сказалъ: „а, ты уже переодѣлся... Спасибо тебѣ“ [1]... и прошелъ дальше. Доктора ушли, и я спросилъ гр. Игнатьева, не слѣдуетъ ли и мнѣ уѣзжать. Н. П., видимо, очень довольный, сказалъ мнѣ: „конечно можно. Слава Богу, Государь былъ къ вамъ милостивъ. Поздравляю; можете ѣхать“, и я началъ спускаться по лѣстницѣ Салтыковскаго подъѣзда, дошелъ уже до швейцарской, какъ меня окликнулъ бѣжавшій за мной въ догонку, дежурный флигель-адъютантъ князь Барятинскій, бывшій кавалергардъ, говоря, что графъ Игнатьевъ проситъ меня вернуться.

Когда я вошелъ въ пріемную, графъ сказалъ мнѣ: „знаете, что мнѣ пришло въ голову. Государь видѣлъ васъ только мимоходомъ и не прощался съ вами; другими словами — не отпустилъ васъ. Можетъ быть, позоветъ опять; это случалось. Вамъ нетрудно подождать здѣсь еще минутъ 20?“ Я отвѣтилъ, что конечно могу ждать сколько угодно. Я прождалъ 40 минутъ и въ эти 40 минутъ увидѣлъ многое. Много *очень высокихъ* лицъ проходили мимо, входили, уходили, смотрѣли на меня, узнавали (это было очевидно), я кланялся—и меня не замѣчали.

Наконецъ, послѣ этихъ, поистинѣ *тяжелыхъ*, 40 минутъ, въ пріемную вошелъ очень благообразный камердинеръ брюнетъ, съ отличными, гладко причесанными, волосами, тщательно выбритый, но съ усами, и, обратясь къ графу Игнатьеву и князю Барятинскому, поклонившись, сказалъ: „Государь Императоръ благословляетъ дежурство уѣхать“,—а потомъ, обратясь ко мнѣ и тоже сдѣлавъ поклонъ, выговорилъ: „а ваше превосходительство Его Величество проситъ“... Я ушамъ своимъ не вѣрилъ, даже не выдержалъ и сказалъ камердинеру: „нѣтъ ли тутъ ошибки; вѣдь я генералъ Паренсовъ?“ Но камердинеръ, самымъ почтительнымъ образомъ, отвѣтилъ: „никакой ошибки нѣтъ, ваше превосходительство. Пожалуйте, Его Величество васъ ожидаютъ“.—Я былъ какъ въ столбнякѣ и не сразу тронулся съ мѣста, такъ что гр. Игнатьевъ успѣлъ подойти ко мнѣ и, хлопнувъ меня по плечу, смѣясь, какъ бы торжествуя, сказалъ: „А что

---

[1]) При послѣднемъ моемъ представленіи государю, въ Ливадіи, я былъ въ болгарской формѣ, а теперь—въ русской.

я вамъ говорилъ?“ Потомъ прибавилъ: „élevé dans le sérail j'en connais les détours [1])!“ Я пошелъ къ двери, противоположной той, которая вела въ бильярдную, и вошелъ въ кабинетъ. Какъ теперь его вижу... Государь подошелъ ко мнѣ и, указывая на стулъ у письменнаго стола, сказалъ: „садись“, и самъ сѣлъ. Я, кажется, ничего не понималъ и не соображалъ. Государь сидитъ и я сижу... Затѣмъ Его Величество очень долго и подробно разспрашивалъ меня о болгарскомъ войскѣ, о болгарскихъ и нашихъ офицерахъ, но о „Болгаріи“—ни слова. Затѣмъ сказалъ слѣдующее: „ты знаешь вѣроятно, что твой князь получилъ наконецъ титулъ Высочества, столь имъ желанный [2])?“ Я доложилъ, что ждалъ этого со дня на день: Государь подтвердилъ извѣстіе, а затѣмъ замолчалъ. Я думалъ, что надо говорить и сдѣлалъ большую ошибку. Я, въ самыхъ мягкихъ и деликатныхъ выраженіяхъ, доложилъ, что всегда очень жалѣлъ объ обостреніи этого вопроса, что неоднократно просилъ князя обождать до рѣшенія его Народнымъ Собраніемъ, но что князь не хотѣлъ ждать, хотѣлъ сдѣлать это путемъ, который я находилъ „нелегальнымъ“. Государю это слово видимо не понравилось; онъ всталъ, говоря уже сухо и отрывисто: „ты такъ думаешь“.., а затѣмъ, холодно протянувъ мнѣ руку, не особенно милостиво выговорилъ: „ну, спасибо тебѣ за твою *прежнюю* службу“. На слово „прежнюю“ было сдѣлано сильное удареніе [3]). Я понялъ, что сказалъ неладно, и ушелъ сконфуженный и раздосадованный на себя. . . . .

. . . .

Великій Князь Николай Николаевичъ принялъ меня самымъ лучшимъ образомъ и обласкалъ, а Великая Княгиня Александра Петровна, очень ко мнѣ и моей женѣ расположенная, разсказала, какое у нея вышло, изъ-за насъ, недоразумѣніе съ княземъ Александромъ, пріѣхавшимъ къ ней съ визитомъ. Великая Княгиня,

---

[1]) Трагедія Расина: „Баязетъ“. Въ переводѣ, по смыслу, значитъ, въ данномъ случаѣ: „воспитанный при дворѣ, я знаю его обычаи“.

[2]) Я зналъ, что Народное Собраніе рѣшило покончить съ этимъ личнымъ вопросомъ и, не обнародывая никакого акта, просто перейти къ новому титулу.

[3]) Я потому говорю: „холодно протянувъ мнѣ руку“..., что за годъ до этого, при представленіи моемъ Его Величеству послѣ войны и до Болгаріи, Государь, на общемъ представленіи, крѣпко стиснулъ мнѣ руку и сказалъ: „спасибо тебѣ, голубчикъ“. Такъ что, по сравненію, теперешнее—показалось мнѣ „холоднымъ“.

при самомъ началѣ разговора съ нимъ, спросила: „а какъ поживаютъ у васъ наши Паренсовы"?... и узнавъ, что я ухожу, воскликнула: „ахъ, какъ жаль; такіе милые люди... Quelle perte pour Vous...[1]", что конечно было князю не по душѣ.

Прошелъ годъ, что я состоялъ на службѣ при войскахъ гвардіи, получалъ содержаніе и—не служилъ. Совершилось ужасное 1-е марта; царствовалъ Государь Императоръ Александръ III.

Перемѣнилось еще раньше и мое начальство: князь Имеретинскій ушелъ, и начальникомъ штаба Петербургскаго округа былъ назначенъ генералъ-адъютантъ Розенбахъ. Генерала Розенбаха я хорошо зналъ, когда онъ, еще до войны, командовалъ л.-гв. Павловскимъ полкомъ, зналъ его во время войны, и мы были всегда въ очень хорошихъ отношеніяхъ. Раненый подъ Горнымъ-Дубнякомъ, Розенбахъ уѣхалъ въ Петербургъ, а я, контуженный подъ Правцемъ, тоже туда пріѣхалъ, и мы очень часто видѣлись, при чемъ я, выздоровѣвъ раньше, обыкновенно заѣзжалъ къ нему въ его домъ, на Мойкѣ Частенько пилъ у него чай, вечеркомъ, бесѣдуя о прошлой войнѣ Слышалъ я потомъ, что, будучи назначенъ начальникомъ штаба гвардейскаго корпуса и въ свиту Его Величества, онъ возгордился.

Въ назначенный для представленія новому начальнику штаба день, явился и я, и хотя не думалъ о какихъ-либо нѣжныхъ объятіяхъ при встрѣчѣ, но все-таки разсчитывалъ на любезный пріемъ. Каково же было мое удивленіе, когда, подойдя, по очереди, ко мнѣ, я услышалъ самую оффиціальную ледяную фразу: „очень радъ"... и мимо. — Такъ это было необычайно, такъ странно, что я, да и другіе, бывшіе при этомъ, порѣшили: „ну, возгордился"... Но, не похваливъ, въ душѣ моей, такую метаморфозу, все же особо дурного, лично для меня,—я не предполагалъ.

Однажды весной, 1881 года, приглашаетъ меня къ себѣ Николай Николаевичъ Обручевъ [2]) и говоритъ, что я уже годъ ничего не дѣлаю, что продолжать такъ нельзя, и что мнѣ надо занять какую-нибудь должность. Я отвѣчалъ, что буду очень радъ приняться за работу, и просилъ назначить меня начальникомъ корпуснаго штаба или бригаднымъ командиромъ, на что, по чину моему, я имѣлъ право, а, кромѣ того, до назначенія въ Болгарію, уже годъ былъ исправляющимъ должность начальника штаба 12-го корпуса и даже больше: былъ начальникомъ штаба „сѣвернаго отряда", состоявшаго

---

[1]) Какая для васъ потеря.

[2]) Бывшій уже тогда Начальникомъ Главнаго Штаба.

изъ 12-го, 13-го и 14-го корпусовъ, 2-й пѣхотной и 2-й резервной пѣхотной дивизій съ соотвѣтствующей кавалеріей и артиллеріей. Обручевъ, еще съ академіи всегда ко мнѣ благоволившій, отвѣчалъ, что, при всемъ желаніи, не можетъ представить меня къ назначенію на должность, такъ какъ я, произведенный за отличіе во время войны, не записанъ въ кандидаты на указанныя выше должности и, вообще, ни въ какомъ кандидатскомъ спискѣ не значусь; занимаемыя же мною должности въ 12-мъ корпусѣ и сѣверномъ отрядѣ были только временными, утвержденными главнокомандующимъ дѣйствующей арміи, а не Высочайшимъ приказомъ. Онъ прибавилъ, что я долженъ просить Розенбаха, какъ своего непосредственнаго начальника, войти въ Главный штабъ съ представленіемъ о занесеніи меня въ кандидатскій списокъ, а тогда дѣло „въ шляпѣ“.

Считая это дѣло совершенно неважнымъ, только соблюденіемъ формы, я пошелъ не къ самому Розенбаху, а къ его помощнику Николаю Ивановичу Бобрикову, моему сослуживцу, хотя и старше меня, но все же товарищу, съ которымъ я былъ при томъ, давно уже, въ самыхъ хорошихъ отношеніяхъ. Бобриковъ тоже посмотрѣлъ на это дѣло какъ на пустячное, сказалъ, что переговоритъ съ Розенбахомъ, и что, вѣроятно, все будетъ исполнено. Черезъ нѣсколько дней захожу въ окружной штабъ узнать, сдѣлано ли представленіе обо мнѣ и вдругъ, къ великому моему удивленію, слышу отъ Бобрикова: „представьте, заупрямился.—Не хочетъ“. „Какъ не хочетъ?...“—„Да вотъ подите же; говоритъ: не могу; мы его службы не знаемъ“. Ровно ничего не понимая въ такомъ странномъ отвѣтѣ, мы порѣшили, обождавъ немного, еще разъ спросить Розенбаха. Бобриковъ спросилъ и опять тотъ же отвѣтъ: „мы его службы не знаемъ и рекомендовать не можемъ“... Тогда Бобриковъ пошелъ на хитрости. „Знаете, что мы сдѣлаемъ. Мы вамъ сдѣлаемъ экзаменъ“.—Я даже захохоталъ: „Какой это экзаменъ вы придумали?“ —„Да надо же что-нибудь придумать, чтобы сломить его упорство. Мы вамъ придумаемъ порученіе какое-нибудь, командировку. Вы ее хорошенько исполните, тогда уже нельзя будетъ отговариваться, что мы вашей службы не знаемъ“.—Я согласился и черезъ нѣсколько дней былъ назначенъ предсѣдателемъ экзаменаціонной коммиссіи въ Петербургскомъ юнкерскомъ училищѣ. Очень аккуратно, ежедневно, рано утромъ, переѣзжалъ я Неву на пароходикѣ, на Петербургскую сторону и усердно экзаменовалъ юнкеровъ, которые и не подозрѣвали, что главнымъ экзаменующимся былъ самъ, столь страшный для нихъ, предсѣдатель экзаменаціонной коммиссіи, украшенный многими орденами съ мечами!

И это послѣ Ловчи, Плевны, Зеленыхъ горъ, Скобелевскихъ редутовъ и Балканъ!... [1]).

Представивъ отчетъ, я терпѣливо ожидалъ результатовъ, для меня благопріятныхъ, но, увы! этимъ ожиданіямъ не суждено было осуществиться. Розенбахъ стоялъ на своемъ и не желалъ представить меня кандидатомъ на должность, которую я передъ этимъ, съ успѣхомъ, занималъ. Я понялъ, что причина такого упорства лежала въ моей болгарской службѣ и рѣшительно не зналъ: что же мнѣ дѣлать?

Проходя какъ-то черезъ Александровскій садъ, у адмиралтейства, я увидѣлъ Розенбаха, сидящаго на скамейкѣ, и рѣшилъ переговорить съ нимъ лично.—Онъ мнѣ отвѣтилъ тѣмъ же страннымъ: „мы (?) вашей службы не знаемъ..", а потомъ прибавилъ: „вы, кажется, служили подъ начальствомъ генерала Ванновскаго?" и, получивъ отъ меня утвердительный отвѣтъ, добавилъ, что если генералъ Ванновскій будетъ обо мнѣ ходатайствовать, то онъ согласится меня представить. Обрадованный этимъ, вполнѣ разсчитывая на хорошій отзывъ обо мнѣ Петра Семеновича, я поскорѣй пошелъ домой и написалъ длиннѣйшее письмо Ванновскому, въ Кіевъ. Не зналъ я тогда того, что несомнѣнно уже зналъ Розенбахъ, разговаривая со мной въ саду: графъ Дмитрій Алексѣевичъ Милютинъ попросилъ у Государя уволить его отъ должности военнаго министра, получилъ согласіе, а генералъ-адъютантъ Ванновскій былъ вызванъ изъ Кіева въ Петербургъ, для занятія поста управляющаго военнымъ министерствомъ.

экзаменѣ этомъ пришлось встрѣтиться съ очень интереснымъ явленіемъ, какъ уже въ это время гражданскіе преподаватели, преимущественно изъ молодыхъ, настраивали учащуюся молодежь въ извѣстномъ направленіи. Отвѣчалъ изъ русской исторіи юнкеръ Гильдебрандъ, сынъ моего стараго батарейнаго командира Платона Ивановича Гильдебранда, о которомъ я упоминалъ въ 3-й части „Изъ Прошлаго", „Затишье", гл. I. Гильдебрандъ разсказывалъ о Куликовской битвѣ, отвѣчалъ порядочно. Когда онъ кончилъ, молодой преподаватель во фракѣ, сидѣвшій около меня, задалъ слѣдующій вопросъ: „Можете ли вы намъ сказать, какъ велъ себя въ этомъ сраженіи, самъ князь, Дмитрій Донской?". Юнкеръ смущенно глядитъ на меня, молчитъ, и преподаватель начинаетъ его „направлять".—„Скажите, хорошо ли онъ велъ себя какъ воинъ?" Гильдебрантъ, очень смущенно отвѣтилъ: „нѣтъ, нехорошо", на что учитель сказалъ: „да скажите прямо, онъ показалъ себя трусомъ". По окончаніи экзамена, въ инспекторской комнатѣ, я сказалъ директору, полковнику Радзишевскому и инспектору полковнику Абаза (извѣстный составитель книжекъ для солдатъ), что не могу согласиться съ правильностью такого „освѣщенія" историческихъ фактовъ, и что упомяну объ этомъ въ моемъ отчетѣ.

Письмо мое уже не застало Ванновскаго въ Кіевѣ; онъ выѣхалъ въ Петербургъ. Явившись къ нему, по его пріѣздѣ, я подробно разсказалъ все, со мной приключившееся, а также объ упрямствѣ генерала Розенбаха. Выслушавъ очень терпѣливо мой разсказъ, Петръ Семеновичъ, съ свойственной ему иногда лаконической рѣзкостью, проговорилъ только: „что онъ, съ ума сошелъ?"...

Черезъ нѣсколько дней я былъ зачисленъ „по приказанію управляющаго военнымъ министерствомъ" кандидатомъ на должность начальника штаба корпуса, а осенью того же года былъ назначенъ на такую должность въ 2-й армейскій корпусъ, въ Вильнѣ.

Глава XV.

Генералъ Эрнротъ.—Отзывы о немъ „Голоса" и „Московскихъ Вѣдомостей".—Генералъ Домонтовичъ.—Государственный переворотъ въ Болгаріи 27 апрѣля 1881 года.—Отъѣздъ генерала Эрнрота.—М. А. Хитрово.

Преемникомъ моимъ въ Болгарію былъ назначенъ генералъ-лейтенантъ Казиміръ Густавовичъ Эрнротъ. Желанія князя, высказанныя имъ въ Рущукѣ, А. М. Кумани, были удовлетворены, но не вполнѣ: Эрнротъ не носилъ вензелей Государя Императора и не былъ уроженцемъ балтійскихъ провинцій: но зато онъ былъ финляндцемъ.

По пріѣздѣ въ Петербургъ, я прочиталъ въ „Голосѣ" передовую статью, посвященную моему уходу изъ Болгаріи и назначенію Эрнрота. Вотъ эта статья въ № 54, отъ 3 апрѣля 1880 года.

2-го апрѣля 1880 г. По газетнымъ извѣстіямъ бывшій военный министръ въ Болгаріи, генералъ-маіоръ Паренсовъ, подалъ въ отставку и на его мѣсто приглашенъ русской же службы генералъ-лейтенантъ Казиміръ Эрнротъ. Что значитъ эта перемѣна? Какова болгарская армія и въ чемъ заключается задача ея руководителя.

„Болгарское земское войско, благодаря значительнымъ затратамъ нашего правительства и горячему, добросовѣстному участію нашихъ офицеровъ въ дѣлѣ обученія болгарскихъ дружинниковъ, уже и теперь представляетъ весьма почтенную, по численности, боевую силу, съ вѣрными задатками для дальнѣйшаго развитія и совершенствованія. Способные ко всякому труду и занятіямъ, болгаре и къ военному дѣлу, вѣроятно, окажутся настолько пригодными, что ихъ армія, въ близкомъ будущемъ, можетъ явиться достаточно надежнымъ оплотомъ противъ всякихъ случайностей. Достичь этого тѣмъ болѣе удобно, что политическая обстановка сосѣднихъ государствъ пока вполнѣ благопріятствуетъ этому. Ни безнадежно слабая Турція, ни неокрѣпшая еще Сербія, ни даже тщеславная и не въ мѣру притязательная Румынія долго еще не рѣшатся прервать мирное затишье юнаго княжества Болгарскаго, правительство котораго можетъ совершенно спокойно и не торопясь развивать свои военныя учрежденія и постепенно накоплять свои военные запасы и резервы. Болгарамъ необходимо имѣть это въ виду и, не

увлекаясь суетнымъ шовинизмомъ (?), обратить, прежде всего, вниманіе на бережливость въ военномъ бюджетѣ. Придавъ своей военной системѣ, по возможности, значеніе *воспитательное* [1]), болгаре должны смотрѣть на свою армію, какъ на школу, готовящую не только военныхъ, но и вообще людей полезныхъ. Только при такой постановкѣ вопроса, болгарскія войска не будутъ бременемъ для страны, охотно расходующей на нихъ почти половину своихъ скромныхъ доходовъ и отдающей съ избыткомъ лучшія свои силы въ ихъ ряды.

„Болгарамъ не слѣдуетъ забывать, что во всѣхъ государствахъ съ слабою и молодою культурой двигателями этой культуры являлись люди изъ рядовъ арміи, пріучившей ихъ къ порядку, законности и искусству управлять людьми и дѣлами, не только путемъ приказаній, но и умѣньемъ брать на себя отвѣтственность за послѣдствія своихъ распоряженій. Въ такихъ именно людяхъ въ настоящее переходное время и нуждается Болгарія.

„Личныя качества генерала Эрнрота служатъ порукой, что онъ, познакомившись съ положеніемъ вещей на мѣстѣ и оцѣнивъ ближайшія нужды порученнаго ему дѣла, сумѣетъ, безъ колебавій, дать ему надлежащее направленіе, для указанныхъ выше цѣлей. Русскій по службѣ, финляндецъ по рожденію, генералъ Эрнротъ обладаетъ всѣми прекрасными свойствами этого народа, во многихъ отношеніяхъ заслуживающаго подражанія. Воспитанный на своей родинѣ въ духѣ законности и широкаго уваженія человѣческой личности и общественныхъ интересовъ, стойкій до упрямства въ своихъ убѣжденіяхъ, твердый въ своемъ словѣ и вѣрный долгу службы, чуждый личныхъ выгодъ и карьеризма, наконецъ, не сторонникъ мелочей и внѣшности, скромный до простоты въ жизни и въ сношеніяхъ съ людьми, генералъ Эрнротъ, можно быть увѣреннымъ, придется по душѣ и нравамъ болгарамъ, имѣющимъ, кстати сказать, много общаго съ финляндцами.

„Какъ военноначальникъ, генералъ Эрнротъ удовлетворяетъ самымъ строгимъ требованіямъ военнаго штаба. Блестящій офицеръ генеральнаго штаба, храбрый и распорядительный командиръ стрѣлковаго батальона на Кавказѣ и пѣхотнаго полка во время послѣдняго польскаго возстанія, наконецъ, начальникъ 11-ой пѣхотной дивизіи въ прошлую войну, въ которой онъ былъ серьезно раненъ—такова разнообразная служба Эрнрота, дающая ему право не только считаться авторитетомъ, но и быть образцомъ военной доблести для своихъ подчиненныхъ.

„Отличаясь замѣчательной начитанностью, солиднымъ и многостороннимъ образованіемъ, а также уживчивымъ храктеромъ, генералъ Эрнротъ, нѣтъ сомнѣнія, пріобрѣтетъ скоро вѣсъ, значеніе и довѣріе среди своихъ товарищей по болгарскому министерству. Таковы общіе отзывы всѣхъ, знающихъ генерала Эрнрота, какъ человѣка и какъ начальника.

„Заранѣе радуясь выбору генерала Эрнрота на безспорно важный въ Болгаріи постъ и желая ему полнаго успѣха, позволяемъ себѣ успокоить тѣхъ, кому не совсѣмъ, быть можетъ, нравится его „иностранная фамилія", что и въ этомъ есть своя доля пользы и успокоенія. Европейская печать, изыскивающая малѣйшіе поводы къ подозрѣнію насъ, русскихъ, въ небывалыхъ интригахъ, едва-ли найдетъ удобнымъ обвинять кого бы то ни было въ посылкѣ въ Болгарію панслависта изъ финляндцевъ",

---

[1]) Курсивъ автора статьи.

Бойкая статья эта, хлестко написанная, составляя сплошной панегирикъ Эрнроту и напечатанная въ такой серьезной и распространенной газетѣ, какъ „Голосъ", меня очень задѣла.

Не соглашаясь съ ней въ нѣкоторыхъ основныхъ положеніяхъ, я, кромѣ того, увидѣлъ нѣчто и по моему адресу.

Каждая армія есть несомнѣнно—школа и, какъ таковая, само собой разумѣется, имѣетъ *воспитательное* значеніе, но каждая армія должна прежде всего готовить воиновъ, а не „вообще людей полезныхъ", и это пріобрѣтаетъ особое значеніе именно въ странахъ „съ слабою и молодою культурой",—гдѣ не было прежде арміи.

Моей главной заботой, въ короткій срокъ управленія войскомъ, было приготовить „воиновъ", а не „вообще людей полезныхъ", которые врядъ ли помогли бы Болгаріи удачно выйти, черезъ нѣсколько лѣтъ, изъ неожиданнаго нагрянувшаго на нее испытанія подъ Сливницей, гдѣ волны *болгарской арміи*, не *болгарскаго земскаго войска*,—показали себя на высотѣ воинской доблести.

Генералъ Эрнротъ воспитывался въ Россіи, въ русскомъ кадетскомъ корпусѣ, служилъ въ русскихъ войскахъ, и не въ Финляндіи, слѣдовательно, которой онъ принадлежалъ только по происхожденію, пріобрѣлъ онъ духъ законности и другія хорошія качества, особенно военныя, которыми его такъ усердно надѣлилъ авторъ статьи.

Разсужденія же на тему, что генералъ Эрнротъ сумѣетъ дать дѣлу „надлежащее направленіе", и что онъ чуждъ личныхъ выгодъ и карьеризма, „скроменъ до простоты въ своей жизни", намеки на будущую бережливость въ военномъ бюджетѣ, были уже прямо кивками въ мою сторону, очевидно несумѣвшаго дать этого „надлежащаго направленія"—увеличивавшаго бюджетъ съ 8-ми на 12-ть милліоновъ франковъ, выстроившаго для себя, хотя и маленькій, но комфортабельный домъ, попавшаго въ военные министры княжества 36 лѣтъ отъ роду и носившаго только два года генеральскіе эполеты.

О томъ, насколько Эрнротъ полюбился болгарамъ, „пріобрѣлъ вѣсъ, значеніе и довѣріе среди своихъ товарищей по болгарскому министерству" и насколько можно было „заранѣе радоваться" выбору его въ Болгарію, скажу ниже, а теперь могу выразить только удивленіе, какую роль при назначеніи русскаго генерала военнымъ министромъ въ Болгарію—страну славянскую, могла играть Европейская печать? Неужели же можно Россіи и русскому правительству, при назначеніяхъ на отвѣтственные посты, справляться съ тѣмъ, что скажутъ берлинскія и вѣнскія газеты? Эти

заключительныя слова статьи очевидно неудачно соскочили съ пера, не въ мѣру расходившагося и обуреваемаго, „всесторонностью“ своего взгляда, автора.

Понятно, что я былъ очень заинтересованъ узнать, кто авторъ этой статьи, но при извѣстномъ секретѣ, который соблюдаютъ редакціи, дѣло это представлялось труднымъ. Случай помогъ.

Я давно уже былъ очень хорошо знакомъ съ извѣстнымъ всему Петербургу, почтеннымъ фотографомъ Сергѣемъ Львовичемъ Левицкимъ и его семьей. Сергѣй Львовичъ очень меня любилъ, интересовался Болгаріей и моей въ ней дѣятельностью. Бесѣдуя съ нимъ однажды, я заговорилъ о статьѣ „Голоса“ и не скрылъ моего желанія узнать имя автора статьи; онъ предложилъ помочь мнѣ, будучи въ близкихъ отношеніяхъ съ редакторомъ „Голоса“, Андреемъ Александровичемъ Краевскимъ, и обѣщалъ устроить вечеръ, пригласивъ насъ, а также Краевскаго, въ надеждѣ, что въ разговорахъ удастся какъ-нибудь выпытать у Краевскаго, интересовавшій насъ. редакціонный секретъ „Голоса“. Когда гости съѣхались, Сергѣй Львовичъ, большой дипломать, очень волновался, чтобы я не накинулся сразу и сильно на Краевскаго. „Вы не сразу и не очень; мы это сдѣлаемъ исподоволь за чаемъ. Подъѣдемъ къ нему потихоньку“... Случилось все какъ по писанному. Краевскій былъ вообще не особенно сообщителенъ, кратокъ въ отвѣтахъ, но тутъ, именно за чаемъ, у самовара, разговорился. Заговорили о статьѣ „Голоса“, при чемъ я, стараясь быть, какъ могъ, деликатенъ, спросилъ его за что онъ на меня обрушился въ передовой статьѣ и вдругъ Краевскій—очень категорично отвѣтилъ: „да я-то тутъ при чемъ. Я вашихъ военныхъ дѣлъ не знаю. Вашъ же братъ, генеральнаго штаба, писалъ“...

Я былъ пораженъ и мучился вопросомъ: да кто же? Конечно, Краевскаго не спрашивалъ, ожидая отъ него, естественно, отвѣта: „Nomina sunt odiosa“.—Думалъ, думалъ, и вдругъ—озарило: Домонтовичъ! И сейчасъ же, припоминая разныя выраженія, помѣщенныя въ статьѣ, вспомнилъ Пушкинскіе стихи, изъ Анакреона:

Узнаемъ коней ретивыхъ
Мы по выжженнымъ таврамъ;
Узнаемъ Пареянъ кичливыхъ
По высокимъ клобукамъ.

Генералъ генеральнаго штаба Михаилъ Алексѣевичъ Домонтовичъ былъ штабъ-офицеромъ въ академіи генеральнаго штаба, когда я туда поступилъ и попалъ въ завѣдуемое имъ отдѣленіе. Онъ очень меня любилъ и много помогалъ при прохожденіи мною

курса академіи. Съ тѣхъ поръ отношенія наши были всегда наилучшія. Во время турецкой войны 1877—1878 гг. Домонтовичъ былъ директоромъ канцеляріи императорскаго комиссара, князя Дондукова-Корсакова, по гражданской части и на этой должности имѣлъ возможность близко узнать Болгарію и многихъ болгаръ. По окончаніи войны Михаилъ Алексѣевичъ, вернувшись въ Петербургъ, долго еще „ликвидировалъ" дѣла нашего гражданскаго управленія Болгаріи и, благодаря этому, имѣлъ сношенія со всѣми вѣдомствами и учрежденіями въ Россіи. Вслѣдствіе этого онъ сдѣлался центромъ, куда стекались болгарскія дѣла, а по окончаніи ихъ, онъ все же остался какъ бы „свѣдущимъ человѣкомъ", спеціалистомъ этихъ дѣлъ. Богато одаренный отъ природы, Михаилъ Алексѣевичъ былъ, несомнѣнно, очень способнымъ человѣкомъ. Обладая широкимъ взглядомъ на вещи, онъ быстро схватывалъ дѣло, но у него не хватало ни усидчивости, ни терпѣнія, чтобы довести дѣло это до конца. Пріятный собесѣдникъ, чрезвычайно остроумный человѣкъ, онъ любилъ посмѣяться, смѣялся безусловно добродушно, но все же былъ въ своихъ насмѣшкахъ иногда ядовитъ. При всѣхъ своихъ большихъ способностяхъ онъ, работая много, не могъ ничего создать. Онъ былъ отличный консультантъ, но не творецъ; его удѣлъ была критика, мѣткая, вѣрная, остроумная. Статья въ „Голосѣ" можетъ служить иллюстраціей. Въ ней много широкихъ взглядовъ, вѣрныхъ мыслей, она хорошо, литературно написана, закончена остроумной выходкой насчетъ финляндскаго панславизма, но все-таки состояла изъ общихъ мѣстъ и, чтобы превознести Эрнрота, статья, не желая, вѣроятно, уколола меня. Порѣшивъ мысленно, что авторъ статьи онъ, я къ нему и направился. Слѣдуя правилу: быстрота и натискъ, я, войдя къ нему въ кабинетъ, безъ всякой злобы, смѣясь сказалъ: „Михаилъ Алексѣевичъ, за что же вы меня такъ продернули въ „Голосѣ"? Результатъ былъ такой, котораго я не ожидалъ. Домонтовичъ вспыхнулъ и пошелъ: „да я вѣдь ничего дурного о васъ не сказалъ"... и т. д. Кончилъ онъ слѣдующимъ: „мы знали, что назначеніе Эрнрота придется болгарамъ не по вкусу; надо было ему погладить дорожку". Я былъ въ хорошемъ расположеніи духа, мы не ссорились и разстались дружески.

Итакъ, военнаго министра Болгаріи, русскаго генерала Петра Дмитріева Паренсова, великоросса, православнаго, члена славянскаго комитета, почитателя Аксаковыхъ, Хомякова, Кирѣевскаго, Тютчева, у котораго настольной книгой была „Россія и Европа" Н. Я. Данилевскаго... замѣнилъ безусловно храбрый и очень образованный генералъ русской службы, несомнѣнно честный финляндецъ, Казиміръ Густавовичъ Эрнротъ.

Что могъ дать генералъ Эрнротъ на посту военнаго министерства конституціоннаго государства, слѣдовательно и члена кабинета, обязаннаго не только вести устройство и обученіе войска, но и участвовать въ рѣшеніи государственныхъ вопросовъ новорожденнаго княжества, въ вопросахъ внутренней и внѣшней его политики?...

И генералъ Эрнротъ далъ то, что могъ дать: въ нашихъ архивахъ (правительственныхъ или частныхъ), вѣроятно сохранились письма его изъ Болгаріи. Въ нихъ мы встрѣтимъ слѣдующія мысли, составляющія credo, profession de foi писавшаго:

1) Историческое призваніе Австріи господствовать на Балканскомъ полуостровѣ, а противодѣйствіе этому призванію—абсурдъ, и 2) Вся бѣда Россіи въ томъ, что она занимается славянскими дѣлами; ей нужно заняться своими внутренними дѣлами, а о славянскихъ, особенно южныхъ,—забыть. Западные же славяне внѣ вліянія Россіи.

Отвергая связь Россіи съ славянствомъ, не принимая въ серьезъ существованія Болгаріи, новый военный министръ явился, въ военныхъ вопросахъ, пріятнымъ исполнителемъ желаній князя, стремившагося пересоздать армію на прусскій маперъ, что собственно, для арміи вообще, бѣды не представляло, такъ какъ прусская армія несомнѣнно заслуживаетъ полнаго уваженія, но такое направленіе было неполитично, неудобно и невыгодно. Неполитично—въ виду традиціонныхъ связей Россіи съ Болгаріей и, въ то время, еще недостаточно глубоко закопанныхъ русскихъ труповъ и неистлѣвшихъ еще русскихъ костей на поляхъ сраженій только-что кончившейся войны за освобожденіе; неудобно — въ виду массы русскихъ офицеровъ и даже солдатъ, служившихъ въ болгарскихъ войскахъ, да и первыхъ болгарскихъ офицеровъ—нашихъ учениковъ и, наконецъ, невыгодно, такъ какъ не Берлинъ же, со всевозможными Робрехтами, не Вѣна—будутъ нести жертвы для процвѣтанія Болгаріи! Вспомнимъ то, что говорила „Deutsche Zeitung“, указывавшая, что Австріи „открылось бы въ городахъ Болгаріи обширное поле богатой наживы“, если бы князю были развязаны руки [1]. Угождая князю въ военныхъ вопросахъ, мой преемникъ еще болѣе угождалъ ему въ политической области, въ области внутреннихъ дѣлъ, ставъ во главѣ государственнаго переворота 27-го апрѣля 1881 года, уничтожившаго конституцію. Такое отношеніе къ государственному устройству Болгаріи, со стороны Эрнрота, вполнѣ понятно: не будучи славяниномъ, не сочувствуя нашей

---

[1]) Гл. IX.

освободительной войнѣ, даже отрицая ея смыслъ и значеніе въ виду „историческаго призванія Австріи“, Эрнротъ могъ смотрѣть на Болгарію только какъ на безпочвенное, вновь народившееся государство, которое надо устроять по-европейски, сдѣлать изъ селяковъ—гражданъ, а для этого, естественно, надо дать имъ руководителя европейца и снабдить его правомъ и властью. Конституція совсѣмъ не къ лицу только-что народившемуся, „мужичьему“, государству и только мѣшаетъ благимъ начинаніямъ князя, стремящагося насадить въ немъ европейскую культуру и цивилизацію.

Генералъ Эрнротъ, съ первыхъ же дней своей новой дѣятельности, еще не выѣзжая изъ Петербурга, взялъ курсъ совершенно противоположный моему. Во время всей моей дѣятельности, я постоянно оглыдывался на Россію и на ея правительственный центръ, Петербургъ, писалъ туда, посылалъ отчеты, испрашивая въ нѣкоторыхъ случахъ совѣтовъ, указаній, инструкпій. Эрнротъ заявилъ: никакихъ инструкцій, никакихъ указаній изъ Петербурга; никакихъ отчетовъ. Мотивировалъ это онъ слѣдующимъ разсужденіемъ: вы меня назначили—значитъ, довѣрились, а разъ—довѣрились, предоставьте меня собственному усмотрѣнію. На практикѣ же такая программа оказалась неисполнимою, но не желая измѣнить ее оффиціально, Эрнротъ постоянно писалъ Домонтовичу, который, какъ мнѣ положительно извѣстно, докладывалъ эти письма гр. Милютину и, думать надо, отвѣчалъ Эрнроту. Не выѣзжая изъ Петербурга, онъ уничтожилъ должность товарища военнаго министра, такъ что п. Тимлеру пришлось уѣхать не только вслѣдствіе неудовольствія на него князя, но и вслѣдствіе упраздненія его должности. Князь не преминулъ воспользоваться случаемъ, чтобы показать свое нерасположеніе къ Тимлеру. На второй день Пасхи, 17-го апрѣля, приходился день рожденія Государя Императора, и у князя былъ оффиціальный обѣдъ, на который Тимлеръ не былъ приглашенъ. Эрнротъ, узнавъ объ этомъ, отправился наканунѣ къ гофмаршалу барону Ридейзелю и объяснилъ ему, что этого нельзя сдѣлать, что личное нерасположеніе князя, въ подобныхъ оффиціальныхъ случаяхъ, высказываться не должно, но всѣ аргументы не помогли, и въ день обѣда Тимлеръ подалъ въ отставку и уѣхалъ.

Эрнротъ уменьшилъ содержаніе всѣмъ русскимъ офицерамъ себѣ), выше званія ротнаго командира стоявшимъ и уничтожилъ должности двухъ военныхъ прокуроровъ. — Сокращеніе бюджета, конечно, надо привѣтствовать; я не могъ этого сдѣлать потому, что только въ декабрѣ 1879-го и январѣ 1880-го годовъ начали прибывать приглашенные мною изъ Россіи, извѣстные мнѣ, достойные

офицеры, обнадеженные большимъ содержаніемъ; уѣхалъ же я въ мартѣ 1880-го года.

Сдѣлавшись угоднымъ князю, Эрнротъ былъ назначенъ президентомъ совѣта министровъ. Въ качествѣ таковаго, онъ сталъ во главѣ государственнаго переворота. Были назначены выборы въ Великое Народное Собраніе, а для успѣха этихъ выборовъ, въ желаемомъ правительству смыслѣ, русскіе офицеры, командиры дружинъ были облечены правами гражданской администраціи въ округахъ квартированія войскъ [1]). При такой организаціи дѣла съ негласной, но очевидной всѣмъ, узурпаціей имени Россіи, результаты были, конечно, желаемые княземъ. Депутаты созваны были на сессію не въ Софію, а въ Систовъ на Дунаѣ.

Выборъ Систова очень оригиналенъ. Не вдаваясь въ разсмотрѣніе вопроса, почему былъ избранъ этотъ захолустный, придунайскій городъ, укажу только на одинъ характерный фактъ: во время засѣданія собранія, на Дунаѣ стоялъ подъ парами пароходъ готовый къ отплытію въ случаѣ неудачи переворота. На этомъ пароходѣ Эрнротъ, покончивъ съ конституціей, уѣхалъ въ Россію [2]).

---

[1]) Въ мѣста, гдѣ не было войскъ, тоже командированы были русскіе офицеры.

[2]) Сдѣлаю маленькое отступленіе и возвращусь къ статьѣ „Голоса". Отъѣздъ генерала Эрнрота, отъѣздъ, похожій на замаскированное бѣгство, какъ-то не сходится со словами статьи: „...можно быть увѣреннымъ" (что Эрнротъ) „придется по душѣ и нравамъ болгарамъ..." „...нѣтъ сомнѣнія, пріобрѣтетъ скоро вѣсъ, значеніе и довѣріе среди своихъ товарищей по болгарскому министерству". Поэтому я совершенно не согласенъ съ авторомъ этой статьи, который не оказался и пророкомъ.. „заранѣе радуясь выбору генерала Эрнрота". Того „надлежащаго направленія", котораго ожидала отъ него статья газеты въ веденіи военнаго дѣла, тоже не оказалось, такъ какъ ничего новаго, въ это „направленіе", вложено не было.

По странной случайности Эрнротъ, любившій играть въ карты, „повинтить", очень сошелся съ графомъ Кѣвенгюллеромъ, съ которымъ я, не „винтившій", никогда сойтись не могъ. А какъ смотрѣлъ Эрнротъ на болгарское войско и на свое въ немъ призваніе, видно изъ слѣдующаго. Полковникъ Боборыкинъ, командовавшій восточнымъ военнымъ отдѣломъ княжества и жившій въ Варнѣ, былъ вызванъ Эрнротомъ, по дѣламъ службы, въ Систовъ, во время переворота. Эрнротъ, въ новой, полной парадной формѣ, въ шапкѣ съ огромнымъ султаномъ на головѣ, вышелъ къ нему, приплясывая, съ комическими жестами и напѣвая изъ оперетки: „êtes vous content, mon colonnel..." Боборыкинъ, въ высшей степени порядочный и правдивый человѣкъ, отличный офицеръ, пользовавшійся большимъ расположеніемъ и довѣріемъ болгаръ, разсказывая мнѣ эту сцену, присовокупилъ, что онъ былъ глубоко оскорбленъ этой оффенбаховщиной, а я, слушая его, испытывалъ то же.

Что могъ думать болгарскій народъ, видя во главѣ государственной ломки русскаго генерала, присланнаго русскимъ царемъ, русскихъ офицеровъ? Очевидно, видѣлъ одно: что весь переворотъ санкціонированъ Россіей, уничтожающей ею же, годъ тому назадъ, заведенный порядокъ... Другого вывода быть не могло.

Такой естественный выводъ держится, кажется, и теперь. А между тѣмъ вотъ что было въ это время въ Петербургѣ.

Въ послѣднихъ числахъ апрѣля зашелъ я вечеромъ къ М. А. Домонтовичу и засталъ его въ большомъ волненіи. „Вы уже слышали, потому и пришли?..—„Ничего не слышалъ, а зашелъ такъ, поболтать“.. „...Да въ Болгаріи переворотъ“...—„Какой переворотъ?..“—„Конституція уничтожена, князю вручено правленіе безъ палаты...“—„А мы какъ же... Что же Эрнротъ?..“ Въ отвѣтъ на это Домонтовичъ сказалъ мнѣ, что только-что былъ у Милютина и знаетъ дѣло изъ первыхъ рукъ.—Наше правительство совершенно не подозрѣвало о приготовленіяхъ князя къ перевороту [1]). Въ одинъ изъ вторниковъ, ближайше слѣдовавшихъ послѣ 27 апрѣля, гр. Милютинъ былъ въ Гатчинѣ съ докладомъ у Государя Императора Александра III, а вернувшись домой, нашелъ у себя телеграмму изъ Болгаріи (я забылъ отъ кого), о совершившемся въ Систовѣ переворотѣ; такую же телеграмму получилъ Н. К. Гирсъ отъ Лишина. Состоялось у Государя совѣщаніе, на которомъ, въ виду совершившагося уже факта и совершенной невозможности что-либо предпринять, рѣшено было „признать новый порядокъ“. Михаилъ Але-

---

Другой мой сослуживецъ въ Болгаріи, вызванный мною изъ Россіи и занимавшій въ болгарскомъ войскѣ высокій постъ, П. Л., писалъ мнѣ въ мартѣ 1881 года слѣдующее: „Вѣроятно, вслѣдствіе вашихъ прежнихъ, настойчивыхъ указаній, князь не перевелъ (въ войско) ни одного нѣмца, хотя Эрнроту рѣшительно все равно; онъ готовъ принимать хоть готтентотовъ“. А въ другомъ письмѣ, то же лицо выражается такъ: „Не знаю, скоро ли наше военное министерство пойметъ то, что они призваны сюда для того, чтобы создавать администрацію, положить твердыя основы всего благоустройства въ арміи, а не для текущей переписки. Что же касается самого Эрнрота, то это человѣкъ, по моему мнѣнію, безъ всякихъ административныхъ способностей“. Допуская, что послѣднее мнѣніе нѣсколько преувеличено, оно далеко отстоитъ отъ хвалебнаго гимна передовой статьи „Голоса“.

П. П.

[1]) Такое молчаніе объясняется тѣмъ, что Эрнротъ, какъ уже сказано выше, устранилъ себя отъ общенія и обмѣна мыслей съ Петербургомъ, а Лишинъ, послѣ отъѣзда А. М. Кумани и до пріѣзда вновь назначеннаго дипломатическаго агента М. А. Хитрово, находившагося еще въ пути, исправляющій эту должность, былъ послушнымъ слугой князя и гр. Кёвенгюллера.

ксандровичъ Хитрово, назначенный въ Софію вмѣсто А. М. Кумани, былъ въ пути и находился въ Вѣнѣ, имѣя въ своемъ портфелѣ инструкцію: „поддерживать существующій въ Болгаріи порядокъ (Тырновскую конституцію) и удерживать князя на конституціонномъ пути". Узнавъ въ Вѣнѣ о переворотѣ, Хитрово запросилъ Петербургъ, что ему дѣлать; ѣхалъ ли въ Болгарію или не ѣхать? Въ Вѣнѣ, конечно, отлично знали, что Россіи не было извѣстно, замышляемое княземъ болгарскимъ, измѣненіе формы правленія; не даромъ же, скоро послѣ этого, гр. Кёвенгюллеръ, наладившій на пользу Австріи дѣла Болгаріи, былъ повышенъ въ рангѣ, возведенъ въ посланники и назначенъ въ Сербію, гдѣ и ознаменовалъ свою дѣятельность трагедіей, съ эпилогомъ подъ Сливницей, а за это былъ еще повышенъ по службѣ, назначеніемъ посланникомъ въ одинъ изъ лучшихъ городовъ Европы—Брюссель. Русскому правительству не оставалось ничего другого, какъ увѣдомить М. А. Хитрово, что переворотъ нами „признанъ", и предписать ему ѣхать въ Софію: „поддерживать князя въ его стремленіяхъ, направленныхъ ко благу народа".

По поговоркѣ „l'appetit vient en mangeant", князь, обрадованный такимъ благополучнымъ для него исходомъ всего совершившагося, задумалъ объѣздъ страны и чтобы придать себѣ вѣсу, а также чтобы доказать, что отношеніе къ нему Россіи вполнѣ благожелательно, и тѣмъ самымъ укрѣпить во мнѣніи всей Болгаріи, что совершенный имъ переворотъ русскимъ Государемъ одобряется, князь просилъ согласія нашего правительства, чтобы М. А. Хитрово, очень извѣстный болгарамъ, сопровождалъ его въ объѣздѣ страны. Не знаю, не догадались ли у насъ въ чемъ тутъ соль, или благодушнѣйшій Николай Карловичъ Гирсъ представилъ эту просьбу князю какъ бы совершенно невинною, во всякомъ случаѣ разрѣшеніе послѣдовало, и князь ѣхалъ въ одной коляскѣ съ М. А. Хитрово, ѣхалъ тріумфаторомъ, окруженный ореоломъ сочувствія и покровительства Россіи въ лицѣ ея представителя, извѣстнаго дѣятеля на Балканскомъ полуостровѣ. Гр. Кёвенгюллеръ, какъ сказано мною выше, потиралъ руки—отъ удовольствія.

Князь торжествовалъ, былъ счастливъ. Торжествуя побѣду, забылъ онъ, что живетъ на землѣ, этой планетѣ скорби, гдѣ и самое счастіе—только миражъ счастія.

П. Паренсовъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

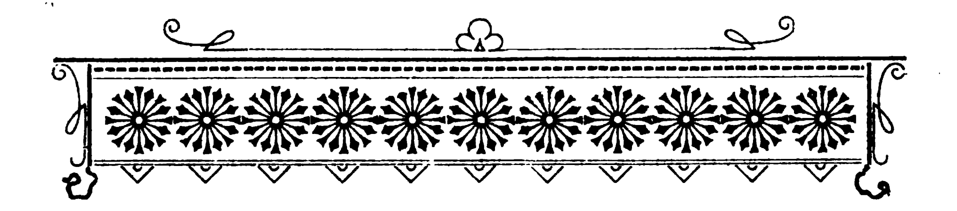
Изъ военнаго быта.

(Съ натуры).

Командовавшій въ 1890 году N—скимъ армейскимъ корпусомъ генералъ П—. отличался, между прочимъ, полною несдержанностью въ обращеніи съ подчиненными, доходившею иногда до грубости, при чемъ онъ нисколько не стѣснялся ни чиномъ подчиненнаго, ни занимаемою имъ должностью. Такъ, присутствуя въ окрестностяхъ Рогачева на маневрахъ N—ской дивизіи съ ея артиллеріею и драгунскимъ полкомъ, онъ, по окончаніи дневного маневра, собралъ начальниковъ отдѣльныхъ частей и началъ отрывисто высказывать свои замѣчанія, при полномъ молчаніи всѣхъ присутствовавшихъ, ибо вообще противорѣчія не выносилъ и грубо обрывалъ пытавшихся что-либо доложить ему. Нерѣдко онъ при этомъ обращался къ своему постоянному ординарцу капитану П. съ словами: „П., а что я хотѣлъ еще сказать?" Такъ и въ данномъ случаѣ онъ обратился къ нему съ этимъ вопросомъ, на что получилъ отвѣтъ: „Ваше П—во хотѣли сказать на счетъ линейки драгунскаго полка". „Ахъ, да", сказалъ генералъ, „встрѣчаю я лазаретную линейку N—скаго драгунскаго полка и что же вижу! сидитъ въ ней старшій полковой врачъ въ халатѣ и турецкихъ шароварахъ и съ своимъ фельдшеромъ въ трынку играетъ! каково!"—Конечно, этого на самомъ дѣлѣ не было, и подобныя замѣчанія не рѣдко приходилось начальникамъ частей безропотно выслушивать.

Про этого генерала, безспорно умнаго и боевого, но грубаго въ обращеніи даже съ женщинами, особенно когда онѣ случайно находились недалеко отъ фронта войскъ, курсировалъ въ то время цѣлый рядъ разсказовъ про его оригинальныя, а иногда и грубыя выходки. Напримѣръ, выйдя какъ-то въ Минскѣ на утреннюю прогулку, онъ обратилъ вниманіе, что за нимъ слѣдомъ идутъ два молодыхъ чиновника, очевидно направлявшихся въ свое учрежденіе на занятія. Генералъ П—. свернулъ на другую улицу, но замѣтилъ, что чиновники все же идутъ за нимъ; тогда онъ круто повернулся и, смотря на нихъ въ упоръ, крикнулъ: „брысь!"—чиновники быстро исчезли, и генералъ спокойно продолжалъ свою прогулку.

Сообщилъ Л. Д.

Изъ моихъ воспоминаній [1]).

Въ отпуску.

(Окончаніе).

Хаживали мы вмѣстѣ, всей семьей, въ церковь и къ обѣднѣ, и къ всенощной, иногда къ заутренѣ. Хозяева мои были люди очень богомольные, но если приготовленія къ празднику требовали присутствія хозяйки дома, на своемъ хозяйскомъ посту, то она считала ихъ своей первѣйшею обязанностью и даже удивлялась, когда мужъ звалъ ее въ церковь. „Развѣ не видишь“, говорила она ему, показывая на свои засученные рукава и подтыканную юбку: „ты вотъ отзвонилъ, да и съ колокольни долой, а мнѣ звонить еще много нужно“.

И какъ это пріятно, усладительно было смотрѣть на всѣ праздничныя приготовленія, мнѣ, корпусному пустыннику. Все дѣлалось не только по долгу, но и по совѣсти, не только по обязанности, но и по призванію: Семенъ Павловичъ рыскалъ по рынкамъ и лавкамъ, Марья Карнѣевна чистила, мыла, скребла, варила, мѣшала, пекла и все это въ такомъ строгомъ порядкѣ, что дюжина различныхъ дѣлъ спорилась въ одно и то же время. Кухарка насилу за нею поспѣвала и получала безпрестанные нагоняи за медленность, неповоротливость, непонятливость: хозяйка была не капризная, но строгая, ибо сама работала за двоихъ. Въ окраскѣ пасхальныхъ яицъ принимали участіе всѣ, и что это было за веселое занятіе, и какъ оно мало походило на корпусныя. Да и не это одно, а всѣ, рѣшительно всѣ праздничныя приготовленія такъ и обдавали какимъ-то свѣжимъ, радостнымъ ощущеніемъ. И ходилъ бодрѣе, и смотрѣлъ веселѣе, и любилъ всѣхъ больше, чѣмъ въ другое время. Бывало,

[1]) См. „Русская Старина“ мартъ, 1908 г.

оторвавшись отъ книжки, заглянешь и въ залъ, и въ кухню, и въ чуланъ, посмотришь, понюхаешь, спросишь что-нибудь такое, что или знаешь, или знать не для чего, чтобы въ голосѣ своемъ выразить полноту своего душевнаго довольства и въ отвѣтъ выслушать ту же самую ноту. Но при этомъ приходилось наталкиваться и на нѣкоторое разочарованіе. Разъ, передъ годовымъ большимъ праздникомъ, Марья Карнѣевна дѣлала въ столовой какое-то особенное тѣсто; я присѣлъ около и смотрѣлъ, прочіе находились въ церкви. Зная религіозность хозяйки, я предложилъ прочесть ей что-нибудь изъ евангелія, при томъ по-русски для большей понятливости. Къ моему удивленію она согласилась безъ особеннаго восхищенія, прибавивъ, что лучше прочесть по церковному.

— Да вѣдь не всякое слово понятно, Марья Карнѣевна.

— Это ничего, голубчикъ, гдѣ же намъ уразумѣть все божественное; только гордости нашей поблажка, дьяволъ мутитъ. А по церковному читать издавна ведется, стало, такъ и должно.

Сталъ я читать по-славянски, внятно, съ разстановками, съ выраженіемъ, изрѣдка взглядывая на слушательницу — какое на нее впечатлѣніе. А никакого, даже какъ будто совсѣмъ о другомъ думаетъ. И дѣйствительно о другомъ.

— Ей, Дарья, что же яйца, никакъ ты забыла... Извините, голубчикъ, пора яйца спустить, не то все спорчу.

Продолжаю читать и на самомъ лучшемъ мѣстѣ опять перерывъ.

— А сахару-то, Дарья, сахару-то забыла, вотъ бѣда, ахти — мнѣ,... дай поскорѣй, не то пропала моя головушка... Вотъ-те и мастерица, и кондитерша, на всю улицу сраму будетъ.

Тутъ уже и извиненія по моему адресу не было, а скорѣе звучала чуть слышно досадливая нота на развлекаемое вниманіе, отчего и происходитъ недостатокъ яицъ и отсутствіе сахара. Я продолжаю читать еще нѣсколько секундъ и, не докончивъ главы, закрываю книгу. Марья Карнѣевна благодаритъ меня въ самыхъ любезныхъ выраженіяхъ, восторженно хвалитъ мое чтеніе, но не замѣчаетъ, что оно прервалось на полуфразѣ, и какъ будто довольна, что оно окончилось... Я былъ очень обиженъ и уже больше съ чтеніемъ не совался.

Было уже сказано, что Марья Карнѣевна никогда безъ дѣла не оставалась и отлучалась изъ дома въ гости рѣдко. Семенъ Павловичъ по вечерамъ отсутствовалъ чаще жены, но все же больше оставался дома. Въ такомъ случаѣ вздремнувъ послѣ обѣда часикъ, а не то и полтора, онъ прохаживался по залу, осматривалъ всѣ уголки, нѣтъ ли паутины или пыли, выгребалъ изъ печей золу, за-

ходилъ въ чуланъ, въ дровяной сарайчикъ, во дворъ. Прохаживаясь по залу, онъ обыкновенно зѣвалъ сильно и продолжительно, что наконецъ ему надоѣдало и онъ принимался пѣть. Пѣлось на праздникахъ мірское, передъ праздниками божественное, изъ церковной службы, которую онъ зналъ до мелочей; его недурной баритонъ воспроизводилъ все съ вѣрностью, безъ фальши.—Марья Карнѣевна слушала и крестилась, изрѣдка даже подтягивала изъ другой комнаты въ полголоса, но очень не вѣрно. Если до уха Семена Павлонича достигала фальшь, то онъ вставлялъ коротенькую фразу, въ родѣ: „эка врешь-то" и продолжалъ пѣніе. Репертуаръ свѣтскихъ пѣсенъ и романсовъ былъ у него обширный, не малую часть его составляли пьесы игривыя, даже нецензурныя. Когда онъ, бывало, распоется въ этомъ направленіи, то заглянетъ въ гостиную, гдѣ я обыкновенно занимался чтеніемъ, посмотритъ веселыми глазами на меня, скажетъ „хе-хе" и продолжаетъ пѣть.

Одна изъ такихъ пьесъ ему особенно нравилась и часто употреблялась, такъ что я запомнилъ изъ нея нѣсколько строкъ.

Мореходцы, что напрасно
Измѣрять вамъ океанъ?
Я и дома повсечасно,
Какъ и вы, бываю пьянъ.

Услышавъ эту строфу, Марья Карнѣевна улыбалась и одобрительно кивала головой, потому что любила видѣть мужа въ добромъ настроеніи; онъ тогда бывалъ податливѣе, сговорчивѣе и на выдачу денегъ для хозяйства не такъ тугъ.

Пусть сенаторы въ Сенатѣ
Обсуждаютъ важный планъ:
Я въ китайчатомъ халатѣ,
Сидя дома, буду пьянъ.—

Мы съ Марьей Карнѣевной переглядывались, усмѣхаясь, такъ какъ на Семенѣ Павловичѣ былъ какъ разъ китайчатый халатъ.

Пусть сѣдые іерархи
Поучаютъ христіанъ;
Что желать мнѣ въ патріархи?
Я безъ чорной рясы пьянъ.

Эти строфы Марья Карнѣевна не одобряла, качала головой укорительно и дѣлала губами пренебрежительную мину, относившуюся къ легкомыслію мужа. Я съ нею молча соглашался; Семенъ Павловичъ продолжалъ, не заботясь о произведенномъ эффектѣ. Онъ по-

грѣшалъ въ томъ отношеніи, что объявлялся любителемъ выпить не въ мѣру, чего въ дѣйствительности не было; но пояснять это онъ не считалъ нужнымъ, потому что служилъ вокальному искусству для искусства и распѣвалъ только у себя дома.

Изрѣдка Перфильевы принимали гостей у себя, приглашая близкихъ людей на чашку чая. Два-три такихъ *званыхъ* вечера было въ моемъ присутствіи. Гостей набиралось человѣкъ 10—15, больше этого и влѣзть было бы некуда. Играли въ карты, судачили, пили чай, ужинали и расходились по домамъ не позже перваго часа. Молодежи не бывало. На этихъ вечерахъ Семенъ Павловичъ не пѣлъ, за то голосъ Марьи Карнѣевны звенѣлъ постоянно, ибо разсказы о покупкахъ ея мужа и особенно о сдѣланныхъ ею самою визитахъ преобладали у нея надъ всѣми прочими темами. Разговоры гостей тоже вращались на предметахъ не очень разнообразныхъ: кто какую награду къ празднику получилъ „и какая это несправедливость, что моего мужа обошелъ, а все оттого, что мужъ мой дома сидитъ, и къ чужимъ женамъ не льнетъ, особенно къ этой . . . . . (шопотомъ на ухо). А замѣтили вы, какъ Марья Панкратьевна была въ церкви одѣта? Точно на маскарадъ пріѣхала, а не на службу Божію, да еще и маленькую Лизочку не посовѣстилась съ собой привезти. Представьте . . . . . (опять шопотомъ)“.

— Скажите, срамъ какой! И какъ это начальство не смотритъ; давно бы пора ей запретить, да пожалуй и поштрафовать немножко, знаете эдакъ. . . „Евдокимовъ-то, откупщикъ, слышали—на Владычицу сколько пожертвовалъ? Жемчуга крупнѣйшіе, что твои булыжники, двѣ нитки, а рубинъ вотъ какой; горитъ какъ уголь въ самоварѣ. За то водку его хоть ведрами пей, не разберетъ малаго ребенка. И за что это на одного человѣка столько счастья валится, а другіе всю свою жизнь изъ-за мѣдной копейки бьются?“

Встрѣчались въ разговорахъ кумушекъ и курьезы; остался въ памяти одинъ. Умерла старушка, общая знакомая, и въ агоніи, коснѣющимъ языкомъ наказала нарочно-созваннымъ свидѣтелямъ, чтобы духовная ея (здѣсь, подъ подушкой) была вскрыта тотчасъ, какъ закроютъ ей глаза. Сказано—сдѣлано. Вскрыли духовную, написана на двухъ листахъ, мелко на мелко. На первой страницѣ говорится, кому и что отказывается, а на остальныхъ семи—какъ покойницу хоронить. Капиталу 4.000 р. ассигнаціями, усадьбица оцѣнена въ 2.000 (больше и не стоитъ) да городская квартира съ недвижимостью въ 1.000. Усадьба отказана единственной внучкѣ покойницы, Пелагеѣ Степановнѣ, да ей же 100 р. ассигнаціями на приданое. А какое приданое справишь на 100 рублей? Движимость назначено продать и въ церкви св. Димитрія три иконы на эти деньги справить,

а капиталъ весь, 3.900 р., расписанъ на похороны и на поминъ души. Все покойница указала, ничего не забыла: лошадей подъ дроги четверку, факельщиковъ столько-то, покровъ оттуда-то (сама съ гробовщикомъ при жизни условилась), священниковъ поименно назвала, которыхъ на похороны звать, да мало того ихъ, а и всѣхъ знакомыхъ, тоже поименно, и гдѣ поминки приготовить послѣ погребенія, а также въ 9-й, 20-й и 40-й день (съ трактирщикомъ тоже сама уговорилась; торговалась до хрипоты). Памятникъ назначила какой надъ нею поставить, и гдѣ его заказать, и надписи на памятникѣ какія выбить; не забыла и о своей душѣ многогрѣшной (въ ростъ деньги давала подъ закладъ), указала сколько и въ какой монастырь на вѣчное поминанье внести.

Звали Перфильевы къ себѣ не часто потому, что, будучи весьма гостепріимны, не могли, по своей бѣдности, угостить какъ бы хотѣлось. Передъ каждымъ зовомъ „откушать чайку", шли между мужемъ и женой многократныя трактаціи объ угощеніи. Первоначальный проектъ всегда бывалъ широкъ, но когда клались на столъ счеты и начиналось щелканье косточекъ, проектъ быстро суживался при вздохахъ и восклицаніяхъ: „э-э-эхъ", „ужъ гдѣ намъ, фигурой не вышли", „вотъ она, бѣдность-то наша". За то если представлялась возможность собрать у себя хоть какое-нибудь общество безъ экстреннаго расхода, то случай такой не упускался. Таково было приглашеніе ряженыхъ на святкахъ. По существовавшему въ Новгородѣ обычаю, кто открывалъ къ себѣ входъ ряженымъ, знакомымъ и незнакомымъ безъ разбора, тотъ ставилъ на свои окна по двѣ и по три зажженыя свѣчи. На это общепонятное приглашеніе сейчасъ же откликались желающіе, квартира наполнялась, ряженые приходили и уходили, сидѣли, прохаживались, танцовали, если было на лицо какое-нибудь подобіе музыки, отпускали шутки и остроты другъ насчетъ друга. Угощеніе не считалось обязательнымъ, и если подносилось, то самое незатѣйливое. Когда сутолока надоѣдала наконецъ хозяевамъ, то свѣчи съ оконъ убирали; и по этому сигналу незнакомые гости удалялись, а новые не являлись.

Хозяева мои каждыя святки устраивали у себя подобныя сборища замаскированныхъ. Набирались большею частью незнакомые, съ улицы, но пріѣзжали и знакомые; въ узнаніи между первыми вторыхъ и состоялъ главнѣйшій интересъ ряженаго собранія. Разнокалиберщина была необычайная, ряженые почти исключительно принадлежали низшему общественному классу—мастеровые, горничныя, лавочные прикащики; грязи наносилось масса, даже въ сухое, морозное время; разныхъ запаховъ еще больше, такъ что на слѣдующее утро еще требовалось отпирать форточки. Танцевъ не бывало,

за неимѣніемъ инструмента, угощеніе состояло изъ каленыхъ орѣховъ, дешевыхъ пряниковъ, маковниковъ, стручковъ, да и это подавалось невсегда, а когда публика оказывалась по костюмамъ не вполнѣ уличною. Марья Карнѣевна видѣла у себя ряженыхъ съ удовольствіемъ; еще съ большею охотою глазѣли на нихъ хозяйская дочка и я; но Семенъ Павловичъ скоро разочаровывался и только благодаря протестамъ жены не снималъ раньше времени зажженыхъ свѣчей съ оконъ.

Такова была праздничная жизнь нашего маленькаго дома; будничная, значитъ, шла еще однообразнѣе, но хозяева мои вовсе ею не скучали и если мечтали о лучшемъ, то скорѣе въ смыслѣ количественномъ, чѣмъ качественномъ. Достатки ихъ были такъ малы, что голая нужда не выглядывала на свѣтъ Божій только благодаря необыкновенному умѣнью хозяевъ—затыкать кое-какъ тѣ дырки, откуда бѣдность любитъ выказываться передъ чужими глазами. Что дальше, то чаще Семенъ Павловичъ поминалъ о желаніи продвинуться по службѣ впередъ, сталъ задумываться, домашніе концерты дѣлать рѣже и короче. Прохаживаясь по залу, онъ вздыхалъ, учащенно нюхалъ табакъ, говорилъ вполголоса отрывочныя фразы, между которыми все чаще проскакивало восклицаніе: „ахъ, Господи, дай магазинчикъ“... Я было принимался утѣшать моего добраго хозяина или, вѣрнѣе, внушать ему надежды на скорое исполненіе его желаній на счетъ провіантскаго магазина, но Семенъ Павловичъ махалъ рукой и попытки мои прекращалъ словами:

— Что, голубчикъ, объ этомъ говорить; не дается онъ, проклятый.

3.

Въ этомъ мелкомъ міркѣ, похожемъ на прудъ, заросшій осокой, случались однако же событія, которыя взбудораживали его поверхность и даже взбаламучивали до дна. Такихъ крупныхъ казусовъ при мнѣ было два.

Пріѣзжаю я во второй или въ третій разъ въ отпускъ и слышу какіе-то необычайные звуки: не то мяуканье, не то пискъ. Оказалось, что это крики грудного ребенка.

„Богъ далъ, Божье благословенье завелось у насъ стариковъ“, говоритъ мнѣ Семенъ Павловичъ, потирая руки и усмѣхаясь во всю ширину своего большого рта.

Я сталъ поздравлять, неловко раскланиваясь, но Семенъ Павловичъ разразился неистовымъ хохотомъ. Кухарка выглянула въ дверь съ испуганнымъ лицомъ, ребенокъ заголосилъ вдвое, а я сконфузился до послѣдняго предѣла, признакомъ чему служило пе-

репихиваніе носового платка изъ одного обшлага въ другой,— обыкновенный спутникъ значительнаго кадетскаго замѣшательства.

— Да полно тебѣ, ишь горло распустилъ, — проговорила раскраснѣвшаяся также отъ конфуза Марья Карнѣевна: „не слушайте его, голубчикъ, ребенокъ чужой, отданъ намъ на вскормленіе“.

Семенъ Павловичъ угомонился не сразу; онъ лукаво посматривалъ на свою жену, и когда она, отворачиваясь, съ сердцемъ отплевывалась, то снова разражался громкимъ смѣхомъ, подмигивалъ ей, морщилъ носъ и вообще велъ себя съ развязностью, намекая женѣ на прежнее, молодое время. Но, наконецъ, онъ успокоился и объяснилъ мнѣ въ чемъ дѣло.

Въ Новгородѣ и окрестностяхъ квартировало нѣсколько гвардейскихъ кавалерійскихъ полковъ. Молодой гусарскій офицеръ влюбился и вступилъ въ связь, послѣдствіе которой выразилось въ видѣ новаго, крохотнаго жильца, пожаловавшаго въ этотъ бренный міръ. Какъ тутъ быть? Подумали и рѣшили—пристроить ребенка на первоначальное воспитаніе, проще сказать на вскормленіе, ну а тамъ дальше, что Богъ дастъ. Посовались—посовались и нашли рѣшеніе вопроса въ нашемъ маленькомъ домикѣ, въ семьѣ Перфильевыхъ, для которой всякій лишній грошъ былъ желаннымъ. Какимъ путемъ это рѣшеніе совершилось—не знаю; можетъ быть, renommée Семена Павловича по закупочной части тому содѣйствовало; можетъ быть, дамы, восхищавшія французскимъ языкомъ Марью Карнѣевну, служили проводниками отъ гусара къ ней. Стало въ нашемъ домикѣ моднѣе, шумнѣе и оживленнѣе. Добрые хозяева ухаживали за крошечнымъ Эрастомъ, какъ за собственнымъ сыномъ или внукомъ, въ ихъ нѣжной заботливости совершенно отсутствовала всякая мысль о вознагражденіи. То одинъ, то другая каждоневно подносили своего маленькаго воспитанника ко мнѣ и умиленно говорили: „посмотрите, какой красавецъ“, а Марья Карнѣевна прибавляла кромѣ того столь досадительный для меня эпитетъ, „чернобровый“, хотя существованіе бровей у крошки было невозможно доказать. Вмѣсто послѣобѣденныхъ вокальныхъ концертовъ Семенъ Павловичъ нянчилъ маленькаго Эраста часа по два, расхаживая изъ угла въ уголъ и обращаясь къ нему съ разспросами, наставленіями, внушеніями. „Смотри, братъ Эря, какъ подростешь, учись хорошенько, не лѣнись, не балбесничай, чтобы намъ, старикамъ, глядя на тебя радоваться, а то на этихъ самыхъ мякенькихъ мѣстечкахъ твоихъ такую, братъ, географію нарисуютъ, что заорешь не по нынѣшнему“. И Семенъ Павловичъ похлопывалъ Эрю по географическимъ мѣстамъ для большей убѣдительности. „А какъ большой выростешь, такъ веди себя скромненько, не озорничай,

старшихъ уважай, передъ начальствомъ ни гугу, какъ будто тебя тамъ и нѣтъ, и не было и не будетъ. Начальство, братъ, Богомъ поставлено. Такъ-то". И опять маленькій, любящій шлепокъ. „И къ женскому полу не пристращивайся, когда пора придетъ, что тово, кровь заговоритъ; бабы только на грѣхъ наводятъ... Извѣстно, безъ бабы нельзя, только все надо по закону"...

Кромѣ подобныхъ разновременныхъ внушеній, становившихся впрочемъ все болѣе рѣдкими, такъ какъ надъ ними Марья Карнѣевна стала сильно подсмѣиваться, Семенъ Павловичъ услаждалъ своего вскормленника разными романсами и пѣсенками, которыя, по его мнѣнію, возрасту и положенію Эраста соотвѣтствовали. Изъ обновленнаго такимъ образомъ репертуара я припоминаю только одну пѣсенку, да и то не всю.

Пошелъ козелъ по воду,
По самую бороду;
Бѣжитъ Эря безъ души,
Тащитъ козла за уши.
Козелъ . . . .
Эря подбираетъ:
Думаетъ—орѣшки,
Все козьи . . . .

Присутствіе маленькаго Эраста у Перфильевыхъ продолжалось недолго, всего около года, т. е. видѣлъ я его въ продолженіе двухъ моихъ къ нимъ пріѣздовъ. Но вліяніе его на внутреннюю жизнь маленькаго домика было большое и благотворное, хотя и шумное. Совсѣмъ иной смыслъ имѣло другое крупное событіе, совершившееся ко времени моего послѣдняго пріѣзда въ Новгородъ, передъ Пасхой 1842 года.

Пріѣзжаю я на страстной недѣлѣ и снова слышу дѣтскій крикъ, но уже изъ кухни, и кухарка Дарья меня не встрѣчаетъ, какъ бывало дотолѣ. Хозяева по обыкновенію искренно рады, не знаютъ, какъ усадить, чѣмъ угостить, какими комплиментами усладить, однако все это выходитъ какъ-то искусственио, не въ томъ тонѣ, какъ прежде. Чувствуется, что я явился на этотъ разъ несовсѣмъ кстати. Семенъ Павловичъ точно лебезитъ и заискиваетъ передъ всѣми, Марья Карнѣевна серьезна, даже холодна. Сдѣлалось и мнѣ не по себѣ, такъ какъ въ атмосферѣ маленькаго домика вѣяло чѣмъ-то, доселѣ небывалымъ, стало непріятно и тяжело. Я хотѣлъ было тотчасъ же разспросить кого-нибудь изъ хозяевъ, но духу не хватило; лишь на другой день рѣшился я атаковать Семена Павло-

вича. По своему обыкновенію онъ послѣ легкой выхрапки сталъ расхаживать по залу.

Пѣсенъ онъ не пѣлъ, а только мурлыкалъ себѣ что-то подъ носъ, но такъ тихо, что въ сосѣдней столовой не было ничего слышно. Я вошелъ въ залъ, притворилъ за собою дверь, сѣлъ къ окну и сталъ смотрѣть на улицу.

— Что вы такой словно бы скучный, спросилъ меня Семенъ Павловичъ: видно забота какая народилась?... Или, передъ переѣздомъ въ Петербургъ призадумались о своихъ?... Нечего задумываться, тамъ все благополучно, я надысь вѣсточку получилъ.

— Не то, Семенъ Павловичъ; а кажется мнѣ, что сами вы озабочены, что пріѣхалъ я къ вамъ не во̀-время, и какъ будто мѣшаю или досаждаю.

— Господь съ вами,—проговорилъ Семенъ Павловичъ съ непритворною искренностью: съ чего вы это взяли? И до сей поры этого не было, такой вы были тихій и скромный, а теперь, какъ исполнилось вамъ 16 лѣтъ и вступили вы въ настоящій разумъ, какая же отъ васъ можетъ быть докука?

— Да мнѣ все кажется, что у васъ не все благополучно, сказать мнѣ вы этого не хотите, а скрыть не можете; вотъ и выходитъ, что я не во̀-время пріѣхалъ.

— Развѣ вы сами взяли да и пріѣхали, вѣдь я же за вами лошадку посылалъ: такъ какъ же не во̀-время? Нѣтъ, вы это, тово, не говорите, не годится... Мы ли вамъ не рады, помилуйте...

Семенъ Павловичъ досталъ изъ кармана табакерку, зарядилъ свой носъ огромною щепотью табаку, встряхнулъ и щелкнулъ пальцами, медленно полѣзъ въ карманъ за платкомъ, распялилъ его и какъ будто обдумывалъ—что бы еще такое сдѣлать, чтобы успѣть приготовить для меня объясненіе.

— Вотъ видите ли,—сказалъ, онъ послѣ паузы: подлинно у насъ не все обстоитъ по-прежнему, только это сущіе пустяки. А чтобы вы не сумнѣвались о себѣ (ишь, какой вы чувствительный), я вамъ скажу правду... Видѣли, чай, ребеночка у Дарьи, прибавилъ онъ, понизивъ голосъ и косясь на дверь.

— Замѣтилъ, когда ходилъ въ кухню здороваться, только не спросилъ, съ чего онъ тутъ взялся.

— И хорошо сдѣлали, что конфузить-то... Это ейный сынъ,—пояснилъ шопотомъ Семенъ Павловичъ: да, случился такой грѣхъ. А дѣвка хорошая, работящая, не воровка и съ нами не задорна. Не гнать же ее изъ-за-того, что связалась съ какимъ-то кучеромъ, правда вѣдь? Да и какъ гнать, коли она у меня одна крѣпостная и есть... А все-таки не ладное дѣло вышло: въ честномъ домѣ

одна прислуга да и та эдакая; еще пожалуй ни вѣсть что говорить станутъ въ городѣ. Вотъ мы и въ сумнѣніи, особливо Марья Карнѣевна, и нелады промежъ насъ пошли, не то чтобы большіе, а такъ дрязги... И все-таки видны эти дрязги, какъ ни стараемся ихъ прикрыть, и вы замѣтили... Только прошу васъ, голубчикъ, хоть видъ показывайте, будто ничего кривого или косого вы не видите, а пуще всего не заговаривайте объ этомъ съ Марьей Карнѣевной. Какъ она бычилась вначалѣ, какъ бычилась! Я, говоритъ, эдакого срама не хочу, вонъ ее отсюда, у меня, говоритъ, дочка, такъ не стать мнѣ такую дѣвку держать... Насилу стихла по немногу, да и то не совсѣмъ; а какъ вспомянешь ей, такъ опять закипитъ... Добрая и покладистая у мена жена, сами знаете, а коли что втемяшется ей въ голову и заберетъ за живое, такъ бѣда... Оттого и надо съ ней умѣючи.

Объясненіемъ этимъ я былъ удовлетворенъ не на долго, потому что, сдѣлавшись наблюдательнѣе, пришелъ къ убѣжденію, что едва-ли все такъ произошло, какъ говорилъ Семенъ Павловичъ. Я замѣтилъ, что Марья Карнѣевна избѣгала говорить съ мужемъ, когда это было возможно безъ возбужденія подозрѣній, а если говорила, то сухо, коротко, съ оттѣнкомъ горечи и непріязни. Когда Семенъ Павловичъ возвращался откуда-нибудь домой, и до нея долеталъ изъ передней его голосъ, то по лицу ея пробѣгала пренебрежительная гримаса, и оно принимало выраженіе строгое и холодное.

Такъ же стала неузнаваема Марья Карнѣевна въ своихъ сношеніяхъ съ кухаркой Дарьей. Дарья какъ будто находилась въ кухонномъ арестѣ и въ комнаты безъ крайней надобности не появлялась; здѣсь почти все дѣлала сама хозяйка при помощи дочери. Въ кухню Марья Карнѣевна навѣдывалась гораздо рѣже прежняго, точно противъ воли; распоряженія ея изъ шумныхъ, но добродушныхъ превратились въ малословныя, рѣзкія. Одинъ разъ поднялся въ кухнѣ сильный гвалтъ; мнѣ очень хотѣлось знать, что тамъ происходитъ, но я не пошелъ, а еще заперъ свою дверь. Поступалъ я такъ потому, что успѣлъ искренно полюбить моихъ добрыхъ хозяевъ, особенно Марью Карнѣевну и дорожилъ этимъ чувствомъ; всякая дурная черта, въ нихъ выказывавшаяся, была обидна лично для меня, и я помимо своей воли подыскивалъ толкованія для каждаго подобнаго открытія, лишь бы избѣгнуть разочарованія. Но въ другой разъ я не выдержалъ; услышавъ въ кухнѣ сильную бурю (въ отсутствіе Семена Павловича), я вошелъ въ залъ и приблизился къ двери, ведущей въ переднюю. Хотѣлось войти и въ переднюю, къ самой кухнѣ, но стало стыдно, и я остановился. Говоръ обыкновеннымъ голосомъ отсюда не былъ слышенъ, но возгласы и крики

доходили ясно. Я услышалъ, во-первыхъ, плачъ Дарьи, переходившій по временамъ въ рыданія; на этомъ фонѣ изрѣдка выдѣлялся голосъ Марьи Карнѣевны, въ которомъ звучали гнѣвъ и негодованіе. До меня не доходили ея фразы, а лишь обрывки ихъ и отдѣльныя слова; но и этого было довольно. Я услышалъ „молчи, поскуда", потомъ „подлая холопка", затѣмъ „ты со своимъ щенкомъ", еще „баринова полюбовница" и тому подобное. Очень мнѣ было горько увидѣть Марью Карнѣевну при такомъ невыгодномъ для нея освѣщеніи, но я не уходилъ въ свой дальній кутокъ, желая испить чашу до дна, чтобы прозрѣть совсѣмъ. Я ждалъ, что вслѣдъ за бранью посыпятся удары, и, только удостовѣрившись въ этомъ, рѣшилъ уйти, но обманулся. Марья Карнѣевна не тронула Дарью и, спохватившись, сразу понизила тонъ, отдала кухаркѣ нѣсколько приказаній и ушла въ спальню, откуда не выходила долго. Затѣмъ до самаго моего отъѣзда въ корпусъ, такія бурныя сцены уже не повторялись.

Стало быть, думалъ я, Семенъ Павловичъ виноватъ передъ своей женой прямо по заповѣди, а говорилъ онъ мнѣ совсѣмъ не то. Какъ же это, неужели онъ все сочинилъ, что мнѣ разсказывалъ?

Дѣло было ясное, но мнѣ просто не хотѣлось вѣрить. Колебался я однако недолго. На другой или третій день я собирался выйти изъ дома, чтобы обмѣнять прочитанныя книги на новыя; Марья Карнѣевна отсутствовала. Войдя въ переднюю, я услышалъ изъ кухни голосъ Семена Павловича: „агу-гу, агу-гу", вслѣдъ за этими словами послышались другіе, потомъ третьи,—вообще репертуаръ безсмысленныхъ звуковъ, употребляемыхъ всѣми для бесѣдъ съ крохотными младенцами. Ребенокъ отвѣчалъ соотвѣтственнымъ образомъ, веселымъ голоскомъ, Семенъ Павловичъ посмѣивался и снова заигрывалъ: „Глядь-ко, Дарьюшка, носъ-то какъ вытянулся, совсѣмъ мой, какъ есть отцовскій, вотъ поддѣлъ шибздикъ, шутъ-те возьми, и соврать не дастъ". Я потихоньку выбрался на крыльцо.

Не съ прежними впечатлѣніями прожилъ я мой послѣдній отпускъ у Перфильевыхъ и даже безъ ощутительнаго неудовольствія видѣлъ приближающійся день моего отъѣзда. Мнѣ было жаль разставаться съ моими добрыми и милыми хозяевами, благодаря которымъ мое корпусное существованіе, такъ сказать, освѣжалось, провѣтривалось и просушивалось. Но я смутно понималъ, что впереди будетъ у нихъ уже не то, что было доселѣ, что испорченное непоправимо. Можетъ быть такое умозаключеніе сложилось у меня подъ вліяніемъ разныхъ прочитанныхъ книжекъ, но только я держался его твердо. Съ такимъ убѣжденіемъ сѣлъ я и въ повозку,

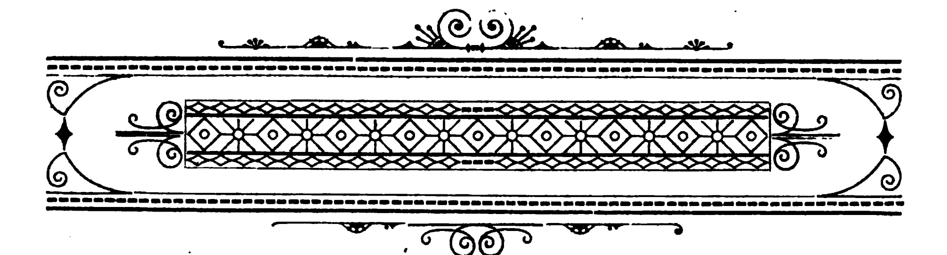
отправляясь въ корпусъ, несмотря на то, что при этомъ послѣднемъ прощаніи доброта, радушіе, любовь ко мнѣ моихъ милыхъ хозяевъ выразились съ такою удвоенною теплотою и сердечностью, что довели меня до слезъ.

Спустя шесть лѣтъ безъ малаго, ѣдучи изъ сѣверо-западнаго края въ Петербургъ, я заѣхалъ на нѣсколько часовъ въ Островъ, гдѣ служилъ тогда Семенъ Павловичъ. Встрѣтились мы старыми друзьями, но при обстановкѣ совсѣмъ иной. Я былъ уже болѣе трехъ лѣтъ офицеромъ, успѣлъ сдѣлаться самостоятельнымъ человѣкомъ, кое-что видѣлъ и испыталъ, кое-что и вытерпѣлъ. Семенъ Павловичъ овдовѣлъ, былъ почти старикъ, добился до цѣли своихъ стремленій—провіантскаго магазина, пріобрѣлъ осанку, отчасти и брюшко, а съ ними вмѣстѣ и апломбъ, выступалъ медленно, говорилъ увѣренно. „Теперь, братъ, я не тотъ“ могли бы мы сказать другъ другу, однако не сказали, ибо это и безъ разговоровъ было видно. Дарьюшка находилась на-лицо, держала себя со скромною почтительностію, но и съ нѣкоторымъ достоинствомъ, а въ какомъ чинѣ она тогда состояла—жены или только подруги—не помню: забылъ и то, находился ли при родителяхъ „шибздикъ“, или безвременно окончилъ свой младенческій вѣкъ.

Послѣ того я никого изъ нихъ уже не видалъ ни разу и извѣстій о нихъ не имѣлъ.

А. Ф. Петрушевскій.

Предсказаніе румынской цыганки.

(Изъ воспоминаній о генералъ-адъютантѣ Степанѣ Степановичѣ Ганецкомъ).

Многимъ памятенъ разсказъ о томъ, какъ Ганецкому высказала предсказаніе румынская цыганка, изъ тѣхъ цыганскихъ таборовъ, о которыхъ А. С. Пушкинъ сказалъ, что они „шумною толпою по Бессарабіи кочуютъ".

I.

Во второй половинѣ сентября 1877 года, при чудной солнечной погодѣ, какою обыкновенно даритъ осень на югѣ, штабъ гренадерскаго корпуса, съ командиромъ генер.-лейт. С. С. Ганецкимъ во главѣ, подошелъ къ мѣстечку *Бригадиръ* верстахъ въ 20 отъ *Зимницы*,—цѣли движенія всѣхъ частей войскъ, волею Царя дополнительно мобилизованныхъ и направленныхъ на театръ войны для нанесенія вѣрнаго удара арміямъ султана Абдулъ-Гамида.

Штабъ только-что расположился во дворѣ квартиры генерала обѣдать, какъ подошли цыгане, и одна изъ цыганокъ, наиболѣе искусившаяся въ дѣлѣ выманиванья „парали" (по-румынски деньги), начала назойливо приставать прямо къ Ст. Ст. своими обычными приговорками, мольбами, полусловами, сопровождая все это ужимками, движеніями плечъ и всего тѣла, а также улыбками, глазками, гримасами.

— А что вотъ я тебѣ нагадаю славному, хорошему генэралюлуй, прикажи, „пофтымъ" (по-румынски означаетъ прошу или вѣрнѣе

пожалуйста) не отказуй, аскультэ (выслушай), карошо „адэваратъ“ правду) погадаю „пря бинэ“ (очень хорошо); все скажу, навецъ фрикъ (не бойтесь), генералю. Генералъ долго отмалчивался; наконецъ сквозь зубы проговорилъ: ступай ты дальше, проходи по добру, по здорову.

— Да, да, да, подхватила дочь степей, здорова, здорова будешь, санатосъ (здоровъ), дай руку я нагадаю пря бинэ... Хорошо генералю, красива генералю.

— Ну тебя,—отвернулся С. С.

— Аскультэ, аскультэ (послушайте) вдругъ еще болѣе оживилась она, видя, что генералъ ускользаетъ отъ нея; я сказю хорошо; мультъ резбелу турческъ (много войскъ турецкихъ) генералю побить будешь, побѣдишь карашо паши турческъ. Ампаратулъ (Императоръ) тебѣ большое подаритъ, мульте (много) большое аржинту ши оръ (серебра и золота) ши маре круче (и большой крестъ)...— Но генералъ отошелъ, а гадалка, видимо остервенившись, добавила: ши пой (а потомъ) на большую рѣку будешь трежере (переправу) дѣлать и за трежере найдешь мортэ... (смерть) ма ну аша курынтъ (хотя не такъ скоро)...

II.

Трудно знать, что понялъ и чего не разобралъ почтенный генералъ; не безъ того, что тутъ же находились офицеры, достаточно понимавшіе по-румынски; кто-то черезъ пень въ колоду перевелъ рѣчи цыганки, конечно умолчавъ передъ генераломъ о высказанномъ ею предсказаніи „смерти у переправы черезъ большую рѣку“.

Врядъ ли кто вѣрилъ болтовнѣ цыганки, врядъ ли кто смотрѣлъ на эту болтовню иначе, какъ на вздорную; однако о послѣднемъ предсказаніи переговаривались нѣкоторые изъ офицеровъ между собой не иначе, какъ шопотомъ, боясь проронить слово.

Суевѣріе во всѣ времена было спутникомъ войскъ, шедшихъ къ боямъ.

Черезъ два дня послѣ того штабъ перешелъ Дунай, и С. С. Ганецкій благополучно расположился на ночлегъ за Систовымъ у дер. Царевацъ, затѣмъ двинулся дальше.—Съ дальнѣйшимъ движеніемъ, когда моментъ предсказанія отодвинулся, несомнѣнно первое впечатлѣніе изгладилось; кромѣ того, для всѣхъ выяснилось, что, въ сущности большой рѣки, въ родѣ Дуная, на всемъ пути дальнѣйшаго движенія не будетъ, значитъ, и переправы никакой не предстоитъ, поэтому, или почему еще иному необъяснимому, но въ концѣ концовъ С. С. узналъ предсказаніе цыганки полностью.

Онъ смѣялся, шутилъ, острилъ надъ мудростью предсказательницы-гадальщицы.—Въ особенности, конечно, и С. С. и всѣ знавшіе этотъ эпизодъ смѣялись по окончаніи войны, когда всѣ благополучно возвратились на родину.

III.

Какъ извѣстно, С. С. Ганецкому сдался Османъ-паша; за взятіе Плевны онъ получилъ орденъ Св. Георгія 3 степени.—Между офицерами онъ назывался „взятель Плевны“, при чемъ отъ него отличали командира IX арм. корпуса генерала Криденера названіемъ „брателя Плевны“.—Эта невинная шутка ходила тогда, передаваясь изъ устъ въ уста, и въ ней не было ничего по отношенію къ покойному Криденеру злостнаго, такъ какъ всѣ знали, что этотъ маститый „взятель Никополя“ съ полнымъ самоотверженіемъ водилъ храбрыя войска свои „брать Плевну“.

Прошелъ годъ послѣ взятія Плевны и плѣненія Османа-паши; Государь выразилъ желаніе отпраздновать день годовщины этого событія у великаго князя Николая Николаевича Старшаго, котораго совершенно справедливо почиталъ главнымъ виновникомъ благополучнаго исхода Плевненскаго сидѣнья.

Послѣ обѣдни и благодарственнаго молебствія, отслуженнаго въ церкви собственнаго Его Высочества дворца (нынѣ зданіе Ксеніинскаго института), Государь обходилъ собравшихся, въ числѣ коихъ находились всѣ состоявшіе при великомъ князѣ во время войны, а также ближайшіе участники эпизода, разыгравшагося собственно на Софійскомъ выходѣ изъ Плевны 28 ноября 1877 года.

Въ очень веселомъ расположеніи духа государь, бодрый, свѣжій подошелъ къ С. С. Ганецкому и сказалъ: „поздравляю тебя съ годовщиной славнаго дня; ты по справедливости заслужилъ званіе моего генералъ-адъютанта, это званіе я тебѣ и жалую; затѣмъ, повернувшись къ великому князю, Государь добавилъ: назначаю его генералъ-адъютантомъ; дѣлаю это съ особеннымъ удовольствіемъ.

С. С. поклонился Государю, и внѣ себя отъ радости, вдругъ произнесъ: Ваше Величество, не по заслугамъ, не заслужилъ...

— Какъ не засл... началъ было Государь, нисколько не измѣняя своего расположеніе духа.

— Не награжденъ за это дѣло полковникъ Фрезе, котораго совѣтами я въ тотъ день пользовался, безъ этихъ совѣтовъ ничего не вышло бы, я объ этомъ тогда же докладывалъ...

— И что же? спросилъ Государь, развѣ Фрезе не получилъ за это никакой награды?

— Въ томъ-то и дѣло, что кромѣ вашего благоволенія ничего

не получилъ, отрѣзалъ С. С. по своей простотѣ, забывши все кромѣ благороднаго желанія наградить того, кто, по его мнѣнію, заслужилъ больше его самого.

Государь разсмѣялся отъ души.—А какой награды ты ему желалъ бы?—спросилъ Царь, положивъ руку на плечо старика.

— Да онъ по статуту заслужилъ орденъ св. Георгія...

— Гдѣ Фрезе?—повернулся Государь въ сторону...

— А, вотъ онъ, здравствуй.—Вотъ твой боевой начальникъ свидѣтельствуетъ о твоей заслугѣ; я награждаю тебя крестомъ Егорья 4 степени (Государь всегда такъ произносилъ имя Святаго Георгія). Идя дальше и увидѣвъ около себя, кромѣ Вел. Кн., еще гр. Милютина, Государь сказалъ имъ: пусть это будетъ рѣшеніемъ той орденской Думы, которая здѣсь могла бы составиться изъ насъ, егорьевскихъ кавалеровъ, насъ здѣсь кажется немало; а я еще болѣе теперь доволенъ тѣмъ, что наградилъ сегодня достойнаго старика Ганецкаго, и что онъ надумалъ благородно напомнить мнѣ о заслугахъ своего боевого сотрудника.

IV.

Прошло два съ лишнимъ года.—Наступилъ злосчастный для Россіи день 1-го марта. Черезъ нѣсколько дней въ Петропавловскомъ соборѣ, у гроба Царскаго, между прочими чинами свиты, дежурилъ ген.-адъют. С. С. Ганецкій; въ минуту смѣны съ дежурства, онъ увидѣлъ тутъ же пріѣхавшаго къ панихидѣ военнаго министра ген.-адъют. гр. Д. А. Милютина.

— Ваше сіятельство, позвольте васъ побезпокоить.

— Что прикажете?

— Скончался ген.-адъютантъ баронъ Майдель.

— Скончался? я не зналъ; царствіе ему небесное.

— Изъ генераловъ, имѣющихъ право занять послѣ него должность Коменданта Петропавловской крѣпости, я старшій...

— Ахъ вотъ что, сказалъ, какъ будто съ оттѣнкомъ нѣкотораго, если не неудовольствія, то нетерпѣнія графъ Милютинъ... Но умѣстно ли здѣсь объ этомъ; это вѣдь разсмотрится своимъ порядкомъ, доложится и рѣшится въ свое время...

С. С., понявъ, что, опять-таки въ простотѣ своей, увлекся не въ мѣру, что подступилъ не кстати и не у мѣста,—сконфуженно отошелъ...

Тогда графъ Милютинъ, въ свою очередь, какъ бы спохватившись, сказалъ: я не сомнѣваюсь, Ст. Ст., въ томъ, что Вы будете назначены, все говоритъ за Васъ: и Ваше старшинство, и Ваши

заслуги и Ваша всегдашняя заботливая распорядительность въ дѣлахъ службы.

— Извините, ваше сіятельство, что я здѣсь съ этимъ обратился, но я счелъ, что въ такую минуту, когда останки Царя покоятся здѣсь непогребенными, крѣпость не можетъ оставаться ни одного часа безъ коменданта.

— Да, да, конечно, и я благодарю Васъ за напоминаніе...

На другой день вышелъ Высоч. приказъ о назначеніи ген.-адъют. Ганецкаго комендантомъ Петропавловской крѣпости. Коменданта крѣпости ген.-адъют. бар. Майделя, очень крѣпкаго старика, постигъ ударъ въ моментъ полученія имъ извѣстія о злодѣйскомъ, предательскомъ убіеніи Государя; черезъ нѣсколько дней онъ скончался.

V.

Степанъ Степановичъ всегда былъ извѣстенъ за начальника, именно отличавшагося „заботливою распорядительностью", какъ кратко и крайне мѣтко выразился объ немъ графъ Милютинъ. Сейчасъ же закипѣла его распорядительность, а затѣмъ въ теченіе шести лѣтъ пребыванія въ должности Ст. Ст. постоянно развивалъ эту распорядительность; въ особенности же онъ показывалъ свою всестороннюю заботливость о томъ, чтобы расположенныя въ крѣпости части войскъ ни въ чемъ не терпѣли недостатка; онъ постоянно входилъ во все, что тѣхъ частей касалось: пища нижнихъ чиновъ, отопленіе казармъ, удобство расположенія, чистота воздуха, своевременность отдыха—все это составляло предметъ неустанныхъ заботъ Степ. Степ.

— Съ удовольствіемъ вижу, господа,—говаривалъ онъ начальникамъ частей, что вы такъ заботливо относитесь къ солдатской пищѣ. Солдатъ долженъ ѣсть отнюдь не хуже насъ; ему дается другая пища, но та, которую ему отпускаютъ, должна быть лучшаго качества и приготовлена лучшимъ поварскимъ мастеромъ; надавливайте на поваровъ и на буфетчика и на эконома, такъ онъ въ шутку называлъ кашевара, артельщика и хлѣбодара.

Относительно чистоты въ казармахъ Ст. Ст. говорилъ: солдатъ долженъ жить въ полной чистотѣ, какъ и мы; не полагается ему ни полотеровъ, ни лакеевъ, ни поденщицъ для мытья половъ, оконъ и дверей, самъ онъ долженъ быть и тѣмъ и другимъ и третьимъ для того, чтобы самому же и пользоваться этой чистотой, т. е. чтобы самому и бариномъ себѣ быть.

— Господа командиры, смотрите тщательно за чистотой воздуха въ казармахъ, заботливо хлопочите объ устройствѣ вентиляторовъ;

просите г.г. инженеровъ, кланяйтесь имъ, дружите съ ними, они народъ хорошій, а при случаѣ ссорьтесь съ такими, которые къ этому важному вопросу позволяютъ себѣ относиться равнодушно; вентиляторы должны быть такъ устроены и такъ содержаны, чтобъ, какъ только солдатъ въ казармѣ вздохнетъ,—вентиляторъ моментально уносилъ бы каждый вздохъ, прямо безъ промедленія, — что называется изъ первыхъ рукъ.

Ст. Ст. разсказывалъ, что солдаты очень хорошо понимаютъ необходимость и значеніе вентиляторовъ.

— Вы не смотрите, что они ихъ различно называютъ; значеніе и назначеніе ихъ они прекрасно цѣнятъ; одни говорятъ: „вѣтерляторъ“ т. е. дѣлаетъ вѣтеръ; другія называютъ „вертиляторъ“,— потому что вертится, третьи обозначаютъ „воньтеряторъ“,—но всѣ одинаково понимаютъ, что вентиляторы ставятся въ казармахъ для очистки воздуха, для уничтоженія вони въ солдатскихъ покояхъ.

VI.

Солдаты знали его всегдашнюю объ нихъ заботливость и очень любили старика.—Про него ходило между ними много разсказовъ.— Разсказывали, будто бы, еще когда Ст. Ст. командовалъ дивизіей въ Нижнемъ Новгородѣ, ѣдетъ онъ бывало съ ученья, видитъ бабъ, работающихъ въ полѣ.

— Здорово, бабы! —кричитъ онъ имъ.

Тѣ молчатъ,—одна отвѣтила—здравствуй, батюшка.

— Это что такое, ахъ вы неучи, не знаете какъ отвѣчать на привѣтствіе, я вотъ васъ, я вамъ задамъ. Кто-то изъ офицеровъ потомъ обучилъ бабъ. Ѣдетъ генералъ въ другой разъ: здорово, бабы.

„Здраемъ желаемъ, ваше присходительство“—завизжали онѣ всѣ въ одинъ голосъ.

— Ахъ, ахъ; ну молодцы, молодцы бабы!

Молчатъ.

— Что же вы не знаете, какъ отвѣчать на похвалу? я вотъ васъ, я вамъ задамъ.—Опять офицеръ выручилъ, научивъ ихъ въ другой разъ отвѣчать: рады стараться, ваше превосходительство.

VII.

Прошло шесть лѣтъ со времени назначенія Ст. Ст. комендантомъ Петропавловской крѣпости.

Въ 1887 году, на шестой и на страстной недѣлѣ поста,—въ концѣ марта, стояли необыкновенно теплые дни; ледъ на Невѣ

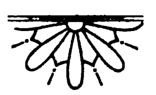
пошелъ очень рано, и Ст. Ст. назначилъ обыкновенный комендантскій переѣздъ черезъ Неву на субботу страстной недѣли; — кажется, это было 4 апр. Въ ночь на субботу поднялся сѣверный вѣтеръ, началъ падать снѣгъ, а утромъ надъ Петербургомъ разразилась метель. Ст. Ст. переѣзда не отмѣнилъ; несмотря на вьюгу, онъ остался во все время переѣзда черезъ бушевавшую рѣку на палубѣ парохода, въ пальто, надѣтомъ въ рукавъ, по обыкновенію, лишь на одно плечо.

Совершивъ благополучно переправу и представившись въ Аничковомъ Дворцѣ Государю Императору, прибывшему ко дню Св. Пасхи изъ Гатчины въ Петербургъ, — Ст. Ст., веселый и довольный, вернулся въ крѣпость. Но къ вечеру того же дня онъ слегъ; на пасхальный выходъ въ Зимній дворецъ ему попасть не довелось, а на третій день Пасхи онъ скончался отъ крупознаго воспаленія легкихъ.

Вотъ какъ, все-таки, сбылось накарканное цыганкой предсказаніе,—герой Плевны Ст. Ст. Ганецкій нашелъ свою гибель при переправѣ черезъ большую рѣку, хотя и не скоро.

А. Е. К.

Ст. Сиверская.
22 іюня 1907 г.

Сообразительность денщика.

Командиръ л.-гв.*** полка князь И. Θ. Ш., будучи очень молодымъ офицеромъ, получилъ въ 1853 году въ одной изъ стычекъ съ турками подъ Силистріей штыковую рану, которая вызвала необходимость вылущенія лѣваго глаза.

Впослѣдствіи ему былъ вставленъ стеклянный глазъ, который можно было отличить отъ настоящаго, только по его неподвижности.

Ради соблюденія чистоты, приходилось на ночь вынимать искусственный глазъ и опускать въ стаканъ съ водой. Старый лакей, въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, изо дня въ день, подавалъ для этого на подносѣ стаканъ воды и тутъ же, съ опущеннымъ въ него глазомъ, ставилъ его на столъ. Случилось однажды князю нѣсколько дней прогостить у одного изъ своихъ товарищей по охотѣ; приказавъ вечеромъ денщику подать стаканъ воды, князь продѣлалъ обычную манипуляцію. Денщикъ, вмѣсто того, чтобы отойти, остался на мѣстѣ въ изумленіи.

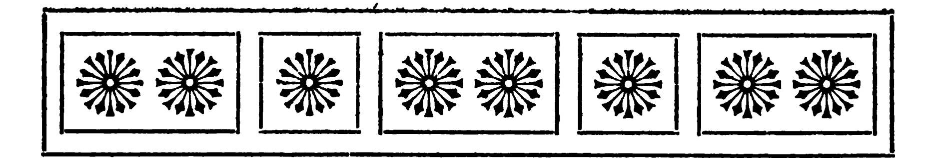
— Ну, что же стоишь? ступай, поставь подносъ на столъ.

— А пожалуйте жъ, ваше сіятельство, другой глазъ, сказалъ сообразительный бѣлоруссъ...

Сообщилъ А. Е. К.

1907 г., декабря 30-го.
Г. Уфа.

За кулисами дипломатіи.

ГЛАВА IV [1]).

М. Г. Черняевъ.—Поѣздка Карцова въ Эмсъ.—Государь намѣревается Черняева лишить знаковъ военнаго ордена.—Опять двойственная политика.—Декларація Карцова графу Андраши. — Письмо Гирса. — Н. П. Игнатьевъ предупреждаетъ султана Абдулъ-Азиса о грозящей ему опасности. — Положеніе въ Константинополѣ послѣ переворота.—Взглядъ Н. П. Игнатьева на сербскую войну.—Его оптимизмъ. — Старанія его организовать Сербіи помощь: деньгами, военными снарядами, добровольцами, госпитальными принадлежностями. — Рейхштадтское свиданіе. — Secret du roi.—Отзывы Н. П. Игнатьева и Е. П. Новикова.—Непостижимое потворство Австро-Венгріи добровольческому движенію.

Пріѣздъ въ Сербію М. Г. Черняева, съ точки зрѣнія и юридической и формальной, представлялся вполнѣ естественнымъ и законнымъ. Находясь въ чистой отставкѣ, М. Г. Черняевъ имѣлъ право располагать собою. Совѣтъ готовиться къ войнѣ дало Сербіи само русское правительство. Если, въ качествѣ инструктора, сербскій кабинетъ счелъ нужнымъ пригласить русскаго заслуженнаго генерала, такой выборъ петербургскимъ сферамъ, казалось бы, долженъ былъ бы быть пріятенъ во всѣхъ отношеніяхъ.

Совершенно иной обликъ получаетъ дѣло, принявъ во вниманіе совокупность тогдашнихъ обстоятельствъ, настроеніе русскаго общества и личность М. Г. Черняева. Выѣздъ изъ Петербурга М. Г. Черняева или, вѣрнѣе, его исчезновеніе произвело въ городѣ дѣйствіе электрическаго тока. И до Черняева въ Герцеговинскомъ возстаніи принимали участіе русскіе добровольцы, но это были отчаянные люди и, большею частью, зеленая молодежь. Теперь выступалъ на арену крупный общественный и военный дѣятель. Съ проницательностью, свойственною восточнымъ людямъ, сербскіе министры тотчасъ сообразили—какой могучій козырь даетъ имъ въ руки

[1]) См. «Русск. Стар.», 1908 г. мартъ.

популярное имя М. Г. Черняева. Надо думать, М. Г. едва-ли отъ нихъ скрылъ знаменательный фактъ—что съ нимъ въ перепискѣ состоитъ В. В. Зиновьевъ, гофмаршалъ наслѣдника русскаго престола.

А. Н. Карцовъ къ появленію М. Г. Черняева въ Бѣлградѣ отнесся довольно безразлично. Изъ Петербурга на этотъ счетъ никакихъ указаній не приходило. Чуть ли не со школьной скамьи, А. Н. Карцевъ служилъ за границею и, очень понятно, съ теченіемъ внутренней русской жизни былъ знакомъ довольно поверхностно. Внушая сербамъ необходимость, на случай войны, вооружаться, онъ могъ только радоваться тому, что сербская армія попадаетъ въ умѣлыя руки. Въ М. Г. Черняевѣ, на первыхъ порахъ, онъ видѣлъ военнаго спеціалиста, а политическое его значеніе раскрылось ему не сразу.

Кромѣ того, Карцовъ зналъ сербовъ не по наслышкѣ, а каковы они на дѣлѣ. Мысль, чтобы ради нихъ Россія пошла на войну, представлялась ему слишкомъ нелѣпою. Общественнаго одушевленія, которое вскорѣ охватило Россію, онъ, разумѣется, не предугадывалъ.

Въ концѣ мая 1876 г., А. Н. Карцовъ былъ вызванъ въ Эмсъ, гдѣ Императоръ Александръ II пользовался водами. Онъ прибылъ, какъ разъ, въ минуту, когда пришло извѣстіе о Константинопольскомъ переворотѣ и воцареніи султана Мурада. Съ Государемъ были: канцлеръ князь Горчаковъ, старшіе совѣтники: баронъ А. Г. Жомини и А. С. Энгельгардтъ, баронъ Фредериксъ и др. Среди роскошной природы Эмса, господа эти наслаждались жизнью совершенно открыто, нисколько не стѣсняясь близостью снисходительнаго Монарха. Государь былъ въ негодованіи на Черняева, осмѣлившагося стать во главѣ сербскаго войска, не получивъ на то разрѣшенія. Онъ намѣревался лишить Черняева военнаго ордена. „Постарайтесь отговорить Государя“, говорилъ Андрею Николаевичу князь Горчаковъ. Мы, его приближенные, потеряли всякое вліяніе. Nous sommes usés, complétement usés“. А. Н. доложилъ Государю, что нельзя лишать Черняева того, что составляетъ его заслуженное достояніе, и что строгостями можно только еще болѣе усилить его популярность. „Хорошо, сказалъ Государь, но я запрещаю тебѣ принимать Черняева“. Вслѣдъ затѣмъ А. Н. была дана категорическая инструкція—не допускать Сербію до войны. Прощаясь, князь Горчаковъ ослабилъ значеніе этой инструкціи, добавивъ: „При всемъ томъ, не забывайте, что если Государь противъ войны—его сынъ, Наслѣдникъ Престола, стоитъ во главѣ движенія“. А. Н. оставилъ Эмсъ, сильно смущенный двойственностью въ правитель-

ствѣ, такъ осязательно выступившею наружу. Въ Вѣнѣ съ нетерпѣніемъ его ожидалъ Новиковъ.

— Можете ли вы поручиться, что войны не будетъ?—въ упоръ спросилъ онъ А. Н. Тотъ отвѣчалъ: „въ предѣлахъ человѣческаго предвидѣнія, могу сказать утвердительно: миръ нарушенъ не будетъ“. „Согласны ли вы повторить это графу Андраши?“ „Да, согласенъ“. И вотъ оба дипломата отправились въ Staatskanzlei къ Андраши. Въ присутствіи Новикова, А. Н. далъ австрійскому министру самыя рѣшительныя завѣренія въ миролюбивыхъ намѣреніяхъ русскаго правительства. Казалось бы, послѣ этого ему оставалось только, вернувшись въ Бѣлградъ, объявить рѣшительную волю русскаго Государя и потребовать немедленнаго выѣзда Черняева. Вышло, какъ разъ, наоборотъ. Отъ управляющаго мин. иностр. дѣлъ Н. К. Гирса получилось письмо съ наставленіемъ въ духѣ Аничковскаго дворца. Человѣкъ чрезвычайно осторожный, Николай Карловичъ представлялъ собою homme d'avenir, на политическое чутье котораго можно было положиться: вѣдь и князь Горчаковъ колебался между Государемъ и Наслѣдникомъ. Въ результатѣ, послѣдовала война [1]).

Во время пребыванія Карцова въ Эмсѣ, Императоръ Александръ II относился къ нему чрезвычайно милостиво. Два раза онъ былъ удостоенъ приглашеніемъ къ Высочайшему столу. Послѣ обѣда, одинъ иностранный принцъ подошелъ къ А. Н. и сказалъ ему: „Est ce que les oreilles ne vous ont pas tinté des éloges que l'Empereur faisait de vous pendant le dîner“.

Константинопольскій переворотъ для Н. П. Игнатьева, какъ и для другихъ, явился неожиданностью, но, что дѣло неминуемо завершится катастрофою,—это онъ сознавалъ напередъ и вполнѣ отчетливо. Обыкновенно, между нимъ и султаномъ посредникомъ служилъ, представитель хедива Измаила-паши, Абрамъ-эффенди, впослѣдствіи Абрамъ-паша. Черезъ Абрама-эффенди Н. П. Игнатьевъ предостерегалъ султана и совѣтовалъ ему двухъ наиболѣе опасныхъ пашей отправить въ изгнаніе. Самоувѣренно отвѣчалъ Абдулъ-Азисъ: „генералъ Игнатьевъ потому безпокоится, что не знаетъ обычаевъ нашей вѣры. Стоитъ мнѣ показать четки,—мятежниками овладѣетъ такой страхъ, что они тотчасъ опомнятся и выдадутъ зачинщиковъ“. Съ того момента, какъ русское правительство непосредственное соглашеніе съ Турціею отвергло и предпочло ему entente à deux съ Австріею, наше вліяніе въ Константинополѣ

---

[1]) Ю. Карцовъ. Семь лѣтъ на ближнемъ Востокѣ. С.-Петербургъ, 1906 г. Стр. 49—50.

пошло на убыль. Убіеніе Абдулъ-Азиса и замѣна его Мурадомъ нанесли ему послѣдній ударъ. Вотъ какимъ образомъ въ письмѣ къ А. Н. Карцову отъ 17-го іюня 76 г., Н. П. Игнатьевъ рисуетъ положеніе.

„Васъ интересовало въ особенности знать—поколеблено ли наше вліяніе на Босфорѣ или нѣтъ? Тройственный союзъ (какъ я предвидѣлъ) потерпѣлъ полное фіаско. Ради вѣнскихъ изобрѣтеній, мы были связаны по рукамъ и по ногамъ, а, между тѣмъ, англійскій флотъ явился въ Безику, и Англія открыто поддерживаетъ мусульманскую революцію. Флотъ не имѣлъ съ нашей стороны соотвѣтствующаго противовѣса. Здѣсь совершенная анархія, разгулъ фанатизма въ провинціяхъ. Дипломатическаго дѣйствія никакого быть не можетъ, пока не образуется серьезное правительство и султанъ не сдѣлается хозяиномъ. Теперь онъ плѣнникъ олигархіи нашей. Англичане прокричали о конституціи и видятъ теперь, что обожглись. Они воображаютъ, что хозяйничаютъ, потому что поддакиваютъ во всемъ турецкимъ революціонерамъ и плывутъ по мусульманскому теченію, предавая христіанъ въ руки палачей. Я замѣтилъ на этихъ дняхъ Эллiоту при всемъ дипломатическомъ корпусѣ: qu'un steeple chase entre nous sous ce rapport est impossible et que je lui abandonne volontairement le prix“.

Передъ тѣмъ, совѣтникъ султана и страхъ турецкихъ министровъ, на другой день переворота, Н. П. Игнатьевъ, вмѣстѣ со своими пятью секретарями, очутился словно сидящимъ на отмели. Но примириться съ безвыходностью положенія было не въ его характерѣ. Онъ сознавалъ: случившееся произошло не по его винѣ, а какъ неизбѣжное, имъ предвидѣнное и предсказанное, послѣдствіе ошибочнаго направленія. Англійскій посолъ лордъ Эллiотъ предрекалъ: Сербія будетъ раздавлена легко, и съ положеніемъ Милана падетъ русское вліяніе. Типунъ ему на языкъ! восклицаетъ генералъ Игнатьевъ. Сербо-Черногорская авантюра единственно оставшійся шансъ прижать Турцію къ стѣнѣ и заставить ее покориться.

Въ слѣдующемъ письмѣ, отъ 29-го іюля 1876 г. Н. П. Игнатьевъ пишетъ Карцову:

...„Признаюсь, я всею душою въ сербо-черногорскомъ лагерѣ. Юнаки, молодцы сербы. Никакъ не ожидалъ что съ перваго раза будутъ такъ хорошо держаться подъ огнемъ. Разбитіе Мехмеда Али и взятіе Новаго Базара весьма важно“...

Вскорѣ выяснилось: извѣстія о сербскихъ побѣдахъ были газетными утками. Тому, что хочется, человѣкъ вѣритъ охотно. Затѣмъ, Н. П. Игнатьевъ продолжаетъ:

„Я былъ противъ войны, потому что она не достаточно подго-

товлена. Греки не двигаются еще, а турки успѣли въ теченіе девяти мѣсяцевъ стянуть всѣ свои силы къ княжеству и возбудить до крайности фанатизмъ и энтузіазмъ. Благоразуміе требовало выждать еще мѣсяца два и принять нѣкоторыя предварительныя мѣры. Но разъ война началась, необходимо (мы солидарны нравственно въ этомъ отношеніи, какія бы дипломатическія мѣры ни принимали), чтобы сербы-черногорцы-болгары устояли противъ турецкаго войска и имѣли успѣхъ, хотя въ теченіе двухъ, трехъ мѣсяцевъ, т. е. пока Европа убѣдится въ необходимости конференціи для окончанія безполезнаго кровопролитія.

...Мы должны желать всею душою успѣха сербамъ, ибо, иначе, пожалуй, насъ втянутъ въ войну и, во всякомъ случаѣ, при успѣхѣ турокъ, намъ пришлось бы вмѣшаться, что было бы затруднительно при существующихъ обстоятельствахъ.

...Если сербы продержатся два мѣсяца въ томъ положеніи, въ которомъ нынѣ находятся—дѣло выиграно и князь Миланъ сдѣлается хозяиномъ у себя дома".

Итакъ, генералъ Н. П. Игнатьевъ высказываетъ надежду, что успѣхъ сербскаго оружія, хотя бы временный, заставитъ Европу вмѣшаться дипломатически и, такимъ образомъ, избавитъ Россію отъ необходимости дѣйствовать непосредственно. Что же до упрека—война преждевременна, слѣдовало бы подождать еще два мѣсяца и пр., это обычное въ подобныхъ случаяхъ façon de parler. Вѣдь и Турція не сидѣла бы сложа руки и, при помощи англійскаго золота, использовала бы эти два мѣсяца несравненно лучше маленькой Сербіи. Впослѣдствіи самъ Н. П. Игнатьевъ сѣтовалъ на продолжительность стоянки нашей арміи въ Кишиневѣ и сравнивалъ турецкія вооруженія съ пожаромъ, которому даютъ срокъ разгорѣться. Пользуясь бездѣйствіемъ турокъ, сербы продержались болѣе трехъ мѣсяцевъ, и, все-таки, Европа не пошевелила пальцемъ, чтобы положить конецъ „безполезному кровопролитію", и не она остановила побѣдоносное турецкое воинство, а поставленный Россіею ультиматумъ. Въ то время, какъ генералъ Игнатьевъ, дабы Россію спасти отъ войны, строилъ разсчеты на успѣхѣ сербовъ,—вожаки движенія, напротивъ, прекрасно понимали, что собственными силами они ничего не подѣлаютъ и потому все ихъ стремленіе сводилось—Россію, какъ-нибудь, запутать и вовлечь въ войну.

Поставивъ все дальнѣйшее въ зависимость успѣха сербскаго оружія, генералъ Игнатьевъ изыскиваетъ способъ оказать Сербіи помощь. Въ томъ же письмѣ онъ пишетъ:

„...Надо помогать Сербіи всячески, чтобъ самимъ не быть „увлеченными въ передрягу". За деньгами надо обратиться—черезъ Сла-

вянскій Комитетъ или графиню Блудову — къ Москвѣ. Я уже писалъ княгинѣ Трубецкой. Но нужно, чтобы сербы кого-нибудь (ловкаго) послали. Если надо что-нибудь получить изъ Петербурга (дипломатически), можно бы послать Мариновича, устроивши, однако, такъ, чтобы Новиковъ не сбилъ его съ толку, на пути, какъ бывало неоднократно...

...Гдѣ Беккеръ? [1]) Если недостатокъ хорошихъ офицеровъ, стоитъ кличъ кликнутѣ у насъ—и много охотниковъ явится. Переходятъ ли въ Сербію граничары и австрійскіе офицеры славяне?...

...Надо обратиться къ Московскому комитету (Славянскому), чтобы пособить свинцомъ и т. п. Съ своей стороны, стараюсь подѣйствовать па Петербургъ"...

Въ этихъ отрывочныхъ фразахъ Н. П. Игнатьевъ набрасываетъ программу той „комитетской" общественной войны съ Турціею, которая, впрочемъ, была уже, и помимо него, въ полномъ ходу. Что онъ серьезно допускалъ возможность успѣха сербовъ—доказываетъ слѣдующее мѣсто того же письма:

„...Отсюда высылаютъ всѣ войска. Отъ хедива вытребовали обязательный contingent. Онъ выслалъ, испуганный англо-турецкомъ флотомъ, два полка, возвратившіеся только-что изъ Абиссиніи, деморализованные и взбунтовавшіеся противъ него. Надѣюсь, что этимъ и ограничится. Полки эти останутся въ Константинополѣ. Если бы Новобазарскій корпусъ былъ уничтоженъ, а Нишскій и Софійскій поочередно разбиты, то Сербія была бы обезпечена".

Русское правительство оптимизма генерала Н. П. Игнатьева не раздѣляло и на побѣду сербовъ надеждъ не возлагало. Въ предвидѣніи международныхъ осложненій, оно, въ духѣ переговоровъ 1875 г., къ тѣснѣйшему сближенію съ Австро-Венгріей сдѣлало новый шагъ. 26-го іюня 1876 г. въ Рейхштадтѣ состоялось свиданіе между императорами: русскимъ Александромъ II и австрійскимъ Францомъ-Іосифомъ. Рѣшено было въ конфликтъ Турціи съ Сербіею и Черногоріею не вмѣшиваться; посягательства Турціи на цѣлость территоріи этихъ государствъ не допускать. Затѣмъ, Австрія объявила, что образованія за Дунаемъ значительнаго славянскаго или иного государства она не дозволитъ и, въ случаѣ status quo на Балканскомъ полуостровѣ, она потребовала себѣ компенсацію. Въ отвѣтъ, Россія предъявила притязаніе на часть Бессарабіи, которую въ 1856 году у нея отняли.

---

[1]) Русскій офицеръ Генеральнаго штаба. Оставивъ службу по какимъ-то недоразумѣніямъ, былъ въ Египтѣ, а оттуда пріѣхалъ въ Бѣлградъ и поступилъ на сербскую службу.

Постановленія Рейхштадтскаго свиданія составляютъ какъ бы двѣ части и совершенно особыя. Первая,—о невмѣшательствѣ, немедленно была оглашена и сдѣлалась предметомъ дипломатической переписки. Вторую,—касательно территоріальнаго передѣла, кабинеты уговорились держать въ секретѣ. Генералъ Н. П. Игнатьевъ, конечно, былъ бы крайне пораженъ, узнавъ, что, втайнѣ отъ него, русское правительство съ Австро-Венгріей уже вступило во формальную сдѣлку. Вотъ что, по поводу событія, онъ пишетъ Карцову (отъ 29 іюля 1876 г.):

„...При послѣднемъ свиданіи нашего Государя съ Императоромъ австрійскимъ условлено полное невмѣшательство (о которомъ всегда насъ просили Ристичъ и Мариновичъ), съ тѣмъ, что при развитіи обстоятельствъ, кабинеты обсудятъ сообща, что предпринять. Если побѣда будетъ на сторонѣ сербовъ, то fait accompli рѣшится въ ихъ пользу. Non—intervention—мечъ обоюдоострый. Зичи сообщилъ о результатѣ этомъ Портѣ. Андраши рветъ и мечетъ, когда ему только намекнутъ о необходимости присоединенія Босніи къ Сербіи“...

Если въ Н. П. Игнатьевѣ Рейхштадтское соглашеніе оставляетъ нѣкоторое чувство неудовлетворенности, за то какимъ торжествующимъ и самодовольнымъ тономъ звучитъ письмо Е. П. Новикова къ Карцову, отъ 28 іюня 1876 г.!

„...Въ Рейштадтѣ рѣшено объявить политику невмѣшательства ни въ ту, ни въ другую сторону, съ тѣмъ, однако же, что союзные государи, связанные полнымъ единодушіемъ, предоставляютъ себѣ дальнѣйшее соглашеніе съ прочими великими христіанскими державами, въ случаѣ, если обстоятельства того потребуютъ.

Я имѣлъ счастіе присутствовать при этомъ исторически-достопамятномъ свиданіи и удостовѣриться въ полномъ и искреннемъ согласіи нашего Всемилостивѣйшаго Государя съ Императоромъ австрійскимъ.

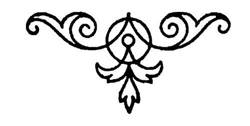
...А куда дѣвались „оборонительныя“ приготовленія Сербіи? Вы вспомните, любезный товарищъ, что я ихъ всегда считалъ „наступательными“ и, къ несчастію, не ошибся“.

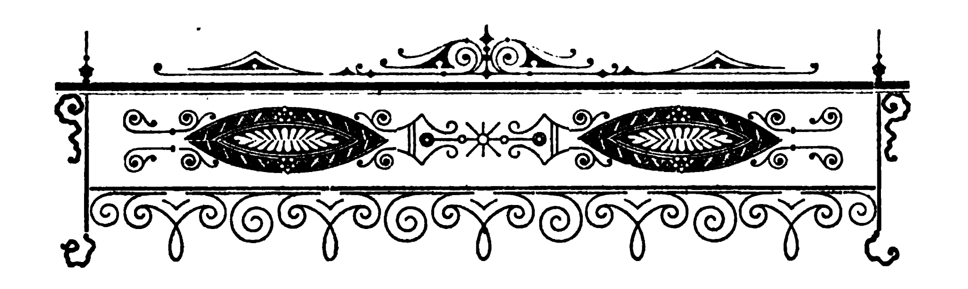
При той таинственности, которою окружались переговоры съ Австро-Венгріею, нѣтъ ничего удивительнаго, если сближеніе между правительствами на отношенія между народами оставалось безъ вліянія и ничуть не измѣнило давнишняго предубѣжденія русскаго общества противъ Австріи. Вся наша печать, дѣятели военные, дипломаты въ secret du roi непосвященные, продолжали, какъ и до того, видѣть въ Австріи завзятаго врага, предпринятаго Россіею, святаго дѣла освобожденія турецкихъ христіанъ. Почему, однако, этотъ врагъ не только Сербіи и Черногоріи не препятствуетъ воевать

съ Турціею, но и пропускаетъ изъ Россіи къ нимъ транспорты съ оружіемъ и на своихъ пароходахъ возитъ отряды добровольцевъ? Этого вопроса никто себѣ не ставилъ. Впрочемъ, по части резоновъ шовинисты народъ нетребовательный: услужливость Австріи объяснялась ея страхомъ предъ мощью Россіи и славянства.

Ю. С. Карцовъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Портъ-Артурская эскадра наканунѣ гибели [1].

(Окончаніе).

VIII.

Былъ, однако, моментъ 28-го іюля, когда японскій флотъ не могъ избѣжать столкновенія съ броненосцами нашей эскадры на ближайшемъ разстояніи и подвергался даже опасности тараненія. Конечно, этотъ послѣдній способъ морской войны очень примитивенъ и по увѣренію многихъ морскихъ публицистовъ и тактиковъ уже отжилъ свой вѣкъ. Но на войнѣ все должно быть направлено для исполненія важнѣйшей задачи, къ побѣдѣ. А я уже выше говорилъ, что успѣхи японскихъ войскъ на материкѣ всецѣло зависѣли отъ свободы сообщеній по морю и отъ полнаго господства на немъ Японіи. Если бы нашей эскадрѣ удалось цѣною собственной жизни утопить три, или четыре японскіе броненосца, Цусимскаго погрома не было бы, мостъ, соединявшій Японію съ Манчжуріею, былъ бы разрушенъ, дессантная армія была бы изолирована. Кто пережилъ послѣднюю войну съ Турціею и помнитъ Плевну, тотъ прекрасно знаетъ всю цѣну Зимницкаго моста.

Когда въ началѣ седьмаго часа „Цесаревичъ" круто повернулъ влѣво и, перерѣзавъ линію между „Пересвѣтомъ" и „Севастополемъ", смѣшалъ весь порядокъ строя, японскіе броненосцы воспользовались этимъ замѣшательствомъ и стали усиленно поражать наши съ разстоянія 20-ти кабельтововъ. Однако растерянность овладѣла не всѣми командирами нашей эскадры. Командиръ „Севастополя" момен-

---

[1]) См. „Русская Старина" 1907 г. ноябрь.

тально сообразилъ, что настало время воспользоваться близкимъ разстояніемъ и таранить непріятельскіе броненосцы. Та же мысль пришла въ голову и командиру „Ретвизана". Но фатальное несчастіе, или роковая случайность преслѣдовали нашу эскадру до конца. „Въ этотъ моментъ моего рѣшенія"—говоритъ капитанъ 1-го ранга фонъ-Эссенъ—„прибѣжалъ ко мнѣ изъ кочегарки младшій механикъ и доложилъ, что снарядомъ, попавшимъ въ дымовой кожухъ, перебиты нѣкоторыя паропроводныя трубы и приходится прекращать пары въ одной кочегаркѣ, а слѣдовательно нельзя имѣть большого хода" [1]). При такихъ условіяхъ фонъ-Эссенъ могъ идти не больше 8-ми узловъ, т. е. ходомъ вдвое меньшимъ японскихъ броненосцевъ. Очевидно пришлось отказаться отъ невыполнимаго плана.

„Ретвизанъ" полнымъ ходомъ, въ эту минуту едва-ли на узелъ, или полтора уступавшимъ японскимъ судамъ, бросился на нихъ. Принимая во вниманіе методичность всѣхъ японскихъ военачальниковъ въ предшествовавшую войну съ китайцами, а такъ же и съ нами, едва-ли какой-либо военный историкъ не припишетъ главную долю всѣхъ успѣховъ японскаго оружія на морѣ заранѣе точно разработанному плану морской войны. На авось, на ура и какъ-нибудь японцы ничего не дѣлали. Увлеченіямъ въ пылу сраженій, рискованнымъ предпріятіямъ у нихъ не было мѣста. Все дѣлалось навѣрняка за долго до 26 января подготовленнымъ къ войнѣ японскимъ флотомъ. Японскіе моряки, нѣсколько разъ пытавшіеся закупорить выходъ изъ Портъ-Артура, шли вполнѣ сознательно на смертельную опасность. Японскіе начальники дѣйствовали и разсчетливо и хладнокровно предупреждали подчиненныхъ объ этой опасности. 22 февраля, отправляя подъ общимъ начальствомъ капитана Арима пять брандеровъ въ Портъ-Артуръ, командиръ „Асамы" Яширо, поднявъ серебряную чашу съ водою, свое напутственное слово закончилъ такъ: „Посылая васъ на подвигъ, при исполненіи котораго у васъ лишь одинъ шансъ изъ ста остаться въ живыхъ, я испытываю такое чувство, какое испытывалъ бы, посылая моихъ любимыхъ сыновей. Но если бы я имѣлъ ихъ сотню, я послалъ бы ихъ всѣхъ въ эту отважную экспедицію. Если бы я имѣлъ только одного сына, я послалъ бы и его. Когда, исполняя вашъ долгъ, кто-нибудь изъ васъ потеряетъ лѣвую руку, пусть онъ работаетъ правою, если потеряетъ обѣ, пусть работаетъ ногами. Если потеряетъ и руки и ноги, пусть работаетъ головою, вѣрно и неуклонно исполняя приказанія командира. Я посылаю васъ на вѣрную смерть

---

[1]) Дѣятельность флота въ Портъ-Артурѣ, стр. 42. Сообщеніе капитана 1 ранга фонъ-Эссена.

и не сомнѣваюсь въ вашей готовности умереть. Но я не думаю совѣтовать вамъ пренебрегать жизнью и безполезно рисковать только ради славы имени. Безбоязненно за жизнь исполните долгъ вашъ“ [1]).

Прекрасныя слова! Но если когда-нибудь русскіе люди прочтутъ всѣ подробности беззавѣтнаго исполненія долга своими моряками Портъ-Артурской эскадры, не нуждавшимися въ подобныхъ словахъ поощренія, если русскіе люди вникнутъ во всѣ подробности морскихъ дѣлъ 26 февраля подъ начальствомъ Матусевича, 20 апрѣля подъ начальствомъ самого намѣстника при отраженіи армады брандеровъ, дѣла „Стерегущаго“, „Севостополя“, „Ретвизана“ и др., то едва-ли въ умахъ русскихъ людей останется сомнѣніе въ томъ, что внезапная для японцевъ свалка бортъ о бортъ съ остатками эскадры Виттефта не окончилась бы гибелью „Миказы“, „Шикишимы“ и др. броненосцевъ, такъ успѣшно сражавшихся гораздо позднѣе 14 мая. Надобно было только принять внезапное и твердое рѣшеніе на свалку.

Разстояніе 20 кабельтововъ капитанъ 1 ранга Щенсновичъ могъ пройти въ 8 мин. Въ этотъ короткій промежутокъ времени эскадра Того, не разсчитывавшая на подобный маневръ, не успѣла бы приготовиться отразить гибельный ударъ, вѣроятно не перестроилась бы въ соотвѣтствующее положеніе. Но для удара надобно было, чтобы одновременно за „Ретвизаномъ“ такъ же отважно и неожиданно бросились бы на непріятеля „Пересвѣтъ“, „Побѣда“ и „Полтава“, и чтобы и „Аскольдъ“ повелъ порученные ему миноносцы въ атаку, или по крайней мѣрѣ догадался бы сдѣлать это самъ.

„Ретвизанъ“ былъ уже въ 15 кабельтовахъ отъ непріятельской колонны. Черезъ пять минутъ онъ могъ таранить и утопить какой-нибудь броненосецъ по выбору. Съ „Ретвизана“ уже ясно видѣли, что кормовыя части „Асахи“ и „Шикишимы“ разворочены, что орудія „Миказы“ молчатъ, что пожаръ свирѣпствуетъ въ носовой части этого броненосца. Японскіе снаряды всѣхъ орудій „Фуджи“, „Ниссина“, „Касуги“, „Якумо“ и „Асамы“ безпорядочно сыпались вокругъ „Ретвизана“, не задѣвая корабля. И только тогда, когда столкновеніе казалось непредотвратимымъ, и ударъ уже готовъ былъ разразиться, одинъ японскій снарядъ разорвался на „Ретвизанѣ“, и осколкомъ его ранило Щенсновича. Въ ту же минуту „Ретвизанъ“ поворотилъ и полнымъ ходомъ пошелъ на соединеніе съ отступающей эскадрой. Моментъ былъ пропущенъ. Вся тактика

[1]) The Russo—Iapanese War. Kinkodo. Vol I, p. 84.

лорда Нельсона сводилась къ принципу: подойти къ непріятелю какъ можно ближе, чтобы поразить его какъ можно быстрѣе [1]). Не легко было русскимъ морякамъ, сражавшимся съ болѣе быстроходною и болѣе сплоченною и обученною эскадрою, исполнить этотъ завѣтъ величайшаго флотоводца военнымъ морякамъ всего свѣта. Однако случай представился и только не былъ использованъ всѣми, имѣвшими возможность управляться въ теченіе той четверти часа, которая выпала на ихъ долю и въ зависимости отъ которой были дальнѣйшій хода войны и дальнѣйшія судьбы самого русскаго флота.

Я сказалъ выше, что японцы вели войну на морѣ методично, рѣшая военныя проблемы, какъ прилежные и добросовѣстные ученики, твердо изучившіе всѣ правила и исключенія, рѣшаютъ самыя трудныя задачи. Конечно нельзя отнять отъ японскихъ моряковъ и здраваго смысла, руководившаго ими въ усвоеніи военно-морскихъ пріемовъ и плодовъ опыта флотоводцевъ старой Европы. Все, что было пригодно для выполненія завѣтной цѣли Японіи,— побѣды, считалось ею дозволеннымъ. Ночное нападеніе 26 января, бой цѣлой эскадры съ „Варягомъ“ въ Чемульпо въ нейтральномъ портѣ, забрасываніе плавучими минами моря, открытаго для мирнаго сообщенія всего свѣта, захватъ „Рѣшительнаго“ въ Чифу и т. д. Все это способствовало утвержденію господства на морѣ японцевъ, и все это было повтореніемъ того, что дѣлалось не разъ и прежде цивилизованными моряками Европы, хотя и осуждалось теоретиками и профессорами международнаго права. Адмиралъ Того усвоилъ себѣ и теорію своего противника,— адмирала Макарова: *„бить въ самомъ началѣ боя въ голову, т. е. разстрѣливать адмиральскій корабль“*.

Теорія нашего покойнаго адмирала была разумна и безспорна. Къ несчастію, онъ ничего не сдѣлалъ, чтобы ею не воспользовался на практикѣ непріятель и, идя во главѣ колонны на „Петропавловскѣ“, погибъ 31 марта. Витгефтъ также открыто велъ эскадру въ бой, поднявъ флагъ на „Цесаревичѣ“ и указывая этимъ непріятелю тотъ корабль, который надобно было уничтожить всѣми силами. И Витгефтъ, отдавшій приказаніе эскадрѣ семафоромъ: „когда будете стрѣлять, стрѣляйте по головному“, погибъ на своемъ флагманскомъ кораблѣ, а адмиралъ Того остался невредимъ. 14 мая точно также всѣ выстрѣлы японскихъ броненосцевъ были направлены на адмиральскій „Суворовъ“ и снова, въ третій разъ, рус-

---

[1]) To take the bull by the horns. Схватить быка за рога,—училъ лордъ Нельсонъ.

ская эскадра потеряла своего главнокомандующаго въ критическую минуту.

Я не знаю въ морской исторіи ни одного примѣра такой гибели три раза подъ рядъ главныхъ начальниковъ. Но военные люди прекрасно понимаютъ, что значитъ, и какъ вліяетъ на ходъ боя потеря главнокомандующаго, сдѣлавшаяся извѣстною подчиненнымъ.

Отлично сознавалъ это и адмиралъ Того и по наблюденіямъ многихъ нашихъ офицеровъ шелъ не во главѣ колонны, предоставивъ, однако, передовому броненосцу исполнять всѣ функціи флагманскаго корабля. Вотъ, что пишетъ одинъ изъ офицеровъ „Цесаревича", наблюдавшій за японскимъ флотомъ 28 іюля: [1]) „Всѣ свѣдѣнія сходятся на томъ, что адмиралъ Того былъ на „Миказѣ". Между тѣмъ 10 іюня и 28 іюля головнымъ шелъ „Асахи", а не „Миказа". Оба раза я тщательно присматривался къ обоимъ броненосцамъ, которые легко различались по положенію и толщинѣ трубъ, и убѣжденъ въ томъ, что головнымъ оба раза былъ „Асахи". Сигналы передъ вторымъ боемъ поднимались на головномъ (т. е. на броненосцѣ „Асахи", принимаемомъ во всѣхъ описаніяхъ этого сраженія за „Миказу"), но разъ я замѣтилъ, что въ разгаръ боя, когда японцы дѣлали полуповоротъ къ намъ, сигналъ былъ поднятъ на второмъ (т. е. на „Микаэѣ", на которомъ и сидѣлъ адмиралъ Того). „Такъ было 10 іюня, 28 іюля и, по всей вѣроятности, и 14 мая".

Японская эскадра знала адмиральскій корабль. Послѣдній съ удобствомъ могъ дѣлать всѣ распоряженія семафоромъ на ближайшій къ нему, головной, сообщавшій въ свою очередь флоту всѣ приказанія своего главнокомандующаго уже сигналами.

Наша эскадра, принимая „Асахи" за „Миказу", также била главнымъ образомъ флагманскій корабль, какъ училъ покойный Макаровъ. Но японскій адмиралъ подвергался меньшей опасности, нежели Витгефтъ.

Выходомъ изъ линіи „Цесаревича" и замѣшательствомъ въ нашей эскадрѣ окончился бой 28 іюля. Младшему флагману, князю Ухтомскому ничего, повидимому, не оставалось болѣе дѣлать, какъ возвратиться въ Портъ-Артуръ. Онъ такъ и поступилъ. На „Пересвѣтѣ" дымовыя трубы были перебиты, тяга уменьшилась, и расходъ угля увеличился такъ, что дойти съ имѣвшимся запасомъ до Владивостока невозможно было и думать. „Пересвѣтъ" потерялъ остойчивость, нѣкоторые его отсѣки были заполнены водою. „Пол-

[1]) Нынѣ к. 2 ранга К. Ф. Кѣт — ій.

тава“ имѣла громаднѣйшую пробоину въ наружномъ бортѣ, доходившую до ватерлиніи. „Ретвизанъ“, какъ извѣстно, вышедшій изъ порта съ пробоиною, послѣ новыхъ поврежденій, полученныхъ въ бою, а также и „Севастополь“ и „Побѣда“ нуждались въ исправленіяхъ по корпусу и въ пополненіи запасовъ топлива и снарядовъ. Князь Ухтомскій, конечно, могъ укрыться со своей искалѣченной эскадрой въ Кяо-Чау или въ Вей-Ха-Веѣ. Но въ этихъ портахъ эскадра была бы интернирована и не могла бы оказать помощи осажденной крѣпости. Наконецъ, была слабая надежда исправить поврежденія и попытаться выйти снова.

Чѣмъ руководствовался контръ-адмиралъ Рейценштейнъ, поднявшій сигналъ „слѣдовать за мной“ и давшій ходъ на „Аскольдѣ“ невозможный для крейсеровъ „Діана“ и „Паллада“, до сихъ поръ остается необъяснимымъ.

Въ рапортѣ своемъ на имя морского министра к.-ад. Рейценштейнъ говоритъ: „прорвавъ непріятельское кольцо, окружавшее нашу эскадру, я разстроилъ его и, если не вполнѣ очистилъ путь, то все же порядочно его расчистилъ“.

Кольцо, окружавшее нашу эскадру 28 іюля, нельзя сравнивать съ обходомъ сухопутной части непріятельскою, прорывъ которой могъ бы очистить путь для отступленія, какъ напримѣръ путь для портъ-артурскаго гарнизона, если бы онъ вздумалъ прорываться въ декабрѣ изъ осажденной крѣпости. „Аскольдъ“ благодаря быстроходности и случайности успѣлъ проскочить между крейсерами „Изума“ [1]) и „Читозе“, не получивъ капитальнаго поврежденія. Но если бы черезъ полчаса за „Аскольдомъ“ тѣмъ же путемъ, но ходомъ 13—14 узловъ пошли „Діана“ и „Паллада“, отъ нихъ навѣрное ничего бы не осталось на поверхности воды. Затѣмъ вслѣдствіе какого-то недоразумѣнія к.-адм. Рейценштейнъ повелъ „Аскольдъ“ въ Шанхай по его словамъ съ предвзятою цѣлью исправить крейсеръ и затѣмъ перейти во Владивостокъ. Въ правилахъ нейтралитета китайскаго правительства, объявленнаго 2 февраля 1904 года, дѣйствительно сказано „въ случаѣ если непогода будетъ представлять опасность для выхода въ открытое море, либо не будутъ кончены починки, или закупки необходимаго для перехода до ближайшаго порта продовольствія и угля, срокъ стоянки можетъ быть продленъ съ разрѣшенія китайскаго командира порта,

---

[1]) Во всѣхъ показаніяхъ и рапортахъ нашихъ офицеровъ этотъ крейсеръ они принимали за „Асаму“. Между тѣмъ въ исторіи русско-японской войны Kinkodo указано, что это былъ крейсеръ „Изума“, на которомъ былъ одинъ тяжело раненый.

либо мѣстныхъ властей, подъ условіемъ немедленнаго удаленія судна по минованіи указанныхъ обстоятельствъ" [1]).

„Аскольдъ" прибылъ въ Шанхай съ такими поврежденіями, безъ исправленія которыхъ въ докѣ, требовавшихъ довольно много времени, онъ продолжать путь во Владивостокъ не могъ. Послѣ различныхъ соображеній и обмѣна мыслей съ мѣстными властями, Рейценштейнъ приступилъ къ исправленію крейсера. Могъ ли однако онъ надѣяться прорваться по исправленіи поврежденій изъ Шанхая? Едва-ли. Выходъ изъ рѣки Вусунгъ возможенъ только въ строго опредѣленное время, о которомъ японцы были бы увѣдомлены своими шпіонами. Крейсеры ихъ конечно держались бы у Сѣдельныхъ острововъ, и судьба „Аскольда" была бы рѣшена ранѣе, нежели онъ вышелъ бы въ океанъ. Если начальникъ русскихъ крейсеровъ имѣлъ въ виду только ихъ спасеніе, то надобно было спасать уже всѣхъ: „Новикъ", „Палладу" и „Діану", назначивъ имъ рандеву заранѣе въ южномъ Китайскомъ морѣ, или гдѣ-нибудь въ океанѣ.

„Новикъ" однако, какъ извѣстно, погибъ въ неравномъ бою въ виду Корсаковскаго поста.

Г. Кладо въ описаніи морского боя 28 іюля [2]) по поводу гибели „Новика" замѣчаетъ: „Очевидно, дѣло разыгралось бы совершенно иначе, если бы примѣру „Новика" послѣдовали „Діана" и „Аскольдъ", для которыхъ притомъ задачи, взятыя на себя „Новикомъ", были гораздо болѣе доступны при ихъ запасахъ угля".

Но „Аскольдъ" и „Діана", какъ мы знаемъ теперь, имѣли такія поврежденія, безъ исправленія которыхъ нельзя было и думать идти въ океанъ. Наконецъ, если бы они и рѣшились на такое рисковое предпріятіе, нагрузившись углемъ въ Чифу или Кяо-Чау, эти два крейсера встрѣтили бы въ Сангарскомъ, или Лаперузовомъ проливахъ не „Читозе" и „Цусиму"—два крейсера 2 ранга, а цѣлый отрядъ адмирала Камимуры, утопившій крейсеръ „Рюрикъ". Японскій адмиралъ имѣлъ въ своемъ отрядѣ четыре однотипныхъ броненосныхъ крейсера, обладавшихъ ходомъ 22 узла. И если бы „Аскольду" еще разъ удалось проскочить между „Ивате" и „Токива", или „Изумо" и „Адзумо", какъ ему удалось это сдѣлать 28 іюня, то „Діана" была бы покинута имъ и, конечно, утоплена по-

---

[1]) Сборникъ положеній и правилъ, изданныхъ русскимъ правительствомъ и иностранными государствами по случаю войны между Россіею и Японіею. Выпускъ II, стр. 90 — 95.

[2]) Военные флоты и морская справочная книжка на 1906 г. В. К. А. М., стр. 51. Очеркъ военныхъ дѣйствій на морѣ. Н. Кладо.

*

добно „Рюрику". Пѣшій конному не товарищъ, учитъ народная мудрость. И ею слѣдуетъ руководствоваться, какъ на сушѣ, такъ и на морѣ, готовя вооруженныя силы къ войнѣ.

IX.

Бой 28-го іюля не былъ рѣшительнымъ морскимъ сраженіемъ Ни японцы, ни русскіе не имѣли основанія говорить о побѣдѣ, одержанной тою или другою эскадрою. И тѣмъ не менѣе, именно въ этотъ несчастный день былъ окончательно произнесенъ безусловный приговоръ Портъ-Артурской эскадрѣ и всему русскому флоту. Только исполненіе приговора было отсрочено до 19-го декабря и 14-го мая.

И въ самомъ дѣлѣ, что могла предпринять Портъ-Артурская скадра, возвратясь съ моря? Она уже потеряла безвозвратно броненосцы: „Петропавловскъ" и „Цесаревичъ",—эти лучшіе боевыя единицы, потеряла также крейсеры „Варягъ", „Діану", „Аскольдъ" и „Новикъ" и большую часть миноносцевъ. Японскіе броненосцы пошли исправляться въ свои первоклассные порты съ доками и вполнѣ оборудованными мастерскими, въ которыхъ съ сознаніемъ великаго долга, безгранично патріотичные рабочіе всѣхъ цеховъ ожидали только указаній и нарядовъ морского начальства.

Наши же, быть можетъ, даже менѣе поврежденныя японскими снарядами суда могли исправлять свои аваріи подъ градомъ сыпавшихся на нихъ снарядовъ съ возвышенностей, окружавшихъ Портъ-Артуръ, уже занятыхъ осаждающими. Въ средѣ рабочихъ и нижнихъ чиновъ эскадры, чьими руками исправлялись аваріи, не царила анархія, враги общей матери-родины не успѣли проникнуть въ крѣпость и поселить въ ней преступное отношеніе къ священному дѣлу ея защиты отъ внѣшнихъ враговъ, овладѣвшее умами почти всѣхъ рабочихъ въ адмиралтействахъ и заводахъ европейской Россіи. Но матеріальныя средства Портъ-Артура были ничтожны по сравненію съ нуждами возвратившагося флота. Насущныя требованія самой крѣпости, подъ прикрытіемъ пушекъ которой съ моря и съ суши, кое-какъ, урывками могли исправляться „Ретвизанъ", „Побѣда", „Полтава", „Пересвѣтъ", „Севастополь" и „Паллада", предписывали командирамъ этихъ кораблей облегчить задачу сухопутной обороны, снабдивъ и усиливъ ее людьми и боевыми средствами.

Надежда на деблокаду съ сѣвера и съ моря уменьшалась ежедневно. Нужда начинала давать себя знать во всемъ, уже ощущался недостатокъ въ продовольствіи. Но духъ, всегда свойственный русскому воину, уже успѣлъ объединить доблестный гарнизонъ осажденной крѣпости въ одну семью страстотерпцевъ. Пройдутъ годы, быть можетъ десятки лѣтъ, и исторія скажетъ свое правдивое слово о доблестныхъ защитникахъ Портъ-Артура. Минуетъ безуміе ненависти къ родинѣ, овладѣвшее многими, допустившее растлѣніе въ арміи и, въ особенности, во флотѣ, и обратившее слова *„патріотизмъ“* и *„русскій человѣкъ“* въ презрительныя ругательства. И когда минуетъ переживаемое нынѣ новое великое лихолѣтье, когда русскіе люди съ ужасомъ оглянутся назадъ, съ омерзеніемъ отвернутся отъ переживаемой анархіи и проникнутся до глубины души вѣрою въ то, что государство и всѣ законы его, обезпечивающіе гражданскую свободу и равноправіе, основаны на безпредѣльной любви къ родинѣ и самопожертвованіи самихъ гражданъ, тогда защита Портъ-Артура соединеннымъ сухопутно-морскимъ гарнизономъ будетъ считаться высокимъ проявленіемъ военнаго духа достойнѣйшихъ наслѣдниковъ своихъ славныхъ отцовъ и дѣдовъ, отстаивавшихъ когда-то точно также многострадальную крѣпость на Черномъ морѣ—Севастополь [1]). Враги Россіи, ненавистники ея арміи и флота употребили всѣ усилія, описывая ссоры нѣсколькихъ генераловъ и адмираловъ, чтобы затемнить главный подвигъ гарнизона—доблестную защиту крѣпости.

Лишь только эскадра возвратилась съ моря и вошла въ портъ, какъ сухопутное начальство обороны потребовало отъ нея посильную помощь людьми и снарядами для перекидной стрѣльбы. Возраженій со стороны моряковъ не было. Съ кораблей пошли на передовыя линіи дессантныя роты по 250 человѣкъ, и передано было въ распоряженіе сухопутной артиллеріи 5.000 снарядовъ шестидюймовыхъ орудій.

Черезъ два дня на помощь отправленнымъ дессантнымъ ротамъ посланы были резервы въ половинномъ составѣ уже ушедшихъ дессантныхъ ротъ. Все было направлено къ одной цѣли: отстоять Портъ-Артуръ во что бы то ни стало. Флотъ въ осажденной крѣпости хорошо зналъ, что мѣстное морское начальство своевременно предупреждало военнаго и морского министровъ о безнадежномъ положеніи Портъ-Артура съ материка, что это начальство просило, убѣждало и жаловалось. Но не время было отыскивать виновниковъ.

---

[1]) Иностранные лѣтописцы осады Портъ-Артура, напр. Б. В. Корригаардъ уже воздалъ должное нашимъ героямъ-защитникамъ.

Они были слишкомъ далеко отъ осажденной крѣпости и имѣли всѣ средства оправдать себя. Осажденнымъ надобно было защищать честь родного знамени съ оружіемъ въ рукахъ.

А японцы болѣе и болѣе забрасывали выходъ въ море минами, ни на минуту не забывая громадную опасность, грозившую ихъ путямъ сообщенія по морю до тѣхъ поръ, пока остатки нашей эскадры еще держались на поверхности воды и пока могли ускользнуть изъ Портъ-Артура и соединиться съ эскадрою Рожественскаго. Обличительная печать наша и, будировавшіе противъ своего начальства, наши морскіе офицеры-публицисты еще не успѣли увѣрить Японію въ безсилии и неподготовленности къ войнѣ посылаемой изъ Либавы второй эскадры. И она страшила Японію и держала въ постоянно напряженномъ состояніи адм. Того и экипажи его эскадры. Всѣ усилія японскаго флота были направлены къ скорѣйшему уничтоженію нашихъ морскихъ вооруженныхъ силъ по частямъ. Не будетъ у Россіи флота, у нея не будетъ и возможности продолжать войну съ какою-либо надеждою на благопріятный исходъ, если бы въ Манчжуріи и были одержаны побѣды. Эта очевидная истина господствовала въ Японіи и поощряла ея флотъ на подвиги доблести и самопожертвованія.

Къ величайшему несчастію Россіи, у насъ и до сихъ поръ въ руководящей общественнымъ мнѣніемъ печати не оцѣнено все преобладающее значеніе флота въ войнѣ съ Японіею. Умышленно, или по какому-то необъяснимому недоразумѣнію въ нашей печати и нынѣ высказывается нерѣдко мысль, что мы преждевременно заключили позорный миръ, что накануне подписанія его наши силы въ Манчжуріи были такъ велики, что могли бы разгромить побѣдоносную японскую армію, что Японія была истощена и нравственно и матеріально.

Теперь мы знаемъ, въ какомъ состояніи была Сибирская желѣзная дорога, и какъ изношенъ былъ подвижной ея составъ. Мы знаемъ также, что ровно ничего не было приготовлено для зимовки арміи. Во Владивостокѣ не было ни минъ, ни минеровъ. Когда прибылъ туда въ маѣ 1905 года адм. Бирилевъ и послѣ осмотра адмиралтейства и судовъ собралъ совѣщаніе изъ командировъ, то выяснилось, что для выхода крейсеровъ изъ Золотого Рога требовалось болѣе сутокъ времени, а тралящихъ средствъ вовсе не имѣлось. Между тѣмъ оба выхода были заброшены японскими минами. Подводныя лодки были доставлены въ очень печальномъ состояніи и дѣйствовать могли бы только лодки американской системы.

Наши заводы бастовали и вовсе не торопились исполнять требованія желѣзной дороги. Въ Севастополѣ флотъ бунтовалъ открыто. Въ іюнѣ броненосецъ „Князь Потемкинъ-Таврическій“ подъ краснымъ флагомъ терроризировалъ Одессу и Ѳеодосію, а лейтенантъ Шмидтъ готовился въ адмиралы.

Въ Финляндіи и на Кавказѣ организовались открыто враждебныя партіи. Достаточно припомнить веселые дни мая въ столицѣ Имперіи, когда были получены ужасныя вѣсти о Цусимской катастрофѣ, чтобы убѣдиться, что армія и флотъ и ихъ дѣло представлялись какъ-будто бы нерусскимъ дѣломъ. Это, конечно, было извѣстно нашимъ врагамъ и ободряло ихъ. Армія побѣждаетъ, когда вся страна съ нею, когда все дѣлается для облегченія ея тяжкихъ, кровавыхъ задачъ. Японія жила душа въ душу съ арміею и съ флотомъ. Потеря броненосца „Хатсусе“ повергла всю страну въ трауръ. Съ гибелью Портъ-Артурской эскадры война была проиграна окончательно и безповоротно.

Эскадра, однако, была еще жива по возвращеніи послѣ боя и могла очень дорого обойтись непріятелю, если бы во главѣ ея былъ поставленъ энергичный, съ твердою волею морякъ, смѣнившій князя Ухтомскаго.

Эскадра погибала медленно. 5-го августа лодка „Гремящій“ взорвалась на рейдѣ, наткнувшись на японскую мину загражденія, а 6-го к.-адм. князь Ухтомскій, еще продолжавшій командовать, собралъ совѣщаніе изъ флагмановъ и командировъ судовъ 1-го ранга для обсужденія двухъ вопросовъ:

1) Можетъ ли эскадра въ ея составѣ, все уменьшающемся, выйти изъ Портъ-Артура и пройти во Владивостокъ, когда исправленія будутъ достаточно закончены.

2) Если эскадра не въ силахъ пройти во Владивостокъ, то слѣдуетъ ли ей, продолжая исправленія, не расходовать свои силы для поддержки осажденной крѣпости, или, напротивъ, оказывать ей помощь всѣми средствами, имѣя единственной задачей въ настоящемъ положеніи защиту крѣпости, какъ своего убѣжища.

Собраніе единогласно отвергло какую бы то ни было возможность пройти во Владивостокъ всей эскадрѣ вмѣстѣ. Большинство членовъ совѣщанія не считало возможнымъ прорваться даже нѣкоторымъ отдѣльнымъ судамъ изъ Портъ-Артура.

По второму вопросу совѣщаніе постановило рѣшеніе немедленно оказать крѣпости помощь, какъ орудіями, такъ и людьми, какихъ могли еще дать суда, оставивъ на нихъ количество, которое въ свою очередь давало бы возможность сражаться на якорѣ.

Протоколъ этого совѣщанія подписали три адмирала: кн. Ухтомскій, Григоровичъ и Лощинскій и шесть капитановъ 1-го ранга.

Послѣднее слово нашимъ флотомъ было сказано. Послѣ его адм. Того могъ бы смѣло, не опасаясь болѣе за будущее, приступить къ капитальному ремонту всѣхъ своихъ судовъ, достаточно истрепавшихся въ тяжелой боевой и блокадной службахъ, начиная съ 26-го января. Но японскій флагманъ не получилъ копіи протокола совѣщанія 6-го августа. Впрочемъ если бы шпіоны и доставили копію этого историческаго документа адмиралу Того, онъ не повѣрилъ бы въ его дѣйствительность.

Ни правительство, ни русское общество, ошеломленные потерею Портъ-Артурскаго флота, не оцѣнили по достоинству всей тяжести, всего значенія этой утраты. Если бы было иначе, мы конечно не рѣшились бы послать въ замѣнъ погибшей эскадры двѣ новыя— Рожественскаго и Небогатова укомплектованныя людьми, мало опытными въ военно-морскомъ дѣлѣ, или вовсе съ нимъ незнакомыми. Но мы послали ихъ, эти такъ называемыя эскадры, подсчитывая лишь корабли и пушки, возлагая всѣ упованія на матеріальную часть и въ остальномъ полагаясь на чудо и не принимая въ соображеніе самое главное всякой воинской части, то, что изъ вѣка въ вѣкъ у всѣхъ народовъ дѣйствительно творило чудеса,— духовный элементъ нашихъ эскадръ. Что могли сдѣлать неопытные и неподготовленные къ морской войнѣ люди на лучшихъ броненосцахъ, вооруженныхъ сильнѣйшею артиллеріею? Они, вѣрные сыны нашей великой Родины, могли беззавѣтно исполнить свой долгъ, какъ исполняли ихъ дѣды и прадѣды, создавшіе гигантскую имперію. И они, лучшія и достойнѣйшія дѣти нашей великой родины, исполнили долгъ свой. Они удивили весь міръ, совершивъ невѣроятно трудное плаваніе отъ Кронштадта до Цусимы, и тамъ погибли, честно, и отважно защищая славный Андреевскій флагъ. Гибель ихъ еще разъ доказала, что нельзя увлекаться видимостями, стальными гигантами и машинами, что для использованія ихъ нужны строго обдуманная программа кораблестроенія и непрестанная тренировка экипажей въ морѣ.

Дальнѣйшее изложеніе медленной гибели нашей эскадры какъ нельзя нагляднѣе доказываетъ, что флотомъ можетъ и должна признаваться лишь такая морская вооруженная сила, командный составъ которой считаетъ море своимъ исключительнымъ полемъ дѣйствій, и что только на морѣ онъ призванъ и предназначенъ защищать родину до послѣдняго вздоха и до полнаго истребленія всего, что способно держаться на поверхности воды, что спасеніе приморской крѣпости, освобожденіе ея отъ блокады съ моря воз-

можны и совершаются только полнымъ уничтоженіемъ противника на томъ же морѣ.

Андреевскій флагъ никогда не подвергся бы позору Небогатовской сдачи, если бы задолго до войны морское министерство имѣло вполнѣ ясное представленіе о флотѣ и его назначеніи. Тогда не были бы посланы въ бой съ эскадренными броненосцами броненосцы береговой обороны, тогда и Небогатовъ не былъ бы флотоводцемъ.

Тщетно призывать съ каѳедры или изъ кабинета учениковъ къ исполненію долга тому, кто на свою горячую рѣчь рискуетъ получить отвѣтъ: „учитель, исцѣлися самъ"!

X.

Для того чтобы читатель могъ уяснить себѣ всѣ причины морской трагедіи въ Портъ-Артурѣ, увѣнчавшей полнымъ успѣхомъ усилія японскаго флота и увеличившей его составъ нашими лучшими броненосцами, нынѣ носящими флагъ восходящаго солнца, я считаю необходимымъ вернуться немного назадъ.

Побуждаемый категорическими приказаніями намѣстника перейти во Владивостокъ, покойный адм. Витгефтъ 15-го іюля собралъ совѣщаніе изъ флагмановъ и командировъ 1-го ранга судовъ. Собранію этому былъ предложенъ на обсужденіе слѣдующій вопросъ: оставаться ли флоту въ Артурѣ до конца, помогая чѣмъ можно на берегу въ оборонѣ его?

Присутствовавшіе капитаны 1-го ранга высказали слѣдующія мнѣнія.

1) Фонъ-Эссенъ: выходить въ море немедленно при первой возможности всѣмъ готовымъ судамъ и идти во Владивостокъ.

2) Грамматчиковъ: выходъ флота не желателенъ до послѣдняго момента. Въ послѣдній же моментъ флоту выйти на рейдъ и помогать защитѣ Артура, стоя на рейдѣ.

3) Виренъ: *флоту оставаться въ Артурѣ, составляя съ нимъ нераздѣльное цѣлое, но раздѣлить суда на тѣ, которыя будутъ выходить на рейдъ, и другія, которыя останутся въ га-*

вани, окончатъ кампанію, и вся команда ихъ пойдетъ на берегъ и приметъ участіе въ оборонѣ Артура [1]).

4) Успенскій: оставаться въ Артурѣ до послѣдняго момента, а затѣмъ время покажетъ, нужно ли флоту выходить.

5) Бойсманъ: оставаться въ Артурѣ до послѣдняго момента.

6) Щенсновичъ: оставаться и помогать на берегу оборонѣ Артура и оставить Артуръ, когда непріятель будетъ брать крѣпость.

7) Рейценштеинъ: изъ Артура не выходить.

8) Кап. 2-го ранга свѣтлѣйшій князь Ливенъ: оставаться въ Артурѣ и защищать Артуръ, давъ на берегъ всѣ средства для защиты.

9) Контръ-адмиралъ Лощинскій: оставаться до конца въ Артурѣ.

10) Контръ-адмиралъ Григоровичъ: оставаться въ Артурѣ до послѣдняго момента.

11) Контръ-адмиралъ Матусевичъ: уходить въ море и идти во Владивостокъ.

12) „Съ мнѣніемъ флагмановъ и командировъ вполнѣ согласенъ“—приписалъ на этомъ достопамятномъ протоколѣ покойный Витгефтъ.

И такъ, изъ восьми штабъ-офицеровъ одинъ, и изъ четырехъ адмираловъ такъ же, только одинъ, находили нужнымъ оставить опасный портъ. Остальные же полагали возможнымъ и даже обязательнымъ выждать послѣдній моментъ на якорѣ въ гавани, не опредѣляя, однако, и, надобно полагать, не представляя себѣ вполнѣ отчетливо самаго наступленія момента. Если бы совѣщаніе попробовало нарисовать ясную картину неизбѣжнаго паденія осажденной съ суши и заблокированной съ моря крѣпости, то непремѣнно пришло бы къ одному только заключенію: въ послѣдній моментъ уже практически не было бы возможности исполнить предположеннаго ухода. Орудія и экипажи ушли бы на помощь сухопутнымъ защитникамъ задолго до послѣдняго момента. По мѣрѣ убыли высаженныхъ дессантныхъ командъ онѣ пополнялись бы судовыми, и изо дня въ день уменьшалась бы возможность для эскадры дѣйствовать самостоятельно въ открытомъ морѣ въ каче-

---

[1]) Копію протокола, хранящагося также въ копіи въ морскомъ министерствѣ, я привожу буквально. Подчеркиваю мнѣніе кап. 1-го ранга Вирена потому, что ему довелось уже въ качествѣ полновластнаго флагмана испытать всю непрактичность своего мнѣнія, погубившаго русскій флотъ окончательно и съ пользою для Японіи.

ствѣ морской вооруженной силы. Въ послѣдній моментъ, т. е. когда японцы пошли бы на штурмъ крѣпости, какъ это полагали члены совѣщанія, броненосцы были бы поставлены въ неизбѣжную необходимость протянуть руку помощи своимъ братьямъ, пославъ для отраженія штурмующихъ колоннъ все, что оставалось на броненосцахъ и что было способно держать оружіе въ рукахъ. Наступленіе такого момента, такой нравственной обязанности надобно было предвидѣть, рѣшаясь оставаться въ Портъ-Артурѣ, слѣдовательно, надобно было предвидѣть и физическую невозможность выхода. Возможно ли было бы въ минуту смертной опасности бросать позиціи, увозить съ нихъ морскія орудія для погрузки на броненосцы? Нельзя же было безъ экипажей выйти въ море, навстрѣчу непріятельской эскадрѣ, наблюдавшей за Портъ-Артуромъ и днемъ и ночью.

Быть можетъ адм. Матусевичъ и кап. 1-го ранга фонъ-Эссенъ, подавшіе голоса за выходъ изъ Портъ-Артура, и предвидѣли наступленіе именно такого психологическаго момента.

Иначе стояло бы дѣло, если бы адмиралъ тотчасъ же послѣ обложенія крѣпости рѣшилъ бы, что спасеніе флота и борьба на морѣ составляютъ его главнѣйшую заботу и важнѣйшую задачу, и что крѣпость, сдѣлавшуюся опасною для флота, онъ долженъ и въ правѣ предоставить ея собственной судьбѣ и деблокаду ея въ прямую зависимость отъ успѣха своихъ операцій на морѣ. Тогда сухопутное начальство распорядилось бы защитою ввѣренной ему крѣпости, быть можетъ, иначе, разсчитывая лишь на свои силы. Извѣстно, напримѣръ, что ген. Кондратенко, предвидя паденіе Портъ-Артура, писалъ ген. Стесселю еще 18-го сентября по этому поводу и просилъ его донести Государю Императору объ истинномъ положеніи на Дальнемъ Востокѣ. Если бы ген. Стессель зналъ безповоротное рѣшеніе флота и не разсчитывалъ на его средства и запасы, быть можетъ, онъ и послѣдовалъ бы благоразумному совѣту доблестнаго своего помощника, и война была бы окончена годомъ ранѣе, до Цусимскаго погрома и устранила бы большую бѣду отъ нашей родины [1]).

По Высочайшему повелѣнію, кассировавшему, какъ читатель уже знаетъ, рѣшеніе совѣщанія, изложенное въ выше приведенномъ протоколѣ, эскадра вышла изъ Артура и послѣ дневного боя, съ наступленіемъ темноты, разсыпалась по разнымъ портамъ. Пове-

---

[1]) Это письмо покойнаго генерала Р. Кондратенко отъ 18 сентября 1904 года на имя генерала А. М. Стесселя было напечатано или приведено въ обширныхъ выдержкахъ во всѣхъ нашихъ газетахъ.

лѣніе идти во Владивостокъ и деклараціи невоюющихъ державъ о нейтралитетѣ каждый изъ участниковъ боя толковалъ по-своему. Отдѣлившіяся суда во Владивоскокъ не попали, отчасти погибли, отчасти были интернированы. Эскадра же, возвратившаяся съ кн. Ухтомскимъ въ Портъ-Артуръ, была ослаблена и требовала серьезныхъ исправленій, къ которымъ и приступила немедленно.

Здѣсь кстати будетъ замѣтить, что и послѣ Цусимскаго боя эскадра разбрелась въ разныя стороны, что̀ создало ей еще болѣе печальныя послѣдствія. Главнѣйшая причина этого разброда, этихъ дѣйствій по вдохновенію минуты на свой рискъ и страхъ нѣкоторыхъ флагмановъ и командировъ, должна быть приписана тому, что какъ передъ выходомъ изъ Артура, такъ равно и 14-го мая не было назначено рандеву, а была лишь опредѣлена конечная цѣль плаванія, намѣчена задача. Бой могъ измѣнить первоначальный планъ, исполненіе задачи и даже самую задачу. За ночь въ условленномъ рандеву можно было осмотрѣться, оправиться и уговориться. Естественно, что безъ назначеннаго заранѣе рандеву, если бы не удалось прорваться во Владивостокъ 28 іюня, кн. Ухтомскій не могъ иначе поступить, какъ идти въ Портъ-Артуръ на своемъ болѣе всѣхъ поврежденномъ флагманскомъ броненосцѣ. Онъ и направился туда въ томъ предположеніи, что остальныя послѣдуютъ за нимъ, какъ за преемникомъ власти въ силу военной случайности.

Въ совѣщаніи 15-го іюля, какъ видно изъ протокола, кн. Ухтомскій участія не принималъ и мнѣнія своего о предстоявшей дѣятельности флота не высказывалъ. Поэтому вопросъ о томъ, что бы онъ предпринялъ для исполненія задачи, поставленной покойному Витгефту послѣ исправленія поврежденій, остается до сихъ поръ открытымъ. Поставленный военными случайностями во главѣ эскадры, онъ командовалъ ею очень не долго и былъ смѣненъ капитаномъ 1-го ранга Виреномъ, тотчасъ же произведеннымъ въ контръ-адмиралы. Но офицеръ этотъ, какъ извѣстно, категорически высказывался противъ оставленія флотомъ крѣпости. Торопливая смѣна флагмана, выборъ на высокій постъ небывшаго въ бою 28-го іюля штабъ-офицера и производство его въ адмиралы помимо старшихъ товарищей, *только-что* отличившихся храбростію и знаніями, какъ напримѣръ Щенсновичъ, все это вмѣстѣ могло поселить въ обломкахъ эскадры нежелательныя сомнѣнія въ самомъ назначеніи ея, какъ морской вооруженной силы. Въ критическія минуты, конечно, не справляются съ послужными списками, не особенно стѣсняются старшинствомъ по службѣ, зачастую выхватываютъ отличившихся храбростію и даже за мудрые совѣты награждаютъ геор-

гіевскимъ крестомъ. Такъ, конечно, и поняли и объяснили себѣ наши моряки назначеніе новаго начальника.

Эскадра, т. е. весь личный составъ Портъ-Артурскаго флота, узнавъ объ этомъ назначеніи, имѣла самыя серьезныя причины полагать, что твердо высказанная 15 іюля Виреномъ воля составлять *нераздѣльное цѣлое съ крѣпостью*, а также и его предположеніе раздѣленія эскадры на два отряда, какъ нельзя лучше отвѣчаютъ новому общему плану войны, намѣченному ген. Куропаткинымъ. Вирену конечно было извѣстно, что генералъ этотъ, еще будучи военнымъ министромъ, за три — четыре мѣсяца до войны, по возвращеніи изъ Портъ-Артура, писалъ въ своемъ всеподданнѣйшемъ докладѣ: „Два года тому назадъ, даже годъ тому назадъ мы еще могли безпокоиться на счетъ участи Портъ-Артура, но теперь можемъ не безпокоиться“.

Морской офицеръ могъ и имѣлъ право довѣриться словамъ военнаго министра, докладывавшаго своему Монарху о состояніи русской твердыни на Тихомъ океанѣ.

Покойный Витгефтъ такъ же былъ увѣренъ въ серьезности укрѣпленія Кинжоусской позиціи. Паденіе ея не убѣдило Вирена и его подчиненныхъ въ ненадежности—Портъ-Артура. И естественно, что они разсчитывали до послѣдняго дня на выручку съ суши его арміею, а также и на скорое прибытіе эскадры адмирала Рожественскаго. Такъ можно по крайней мѣрѣ утверждать изъ переписки, выдержки изъ которой я привожу ниже.

25 ноября начальникъ Квантунскаго укрѣпленнаго раіона г.-а. Стессель писалъ к.-а. Вирену [1]): „Послѣ занятія Высокой 23 ноября и невыхода до этого числа эскадры въ море, я остаюсь при прежнемъ своемъ убѣжденіи, что съ момента занятія этой высоты непріятелемъ, суда будутъ упразднены и погибнутъ въ бассейнахъ даромъ. По моему предложенію еще во время устройства нами Высокой, адмиралы всходили на эту гору, но я не знаю, увѣрились ли они тогда, глядя сверху на бассейны, что ожидаетъ суда эскадры, если они останутся стоять, а гора будетъ занята. Къ несчастію, общее мнѣніе сухопутныхъ генераловъ грозно начинаетъ оправдываться. 22 и 23 (ноября) „Полтава“ и „Ретвизанъ“ уничтожены. Что же дальше? Боевой флотъ, на соединеніе съ которымъ идетъ эскадра Рожественскаго, погибнетъ какъ мышь въ лужахъ Портъ-Артурскихъ бассейновъ“. Далѣе Стессель высказываетъ мнѣніе, что если бы эскадра Вирена по выходѣ и погибла, то быть можетъ ей удалось бы уничтожить и нѣсколько японскихъ судовъ и этимъ

[1]) Отношеніе за № 2241.

облегчить задачу Рожественскаго. Пребываніе же въ Артурѣ „окончится безславной гибелью"—предсказывалъ Стессель.

Контръ-адмиралъ Виренъ 26 ноября на эти убѣжденія генерала отвѣчалъ такъ [1]): „Согласно протокола флагмановъ и командировъ 6 августа было рѣшено помогать крѣпости всѣми средствами до послѣдней возможности, что нами до сего дня и было исполнено съ полнымъ стараніемъ и добросовѣстностію.

Всѣ орудія, которыя требовались на позиціи, давались съ судовъ и устанавливались, снаряды всѣхъ калибровъ постепенно всѣ израсходованы на береговыхъ батареяхъ для обороны крѣпости, чины отряда работаютъ всякій по своей спеціальности для этой цѣли и принимали самое дѣятельное участіе при отраженіи штурмовъ въ сентябрѣ, гдѣ погибло такъ много офицеровъ и нижнихъ чиновъ.

До взятія Высокой—корабли чинились по возможности, но эскадрѣ адм. Рожественскаго *они могли бы помочь только послѣ освобожденія П.-Артура съ суши, когда бы намъ подвезли снаряды, пушки и дали бы возможность окончательно починиться.* Объ этомъ адм. Рожественскій отлично знаетъ".

Описавъ положеніе кораблей, Виренъ продолжаетъ:

„Конечно горестно потерять такъ свой флотъ, но если намъ Богъ дастъ отстоять крѣпость до выручки съ суши, то я увѣренъ, что всѣ безпристрастные люди скажутъ, что безъ той помощи, которую далъ флотъ, Портъ-Артуръ былъ бы давно въ рукахъ непріятеля".

Раньше чѣмъ заводить флотъ на Востокѣ, слѣдовало устроить крѣпость-убѣжище, *такъ какъ не флотъ существуетъ для крѣпости, а крѣпость для флота.*

Конечно, всякій флотъ строится, чтобы сражаться съ непріятелемъ, но чтобы онъ могъ это исполнить, ему необходимы порты-убѣжища, безъ которыхъ ни одинъ флотъ существовать и оперировать не можетъ.

Суда—не киты!

И не знаю, гдѣ больше сраму: въ томъ ли, что флотъ погибъ, защищая свое убѣжище, т. е. часть русской земли, называемой твердыней, использовавъ для этого весь свой боевой матеріалъ и личный составъ, или въ томъ, что это убѣжище-твердыня оказалась ловушкой для флота, какую мы могли бы пожелать только самому злѣйшему врагу.

И вотъ эту ловушку, къ несчастію Россіи, командующій флотомъ рѣшился защищать не на морѣ, а на сушѣ. И надобно отдать полную справедливость и ему и экипажамъ всѣхъ судовъ Портъ-

---

[1]) Отношеніе к.-а. Вирена № 92.

Артурской эскадры, они защищали ее, не щадя ни силъ, ни крови и съ большимъ умѣньемъ. Виренъ конечно правъ, утверждая, что безъ флота Портъ-Артуръ палъ бы гораздо ранѣе декабря. Но если бы въ немъ не было эскадры, если бы 6 августа флагманы и командиры рѣшили выйти и прорвались бы и, потерявъ три четверти своихъ кораблей и нанеся ущербъ японцамъ на морѣ, перешли бы во Владивостокъ, Портъ-Артуръ потерялъ бы главнѣйшее значеніе для непріятеля.

Въ Портъ-Артурѣ повторилось то, что было въ Севастополѣ. Но для большаго назиданія русскаго флота, какъ бы въ возмездіе за невниманіе къ исторіи недавно минувшаго, урокъ былъ преподанъ снова и слишкомъ жестоко.

Въ Севастополѣ непріятель нашелъ только развалины бывшаго прекрасно оборудованнаго порта и не нашелъ ни одного корабля, ни одной даже шлюпки. Все было уничтожено собственными руками моряковъ, упустившихъ моментъ, когда представлялась возможность въ отчаянной свалкѣ у Лукулла погубить союзный десантъ. Въ Артурѣ японцы нашли прекрасные корабли, увеличившіе ихъ флотъ. За пролитую кровь, за сверхъ-человѣческіе труды, за безсонныя ночи, японскіе моряки купили господство надъ моремъ и матеріальныя средства удерживать это господство въ своихъ рукахъ.

Наши моряки портъ-артурской эскадры все время военной грозы оставались достойными сынами своей великой родины. Беззавѣтно храбрые, проникнутые глубокимъ сознаніемъ исполненія долга, твердо вѣрующіе, что ни одинъ волосъ человѣческій не падаетъ съ головы безъ воли Вседержителя, наши моряки сдѣлали все, что можно было сдѣлать, не щадя крови и жизни для спасенія крѣпости.

Отъ адмирала до матроса, идя на батареи для отраженія штурма, каждый мысленно обращался къ Подателю жизни: „Господи вѣси, яко твориши, якоже Ты волиши, да будетъ воля Твоя“.

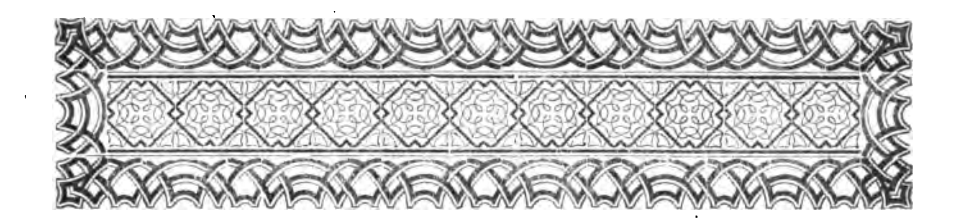
И дорого заплатилъ врагъ за русскую твердыню на Тихомъ океанѣ.

Но японскій флотъ одолѣлъ нашъ. И не потому онъ одолѣлъ, что былъ дѣйствительно неизмѣримо сильнѣе и могущественнѣе, управлялся болѣе знающими и талантливыми адмиралами, а потому, что единственнымъ и лучшимъ учителемъ его было самое море, потому, что флотъ этотъ весь смыслъ своего бытія, все свое назначеніе видѣлъ и признавалъ въ ежеминутной готовности биться за родину на морѣ, потому, что спокойствіе родного побережья, морскую торговлю, приморскія крѣпости, адмиралтейства и арсеналы японскій флотъ умѣлъ и считалъ своимъ священнымъ дол-

гомъ защищать на морѣ, а не въ бассейнахъ. Приступая нынѣ къ возсозданію нашихъ уничтоженныхъ морскихъ вооруженныхъ силъ, мы должны припомнить, что нашъ великій флотоводецъ побѣдилъ испытанныхъ моряковъ и отнялъ отъ нихъ исконныя русскія области на Невѣ и Балтійскомъ побережьѣ, претерпѣвъ бури и опасности въ суровомъ Бѣломъ морѣ. Тамъ, на далекомъ сѣверѣ, колыбель русскаго флота. Оттуда, отвоевывая шагъ за шагомъ безпрепятственный путь по Сѣверному океану, изъ портовъ Мурмана русскій флотъ, закаленный и могущественный, можетъ явиться въ Тихій океанъ и стать на стражѣ отдаленнѣйшихъ побережій нашей родины, великой и нераздѣльной Россійской Имперіи.

А. Бѣломоръ.

Отрывки семейной хроники.

> Vorbei sind die Kinderspiele
> Und Alles rollt vorbei,
> Das Geld und die Welt und die Zeiten
> Und Glaube und Liebe und Treu.
>
> Heine.

Въ 1894 году, наша тихая, безмятежная жизнь въ Тулѣ была нарушена отъѣздомъ моего отца въ Варшаву. Въ то время онъ служилъ членомъ губернскаго по крестьянскимъ дѣламъ присутствія. По настоянію и просьбѣ князя Черкасскаго, министра внутреннихъ дѣлъ въ Царствѣ Польскомъ, онъ рѣшился ѣхать въ Варшаву предсѣдателемъ крестьянской комиссіи. Съ княземъ Черкасскимъ отецъ былъ очень друженъ, съ нимъ онъ переживалъ трудные годы 1858-й и 1859-й, когда большинство губернскаго дворянскаго комитета по устройству быта помѣщичьихъ крестьянъ, устраивало настоящую травлю на князя Черкасскаго. Въ губернскихъ комитетахъ сторонниками освобожденія крестьянъ были почти вездѣ въ меньшинствѣ, князь Черкасскій и отецъ принадлежали къ меньшинству. Во время дворянскихъ выборовъ дворянство даже подало губернскому предводителю Арсеньеву покрытую множествомъ подписей бумагу, ходатайствуя передъ правительствомъ объ удаленіи князя Владиміра Александровича Черкасскаго изъ крестьянскаго комитета [1]).

14 марта 1859 года, князь Черкасскій былъ вызванъ въ Петербургъ принять участіе въ редакціонной комиссіи. Какъ всѣ люди выдающагося ума, князь имѣлъ много враговъ. Зависть и клевета его преслѣдовали. Онъ покинулъ столицу и пошелъ въ мировые посредники (перваго призыва) въ Веневскій уѣздъ, Тульской губер-

---

[1]) „Князь Владиміръ Черкасскій". („Главные дѣятели освобожденія крестьянъ"), статья А. Ѳ. Кони. Стр. 48.

ніи. По прошествіи двухъ лѣтъ князь былъ вызванъ Николаемъ Алексѣевичемъ Милютинымъ въ Царство Польское, для преобразованія поземельныхъ отношеній. Мои родители съ грустью покидали Тулу. Общество было пріятное. Разъ въ недѣлю, по средамъ, самые близкіе собирались у насъ. Вечеръ кончался ужиномъ. Въ губернскомъ городѣ вечеръ безъ ужина немыслимъ. Когда стало извѣстно, что мы уѣзжаемъ въ Варшаву, начались прощальные вечера, обѣды, а въ послѣднюю среду за ужиномъ И. З. Постниковъ прочелъ свое стихотвореніе, написанное на прощаніе отцу. И. З. Постниковъ былъ большой гастрономъ, любилъ покушать и понималъ толкъ въ ѣдѣ. За ужиномъ, бывало, матушка, угощая его, проситъ, чтобы онъ взялъ двѣ котлеты, а онъ благодаритъ и беретъ одну, „а когда подадутъ вторично,—прибавляетъ онъ,—я возьму двѣ, а если взять съ перваго раза двѣ, вторично не подадутъ“. Размѣровъ Постниковъ былъ весьма почтенныхъ, ни одинъ извозчикъ въ Тулѣ не соглашался его возить, рессоры лопались подъ нимъ. Стихотвореніе, посвященное отцу, было слѣдующее:

Ахъ, милѣйшій изъ бароновъ,
Отчего не въ добрый часъ
Въ королевство Ягеллоновъ
Уѣзжаете отъ насъ.

Все, что сердцу было мило,
Середа, картежъ и буженина,
Жирная индѣйка и дичина,
Неужель все это сплыло?

Периклъ и Аспазія
Пировали хуже насъ;
Ахъ, баронъ, что за фантазія
Ѣхать въ Польшу, жаль мнѣ васъ.

Попривыкли межъ дворянами
Самоволіе чинить,
Такъ теперь пора межъ панами
Раззореніе вводить.

Поѣзжайте, васъ Черкасскій
Ждетъ уже давно
Будетъ сказывать вамъ сказки,
Вамъ за быль пойдетъ оно.

Пока мы готовились къ отъѣзду въ Варшаву, было получено извѣстіе о кончинѣ нашей бабушки, матери моего отца. Мой отецъ тотчасъ же поѣхалъ въ Костромскую губернію, въ село Никольское, гдѣ скончалась бабушка.

Она была родомъ изъ Курляндіи, лютеранка,—рожденная баронесса Фелькерзамъ, жила круглый годъ въ деревнѣ, крестьянъ лѣчила, помогала имъ, входила въ ихъ нужды. Въ ея имѣніи была фабрика, гдѣ ткалось самое тонкое столовое бѣлье. Бабушка очень интересовалась этимъ дѣломъ, бѣлье было тонкое, красивое; ни одна скатерть, ни одна салфетка не сдавалась съ фабрики, предварительно не пройдя черезъ руки бабушки. Бѣлье поставлялось въ Москву въ магазинъ Третьяковыхъ. Съ кончиною бабушки фабрика закрылась. Можно предположить, что я заразилась общепринятымъ мнѣніемъ говорить, что наши бабушки были красавицы, а дѣды богачи. Бабушка Амалія Георгіевна Менгденъ была дѣйствительно красавица. Ея портретъ, висѣвшій въ гостиной моихъ родителей, писаный Лаухертомъ, уже не въ молодые ея годы, свидѣтельствуетъ о ея красотѣ. Вся семья Фелькерзамъ славилась красотой.

Изъ сельца Никольскаго мой отецъ повезъ тѣло своей матери въ семейный склепъ Фелькерзамъ, въ деревню Штейнзэ, Курляндской губерніи. Изъ Штейнзэ отецъ долженъ былъ проѣхать въ Варшаву.

Дворянскій родъ фонъ-Менгденъ происходитъ изъ Вестфаліи, гдѣ родоначальникъ его назывался также фонъ-Менгденъ или фонъ-Менгеде, по имени принадлежащаго ему замка „Менгеде“ близъ города Дортмундъ. Іоаннъ фонъ-Менгденъ состоялъ гермейстеромъ Тевтонскаго ордена въ Лифляндіи, отъ 1450-го по 1469-й годъ. Родной его племянникъ, Энгельбрехтъ, переселился также въ Лифляндію, гдѣ получилъ отъ дяди разныя вотчины и былъ родоначальникомъ всѣхъ графовъ, бароновъ и дворянъ фонъ-Менгденъ въ Россіи.

Баронъ Оттонъ Менгденъ фонъ-Альтенвогенъ (названіе его имѣнія), пятое поколѣніе Энгельбрехта, родился въ 1600, † въ 1681 г., полковникъ, лифляндскій ландратъ, былъ возведенъ королевою Христиною Шведскою, 12 іюля 1653 года, въ баронское, Шведскаго королевства, достоинство. Женатъ онъ былъ на Гертрудѣ фонъ-Розенъ. Его два внука: баронъ Магнусъ Густавъ и Іоаннъ Альбрехтъ Менгденъ. Первый Магнусъ-Густавъ, родившійся въ 1662, † въ 1727 году, сперва шведскій, потомъ голландскій подполковникъ, лифляндскій ландмаршалъ, владѣлецъ Царнекау, Синоленъ, Маленгофъ и Абгунеръ. Второй Іоаннъ Альбрехтъ, родившійся въ 1663, † въ 1720 году, лифляндскій ландратъ. У его сына барона Іоанна Генриха, женатаго

на графинѣ Елизаветѣ Минихъ, былъ сынъ Эрнестъ Бургардъ, лифляндскій губернаторъ, возведенный 16—27 іюля 1779 года Императоромъ Іосифомъ II въ графское Римской имперіи достоинство. Онъ былъ родоначальникомъ нынѣшнихъ графовъ Менгденъ и женатъ на графинѣ Елизаветѣ фонъ-Сольмсъ-Вильденфельсъ.

Младшій сынъ барона Іоанна Альбрехта, Карлъ Людвигъ, тайный совѣтникъ и президентъ коммерцъ-коллегіи, игралъ видную роль при дворѣ правительницы Анны Леопольдовны. По восшествіи на престолъ Елизаветы Петровны, былъ пытанъ и приговоренъ къ казни, но Императрица приказала его только сослать въ Сибирь, въ Колымскій острогъ, гдѣ онъ и умеръ въ 1760 году. Братъ же Іоанна Альбрехта, баронъ Магнусъ-Густавъ Менгденъ, женатый три раза, имѣлъ семь дочерей и трехъ сыновей. Старшая его дочь, Анна Доротея, была фрейлиной при дворѣ Императрицы Анны Іоанновны. Анна Доротея была замужемъ за дѣйствительнымъ тайнымъ совѣтникомъ графомъ Іоанномъ-Эрнестомъ Минихомъ, сыномъ фельдмаршала, авторомъ записокъ, изданныхъ въ Петербургѣ въ 1877 году. Вторая дочь Магнуса-Густава Менгденъ, Юлія, родилась 22 мая 1719 года и была любимая фрейлина правительницы Анны Леопольдовны. Послѣ сверженія Бирона, слѣдующій день былъ назначенъ для раздачи разныхъ милостей и чиновъ. Орденъ Св. Александра Невскаго пожалованъ президенту и кавалеру барону Карлу Людвигу Менгденъ, а фрейлинѣ Юліи правительница подарила 4 кафтана Бирона, да 3 кафтана сына его Петра. Юлія занялась тотчасъ же спарываніемъ съ нихъ позументовъ и отдала на выжигу,— вышло 4 шандала, 6 тарелокъ, двѣ коробки. Воспитаніе баронесса Юлія получила самое заурядное, какое обыкновенно получали въ то время дочери лифляндскихъ дворянъ. Выросшія въ деревнѣ, онѣ выходили замужъ за помѣщиковъ, занимались домашнимъ хозяйствомъ, пекли кюммель-кухены.

Въ Ригѣ, въ библіотекѣ Лифляндскаго дворянства хранится рукопись XVIII столѣтія Гадебушъ (K. F. Gadebusch. Mitteilungen über das Geschlecht der Herren, Freiherren und Grafen von Mengden).

Въ этой рукописи сказано, что въ 1736 году Юлія Менгденъ была вызвана въ Петербургъ Императрицей Анной Іоанновной, пожелавшей имѣть между придворными фрейлинами дочерей лифляндскихъ дворянъ.

Еще въ 1709 году скончался Магнусъ-Густавъ Менгденъ, а потому показанія Манштейна невѣрны, утверждавшаго, что отецъ Юліи способствовалъ ея назначенію ко двору.

Спустя нѣкоторое время четвертая дочь барона Магнуса, Марія-

Аврора Менгденъ, была взята также ко двору, вышедши впослѣдствіи замужъ за Лестока.

Въ правленіе Анны Леопольдовны Юлія вліяла на государственныя дѣла, не потому, чтобы она была властолюбива, но она хотѣла отстранить Анну Леопольдовну отъ всякаго вмѣшательства въ государственныя дѣла, что Юліи вполнѣ удалось, во вредъ себѣ и всей своей семьѣ. Одѣтая въ старомодный капотъ, съ вязанымъ платкомъ на головѣ, кроткая, лѣнивая, правительница Анна проводила дни въ своей комнатѣ, куда имѣли доступъ лишь самые приближенные и ихъ родственники. Изрѣдка приглашаемы были нѣкоторые иностранные министры. Не только русскіе вельможи, но и супругъ Анны Леопольдовны возмущались такимъ времяпрепровожденіемъ. Послѣдній часто ссорился изъ-за этого со своей женой. Баронесса Юлія старалась еще болѣе разссорить супруговъ, покровительствуя любовному роману правительницы съ министромъ короля Польскаго и курфюрста Саксонскаго, графомъ Линаромъ. Эта любовная интрига началась еще въ царствованіе Анны Іоанновны, что̀ весьма не нравилось Императрицѣ и всемогущему въ то время Бирону. Они требовали, чтобы графъ былъ отозванъ изъ Петербурга. Но когда Анна Леопольдовна стала во главѣ правленія, правительницѣ больше нечего было бояться, и графъ вернулся въ столицу. Его звали Морицъ-Карлъ, онъ былъ саксонскимъ тайнымъ совѣтникомъ, генералъ-почтмейстеромъ и владѣлъ имѣніями Люббенау, Зэзе, Млоде и Ришдорфъ. Въ 1730 году скончалась жена графа Линара, Христина-Фредерика-Генріетта, рожденная графиня Флеммингъ. Юлія рѣшила выйти замужъ за графа, чтобы этимъ еще болѣе способствовать интимнымъ отношеніямъ принцессы со своимъ возлюбленнымъ. Въ комнатахъ фаворитки принцесса Анна имѣла тайныя свиданія съ графомъ. Анна Леопольдовна вполнѣ оцѣнила услуги своей фрейлины и подарила ей большія помѣстья, Оберленъ въ Лифляндіи и домъ графа Бирона въ Петербургѣ, на Милліонной [1]).

Четвертаго августа 1741 года графу Линару были пожалованы знаки ордена св. Андрея, а 24 августа того же года состоялась его помолвка съ Юліей. Спустя нѣкоторое время послѣ сватовства, графъ уѣхалъ въ Саксонію для устройства своихъ частныхъ дѣлъ, обѣщавъ вернуться для полученія званія оберъ-камергера при русскомъ дворѣ [2]).

---

[1]) Нынѣ домъ графа Игнатьева.

[2]) Существуютъ два письма Анны Леопольдовны къ графу Линару. Первое 1741 года, 8 сентября, написано собственноручно: „J'ai appris avec plaisir votre heureuse arrivée à Narva. Dieu continue sa grace et nous donne la joie de vous revoir bientôt. Nous nous portons bien et je ne fais que consoler Julie, mai

„Въ отсутствіе графа произошелъ государственный переворотъ[1]), Елизавета Петровна вступила на престолъ, о чемъ Линаръ узналъ въ Нарвѣ, на возвратномъ пути въ Петербургъ, а также о несчастіи, постигшемъ его невѣсту, и онъ поспѣшилъ вернуться обратно въ свое отечество.

Въ началѣ своего царствованія Елизавета Петровна весьма благосклонно относилась къ бывшей правительницѣ, но и тутъ фрейлина Юлія Менгденъ приложила все свое стараніе поссорить Анну Леопольдовну съ императрицей: при каждомъ посѣщеніи Елизаветы Петровны, Юлія обязательно переставляла часы на одинъ часъ впередъ. Императрица, замѣтивъ эту продѣлку, стала рѣже посѣщать Анну Леопольдовну, наконецъ совершенно прекратила свои посѣщенія и отдала приказъ отвезти принцессу Анну въ Ригу, повелѣвъ ей передать словесно, „что бывшая правительница ни въ чемъ не будетъ нуждаться, все будетъ устроено для ея какъ нельзя лучше".

Услыхавъ это приказаніе, принцесса Анна отвѣтила, „что не

Dieu sait qui en a plus besoin. Vous avez tort, quand vous me conseillez dans votre lettre, de chercher ailleurs ce que je pourrais mieux trouver dans mon coeur, et je crois, que vous en pourriez être content".

Второе письмо отъ 13 октября 1741 года написано чужою рукою; рукою Анны написаны только тѣ слова, которыя въ скобкахъ: „Je vous félicite de votre arrivée à Leipzig, mais je ne serai pas satisfaite avant que je vous sache en chemin pour retourner ici. Si vous n'avez pas reçu des lettres de Pétersbourg, prenez vous en à Pezold, qui les a mal adressées. Pour ce est de Julie, comment pouvez vous douter un moment de son (mon) amour et de sa (ma) tendresse après toutes les marques qu'elle (je) vous en a données. Si vous l (m')aimez ne lui (me) faites plus de pareilles reproches pour peu que sa (ma) santé vous est chère. L'ambassadeur de Perse avec tous ses éléphants a eu son audience, de la même manière que la eut le Turc. On dit qu'un des principaux objets de sa commission est de demander en mariage pour le fils du Schach-Nadir la princesse Elisabeth et qu'en cas de refus, il nous fera guerre. Patience! ce serait donc le troisième ennemi, le bon Dieu nous garde du quatrième. Ne prenez pas pour un conte cette demande de Persan. Je ne ris pas; c'est par la voie du favori de l'ambassadeur, que l'on a appris ce secret. Nous aurons mascarade le 19 et le 20 de ce mois, mais je ne crois pas, que je pourrai (sans vous, mon cher coeur) prendre beaucoup de part à ce divertissement, car je prévois déjà, que ma chère Julie, qui a son coeur et son âme ailleurs, ne s'y divertira guère. La chanson dit fort bien: je ne vois rien qui vous ressemble et cependant de vous tout me fait souvenir. Mandez-moi le temps de votre retour et soyez persuadés que je suis votre bien affectionnée (je vous embrasse et meurs toute à vous). («Исторія Соловьева»).

[1]) Саксонскій резидентъ Пецольтъ пишетъ: „Alle Russen bekennen, dass es blos des Bestandes einer Anzahl Grenadiere, eines Kellers Brantwein und einiger Säcke Geld bedürfe, um zu machen was man wolle.

См. соч. Herrmann's Geschichte des russ. Staats.

нуждается ни въ какихъ милостяхъ, и что она ничего не будетъ просить у императрицы", однако, подумавъ немного, она прибавила: „желала бы имѣть при себѣ фрейлину Менгденъ, очень къ ней привязана". На что Елизавета Петровна, обозвавъ ругательнымъ словомъ Юлію, высказала, „что въ несчастіи, постигшемъ бывшую правительницу, во всемъ виновата ея фрейлина", но все же позволила Юліи сопутствовать Аннѣ Леопольдовнѣ.

Спустя нѣкоторое время браунштейгскую семью,—каждое лицо въ разное время,—отвезли въ Рижскую цитадель. Изъ Риги перевели въ Дюнамюнде, а оттуда въ Раненбургъ, гдѣ въ 1746 году принцесса Анна скончалась отъ родовъ.

Показанія К. Ф. Гадебушъ невѣрны: изъ Раненбурга браунштейгскую семью перевели въ Холмогоры, гдѣ и покончила свое печальное существованіе бывшая правительница. Юліи не дозволили, къ великому огорченію Анны Леопольдовны, оставаться при ней. Ее замѣнила ея сестра Якобина Менгденъ. Несчастная Юлія осталась въ Раненбургѣ. „Была зима (продолжаетъ свое повѣствованіе Гадебушъ), когда Юлія покидала Ригу и должна была отправиться въ Дюнамюнде; при проѣздѣ рижскаго предмѣстья произошла остановка. Отъ большого количества снѣга сани застряли въ сугробѣ. Какой-то мясникъ, стоявшій тутъ же въ толпѣ, знавшій Юлію, побѣжалъ къ себѣ домой, принесъ библію и бросилъ ее въ сани уѣзжавшей въ ссылку фрейлинѣ. Съ этой книгой Юлія никогда не разставалась, она ее читала и перечитывала, знала почти всю библію наизусть и впослѣдствіи говорила: „если бы она осталась при дворѣ, то навѣрно ея душа и тѣло погибли бы, что Господь посредствомъ библіи и постигшаго ее несчастія указалъ ей путь ко спасенію".

Юлія оставалась въ Раненбургѣ съ 1741 года по 1763-й годъ подъ строжайшимъ надзоромъ. Поручикъ, имѣвшій надзоръ надъ плѣнными, обязанъ былъ ежедневно выплачивать на счетъ казны каждому изъ нихъ по одному рублю въ день. Онъ этого не исполнялъ, рѣдко давалъ имъ деньги, а когда его упрекали въ неисполненіи его обязанностей, онъ отвѣчалъ: „до Бога — высоко, до императрицы — далеко". Когда же онъ узналъ о предстоящемъ освобожденіи плѣнныхъ, поручикъ бросился къ ногамъ Юліи и слезно просилъ его не губить, что она и исполнила, хотя человѣкъ, завѣдомо усугублявшій несчастное положеніе заключенныхъ, не заслуживалъ помилованія.

Юлія помѣщалась съ полковникомъ Геймбургомъ въ нижнемъ этажѣ, въ одной комнатѣ, съ двумя маленькими окнами, столь высоко вдѣланными въ стѣну, что видно было одно небо. Не было

дозволено заключеннымъ выходить изъ комнаты, имъ только разрѣшалось подыматься по лѣстницѣ на чердакъ, гдѣ было множество галочьихъ гнѣздъ. Плѣнные не гнушались ѣсть яйца галокъ, а когда удавалось достать куриныхъ яицъ, то они клали ихъ въ гнѣзда и галки выводили цыплятъ.

Помѣщеніе, въ которомъ содержалась Юлія и полковникъ Геймбургъ, гдѣ они прожили 22 года, было недостроено, съ потолка и со стѣнъ текла вода, зимой висѣли ледяныя сосульки, приходилось большую часть времени проводить сидя на печкѣ, тѣмъ не менѣе никто изъ нихъ не болѣлъ, только разъ Юлія страдала зубной болью. Былъ приглашенъ русскій цырюльникъ, онъ кузнечными клещами, по ошибкѣ, вырвалъ здоровый зубъ и страданья болѣе не возобновились.

Съ годами Геймбургъ впалъ въ дѣтство и сильно ослабъ. Находясь въ крайней нуждѣ, Юлія шила шапочки изъ единственной шелковой юбки, ей оставленной. Приставленный къ плѣннымъ солдатъ и его жена обмѣнивали эти шапочки на шерсть и ленъ. Несмотря на суровость дежурнаго поручика, запрещавшаго заниматься этой продажей и даже бившаго солдата и его жену, послѣдніе съ любовью и съ сердечной преданностью относились къ заключеннымъ. Все, что возможно было, продавалось или обмѣнивалось на самое необходимое. Геймбургъ расчесывалъ шерсть и ленъ. Юлія ткала и вязала. Въ продолженіе всего времени заключенія Юлія и Геймбургъ сберегли до ста рублей. За послѣдніе годы они даже себѣ позволяли, по воскресеньямъ и средамъ, пить по чашкѣ кофе и по рюмкѣ вина, при этомъ всегда угощая вѣрнаго служиваго и его жену. Когда же силы измѣнили Геймбургу, и онъ по старости лѣтъ не могъ болѣе расчесывать ленъ и шерсть, то нянчилъ младшаго ребенка солдата, въ отсутствіе его родителей, занятыхъ въ ближайшей деревнѣ продажей произведеній плѣнныхъ. Юлія переносила съ удивительной стойкостью и глубокимъ смиреніемъ всю тяжесть заключенія и была увѣрена, что до конца жизни судьба ея не измѣнится. Но Елизавета скончалась, и мать Юліи Менгденъ рѣшилась обратиться къ милосердію императрицы Екатерины, которая и возвратила свободу Юліи. Она получила это радостное извѣстіе во время коронаціи Екатерины: тотчасъ же она отправилась въ Москву повергнуть къ стопамъ императрицы свою глубокую сердечную благодарность за дарованную, неожиданную милость.

Екатерина не только ее милостиво приняла, велѣла ей выдать прекрасныя дорогія платья, разспрашивала о ея заточеніи, пожелала видѣть вещи, тканыя и вязанныя ею. Юлія показала императрицѣ юбку, ею вязанную, и при этомъ разсказала, что за все время своего

заключенія она работала на себя и на Геймбурга. Услыхавъ, что Геймбургъ, котораго императрица считала давно умершимъ, еще живъ, Екатерина пожелала его видѣть и тотчасъ же послала за нимъ.

Онъ пріѣхалъ въ Москву, а потомъ возвратился на родину въ Брауншвейгъ, гдѣ вскорѣ и умеръ. Прибывъ въ Москву, Юлія хотѣла написать своей матери, что благополучно прибыла въ столицу, но не была въ состояніи составить письмо. Пока она была въ заточеніи, строжайше запрещалось заниматься перепиской, и она разучилась писать. Изъ Москвы Юлія поѣхала въ имѣніе Еркуль, гдѣ ея мать, семидесятилѣтняя старуха, встрѣтила свою дочь со слезами радости и счастія. Въ Еркуль прибылъ также и деверь Юліи, графъ Лестокъ. Онъ во многомъ способствовалъ въ несчастной судьбѣ, постигшей Юлію, а потому, мучимый угрызеніями совѣсти, не рѣшался тотчасъ же взойти въ комнату, гдѣ находилась его свояченица, когда же онъ наконецъ переступилъ порогъ, то съ такой стремительностью бросился на шею Юліи, что оба чуть не упали.

Нѣсколько лѣтъ спустя, братъ Юліи, дѣйствительный статскій совѣтникъ графъ Менгденъ, поѣхалъ въ Саксонію къ бывшему ея жениху графу Линаръ, для полученія обратно 40.000 червонцевъ, приданаго его бывшей невѣсты. Графъ возвратилъ всѣ 40.000 и прислалъ Юліи свой портретъ, писанный пастелью, съ надписью: „отъ преданнаго друга". Этотъ портретъ находился въ Еркулѣ еще въ 1787 году, гдѣ доживала послѣдніе дни и годы Юлія.

Она мало выѣзжала, занимаясь хозяйствомъ, вставала въ четыре часа утра, вязала, пряла, къ чему она привыкла во время своего заключенія, слушала чтеніе вслухъ своей племянницы и воспитанницы, молодой баронессы Юліяны-Августы Менгденъ.

Привыкшая сама къ труду, она того же требовала отъ прислуги и не любила, чтобы кто-либо сидѣлъ сложа руки. Она охотно говорила о прошломъ, о времени своего заключенія, но съ большой осторожностью отзывалась о дворѣ принцессы Анны Леопольдовны. Въ послѣдніе годы своей жизни она часто хворала лихорадкой, въ родѣ маляріи, и скончалась 21 октября 1786 года, въ 3 часа по полудни. Кончина была мучительная. Юлія, указывая на свое сердце, говорила: „здѣсь, здѣсь много скрыто". Ее похоронили 5 января 1787 года въ семейномъ склепѣ, въ имѣніи Царнекау. Къ матери своей она относилась съ глубокой привязанностью и сумѣла пріобрѣсти любовь и расположеніе всѣхъ своихъ родственниковъ и сосѣдей Еркуля. Въ своей духовной она назначила наслѣдникомъ всего своего имѣнія любимаго своего брата графа Эрнеста Рейнгольда Менгденъ.

Существуетъ предположеніе, что Елизавета Петровна намѣренно велѣла заточить въ одну комнату Юлію и Геймбурга, зная нелюбовь баронессы къ полковнику. Въ этомъ распоряженіи сказалась чисто женская мстительная злоба.

Все, что касалось Брауншвейгской семьи, лично интересовало Елизавету Петровну. Императрицу крайне раздражало, что въ Петербургѣ во дворцѣ не досчитывались нѣкоторыхъ драгоцѣнностей. Нѣсколько разъ допрашивали фрейлину Юлію.

Въ мартѣ 1742 года была переписка „о неявившихся изъ золотого нахтыша двухъ коробкахъ", а въ декабрѣ того же года спрашивали принцессу Анну Леопольдовну „о опахалѣ съ красными камнями и бриллiантами". Анна Леопольдовна отвѣчала, „что оное опахало осталось съ прочими алмазными вещами и она къ себѣ не бирала и никого имъ не даривала".

Елизавета писала барону Корфу въ Холмогоры: „спроси Анну, кому розданы алмазныя вещи ея, изъ которыхъ много не оказываются. А ежели она, Анна, запираться станетъ, никому что не отдавала никакихъ алмазовъ, то скажи, что я принуждена буду Жульку (Юлію) разыскивать (пытать), то ежели ея жаль, то она ея до того мученія не допуститъ" [1]).

Бестужевъ, имѣвшій громадное вліяніе въ царствованіе Елизаветы Петровны, своимъ содѣйствіемъ спасъ Юлію Менгденъ отъ пытки.

Третья дочь барона Магнуса, Марія-Аврора, была замужемъ за дѣйствительнымъ тайнымъ совѣтникомъ графомъ Германомъ Лестокомъ. Лейбъ-медикъ императрицы Елизаветы Петровны, онъ способствовамъ ея восшествію на престолъ. Когда его значеніе при дворѣ поколебалось, Лестокъ женился третьимъ бракомъ на Маріи-Аврорѣ Менгденъ: императрица благоволила къ послѣдней. Въ день свадьбы Елизавета Петровна украсила бриллiантами голову невѣсты.

Лестокъ надѣялся благодаря своей женѣ снова попасть въ милость, но вліяніе его врага Бестужева одержало верхъ. Предварительно пытавъ Лестока, его сослали въ Устюгъ Великій, куда за нимъ добровольно послѣдовала его жена. Петръ III имъ дозволилъ вернуться. Несмотря на 14-лѣтнюю ссылку, на свои 74 года, Лестокъ вернулся въ Петербургъ здоровымъ, бодрымъ. Онъ видѣлъ восшествіе на престолъ Екатерины Второй и первые годы ея царствованія. Марія-Аврора скончалась въ Ригѣ въ 1808 году.

---

[1]) А. Г. Брикнеръ, Императоръ Іоаннъ Антоновичъ и его родственники.

Младшая дочь барона Магнуса—Якобина, родившаяся отъ третьяго брака ея отца съ Доротеею-Софіей фонъ Розенъ, пріѣхала въ Петербургъ въ 1736 году четырнадцатилѣтней дѣвицей, въ сопровожденіи своей матери и была тотчасъ же взята фрейлиной ко двору императрицы Анны Іоанновны, гдѣ уже были фрейлинами ея три старшія сестры. Двадцати лѣтъ, при правительницѣ Аннѣ Леопольдовнѣ она была объявлена невѣстой Густава Бирона, брата всемогущаго, въ царствованіе Анны Іоанновны, герцога Курляндскаго. Но этотъ бракъ не состоялся. При восшествіи на престолъ Елизаветы, въ 1741 году, Якобина Менгденъ была отправлена въ ссылку, также какъ и ея сестра Юлія со всей Брауншвейгской семьей, сперва въ Ригу, потомъ въ Дюнамюнде и въ Раненбургъ. По ошибкѣ ихъ чуть не отвезли въ Оренбургъ. Капитанъ гвардіи Вандомскій, которому поручено было везти арестованныхъ, принялъ Раненбургъ за Оренбургъ. До Раненбурга всѣ ѣхали вмѣстѣ, но 27 іюля 1744 года послѣдовалъ изъ Петербурга указъ перевести Брауншвейгскую семью въ Архангельскъ, а изъ Архангельска въ Соловецкій монастырь.

Баронъ Корфъ, пользовавшійся полной довѣренностью императрицы, долженъ былъ немедленно уѣхать съ капитаномъ Пензенскаго полка Миллеромъ въ Раненбургъ. Ему былъ данъ приказъ взять ночью четырехлѣтняго принца Іоанна, передать его на руки Миллеру и немедленно ихъ отправить въ Архангельскъ, а на другой день, также ночью, Анну Леопольдовну съ мужемъ и дочерьми, Екатериной и Елизаветой, и подъ стражею тридцати надежнѣйшихъ солдатъ отправить въ Соловецкій монастырь. Въ указѣ было сказано: „чтобы въ дорогѣ и на мѣстѣ заключенія никто изъ постороннихъ не вступилъ въ разговоръ и не отвѣчать на вопросы“. Право говорить въ заключенными предоставлялось женской прислугѣ, находившейся неотступно при нихъ. Кормить приказано было безъ малѣйшей прихоти, только „сыту быть“.

Капитанъ Миллеръ долженъ былъ съ четырехлѣтнимъ Іоанномъ ѣхать въ коляскѣ въ сопровожденіи шести солдатъ безостановочно до Соловецкаго монастыря и такъ, чтобы коляска всегда была закрыта, ребенка никому, даже извощику, не показывать и называть Григоріемъ.

Пріѣздъ барона Корфа въ Раненбургъ навелъ страхъ и ужасъ на всю Брауншвейгскую семью. Корфъ сразу не рѣшился объявить причину своего пріѣзда; передалъ поклонъ императрицы и въ своемъ донесеніи въ Петербургъ [1]) спрашивалъ, нужно ли пускаться въ дорогу при нынѣшней болѣзни Анны и ея сына (Анна Леопольь-

---

[1]) А. Г. Брикнеръ. Императоръ Іоаннъ Антоновичъ и его родственники.

довна была беременна) и нельзя ли будетъ взять въ дорогу Юлію Менгденъ, находящуюся при принцессѣ, но не назначенную къ отъѣзду. Если разлучить принцессу съ фрейлиной, доносилъ Корфъ, то она впадетъ въ совершенное отчаяніе".

Государыня не нашла нужнымъ отмѣнить свое рѣшеніе.

Была распутица, дождь, слякоть, съ трудомъ можно было подвигаться. Проѣхавъ полтораста верстъ, Корфъ убѣдился, что невозможно доѣхать до Соловецкаго монастыря, и отвезъ арестованыхъ въ Холмогоры, куда арестанты прибыли 9 ноября 1744 года. Въ своемъ донесеніи Корфъ представилъ всѣ затрудненія, съ которыми сопряжена поѣздка въ Соловецкій монастырь. Послѣ долгой переписки было рѣшено оставить арестантовъ въ Холмогорахъ, гдѣ Брауншвейгскую семью поселили на пространствѣ приблизительно четырехсотъ шаговъ въ длину и ширину, окруженномъ высокою деревянною стѣною, за которой были три домика и церковь. Ворота были всегда накрѣпко заперты. Маленькаго принца Іоанна Антоновича содержали по программѣ, составленной для пребыванія въ Соловецкомъ монастырѣ. Несчастный ребенокъ жилъ отшельникомъ, кромѣ Миллера никто не имѣлъ къ нему доступа. Даже его родители не знали, что ихъ сынъ содержится въ одиночномъ заключеніи, безъ всякаго воспитанія и надзора, за оградою въ нѣсколькихъ шагахъ отъ нихъ. Въ 1756 году Іоанна Антоновича перевезли въ Шлиссельбургъ. Когда Корфъ объявилъ, что всѣ заразъ не могутъ ѣхать, что фрейлина Юлія останется въ Раненбургѣ и послѣ пріѣдетъ, то это извѣстіе поразило какъ громомъ Анну Леопольдовну. Она поняла, что ее навсегда разлучаютъ съ ея другомъ.

Юлію замѣнила ея сестра Якобина, извѣстная своимъ сварливо-злобнымъ характеромъ. Постоянныя ея ссоры съ офицерами и нижними чинами, приставленными охранять бывшую правительницу, ея скандальныя исторіи, о которыхъ доносили въ Петербургъ, усугубляли еще болѣе тяжелое существованіе ссыльныхъ. Доносили въ Петербургъ о постоянныхъ ссорахъ „Бины" съ принцемъ Антономъ Ульрихомъ, о ея романѣ съ лѣкаремъ Кожевниковымъ, и императрица Елизавета Петровна приказала „оную фрейлину, ежели она отъ такихъ продерзостей не уймется, держать въ той палатѣ, въ которой нынѣ живетъ, безвыходно и никуда изъ той палаты не выпускать, также и къ ней въ палату никого не пускать, а ежели иногда для какой болѣзни потребуетъ лѣкаря, то онаго допускать при прапорщикѣ Зыбинѣ, а одного отнюдь не пускать".

Одиночное заключеніе еще болѣе усилило раздражительность Якобины. Она колотила солдатъ, приносившихъ ей обѣдъ, выливала

имъ супъ на головы. Заключеніе было тяжкое. Въ продолженіе двухъ лѣтъ она не имѣла рубашки. Когда при восшествіи на престолъ Петра III, въ 1762 году, Якобина была возвращена на родину, пробывъ въ ссылкѣ двадцать лѣтъ, она была помѣшана и находилась въ Ригѣ подъ опекою своего брата Эрнеста Рейнгольда Менгдена и ассесоровъ Зубстъ и Іоанна-Георгія фонъ-Дунтенъ. Въ томъ же году она приняла православіе. Жизнь Якобины была трагична, и до конца судьба была къ ней неумолима. Въ 1773 году, 21 августа, ее нашли въ ея домѣ въ Ригѣ, зарѣзанной съ цѣлью грабежа.

---

19 октября 1898 года, при нивеллировкѣ Рудольфской улицы, въ Ригѣ, въ форштадтѣ, въ части города, называемой Зандберге—(die Sandberge) на пяти-футовой глубинѣ, были найдены богатѣйшія серебряныя кружева, составляющія въ настоящее время въ Рижскомъ музеѣ рѣдкую коллекцію кружевъ, относящихся къ эпохѣ 1730 годовъ.

Въ „Рижской газетѣ" за 1772 годъ была слѣдующая публикація: „Баронессу Якобину Менгденъ нашли зарѣзанной въ ея домѣ въ форштадтѣ съ цѣлью ограбленія. Если кто-либо знаетъ объ убійствѣ или если кому предложатъ купить украденныя, дорогія, шитыя золотомъ платья убитой баронессы, то просятъ о томъ заявить, дабы имѣть возможность найти убійцу и ему воздать должную кару.

Рига. Ратуша, 21 августа 1772 года".

Въ другой публикаціи отъ 7 января 1773 года между прочимъ было сказано: „при розыскахъ убійцъ были найдены у нѣкоторыхъ бабъ дорогія, шелковыя, распоронныя платья, которыя эти же бабы предлагали купить. Другія платья были у кого-то заложены въ городѣ, а остальныя зарыты въ форштадтѣ (in den Sandbergen), откуда снова были выкрадены. Иныя вещи убитой баронессы были куплены солдатомъ третьяго батальона Василіемъ Хрипуновымъ и женами сержантовъ Аксиньей Фатикиной и Степанидой Розмида".

Нѣтъ сомнѣнія, что найденныя при нивеллировкѣ Рудольфской улицы, между Перновской и Саперной, восточнѣе Александровскихъ воротъ, 19 октября 1898 года, вещи въ сухомъ пескѣ, какъ-то серебряныя кружева, бантъ изъ парчи (Brocatschleife) и обломки перламутроваго вѣера принадлежали Якобинѣ Менгденъ [1]).

---

[1]) Sitzungsberichte der Gesellschaft für Geschichte und Alterthums Kunde der Ostseeprovinzen Russlands aus dem Jahre 1899. Riga.

Одинъ изъ потомковъ Энгельбрехта, Эрнстъ фонъ-Менгденъ, былъ взятъ въ плѣнъ русскими въ 1577 году, въ царствованіе Іоанна Грознаго препровожденъ въ Москву и впослѣдствіи былъ принятъ на службу царемъ Ѳеодоромъ Іоанновичемъ. Эрнстъ фонъ-Менгденъ оставилъ трехъ сыновей, Эрнста, Андрея и Владиміра. У Андрея, умершаго ротмистромъ въ 1643 году, былъ сынъ Георгій, или какъ его называли Юрій Фамендинъ или Фаминдинъ. Юрій провелъ молодость въ Москвѣ, въ нѣмецкой слободѣ, гдѣ и сошелся съ Петромъ Великимъ, участвовалъ въ его играхъ, принадлежалъ къ Потѣшной ротѣ и впослѣдствіи командовалъ Преображенскимъ полкомъ, съ 1695 года по 1700 годъ. Въ 1684 году онъ жилъ въ Кіевѣ, гдѣ имѣлъ собственный домъ и переписывался съ Патрикомъ Гордономъ, также сподвижникомъ Петра Великаго. Въ 1690 годахъ онъ изъѣздилъ почти всю Россію. Юрій нарисовалъ первую географическую карту Россіи, въ чемъ ему помогалъ графъ Яковъ Даніилъ Брюссъ, сдѣлавшій чертежъ карты, появившейся въ началѣ XVIII вѣка въ Амстердамѣ со слѣдующимъ заглавіемъ:

„Invictissimo atque Augustissimo Imperatori Serenissimo ac Potentissimo Principi, Petro Alexievicio, utriusque Russiae absoluto domino, in laudem et immortalem gloriam Serenissimae ejus Tzareae Majestatis, Honoris ergo Tabulam animi grati documentum, quae pars majoris et minoris Russiae, Poloniae, Tartariae, Porti Euxini, Natoliae continetur, offert, dedicat et consecrat humillimus Johannes Thesing, Amstelodamensis“.

Названія городовъ, рѣкъ и т. д. были на голландскомъ языкѣ. Можно предполагать, что Юрій Менгденъ, бывши весьма образованнымъ, сопровождалъ царя въ его путешествіяхъ за границу и въ особенности въ Голландію. Юрій участвовалъ въ бою подъ Азовомъ, былъ дважды раненъ и скончался вслѣдствіе полученныхъ ранъ въ 1696 году.

У Эрнеста (Ариста Аристовича) фонъ-Менгденъ былъ сынъ Алексѣй Аристовичъ, первый изъ рода Менгденъ принявшій православіе. Онъ занималъ должность стольника при Петрѣ Великомъ и отличился въ Турецкомъ и Крымскомъ походѣ. Ему принадлежало нѣсколько вотчинъ въ Тверскомъ воеводствѣ. Въ 1687 году онъ получилъ Высочайшее разрѣшеніе на принятіе баронскаго титула, пожалованнаго еще въ 1653 году шведской Королевой Христиной его родственникамъ, оставшимся въ Лифляндіи. Его сынъ баронъ Іоаннъ Алексѣевичъ Фамендинъ или фонъ-Менгденъ пріобрѣлъ имѣніе Никольское, Костромской губерніи, Кинешемскаго уѣзда; въ чинѣ полковника участвовалъ въ войнѣ противъ Шведовъ. Въ 1725 году былъ астраханскимъ губернаторомъ и умеръ въ чинѣ тайнаго со-

вѣтника. Сынъ его, Петръ Іоанновичъ, владѣлецъ сельца Никольскаго, умеръ въ 1775 году секундъ-ротмистромъ лейбъ-гвардіи коннаго полка, а его сынъ баронъ Александръ Петровичъ продалъ имѣніе въ Тверской губерніи, но оставилъ себѣ сельцо Никольское. Въ 1794 году, въ чинѣ полковника, онъ женился на княжнѣ Ѳеодосіи Николаевнѣ Козловской и былъ богатъ, кромѣ сельца Никольскаго имѣя чудное имѣніе подъ Коломной, имѣніе въ Тульской губерніи, Чернскаго уѣзда, два дома въ Москвѣ, гдѣ проводилъ зимы и куда ему по первозимью привозили изъ степной деревни муку, крупу, масло, птицу, яблоки и т. д. Большой дворъ московскаго дома переполнялся санями, нагруженными всякими припасами. Лошади отпрягались, торчали къ верху приподнятыя оглобли, шныряла по двору многочисленная дворня; тутъ были музыканты, пѣвцы, акробаты.

Прадѣдъ мой жилъ въ с. Никольскомъ со всѣми затѣями барина того времени и порядочно растратилъ свое состояніе. Его старшій сынъ Николай умеръ поручикомъ Преображенскаго полка, былъ другомъ безпутнаго американца Толстого [1]), такой же кутила, какъ и послѣдній и отличался неимовѣрной толщиной. Его мундиръ хранился въ домѣ у его младшаго брата, моего дѣда Михаила Александровича. Шутки ради мой дѣдъ вдѣвалъ свою правую руку въ одинъ рукавъ, его старшій сынъ Александръ лѣвую руку въ другой рукавъ, въ средину становились двое младшихъ сыновей и мундиръ свободно застегивался, содержавъ въ себѣ четыре человѣка. Когда Николай Александровичъ купался, онъ могъ погружаться въ воду лишь по поясъ. Какъ поплавокъ держался онъ на поверхности, и два дюжихъ молодца съ трудомъ окунали его въ воду. Съ годами онъ еще болѣе принялъ чудовищные размѣры: юбка замѣнила ему панталоны. Второй сынъ, Александръ Александровичъ, участвовалъ въ походахъ Суворова въ Италію и былъ убитъ въ

---

[1]) Толстой прозванъ американцемъ по слѣдующему случаю: Толстой отправился въ кругосвѣтное плаваніе съ извѣстнымъ Крузенштерномъ. Во время плаванія Толстой сталъ бунтовать команду, и Крузенштернъ былъ вынужденъ высадить его на Курильскихъ островахъ, гдѣ по прошествіи нѣсколькихъ дней его подобралъ американскій корабль и отвезъ въ Америку. Не имѣя никакихъ средствъ, Толстой все же добрался благополучно обратно въ Россію черезъ Атлантическій океанъ. Люди какъ Толстые не пропадаютъ. О немъ упоминается въ „Горе отъ ума“:

Не надо называть, узнаешь по портрету:
Ночной разбойникъ, дуэлистъ,
Въ Камчатку сосланъ былъ, вернулся алеутомъ
И крѣпко на руку нечистъ:
Да умный человѣкъ не можетъ быть не плутомъ...

Швейцаріи, подъ Цюрихомъ, въ 1799 году. Къ младшему сыну, моему дѣду Михаилу Александровичу, перешло сельцо Никольское, онъ участвовалъ въ войнахъ съ Наполеономъ и былъ раненъ при Аустерлицѣ, откуда онъ писалъ своему брату Николаю:

„Любезный братъ и милой другъ, я тебѣ скажу хотя и не очень пріятную новость, но здѣлай милость будь покоенъ самая бездѣлица, я раненъ въ левую ногу пулей и безъ всякой опасности, конечно я не могу иначѣ ходить какъ на костыляхъ, но признаюсь тебѣ что я никакъ бы етаго къ вамъ не написалъ; но такъ какъ я намеренъ просится впередъ, и есть ли меня отпустятъ: то я къ тебѣ напишу, и тогда надобно будетъ матушкѣ сказать, а то невозможно будетъ мнѣ явится на костыляхъ, вотъ мой милой другъ, все къ тебѣ написалъ, а что касается до баталіи: то есть ли Богъ велитъ увидется намъ, тогда поговоримъ, и я вамъ разкажу какъ нашъ баталіонъ удержевалъ француза, чтобъ не впустить въ деревню, ну прощай мой милой заочно тебя цалую твой верный другъ и братъ Михайло фонъ-Менгденъ 1805-го/года Декабря и 29 го/дня.

Въ двѣнадцатомъ году, полковникомъ гвардіи финляндскаго батальона, впослѣдствіи преобразованнаго въ Финляндскій полкъ, мой дѣдъ больной въ тифѣ лежалъ въ Москвѣ, въ домѣ Янишъ, на Собачьей площадкѣ, не подозрѣвая, что непріятель уже въ городѣ, когда поваръ Кондратъ вбѣжалъ въ его комнату и съ ужасомъ объявилъ, что французъ въ Москвѣ. Дѣдушка приказалъ запречь бричку и, насколько силы ему дозволяли поспѣшно сошелъ съ лѣстницы. Проходя залу, онъ захватилъ съ собою лежавшій на столѣ небольшой листокъ сѣрой бумаги. То было воззваніе къ народу графа Растопчина. Воззваніе сохраняется и по сіе время у моего отца.

Въ бричку положили коверъ, усадили больного, на козлы сѣлъ поваръ Кондратъ. Проѣзжая Молчановку, близъ Арбата, они были окружены французами. Увидавъ полковника гвардіи, французы объявили моему дѣду, что онъ ихъ плѣнникъ. Когда его здоровье немного оправилось, его отправили съ поваромъ Кондратомъ и многими другими плѣнными (въ томъ числѣ и Льва Перовскаго), во Францію, гдѣ ихъ размѣстили по разнымъ мѣстечкамъ и городамъ. Многіе не дошли до Франціи, многіе отставали, падали въ изнеможеніи и ихъ тутъ же пристрѣливали—французъ капралъ отдавалъ приказаніе, къ виску несчастнаго прикладывали дуло кремневаго ружья—партія плѣнныхъ продолжала свой путь, оставляя по дорогѣ своихъ мертвыхъ и умирающихъ товарищей. Мой дѣдъ и Кондратъ очутились въ мѣстечкѣ Дре, въ Бретани, гдѣ они и

пробыли до 1814-го года. На продовольствіе мой дѣдъ и Кондратъ получали 25 франковъ въ мѣсяцъ. Питались они большею частью устрицами и грибами. Женщина, у которой они жили, пришла въ ужасъ при видѣ жареныхъ грибовъ и объявила „qu'elle enverrait chercher le commissair de police; les prisonniers russes veuillent s'empoisonner“. На другой день увидѣвъ les deux prisonniers живыми и невредимыми, она воскликнула: „il n'y a que les estomacs des sauvages qui supportent un pareil mangé“. Кондратъ долго не рѣшался ѣсть устрицы, однако голодъ его заставилъ проглотить нѣсколько штукъ. Впослѣдствіи онъ съ удовольствіемъ ихъ уничтожалъ. Вернувшись въ Костромскую губернію, Кондратъ, хотя и былъ горькій пьяница, многіе годы прожилъ поваромъ у моего дѣда; онъ любилъ вставлять французскія слова въ меню, которые составлялъ: „помъ де теры, шу, віанды, онь-онъ“ и т. д.

— А то пожалуй совсѣмъ забуду по-французски—говорилъ онъ.

Послѣ торжественнаго въѣзда Императора Александра въ Парижъ, мой дѣдъ поспѣшилъ поѣхать въ столицу Франціи, представиться своему Государю.

Во время своего пребыванія въ Дре, мой дѣдъ до того обносился, что вмѣсто сапогъ носилъ dés sabots, деревянные башмаки, которые въ большомъ употребленіи и теперь у крестьянъ во Франціи. Однако, нельзя было представляться Государю въ такой обуви, сапоги же были прорваны, и изъ нихъ торчали пальцы. Мой дѣдъ взялъ толстую сахарную бумагу, вымазалъ ее чернилами, обвернулъ ею ноги и надѣлъ прорванные сапоги. Императоръ Александръ зарыдалъ при видѣ исхудалыхъ, голодныхъ, обтрепанныхъ русскихъ плѣнныхъ. Этотъ же чувствительный, мягкосердечный Императоръ довѣрялъ Аракчееву, учреждалъ въ Россіи военныя поселенія и едва не приговорилъ было Сперанскаго къ смертной казни. До своего отъѣзда въ Россію дѣдъ мой получилъ приглашеніе на молебенъ, по случаю вступленія на престолъ династіи Бурбоновъ:

Versailles.
Le 17 avril 1814.

Monsieur

J'ai l'honneur de vous inviter, à vouloir bien assister mardi prochain, heure de midi, au *Tédéum* qui sera chanté en l'Eglise Cathédrale de St. Louis, en actions de grâces de l'heureux rétablissement de la Famille des Bourbons sur le trône de France. Le Tédéum sera suivi de la Bénédiction du Drapeau que les Dames et Demoiselles de cette ville, ont offert à la Cohorte Urbaine.

La réunion des Corps invités à cette Cérémonie, aura lieu à l'hotel de la Mairie, à 11 heures précises.

J'ai l'honneur d'être avec une parfaite considération Monsieur, votre très humble serviteur

De Jouvenel.

P. S. Je vous prie de vouloir bien en faire part à Messieurs les Officiers qui sont ici avec vous.

Вернувшись на родину, мой дѣдъ командовалъ дивизіей, входящей въ составъ второй арміи, во главѣ которой былъ свѣтлѣйшій князь Витгенштейнъ, а начальникомъ штаба генералъ Киселевъ, впослѣдствіи графъ.* Однимъ изъ полковыхъ командировъ у моего дѣда былъ извѣстный декабристъ Пестель, часто посѣщавшій домъ моего дѣда. Въ разговорахъ съ моей бабушкой, какъ будто шутя, Пестель мечталъ вслухъ, „что современемъ въ Россіи онъ будетъ диктаторомъ, къ себѣ въ адъютанты возьметъ моего дядю, барона Александра Михайловича“. Бабушка его останавливала, приговаривая: „Пестель, Пестель, плохо вы кончите“, при этомъ она проводила пальцами по своей шеѣ. И въ голову ей не приходило, что Пестель дѣйствительно кончитъ жизнь трагично, какъ она ему предсказывала.

Михаилъ Александровичъ Менгденъ, женатый на баронессѣ Амаліи Фелькерзамъ, имѣлъ четырехъ дѣтей. Старшій Александръ воспитывался въ Дерптскомъ университетѣ (нынѣ Юрьевскомъ), впослѣдствіи министръ-резидентъ въ Дрезденѣ, гдѣ онъ и скончался въ 1903 году; второй сынъ Николай и младшій Владиміръ, мой отецъ, нынѣ членъ Государственнаго Совѣта, учились въ Правовѣдѣніи.

Въ 1844 году, баронъ Николай Михайловичъ Менгденъ былъ зачисленъ на службу въ Сенатъ. Въ виду его слабаго здоровья, онъ получилъ заграничный отпускъ на 28 дней и по совѣту докторовъ предпринялъ морское путешествіе изъ Петербурга въ Гамбургъ. Въ Гамбургѣ ему очень понравился огромный великолѣпный купеческій нѣмецкій трехъ-мачтовый корабль, отправлявшійся въ Ріо-Жанейро. Не долго думая, Николай Михайловичъ рѣшилъ, что онъ тоже отправится въ Бразилію. Плыли они три мѣсяца, да еще на бѣду, когда проходили экваторъ, былъ штиль.

Нашъ посланникъ былъ очень обрадованъ пріѣзду русскаго соотечественника. Николай Михайловичъ его попросилъ выхлопотать ему аудіенцію у императора, донъ-Педро. Посланникъ обратился къ министру иностранныхъ дѣлъ и передалъ желаніе барона. По-

слѣдовалъ запросъ „какую должность занимаетъ пріѣзжій русскій въ Петербургѣ“.

Мой дядя отвѣчалъ, что онъ „служитъ въ Сенатѣ“. Дѣйствительно, Николай Михайловичъ былъ помощникомъ секретаря въ Сенатѣ. Бразильскій министръ понялъ, что онъ сенаторъ, и донъ-Педро назначилъ ему аудіенцію.

Когда Николай Михайловичъ уѣзжалъ изъ Петербурга, онъ самъ не зналъ, для чего взялъ съ собой свой мундиръ, и не предполагалъ, что онъ ему будетъ весьма полезенъ. Однако, надо было подумать о шляпѣ и шпагѣ; то и другое было пріобрѣтено въ Ріо-Жанейро; въ особенности треуголка съ бѣлымъ плюмажемъ была очень красива.

Въ назначенный день донъ-Педро, окруженный своимъ дворомъ, въ тронномъ залѣ принималъ русскаго сенатора. Послѣдній, въ сенатскомъ мундирѣ, при шпагѣ, въ рукѣ треуголка съ бѣлымъ плюмажемъ, въ самомъ пріятномъ настроеніи представлялся Императору. Донъ-Педро его спросилъ: „что его привело въ Бразилію?“ Николай Михайловичъ отвѣчалъ: „что его очень интересуетъ эта чудная страна“. Тогда донъ-Педро его спросилъ: „намѣренъ ли онъ ѣхать въ глубь страны и если поѣдетъ, то чтобы онъ обратился къ министру внутреннихъ дѣлъ, тотъ ему окажетъ содѣйствіе, такъ какъ пути сообщенія въ его странѣ еще не въ порядкѣ“.

Министръ низко поклонился Николаю Михайловичу. Мой дядя провелъ время въ Ріо-Жанейро превесело. Когда же онъ вернулся въ Петербургъ, то онъ былъ уже давно отчисленъ отъ службы.

Обладая счастливымъ характеромъ, относясь просто къ жизни, отчисленіемъ отъ службы онъ ничуть не огорчился. Здоровье его поправилось, морское путешествіе было ему весьма полезно. Впослѣдствіи онъ снова поступилъ на службу. Вездѣ и всѣми любимый Николай Михайловичъ былъ въ высшей степени симпатиченъ. Онъ скончался въ Ригѣ въ 1884 году.

Единственная дочь моего дѣда, Марія, оставалась при родителяхъ. Марія Михайловна вышла замужъ за графа Дмитрія Іаннуаровича Толстаго. Она была моимъ лучшимъ другомъ; въ дни невзгодъ и горя свѣтила мнѣ яркимъ путеводнымъ маякомъ. Съ самаго ранняго дѣтства я привыкла ее любить. Съ годами дѣтская привязанность перешла въ дружбу,—мы постоянно переписывались. Въ продолженіе всей ея жизни я аккуратно получала два раза въ недѣлю отъ нея письма и всегда на французскомъ языкѣ. Какъ почти всѣ ея современницы, графиня Марія Михайловна въ совершенствѣ владѣла иностранными языками.

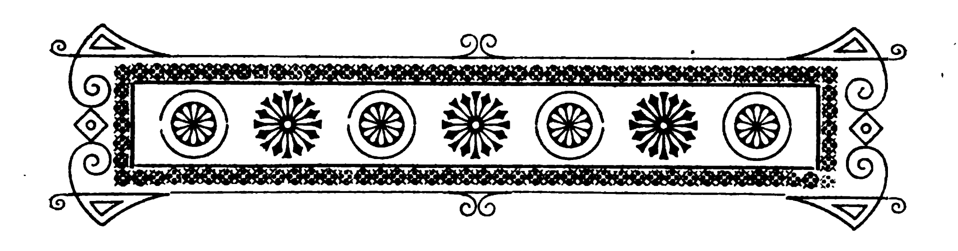
*

Въ 1902 году она скончалась, оплакиваемая крестьянами села Шатова и окрестныхъ деревень, Одоевскаго уѣзда, Тульской губерніи, гдѣ она провела всю свою жизнь, и гдѣ она была истымъ Провидѣніемъ для народа. Цѣль жизни Маріи Михайловны — была любовь къ ближнему. Ея доброта какъ солнце согрѣвала и давала жизнь окружавшимъ ее.

Сообщ. С. Менгденъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Генералъ Залѣсовъ.

(Воспоминанія).

I.

Поступивъ на службу въ 27 пѣхотную дивизію вольноопредѣляющимся, слышалъ я уже про начальника дивизіи, генералъ-лейтенанта Николая Гавриловича Залѣсова многое, что рисовало его, даже по отношенію къ Виленскому обществу, прямо какимъ-то „звѣремъ“ въ мундирѣ офицера генеральнаго штаба. Не даромъ же остряки г. Вильны давно перевели фамилію грознаго, неуживчиваго, мало сообщительнаго генерала на вольный французскій языкъ „general derrière la forêt“ (генералъ за лѣсомъ). Когда же, окончивъ въ іюнѣ 1880 г. курсъ Виленскаго пѣхотнаго юнкерскаго училища, вернулся я въ 108-ой пѣхотный Саратовскій полкъ, входившій въ составъ 27 дивизіи, и сталъ служить серьезно, то скоро сдѣлалось для меня понятнымъ, откуда вытекаетъ такое, далеко нелестное, мнѣніе о выдающемся генералѣ. Въ тѣ дни, юный прапорщикъ, едва начинающій службу, конечно, и не помышлялъ я о томъ, что встану когда-либо лично къ Залѣсову въ особыя, пожалуй даже исключительныя, отношенія. Тѣмъ не менѣе это случилось, и при томъ даже сравнительно скоро.

Черствый, упрямый, подчасъ мелочной педантъ во всемъ, что касалось службы, самодуръ, выше всего ставящій личное свое „я“ и, въ то же время, человѣкъ съ большимъ умомъ, разносторонне-образованный, высокой, безукоризненной честности, со свирѣпостью убѣжденнаго фанатика искоренявшій во ввѣренныхъ ему полкахъ всякія беззаконія и непорядокъ, службистъ, старавшійся установить отношенія свои къ этимъ частямъ такъ, чтобы жизнь каждой от-

дѣльной роты, а, по возможности, и карьера каждаго изъ офицеровъ, находились бы въ прямой зависимости отъ него, имъ руководимыя въ извѣстномъ, для всѣхъ одинаковомъ, направленіи, имѣвшій свои „коньки", порой странные, нерѣдко расходившіеся съ уставами, но которые проводилъ онъ настойчиво въ службу, въ бытъ подчиненныхъ, прощавшій многое солдату и почти ничего его начальнику, нетерпѣвшій въ служебной сферѣ какихъ - либо „но", оправданій, лжи, вилянія въ ту или иную сторону, подтянувшій дивизію съ внѣшней, показной стороны, и мало справлявшійся съ „духомъ" ввѣренныхъ ему частей,—неудивительно, что генералъ Залѣсовъ стоялъ поперекъ горла у многихъ, начиная съ командировъ полковъ, неудивительно, что въ дивизіи его такъ всѣ ненавидѣли.

Засыпаемый анонимами, каррикатурами, грязными пасквилями на него самого, генералъ отлично зналъ, насколько и за что именно его не любятъ. Тѣмъ не менѣе, будучи начальникомъ 27 пѣхотной дивизіи съ 1 ноября 1876 года по 8 ноября 1889 года, т. е. около 13 лѣтъ, ни разу не подумалъ онъ сдаться, сдѣлать уступки, пойти на компромиссы—для того, чтобы купить себѣ покой и общее расположеніе, а по-прежнему, до послѣдняго дня пребыванія въ дивизіи, какъ и въ первый годъ пріѣзда въ Вильну, оставалось у него за правило неумолимое изреченіе:

— Дивизія—не богадѣльня...

И отрицательные элементы выметались имъ, какъ негодный соръ, съ холоднымъ, равнодушнымъ презрѣніемъ, не справляясь ни съ чинами ихъ, ни съ прежней службою, ни съ семейнымъ и имущественнымъ положеніемъ. На ходатайства за провинившихся непосредственнаго начальства, вліятельныхъ лицъ, родственниковъ, получался все тотъ же суровый отвѣтъ:

— Дивизія - не богадѣльня...

Надо удивляться, когда, въ сущности, находилъ Залѣсовъ время пробѣгать сотни бумагъ, писать свои знаменитыя „записочки" командирамъ полковъ, класть на докладываемой штабомъ перепискѣ резолюціи, знакомившія дивизію со взглядами, желаніями, планами ея начальника—резолюціи, нерѣдко полныя перца, яда, хотя и лаконическія.—Даже на поляхъ тактическихъ задачъ офицеровъ высмѣивалъ онъ незнаніе, безграмотность, набрасывая крупнымъ, своимъ оригинальнымъ почеркомъ—гусинымъ перомъ или цвѣтными карандашами:

— По-каковски это написано?! Стыдно русскому офицеру, да еще капитану, писать безграмотно!

Онъ не хотѣлъ принимать во вниманіе того, что многіе изъ

капитановъ его дивизіи выслужились изъ нижнихъ чиновъ и, не умѣя писать правильно, были образцовыми служаками...

Вышеупомянутыя отмѣтки иногда случайно подъ впечатлѣніемъ минуты, вылившіяся на бумагу, принимались въ полкахъ немедленно „къ свѣдѣнію и руководству“: всѣ знали по опыту, что повтореній, напоминаній не будетъ, а генералъ, обладая прекрасной памятью, сумѣетъ настоять на своемъ.

У Залѣсова—надо сознаться—была удивительная способность, ограничивъ дѣятельность свою канцелярскимъ отношеніемъ къ дивизіи и на дѣлѣ мало трудясь надъ обученіемъ, воспитаніемъ въ полкахъ, сваливать всю черную работу на другихъ, покрикивая лишь время отъ времени, подгоняя и требуя... Тутъ у него наблюдалась извѣстная система: оказывая полное довѣріе командирамъ полковъ и тѣмъ не менѣе обезличивая ихъ, отнявъ у нихъ всякую самостоятельность, онъ не довѣрялъ болѣе никому въ дивизіи... На командировъ же полковъ чаще, чѣмъ на другихъ, и налегалось, хотя въ мягкой формѣ...

Средняго роста, худощавый, на слабыхъ, больныхъ ногахъ, какъ-то особенно выворачивавшихся въ стороны при ходьбѣ, въ мягкихъ сапогахъ почти безъ каблуковъ, съ мужественнымъ, даже красивымъ, лицомъ, на которомъ особенно выдѣлялись—правильный носъ съ подвижными, широко-вырѣзанными, ноздрями (что̀ придавало лицу вѣчно-разсерженное, грозное выраженіе), темные, красивые, проницательные глаза, сѣдые усы съ подусниками, спускавшіеся внизъ, и энергичный, сѣдой же, хохолъ надъ высокимъ, умнымъ, прекрасно очерченнымъ лбомъ съ рѣзкими морщинами—Залѣсовъ, уже одной внѣшностью своей производилъ внушительное впечатлѣніе, особенно на тѣхъ, кто хорошо изучилъ характеръ его, хотя, въ общемъ, наружность его была совершенно нестроевая, и на своей извѣстной желтой клячѣ, въ рѣдкіе случаи выѣздовъ верхомъ, сидѣлъ онъ, какъ мѣшокъ. Особенно это почувствовалось въ 1884 году, 26 августа, на смотру Императора Александра III, когда „штатская“ фигура генерала на маленькой, сонной лошади, совершенно стушевалась передъ мощной, представительной фигурою Царя, сидѣвшаго на огромномъ конѣ...

Отъ разгнѣваннаго взора Залѣсова теряли подчасъ способность говорить, логически дѣлать доклады, провинившіеся его подчиненные, даже изъ числа видавшихъ на вѣку своемъ виды. И, хотя держа себя всюду наружно джентльменомъ, никогда не ругался генералъ въ общепринятомъ значеніи этого слова, но, въ извѣстной служебной обстановкѣ, при извѣстной интонаціи голоса, простой, казалось бы, самый невинный, безобидный вопросъ, сдѣланный въ-

жливо, съ паузами, нѣсколько дрожащимъ баритономъ —въ родѣ— гдѣ, капитанъ, получили вы воспитаніе?, или:—что вы сказали, поручикъ?!—обращался подчасъ въ своего рода моральную пощечину, которая не скоро забывалась... И на такія „пощечины“ Залѣсовъ не скупился, вообще не стѣсняясь въ гласномъ выраженіи своихъ мнѣній.

Помню, какъ на большихъ маневрахъ подъ Вильною въ присутствіи великаго князя Николая Николаевича Старшаго, нагнавъ по окончаніи маневра Саратовскій полкъ, шедшій въ безпорядкѣ подъ начальствомъ временно-командовавшаго полкомъ полковника Маркова, генералъ, проѣзжая, только замѣтилъ въ полъ-голоса; что— не привыкъ видѣть Саратовцевъ стадомъ барановъ... А, между тѣмъ, какъ все сейчасъ же подтянулось — несмотря на усталость!... Таковъ былъ тонъ произнесенной фразы...

У Залѣсова была своеобразная манера—выслушивая доклады, кивать коротко головою въ самыхъ интересныхъ мѣстахъ, точно старался онъ или подчеркнуть этимъ снисходительно чужую глупость, или запомнить навсегда говорящееся, а глаза его, полные проницательности, холоднаго блеска, казалось, проникали, въ это время, недовѣрчиво въ самые затаенные уголки души докладчика.

Обмануть Залѣсова было опасно; соврать ему—являлось своего рода подвигомъ, удальствомъ: въ началѣ командованія дивизіей отбиралъ онъ роты, сажалъ на гауптвахту даже старыхъ офицеровъ за сущіе пустяки... Тѣмъ не менѣе генерала, при случаѣ, обманывали, и проводили, особенно, когда изучили любимые его „пунктики“, около которыхъ постоянно вращались служебныя его требованія, а преступность въ дивизіи не уменьшалась.—Чтобы въ этомъ убѣдиться, стоитъ только пробѣжать старые приказы по дивизіи и по полкамъ, познакомиться съ журналами взысканій, съ дѣлами, дошедшими до суда (если все это еще сохранилось)... Штрафованныхъ драли немилосердно, съ особымъ увлеченіемъ.—При созданномъ Залѣсовымъ режимѣ по-прежнему совершались вопіющія преступленія. Одно мордобійство въ дивизіи чего стоило... И это при суровомъ, безпощадномъ преслѣдованіи этого зла начальникомъ дивизіи, и словомъ, и дѣломъ...

Получивъ назначеніе командира 17 армейскаго корпуса, уѣзжая изъ Вильны въ Нижній-Новгородъ, убѣжденный въ томъ, что его только ненавидятъ, недаромъ же запретилъ Залѣсовъ фотографіи братьевъ Чижъ, въ которой всегда снимался, продавать кому-либо его карточки. Тутъ сказалась увѣренность генерала, что если пріобрѣтутъ его изображеніе, то лишь для насмѣшки и глумленія.

Впрочемъ, едва-ли не я одинъ изъ состава дивизіи пріобрѣлъ, по отъѣздѣ Залѣсова, тайкомъ, его фотографическую карточку. Она до сихъ поръ у меня сохранилась. Но на такую покупку имѣлись у меня особыя основанія. Какъ ни странно, много претерпѣвъ отъ генерала, въ періодъ военной моей молодости, любилъ я его за истребленіе беззаконій, за одинаковое ко всѣмъ отношеніе, за выдающійся даръ слова, за безупречную честность, за его заботливость о солдатѣ.

Но дивизія вздохнула съ облегченіемъ лишь тогда, когда поѣздъ навсегда увезъ генерала изъ Вильны. А сколько проклятій полетѣло ему вслѣдъ!.. Сколько жизней осталось за нимъ, разбитыя однимъ энергичнымъ росчеркомъ его пера!!.

Приведу, кстати, фактъ, ярко характеризующій отношеніе чиновъ дивизіи къ ея начальнику, а попутно обрисовывающій и самого Залѣсова.

Однажды, по обыкновенію incognito, въ старенькой Николаевской шинели, съ умысломъ накинутой на погоны—для того, чтобы скрыть ихъ,—отравился генералъ по желѣзной дорогѣ—съ цѣлью застать врасплохъ загородныя роты. Въ вагонъ сѣлъ съ нимъ и молодой военный врачъ, только-что переведенный въ тотъ же полкъ, ѣхавшій въ роты и незнавшій въ лицо начальника дивизіи. По дорогѣ случайные спутники разговорились и, наконецъ, Залѣсовъ, узнавъ, что врачъ переведенъ въ 27-ю дивизію, скрывая, конечно, свою личность, спросилъ его, доволенъ ли тотъ подобнымъ назначеніемъ?

— Все было бы ничего—уклончиво отвѣтилъ врачъ:—если бы не начальникъ дивизіи...

— А вы его лично знаете?—послѣдовалъ вопросъ.

— Нѣтъ, не знаю... Но говорятъ, что онъ ужасная дрянь...

— Бѣдный начальникъ дивизіи—замѣтилъ, по-прежнему не выдавая себя, Залѣсовъ:—если о немъ такъ говорятъ...

Подъѣхавъ къ конечной станціи, собесѣдники любезно разстались.

Каковъ же былъ конфузъ, ужасъ неосторожнаго нà-слово врача,—когда черезъ часъ, на смотру стоявшихъ въ отдѣлѣ ротъ, узналъ онъ въ грозномъ начальникѣ дивизіи, все и всѣхъ разносившемъ, вагоннаго своего спутника...

Слѣдуетъ замѣтить, что происшествіе это не имѣло для болтуна дурныхъ послѣдствій: Залѣсовъ умѣлъ прощать, обходить невниманіемъ—когда того хотѣлъ.

Если генерала не любили не только подчиненные его, но и въ другихъ частяхъ Виленскаго военнаго округа, въ томъ числѣ „штаб-

ные", которыхъ, въ свою очередь, онъ откровенно презиралъ, а, при удобномъ случаѣ, обрывалъ и подтягивалъ,—за то никто, даже изъ состава высшаго начальства, не смѣлъ вмѣшиваться въ порядки, деспотически установленные имъ въ дивизіи...

Особенно же авторитетъ Залѣсова и значеніе его давали себя знать во времена командованія округомъ генералъ-адъютанта Альбединскаго.

Какъ человѣкъ преимущественно свѣтскій, придворный, мало знакомый съ практическимъ катехизисомъ военной службы, особенно пѣхотной, слабовольный, черезчуръ деликатный, Альбединскій не только попалъ подъ вліяніе болѣе сильнаго, опредѣленнаго, грубаго характера, но даже (какъ ходили слухи) дарилъ Залѣсова дружбою... Неудивительно, поэтому, что скоро многое въ округѣ начало дѣлаться не иначе, какъ подъ явнымъ или негласнымъ давленіемъ Залѣсова, а начальнику окружного штаба поневолѣ приходилось считаться со взглядами. — Въ то же время становится понятнымъ, почему генералъ, въ служебномъ отношеніи, позволялъ себѣ устраиваться въ дивизіи съ такой спокойною, увѣренной развязностью—словно хозяйничалъ въ собственномъ своемъ имѣніи, при томъ въ самую отдаленную, глухую эпоху крѣпостного права...

Такъ, напримѣръ, при всеобщемъ увлеченіи смотровой стрѣльбою, не только открыто отрицалъ онъ пользу подобной стрѣльбы, но вообще не стѣснялся громко высказывать сомнѣніе—относительно правильности постановки въ русской арміи стрѣлковаго дѣла, мотивируя равнодушіе свое къ послѣднему, между прочимъ, и своей, яко-бы, „некомпетентностью" въ данномъ вопросѣ.

27-я пѣхотная дивизія обучалась стрѣльбѣ у валовъ, расположенныхъ на томъ же Военномъ полѣ (возлѣ г. Вильны), гдѣ находилась и лѣтняя дача ея начальника. Тѣмъ не менѣе, несмотря на такое близкое сосѣдство, Залѣсовъ (по крайней мѣрѣ за все время четырехъ-лѣтней службы моей въ дивизіи) ни разу не присутствовалъ на стрѣльбѣ подчиненныхъ ему частей. И никто, зная про это, не смѣлъ сдѣлать ему замѣчанія...

Бывало, видишь, какъ медленно движется по песчаному, раскаленному лѣтнимъ солнцемъ, пространству поля типичная фигура начальника дивизіи, въ кителѣ, въ фуражкѣ съ большимъ козырькомъ, будто-бы направляясь къ стрѣляющимъ ротамъ. Въ послѣднихъ уже насторожились, подтягиваются... Но вотъ генералъ остановился въ такомъ разстояніи, чтобы не вызвать окончательнаго переполоха, постоялъ на одномъ мѣстѣ, опершись обѣими руками на палку, вглядѣлся издали въ стрѣляющихъ и пошелъ уже обратно, такъ же медленно, къ своему бараку.

На смотры, которые производились специально присылавшимися для провѣрки правильности постановки стрѣлковаго дѣла въ дивизіи по Высочайшему повелѣнію генералами, Залѣсовъ, какъ-бы демонстративно, не являлся. Это тоже сходило ему благополучно.

Быть можетъ, удерживала его тутъ отъ появленія и боязнь, что вдругъ какъ-нибудь случайно обнаружится, въ присутствіи его, обманъ съ цѣлью увеличенія % попавшихъ въ мишени пуль... А о такихъ фокусахъ, широко практиковавшихся въ дивизіи до отчаянной присылки „на прокатъ“ изъ сосѣдняго полка отличныхъ стрѣлковъ въ строй предназначенной для стрѣльбы части, переодѣтыхъ и окрещенныхъ и другими именами и фамиліями, не могъ не знать онъ, хотя-бы изъ анонимныхъ доносовъ, постоянно знакомившихъ его съ закулисной стороною жизни дивизіи, которымъ къ слову сказать не только придавалъ онъ значеніе, но по которымъ и возбуждалъ часто дѣла, къ еще большему поощренію тайныхъ доносчиковъ...

На всѣхъ смотрахъ полки дивизіи оказывались всегда въ стрѣлковомъ отношеніи выше похвалы... И Залѣсову вплетались лишніе лавры... Хитрый старикъ принималъ это какъ должное...

Однако, въ сношеніяхъ съ пріѣзжавшими для инспектированія стрѣльбы генералами держалъ себя онъ крайне щепетильно, стоя на стражѣ служебнаго своего достоинства и не позволяя наступать на ногу...

Въ свое время много шуму въ Вильнѣ надѣлалъ случай, когда одинъ изъ инспектировавшихъ, младшій по чину или производству Залѣсова, генералъ приступилъ къ смотру полка, не сдѣлавъ предварительно визита ему, начальнику дивизіи... Тотчасъ же въ штабъ округа полетѣла соотвѣтствующая бумага, и неосторожному генералу пришлось ѣхать съ визитомъ, росписавшись, такимъ образомъ, въ забвеніи воинскаго этикета.

Вообще, съ равными ему по положенію, а частенько и съ высшими, Залѣсовъ въ обращеніи не церемонился, а при умѣ его и находчивости, бывалъ подчасъ прямо грубъ: языка его и тамъ, въ высшихъ сферахъ, побаивались...

Однажды, подъ предлогомъ недомоганья (всѣ знали, что генералъ здоровъ), не явился онъ во время объѣзда лагеря дивизіи командующимъ войсками округа. На самомъ же дѣлѣ, какъ увѣряли, захотѣлъ онъ этимъ выказать свое неудовольствіе.

Помню другой случай, когда командиръ корпуса, генералъ-адъютантъ баронъ Дризенъ, въ присутствіи офицеровъ дивизіи, высказался въ томъ смыслѣ, что удивляется, какъ это поручикъ К. не

вызвалъ на дуэль поручика другого полка Г., оскорбившаго сестру перваго, добавивъ:

— У насъ, въ гвардіи, именно тѣмъ и окончилась бы подобная исторія...

Соблазнъ отъ такого взгляда, конечно, могъ бы произойти большой. И вотъ Залѣсовъ для того, чтобы поддержать въ подчиненныхъ сознаніе законности, тутъ же, гласно, возразилъ своему начальнику, что совершенно не раздѣляетъ взгляда его на дуэли, какъ на запрещенныя въ войскахъ закономъ; что къ чести русской арміи „такіе постыдныя столкновенія, какъ дуэли, стали рѣдки“...

— Да я бы никогда и не оправдалъ поручика К., если бы тотъ затѣялъ дуэль—пояснилъ Залѣсовъ взглядъ свой:—Мы, военные, призваны не нарушать законъ, а поддерживать его...

Такъ какъ въ тѣ дни дуэли дѣйствительно оффиціально преслѣдовались, то барону Дризену ничего болѣе не оставалось, какъ смущенно замолкнуть...

Но Залѣсовъ зналъ, когда, какъ и съ кѣмъ говорить... При гостившемъ въ Вильнѣ ген. Драгомировѣ онъ совершенно стушевался, а, тотъ, оригинальничая, словно нарочно, позволялъ себѣ съ „грозою 27 пѣх. дивизіи“, и фамильярныя выходки, и плоскіе анекдоты, при томъ не стѣсняясь обстановкою. И Залѣсовъ старался принять все это въ шутку... Вообще былъ онъ великій, тонкій дипломатъ, умѣлъ, при случаѣ, поступиться убѣжденіями конечно лишь въ мелочахъ...

Чтобы сдѣлать пріятное тому же генералу Дризену, приказалъ онъ, напримѣръ, солдатскимъ хорамъ пѣсельниковъ, въ случаѣ присутствія командира корпуса на какомъ-либо полковомъ торжествѣ, пѣть маршъ, сочиненный въ честь генерала и его побѣды надъ Турками:

„Мы подъ Облавой
Покрылись славой.
Примѣромъ Дризенъ намъ служилъ“...

Про Залѣсова (или какъ звали его въ Вильнѣ „Гаврилыча“), ходила по городу масса легендъ, невсегда цензурнаго характера... О нихъ онъ прекрасно былъ освѣдомленъ анонимами.

То изображали его въ несвойственной ему роли дамскаго ухаживателя и угодника, пользующагося успѣхомъ, то увѣряли, что, будучи врагомъ мордобитій, самъ онъ избилъ всенародно, днемъ, палкою на Зеленомъ мосту провинившагося солдата, то представляли его на смотру верхомъ на лошади въ калошахъ и т. п...

Въ большинствѣ случаевъ все это были дрянныя вылазки недруговъ, боявшихся выступить на открытую борьбу. Что Виленскія „дамы“ нѣкоторыя, избранныя, имѣли вліяніе на это суровое, солдатское сердце, не составляло, дѣйствительно, секрета, какъ и то, что, въ симпатичномъ ему дамскомъ обществѣ умѣлъ быть Залѣсовъ увлекательнымъ, остроумнымъ, милымъ собесѣдникомъ, и даже... улыбаться, чего увы! никогда не видѣли его подчиненные.

Но „дамское“ вліяніе, однако, не простиралось у этого человѣка на службу: тутъ, т. е. въ дѣлахъ, касавшихся дивизіи, оставался онъ непреклоненъ. И даже враги не могли бы привести случая, чтобы поколебались его взгляды въ угоду просьбъ со стороны.

Когда, напримѣръ, случилась катастрофа въ Саратовскомъ полку, во время командованія послѣднимъ полковника А., то непріятное дѣло, при желаніи, можно было бы, пожалуй, при самомъ возникновеніи его, направить въ дисциплинарномъ порядкѣ, пополнивъ растрату и не доведя до суда.—Полковникъ А. принадлежалъ къ числу выдающихся командировъ отдѣльныхъ частей, прошлое его являлось незапятнаннымъ; онъ былъ однимъ изъ первыхъ кандидатовъ въ генералы. О пощадѣ провинившагося умоляли Залѣсова не только имѣвшія на послѣдняго въ частной жизни вліяніе „дамы“, но и супруга генерала... Тѣмъ не менѣе, А. угодилъ таки подъ судъ, и Залѣсовъ ровно ничего не сдѣлалъ для его спасенія, хотя громкое, скандальное дѣло какъ-ни-какъ, а все же указывало и на собственное равнодушіе генерала къ хозяйственнымъ вопросамъ въ дивизіи, и на иные крупные непорядки въ послѣдней... Несчастной женѣ А., тоже пытавшейся, во имя большой семьи, выручить гибнущаго мужа, было сообщено съ безпощадной суровостью, что ей осталось только... „молиться“.

Въ приведенномъ случаѣ, какъ и во многихъ, ему подобныхъ, сказались лишній разъ—и безукоризненная честность Залѣсова, и его стремленіе—всѣхъ равнять предъ закономъ.

У Виленскаго общества были, однако, свои причины—относиться недружелюбно, обидчиво къ хозяину военнаго собранія 27 дивизіи, какимъ являлся генералъ.

И здѣсь, т. е. въ собраніи, постарался онъ создать нѣчто въ родѣ „Аракчеевскихъ поселеній“; здѣсь все подчинялось общему режиму, даже частная жизнь, туда входившая.

Такъ, на танцевальныхъ вечерахъ въ собраніи нерѣдко гасились въ указанный положеніями часъ, лампы — несмотря на всеобщее неудовольствіе, на ропотъ городскихъ гостей и на депутацію отъ изящныхъ „дамъ“, умоляющую о продленіи оживленныхъ танцевъ.

Замѣтивъ, что по окончаніи дѣтскаго вечера, „мамаши“, любящія потанцевать, уложивъ ребятишекъ своихъ спять по диванамъ собранія, сами пускаются въ плясъ, Залѣсовъ прекратилъ подобныя сцены, отдавъ соотвѣтствующія приказанія. Генералъ былъ, и конечно, тутъ правъ, а между тѣмъ, противъ него поднялась цѣлая „дамская“ буря... Но такія бури мало его тревожили и никогда не измѣняли принятыхъ рѣшеній.

Когда однажды, вопреки устава собранія и отданнымъ распоряженіямъ его превосходительства, городскія дамы и штатскіе кавалеры, присутствовавшіе на другомъ танцевальномъ вечерѣ, попытались, было, самовольно продолжать танцы, то Залѣсовъ безъ церемоніи приказалъ убрать оркестръ полковой музыки и въ опредѣленный часъ всюду въ зданіи потушить огни, такъ что „ослушники“ воли его принуждены были поспѣшно выбираться изъ помѣщенія безпорядочной толпою при помощи свѣчныхъ огарковъ. Этотъ инцидентъ послужилъ, въ свое время, матеріаломъ для одного изъ артистовъ Виленскаго Городскаго театра, осмѣявшаго его въ куплетахъ на тему о злобахъ дня; при чемъ, какъ передавали. сидѣвшій тутъ же, въ ложѣ, Залѣсовъ прехладнокровно замѣтилъ, что „все произошло, въ сущности, не совсѣмъ такъ“...

Вообще у Залѣсова стояло всегда на первомъ планѣ несимпатичное „Я такъ хочу“.

Вновь назначенный послѣ А. командиромъ Саратовскаго полка полковникъ Максимовъ просилъ, напримѣръ, временно командующаго полкомъ полковника Маркова телеграммою—на два часа задержать роты, идущія на зимнюю стоянку въ загородное расположеніе, съ цѣлью увидѣть полкъ въ полномъ сборѣ. Узнавъ про это и желая показать на первыхъ же шагахъ новичку, что и въ полку его два хозяина—онъ, полковникъ, и начальникъ дивизіи,—Залѣсовъ приказываетъ развести загородныя роты двумя часами ранѣе, чѣмъ полагалось. Когда же, пріѣхавшій Максимовъ, при явкѣ генералу, обидчиво спросилъ его о причинѣ, вызвавшей такое странное распоряженіе, то получилъ отвѣтъ, что это сдѣлано нарочно, для того, чтобы тотъ, поѣхавъ къ ротамъ, поспѣшилъ осмотрѣть загородныя помѣщенія... Тутъ, конечно, снова былъ отвѣтъ дипломата.

Въ домашнемъ своемъ быту (пока жили съ родителями незамужнія дочери), съ немногими бывавшими въ домѣ посѣтителями изъ военной молодежи, держалъ себя Залѣсовъ хотя и вѣжливо, но сдержанно, ни на минуту не давая забыть высокое свое служебное положеніе. Когда одна изъ дочерей генерала вышла, затѣмъ, замужъ за подполковника Уфимскаго полка Апухтина, то и этотъ господинъ, въ обществѣ тестя, терялъ обычную, безцеремон-

ную свою, развязность. Молодежь же, военные знакомые дочерей генерала, мгновенно съеживалась, едва изъ кабинета въ гостиную или къ чаю выходилъ вѣчно нахмуренный, помалчивающій, готовый, при случаѣ, и дома сказать рѣзкость, „папаша"...

Кстати замѣтить, что зятю Апухтину перепадало по службѣ отъ Залѣсова не меньше, чѣмъ другимъ офицерамъ дивизіи, а въ иныхъ случаяхъ даже болѣе, именно какъ „родственнику"—чтобы не подумали, что генералъ мирволитъ „своимъ"...

Тѣмъ не менѣе Залѣсовъ любилъ оживленіе, смѣхъ, веселье у себя въ домѣ, на вечерахъ дивизіоннаго собранія, почему и командиры полковъ, въ угоду ему, плодили танцоровъ. Но и тутъ одно уже появленіе начальника дивизіи съ лорнеткою у прищуренныхъ глазъ вносило холодъ и натянутость въ непринужденно веселившееся до того общество, точно если бы въ каплю чистой воды, разсматриваемую подъ микроскопомъ, полную жизнедовольныхъ бактерій, впустили уксуса...

Строго наблюдалось Залѣсовымъ, чтобы въ собраніе—подъ видомъ „гостей"—не вводились неподходящіе, сомнительные элементы, къ которымъ, по капризу своему, относилъ онъ тѣхъ, кого хотѣлъ.

Напримѣръ, на купечество, на актеровъ имѣлись у него свои особыя точки зрѣнія и, по слухамъ, дошедшимъ затѣмъ до Вильны, въ Нижнемъ-Новгородѣ, именно на почвѣ такой классификаціи—по отношенію къ гостямъ военнаго собранія—вышли у него сейчасъ же серьезныя недоразумѣнія...

Съ пріѣздомъ въ Вильну новаго командующаго войсками округа—Н. С. Ганецкаго, престижъ Залѣсова въ высшемъ военномъ обществѣ нѣсколько пошатнулся. Враги, воспользовавшись этимъ, задумали, было, нанести старику болѣзненный ударъ, отнявъ у 27 пѣхотной дивизіи—дѣтище Николая Гавриловича—военное собраніе и обративъ его въ собраніе для всего гарнизона. Но такъ какъ собраніе было устроено на средства дивизіи, ея силами, а Залѣсовъ, не принадлежа къ числу сдающихся легко въ угоду начальства и сговорчивыхъ, энергично возсталъ противъ такого проекта, то, пока оставался онъ въ Вильнѣ, ничего съ упрямымъ старикомъ не могли подѣлать и реформу провели только тогда, когда призвали его къ высшей должности...

Грустный, удрученный видъ представлялъ изъ себя генералъ на Виленскомъ вокзалѣ, у гроба Альбединскаго, тѣло котораго провозилось мимо. Въ первый и послѣдній разъ видѣлъ я у него на глазахъ слезы: онъ точно сознавалъ, что пѣсенка его въ Вильнѣ

спѣта, что прошлаго не вернешь, а, быть можетъ, и самъ лишній разъ вспомнилъ о смерти...

II.

Служить съ генераломъ Залѣсовымъ было тяжело, непріятно, иногда прямо невыносимо. Особенно не терпѣлъ онъ самостоятельные характеры, оригинальность, таланты, проявленія иниціативы, прижимая, стараясь обезличить такихъ офицеровъ болѣе, чѣмъ посредственности... Но онъ умѣлъ, въ то же время, цѣнить нравственныя качества, знаніе, служебныя заслуги—въ тѣхъ случаяхъ, когда вопросъ объ ихъ поощреніи исходилъ отъ него самого, и, въ общемъ, чуждый сантиментальности, нерѣдко прощалъ провинившихся, если за нихъ усиленно не просили, а сами они не протестовали, покоряясь судьбѣ въ лицѣ его, генерала...

Офицерство дивизіи со служебной стороны, особенно старо-служащихъ, или тѣхъ изъ молодежи, за которыми водились грѣшки въ прошломъ, зналъ онъ, по-своему, хорошо. Недаромъ же говорили, будто бы у него, въ письменномъ столѣ, имѣются даже особые списки, гдѣ условными знаками украшены тѣ, кто въ положительномъ или отрицательномъ смыслѣ имѣлъ поводъ обратить на себя вниманіе его превосходительства...

Впрочемъ, нельзя было назвать удачными способы, практиковавшіеся генераломъ для ознакомленія съ составомъ офицерства, съ жизнью дивизіи...

Главнымъ изъ нихъ являлись уже упоминавшіеся въ этой статьѣ анонимные доносы. Но и тутъ многое зависѣло отъ доклада по анониму командира полка, какъ лица, которому волей-неволею, а приходилось вѣрить. Вотъ чѣмъ объяснялось, что, напримѣръ, доносамъ на попавшаго затѣмъ подъ судъ полковника А., съ указаніемъ на злоупотребленія его въ Саратовскомъ полку,—доносамъ, по которымъ объясненія давалъ самъ А., Залѣсовъ упрямо, долго не вѣрилъ, передавая ихъ послѣднему „для свѣдѣнія и розыска авторовъ“.

Другимъ средствомъ ознакомленія съ составомъ офицеровъ служили генералу внезапные смотры ротъ, производившіеся имъ въ лагерѣ ежегодно, въ теченіе мѣсяца, начиная съ 1 іюня.

Нижніе чины дивизіи, недолюбливавшіе Залѣсова, окрестили смотры эти „хапунскими“ (такъ какъ намѣченная рота, безъ предупрежденія, выхватывалась изъ полка, „хапалась“), самаго генерала „хапуномъ“, а лѣтнюю резиденцію его, дачу у лагеря, откуда исходили приказы о подобныхъ смотрахъ, „хапаловкою“.—Отъ сол-

датъ тѣ же названія перекочевали, конечно, и въ среду офицеровъ.

Рѣдко, кто угадывалъ впередъ, какія роты будутъ вызваны на смотръ въ предстоящемъ іюнѣ. Поэтому къ смотрамъ поневолѣ готовилась вся дивизія, кляня того, кто завелъ подобные порядки, а нижнимъ чинамъ съ 1 іюня, послѣ 4-хъ часовъ дня, приказывалось не отлучаться далеко отъ бараковъ—въ ожиданіи возможнаго вызова роты.

Смотры, само собой разумѣется, тормозили правильный ходъ общаго, лагернаго обученія нижнихъ чиновъ. Требованія начальника дивизіи, съ нѣкоторыми лишь варіаціями повторявшіяся изъ года въ годъ, сводившіяся къ чисто-внѣшнимъ пріемамъ, въ концѣ-концовъ всѣ отлично изучили, почему ловкіе ротные командиры, на смотрахъ, какъ принято выражаться, съ успѣхомъ втирали очки начальству. За то нерѣдко проигрывали тутъ незамѣтные труженики, не бившіе на внѣшній эффектъ, а самоотверженно погруженные въ духъ, въ хозяйство, въ бытъ своей части... Но ничто не могло поколебать увѣренности Залѣсова въ пользу именно такихъ наскоковъ, никто изъ высшихъ не рѣшался отмѣнить ихъ... И ежегодно, въ опредѣленный періодъ времени, держалъ онъ всю дивизію, начиная съ командировъ полковъ и кончая послѣднимъ рядовымъ, въ лихорадочно-напряженномъ состояніи.

Конечно, генералъ не подозрѣвалъ о томъ, какъ дорого обходится все это, даже въ денежномъ отношеніи, солдатамъ, вынужденнымъ постоянно поддерживать аммуницію въ блестящемъ, смотровомъ видѣ, а ранцы имѣть уложенными по-походному, вѣроятно, не хотѣлъ принимать въ разсчетъ того нравственнаго, нервно-угнетеннаго состоянія, въ какомъ цѣлый мѣсяцъ жила дивизія.

„Я такъ нахожу нужнымъ“ было и тутъ упрямымъ его девизомъ.

Случалось, что и по поводу смотровъ его проводили: черезъ подполковника Апухтина удавалось проникнуть порою въ тайны письменнаго стола „хапаловки“, заранѣе узнать, какія роты намѣчены для предстоящаго іюня. Но съ подозрительно-недовѣрчивымъ старикомъ, какъ тому научилъ горькій опытъ, надо было всегда держать себя на-сторожѣ. Такъ, однажды, безъ сомнѣнія догадавшись о томъ, что планъ задуманнаго имъ іюньскаго похода на дивизію раскрытъ (а, можетъ быть, и получивъ о томъ своевременно анонимный доносъ), внезапно перемѣнилъ онъ намѣченныя имъ роты на другія, почему и началось истребленіе не тѣхъ жертвъ, которыя были первоначально на очереди...

Чаще же всего, на подобныхъ смотрахъ, выборъ Залѣсова оста-

навливался или на особо-выдающихся, или на провинившихся ротныхъ командирахъ: тутъ какъ бы сводились порою служебные счеты начальника дивизіи и офицерства...

Пока пишу эти строки, передо мною лежитъ собственноручная записка Залѣсова къ командиру 108 пѣх. Саратовскаго полка слѣдующаго лаконическаго содержанія:

„Прошу представить мнѣ сегодня въ 6 ч. на смотръ 2-ю роту. Генералъ Залѣсовъ. 21 іюня 84 г. Отправлено въ $4^{1}/_{2}$ часа".

Только-то... А между тѣмъ, какое впечатлѣніе, какой переполохъ, въ свое время, произвелъ этотъ клочекъ почтовой бумаги съ выцвѣтшими уже чернилами,—на тысячи воинскихъ чиновъ, составлявшихъ дивизію!..

Принявъ во вниманіе, что отъ дачи генерала Залѣсова до барака командира Саратовскаго полка, самаго крайняго въ лагерѣ,—разстояніе около версты, почему, даже бѣжать или идти быстрымъ шагомъ посланному съ запискою приходилось тратить довольно много времени на путь, то для 2-й роты, чтобы подготовиться къ смотру, оставалось всего около часа. За этотъ короткій срокъ рота должна была быть собрана, одѣта по-походному, имѣя ранцы съ полной укладкою, аммуницію вычищенной, мундирную одежду въ блестящемъ видѣ, разсчитана, выровнена, съ офицерами на своихъ мѣстахъ; слѣдовало провѣрить расходъ людей, подготовить строевой рапортъ и т. п. Задавалась задача, прямо невыполнимая въ нормальныхъ условіяхъ лагернаго быта, т. е., если не дѣлать предварительныхъ приготовленій, не прибѣгать къ фокусамъ. И всѣ молчали,—всѣ рабски подчинялись приказу, не подумавъ заявить объ его физической невыполнимости...

Ясно встаютъ передо мною и картины подобнаго „хапунскаго" смотра—въ ихъ лихорадочной послѣдовательности: служа въ строю, самъ на себѣ испыталъ я всю эту суету и ужасъ. Молодой задоръ находилъ даже въ подобной, исключительной обстановкѣ, въ подобной игрѣ съ опасностью, въ рискѣ, своего рода прелесть. Но ротнымъ командирамъ, за все отвѣтственнымъ, было, конечно, далеко до увлеченій въ область поэзіи...

Жаркій, лѣтній день. Такъ какъ періодъ смотровъ, по распоряженію Залѣсова, не долженъ былъ ничѣмъ нарушать обычнаго теченія лагерной жизни и занятій по росписанію, то нижніе чины 2-й роты, уставшіе отъ утренняго ученья и пообѣдавшіе отдыхаютъ по баракамъ. Все утро „манежили" ихъ на солнцепекѣ, по пескамъ военнаго поля, продѣлывая, конечно, не то, что указывалось въ росписаніи, а то, что, предполагалось, потребуетъ на смотру начальникъ дивизіи. Особенно, при этомъ, досталось отставшимъ по строю, не-

давно выписавшимся изъ госпиталя, изъ околодка, нестроевымъ, слабосильнымъ... Дѣло въ томъ, что рота на смотру должна имѣть непремѣнно указанное число рядовъ въ строю, почему всякая „калечь" возвращалась въ строй. Кое-гдѣ роты готовятся уже выступить на вечернія занятія. Въ общемъ же, въ лагерѣ настроеніе мрачное, подавленное: ни пѣсенъ, ни игръ, ни обычныхъ шутокъ... Но вотъ, послѣ 4-хъ часовъ, со стороны „хапаловки", скрытой отъ полковъ сосновой рощею, показывается быстро движущаяся фигура ординарца съ пакетомъ въ рукѣ. Это—несомнѣнный признакъ того, что сегодня (смотры были не ежедневно), черезъ $1^1/_2$ часа, одну изъ ротъ „хапнутъ" для смотра. Но изъ котораго полка? Какую? Кто на этотъ разъ изъ ротныхъ командировъ жертва?!.. Въ сонномъ до того лагерѣ все мгновенно оживляется. Изъ бараковъ, какъ тараканы, посыпанные персидскимъ порошкомъ, выскакиваютъ нижніе чины. „Въ какой полкъ?"—„Куда несешь, лѣшій?" „Тебя спрашиваютъ!" раздаются по адресу идущаго нетерпѣливые возгласы. Они сливаются, наконецъ, въ общій гулъ, гдѣ скоро что-либо опредѣленное разобрать трудно. Все указываетъ на высшій подъемъ нервнаго состоянія лагеря. На потномъ лицѣ молодца унтеръ-офицера (а такіе именно и назначались въ ординарцы къ начальнику дивизіи)— написано сознаніе, что въ данную минуту несетъ онъ для какой-либо роты жизнь и смерть, побѣду или пораженіе, что самъ онъ— герой обстановки... „Въ Саратовскій!" раздается его задыхающійся голосъ. — „Слава Богу!" проносится немедленно вздохъ облегченія по тремъ другимъ полкамъ. Пока ординарецъ достигнетъ барака командира Саратовскаго полка, ему придется сотни разъ отвѣтить на одинъ и тотъ же вопросъ, хотя всѣ давно уже знаютъ номеръ намѣченнаго полка... У Саратовцевъ—общее волненіе, суматоха: хотя полкъ и указанъ, но вѣдь неизвѣстна еще рота... Командиръ 2-й роты, не менѣе солдатъ своихъ истомленный утренними занятіями, по всей вѣроятности, спалъ себѣ послѣ обѣда въ душномъ баракѣ, когда до роты его уже пришло отъ командира полка—приказаніе—быть готовой къ 6 часамъ! Бѣдняга! Онъ не слышалъ за сладкимъ сномъ гвалта, съ $^1/_4$ часа стоящаго уже надъ дивизіей. Его не разбудили при вѣсти, что грозовая туча, поднявшись со стороны „хапаловки", двинулась по направленію къ Саратовскому полку. У стараго капитана, разбуженнаго наконецъ денщикомъ и фельдфебелемъ, объявившими новость, — на лицѣ полная растерянность, недоумѣніе... Въ памяти его мелькаютъ разныя—крупныя и мелкія— служебныя и иного рода прегрѣшенія, о которыхъ могъ бы узнать окольными путями начальникъ дивизіи: вѣдь недаромъ же сегодня выхватили съ ротою именно его! Вспоминается ему и какой-либо

состоящій въ разрядѣ штрафованныхъ, еврейчикъ, который могъ бы смастерить анонимный доносъ... А онъ, капитанъ, считалъ еще себя почему-то обезпеченнымъ отъ смотра... „Быть бѣдѣ"... шепчутъ внезапно побѣлѣвшія его губы. До капитана доносится, между тѣмъ, гулъ сотенъ голосовъ изъ бараковъ 2-й роты. Онъ знаетъ по опыту, что теперь сбѣжались туда со всѣхъ сторонъ солдаты изъ сосѣднихъ частей — съ цѣлью помочь товарищамъ одѣться, оправляютъ на нихъ аммуницію, скатываютъ имъ на травѣ, передъ бараками, шинели. Въ ротѣ давно ранцы держались уложенными. Тамъ кое-что, на всякій случай, предвидѣно и подготовлено... Но развѣ все можно было предусмотрѣть?.. Около ротныхъ бараковъ десятки щетокъ усиленно наводятъ глянцъ на сапоги, работаютъ надъ мундирной одеждою. Кое-кто изъ солдатиковъ успѣлъ перемѣнить бѣлье. Хлопаютъ, закрываясь и открываясь, крышки сундуковъ. Въ канцеляріи сверхсрочный фельдфебель, съ озабоченнымъ лицомъ, подтасовываетъ на-скоро данныя для строевого рапорта. Артельщикъ, Богъ вѣсть въ который разъ, провѣряетъ у себя въ кошелькѣ, казенныя деньги: а вдругъ „хапунъ" и о нихъ спроситъ!.. На смотрахъ вѣдь случаются и сюрпризы...

Надо было самому наблюдать въ положеніи ни за что не отвѣчающаго, юнаго прапорщика, какимъ находился я,—физіономіи офицеровъ, нижнихъ чиновъ для того, чтобы уяснить себѣ, какая бѣда, какое горе нежданно обрушилось на 2-ю роту, и какъ эгоистично рады въ дивизіи тѣ, кто не попалъ на этотъ разъ въ очередь... Всѣмъ извѣстно, что неудачный смотръ можетъ окончиться отрѣшеніемъ отъ командованія ротою, выговоромъ въ приказѣ по дивизіи, арестомъ... А у иного на рукахъ семья и въ перспективѣ—жалкая пенсія. Въ случаѣ неудачнаго смотра перепадетъ и нижнимъ чинамъ... Вотъ почему въ обманѣ начальника дивизіи дружно соединялись (если такой обманъ представлялся возможнымъ) и офицеры, и солдаты: то былъ общій врагъ, отъ котораго нечего ждать пощады...

Случалось, что вызванная на смотръ рота уже вышла, вопреки приказу по полку, на послѣ-обѣденныя занятія, такъ какъ ротный, отбывшій смотръ въ прошломъ году, увѣренъ былъ почему-то въ полной своей безопасности. И вотъ эта рота, экстренно вызванная, бѣжитъ въ лагерь крупной рысью, въ безпорядкѣ, толпою: отлучка не сокращала срока, назначеннаго для представленія на смотръ... Нижніе чины задыхаются, въ поту, перепуганы. Заранѣе можно предсказать, что при такомъ настроеніи часть на смотру провалится.

Но 2-ю роту выгоняютъ, наконецъ, изъ бараковъ на переднюю линейку. Юный баталіонный адъютантъ, съ озабоченной гримасою поспѣшно перелистываетъ, на всякій случай, уставчикъ строевой пѣ-

хотной службы: генералу Залѣсову иногда приходитъ вѣдь въ голову, особенно при недостачѣ въ ротѣ строевыхъ офицеровъ, выхватить изъ окружающей толпы отвыкшаго отъ строя адъютанта того баталіона, въ составъ котораго входитъ рота, и поставить его въ строй—командиромъ полу-роты. А такихъ господъ съ тщательными проборами, аксельбантами и браслетками на рукахъ, особенно недолюбливалъ суровый генералъ. Удрученный дурными предчувствіями адъютантъ, предвкушающій удовольствія гауптвахты за незнаніе устава,—это уже забавная фигура на общемъ фонѣ грозовой тучи... У ротнаго командира, осчастливленнаго выборомъ начальства, между тѣмъ, сотни новыхъ соображеній снуютъ въ головѣ. Вдругъ убѣждается онъ, что весь уставъ сразу какъ-бы вылетѣлъ изъ его памяти. Кромѣ того, ему извѣстна страсть начальника дивизіи — заканчивать смотры небольшимъ тактическимъ ученьемъ, по особому заданію, съ примѣненіемъ къ мѣстности, при чемъ непріятельская кавалерія (на нее въ тѣ дни была тоже мода), такъ и налетаетъ, по приказу начальника, на разсыпанную въ цѣпь роту, на ротный резервъ, иногда со всѣхъ сторонъ одновременно, въ самой неожиданной обстановкѣ. Недостаетъ только того, чтобы она посыпалась съ неба... Кажется, достаточно манежилъ онъ всѣ эти дни роту, упражняясь съ этой проклятою кавалеріей, а все-таки беретъ сомнѣніе: удастся ли найтись выйти съ честью, въ заданной обстановкѣ?!..

Вотъ 2-я рота выстроена уже на линейкѣ, у своихъ бараковъ, чистенькая, прихорошенная, неузнаваемая; носки солдатъ, для встрѣчи начальства, выровнены по веревочкѣ, которая затѣмъ предусмотрительно убрана, а слѣдъ ея на пескѣ заровненъ. При ротѣ, у праваго фланга,—командиръ полка, полковой адъютантъ, завѣдывающій хозяйствомъ, оркестръ полковой музыки. Между бараками видны группы офицеровъ другихъ полковъ, чающихъ возможность въ недалекомъ будущемъ попасть на такой же смотръ, а потому пылающихъ желаніемъ—присмотрѣться, прислушаться къ требованіямъ начальства: нѣтъ ли въ этомъ году чего-либо новаго?... Вдоль передней линейки—живописныя группы нижнихъ чиновъ, кто въ рубахахъ, кто въ шинеляхъ въ накидку. Ротный командиръ еще разъ „репертитъ“ подтянувшихся, осоловѣвшихъ солдатиковъ, окончательно ихъ запугивая, сбивая съ толку. Кое-гдѣ, въ заднемъ ряду, слышится брань въ полъ-голоса взводныхъ унтеръ-офицеровъ, а то и глухой звукъ поправки кулакомъ въ бокъ или въ спину—тамъ, гдѣ слово плохо дѣйствуетъ. Жара, между тѣмъ, понемногу начинаетъ спадать... И вотъ безъ 10 минутъ въ 6 часовъ, съ самаго дальняго конца лагеря, раздаются—передаваясь другъ отъ друга—отчаянные выкрики дне-

вальныхъ: — Дежурныхъ на линію! — На пространствѣ между передней линейкой и кухнями показывается коляска, запряженная казенными лошадьми. Въ ней — Залѣсовъ и начальникъ штаба дивизіи. Слышно, какъ по дорогѣ здоровается генералъ съ нижними чинами, стоящими у бараковъ. Все подтянулось, замерло въ томительномъ ожиданіи. И близко уже около 2-й роты звучитъ хорошо всѣми изученное привѣтствіе: — Здорово, ребятки!..

Смотръ обыкновенно начинался провѣркою знакомства нижнихъ чиновъ съ солдатской словесностью. Затѣмъ, младшіе офицеры и унтеръ-офицеры, отвернувшись отъ фронта роты, должны были на память выкликнуть по фамиліямъ и именамъ свои полу-роты и взводы. Все заканчивалось ружейными пріемами, ломкой фронта, небольшими строевыми и тактическими ученьями... Кавалерія, какъ и предвидѣлось, налетала со всѣхъ сторонъ на разсыпанную цѣпь... Иногда же Залѣсовъ устраивалъ и сюрпризы: приказавъ распустить роту бѣгомъ съ крикомъ „ура“ по баракамъ, вдругъ заставлялъ онъ горниста сыграть сборъ. Поднимался невообразимый хаосъ, и солдаты должны были сами разобраться въ толпѣ, занявъ обычныя свои мѣста въ строю. На смотрахъ производился опросъ претензій.

И почти одно и то же, лишь съ небольшими варіаціями, повторялось изъ года въ года...

Черезъ нѣсколько дней послѣ смотра — приказъ по дивизіи съ изложеніемъ дурныхъ и пріятныхъ впечатлѣній, вынесенныхъ начальствомъ изъ знакомства со 2-ю ротою. Подобные приказы обыкновенно составлялись самимъ генераломъ, при чемъ въ нихъ попадались своеобразныя выраженія въ родѣ: „Люди выглядѣли сыто“. А въ концѣ или благодарность, или разносъ всѣмъ до командира полка включительно.

— Охъ! Ужъ эти концы приказовъ! Съ какимъ замираніемъ сердца читались они, бывало, тѣми, къ кому имѣли отношеніе, какія надежды или обиду, ненависть, уныніе, зависть вызывали!..

Теперь все это — мертвая куча отлитографированной бумаги, пояснить значеніе которой могутъ лишь разсказы, впечатлѣнія очевидцевъ... Умеръ и Залѣсовъ, всѣми позабытый, кромѣ самыхъ близкихъ...

Невольно вспоминаются тутъ слова поэта:

„А сошли со сцены —
Всѣмъ вдругъ стали чужды,
И до ихъ портретовъ
Никому нѣтъ нужды“...

Нечего говорить, что подобные „хапунскіе“ смотры, когда все

бывало заранѣе напугано, утомлено, а въ строй выводились и совершенно нестроевые элементы, не обходились безъ комичнаго.

Напримѣръ, въ 1886 году вызвалъ внезапно Залѣсовъ одну изъ ротъ 106 пѣх. Уфимскаго полка, въ которой оказался замухрышка-солдатикъ Тимофей Грибъ—маленькаго роста, слабосильный, отставшій отъ строя, едва волочившій ноги подъ тяжестью огромнаго ранца съ полною укладкой и аммуниціей, при томъ, какъ нарочно, съ преглупою, широкой, добродушною физіономіей: наружность удивительно гармонировала здѣсь съ физическими недостатками рядового — настоящій сморчокъ...

У Залѣсова имѣлась привычка, во время смотровъ, хлопать ласково, одобрительно по щекѣ рукой, затянутою въ перчатку, хорошо отвѣтившихъ на вопросы или очень ужъ оробѣвшихъ нижнихъ чиновъ, особенно изъ числа молодыхъ солдатъ... Несчастный, дрожащій Тимофей Грибъ, котораго такая начальническая ласка окончательно привела въ полную неспособность что-либо соображать, не былъ въ состояніи даже отвѣтить Залѣсову на вопросъ, кто онъ, Грибъ, по національности?—Напрасно генералъ, желавшій показать окружающимъ, что онъ умѣетъ обращаться и говорить съ нижними чинами, даже запуганными, неразвитыми, наводилъ бѣднягу на подходящій отвѣтъ, шутливо подсказывая ему:—ты турокъ?—ты нѣмецъ?—На все получалось однообразно-грустное:—не могу знать, ваше превосходительство...—Командиръ полка Шелковниковъ, видя критическое положеніе начальника дивизіи, въ свою очередь, попытался добиться отъ Гриба толковаго отвѣта, но тоже безуспѣшно. Въ этотъ день Залѣсовъ былъ въ духѣ. Кромѣ того, самъ онъ очутился нежданно при встрѣчѣ съ Грибомъ въ довольно-таки смѣшномъ положеніи, почему вмѣсто того, чтобы начать разносъ за необученнаго солдата непосредственнаго его начальства, шутливо замѣтилъ въ сторону полкового командира:—да я уже называлъ его и туркой, и нѣмцемъ...—Такъ и не добились отъ солдата толку. Когда, затѣмъ, во время строевого ученья, рота двинулась быстрымъ шагомъ, тотъ же Грибъ совершенно отсталъ, началъ спотыкаться, упалъ подъ тяжестью ранца, поднялся, не могъ догнать роты и, наконецъ, по приказанію командира полка, былъ взятъ съ передней линейки и уведенъ подъ руки двумя солдатами, при чемъ какъ-то торжественно выступалъ между ними, съ изумленіемъ заглядывая имъ въ лица, точно желалъ угадать, что-то теперь, за всѣ его подвиги, съ нимъ сдѣлаютъ?—Благодаря Тимофею Грибу, развеселившему генерала, смотръ, не смотря на недочеты его, сошелъ бы на этотъ разъ благополучно, а о поведеніи злополучнаго солдатика передавались бы потомъ легенды. Но, къ сожалѣнію, замѣтилъ За-

лѣсовъ въ ротѣ, что нижніе чины плохо говорятъ по-русски, употребляя польскія выраженія, самую роту на смотру же назвавъ „западною". По этому поводу командиръ полка получилъ, затѣмъ, соотвѣтствующую бумагу, копія которой разослана была—для руководства и въ другіе полки дивизіи. Попало попутно и командиру баталіона, подполковнику Апухтину, „родственнику", о которомъ уже упоминалось выше,—за дурное обученіе роты...

Такъ какъ все на свѣтѣ имѣетъ хорошія и дурныя стороны, то и „хапунскіе" смотры генерала Залѣсова, конечно, приносили своего рода пользу: они заставляли въ дивизіи къ 1 іюня подтягиваться, лишній разъ прочесть уставы, приказы по дивизіи, провѣрить себя на практикѣ, поработавъ съ нижними чинами и въ полѣ.

Но, если бы Залѣсовъ зналъ, сколько здѣсь бывало обмана, искусственности, какъ мало характеризовали эти „зрѣлища" дѣйствительное состояніе иной части, ея внутренній порядокъ!...

Нечего говорить подробно о томъ, какая наступала радость въ ротѣ, при удачно сошедшемъ смотрѣ. Сіяющее, благодарное ротное начальство ассигновывало извѣстную сумму на угощенье. И въ то время, когда изъ бараковъ отбывшей грозу роты неслось бодрое „ура" выпивающихъ солдатиковъ—въ сосѣднихъ частяхъ царило еще бóльшее уныніе: кто могъ поручиться, что одну изъ нихъ завтра же не потянутъ на расправу?... Не безъ улыбокъ встрѣчалось подчасъ извѣстіе о томъ, что опросъ претензій у такого-то сошелъ благополучно, особенно когда ни для кого, кромѣ начальства, не было секретомъ истинное положеніе осмотрѣнной части, а также то, что „въ ротной кассѣ дуютъ вѣтры"...

Третьимъ средствомъ у Залѣсова для ознакомленія, въ теченіе осени и зимы, съ составомъ офицеровъ дивизіи, съ ихъ работоспособностью и знаніями, были вечернія тактическія занятія на планахъ съ горизонталями, въ то время едва лишь вошедшихъ въ употребленіе.

Обыкновенно заранѣе задавалась задача для баталіона, и группа офицеровъ съ баталіоннымъ командиромъ во главѣ должна была разрѣшить ее въ присутствіи начальства и остальныхъ офицеровъ полка.—Въ извѣстный часъ, въ дивизіонномъ собраніи, не ожидая появленія генерала Залѣсова (въ такомъ смыслѣ разъ навсегда существовалъ приказъ), приступали къ рѣшенію задачи. Всѣ, бывало, серьезны, въ напряженно-выжидательномъ настроеніи, такъ какъ всѣмъ извѣстно, что во время занятій долженъ непремѣнно появиться „самъ"... Вотъ въ послѣднихъ рядахъ стульевъ послышался подозрительный шорохъ. Хотя Залѣсовъ и запрещалъ подниматься при входѣ его въ комнату, но присутствія его, конечно, не скроешь... Кое-кто робко огляды-

вается, а тѣ, кто не повернули головы, по поведенію сосѣдей, догадались уже, что начальство—здѣсь, такъ сказать, „на позиціи“.—Дѣйствительно, въ послѣднемъ ряду, за офицерами, съ лорнетомъ у глазъ, сидитъ уже Залѣсовъ, вглядываясь пристально въ карту, на которой условными знаками отмѣчены начальные маневры отряда, вслушиваясь въ распоряженіе главныхъ дѣйствующихъ лицъ, вникая въ подробности развитія темы. Изрѣдка задаются генераломъ, при дальнѣйшемъ изложеніи, и краткіе вопросы, дѣлаются замѣчанія... По окончаніи задачи командиръ полка и бригадный должны были гласно изложить свои выводы. Послѣднее же слово—за начальникомъ дивизіи. Тутъ-то и начинаются разноски... Но довольно бывало ихъ и во время рѣшенія задачи. Старенькій, выслужившійся изъ нижнихъ чиновъ, маіоръ Т., вслѣдствіе плохихъ познаній и неумѣнья читать планы, принялъ, по ошибкѣ и слѣпотѣ, голубое озеро за зеленую лужайку, скрытую межъ холмами, и, обрадовавшись возможности—хорошо спрятать резервъ, засадилъ его... въ озеро. Онъ даже благодушно радъ случаю столь удачно воспользоваться мѣстностью... Какъ вдругъ, на бодрое объясненіе его, сдѣланное Залѣсову о томъ, что резервъ скрылъ онъ „отъ непріятеля между горами“, звучитъ сердитый совѣтъ: „а я бы, г. маіоръ, на вашемъ мѣстѣ, утопился бы съ баталіономъ въ томъ озерѣ, куда угодили вы резервъ“. Молодые офицеры, отличившіеся робкими, нерѣшительными отвѣтами и дѣйствіями отъ конфуза въ присутствіи начальства, спрашиваются послѣднимъ не безъ ядовитости о томъ, въ какомъ именно военно-учебномъ заведеніи они „воспитывались“. Немедленно же вызываются впередъ и ротные командиры, которымъ на видъ ставится плохое обученіе подчиненныхъ „субалтерновъ“—съ совѣтомъ „учить и подтягивать“, а также съ предвареніемъ, что въ будущемъ, за подобныя плохія познанія, отвѣтятъ они, ротные... Рѣдко финалъ задачъ обходился безъ замѣчаній, окриковъ, выговоровъ... Случалось, особенно въ первые годы командованія Залѣсовымъ дивизіей, что за явно обнаружившееся незнаніе уставовъ, за отсутствіе находчивости при рѣшеніи задачи на картѣ, сажали оплошавшихъ на гауптвахту.

Вообще же офицерство, въ виду подобной постановки тактическихъ задачъ, относилось къ нимъ съ неохотою, даже враждебно, словно къ какой-то нравственной пыткѣ. Мѣриломъ общаго настроенія могло служить слѣдующее: никогда никто не улыбался здѣсь при остротахъ Залѣсова...

Надо сознаться, что на задачахъ бывалъ генералъ часто безпощадно нѐсправедливъ, игнорируя заслуги тѣхъ, кто вызывалъ его неудовольствіе.

Напримѣръ, такъ поступилъ онъ со служившимъ въ Саратовскомъ полку полковникомъ Н. В. Марковымъ, однимъ изъ доблестныхъ офицеровъ русской арміи, за боевыя дѣла на Кавказѣ въ званіи юнкера, получившимъ орденъ солдатскаго Георгія. Надо было бы не забывать о томъ, что старому ветерану трудно давались новшества, введенныя въ обученіе офицерства. Тѣмъ не менѣе, когда рѣшая, при Залѣсовѣ, тактическую задачу съ подчиненными офицерами, заявилъ онъ—на вопросъ генерала,—что послалъ начальнику главныхъ силъ донесеніе о необходимости подкрѣпленій,—то Залѣсовъ грубо, съ сарказмомъ, замѣтилъ старику:

— Вамъ, полковникъ, слѣдовало бы написать: прошелъ, осмотрѣлся, убѣдился, что самъ я никуда негожъ, а потому прошу меня смѣнить.

Оскорбленный Марковъ, во имя дисциплины, конечно смолчалъ, но со слезами говорилъ потомъ при офицерахъ командиру полка:

— Сколько сраженій я перенесъ на Кавказѣ—и былъ гожъ, а тутъ, у этой доски, оказался негожимъ.

Едва уговорили его не подавать въ отставку.

Быть можетъ, и у самого Залѣсова, при видѣ растеряннаго, удрученнаго старика, мелькнуло соображеніе о томъ, что такъ шельмовать начальника въ присутствіи его подчиненныхъ не слѣдуетъ; но у него не имѣлось привычки извиняться, стараться загладить дурное впечатлѣніе, приласкать имъ обиженнаго... Онъ не унизился бы до такого шага, чтобы не уронить въ глазахъ подчиненныхъ свою личную непогрѣшимость.

И вотъ, „нагнавъ холода“, произнеся свое рѣзкое „резюме“ по поводу разрѣшенной задачи, генералъ торжественно удаляется, бывало, изъ собранія—въ сопровожденіи командира полка и дежурнаго по собранію офицера, оставивъ всѣхъ на свободѣ разбираться сколько имъ угодно въ своихъ впечатлѣніяхъ, совершенно не справлясь съ послѣдними...

Конечно, и этотъ способъ знакомства съ офицерствомъ дивизіи былъ тоже не изъ очень-то удачныхъ: иной прекрасный офицеръ, въ родѣ полковника Маркова, единственно въ силу основныхъ свойствъ своего характера, терялся въ присутствіи начальства—въ ожиданіи шельмованія, взысканія за неудачный отвѣтъ. Самъ на себѣ испыталъ я—удовольствіе работать на планахъ при такой исключительно, „боевой“ обстановкѣ... И теперь, при одномъ воспоминаніи о томъ, жутко становится...

Если „смотры“ и „задачи“ избраны были Залѣсовымъ для ознакомленія со строевой подготовкою офицеровъ, то для провѣрки правильности несенія ими службы, а вмѣстѣ съ тѣмъ и для ознаком-

ленія съ бытомъ ротъ, служили ему, въ теченіе осени и зимы внезапные наѣзды на части—едва размѣщались послѣднія на зимнія квартиры.

Для такихъ посѣщеній съ умысломъ выбиралось генераломъ время, когда вообще появленіе начальства могло ожидаться менѣе всего—напримѣръ, ночь, раннее утро, часы послѣ-обѣденнаго отдыха.

Нижніе чины только-что проснулись; въ ротѣ ничего еще не прибрано. На дворѣ—едва брезжитъ разсвѣтъ сумрачнаго, осенняго дня. Начинаются утреннія занятія, на которыхъ ротное начальство отсутствуетъ... Какъ вдругъ—посреди казармы—характерная фигура начальника дивизіи, нарочно, чтобы не узнали его, накинувшаго на плечи Николаевскую шинель, нахлобучившаго на глаза фуражку и взявшаго самаго дрянного извозчика. Дневальный, какой-либо молодой солдатикъ, прозѣвалъ начальство и узналъ генерала лишь тогда, когда предупредить было уже поздно. Прозѣвалъ и „махальный“, нарочно, на случай „наѣзда“, поставленный предусмотрительнымъ ротнымъ на углу улицы... Конечно, дали знать черезъ задній ходъ—о пріѣздѣ генерала офицерамъ... А пока они прибѣгутъ въ роту, Залѣсовъ успѣетъ узнать отъ фельдфебеля, отъ дежурнаго по ротѣ, почему отсутствуетъ начальсво на занятіяхъ, отчего не провѣтрены помѣщенія, а нары не убраны, что готовится сегодня на обѣдъ, и кто занимается вмѣсто офицеровъ съ нижними чинами.—Быть можетъ, въ отсутствіи ротнаго, успѣлъ онъ уже заглянуть подъ тюфяки (нѣтъ ли тамъ какихъ-либо вещей, хлѣба и т. п.), велѣлъ раскрыть собственные сундуки, разулъ какого-либо солдатика (съ цѣлью убѣдиться въ чистотѣ его ногъ, портянокъ, бѣлья)... Попутно, изъ разспросовъ, узналъ онъ уже многое, что указываетъ на внутренніе непорядки... Такъ что къ моменту появленія запыхавшагося командира роты, подчасъ вскочившаго съ перепугу, при помощи солдатъ, черезъ окно заднихъ комнатъ, приготовленъ уже достаточный матеріалъ для разноса...

Болѣе двухъ сосѣднихъ ротъ почти никогда не удостаивалъ Залѣсовъ одновременно подобными наѣздами, такъ какъ былъ увѣренъ, что о появленіи его уже знаетъ все по близости.

Затѣмъ командиръ полка получалъ обыкновенно „записку“—съ указаніемъ на обнаруженныя упущенія, а иногда и съ приглашеніемъ—для личныхъ объясненій на квартиру.

Случалось, что эффектъ подобныхъ, неожиданныхъ посѣщеній для Залѣсова разстраивался...

Такъ однажды, предполагая нагрянуть въ расплохъ на загородныя роты, увидѣлъ генералъ съ досадою, какъ отъ вокзала, гдѣ онъ

высадился въ конечномъ пунктѣ, поскакалъ сейчасъ же, по дорогѣ къ казармамъ, расположеннымъ въ нѣсколькихъ верстахъ отъ станціи, мужичекъ верхомъ на лошади. Было ясно, что это—спеціально нанятый соглядатай, за которымъ не угонишься въ одиночной крестьянской телѣжкѣ, который предупредитъ роты. Такъ и случилось. За то и разносъ, произведенный обманутымъ въ планахъ своихъ генераломъ, надолго остался памятнымъ...

Иногда любилъ Залѣсовъ бродить по Вильнѣ—въ такихъ глухихъ мѣстахъ, гдѣ чаще всего собирались нижніе чины—съ цѣлью подмѣтить, какъ ведутъ они себя во время отпуска. Всѣ знали про такія прогулки начальника дивизіи, почему отрицательные элементы полковъ держали себя на-сторожѣ, съ опаскою, будучи готовы улизнуть отъ нежелательной встрѣчи...

Во время одной изъ такихъ вечернихъ, наблюдательныхъ „экскурсій“ и натолкнулся Залѣсовъ возлѣ Рафаиловскихъ казармъ, гдѣ квартировалъ Саратовскій полкъ, на лихого, подвыпившаго ефрейтора этого полка, который не только не отдалъ полагающейся чести начальству, но—о, ужасъ!—шелъ подъ ручку съ „дамой“ сомнительнаго поведенія, да еще подъ зонтикомъ, укрываясь отъ дождя. Встрѣча произошла у фонаря.

— Останавливаю ефрейтора—разсказывалъ потомъ самъ генералъ, даже въ шутливой формѣ, вызванному имъ командиру полка: —спрашиваю:—какъ, братецъ, твоя фамилія?.—Какой роты?—А тотъ, разглядѣвъ, наконецъ, съ кѣмъ имѣетъ дѣло, не долго думая, „примѣнился къ мѣстности“, подобралъ полы шинели, да—на-утекъ... „Дама“ тоже бросилась отъ меня въ сторону...

Залѣсовъ требовалъ, чтобы непремѣнно обнаружили виновнаго, лица котораго хорошо онъ не разобралъ, обѣщая даже прощеніе—при условіи добровольнаго сознанія. Но находчивый ефрейторъ, зная, какъ перепадетъ ему во всякомъ случаѣ отъ непосредственнаго начальства, счелъ за лучшее отмолчаться...

Проходя какъ-то 20 числа мимо канцеляріи одного изъ полковъ, замѣтилъ генералъ еврейчиковъ, подкарауливающихъ у дверей канцеляріи выходящихъ послѣ получки жалованья офицеровъ. Сейчасъ же было сдѣлано имъ распоряженіе, чтобы евреи не смѣли не только появляться въ канцеляріяхъ, казармахъ, но и бродить возлѣ нихъ.

Вообще главной, почтенной заботою Залѣсова,—надо сознаться,— были матеріальные интересы его подчиненныхъ офицеровъ и нижнихъ чиновъ,—по скольку вытекали они изъ личныхъ его наблюденій. Болѣе глубоко не погружался онъ въ жизнь дивизіи...

Вотъ одна изъ сохранившихся у меня „записочекъ“ генерала, относящаяся къ 1883 году:

— До свѣдѣнія моего дошло, что для концерта въ пользу гимназистовъ старшины собранія уступили залъ безплатно. Сочувствуя благотворительной цѣли, тѣмъ не менѣе полагаю, что г.г. старшины не имѣли никакого права такъ легко относиться къ интересамъ г.г. членовъ, особенно въ виду совершенно недостаточныхъ средствъ собранія. — Прошу на будущее время не допускать такихъ самопроизвольныхъ распоряженій и ни подъ какимъ предлогомъ и ни для кого не уступать зала безвозмездно.

Сотни приказовъ по дивизіи, до сихъ поръ сохранившихся, равно какъ и записочекъ къ командирамъ полковъ, свидѣтельствуютъ о томъ, насколько, по-своему, заботился Залѣсовъ объ офицерѣ и солдатѣ, какъ старался внести духъ законности и порядка въ бытъ подчиненныхъ. Но, благодаря особенностямъ характера генерала, недоступности его и крутости нрава, благодаря тому, что отношенія его къ подчиненнымъ были почти исключительно основаны на внѣшнемъ, условномъ, показномъ,—около личности этого человѣка, за все время командованія имъ 27 пѣх. дивизіей, держалась особая атмосфера ужаса, взаимнаго недовѣрія, ненависти, разобщавшая его съ офицерами, какъ съ людьми... Да оно и понятно.—Съ одной стороны „непогрѣшимый папа дивизіи“, какъ окрестили его остряки изъ военно-служащихъ, съ другой—запуганное, приниженное, обезличенное офицерство. Между обѣими сторонами—въ качествѣ посредниковъ—командиры полковъ, заинтересованные поддержать личныя свои, добрыя отношенія къ начальству, играющіе въ „политику“...

Многіе ли допускали мысль, что у этого, суроваго на видъ, часто безпощаднаго въ отношеніяхъ своихъ къ подчиненнымъ генерала, бьется въ груди благородное, умѣвшее при случаѣ дѣлать незамѣтно добро, прощать и миловать, сердце?

Жаль, что въ Залѣсовѣ обыкновенно видѣли, подчеркивали одни лишь недостатки, забывая то, что таилось въ немъ хорошаго... Жаль...

Послѣ смерти бывшаго командира Саратовскаго полка А., семьей его были подарены мнѣ записочки къ нему генерала [1],—всего 85 листковъ.

---

[1]) Когда создавался музей при Виленскомъ военномъ собраніи, я передалъ туда, въ числѣ прочихъ бумагъ, и эти записочки. Задумавъ настоящую характеристику, я получилъ ихъ—для снятія копій—при посредствѣ генерала П. А. Плеве и стоящихъ во главѣ музея, за что́ и приношу всѣмъ имъ мою сердечную благодарность.

Привожу нѣкоторыя изъ нихъ, наиболѣе типичныя. Въ этихъ документахъ—весь Залѣсовъ съ положительными и отрицательными его качествами, какъ человѣкъ и начальникъ.

На программѣ лекцій, которыя капитанъ Р. думалъ прочесть въ дивизіонномъ собраніи, генералъ не безъ яда надписалъ:

— Назначая маіора К. для занятій съ офицерами, я въ то же время нахожу полезнымъ, если капитанъ Р. прочитаетъ имъ нѣсколько лекцій по тактикѣ, но только по измѣненной программѣ. По моему убѣжденію, пускаться въ обширныя разсужденія передъ молодыми строевыми офицерами, весьма еще нуждающимися въ элементарныхъ началахъ тактики,—нецѣлесообразно. Капитанъ Р.—не профессоръ, слушатели его—не студенты, и толковать имъ объ иностранныхъ авторитетахъ, войнахъ разныхъ народовъ и ихъ стратегіи, когда не знаешь, какъ управиться въ полѣ даже со взводомъ или ротою,—намъ не къ лицу. Мы должны знать мелкое дѣло; высшими же соображеніями пусть занимается капитанъ Р. лично для себя. О времени занятій съ офицерами прошу мнѣ сообщить.

— Былъ сегодня въ 9 ротѣ и не засталъ ротнаго командира. Если у него нѣтъ законнаго оправданія—арестовать на сутки. Въ учебной командѣ, кромѣ начальника, не встрѣтилъ другихъ офицеровъ. Седьмая рота выглядитъ лучше.

— Желаю, чтобы были со всею отчетливостью выяснены мотивы смерти фельдфебеля [1]).

— Къ сожалѣнію моему, видѣлъ сегодня въ лагерѣ закоченѣвшихъ людей. Понять не могу, ради чего морозится здѣсь 1-й баталіонъ?—Если изъ-за мелкихъ разсчетовъ гг. офицеровъ, то полкъ могъ доставить имъ это удовольствіе, не жертвуя людьми, о которыхъ слѣдуетъ больше всего помнить.

— Прилагаю анонимное письмо. Разслѣдуйте и доложите. Подтвердите въ полку, чтобы, при вызовѣ ротъ на случай безпорядковъ, строго было воспрещено нижнимъ чинамъ принимать какія-либо приношенія и угощенье отъ кого бы то ни было. За неисполненіе сего офицеры будутъ подвергнуты строжайшей отвѣтственности.

— Какія донесенія есть изъ Нѣменчина? — Удобно ли расположены роты и офицеры?—Нѣтъ ли холода, сырости и проч.? Есть ли баня?—Сообщите запискою.

— Былъ бы вполнѣ доволенъ всѣмъ, видѣннымъ мною сегодня въ ротахъ 108 пѣх. полка, расположеннаго на Снипишкахъ, если бы, къ крайнему моему сожалѣнію, не встрѣтилъ почти поголовно всѣхъ новобранцевъ одѣтыхъ съ головы до ногъ въ собственную

---

[1]) Самоубійство въ загородной ротѣ.

одежду. Такимъ образомъ казна въ продолженіе трехъ мѣсяцевъ не издержала на ихъ одежду ни копѣйки. Этотъ неутѣшительный фактъ прошу передать новому завѣдывающему хозяйствомъ полка и баталіоннымъ командирамъ съ тѣмъ, чтобы они оставили его у себя въ памяти. Сомнѣваюсь въ удачномъ выборѣ новаго командира 6 роты.

— Былъ въ 10—16 ротахъ и остался недоволенъ. Въ 13 ротѣ идетъ четыре мѣсяца переписка объ исправленіи двухъ дверей, тогда какъ онѣ могли быть давно исправлены своими средствами, если бы ротный и баталіонный командиры высказали хоть какую-нибудь заботливость о людяхъ. Въ 16-й ротѣ не производится осмотра людей; обувь—грязная; подъ тюфяками—гадость. Приказалъ фельдфебеля нарядить на 3 сутокъ. Надзоромъ Р. недоволенъ.

— До свѣдѣнія моего доходитъ, что при назначеніи людей въ запасъ нѣкоторые изъ ротныхъ командировъ руководствуются личными соображеніями. Въ отстраненіе зла прошу Васъ лично съ докторомъ сдѣлать самую строгую провѣрку правильности назначенія увольняемыхъ людей.

— Сегодня встрѣтилъ одного джентльмена 108 полка въ собственной, неформенной шинели, небрежно отдающаго честь. Сказалъ, что состоитъ въ 5 ротѣ и прозывается А. Нагоняйте ротнаго командира за такого франта и взыщите съ послѣдняго.

— Былъ въ музыкантской командѣ. Много больныхъ глазами и гадость въ помѣщеніи. Прошу, при случаѣ, переговорить со мной по этому вопросу. Заѣхалъ въ 1-ю роту и нахожу, что одежда и обувь этой роты дастъ большую экономію полку, такъ какъ люди, почти поголовно, носятъ все свое. Не мѣшаетъ маіору К. принять во вниманіе такую экономію при составленіи смѣты хозяйственныхъ распоряженій въ этомъ году. Порядками такими остался, да и не могу остаться, довольнымъ.

— Сегодня утромъ былъ въ домѣ Кирилова. Офицеры и люди занимались; въ казармѣ—чисто; но не нашелъ ни одного одѣяла, и на мой вопросъ ротный командиръ доложилъ, что всѣ одѣяла спрятаны въ солдатскихъ сундукахъ. Вѣроятн, одѣяла такъ гадки, что ихъ спрятали; но все-таки командиру роты не слѣдовало дѣлать такой безсмысленный докладъ, за который онъ рисковалъ попасть въ 14 № [1]).

— Былъ вчера послѣ обѣда въ городѣ. Въ корчмахъ около Зеленаго моста, по Мостовой и Татарской улицамъ вездѣ видѣлъ солдатъ 108 полка. Потрудитесь объявить въ полку всѣмъ, кому о

---

[1]) Виленская главная гауптвахта.

томъ надлежитъ вѣдать, что переходъ полка въ городъ не есть разрѣшеніе на все и на вся; что за городское поведеніе будетъ мною взыскиваться еще строже, чѣмъ за лагерное.

— Посылаю письмо [1]). Оно согласуется съ тѣмъ, что Вы мнѣ говорили. Обратите серьезное вниманіе на 15-ю роту и, что замѣтите—доложите. Письмо написано человѣкомъ грамотнымъ и достаточно разумнымъ.

— Отчего на гимнастикѣ не присутствуютъ баталіонные командиры? Прошу не допускать такого бездѣлья. Гимнастику производятъ вяло. Надобно, чтобы она служила развлеченіемъ и сор ваніемъ людей и производилась бойко, весело.

— Сегодня, въ 3 часа, встрѣтилъ большую команду 108 полка, шедшую на рынокъ, которая, несмотря на мою форму, на привѣтствіе мое отвѣчала: „здравія желаемъ, ваше благородіе".

— Сегодня я встрѣтилъ полковую (или ротную) телѣжку съ ефрейторомъ 108 полка, за кучера, которая развозила какого-то штатскаго. Желалъ бы знать, для кого даются казенныя лошади?

— Сегодня встрѣтилъ двухъ пьяныхъ солдатъ Саратовскаго полка, которые не въ состояніи были отдать порядочно чести. Я приказалъ ихъ отвести подъ арестъ. Прошу взыскать и сообщить мнѣ, какихъ они ротъ. Вообще замѣчаю, что люди Ваши ходятъ неопрятно, безъ оружія и не отдаютъ должной чести. Я—большой врагъ всякой распущенности—прошу принять это къ свѣдѣнію.

— Адъютантъ резервнаго полка доложилъ мнѣ, что полкъ приведенъ въ лагерь и долженъ ночевать въ полѣ, если его не впустятъ въ бараки. Такъ какъ люди не могутъ мерзнуть, то прошу приказать — немедленно ихъ впустить въ бараки полка, а равно утромъ сдать ихъ по описи. Во всякомъ случаѣ резервисты не могутъ ночевать въ полѣ и все, что можетъ быть только отдано полку—отдать немедленно.

— Сейчасъ только встрѣтилъ рядового Вашего полка М., который не отдаетъ чести, а только киваетъ головою. Прошу обратить болѣе строгое вниманіе на исполненіе обязанностей чинами полка.

— Независимо церемоніальнаго марша Государь будетъ смотрѣть одну изъ ротъ въ подробности. Переберите роты и ротныхъ командировъ—въ отношеніи разсчета, находчивости, вниманія, смѣшиванья и неожиданности построеній. Черезъ недѣлю сдѣлаю провѣрку.

— Книгу „Походъ" (возвращается) нахожу весьма полезной для

---

[1]) Приложенъ анонимный доносъ.

солдатъ и потому прошу о возможно большемъ ея распространеніи—въ ротахъ. Книга „свѣдѣніе по тактикѣ для унтеръ-офицеровъ“ (возвращается) изложена непопулярно, устарѣла, весьма мало говоритъ объ обязанностяхъ унтеръ-офицеровъ, составляя не болѣе, какъ жалкую компиляцію начальной тактики. Употребленіе ея по назначенію нахожу не только безполезнымъ, но даже вреднымъ для унтеръ-офицеровъ, ибо кромѣ сумбура въ его головѣ она ничего не произведетъ.

— Ко мнѣ явился прапорщикъ М.—съ просьбою предать его офицерскому суду по подозрѣнію . . . ., увѣряя, что всѣ Саратовскіе офицера его оправдаютъ и что прошеніе объ отставкѣ—вынужденное. Я отвѣчалъ ему, что не имѣю ничего противу преданія его офицерскому суду, о чемъ вамъ и сообщаю.

— Былъ сегодня въ ротѣ, расположенной на Вилькомирской улицѣ. Помѣщенія чисты, пища—хорошая. Къ сожалѣнію, кашеваръ не знаетъ числа людей, на которыхъ долженъ приготовить пищу, да и таблицы никакой въ кухнѣ нѣтъ. При такой варкѣ наугадъ легко можетъ кто-нибудь остаться и безъ обѣда.

— Былъ вчера у васъ въ двухъ ротахъ и нашелъ кашеваровъ, одѣтыхъ въ безобразно-грязное бѣлье, и одного конюха, обратившагося въ совершеннаго мужика. Ничего подобнаго допускать не слѣдуетъ. Кашевары, окончивъ варку пищи, должны одѣваться чисто, а конюха, какъ молодого солдата, не слѣдовало отвлекать надолго отъ его прямого назначенія.—Постоянное употребленіе свинины въ домѣ Буковскаго нахожу также небезвреднымъ.

— Запретите капитану Г. сажать на козла его экипажа кучера въ солдатской шинели съ погонами 27 дивизіи.

— Прошу спросить капитана Ш., не думаетъ ли онъ начать постройку дивизіоннаго штаба будущимъ лѣтомъ?—Я вчера былъ въ лагерѣ и къ сожалѣнію не встрѣтилъ даже распланировки мѣста подъ постройки.

— Командиръ 3 баталіона долженъ знать, какъ мнѣ непріятны подобныя жалобы и какъ строго я отношусь къ нимъ въ случаѣ справедливости. Прошу сообщить ему объ этомъ [1]).

— Посылаю вамъ ноты и обращаю вниманіе капельмейстера на вальсъ „Людмилу“ и польку „Настенька“.

— Посылаю вамъ вальсъ „А изъ рощи, рощи темной“, а также маршъ. Прикажите ихъ положить на оркестръ. Маршъ этотъ

[1]) Писано по поводу анонимнаго доноса, въ которомъ нижніе чины жаловались на дурное съ ними обращеніе начальства.

былъ мнѣ поднесенъ однимъ капельмейстеромъ, но дурно аранжированъ. Прикажите его исправить. Я очень люблю этотъ маршъ.

— Я былъ неправъ. Посылаю вамъ конецъ вальса „А изъ рощи".

— Былъ въ Николаевскихъ казармахъ и остался весьма недоволенъ оборваннымъ и истощеннымъ видомъ людей. Стойка ихъ подъ ружьемъ не выдерживаетъ никакой критики, и если не будетъ исправлена, то совершенно испортитъ людей. Вообще рота требуетъ хорошей пищи, чистоты и дѣла.

— Графиня Тотлебенъ [1]) принимаетъ сегодня отъ часу до трехъ. Было бы хорошо, если бы вы къ ней представились. Сообщите объ этомъ и вашему сосѣду—полковнику Шелковникову.

— Къ крайнему моему сожалѣнію, получилъ свѣдѣніе, что доставленный изъ Саратовскаго полка во дворецъ хлѣбъ очень дуренъ, мука весьма нехороша, и хлѣбъ не ѣдятъ уже два дня. Прошу обратить на это дѣло болѣе серьезное вниманіе и принять мѣры къ отстраненію такихъ непріятныхъ случаевъ.

— За прилагаемую неумѣстную и не дисциплинарную записку нарядить и. д. полкового адъютанта на сутки въ караулъ, при чемъ самое освидѣтельствованіе, если только оно дѣлается по климатическимъ условіямъ, нахожу излишнимъ, развѣ что поручикъ X. не можетъ выходить изъ квартиры [2]).

Прочитавъ въ „Русской Старинѣ" интересные мемуары генерала Залѣсова [3]), которые, въ бытность мою полковымъ адъютантомъ, переписывали на квартирѣ генерала, подъ его наблюденіемъ и съ сохраненіемъ секрета, писаря моей канцеляріи, я убѣдился въ томъ, что это—документъ, довольно правдиво обрисовывающій самого автора, и въ то же время полный типичныхъ портретовъ-набросковъ разныхъ извѣстныхъ лицъ, съ которыми онъ сталкивался. Отъ чтенія записокъ трудно оторваться особенно тому, кто зналъ автора, какъ я, лично, и вмѣстѣ съ тѣмъ, отъ нихъ вѣетъ холодомъ разсудка, дарованіями, несогрѣтыми душевной теплотою.

---

[1]) Супруга генералъ-адъютанта Тотлебена, генералъ-губернатора и командовавшаго войсками Виленскаго военнаго округа.

[2]) Въ запискѣ, написанной на полковомъ бланкѣ и т. д. полкового адъютанта, поручикомъ Н.—къ старшему адъютанту штаба дивизіи о медицинскомъ освидѣтельствованіи больного поручика X.—подчеркнуто Залѣсовымъ слѣдующее: „Имѣю честь просить ваше благородіе—предложить дивизіонному врачу прибыть на квартиру поручика X.

[3]) Вспоминанія эти были напечатаны, въ извлеченіяхъ, въ журналѣ, за 1903 г. №№ 4, 5, 6, 7, 8, 10 и 11, а также въ 1905 г. №№ 6 и 10.

Всюду — собственное „я“—на первомъ планѣ. Все остальное въ окружающемъ должно тонуть въ его лучахъ...

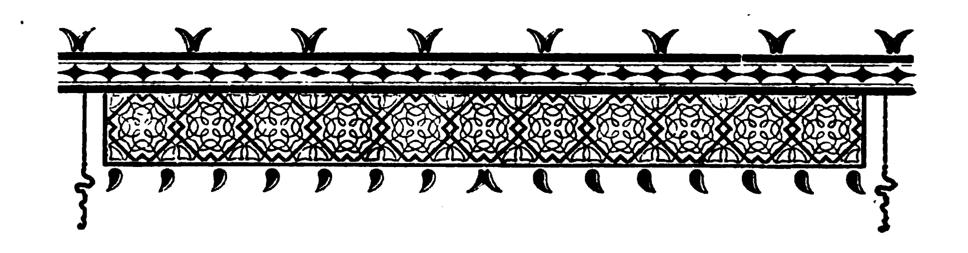
Тѣмъ болѣе жалокъ былъ генералъ, по разсказамъ очевидцевъ, когда полу-живой, лишенный всякой власти, сознающій близость неминуемаго конца, жаловался онъ случайному посѣтителю изъ прежнихъ подчиненныхъ на то, что въ прошломъ не можетъ быть увѣренъ въ томъ, найдется ли хоть одно понявшее его на службѣ, любящее сердце...

Похоронили Залѣсова въ С.-Петербургѣ на новомъ кладбищѣ Александро-Невской лавры, бокъ-о-бокъ съ извѣстнымъ разсказчикомъ И. Ѳ. Горбуновымъ и другими артистами, т. е. въ обществѣ, къ которому при жизни, какъ генералъ, относился онъ такъ свысока:—новая, злая насмѣшка судьбы надъ человѣческимъ тщеславіемъ!...

А. Жиркевичъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Изъ минувшаго [1]).

(Воспоминанія и впечатлѣнія литератора. 1865—1897 г.).

VIII.

Къ исторіи „Литературнаго фонда“.

В. Ф. Коршъ и „С.-Петербургскія Вѣдомости“, до изъятія ихъ изъ Академіи наукъ. — Литературный фондъ. — Недостатокъ средствъ и дѣятельности. — Попытка преобразованія его. — Учрежденіе кассы взаимопомощи литераторовъ и ученыхъ.

Первыя сношенія мои съ столичной печатью завязались при посредствѣ В. Ф. Корша. Онъ стоялъ тогда во главѣ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостей“, которыя арендовалъ у Академіи наукъ. Старѣйшую русскую газету часто называли „академической“, хотя связи ея съ академіей выражались лишь въ уплатѣ арендной суммы и въ обязательствѣ пользоваться академической типографіей. При Коршѣ она стояла во главѣ либеральнаго направленія, хотя и была умѣреннѣе нѣкоторыхъ журналовъ, начиная съ „Современника“, „Русскаго Слова“ и „Дѣла“. Газету карали бы нещадно, если бы она шла впереди радикальныхъ журналовъ. Коршъ привлекъ въ „Спб. Вѣд.“ лучшія силы. Публицистическія статьи помѣщали въ ней многіе ученые, сочувствовавшіе освободительнымъ преобразованіямъ; но главнѣйшими сотрудниками, влагавшими жизнь и душу въ газету, были талантливые молодые люди, изъ которыхъ иные не обладали дипломами, но были одухотворены животворной силой освободительной эпохи. Въ числѣ ихъ были: А. С. Суворинъ, В. П. Буренинъ, К. А. Скальковскій, Жо-

---

[1]) См. „Русскую Старину“ февраль 1908 года.

ховъ. Воскресные фельетоны г. Суворина; критическіе очерки и пародіи, въ прозѣ и стихахъ г. Буренина нравились публикѣ и охотно читались даже врагами. Конечно, всѣ сотрудники В. Ф. Корша, дававшаго общее направленіе газетѣ, осмѣивали малѣйшія проявленія реакціи, шовинизма или національной вражды. Не только старо-московскій, Погодинскій или Шевыревскій „патріотизмъ", но и новѣйшія проявленія этого рода, подъ славянофильскимъ знаменемъ, — встрѣчали въ „Спб. Вѣд." бойкія и остроумныя обличенія. Насаждаемый насильно классицизмъ и франко-прусская война, съ ея „желѣзной" жестокостью и аптекарскимъ обирательствомъ, вызывали рѣзкій отпоръ не только въ верхнихъ столбцахъ, но и въ фельетонахъ газеты. Иностраннымъ отдѣломъ завѣдывалъ Э. К. Ватсонъ, кандидатъ филологическаго факультета Московскаго университета, прекрасно знавшій новѣйшіе языки, талантливый, трудолюбивый журналистъ и переводчикъ. Онъ былъ ближайшимъ помощникомъ Корша по редактированію газеты. Человѣкъ просвѣщенный, справедливый, обладавшій въ желанной мѣрѣ объективностью, онъ поддерживалъ Корша, заботился о сохраненіи газеты, умѣряя пылъ и увлеченіе другихъ сотрудниковъ. Э. К. Ватсонъ и остался, до конца своей жизни, вѣрнѣйшимъ другомъ Корша и неизмѣннымъ сторонникомъ либеральнаго направленія, когда многіе измѣнили своимъ прежнимъ богамъ и перебѣжали въ лагерь реакціонеровъ, съ обычными ихъ пріемами клеветы и доноса.

Еще будучи студентомъ въ Харьковѣ, я съ удовольствіемъ читалъ обновленныя „С.-Пет. Вѣд.", а во время короткихъ служебныхъ поѣздокъ въ Петербургъ познакомился съ В. Ф. Коршемъ и далъ ему нѣсколько замѣтокъ. Переѣхавъ въ Петербургъ, мнѣ естественно было завязать болѣе близкія сношенія съ „С.-Пет. Вѣд." Я уже говорилъ, что петербургская журналистика очень мало была знакома съ положеніемъ Западнаго края. Къ задачамъ этого края она относилась подъ давленіемъ польскаго вопроса. Либеральная печать знала, что поляки преслѣдовались; Муравьевъ свирѣпствовалъ въ Вильнѣ, а затѣмъ съ неменьшей страстностью расправлялся и въ Петербургѣ, послѣ покушенія 4-го апрѣля. Рѣзкія проявленія репрессій опредѣляли точку зрѣнія на всѣ другія дѣла и вопросы Западнаго края. Не замѣчали или не знали, каково было положеніе русскаго народа, милліоновъ крестьянъ, православнаго духовенства и немногихъ представителей русской общественности въ Западной половинѣ Россіи. Изъ временъ дореформенной тьмы, многіе вынесли заблужденіе, что все это была сплошная Польша, и не подозрѣвали, что, подъ гнетомъ бюрократическаго режима, поляки, обладавшіе крупными помѣстьями, даже городами, систематически угнетали

крестьянъ и попирали ихъ вѣру, языкъ, національное самосознаніе. Въ торговлѣ, въ обществѣ, даже въ канцеляріяхъ господствовалъ польскій языкъ. На русскомъ говорили только съ прислугой да съ „хлопами", какъ „рабочимъ скотомъ". Нынѣшнее положеніе Галиціи можно считать несравненно болѣе благопріяннымъ для русской части населенія, нежели отношенія польской шляхты и польскихъ чиновниковъ къ русскому народу въ Западныхъ губерніяхъ до 1863 года. Польское давленіе всегда умѣло передѣлывать въ свою пользу всѣ мѣры, направленныя въ пользу крестьянъ и русской государственности. Даже инвентари 1848 года, введенные ради ограниченія крѣпостного права и для земельнаго обезпеченія крестьянъ, были нарушены и ихъ пришлось потомъ возстановлять почти два раза, въ 1861 году, и затѣмъ въ 1865 г. Чтобъ наглядно показать, въ какомъ невѣдѣніи находилась петербургская журналистика относительно Западнаго края, достаточно напомнить, что незамѣтно для нея главнѣйшими врагами новой „русской политики" въ Западныхъ губерніяхъ считались такіе реакціонеры, какъ Тимашевъ, Потаповъ, графъ П. А. Шуваловъ, П. А. Валуевъ, графъ К. П. Паленъ и самъ Катковъ, когда онъ обернулся ретроградомъ. Первая реакціонная газета „Вѣсть" была ярой противницей „русской политики", и польскіе помѣщики съ удовольствіемъ ее выписывали. И теперь „аграрный" и національные вопросы въ западныхъ губерніяхъ представляются очень сложными; а 40—45 лѣтъ назадъ путаницы было еще больше. Я желаю всѣхъ благъ полякамъ; отъ всего сердца радовался бы ихъ братскому сближенію съ нами; въ Петербургѣ у меня всегда было много друзей среди поляковъ; но не могу не сказать, что польская шляхта, особенно польскіе „магнаты" были не правы относительно русскаго народа въ Западной Россіи, и что было бы полезно, если бы крупнѣйшія ихъ имѣнія были выкуплены въ пользу крестьянъ. Поляки съ понятнымъ жаромъ отстаиваютъ свою національность; но надо же уважать и русскій народъ. Мы слышали, какъ болгары, освобожденные русской кровью, заявляли потомъ по адресу Россіи: „Не надо намъ ни вашего меду, ни вашего жала". Поляки, въ свою очередь, много разъ отталкивали братски протянутую къ нимъ руку русскаго народа. Для общаго блага славянъ, будемъ надѣяться, что національная вражда не разгорится теперь, когда всѣ народности, входящія въ составъ Русскаго государства, имѣютъ полное основаніе разсчитывать на человѣколюбивое сердце и справедливость возрождающагося русскаго народа.

Приведенныя строки поясняютъ, почему въ „С.-Петерб. Вѣдомостяхъ" мнѣ пришлось помѣщать статьи по общимъ, внутреннимъ

вопросамъ, не касаясь окраинъ. Въ числѣ важнѣйшихъ внутреннихъ задачъ, находился, между прочимъ, вопросъ о преобразованіи *мѣстнаго управленія*. Статьи мои по этому предмету вошли въ изданный мин. внутр. дѣлъ „Сборникъ“ отзывовъ печати по данному преобразованію. Этотъ вопросъ подымался потомъ Валуевымъ, когда онъ вернулся къ власти въ качествѣ министра государственныхъ имуществъ; возобновился онъ при Лорисъ-Меликовѣ; перерѣшенъ и замятъ гр. Д. А. Толстымъ и въ настоящее время составляетъ одну изъ виднѣйшихъ задачъ нынѣшней министерской „декларацiи“.

В. Ф. Коршъ возбуждалъ всегда искреннѣйшее сочувствіе во всѣхъ, кто его зналъ лично. Одна изъ родственницъ его всегда горячо отзывалась о немъ, заявляя: „Il est toujours pour la justice“!.. Это могли сказать о Коршѣ всѣ, кто имѣлъ съ нимъ сношенія. Мягкій, деликатный, сердечный, В. Ф. Коршъ, однако, было непоколебимымъ въ своихъ политическихъ взглядахъ и литературной этикѣ. Надо было видѣть, какъ онъ краснѣлъ, защищая свое мнѣніе, или возмущался какой-нибудь мѣрой произвола или недобросовѣстной выходкой въ печати. Онъ всегда говорилъ медленно, чтобъ не заикаться; но въ подобныхъ случаяхъ заиканіе усиливалось и мѣшало плавности его рѣчи. Статьи мои нравились В. Ф. Коршу, и онъ предложилъ мнѣ быть вторымъ редакторомъ „С.-Петерб. Вѣдомостей“.

— Мы будемъ пополугодно нести эту каторгу... Шесть мѣсяцевъ работать, шесть мѣсяцевъ отдыхать за границей, или путешествовать по Россіи...—уговаривалъ онъ.

Предложеніе было лестное, соблазнительное; но я былъ тогда на службѣ, мнѣ везло; я любилъ совмѣщать служебную дѣятельность съ публицистикой. Мнѣ казалось, что я могу осуществлять то, что проповѣдую. Я отклонилъ обузу редакторства, ради котораго надо было выйти въ отставку.

В. Ф. Коршъ рекомендовалъ меня комитету „Литературнаго фонда“, и въ 1870 году я былъ избранъ членомъ этого общества. Исполнилась давняя моя мечта. Это было для меня посвященіемъ въ писатели, въ званіе, которое я съизмала любилъ и привыкъ считать самымъ почетнымъ. Еще въ гимназіи, когда въ 1859 году учредилось „Общество для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ“, одинъ изъ любимѣйшихъ учителей (В. И. Дементьевъ) говорилъ мнѣ, что каждый порядочный человѣкъ долженъ поступить въ это общество, если только онъ умѣетъ читать и способенъ цѣнить блага, приносимыя литературой.

— Ну, а вамъ,—шутилъ онъ,—надо поступить въ „Литературный фондъ", какъ литературу...

Этотъ славный, дорогой учитель былъ математикъ, но любилъ „словесность", любилъ читать болѣе развитымъ ученикамъ что-нибудь изъ тогдашнихъ журналовъ, у себя, за стаканомъ чая. Были и тогда прекрасные, умные, добрые учителя, далекіе отъ бездушной казенщины.

И вотъ, въ 1870 году, при содѣйствіи В. Ф. Корша, исполнился наказъ учителя, полученный еще гимназистомъ. Очень бѣденъ былъ тогда „Литературный фондъ", и до крайности скромно и неплодотворно шла его дѣятельность. Въ этомъ я скоро могъ убѣдиться. Общія собранія мало посѣщались. Да на нихъ и дѣлать было нечего. Секретарь читалъ отчетъ о раздачѣ тѣхъ или иныхъ пособій; выдачи были ничтожны, а кому онѣ давались, не объявлялось; пособія имѣли характеръ подаяній и объявленіе именъ „благотворимыхъ" могло ихъ унизить въ глазахъ общества и ухудшить ихъ положеніе. Неспособные-де, бездарные люди, не стыдящіеся протягивать руку за милостыней! Казначей читалъ общія цифры о поступленіи взносовъ, процентовъ и о расходахъ. За тѣмъ всѣ раскланивались и расходились, какъ только комитетъ приступалъ къ занятіямъ. Всѣ дѣла вершились въ комитетѣ, а краткіе, сухіе отчеты его можно было прочитать въ газетахъ. Только два собранія въ году нѣсколько оживлялись и давали хотя нѣкоторую почву для дѣятельности членовъ общества. Въ декабрѣ избиралась ревизіонная комиссія и намѣчались кандитаты въ комитетъ; а въ годовомъ общемъ собраніи, обязательно 2-го февраля, обсуждались замѣчанія ревизіи и объясненія комитета; происходили по этому поводу нѣкоторыя пренія и избирались четыре члена въ комитетъ, на мѣсто четырехъ, выбывавшихъ въ очередномъ порядкѣ. Въ большинствѣ случаевъ, все шло гладко и благополучно; замѣчанія ревизіонной комиссіи принимались къ свѣдѣнію или удачно отвергались комитетомъ, и затѣмъ для большинства членовъ общество замирало на годъ, какъ и для всѣхъ стороннихъ лицъ. Только литературные вечера, устраиваемые болѣе или менѣе удачно, въ благопріятныя къ тому времена, напоминали читающей публикѣ, что въ Россіи существуютъ писатели, что безъ нихъ не будетъ литературы и придется только играть въ карты и что положеніе большинства писателей и журналистовъ въ такой степени необезпечено, что иныхъ похоронить даже не на что, а семья ихъ обрекается на нищенство. Кто не имѣлъ „монрепо" или служебнаго заработка (а литературная профессія все болѣе обособлялась, увеличиваясь въ числѣ)—тотъ подъ старость или въ случаѣ болѣзни обрекался на всѣ униженія и случайности благотвори-

тельной помощи, размѣры которыхъ всегда ниже дѣйствительной потребности и вполнѣ зависятъ не отъ степени нужды, а отъ прилива или отлива шаткихъ колеблящихся поступленій. Въ какомъ жалкомъ положеніи находились средства „Литературнаго фонда", можно судить изъ такого позорнаго для русской образованности факта: къ 25-лѣтію „Литературнаго фонда" въ 1885 году, всѣ капиталы его не доходили даже до 100.000 рублей. Составитель исторіи „фонда" выражалъ надежду, что дѣла пойдутъ лучше, когда капиталы возрастутъ до 200—300 тысячъ.

Въ настоящее время ихъ, кажется, около 700.000 руб.; но доходность ихъ уменьшилась, и комитету пришлось въ 1906 году взывать о помощи и сокращать обычныя пособія до самыхъ крайнихъ предѣловъ.

Если и теперь писателей и журналистовъ гнететъ безработица и страшная нужда; если въ Петербургѣ, въ лѣто отъ Рождества Христова 1907 г., умеръ поэтъ *отъ голода*, и только послѣ смерти его читался рефератъ о талантливыхъ его произведеніяхъ,—то можно вообразить, что было 30—35 лѣтъ назадъ, когда не было ни „академическаго фонда", ни кассы взаимопомощи литераторовъ и ученыхъ, ничего, кромѣ случайныхъ „благотвореній почтеннаго, но бѣднаго, скуднаго средствами „Литературнаго фонда". Нисколько не преувеличено указаніе Некрасова, что даже кладбища наши наглядно говорятъ о позорномъ равнодушіи русскаго общества, русскихъ читателей къ литературѣ и ея труженикамъ.

Надъ чиновникомъ больше плита,
Подъ плитой же бываетъ учитель...
А гдѣ нѣтъ ни плиты, ни креста,
Тамъ должно быть и есть сочинитель!

Относительно мертвыхъ произошло нѣкоторое улучшеніе. Бываютъ на могилахъ кресты, случаются даже бюсты; но *жизнь* писателей полна еще терній и бѣдъ. Литература и всѣ причастныя къ ней лица страдаютъ отъ безсудія, проигранныхъ расправъ и нетерпимости.

Не сразу выяснилась мнѣ неудовлетворительность постановки „Литературнаго фонда". Постепенно знакомился я со всѣми условіями его дѣятельности, особенно когда участвовалъ въ ревизіонныхъ комиссіяхъ. Члены благотворительныхъ правленій часто черствѣютъ отъ привычки видѣть нищету. Просьбы и мольбы имъ надоѣдаютъ и не трогаютъ сердца. Такъ, судьи привыкаютъ безъ колебаній налагать самыя тяжкія кары, а врачи невозмутимо отправляютъ на тотъ свѣтъ непокорныхъ ихъ искусству паціен-

товъ. Охотники лѣчиться всегда найдутся. Благотворители, между стаканами чая и папироской, легко рѣшаютъ, кому дать 100 рублей, а кому достаточно и 10-ти, остальныхъ можно угостить и отказомъ, въ виду „частыхъ просьбъ". Не рѣдко случается, что назойливыя просьбы, даже требованія удовлетворяются, а о дѣйствительной и гораздо болѣе рѣзкой нуждѣ никто не знаетъ.

Бѣдные люди не станутъ унижаться, пока дѣло не дойдетъ до крайности. Благодѣтели расположены относиться съ предубѣжденіемъ и даже съ презрѣніемъ къ тѣмъ, кому они „благотворятъ" на общественный счетъ. Выносить это тяжело. Частная помощь оказывается обыкновенно *сердечнѣе* и мягче, нежели общественная. Добрый человѣкъ какъ бы извиняется передъ нуждающимся и проситъ не отвергнуть посильной лепты; а общественные благотворители изведутъ нуждающихся перепиской, обсужденіями, промедленіями и провѣрками и, если выдадутъ что-нибудь, то съ такимъ видомъ, будто они лично обобраны и имѣютъ дѣло съ презрѣнными отбросами просвѣщеннаго и обезпеченнаго человѣчества. Не хорошо, если нищіе нагло требуютъ помощь; но во сто кратъ хуже, когда самое ничтожное пособіе изъ общественныхъ суммъ выдается нехотя, запоздало и съ обидой.

Благотворенія „Литературнаго фонда", въ силу общихъ недостатковъ филантропіи и по скудости и случайности его средствъ, очень близко подходили къ обычнымъ свойствамъ этого рода учрежденій. Въ Англіи существуетъ даже налогъ въ пользу бѣдныхъ, а слезы застилаютъ глаза и душа возмущается, когда вспоминаешь Диккенса и его обличительныя, жгучія страницы, на которыхъ изображены бѣдность и горе несчастныхъ, жестокосердіе и лицемѣріе филантропіи.

Во время ревизій я могъ вникать въ существо просьбъ, адресуемыхъ въ „Литературный фондъ", а съ развитіемъ печати мнѣ и непосредственно было извѣстно, въ какіе матеріальные и умственные тиски поставлены россійскіе литераторы не только болѣзнью или старостью, но и безработицей, вслѣдствіе запрещенія или разоренія изданій. Во время реакціи, усиливались гоненія на печать, безработица и нужда возростали, а средства у „Литературнаго фонда" какъ разъ въ такія времена оскудѣвали. Различныя „предпріятія" встрѣчали преграды, членскіе взносы вносились туго. Какъ бы въ предчувствіи, что каждый изъ насъ, помимо своей трудоспособности, можетъ очутиться въ самомъ угнетенномъ, бѣдственномъ положеніи, я пришелъ къ заключенію, что необходимо преобразовать „Литературный фондъ", организовать его помощь на совершенно иныхъ началахъ. Вмѣсто случайной, унизительной ми-

лостыни, надо установить *право* на обезпеченіе труда, застраховать труженика на случай болѣзни и старости, создать такія же права и для его семьи.

Я выработалъ кое-какія основныя положенія этого преобразованія и пригласилъ къ себѣ сотрудниковъ газетъ и журналовъ для ихъ обсужденія. Около 20 лицъ откликнулись на этотъ зовъ. Между ними были и члены „Литературнаго фонда"; но большинство даже не принимало въ немъ участія, не сочувствуя условіямъ его дѣятельности. Уже одно это отчужденіе говорило въ пользу реформы.

Исправленныя и одобренныя предположенія были внесены мною въ комитетъ „Литературнаго фонда", съ моей объяснительной запиской. Поднялась цѣлая буря. „Литературные бонзы", какъ называли въ шутку главарей комитета, разгнѣвались и подобно всѣмъ правителямъ усмотрѣли въ моемъ заявленіи дерзновенное нарушеніе тишины и спокойствія, разрушительныя поползновенія на общественные устои. Составлены были доклады, въ которыхъ доказывалось, что все обстоитъ благополучно и необходимо лишь крѣпко-накрѣпко охранять благотворительное учрежденіе и его дѣятельность отъ порицателей и непрошенныхъ реформаторовъ.

Если все обстоитъ благополучно, то вполнѣ естественно отстранить самую мысль объ улучшеніяхъ. Мои предположенія были разобраны по косточкамъ и осуждены, частью какъ нелѣпость, частью по неосуществимости. Одно-де пригодно, а другое, хотя и не дурно, но принадлежитъ къ области праздныхъ мечтаній. Словомъ, комитетъ „Литературнаго фонда" проявилъ въ данномъ случаѣ такую косность и принципіальную предубѣжденность противъ всякихъ „новшествъ", какую очень странно встрѣчать въ средѣ, обыкновенно стоящей во главѣ прогрессивнаго движенія въ государствѣ и народѣ.

Мнѣ тяжело было очутиться въ видѣ какого-то разрушителя и врага литературнаго учрежденія, которое я всегда любилъ и ради развитія и успѣха котораго разработалъ свои предположенія. Особенно былъ я огорченъ, что для побѣды надо мной въ общее собраніе былъ нарочно приглашенъ К. Д. Кавелинъ, и члены комитета отнеслись ко мнѣ, какъ бы къ личному своему врагу. Я просилъ образовать, по крайней мѣрѣ, комиссію для выработки другихъ основаній реформы, если мои не годятся; но комитетъ отвергалъ всякую потребность въ улучшеніяхъ. Общее собраніе, однако, признало, что мысль о *взаимопомощи* заслуживаетъ вниманія, и что комитету необходимо обсудить: не слѣдуетъ ли „Литературному

фонду“ взять на себя починъ въ организаціи ея *отдѣльно отъ „фонда“*. Въ слѣдующемъ общемъ собраніи, комитетъ призналъ полезнымъ осуществленіе этой мысли, но устранился отъ всякаго участія въ предположенномъ дѣлѣ. Большинствомъ 16 голосовъ противъ 14 это заключеніе было принято. Комитетъ состоитъ изъ 12 членовъ; слѣдовательно, его заключеніе было поддержано только четырьмя участниками собранія. Большинство собранія, въ сущности, высказалось въ пользу новой организаціи; но съ формальной стороны побѣдилъ „старый порядокъ“; разрушительная буря прошла мимо, прежнее благополучіе уцѣлѣло. „Новшество“ было заторможено на 10 лѣтъ!..

Въ 1901 году была учреждена, по моей мысли, *„касса взаимопомощи“*, въ связи съ „Литературнымъ фондомъ“, но съ полной автономіей. Оба учрежденія могли дѣйствовать въ совершенномъ согласіи, не мѣшая одно—другому, восполняя тѣ или другіе пробѣлы дѣятельности. Касса не получила ни одного рубля вещественной помощи отъ „Литературнаго фонда“, но починъ стараго общества въ учрежденіи кассы имѣлъ важное значеніе. Нѣкотораго рода патронатство всѣмъ извѣстнаго общества устраняло хотя отчасти сомнѣнія въ осуществимости новаго учрежденія. Не вѣрили началамъ его, утверждали, что не найдется достаточнаго числа членовъ, предрекали, что первая сумма быть можетъ и будетъ выдана, но никто и никогда не возмѣститъ-де этой выдачи. Сомнѣвались сами въ себѣ, въ способности литераторовъ къ аккуратности, къ выполненію своихъ обязательствъ, къ сознанію своихъ интересовъ и въ удовлетвореніи ихъ путемъ взаимной поддержки и обязательной, братской помощи.

Всѣ эти сомнѣнія и мрачныя предсказанія, обычныя въ каждомъ новомъ дѣлѣ, были побѣждены. Несмотря на самыя тяжелыя времена, и большія, все возростающія выдачи, касса взаимопомощи очень успѣшно развиваетъ свою дѣятельность. Въ 16 лѣтъ она имѣетъ въ $2^1/_2$ раза большій капиталъ, нежели тѣ средства, какими „Литературный фондъ“ обладалъ въ первыя 25 лѣтъ своего существованія. Членовъ почти вдвое болѣе, нежели въ „Литературномъ фондѣ“, хотя въ немъ могутъ участвовать и сторонніе „благотворители“.

Касса выдала въ 1906 году болѣе 40.000 рублей страховыхъ суммъ, производитъ пенсіи на сумму 5.100 рублей и освободила уже всѣхъ членовъ-учредителей отъ обязательныхъ платежей, гораздо ранѣе, нежели предположено было уставомъ.

Какъ только наше общество оправится отъ смуты и оскудѣнія, а ряды его будутъ все сильнѣе и сильнѣе пополняться образован-

нымъ народомъ, надо надѣяться, что средства кассы и „Литературнаго фонда“ станутъ быстро увеличиваться. Постыдное равнодушіе или вражда къ литературѣ не совмѣстимы съ понятіемъ о свободномъ, просвѣщенномъ народѣ.

Писатели не будутъ умирать отъ голода, какъ случилось недавно, къ стыду нашему, въ Петербургѣ, съ народнымъ поэтомъ П.

Пока литература не упразднена, надо обезпечить существованіе писателей и избавить ихъ, хотя на случай болѣзни и старости, отъ нищенскаго положенія и голода. Меценатство исчезло; милліонныя пожертвованія идутъ на то, или другое дѣло. Пусть идутъ, никто не посягаетъ на нихъ. Но все же, крайне прискорбно, что въ шестой части Свѣта 140 милліонный народъ отжилъ двухвѣковой юбилей печати и не собралъ даже милліона рублей для обезпеченія тружениковъ мысли и слова, жертвующихъ здоровьемъ и жизнью на пользу общую, и во время мира, и на войнѣ. Нѣтъ тяжелѣе непрерывной газетной работы съ ночами напролетъ, да еще подъ дамокловымъ мечомъ всевозможныхъ каръ и преобразованій. Государство и общество ослѣпло бы, не будь этого каторжнаго труда.

Каждый подписчикъ не разорился бы, прибавивъ 10—20 коп. въ годъ къ подписной платѣ; а изъ копѣекъ составились бы сотни тысячъ, и читатель могъ бы утѣшаться сознаніемъ, что въ этомъ благомъ, справедливомъ дѣлѣ и его скромная лепта приноситъ великую пользу. Составился бы „читательскій фондъ“, и онъ былъ бы памятникомъ степени образованности русскаго народа.

Г. К. Градовскій.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

Къ исторіи винной монополіи 1676 г.

Государю преосвященному Симону, архіепископу Вологодскому и Бѣлоезерскому бьютъ челомъ и извѣщаютъ сироты Государевы Вологженя посадцкіе люди, а Вологодцкаго кружечного двора голова нынѣшняго 185-го (*т. е. 1676*) году Івашко Өокинъ съ товарыщи. По указу великаго Государя и по выбору Вологжанъ посадцкихъ людей седимъ мы великого Государя на Вологодцкомъ и Туронтаевскомъ и Шуйскомъ и Обнорскомъ кружечныхъ дворехъ и сбираемъ на Великого Государя питейную прибылъ съ великимъ радѣніемъ. И по указу жь великого Государя на тѣхъ кружечныхъ дворехъ солодовныхъ прятчиковъ на винные браги и пивные вари порядили противъ прошлыхъ годовъ, и хмель и медъ и дрова покупаемъ, и вино куримъ, и пива варимъ, а солодовные порятчика у насъ за солодъ по своимъ порядамъ денегъ просятъ противъ прошлыхъ же лѣтъ, а намъ сиротамъ Государевымъ тѣмъ солодовнымъ порятчикомъ денегъ давать противъ прошлыхъ лѣтъ нечево, потому что Государь по указу великого Государя и по памятемъ изъ Новгородского приказу за приписью дьяка Емельяна Украинцова дано намъ сиротамъ на тѣ великого Государя вологодцкіе кружечные дворы на заводъ и на всякіе поряды и на покупки всякихъ запасовъ не противъ прошлыхъ лѣтъ, только восмьсотъ пятдесятъ рублевъ денгами и съ осталыми всякими запасы. И намъ сиротамъ Государевымъ тѣми денгами на кружечныхъ дворехъ солодомъ и хмелемъ и медомъ и дровами завестися нечѣмъ. А на вино Государь и на пиво въ стойкахъ въ чарки и въ ковши и въ кружки и въ отъѣзжихъ кружечныхъ дворѣхъ и изъ казны въ ведра и въ полуведра купцовъ и питуховъ при прошломъ 184-мъ году мало. А въ прошлыхъ Государь годѣхъ въ 183-мъ году по указу жь великого Государя дано было на заводъ на кружечные дворы головѣ Макару Чадову съ товарыщи денегъ тысеча пятьсотъ рублевъ, опрочѣ осталыхъ всякихъ запасовъ, а въ 184-мъ году гостю Гаврилу Өетіеву да головѣ Якиму Горотчикову съ товарыщи дано было денегъ двѣ тысячи рублевъ, опрочѣ же осталыхъ запасовъ. И въ

прошлыхъ государь годѣхъ великого Государя денежною казною на кружечныхъ дворехъ таковы нужды не было, какъ нынѣ намъ, что государь при прошлыхъ годехъ дано на всякіе великого Государя кружечныхъ дворовъ запасы и на заводы казны денежныя мало. Государь преосвященный Симонъ архіепископъ Вологодцкій и Бѣлоезерскій пожалуй насъ, сиротъ Государевыхъ, вели государь челобитье наше и извѣтъ принять и записать. Государь великій святитель, смилуйся, пожалуй.

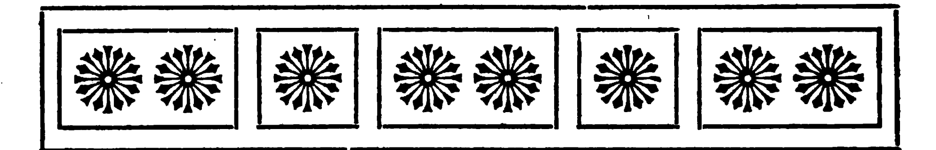
На оборотѣ рукоприкладства: к сей челобитной крушешныхъ дворовъ головишко Івашко Ѳокинъ руку приложил. К се' челобитно, кружечного двора ларешно[го] целовални[к] Сенка Бовыкинъ руку приложи[л]. К сеі челобитно' ларешно' целовални[к] Ми[т]ка Тере[н]тьевъ і вмѣсто Лавре[н]тья Григорьева по его велѣ[н]ью руку приложилъ.

Помѣта: 185-го декабря въ 18 де подалъ голова Иванъ Ѳокинъ.

Примѣчаніе. Упоминаемые въ челобитной кружечные дворы находятся близъ г. Вологды:—Шуйскій—нынѣ село Шуйское на р. Сухонѣ, въ 90 верстахъ отъ Вологды; Обнорскій—близъ г. Грязовца—въ 44 верст., Туронтаевскій—нынѣ Турундаево—бывшее дворцовое село—въ 4 верстахъ. Гавріилъ Мартыновичъ Ѳетіевъ—извѣстный на сѣверѣ капиталистъ XVII вѣка, умеръ въ концѣ 1683 года. Его завѣщаніе, очень характерное, напечатано было Н. И. Суворовымъ сначала въ „Волог. Епарх. Вѣдомостяхъ“ 1873 г., потомъ въ отдѣльномъ оттискѣ „Церковь Пресвятыя Богородицы Владимірскія въ г. Вологдѣ“. Вологда 1873“, стр. 34—67.

Сообщилъ И. Суворовъ.

Матеріалы для біографіи А. Ѳ. Воейкова[1]).

(Окончаніе).

III.

„Славянинъ“.

(1827—1830 г.г.).

Да помнитъ славянинъ,
Что онъ—наперсникъ славы!
Жуковскій.

Въ періодъ времени съ 1827 по 1830 гг. включительно въ Петербургѣ издавался А. Ѳ. Воейковымъ военно-литературный журналъ „Славянинъ“; эпиграфомъ ему было избрано стихотвореніе Жуковскаго, изъ котораго двѣ строчки взяты мною эпиграфомъ же для настоящей замѣтки.

Журналъ издавался еженедѣльно и раздѣлялся на два отдѣла: военный и беллетристическій.

Въ военномъ отдѣлѣ помѣщались статьи самаго разнообразнаго содержанія. Здѣсь мы находимъ циклъ статей о военныхъ писателяхъ (Ѳукидидъ, Ксенофонтъ), рядъ документовъ по исторіи военныхъ дѣйствій съ персіанами и горцами, статьи „о военныхъ орденахъ въ разныхъ государствахъ и въ особенности о россійскомъ императорскомъ военномъ орденѣ Св. Георгія“, „о рекогносцированіи“, „о горной войнѣ“, „о конгревовыхъ ракетахъ“, „извѣстіе о первомъ введеніи въ арміяхъ конной артиллеріи“, два письма Суворова Багратіону, описаніе медали въ честь Суворова въ 1791 г. съ рисункомъ, „начертаніе физико-механической теоріи минеральнаго искусства“, замѣтки о паровыхъ орудіяхъ, о военномъ краснорѣчіи, хронологическій перечень войнъ, Рязанскій пѣхотный полкъ при Реймсѣ и проч. Какъ видно изъ этого бѣглаго, на выдержку составленнаго перечня, военный отдѣлъ затрогивалъ темы тактики, артиллеріи, военной исторіи; въ немъ приводились даже военно-

[1] См. „Русскую Старину“, мартъ 1908 года.

научные трактаты. Поэтому за полнымъ отсутствіемъ въ то время спеціально-военныхъ журналовъ, „Славянинъ" имѣлъ извѣстное значеніе.

Въ отдѣлѣ словесности помѣщались, между прочимъ, стихотворенія и статьи самого Воейкова; особенно много мѣста удѣлялъ Воейковъ журнальной полемикѣ. Уже въ третьемъ нумерѣ „Славянина" за 1827 г. появляется полемическая статья Воейкова. Вотъ, что было въ ней изложено: „въ № 6 „Сѣвернаго Вѣстника" какой-то Н. Г. доказалъ мнѣ неспособность издавать журналъ; съ прискорбіемъ вижу, что я обманулъ васъ, но обманулъ неумышленно; Николай Ивановичъ Гречъ ввелъ меня въ заблужденіе; въ 1820 г. взявъ меня въ товарищи, а не въ сотрудники, онъ въ пышныхъ выраженіяхъ возвѣстилъ по моему ничтожное, а по его мнѣнію драгоцѣнное пріобрѣтеніе; увидя сіе, я не въ шутку вздумалъ, что пописываю порядняхонько; я перевелъ Итальянскій походъ Суворова, Бутурлина, съ французскаго, и Гнѣдичъ продержалъ три корректуры; мало этого, Гнѣдичъ на „Сынѣ Отечества" мое имя сталъ выставлять выше его". „Я—заканчиваетъ Воейковъ увѣдомленіе къ читателямъ—не совсѣмъ виноватъ, что вздумалъ быть издателемъ журнала". Въ стихотворномъ посланіи „къ 18-ти-лѣтнему младенцу", вѣроятно къ А. А. Протасовой, Воейковъ тоже не могъ удержаться отъ полемической выходки и написалъ, между прочимъ, такія строфы (1827, № 50):

„Какъ страстно ищетъ нашъ Ословъ
Чтецовъ для скаредныхъ стиховъ,
Какъ радуется Осетровъ,
Нашедъ описку, иль ошибку
Въ стихахъ Воейкова".

О статьѣ своего литературнаго врага Булгарина „Паденіе Вендена", Воейковъ отозвался (1828 г., № 3), что Булгаринъ не соблюдаетъ правописанія въ собственныхъ прилагательныхъ, начиная ихъ то съ большой буквы, то съ маленькой; саркастически замѣчаетъ по этому поводу Воейковъ, что въ то время, „когда Гречъ заставилъ всѣхъ и каждаго толковать о россійской грамматикѣ", Булгаринъ, „не имѣя ни блестящаго таланта, ни отличнаго дарованія, прибѣгнулъ къ сей хитрости (т. е. къ несоблюденію грамматическихъ правилъ), дабы дать себя замѣтить". Въ статьѣ „Нѣсколько замѣчаній на статьи, помѣщенныя въ „Отечественныхъ Запискахъ" 1827 г. № 92 и въ „Славянинѣ" № 48", обѣ статьи касаются Наварина, Воейковъ усмотрѣлъ, что „Отечественныя Записки" допустили рядъ опечатокъ: вмѣсто 4 бастіоновъ тамъ напечатано 6,

вмѣсто 200 судовъ у турецкаго султана напечатано 2000, а годъ постройки Наварина, вмѣсто 1577, означенъ 1572 (1828, № 4). Съ шестого нумера 1828 г. „Славянина“ открылъ Воейковъ чуть ли не постоянный полемическій отдѣлъ „Хамелеонистика“, гдѣ отмѣчалъ неустойчивость критическихъ воззрѣній тогдашнихъ литераторовъ и постоянную измѣняемость ихъ критической оцѣнки. Воейковъ укоряетъ „Сѣверную Пчелу“, „Сынъ Отечества“ и „Литературные Листки“ въ перемѣнѣ ихъ критической точки зрѣнія и пишетъ, что они весьма разно отзываются объ издателѣ „Отечественныхъ Записокъ“: до 1825 г. онъ, дескать „ошибался противъ русской грамматики, риторики, логики“; въ 1825 г. онъ „узналъ грамматическія правила и правописаніе“; въ 1827 г. слогъ его опять „сдѣлался теменъ, запутанъ, шероховатъ“; „но не сѣтуйте,—пишетъ Воейковъ,—почтенные читатели „Отечественныхъ Записокъ“; есть надежда, что вы опять дождетесь счастливой перемѣны: издатели „Сѣверной Пчелы“ милостивы!“ Въ третьемъ продолженіи „Хамелеонистики“ Воейковъ укоряетъ за различные отзывы о Дѣтскомъ Музеумѣ естественной исторіи въ „Сынѣ Отечества“ (изд. Греча и Булгарина) и „Сѣверномъ Архивѣ“ (изд. Булгарина). Въ статьѣ „Ученое извѣстіе“ Воейковъ писалъ, что на будущій 1829 г. русская литература обогатится, и будетъ изданъ, между прочимъ: „Опытъ искусства снова заставлять самыхъ пламенныхъ патріотовъ зѣвать при разсказѣ о подвигахъ Минина, Пожарскаго, Суворова и другихъ россіянъ, сочиненіе Сергѣя Николаевича Глинки, 12 огромныхъ частей съ весьма искуснымъ гравированнымъ портретомъ зѣвающаго во весь ротъ читателя“ (1828 г. № 30). Въ замѣткѣ „Недомолвка“ Воейковъ саркастически замѣчаетъ, что Каченовскій не имѣетъ обыкновенія въ своихъ статьяхъ оговариваться, что авторъ ихъ—Шлецеръ или Добровскій (1828 г., № 31); въ замѣткѣ „Недомолвки и перемолвки“ онъ справедливо указываетъ, что напрасно издатель „Сына Отечества“ увѣряетъ, что онъ пользуется „всѣми“ иностранными вѣдомостями; онъ могъ бы сказать не „всѣми“, а „многими“ (1828 г., № 34). Въ двѣнадцатомъ продолженіи „Хамелеонистики“ Воейковъ замѣчаетъ, что хамелеонистическія, флюгерныя статьи продолжаются въ „Сынѣ Отечества“, „Сѣверной Пчелѣ“ и „Сѣверномъ Архивѣ“ (1828 г., № 39). Помѣщалъ Воейковъ также нѣсколько статей противъ издателя „Московскаго Телеграфа“. „Ужъ не принялъ ли онъ въ самомъ дѣлѣ девизомъ своимъ рака?“ пишетъ Воейковъ (1828 г., № 42); „печатаетъ, что Кучукъ-Кайнарджскій миръ заключенъ въ 1775 г., тогда какъ всякому извѣстно, что онъ подписанъ въ 1774 г., извѣщаетъ, что онъ купилъ 800 экземпляровъ поэмы Делилевой „Сады“, переведенной Воейко-

вымъ, тогда какъ сей книги печатано было 600 экземпляровъ" (1828 г., № 42). Не брезгалъ Воейковъ отмѣчать самые мелочные промахи, хотя ихъ называлъ „молодецкими"; такъ онъ говоритъ, что Полевой неправильно считаетъ стихи графа Хвостова напечатанными въ типографіи Академіи Наукъ, тогда какъ они напечатаны въ типографіи Императорской Россійской Академіи (1828 г., № 48).

Мною приведена лишь частичка того полемическаго матеріала, который пестритъ собою страницы „Славянина". Для военнаго читателя эта полемика не могла представлять никакого интереса, какъ заключавшаяся въ узкой журнальной сферѣ. Занимательность этой псевдо-критики и quasi-библіографіи можно охарактеризовать изреченіемъ, которое помѣщено въ статьѣ „Мысли" (1828 г., № 43): „брань журналистовъ для читателей листовъ ихъ столь же занимательна, какъ обѣдъ въ представляемой піесѣ для зрителей". Но таковъ уже былъ обычай тогдашнихъ журнально-издательскихъ дѣлъ мастеровъ!

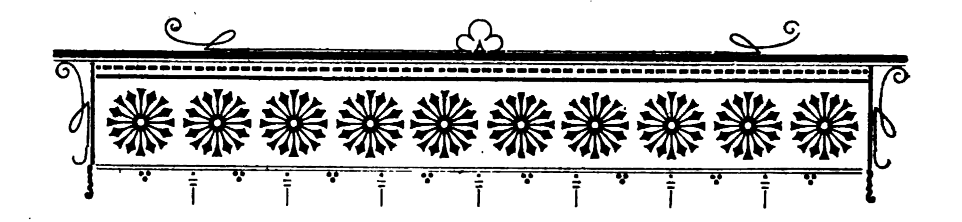
Въ литературномъ отдѣлѣ были, между прочимъ, напечатаны: „Слово о преимуществѣ самодержавнаго правленія" Перевощикова (1827 г., №№ 17 и 18); „О духовномъ краснорѣчіи въ IV вѣкѣ" (1827 г., № 29), схоластическое разсужденіе „О роскоши" (1827 г., № 44), все статьи, не имѣющія ничего общаго съ военными темами.

Были также напечатаны стихотворенія самого Воейкова: „Богъ" (въ масонскомъ вкусѣ), посланіе генералу Засядкѣ (который былъ начальникомъ Михайловскаго артиллерійскаго училища, гдѣ состоялъ инспекторомъ Воейковъ), „О пользѣ путешествія по отечеству". Въ послѣднемъ стихотвореніи авторъ-издатель говоритъ: „такъ, книги хороши, объ этомъ спора нѣтъ, но лучше ихъ природа безъ сомнѣнья"; но путешествовать полезно не по заграницамъ, не въ Парижъ, „безвѣрія столицу", но по Россіи, гдѣ „краснорѣчивъ умершихъ славный прахъ"; особенно тепло описываетъ Воейковъ Крымъ:

„Я видѣлъ свѣтлаго Салгиря берега,
Прекрасной Тавріи счастливыя долины,
Играютъ ручейки, смѣются тамъ луга
И улыбаются утесы-исполины!"

Сообщилъ Михаилъ Соколовскій.

Матереубійцы [1])

(ПРОЦЕССЪ ЖУКОВЫХЪ).

(Эпизодъ изъ судебной хроники XVIII столѣтія).

(Окончаніе).

VII.

За отсылкой Жуковыхъ въ монастыри, должно было окончиться это громкое дѣло. Оставалось только распорядиться оставшимся имуществомъ. Въ Московскихъ газетахъ [2]) появилось объявленіе, что „Близь Никитскихъ воротъ, въ приходѣ церкви Өедора Студита, каменный домъ Жукова, въ немъ 8 покоевъ съ изряднымъ украшеніемъ, мебелью, зеркалами, комодами и стульями краснаго дерева, людскихъ три, кухня, *приспѣшная*, баня съ горницею, ледникъ, погребъ, кладовая палата, каретный сарай, конюшня о 12 стойлахъ, небольшой регулярный садъ, особый огородъ для овощей,—желающимъ нанять о цѣнѣ спросить въ томъ же домѣ; если же кому потребны будутъ фарфоровая и хрустальная посуда — отдадутся съ описью; карета съ цугомъ лошадей, три человѣка: лакей, кучеръ и форейторъ, что содержано будетъ на довольствіи хозяйскомъ“.

Наслѣдникомъ этого имущества являлся Петръ Жуковъ, но какъ всегда бываетъ въ подобныхъ случаяхъ, явился новый претендентъ, и Петра чуть не постигла участь его несчастнаго брата. Дядя Жуковыхъ, братъ покойнаго отца ихъ, ассесоръ Степанъ Жуковъ донесъ графу Салтыкову, что у него имѣются документы, доказывающіе, что флигель-адъютантъ Петръ Жуковъ былъ сообщникомъ брата своего Алексѣя и замышлялъ вмѣстѣ съ нимъ не только убійство матери, но и отца. Къ доносу была приложена переписка

---

[1]) См. «Русск. Стар.», мартъ 1908 г.

[2]) „Московскія Вѣдомости“ 1766 г., декабрь.

между братьями Жуковыми. Салтыковъ доложилъ обо всемъ Императрицѣ. Петру Жукову было предложено представить объясненіе, что̀ онъ и сдѣлалъ въ обширномъ письмѣ статсъ-секретарю Теплову и блистательно доказалъ свое alibi. Государыня отнеслась очень сочувственно къ объясненію Жукова и указомъ Сенату [1]) повелѣла разсмотрѣть дѣло по закону, такъ какъ самъ написавшій доносъ былъ заподозрѣнъ въ соучастіи съ преступниками. Дѣло это однако было замято и дальнѣйшаго развитія не получило.

VIII.

Прошло 9 лѣтъ послѣ описанныхъ событій, и забытое, казалось, дѣло снова потребовало Высочайшаго разсмотрѣнія. Произошло это слѣдующимъ образомъ.

Разлученный съ женой безъ надежды когда-либо увидѣться, началъ Алексѣй Жуковъ новую тяжкую жизнь въ суровѣйшемъ изъ монастырей на берегу холоднаго Бѣлаго моря. Непривычный климатъ, утомительная монастырская жизнь, одиночество и угрызенія совѣсти превратили цвѣтущаго молодого человѣка въ дряхлаго старика. Обезсиленный физически и нравственно, онъ искалъ случая, чтобы добиться хоть малаго облегченія своей участи. Зная, что срокъ наказанія былъ опредѣленъ въ 20 лѣтъ, Жуковъ съ нетерпѣніемъ ждалъ наступленія этого момента. Пришелъ 1775 годъ... желанная минута, казалось, наступила,—срокъ ссылки истекъ, но указа о помилованіи не было. Между тѣмъ въ монастырѣ произошелъ

---

[1]) Указъ былъ такого содержанія: „генералъ-фельдмаршалъ графъ Салтыковъ прислалъ къ намъ реляцію и при оной доношеніе отъ ассесора Степана Жукова, который послѣ учиненнаго нами рѣшенія о убійцѣ Алексѣѣ Жуковѣ, ему, Салтыкову, доноситъ, (что) якобы флигель-адъютантъ генералъ-маіора графа Витгенштейна Петръ Жуковъ, соучастникомъ былъ Алексѣю Жукову въ убійствѣ матери ихъ и сестры, къ чему онъ Степанъ Жуковъ приложилъ въ оригиналѣ письма и цыдулки Петра и Алексѣя Жуковыхъ и отца ихъ, а напротиву того Петръ Жуковъ, чрезъ письмо къ нашему статскому дѣйствительному совѣтнику Теплову намъ доноситъ, что онъ Степанъ Жуковъ клевещетъ на него единственно для присвоенія себѣ наслѣдства, будучи самъ соучастникъ убійцѣ Алексѣю Жукову, приложа къ тому въ доказательство въ копіяхъ письма Степана Жукова, и проситъ въ томъ нашего защищенія. Мы все сіе посылаемъ нашему Сенату, повелѣвая въ семъ дѣлѣ поступить по законамъ. Екатерина“.

„P. S. Послѣ подписанія сего нашего указа получили мы отъ графа Салтыкова въ оригиналѣ то донесеніе Петра Жукова и съ тѣми же приложеніями, которыхъ копіи отъ него жъ Жукова чрезъ Теплова намъ были поданы. Мы повелѣваемъ и сіи также пріобщить къ дѣлу. 10 мая 1766 г. Царское Село“ (Госуд. Арх. р. XXII, № 170).

криминальный случай, давшій ему несчастную мысль обратить его въ свою пользу. Произошло это такъ: Жуковъ, какъ дворянинъ, содержался на нѣсколько особенномъ положеніи отъ остальныхъ арестантовъ и черной работы не исполнялъ, ограничиваясь положеннымъ числомъ церковныхъ службъ. Въ одинъ изъ дней къ нему въ келью пришелъ мыть полъ гарнизонный солдатъ Іуда Баженовъ и, между прочимъ, разсказалъ, что вчера въ монастырѣ произошла драка съ пріѣхавшими для торговли Архангельскими купцами, а поводомъ къ дракѣ послужило слѣдующее обстоятельство: въ помѣщеніе пріѣхавшихъ купцовъ пришелъ онъ, Баженовъ, да нѣсколько монаховъ, и стали всѣ вмѣстѣ пить водку. Баженовъ предложилъ выпить за здоровье Государыни, на что одинъ изъ купцовъ отвѣтилъ ругательствомъ, а остальные, избивъ Баженова, выгнали его вонъ. Выслушавъ разсказъ, Жуковъ рѣшился написать архангельскому губернатору доносъ на купцовъ, обвиняя ихъ въ намѣренномъ оскорбленіи Величества, думая этимъ поступкомъ получить освобожденіе.

Губернаторъ, получивъ доносъ, немедленно нарядилъ строжайшее слѣдствіе и далъ знать въ Петербургъ. Всѣ обвиняемые, а также и доноситель Жуковъ были заключены въ тюрьму при губернской канцеляріи, и слѣдствіе началось. Спрошенные купцы упорно отказывались отъ взведеннаго на нихъ обвиненія и, въ свою очередь, обвиняли солдата—Баженова. Это обвиненіе имъ удалось доказать, и Баженовъ былъ признанъ клеветникомъ, наказанъ батогами и переведенъ изъ монастырскаго гарнизона въ полкъ. Жукову, возвращенному въ монастырь, было строго внушено, чтобы впредь доносовъ не писалъ, такъ какъ онъ самъ преступникъ и вѣрить ему нельзя. Неудача, однако, не остановила его въ дальнѣйшихъ попыткахъ добиться если не свободы, то по крайней мѣрѣ облегченія своей участи.

Еще во время заключенія въ Московской полицеймейстерской канцеляріи Алексѣемъ Жуковымъ былъ взятъ, неизвѣстно съ чьего разрѣшенія шестилѣтній мальчикъ-сирота. Мальчикъ послѣдовалъ за нимъ въ ссылку и жилъ въ монастырѣ въ качествѣ крѣпостного слуги Жукова. Его-то и рѣшилъ онъ использовать для достиженія своей цѣли. Добившись разрѣшенія отъ архимандрита послать слугу въ Петербургъ, Жуковъ пишетъ письма къ Императрицѣ, Цесаревичу, митрополиту Платону, князю Вяземскому, въ Сенатъ и Сѵнодъ. Во всѣхъ этихъ письмахъ онъ излагаетъ одну просьбу: перевести его изъ Соловецкаго монастыря и поселить въ одномъ изъ монастырей Тобольской епархіи, чтобы быть поближе къ мѣсту, гдѣ томится его жена. Онъ проситъ это какъ милость, несмотря на то,

что въ силу приговора срокъ наказанія уже истекъ. Указывалъ Жуковъ и на то, что онъ удостоенъ принятія Св. Таинъ и, слѣдовательно, заслуживаетъ облегченія своей участи.

Вѣрный слуга съ большими затрудненіями добрался до Петербурга и успѣлъ передать письма только въ Сенатъ и Сѵнодъ, послѣ чего былъ взятъ для допроса въ тайную канцелярію. Просьбы Жукова были тщательно разсмотрѣны и въ изготовленномъ по этому случаю особомъ докладѣ Государынѣ было сказано, что „хотя означенный Жуковъ по правиламъ св. отецъ во святой церкви и пріобщенъ, но симъ церковнымъ покаяніемъ жребій его въ разсужденіи учиненнаго имъ и женою его убійства матери своей и сестры, по правосудію Ея Императорскаго Величества, еще рѣшить не можно, потому, что сіе покаяніе было ему опредѣлено единственно для умилостивленія о душѣ его сотворшаго Бога, а не на такой конецъ, чтобъ уже по общимъ Государственнымъ законамъ причислить его въ сожитіе гражданства, чего онъ, конечно, не достоинъ, а держась Всемилостивѣйшаго марта 17 числа сего года манифеста [1]), надлежало его какъ неслыханнаго убійцу и изверга, избавя отъ казни и тѣлеснаго наказанія, послать въ Нерчинскъ, въ тяжкую каторжную работу вѣчно; но какъ извѣстно, что онъ по столь долговременномъ тюремномъ заключеніи лишился силъ человѣческихъ, кои нужны для работъ, а посему и не можетъ онъ употребленъ быть въ работу съ пользою, чего ради его туда и не посылать, а чтобъ остатки дней своихъ приносилъ онъ Всевышнему о содѣянномъ имъ злѣ съ сокрушеніемъ сердечнымъ покаянно, оплакивая свое преступленіе,—оставить въ ономъ Соловецкомъ монастырѣ, гдѣ и употреблять по мѣрѣ силъ его и состоянія въ монастырскихъ трудахъ, не выпуская изъ онаго отнюдь никуда, а на мѣстѣ смотрѣть за нимъ накрѣпко, чтобы онъ оттуда не ушелъ, да и не попустился бъ въ распутную жизнь“ [2]). Этотъ докладъ былъ утвержденъ 5 августа 1775 года.

Высочайшее повелѣніе было объявлено Жукову игуменомъ и поразило его какъ ударъ грома; послѣднее средство было исчерпано... болѣе уже не на что было надѣяться! Всѣ лучшіе годы жизни прошли въ страданіяхъ, впереди предстояли долгіе дни одиночества, болѣзни, суровый монастырскій режимъ... Единственной спасительницей являлась только смерть, и онъ рѣшилъ пойти ей навстрѣчу. Но Жуковъ былъ вѣрующимъ человѣкомъ, самоубійство его пугало,

---

[1]) Манифестъ по поводу мира съ Турціей. Пунктъ 40. Пол. Собр. Зак. 1775 г. № 14275, стр. 86.

[2]) Госуд. Арх. разр. VII, № 2422.

нужно было придумать какой-либо другой выходъ, чтобы избавить себя отъ страданій, и этотъ выходъ былъ найденъ.

22 сентября, въ день коронованія Императрицы въ монастырскомъ соборѣ шла торжественная служба: церковь была переполнена молящимися монахами и посторонними, въ числѣ богомольцевъ былъ и Жуковъ. Не торопясь, уставно и чинно служилъ игуменъ-архимандритъ литургію; наступило время Великаго выхода и когда архимандритъ, держа въ рукахъ чашу съ Св. Дарами, сталъ поминать „Благочестивѣйшую Государыню Екатерину Алексѣевну"... Жуковъ вдругъ вышелъ изъ толпы и, подойдя почти вплотную къ произносившему, громко, на весь соборъ, сказалъ: „какая она „Государыня?... она татарка и . . . ." тутъ онъ произнесъ самое грубое, площадное ругательство. Произошелъ переполохъ, служба прервалась. Жуковъ былъ схваченъ и закованъ въ кандалы. Казалось, что теперь уже не могло быть сомнѣнія въ присужденіи его къ смертной казни.

Архангельскій губернаторъ генералъ Головцынъ секретнымъ рапортомъ донесъ о всемъ происшедшемъ Екатеринѣ II. Была наряжена особая слѣдственная комиссія. Жуковъ спокойно ждалъ ея рѣшенія и готовился къ смерти. На запросъ губернатора, почему онъ рѣшился на такое страшное преступленіе, какимъ является оскорбленіе Величества, онъ отвѣтилъ ему письмомъ въ слѣдующихъ выраженіяхъ:

„Я бѣдный, несчастливѣйшій изъ всѣхъ смертныхъ человѣкъ, признаю мою вину, какъ предъ Богомъ и Всемилостивѣйшею моею Государынею, такъ и предъ вашимъ высокопревосходительствомъ, съ тѣмъ, что я будучи отроду не болѣе 44 лѣтъ, хотя и слабъ единственно отъ прободаемой грудь мою печали, также и отъ голода, а впрочемъ корпусомъ весь здоровъ и никакой болѣзни въ себѣ не имѣю, кромѣ ногъ, да и тѣ болятъ отъ несноснаго стоянія, а потому вообразивъ себя по лѣтамъ и здоровью моему, что можетъ быть по злосчастію моему и еще жизнь моя, которая для меня совсѣмъ уже стала несносной, продлится лѣтъ много. Лишить же себя оной и быть самому себя убійцею устрашаетъ вѣчная погибель и судъ Божій. Терпѣть же толикое мученіе и быть во всю жизнь нѣму и ни съ кѣмъ, ни о какой нуждѣ, какъ въ церкви, такъ и идучи не говорить, при томъ же всегда быть заперту замкомъ, умирать дважды, съ голоду, а смерти не имѣть; приведя же въ мысль къ тому царствующаго пророка слово: „жертва Богу,—духъ сокрушенъ",—то самое приводитъ меня въ ужасъ, что я нынѣ *неволею* влачимъ уже въ церковь, голоденъ къ тому жъ, совсѣмъ растерзанъ печалью, стою какъ болванъ и не чувствую, что читаютъ

или поютъ... Въ сихъ горькихъ мысляхъ моихъ, лишась всей надежды и временной и вѣчной, изблевалъ я то матерное слово про всемилостивѣйшую мою Государыню не злобою отъ моея внутренности, но съ тѣмъ, что уже за то никакого монаршескаго милосердія не достоинъ и по всѣмъ законамъ повиненъ казненъ быть смертію, чего душа и желаетъ, и такъ долженъ буду воздать хвалу Создателю моему и Богу, что избавлюсь быть самъ себѣ убійцею и свести душу мою въ бездну адову, вѣдая то, что я уже никакого помилованія не достоинъ. Во всемъ моемъ вышеписанномъ признаніи, какъ предъ самимъ Богомъ, такъ и предъ моею Всемилостивѣйшею Государынею и предъ вашимъ высокопревосходительствомъ, какъ на страшномъ Христовомъ пришествіи, объявляю чистосердечно, какъ при послѣднемъ концѣ уже жизни моей, сущую правду, въ томъ и подписуюсь. Алексѣй Жуковъ“ [1]).

Губернаторъ Головцынъ не могъ не отнестись сочувственно къ этому полному отчаянія признанію и отправилъ письмо въ Петербургъ въ надеждѣ, что оно произведетъ впечатлѣніе на судей. Но судьба и на этотъ разъ оказалась немилостивой къ Жукову: слѣдственная комиссія, признавъ его достойнымъ казни, рѣшила, въ силу приведенныхъ ранѣе обстоятельствъ, замѣнить ее пожизненнымъ заключеніемъ въ одномъ изъ самыхъ строгихъ казематовъ монастыря, лишивъ его общенія съ кѣмъ бы то ни было и допуская къ нему лишь одного наиболѣе достойнаго монаха [2]) для снабженія узника пищей, которому строжайше запрещено было *отвѣчать* на вопросы, задаваемые заключеннымъ. На этомъ ужасномъ приговорѣ, заживо погребающемъ человѣка, рукой гуманнѣйшей Императрицы было написано (1 декабря 1775 года),—„быть по сему...“

Жуковъ прожилъ въ страшномъ заключеніи до лѣта 1776 года. Утромъ 5 іюля пришедшій къ нему сторожъ [3]) нашелъ его мертвымъ. Несчастный удавился полотенцемъ, бывшимъ при немъ...

Варвара Жукова, находившаяся въ Сибири, не узнала о смерти своего многострадальнаго мужа; она пережила его на три года [4]). Вся ея жизнь въ ссылкѣ была образцомъ смиренія и христіанской

---

[1]) Idem.

[2]) Трое караульныхъ солдатъ, приставленныхъ ранѣе къ Жукову, были заподозрѣны въ послабленіи ему и наказаны палками.

[3]) Строгость къ заключенному къ тому времени нѣсколько ослабла и ему ставили въ казематъ сальную плошку для освѣщенія и допускали сторожа.

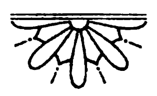
[4]) Жукова умерла 5 марта 1799 г. въ Енисейскомъ Рождественскомъ дѣвичьемъ монастырѣ, куда она была переведена по Высоч. повелѣнію въ 1776 году.

жизни, хотя и былъ одинъ моментъ, когда отчаяніе заставило ее нарушить покой монастырской жизни. Въ началѣ 1775 года, игуменья Далмацкаго монастыря Нимфодора, донесла епископу тобольскому Варлааму, что Жукова въ минувшемъ 1774 г. съ 6 сентября по 21 ноября вела „житіе отъ пьянства невоздержное, ходя по обывательскимъ домамъ, увѣщанія не слушала, но 21 числа ноября, къ ней (настоятельницѣ) въ келью, при собравшихся монахиняхъ со слезами испрашивала во всѣхъ ея пьянственныхъ поступкахъ прощенія и обязывалась клятвенно впредь отъ всѣхъ непристойностей быть воздержной, и такъ она съ того времени живетъ въ хорошемъ состояніи и раскаяніи" [1]).

Это „хорошее состояніе" продолжалось у ней до самой смерти. Оставшіяся послѣ Жуковой вещи были по приказанію архіепископа Варлаама проданы, и вырученныя отъ продажи деньги розданы нищимъ.

Такъ закончилась эта ужасная семейная драма. Воспоминаніе о „Жуковскомъ" дѣлѣ долго жило среди московскихъ обывателей [2]), и самый домъ, въ которомъ произошло убійство, сталъ считаться проклятымъ; суевѣрные люди увѣряли, что будто бы тѣни убитыхъ появляются въ немъ по ночамъ и стонутъ. Жильцы обѣгали его, и онъ продолжительное время стоялъ мрачный съ заколоченными окнами. Позднѣе, въ началѣ XIX вѣка, обширное дворовое мѣсто было застроено, садъ совершенно уничтоженъ, но самый домъ, помѣщавшійся на дворѣ на углу Бол. Никитской и нынѣшняго Мерзляковскаго пер., еще въ 70-хъ годахъ прошлаго столѣтія былъ въ полной сохранности.

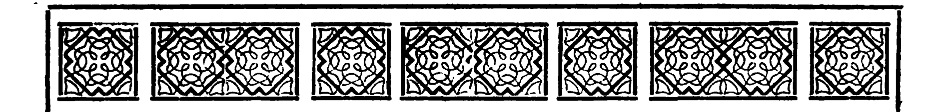
М. Корольковъ.

---

[1]) Архивъ Св. Синода. 1776 г. д. № 67.

[2]) Существуетъ лубочная картина, изображающая покаяніе Жуковыхъ. Она есть въ собраніи Ровинскаго.

Воспоминанія слѣдователя конца пятидесятыхъ годовъ о весьма характерномъ дѣлѣ изъ его практики.

Въ 1858 году въ Z—ской губерніи, толпа крестьянъ человѣкъ около сорока, явилась къ губернатору съ жалобою на незаконную безъ ихъ вѣдома и согласія приписку въ мѣщанство уѣзднаго города N., въ которомъ они работаютъ на льнопрядильной фабрикѣ. Губернаторъ, принявъ эту жалобу, предписалъ мнѣ, состоявшему тогда при немъ чиновникомъ особыхъ порученій, произвести формальное слѣдствіе, по которому раскрылись такія возмутительныя дѣйствія, что кромѣ частныхъ лицъ были преданы суду весь составъ уѣзднаго суда, магистрата и городничій. Полагая, что нынѣшнему поколѣнію будетъ интересно узнать порядки и нравы дореформеннаго времени, я постараюсь познакомить любителей старины съ этимъ дѣломъ, возбудившимъ и въ то время много толковъ и разсужденій. Появилась даже статья въ „Промышленномъ Вѣстникѣ", подписанная псевдонимомъ „Проѣзжій", въ защиту обвиняемыхъ и критикующая дѣйствія слѣдователя. Противъ этой статьи было написано и возраженіе извѣстнымъ писателемъ подъ заглавіемъ: „Еще скрежетъ зубовный", но не напечатано по независящимъ отъ писателя обстоятельствамъ, а только имъ лично прочитано въ С.-Петербургскомъ кружкѣ литераторовъ.

Припомнивъ обстоятельства этого дѣла, приступаю къ его изложенію.

Въ уѣздномъ городѣ N., куда были приписаны крестьяне разныхъ помѣщиковъ въ мѣщанство, находилась бумаго-прядильная фабрика, принадлежащая братьямъ-фабрикантамъ милліонерамъ. На этой фабрикѣ было вновь открыто отдѣленіе льно-прядильное, гдѣ на такъ называемыя „крупныя гребенки" рабочихъ-трепачей до-

ставлять съ воли было не легко, по причинѣ трудной работы, а главное потому, что отъ пыли они заболѣвали глазами и даже чахоткой. Сосѣдніе же помѣщики, по стародавнему обычаю, отдавали на фабрику въ работу лѣнивыхъ и разорившихся безлошадныхъ крестьянъ и изъ нихъ, такъ называемыхъ въ народѣ „кабальныхъ", комплектовались вышесказанные трепачи на „крупныя гребенки". Въ виду близкаго освобожденія крестьянъ отъ крѣпостной зависимости, одинъ отставной стряпчій придумалъ способъ закрѣпостить, такъ сказать, рабочихъ на фабрику, для чего посовѣтовалъ фабрикантамъ выкупить у помѣщиковъ крестьянъ на волю, получить на нихъ отпускныя, и затѣмъ приписать ихъ въ мѣщане города Е., гдѣ головою состоялъ одинъ изъ фабрикантовъ. Совѣтъ этотъ былъ принятъ фабрикантами, и ими было такимъ образомъ выкуплено на волю нѣсколько десятковъ семействъ крестьянъ, на сорокъ тысячъ рублей. Казалось, дѣло было кончено, но тутъ произошла маленькая заминка. Правительство (вѣроятно узнавъ, что многіе помѣщики, заслышавъ о скоромъ освобожденіи крестьянъ съ землею, стали насильно увольнять крестьянъ безъ земли) предписало уѣзднымъ судамъ утверждать отпускныя не иначе, какъ допросивъ, съ отобраніемъ подписокъ, отпускаемыхъ крестьянъ на волю о согласіи ихъ на это. Тогда пришлось фабрикантамъ прибѣгнуть къ подкупамъ и подлогамъ. Отпускныя предъявлялъ въ судѣ и давалъ показанія за крестьянъ и расписывался за нихъ, какъ за неграмотныхъ, кассиръ конторы фабрики, родственникъ фабрикантовъ, онъ же, кассиръ, отослалъ утвержденныя судомъ отпускныя почтою въ казенную палату при прошеніяхъ, подписанныхъ имъ же за крестьянъ о припискѣ ихъ въ мѣщане гор. Е. Хотя приписка въ мѣщане состоялась, но этого было еще недостаточно для полнаго закрѣпощенія крестьянъ, — пришлось еще совершить въ магистратѣ контракты между отдѣльными группами крестьянъ и фабрикантами. Это сдѣлать было еще легче, чѣмъ утвердить отпускныя въ судѣ, тутъ въ магистратѣ засѣдали бургомистръ и ратманы, все свои люди, купцы. Контракты были заключены и подписаны съ одной стороны за крестьянъ, тѣмъ же кассиромъ, а съ другой однимъ изъ фабрикантовъ — представителемъ фирмы; контрактами этими крестьяне обязывались отработать на фабрикѣ уплаченныя помѣщикамъ за отпускъ на волю (будто бы нанятые у фабрикантовъ) деньги, за круговой порукой въ томъ, что въ случаѣ смерти кого-либо, оставшіеся въ живыхъ должны отрабатывать за умершаго, кромѣ того включены въ эти контракты условія,—что фабриканты въ случаѣ нераденія, ослушанія и другихъ проступковъ этихъ крестьянъ, могли подвергать ихъ тѣлеснымъ наказаніямъ черезъ полицію.

Все это, начиная отъ выдачи помѣщиками отпускныхъ, утвержденія ихъ въ судѣ, приписки въ мѣщанское сословіе и заключенія контрактовъ въ магистратѣ, оставалось тайной для крестьянъ, они, считая себя крѣпостными, но только отданными помѣщиками въ кабалу, работали на фабрикѣ безпрекословно и уже до начала слѣдствія успѣли отработать 10 тысячъ рублей, т. е. четвертую часть заплаченныхъ за нихъ денегъ. Наконецъ вслѣдствіе наступившей 10-ой ревизіи эта тайна была открыта. Мѣщанамъ нужно было подавать ревизскія сказки. и потому одинъ изъ фабрикантовъ вѣроятно полагаясь на свой престижъ городского головы, собралъ, въ присутствіи городничаго, выкупленныхъ крестьянъ и обратился къ нимъ со слѣдующими словами: „Мы васъ облагодѣтельствовали, выкупивъ у помѣщиковъ на волю за деньги, которыя вы легко и скоро намъ отработаете, посредствомъ небольшихъ вычетовъ изъ получаемаго жалованья. Контора выдастъ вамъ книжки, изъ которыхъ увидите, что уже четверть уплаченныхъ помѣщикамъ денегъ вы незамѣтно для себя уже отработали. Теперь уже вы не крѣпостные, а вольные мѣщане, должны подать въ Думу ревизскія сказки, которыя, тоже написанныя, получите изъ конторы“. Рѣчь эта какъ громомъ поразила крестьянъ, не могущихъ понять, какимъ путемъ вдругъ стали они мѣщанами. Они заволновались, зашумѣли и, наконецъ, нѣкоторые посмѣлѣе, довольно рѣзко заговорили: что благодѣянія у фабрикантовъ они не просили и ни за что не желаютъ быть вольными и мѣщанами, что хотятъ оставаться крѣпостными и воли ждутъ только отъ Царя. Тутъ фабрикантъ (городской голова) обратился къ городничему съ требованіемъ взять изъ толпы говоруновъ въ полицію и подвергнуть ихъ за бунтъ, согласно контрактамъ, тѣлесному наказанію, что̀ городничій безпрекословно исполнилъ. При слѣдствіи полицейскіе служители показали, что нѣсколько человѣкъ упорствующихъ и послѣ жестокаго тѣлеснаго наказанія морили въ полиціи еще дня по три голодомъ. Все это было поводомъ, что крестьяне отправились къ губернатору съ жалобой.

При производствѣ слѣдствія, присяжными показаніями свидѣтелей, обыскомъ конторы фабрики (гдѣ найдены были подлинныя отпускныя, контракты, заключенные въ Магистратѣ, и переписка съ помѣщиками, относящаяся къ выкупу крестьянъ на волю) было вполнѣ доказано насильственное безъ вѣдома и согласія крестьянъ освобожденіе ихъ на волю и незаконная приписка къ мѣщанскому сословію города Е. Главнымъ исполнителемъ всей махинаціи по этому дѣлу былъ кассиръ конторы фабрики—онъ подавалъ въ уѣздный судъ отъ имени крестьянъ прошенія, которыя подписывалъ за

нихъ, какъ за неграмотныхъ, давалъ за нихъ подписки о согласіи ихъ быть отпущенными на волю, отсылалъ въ казенную палату отпускныя для приписки въ мѣщанство и заключилъ въ Магистратѣ контракты. Вслѣдствіе же того, что въ числѣ крестьянъ, за которыхъ кассиръ подписывался, оказались нѣкоторые грамотными, а другіе отсутствующими изъ города, онъ, кассиръ, какъ изобличенный въ подлогахъ, былъ подвергнутъ предварительному тюремному заключенію, для предупрежденія способовъ уклоняться отъ слѣдствія и суда.

Послѣ ареста кассира представитель фирмы фабрики явился ко мнѣ съ просьбою доложить губернатору, что они, фабриканты, желаютъ окончить дѣло съ крестьянами миромъ на томъ условіи, что дарятъ не отработанныя еще ими, слѣдующія по контрактамъ, 30 тысячъ, или другими словами сейчасъ даютъ подписку объ уничтоженіи контрактовъ, послѣ чего крестьяне по ихъ желанію могутъ оставаться работать на фабрикѣ за полное, уже безъ вычета, жалованье, или совсѣмъ уйти съ фабрики. Взявъ такую подписку, я отправился для доклада всѣхъ обстоятельствъ дѣла къ губернатору, который, усмотрѣвъ рядъ подлоговъ кассира фабрики и должностныхъ лицъ, приказалъ данную фабрикантами подписку пріобщить къ дѣлу и кромѣ того предписалъ произвести другое слѣдствіе о преступленіяхъ должностныхъ лицъ уѣзднаго суда, Магистрата и городничаго.

Возвратясь въ Е. и приступивъ къ новому слѣдствію, для собранія доказательствъ, что въ уѣздномъ судѣ и Магистратѣ были совершены акты отъ имени отсутствующихъ крестьянъ, пришлось поѣхать въ мѣста ихъ прежняго жительства, даже въ сосѣдній уѣздъ. Тамъ были отобраны присяжныя показанія свидѣтелей, вполнѣ доказывающія подлоги вышеупомянутыхъ присутственныхъ мѣстъ. Не вдаваясь въ подробности слѣдствія, однако считаю умѣстнымъ привести слѣдующій характерный и трогательный эпизодъ.

Въ одномъ селѣ, принадлежащемъ крестьянамъ государственныхъ имуществъ, было поселено смежно съ нимъ 10—20 дворовъ крестьянъ помѣщичьихъ. Владѣлецъ этихъ крестьянъ, мѣстный уѣздный исправникъ, сдѣлалъ очень выгодную аферу, продавъ имѣніе въ три руки, а именно: всѣхъ крестьянъ поголовно—фабрикантамъ (вышеуказаннымъ способомъ), крестьянскія хаты на сносъ—другому, а земли—третьему лицу. Государственные крестьяне, спрошенные подъ присягой, о насильственномъ выселеніи помѣщичьихъ крестьянъ на фабрику въ городъ, показали: „послѣ сломки хатъ, по приказанію помѣщика (исправника), сотскіе и десятскіе нашего и сосѣднихъ селъ выгоняли силою господскихъ крестьянъ въ кабалу

на фабрику. Нѣкоторые уходили изъ села со своими семьями, обливаясь слезами, а ихъ бабы голосили, какъ по покойникамъ, и прощаясь клали за пазухи на память землю со своихъ огородовъ и обломки кирпичей отъ разрушенныхъ печей. Такъ было жалостно смотрѣть, что и мы плакали".

Кромѣ этого грустнаго обстоятельства еще припоминается и забавное письмо къ фабриканту одной старой помѣщицы слѣдующаго содержанія: „М. г. NN! Посылаю вамъ двороваго человѣка Ивана N и на него отпускную и прошу прислать (столько-то) денегъ, если же онъ почему-либо вамъ не понравится, то я обязуюсь замѣнить его другимъ и пришлю на него отпускную, а теперь посылаемую прошу тогда мнѣ возвратить для уничтоженія". Случилось такъ, что Иванъ оказался хворымъ, слабосильнымъ и былъ возвращенъ помѣщицѣ съ отпускной. Такимъ образомъ, юридически вольный, Иванъ сталъ опять крѣпостнымъ.

Вернувшись изъ вышеупомянутаго села государственныхъ имуществъ, можетъ быть и превышая власть слѣдователя, я созвалъ всѣхъ выкупленныхъ фабрикантами крестьянъ и, въ присутствіи городничаго, объявилъ имъ, что данною фабрикантами подпиской они, крестьяне, освобождаются отъ обязательной по контрактамъ работы на фабрикѣ и если пожелаютъ продолжать работу, то уже какъ свободные люди, за полное, безъ всякихъ вычетовъ, жалованье, кромѣ того письменно, черезъ того же городничаго, далъ знать фабрикантамъ, что данная ими подписка объ уничтоженіи контрактовъ, какъ пріобщенная къ дѣлу, вошла въ законную силу. Этимъ дѣйствіемъ крестьяне были, безъ суда, освобождены отъ обязательства отрабатывать остальныя 30 тысячъ, которыя, при тогдашней медленности производства въ судебныхъ мѣстахъ, пожалуй пришлось бы крестьянамъ сполна отработать.

Затѣмъ оба законченныя слѣдствія были губернаторомъ препровождены о частныхъ лицахъ въ уѣздный судъ губернскаго города и въ уголовную палату—о преступленіяхъ по должности чиновъ уѣзднаго суда, Магистрата и городничаго.

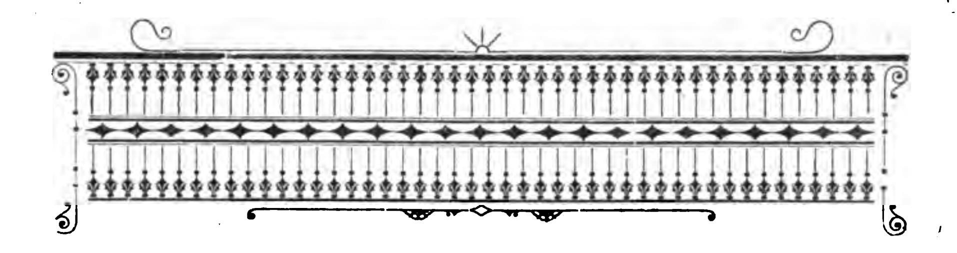
Въ уголовной палатѣ дѣло было рѣшено довольно скоро, и виновные присуждены были къ законному наказанію, кромѣ городничаго, который былъ оставленъ въ сильномъ подозрѣніи, на томъ основаніи, что присяжныя показанія полицейскихъ нижнихъ служителей сочтены были палатою какъ бы данныя безъ присяги, потому что передъ присягою не было дано очной ставки между городничимъ и полицейскими служителями. (По тогдашнимъ законамъ присяжныя показанія безъ этой формальности принимались за безприсяжныя и считались уже не доказательствомъ, а только уликою).

Впрочемъ, этой очной ставки въ данномъ случаѣ и не требовалось, такъ какъ городничій формальнымъ отношеніемъ, пріобщеннымъ къ дѣлу, отъ нея отказался и довѣрялъ приводить къ присягѣ полицейскихъ безъ его бытности, но, къ сожалѣнію, палата этого отношенія въ дѣлѣ не замѣтила.

Въ уѣздномъ же судѣ дѣло о кассирѣ фабрики и другихъ причастныхъ лицахъ тянулось очень долго, за нерозыскомъ нѣкоторыхъ обвиняемыхъ, истцовъ и свидѣтелей, необходимыхъ, будтобы, для передопросовъ и другихъ дополненій слѣдствія, однимъ словомъ, дѣло подверглось обычной тогдашней, такъ называемой, волокитѣ. Кассиръ же судомъ былъ освобожденъ изъ острога на поруки, а дѣло все затягивалось и не было рѣшено до открытія новыхъ окружныхъ судовъ. Въ 1862 году я перешелъ въ другое вѣдомство и переѣхалъ въ другую губернію, а впослѣдствіи уже случайно узналъ, что, при перевозкѣ нерѣшенныхъ дѣлъ изъ упраздненнаго уѣзднаго суда въ окружный судъ, дѣло о незаконной припискѣ помѣщичьихъ крестьянъ въ сословіе мѣщанъ города Е. безслѣдно пропало. Вслѣдствіе этого несчастные крестьяне такъ и не добились возстановленія своихъ правъ и только могли утѣшиться тѣмъ, что (за данной фабрикантами подпискою объ уничтоженіи контрактовъ) они безъ суда, какъ выше сказано, были освобождены отъ обязательства отработать уплаченныя за нихъ помѣщиковъ деньги, и что фабриканты все-таки наказаны хотя тѣмъ, что потеряли 30 тысячъ рублей.

А. К. Хросцицкій.

Ко 2-й Кольбергской экспедиціи [1].

(Окончаніе).

3) Флота капитана Алексѣя Желтинга, что по данному ему отъ адмирала и кавалера Мишукова ордеру по свозу съ берега во флотъ припасовъ и людей не въ самое то время, какъ ему тѣмъ ордеромъ повелѣвалось немедленно, а переночевавъ на ближнемъ къ берегу галіотѣ, о томъ его адмирала рапортовалъ и тѣмъ промедленіемъ учинилъ то, что адмиралъ не ускорилъ уже на свой ордеръ о свозѣ достальныхъ людей и припасовъ съ берега, дать ему подтвержденіе, а унтеръ-лейтенанта Ѳедора Озерова, что онъ не выслушавъ капитанъ-лейтенанта Лупандина приказанія, съ командою постъ свой ошибкою не на томъ мѣстѣ, гдѣ повелѣно было, занялъ, хотя оттого, какъ въ командѣ его, такъ и на лагерь и гавань отъ непріятеля никакого вреда не приключилось, но чтобъ впредь исправнѣе поступалъ, въ разсужденіи силы воинскаго 28 артикула и морского устава 5 книги, I главы, 10 пункта, понизить каждаго однимъ рангомъ.

4) Лейтенанта Ефима Северицына, которому повелѣно было изъ флота ѣхать на берегъ и явиться капитану Елманову, но оный прибывъ въ гавань, тому Елманову не явился, а увѣряся лейтенанта-жъ Чертова объявленію, якобы велѣно во флотъ всѣхъ людей свозить, паки самовольно во флотъ отъѣхалъ и тѣмъ своимъ легковѣріемъ даннаго ему повелѣнія и своей должности не исполнилъ, а учинилъ своевольство—въ страхъ другимъ и, слѣдуя силѣ 97 и 101 артикуловъ, лиша чиновъ, написать въ рядовые.

---

[1]) См. „Русск. Стар.“, мартъ 1908 г.

5) Пріѣхавшихъ по рапорту, поданному оберъ-цейхмейстеру, Демидову отъ флота капитаномъ Елмановымъ, при свозѣ десанта во флотъ въ командѣ его, Елманова, неявшими и самовольно отлучными, а именно: унтеръ-лейтенантовъ Гавердовскаго, Тулубьева, секретаря Ивкова, мичмановъ Шрейбера, Исакова, Синявина и „подксистапеля“ Саблина; но оные въ той отлучкѣ не были, а по повелѣніямъ главныхъ командировъ на тогдашнее къ свозу десанта въ строгое время, отбывшаго подъ команду реченнаго Елманова, капитанъ-лейтенанта Лупандина, обрѣтались распредѣленные къ другимъ нашимъ должностямъ, а рапортовать о томъ его Елманова означенному Лупандину за дальностью и многодѣліемъ тогда не допустило время, такожъ бригадира фонъ-Сваненберха и подполковника князя Волконскаго, въ разсужденіи представленныхъ отъ нихъ оправданій, о коихъ по дѣлу довольно изъяснено, а къ тому еще и бывшихъ въ отвѣтахъ полковника фонъ-Дертена, на коего оберъ-цейхмейстеръ объявлялъ, якобы оный съ командой въ помощь подполковнику князю Волконскому былъ командированъ, но онаго командированія ему не учинено, а когда и самъ Дертенъ чрезъ посыланныхъ отъ себя,—повелѣно ль будетъ ему рѣченнаго подполковника съ командою подкрѣпить его Демидова, докладывалъ, только ему на томъ мѣстѣ, гдѣ отъ него Демидова опредѣленъ къ удержанію непріятеля остаться приказано, что оный и исполнилъ; тожъ находящагося при пѣхотномъ лагерѣ подполковника фонъ-Голтея, маіора Фридездорфа и прочихъ офицеровъ въ упущеніи должностей винности ихъ комиссія не находитъ.

6) Напослѣдокъ, командированнаго отъ адмирала и кавалера Мишукова къ принятію надъ десантомъ главной команды *контръ*, (*что нынѣ вице-адмиралъ и кавалеръ*) Мордвинова, происшедшіе при семъ случаѣ поступки, разсуждая внесенные его отвѣты къ оправданію, комиссія признаваетъ, что онъ вице-адмиралъ, по командированіи его изъ флоту на берегъ, прибылъ въ такое время, въ которое непріятельскій сикурсъ, по разбитіи бывшей при деревнѣ Сельно команды, пошелъ уже въ городъ Кольберхъ, а состоящее на берегу подъ командою оберъ-цейхмейстера Демидова войско, по предписаннымъ причинамъ, въ толь не маломъ замѣшательствѣ,—безпорядкахъ и смятеніи находилось, что онымъ, вступивъ онъ въ командованіе, непріятеля удерживать или противу того, какое ни есть учинить предпріятіе, уже — возможности не имѣлъ; и совершенно къ принятію послѣднихъ мѣръ единственно остался одинъ только резонъ тотъ, чтобъ, спасая людей, какъ то ему и отъ адмирала Мишукова ордеромъ было предложено, какъ скоро и что возможно десантъ съ берега перевозить во флотъ, что

онъ употребляя въ должности своей крайнюю ревность и возможную на тогдашній случай отъ непріятеля предосторожность, и исполнилъ, и все то, что только въ крайнемъ недостаткѣ къ перевозу транспортныхъ судовъ, строгость время и видимая отъ непріятеля опасность забрать допустили подъ собственнымъ его Мордвинова присмотромъ, но во флотъ исправно свезено, а затѣмъ по недостатку судовъ, тоже отъ непорядка бывшей (sic) и до его еще прибытія на берегъ въ смятеніе пришедшей команды, которую въ толь краткое время, а особливо, что въ оной изъ рядовыхъ находилось большая часть рекрутства, при опасности ихъ непріятельскаго нападенія, въ порядокъ привесть было не можно, достальную артиллерію со снарядами и прочія вещи онъ, Мордвиновъ, на берегу въ гавани оставить былъ принужденъ и къ свозу того достального, что было можно ему во флотъ доставить, изъ дѣла способу не предвидится, однакожъ за всѣмъ тѣмъ его вице-адмирала въ силѣ происшествія проступокъ комиссія усматриваетъ въ слѣдующемъ: 1) что читанный ему съ прочими во флотѣ при консиліумѣ Высочайшій рескриптъ, коимъ образомъ къ не пропуску непріятельскаго сикурса въ проходѣ рвами и засѣками укрѣпиться повелѣвалось, онъ слышалъ, но по оному въ какое время и кому то исполнить предписано не упомнитъ, а знаетъ де точно яко въ данной инструкціи бригадиру фонъ-Сваненберху всѣ дороги съ крайнею осторожностью хранить велѣно, только оное его Мордвинова показаніе съ силою слышаннаго въ консиліумѣ рескрипта, который и при судѣ ему читанъ, не сходствуетъ, а что онъ вице-адмиралъ по объявленному Высочайшему рескрипту повелѣннаго учрежденія не учинилъ, то, какъ выше сего означено, за краткимъ временемъ бытія его на берегу командиромъ и за пришествіемъ уже непріятеля, возможности не имѣлъ и то къ упущенію его не причитается, но наблюдая состоявшійся 724 года, января 24 дня, указъ, слышалъ упомянутый рескриптъ, а силы онаго не упомнилъ, отговариваться не долженъ, а когда при чтеніи его не понялъ, надлежало бы, взявъ самому, оный прочесть и точное повелѣніе узнать и помнить; 2) о поданномъ адмиралу и кавалеру Мишукову своемъ рапортѣ, коимъ доносилъ о приключившемся въ командѣ его при свозѣ десанта происшествіи, самъ онъ, вице-адмиралъ, какъ по отвѣтамъ, такъ и оправданіямъ своимъ изъяснилъ, что писанъ былъ отъ него по краткости времени смѣшанною матеріею, не различая одного съ другимъ и что когда чинилось, а было де происхожденіе, такъ какъ по отвѣтамъ его уже объявлено, а и потому какимъ бы то случаемъ ни было учинено, только съ настоящимъ дѣломъ не сходствуетъ, а напослѣдокъ онъ, вице-адмиралъ: 3) въ забраніи пѣхот-

наго лагеря о данномъ оберъ-цейхмейстеру Демидову приказаніи не доказалъ, а Демидовъ въ томъ, что таковаго приказанія не получалъ, присягою очистился, а чрезъ то и послѣдовавшее изъ сего упущеніе на его же вице-адмирала отвѣтъ сложилъ, и потому на сѣ означенные проступки по силѣ генеральнаго регламента 50 гл., морского устава 5 книги, 4 главы, 47 пункта, по 2 раздѣленію и 20 главы, 146 пункта тоже и 724 года января 24 дня указу вычесть у него вице-адмирала и кавалера изъ его окладного жалованья *за годъ.*

А какъ обозначенныхъ подсудимыхъ въ неисправленіяхъ и упущеніяхъ ихъ должностей судъ начатъ и они отвѣтствовали до состоянія воспослѣдовавшаго въ день Высочайшаго Вашего Императорскаго Величества коронованія прошлаго 1762 года, сентября 22 числа, именного всемилостивѣйшаго указа и для того, слѣдуя оному, о присутствующихъ по суду приговорено учинить слѣдующее, а именно:

У вице-адмирала и кавалера Мордвинова вычесть изъ его жалованья за треть года; оберъ-цейхмейстера Демидова отнять два чина, написать въ полковники; премьеръ-маіора Марина, вмѣсто смертной казни, лишить всѣхъ чиновъ и, оставя безъ наказанія, ни къ какимъ впредь дѣламъ не опредѣлять.

Флота у капитана Шелтинга, и унтеръ-лейтенанта Озерова въ штрафъ вычесть по окладамъ ихъ жалованья за годъ, лейтенанта Северицына, лиша одного чина, написать въ унтеръ-лейтенанты.

Что же слѣдуетъ до тѣхъ, которые, какъ и артиллеристы, отличными себя оказали, то изъ сихъ, по слѣдствію видимъ, бывшій при нерегулярныхъ войскахъ бригадиръ Серебряковъ, который, обрѣтаясь при сей Кольбергской экспедиціи во все время, до самой ретирады, своею командою столь исправно поступалъ, что заслужилъ тѣмъ предъ прочими Высочайшее благоволеніе и милость, но онъ Серебряковъ въ теченіи сего дѣла въ прошломъ 1762 году, будучи въ Санктъ-Петербургѣ, умеръ, то и о подробностяхъ его поступокъ военный судъ далѣе изъяснять уже оставляетъ, а изъ прочихъ бывшихъ при Кольбергѣ на сухомъ пути штабъ и оберъ-офицерахъ, что кто съ особливымъ успѣхомъ въ дѣлахъ своихъ отличность оказали, никого не предвидится, а явствуетъ только, что они, кромѣ прописанныхъ оказавшихся въ проступкахъ, каждый по званію чина своего поступали надлежащею должностью.

Вашему Императорскому Величеству военная коллегія всеподданнѣйше представляетъ свое мнѣніе: хотя помянутые вице-адмиралъ и кавалеръ Мордвиновъ, оберъ-цейхмейстеръ Демидовъ, премьеръ-

маіоръ (который нынѣ въ отставкѣ подполковникъ) Маринъ, флота капитанъ Шелтингъ, унтеръ-лейтенанты Озеровъ и Северицынъ подлежали положенному по мнѣнію воинскаго суда штрафу, но какъ того, чтобъ упущеніе ихъ должностей изъ злости и умысла или нерадѣнія послѣдовало, не оказалось, а единственно тотъ непорядокъ произошелъ по причинѣ пришедшаго къ Кольбергу непріятельскаго въ неизвѣстномъ числѣ сикурса и отъ неосторожности бывшаго при арміи командира и хотя они пришедшихъ отъ того въ замѣшательство людей и поправляли, но въ порядокъ привесть, по такой въ собираніи людей и вещей съ берега на суда конфузіи, а особливо и по состоянію въ командѣ ихъ многаго числа солдатства изъ рекрутъ, способу не было; къ тому же и наряженное число войскъ для взятія той крѣпости было по состоянію ея расположенія недостаточно, что и самое главное причиною къ безпорядочной ретирадѣ есть, ибо въ послѣдующую потомъ кампанію при взятіи Кольбергской крѣпости хотя и знатное противъ онаго число людей и прочаго было командировано, но безъ немалой трудности взятіе крѣпости произошло; къ тому же и бывшіе при томъ, какъ выше значится, главные того корпуса командиры Высочайшимъ блаженныя и вѣчной славы достойныя памяти Государыни Императрицы Елисаветы Петровны, прошлаго 1760 года, ноября 7 числа, рескриптомъ всемилостивѣйше прощены. Вслѣдствіе сего дабы и оные Высочайшею Вашего Императорскаго Величества милостію пользовались и вмѣняя прежнюю ихъ безпорочную до сего службу, всѣхъ отъ приговоренныхъ штрафовъ освободить и оставить ихъ по-прежнему при своихъ должностяхъ и всѣмъ имъ Высочайшую Вашего Императорскаго Величества милость при командахъ объявить съ тѣмъ, чтобы они впредь въ порученныхъ должностяхъ поступали съ наилучшимъ разсмотрѣніемъ и прилежаніемъ, и болѣе все то предаетъ въ Высочайшее Вашего Императорскаго Величества соизволеніе.

Всемилостивѣйшая Государыня, военная коллегія на сіе проситъ Высочайшаго Вашего Императорскаго Величества указа.

Генералъ графъ З. Чернышевъ
Семенъ . . . .
Іаковъ Елчаниновъ
Михаилъ Жидковъ

Ноября 29 дня
1763 года.
№ 212.

Резолюція Императрицы Екатерины II (автографъ).

Копія автографа.

Я требую знать, по какому указу оная коллегія послѣ окончившихся кригсрихтовъ предписываетъ Мнѣ докладами своими прощать осужденныхъ и вступается въ дѣла, отнюдь ей не принадлежащихъ и не приличное, для того возвращается ей докладъ, въ которомъ оное усмотрѣно.

Екатерина.

Декабря 17-го дня 1763 года.

Н. З.

Всепресвѣтлѣйшей, Державнѣйшей, Великой Государынѣ Императрицѣ и Самодержицѣ Всероссійской.

Отъ военной коллегіи

ВСЕПОДДАННѢЙШІЙ ДОКЛАДЪ.

Ваше Императорское Величество Всевысочайше повелѣть соизволили Вашему Императорскому Величеству всеподданнѣйше донести, по какому указу оная коллегія послѣ окончившихся кригсрихтовъ предписываетъ докладами своими прощать осужденныхъ и вступается въ дѣло отнюдь ей непринадлежащее и неприличное.

Вашему Императорскому Величеству всеподданнѣйше военная коллегія представляетъ: въ воинскомъ процессѣ третьей части въ I главѣ о приговорахъ въ 6 раздѣленіи положено, когда въ нижнемъ судѣ въ пыточномъ дѣлѣ приговоръ учиненъ, тогда надлежитъ прежде фельдмаршалу, или командующему генералу подать тотъ приговоръ, и когда онъ мнѣніе свое на оное объявитъ, прибавитъ или убавитъ, потому экзекуція отправлена быть имѣетъ, да по именнымъ блаженныя и вѣчныя славы достойной памяти Государя Императора Петра Великаго указамъ о конфирмованіи кригсрихтовъ повелѣно: по 1) 719, марта 3, надъ всѣми офицерами и рядовыми, которымъ по держаннымъ кригсрихтамъ явятся не въ смертныхъ винахъ чинить экзекуцію по конфирмаціи командующихъ генераловъ, а которыя офицеры приличатся въ смертныхъ винахъ и тѣ кригсрихты, подписавъ надъ ними командующими генералами свою сентенцію для совершенной конфирмаціи присылать въ военную, а военной коллегіи тѣ кригсрихты конфирмовать, но экзекуціи докладывать Его Императорскому Величеству, а естественно сходствуя съ вышереченнымъ процессомъ во мнѣніи прибавить или убавить; по 2) 724, ноября 12, надъ урядниками и рядовыми въ смертныхъ ихъ винахъ экзекуціи чинить по конфирмаціямъ командующихъ корпусами генераловъ, а объ офицерахъ въ

важныхъ винахъ, по которымъ осуждены будутъ на смерть, дѣйствительную и политическую, присылать по-прежнему въ военную коллегію, и о конфирмованіи объ однихъ штабныхъ докладывать Его Величеству, а о прочихъ конфирмовать военной коллегіи, да и въ 728 году изъ верховнаго тайнаго совѣта указомъ о воинскихъ людяхъ креминальныя дѣла разсматривать и конфирмацію чинить въ военной коллегіи, а въ 736, іюля 12, указомъ велѣно держанный кригсрихтъ надъ подполковникомъ Клинбушемъ ревизовать въ военной коллегіи и подписать свое мнѣніе, тожъ и послѣ того происходило и потому присылаемые отъ командъ кригсрихты разсматриваются и, по разсмотрѣніи обътоятельствъ и важности дѣла, на позволенныя конфирмаціи отъ военной коллегіи сначала и до нынѣ чинятся, а о штабахъ предкамъ Вашего Императорскаго Величества со всеподданнѣйшимъ мнѣніемъ подносились и конфирмаціи получаемы были, равнымъ образомъ и на основаніи какъ прежде исполняемо всегда было, нынѣ коллегія въ подносимомъ Вашему Императорскому Величеству всеподданнѣйшемъ докладѣ о бывшихъ при осадѣ Кольбергской крѣпости чинахъ, разсматривая по военному искусству въ дѣлѣ обстоятельства, какія причины къ непорядочной ретирадѣ и неисполненію при томъ должностей своихъ нхъ принудили и какою напредь сего Императорскою милостію воспользовались въ томъ же самомъ случаѣ находившіяся, и равно погрѣшившая коллегія по всеподданнѣйшей должности слабое свое мнѣніе представить дерзнула, для открытія двери монаршему милосердію, на Высочайшую Вашего Императорскаго Величества апробацію.

Графъ Захаръ Чернышевъ.
Семенъ . . . .
Іаковъ Елчаниновъ.
Михаилъ Жидковъ.

Декабря 18 дня
1763 года.
№ 226.

На подлинномъ резолюція:

„Я не спорю, что военная коллегія можетъ подать свое мнѣніе, но предписывать Государю прощать ни которое мѣсто власти не имѣетъ, для того, что всякая коллегія, да и самый сенатъ установлены для исполненія законовъ, а прощать винныхъ зависитъ отъ единственнаго государскаго милосердія. Если же военная коллегія за винную себя не признаетъ, то сенату на судъ отдамъ, по законамъ ли сей поступокъ военною коллегіею учиненъ.

Екатерина“.

Всепресвѣтлѣйшей, Державнѣйшей, Великой Государынѣ Императрицѣ и Самодержицѣ Всероссійской.

От военной коллегіи

ВСЕПОДДАННѢЙШІЙ ДОКЛАДЪ.

Высочайшій Вашего Императорскаго Величества указъ отъ 17 сего декабря получа, военная коллегія хотя и думала, видя гнѣвъ Вашего Величества, что она изъ законовъ ей предписанныхъ можетъ нѣкоторое принести рабское всеподданнѣйшее оправданіе; но признавъ изъ вторительнаго помянутому указу Высочайшаго объясненія свой неосторожный поступокъ, какъ въ томъ, что въ поднесенномъ всеподданнѣйшемъ докладѣ, гдѣ она, вмѣсто смягченія штрафа, дерзнула представить, чтобы виннымъ изъ единаго монаршаго милосердія оказано было прощеніе, такъ и въ томъ, что осмѣлилась принести недѣльное свое оправданіе, признаваетъ себя предъ Вашимъ Императорскимъ Величествомъ совершенно винною и, какъ у великодушной своей Монархини, за неумышленное свое погрѣшеніе, проситъ рабски прощенія и, уповая на щедроту и милость Вашего Величества, усугубляетъ свое прошеніе о великодушномъ и милостивомъ Вашего Величества себѣ оставленіи.

Графъ Захаръ Чернышевъ.
Семенъ . . . .
Іаковъ Елчаниновъ.
Михаилъ Жидковъ.

Декабря 18 дня
1763 года.
№ 227.

На подлинномъ резолюція:

„Богъ проститъ, въ сенатъ не сообщать, а хранить съ прочими въ коллегіи именными указами.

Екатерина“.

Сообщилъ Н. Затворницкій.

воен

По требов

указу она

окончавши

отпускъ в

дами сво

осуждени

Вдова

Принад

Прил

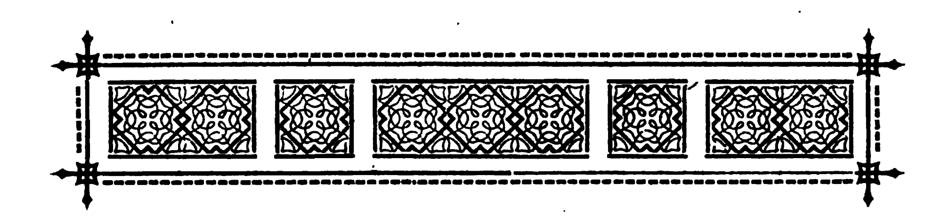
Возвра

Кладб

усмотр

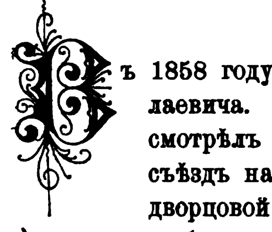
о

Генваря 17 дн
1763.

Воспоминанія Д. А. Скалонъ[1]).

(*Окончаніе*).

Въ 1858 году была свадьба великаго князя Николая Николаевича. Помню, какъ я стоялъ на набережной Невы и смотрѣлъ на освѣщенный дворецъ и громадный вечерній съѣздъ на раутъ. Потомъ, гуляя, я заглядывалъ въ окна дворцовой половины, гдѣ помѣщался Его Высочество, и любовался группой „Амура и Психеи“.

Не думалось мнѣ въ то время, что моя жизнь и служба будутъ впослѣдствіи такъ тѣсно связаны съ незабвеннымъ моимъ великимъ княземъ генералъ-инспекторомъ, генераломъ-фельдмаршаломъ. Вѣчная ему память и слава!

Въ 1858 году по окончаніи экзаменовъ, я былъ переведенъ въ 3-й спеціальный классъ и произведенъ въ старшіе унтеръ-офицеры съ шевреномъ на лѣвомъ рукавѣ. Товарищи были произведены въ офицеры, а мы въ числѣ восемнадцати оставлены въ 3-мъ спеціальномъ классѣ. Скучно было оставаться, но иначе нельзя было попасть въ гвардію. Мы пошли въ лагерь. Лагерь былъ необыкновенно трудный.

Независимо отъ нашихъ домашнихъ и отрядныхъ ученій, мы принимали участіе въ ночныхъ маневрахъ обложенія, осадныхъ работахъ и штурмѣ крѣпости, которые производилъ великій князь Николай Николаевичъ въ Саперномъ лагерѣ. Кромѣ того 3-й спеціальный классъ усиленно занимался глазомѣрною съемкою, при чемъ въ раіонъ моего участка входила Знаменка и Михайловка.

Снимая дорогу вдоль берега, я встрѣтилъ Его Высочество съ великою княгинею въ экипажѣ. Оба вышли и заинтересовались

---

[1]) См. „Русская Старина“, мартъ 1908 г.

моимъ планшетомъ. При чемъ Его Высочество остался доволенъ моею работою и похвалилъ: — Молодецъ, — ты вѣрно снимаешь. Какъ твоя фамилія?

— Скалонъ, Ваше Императорское Высочество.

— Какого ты Скалона?

— Антона Антоновича, Ваше Императорское Высочество, генеральнаго штаба генералъ-маіора.

— А, знаю его, я занимался съ нимъ предложенными измѣненіями въ уставѣ. Ну, смотри, служи молодцомъ.

— Постараюсь, Ваше Императорское Высочество.

— До свиданія.

— Счастливо оставаться, Ваше Императорское Высочество!

Это была моя первая встрѣча съ Его Высочествомъ, а черезъ шесть лѣтъ Господь привелъ мнѣ быть адъютантомъ великаго князя, по званію генералъ-инспектора кавалеріи.

Ночные маневры очень занимали кадетъ. Несмотря на утомленіе, мы съ удовольствіемъ принимали въ нихъ участіе, тѣмъ болѣе, что все въ нихъ было необычное; а кромѣ того будучи съ достаточной подготовкой въ фортификаціи, мы, кадеты старшихъ классовъ, интересовались самымъ ходомъ работъ. Возвращаясь на зарѣ въ лагерь, случалось засыпать на-ходу.

Наконецъ мы участвовали въ традиціонномъ „Золотомъ разводѣ“,—который давался отъ кадетскихъ корпусовъ, при чемъ 1-й корпусъ вступалъ въ Дворцовый караулъ и занималъ посты.

Боже, сколько требовалось сноровокъ, чтобы сдать этотъ разводъ. Это было цѣлое спеціальное знаніе, и мы продѣлывали множество репетицій. Окончаніе каждой команды должно было совпадать съ извѣстнымъ угломъ, или окномъ дворца, одинъ лишній шагъ, и стройность нарушалась.

Затѣмъ затрудненіе находилось во множествѣ дѣйствующихъ лицъ, такъ какъ послѣ развода вступленіе въ караулъ и смѣна часовыхъ производились въ присутствіи Государя Императора. Ошибись кто-либо въ командѣ или исполненіи, и уже не то... чистота должна была быть во всемъ. А это достигалось лишь твердымъ знаніемъ.

По окончаніи развода мы вступили въ караулъ и часа черезъ два насъ смѣнили, а на память мы получили Высочайшую награду по рублю.

По воскресеньямъ и праздникамъ я ходилъ въ отпускъ къ хорошимъ знакомымъ батюшки—Дягилевымъ. Старикъ Павелъ Ивановичъ Дягилевъ жилъ на большой дачѣ, которая впослѣдствіи принадлежала Антону Григорьевичу Рубинштейну. У него было огромное

семейство. Старшая дочь Анна Павловна уже была за Философовымъ. Я былъ очень друженъ съ дѣтьми и навѣщалъ ихъ въ Петербургѣ. У Дягилевыхъ жили, кромѣ того: хорошенькая барышня Рокотова, которая вышла за старшаго сына Дягилева, и M-lle Черемисинова, отлично игравшая на роялѣ. Старикъ впалъ въ ханжество и много тратилъ на монастыри и монаховъ и всякихъ хожалокъ. Жена и дѣти очень объ этомъ сокрушались, но трудно было отстранить этихъ піявокъ. Однажды прихожу утромъ и застаю всѣхъ за чаемъ. Передъ Дягилевымъ стоитъ подносикъ съ графинчикомъ и рюмочками. Мнѣ показалось, что это была водка.

— Здравствуй,—привѣтствовалъ онъ меня, налилъ рюмочку и подалъ — на, выпей на здоровье.

Я поблагодарилъ и хватилъ какъ водку, а это была святая вода изъ какого-то святого мѣста.

Для воды и масла былъ отдѣльный шкафикъ и бутылочки стояли по мѣстностямъ: изъ Святыхъ мѣстъ, съ Аѳона, Кіева, Соловокъ, Тихвина, Валаама и пр. и пр.

По утрамъ подавалась соотвѣтственно празднику или угоднику вода, и Павелъ Ивановичъ раздавалъ ее по рюмочкѣ дѣтямъ.

— Да, ты развѣ нехристь? — обратился онъ ко мнѣ, принявъ строгій видъ.

— Нѣтъ,—отвѣчалъ я—думалъ, что водка. Молодежь фыркнула и потомъ долго потѣшалась надъ моимъ способомъ пить святую воду; при этомъ мнѣ разсказывали ея происхожденіе и разныя монашескія продѣлки.

Я весело проводилъ время, но странно и не думалъ ухаживать за барышнями. Только разъ въ саду я встрѣтился съ Анной Павловной, которая была очень миловидна, и страшно покраснѣлъ, когда она, обратившись къ Черемисиновой, сказала: — какой Митя становится красивый мальчикъ.

Къ чести своей и корпуса долженъ сказать, что до той минуты мнѣ и въ голову ничего подобнаго не приходило, и я послѣ этого первый разъ подошелъ къ зеркалу и посмотрѣлъ на себя съ точки зрѣнія красоты; а было мнѣ семнадцать лѣтъ.

Съ одной стороны неудача съ Эллой, а съ другой усиленныя занятія занимали меня совершенно другимъ. А между тѣмъ, послѣ нашихъ кадетскихъ спектаклей, я не пропускалъ бенефисовъ въ нѣмецкомъ и французскомъ театрахъ и въ послѣднемъ уже всего насмотрѣлся.

Старшій братъ доктора Христіана Андреевича Иванъ Андреевичъ Нордштремъ былъ женатъ на моей двоюродной сестрѣ Аннѣ Христіановнѣ рожденной Михаэлисъ. Онъ былъ театральнымъ цензоромъ

и имѣлъ во всѣхъ Императорскихъ театрахъ кресло, а когда не все было занято, то ложу. Въ бенефисъ же сами актеры привозили ему ложи.

Однако же мимолетное замѣчаніе Анны Павловны и полученное удостовѣреніе зеркала, дотолѣ всегда молчаливаго, произвели свое дѣйствіе, и вскорѣ я началъ искать другихъ болѣе вѣскихъ подтвержденій.

Лагерь закончился большимъ маневромъ съ частями Красносельскаго лагеря, и мы были отпущены по домамъ до 1 сентября.

Я былъ отпущенъ въ Нарву къ сестрѣ. Въ то время дилижансы отходили съ Большой Морской со двора дома, гдѣ потомъ была квартира министра внутреннихъ дѣлъ. Переѣздъ до Нарвы совершался отъ 18 до 20 часовъ; шестеркою съ форейторомъ и кондукторомъ въ шляпѣ, съ трубой. Вотъ когда дышалось легко, когда все радовало: и посвистываніе съ прибаутками ямщика, и фанфары трубы съ приближеніемъ къ станціи, и знакомыя лица станціонной прислуги, и поля, и лѣса, и колоніи, и деревни, и мызы... все, все вызывало довольство свободой и упоеніе весною жизни.

Сестра моя Софья Антоновна вышла замужъ за барона Василія Мироновича Криднера, который все еще былъ Нарвскимъ комендантомъ. Сестра жила на дачѣ Сутгова, подлѣ Нарвы, на берегу Наровы, у нея проводили лѣто сестры Каролина и Ольга Антоновны, и кузины Софья и Александра Петровны. Я очень любилъ кузину Софи. Она была весьма миловидна, жива и кокетлива.

Она, какъ прародительница Ева, искусила меня, но не яблокомъ, а первымъ поцѣлуемъ.

Въ Нарвѣ жилъ съ большимъ семействомъ начальникъ таможни Иванъ Петровичъ Владимірцевъ съ племянницею, имя которой къ стыду моему забылъ, но стройную фигуру и черные глаза съ густыми бровями отлично помню. Вотъ между этими двумя искушеніями: кузиною Софи и черноглазою красавицею я и покачивался какъ маятникъ.

Сколько жизни; вотъ когда она бьетъ ключемъ! Утромъ нарѣжу чудныхъ розъ, которыми былъ полонъ садъ. Разбужу Сонечку, которая спала съ сестрою Ольгою, осыплю ее цвѣтами и побѣгу въ крѣпость. Окна Ивана Петровича выходили съ балкономъ на бастіонъ къ Наровѣ. Я взбирался на верки, съ нихъ перебирался на крыши и бросалъ свой букетъ въ открытое окно черноокой племянницы. Какія-то по сосѣдству нѣмки стали возмущаться моими прогулками и черезъ кого-то пожаловались коменданту. За это я сдѣлалъ букетъ изъ чертополоха (Kletten) съ крапивою и забросилъ къ нимъ. Нѣмки смолчали, и я никому не сказалъ, кромѣ, какъ боль-

шому пріятелю и другому моему инженеръ-поручику Николаю Ивановичу Соколову.

Это былъ чудный человѣкъ и большой затѣйникъ; послѣ службы онъ являлся къ намъ, и мы устраивали разные пикники вмѣстѣ съ Владимірцевыми. То-то было весело. На устье Наровы, на водопады, къ Штиглицу—въ лѣса на противоположный берегъ;—одно смѣнялось другимъ, и всюду смѣхъ, и всюду забавы.—Василій Мироновичъ и Иванъ Петровичъ вполнѣ раздѣляли наше веселье и съ удовольствіемъ способствовали всѣмъ нашимъ затѣямъ, душою которыхъ былъ Николай Ивановичъ Соколовъ. Мы отъ души веселились радостью юной беззаботной жизни.

Однажды въ городѣ была чья-то свадьба, вся Нарвская знать была въ сборѣ—мы должны были отсутствовать, не имѣя бальныхъ костюмовъ. Какъ тутъ быть! Николай Ивановичъ придумалъ... Когда начался вечеръ, я вошелъ въ залу и на вопросъ хозяйки—отчего ваши сестры не захотѣли пріѣхать, отвѣчалъ: напротивъ того, очень хотѣли и опечалены, что лишены удовольствія Васъ поздравить съ новобрачными.

— Въ чемъ же дѣло?

— Очень просто, нѣтъ бальныхъ туалетовъ, не захватили изъ города.

— Какъ жаль, чего тутъ церемониться, пріѣхали бы, какъ есть.

— Дѣло еще не потеряно—вставилъ Николай Ивановичъ—послать экипажъ и привезти.

Меня просили съѣздить, командиръ Австрійскаго полка далъ свою четырехмѣстную карету, и я привезъ сестеръ и кузинъ, а также не забылъ черноглазую красавицу, которая была у насъ въ гостяхъ.

Василій Мироновичъ на меня сердился, потому что это было на свадьбѣ у его подчиненнаго, и онъ не хотѣлъ быть съ семействомъ, зато мы танцовали до упаду, а наши барышни въ лѣтнихъ платьицахъ, украшенныя живыми цвѣтами, затмевали всѣхъ молодостью и красотой.

Сестра Ольга была чрезвычайно миловидна и стройна. Она уже полюбила своего будущаго супруга Густава Густавовича Кросса, который передъ поѣздкою за границу навѣстилъ насъ въ Нарвѣ. Мы знали ихъ взаимную склонность и покровительствовали свиданіямъ еще въ городѣ, потому что матушка Юлія Егоровна была какъ-то необыкновенно холодна и непривѣтлива, если только замѣчала, что молодой человѣкъ начинаетъ часто посѣщать домъ.

Удивительное дѣло, какая-то необъяснимая гордость, чтобы не подумали о погоняхъ за женихомъ, вѣроятно, была причиною очень затрудняемаго доступа въ нашъ домъ.

Мишка былъ чичизбеемъ сестры Ольги, а я состоялъ при Сонечкѣ, препятствуя ея кокетству съ барономъ Эдуардомъ Владиміровичемъ Криднеромъ, который былъ, что называется, по уши въ нее влюбленъ.

Я не находилъ его подходящимъ женихомъ,—онъ былъ очень дуренъ, хотя въ то же время очень уменъ и занимателенъ. Зимою состоялась ихъ свадьба, баронъ былъ назначенъ на службу въ Ревель, а потомъ былъ рижскимъ вице-губернаторомъ. Они жили очень счастливо и дружно, но оба сошли слишкомъ рановременно въ могилу.

Наступилъ послѣдній годъ моего пребыванія въ корпусѣ. Я былъ переведенъ старшимъ унтеръ-офицеромъ въ гренадерскую роту. Курсъ 3-го спеціальнаго класса состоялъ изъ нѣсколькихъ добавочныхъ предметовъ, въ зависимости отъ избраннаго отдѣленія. Я пошелъ по отдѣленію генеральнаго штаба и долженъ былъ въ теченіе зимы сдать четыре сочиненія на слѣдующія темы:

По Исторіи:—„Борьба Императора Генриха IV съ папою Григоріемъ VII“.

По законовѣдѣнію:—„Историческое развитіе законодательной власти въ Россіи“.

По военной исторіи:—„Трехъ дневный бой подъ Краснымъ“.

По литературѣ:—„Вліяніе Буало на литературу европейскихъ народовъ“.

Я выписываю эти громкія темы, чтобы показать, куда могутъ заноситься педагоги.

Темы историческая и военно-историческая были совершенно подходящія и въ нашихъ средствахъ, но не угодно ли было скомпилировать сочиненіе по литературѣ и въ особенности по законовѣдѣнію... и мы компилировали.

Добровольскій читалъ у насъ законовѣдѣніе въ двухъ спеціальныхъ классахъ, а въ 3-мъ надо было только сдать тему. Получивши свою, я обратился къ нему съ вопросомъ:—Какими же источниками мнѣ пользоваться?

— А вотъ, сказалъ онъ, указывая рукою на громадный шкафъ во всю классную стѣну, въ которомъ въ кожаныхъ переплетахъ стояли пудовые томы собранія законовъ.

— Какъ вотъ, да развѣ есть возможность вычитать изъ нихъ отвѣтъ на такой обширный вопросъ?

— Это ваше дѣло. Измѣнить вашу тему я не въ состояніи. Вамъ извѣстно, что темы выработаны въ ученомъ комитетѣ Штаба Военно-Учебныхъ Заведеній. Вотъ читайте и исполните.

На наше счастіе помощникъ инспектора старшихъ классовъ и

библіотекарь обширной корпусной библіотеки былъ Л.-Гв. Волынскаго полка капитанъ Бойсманъ, тоже шведъ, какъ и Ивашкевичъ, но только необыкновенно способный и начитанный. Онъ далъ мнѣ подходящіе источники, какъ для темы по законовѣдѣнію, такъ и литературѣ.

— Пользуйтесь смѣло этими источниками—ихъ мало кто знаетъ—сказалъ онъ, добродушно усмѣхнувшись. Я поблагодарилъ отъ сердца, потому что отъ этихъ сочиненій зависѣлъ выпускъ мой въ гвардію.

Историческое сочиненіе я написалъ отъ себя, нашъ заслуженный преподаватель Владиміръ Павловичъ Маковъ остался доволенъ, но замѣтилъ:

— Вы только слишкомъ лицепріятно написали все въ пользу Генриха IV и съ ненавистью отнеслись къ папѣ Григорію VII. Для меня это была существенная похвала, потому что я писалъ совершенно самостоятельно, по своему непосредственному чувству и такъ же, какъ Генрихъ IV не могъ простить Каноссы.

Сочиненіемъ по законовѣдѣнію профессоръ Добровольскій остался очень доволенъ:

— Хорошо, Скалонъ,—обратился онъ ко мнѣ:—отлично скомпилировали, конечно, сами вы не могли написать такого введенія, я вамъ поставлю 11 балловъ, только скажите, чѣмъ вы пользовались.

— А вотъ, отвѣтилъ я, указывая на полное собраніе законовъ.

— Ну, что вы шутите, скажите, изъ чего взяли.

— А вотъ же,—отшучивался я и сказалъ только послѣ экзаменовъ.

Военно-историческая тема сошла тоже хорошо, благодаря уважаемому Генриху Антоновичу Лееру, котораго я имѣлъ счастіе быть ученикомъ въ корпусѣ и впослѣдствіи въ академіи. Онъ далъ мнѣ нѣсколько указаній и указалъ источники.

По литературѣ я едва не срѣзался. У насъ читалъ Василій Тимоѳеевичъ Плаксинъ. Онъ былъ извѣстенъ по изданнымъ имъ руководствамъ русской словесности и литературы, а также тѣмъ, что Лермонтовъ былъ его ученикомъ.

— Что мнѣ съ вами дѣлать—обратился онъ ко мнѣ—первая половина вашего сочиненія написана хорошо, а вторая, гдѣ вы касаетесь вліянія Буало на русскихъ писателей, у васъ никакого вліянія не выходитъ.

— Помилуйте, Василій Тимоѳеевичъ, что же мнѣ дѣлать, когда я не нашелъ никакого непосредственнаго вліянія.

— Увлеклись ложно-классицизмомъ, основанія котораго были изложены Буало въ его „L'art poétique“, такъ вліяли-то эти правила,

которыми руководствовались и у другихъ народовъ, увлеченныхъ ложно-классицизмомъ. Какое же еще другое могло быть вліяніе.

Однако я очень испугался, но Василій Тимоѳеевичъ былъ добрый человѣкъ, и я у него всегда хорошо учился.

— Ужели, Василій Тимоѳеевичъ, мои семилѣтніе труды въ корпусѣ должны пропасть изъ-за того, что я другого вліянія Буало не могъ найти.

— Ну, Богъ съ тобой, ступай, балла не испорчу,—сказалъ онъ, прикрякнувъ по обыкновенію, и отпустилъ меня съ успокоеннымъ чувствомъ.

Можетъ и было какое-нибудь непосредственное вліяніе, но я его въ то время не призналъ, и при такомъ убѣжденіи и остался.

Хотя темы въ 3-мъ спеціальномъ классѣ безспорно были несообразны съ познаніями кадетъ и слишкомъ обширны, но нельзя сказать, чтобы отъ нихъ не было пользы. Онѣ заставляли трудиться, много читать, усиленно работать головой и пріучали къ письменной работѣ. Не говоря объ историческихъ темахъ болѣе доступныхъ, но даже тема по законовѣдѣнію многому меня научила; не даромъ Добровольскій сдѣлалъ свое замѣчаніе. Что же касается Буало, то я увлекся его ар-поэтикою, выучилъ много стиховъ наизусть и въ дальнѣйшемъ старался въ жизни примѣнять, насколько могъ, многія изъ его прекрасныхъ правилъ.

Не могу не вспомнить съ благодарностью корпусъ. Учебная часть была поставлена Константиномъ Александровичемъ Линденомъ превосходно. Нашими преподавателями въ спеціальныхъ классахъ были большею частью выдающіеся ученые и дѣятели, у которыхъ нельзя было не увлекаться читаемымъ ими предметомъ. Такъ военныя науки читалъ Г. А. Лееръ, имя котораго извѣстно и высоко чтится всѣми, кто только изъ военныхъ занимался и читаетъ; Владиміръ Даниловичъ Спасовичъ читалъ у насъ статистику; Иванъ Алексѣевичъ Вышнеградскій—математику и механику, генералъ-лейтенантъ Гадолинъ—физику; Савельевъ—космографію.

Приходилось много трудиться, но въ особенности большое напряженіе потребовали выпускные экзамены. Всѣхъ предметовъ было 18.

По окончаніи домашнихъ экзаменовъ, производились публичныя испытанія, при чемъ къ намъ въ корпусъ пріѣзжали выпускные изъ всѣхъ военно-учебныхъ заведеній. Въ рекреаціонныхъ залахъ засѣдала комиссія изъ всѣхъ наставниковъ, наблюдателей, членовъ ученаго комитета военно-учебныхъ заведеній, родителей, родственниковъ и постороннихъ лицъ.

Основаніемъ служили баллы домашнихъ экзаменовъ, такъ какъ на публичныхъ вызывали только по нѣсколько человѣкъ изъ заведенія, но неудовлетворительная отмѣтка на публичномъ экзаменѣ могла все испортить. Въ особенности свирѣпствовалъ на этихъ экзаменахъ знаменитый математикъ Остроградскій.

Ему ничего не стоило поставить неудовлетворительную отмѣтку, и если онъ приходилъ въ дурномъ расположеніи духа, то рѣзалъ кадетъ немилосердно.

Меня вызвали по механикѣ, и мнѣ пришлось вычислять на доскѣ „работу силы пара". Это длиннѣйшая выкладка на всю доску. Я ее продѣлалъ и повернулся къ экзаменаторамъ. Наискось сидѣлъ Остроградскій и посматривалъ своимъ одинокимъ глазомъ, а другой, выбитый, примачивалъ изъ стоявшаго подлѣ стакана съ водой. Не даромъ говорится: „у страха глаза велики", но, глядя на колоссальную фигуру Остроградскаго, не диво, что бѣдные кадеты смущались, онъ казался чудовищемъ. Подлѣ него сидѣлъ Иванъ Алексѣевичъ Вышнеградскій, и какая же у него была громадная память; онъ задалъ мнѣ это вычисленіе и далъ нѣсколько постороннихъ вопросовъ, на которые я ему отвѣчалъ у него на экзаменѣ.

— У васъ результатъ получился съ отрицательнымъ знакомъ,— обратился онъ ко мнѣ,—провѣрьте.

Я посмотрѣлъ, нашелъ ошибку и исправилъ, чѣмъ показалъ, что дѣлалъ выкладку сознательно.

Остроградскій смотрѣлъ на меня своимъ глазомъ и ничего не промолвилъ. Такъ я и выскочилъ, а попадись на математику—думаю, что провалился бы, потому что задачи давалъ Остроградскій на бумагѣ и ужасно замысловатыя, такъ, что рѣдко кто ихъ рѣшалъ. Вызвали меня и изъ другихъ предметовъ, все сходило хорошо.

Досталось мнѣ написать сочиненіе по-нѣмецки: вліяніе желѣзныхъ дорогъ—мнѣ такъ надоѣли эти вліянія, что я написалъ строкъ пятнадцать и подалъ.—Что такъ коротко?—спросилъ кто-то изъ экзаменаторовъ.—Потому что желѣзныя дороги скоро ходятъ—замѣтилъ нашъ французъ Кунъ, очень ко мнѣ расположенный. Всѣ засмѣялись, и меня отпустили.

Къ послѣднему экзамену изъ фортификаціи я даже не просмотрѣлъ чертежей; на меня нашла какая-то апатія отъ постояннаго нервнаго возбужденія, въ продолженіе двухъ мѣсяцевъ. Меня не вызвали, и экзаменная страда кончилась.

Оставалось нѣсколько ученій и высочайшій смотръ.

Въ послѣдній годъ моего пребыванія въ корпусѣ нашъ баталіонный командиръ, Малевичъ, вышелъ въ отставку и поселился въ

своемъ Новгородскомъ имѣніи; на его мѣсто былъ переведенъ изъ Дворянскаго полка полковникъ Эліотъ. Это былъ назойливый и наводящій тоску человѣкъ, насъ, т. е. шевронистовъ, онъ оставилъ въ покоѣ, а въ корпусѣ сталъ заводить новые порядки. Изъ Дворянскаго полка къ намъ его перевелъ Я. И. Ростовцовъ по слѣдующему случаю:

Эліотъ въ видахъ экономіи сталъ кормить за ужиномъ дворянъ слишкомъ часто размазней, а потомъ ограничилъ отпускъ хлѣба. Должно быть, онъ имъ крѣпко досадилъ; за однимъ ужиномъ съ размазней гдѣ-то на столахъ зашумѣли, выражая неудовольствіе стукомъ тарелокъ и стакановъ, шумъ подхватили, и въ минуту онъ перешелъ въ общую бурю. Забѣгали дежурные офицеры, увѣдомили Эліота, онъ вбѣжалъ въ столовую и, должно быть, немного растерявшись, кинулся къ какому-то столу съ вопросомъ:

— Что это значитъ?

Унтеръ-офицеръ, къ которому онъ обратился, взялъ со стола миску съ размазней и быстро ему надѣлъ на голову со словами:— вотъ что.

Эліотъ побѣжалъ, а на столахъ буря обратилась въ ураганъ, въ которомъ погибли всѣ стаканы и тарелки. Кадеты 3-го спеціальнаго класса написали письмо Я. И. Ростовцову, въ которомъ изложили всю исторію и причины неудовольствій. По счастію, или по великодушію Эліотъ не помнилъ стола, къ которому подошелъ, и такимъ образомъ виновникъ не былъ открытъ и, разумѣется, никакія бы силы не заставили кадетъ его указать.

Яковъ Ивановичъ умно поступилъ, пріѣхалъ, переговорилъ съ кадетами, поставилъ всѣхъ на колѣни, какъ-бы предъ лицомъ прогнѣваннаго Императора, кажется, самъ всталъ и дѣло потушилъ. Эліотъ же былъ переведенъ въ 1-й корпусъ. Разсказываю въ томъ видѣ, какъ до насъ дошла эта исторія; говорили, что письмо кадетъ было такъ мастерски написано, что дало Якову Ивановичу возможность такого выхода.

Окончивъ экзамены, мы, выпускные, гуляли съ легкимъ сердцемъ, мысленно прощались съ нашимъ заведеніемъ и разбирали, кто куда заявилъ желаніе быть произведеннымъ. Наконецъ Эліотъ призвалъ насъ, чтобы разобрать вакансіи. Всѣ называли части, онъ записывалъ.

— А вы куда желаете?—обратился онъ ко мнѣ.

— Въ лейбъ-гвардіи Уланскій полкъ,—былъ мой отвѣтъ.

— Развѣ вамъ неизвѣстно, что въ гдардію нѣтъ выпуска за неимѣніемъ вакансій, и васъ производятъ поручикомъ въ армію?

— Я знаю, вы спрашиваете желаніе, и я заявляю л.-гв. Уланскій полкъ.

— Вѣдь это не можетъ состояться, и васъ выпустятъ въ армію, но безъ спроса.

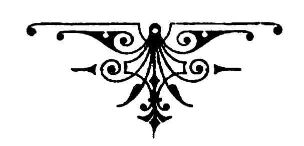
— На то воля начальства, а я прошусь въ л.-гв. Уланскій полкъ для совмѣстной службы съ братомъ.

— У васъ братъ въ полку.—Онъ прикомандированъ. — Этого недостаточно, васъ все равно не выпустятъ туда.

— А я прошусь все-таки только въ л.-гв. Уланскій полкъ.

Эліотъ пожалъ плечами. Дня черезъ два онъ пришелъ съ объявленіемъ, кого куда рѣшено выпустить и съ удивленіемъ объявилъ, что Яковъ Ивановичъ изъявилъ согласіе на вашу просьбу, вы можете себѣ заказывать уланскую форму.—Я. Ив. Ростовцовъ сдержалъ свое обѣщаніе, и когда батюшка былъ у него и просилъ за меня, то тотчасъ же испросилъ высочайшее повелѣніе, и я 15 іюня 1859 года былъ произведенъ въ лейбъ-гвардіи Уланскій полкъ корнетомъ.

Дмитрій Скалонъ.

Докладъ М. М. Сперанскаго, представленный Его Императорскому Величеству Императору Николаю Павловичу 24 января 1835 г. [1]).

О спеціальныхъ училищахъ.

Спеціальныя училища отличаются отъ общихъ тѣмъ: 1) что въ нихъ воспитываются и учатся; а въ общихъ только учатся; 2) въ спеціальныхъ учатся не только теоріи во всемъ пространствѣ науки, но и практикѣ и тѣмъ приготовляются исключительно къ особому роду службы.

Для гражданской службы существуютъ у насъ слѣдующія спеціальныя главныя училища:

I. *По Министерству Внутреннихъ Дѣлъ:* Три Медико-хирургическія Академіи: С.-Петербургская, Московская, Виленская.

II. *По Министерству Финансовъ*: Горный Институтъ, Технологическій Институтъ, Лѣсной Институтъ.

III. *По Управленію Путей Сообщенія*: Особенный Институтъ.

IV. *По Министерству Просвѣщенія:* Главный Педагогическій и частные Педагогическіе Институты при Университетахъ.

V. *Министерство Юстиціи* не имѣетъ никакого спеціальнаго института, кромѣ школы землемѣровъ. Между тѣмъ потребности его столько же важны и обширны, какъ и въ другихъ. Слѣдующія соображенія представятъ сіе яснѣе.

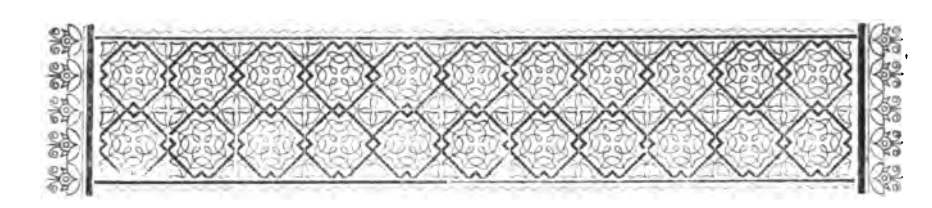
Для судей вездѣ нужны способные и благовоспитанные дѣлопроизводители; у насъ они нужнѣе, нежели гдѣ-нибудь: ибо у насъ нѣтъ и долго еще не будетъ ни ученыхъ людей, ни ученыхъ адвокатовъ. Судьи у насъ въ нижнихъ и среднихъ мѣстахъ избираются изъ дворянъ большею частію военныхъ, а въ высшихъ опредѣляются изъ чиновъ также военныхъ и гражданскихъ. И нѣтъ причины измѣнять сей порядокъ, если бы измѣнить его и было возможно. При добромъ дѣлопроизводителѣ судья, избранный довѣріемъ сословія, съ здравымъ смысломъ и чистою совѣстью, хотя и безъ техническаго знанія, вообще можетъ быть полезнѣе, нежели судья просто ученый. Но тотъ же избранный довѣріемъ судья при худомъ производителѣ будетъ прикрывать только собою его пристрастіе, или невѣжество.

Университеты наши не могутъ доставить судебной части добрыхъ дѣлопроизводителей, во-первыхъ, потому, что тамъ студенты учатся, а не воспитываются; во-вторыхъ, потому, что они выходятъ и въ военную и въ другіе роды службы, не бывъ обязаны слѣдовать опредѣленному назначенію; то же можно сказать и о лицеяхъ; воспитанники ихъ, коихъ впрочемъ и число незначительно, расходятся по всѣмъ родамъ гражданской службы и рѣдко служатъ по судебной части.

Изъ сего видно, что учрежденіе спеціальнаго училища для судебной части, въ коемъ бы воспитанники теоріею и практикою пріуготовлены были предпочтительно къ прохожденію сего рода службы, представляетъ неоспоримую пользу. Возраженіе, что симъ уменьшится число учащихся въ Университетѣ, не можетъ быть уважительно потому, что число воспитанниковъ сего училища по самому составу его полагается весьма ограниченнымъ; каждый годъ изъ него можетъ быть выпускаемо не болѣе какъ отъ 20 до 25-ти человѣкъ.

Сообщ. П. П. Тодорскій.

[1]) Изъ бумагъ Сперанскаго. Рукописное отд. Импер. Публич. Библіотеки: Ркп. Б.—в. На докладѣ находится слѣдующая надпись: „Представлено Е. И. В. 24 генв. 1835 г.“

Эпизодъ изъ жизни Бѣлинскаго.

К. Д. Кавелинъ, бывшій однимъ изъ младшихъ участниковъ петербургскаго кружка Бѣлинскаго, оставилъ интересныя воспоминанія о Бѣлинскомъ 40-хъ годовъ. Въ жизни великаго критика мало было хорошихъ минутъ: и личныя причины, бѣдность, постоянное недомоганіе, безпросвѣтная работа, и общественныя условія той мрачной эпохи,—все это ложилось тяжелымъ камнемъ на душу Бѣлинскаго и давило и, наконецъ, задавило его больную грудь. Только небольшой кружокъ умныхъ и даровитыхъ людей, въ числѣ которыхъ были лучшіе люди 40-хъ годовъ, собиравшійся около Бѣлинскаго, вносилъ оживленіе и иногда нѣкоторое веселье въ эту печальную жизнь. Въ этотъ кружокъ (не всѣ одновременно) входили Панаевъ, М. А. Языковъ, П. В. Анненковъ, М. А. Бакунинъ, М. Н. Катковъ, А. И. Герценъ, Тургеневъ, Некрасовъ, Кавелинъ, Достоевскій, Григоровичъ, Гончаровъ, Н. Х. Кетчеръ, Н. Н. Тютчевъ, старый другъ В. П. Боткинъ.

Бѣлинскій—разсказываетъ Кавелинъ [1])—„работалъ какъ истинно-русскій человѣкъ—запоемъ, и когда могъ отдыхать, т. е. когда необходимость не заставляла его работать, охотно лѣнился, болталъ и игралъ въ карты ради препровожденія времени. Игрокомъ онъ никогда не былъ... Съ выходомъ книжки Бѣлинскій становился свободнымъ и приходилъ почти каждый день къ намъ, иногда къ обѣду, но всего чаще послѣ обѣда, играть въ карты. Копѣечная игра въ карты занимала и волновала его до смѣшного. Заигрывались мы вчастую до бѣла дня. Тютчевъ игралъ спокойно и съ перемѣннымъ счастіемъ; я вѣчно проигрывалъ, Кульчицкому счастье всегда валило удивительное, и онъ игралъ отлично. Бѣлинскій всегда

[1]) Цитир. по книгѣ А. Н. Пыпина „Бѣлинскій, его жизнь и переписка“, изд. 2-ое, Спб., 1908, стр. 456—459.

игралъ плохо, горячился, ремизился страшно и рѣдко оканчивалъ вечеръ безъ проигрыша. На этихъ-то картежныхъ вечерахъ, увѣковѣченныхъ для кружка брошюркой Кульчицкаго: „Нѣкоторыя великія и полезныя истины объ игрѣ въ Преферансъ", изданной подъ псевдонимомъ кандидата Ремизова, происходили тѣ сцены высокаго комизма, которыя приводили часто въ негодованіе Тютчева, забавляли друзей, а меня приводили въ глубокое умиленіе и еще больше привязывали къ Бѣлинскому... Повѣритъ ли читатель, что въ нашу игру, невиннѣйшую изъ невинныхъ, которая въ худшемъ случаѣ оканчивалась рублемъ, двумя, Бѣлинскій вносилъ всѣ перипетіи страсти, отчаянія и радости, точно участвовалъ въ великихъ историческихъ событіяхъ? Садился онъ играть съ большимъ увлеченіемъ и, если ему везло, былъ доволенъ и веселъ... Поставя нѣсколько ремизовъ, Бѣлинскій становился мрачнымъ, жаловался на судьбу, которая его во всемъ преслѣдуетъ, и наконецъ съ отчаяніемъ бросалъ карты и уходилъ въ темную комнату. Мы продолжали игру какъ будто ни въ чемъ не бывало. Кульчицкій, игравшій обыкновенно счастливо, нарочно ремизился отчаянно, и мы шумно выражали свою радость, что наконецъ-то и онъ попался. Послѣ двухъ-трехъ такихъ умышленныхъ ремизовъ и криковъ сосѣдняя дверь тихонько пріотворялась, и Бѣлинскій выглядывалъ оттуда на игру съ сіяющимъ лицомъ. Еще два-три ремиза,—и онъ выходилъ изъ темной комнаты, съ азартомъ садился за игру, и она продолжалась вчетверомъ по-прежнему".

Тургеневъ [1]) передаетъ въ своихъ воспоминаніяхъ о Бѣлинскомъ о такой же сценѣ. „Игралъ онъ плохо, но съ тою же искренностью впечатлѣній, съ тою же страстностью, которыя были ему присущи, что бы онъ ни дѣлалъ! Помнится, мы однажды играли съ нимъ, не въ деньги,—а *такъ*; онъ выигрывалъ и торжествовалъ... но вдругъ обремизился, остался безъ четырехъ. Потемнѣлъ мой Бѣлинскій пуще осенней ночи, опустилъ голову какъ къ смерти приговоренный. Выраженіе страданія, отчаянія такъ было искренне на его лицѣ, что я наконецъ не выдержалъ и воскликнулъ, что это уже ни на что не похоже, что если такъ огорчаться, такъ лучше совсѣмъ бросить карты!—„Нѣтъ"—отвѣчалъ онъ глухо и взглянулъ на меня исподлобья——„все кончено; я только до бубновой игры и жилъ"!—И въ это мгновеніе, я ручаюсь, онъ дѣйствительно былъ убѣжденъ въ томъ, что говорилъ".

Проработавъ какъ каторжный двѣ недѣли за письменнымъ столомъ, Бѣлинскій приходилъ къ Кавелину, Н. Н. Тютчеву и Куль-

---

[1]) „Вѣстн. Европы" 1869 г., апрѣль. стр. 717—718.

чицкому, которые занимали общую квартиру, и, разсказываетъ Панаевъ[1])—„предавался развлеченію. Развлеченіе это большею частью состояло въ преферансѣ по 3 к., до котораго Бѣлинскій былъ страстный охотникъ... Кульчицкій былъ искренно привязанъ къ Бѣлинскому и всѣми силами старался угождать ему. Онъ приготовлялъ обыкновенно карточный столъ за полчаса до нашего прихода, самъ тщательно вычищалъ зеленое сукно, такъ что на немъ не было ни пылинки, клалъ на него четыре превосходно завостренныхъ мѣлка и колоду картъ. Когда мы съ Бѣлинскимъ входили, Кульчицкій торжественно обращался къ Бѣлинскому и восклицалъ:

— Какъ вы находите это зеленое поле? Не правда ли, это радуетъ сердце?

Бѣлинскій пріятно улыбался, и мы, по требованію его, немедля приступали къ дѣлу".

М. Т. Кульчицкій, о которомъ извѣстно очень мало, и имя котораго сохранилось въ литературѣ лишь благодаря его дружбѣ съ Бѣлинскимъ, былъ даровитый писатель-юмористъ. Въ 1845 году онъ помѣстилъ въ „Литературной Газетѣ" нѣсколько сатирическихъ очерковъ подъ заглавіемъ „Дагерротипъ", подъ псевдонимомъ „Говорилинъ"... Во второй части изданнаго Некрасовымъ сборника „Физіологія Петербурга" (1845 г., стр. 95—140) Кульчицкій-Говорилинъ помѣстилъ „Омнибусъ", сценки изъ жизни петербургскихъ дачниковъ. Въ „Отечеств. Зап." 1845 г., кн. 3, онъ помѣстилъ „романтическую повѣсть"—„Необыкновенный поединокъ". Въ 1846 г. Кульчицкій умеръ.

Памятникомъ карточныхъ вечеровъ, въ которыхъ такъ горячо участвовалъ Бѣлинскій, осталась брошюрка Кульчицкаго—трактатъ о преферансѣ. Трактатъ доставилъ большое удовольствіе Бѣлинскому, который писалъ о немъ въ „Отечеств. Запискахъ" [2]): „Г. Ремизовъ, какъ видно, хорошо знакомый съ философіею современнаго общества и достойный быть не только кандидатомъ, но и докторомъ этой философіи, бросилъ на преферансъ взглядъ серьезный и высокій, какого вполнѣ заслуживаетъ такой высокій предметъ. Отъ того книжка его вышла остроумна и смѣшна: нельзя не смѣяться, читая ее". И Бѣлинскій привелъ нѣсколько выписокъ изъ брошюрки.

Это хорошенькая книжечка въ 32 странички, въ 32 долю; отпечатана она изящно. На ней значится цензурное дозволеніе, под-

---

[1]) И. И. Панаевъ. „Литературныя воспоминанія и воспоминанія о Бѣлинскомъ", Спб., 1876 г., стр. 332—333.

[2]) „Отечеств. Записки", т. XXVII, 1843 г., отд. VI, стр. 49—50.

писанное 15 марта 1843 г. цензоромъ Корсаковымъ. Такъ какъ она очень рѣдка, мы воспроизводимъ ее цѣликомъ, слѣдуя примѣру М. И. Семевскаго, который иногда перепечатывалъ подобные литературные курьезы,—тѣмъ болѣе, что эта веселая, острая шутка связана съ именемъ Бѣлинскаго.

Въ 13 § „Курса Преферанса", гдѣ описанъ неудачливый игрокъ, который рветъ на себѣ волосы и катается въ ярости по дивану, не трудно узнать добродушную каррикатуру на Бѣлинскаго. „Философія Преферанса"—забавная сатира на недавнее увлеченіе Бѣлинскаго и его кружка философіей Гегеля, на тотъ туманный, „птичій" языкъ, которымъ выражалось это увлеченіе. Этотъ высоко-комичный въ своей важности параграфъ трактата Кульчицкаго напоминаетъ слова А. Ѳ. Воейкова [1]) въ одномъ письмѣ 1838 г. къ А. А. Краевскому: „Вы жалуетесь на мою медлительность, а я на вашу, между тѣмъ какъ, говоря языкомъ Бѣлинскаго, объективная причина дѣйствуетъ на насъ, субъективовъ"... и т. под.

Н. Лернеръ.

Нѣкоторыя великія и полезныя
истины
объ игрѣ
ВЪ ПРЕФЕРАНСЪ,
заимствованныя изъ разныхъ древнихъ
и новѣйшихъ писателей,
и приведенныя въ систему
кандидатомъ философіи
П. Ремизовымъ.

—

С.-Петербургъ.
Въ типографіи К. Жернакова.
1843.

— Куплю!
— Пасъ.
— Удивительное несчастіе... Пасъ!

Новѣйшій разговоръ.

---

[1]) „Отчетъ Имп. Публ. Библіот. за 1891 г.", Спб., 1894 г., прилож., стр. 14.

СОДЕРЖАНІЕ

Вмѣсто предисловія:

Авторъ душевно бы желалъ подарить благосклонныхъ читателей длиннымъ, и, по возможности, скучнымъ предисловіемъ, но такъ какъ въ самой книгѣ будетъ именно говориться о томъ, что можно, и даже, въ нѣкоторомъ смыслѣ, должно бы сказать въ предисловіи, то онъ и оставляетъ сію заботу впредь до болѣе благопріятнаго времени, льстя себя надеждою, что почтеннѣйшая публика не оставитъ его своимъ одобреніемъ.

П. Р.

С. Петербургъ.
1 марта 1843 года.

ВСТУПЛЕНІЕ.

I. Исторія Преферанса.

§ 1. *Преферансъ* есть самая древнѣйшая игра въ мірѣ, что уже достаточно доказывается однимъ наименованіемъ ея, ибо слово *Преферансъ* происходитъ отъ слова fero, tili, latum, ferre, что значитъ *несу*, *отношу* или *сношу*.

§ 2. По паденіи Западной Римской Имперіи, игра сія перешла къ народамъ Гальскаго племени. Съ успѣхами наукъ и просвѣщенія на Западѣ, она болѣе и болѣе совершенствовалась, и, наконецъ, у Французовъ, достигла высшаго своего развитія.

Оттуда распространилась она по всѣмъ частямъ Земнаго Шара, достигнувъ такимъ образомъ и нашего любезнаго отечества, и получивъ то великое значеніе, въ какомъ мы оную теперь видимъ.

Примѣч. Во всѣ вѣка и во всѣхъ государствахъ игра сія именовалась Преферансомъ; впрочемъ называютъ ее еще *Преферо*, *Преферъ*, *Преферансикъ* или *Преферанчикъ*; а иногда и просто *Чикъ-Чикъ*, но сіе послѣднее мало употребительно.

§ 3. Хотя невозможно опредѣлить со всею точностію, какъ древнѣйшіе народы играли въ Преферансъ: *съ перговоромъ* или безъ онаго, но по свидѣтельству историковъ видно, что и тогда уже былъ извѣстенъ *ренонсъ*, и за него ставили *ремизы*. Плиній-Младшій, въ одномъ изъ потерянныхъ сочиненій своихъ, разсказываетъ слѣдующее: однажды, во время осады Трои, Зевесъ, соскучивъ наблюдать долговременную и чрезвычайно запутанную драку людей, позвалъ къ себѣ на вечеръ Марса и Аполлона, и сѣлъ играть съ ними въ Преферансъ, по копѣйкѣ серебромъ [1]). Случилось такъ, что онъ объявилъ рискованную игру, и видя, что ему неминуемо приходится проиграть, снесъ вмѣсто пики, трефу, т. е. ренонсировалъ. Аполлонъ замѣтилъ это, и хотѣлъ ужь было закричать: — „Ага! вамъ ремизъ!“ но Марсъ толкнулъ его ногой. Тотъ оставилъ.

§ 4. Отъ игры безъ переговоровъ, человѣчество, въ постоянномъ стремленіи своемъ къ совершенствованію, перешло наконецъ къ игрѣ съ переговоромъ, и стало играть *семь*, *восемь* и т. д. безъ прикупки. Честь таковаго открытія принадлежитъ исключительно изобрѣтательному XIX вѣку. Впрочемъ, должно упомянуть, что и въ наше время нѣкоторые дикіе и невѣжественные народы играютъ еще въ Преферансъ безъ переговоровъ, такъ напр., Кафры, жители Огненной Земли и проч.

§ 5. Дальнѣйшее развитіе сей игры, новые ходы и выходы, лучшіе способы обремизованія, и проч. принадлежатъ счастливому потомству.

II. Польза Преферанса.

§ 6. Польза сей игры неоспорима и очевидна. Кромѣ проигрыша и выигрыша, она еще приноситъ ту великую выгоду, что научаетъ человѣка познавать самого себя и окружающіе его предметы. Она сближаетъ народы, укрѣпляетъ семейныя и домашнія связи, способствуетъ развитію умственныхъ и тѣлесныхъ силъ, и что важнѣе всего, практически учитъ Философіи. Кто никогда не игралъ въ Преферансъ, того нельзя, въ строгомъ смыслѣ, назвать человѣкомъ съ чувствительною душою. Поставивши два или три ремиза, и въ особенности въ червяхъ, мы чувствуемъ себя какъ-бы просвѣтленными духомъ, и невольно приходимъ въ сердечное умиленіе. Объ этомъ всѣ историки согласны, а философы и медики совѣтуютъ даже лечить Преферансомъ нѣкоторыя болѣзни, такъ напр.: простуду, чахотку, отчаянную любовь, и проч.; ибо, если достаточное

[1]) Тогда деньги были очень дороги.

количество ремизовъ раждаетъ у одного необыкновенный даръ краснорѣчія, то у другаго производитъ испарину; а есть люди, которые только отдуваются, и молча лѣзутъ на стѣну. Такимъ образомъ, во всякомъ случаѣ игра сія приноситъ человѣчеству неисчислимыя выгоды.

III. Философія Преферанса.

§ 7. Игра въ Преферансъ есть по преимуществу игра философская, или лучше—игра философовъ. Шеллингъ, въ одной изъ послѣднихъ лекцій своихъ, опредѣляетъ ее такъ: „Преферансъ есть побѣда духа надъ духомъ и матеріею". И это совершенно справедливо. Ибо, кто хочетъ постоянно выигрывать, тотъ долженъ прежде всего побѣдить самого себя (духъ), а побѣдивши себя, онъ легко уже можетъ побѣдить своихъ противниковъ (духъ) и поворотить къ себѣ счастіе (матерія, карты). Вообще, случай или счастіе, равно какъ и умѣнье, играютъ здѣсь второстепенную роль: они цѣлью служить не могутъ; а потому хорошіе игроки, какъ и хорошіе герои, познаются въ несчастіи.

§ 8. Сдѣлавши главное, т. е. опредѣливъ игру философски, авторъ не считаетъ уже нужнымъ утомлять благосклоннаго читателя опредѣленіемъ другихъ ея частей, и тѣмъ омрачать его память, память, столь нужную для считанія козырей, взятокъ, выходовъ и для дальнѣйшаго соображенія. Книга сія посвящается преимущественно практической цѣли; слѣд., говоря откровенно, философскія опредѣленія ни къ чему здѣсь не годны. Вотъ доказательство, отчего многіе философы, въ особенности германскіе, будучи, такъ сказать, образцами глубокомыслія, на практикѣ оказываютъ себя людьми чрезвычайно ограниченными. Извѣстно, что Шеллингъ самый плохой игрокъ въ Преферансъ, и разъ, объявивши игру въ червяхъ, остался безъ двухъ, будучи въ рукѣ и имѣя самъ-шестъ туза и даму съ постороннимъ тузомъ!!! Въ наше время трудно этому повѣрить; а между тѣмъ, посмотрите, какія онъ дѣлаетъ глубокія и вѣрныя опредѣленія: напр.: Что такое вистъ? „Формальная повѣрка права играющаго на предъявленную игру". Что такое взятка? „Вещественный знакъ формальной собственности, опредѣляющій права играющихъ". Что такое ремизъ? „Ремизъ есть манифестація предъявленія незаконныхъ правъ на игру или на ограниченіе оныхъ".— Каково? Удивительно!—Другой философъ, изъ древняго міра, Сократъ, никакъ не могъ понять, что дама самъ-другъ рѣдко дѣлаетъ взятку. По свидѣтельству его учениковъ, онъ считалъ ее за двѣ, а при счастіи даже болѣе. Какъ это случалось съ человѣкомъ, уму котораго

поклонялась вся Греція, трудно понять.—Изъ поэтовъ болѣе всего замѣчателенъ по своей дурной игрѣ Гёте; а между тѣмъ, какого ума, какой душевной теплоты и глубочайшихъ соображеній исполнены письма его къ графинѣ Штольбергъ о Преферансѣ.

КУРСЪ ПРЕФЕРАНСА.

Практическая сторона.

§ 1. Въ практическомъ отношеніи, Преферансъ есть договоръ трехъ сторонъ о взаимномъ другъ друга ограниченіи, или, говоря общепонятнымъ языкомъ, о взаимномъ другъ друга обдуваніи. Съ перваго раза опредѣленіе это покажется невѣроятнымъ: спросятъ: какъ могутъ три стороны согласиться обдувать другъ друга, т. е. обдувать самихъ же себя? Очень просто. Онѣ заключаютъ межъ собой таковой договоръ: какъ только одна изъ нихъ захочетъ усилиться на счетъ двухъ остальныхъ, сіи послѣднія объявляютъ себя врагами ея, соединяются узами тѣснѣйшей дружбы и стараются всѣми силами не допустить преобладанія первой. Этотъ чудный союзъ, послужившій образцомъ для политическаго равновѣсія Европы, явился только въ новѣйшее время. Коалиція не была извѣстна древнимъ, и Гиббонъ краснорѣчиво описываетъ, какъ, подъ конецъ Имперіи, нравы Римлянъ развратились до того, что рѣшительно невозможно было никому ходить въ вистъ! Каждый старался топить другаго и тонулъ самъ. Въ новѣйшія времена мы видимъ совсѣмъ противное: выступающіе сохраняютъ межъ собой нѣжнѣйшую дружбу, и только тогда топятъ другъ друга, когда видятъ, что вмѣстѣ съ тѣмъ могутъ утопить и играющаго. Оттого, вы нынче часто услышите: „А, самъ сяду, да ужъ и его усажу“! (т. е. играющаго). Кто при томъ не знаетъ, что нынѣ ужъ, одинъ изъ вистующихъ, обезпеченный своими взятками, часто сноситъ вѣрнѣйшія (въ возможности), напр., тузовъ, чтобъ дать только взять товарищу!... Такіе трогательные примѣры великодушія, слѣдствіе вездѣ распространяющейся гуманности, достойны быть переданы отдаленному потомству въ мраморѣ и бронзѣ!—Я самъ былъ свидѣтелемъ, какъ одинъ почтенный человѣкъ, украшенный сѣдинами и окруженный счастливымъ семействомъ, снесъ отъ себя туза, короля, и маленькую масти, чтобъ только дать своему товарищу взять на валетѣ... Поблѣднѣвши, сей послѣдній держался за него, какъ утопающій за соломенку, и когда былъ спасенъ, то бросился обнимать избавителя. Слезы непритвор-

ной радости блестѣли на глазахъ его, и всѣ присутствовавшіе умиленно плакали...

§ 2. Садясь въ Преферансъ, кромѣ спеціальныхъ познаній, — должно имѣть неколебимое присутствіе духа, единство цѣли и сосредоточность мысли. Великая игра сія требуетъ соединенія въ одномъ лицѣ предпріимчивости полководца, настойчивости дипломата и глубокомыслія ученаго. Древніе приступали къ ней, очистивъ себя напередъ жертвой, и, какъ говорили — manibus puris. Мы, новѣйшіе, садясь въ Преферансъ, должны сохранять какъ въ лицѣ своемъ, такъ и въ движеніяхъ, отпечатокъ достоинства. Никакое тревожное или суетное чувство не должно пробѣгать по душѣ нашей. Закройте ваши помыслы непроницаемой для противниковъ завѣсой. Пусть лице ваше ничего не выражаетъ, кромѣ чувства собственнаго достоинства, неоскорбляющаго впрочемъ достоинства другихъ. Тогда всѣ скажутъ: „какой прекрасный человѣкъ", и будутъ играть съ вами спустя рукава.

§ 3. На счетъ присутствія духа и предпріимчивости, многіе имѣютъ весьма ложныя понятія. Я видѣлъ людей, которые безумно расточаютъ врожденную имъ храбрость и врываются въ отчаянныя игры почти безъ оружія (т. е. безъ взятки). Правда, дѣла ихъ увѣнчиваются иногда блистательнымъ успѣхомъ, но увы! слишкомъ кратковременнымъ: грозный разсчетъ чаще всего падаетъ позоромъ на главу ихъ, опустошеніемъ на карманъ! Не таково присутствіе духа мужа испытаннаго! Къ нему должно идти путемъ мышленія и глубочайшихъ соображеній. Должно сказать себѣ: „Сажусь не для того только, чтобъ выиграть, но и для того, чтобъ проиграть. Сохраню мои силы въ счастіи и несчастіи; отниму все, что только можно, и за свое постою до послѣдней". Поэтому, садясь въ Преферансъ, не только не должно хвастаться передъ другими, говоря: „я нынче, господа, обрѣжу васъ", но даже и подумать о томъ передъ самимъ собой. Приведемъ разительный тому примѣръ изъ древняго міра: Когда Аннибалъ запугалъ Римлянъ своими побѣдами, они выслали къ нему Фабія, старика чрезвычайно тонкаго и замысловатаго. Прибывъ къ войску, онъ тотчасъ понялъ, что тутъ силой ничего не возьмешь. Тогда онъ прибѣгнулъ къ хитрости и отправился въ станъ къ Аннибалу, будто бы для переговоровъ. Аннибалъ его принялъ очень вѣжливо и приказалъ поставить самоваръ. Такъ какъ дѣло шло ужъ къ вечеру, то хозяинъ спросилъ у Фабія: „а что, не хотите ли въ преферансикъ?"—Нѣтъ, отвѣчалъ Фабій:—я плохо играю. „Ничего, мы сядемъ по маленькой". Сѣли и записали по XXX [1]).

[1]) Тогда записывали римскими цифрами.

— Развѣ—сказалъ Фабій—для занимательности игры, не поставить ли намъ въ пульку судьбу Рима и Кареагена? Отъ этого и казна больше выиграетъ, и намъ будетъ...

— Почтеннѣйшій — перебилъ его Аннибалъ: оно такъ, казна дѣйствительно больше выиграетъ, да вѣдь я васъ обдую...

— Это еще неизвѣстно.

— Обдую непремѣнно. Въ Кареагенѣ я обдувалъ весь свѣтъ.

— Ну, это еще неизвѣстно.

Слово за слово; поспорили. И въ то время, какъ Аннибалъ, ставя Фабію ремизъ за ремизомъ, хвасталъ и смѣялся, старый Римлянинъ тихо взывалъ къ богамъ: „Безсмертные! сѣлъ не для того только, чтобъ проиграть" и проч. Между тѣмъ, счастіе къ Аннибалу валило чертовское. „А что, а что!" кричалъ онъ въ восторгѣ: „вотъ вамъ еще ремизъ!"—Ничего, отвѣчалъ Фабій:—finis coronat opus. „Какой тутъ finis—смотрите—я въ малинѣ".—Finis coronat opus—повторялъ упрямый старикъ. И дѣйствительно: подъ конецъ Аннибалъ какъ-то зацѣпился и поставилъ 3 ремиза. Это его взбѣсило. „Играю—говоритъ—въ червяхъ". И не смотря въ карты, онъ объявилъ игру, и поставилъ еще 5; потомъ, дальше, дальше. Кончилось тѣмъ, что Аннибалъ проигралъ Фабію всѣ деньги, вещи, дорожную свою шкатулку, войсковой багажъ, и пр., и со стыдомъ бѣжалъ зимовать въ Капуу [1]).

§ 4. На счетъ глубокомыслія, можно сказать только одно: наблюдайте вашихъ противниковъ такъ, какъ будто бы вы докторъ душевныхъ болѣзней, т. е. старайтесь прежде всего узнать — кто они такіе; чинъ, имя и фамилію каждаго; сколько отъ роду лѣтъ; какого поведенія; женатъ ли и на комъ; обладаетъ ли даромъ краснорѣчія, или только просто даромъ слова, употребляетъ ли горячительные напитки и въ какой мѣрѣ; не начальникъ ли? если начальникъ, то каковъ съ подчиненными, а если подчиненный, то какъ аттестуется начальствомъ; и не было ль въ жизни его особенныхъ какихъ-либо происшествій? Ибо, иному стоитъ сказать раза три: „*И я куплю*", чтобъ заставить его проиграться; а другого не собьешь съ толку даже разсказомъ о томъ, какъ Наполеонъ бѣжалъ изъ Россіи.

§ 5. Не развлекайтесь въ игрѣ никакою земною страстію или суетнымъ помысломъ. Если вы женатый человѣкъ, лучше, чтобъ

---

[1]) Титъ Ливій, Книга III, стр. 281.

жена была подальше; но впрочемъ, оставлять ее одну дома, признается не всегда благопріятнымъ.

§ 6. Кто чувствителенъ къ прекрасному полу, или страстно любитъ музыку, совѣтуютъ садиться тамъ, гдѣ нѣтъ сквознаго вѣтра. Иначе успѣхъ игры сомнителенъ.

§ 7. Преферансъ не любитъ голода; но засореніе или обремененіе желудка также вредитъ игрѣ. Вотъ почему очень не худо имѣть въ отдаленной перспективѣ нѣкотораго рода пріятную закуску.

§ 8. Преферансъ именно такая игра, которая болѣе всего любитъ обворожительные поступки. Поэтому, благоприличіе первое ея условіе. Для нея одѣвайтесь просто, но со вкусомъ; говорите съ изяществомъ и краснорѣчиво. Высокій слогъ имѣетъ здѣсь настоящее свое употребленіе. Избѣгайте словъ неблагородныхъ и такъ сказать неделикатныхъ, напр.: *облупили*, *свиснулъ*, *бубняшки*, *въ жилку* и проч.

§ 9. Если вы кого-нибудь обремизите, покажите ему искреннее сожалѣніе. Чрезъ это игра къ вамъ пойдетъ еще лучше, но надо чтобъ сожалѣніе было искреннее. Нѣкоторые народы, напр. Китайцы, послѣ каждаго ремиза обнимаются и лобызаютъ другъ друга.

§ 10. Когда вы благополучно окончите пульку, и увидите, что противники, обыгранные вами, встаютъ изъ-за стола съ нѣсколько мрачными физіономіями, справедливость требуетъ разсказать имъ какой-нибудь приличный анекдотъ, не слишкомъ веселаго, но и не вовсе печальнаго содержанія, къ которому бы тонко и деликатно примѣшивался намекъ о превратностяхъ судебъ человѣческихъ.

§ 11. Если и на вашу долю придется поставить ремизъ, покажите видъ, что вы этому рады; даже не худо обрадоваться и въ самомъ дѣлѣ. Чрезъ это получите вы новыя, необъятныя силы! Нибуръ разсказываетъ, что одинъ Римлянинъ, по имени Муцій Сцевола, могъ, не поморщась съиграть цѣлую пульку, когда въ теченіи ея не приходила къ нему ни одна игра, ни даже на вистъ!

§ 12. Послѣ порядочнаго проигрыша, эмпирики совѣтуютъ читать Канта; Присницъ въ семъ случаѣ предлагаетъ обливанія холодной водой; но оба сіи средства мало дѣйствительны. Нынѣ почти всѣми признано, что послѣ проигрыша, полезнѣе всего углубиться въ созерцаніе красотъ природы, или сѣсть на слѣдующую пульку.

§ 13. Приходить же въ ярое неистовство, падать со стула, или кататься по дивану; вопить и клясться; также рвать на себѣ манишку и галстухъ, а равно вырывать изъ головы волоса, почитается крайне неприличнымъ. Испытавшіе сіе долговременнымъ опытомъ увѣряютъ, что это при томъ и совершенно безполезно.

Спеціальныя познанія и умѣнье.

§ 14. Спеціальныя познанія, болѣе или менѣе извѣстныя каждому изъ практики, можно почерпать еще изъ многихъ учебниковъ Преферанса. Что же касается до умѣнья, то оно дается частію природою, частію пріобрѣтается навыкомъ и долговременною опытностію. Здѣсь можно сказать только одно: играйте не только съ умѣньемъ, но и съ чувствомъ. Напримѣръ: Если вы имѣете вѣрныя взятки, и надѣетесь еще обремизить противниковъ, не худо, бросая свою карту, нѣсколько пристукивать ею: это внушаетъ другимъ страхъ и смѣшиваетъ ихъ соображенія. Если же вы видите, что сами съ ремизомъ, бросайте карту такъ, чтобы она, падая на столъ, закружилась нѣсколько разъ: дѣйствіе сего понятно.

Терминологія.

§ 15. Всѣ народы имѣли достаточное понятіе о томъ, что такое: *пики*, *трефы*, *бубны*, *черви*, *съигралъ*, *вистъ*, *ремизъ*, *ренонсъ*, *пулька* и проч.; но, смотря по климату, почвѣ земли и обстоятельствамъ, называли это иногда по-своему. Такъ, напримѣръ: Римляне не говорили: „пропалъ" или „я безъ одной" или „ну, господа, поздравьте меня съ ремизомъ", а говорили: „mortus sum". Оттуда извѣстное memento mori, т. е. помни ремизъ. Мы, напримѣръ, говоримъ: „пошелъ" или „вистъ", или „попробую", или „была не была", а Катонъ, идя въ вистъ, обыкновенно говаривалъ: „Delenda est Carthago". Другой стоикъ древняго міра, когда у него бывала вѣрная игра, всегда говорилъ: Omnia mecum porto и проч.

§ 16. Въ Преферансѣ, съ незапамятныхъ временъ, всегда существовало 10 взятокъ. Греки, любившіе все обожествлять и персонифьировать, полную преферансовую игру олицетворили въ Аполлонѣ съ 9-ю музами. Очевидно, что это было не что иное, какъ 10 въ червяхъ: Аполлонъ—тузъ, Мельпомена—король, и т. д. Оттуда

и преданіе, что музы услаждаютъ жизнь человѣческую. Римляне, все переносившіе въ право, то же самое понятіе выразили въ законахъ, изобразивъ ихъ на доскахъ или таблицахъ, коихъ было первоначально 10; а двѣ прибавлены въ послѣдствіи для обозначенія прикупки.

§ 17. Прикупка также существовала у всѣхъ народовъ, но какъ въ древнія времена искусство книгопечатанія было еще неизвѣстно, то карты составляли народное богатство [1]). На Олимпійскихъ играхъ, Преферансъ составлялся всегда изъ трехъ первенствующихъ племенъ. Оттого, похищеніе прикупки, неминуемо прерывавшее игру и разрушавшее благосостояніе народовъ, въ древнія времена было причиною многихъ войнъ и несчастій. Миѳы по сему предмету чрезвычайно многочисленны: такъ, напримѣръ, похищеніе Европы, похищеніе Елены и проч.; но самый большій и разительный—это миѳъ Прометея.

Извѣстно, что Зевесъ, желая усладиться такой игрой, отъ которой бы оба противника его поставили по два ремиза, однажды, когда пришла ему очередь здавать, здалъ себѣ отличнѣйшую игру, а въ прикупку положилъ двухъ тузовъ, червоннаго и пиковаго. Прометей подмѣтилъ это и похитилъ прикупку. Зевесъ велѣлъ его приковать къ Кавказу [2]).

§ 18. Изъ терминовъ, употребляемыхъ въ Преферансѣ, только одинъ съ самыхъ древнѣйшихъ временъ и до нашихъ сохранился неизмѣняемымъ: это глаголъ—обдувать или надувать. По розысканіямъ новѣйшихъ ученыхъ видно, что въ Греціи самымъ почетнымъ лицамъ давались, напримѣръ, такія прозванія: *Надувало*, *Продувная-бестія*, и проч.

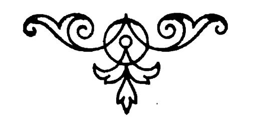
§ 19. Наконецъ, единственная вещь, о которой древніе не имѣли даже предчувствія; вещь, которая прославитъ XIX вѣкъ, и поставитъ его выше всѣхъ предшествовавшихъ, какъ начало великой гуманности, это—*Консоляція*. Трудно представить себѣ что-нибудь гуманнѣе этого; а между тѣмъ, и въ наше еще время не всѣ народы приняли и усвоили Консоляцію! Другіе ограничиваютъ ее стѣснительными положеніями, и записываютъ по мастямъ... Не должно

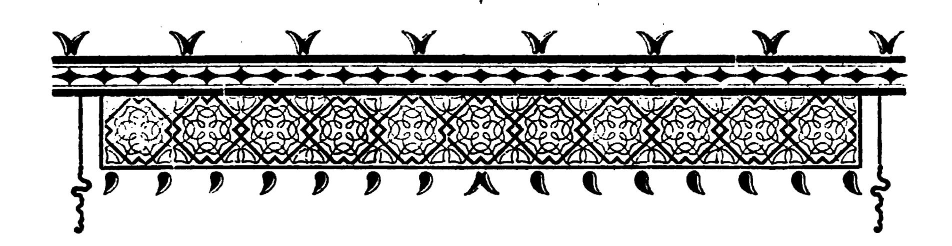
---

[1]) Павзаній говоритъ, что въ его времена колода картъ, коей не прошло еще 100 лѣтъ, цѣнилась въ 400 и 500 талановъ серебра.

[2]) Новѣйшіе германскіе ученые миѳъ Прометея изъясняютъ нынѣ нѣсколько иначе. Они говорятъ, что, славясь въ древности отличнымъ игрокомъ въ Преферансъ, Прометей схватился разъ съ самимъ Зевесомъ и оставилъ его безъ трехъ, а по увѣренію другихъ, даже безъ четырехъ.

приписывать этого ни чему иному, какъ только испорченности натуръ въ періодъ переходнаго состоянія. Будемъ надѣяться, что послѣдующія поколѣнія упрочатъ и разовьютъ повсемѣстно это начало, и Готтентоты также станутъ записывать въ консоляцію по десяти за каждый ремизъ, какъ дѣлаютъ это нынѣ образованные Европейцы.

Воспоминаніе о пребываніи первой Русской военной миссіи въ Персіи.

Вторая поѣздка въ Тегеранъ въ составѣ военной миссіи.

V [1]).

Обратный путь въ Россію.—Екатеринодаръ.—Приготовленіе къ вторичной поѣздкѣ. — Офицеры и урядники военной миссіи. — Владикавказъ. — Два пути въ Баку.—Баку-Энзели.

Обратно въ Россію я ѣхалъ тѣмъ же путемъ и тѣмъ же способомъ на почтовыхъ верховыхъ лошадяхъ, но ужъ конечно не съ такой поспѣшностью. Въ Тавризѣ, гдѣ ужъ не было Кребеля, я только переночевалъ и безостановочно продолжалъ путь до Тифлиса.

Въ Тифлисѣ я доложилъ о результатѣ командировки и получилъ разрѣшеніе, согласно контракта, выбрать по своему усмотрѣнію въ составъ военной миссіи трехъ офицеровъ и пяти урядниковъ.

Въ Екатеринодарѣ я предполагалъ дѣлать всѣ приготовленія къ отъѣзду въ Персію, гдѣ намъ предстояло пробыть три года, слѣдовательно, въ отношеніи сборовъ было о чемъ подумать.

Во время моего пребыванія въ Тегеранѣ я неоднократно замѣчалъ, съ какимъ обиднымъ недовѣріемъ смотрѣли тамъ на иностранныхъ офицеровъ, пріѣзжающихъ въ Персію налегкѣ, какъ бы съ единственной цѣлью нажиться. Я постарался какъ можно шире обставить себя въ матеріальномъ отношеніи. Прежде всего нужно было обзавестись хорошимъ выѣздомъ. Чудная пара рослыхъ воро-

---

[1]) См. „Русская Старина“, мартъ 1908 г.

ныхъ черноморскихъ упряжныхъ лошадей уже была, недоставало экипажа. По отношенію обмундированія изъ прежней моей службы въ Кубанскомъ войскѣ осталось только умѣнье носить казачье платье, а это не послѣднее дѣло. Весьма неказистую фигуру представляетъ человѣкъ, нарядившійся въ незнакомый ему казачій костюмъ. Такіе люди, часто встрѣчающіеся на Кавказскихъ минеральныхъ водахъ, создали даже особый типъ московскаго черкеса. Такъ какъ на время командировки въ Персію я снова былъ зачисленъ по Кубанскому войску, то платье и въ особенности дорогое оружіе и сѣдельное снаряженіе нужно было заводить заново. Чтобы не задержаться съ дальнѣйшими приготовленіями, я тотчасъ же обратился съ рапортомъ наказному атаману Кубанскаго войска, прося о назначеніи трехъ урядниковъ, двое остальныхъ должны были быть взяты изъ Терскаго войска. Вмѣстѣ съ тѣмъ я телеграммой запросилъ есаула Браткова, желаетъ ли онъ ѣхать со мною въ Персію, упомянувъ о содержаніи около пяти тысячъ рублей на русскія деньги. Есаулъ Братковъ въ то время находился въ Ставрополѣ, занимая должность командира Ставропольскаго казачьяго юнкерскаго училища. Въ отвѣтъ я получилъ телеграмму, выражающую весьма радостное его настроеніе: „согласенъ, согласенъ, согласенъ, Братковъ". Познакомился я съ нимъ мѣсяца за четыре до того. Не скажу, чтобы это знакомство было близкое, я видѣлъ его не болѣе двухъ разъ и то въ большой и пожалуй въ слишкомъ веселой компаніи, но онъ остановилъ на себѣ мое вниманіе своей оригинальной, рѣзко очерченной натурой. Происходя изъ офицеровъ бывшаго линейнаго войска, онъ отличался твердымъ и самостоятельнымъ характеромъ. Малообразованный, но нахватавшись хлесткихъ и ходячихъ мнѣній и фразъ по Писареву, Чернышевскому и другимъ, онъ съ большимъ апломбомъ импонировалъ этимъ на окружающихъ его, большею частью скромныхъ и вовсе не отличающихся начитанностью товарищей. Репутація хорошаго строеваго офицера окончательно рѣшила дѣло въ его пользу. Впослѣдствіи мнѣ пришлось пожалѣть о невполнѣ обдуманномъ моемъ выборѣ.

Другой офицеръ былъ Екатеринодарскаго полка хорунжій Кухаренко, мой родственникъ. Онъ, по молодости и по непродолжительной службѣ, можетъ быть не вполнѣ подходилъ къ условіямъ необходимымъ для роли инструктора, но какъ отличный ѣздокъ, исполнительный въ работѣ, весьма аккуратный въ дѣлахъ, онъ могъ принести большую пользу.

Назначенные три урядника были: Евсѣевъ, Рудь и Лактинъ. Первые два отличные и хорошо знающіе строй. Лактинъ же, по-

бывавшій передъ тѣмъ съ полковникомъ Петрусевичемъ въ его поѣздкѣ по сѣверо-восточнымъ провинціямъ Персіи, еще въ Тегеранѣ былъ мнѣ прикинутъ посольствомъ. Изъ продолжительной, чрезвычайно полезной и интересной поѣздки съ Петрусевичемъ Лактинъ вынесъ только одно—страсть къ вину.

Наконецъ всѣ сборы въ Екатеринодарѣ были покончены. Отправивъ трехъ урядниковъ, лошадей, вещи и денщика на Кавказскую желѣзнодорожную станцію, я съ женой и харунжимъ Кухаренко чрезъ три дня выѣхалъ въ коляскѣ на почтовыхъ. Кстати не могу не остановиться на отличномъ образчикѣ военной прислуги. Мнѣ былъ присланъ изъ Екатеринодарскаго мѣстнаго баталіона въ денщики Алексѣй Подмокловъ. Честный, трудящійся, сообразительный, онъ вездѣ и при самой разнообразной обстановкѣ былъ самъ собой. Въ Персіи онъ у насъ былъ кучеромъ, возясь всегда съ лошадьми и коляской, почти никогда не покидая конюшни, онъ чувствовалъ себя между персіянами какъ дома—въ Россіи. Любя поговорить и порезонировать, онъ разговаривалъ съ персіянами добродушно, называя ихъ персюками, весьма далекій отъ желанія оскорбить ихъ этимъ словомъ, которое означаетъ то же, что для армянина армяшка. Персіяне, относящіеся къ нему съ уваженіемъ, вѣроятно какъ бы видя какое посредство Алексѣя съ его дѣломъ, называли его *каляскѣй*. Гдѣ бы и въ какомъ положеніи Алексѣй ни былъ, онъ помнилъ всегда свое солдатское званіе и никогда ни передъ кѣмъ не забывался. По возвращеніи изъ Персіи въ Россію я ѣхалъ по желѣзной дорогѣ въ Петербургъ. Офицеры, находившіеся съ Алексѣемъ въ вагонѣ второго класса, никакъ не могли заставить его сѣсть при нихъ, чего онъ, какъ солдатъ, не позволялъ себѣ, хотя онъ былъ одѣтъ въ поддевкѣ съ золотой персидской медалью на груди, которая и привлекла къ нему ихъ вниманіе.

Во Владикавказѣ мы остановились дня на три. Я явился къ атаману Терскаго войска генералу Свистунову и просилъ его порекомендовать мнѣ офицера для поѣздки въ Персію, при чемъ подробно объяснилъ ему сущность порученія. Онъ мнѣ сразу, незадумываясь, предложилъ взять съ собой состоящаго въ его распоряженіи какого-то громаднаго роста, звѣреподобнаго ингуша, вѣроятно предполагая, что такой будетъ тамъ вполнѣ подходящимъ. Я деликатно отъ этого отклонился. Тогда онъ представилъ находящагося тамъ же въ комнатѣ своего адъютанта сотника Вырубова. Небольшое сомнѣніе было у меня относительно знанія имъ строевой службы, но, не желая затягивать дѣла, а дальнѣйшая рекомендація атамана, смотря по его личнымъ воззрѣніямъ, могла повести только къ излишней проволочкѣ, я согласился. Сотникъ Вырубовъ

красивый, съ длинной черной бородой, вслѣдствіе чего его въ Персіи называли Фетали-шахомъ, исторически извѣстнымъ своей необычайно длинной бородой, человѣкъ добрый, весьма симпатичный, но къ сожалѣнію по мягкости и слабости характера способенъ былъ легко подчиняться другимъ.

Назначенные войсковымъ штабомъ по посланному мною изъ Екатеринодара рапорту два урядника Водобшинъ и Кириловъ, оба георгіевскіе кавалеры, первый даже съ тремя, бравые и на видъ внушительные, сразу казались вполнѣ подходящими.

Дальнѣйшій путь изъ Владикавказа былъ направленъ вмѣсто Джульфы на Баку. Урядники, Алексѣй съ лошадьми и вещи подъ командой Водобшина были отправлены на нанятыхъ фургонахъ на Петровскъ, откуда моремъ въ Баку, гдѣ должны были ожидать насъ. Для офицеровъ общее сборное мѣсто было въ Тифлисѣ, откуда мы въ среднихъ числахъ апрѣля выѣхали въ Баку. Тогда еще не было желѣзной дороги, приходилось ѣхать на почтовыхъ. Путь этотъ былъ весьма непріятенъ, дорога была большей частью песчаная, страшно пыльная съ глубокими рытвинами, мѣстами каменистая, въ общемъ голая пустыня, въ которой и глазу не на чемъ было остановиться, и это безконечно тянулось до самаго Елизаветполя. Дальше хотя путь нѣсколько разнообразился переправой черезъ Куру и гористой, съ приближеніемъ къ Дербенту, мѣстностью, все-таки онъ не могъ разсѣять тяжелаго настроенія, наводимаго этой тоскливой дорогой. Въ особенности были непріятны остановки на станціяхъ. Апатичные, вѣчно чѣмъ-то озлобленные смотрители встрѣчали насъ почти всегда со словами „лошадей нѣтъ", приходилось, слѣдовательно ожидать и довольно долго въ душной отвратительно грязной комнатѣ, на станціи же все сразу какъ-то замирало; кругомъ ни звука, никакого движенія, всѣ куда-то исчезали, и всякія усилія дозваться кого-нибудь были безплодны. Наконецъ-то, наконецъ появится смотритель и скажетъ, что лошади готовы.— Да, много приходилось ѣздить на почтовыхъ, но никогда не случалось испытывать такихъ ужасныхъ затрудненій. Но и этотъ тяжелый путь конченъ, мы пріѣхали въ Баку.

По пріѣздѣ въ Баку мы остановились въ недавно построенной гостиницѣ, находящейся недалеко отъ морской набережной. Тотчасъ же явился молодчина Водобшинъ, начальникъ команды, отправленной на Петровскъ, и доложилъ объ исправномъ прибытіи команды. Я его послалъ узнать, когда отходитъ пароходъ въ Энзели, ближайшій персидскій портъ. Къ нашему удовольствію, пароходъ долженъ былъ отходить на слѣдующій день въ три часа по полудни, такъ что мы успѣли свободно къ тому времени сдѣлать нагрузку, несмотря на

то, что, по неимѣнію на пароходѣ мѣстъ для перевозки лошадей и экипажа, приходилось дѣлать нѣкоторыя къ тому приспособленія. Въ назначенное время пароходъ нашъ отошелъ. Ночь была страшно тяжелая, качка ужаснѣйшая. Къ пяти часамъ вечера другого дня мы остановились на Энзелійскомъ рейдѣ верстахъ въ трехъ отъ берега. Баркасы подплывали къ пароходу, сильное волненіе дѣлало выгрузку весьма затруднительной и почти рискованной, но дѣлать было нечего. Въ Энзели высаживались только мы, а пароходъ долженъ былъ продолжать свой путь къ восточному берегу моря, слѣдовательно, выбора не предстояло никакого, и высадка началась. Баркасы, подплывавшіе къ трапу, взлетали чуть не до борта, нужно было не упускать минуты относительно спокойствія, но раздававшіеся крики: „скорѣе, скорѣе!“ еще болѣе усиливали суматоху. Наконецъ вещи сложили, выгрузили также и коляску, оставалось самое трудное — выгрузка лошадей. Лошади были къ тому совершенно непривычныя, даже почти невыѣзженныя, онѣ были взяты изъ табуна только дней за десять до выѣзда изъ Екатеринодара. Подъемной машиной онѣ были подхвачены подъ брюхо и быстро опущены на баркасы, гдѣ стоявшіе урядники принимали ихъ подъ уздцы. Послѣ всѣхъ сѣли и мы въ лодку. Никогда не забыть мнѣ происшедшей тогда умилительной сцены! Недалеко отъ насъ тутъ же на рейдѣ стоялъ другой русскій военный пароходъ съ какой-то воинской частью, шедшій въ Красноводскъ. Выгрузка наша привлекла вниманіе тѣхъ пассажировъ. Когда же послѣдняя наша лодка отчалила отъ парохода, вдругъ раздалось громкое „ура!“, и полились звуки народнаго гимна.

Впечатлѣніе было глубокое, почти потрясающее. Дорогіе звуки какъ бы напоминали намъ о покинутой родной странѣ, впереди же открывшійся берегъ съ чуждыми постройками, минаретами и дворцами говорилъ о невѣдомомъ краѣ, въ который мы довольно смѣло пускались. Но звуки по мѣрѣ нашего отдаленія стали утихать, затѣмъ снова, вѣроятно на словахъ „Царствуй на страхъ врагамъ“, раздались еще величественнѣе и потомъ затихли, заглушенные вѣтромъ и шумомъ морского прибоя. Все время мы сидѣли безмолвно съ непокрытыми головами, пока наши лодки не причалили къ берегу.

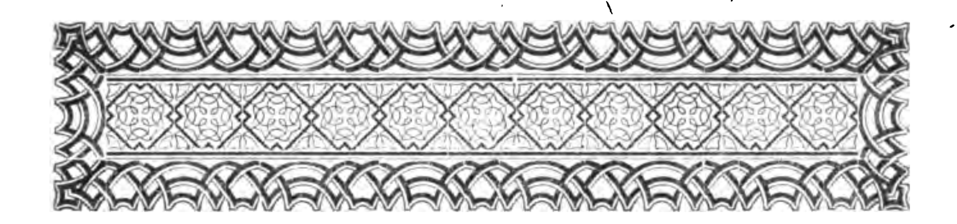
Въ Энзели мы остановились въ какихъ-то зданіяхъ шахскаго дворца. Огромный фруктовый садъ окружалъ насъ. Несмотря на раннюю пору сезона (дѣло было въ серединѣ апрѣля), деревья были сплошь покрыты спѣлыми фруктами, и намъ въ первый разъ пришлось отвѣдать прямо съ дерева мандарины, инжиръ, аблимонъ (родъ сладкихъ, сочныхъ лимоновъ). Все это было предоставлено въ

наше распоряженіе. На другой день утромъ мы, помѣстившись въ лодкахъ сначала въ рѣкѣ, а потомъ по каналу, направились къ Решту. Упряжныя лошади съ экипажемъ были отправлены туда сухимъ путемъ. На берегу въ предмѣстьѣ Пиръ-Базаръ насъ ожидали экипажи, въ которыхъ мы и пріѣхали въ русское консульство.

А. Домонтовичъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Изъ дипломатической переписки сэра Джемса Гарриса—графа Мальмсбюри.

1777—1782 гг.

ъ 1777 году англійскимъ посланникомъ въ Петербургъ былъ назначенъ сэръ Джемсъ Гаррисъ (р. 1746†1820 г.), впослѣдствіи графъ Мальмсбюри, человѣкъ высоко образованный, много путешествовавшій и тонкій наблюдатель.

Окончивъ курсъ въ Оксфордскомъ университетѣ, онъ въ теченіе цѣлаго года усидчиво занимался юриспруденціей въ Лейденѣ, затѣмъ побывалъ въ Голландіи, Пруссіи, Польшѣ, Парижѣ и осенью 1768 г. началъ свою дипломатическую карьеру секретаремъ англійскаго посольства и затѣмъ повѣреннымъ въ дѣлахъ въ Мадридѣ, гдѣ быстро составилъ себѣ репутацію дѣльнаго и способнаго дипломата, и двадцати четырехъ лѣтъ былъ назначенъ посланникомъ въ Берлинъ.

При дворѣ Фридриха Великаго Гаррисъ пробылъ четыре года; въ это время, безъ малѣйшаго протеста со стороны Англіи, совершился первый раздѣлъ Польши.

Въ 1776 г. Гаррисъ оставилъ Берлинъ, въ слѣдующемъ году онъ былъ назначенъ посланникомъ въ Петербургъ. При дворѣ Екатерины II его положеніе было нѣсколько фальшивое: всесильный Потемкинъ выказалъ ему вначалѣ довѣріе и дружбу, которыя посланникъ, не умѣя хорошенько разобраться въ цѣлой сѣти интригъ, разыгрывавшихся вокругъ престола Екатерины II, принялъ за чистую монету и объяснялъ симпатіей Потемкина къ Англіи и его желаніемъ не только содѣйствовать упроченію дружественныхъ отношеній къ этой державѣ, но даже заключить съ нею союзъ, что̀ состав-

ляло главную цѣль миссіи, возложенной на Гарриса Сентъ-Джемскимъ кабинетомъ.

На самомъ дѣлѣ, англійскій посланникъ былъ для Потемкина только орудіемъ для достиженія его сокровенной цѣли—устраненія графа Н. И. Панина, и какъ только это ему удалось, и опала престарѣлаго графа стала совершившимся фактомъ, Потемкинъ совершенно охладѣлъ и къ Англіи, и къ ея интересамъ, и положеніе англійскаго посланника стало весьма затруднительно, такъ какъ ему приходилось все время бороться съ недоброжелательствомъ русскихъ сановниковъ къ Англіи и къ ея представителю.

Къ тому же холодный климатъ Петербурга повліялъ неблагопріятно на его здоровье, и все это, вмѣстѣ взятое, заставило Гарриса просить объ отозваніи его изъ Россіи, которую онъ и покинулъ въ 1782 году, послѣ пятилѣтняго пребыванія.

Еще во времена своего студенчества, въ Лейденѣ, Гаррисъ началъ вести дневникъ, обширныя выдержки изъ котораго, вмѣстѣ съ его донесеніями и письмами, были изданы впослѣдствіи его внукомъ, и составили четыре компактныхъ тома, изъ коихъ одинъ почти всецѣло посвященъ Россіи. Главною темою депешъ англійскаго посланника служатъ тѣ безчисленныя интриги, которыя предшествовали при дворѣ смѣнѣ фаворитовъ, и въ которыхъ главными дѣйствующими лицами являлись Потемкинъ, Панинъ и Орловъ, старавшіеся выдвинуть каждый своего кандидата.

Помимо интимной жизни двора въ его депешахъ затрогиваются текущіе вопросы политики, и онѣ даютъ богатый матеріалъ для характеристики императрицы Екатерины II.

Очень любопытенъ приведенный въ одной изъ депешъ разговоръ австрійскаго императора Іосифа II съ англійскимъ посланникомъ въ Вѣнѣ, въ которомъ этотъ монархъ, по возвращеніи изъ Петербурга, передавалъ Кейту свои впечатлѣнія о личности русской императрицы и объ отношеніи къ ней ея ближайшихъ совѣтниковъ.

Въ то время, когда Гаррисъ былъ назначенъ въ Петербургъ, положеніе англійскаго правительства было весьма затруднительно: война съ возставшими противъ англійскаго владычества колоніями Сѣверной Америки, провозгласившими независимость тринадцати соединенныхъ штатовъ, была въ полномъ разгарѣ. Заключенный колоніями союзъ съ Франціей, которая, воспользовавшись случаемъ отомстить своей соперницѣ, привлекла къ участію въ войнѣ Испанію, заставилъ англійское правительство добиваться сближенія съ Россіей; въ этомъ смыслѣ Гаррису были даны подробныя инструкціи. Ему было поручено прежде всего разузнать, какъ относится рус-

скій дворъ къ создавшемуся въ Европѣ положенію вещей, и склонны ли императрица и ея министры къ заключенію наступательнаго и оборонительнаго союза съ Великобританіей.

На первый взглядъ можетъ показаться страннымъ, что Англія искала союза съ Россіей, морскія силы которой были ничтожны; но Сентъ-Джемскій кабинетъ зналъ, какъ велико было личное вліяніе императрицы на сѣверныя морскія державы и на Вѣнскій дворъ, которыя могли служить противовѣсомъ Франціи и Испаніи.

Союзъ съ императрицей имѣлъ для англійскаго правительства большое значеніе, такъ какъ Англія, ненавидимая Бурбонами и Фридрихомъ Великимъ, была въ то время совершенно одинока и не могла разсчитывать ни на чью поддержку.

Но настойчивыя домогательства этой державы внушили Екатеринѣ превратную мысль о ея слабости, и Гаррису пришлось, довольно безуспѣшно, бороться съ этимъ предвзятымъ мнѣніемъ; дѣйствуя съ большимъ умомъ и тактомъ, ему удавалось не разъ предотвратить тѣ мѣры, какія императрица, желая использовать затруднительное положеніе Англіи, склонна была принять во вредъ ея интересамъ и свести ихъ на нѣтъ, какъ напр. въ дѣлѣ „вооруженнаго нейтралитета“.

Дворъ Екатерины II, несмотря на все ранѣе слышанное о немъ Гаррисомъ, поразилъ англійскаго посланника „своей роскошью и великолѣпіемъ“. „Императрица“, писалъ онъ въ своемъ первомъ письмѣ изъ Петербурга, датированномъ 5/16 января 1778 г., „обладаетъ удивительнымъ искусствомъ ободрить всякаго, съ кѣмъ она удостоиваетъ говорить, и въ то же время сохранить собственное достоинство. Этой отличительной чертою отмѣчено все ея управленіе; хотя ея воля исполняется непреклонно, но вмѣстѣ съ тѣмъ ею допускается извѣстная самостоятельность служащихъ въ дѣлахъ, какой до этого царствованія здѣсь не существовало“.

„Характеръ ея перваго министра, Панина, слишкомъ хорошо извѣстенъ, чтобы распространяться о немъ, онъ очень вѣжливъ со мною, и его двери всегда для меня открыты“.

„Со времени моей первой аудіенціи, я былъ нѣсколько разъ при дворѣ, и ея величество оказывала мнѣ особое вниманіе“.

„Я слишкомъ недавно пріѣхалъ сюда [1]), но мнѣ слишкомъ хорошо знакомъ національный характеръ этого народа, чтобы я могъ отнестись съ довѣріемъ къ предложеннымъ мнѣ услугамъ. Поэтому я чувствовалъ, что съ моей стороны было бы величайшей ошибкой

[1]) Письмо къ графу Суффольку изъ Спб. отъ 26 января (6 февраля), 1778 г.

прибѣгнуть къ чьему-либо посредничеству для того, чтобы передать императрицѣ чувства его величества, я легко могъ быть обманутъ и могъ съ самаго начала пріобрѣсти репутацію интригана и тѣмъ вызвать неудовольствіе ея величества. Для меня совершенно очевидно, что въ дѣлахъ иностранной политики императрица совѣщается единственно съ графомъ Панинымъ и что другіе ея приближенные имѣютъ голосъ только въ дѣлахъ внутренняго управленія и въ вопросѣ о раздачѣ наградъ. Можно было бы предположить, что тѣ лица, которыя имѣютъ свободный доступъ къ императрицѣ и пользуются ея особымъ благоволеніемъ, могли бы въ извѣстныхъ случаяхъ, вліять на ея рѣшенія, но эти лица выбираются изъ той категоріи людей, которые совершенно не способны къ общественной дѣятельности или къ серьезнымъ занятіямъ, и они такъ щедро награждаются ея величествомъ, что нѣтъ никакой возможности привлечь ихъ денежнымъ вознагражденіемъ, какъ бы оно ни было велико.

„Поэтому я считалъ возможнымъ обратиться единственно къ графу Панину, не упуская, конечно, изъ вида отличительныхъ свойствъ его характера: большого добродушія, огромнаго тщеславія и крайней лѣности. При этомъ онъ всегда хочетъ, чтобы его считали откровеннымъ и искреннимъ, и въ дѣловомъ разговорѣ старается держать себя съ достоинствомъ, приличествующимъ первому министру первой имперіи въ мірѣ, каковою онъ считаетъ Россію, но это ему не всегда удается. Справедливость требуетъ сказать, что онъ пользуется репутаціей человѣка неподкупнаго [1]) и дѣйствуетъ безкорыстно и честно во всѣхъ дѣлахъ, которыя зависятъ отъ него одного.

Зная его особую преданность къ королю прусскому и значеніе, которое онъ придаетъ всѣмъ получаемымъ отъ короля указаніямъ, я былъ увѣренъ, что онъ раздѣляетъ всѣ ложные взгляды, какіе существуютъ о насъ въ Берлинѣ; меня предупреждали, что если я буду осуждать короля прусскаго, или отзовусь о немъ неодобрительно, то я этимъ съ самаго начала обреку себя на неудачу".

„Во время перваго и единственнаго, пока, разговора, который я имѣлъ съ графомъ Панинымъ о политикѣ", писалъ Гаррисъ 30 янв. (10 февр.) 1778 г., говоря о лондонскомъ и петербурскомъ дворѣ, „графъ выразился такъ: Nous avons les mêmes intérêts, les mêmes malheurs, et les mêmes ennemis".

Это дало Гаррису поводъ заговорить о предметѣ его миссіи: о заключеніи наступательнаго и оборонительнаго союза, и о томъ, что

[1]) Потому что онъ получаетъ за свои услуги отъ Фридриха Великаго больше чѣмъ, кто-либо иной могъ дать ему.

Примѣч. Гарриса.

ему поручено было узнать по этому поводу мысли ея величества. „Графъ Панинъ выслушалъ меня очень внимательно, но, насколько я могъ судить по его отвѣту и по выраженію его лица, онъ былъ весьма удивленъ моимъ заявленіемъ. Такъ какъ это было, по его словамъ, для него совершенной неожиданностью, то онъ не могъ отвѣтить мнѣ ничего положительнаго, но онъ увѣренъ, что императрица будетъ весьма довольна этимъ доказательствомъ дружбы со стороны его величества; онъ просилъ меня не сомнѣваться и въ его собственныхъ чувствахъ на счетъ этого и т. д. и обѣщалъ возможно скоро передать все мною сказанное императрицѣ; на томъ нашъ первый разговоръ окончился. Такъ какъ на другой день я имѣлъ случай говорить съ графомъ Панинымъ прежде, нежели онъ видѣлъ императрицу, то въ дополненіе къ сказанному наканунѣ я прибавилъ, что мы не преслѣдуемъ никакихъ личныхъ своекорыстныхъ цѣлей, что мы желали бы только заключить этотъ союзъ, какъ противовѣсъ союзу сѣверныхъ державъ, и что мнѣ поручено сдѣлать ему эти предложенія, въ виду общности взглядовъ обоихъ монарховъ и ихъ министровъ, и въ виду того, что англійскій народъ относится сочувственно къ союзу съ Россіей“.

„Прошло три дня; я не получалъ никакого отвѣта, но въ воскресенье, на пріемѣ у великаго князя, Панинъ отвелъ меня въ сторону и сказалъ, что онъ доложилъ императрицѣ то, что мною было сообщено ему и что „ея величество весьма тронута этимъ доказательствомъ дружбы со стороны короля, что ея уваженіе къ королю и симпатія къ англійскому народу по-прежнему неизмѣнны, и она признаетъ, что интересы обѣихъ странъ, какъ торговые, такъ и политическіе такъ тѣсно связаны, что то, что наноситъ ущербъ одной державѣ, вредитъ интересамъ другой; питая эти чувства и вѣря во взаимность со стороны короля, она не имѣетъ конечно ничего противъ предполагаемаго союза, но что касается дальнѣйшихъ переговоровъ, то въ столь важномъ дѣлѣ надобно будетъ сообразоваться съ обстоятельствами, не зная которыхъ, она не можетъ ничѣмъ связать себя. Поэтому прежде всего, „императрица желала бы знать нашъ взглядъ на современное положеніе Европы; и какого образъ дѣйствій, мы намѣрены держаться въ будущемъ; получивъ изложеніе этихъ взглядовъ (что будетъ сочтено ею какъ знакъ особаго довѣрія со стороны короля), она желала бы получить проектъ *оборонительнаго союза*. Говоря это „императрица“, по словамъ Панина, „сдѣлала особое удареніе на словѣ *оборонительный*, не потому, что ей не желательно заключеніе союза между дворами, но потому, что она съ самаго восшествія своего на престолъ заключала только оборонительные союзы и слово *наступательный*

внушаетъ ей отвращеніе" (que depuis son avènement elle n'avait jamais signé que des traités d'allience défensives, et que le terme d'offensive la répugnait)".

Все сказанное Панинымъ было немедленно записано посланникомъ и въ тотъ же вечеръ дано Панину для просмотра; при этомъ Гаррисъ, резюмируя сказанное, замѣтилъ, что если бы императрица присоединилась къ союзу сѣверныхъ державъ и, желая въ то же время сблизиться съ Англіей, нашла желательнымъ присоединеніе къ этому союзу Англіи, „то по его мнѣнію, отнюдь нельзя быть увѣреннымъ, что противъ этого не возстала бы держава, имѣющая очень большое вліяніе въ этой части Европы" [1]).

Эти слова, хотя они были сказаны совершенно спокойно и не въ видѣ упрека, произвели на графа Панина глубокое впечатлѣніе; „несмотря на все свое спокойствіе, онъ схватилъ меня за руку", говоритъ Гаррисъ, „и сказалъ горячо: Vous m'avez dépeint à votre ministère comme un homme franc et intègre, je veux mériter ce titre auprès de vous, et je vous déclare ici très solenellement, et foi d'homme d'honneur, que les mains de l'Impèratrice ne sont liées en rien; qu'elle est la maîtresse de rompre les engagements qu'elle apris, d'en contracter des nouveaux, et qu'en tout, et toujours, elle ne se conduit que par ses propres lumières, et de la manière la plus conforme au bien-être de son empire" [2]).

Я отвѣтилъ, что все сказанное очень успокаиваетъ меня;—какъ! воскликнулъ Панинъ,—неужели вы думали, что мы позволяемъ кому-нибудь руководить собою? Я отвѣчалъ, что тамъ, гдѣ я провелъ послѣднія пять лѣтъ [3]), я такъ много слышалъ о вліяніи короля на здѣшній дворъ, объ этомъ говорили такъ настойчиво, что я, наконецъ, повѣрилъ этому. Панинъ снова подтвердилъ все сказанное имъ и чуть не клялся въ томъ, что ея и. в. дѣйствуетъ вполнѣ самостоятельно и никому не обязана давать отчетъ въ заключаемыхъ ею союзахъ.

Но Гаррисъ скоро убѣдился въ томъ, что король прусскій имѣлъ дѣйствительно огромное вліяніе на петербургскій дворъ и что побороть это вліяніе было нелегко.

---

[1]) Т. е. король прусскій.

[2]) Вы изобразили меня своему министерству, какъ человѣка чистосердечнаго и честнаго; я хочу оправдать это мнѣніе и заявляю вамъ торжественно и какъ честный человѣкъ, что у императрицы руки ничѣмъ не связаны, что она вольна нарушить заключенныя ею обязательства, заключить новые союзы, и что во всемъ и всегда она руководствуется лишь своими собственными взглядами и дѣйствуетъ такъ, какъ это наиболѣе соотвѣтствуетъ благу ея Имперіи.

[3]) Т. е. въ Берлинѣ.

Не прошло и мѣсяца со времени вышеприведеннаго разговора между посланникомъ и гр. Панинымъ, какъ политическое положеніе осложнилось изъ-за американскихъ дѣлъ. Французское правительство признало оффиціально независимость американскихъ штатовъ, и Гаррису было поручено сообщить императрицѣ, что король глубоко возмущенъ поведеніемъ версальскаго двора, считаетъ его для себя оскорбительнымъ и, въ виду существующей между обоими дворами дружбы, увѣренъ, что этотъ шагъ будетъ принятъ ею какъ нарушеніе европейскаго мира.

Екатерина уклонилась отъ опредѣленнаго отвѣта и на сдѣланное ей англійскимъ посланникомъ заявленіе ограничилась подтвержденіемъ, въ вѣжливыхъ выраженіяхъ, своихъ дружескихъ чувствъ къ англійскому королю.

Тогда посланникъ сдѣлалъ попытку воздѣйствовать на императрицу инымъ путемъ; „отъ лицъ, составлявшихъ ея обычное общество пользующихся наибольшимъ ея довѣріемъ“, трудно было разсчитывать на поддержку; „они либо не имѣли никакого вліянія [1]), либо являлись сторонниками Франціи“; „князь Орловъ единственное лицо, которому я могъ довѣриться“, писалъ Гаррисъ; „поэтому по полученіи декларація французскаго посланника, я немедленно сообщилъ ее Орлову“ и постарался склонить его принять активное участіе въ этомъ дѣлѣ. Онъ былъ очень любезенъ, высказалъ свое полнѣйшее сочувствіе союзу съ Англіей, но сказалъ, что онъ „не имѣетъ болѣе вліянія при дворѣ; что противная партія одержала верхъ, и что онъ слишкомъ многимъ обязанъ Ея Величества, чтобы сдѣлать попытку свергнуть эту партію тѣмъ путемъ, который могъ доставить ей огорченіе и быть ей непріятнымъ.

На это я замѣтилъ, что если онъ видитъ, что императрица окружена людьми, которые злоупотребляютъ ея довѣріемъ, то онъ обязанъ, изъ расположенія къ ней и изъ сознанія своего долга передъ страною, дѣйствовать активно и вырвать страну изъ этихъ опасныхъ рукъ. Орловъ отвѣтилъ на это довольно странно.

„Придетъ время“, сказалъ онъ, „когда подобный шагъ можетъ оказаться необходимымъ; событія вѣроятно приведутъ къ этому; но пока я ничего не могу сдѣлать. При случаѣ я замолвлю за васъ слово и, разумѣется, подамъ голосъ за васъ, если вопросъ этотъ будетъ когда-либо обсуждаться въ Совѣтѣ“. Больше я ничего отъ него не добился.

5 мая графъ Панинъ извѣстилъ Гарриса, что императрица потребовала изъ министерства всѣ бумаги, относившіяся къ союзу,

---

[1]) Депеша графа Гарриса къ графу Суффольку 11/22 мая 1778 г.

и что онъ скоро узнаетъ ея взглядъ на дѣло. 20 числа онъ сообщилъ Гаррису съ видимымъ сожалѣніемъ, что онъ не можетъ сказать мнѣ ничего утѣшительнаго; что императрица внимательно ознакомилась со сдѣланнымъ ей Англіей предложеніемъ, и что при всемъ ея сочувствіи къ этой державѣ настоящее критическое положеніе дѣлъ не позволяетъ ей заключить съ Англіей болѣе тѣснаго союза. На слѣдующій день Панинъ прочелъ ему записку, набросанную имъ съ вѣдома императрицы, въ которой говорилось о невозможности заключить договоръ, „который обязалъ бы ее принять немедленно участіе въ войнѣ съ Франціей, если Англія не обязуется со своей стороны дѣйствовать совмѣстно съ Россіей противъ Турціи. Турція ея естественный врагъ, точно такъ же, какъ нашъ врагъ Франція. Война между Россіей и Турціей неизбѣжна, и такимъ образомъ императрица очутилась бы передъ двумя врагами, и союзъ съ Англіей не принесъ бы ей никакой пользы и не имѣлъ бы никакого значенія по отношенію къ сѣвернымъ державамъ, которыя едва-ли будутъ когда-либо воевать съ Россіей".

Опечаленный неудачей, посланникъ говоритъ [1]), что „дружба этой страны походитъ на ея климатъ,—при ясномъ солнечномъ небѣ бываетъ леденящій холодъ; тутъ одни только слова, и никакихъ дѣлъ; пустыя обѣщанія и уклончивые отвѣты. Много надо терпѣнія и самообладанія, чтобы говорить съ людьми, которые не могутъ выслушать серьезнаго вопроса и не могутъ дать серьезнаго отвѣта. „Вы не повѣрите, если я скажу, что графъ Панинъ посвящаетъ занятіямъ не болѣе получаса въ сутки; и что г. Оксъ, у котораго украли довольно значительную сумму денегъ", поѣхавъ по этому поводу къ оберъ-полицеймейстеру, „засталъ его—этого высшаго сановника имперіи, пользующагося огромной властью, въ семь часовъ утра, съ засаленной колодою картъ въ рукахъ, раскладывающимъ гранъ-пасьянсъ".

„При дворѣ всѣ также мало занимаются дѣлами и предаются однимъ развлеченіямъ", „всѣ отъ мала до велика заражены лѣнью и склонны затягивать дѣла".

„Безумная расточительность и весьма сомнительная нравственность",—вотъ какъ характеризуетъ Гаррисъ отличительныя черты высшаго Петербургскаго общества; „нисшему классу присущи лесть и низкопоклонство, говоритъ онъ, а высшему—высокомѣріе и гордость.

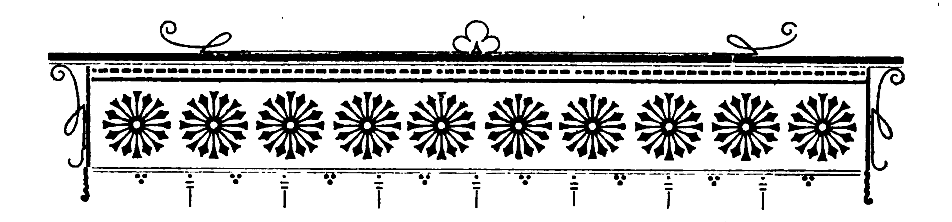
Продолженіе слѣдуетъ).

Сообщ. В. Т.

---

[1]) Письмо отъ 16/27 мая 1778 г.

Записки графа Ланжерона.

Война съ Турціей 1806—1812 гг.[1])

Переводъ съ французской рукописи, подъ редакціей Е. Каменскаго.

Осада Браилова.

Съ тѣхъ поръ, какъ Прозоровскій рѣшилъ начать свои военныя дѣйствія безъ принужденія турецкихъ начальниковъ, онъ захватилъ и конфисковалъ всѣ суда, прибывшія съ товаромъ изъ Константинополя и стоявшія въ Галацѣ.

Этотъ поступокъ его былъ не законнымъ, но Прозоровскій, всегда истый и благородный, считалъ все дозволеннымъ по отношенію къ туркамъ. Такой остатокъ большого русскаго предразсудка, сохранившійся со временъ Петра Великаго, былъ привитъ къ князю Прозоровскому чуть не съ дѣтства.

Продажа конфискованныхъ товаровъ, хотя производилась и не высоко нравственно, со стороны тѣхъ, кому князь Прозоровскій поручилъ ее, но она принесла большіе доходы государственной казнѣ. Нѣкоторыя вооруженныя суда были включены въ нашу флотилію.

Князь Прозоровскій увеличилъ эту флотилію десятью баркасами, которые онъ велѣлъ выстроить въ Галацѣ, въ 1808 г. изъ строевого лѣса, найденнаго въ портѣ, а также и вырубленнаго въ лѣсахъ Молдавіи.

Нашъ старецъ обладалъ необычайной и неутомимой дѣятельностью, непостижимой для его лѣтъ. Онъ былъ бы геніальнымъ, если бы былъ лѣтъ на 40 моложе. Онъ поручилъ постройку баркасовъ и командованіе ими старому моряку, капитану 1. ранга, Якимову,

---

[1]) См. „Русскую Старину“ мартъ 1908 года.

прибывшему изъ Николаева. Это былъ выскочка, знающій свое дѣло и храбро идущій въ бой, когда его посылали, но самъ онъ былъ тяжелъ на подъемъ, бездѣятеленъ, за исключеніемъ къ собственнымъ интересамъ. Во время этой войны онъ разбогатѣлъ больше, чѣмъ того заслуживалъ.

Подвигаясь къ Браилову, князь Прозоровскій, по дорогѣ, занималъ и другіе важные пункты; такъ онъ расположилъ передъ Гирсовомъ, Силистріей и Туртукаемъ отряды изъ резервнаго корпуса. Затѣмъ, князь укрѣпилъ громадный земляной ретраншементъ, длиною въ 4 версты по окружности, охватывающій городъ и цитадель. Ретраншементъ не очень высокъ, но ровъ ужасно глубокъ и имѣетъ отвѣсные откосы. Валъ вооруженъ 200 пушками, поставленными на батареяхъ, по-турецки, образующими собой рядъ бастіоновъ, не фланкирующихъ другъ друга. Со стороны цитадели находились двѣ большія куртины. Орудія, разставленныя какъ попало: 24-фунтовыя рядомъ съ 6-ти фунтовыми, 8-ми фунтовыя рядомъ съ мортирами, были прикрыты турами, согласно турецкой системы фортификаціи.

Я уже замѣтилъ, что снаряды, попадая въ эту массу земли, не дѣлаютъ бреши, а если и дѣлали, то турки тотчасъ же исправляютъ ихъ. Они прорѣзываютъ небольшія амбразуры для пушекъ, и надо очень хорошо и вѣрно стрѣлять, чтобы поражать ихъ черезъ амбразуры. Противъ такой системы фортификаціи лучшее средство: приблизившись параллелями [1]), взорвать мину и, уничтоживъ одинъ бастіонъ, очистить мѣсто. Я безъ конца предлагалъ это средство во время войны, но безполезно. Начальникъ штаба генералъ Гартингъ, настолько же упрямый, насколько осторожный, не захотѣлъ воспользоваться этимъ средствомъ и всюду садился на мель, какъ только встрѣчалъ сопротивленіе турокъ.

Назиръ, чтобы усилить оборону, противъ такъ неосторожно обнаруженной атаки, приказалъ сдѣлать траверсы во рву. Эти траверсы, сдѣланные изъ бревенъ, всаженныхъ въ землю, разъединенныхъ внизу и соединенныхъ на верху, были снабжены зубцами, а по серединѣ имѣли отверстіе для дула орудія. Проникнуть туда изъ города можно было только по прикрытому пути. Траверсы эти

---

[1]) Эти параллели должны быть сильныя и должны получить лучшее начертаніе въ планѣ, чѣмъ параллели, возводимыя противъ пунктовъ, обороняемыхъ европейскими гарнизонами, выходъ изъ которыхъ не такъ опасенъ, какъ изъ турецкихъ.

1827 г. Я очень подробно описалъ детали турецкихъ укрѣпленій и способъ атаки ихъ въ своемъ проектѣ оборонительной войны противъ турокъ, представленномъ мною Императору Николаю I, въ 1826 г.

не были для насъ сюрпризомъ и потому не особенно были полезны и туркамъ.

Вокругъ Браилова до Серета и Бузео не было ни одной гладкой площади, гдѣ бы могла маневрировать стотысячная армія. Нѣсколько равнинъ встрѣчаются около Серета, но къ Галацу онѣ разомъ срѣзываются, что указываетъ, что Браиловъ находится на огромнѣйшемъ плато. Плато это называлось Браиловскимъ округомъ; оно принадлежало туркамъ и составляло богатство тамошняго коменданта. Оно было заселено лучшими и наиболѣе богатыми деревнями. Назиръ человѣкъ великодушный и умный, не тиранъ, а потому и населеніе этой равнины было счастливѣе тѣхъ бѣдныхъ молдаванъ и валаховъ, которые были брошены на произволъ насилій и грабежей.

Князь Прозоровскій раздѣлилъ свою армію на три корпуса. Корпусъ лѣваго крыла, расположеннаго около Дуная, составлялся:

Ген.-лейт. Эссенъ 3-й.

Помощникъ его ген.-лейт. Ртищевъ.

3 баталіона Московскаго гренадерск. полка.
2 „ Шлиссельбургскаго полка.
2 „ Староингерманландскаго полка.
2 „ Камчатскаго полка.
1 „ 13-го Егерскаго полка.
1 „ 14-го „ „
16 пушекъ 12-ти фунтовыхъ.
2 эскадрона С.-Петербургскихъ драгунъ.

Центральный корпусъ составляли:

Кн. Прозоровскій, ген. Кутузовъ, ген.-лейт. Марковъ.

2 баталіона Колыванскаго полка.
2 „ Козловскаго „
2 „ Воронежскаго „
2 „ Новгородскаго „
2 „ Витебскаго „
2 „ Вятскаго „
2 „ 13-го Егерскаго „
3 эскадрона С.-Петербургскихъ драгунъ.
3 „ Тверскихъ „
12 пушекъ конной артиллеріи.

Корпусъ праваго крыла, около Дуная, составляли:

Ген.-лейт. Сергѣй Каменскій.

Его помощникъ ген.-лейт. Олсуфьевъ.

2 баталіона Фанагорійскаго гренадер. полка.
2 „ Выборгскаго полка.

2 баталіона Украинскаго полка.
2 „ Нижегородскаго „
2 „ Пензенскаго „
2 „ 29 Егерскаго „
2 эскадрона Тверскихъ драгунъ.
10 пушекъ 12-ти фунтовыхъ.

Между центромъ и правымъ флангомъ, около озера, были поставлены Ольвіопольскіе гусары.

Всего: 38 баталіоновъ, 20 эскадроновъ. Принимая во вниманіе полный составъ войскъ, общая численность вмѣстѣ съ артиллеріей, піонерами и казаками, составитъ отъ 22 до 24 тысячъ человѣкъ.

Турки же имѣли до 15.000 чел., считая въ томъ числѣ и вооруженныхъ мѣстныхъ жителей, янычаръ, жителей Хотина, Бендеръ и Киліи (которыхъ мы такъ не кстати отпустили). Кромѣ того, тамъ были Запорожцы, Некрасовцы и до 500 русскихъ дезертировъ. Всѣ они были вооружены.

Ахметъ-Ефенди, назиръ и комендантъ Браилова (впослѣдствіи великій визирь)—стоилъ всего гарнизона. Это былъ человѣкъ храбрый до безразсудства, умный, опытный въ военныхъ хитростяхъ, хорошій партизанъ, умѣвшій вселить отвагу среди своихъ войскъ и самъ воодушевлявшійся ею.

Какъ только осадили Браиловъ, турки открыли огонь и, хотя наши лагери были расположены довольно далеко, но турецкія длинныя пушки и лучшій, чѣмъ у насъ, порохъ, давали имъ большую дальность стрѣльбы (о чемъ я уже замѣчалъ), чего никакъ нельзя было предвидѣть, въ силу правилъ военнаго искусства. Стрѣльба эта была не такъ опасна, какъ безпокойна.

Въ одну изъ темныхъ, дождливыхъ, ночей, турецкій снарядъ пролетѣлъ въ лагерь кн. Прозоровскаго, и онъ, узнавъ объ этомъ, несмотря на дурную погоду и ночную темень, поднялъ войска и выступилъ изъ лагеря, но, впрочемъ, скоро вернулся назадъ. Непростительная слабость и неполитичность такого храбраго человѣка передъ русскими солдатами, которые любятъ видѣть своихъ начальниковъ такими же отважными, какъ и они сами.

Подъ Измаиломъ, въ 1790 г., мы три мѣсяца оставались подъ пушечнымъ огнемъ и хотя такъ располагать войска было большой неосторожностью съ нашей стороны, но разъ было сдѣлано, у насъ должно было хватать мужества остаться, что мы и сдѣлали.

Такъ какъ всѣ три наши лагеря были разъединены между собой слишкомъ длинными интервалами, то для связи ихъ построили

редуты и флеши, въ которыхъ размѣстили казаковъ, а на берегу Дуная поставили батареи.

Когда Прозоровскій потребовалъ сдачи крѣпости, то назиръ не допустилъ парламентеровъ даже войти въ крѣпость и отказался слушать какія бы то ни было предложенія.

11-го апрѣля прибыла изъ Галаца наша флотилія и остановилась на Дунаѣ на разстояніи пушечнаго выстрѣла, а изъ Бырлата, въ тотъ же день, подошла осадная артиллерія.

12-го апрѣля открыли траншейныя работы.

Инженерному полковнику Гартингу[1]) поручено было веденіе осады, и онъ повторилъ, какъ и подъ Рущукомъ, всѣ ошибки, которыя долженъ былъ сдѣлать человѣкъ упрямый съ ложно направленнымъ умомъ, не имѣющій глубокихъ и основательныхъ знаній своего дѣла. Благодаря черезмѣрному самолюбію и геройской храбрости, онъ никогда ни въ чемъ не сомнѣвался. Его отвага, хладнокровіе, его гордый, увѣренный видъ внушали къ нему почтеніе даже высоко стоящихъ генераловъ, и онъ успѣшно пользовался довѣріемъ Михельсона, Прозоровскаго, Багратіона и Каменскаго. Всѣ они, позднѣе, раскаивались въ такомъ къ нему довѣріи.

По ночамъ, съ 12 апрѣля по 20 мая выстроили параллели, пути сообщенія, траншеи, редуты, батареи и т. д. Затѣмъ произведены были три атаки, каждымъ корпусомъ отдѣльно. Самая серьезная была атака центра, она была такъ дурно направлена, что подвергала наши войска анфиладному огню.

Турки хотя и мѣшали намъ работать своей безостановочной стрѣльбой, но не могли остановить ихъ. Стрѣльба эта выводила у насъ изъ строя множество людей; наши же сооруженія были на столько удалены, что огонь съ нашихъ батарей не могъ ничего сдѣлать противъ земляныхъ ретраншементовъ и огромныхъ туровъ, изъ которыхъ каждый составляетъ чуть не бастіонъ.

Мы тоже много стрѣляли, разрушили много домовъ, перебили многихъ жителей, но не сдвинули съ мѣста ни одной турецкой пушки, не разрушили ни на одинъ туазъ ни одного укрѣпленія и не убили ни одного солдата изъ гарнизона. Весь гарнизонъ турокъ былъ попрятанъ въ ямахъ, выкопанныхъ внутри вала, и ни пули, ни бомбы не могли проникнуть туда.

Наши снаряды подожгли нѣсколько домовъ и, среди ночи, мы слышали крики дѣтей и стоны женщинъ, многія изъ которыхъ были разстрѣлены и сожжены въ огнѣ. Они нѣсколько разъ прибѣгали

---

[1]) Голландецъ и родственникъ фонъ-Сухтелена, начальника инженеровъ въ Россіи, человѣка очень ученаго и уважаемаго.

къ назиру и, валяясь въ ногахъ, умоляли отдать крѣпость и избавить ихъ отъ погибели. Ихъ мужья и отцы, составлявшіе часть гарнизона, раздѣляли тревогу и опасенія своихъ женъ и дочерей— видѣть разрушенными свои жилища, и нѣсколько разъ приходили въ смущеніе, но назиръ не слушалъ ни ихъ криковъ, ни ихъ жалобъ, такъ какъ въ дезертирахъ, въ Некрасовцахъ, въ Запорожцахъ и въ другихъ эмигрантахъ онъ имѣлъ въ крѣпости достаточно силъ, чтобы устрашить жителей города. Всѣмъ этимъ людямъ было суждено или побѣдить или умереть вмѣстѣ съ нимъ.

Назиръ часто допускалъ стычки между своими фланкерами и нашими казаками, но серьезныхъ нападеній не дѣлалъ. Однако, онъ старался обойти нашъ правый флангъ, переправляя черезъ Дунай въ лодкахъ дессантъ, но огонь съ нашихъ батарей останавливалъ ихъ. Наблюденіе за Дунаемъ возложено было на казаковъ Иловайскаго.

18 апрѣля, назиръ, довольно серьезно, атаковалъ нашихъ стрѣлковъ 29 егерскаго полка въ садахъ, лежащихъ передъ правымъ нашимъ флангомъ, но атака эта была отражена съ большими потерями для турокъ.

Чтобы отрѣзать сообщенія между Браиловомъ и Мачиномъ, откуда турки могли получать, черезъ Дунай, помощь, кн. Прозоровскій приказалъ ген. Зассу прибыть съ тремя баталіонами изъ Галаца и переправиться черезъ Дунай ниже отряда Эссена 3-го. Зассъ долженъ былъ дойти до Мачина и стараться занять его, что для насъ было очень важно, но не такъ легко исполнимо.

По другую сторону Дуная, противъ Браилова, лежитъ большая, низкая, болотистая равнина, затопленная водой, заросшая тростникомъ и изрѣзанная рукавами Дуная, при высокой водѣ. Равнина эта называется Кучефанъ. Изъ журнала моего за 1790 г. видно, что русскіе проходили по ней въ іюлѣ съ кн. Репнинымъ для атаки великаго визиря въ Мачинѣ. Но тогда Кучефанъ былъ сухой и почва была твердая; теперь же вся равнина была залита водой, и абсолютно не проходима. До Мачина не возможно было пробраться иначе какъ по очень узкой дорогѣ, идущей вдоль рѣки и обстрѣливавшейся огнемъ изъ Браилова на разстояніе полуружейнаго выстрѣла. Въ 15 верстахъ отъ крѣпости болота этой равнины кончались.

Мачинъ расположенъ на берегу Дуная, на высокой возвышенности, отъ которой начинается высокая цѣпь горъ, тянущихся до Гирсово и даже дальше. Городъ укрѣпленъ очень хорошо и овладѣть имъ было довольно трудно, но у насъ думали, что онъ былъ не только не защищенъ, но даже и не занятъ. Это была не ошибка, а

желаніе обмануть себя и, что еще болѣе непостижимо, мы совершенно не знали, что происходитъ у насъ по сосѣдству.

Если бы кто и могъ исполнить такую трудную задачу, такъ это конечно Зассъ, но и онъ не могъ сдѣлать невозможнаго, онъ былъ отваженъ, упорный въ своихъ предпріятіяхъ, не признавалъ затрудненій въ сомнительныхъ случаяхъ, но онъ не могъ взять Мачина приступомъ съ тѣмъ количествомъ войскъ, которое онъ имѣлъ.

Защита Мачина возложена была на разбойника Жиужсъ-Агу, зятя назира Браилова. Онъ имѣлъ 800 чел., а для защиты было достаточно и 300 чел.

17 апрѣля Зассъ перешелъ Дунай и, чрезвычайно растянувшись, двигался по правому берегу, почти безъ потерь отъ стрѣльбы изъ Браилова; такимъ образомъ онъ дошелъ до Мачина. Его походъ въ пустынной равнинѣ, по грязи, былъ очень труденъ, но вскорѣ онъ увидѣлъ всю невозможность взять Мачинъ и донесъ Прозоровскому о причинахъ своего отступленія.

Я полагаю, что кн. Прозоровскій ошибался, давая приказъ о штурмѣ Мачина. Онъ долженъ былъ усилить Засса и заставить его занять столь важную для насъ крѣпость. Войска у Прозоровскаго было много, и онъ долженъ былъ отрядить часть арміи, если желалъ продолжать осаду, а не давать неосновательнаго приказа о штурмѣ. Со взятіемъ Мачина не нужно было бы ни атакъ, ни даже осады Браилова, такъ какъ рано или поздно, но Браиловъ долженъ былъ бы сдаться, и мы могли ограничиться только блокированіемъ его.

Флотилія наша, состоявшая изъ 22 судовъ, подъ начальствомъ Якимова была расположена около Браилова, который она постоянно и бомбардировала. Затѣмъ, 5 судовъ отрядили въ рукава Кучефана и проникли въ Мачинъ.

Зассъ отступилъ и перешелъ Дунай 21-го апрѣля, уже послѣ штурма Браилова. Въ этой экспедиціи онъ не потерялъ ни одного человѣка, только молодой кн. Голицынъ, колоновожатый главнаго штаба, былъ раненъ.

Для прикрытія фланговъ флотиліи, на правомъ берегу Дуная, поставлены были два баталіона подъ командою генерала-маіора Колюбакина.

Гартингъ склонилъ Прозоровскаго произвести штурмъ, къ которому нашъ старикъ и раньше былъ очень склоненъ. Это было давнишнее его желаніе, онъ самъ мнѣ говорилъ объ этомъ еще въ Яссахъ, за два мѣсяца до сего, но я съ нимъ не соглашался. Не одобряли штурма и въ арміи; Кутузовъ также противорѣчилъ ему, но онъ приказалъ, и надо было повиноваться. Прозо-

ровскій приводилъ примѣры Очакова, Измаила, Праги, но совсѣмъ забылъ обо всѣхъ несчастныхъ штурмахъ Браилова, Журжева, Силистріи, Варны, въ войны фельдмаршала—Румянцева, а Журжевскій—всего за мѣсяцъ до настоящаго времени.

Быть можетъ желаніе сравняться съ Суворовымъ и получить орденъ св. Георгія 1-й степени имѣли вліяніе на его рѣшеніе, а можетъ быть онъ слишкомъ разсчитывалъ на свои войска. Русскій офицеръ, въ то время, былъ гораздо лучше, нежели прежде; я уже говорилъ объ этомъ и объяснялъ почему, но солдаты были далеко не тѣ, что были прежде и чѣмъ стали три года спустя. Армія не любила Прозоровскаго; онъ былъ очень требователенъ и суровъ съ солдатами, утомлялъ ихъ безъ особой къ тому надобности, не облегчалъ ихъ своимъ покровительствомъ и ввелъ весьма строгую, но полезную дисциплину, къ которой Михельсонъ не пріучилъ войска, наслаждавшіяся при немъ довольствомъ и даже излишествомъ, въ чемъ Прозоровскій имъ отказывалъ. Наконецъ, онъ совершенно лишился симпатіи офицеровъ, объявивъ имъ, что награды будутъ даваться очень рѣдко и только заслуживающимъ ихъ. Это было очень справедливо, и какое было бы счастье, если бъ всѣ въ Россіи придерживались этого правила, но офицеры, привыкшіе послѣ каждаго дѣла получать кресты и чины безъ разбора, ужасно осуждали его скупость. Когда злоупотребленія вкоренятся въ арміи, то тотъ, на долю котораго приходится прекращать ихъ, всегда становится предметомъ общей ненависти и, только спустя лишь очень долгое время, къ нему начнутъ относиться справедливо.

Прозоровскій, рѣшившись штурмовать Браиловъ, поручилъ ген. Кутузову составить диспозицію, а Кутузовъ дѣло это передалъ для исполненія подполковнику генеральнаго штаба Толлю.

Для атаки назначили 18 баталіоновъ, чего конечно было очень мало; надо было, по крайней мѣрѣ, 24 баталіона, такъ какъ вѣдь не могли же 9.000 чел. атаковать 15.000, защищенныхъ прекрасными укрѣпленіями. Пропорція атакующихъ должна быть, по крайней мѣрѣ, втрое больше осажденныхъ, и вчетверо, — при штурмѣ. Въ Браиловѣ же число осаждающихъ было даже не равно числу осажденныхъ.

Съ другой стороны, если бы назначили 30 баталіоновъ, то въ случаѣ неуспѣха можно было бы потерять всю армію.

Всѣ эти обстоятельства доказываютъ, что этотъ штурмъ былъ вполнѣ случайный, чтобы не сказать — не нужный и, даже, безполезный.

Никто не принялъ даже предосторожностей, необходимыхъ при штурмѣ. Солдаты наступали со своими ранцами на спинѣ; имъ за-

были сказать, чтобы они ихъ сняли и оставили въ лагерѣ, но абсурдъ и гибельный капрализмъ, заразившій всю русскую армію, былъ причиной, что начальники не рѣшались взять на себя смѣлость приказать солдатамъ снять ранцы, тогда какъ по уставу они должны были нести ихъ. Также взяли съ собой знамена, совершенно безполезныя при штурмѣ, но подвергавшіяся опасности потери ихъ.

Я полагаю, что при штурмѣ надо освобождать солдатъ отъ всего, что его стѣсняетъ, дабы сдѣлать его болѣе ловкимъ; что и было въ 1807 г. на остр. Читалѣ. Можно было бы снять съ него и шинель, оставивъ въ одномъ мундирѣ, безъ тесака и патронной перевязи, только съ 10-ю патронами въ карманѣ. Когда настанетъ моментъ дѣйствовать штыками, надо стараться прекратить стрѣльбу, такъ какъ тогда обыкновенно стрѣляютъ въ воздухъ или одинъ въ другого, что и произошло въ Браиловѣ.

Кутузовъ избралъ начальниками своихъ трехъ колоннъ очень неудачно генераловъ-маіоровъ Сергѣя Рѣпнинскаго, Михаила Хитрово и князя Василія Вяземскаго. Первый въ точности исполнилъ свой долгъ, но не былъ достаточно опытенъ и рѣшителенъ для подобнаго предпріятія. Хитрово, боявшійся огня, страшный сплетникъ, не былъ въ состояніи ни отдавать приказаній, ни исполнять диспозиціи. Кн. Вяземскій былъ очень образованъ и хорошо зналъ военное дѣло, но, будучи весьма легкомысленнымъ, онъ не считался энергичнымъ. Находившійся при колоннѣ Рѣпнинскаго ген.-лейт. Олсуфьевъ былъ храбрымъ, но мало опытнымъ.

Графъ Сергѣй Каменскій командовалъ всѣми, иначе сказать, согласно своимъ привычкамъ, ничего не дѣлалъ и никѣмъ не командовалъ.

Распредѣленіе войскъ по колоннамъ было слѣдующее.

1-я колонна ген.-маіора Рѣпнинскаго.

2 баталіона 29-го Егерскаго полка.
1 баталіонъ Новгородскаго „

Р е з е р в ъ:

2 баталіона Пензенскаго полка.
1 баталіонъ Выборгскаго „

2-я колонна ген.-маіора Хитрово.

1 баталіонъ Нижегородскаго полка.
2 баталіона Фанагорійскихъ гренадеръ.

Р е з е р в ъ:

1 баталіонъ Нижегородскаго полка.
2 баталіона Украинскаго „

3-я колонна ген.-м. кн. Вяземскаго.

2 баталіона 13-го Егерскаго полка.

1 баталіонъ Вятскаго „

Резервъ:

1 баталіонъ Вятскаго полка.

1 „ Воронежскаго полка.

Такъ какъ окружающіе кн. Прозоровскаго были очень неосторожны [1]), а окружащіе Кутузова и еще того менѣе, то о штурмѣ въ лагерѣ узнали заранѣе, и отсюда вѣсть перешла и къ туркамъ. Визирь впослѣдствіи говорилъ графу Мантейфелю, который передавалъ объ этомъ мнѣ, что онъ безпрестанно посылалъ къ намъ въ лагерь грековъ и зналъ все, что у насъ происходило.

Одинъ нѣмецъ, содержатель гостинницы, г. Проссъ, сообщалъ визирю новости, перекрывая соломой крышу своей хижины, стоявшей очень близко отъ палатки Прозоровскаго [2]).

И такъ для штурма трехъ нашихъ колоннъ, былъ избранъ правый флангъ турокъ, гдѣ на ретраншементѣ имѣлись хорошо фланкируемые, бастіоны. Атака лѣваго фланга представлялась менѣе выгоднымъ, такъ какъ даже въ случаѣ успѣха, мы подвергались сильному огню съ цитадели. Нападеніе на центръ было также не выгодно, такъ какъ имѣющія тамъ двѣ огромныя куртины представляли не меньше опасности.

20 апрѣля, въ очень темную ночь, войска двинулись впередъ и еще задолго до разсвѣта подошли уже ко рву.

Колонна кн. Вяземскаго, плохо направленная офицеромъ генеральнаго штаба барономъ Искскулемъ, почти вся провалилась въ погреба сгорѣвшихъ домовъ и, принявъ ихъ за ровъ крѣпости, начала стрѣлять и совершенно разстроилась, даже не дойдя до рва. Нѣкоторые, попавши въ погреба, такъ и остались тамъ [3]). Стали ставить лѣстницы, но онѣ оказались короткими, да и взяли ихъ только четвертую часть изъ числа заготовленныхъ въ лагерѣ. Лѣстницы эти были выданы охотникамъ, взятымъ изъ полковъ,

---

[1]) Кн. Прозоровскій былъ глухъ; его палатка постоянно была окружена адъютантами и волонтерами, ожидавшими приказаній и, конечно, все слышавшими, о чемъ говорилось въ палаткѣ.

[2]) Этотъ Проссъ былъ задержанъ 2 года спустя, но такъ какъ противъ него не было никакихъ доказательствъ, то его отпустили.

[3]) Графъ Самойловъ, гвардейскій офицеръ, молодой человѣкъ, 18 лѣтъ., очень храбрый, командовалъ сотней охотниковъ, шедшихъ впереди этой колонны. Они первые поставили лѣстницы и начали поднимать упавшихъ въ погреба. Самойловъ былъ раненъ. Онъ умеръ въ Бухарестѣ, въ 1810 г.

не участвавшихъ въ штурмѣ. Такое распоряженіе также нельзя назвать удачнымъ. Я полагаю, что лѣстницы должны нестись лучшими солдатами тѣхъ именно полковъ, которые назначены на штурмъ; при чемъ они должны находиться въ серединѣ строя, подъ надзоромъ особыхъ офицеровъ. Безъ подобныхъ предосторожностей охотники чужихъ полковъ побросаютъ лѣстницы, а сами убѣгутъ, что и случилось подъ Браиловымъ.

Атакующіе баталіоны остальныхъ двухъ колоннъ, т. е. Рѣпнинскаго и Хитрово, а затѣмъ и баталіоны резерва, во рву, стрѣляли въ воздухъ и другъ въ друга [1]), даромъ расходуя потроны и безтолково крича „ура!“ только увеличивали общую неурядицу [2]).

Трудно было взять крѣпость приступомъ, когда слишкомъ мало солдатъ достигли ея верковъ. Человѣкъ 30, изъ колонны Рѣпнинскаго, хотя и вошли на бастіонъ, но тотчасъ же были перебиты. Несчастные наши офицеры и солдаты очутились въ ужасномъ положеніи, попавъ въ глубокіе рвы; они не въ состояніи были не только

[1]) По достовѣрнымъ свѣдѣніямъ, въ Галацкій госпиталъ поступило болѣе тысячи человѣкъ нашихъ солдатъ, раненыхъ своими же пулями, т. е. русскаго образца.

[2]) Эти крики „ура“, похожіе на завыванье, любимое русскими солдатами, покровительствуются не только офицерами, но даже и генералами. Многіе ошибочно считаютъ, что крикъ „ура“ возбуждаетъ отвагу; но нужно ли это, когда солдаты и безъ того храбры. Русская храбрость можетъ служить даже примѣромъ для другихъ націй въ дѣлахъ чести, національной любви и послушаніи, что облагораживаетъ нашего солдата въ высшей степени. Если бы эта храбрость не была такъ хорошо извѣстна въ Европѣ, можно было бы подумать, что она возбуждается воплями дикихъ.

Кн. Прозоровскій, не безъ основанія, говоритъ, что эти побѣдные крики служатъ для того, чтобы скорѣе быть разбитыми. Войска всегда теряютъ голову, когда кричатъ „ура“ и тѣмъ мѣшаютъ субалтернъ-офицерамъ слышать самимъ и слушать своихъ начальниковъ. Войска не имѣютъ достаточно хладнокровія, когда наступаетъ серьезный моментъ, и когда спокойствіе и порядокъ слишкомъ долго удерживаютъ ихъ отъ безразсудной храбрости и безпорядочной отваги; тогда, благодаря вкоренившейся привычкѣ русскихъ, начальникъ бываетъ въ восторгѣ, услыхавъ крикъ „ура“; или когда можетъ скомандовать „въ штыки“. Это послѣднее выраженіе, столь употребительное во всѣхъ странахъ, можетъ заставить думать людей, не бывавшихъ на войнѣ, что два столкнувшихся войска кололи другъ друга штыками, но это не такъ. Часто начальникъ, неумѣющій разсчитать ни дистанціи, ни пользы подобнаго удара, кричитъ „въ штыки“. Солдаты иногда съ 300 шаговъ кидаются въ безпорядкѣ бѣжать, запыхиваются и еле еле возвращаются назадъ. Я много воевалъ и, за исключеніемъ штурмовъ, не видалъ двухъ отрядовъ войскъ, дѣйствительно сражавшихся штыками; точно также никогда я не видалъ столкновеній кавалеріи. Обыкновенно одинъ изъ противниковъ отступаетъ раньше нападенія другого. Два или три раза я видѣлъ, какъ кавалерія врубалась въ пѣхоту.

идти на приступъ, но даже вылѣзти изъ рвовъ; они умирали, не имѣя возможности ни защищаться, ни поражать враговъ.

Весь Браиловскій гарнизонъ, видя, что ему нечего опасаться нападеній съ другихъ сторонъ, собрался противъ атакуемаго пункта и направилъ въ русскихъ самый ужасный огонь, почти всѣ выстрѣлы котораго были смертельны.

Тогда генералу Эссену 7-му было приказано произвести на нашемъ лѣвомъ флангѣ фальшивую атаку, но у него не оказалось лѣстницъ (непостижимо, чтобы ему ихъ не дали! въ своихъ распоряженіяхъ объ атакѣ онъ дѣлалъ ошибку за ошибкой). Будь у Эссена лѣстницы, онъ могъ бы обратить фальшивую атаку въ настоящую и войти въ крѣпость. Но если бы даже ему и удалось бы взять ретраншементъ, то мы бы понесли чрезвычайно значительныя потери, такъ какъ, войдя въ городъ, дома котораго представляли собой, каждый, маленькое укрѣпленіе, окруженное стѣнами, садами и проч., можно безъ преувеличеніи разсчитывать, что мы потеряли бы, по крайней мѣрѣ, до 8.000 человѣкъ, и это было безполезной жертвой для такого предпріятія, которое можно было исполнить безъ потерь. Для сего стоило лишь отрѣзать туркамъ всякое сообщеніе взятіемъ Мачина, что было и необходимой и легкой задачей.

Ген. Рѣпнинскій былъ раненъ въ голову, Хитрово въ руку, полковникъ Пензенскаго полка Шеншинъ былъ убитъ. Всѣ полки пострадали одинаково; прекрасный баталіонъ гренадеръ Вятскаго полка погибъ весь. 200 офицеровъ были убиты, или смертельно ранены; болѣе 5.000 солдатъ постигла та же участь.

Хотя войска встрѣтили, по правдѣ сказать, и много препятствій, но они всѣ вели себя не съ той неустрашимостью, которая 19 лѣтъ тому назадъ помогла имъ взять Измаилъ. Они не имѣли того довѣрія къ Прозоровскому, какое внушалъ имъ Суворовъ, одно имя котораго всегда было связано со славой. Было много замѣшательства, безполезной стѣльбы, еще болѣе безпокойныхъ криковъ, и всѣ потеряли головы [1]).

Этотъ несчастный штурмъ окончился только въ 11 час. утра, т. е. длился 6 часовъ. Кн. Прозоровскій, сидѣвшій на одномъ изъ кургановъ, на разстояніи пушечнаго выстрѣла, все время увѣрялъ себя въ побѣдѣ и каждую минуту посылалъ адъютантовъ узнать, что дѣлается въ колоннахъ. Никто не смѣлъ сказать ему, что надо отступать; наконецъ, Кутузовъ сообщилъ ему, что штурмъ отбитъ.

---

[1]) Среди войскъ распространился слухъ, что Браиловъ весь минированъ, и это сильно подѣйствовало на войска. Въ дѣйствительности, во время штурма былъ только одинъ безвредный взрывъ.

Услыхавъ это извѣстіе, Прозоровскій былъ такъ убитъ горемъ, что, казалось, лишился чувствъ. Тогда Кутузовъ замѣтилъ ему, довольно легкомысленно: „видимо вы, князь, не привыкли къ подобнымъ несчастіямъ; если бы вы были, какъ я, свидѣтелемъ бѣдствій подъ Аустерлицемъ, вы бы не приняли этой неудачи такъ близко къ сердцу".

Наконецъ, Прозоровскій приказалъ отступать. Солдаты, которые не были ранены, влѣзли на контръ-эскарпъ и забрали нѣкоторыхъ раненыхъ, но большинство осталось во рву. Всѣмъ оставшимся турки отрубили головы, а тѣмъ, кто спасался, въ догонку посылали пули. Только одинъ офицеръ и 30 солдатъ были взяты въ плѣнъ живыми. Послѣ штурма визирь послалъ въ Константинополь 8.000 русскихъ ушей въ мѣшкахъ [1]).

Турки, не потерявъ и 100 человѣкъ, не сдѣлали, какъ то можно было предполагать, общей вылазки, а ограничились высылкою нѣскольвихъ стрѣлковъ, чтобы покончить съ ранеными на полѣ сраженія, но вскорѣ казаки прогнали ихъ.

Когда настала ночь, мы выпустили 1.500 бомбъ. Маленькая месть, не причинившая туркамъ никакого зла, а потому и совершенно безполезная. Турки отвѣтили намъ 2.000 выстрѣлами, и, такимъ образомъ, преимущество осталось за ними.

Эта гибельная атака убила кн. Прозоровскаго и зародила въ немъ угрызеніе совѣсти, которое ужасно изнуряло его и ускорило конецъ его дней.

Онъ хотѣлъ, сначала, отдать подъ судъ кн. Вяземскаго и барона Икскуля, такъ какъ было много причинъ признать эту строгость заслуженной, но Кутузовъ, по своей обычной снисходительности и слабости, все устроилъ такъ, что никто не былъ наказанъ.

Два мѣсяца спустя, я видѣлъ этого несчастнаго кн. Прозоровскаго, онъ говорилъ только о штурмѣ, о своихъ страданіяхъ, изливался въ жалобахъ на армію, на генераловъ, на солдатъ, на дѣйствительную службу, на капрализмъ, который уничтожилъ русское мужество. Онъ обвинялъ весь свѣтъ въ подкупности и самъ сдѣлался недоступнымъ.

Тѣмъ не менѣе, послѣ штурма, онъ предпринялъ цѣлый рядъ весьма основательныхъ мѣръ. Такъ, онъ вернулъ въ лагерь Колюбакина съ 2 баталіонами, приказалъ прибыть изъ Галаца одному

---

[1]) Я говорилъ уже о варварскомъ обычаѣ турокъ посылать въ Константинополь головы убитыхъ враговъ. Ихъ солятъ, чтобы онѣ не портились, но когда бываетъ очень много убитыхъ, то довольствуются посылкою только ушей.

баталіону и вызвалъ изъ окрестностей нѣсколько частей. Собралъ разбросанные кавалерійскіе полки и, затѣмъ, вытребовалъ изъ резервныхъ баталіоновъ старыхъ солдатъ, чтобы пополнить ими наиболѣе потерпѣвшіе полки. Такимъ образомъ, нѣсколько времени спустя послѣ штурма, они имѣли во фронтѣ столько же людей, сколько и раньше; собранныхъ же войскъ было достаточно, чтобы продолжать осаду, если бы только призналось необходимымъ снова продолжать это, плохо обдуманное и дурно направленное, предпріятіе, но совершенно безполезное.

Впрочемъ, если, подвигаясь правильной осадой, намъ удалось бы подвести подкопъ и взорвать хоть одинъ бастіонъ, то крѣпость могла бы быть взятой, черезъ двѣ или три недѣли.

Первое время казалось, что князь Прозоровскій хочетъ продолжать осаду, и въ продолженіе нѣсколькихъ дней нашъ огонь былъ такой же сильный, какъ и до штурма, но вдругъ, 6 мая, мыотступили за Серетъ.

Отступленіе произведено ночью, въ большомъ порядкѣ и спокойствіи. Платовъ, только-что вернувшійся изъ Петербурга, устроилъ изъ двухъ казачьихъ полковъ засаду, въ лощинѣ, а третій полкъ для охраны своего тыла.

Назиръ, какъ только узналъ объ отступленіи русской арміи, вышелъ изъ города съ тысячею всадниковъ, передъ которыми казаки, оставленные около лагеря, начали мало-по-малу отступать и, такимъ образомъ, увлекли турокъ верстъ на 6 отъ крѣпости. Тогда Платовъ, видя, что они достаточно отошли отъ своихъ валовъ, произвелъ съ однимъ полкомъ фланговую атаку и, въ то же время, приказалъ другимъ двумъ полкамъ выскакать изъ засады. Турки были окружены и очутились совершенно отрѣзанными. Половина ихъ была перебита, самъ назиръ съ трудомъ спасся, а его племянникъ Махметъ-Ага былъ раненъ и взятъ съ другими пятью офицерами и 50 всадниками въ плѣнъ.

Въ этомъ дѣлѣ, дѣйствія Платова и его казаковъ, особенно холоднымъ оружіемъ, вызывали восторгъ и удивленіе. Полковникъ Кутейниковъ, отличившійся въ этомъ маленькомъ дѣлѣ, доставившемъ нѣкоторое утѣшеніе князю Прозоровскому, былъ произведенъ въ генералъ-маіоры [1]).

---

[1]) 1827 г. Этотъ Кутейниковъ былъ храбрый и интеллигентный казакъ, отважнѣе котораго трудно найти, но онъ былъ ужасный грабитель. Императоръ назначилъ его атаманомъ казаковъ, но я думаю, что это плохой выборъ. Онъ былъ превосходнымъ только для командованія аванпостами: онъ очень дѣятеленъ и умѣло изощрялся во всевозможныхъ военныхъ хи-

7-го мая армія перешла Серетъ по мосту, у Сербешти и расположилась въ двѣ линіи на возвышенности, бывшей въ этой деревнѣ. Главная квартира передвинулась въ Галацъ. Князь Прозоровскій не представилъ оффиціальныхъ реляцій о неудачномъ штурмѣ, но онъ самъ описалъ всѣ детали Государю въ частномъ письмѣ. Онъ не убавилъ своихъ потерь и не пощадилъ никого; но это письмо не было напечатано ни въ одномъ приказѣ.

Во время осады наша потеря заключалась только въ 200 чел., въ числѣ которыхъ погибъ, достойный сожалѣнія, казачій полковникъ Мельниковъ, убитый въ одной схваткѣ. Передъ отступленіемъ кн. Прозоровскій, чтобы отомстить Браиловскому гарнизону, велѣлъ сжечь и разрушить всѣ окрестныя деревни и выгнать назадъ всѣхъ жителей. Несчастнымъ позволили взять только по парѣ быковъ и по одной повозкѣ, гдѣ могло помѣститься очень мало вещей [1]). Все оставшееся: вино, водка, рожь, сѣно, овесъ и проч. должны были быть, по крайней мѣрѣ, раздѣлены между солдатами. Имъ же дали только нѣсколько быковъ, а остальное, самымъ наглымъ образомъ, было ограблено дежурнымъ генераломъ Тышкевичемъ и помощникомъ его въ грабежѣ молдавскимъ депутатомъ Кристовѣри и маіоромъ Украинскаго полка Зиботинскимъ. Всѣ эти господа составили себѣ скандальное состояніе. Армія была возмущена такимъ распутствомъ, которое, конечно, не было приказаніемъ Прозоровскаго,

---

тростяхъ. Въ Пруссіи, въ войнѣ 1807 г., онъ отличился однимъ адскимъ поступкомъ, достойнымъ лишь варваровъ и который долженъ былъ быть наказанъ въ такой арміи, какъ русская. Онъ командовалъ нѣсколькими аванпостами на р. Пасаргѣ; замѣтивъ, что противостоящіе французскіе аванпосты ночью отступили, чтобы уклониться отъ боя съ его казаками (что случалось уже нѣсколько разъ) и что утромъ, возвращаясь на свои мѣста, они зажигали потушенные ночью костры, онъ велѣлъ нѣсколькимъ казакамъ переправиться черезъ рѣку и подложить заряженную гранату въ одинъ изъ костровъ, гдѣ, замѣчалъ онъ, бывало больше народу; затѣмъ закидать ее углями и дровами, какъ было раньше. На разсвѣтѣ французы вернулись и зажгли костры, гранату взорвало и убило 10 солдатъ и офицера, командовавшаго ими; спасся только одинъ стрѣлокъ, который, подойдя къ берегу рѣки, сказалъ Кутейникову: „Чортъ возьми, господа казаки, это довольно скверная шутка". Это совсѣмъ по-французски! Платовъ нѣсколько разъ разсказывалъ мнѣ эту не красивую шутку и покатывался со смѣху.

[1]) Это осталось пятномъ на памяти кн. Прозоровскаго. Несчастные жители всѣ были христіане, но, будь они даже турки, не было никакого повода отнимать у нихъ всю ихъ собственность и оставлять въ ужасной нуждѣ. Во время осады, эти бѣдняки давали нашимъ войскамъ все, что могли. Многіе изъ нихъ умерли отъ горя и голода.

и о которомъ онъ никогда не узналъ. Было ошибкой, что отъ него скрыли, но всѣ окружащіе его не посмѣли ему доложить объ этомъ, а генералы не захотѣли быть доносчиками.

Въ Галацѣ главныя силы наши простояли три мѣсяца въ совершенномъ бездѣйствіи.

Ниже я объясню причины этого, теперь же перехожу къ описанію военныхъ дѣйствій въ Бессарабіи, гдѣ я еще командовалъ и всѣ свои операціи не считалъ необходимыми по существу.

Сообщ. Е. Каменскій.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Редакторъ-издатель **П. Вороновъ.**

Открыта подписка на 1908 годъ

НА ОБЩЕДОСТУПНУЮ КУЛЬТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКУЮ и ЛИТЕРАТУРНУЮ ГАЗЕТУ

„РЕФОРМА“

(3-й годъ изданія),

ВЫХОДЯЩУЮ ЕЖЕДНЕВНО ВЪ ПЕТЕРБУРГѢ.

Въ газетѣ примутъ участіе:

Вл. Азовъ, П. А. Берлинъ, А. Вергежскій, А. С. Изгоевъ, А. Н. Котельниковъ, Макаръ, С. Д. Протопоповъ, В. Ѳ. Тотомьянцъ, М. И. Туганъ-Барановскій, Б. І. Харитонъ, К. И. Чуковскій и др.

✦ Редакція „Реформы“ ставитъ себѣ задачей создать прогрессивный внѣпартійный органъ, который будетъ въ живомъ и доступномъ изложеніи знакомить своихъ читателей съ жизнью Россіи и Запада.

✦ Особое вниманіе будетъ удѣлено всѣмъ формамъ культурной и экономической самодѣятельности широкихъ слоевъ населенія.

✦ Въ провинціальномъ отдѣлѣ „Реформы“ найдутъ себѣ мѣсто корреспонденціи со всѣхъ угловъ Россіи и систематическое освѣщеніе текущихъ событій областной жизни.

✦ Газета „Реформа“ будетъ внимательно слѣдить за всѣми явленіями въ области литературы, науки и искусства и отмѣчать выдающіяся литературныя произведенія, давая о нихъ краткіе отзывы и отдѣльныя критическія статьи.

✦ Стремясь установить живую связь со своими читателями, редакція „Реформы“ вводитъ особый отдѣлъ, въ которомъ будетъ помѣщать отвѣты на вопросы читателей, имѣющіе общественное значеніе.

✦ „Реформа“ пользуется обширнымъ информаціоннымъ матеріаломъ (спеціальными и агентскими телеграммами, хроникой) большой газеты „Рѣчь“ и ея техническими средствами.

✦ Значительно увеличивая литературный матеріалъ газеты и соотвѣтственно съ этимъ расширяя ее до размѣровъ большой газеты, редакція сохраняетъ прежнюю подписную цѣну—6 рублей въ годъ.

✦ Во время сессіи Государственной Думы при газетѣ разсылается безплатное приложеніе „Государственная Дума“ съ подробными (по стенограммамъ) отчетами о ея засѣданіяхъ. Отчеты печатаются въ формѣ брошюры съ отдѣльной нумераціей страницъ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

	12 мѣсяц.		6 мѣсяц.		3 мѣсяц.		1 мѣсяцъ.	
	р.	к.	р.	к.	р.	к.	р.	к.
Въ Россіи	6	—	3	—	1	50	—	55
За границу	15	—	8	—	4	—	1	50

Учащіеся въ высш. учебн. завед., учителя низш. учебн. завед., фельдшера, акушерки, сельскіе священники, приказчики, крестьяне и рабочіе при непосредственномъ обращеніи въ главную контору, пользуются скидкой въ 10%.

Новые, годовые и полугодовые, подписчики „Реформы“ на 1908 г. получатъ безплатно всѣ отчеты о засѣданіяхъ 3-ей Гос. Думы съ 1 ноября по 31 декабря.

Адресъ редакціи и главной конторы:

С.-Петербургъ, ул. Жуковскаго, 21.

Адресъ для телеграммъ: С.-Петербургъ, газета „РЕФОРМА“.

3—3

Издатель Ю. Б. Бакъ.

3-ій годъ изданія.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

на 1908 годъ

на политическую, общественную и литературную газету

3-ій годъ изданія.

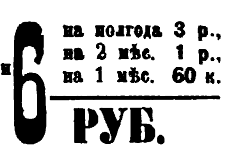
„МОГИЛЕВСКІЙ ВѢСТНИКЪ".

Въ интересахъ всесторонняго освѣщенія вопросовъ мѣстнаго земскаго хозяйства, поднятія сельскохозяйственной культуры и облегченія обмѣна между спросомъ и предложеніемъ произведеній сельскаго хозяйства, съ ноября мѣсяца 1907 г. при „Могилевскомъ Вѣстникѣ" выходитъ особое безплатное еженедѣльное прибавленіе:

Вѣстникъ земскаго хозяйства

Могилевской губерніи.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ: на годъ съ доставкой въ г. Могилевѣ и пересылкой въ другіе города

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

Могилевъ губ. Редакція „Могилевскаго Вѣстника".

Редакторъ *М. Пилинъ.*

3—3.

въ разное время, въ разныхъ мѣстахъ писалось, говорилось, даже думалось въ России и на мѣстахъ по поводу Квантуна, и въ частности П.-Артура, и что немедленно забывалось, подобрано, тщательно систематизировано г-номъ Д-тъ и дастъ возможность читателю разобраться въ событіяхъ и дѣятеляхъ, столь повліявшихъ на судьбы народовъ. Не „претендуя на сенсаціонныя разоблаченія", эта книга дастъ однако возможность найти наиболѣе виновныхъ въ грустной Д.-Восточной эпопеѣ, которыми являются, конечно, не единичныя личности. Грѣша, правда очень рѣдко, и въ мелочахъ, которыхъ авторъ могъ и не знать или не понять, онъ всегда остается вѣренъ своему основному желанію „быть правдивымъ", и это является наиболѣе цѣннымъ въ его трудѣ. Правда, появись брошюра—до войны съ Японіей, польза отъ нея была бы болѣе существенна, но и въ настоящее время ее нельзя разсматривать только какъ матеріалъ для историка. Каждый русскій долженъ съ ней ознакомиться въ особенности теперь, когда Д.-В. вопросъ нельзя еще считать рѣшеннымъ, когда намъ навѣрное предстоитъ еще столкнуться съ желтыми сосѣдями. *Кикъ.*

Севастопольцы. Сборникъ портретовъ участниковъ обороны Севастополя въ 1854—1855 годахъ. Выпускъ 3-й. Составилъ и издалъ участникъ обороны П. Ѳ. Рербергъ.

Прекрасно и изящно изданный уважаемымъ составителемъ сборникъ съ краткими біографіями и портретами 315 севастопольскихъ героевъ, священниковъ, врачей и сестеръ милосердія. Въ сборникѣ изображены крайне интересные виды многострадальнаго Севастополя послѣ его сдачи и группы севастопольскихъ ветерановъ черезъ 50 лѣтъ послѣ обороны. Крайне желательно, чтобы въ настоящее время было бы предпринято подобное же изданіе и для портъ-артурскихъ героевъ. *В. П.*

Остзейскій вопросъ въ личномъ освѣщеніи. Очеркъ барона Ф. Ф. Врангеля. С.-Пб. 1907 г.

Авторъ, членъ конференціи Николаевской Морской Академіи и бывшій директоръ Александровскаго Лицея, рекомендуется балтійскимъ нѣмцемъ, выступившимъ на защиту правоты „нашего", т. е. нѣмецкаго дѣла въ прибалтійскихъ губерніяхъ. Политическая программа барона Врангеля перемѣшана съ очень характерными автобіографическими экскурсами. Г. Врангель жалуется на „оскорбительное недовѣріе къ балтійскимъ нѣмцамъ"... Не будемъ съ нимъ долго спорить объ этомъ. Извѣстно, что у насъ балтійскіе нѣмцы не только не встрѣчаютъ недовѣрія, но (съ пользой для *русскаго* дѣла или нѣтъ, это уже другой вопросъ) занимаютъ отвѣтственные и крупные посты; объ этомъ говоритъ прежде всего обложка книжки, на которой баронъ Врангель самъ указалъ свое собственное положеніе въ русской службѣ, отнюдь не свидѣтельствующее объ „оскорбительномъ недовѣріи" къ балтійскимъ нѣмцамъ. Идею руссификаціи г. Врангель называетъ „враждебной намъ", нѣмцамъ. Съ сожалѣніемъ вспоминаетъ онъ о недавнемъ золотомъ вѣкѣ, когда въ прибалтійскомъ краѣ „мужчины говорили плохо по-русски, дамы же въ большинствѣ случаевъ этого языка вовсе не знали, русскихъ чиновниковъ не могли ненавидѣть потому, что ихъ въ краѣ не было, такъ какъ на немногочисленныя правительственныя должности тогда назначали почти исключительно лицъ изъ мѣстныхъ же уроженцевъ; русскихъ журналистовъ вообще не было, учителя во всѣхъ школахъ, отъ уѣзднаго училища до университета включительно, были нѣмцы",—на этихъ условіяхъ „всѣ съ гордостью считали себя русскими". Но времена круто измѣнились: „во всѣхъ правительственныхъ учрежденіяхъ слышится русская рѣчь; всѣ публичныя надписи русскія, городскому самоуправленію и многимъ другимъ отраслямъ государственной жизни приданы тѣ же внѣшнія формы, что и въ остальной Россіи, во многихъ мѣстахъ воздвигнуты православные храмы, и, конечно, нѣмцы перестали любить Россію. Дорого же стоитъ нѣмецкая любовь! Очевидно, для полнаго привлеченія симпатій „вѣрнаго" нѣмецкаго сердца русскимъ людямъ нужно совершить государственное самоубійство и уйти изъ края, завоеваннаго Петромъ: тогда нѣмцы возлюбятъ ихъ паче сребра и злата. Авторъ требуетъ реформы автономіи,—но во имя нѣмецкаго господства, забывая, что дѣло Россіи—водвореніе русской культуры, что въ прибалтійскихъ губерніяхъ, кромѣ нѣмцевъ, есть другія народности, за судьбы которыхъ Россія несетъ тяжелую отвѣтственность передъ исторіей. Въ главѣ „Культурный вопросъ" передъ читателемъ является крѣпостникъ, хотя въ гладкихъ перчаткахъ; баронъ Врангель жалуется на русскую цензуру, допускавшую въ эстонскихъ и латышскихъ изданіяхъ разсужденія о нѣмецкихъ поработителяхъ края, о несправедливомъ распредѣленіи земель. Что же, автору хотѣлось бы, чтобы русская власть гнула латышскія и эстонскія шеи подъ баронское ярмо? Какъ это требуемая имъ автономія уживется съ цензурой? Но противорѣчія этого не существуетъ для тѣхъ, у кого, какъ у барона Врангеля, два аршина:

Редакторъ-издатель П. Вороновъ. СПБ. Тип. «Надежда», Моховая, 65.

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ

ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ.

Годъ XXXIX-й. МАЙ. **1908 годъ.**

СОДЕРЖАНІЕ:

Приложеніе: Портретъ **Андрея Николаевича Карцова.**

Принимается подписка на „Русскую Старину“ изд. 1908 года.

Пріемъ по дѣламъ редакц. по понедѣльникамъ и четвергамъ отъ 1 ч. до 3 ч. пополудни.

Редакція помѣщается въ С.-Петербургѣ на Фонтанкѣ д. № 18. Телефонъ 37—66.

Библіографическій листокъ.

А. М. Заіончковскій. Восточная война 1853—1856 г. въ связи съ современной ей политической обстановкой. Петербургъ 1908 г. Томъ I съ томомъ приложеній.

Черезъ 52 года послѣ войны появляется это прекрасное и всестороннее ея изслѣдованіе. Одинъ только первый томъ заключаетъ въ себѣ 763 страницы, да томъ приложеній состоитъ изъ 603 страницъ. Автору были предоставлены въ пользованіе не только всѣ наши архивы съ ихъ секретными отдѣленіями, но и многіе изъ иностранныхъ архивовъ. Благодаря этому обстоятельству въ разсматриваемомъ нами трудѣ является множество документовъ, не бывшихъ еще въ печати. Чрезвычайно талантливо изложена авторомъ характеристика доминирующей, въ событіяхъ описываемаго времени, личности Императора Николая I, его воззрѣній и его политики. Въ высшей степени рельефно описаны политическія событія на Ближнемъ Востокѣ, происходившія здѣсь передъ воцареніемъ Николая I и во время его царствованія. Далѣе весьма интересны главы о Людовикѣ Наполеонѣ и возстановленіи имперіи во Франціи, о Святыхъ мѣстахъ, о посольствѣ князя Меншикова, о состояніи морскихъ и сухопутныхъ силъ Россіи и ея противниковъ передъ войной, о крѣпостяхъ Россіи и о планахъ кампаніи Россіи и Турціи. Выводовъ авторъ не дѣлаетъ, онъ поднимаетъ передъ читателемъ завѣсу прошлаго, и прошлое, имъ описываемое, становится яснымъ. Особенно удачно вышло изложеніе политической обстановки, описаніе состоянія черноморскаго флота и характеристики одухотворявшихъ этотъ флотъ адмирала Лазарева и учениковъ его адмираловъ Нахимова и Корнилова. Приложенія полны выдающагося интереса. Обращаютъ на себя вниманіе лекціи, читанныя въ 1838 г. барономъ Брунновымъ наслѣднику цесаревичу о политикѣ Россіи, политическая исповѣдь Императора Николая I, записка Императора Николая I о высадкѣ нашего десанта у Царьграда и его же записка по поводу предстоявшихъ военныхъ дѣйствій. Въ общемъ книга читается съ большимъ интересомъ.

В. П.

К. Ф. Ординъ. Собраніе сочиненій по финляндскому вопросу. Томъ I. Изслѣдованія, статьи, записки и письма. С.-Петербургъ, 1908 г.

Въ этой книгѣ собраны и изданы изслѣдованія извѣстнаго историка финляндскаго вопроса, покойнаго К. Ф. Ордина, обратившаго впервые на эту окраину вниманіе русскаго общества и оказавшаго своими безпристрастными работами особую заслугу родинѣ. Здѣсь помѣщены статьи о кодификаціи финляндскихъ законовъ, о введеніи особой монеты, о выработкѣ уголовнаго уложенія, о воинскомъ уставѣ, о законодательствѣ и управленіи края, о церкви, торговлѣ, таможнѣ и почтѣ, желѣзныхъ дорогахъ, портахъ, сеймовыхъ порядкахъ и т. д. К. Ф. Ординъ много лѣтъ жилъ въ Финляндіи, очень хорошо зналъ ее, а потому безпристрастное и талантливое изложеніе финляндскихъ порядковъ заслуживаетъ особаго вниманія. Каждый русскій, желающій ознакомиться съ финляндскимъ вопросомъ, долженъ ее прочесть. *В. П.*

Н. П. Лихачевъ. Лицевое житіе Свв. Благовѣрныхъ князей русскихъ Бориса и Глѣба. По рукописи конца XV столѣтія. Спб. 1907.

„Исторія миніатюры русскихъ рукописей находится еще въ періодѣ воспроизведенія памятниковъ и собиранія частичныхъ наблюденій надъ обширнымъ, далеко не вполнѣ обслѣдованнымъ матеріаломъ... Древняя Русь, жестоко страдавшая отъ нашествій и пожаровъ, оставила намъ сравнительно небольшое количество памятниковъ миніатюры... Въ области русской миніатюры, при современной неразработанности ея исторіи, особенный интересъ и значеніе имѣютъ лицевыя житія русскихъ святыхъ“... Автору посчастливилось пріобрѣсти сильно попорченную чьей-то невѣжественной рукой рукопись, относящуюся къ концу XV столѣтія или первымъ годамъ XVI-го. Въ ней нашлось лицевое житіе свв. Бориса и Глѣба, украшенное 32 миніатюрами. Въ приложеніи къ описанію приложена фототипія лицевой рукописи житія, въ которую вложено нѣсколько раскрашенныхъ снимковъ съ миніатюръ. Г. Лихачевъ опубликовалъ принадлежащій ему памятникъ съ цѣлью „обратить на него вниманіе ученыхъ и сдѣлать ознакомленіе съ нимъ доступнымъ для всѣхъ интере-

Андрей Николаевичъ

Карцовъ.

Русскій Генеральный Консулъ въ Парижѣ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА
НА ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ
„РУССКАЯ СТАРИНА"
на 1908 годъ.

Вступая въ 1908 году на тридцать девятый годъ своего существованія, „**Русская Старина**", благодаря измѣнившимся условіямъ цензуры, извлекаетъ изъ своего архива цѣлый рядъ цѣнныхъ записокъ и даетъ мѣсто особенно интереснымъ воспоминаніямъ, а также исторически обработаннымъ матеріаламъ и подлиннымъ документамъ.

Имѣя въ виду современныя условія общественной жизни Россіи, редакція предпринимаетъ цѣлый рядъ мѣръ къ обновленію и расширенію журнала.

Сохраняя своихъ прежнихъ, многочисленныхъ, сотрудниковъ, редакція получила согласіе на помѣщеніе въ журналѣ трудовъ слѣдующихъ лицъ: Е. К. Андреевскаго, Е. А. Боброва, И. Н. Божерянова, Н. Д. Бутовскаго, Н. Н. Вельяминова, К. А. Военскаго, А. А. Голомбіевскаго, С. М. Горяинова, Г. К. Градовскаго, П. Я. Дашкова, Н. М. Затворницкаго, Е. С. Каменскаго, Н. Н. Каразина, Ю. С. Карцова, В. О. Ключевскаго, А. Ѳ. Кони, Н. О. Лернера, П. М. Майкова, П. Д. Паренсова, Пирлинга, С. Ф. Платонова, М. А. Поліевктова, В. Ф. Руднева, В. И. Саитова, Д. А. Скалона, М. К. Соколовскаго, Т. О. Соколовской, А. И. Успенскаго, Д. И. Успенскаго, И. А. Шляпкина, Е. С. Шумигорскаго, Н. Д. Чечулина, А. И. Фаресова и др.

Въ 1908 году будутъ напечатаны:

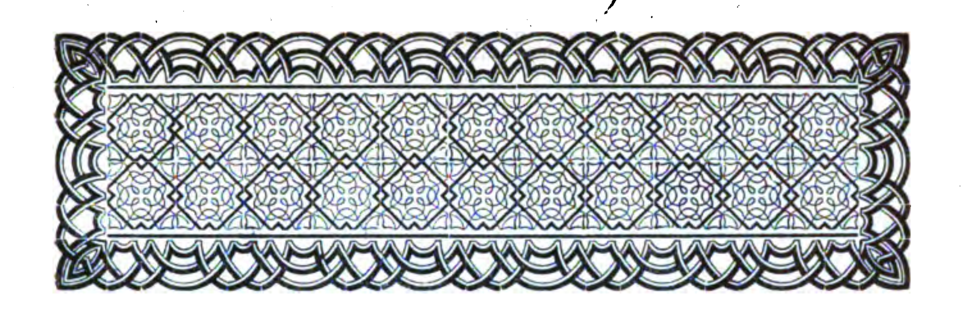
А. Ѳ. Кони—„Изъ замѣтокъ и воспоминаній судебнаго дѣятеля" и „Житейскія встрѣчи", **Г. К. Градовскаго**—„Изъ минувшаго", Дневникъ академика В. П. Безобразова—**М. В. Безобразовой. Ю. С. Карцова**—„За кулисами дипломатіи", **П. Д. Паренсова**—„Изъ прошлаго", воспоминанія—**Д. А. Скалона**, записки генерала **Домонтовича**, «Война за независимость славянъ 1877—1878 гг.» **П. Д. Зотова**, **А. Бѣломора**—«Изъ русско-японской войны»—**Детлова**. Въ походѣ и въ бою на «Владимірѣ Мономахѣ». 11 лѣтъ въ театрѣ—**И. Оноре**, записки основателя „Русской Старины"—**М. И. Семевскаго**, воспоминанія **Тургенева**, **Де-Санглена**, **А. Ф. Петрушевскаго**, воспоминанія командира „Варяга"—**В. Ф. Руднева**, переписка—композитора **А. И. Сѣрова**, письма **П. И. Чайковскаго**, воспоминанія—Веселовскаго, Леваковскаго, Никитина, воспоминанія изъ русско-японской войны и изъ жизни духовенства и др.

По примѣру прежнихъ лѣтъ, въ журналѣ будутъ помѣщаться портреты выдающихся русскихъ дѣятелей. Журналъ, какъ и прежде, будетъ выходить 1-го числа каждаго мѣсяца.

Подписная цѣна на годъ 9 руб. съ пересылкой.

Книгопродавцамъ, принимающимъ подписку, дѣлается уступка по 30 к. съ экземпляра.

Подписка принимается въ С.-Петербургѣ, Фонтанка, д. № 18.

Что видѣлъ, слышалъ, кого зналъ [1].

Скобелевъ.

I.

— Vous êtes du même régiment que Michel Skobeleff [2]) говорилъ, увидя мой мундиръ и знакомясь со мной, французъ Жирардэ, бывшій гувернеръ Скобелева.

— Et comment va-t-il? [3]).

Я отвѣчалъ, что мы разъѣхались и что я не успѣлъ съ нимъ познакомиться [4]).

— Но, скажите, ради Бога, зачѣмъ онъ оставилъ Кавалергардскій полкъ?

— Mais c'est pour se battre, Monsieur. Ah! Mais c'est une tête folle. Excellent garçon, très intelligent, mais il est fou, positivement fou! [5]).

И сквозь эти рѣзкіе упреки просвѣчивала не только любовь къ своему воспитаннику, а даже какая-то нѣжность добраго француза, такъ что человѣку наблюдательному не трудно было сообразить, что именно любовь заставляла такъ строго относиться воспитателя къ воспитаннику.

---

[1]) Подъ этимъ заглавіемъ авторъ пишетъ свои воспоминанія, образчикъ которыхъ—о Скобелевѣ—предлагается читателю.

[2]) Вы одного полка со Скобелевымъ.

[3]) Что онъ подѣлываетъ?

[4]) Скобелевъ перевелся въ Гродненскій гусарскій полкъ, стоявшій въ Варшавѣ, въ то время, когда я выѣхалъ оттуда въ Петербургъ для защиты диссертаціи на адъюнктъ-профессора академіи генеральнаго штаба.

[5]) Чтобы подраться. Это сумасшедшая голова. Прекрасный малый, умный, способный, но это сумасшедшій, положительно сумасшедшій.

Дѣйствительно, оставить Петербургъ, бросить ближайшій къ престолу, самый аристократическій полкъ русской гвардіи, перемѣнить это на Варшаву и на полкъ, хотя гвардейскій, но менѣе блестящій. И для чего? Чтобы подраться вмѣстѣ съ гусарами, успѣвшими потерять въ партизанской войнѣ съ повстанцами 3-хъ офицеровъ убитыми? Какая нелѣпость! Да и повстаніе-то, въ сущности, уже подавлено; остались кое-гдѣ лишь осколки прежнихъ бандъ. И въ дѣло-то, вѣроятно, не попасть ему [1]).

— Il finira mal, je vous dis qu'il finira mal, car il est fou ce garçon [2]),— повторялъ добродушный Жирардэ.

Въ дѣло, однако, Скобелевъ попалъ. Онъ, какъ мнѣ говорили, кидался во всякій отрядъ, гдѣ была вѣроятность схватки, и столь желанное крещеніе огнемъ получилъ, и худо не кончилъ, вопреки предсказанію превосходнаго Жирардэ.

Но надо было видѣть его, когда, впослѣдствіи, при встрѣчѣ, онъ объявилъ мнѣ о поѣздкѣ Скобелева въ лагерь карлистовъ— единственное мѣсто въ Европѣ, гдѣ можно было разсчитывать понюхать пороха.

— Il finira mal, vous verrez qu'il finira mal [3]), твердилъ по-прежнему симпатичный Жирардэ, и изъ знавшихъ тогда Скобелева врядъ ли было много людей противуположнаго мнѣнія.

Вотъ при какой обстановкѣ въ первый разъ услышалъ я имя молодого Скобелева.

Имя это, признаться, мало меня интересовало. Правда, зналъ я, что онъ внукъ извѣстнаго безногаго героя отечественной войны, автора очень мѣткихъ прибаутокъ, но мало ли дала героевъ отечественная война! Да и яблоко, увы, падаетъ часто ахъ какъ далеко отъ яблони.

Я служилъ тогда, въ 1864 году, въ Гродненскомъ гусарскомъ полку и, еще не снимая гусарскаго мундира, только-что началъ читать лекціи военной исторіи въ Академіи Генеральнаго Штаба.

— Ну что подѣлываютъ въ полку?—разспрашивалъ я пріѣхавшаго изъ Варшавы товарища. Что дѣлаетъ Скобелевъ? Удалось ли ему встрѣтиться съ повстанцами?

— Да, въ какомъ-то пустомъ дѣлѣ. Вѣдь онъ пріѣхалъ слишкомъ поздно, когда повстаніе почти уже окончилось. Чудакъ. Отличный малый, лихой, беретъ сумасшедшіе барьеры. Помнишь барьеры въ

---

[1]) Была уже весна 1864 года.

[2]) Онъ плохо кончитъ, говорю вамъ, что плохо кончитъ, потому что онъ сумасшедшій, этотъ юноша!

[3]) Ему не сдобровать, попомните мое слово.

Уяздовской аллеѣ? Вѣдь они болѣе полутора аршинъ высоты, съ толстымъ брусомъ на верху. Такъ онъ изволитъ потѣшать гуляющихъ поляковъ и полекъ прыганьемъ черезъ эти барьеры. Вѣдь барьеры, помнишь, какой прочности? Брусъ-то не подастся, если лошадь задѣнетъ за него. Ну и сломитъ себѣ шею, а въ лучшемъ случаѣ поломаетъ ноги коню.

— И часто онъ упражняется въ этомъ?

— Да чуть не каждый день.

— А пока не падалъ еще?

— Пока еще нѣтъ. Слова нѣтъ, барьеры беретъ онъ прекрасно—мастеръ своего дѣла—ну, да разъ на разъ вѣдь не приходится.

Для правильной оцѣнки Скобелевскаго „сумасшествія" въ кавалерійскомъ дѣлѣ необходимо сдѣлать небольшое отступленіе.

Въ то время кавалерійскіе офицеры, честно исполняя свой долгъ подъ пулями и лихо атакуя врага даже въ лѣсу [1]), въ мирное время, въ большинствѣ, не отличались любовью къ своему дѣлу, и многіе даже на коня садились неохотно, предоставляя проѣздку лошадей своимъ вѣстовымъ. Спортъ не былъ развитъ вовсе, и скачка черезъ препятствія производилась на ученьяхъ крайне рѣдко; барьеры подвижные, обмотанные соломою, ставились низко, и большинство лошадей не перепрыгивало ихъ, а „сшибало".

Походныя движенія также дѣлались не перемѣнными аллюрами, а исключительно шагомъ, если, конечно, не требовалось настигнуть непріятеля, или подать помощь своимъ.

Правда, нѣкоторые изъ молодежи, чуждые старинныхъ предразсудковъ, прошедшіе академію, или побывавшіе на Кавказѣ, поговаривали, что боевая кавалерія должна прежде всего свободно преодолѣвать препятствія, что на это надо въ мирное время обратить особенное вниманіе, и что самые переходы слѣдуетъ дѣлать, если кавалерія не стѣснена пѣхотой, не шагомъ, а перемѣнными аллюрами; но старики возражали:

— Вы хотите предъявить къ лошади требованія, какъ если бы спина ея и ноги были на полторы тысячи рублей, тогда какъ ремонтная цѣна—полтораста.

— Но, позвольте, отчего вы думаете, что перемѣнный аллюръ болѣе утомляетъ лошадь, чѣмъ продолжительное движеніе шагомъ? Вчера, напримѣръ, мы сдѣлали 50 верстъ, съ приваломъ на полчаса въ 12 часовъ времени, а перемѣннымъ алюромъ то же разстояніе прошли бы въ 6—7 часовъ; слѣдовательно, и спина ло-

---

[1]) Такъ атаковалъ 4-й эскадронъ Гродненскаго гусарскаго полка при Будѣ Заборовской; одинъ изъ офицеровъ палъ жертвою этой атаки.

шади была бы подъ тяжестью вдвое меньшее время и ноги также и не голодала бы лошадь цѣлыхъ 12 часовъ, а получила бы кормъ своевременно.

— А работу спины и ногъ на рыси вы не считаете? Нѣтъ ужъ, батюшка, когда будете эскадроннымъ командиромъ, тогда и поступайте по-вашему; я вѣдь эскадрономъ-то 8 лѣтъ командую, такъ дѣлу этому успѣлъ научиться.

— Но, позвольте,—не отставалъ новаторъ,—если вамъ такъ жалко спинъ и ногъ, якобы столь сильно утомляющихся отъ движенія рысью—быстрота движенія дастъ вамъ возможность раза два послѣ рыси спѣшить эскадронъ и пройти съ версту, держа лошадей въ поводу. Это облегчитъ и людей и лошадей.

— Спѣшить, гусаръ-то? А знаете, что сказалъ Ланской (или другое громкое кавалерійское имя)? Кто гусаръ спѣшиваетъ, тотъ Бога не боится. Видно саблю-то, да ташку вы забыли [1]).

— Ну что же, ихъ какъ-нибудь пристегнуть можно,—говорилось уже нерѣшительно.

— Такъ вы вотъ измѣните-ка форму прежде... Да ну васъ совсѣмъ.

Тѣмъ разговоръ и кончался.

Понятно поэтому, что спортсменскіе подвиги Скобелева, передъ которыми не остановилась бы половина современной кавалерійской молодежи, казались тогда безуміемъ.

Такимъ безуміемъ отличались, впрочемъ, всѣ новаторы, всѣ люди смѣлой инициативы.

— Ну, а Скобелевъ что? — опять спрашивалъ я позднѣе пріѣхавшихъ въ Петербургъ товарищей.

— Нашелъ себѣ друга, такого же сумасшедшаго, какъ онъ— Вейса [2]) и, кажется, поклялся, во имя дружбы, погубить милаго нѣмца. Разныя глупости дѣлаютъ — въ пятнашки, напримѣръ, по лѣсу верхомъ играютъ, а это—штука крайне опасная. А то недавно пари съ нимъ подержалъ, что Вейсъ, въ походной формѣ, на строевомъ конѣ, безъ всякой подготовки, не переплыветъ черезъ Вислу. Вейсъ —кавказецъ—„переплыву", говоритъ.

— Не переплывешь. Пари.

— Изволь.

---

[1]) Гусарскую саблю, волочившуюся по землѣ, и ташку, висѣвшую у лѣваго бедра на трехъ длинныхъ ремняхъ и часто попадавшую между ногъ—пристегивать не полагалось, и крючковъ для этого не было.

[2]) Симпатичный, смѣлый, совсѣмъ еще молодой, высокій и тонкій, съ розовымъ, женоподобнымъ лицомъ, остзейскій нѣмецъ, перешедшій къ намъ изъ Нижегородскаго полка, стоявшаго на Кавказѣ.

Собрались мы всѣ на берегъ Вислы.

Вейсъ спокойно спускается съ берега. Сначала лошадь не идетъ; онъ ей—шпоры и, послѣ нѣсколькихъ прыжковъ, оба погрузились въ воду. Плывутъ. Признаюсь, у меня сердце замерло. Ты знаешь, вѣдь, какъ быстра мутная Висла. Смотримъ—плыветъ благополучно. Вотъ и средина рѣки.

— Глупое пари, говорятъ многіе и сердитыми глазами слѣдятъ за Вейсомъ.

Скобелевъ слѣдитъ, нервно покусывая свои губы. Однако самая быстрина уже миновала; не далекъ и противоположный берегъ. Очевидно, Вейсъ выйдетъ побѣдителемъ.

Вдругъ раздался всплескъ воды. Это Скобелевъ не выдержалъ: далъ шпоры коню и, со всего размаха вскочивъ въ Вислу, поплылъ вслѣдъ за Вейсомъ.

Вейсъ переплылъ, переплылъ и Скобелевъ. За Вейсомъ честь иниціатора. Скобелевъ бросился безъ пари con amore. Скобелевъ, хотя проигралъ пари, но не далъ Вейсу первенства надъ собой. Оба были приняты, какъ побѣдители и... кутежъ грандіозный [1]).

— А вѣдь Скобелевъ-то доканалъ таки Вейса — говорили мнѣ нѣсколько позднѣе.

— Какъ такъ?—сдѣлалъ я большіе глаза.

— Да такъ. Помнишь, въ пятнашки-то верхомъ по лѣсу играли? Сначала сходило благополучно, а тутъ, какъ-то Скобелевъ запятналъ Вейса, тотъ погнался за нимъ, да ногой на всемъ скаку и хватился о дерево. Такъ ногу всю и раздробилъ. Положеніе безнадежное; умретъ, говорятъ, несомнѣнно.

Вейсъ, однако, не умеръ: молодость и здоровая, ничѣмъ не зараженная, кровь побѣдили; но вылежалъ онъ чуть не годъ и хромота осталась на всю жизнь: разбитая нога оказалась значительно короче другой.

Таковы были первыя свѣдѣнія, которыя получилъ я о Скобелевѣ, еще не зная и не встрѣчая его.

---

[1]) Въ исторіи л.-гв. Гродненскаго гусарскаго полка сказано, что Вислу переплыли во время ледохода; то же повторено въ энциклопедіи Леера. Я этого не слыхалъ и, по-моему, это—напрасное сгущеніе красокъ. Здѣсь было состязаніе на удаль и лихость, а совсѣмъ не бравада на здоровье, на рискъ получить ревматизмъ, или горячку. Рискъ и такъ былъ слишкомъ великъ и заключался въ томъ, что кони не были подготовлены, а безъ подготовки далеко не всякая лошадь въ состояніи переплыть, имѣя на себѣ всадника, широкую и быструю рѣку. Если я ошибаюсь, если дѣйствительно былъ ледоходъ, прошу оставшихся въ живыхъ гродненцевъ, бывшихъ очевидцами, исправить мою ошибку.

II.

— А къ намъ поступаютъ ваши однополчане, говорилъ мнѣ черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, въ августѣ 1866 года [1]), правитель дѣлъ Академіи Генеральнаго Штаба, Николай Павловичъ Глиноецкій.

— Кто такіе?

— Скобелевъ и М. З.

— Да? Вотъ какъ,—спрашивалъ я съ нѣкоторымъ удивленіемъ, услышавъ имя Скобелева.—Ну, а экзамены какъ держатъ?

— Ничего. Сносно.

Я вышелъ изъ профессорской и увидѣлъ спускающагося (вижу его, какъ теперь) съ широкой красивой лѣстницы бывшаго зданія академіи (на Англійской набережной) высокаго, стройнаго гусарскаго офицера въ темно-зеленой венгеркѣ. Я протянулъ ему руку.

— Здравствуйте, товарищъ. Очень радъ, что надумали въ академію. Вѣдь вы Скобелевъ, конечно. Я—Витмеръ.

— Знаю, подполковникъ, я узналъ васъ по портретамъ и разсказамъ товарищей; въ полку васъ вспоминаютъ часто, говорилъ Скобелевъ почтительно, отвѣчая на рукопожатіе.

— Не знаю, какъ экзамены пойдутъ. Удастся ли выдержать.

— Ну вотъ, конечно, выдержите.

Новое рукопожатіе, и мы разстались.

Встрѣчаясь, затѣмъ, въ первый годъ пребыванія Скобелева въ академіи довольно часто, я, какъ товарищу-однополчанину, постоянно протягивалъ ему руку, и меня поражала та почтительность, съ которою онъ отвѣчалъ на рукопожатіе, пока былъ въ академіи, даже приходя ко мнѣ на квартиру. Именно—„*почтительность*“.

Что это, думалось мнѣ? Дисциплина, или сдержанность, или тактъ, чтобы товарищи не заподозрили его въ пріятельскихъ отношеніяхъ съ профессоромъ и въ возможности поблажекъ съ его стороны, или, вѣрнѣе, все это взятое вмѣстѣ?

Прошелъ годъ.

На слѣдующій годъ, Скобелевъ, случайно, попалъ ко мнѣ для практическихъ занятій по тактикѣ.

Необходимо сдѣлать маленькое отступленіе, чтобы пояснить, какъ велись эти занятія. Сдѣлать это, повторяю, необходимо для характеристики будущаго Скобелева.

Первая задача заключалась въ слѣдующемъ.

Офицеру предоставлялся корпусъ войскъ съ кавалеріей, артиллеріей и пр., и давалась задача защитить какой-нибудь пунктъ про-

---

[1]) Въ энциклопедіи военныхъ наукъ Леера годъ поступленія въ академію Скобелевымъ указанъ 1867; по-моему это—ошибка.

тивъ непріятеля, наступающаго въ извѣстномъ направленіи. Офицеръ долженъ былъ выбрать позицію, вычертить ее въ болѣе крупномъ масштабѣ, расположить войска для принятія боя, расположить войска на бивакѣ, принять мѣры охраненія, написать диспозицію для принятія оборонительнаго боя, указать пути слѣдованія разъѣздовъ и вообще сдѣлать всѣ надлежащія распоряженія.

При этомъ, помню по себѣ, всякаго начинающаго приводило въ крайнее недоумѣніе то обстоятельство, что какую бы онъ позицію ни выбралъ—непріятель можетъ обойти его по сосѣдней дорогѣ и, такимъ образомъ, какъ бы ни была хороша выбранная позиція, она не достигнетъ цѣли, не прикроетъ заданнаго пункта. Неразумное же удлиненіе позицій, какъ средство противъ обхода, къ которому мы прибѣгали въ Японскую войну, не только не рекомендовалось въ академіи, но даже преслѣдовалось.

Для рѣшенія этой задачи давался мѣсяцъ времени.

Скобелеву, какъ теперь помню, была дана задача на картѣ Баваріи; онъ долженъ былъ прикрыть Аугсбургъ противъ непріятеля, наступающаго съ сѣвера.

Приходитъ его чередъ. Обращаюсь къ нему и слышу слѣдующее.

— Я пришелъ къ заключенію, подполковникъ [1]), что прикрыть Аугсбургъ въ этомъ направленіи оборонительнымъ боемъ невозможно. Посмотрите на карту. Гдѣ я ни расположусь, непріятель непремѣнно меня обойдетъ, поэтому я рѣшилъ сосредоточить войска въ такомъ-то пунктѣ и затѣмъ броситься на непріятеля и вступить съ нимъ въ наступательный бой.

— Такъ что вы и позиціи не выбирали и не вычерчивали ее и, вообще, не оставили никакого слѣда вашей работы.

— Да, потому что, что же я буду вычерчивать, когда рѣшаюсь самъ атаковать противника?

Я имѣлъ полное основаніе за невыполненную работу поставить Скобелеву единицу. Но что-то мнѣ говорило, что, какъ лихой офицеръ, онъ будетъ полезенъ для Генеральнаго Штаба и для арміи, хотя, конечно, я не предполагалъ и не могъ преполагать, что Скобелевъ сдѣлается тѣмъ, чѣмъ онъ сдѣлался, и я отвѣчалъ ему, сознаюсь, съ легкой ироніей.

— Послушайте, поручикъ, если вамъ задана задача принять оборонительный бой, то совершенно естественно предположить, что противникъ, не уступая вамъ въ тактическомъ отношеніи, значительно превосходитъ васъ въ силахъ, поэтому, отдавая должную дань спра-

---

[1]) По смерти Наслѣдника Николая Александровича, бывшаго шефомъ Гродненскаго гусарскаго полка, я перешелъ въ генеральный штабъ подполковникомъ.

ведливости вашей геройской рѣшимости атаковать сильнѣйшаго врага, я долженъ вамъ сказать, что задача наша не выказывать геройскую рѣшимость, а чисто практическая, крайне скромная, и заключается она въ томъ, чтобы научить васъ выбирать позиціи, располагать на нихъ войска, выбирать мѣста для биваковъ, на нихъ располагать войска, писать ясно, толково, точно и немногословно диспозиціи и дѣлать всѣ распоряженія соотвѣтственно той обстановкѣ, въ какой вы находитесь. Задача, однимъ словомъ, чисто учебная, и поэтому извольте выбрать позицію—лучшую изъ плохихъ и исполните всѣ предъявленныя къ вамъ требованія для выполненія первой задачи. При чемъ, если угодно, можете пояснить, что, если непріятель будетъ васъ обходить съ той или другой стороны, вы сдѣлаете тѣ или другія распоряженія.

Черезъ двѣ недѣли задача была представлена (я былъ боленъ, и онъ принесъ ее ко мнѣ на квартиру), но пришло́сь заставить Скобелева передѣлать ее три раза. Всѣ остальныя задачи были сдѣланы хорошо, но ничѣмъ особеннымъ отъ другихъ Скобелевъ не выдавался. Упоминаю объ этомъ случаѣ, потому что онъ ярко рисуетъ, какъ Скобелевъ неохотно укладывалъ себя въ готовыя рамки, какимъ могучимъ духомъ инициативы онъ проникнутъ былъ просто по своей натурѣ: живой, дѣятельной, смѣлой, и какъ это свойство своей натуры онъ выказывалъ даже среди скучныхъ учебныхъ занятій.

Когда я разсказывалъ товарищамъ о способѣ, которымъ Скобелевъ рѣшилъ первую задачу, мнѣ говорили: напрасно вы съ нимъ возились; слѣдовало просто поставить ему единицу — это авантюристъ, способный ѣздить къ карлистамъ, или куда хотите, но путнаго изъ него ничего не выйдетъ. Согласиться съ этимъ я, однако, не могъ: инициатива, инициатива—вотъ что нужнѣе всего для войны, да и для всякаго, пожалуй, дѣла, и человѣкъ его смѣлости казался мнѣ для арміи въ роли офицера генеральнаго штаба далеко не лишнимъ.

Замѣчу, кстати, что въ мое время въ академіи не было ничего подобнаго тѣмъ ужасамъ схоластики и мелочности, о которыхъ говоритъ генералъ М. Приводимыя имъ алгебраическіе выкрутасы, безъ сомнѣнія—дань вычурности послѣдняго времени, вычурности, отразившейся на всемъ: на живописи, архитектурѣ, литературѣ. Въ мое время, въ академіи памяти не забивали, и молодежь выходила бодрая, здоровая, съ нервами не расшатанными.

Добавлю, что до сихъ поръ не могу придти въ себя отъ тѣхъ выраженій, которыя въ Японскую войну употреблялись военачальниками въ диспозиціяхъ и реляціяхъ. Напримѣръ: опираясь на Сыквантунъ, сдѣлать, какъ на оси, захожденіе лѣвымъ плечемъ (Ляоянъ). Это на протяженіи 15 верстъ сдѣлать захожденіе! Воскресла

линейная тактика! Вѣдь это такая схоластика, такая Вейротерщина (Вейротеръ—авторъ нашей несчастной, Аустерлицкой диспозиціи), за которую, въ мое время, поставили бы въ академіи единицу. Особенно умилительно это „на оси". Совсѣмъ „поэнтдевю" былыхъ временъ. Оказалась ось, на которую надлежало „опираться", въ рукахъ непріятеля—ну, разумѣется, и всему дѣлу крышка! И отступай съ честью „въ полномъ порядкѣ", ибо ничего не подѣлаешь, когда самая ось, самый „поэнтдевю" исчезъ.

Или: Зарайскому полку „завтра *продвинуться* къ Кофынцы".

Не говоря уже о неумѣстности для главнокомандующаго дробить свою роль до отдачи приказаній полкамъ, при чемъ, естественно, должны пострадать распоряженія по корпусамъ,—что это значитъ „продвинуться", да еще „къ"? Занять ли Кофынцы? Конечно, нѣтъ: только „продвинуться". Но гдѣ остановиться? Какая цѣль продвиганія? Нужно особое искусство, чтобы измыслить такое неопредѣленное выраженіе, на войнѣ совершенно непригодное! „Занять Кофынцы съ такою-то цѣлью, если оно не занято непріятелемъ"—это понятно. „Атаковать непріятеля, если Кофынцы уже занято имъ, но силами не превосходными". „Занять Кофынцы во что бы то ни стало, съ цѣлью такихъ-то дальнѣйшихъ дѣйствій". Все это было бы понятно и придало бы энергію исполнителю приказанія, а „продвинуться къ", безъ указанія даже цѣли—это геркулесовы столбы непригодности распоряженій военачальника, ибо такія выраженія могутъ повести только къ вялости исполненія и къ полной безтолковщинѣ. И бороться съ подобными *новшествами* въ военномъ дѣлѣ, гдѣ неопредѣленность приказаній безъ указанія цѣли ведетъ къ кровавымъ послѣдствіямъ—слѣдуетъ съ неустанной энергіей.

III.

Возвращаюсь къ разсказу.

Прошло полгода.

— А товарища-то вашего, Скобелева, придется исключить, говорили мнѣ въ одну изъ средъ [1]) въ профессорской. Совсѣмъ бросилъ ходить на лекціи, а рапорта о болѣзни не присылаетъ, да и гуляетъ по городу. Просто невозможный шелопай!

И какъ я ни заступался за него—„полноте, отвѣчали мнѣ, онъ просто шелопай и авантюристъ, и никакого проку изъ него не выйдетъ".

По четвергамъ я имѣлъ привычку ходить въ Михайловскій

---

[1]) Среда былъ день практическихъ занятій, и поэтому, по средамъ, профессорская отличалась наибольшимъ многолюдствомъ и оживленіемъ.

театръ, къ французамъ, и вотъ, на слѣдующій же день, въ четвергъ, заболтавшись съ кѣмъ-то въ одномъ изъ антрактовъ, спускаюсь съ лѣстницы, торопясь, чтобы не опоздать въ зрительный залъ. Фойе и корридоры были уже пусты, и, вдругъ, наталкиваюсь на Скобелева съ двумя сильно подержанными француженками, выкрашенными, какъ тогда было принято между кокотками, въ свѣтлую краску. Скобелевъ поклонился. Мнѣ пришла въ голову внезапная мысль.

— Скобелевъ, мнѣ надо сказать вамъ два слова.

Онъ тотчасъ же бросилъ своихъ дамъ. Онѣ вызывающе, съ гримасами на меня посмотрѣли, удивленныя, конечно, тѣмъ, что были брошены по зову совсѣмъ еще молодого человѣка, какимъ я былъ тогда.

— Послушайте, Скобелевъ, вы ведете себя чортъ знаетъ какъ: въ академію не ходите, возитесь съ этими крашеными тварями, да возитесь съ ними, пожалуй, но академіи не запускайте. Я долженъ сказать вамъ, что вчера былъ разговоръ объ исключеніи васъ изъ академіи, какъ офицера, не желающаго посѣщать лекцій.

— Я рѣшилъ бросить академію, полковникъ, оттого и не хожу на лекціи.

— Какъ бросить? Что же, вы хотите бросить военную службу?

— О нѣтъ, никогда! Для меня жизнь безъ военной службы немыслима.

— Зачѣмъ же вы академію-то бросаете? Вѣдь вы человѣкъ способный. Бросьте вы этихъ госпожъ. Для чего же вы въ академію поступали? Тогда и поступать не надо было.

Онъ молчалъ.

— Вѣдь это слабохарактерность. Вѣдь, поступая въ академію, вы поставили себѣ цѣлью, конечно, окончить ее. Послушайте, я вѣдь говорю съ вами, какъ товарищъ, однополчанинъ. Я знаю, что офицеры, пока въ академіи, постоянно фрондируютъ, говорятъ, что академія не даетъ необходимыхъ знаній. Начать съ того, что это вздоръ. Академія, конечно, не можетъ сформировать вполнѣ готоваго офицера генеральнаго штаба, но она даетъ вамъ канву, по которой вы можете вышивать впослѣдствіи, и канва эта имѣетъ огромное значеніе, для того, конечно, кто захочетъ вышивать по ней. Но допустимъ даже, что академія совсѣмъ не нужна для военнаго человѣка, во всякомъ случаѣ, однако, она дастъ вамъ ярлыкъ образованнаго, свѣдущаго офицера. Если вы сто разъ будете подвергать свою жизнь опасности, вы все-таки не достигнете того, что вамъ дастъ академическій значекъ для вашей карьеры.

— Вѣдь вы честолюбивы, какъ чортъ. Да, да—не отрицайте, это видно. Зачѣмъ же вы хотите пренебрегать этимъ шансомъ для до-

стиженія крупной военной карьеры? Полноте. Не будьте мальчикомъ. Бросьте этихъ госпожъ, начните опять работать. Вѣдь всего осталось какихъ-нибудь шесть мѣсяцевъ. Ну, дайте мнѣ слово, что завтра я васъ увижу на лекціи и что вы бросите свою дурь.

Онъ далъ слово и очень горячо отвѣтилъ на мое крѣпкое рукопожатіе.

На слѣдующій день, я съ большимъ удовольствіемъ пожалъ еще разъ ему руку уже въ академіи.

IV.

Почти всякаго, кто пишетъ свои воспоминанія, упрекаютъ въ томъ, что личность пишущаго, свое „я“, выступаетъ въ запискахъ слишкомъ рельефно.

Конечно, нѣтъ ничего нелѣпѣе, какъ преподносить читателю генеалогію родителей, тетушекъ и бабушекъ, которыми часто пестрятъ воспоминанія. Не менѣе нелѣпо излагать, не обладая талантомъ Толстого, эпизоды дѣтства, портреты нянюшекъ и мамушекъ; но какъ поступить, если хочешь писать о томъ, что видѣлъ своими глазами, слышалъ собственными ушами, если передаешь бесѣду съ интереснымъ человѣкомъ? Передавая разговоръ, отстранить себя невозможно, если не хочешь впасть въ сухое, лишенное жизни и интереса, протокольное изложеніе событій. Лучше подвергнуться упрекамъ, чѣмъ наводить на читателя протокольную, безцвѣтную скуку. Лучше наконецъ ничего не писать.

Пишущаго воспоминанія должно мучить еще другое сомнѣніе: какъ бы еще не заподозрили во лжи? Вотъ и въ данномъ случаѣ, въ воспоминаніяхъ о Скобелевѣ, о его юности, вѣрность описаннаго, справедливость словъ своихъ доказать почти невозможно, потому что врядъ ли остался въ живыхъ кто-нибудь, кому бы разсказывалъ я, или Скобелевъ о происшедшемъ. Но, во 1-хъ, я имѣю претензію на то, что всѣ меня знающіе—знаютъ за человѣка безусловно правдиваго, который можетъ ошибаться, но ни лгать, ни хвастать не способенъ; во 2-хъ, смѣю думать, что многіе изъ моихъ бывшихъ учениковъ по Академіи Генеральнаго Штаба удостовѣрятъ то сердечное отношеніе, которое я всегда проявлялъ къ молодежи. Отношеніе это, впрочемъ, выражалось особенно рельефно въ закулисной для молодежи сферѣ—во время „конференцій“, на которыхъ рѣшалась участь юношества [1]). Горячность, съ которою я защищалъ иногда его интересы, послужила даже поводомъ Александру Ильичу

[1]) Удостовѣрить это можетъ напримѣръ искренне мною уважаемый Владиміръ Александровичъ Сухомлиновъ.

Квисту, пользовавшемуся тогда громкою репутаціею умнаго, красноръчиваго и остроумнаго человѣка, окрестить меня титуломъ „Тита Милостиваго“.—(„Ну ужъ Вы, извѣстный Титъ Милостивый“, говаривалъ онъ).

Послѣ этого неинтереснаго объясненія, сдѣлать которое, однако, считаю необходимымъ, обращаюсь снова къ воспоминананіямъ объ интересной личности Скобелева.

„Посмотрите, полковникъ, говорили мнѣ офицеры, какъ Скобелевъ беретъ барьеры“, и я пошелъ въ манежъ.

Считаю нужнымъ пояснить, что до семидесятыхъ годовъ офицеры генеральнаго штаба пользовались репутаціей крайне плохихъ ѣздоковъ.

Репутація эта подавала поводъ къ анекдотамъ довольно забавнымъ. Такъ, напримѣръ, начальникъ будто бы отдаетъ приказаніе офицеру генеральнаго штаба передать какъ можно скорѣе извѣстной части войскъ приказаніе. „Какъ можно скорѣе?“ спрашиваетъ офицеръ. „Да, да, какъ можно скорѣе, прошу васъ“, отвѣчаетъ начальникъ. Тогда офицеръ моментально спрыгиваетъ съ лошади и, подобравъ саблю, пользуется той скоростью передвиженія, которою наградилъ человѣчество Всевышній.

Чтобы сдѣлать офицеровъ порядочными ѣздоками, въ академіи была заведена собственная конюшня, и офицеры ежедневно упражнялись въ ѣздѣ, пользуясь манежемъ Перваго кадетскаго корпуса. Лошади, однако, были старыя, и конюшня ремонтировалась изъ кавалерійскаго брака.

Хорошій ѣздокъ и любитель всякаго рода спорта, я частенько заглядывалъ въ манежъ посмотрѣть на успѣхи молодежи, тѣмъ болѣе, что и начальникъ академіи, Александръ Николаевичъ Леонтьевъ, просилъ меня объ этомъ.

Итакъ я пришелъ въ манежъ.

Выѣзжаетъ Скобелевъ на высокомъ, рыжемъ, бѣлоногомъ конѣ (какъ теперь его вижу), съ крайне плохими передними, даже согнувшимися ногами. Ставятъ барьеръ аршина въ два высоты.

— Послушайте, поручикъ, говорю я, нельзя брать такіе барьеры на безногой лошади. Смотрите, она упадетъ, и вы полетите чрезъ голову.

— Не безпокойтесь, полковникъ. Съ этими словами онъ подымаетъ лошадь въ галопъ и замѣчательно смѣло, красиво и искусно беретъ барьеръ, послѣ прыжка весь передавшись назадъ, чтобы облегчить слабыя, переднія ноги коня.

— Браво! невольно вырвалось у меня.

Еще и еще одинъ прыжокъ.

Время не могло изгладить изъ моей памяти еще одной картины.

Я жилъ тогда на Воскресенскомъ проспектѣ и въ академію ѣздилъ обыкновенно по Дворцовой набережной.

Вдругъ перегоняетъ меня Скобелевъ на прекрасномъ, породистомъ конѣ. Онъ ѣдетъ крупной, размашистой рысью по-англійски, что тогда еще не было принято въ кавалеріи, и сидитъ такъ красиво, такъ естественно, граціозно, приподнимается черезъ темпъ, что я не могъ не залюбоваться, и его стройная фигура до сихъ поръ прочно сидитъ въ моей памяти.

Кстати, меня часто спрашиваютъ: очень ли былъ красивъ Скобелевъ въ юности?

Красота—вещь условная. По-моему—нѣтъ. Это былъ высокій, стройный, плотно сложенный молодецъ. Настаиваю на словѣ плотный, отнюдь не худощавый, какъ говорятъ нѣкоторые, а крѣпко сложенный человѣкъ. Черты лица его были правильны, но грубоваты прекрасный лобъ, но носъ нѣсколько мясистый; глаза свѣтло-сѣрые, пожалуй безцвѣтные, немного выпуклые; при свѣтлыхъ волосахъ цвѣтъ лица сѣроватый; въ лицѣ не было красокъ юности,—ея свѣжести, ея очарованія, отсутствіе которыхъ какъ-то шло въ разрѣзъ съ очевидной молодостью лица, едва покрытаго растительностью.

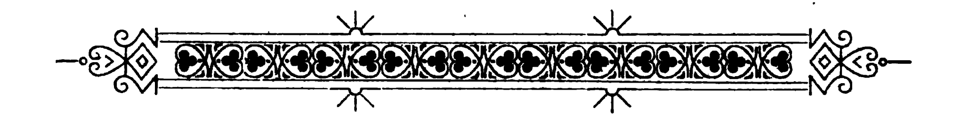
Спѣшу, впрочемъ, оговориться, что я никогда не видѣлъ Скобелева ни смѣющимся, ни даже улыбающимся, пожалуй даже веселымъ. А извѣстно, какъ улыбка красить нѣкоторыя лица. Впослѣдствіи, когда Скобелевъ возмужалъ и отпустилъ себѣ великолѣпныя свѣтлыя бакенбарды—онъ удивительно похорошѣлъ. Но въ юности это былъ далеко не тотъ 36-лѣтній красавецъ съ пышной, свѣтлой бородой, увѣнчанный ореоломъ славы, какимъ пріѣхалъ онъ послѣ войны. Метаморфозѣ, быть можетъ, много содѣйствовалъ и ореолъ героя.

Наступило лѣто, офицеры поѣхали на съемку. Скобелеву, сколько помню, отведенъ былъ участокъ близъ Ораніенбаума.

А. Витмеръ

(Продолженіе слѣдуетъ).

Императоръ Николай I и преображенцы.

Въ бумагахъ академика Желѣзнова сохранились въ копіяхъ: письмо къ Брюллову Николая Чилищева и упоминаемый въ нихъ Высочайшій рескриптъ Императора Николая I, а также произнесенныя Государемъ слова, которыя помѣщаемъ ниже, напомнивъ читателямъ, что младшая дочь Императора Николая великая княжна Александра Николаевна, родившаяся 12 іюня 1825 г., вступила въ бракъ 16-го января 1843 г. съ принцемъ Гессенъ-Кассельскимъ и, преждевремено разрѣшившись отъ бремени 29 іюля 1844 г., скончалась въ тотъ же день, едва достигнувъ 19 лѣтъ. Въ память ея устроена больница въ С.-Петербургѣ на Надеждинской улицѣ, а въ г. Царскомъ Селѣ поставленъ памятникъ работы Витали. Участвовавшіе въ печальной процессіи погребенія усопшей великой княгини г.г. офицеры л.-гв. Преображенскаго полка пожелали въ память этого участія поставить отъ себя образъ Св. царицы Александры въ сооруженной часовнѣ и поручили написать этотъ образъ Карлу Брюллову, что и было имъ исполнено. Вслѣдствіе этого Брюллову были препровождены въ копіи помѣщаемые ниже Августѣйшія слова и рескриптъ Императора Николая I.

Карлъ Павловичъ,

Долгомъ поставляемъ себѣ сообщить вамъ слова, произнесенныя намъ Государемъ, и Высочайшій собственноручный Его Величества рескриптъ, по случаю поднесенія нами образа, вами созданнаго.

Николай Челищевъ [1]).

Августа 7-го дня 1845 года.
Лагерь при Красномъ Селѣ.

---

[1]) Челищевъ, былъ въ 1841 г. прикомандированъ изъ Гренадерскаго короля прусскаго полка въ л.-гв. Преображенскій полкъ и затѣмъ переведенъ въ сей полкъ 22 августа 1842 года Одно время онъ отправлялъ обязанности полкового адъютанта и служилъ въ полку до 21 апр. 1848 г., когда въ чинѣ полковника назначенъ командиромъ 4-го резервнаго баталіона Подольскаго полка. (См. Исторія л.-гв. Преображенскаго полка сост. Афанасьевъ, Чичеринъ и пр. и пр. т. IV стр. 238)

Государь Императоръ изволилъ сказать слѣдующее г.г. офицерамъ л.-гв. Преображенскаго полка по случаю поднесенія ими образа, на бивуакахъ при деревнѣ Гурлево, въ 20-ти верстахъ отъ города Ямбурга, $9^3/_4$ часовъ вечера 24 іюля 1845 года:

„Господа! пожалуйте ко мнѣ.

Я не имѣлъ еще случая благодарить васъ и, конечно, никакими словами не могу выразить того, что можетъ чувствовать одно только родительское сердце;—чувство отца вы сами очень хорошо поняли

Преданность, которую вы мнѣ прежде доказывали и тогда доказали, надѣюсь, останется навсегда. *Преображенскій полкъ — мы привыкли считать одною съ нами семьею.* У меня же теперь развелось много ребятишекъ; увѣренъ, что вы и дѣти ваши будете имъ служить, какъ вы мнѣ служили; рекомендую ихъ вамъ; это имъ будетъ пріятно—*берегите ихъ. Преображенскій полкъ всегда съ нами составлялъ одну семью; надѣюсь, что это останется тѣмъ же и перейдетъ въ потомство изъ рода въ родъ*".

Высочайшій собственноручный рескриптъ Государя Императора, данный л.-гв. Преображенскому полку на имя полкового командира, и полученный 29-го числа іюля, въ три часа по полуночи, въ деревнѣ Роговищахъ, въ 16-ти верстахъ отъ города Ямбурга.

Господинъ генералъ-маіоръ Жерковъ [1]).

Я извѣстился о желаніи офицеровъ л.-гв. Преображенскаго полка получить Наше согласіе, дабы въ память участія принятаго полкомъ въ послѣднихъ почестяхъ усопшей любезнѣйшей дочери Нашей, великой княгини Александры Николаевны, поставить отъ себя образъ въ устраиваемой Нами часовнѣ, тамъ, гдѣ переселилась въ вѣчность покойная Наша дочь. Принявъ съ живѣйшимъ чувствомъ признательности сіе новое доказательство усердія и преданности господъ офицеровъ лейбъ-гвардіи Преображенскаго полка, я съ особымъ удовольствіемъ повелѣлъ желаніе ихъ исполнить. Да будетъ образъ сей и на будущее время знакомъ приверженности гвардіи къ семейству Нашему и взаимства Нашихъ къ ней чувствъ.

---

[1]) Жерковъ Александръ Васильевичъ, бывшій командиръ образцоваго пѣхотнаго полка, былъ назначенъ 28 мая 1843 г. командиромъ л.-гв. Преображенскаго полка и отправлялъ эту должность до 11 апрѣля 1848 года. См. ту же исторію л.-гв. Преображенскаго полка т. IV стр. 92).

Вамъ же поручаю лица отъ всего Нашего семейства увѣрить всѣхъ господъ офицеровъ полка, сколь живо въ сердцѣ Нашемъ цѣнимъ Мы намѣреніе, внушившее сію трогательную мысль.

Пребываемъ вамъ и полку всегда благосклонны.

Николай.

Александрія.
28-го іюля 1845 года.

По словамъ упомянутаго выше Желѣзнова, первоначальные чертежи, сдѣланные для поднесеннаго г.г. офицерами л.-гв. Преображенскаго полка образа, доказываютъ, что сначала Брюлловъ предполагалъ написать царицу Александру въ ростъ, съ двумя ангелами. Потомъ, принимая въ соображеніе размѣры часовни, въ которой образъ долженъ былъ находиться, Брюловъ измѣнилъ свою мысль и сдѣлалъ свинцовымъ карандашемъ рисунокъ, состоящій изъ половинной фигуры царицы Александры и двухъ ножныхъ фигуръ ангеловъ. Этотъ рисунокъ, принадлежащій А. А. Ѳомину, по композиціи, не имѣетъ никакого сходства съ написаннымъ впослѣдствіи образомъ. Такъ какъ Брюлловъ, исполнивъ заказъ преображенскихъ офицеровъ, отказался отъ денегъ, то офицеры сочли своею обязанностію отблагодарить Брюллова за любезность и просили его пріятеля, извѣстнагс актера В. В. Самойлова [1]), придумать для него какой-нибудь подарокъ. В. В. Самойловъ сначала посовѣтовалъ подарить ему серебряный мольбертъ, но потомъ сказалъ, что предоставитъ рѣшить эту задачу самому Брюллову. Выслушавъ Самойлова, Брюлловъ сказалъ, что ему ничего не надо, но, что если офицеры непремѣнно хотятъ сдѣлать ему какое-нибудь удовольствіе, то онъ проситъ ихъ сдѣлать ему обѣдъ и напоить его до положенія ризъ. Желаніе Брюллова было исполнено; офицеры дали въ честь его обѣдъ и привезли его домой, исполнивъ въ точности его желаніе.

Сообщ. П. Майковъ.

[1]) *Самойловъ* Василій Васильевичъ род. въ 1813 г., кончилъ курсъ въ горномъ корпусѣ и затѣмъ въ 1834 г. перешелъ на сцену. Обладая большими артистическими дарованіями, онъ скоро пріобрѣлъ громкую извѣстность художественнымъ исполненіемъ множества самыхъ разнообразныхъ ролей, которыя старательно и тщательно изучалъ и обдумывалъ. Онъ умеръ 24 марта 1887 г. и погребенъ въ Новодѣвичьемъ монастырѣ.

Изъ прошлаго [1].

Въ Болгаріи.

(Воспоминанія офицера генеральнаго штаба).

(Окончаніе).

Глава XVI.

Болгарская конституція. — Участіе въ этомъ дѣлѣ Россіи. — Конституція и князь Александръ.—Роль Россіи и Берлинскаго конгресса въ избраніи перваго князя Болгаріи.—Русскіе совѣтники князя. — Нѣсколько словъ о прибытіи князя въ Софію.

Въ то время, которое я описываю, очень многіе у насъ да и въ другихъ мѣстахъ, весьма критиковали болгарскую конституцію, критиковали и Россію, ее давшую. На Россію сыпались укоризны и насмѣшки: „другимъ даетъ свободныя учрежденія, а своимъ подданнымъ не можетъ дать". Послѣднія укоризны исходили преимущественно отъ нашихъ же домашнихъ либераловъ, которые не хотѣли принять во вниманіе, что ломать старые государственные устои и возводить на ихъ обломкахъ новые гораздо труднѣе, чѣмъ насаждать ихъ тамъ, гдѣ раньше ничего не было. Насажденіе новыхъ порядковъ тамъ, гдѣ вѣками царствовали другіе, влечетъ за собой не только ломку, т. е. разрушеніе, соединенное съ ущербомъ и страданіемъ, но и борьбу, тогда какъ при созиданіи въ свободномъ пространствѣ, въ такой tabula rasa, каковою представлялась Болгарія, по ея освобожденіи, — никакой ломки, никакого разрушенія чего-то, не было и борьбы не предстояло, за отсутствіемъ самаго объекта противодѣйствія. Странно было бы Россіи, которая сама шла по пути реформъ, Россіи, которую въ то время только какіе-нибудь два года отдѣляли отъ первыхъ попытокъ, при Императорѣ Александрѣ II-мъ, ввести новыя государственныя формы, странно было бы ей насаждать

---

[1]) См. „Русская Старина", 1908 г. апрѣль.

въ Болгаріи правленіе безъ представительства [1]). Въ Россіи монархическое правленіе было: изъ народа исшедшее, закономъ установленное, вѣками освященное и преемственное. Государи наши вступаютъ на „унаслѣдованный отъ предковъ". „прародительскій" престолъ. Было ли что-либо подобное въ Болгаріи, не имѣвшей никакого „голоса народа", никакого „закона", кромѣ воли поработителей—турокъ и никакой „преемственности". При вынужденномъ насажденіи „государственнаго устройства" тамъ, гдѣ совершенно никакого „устройства" не было, я думаю самымъ логическимъ актомъ русскаго правительства было созданіе такого порядка, въ которомъ наибольшая доля участія въ устроеніи себя и своего будущаго принадлежала бы самому народу. Такой выводъ пріобрѣтаетъ еще большую авторитетность, если мы примемъ во вниманіе, что во главу созидаемаго государственнаго устройства новой страны приходилось поставить какого-нибудь иностраннаго правителя, за неимѣніемъ собственнаго, народнаго, болгарскаго.

Тѣ, которые, въ то время, мирились съ дарованіемъ Болгаріи „хартіи", „представительнаго правленія", находили однако, что „хартія" слишкомъ либеральна, и что главная ошибка заключается въ однопалатной системѣ; что слѣдовало бы имѣть двѣ палаты: верхнюю и нижнюю, сенатъ и палату депутатовъ. Такія разсужденія, мнѣ кажется, истекаютъ изъ полнаго незнанія Болгаріи. Кто могъ бы въ ней попасть въ сенатъ, въ верхнюю палату, въ эту палату „господъ?". Даже какъ-то смѣшно выговаривать „палата *господъ*" въ Болгаріи, не только безсословной, каковою она была (да и есть), но въ которой тогда не было даже людей съ опытомъ государственнаго служенія, не было людей, которыхъ, по государственнымъ заслугамъ, можно было бы посадить въ сенатъ. Въ Болгаріи были люди, поработавшіе на пользу страны, но кто? Были литераторы, историки, какъ, напр., Любенъ Каравеловъ, Величковъ, Славейковъ, и друг.; были воины, участники и вожди разныхъ возстаній противъ турокъ. Но это же не сенаторы, умудренные государственными знаніями, государственнымъ опытомъ, знатоки законовъ, которыхъ не существовало. Что князю хотѣлось имѣть свой „сенатъ"—это понятно? что Вѣнская газета хотѣла поставить туда турецкихъ приспѣшниковъ, „чорбаджіевъ", ненавидимыхъ болгарами, тоже понятно, но чтобы, зная дѣло, можно было разсуждать объ этомъ серьезно—совсѣмъ непонятно. При установленіи съ самаго начала двупалатной системы пришлось бы вѣроятно, на практикѣ прибѣг-

---

[1]) С.-Стефанскій миръ—1878 годъ.

Различныя комиссіи и проекты Валуева, Лорисъ-Меликова и друг.—1880-й.

нуть къ жребію: одному идти налѣво,—въ палату депутатовъ, другому, направо—въ сенатъ...

Многіе у насъ ругали болгарскую конституцію, а многіе ли ее читали?.

Защищая такимъ образомъ предложенный нами для Болгаріи „органическій статутъ“, превратившійся послѣ Тырновскаго „учредительнаго“ собранія въ „болгарскую конституцію“, я все-таки, становясь на *идейную* точку зрѣнія и переносясь къ тому, давно прошедшему времени, признаю, что, если бы можно было устранить политическую, главнымъ образомъ—внѣшнюю, обстановку того времени, то конечно было бы предпочтительнѣе для тогдашней Болгаріи, для этого „мужицкаго“, какъ выражались въ Вѣнѣ, царства, установить единовластіе, дать ей *опытную*, *знающую*, *твердую*, но *благорасположенную* руку—*одну*, въ томъ хаотическомъ состояніи, въ которомъ находилась тогда Болгарія, при такомъ общемъ желаніи и стремленіи всего народа выйти изъ этого хаоса, поскорѣй устроиться, при способности и желаніи трудиться, работать, „создавать себя“, при замѣчательной практичности народнаго характера и его стойкости. Глубоко вѣрю, что единовластная рука, одаренная изложенными выше и подчеркнутыми мною свойствами,—была бы пригоднѣе. Но такой руки не было, а потому всѣ „идейныя“ разсужденія приходится отбросить и стать на реальную почву тогдашней дѣйствительности.

Говорить о какомъ-нибудь русскомъ человѣкѣ — правителѣ, конечно, было немыслимо, а между тѣмъ именно тутъ-то и коренился, весьма вѣроятно, лучшій для Болгаріи исходъ. Много думавши объ этомъ вопросѣ, я тогда, на первыхъ порахъ, и теперь, когда прошло болѣе $^1/_4$ вѣка, думаю, что въ лицѣ графа Николая Павловича Игнатьева или князя Александра Михайловича Дондукова-Корсакова Болгарія нашла бы, *на первое время*, вполнѣ подходящаго правителя. Но и это надо отнести къ области „идей“, такъ какъ строгая гувернантка, *Европа*, никогда бы этого не допустила; переходя же на почву дѣйствительности, повторю то, что неоднократно высказывалъ: не будучи сторонникомъ полной пригодности болгарской конституціи, ни принципіально, ни въ ея подробностяхъ, я, поставленный въ необходимость выбирать между нею и единовластіемъ князя Александра Батенберга, безъ всякаго колебанія становлюсь на сторону этой, во многомъ плохой,—конституціи.

О причинахъ такого взгляда — говоритъ вся моя книга. Здѣсь, въ добавленіе къ сказанному уже въ ней, могу развѣ, еще разъ, повторить слова „Deutsche Zeitung“: „Князь Александръ — истый нѣмецъ и всѣми фибрами своего сердца приверженъ всему нѣмец-

кому"... „Для строительной дѣятельности, такъ сильно развитой въ Австріи, открылось бы въ городахъ Болгаріи обширное поле богатой наживы" [1]). Тутъ скромно говорится о „строительной" дѣятельности; но кто прочиталъ все сказанное мною о дѣятельности гр. Кёвенгюллера, да и вообще кто знакомъ съ Ближнимъ Востокомъ, тотъ вѣроятно согласится со мной, что „строительство" это надо понимать въ гораздо болѣе широкомъ смыслѣ и не ограничивать его дѣятельность работою только въ „городахъ Болгаріи".

Итакъ, я высказался, высказался и о роли Россіи при устроительствѣ Болгаріи, послѣ ея освобожденія, и о „конституціи Болгарскаго княжества", и о князѣ.

Во всемъ, написанномъ мною въ этой книгѣ, встрѣчаются многочисленные нападки на князя Александра; во многомъ я его обвиняю. Справедливости ради, я долженъ однако сказать нѣчто, если и не совсѣмъ въ его оправданіе, то, во всякомъ случаѣ, въ смягченіе обвиненій. Сынъ гессенскаго принца, лютеранина, служившаго немного въ германскихъ, а по большей части въ австрійскихъ войскахъ, и католички, польской графини Гауке, князь былъ 21 года при вступленіи на княженіе. Серьезной образовательной (государственной) школы—никакой. Не будь освободительной войны, князь Александръ, продолжая быть принцемъ Батенбергскимъ, любя военную службу, несомнѣнно, исправно служилъ бы въ какой-нибудь кавалеріи—германской или австрійской. Тѣмъ бы и кончилъ, оставивъ по себѣ память любезнаго, пріятнаго, очень благовоспитаннаго человѣка. Судьба вытолкнула его на политическую арену, да еще въ весьма сложномъ вопросѣ Ближняго Востока; экзамена онъ не выдержалъ.

Выдвинули князя Александра—мы и, слѣдовательно, повидимому, намъ и отвѣчать передъ исторіей за нашъ выборъ.

Припомнимъ однако прошлое и посмотримъ, что творилось тогда съ нами и въ Европѣ.

Мы перенесли тяжелую, побѣдоносную войну. Истощенные этой побѣдоносной войной съ однимъ врагомъ—турками, мы очутились, лицомъ къ лицу со многими врагами, со всей Европой, и были наканунѣ новой войны, которая должна была начаться съ Австріей, а кончиться, несомнѣнно, съ коалиціей. Англія, не только безусловно намъ враждебная, но уже угрожающая, двинувшая свой флотъ къ Босфору и Принцевымъ островамъ; Румынія, обиженная якобы малой, доставшейся на ея долю, добычей и, крайне несочувствующая намъ, Германія; прибавимъ къ этому Турцію. Съ Фран-

---

[1]) Гл. IX и XV.

ціей ничего опредѣленнаго еще тогда не было; въ ней президентствовалъ буржуазный Греви, да наконецъ она еще только оправлялась отъ ранъ 70-го года.—Очутившись въ такомъ ясно опредѣленномъ, по своей опасности, международномъ положеніи, истощивъсвои силы за Дунаемъ и въ Закавказьи, мы принуждены были идти на судъ въ Берлинъ. Берлинскій конгрессъ былъ судилищемъ не Россіи только, онъ былъ судилищемъ человѣческихъ и народныхъ правъ, свободы и самостоятельности многихъ милліоновъ людей, виновныхъ только въ одномъ: они были славяне, а, слѣдовательно, какъ таковые—ближніе Россіи... Въ Берлинѣ засѣдали не судьи: тамъ возсѣдала корысть, эгоизмъ, зависть и злоба.—Дирижерскую палочку хотя и держалъ германскій канцлеръ, прозванный за свою дѣятельность въ своемъ отечествѣ „желѣзнымъ“, а на конгрессѣ: „честнымъ маклеромъ“, но въ этомъ оркестрѣ, на главныхъ инструментахъ играли: еврей, лордъ Биконсфильдъ, и его подголоски: маркизъ Сольсбери, только-что поднимавшійся на политическомъ международномъ горизонтѣ; ярый врагъ славянства еще со времени венгерскаго возстанія 1848—1849-го годовъ—Андраши, тогда, приговоренный за мятежъ противъ австрійскаго императора Франца-Іосифа къ смертной казни, теперь его первый министръ и представитель на конгрессѣ; полуангличанинъ, представитель Франціи Ваддингтонъ... Очевидно, что, при такомъ составѣ, Россія ничего, кромѣ обвинительнаго акта, получить не могла. Къ тому же адвокаты ея, защитники ея интересовъ, пасовали передъ противниками. Намъ этотъ обвинительный актъ прочитали и выдали, опубликовавъ его въ формѣ Берлинскаго трактата.

По этому трактату никто изъ членовъ царствующихъ династій не могъ быть избранъ княземъ Болгаріи [1]). Князь Александръ былъ племянникомъ Императрицы Маріи Александровны и, какъ говорили тогда—любимымъ племянникомъ. Останавливаясь на немъ, наше правительство вѣроятно разсчитывало, что выведеный нами изъ ничтожества князь будетъ крѣпко держаться Россіи, тѣмъ болѣе, что этому вполнѣ благопріятствовала мѣстная обстановка въ новомъ княжествѣ, выдвинутомъ на міровую сцену той же Россіей. Надо думать, что вѣра въ такія послѣдствія была очень крѣпка, и мы, хотя и знали молодость и неподготовленность князя, но не позабо-

---

[1]) Traité de Berlin en date de Berlin, 13 (25) juillet 1878. Article 3. „Le prince de Bulgarie sera librement élu par la population, et confirmé par la Sublime Porte, avec l'assentiment des puissances. Aucun membre des dynasties régnantes des grandes puissances européennes ne pourra être élu prince de Bulgarie“—статья эта входила и въ С.-Стефанскій договоръ подъ № VII. Annuaire diplomatique de l'Empire de Russie, pour l'année 1878. Page 268.

тились окружить его такими людьми, которые способны были бы поддерживать его въ этомъ направленіи, руководить имъ, зная вдобавокъ, что иноземная политическая интрига навѣрное совьетъ себѣ гнѣздо въ Софіи. Казалось бы, что предусмотрительность должна была указать намъ на необходимость, назначая представителей нашихъ въ Софія, гражданскаго и военнаго, которыми вначалѣ были Давыдовъ и Шепелевъ, свести ихъ вмѣстѣ, проэкзаменовать ихъ и, если бы оказалось, что они солидарны во взглядахъ на предстоявшую имъ дѣятельность, если они ознакомлены съ исторіей Ближняго Востока, отношеніемъ къ нему Россіи, Европы, а также отношеніями народовъ, населяющихъ Балканскій полуостровъ, между собой,—послать ихъ, но и тутъ—*снабдивъ инструкціей*, хотя бы самой общей. Однимъ словомъ, выражаясь кратко, надо было „спѣться". Вышло наоборотъ: люди, которые должны были пѣть въ унисонъ, не получили нотъ, дирижерской палочки не было, и вышла величайшая разноголосица, которая привела къ печальнымъ послѣдствіямъ. Хорошей иллюстраціею указанному разногласію можетъ служить мой разговоръ съ гр. Милютинымъ и Гирсомъ въ Ливадіи осенью 1879 года [1]).

Посадивъ князя на болгарскій престолъ, мы недостаточно попечительно озаботились будущностью не принца Батенбергскаго, а перваго князя Болгаріи, и предоставили его собственной его немощи,—благодарная почва для сѣянія смуты.

Не питавшій никакихъ симпатій къ Россіи, за что его, конечно, винить нельзя, не ознакомленный заблаговременно съ тѣми русскими дѣятелями, которые будутъ къ нему близки, въ чемъ виноваты мы, отъ природы недовѣрчивый и не лишенный довольно значительной доли подозрительности, князь съ мѣста насторожился.

Какъ сейчасъ вижу его, торжественно въѣзжающаго верхомъ, въ „свою столицу" Софію. По ужасной жарѣ князь пріѣхалъ въ экипажѣ изъ Плевны, а при въѣздѣ въ столицу сѣлъ на лошадь. Нѣсколько высшихъ чиновъ стояли на какой-то террасѣ, возвышавшейся надъ улицей, около дворца; среди нихъ были Каравеловъ и я. Уже тогда привлекло мое вниманіе лицо князя. Очень раскраснѣвшись отъ дороги по жарѣ, да и отъ внутренняго волненія, князь какъ будто тревожно, подозрительно и недовѣрчиво вглядывался въ наши лица. Понимая вполнѣ его положеніе, мнѣ стало ужасно его жаль, и я прямо пламенѣлъ отъ желанія служить ему самымъ сердечнымъ образомъ, быть ему полезнымъ, стать во главѣ войска твердой опорой на пути къ величію, о которомъ я мечталъ для

[1]) Гл. VII.

Болгаріи, а слѣдовательно и для ея князя. Я совершенно искренно обозлился на конныхъ ординарцевъ, отвратительно ему представившихся и доставившихъ ему, понятно, неудовольствіе. Но увы! я вѣрно сказалъ сейчасъ: „я мечталъ...“ Это была только мечта и по своей непрочности и по своей непродолжительности. Въѣздъ князя состоялся 1-го іюля, а уже 5-го, въ день изданія декрета о назначеніи министровъ, послѣ обѣда во дворцѣ, мечта моя рухнула[1]). Первое свое выступленіе въ роли правителя, первое свое заявленіе князь началъ съ вопроса о титулѣ, вопроса личнаго тщеславія. Я былъ совершенно уничтоженъ и даже уязвленъ въ своихъ чувствахъ тѣмъ, что князь, на котораго я взиралъ съ такою надеждою, съ такими широкими горизонтами, о „величіи“ котораго „я мечталъ“, котораго я хотѣлъ любить,—первымъ же актомъ проявленія своего я избралъ такой эфемерный вопросъ, вопросъ тщеславія, вдобавокъ не основанный на дѣйствительномъ правѣ. На мою бѣду вышло еще такъ, что фортуна, раздающая свои дары новорожденнымъ, при моемъ появленіи на свѣтъ, позабыла вынуть изъ своего мѣшка даръ тщеславія, на мою долю приходившійся; такъ онъ у нея въ мѣшкѣ и остался, поступивъ, въ усиленной дозѣ, свойствомъ кому-нибудь другому. Князь меня просто рѣзнулъ своимъ заявленіемъ. Мои коллеги, естественно не привыкшіе бесѣдовать съ царствующими особами, покорно склонили головы, забывъ, что этимъ они подписали свой приговоръ; я отъ нихъ отошелъ и остался не въ меньшинствѣ, а въ одиночествѣ—съ арміей. Князь уязвилъ меня, нанесъ рану моимъ идеаламъ, моимъ мечтамъ, съ первыхъ же дней своего правленія, а я, не пойдя въ ногу съ министерствомъ въ вопросѣ „личномъ“, естественно сталъ сразу неугоднымъ князю. Послѣдующее только усилило возникшую рознь.

Давыдова смѣнилъ Кумани, вполнѣ солидарный съ Шепелевымъ, но Шепелева скоро, по желанію князя, отозвали. Послѣ Кумани, нашимъ представителемъ въ Софіи былъ весьма извѣстный на Балканскомъ полуостровѣ, почтеннѣйшій и уважаемый М. А. Хитрово, который дѣйствовалъ бы навѣрное также въ согласіи съ Шепелевымъ, но послѣдній уже уѣхалъ, и ближайшимъ совѣтникомъ и при томъ угоднымъ князю, былъ генералъ Эрнротъ, совмѣстное служеніе котораго съ М. А. Хитрово кончилось тѣмъ, что по свидѣтельству нѣкоего Адольфа Коха, бывшаго пасторомъ при князѣ и написавшаго книгу—панегирикъ князю и сплошная брань на Россію и русскихъ, Хитрово оказался: „falsch und unzuverlässig“ (фальшивый и ненадежный) и былъ тоже отозванъ [2]). Однимъ сло-

[1]) См. Гл. III.

[2]) О пасторѣ Кохъ будетъ сказано ниже, см. стр. 271.

вомъ, у насъ не только не было объединенія въ выборѣ нашихъ дѣятелей въ Болгаріи, но даже не было, какъ тоже видно изъ всей моей книги, объединяющихъ указаній; наоборотъ. Вотъ въ чемъ была наша Ахиллесова пята. Не мудрено, что этимъ пользовались—намъ и Болгаріи во вредъ.

Совѣсть обязываетъ меня добавить слѣдующее. Во всемъ моемъ разсказѣ я часто виню: князя, Европу, Россію, первыхъ болгарскихъ министровъ и обстоятельства. О своихъ провинностяхъ умалчиваю, кромѣ разсказа о моей оплошности за обѣдомъ во дворцѣ, по поводу титула [1]). Было бы не только не согласно съ истиной, а даже глупо смотрѣть на себя какъ на не погрѣшившаго.

Скоро минетъ 27 лѣтъ, что я уѣхалъ изъ Болгаріи; достаточное время для того, чтобы сдѣлать анализъ моего участія въ этомъ, давно минувшемъ, прошломъ, а потому теперь, вполнѣ спокойно, могу высказать мою profession de fois. Несомнѣнно и я былъ во многомъ виноватъ. Фактовъ, крупныхъ, кромѣ вышесказанной, обѣденной оплошности, по совѣсти, не припомню; говоря же объ окраскѣ моихъ дѣйствій, охотно признаю, что въ нихъ, вѣроятно, бывалъ недостатокъ выдержки, бывала (допускаю) вредная впечатлительность и истекающая отсюда горячность; не всегда достаточная обдуманность. Мнѣ говорили, что наслѣдникъ-цесаревичъ Александръ Александровичъ выразился тогда, что мой грѣхъ—моя молодость... Мнѣ было тогда 36 лѣтъ; теперь—64, но и теперь я еще въ извѣстныхъ вопросахъ—пылаю. Что же было тогда?.. Но вотъ и теперь, черезъ 27 лѣтъ послѣ всего случившагося тогда, я утверждаю, что, попади я, при терешней моей возрастной, да и служебной зрѣлости, въ то же положеніе, ту же обстановку—я и теперь продолжалъ бы, *по духу*, дѣйствовать, какъ дѣйствовалъ тогда: стоять неуклонно на почвѣ *существующаго закона*. Признавая недостатки его (въ данномъ случаѣ болгарской конституціи), я естественно стремился бы къ его исправленію—*законнымъ путемъ*; но покуда онъ отмѣненъ не былъ, исправленію или отмѣнѣ не подвергнулся—я его слуга, а не нарушитель.

Есть и еще за мной грѣхъ:—я славянинъ.

Хотѣлось бы поговорить на тему, сильно занимавшую одно время Россію и служившую поводомъ для высказыванія самыхъ странныхъ, чтобы не сказать больше, разсужденій, поговорить о благодарности освобожденной Болгаріи къ освободительницѣ Россіи. Этой темѣ будетъ отведено мѣсто въ V части моихъ воспоминаній.

---

[1]) Гл. XII.

Остается, слѣдовательно, кончивъ воспоминанія о моемъ личномъ участіи въ судьбахъ призванной къ самостоятельной, государственной жизни Болгаріи, сказать нѣсколько краткихъ словъ о дальнѣйшей судьбѣ князя Александра.

Глава XVII.

Очеркъ послѣднихъ годовъ княженія князя Александра Болгарскаго.—Военный заговоръ въ Софіи.—Арестъ князя и отъѣздъ его черезъ Рени за границу.—Возвращеніе въ Болгарію.—Случай въ Рущукѣ.—Депеши князя Государю Императору Александру III, отвѣтъ Его Величества и окончательный выѣздъ князя изъ Болгаріи.

Послѣ апрѣльскаго переворота осуществились желанія князя. Онъ сдѣлался полновластнымъ распорядителемъ судебъ Болгаріи. Началъ не только „княжити", но и „прáвити". Ожидаемое вслѣдствіе этого успокоеніе страны, однако, не наступило, несмотря на совершившійся крупный фактъ, желаемый болгарами, присоединенія къ княжеству Восточной Румеліи. Даже наоборотъ: броженіе усилилось и приняло рѣзкія формы, особенно, когда послѣ братоубійственной войны съ сербами, 1885-го года, къ недовольнымъ присоединилось войско, въ лицѣ его выдающихся офицеровъ, въ числѣ коихъ были особенно отличившіеся подъ Сливницей, битвѣ, которая разрѣшилась безъ участія князя. Противъ князя составился военный заговоръ, въ который посвящены были нѣкоторыя гражданскія лица, и въ ночь на 9-е августа 1886-го года князь былъ, во дворцѣ своемъ, арестованъ военными главарями заговора, безъ участія гражданскихъ лицъ.

Князя отвезли въ г. Рахово на Дунаѣ, посадили на пароходъ и высадили на русской территоріи въ г. Рени.—Русскія власти, застигнутыя врасплохъ, запросили Петербургъ, откуда пришло приказаніе отпустить князя за границу (въ Европу) и оказать ему въ этомъ необходимое содѣйствіе. Вмѣстѣ съ тѣмъ, въ виду тревожнаго состоянія Болгаріи и полной неизвѣстности настоящаго положенія дѣлъ въ княжествѣ, а также естественныхъ опасеній за дальнѣйшую его судьбу, Государь Императоръ повелѣлъ генералъ-адъютанту князю Долгорукову отправиться въ Болгарію для выясненія дѣйствительности на мѣстѣ.

По выѣздѣ князя фактическая власть въ Болгаріи перешла въ руки Стамбулова и генерала Муткурова, зятя Стамбулова, командовавшаго войсками Филиппопольскаго гарнизона. Оставшаяся на сторонѣ князя часть партіи Каравелова, во главѣ съ Стамбуловымъ,

а также сторонники Радославова [1]) и Стоилова, продолжали агитацію въ пользу князя, который, уѣхавъ изъ Рени, черезъ Кишиневъ и Львовъ, въ предѣлы Венгріи, получилъ отъ Стамбулова и Муткурова, по телеграфу, приглашеніе возратиться обратно въ Болгарію. Князь, сговорившись по телеграфу съ Стамбуловымъ, выѣхалъ въ Румынію и въ Бухарестѣ былъ встрѣченъ депутаціей, имѣвшей во главѣ Дмитрія Грекова, бывшаго при мнѣ министромъ юстиціи, одного изъ трехъ вожаковъ придворной, княжеской партіи [2]). Прибывъ 18-го августа въ Рущукъ, князь былъ встрѣченъ самимъ Стамбуловымъ и затѣмъ, принявъ вновь бразды правленія, онъ и Стамбуловъ, сопутствуемые сторонниками послѣдняго, а также Начовичемъ, Стоиловымъ и Грековымъ, поѣхали въ Тырново, черезъ Габрово на Шипку, Филиппополь и Софію, куда прибыли 23-го августа.

Въ Рущукѣ случился характерный инцидентъ. Представителемъ Россіи тамъ былъ, временно управлявшій консульствомъ, Шатохинъ. Захваченный врасплохъ неожиданнымъ возвращеніемъ князя, Шатохинъ, не имѣя уже времени запрашивать Петербургъ и ожидать отвѣта, не зналъ, что ему дѣлать: встрѣчать князя, или нѣтъ. Къ сожалѣнію вообще, и къ особенному сожалѣнію для дипломата, Шатохинъ забылъ или не зналъ мудраго житейскаго правила, особенно полезнаго на дипломатическомъ посту: „dans le doute — abstiens toi“ [3]). Забылъ онъ и уроки исторіи нашей старой дипломатіи; не вспомнилъ онъ, какъ, когда-то давно, нашъ знаменитый министръ иностранныхъ дѣлъ Остерманъ, попадая въ затруднительное положеніе,—заболѣвалъ. Преданіе гласитъ, что Остерманъ, не желая (по невыясненности вопроса, при сомнѣніи) вести бесѣду съ иностраннымъ представителемъ и не имѣя возможности совершенно уклониться отъ его посѣщенія, притворялся больнымъ желтухой, намазывалъ себѣ лицо винными ягодами и только издали здоровался съ пріѣзжимъ, отклоняя, по очевидно доказанной болѣзни, дальнѣйшее собесѣдованіе. Г. Шатохину не надобно было прибѣгать къ виннымъ ягодамъ; достаточно было сказаться больнымъ и сидѣть дома, но онъ предпочелъ облечься въ парадную форму и вмѣстѣ съ другими коллегами, иностранными представителями, привѣтствовать возвращеніе князя.

Я говорилъ уже выше, что князь, не будучи особенно уменъ, былъ однако довольно хитеръ и ловокъ. Бесѣдуя съ нимъ о дѣлѣ, надо было всегда быть настороже. Онъ очень ловко воспользовался

---

[1]) Болгарскій дѣятель послѣдующаго времени.

[2]) Стоиловъ, Начовичъ и Грековъ.

[3]) При сомнѣніи — воздержись (отъ рѣшенія).

промахомъ Шатохина, повернулъ этотъ случай въ свою пользу и послалъ Государю Императору, черезъ г. Шатохина, слѣдующую телеграмму [1]).

„Sire. Ayant repris en mains le gouvernement de mon pays, j'ose soumettre à Votre Majesté Impériale mes plus respectueux remerciments de ce que le représentant de Votre Majesté Impériale à Roustchouk, par sa présence officielle à ma reception, a montré au peuple bulgare que le gouvernement Impérial ne saurait approuver l'acte revolutionnaire dirigé contre ma personne. En même temps je sollicite la permission de pouvoir soumettre à Votre Majesté Impériale toute ma gratitude pour l'envoi du général prince Dolgoroukow, envoyé extraordinaire de Votre Majesté Impériale car en reprenant le pouvoir légal en mains, mon premier acte est de soumettre à Votre Majesté Impériale ma ferme intention de porter sacrifice, afin de pouvoir aider à la magnanime intention de Votre Majesté Impériale de faire sortir la Bulgarie de la grâve crise qu'elle traverse. Je prie Votre Majesté Impériale d'autoriser le prince Dolgoroukow de s'entendre directement et le plus vite possible avec moi, et je serai heureux de pouvoir donner à Votre Majesté Impériale la preuve définitive de devouement inaltérable envers Vorte Auguste personne. Le principe monarchique m'a forcé de retablir la legalité en Bulgarie et Roumélie. La Russie m'ayant donné ma couronne — c'est entre les mains de son souverain que je suis pret à la remettre.

Alexandre".

(Переводъ) [2]).

„Ваше Величество. Вновь взявъ въ свои руки управленіе моею страною, осмѣливаюсь представить Вашему Императорскому Величеству выраженіе моей почтительной признательности за то, что представитель Вашего Императорскаго Величества въ Рущукѣ, своимъ оффиціальнымъ присутствіемъ на моемъ пріемѣ, обнаружилъ передъ болгарскимъ народомъ, что Императорское правительство не можетъ одобрить направленнаго противъ моей особы революціоннаго акта. Въ то же время испрашиваю соизволенія повергнуть предъ Вашимъ Императорскимъ Величествомъ мою благодарность за посылку генерала князя Долгорукова, съ чрезвычайнымъ порученіемъ отъ Вашего Императорскаго Величества, такъ какъ, принявъ вновь законную

---

[1]) „Правительственный Вѣстникъ". Четвергъ 21 августа, 1886 г. № 183. „Управляющій Россійскимъ консульствомъ въ Рущукѣ передалъ министерству иностран. дѣлъ, 18-го сего августа лично врученную ему княземъ Александромъ Болгарскимъ, на имя Государя Императора, слѣдующую телеграмму". Далѣе въ „Пр. Вѣстн." напечатанъ текстъ телеграммы, приводимой мною выше.

[2]) По „Правительственному Вѣстнику".

власть, я считаю первымъ моимъ долгомъ заявить Вашему Императорскому Величеству о моемъ твердомъ намѣреніи принять на себя всѣ жертвы, дабы способствовать великодушному намѣренію Вашего Императорскаго Величества вывести Болгарію изъ тяжелаго кризиса, который она переживаетъ. Прошу Ваше Императорское Величество разрѣшить князю Долгорукову войти непосредственно и какъ можно скорѣй со мною въ соглашеніе; я буду счастливъ представить Вашему Императорскому Величеству окончательное доказательство моей неизмѣнной преданности Августѣйшей Особѣ Вашей. Монархическій принципъ вынудилъ меня возстановить законность въ Болгаріи и Румеліи. Россія даровала мнѣ мою корону, и эту корону я готовъ вручить ея Монарху.

Александръ".

Телеграмма эта замѣчательна своею виртуозностью—и смѣлостью. Воспользовавшись оплошностью Шатохина и исходя изъ положенія, что ни одинъ дипломатическій представитель чужой страны не можетъ дѣлать *оффиціальныхъ* заявленій монарху другой страны, при которомъ онъ аккредитованъ, иначе какъ отъ имени представляемаго имъ правительства, по его повелѣнію или, по крайней мѣрѣ, въ духѣ его повелѣній и инструкцій, а слѣдовательно не можетъ и *привѣтствовать оффиціально* совершаемый новый, крупный политическій шагъ, князь очень ловко облекъ присутствіе Шатохина въ форму оффиціальнаго привѣтствія представителя Россіи, заявившаго такимъ образомъ солидарность Государя Императора съ совершившимся фактомъ, его признающимъ и одобряющимъ. Мнѣ неизвѣстно, зналъ ли князь о подкладкѣ всего этого дѣла или нѣтъ, но благодарность, выраженная имъ Государю въ телеграммѣ, ясно указываетъ, что онъ сталъ именно на эту точку зрѣнія. Мало того; нигдѣ не сказано о томъ, что Шатохинъ что-нибудь выразилъ, доложилъ; да этого князю и не было нужно. Довольно того, что представитель Россіи и ея Монарха „своимъ оффиціальнымъ присутствіемъ"... „обнаружилъ передъ болгарскимъ народомъ" неодобреніе тому акту, который принудилъ князя удалиться изъ страны, а слѣдовательно одобрилъ его въ нее возвращеніе. Далѣе, князь благодаритъ Государя за присылку князя Долгорукова, совершенно игнорируя то обстоятельство, что князь Долгоруковъ былъ посланъ въ Болгарію въ то время, когда русскому правительству достовѣрно было извѣстно, что князя Александра тамъ нѣтъ, и что уполномоченное Государемъ лицо послано было не къ нему, князю Александру, а къ болгарамъ.— Облекши посылку кн. Долгорукова въ такую форму, князь Александръ, развивая свою тему, проситъ, чтобы князь Долгорукій сносился „непосредственно" съ нимъ и съ нимъ вошелъ „въ соглашеніе". А другая

сторона?.. Самымъ правильнымъ мѣстомъ телеграммы, которое можно привѣтствовать, былъ конецъ телеграммы, гдѣ наконецъ признается существованіе Россіи и участіе ея, вмѣстѣ съ ея Монархомъ, въ судьбахъ Болгаріи. Признаніе, увы, нѣсколько запоздалое.

Но, какъ говорится: on a compté sans son hôte (сосчитали (разсудили) безъ хозяина). Отвѣтъ нашего Государя полученъ былъ княземъ въ Филиппополѣ. Отвѣтъ былъ громовой.

Въ томъ же „Правительственномъ Вѣстникѣ" всѣ прочитали слѣдующую телеграмму Государя Императора.

Son Altesse le Prince de Bulgarie
Philipopolis.

„Ai reçu télégramme de Votre Altesse. Ne puis approuver Votre retour en Bulgarie prevoyant conséquences sinistres pour le pays déjà si éprouvé. La mission du prince Dolgoroukow devient inoportune. Je m'abstiendrai de toute immixtion dans le triste état de choses, auquel la Bulgarie a été réduite tant que vous y resterez. Votre Altesse appréciera ce qu'Elle a à faire. Je me réserve de juger ce que me commandent la mémoire vénérée de mon Père, les interêts de la Russie et la paix de l'Orient.

Alexandre".

(Переводъ).

(По „Правительственному Вѣстнику").

Его Высочеству князю Болгарскому, Филиппополь.

„Я [1]) получилъ телеграмму Вашего Высочества. Не могу одобрить возвращенія Вашего въ Болгарію, предвидя злополучныя послѣдствія для страны, уже подвергшейся столь тяжкимъ испытаніямъ. Миссія князя Долгорукова становится несвоевременной. Я буду воздерживаться [1]) отъ всякаго вмѣшательства въ печальное положеніе дѣлъ, до котораго доведена Болгарія, пока Вы будете тамъ оставаться.

---

[1]) Относительно перевода этой замѣчательной телеграммы я нахожу необходимымъ сказать слѣдующее. Въ немъ сдѣлано два измѣненія французскаго текста (оригинала): 1) въ французскомъ текстѣ депеша начинается словомъ „Ai...", которому, по-русски, сотвѣтствуетъ: „*получилъ*", тогда какъ русскому: „Я получилъ..." соотвѣтствуетъ французское: „J'ai...", чего въ оригиналѣ нѣтъ; 2) фразу: „Je m'abstiendrai...", было бы правильнѣе перевести: „я воздержусь..." а не „буду воздерживаться".—Второе замѣчаніе мое, конечно, можно оспаривать; можно толковать и такъ и этакъ, но первое опровергнуть нельзя. Смыслъ начала телеграммы, въ обѣихъ редакціяхъ, одинъ и тотъ же, но *тонъ* весьма различенъ. Переводить, написанное Государемъ, вѣроятно не по незнанію французскаго правописанія, „Ai reçu..." словами „Я получилъ..." — составляетъ „искаженіе" подлинника, въ оффиціальныхъ актахъ, да еще отъ Монарха исходящихъ,—недопустимое.

Вашему Высочеству предстоитъ рѣшить, что Вамъ надлежитъ дѣлать. Предоставляю себѣ судить о томъ, къ чему обязываетъ меня чтимая Мною память Моего Родителя, интересы Россіи и миръ на Востокѣ.

Александръ".

Телеграмма, поражающая своей ясностью и опредѣленностью. Многозначителенъ и конецъ ея, гдѣ ясно указано, что, чтя „память Моего Родителя", князь Александръ, лично, какъ „принцъ Батенбергъ", можетъ быть спокоенъ за себя, но какъ „князь Болгарскій" онъ находится еще въ соприкосновеніи съ „интересами Россіи" и съ „поддержаніемъ мира на Востокѣ".

Великое слово Русскаго Императора было сказано, и князю Александру ничего не оставалось, какъ этому слову подчиниться; онъ 26 августа отрекся отъ престола и изъ Болгаріи уѣхалъ.

Оставляя страну, князь назначилъ регентство изъ 3-хъ лицъ: Стамбулова, генерала Муткурова и Каравелова. Вся сила (реальная) находилась въ рукахъ первыхъ двухъ, такъ какъ они, послѣ неудачи переворота 9-го августа (арестованіе князя и отправленіе его въ Рени), успѣли поставить во главѣ войскъ своихъ приверженцевъ. Каравеловъ былъ назначенъ въ составъ регентства съ умысломъ,— чтобы въ его лицѣ польстить значительному числу сторонниковъ бывшей его партіи, оставшихся ему вѣрными послѣ 9-го августа, огда партія Каравелова раскололась, и значительная ея часть передалась на сторону Стамбулова. Къ этимъ отщепенцамъ отъ Каравелова присоединились: 1) приверженцы придворныхъ любимцевъ, 2) сторонники Радославова и 3) крайніе элементы, руководимые Захаріей Стояновымъ и Дмитріемъ Петковымъ. Въ оппозиціи Стамбуловскому режиму остались: партія Драгана Цанкова и часть бывшей большой партіи Каравелова. Впослѣдствіи самъ Каравеловъ, по приказанію Стамбулова, былъ посаженъ въ тюрьму (Черная Джамія) и подвергнутъ тяжкимъ истязаніямъ.

Главные министерскіе посты заняли: мин.-презид. и внутр. дѣлъ — Радославовъ; юстиціи—Стоиловъ; иностр. дѣлъ—Начовичъ, бывшій передъ этимъ дипломатическимъ агентомъ Болгаріи въ Бухарестѣ.

Такъ дѣло длилось до избранія и утвержденія на престолѣ болгарскомъ князя Фердинанда.

Князь Александръ служилъ нѣкоторое время въ австрійской кавалеріи; женился. Скончался въ Грацѣ, оставивъ вдову и двухъ сыновей.

Тѣло князя Александра привезли въ Софію. Въ бытность мою тамъ я посѣтилъ мавзолей, въ которомъ его схоронили. Мавзолей величественной и красивой архитектуры, съ большимъ куполомъ,

увѣнчаннымъ княжеской короной. Ниже купола, у его основанія, надъ дугообразнымъ фронтономъ—крестъ, приходящійся подъ короной. Я бы сдѣлалъ обратно: чтобы крестъ вѣнчалъ корону, а не такъ, какъ теперь.

Внутри мавзолея, роскошный, бѣлаго мрамора, саркофагъ, и въ немъ покоится прахъ перваго болгарскаго князя.

Sic transit gloria mundi!

Глава XVIII.

О книгѣ пастора Коха: „Князь Александръ Болгарскій — Повѣствованіе объ его жизни и царствованіи. По личнымъ воспоминаніямъ“. — Кельнская газета.

Книга моя не болѣе какъ сводъ моихъ личныхъ воспоминаній, провѣренныхъ, однако, по замѣткамъ, записямъ, письмамъ другихъ лицъ и документамъ того времени. Приводя въ порядокъ имѣвшіеся у меня матеріалы, я не задавался мыслью писать „исторію перваго года самостоятельнаго существованія княжества Болгарскаго“, а поэтому и не собиралъ систематично тѣ свѣдѣнія о Болгаріи, которыя появлялись въ печати, но когда попадало что-либо, случайно, въ руки, или я слышалъ о чемъ-нибудь подобномъ, понятно прочитывалъ. Въ числѣ книгъ о Болгаріи, на которыя мнѣ указали, была и книга Адольфа Коха: „Князь Александръ Болгарскій“. „Повѣствованіе объ его жизни и царствованіи, по личнымъ воспоминаніямъ“ [1]. Я обратилъ вниманіе на эту книгу, такъ какъ авторъ ея, какъ я узналъ, былъ пасторомъ при князѣ Александрѣ и слѣдовательно человѣкомъ, къ нему близкимъ; по придворному положенію своему, хорошо освѣдомленнымъ, а кромѣ того, по духовному званію своему, подававшимъ надежду на правдивое изложеніе. Но, увы, въ послѣднихъ двухъ моихъ предположеніяхъ я жестоко ошибся и могу вполнѣ утвердительно сказать, что книга Коха, содержащая въ себѣ его „личныя“ воспоминанія, служитъ образцомъ того, какъ не слѣдуетъ писать свои „личныя“ воспоминанія. Вполнѣ естественно, что каждый, пишущій свои мемуары, вноситъ въ нихъ очень многое изъ своего собственнаго *я*, видитъ факты подъ своимъ личнымъ угломъ зрѣнія, соотвѣтственно ихъ освѣщаетъ и дѣлаетъ изъ нихъ выводы, согласующіеся съ своей точкой зрѣнія. Самый безпристрастный мемуаристъ не избавленъ отъ нѣкоторой односторонности и пристра-

---

[1]) Fürst Alexander von Bulgarien. Mittheilung aus Sein Leben und seiner Regierung nach persönlichen Erinnerungen von Adolf Koch. Darmstadt. 1887.

стія [1]). Но не будучи свободенъ отъ извѣстнаго „настроенія", которое отражается на „освѣщеніи" факта, его толкованіи и выводахъ изъ него, все же, всякій, уважающій себя, авторъ, пишущій свои „воспоминанія", обязанъ уважать и самый фактъ, изображая его именно таковымъ, какимъ онъ былъ; не забывать правды.

Этого пасторъ Кохъ не дѣлаетъ; онъ не ограничивается освѣщеніемъ фактовъ соотвѣтственно своему взгляду, онъ прямо искажаетъ факты. Мало того—онъ ихъ создаетъ.

Вся книга сплошной панегирикъ князю Александру и также сплошная брань Россіи и русскихъ. Мнѣ отведено у него весьма непочетное, но зато очень большое мѣсто.

По свидѣтельству Коха, изъ всѣхъ русскихъ дѣятелей въ Болгаріи было только два достойныхъ: Давыдовъ и Эрнротъ. Давыдовъ былъ „благомыслящій", „которому князь могъ слѣпо довѣриться" [2]). Эрнротъ своей „откровенностью и чистосердечностью" производилъ на князя наилучшее впечатлѣніе. Эрнротъ, по сказанію автора, только тогда рѣшился принять мѣсто военнаго министра въ Болгаріи, когда выговорилъ себѣ въ Петербургѣ гарантію свободы дѣйствій и независимость отъ петербургскихъ вліяній. Въ теченіе всего управленія имъ военнымъ министерствомъ онъ показалъ свой „золотой" характеръ и былъ „достопочтенный" человѣкъ, который не подчинялся никакимъ петербургскимъ теченіямъ, а какъ военный— былъ „дѣльный солдатъ" и „искусный организаторъ". Казалось бы довольно и можно было бы на такой лестной характеристикѣ остановиться. Но автору сказаннаго было мало, и онъ заявляетъ, что если бы Эрнротъ, „съ его открытымъ лицомъ, прямымъ характеромъ и независимымъ умомъ оставался бы дольше, то вліяніе Россіи въ Болгаріи сохранялось бы непоколебимо" [3]). Выводъ весьма странный послѣ переворота 27-го апрѣля 1881 года и совершенно не соотвѣтствующій дѣйствительности. Хорошо отзывается авторъ о двухъ русскихъ адъютантахъ князя, хотя объ одномъ изъ нихъ (Ползиковѣ), похваливъ, вообще, продолжаетъ такъ: „aber sehr schneidigen Offizier und heisblutigen Russen". Это „aber" (но), поставленное послѣ похвалы, поселяетъ недоумѣніе относительно слѣдующаго за нимъ, такъ что и не знаешь, что же это: хорошо или худо; особенно послѣднее [4]).

---

[1]) Пишущій эти строки не исключаетъ изъ этой характеристики и себя.

[2]) Адольфъ Кохъ. Стр. 13, 39, 41.

[3]) Тамъ же. Стр. 42.

[4]) Слово „schneidigen" можно перевести различно: рѣшительный, энергичный и рѣзкій офицеръ; „пламенный русскій" (вѣроятно въ смыслѣ: „руссофилъ"). Стр. 24, 39, 41.

Этимъ и кончаются „хорошіе" русскіе. Далѣе идутъ уже „не хорошіе". Начну съ верху. Графъ Дмитрій Алексѣевичъ Милютинъ виновенъ въ томъ, что былъ членомъ (или главой) антинѣмецкой партіи (въ Россіи), былъ во главѣ партіи (въ Россіи), враждебной князю, и не могъ выносить, что нѣмецъ царствуетъ въ отвоеванной Россіей странѣ. Вмѣстѣ съ княземъ Дондуковымъ старался, насколько возможно, затруднять князю управленіе княжествомъ. Ближайшая же вина графа Дмитрія Алексѣевича была та, что онъ покровительствовалъ мнѣ и за меня заступался.

Князь Дондуковъ-Корсаковъ, кромѣ уже сказаннаго сейчасъ, при отъѣздѣ своемъ изъ Болгаріи, открыто говорилъ, что онъ подвелъ такія мины, что нѣмецкому князю не процарствовать и полгода. Онъ же установилъ титулъ „Свѣтлость" вмѣсто подобавшаго „Высочество", который признавала вся Европа [1]). Очень плохо рекомендуется флигель-адъютантъ полковникъ Шепелевъ, который хотя и былъ умнымъ, образованнымъ человѣкомъ и пріятнымъ собесѣдникомъ, но вмѣсто того, чтобы быть „агентомъ Царя", сдѣлался агентомъ гр. Милютина и антинѣмецкой партіи вообще, а въ Болгаріи примкнулъ къ врагамъ князя. Будучи, по просьбѣ князя, отозванъ изъ Болгаріи, онъ поклялся мстить князю и примкнуть къ партіи, ему враждебной [2]). На Шепелева возводятся обвиненія въ томъ, что онъ искажалъ смыслъ нашего Государя повелѣній, и даже измѣнялъ Высочайшія слова, при передачѣ ихъ князю. Это открылось, и Шепелевъ былъ отозванъ.

Нашъ дипломатическій агентъ М. А. Хитрово сначала показался хорошимъ, но потомъ обнаружилось, что онъ „фальшивый и ненадежный". — Эрнротъ съ нимъ поссорился и изъ-за него уѣхалъ [3]). Достается конечно и Каткову. Переворотъ 27 апрѣля 1881 г. совершенъ княземъ съ вѣдома и согласія Россіи; обвинять въ этомъ Германію (замѣтимъ, которую никто никогда въ такомъ участіи и не обвинялъ)—нѣтъ основанія; также нѣтъ основанія приписывать Австріи участіе въ этомъ дѣлѣ. Достается и моему помощнику, генеральнаго штаба полковнику Тимлеру, котораго авторъ, почему-то, называетъ „инженеромъ" „Тюмлеръ". Такъ какъ я, по моей неспособности вообще, не былъ пригоденъ ни на что „большое", то этотъ недостатокъ восполнялся внушеніями и руководствомъ Тимлера, хитраго и подозрительнаго человѣка.

Но, конечно, наибольшее мѣсто отведено мнѣ. Тутъ у автора,

---

[1]) Тамъ же. Стр. 13 и 23.

[2]) Стр. 40 и 41.

[3]) Стр. 92 и 94.

является фантазія—безбрежная, и нѣтъ той грязи, которую онъ на меня не вылилъ.

Начать съ того, что въ военномъ отношеніи я былъ совершенное ничтожество (militärisch so unbedeutend) и развѣ-развѣ могъ бы, въ то время, командовать ротой [1]).

Подумаешь: какой слѣпотой были одержимы мои прежніе начальники: главнокомандующій Великій Князь Николай Николаевичъ, генералы: Гурко, Скобелевъ, князь Имеретинскій, графъ Шуваловъ, которые выдвигали меня на войнѣ, по представленіямъ которыхъ я получилъ много орденовъ и генеральскій чинъ; Ванновскій, князь Дондуковъ-Корсаковъ и самъ гр. Милютинъ, которые не нашли въ этомъ ошибки и продолжали поощрять мою службу... [2]). Эти лица ввели въ заблужденіе Государя Императора Александра II-го, который относился ко мнѣ всегда благосклонно, милостиво и обласкалъ меня въ Ливадіи, осенью 1879-го года!..

Оказывается, по Коху, что „благомыслящій“ Давыдовъ палъ жертвою моихъ интригъ, что я былъ вѣрной опорой графа Д. А. Милютина и проводникомъ его плановъ (?) [3]). Я же оказался замѣстителемъ князя Дондукова-Корсакова по главенству въ враждебной князю партіи. Вообще, нѣтъ, кажется, того грѣха, котораго, по мнѣнію пастора Коха, во мнѣ не было. До сихъ поръ были только теоретическія обвиненія, но далѣе авторъ переходитъ къ изложенію фактовъ. Замѣчу сначала, что Коха я никогда не видѣлъ; онъ говорилъ, что пріѣхалъ въ Софію въ концѣ декабря 1879 г., но я его совершенно не помню. Можетъ быть я и встрѣчалъ его, не зная кто это, но насъ никто никогда не знакомилъ и вообще человѣка, въ пасторской одеждѣ, при дворѣ князя, я совершенно не помню; онъ пишетъ, что меня видѣлъ, хотя въ описаніяхъ того, *какъ* онъ меня *видѣлъ*, встрѣчаются такія погрѣшности, что невольно возникаетъ сомнѣніе въ правдивости автора.

Разсказанный мною, въ гл. XII, обѣдъ, въ изложеніи автора, происходилъ иначе. Ни о какихъ рѣчахъ ничего не сказано, вообще, никакихъ circonstances atténuantes не было. Просто, послѣ обѣда, я сказалъ офицерамъ: „Въ дѣйствительности, князь очень милый человѣкъ; я это только теперь узналъ и потому разрѣшаю офицерамъ, въ будущемъ, называть его: „Высочествомъ“. Вслѣдствіе такой бестактности своего

[1]) Тамъ же стр. 22, и др.

[2]) Только одинъ генералъ Розенбахъ былъ какъ будто прозорливѣе.

[3]) Интриговать объ отозваніи Давыдова было совершенно излишнее, такъ какъ онъ, постоянно повторявшій фразу: „хоть бы меня убрали отсюда“, самъ давно уже просилъ о своемъ отозваніи, и я же, въ сентябрѣ 1879-го года, возилъ его письмо, съ этой просьбой, къ Н. Г. Гирсу (гл. XII)

военнаго министра, князь на другой день былъ вынужденъ отдать въ приказѣ, чтобы офицеры, впредь до утвержденія Народнымъ Собраніемъ новаго титула, продолжали величать его по-прежнему [1]).

Подробно описывая отъѣздъ князя въ Петербургъ и мое въ немъ участіе, отъѣздъ, при которомъ онъ, по его словамъ, присутствовалъ, пасторъ Кохъ даетъ волю своему воображенію, и мнѣ придется, въ дальнѣйшемъ, говорить его словами. „Я стоялъ", говоритъ авторъ, „какъ разъ вблизи князя и вижу еще, какъ сейчасъ, этого маленькаго человѣка (т. е. меня), который своимъ султаномъ [2]) на колпакѣ (шапкѣ) еле-еле достигалъ до носа князя"...

Тутъ я долженъ остановиться. Дѣло въ томъ, что въ то время генералы султановъ на шапкѣ не имѣли; султанъ носилъ только князь. Они были введены послѣ моего ухода, при генералѣ Эрнротѣ. Какъ же могъ, присутствовавшій при этой сценѣ и близко стоявшій, пасторъ Кохъ видѣть на моей шапкѣ султанъ, котораго не было? Вслѣдствіе этого у меня является вопросъ: если Кохъ видѣлъ, „какъ сейчасъ", то, чего никто не видѣлъ, да и видѣть не могъ, по отсутствію предмета зрѣнія, то не было ли вообще воображеніе автора доведено до крайнихъ предѣловъ, граничащихъ съ галлюцинаціей, и насколько, въ такомъ случаѣ, свидѣтельства его „видѣнія", а тѣмъ болѣе „слышанія" достойны вѣры?.. Не есть ли все имъ, про меня и про другихъ русскихъ, написанное плодъ фантазіи, результатъ ничѣмъ не сдерживаемой злобы?

Подтвержденіемъ такого предположенія служитъ дальнѣйшее повѣствованіе Коха.

Въ гл. XII я упоминалъ о пропажѣ чемодана Давыдова и говорилъ, что розыски ни къ чему не привели. Пасторъ Кохъ тоже чемодана не нашелъ, но онъ нашелъ похитителя: этотъ похититель—я!..

Признаюсь, когда я прочиталъ это, то искренно и совершенно добродушно смѣялся. Такъ это глупо!

Дѣло, по словамъ Коха, было такъ. Когда я пріѣхалъ во дворецъ провожать князя, то, „молодецки отсалютовавъ" ему [3]), доложилъ, что на всѣхъ почтовыхъ станціяхъ недостаетъ по четыре лошади, какъ разъ столько, сколько требовалось для повозки съ вещами, а потому просилъ повозку эту задержать до возвращенія лошадей. Князь былъ этимъ извѣстіемъ разгнѣванъ; авторъ пишетъ: ich sehe

---

[1]) Тамъ же: стр. 22. У автора разсказъ объ обѣдѣ и о моихъ словахъ, обращенныхъ къ офицерамъ, носитъ характеръ даже игривый, совершенно не соотвѣтствующій тому настроенію, которое было въ дѣйствительности.

Н. Н.

[2]) Reiherfeder. Reiher—цапля. Тамъ же, стр. 40.

[3]) Стр. 40.

auch noch die dunkeln Schatten die bei dieser Nachricht über des Fürsten Gesicht flogen“ [1]). Князь распорядился, чтобы изъ остальныхъ экипажей отпрягли по одной лошади для повозки съ вещами. И все же, по разсказу Коха, приказаніе князя не было исполнено; вещи были отправлены только черезъ нѣсколько часовъ. Und so verlor sich der Koffer Davidows“ [2]), патетически восклицаетъ авторъ. Онъ прибавляетъ, что, по моему приказанію, были произведены розыски, что я очень старался найти, посылалъ даже „состоящаго для особыхъ порученій“ офицера искать, но этотъ послѣдній, „натурально“ ничего не нашелъ, „такъ какъ онъ самъ отлично зналъ, гдѣ чемоданъ находится“.

Чемоданъ Давыдова, по словамъ Коха, понадобился мнѣ потому, что въ немъ находились конспекты Давыдовскихъ донесеній Государю, полагать надо, мнѣ неблагопріятныхъ. Не разсудилъ авторъ того, что конспекты мнѣ не могли быть нужны, разъ какъ подлинныя донесенія уже находились въ Петербургѣ, да и самъ Давыдовъ туда же ѣхалъ.

Вспоминая потомъ объ отъѣздѣ князя и о случаѣ съ чемоданомъ Давыдова, мнѣ припоминалось, что первое извѣстіе объ этомъ я получилъ отъ самого Давыдова, телеграфировавшаго мнѣ изъ Рущука просьбу содѣйствовать розыскамъ. Вѣроятно, онъ не особенно надѣялся на мѣстную полицію. Казалось мнѣ, что я получилъ еще одну телеграмму, передававшую мнѣ приказаніе князя командировать офицера для розыска. Все это было для меня какъ въ туманѣ, разсѣивать который я неособенно стремился, такъ какъ важности, лично для себя, въ этомъ дѣлѣ не видѣлъ. Но, прочитавъ курьезный разсказъ Коха, я навелъ справки у моихъ ближайшихъ сотрудниковъ того времени, и вотъ что я отъ нихъ узналъ. Первое извѣстіе я получилъ дѣйствительно отъ Давыдова, частной телеграммой просившаго меня помочь его бѣдѣ, а затѣмъ получилъ оффиціальную телеграмму князя, подписанную его адъютантомъ Ползиковымъ, съ приказаніемъ командировать офицера на мѣсто происшествія для дознанія. Послать мнѣ было некого. Одинъ штабъ-офицеръ для порученій, подполковникъ Плеве, былъ въ Петербургѣ, въ отпуску; другой же, подполковникъ Каменецкій, былъ въ командировкѣ, въ Габровѣ. Вслѣдствіе этого я предписалъ, по телеграфу, командиру Рущукской дружины, полковнику Л—ву (офицеръ л.-гв. Гренадерскаго полка), произвести дознаніе. Одновременно съ этимъ те-

---

[1]) „Я вижу еще“ (вмѣстѣ съ султаномъ?) „темныя тѣни, которыя, при этомъ извѣстіи, пробѣжали по лицу князя“.

[2]) «И такъ пропалъ чемоданъ Давыдова».

леграфировалъ и начальнику артиллеріи, полковнику Лѣсовому, постоянно жившему въ Рущукѣ, прося оказать содѣйствіе Л—ву. Но изъ этого ничего не вышло.

Оканчивая свой разсказъ о „нехорошихъ“ русскихъ людяхъ, авторъ сообщаетъ, что въ царствованіе Императора Александра II, князь могъ легко противодѣйствовать интригамъ, противъ него направленнымъ; „но не то было“, съ грустью добавляетъ онъ, „когда на престолъ вошелъ Александръ III“...

Я, понятно, не могу обижаться на *военную* аттестацію, выданную мнѣ *пасторомъ* Кохомъ даже въ предположеніи, что онъ писалъ со словъ князя Александра, поручика Берлинскихъ Gardes de corps, еще не командовавшаго тамъ эскадрономъ, хотя и участвовавшаго въ первомъ Забалканскомъ походѣ генерала Гурко, но въ виду того, что онъ былъ иностраннымъ принцемъ, племянникомъ Государя, съ намѣченнымъ уже высокимъ удѣломъ, его ожидавшимъ, — вѣроятно ограничившаго свое участіе въ бояхъ только на нихъ взираніемъ. Что же касается не военной моей аттестаціи, характеристики какъ дѣятеля того времени, то я весьма счастливъ, что въ той портретной галлереѣ, которую собралъ авторъ книги, я поставленъ вмѣстѣ съ графомъ Д. А. Милютинымъ, княземъ А. М. Дондуковымъ-Корсаковымъ, Шепелевымъ, Тимлеромъ и Хитрово. Это сосѣдство для меня безусловно лестное.

Строго говоря, о книгѣ пастора Коха не стоило бы и говорить; мало ли что приходится случайно прочитать; но нѣсколько ниже я приведу довольно интересный случай, имѣющій, повидимому, связь съ этой книгой.

Я не знаю, насколько въ Россіи читали воспоминанія А. Коха. Думаю, что мало; развѣ въ нѣмецкихъ кружкахъ Петербурга, Москвы и другихъ городовъ. Въ Болгаріи, вѣроятно читали, такъ какъ, во-первыхъ, это ея, непосредственно, касается, а, во-вторыхъ, въ Болгаріи и по сейчасъ есть партія приверженцевъ князя Александра; правда — очень небольшая, но есть. Въ случаѣ, чего не дай Богъ, какихъ-нибудь внутреннихъ осложненій, эта партія можетъ, пожалуй, напомнить о существованіи сыновей князя, вдовѣ котораго болгарская казна выплачиваетъ 50 тыс. франковъ пенсіи въ годъ.

Въ Германіи воспоминанія Коха читали, и вотъ доказательство. Нѣмецкая печать всегда очень внимательно слѣдила за нашими высшими военными назначеніями, особенно когда это касалось войскъ, по границѣ Германіи расположенныхъ [1]). Когда я, въ февралѣ 1890 года, по представленію генерала Гурко, былъ назначенъ на-

[1]) Не худо бы и намъ послѣдовать этому примѣру.

чальникомъ 6-й кавалерійской дивизіи, расквартированной въ сѣверной части Царства Польскаго, почти на самой границѣ Пруссіи, то въ Кельнской газетѣ [1]) была помѣщена замѣтка, мнѣ посвященная. Статья Кельнской газеты гораздо ко мнѣ милостивѣе, чѣмъ пасторъ Кохъ. Вотъ она. „Parensow, bisher im Generalstabe Gurkos, ist erst 47 Jahre alt und hat eine glänzende militärische Laufbahn—ausschliesslich in Generalstabsstellungen—hinter sich. Mit Auszeichnung nahm er 1869 in Russich Mittel-Asien an dortigen Feldzügen Teil und 1877/78 am Feldzug gegen Türkei. Mehrere Jahre (?) war er bulgarischer Kriegsminister, als welher er so unvershämt gegen Fürst Alexander auftrat, dass dieser endlich bei Kaiser Alexander II, dessen Abberufung durshsetzte. Parensow, ein wütender Deutschenfresser und eins der Rüstzeuge des roten, in Herzen republicanischen Panslavismus [2])... Далѣе -- брань, à la Koch, а въ концѣ опять лучше: „dagegen besitzt er sehr lebensgewandte, angenehme Formen".

Куда же лучше, чѣмъ „по Коху"!

Я протестую, и при томъ самымъ рѣшительнымъ образомъ, противъ двухъ заявленій газеты:

1) Я зналъ терминъ: „панславизмъ", но только изъ „Kölnische Zeitung" впервые узналъ о существованіи панславизма „краснаго", „въ душѣ республиканскаго". Очевидно, что я не могъ принадлежать къ партіи, о самомъ существованіи которой не зналъ, да которая и въ дѣйствительности-то существуетъ только въ воображеніи „Кельнской Газеты".

2) Протестую, тоже весьма энергично, противъ приписываемыхъ мнѣ наклонностей „пожирать нѣмцевъ". Я преисполненъ глубочайшаго уваженія ко многимъ свойствамъ германской націи; уважаю и преклоняюсь передъ стойкостью ея характера, любовью къ порядку, ея домовитостью и аккуратностью. Особенно же восторгаюсь германскимъ патріотизмомъ, тѣмъ патріотизмомъ, при которомъ даже самъ Бебель, вождь соціалъ-демократовъ, заявляетъ во всеуслышаніе о

---

[1]) Kölnische Zeitung 1890. № 70. Dienstag, 11 März.

[2]) „Паренсовъ, служившій до сихъ поръ въ штабѣ Гурко, 47 лѣтъ, имѣетъ за собой блестящее военное прошлое, но исключительно въ должностяхъ службы генеральнаго штаба. Съ отличіемъ принималъ онъ участіе въ военныхъ дѣйствіяхъ въ Средней Азіи, а въ 1877—78 г. въ турецкой войнѣ. Многіе годы былъ онъ болгарскимъ военнымъ министромъ и въ этой должности такъ безсовѣстно держалъ себя относительно князя Александра, что этому послѣднему пришлось настоять передъ Императоромъ Александромъ II объ его отозваніи. Паренсовъ—ярый пожиратель (ненавистникъ) нѣмцевъ; онъ составляетъ одно изъ орудій краснаго, въ душѣ республиканскаго панславизма". „Но при этомъ, напротивъ того, обладаетъ очень привѣтливыми, пріятными формами" (манерами).

своемъ германскомъ патріотизмѣ. Я не только съ уваженіемъ, но даже съ симпатіей гляжу на нѣмца, который говоритъ и поетъ: Deutschland über alles... Но, будучи русскимъ, я убѣжденно, твердо и настойчиво говорю: *„для меня, русскаго: Россія прежде всего, Россія выше всего!“*

ЗАКЛЮЧЕНІЕ.

Пересматривая напечатанныя въ „Русской Старинѣ“ записки мои, передъ изданіемъ ихъ, въ исправленномъ и дополненномъ видѣ отдѣльной книгой, я теперь (1907 г.), при наступившей уже старости, оглядываясь на прошлое, вспоминаю ушедшую молодость, прежнія мечты, надежды и увлеченія.

Встаютъ передо мной образы былого, проходятъ мимо меня тѣни людей, дѣятелей войны за освобожденіе Болгаріи и слѣдовавшаго за нею времени.

Еще и до сихъ поръ уцѣлѣли нѣкоторые изъ нихъ, но сколькихъ уже нѣтъ!

Гуманнѣйшій Государь, Царь-Освободитель Александръ II; добрѣйшій, сердечный Великій Князь Николай Николаевичъ, безусловно одаренный военными способностями главнокомандующій, любимый войсками и обожаемый подчиненными, близко къ нему стоявшими; безстрастный Непокойчицкій, суетящійся Левицкій, громаднаго таланта и замѣчательной храбрости Гурко, Скобелевъ; свѣтлая личность Наглoвскаго, остроумнѣйшій князь Горчаковъ, даровитые и энергичные князья: Черкасскій и Дондуковъ-Корсаковъ, рыцарски честный Тимлеръ, неудавшійся первый князь Болгаріи Александръ Батенбергъ и много другихъ покоятся уже вѣчнымъ сномъ.

Отошелъ въ мѣсто общаго упокоенія и Великій Государь Императоръ Александръ III, Царь сильный и праведный, чистый сердцемъ, Царь-Миротворецъ!

Всѣ они отошли въ вѣчность, но память о нихъ осталась.

Раздумывая же о себѣ, о своей дѣятельности въ Болгаріи, въ главныхъ ея чертахъ, въ ея направленіи, невольно обращаюсь къ послѣдней телеграммѣ Императора Александра III-го къ князю Александру Болгарскому.

Что собственно въ ней сказано? Какая основная мысль руководила высокимъ ея авторомъ? Очевидно та, что управленіе княземъ Александромъ Болгаріей для дѣла—не полезно; другими словами, что управленіе это—неудачно.

А что же говорю я, во всей этой книгѣ, и что высказалъ я, вполнѣ опредѣленно, въ XVI-й ея главѣ?

То же самое!...

Дерзаю думать, что въ Высочайшихъ Государя Императора Александра III-го словахъ—звучитъ мое оправданіе.

Этимъ „заключеніемъ“ я кончаю мои воспоминанія о Болгаріи, печатаемыя въ „Русской Старинѣ“ и составляющія IV-ю часть записокъ „Изъ Прошлаго“.

Считаю, однако, не лишнимъ помѣстить здѣсь два отрывка изъ введенія къ V-й части, которая выйдетъ приложеніемъ къ IV-й части.

I.

Въ виду приближавшихся уже торжествъ въ Болгаріи, редакція журнала „Русская Старина“, въ которой я выступалъ съ моими воспоминаніями „Изъ Прошлаго“, всегда любезно удѣляющая на своихъ страницахъ мѣсто моимъ писаніямъ, просила меня помѣстить, въ августовской книжкѣ 1907 года, статью о Болгаріи, и я напечаталъ очеркъ „Россія и Болгарія“.

Въ очеркѣ этомъ я болѣе подробно остановился на мысли о „благодарности“ освобожденной Болгаріи къ ея освободительницѣ Россіи, мысли, о которой я только вскользь упомянулъ на стр. 109, IV-й части, сказавъ, по поводу одного случая: „тутъ, кажется, впервые было сказано слово „неблагодарность“, слово, столь много и столь часто употреблявшееся впослѣдствіи, слово, къ которому я еще не разъ вернусь, такъ какъ никогда не признавалъ его справедливости и теперь его не признаю“.

Оставаясь при такомъ взглядѣ и въ іюлѣ 1907 года, я распространился о немъ въ моемъ очеркѣ „Болгарія и Россія“. Добавлю слѣдующее: можетъ случиться и въ будущемъ, какъ это было и въ прошедшемъ (при князѣ Александрѣ и при Стамбуловѣ), что люди, временно и случайно попавшіе къ власти въ Болгаріи, тоже временно отвернутся отъ Россіи и обратятъ свои взоры къ „культурному“ западу; но это будутъ уклоненія и стремленія единицъ. Повторяю: временныя и случайныя. Кончаться эти уклоненія будутъ трагически: вспомнимъ конецъ правленія князя Александра и убійство Стамбулова. Болгарія же всегда останется тою, которая на памятникѣ „Царя-Освободителя“ въ Софіи начертала: „*Признательная Болгарія*“.

Поѣздка моя на болгарскія торжества вполнѣ оправдала и подтвердила мой взглядъ и мое убѣжденіе. Впечатлѣніе о моей поѣздкѣ я напечаталъ въ рядѣ статей газеты „Голосъ Правды". Вслѣдствіе узкихъ рамокъ маленькой ежедневной газеты, печатаніе этихъ статей растянулось болѣе, чѣмъ на три мѣсяца; по той же причинѣ ихъ пришлось нѣсколько сократить. Статьи эти, дополненныя, войдутъ въ V-ю часть моихъ воспоминаній „Изъ Прошлаго".

II.

Имѣвшій терпѣніе дочитать до конца мои воспоминанія о войнѣ 1877—1878 гг. и о Болгаріи пойметъ, что этотъ періодъ моей жизни оставилъ по себѣ неизгладимый во мнѣ слѣдъ. Въ постигшей меня въ 1884 году тяжкой, четырехлѣтней болѣзни, война и Болгарія занимали главное мѣсто, расшатавъ надолго очень крѣпкое и цвѣтущее здоровье. Война, сопряженная съ личнымъ успѣхомъ, скоро превратилась въ воспоминаніе—только пріятное; Болгарія же долго оставалась воспоминаніемъ—тяжкимъ. Но и это, подъ вліяніемъ все сглаживающаго времени, улеглось. Осталось, однако, два страстныхъ желанія, вылившихся въ вопросы: неужели я никогда не увижу Болгарію, уже столько лѣтъ существующую самостоятельнымъ государствомъ, неужели я никогда не напишу книгу о первомъ годѣ этого самостоятельнаго ея существованія, годѣ, въ которомъ я принималъ непосредственное участіе? Для исполненія второго желанія, матеріаловъ было много; надо было только начать. Я и началъ работать, составлять четвертую часть „Изъ Прошлаго". Написавъ болѣе половины, я напечаталъ ее въ „Русской Старинѣ", по соображеніямъ того времени, съ большими пропусками, а также отдѣльнымъ изданіемъ, безъ пропусковъ. Но тутъ послѣдовала задержка весьма продолжительная, зависѣвшая отчасти отъ моей службы, поглощавшей много времени, отъ служебныхъ перемѣщеній и пертурбацій. Во время японской воины, я все мое свободное время отдалъ „Русскому Инвалиду", печатая тамъ мои „Современныя Письма", и, наконецъ, только теперь могъ привести къ концу книгу о Болгаріи.

Первое же мое желаніе встрѣчало просто непреодолимыя преграды къ своему исполненію, а между тѣмъ, чѣмъ больше оно казалось неосуществимымъ, тѣмъ дѣлалось оно сильнѣй, и все неотвязчивѣе стояла передо мной мысль о немъ.

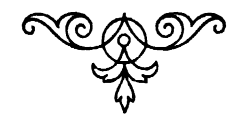
То обстоятельство, что я не попалъ въ число лицъ, командированныхъ въ 1902 году на Шипкинскія торжества, несмотря на то,

что ношу серебряную медаль именно „За оборону Шипки“, медаль, лично врученную мнѣ покойнымъ Ѳ. Ѳ. Радецкимъ, и что Болгаріей и ея правительствомъ я былъ усиленно приглашаемъ — еще болѣе обострило желаніе ее увидѣть.

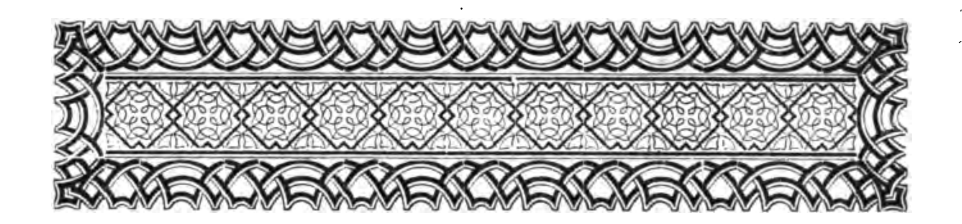
Теперь все это осуществилось. Я былъ въ Болгаріи, видѣлъ ее цвѣтущею. Былъ на „Зеленыхъ горахъ“, украшенныхъ памятниками былого, былъ въ Горномъ Студнѣ, Тырновѣ, Варнѣ, Рущукѣ, Ловчѣ, столь мнѣ близкой, жители которой поднесли мнѣ дипломъ на званіе почетнаго гражданина города, былъ, наконецъ, въ по истинѣ блестящей теперь столицѣ, Софіи; видѣлъ мой маленькій домикъ, сохраняемый въ его первобытномъ видѣ, ѣздилъ на улицу „Генералъ Паре́нсовъ“... [1])

Я удовлетворенъ—вполнѣ

П. Паренсовъ.

[1]) Болгарскіе фаэтонщики (извозчики) дѣлаютъ удареніе на е́.

„Русскій Инвалидъ" и „Военный Сборникъ".

Къ 50 лѣтію „Военнаго Сборника".

По поводу исполняющагося въ настоящемъ году полустолѣтія „Военнаго Сборника" умѣстно хоть въ краткихъ чертахъ вспомнить исторію этого журнала, а также газеты „Русскій Инвалидъ", этихъ старѣйшихъ органовъ военной періодической печати. Въ наше время уже издаются частные военные органы, но починъ въ дѣлѣ созданія военной прессы возникъ въ оффиціальныхъ сферахъ той славной эпохи, въ вѣнцѣ которой сіяетъ дорогимъ воспоминаніемъ 1812-й годъ.

„Русскій Инвалидъ" былъ основанъ въ 1813 г. П. П. Пезаровіусомъ, человѣкомъ военнымъ, если не по служебному положенію, то по духу. Пезаровіусъ родился въ 1776 г. въ городѣ Вольмарѣ, Лифляндской губерніи; образованіе онъ получилъ въ Іенскомъ университетѣ, находился на службѣ въ комиссіи составленія законовъ и въ юстицъ-коллегіи; умеръ онъ въ 1847 г. Разныя обстоятельства мѣшали ему послѣдовать своему природному призванію и вступить въ военную службу, которую онъ любилъ такъ страстно, что на тридцать пятомъ году, урывая свободные отъ службы часы, учился у унтеръ-офицеровъ Преображенскаго полка солдатской муштрѣ, подвергаясь всѣмъ строгостямъ тогдашней немудреной дисциплины. Учителя относились къ странному ученику какъ къ солдату, не принимая во вниманіе ни лѣтъ, ни чина; Пезаровіусъ разсказывалъ впослѣдствіи, что безпристрастные педагоги „занимались весьма основательно; синія пятна на моемъ лѣвомъ боку и шрамы на рукахъ свидѣтельствовали сколько объ усердіи учителей, столько и о прилежаніи ученика". Но быть въ рядахъ войска не было суждено Пезаровіусу. Онъ потрудился для Россіи иначе.

Вспыхнула война съ Наполеономъ, и Пезаровіусъ сталъ жертвовать на военныя нужды треть своего скуднаго жалованья. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ призадумался о призрѣніи несчастныхъ жертвъ войны и рѣшилъ издавать въ пользу инвалидовъ газету „Русскій Инвалидъ". Съ 1-го февраля 1813 г. стала выходить одинъ разъ въ недѣлю, по субботамъ, новая газета, маленькій листокъ въ два столбца, наполненный перепечатками реляцій о дѣйствіяхъ русскихъ войскъ въ Европѣ, выдержками изъ „Сѣверной Почты", переводами изъ старыхъ заграничныхъ газетъ и военными анекдотами. Патріотъ-издатель былъ еще неопытенъ, наладить дѣло сразу не сумѣлъ, газеты не рекламировалъ и смѣло началъ изданіе при шести подписчикахъ. Но вскорѣ „Инвалидъ" окрѣпъ. Въ немъ стали появляться свѣжія новости, благодаря участію живыхъ и энергичныхъ людей газета оживилась. Къ концу апрѣля число подписчиковъ дошло до 800; явилась иногородная подписка. Пезаровіусъ, не довольствуясь очередными №, сталъ выпускать экстренныя добавленія; такія были выпущены по случаю боя подъ Кульмомъ и Лейпцигской битвы. Росла подписка, и стали поступать пожертвованія въ пользу инвалидовъ. Къ концу 1813 г. собранный на доброе дѣло капиталъ достигъ 115 тысячъ рублей. Съ 1814 г. газета стала выходить два раза въ недѣлю; къ концу года основной капиталъ дошелъ до 300 тысячъ руб., а въ теченіе 1815 г. увеличился еще почти на 100 тысячъ. Къ этому времени, помимо непрерывнаго роста капитала, газета успѣла помочь 1.200 раненыхъ. Пезаровіусъ получилъ орденъ Анны 2-ой степени съ брилліантами и былъ назначенъ членомъ незадолго передъ этимъ учрежденнаго комитета о раненыхъ воинахъ (нынѣ—Александровскій комитетъ о раненыхъ). Съ января 1816 г. „Русскій Инвалидъ" сталъ выходить ежедневно. Въ 1821 г. Пезаровіусъ оставилъ газету, собравшую къ тому времени милліонный капиталъ, и его мѣсто занялъ извѣстный писатель А. Ѳ. Воейковъ, редактировавшій „Русскій Инвалидъ" до своей смерти (1839 г.). Во главѣ газеты послѣ Воейкова сталъ опять Пезаровіусъ и велъ дѣло до 1 января 1847 г. При Воейковѣ, который исключилъ изъ газеты весь политическій отдѣлъ и сдѣлалъ ее безцвѣтной, „Русскій Инвалидъ" значительно пріупалъ; Пезаровіусъ долго протестовалъ противъ такого небрежнаго веденія газеты, но ничего не могъ подѣлать съ Воейковымъ, у котораго были сильные покровители. Пезаровіусъ въ восемь лѣтъ своего второго редакторства опять поднялъ газету, увеличилъ ея форматъ, снова введя политическій отдѣлъ, но поставить изданіе на прежнюю высоту ему уже не удалось. Послѣ него редакторами были А. И. Веригинъ (1847—1851 гг.), А. А. Краевскій, баронъ Ѳ. Ѳ. Корфъ,

кн. Н. С. Голицынъ 6-ой, П. С. Лебедевъ 3-ій, Я. Н. Туруновъ. Въ половинѣ 1861 г. газета перешла въ аренду на шесть лѣтъ къ полковнику Н. Г. Писаревскому. Программа газеты была измѣнена; увеличился ея форматъ. „Русскій Инвалидъ" сразу примкнулъ къ прогрессивному лагерю... Въ 1862 г. состоялось Высочайшее повелѣніе о расторженіи договора съ Писаревскимъ. Впрочемъ, ему было разрѣшено продолжать изданіе до 1 января 1863 г. съ тѣмъ, чтобы оффиціальная часть была отдѣлена отъ неоффиціальной, выдѣленной въ особую газету—„Современное Слово". Но Писаревскій не могъ довести дѣла даже до 1 января и оставилъ газету ранѣе этого срока. 6 января 1862 г. редакторомъ былъ назначенъ полковникъ Д. И. Романовскій; при немъ нѣкоторое время завѣдывалъ ученою частью профессоръ А. Н. Бекетовъ. Съ апрѣля 1865 г. редактировалъ „Русскій Инвалидъ" С. П. Зыковъ, а съ 1868 г. газета была соединена общей редакціей съ своимъ младшимъ собратомъ—„Военнымъ Сборникомъ".

„Военный Сборникъ" возникъ по иниціативѣ начальства отдѣльнаго гвардейскаго корпуса. Программа предположеннаго журнала была гораздо шире программы газеты. Въ ней были установлены четыре отдѣла: оффиціальный (Высочайшіе приказы, приказы министра и т. под.), военныхъ наукъ (тактика, военная исторія, военная статистика, военная администрація, фортификація и артиллерія), литературный (разсказы изъ военнаго быта, мемуары военныхъ людей, путешествія, біографіи) и смѣсь (открытія и опыты, библіографія и проч.). Цѣлью журнала было, какъ говорилось въ докладной запискѣ, „доставить офицерамъ нашей арміи за возможно дешевую цѣну полезное и занимательное чтеніе, возбудить въ нихъ любознательность и охоту къ военному образованію; офицерамъ же наиболѣе способнымъ и знающимъ дать средство сообщать свои знанія черезъ печать всѣмъ товарищамъ по оружію". Поэтому и цѣна была назначена дешевая: 6 руб. въ годъ. 6 января 1858 г. планъ изданія получилъ Высочайшее одобреніе, и 1 мая вышла первая книжка журнала. Сначала журналъ издавался при штабѣ гвардейскаго корпуса; редактировали его подполковникъ Аничковъ и капитанъ Н. Н. Обручевъ; литературнымъ отдѣломъ завѣдывалъ Н. Г. Чернышевскій. Съ 1 января 1859 г. редакторомъ „Военнаго Сборника" былъ назначенъ генералъ-маіоръ П. К. Меньковъ; въ теченіе этого года число подписчиковъ превысило пять тысячъ; на годовомъ отчетѣ Государь Александръ II написалъ: „искренно благодарю главнаго редактора за направленіе журнала, совершенно согласное моимъ желаніямъ".

Въ 1868 г. „Военный Сборникъ" былъ соединенъ общей редак-

ціей съ „Русскимъ Инвалидомъ".—Главнымъ правительственнымъ органомъ сталъ новооснованный „Правительственный Вѣстникъ", и „Русскій Инвалидъ" сдѣлался вполнѣ органомъ военнаго вѣдомства; такимъ образомъ сліяніе обоихъ изданій одного и того же министерства было очень естественно. Функціи изданій были раздѣлены такъ: „Русскій Инвалидъ" долженъ былъ „слѣдить за многосторонними текущими явленіями и событіями въ военномъ мірѣ или имѣющими соотношеніе къ военному дѣлу", а „Военный Сборникъ" принялъ обязанность „посвятить свои страницы всесторонней разработкѣ собственнаго военнаго дѣла". Программа газеты была значительно сокращена, но программа журнала осталась безъ измѣненій; было лишь обѣщано увеличить военно-литературный отдѣлъ. Съ 1 января 1869 г. „Русскій Инвалидъ" сталъ выходить уже не ежедневно, какъ прежде, а три раза въ недѣлю; „Военный Сборникъ" выходилъ по-прежнему ежемѣсячно. Но черезъ полгода эти рамки оказались тѣсны для газеты. Во всеподданнѣйшемъ докладѣ по главному штабу отъ 6 августа 1869 г. было сказано:

„Въ настоящее время, на основаніи семимѣсячнаго опыта, оказывается, что газета „Русскій Инвалидъ", выходящая лишь три раза въ недѣлю, не можетъ выполнять Высочайше утвержденную программу, возлагающую на газету обязанность сообщать всѣ офиціальныя извѣстія и слѣдить за многосторонними текущими явленіями и событіями въ военномъ мірѣ, имѣющими соотношеніе къ военному дѣлу,—что—вслѣдствіе ограниченности числа номеровъ—газета не въ состояніи вполнѣ своевременно передавать военному обществу Высочайшихъ приказовъ и распоряженій по военному вѣдомству, представляющихъ для военнаго вѣдомства первостепенный интересъ. Телеграммы, относящіяся какъ до событій внутреннихъ, такъ равно и внѣшнихъ, получаемыя ежедневно, печатаются лишь три раза въ недѣлю, что̀ лишаетъ ихъ существеннѣйшаго достоинства — соотвѣтствующей новизны; недостатокъ, увеличивающійся соотвѣтственно важности извѣстія, въ особенности по отношенію къ главнымъ военнымъ событіямъ. Нѣкоторые изъ текущихъ фактовъ государственной и общественной жизни нашего отечества, интересные для каждаго изъ его членовъ, а равно и для военныхъ, не заносятся на страницы газеты единственно по недостатку мѣста".

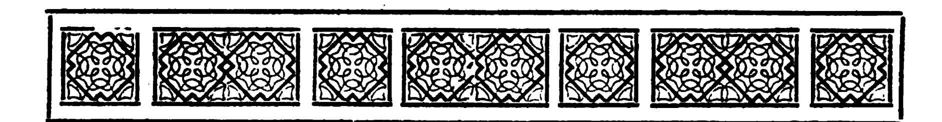
12 августа 1869 г. послѣдовало Высочайшее соизволеніе на ежедневный выпускъ газеты. Въ апрѣлѣ 1872 г. главнымъ редакторомъ обоихъ изданій былъ назначенъ полковникъ А. И. Лаврентьевъ, бывшій въ этой должности болѣе двадцати лѣтъ. Его замѣнилъ въ 1893 г. генералъ-маіоръ Н. А. Лачиновъ, бывшій до

того помощникомъ редактора. Въ 1899 г. на эту должность былъ назначенъ полковникъ А. А. Поливановъ. 17 ноября 1904 г. главнымъ редакторомъ былъ назначенъ заслуженный профессоръ Николаевской Академіи Генеральнаго Штаба генералъ-маіоръ Ѳ. А. Макшеевъ.

Въ длинномъ перечнѣ участниковъ „Военнаго Сборника" въ теченіе полувѣка особенно выдаются имена: Г. Леера, М. Драгомирова, Н. Обручева, В. Потто, Н. Дубровина, А. Пузыревскаго, Н. Шильдера, князя Н. Голицына. Отъ души желаемъ почтенному журналу, празднующему нынѣ свой пятидесятилѣтній юбилей, дальнѣйшаго роста и процвѣтанія на пользу родному военному дѣлу.

Н. О. Л.

„Изъ прошлаго".

Эпизодъ изъ жизни „Военнаго Сборника".

Въ 1858 году „Военный Сборникъ" издавался при штабѣ отдѣльнаго гвардейскаго корпуса, которымъ командовалъ тогда генералъ-адъютантъ Плаутинъ. Во главѣ редакціи журнала находились: гвардейскаго генеральнаго штаба полковникъ Окербломъ, капитанъ Обручевъ [1]) и литераторъ кол. асс. Чернышевскій.

Въ этомъ году съ журналомъ стряслась бѣда.

Нѣкій полковникъ Штюрмеръ, бывшій потомъ военнымъ цензоромъ, подалъ военному министру генералъ-адъютанту Н. О. Сухозанету двѣ записки, обвиняя всю литературу нашу, того времени, вообще, а „Военный Сборникъ" въ особенности—въ стремленіи къ очерненію военнаго званія.

Записки полковника Штюрмера были доведены до свѣдѣнія Государя Императора Александра II-го, слѣдствіемъ чего явилась приводимая здѣсь переписка, а въ конечномъ результатѣ, согласно ходатайства генералъ-адъютанта Плаутина, „Военный Сборникъ" былъ изъятъ изъ вѣдѣнія отдѣльнаго гвардейскаго корпуса и переданъ въ военное министерство. Прежняя редакція (Окербломъ, Обручевъ и Чернышевскій) устранилась, тоже по прошенію, отъ дѣла и редакторомъ былъ назначенъ состоявшій въ распоряженіи генералъ-квартирмейстера главнаго штаба Е. И. В. извѣстный генералъ-маіоръ генеральнаго штаба Петръ Кононовичъ Меньковъ.

Печатаемые здѣсь документы рисуютъ интереснѣйшую страницу изъ жизни не только нашей военной печати конца 50-хъ годовъ, но и жизни нашей арміи того времени, начала величайшихъ государственныхъ реформъ, слѣдовавшихъ за Крымской войной. Осо-

---

[1]) Николай Николаевичъ. Впослѣдствіи начальникъ главнаго штаба, генералъ-адъютантъ, членъ Государственнаго Совѣта.

бенное вниманіе обращаютъ на себя, помѣщенныя въ „*Сличеніи Записки...*", выдержки изъ статей „Военнаго Сборника", приведенныя редакціей журнала. Многое изъ этихъ талантливыхъ статей могло бы найти почетное мѣсто на страницахъ журнала и теперь, черезъ 50-тъ слишкомъ лѣтъ.

Все дѣло о „Военномъ Сборникѣ" еще разъ рисуетъ великую личность Царя-Освободителя, Императора Александра II-го, оказавшагося просвѣщеннѣе, гуманнѣе и благожелательнѣе, стоявшаго на стражѣ благонамѣренности и полезности военной литературы, военнаго цензора.

По цензурнымъ строгостямъ того времени, сдѣлано было распоряженіе всю переписку о „Военномъ Сборникѣ", здѣсь приводимую,— уничтожить; но у одного изъ бывшихъ тогда трехъ редакторовъ одинъ экземпляръ „дѣла" сохранился. Это неповиновеніе даетъ возможность, черезъ 51 годъ послѣ событія, помѣстить на страницахъ „Русской Старины" эту рѣдкость. Скажемъ болѣе: не рѣдкость, а unicum.

П. Паренсовъ.

Всеподданнѣйшая докладная записка командира отдѣльнаго гвардейскаго корпуса генералъ-адъютанта Плаутина Его Императорскому Величеству.

По приказанію Вашего Императорскаго Величества г. военный министръ доставилъ мнѣ двѣ записки, составленные полковникомъ Штюрмеромъ и обвиняющія „Военный Сборникъ" и вообще современную литературу въ стремленіи къ очерненію военнаго званія [1]).

Первая изъ сихъ записокъ заключаетъ въ себѣ выписки, сдѣланныя полковникомъ Штюрмеромъ изъ нѣсколькихъ статей Сборника. По сличеніи этихъ записокъ съ подлинникомъ оказывается, что онѣ составлены вообще пристрастно, съ явнымъ желаніемъ выставить дурное будто бы направленіе Сборника. Для этого полковникъ Штюрмеръ весьма часто составляетъ фразы изъ словъ, взятыхъ въ разныхъ параграфахъ, и съ намѣреніемъ опускаетъ все то, что могло бы смягчить нѣсколько рѣзкія выраженія. Въ подтвержденіе сего, приказавъ сдѣлать сличеніе записки полковника Штюрмера съ текстомъ Сборника, я беру смѣлость представить сличеніе это на благоусмотрѣніе Вашего Императорскаго Величества, для оправданія какъ редакторовъ Сборника такъ и для собственнаго моего оправданія, ибо статьи которыми полковникъ Штюрмеръ

---

1) Печатается съ соблюденіемъ ороографіи подлинниковъ. П. П.

старается приписать вредное для службы направленіе, были, передъ напечатаніемъ ихъ прочтены мною и разрѣшены къ представленію въ гражданскую цензуру.

Вторая записка полковника Штюрмера заключаетъ въ себѣ обвиненіе всей современной литературы.

Записка эта, написанная довольно краснорѣчиво, наполнена однако же вся неправильными выводами и фальшивыми разсужденіями.

Сдѣлавъ съ самаго начала неправильное истолкованіе существующихъ у насъ военно-цензурныхъ узаконеній полковникъ Штюрмеръ всѣ свои выводы дѣлаетъ на семъ неправильномъ основаніи и впадаетъ въ совершенныя противорѣчія и парадоксы. Выписавъ §§ 1 и 2 цензурныхъ правилъ, коими запрещается допускать къ напечатанію что-либо оскорбительное для чести русскаго войска вообще, какой-либо его части, или корпуса офицеровъ, полковникъ Штюрмеръ старается доказать, что напечатаніе чего-либо предосудительнаго для отдѣльнаго лица арміи оскорбительно для чести всего русскаго войска, и отъ сюда выводитъ, что помѣщенное въ современникѣ описаніе офицера ведущаго разгульную жизнь, пляшущаго и цѣлующагося съ цыганками — оскорбительно для всей арміи нашей.

Примѣры офицеровъ ведущихъ подобную жизнь встрѣчались прежде чрезвычайно часто, нынѣ они слава Богу рѣже; но никогда вся армія не считала себя оскорбленною поступками такихъ лицъ, а тѣмъ менѣе кажется можетъ она оскорбляться ихъ описаніемъ. Самъ полковникъ Штюрмеръ говоритъ далѣе, въ той же запискѣ, что кромѣ зла, караемаго закономъ есть много вредныхъ недостатковъ, пороковъ и даже злодѣяній не подлежащихъ ни слѣдствію ни суду; искорененіе этихъ недостатковъ онъ полагаетъ возможнымъ достигнуть посредствомъ вліянія литературы, „насмѣшекъ, сарказмовъ и каррикатуръ".

Хотя и трудно придумать какого бы рода злодѣянія не были наказываемы закономъ, но мнѣнія полковника Штюрмера замѣчательны тѣмъ, что онѣ прямо противорѣчатъ тому что говоритъ онъ въ началѣ своей записки: ибо пляска съ цыганами и барышничанье лошадьми законами не наказывается. Хотя за преданность пьянству офицеровъ и удаляютъ изъ службы, но кто однакожъ не сознается, что весьма недавно еще у насъ, какъ и во многихъ другихъ арміяхъ, было очень много офицеровъ преданныхъ горячимъ напиткамъ. Хотя число такихъ лицъ въ послѣднее время весьма уменьшилось, и на порокъ этотъ смотрятъ теперь совсѣмъ иначе нежели прежде, тѣмъ не менѣе остается еще не мало лицъ ему подвер-

женныхъ, ибо офицера удаляютъ изъ службы за страсть къ вину только тогда, когда она доходитъ въ немъ до сильной степени.

Кто изъ прослужившихъ уже довольно долго въ русской арміи не знаетъ также, что жестокое обхожденіе съ нижними чинами было, и еще не весьма давно, принятымъ, такъ сказать, правиломъ между военными. Жестокія наказанія шомполами и фуктелями, вгонявшіе иногда людей въ гробъ, бывали совсѣмъ не рѣдкостны; наказаніе это дѣлалось не по суду, а по произволу начальника, и въ этихъ то жестокихъ наказаніяхъ по мнѣнію многихъ состояла дисциплина.

Нынѣ и это зло слава Богу выводится, но хотя и въ меньшихъ размѣрахъ все еще существуетъ. Напримѣръ три года назадъ, по произведенному слѣдотвію въ одной батареѣ Гренадерскаго корпуса, во время командованія моего симъ корпусомъ открылось, что батарейный командиръ цѣлые переходы водилъ нижнихъ чиновъ осѣдланными сѣдлами съ полнымъ вьюкомъ, и зарывалъ людей на нѣсколько часовъ по шею въ навозъ.

Кому изъ служащихъ не извѣстны также существующіе у насъ позволительныя, а иногда и не позволительныя экономіи, границы коихъ не легко опредѣлить. Хотя авторы нѣкоторыхъ статей, негодуя на этотъ родъ злоупотребленій (къ несчастью все еще значительно распространенный), не совсѣмъ вѣжливо называютъ его казнокрадствомъ и солдатокрадствомъ, но они относятъ эти названія только къ нѣкоторымъ лицамъ, злоупотребляющимъ пользованіе экономіи.—Полковникъ же Штюрмеръ, вѣрный принятому имъ правилу относить ко всей арміи сказанное о нѣсколькихъ лицахъ, говоритъ, что Сборникъ представляетъ начальника каждой отдѣльной части безсовѣстнымъ воромъ.

Признавъ существованіе въ нашей арміи упомянутыхъ мною недостатковъ, никакъ нельзя согласится съ мнѣніемъ полковника Штюрмера, что офицеры помѣстившіе статью въ Военномъ Сборникѣ описывали пороки и недостатки не существующіе и столь же рѣдкіе какъ Сфинксы или Сильфиды.

Вообще я совершенно не согласенъ съ мнѣніемъ г. полковника Штюрмера въ слѣдующемъ:

1) Что будто бы пороки нѣсколькихъ лицъ и дѣлаемыя ими злоупотребленія чернятъ всю армію.

2) Что описаніе этихъ пороковъ и злоупотребленій болѣе оскорбляетъ всю армію нежели ихъ существованіе между нѣкоторыми лицами къ ней принадлежащими.

Весьма неудобнымъ нахожу также приведенный полковникомъ Штюрмеромъ примѣръ тому, какъ слѣдуетъ вступаться за честь

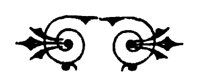
арміи, т. е. дуэль, нѣсколькихъ французскихъ подпоручиковъ съ фельетонистомъ де-Пенъ; всеобщее мнѣніе очернило, и по справедливости кажется этотъ поступокъ; а потому выставлять его какъ примѣръ не слѣдовало бы.

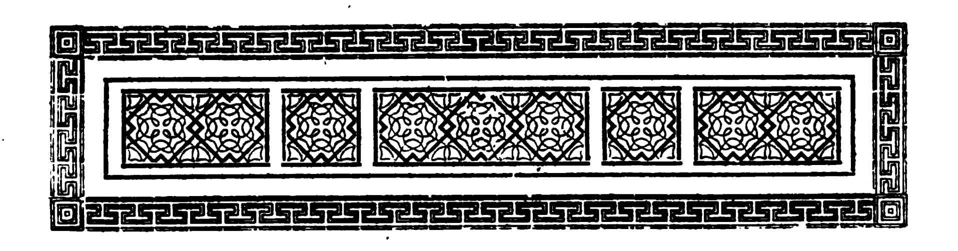
Ни какъ нельзя оправдать также поступка полковника Штюрмера выставившаго въ этой запискѣ въ видѣ словъ сказанныхъ будто бы авторомъ одной изъ статей іюльской книжки „Военнаго Сборника“ „что служба офицеровъ безцвѣтна, скучна, не представляетъ никакой пищи для ума и потому приводитъ нѣкоторыхъ къ пьянству“. Между тѣмъ какъ этихъ словъ не находится нигдѣ.

Отвѣтъ редакціи на эту вторую записку повергаю при семъ на благоусмотрѣніе вашего Императорскаго Величества генералъ-адъютантъ Плаутинъ.

Сообщ. П. Паренсовъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Изъ минувшаго [1].

(Воспоминанія и впечатлѣнія литератора. 1865—1897 г.).

XI.

Изъ исторіи учрежденія кассы взаимопомощи литераторовъ.

Ближайшіе поводы къ учрежденію кассы взаимопомощи.—Краткій очеркъ разработки устава.—Мытарства по утвержденію его.—И. Д. Деляновъ.

Мысль объ организаціи профессіональной взаимопомощи, съ государственной и общественной поддержкой, все болѣе и болѣе распространялась. Чиновники, желѣзныя дороги, банки, учителя, военные, судебные чины учреждали товарищества, потребительныя общества, ссудо-сберегательныя и похоронныя кассы; но литературная среда недвижно коснѣла въ случайной и неудовлетворительной филантропіи, хотя процвѣтаніе литературы связывается съ важнѣйшими государственными, общественными и народными интересами. Высокое призваніе писателей и печати настоятельно требуетъ свободной, независимой дѣятельности. Правильная постановка ея составляетъ первѣйшую потребность всѣхъ и каждаго. Литературная профессія не замкнута, она открыта для всѣхъ, кто одаренъ талантомъ, вдохновленъ свѣтомъ истины и правды, воодушевленъ общимъ благомъ. Въ литературной средѣ всѣ званные, хотя и не всѣ избранные. Писателями и публицистами были, есть и будутъ короли и крестьяне, первѣйшіе госу-

[1]) См. „Русскую Старину", апрѣль 1908 г.

дарственные люди и скромные чиновники, военные и гражданскіе, духовныя лица и ученые. Всѣ, въ комъ загоралась хотя на минуту божественная искра, должны любить литературу, дорожить ея достоинствомъ и заботиться о ея свободномъ развитіи, чуждомъ всякаго искательства и давленій, мыслебоязныхъ цѣпей и соблазновъ.

Извѣстно, что проигранное дѣло, неудачное предпріятіе очень трудно возобновить. Нелегко было возбудить вновь вопросъ объ учрежденіи кассы взаимопомощи. Толчкомъ послужили двѣ смерти и безпомощное положеніе нѣкоторыхъ тяжко-больныхъ писателей, изъ числа которыхъ достаточно упомянуть поэта Надсона. Скончался профессоръ Орестъ Өедоровичъ Миллеръ. Хотя онъ и получалъ пенсію, но похоронить его было не на что. Онъ все раздавалъ, что имѣлъ, и закладывалъ вещи, чтобъ оказывать пособія нуждающимся студентамъ. Хоронили его на 100 рублей, выданныхъ „Литературнымъ фондомъ". Это считалось громаднымъ пособіемъ; другимъ давали 50 руб. Но о реальной величинѣ этихъ благодѣяній лучше всего знаютъ гробовщики и кладбищенскіе хищники съ ихъ молитвами и обрядами *по таксѣ*. Умерла извѣстная писательница Хвощинская, авторъ романа „Большая медвѣдица". Съ другой нашей талантливѣйшей писательницей я ѣздилъ въ Петергофъ на похороны. Мы ужаснулись жалкой дырявой лачужкѣ, гдѣ-то на задворкахъ, въ родѣ стараго „приспособленнаго" подъ дачу сарайчика, гдѣ догорала и скончалась Хвощинская. Все было нищенское и крохотное. Покойница лежала въ гробикѣ, маленькая, изможденная недугомъ и бѣдностью. Если бы не подруга, цѣнившая ея таланты, не было бы кому и похлопотать о похоронахъ. Лучшую нашу писательницу хоронили на пособіе, выданное редакціей одного журнала.

Возвращаясь изъ Петергофа, я не переставалъ возмущаться бѣдственнымъ, безправнымъ положеніемъ нашихъ „избранныхъ" людей. „Какъ ни дорого бѣдному жить — умирать ему вдвое дороже"... Неужели нельзя соединиться, организоваться такъ, чтобъ, хотя на похороны, не надо было испрашивать милостыни?..

Я добылъ всѣ главнѣйшіе уставы и ознакомился съ ихъ основаніями. Наиболѣе подходящими оказались похоронныя кассы; но въ нихъ было и много отталкивающаго... Многіе не любятъ даже думать о смерти, а другіе рѣшаютъ небрежно, что имъ рѣшительно все равно, что будутъ дѣлать съ ихъ трупомъ... Полиція и санитарные или больничные врачи позаботятся, примутъ „надлежащія мѣры"... Нашего брата погребальными мотивами не проймешь... Надо было бы для жизни, для семьи что-нибудь; можетъ быть тогда и цѣна смерти будетъ иная.

Но что жизненное можно сдѣлать изъ похоронной кассы?

Мысль объ этомъ и всевозможныя соображенія долго мучили меня. Наконецъ, въ одну безсонную ночь, едва я заснулъ, мнѣ грезятся основныя положенія, которыя развиваютъ погребальную кассу въ страховое учрежденіе, съ пенсіями и другими выгодами, всецѣло предназначенными для живыхъ, для избавленія ихъ отъ нуждъ и милостыни. Особымъ преимуществомъ этихъ предположеній является отсутствіе необходимости предварительныхъ накопленій и сбереженій. Намъ не изъ чего сберегать, а расходовать безъ оглядки мы привыкли... Въ придуманныхъ же основахъ кассы чѣмъ больше расходуется для другихъ, тѣмъ болѣе получается правъ для насъ самихъ. Вся основа кассы построена на евангельской заповѣди: „Давайте и дастся вамъ" (отъ Луки, 6, 38). Сбереженія и довольно крупныя составляются путемъ расходовъ, весьма гуманныхъ и похвальныхъ. Лучшаго нельзя и придумать для литературныхъ привычекъ и нашей широкой натуры, для пѣвчихъ птицъ, которымъ болѣе всего чужды матеріальныя заботы, плюшкинское скопидомство.

Мнѣ такъ ясно, связно и убѣдительно пригрезились всѣ эти положенія и доводы, что я всталъ рано утромъ и поспѣшилъ записать ихъ, чтобъ они не ускользнули какъ-нибудь изъ памяти.

Я не удивился этому вѣщему сну. Мнѣ и прежде много разъ случалось засыпать съ мыслями о статьѣ или рѣчи, а на утро все ясно слагалось въ головѣ и оставалось только переложить на бумагу придуманное во снѣ. Мнѣ казалось даже, да и теперь думается, что какой-нибудь Эдиссонъ изобрѣтетъ аппаратъ, который будетъ прикладываться къ виску, гдѣ бьется пульсъ, и во время сна будутъ механически записываться цѣлыя книги, въ самыхъ красивыхъ, сильныхъ и логичныхъ формахъ. Сколько такихъ книгъ пропало у каждаго писателя!.. Потому ли, что ихъ нельзя было записать медленной, усталой рукѣ, или по одной изъ тѣхъ причинъ—причинъ, которыя, вообще парализуютъ творчество русской мысли...

Основныя положенія кассы были одобрены моими друзьями и внесены въ комитетъ „Литературнаго фонда" въ апрѣлѣ 1889 г. Въ октябрѣ того же года была образована комиссія для разработки устава при непосредственномъ участіи предсѣдателя „Лит. фонда" профессора В. И. Сергѣевича. Онъ горячо поддержалъ мои предположенія, и съ нимъ мы окончательно редактировали проектъ устава. На возраженія, будто не найдется достаточнаго числа охотниковъ участвовать въ кассѣ, В. И. Сергѣевичъ очень логично отвѣтилъ:

— Никто не упрекнетъ насъ, если хорошей организаціей не пожелаютъ воспользоваться тѣ, для кого она предназначена; но мы приняли бы на себя тяжкій грѣхъ, если бы затормозили или разру-

шили полезное дѣло подъ необоснованнымъ предлогомъ, будто люди нашей среды не способны сознавать своихъ выгодъ.

Комитетъ „Литературнаго фонда" единогласно одобрилъ проектъ устава и внесъ его на обсужденіе годового общаго собранія. Такое же единогласное одобреніе послѣдовало и въ собраніи при содѣйствіи К. К. Арсеньева, который замѣнилъ въ 1890 г. В. И. Сергѣевича. Третьимъ лицомъ, особенно помогшимъ учрежденію кассы, былъ академикъ И. И. Янжулъ, помѣстившій въ „Русскихъ Вѣдомостяхъ" обстоятельную статью, убѣждавшую въ правильности ея организаціи. Послѣ разъясненій и оцѣнки И. И. Янжула, исчезли послѣдніе „вороны", каркавшіе всякія сомнѣнія, и ослабло обычное предубѣжденіе противъ новаго учрежденія.

Въ апрѣлѣ 1890 г., проектъ устава кассы былъ представленъ въ министерство народнаго просвѣщенія, и на меня была возложена пріятная обязанность поддержать это ходатайство и давать гдѣ слѣдуетъ необходимыя объясненія.

Задача эта была нетрудная. По моимъ прежнимъ служебнымъ связямъ и по литературной извѣстности, во всѣхъ вѣдомствахъ у меня были знакомые. Съ другой стороны „Литературный фондъ" пользовался большимъ уваженіемъ, и многія вліятельныя лица находились въ числѣ его членовъ. Надо было только торопиться, чтобы не настало лѣтнее время, когда администрація наша запираетъ, министры и главные начальники бросаютъ Петербургъ, и всѣ сколько-нибудь важныя или новыя дѣла откладываются до осени.

Свои „хожденія" я началъ съ директора департамента министерства народнаго просвѣщенія, разсказалъ, въ чемъ дѣло, и просилъ возможно скорѣе дать ходъ нашему ходатайству. Директоръ обѣщалъ полное содѣйствіе и посовѣтовалъ отправиться къ министру, у котораго я и самъ считалъ необходимымъ побывать, чтобы привлечь его вниманіе къ этому дѣлу.

И. Д. Деляновъ меня давно зналъ; но мнѣ не случалось бывать у него въ качествѣ просителя. Онъ жилъ въ частной квартирѣ на Невскомъ, въ домѣ Армянской церкви, и принималъ на дому. Это былъ человѣкъ добрый, охотно исполнявшій всякія просьбы, если только онѣ не выходили изъ обычнаго бюрократическаго формализма. Если же дѣло хотя немного выдѣлялось изъ установившейся канцелярской колеи, И. Д. Деляновъ впадалъ во всевозможныя сомнѣнія, настороживался и старался отклонить отъ себя малѣйшую отвѣтственность.

Выслушавъ мои объясненія и убѣдившись, что въ дѣлѣ имѣется нѣчто новое, Деляновъ прежде всего остановился на вопросѣ: почему тревожатъ его вѣдомство?

— Если это нѣчто подобное похоронной кассѣ, то вамъ надо обратиться въ министерство внутреннихъ дѣлъ. Меня это не касается.

Сразу предстоялъ самый непріятный бюрократическій тормозъ, спихиваніе дѣла изъ одного министерства въ другое, пререканія о подвѣдомственности. Подобныя пререканія затягиваютъ иныя дѣла на многіе годы. Я прибѣгъ ко всей силѣ самыхъ краснорѣчивыхъ доводовъ, чтобы убѣдить Делянова, что кассу желательно учредить при „Литературномъ фондѣ“, который находится въ вѣдѣніи министерства народнаго просвѣщенія: новому литературному учрежденію необходимо де дѣйствовать совмѣстно съ старымъ, и писателямъ пріятно имѣть дѣло съ просвѣщеннымъ вѣдомствомъ, а не съ министерствомъ, которое относится къ литературѣ и ея представителямъ исключительно съ полицейской точки зрѣнія. Министерству народнаго просвѣщенія не подобаетъ уклоняться отъ своихъ старыхъ, естественныхъ связей съ литературой, а слѣдовательно и съ учрежденіями, предназначенными на пользу умственныхъ дѣятелей.

— Не могу допустить даже мысли,—прибавилъ я,—что маститый руководитель народнаго просвѣщенія откажетъ въ своемъ покровительствѣ полезнѣйшему литературному учрежденію и станетъ отталкивать его въ чуждое вѣдомство—какъ какое-нибудь „мертвое тѣло“, которое перебрасывалось крестьянами съ межи на межу, чтобъ не нажить бѣды. Мы не „мертвое тѣло“ и никакихъ хлопотъ вамъ не причинимъ!..

Такъ или иначе, доводы мои подѣйствовали. И. Д. Деляновъ согласился считать дѣло о кассѣ подвѣдомственнымъ министерству народнаго просвѣщенія, обѣщалъ и ускорить его; но въ концѣ-концовъ все же заявилъ:

— Мы пошлемъ уставъ на заключеніе министерства внутреннихъ дѣлъ. Все же печать состоитъ теперь въ его вѣдѣніи.

Противъ этой обычной бюрократической процедуры я не рѣшился возражать и поблагодарилъ Делянова за его согласіе и обѣщанія.

Надо было опять побывать у директора, просить и его не возбуждать „пререканій“ и скорѣе сдѣлать запросъ министерству внутреннихъ дѣлъ. Недѣли черезъ двѣ, бумага была написана, я получилъ № и отправился въ министерство внутреннихъ дѣлъ. Запросъ могъ очутиться въ главномъ управленіи по дѣламъ печати или въ департаментѣ, гдѣ разсматриваютъ уставы общественныхъ учрежденій.

— Съ какой стати насъ спрашиваютъ?..—тономъ упрека сказалъ мнѣ начальникъ отдѣленія...—„Литературный фондъ“ находится въ

вѣдѣніи народнаго просвѣщенія, касса учреждается при фондѣ, намъ до нея нѣтъ дѣла. На основаніи закона каждому министру предоставлено разрѣшать подобныя учрежденія своей властью. Уставъ вашъ долженъ утвердить только Деляновъ и насъ вмѣшивать сюда нечего. Мы отвѣтимъ, что дѣло это насъ не касается.

— Позвольте убѣдительнѣйше просить васъ не возбуждать этого спора... Онъ можетъ затянуться надолго... Вы совершенно правы, но напишите, что со стороны министерства внутреннихъ дѣлъ не встрѣчается препятствій...

— Но вѣдь это не наше дѣло, мы и разсматривать проекты не станемъ,—упрямился начальникъ отдѣленія.

— Но нельзя же запретить одному министру спрашивать другого о заключеніи его по извѣстному вопросу?.. Это извѣстнаго рода вѣжливость, проявленіе уваженія къ чужой компетентности. На вѣжливость надо отвѣчать вѣжливостью. Если нѣтъ препятствій, то отчего же и не написать объ этомъ?.. Бумага будетъ коротенькая и, если угодно, я ее напишу, чтобы облегчить ваши труды...

Начальникъ отдѣленія смилостивился и обѣщалъ отвѣтить въ желанномъ смыслѣ. Я боялся, что уклончивый отвѣтъ перепугаетъ Делянова, возбудитъ его мнительность... Главнѣе всего, я просилъ о включеніи трехъ словъ: „препятствій не встрѣчается“...

Дѣйствительно, хотя въ отвѣтномъ отзывѣ и указывалось, что данное дѣло не подлежитъ вѣдѣнію министерства внутреннихъ дѣлъ и всецѣло зависитъ отъ министра народнаго просвѣщенія, но желанная фраза объ отсутствіи „препятствій“ значилась. Опять съ въ рукахъ, выждавъ должное время, не безъ торжества поѣхалъ я въ просвѣтительное министерство...

На мой ликующій видъ и выраженную надежду, что всѣ формальности уже выполнены, директоръ нѣсколько конфузливо заявилъ, что надо еще спросить заключеніе министерства финансовъ.

— Помилуйте, — взмолился я, — при чемъ же тутъ финансы... Вамъ отвѣтятъ, что это не ихъ дѣло.

— Видите ли, самое названіе „касса“ указываетъ на финансовую сторону... Такъ угодно Ивану Давидовичу (Делянову)... Да вѣдь это не затянется...

— Какое не затянется!.. Каждый подобный запросъ, какъ его ни подталкивай, захватываетъ не менѣе мѣсяца. Но нечего было дѣлать, начальство нельзя раздражать, можно только просить объ ускореніи.

Въ министерствѣ финансовъ царилъ уже полный лѣтній отдыхъ. Не было даже товарища министра. Текущими дѣлами вѣдалъ членъ совѣта Д. Ѳ. Кобеко. Это вышло очень удачно. Онъ былъ членомъ

„Литературнаго фонда“, исполнялъ даже года два обязанности казначея, и мнѣ случалось его ревизовать.

Автора монографіи „Царевичъ Павелъ Петровичъ“ я давно зналъ, а ему былъ хорошо извѣстенъ вопросъ о кассѣ взаимопомощи. Д. Ѳ. Кобеко смѣялся, когда я ему разсказалъ о моихъ похожденіяхъ, и обѣщалъ не спорить съ почтеннѣйшимъ Иваномъ Давидовичемъ и угостить его той же успокоительной фразой о неимѣніи препятствій. Надо было все же разыскать, гдѣ находилась бумага? Оказалась она въ кредитной канцеляріи. По безконечнымъ полутемнымъ корридорамъ, съ запиской Д. Ѳ. Кобеко, курьеръ провелъ меня въ эту канцелярію, гдѣ рѣшались дѣла о сотняхъ милліоновъ, и гдѣ требовалось теперь заключеніе о кассѣ, начавшей свою дѣятельность съ 400 рублей.

Конечно и тутъ выразили удивленіе, справились у меня, не предполагается ли какихъ-нибудь „ссудныхъ“, кредитныхъ операцій, и подтвердили, что дѣло это не имѣетъ ни малѣйшаго отношенія къ министерству финансовъ. Тѣмъ не менѣе, отвѣтъ былъ написанъ съ волшебной бюрократической фразой.

Снова очутился я у директора департамента просвѣтительнаго вѣдомства и шутливо выразилъ увѣренность, что всѣ заключенія, какія только можно было придумать, получены уже, если только не обезпокоятъ этимъ головоломнымъ вопросомъ св. синодъ или военное министерство... Директоръ согласился, что спрашивать, кажется, уже некого, но все же посовѣтовалъ опять побывать у министра, чтобъ уговорить его утвердить уставъ. И. Д. Деляновъ выслушалъ меня очень терпѣливо, указалъ на то, что дѣло идетъ очень успѣшно и быстро, вопреки моимъ опасеніямъ, и что теперь остается только внести его на разсмотрѣніе комитета министровъ.

У меня и руки опустились, услышавъ объ этой новой отсрочкѣ, объ этой новой совершенно неожиданной инстанціи.

— Но, вѣдь, по существующимъ правиламъ, какъ мнѣ вездѣ говорили, утвержденіе подобныхъ уставовъ зависитъ отъ власти министра,—пробовалъ я возразить.

— Такъ-то оно такъ, но „Литературный фондъ“ утвержденъ Высочайшею властью, а утвержденное Высочайшею властью подлежитъ измѣненію или дополненію только съ Высочайшаго соизволенія.

— Но вѣдь это измѣнено теперь...

— Повѣрьте, будетъ лучше, такъ будетъ крѣпче... Да почему вы торопитесь?

— Болѣе десяти лѣтъ дѣло это тянется, боюсь, что пылъ учре-

дителей остынетъ... Многіе, пожалуй, умрутъ, пока дѣло это разрѣшится!..

— Богъ дастъ не умрутъ, — возразилъ Деляновъ, — я немедля сдѣлаю представленіе, а вы походатайствуйте о скорѣйшемъ разсмотрѣніи.

Нечего дѣлать, надо было подчиниться этому рѣшенію... Для характеристики всей этой осторожности и мнительности И. Д. Делянова, надо напомнить, что въ это время онъ былъ на верху своей государственной дѣятельности, съ вполнѣ упроченнымъ положеніемъ. Онъ рабски слѣдовалъ удушливой „учебной реформѣ" 70-хъ годовъ.

Надъ университетами хозяйничали чиновники министерства; относительно гимназій послѣдовалъ извѣстный циркуляръ противъ доступа низшихъ сословій, „кухаркиныхъ сыновей".

Всѣ ждали, что послѣ смерти графа Д. А. Толстого и Каткова, положеніе учебнаго дѣла нѣсколько улучшится, и престарѣлый Деляновъ будетъ сданъ на храненіе въ Государственный Совѣтъ. Надѣялись, что это случится по поводу 50-ти лѣтняго юбилея службы Делянова. Но произошла катастрофа 17 октября 1888 года, въ Боркахъ; студенты въ Харьковѣ и Петербургѣ восторженно привѣтствовали Государя и Императрицу. У Казанскаго собора градоначальника Грессера даже свалили, когда онъ въ избыткѣ усердія вздумалъ не допускать студентовъ къ Царственной четѣ. Общественное настроеніе, жаждавшее улучшеній въ законномъ порядкѣ, не утратившее вѣры въ мирное развитіе по почину Верховной Власти, отразилось и на учащейся молодежи. Всѣ сочувствія и манифестаціи по поводу катастрофы сочтены были, однако, за признакъ общаго довольства и благополучія. И. Д. Деляновъ былъ пожалованъ въ графы и оставленъ министромъ на неопредѣленное время. Учебное дѣло тоже застыло.

Представленіе въ комитетъ министровъ составлено было вполнѣ благопріятно; никакихъ измѣненій проектъ устава не потерпѣлъ. Едва настала, осень и возобновились занятія государственныхъ учрежденій, я побывалъ въ комитетѣ министровъ. Управляющимъ дѣлами былъ давній мой знакомый г. Куломзинъ, котораго я зналъ еще дѣлопроизводителемъ. Онъ былъ причастенъ къ литературѣ нѣкоторыми монографіями по исторіи финансовъ. Предсѣдателемъ комитета министровъ былъ Н. Х. Бунге. Онъ очень хорошо зналъ меня, какъ профессоръ, какъ сотрудникъ „Кіевлянина" и старый другъ В. Я. Шульгина. Не трудно было вызвать ихъ сочувствіе и содѣйствіе новому литературному учрежденію. Н. Х. Бунге обратилъ вниманіе на § 46-й устава, который предоставлялъ кассѣ самостоятельно

учреждать отдѣленія, пенсіи и другія правила. По обычнымъ нашимъ порядкамъ, на все это надо испрашивать каждый разъ особое разрѣшеніе министра или другого начальника. На это замѣчаніе я возразилъ, что дѣло это новое, требующее указаній опыта и частыхъ, хозяйственныхъ, такъ сказать, или тактическихъ измѣненій. Испрашиваніе каждый разъ особыхъ разрѣшеній затормозитъ дѣло и будетъ напрасно утруждать министерство. Въ кассѣ имѣются достаточное число ученыхъ, юристовъ, экономистовъ и публицистовъ, которые, безъ сомнѣнія, болѣе компетентны въ подобныхъ дѣлахъ, нежели тѣ начальники отдѣленій, которые въ дѣйствительности будутъ рѣшать эти сторонніе для нихъ вопросы. Учено-литературной средѣ можно, хотя бы въ видѣ исключенія, предоставить больше самостоятельности, нежели другимъ общественнымъ учрежденіямъ.

Н. Х. Бунге вполнѣ согласился съ этими доводами.

Другимъ, не менѣе важнымъ, исключеніемъ устава можно считать отсутствіе въ немъ пагубнаго для всякаго дѣла параграфа, предоставляющаго любому начальнику закрывать учрежденіе по своему произволу даже по какимъ-то неопредѣленнымъ „дошедшимъ свѣдѣніямъ“ или слухамъ.

Если такое правило существуетъ въ видѣ общаго закона, то нѣтъ надобности повторять его въ каждомъ уставѣ. Если же его нѣтъ, то отъ этого разрушительнаго и юридически немыслимаго произвола надо оберегать каждое сколько-нибудь полезное учрежденіе.

Въ началѣ ноября 1890 г. комитетъ министровъ одобрилъ уставъ кассы безъ измѣненій и положилъ предоставить министру народнаго просвѣщенія утвердить его. Но это послѣдовало Высочайшее соизволеніе 9-го ноября 1890 г. Въ томъ же мѣсяцѣ, 22 ноября, министръ утвердилъ уставъ.

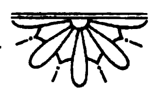
Къ апрѣлю 1891 г. нашлось болѣе 100 учредителей, и 5 мая того же года касса взаимопомощи была открыта.

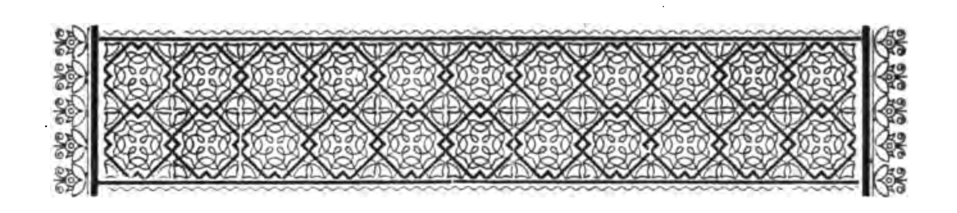
Положеніе кассы теперь прекрасное, а при возстановленіи нормальныхъ условій жизни, общихъ всему просвѣщенному человѣчеству, она можетъ развить нынѣшнія свои задачи и прибавить новыя, на тѣхъ же правовыхъ основахъ. Остается лишь пожалѣть, что какое-то недоразумѣніе отдѣлило кассу отъ „Литературнаго фонда“, безъ достаточно разумныхъ основаній. Всѣ доводы говорятъ не въ пользу розни, а о необходимости соглашенія, чтобъ не растрачивались напрасно силы и средства. Viribus unitis!.. Дѣятельность одного учрежденія должна дополнять дѣятельность другого. Къ этому соглашенію слѣдовало бы примкнуть и „Академическому фонду“.

Позволительно надѣяться, что въ 1909 году, при празднованіи пятидесятилѣтняго юбилея „Литературнаго фонда", будетъ признано, что учрежденіе кассы взаимопомощи не только не разрушило этого почтеннаго общества, но устранило отъ него много нареканій, которыя вызывались общими недостатками обычной благотворительной помощи, со всѣми ея случайностями. Руководители и члены „Литературнаго фонда", содѣйствовавшіе въ 1889—1891 годахъ, учрежденію кассы взаимопомощи, гораздо правильнѣе сознавали истинные интересы „Литературнаго фонда", нежели дѣятели его послѣдняго времени, внесшіе рознь и распадъ въ общее благое дѣло. Но эта ошибка легко поправима, и исправленіемъ ея очень хорошо бы было ознаменовать полувѣковой юбилей благотворнаго дѣла, начатаго въ 1859 году, но далеко еще незавершеннаго.

Г. К. Градовскій.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

За кулисами дипломатіи[1].

А. Н. Карцовъ [2]) родился въ Смоленскомъ имѣніи своей матери 3-го іюля 1835 года. Въ 1856 году вышелъ онъ изъ Императорскаго Александровскаго Лицея 9-мъ классомъ, поступилъ въ Азіатскій Департаментъ и въ началѣ 1858 г. былъ отправленъ секретаремъ ген. консульства въ Бѣлградъ, гдѣ, не безъ опасности для своей жизни, присутствовалъ при революціи, имѣвшей исходомъ низверженіе князя Александра Карагеоргіевича въ пользу князя Милана Обреновича. Пробывъ въ Сербіи около года, онъ вернулся, по разстроенному здоровью, въ Азіатскій Департаментъ, гдѣ и пробылъ до назначенія своего въ концѣ 1862 года консуломъ въ Палестину.

Въ Іерусалимѣ Карцовъ не щадилъ ни трудовъ, ни собственныхъ денежныхъ средствъ, чтобы высоко держать русское знамя, и только благодаря дружескимъ своимъ сношеніямъ какъ съ тогдашнимъ представителемъ Франціи, такъ и съ патріархами Греческимъ и Латинскимъ и личному своему на нихъ вліянію, ему удалось склонить враждебные между собою элементы къ соглашенію. которое уже съ 1865 года дало возможность Россіи и Франціи приступить къ перестройкѣ купола Святогробскаго храма совмѣстнымъ иждивеніемъ Императоровъ Александра II и Наполеона III:— такъ было, послѣ крымской войны, сковано первое звено послѣдующихъ франко-русскихъ соглашеній. Высоко оцѣнивъ этотъ дипломатическій успѣхъ Карцова, князь Горчаковъ тогда же подалъ ему надежду быть въ ближайшемъ будущемъ назначеннымъ, по собственному выбору, генеральнымъ консуломъ въ Египетъ или на Іоническіе острова: по домашнимъ соображеніямъ Карцовъ предпочелъ послѣдній постъ.

Во время четырехлѣтняго пребыванія своего въ Палестинѣ, Карцовъ, имѣлъ подъ своимъ надзоромъ сооруженія русскихъ церквей и странноприимныхъ домовъ, какъ въ самомъ Іерусалимѣ, такъ и въ Яффѣ, Рамлѣ, Кайфѣ и проч. центрахъ, посѣщаемыхъ русскими паломниками, значительное число которыхъ, насколько ему извѣстно, долго сохраняло добрыя воспоминанія о его гостепріимствѣ; но имущественное его положеніе сильно пострадало отъ этого 4-хъ лѣтняго періода, и Карцовъ съ удовольствіемъ привѣтствовалъ свое назначеніе генеральнымъ консуломъ въ Корфу, гдѣ пробылъ до начала 1875 года.

Въ маѣ этого года былъ онъ назначенъ дипломатическимъ агентомъ

[1]) См. «Русск. Стар.», апрѣль 1908 г.

[2]) Автобіографическая замѣтка, найденная въ посмертныхъ бумагахъ.

въ Сербію. Многія изъ донесеній его изъ Бѣлграда удостоились самыхъ одобрительныхъ отмѣтокъ Государя, что можетъ засвидѣтельствовать политическій, за то время, архивъ М-ва Иностранныхъ Дѣлъ. Уже съ весны 1876 г. начался притокъ въ Сербію русскихъ добровольцевъ, въ числѣ коихъ было много бродягъ, но и не мало молодыхъ людей изъ порядочныхъ семей, а въ томъ числѣ временно-отпущенныхъ армейскихъ и гвардейскихъ офицеровъ. Въ числѣ добровольцевъ прибылъ ташкентскій герой генералъ Черняевъ, который, принявъ сербское подданство, былъ Миланомъ назначенъ главнокомандующимъ сербскими войсками.

Государь съ особымъ участіемъ слѣдилъ за событіями, готовящимися на Балканскомъ полуостровѣ. На все время вояжа Императора за границею, Карцовъ имѣлъ приказанія адресовать какъ телеграммы, такъ и донесенія свои непосредственно Его Величеству, а въ іюнѣ былъ вызванъ въ Эмсъ для устныхъ объясненій. Тамъ получилъ онъ отъ Государя самый милостивый пріемъ. На одной изъ аудіенцій онъ высказалъ мнѣніе свое, что улучшенія быта балканскихъ христіанъ, при существующемъ повсемѣстномъ въ Россіи сочувствіи въ ихъ пользу, можно достигнуть безъ открытаго разрыва съ Портою.

Черняевъ перешелъ турецкую границу, и всѣмъ извѣстенъ плачевный исходъ этой воинственной выходки, кончившейся погромомъ подъ Джунисомъ. Телеграмма Карцова въ Ливадію съ слезною мольбою Милана къ Государю остановить походъ турокъ на Бѣлградъ была ея эпилогомъ: послѣдовало перемиріе.

Въ ноябрѣ Карцовъ былъ вызванъ въ Петербургъ, имѣлъ въ Царскомъ Селѣ нѣсколько аудіенцій у Государя и тамъ же, 16-го того же мѣсяца, присутствовалъ на совѣщаніи, бывшемъ подъ личнымъ Его Величества предсѣдательствомъ. Здѣсь Карцовъ вновь громко высказалъ мнѣніе, что желаемой цѣли можно достигнуть безъ оффиціальнаго разрыва съ Портою. Между прочими мѣропріятіями, на совѣщаніи этомъ было рѣшено командированіе въ Бѣлградъ, для военной организаціи Сербіи, комиссіи подъ начальствомъ ген.-лейтенанта Никитина и ассигнованіе милліона рублей на расходъ по этой организаціи, но подъ контролемъ Карцова и спеціально командированнаго чиновника Министерства Финансовъ Рихтера.

До начала 1877 года, между оффиціальными инструкціями канцлера, нерѣдко несогласными со свѣдѣніями, получаемыми Миланомъ отъ своего оффиціальнаго представителя въ Петербургѣ, между часто противорѣчивыми внушеніями изъ Вѣны и изъ Константинополя, между натисками славянскихъ комитетовъ и безконечно разнообразными требованіями представителей и представительницъ Краснаго Креста, Карцову кое-какъ удавалось удерживаться въ равновѣсіи,—но цѣною сколькихъ безсонныхъ ночей, проводимыхъ за шифрованіемъ депешъ, цѣною разстроеннаго здоровья и зрѣнія и, наконецъ, полнымъ и окончательнымъ имущественнымъ разореніемъ.

Къ Рождеству прибылъ въ Бѣлградъ военный комиссаръ ген.-лейтен. Никитинъ, съ 4-мя офицерами генеральнаго штаба, изъ коихъ, съ тѣхъ поръ, двое сдѣлались крупными единицами. Послѣдовали пріемы у князя и въ дипломатическомъ агентствѣ. Но съ первыхъ шаговъ Никитина Карцовъ былъ всецѣло возмущенъ его направленіемъ и образомъ дѣйствій. Съ сербскими интендантами держалъ онъ себя какъ бы подчиненный, чѣмъ послѣдніе пользовались для возможно быстрѣйшаго расхищенія русскаго милліона и, подъ предлогомъ вооруженій, дѣлали на этотъ фондъ заказы въ Венгріи сѣна, которымъ изобиловала сама Сербія, безсмысленный

въ Будапештѣ заказъ восьми тысячъ резиновыхъ галошъ и т. п. Самъ онъ, безъ стыда, выпросилъ себѣ, по случаю Новаго года, сербскую ленту. Обо всемъ этомъ Карцовъ цѣлою серіею шифрованныхъ телеграммъ извѣщалъ государственнаго канцлера, и уже съ начала февраля Никитинъ и его комиссія были отозваны, а Рихтеръ увезъ обратно въ Россію около 850 тысячъ рублей, оставшихся отъ милліона. Уличенный въ неудачномъ своемъ выборѣ, военный міръ изобличителю своему этого не простилъ. Пошли по Петербургу всякія сплетни и навѣты, имѣвшіе цѣлью дискредитировать Карцова во мнѣніи Государя. Съ другой стороны и Миланъ былъ золъ на него за высылку обратно въ Россію почтенныхъ остатковъ русскаго милліона. Продолжая поддерживать съ нимъ прежнія ежедневныя дружескія сношенія, Миланъ, только что разставшійся тогда съ министерствомъ Ристича, просилъ Карцова не отказать ему въ личной поддержкѣ передъ политическими дѣятелями, изъ которыхъ онъ замыслилъ образовать новое министерство. Считая людей, намѣченныхъ княземъ, подходящими къ обстоятельствамъ, Карцовъ вполнѣ довѣрчиво отнесся къ этой просьбѣ и уже успѣшно ее исполнилъ, какъ вдругъ получилъ отъ канцлера телеграмму слѣдующаго содержанія: „Empereur Vous défend de Vous mêler de la politique intérieure de la Serbie“.

Выдержать столь неожиданный ударъ Карцовъ почувствовалъ себя безсильнымъ и въ тотъ же день телеграфировалъ шифромъ очень близкому себѣ и канцлеру общему другу, что продолжать оставаться на дипломатическомъ посту, окруженномъ сплетнями и интригами, онъ считаетъ себя неспособнымъ и, какъ милости, просилъ назначенія своего, при первой возможности, генеральнымъ консуломъ въ Парижъ.

Грозное Высочайшее повелѣніе объяснилось тѣмъ, что съ одной стороны, упрашивая Карцова привлечь въ новую министерскую комбинацію такихъ-то, Миланъ одновременно поручалъ своему агенту въ Петербургѣ спросить канцлера, дѣйствительно ли Императорское правительство настаиваетъ на томъ, чтобы такіе-то сдѣлались министрами.

Изобличеніе столь грубой подтасовки Милана было не трудно, но не могло бы совершиться безъ крупнаго скандала. Карцовъ былъ для этого слишкомъ истощенъ и физически, и нравственно. Много лѣтъ спустя съ тѣмъ же Миланомъ, уже отставнымъ королемъ, завтракая вдвоемъ въ Café Anglais, Карцовъ вызвалъ своего развѣнчаннаго собесѣдника на откровенное объясненіе по этому плачевному эпизоду. „Eh bien, franchement, mon cher Kartzow, j'en avais assez de Votre joug et de Votre tutelle qui me pesaient par trop et je Vous ai imaginé cette crasse, spéculant sur Votre nervosité qui Vous amènerait à quelque coup de tête“.

Въ маѣ 1877 года Карцовъ вызванъ былъ въ Петербургъ. Тамъ кипѣло все подготовленіями для нашей съ Турціей войны. Канцлеръ принялъ его столь же ласково,—но уже не какъ тріумфатора, а какъ раненаго героя, нуждающагося въ хирургической помощи. Eh bien, mon cher, il faudra Vous caser quelque part, en attendant des circonstances plus favorables“. Карцовъ повторилъ просьбу о Парижѣ. Князь Горчаковъ формально обѣщалъ ему, что этотъ постъ останется за нимъ, какъ только сдѣлается вакантнымъ, а пока далъ ему разрѣшеніе свободно располагать своимъ временемъ, съ предоставленіемъ ему возможно приличныхъ средствъ къ существованію.

Такъ прошло два года, въ теченіе которыхъ Карцовъ управлялъ 6 мѣсяцевъ генеральнымъ консульствомъ въ Будапештѣ, къ великому негодо-

ванію графа Андраши, считавшаго его опаснымъ славянскимъ агитаторомъ. Въ началѣ 1879 года былъ онъ назначенъ генеральнымъ консуломъ въ Неаполь, а въ слѣдующемъ году въ Парижъ, гдѣ въ оффиціальныхъ сферахъ его уже предшествовала молва о прежней его дипломатической дѣятельности, что дало ему въ этихъ сферахъ положеніе совершенно исключительное.

Двадцать три года исполняя эти скромныя обязанности, за послѣднія 6—7 лѣтъ, благодаря примѣненію новаго консульскаго тарифа и отчасти оживленію франко-русскихъ торговыхъ оборотовъ, Карцовъ до того увеличилъ сумму пошлинныхъ сборовъ, что не только покрывалъ ими содержаніе всего личнаго состава генеральнаго консульства, но отъ остатковъ въ два пріема сдалъ болѣе 140.000 франковъ на содержаніе посольства.

А. П. Карцовъ скончался
24 сентября 1906 г.

Глава V.

Оффиціально Россія совѣтуетъ Сербіи не воевать.—Личное мнѣніе Карцова.—Энтузіазмъ въ Россіи и угнетенное настроеніе въ Сербіи.—Воспоминанія князя В. П. Мещерскаго.—Славянскіе благотворительные комитеты.—Россія оффиціальная и Россія комитетская.—Революціонныя проявленія: арестъ и инцидентъ Милетича.—Знаменательныя слова Наслѣдника Цесаревича гвардейцамъ-добровольцамъ.—Двѣ категоріи добровольцевъ.—Станъ Черняева въ Делиградѣ.—Характеристика М. Г. Черняева.—Отрицательное отношеніе Карцова къ Сербіи, славянскимъ комитетамъ и добровольщинѣ.—Генералъ Н. П. Игнатьевъ его не одобряетъ.—Теорія, по которой славянамъ Россія обязана благодѣтельствовать.

Въ Сербіи войны съ Турціею никто не желалъ: ни князь Миланъ, ни его министры, ни сами политиканы агитаторы, а, всего менѣе, мирное сельское населеніе. Война получилась какъ результатъ остраго внутренняго положенія, созданнаго агитаціею, и финансоваго кризиса, вызваннаго расходами на вооруженія. События сложились такъ, что отступить уже было некуда.

По поводу объявленія войны, князь Миланъ пишетъ нашему дипломатическому агенту:

„Г. Ристичъ былъ у васъ и, такимъ образомъ, вы уже знаете, что завтра на зарѣ я уѣзжаю въ армію. Я прошу васъ телеграфировать въ Ливадію, что я прошу Е. В. Императора простить мнѣ, если въ эту минуту я не слѣдую августѣйшимъ Его совѣтамъ, но обстоятельства вынуждаютъ меня присоединиться къ Черняеву, ибо опасность характера совершенно иного“.

Въ промеморіи, затѣмъ, указывается весьма опредѣленно: войну начала Сербія самовольно и вопреки совѣтамъ русскаго Императора: „князь Миланъ также сожалѣетъ, что онъ не слушался отеческихъ совѣтовъ Его Величества, но поступить такъ его заставили обстоятельства“.

Отсюда несомнѣненъ фактъ: *оффиціально* Россія совѣтовала Сербіи не воевать. Если же Карцовъ и позволилъ себѣ высказать особый взглядъ, то онъ сдѣлалъ, оговоривъ, что это не болѣе, какъ его частное и личное мнѣніе. Съ внѣшней стороны, поступокъ Карцова составляетъ нарушеніе инструкцій, ему Высочайше преподанныхъ. Къ сожалѣнію, инструкціи не всегда между собою согласовались. Разрѣшивъ Сербіи вооружаться, Государь Александръ Николаевичъ сдѣлалъ первую уступку. Когда Черняевъ прибылъ въ Бѣлградъ, Нашему правительству представился случай потребовать отъ сербскаго правительства его высылки и, такимъ образомъ, по-

рвать съ партіею движенія. Но рѣзкаго конфликта съ общественнымъ мнѣніемъ Императоръ Александръ II предпочелъ избѣгнуть. Чувствуя, что у нихъ подъ ногами нѣтъ твердой почвы, дипломаты, въ свою очередь, не хотѣли сжигать кораблей. Письмо Карцову товарища министра Гирса о необходимости принять въ соображеніе подъемъ національнаго духа было послѣднею каплею, которая переполнила чашу. Движеніе все подмывало и все уносило, пока на своемъ пути оно не встрѣтило матеріальной преграды въ видѣ турецкаго войска.

Въ Россіи вѣсть о войнѣ вызвала порывъ всеобщаго энтузіазма. Всѣ оттѣнки общественнаго мнѣнія соединились въ сочувствіи дѣлу славянскаго освобожденія. Въ консервативномъ лагерѣ возобладало славянофильское теченіе. Либералы западники разсчитывали, что пробужденіе общественныхъ силъ благопріятно отразится и на внутреннемъ строѣ Имперіи и положитъ конецъ, наступившей съ 1866 года, реакціи. Противъ движенія высказывались рѣдкіе голоса: графъ Л. Н. Толстой и сановники минувшаго царствованія.

Начинался своеобразный крестовый походъ. Въ Гостиномъ дворѣ и на улицахъ показались дамы высшаго общества съ кружками въ рукахъ. Въ церквахъ священники говорили проповѣди, служили молебны, а какъ стали получаться извѣстія объ убіенныхъ,—и панихиды. Вокругъ добровольцевъ, съ зелеными вѣточками на шапкахъ, тѣснился народъ. На вокзалахъ при отходѣ поѣздовъ раздавалось пѣніе: „Спаси Господи“ и „Боже Царя храни“.

Между тѣмъ, какъ въ Россіи патріотическій энтузіазмъ былъ въ полномъ разгарѣ,—въ Сербіи господствовало настроеніе самое угнетенное. Русская помощь была сербамъ некстати; добровольцы встрѣчались холодно, чуть не враждебно. Причина такому отношенію весьма простая. Сербы думали заставить воевать Россію, а вышло—они попались сами. Планъ генерала Игнатьева, который находилъ, что, дабы самой не воевать, Россія должна помогать Сербіи всячески, былъ сербамъ весьма не по вкусу. Они надѣялись, что Россія за нихъ вступится, а она, вмѣсто того, выговорила въ Рейхштадтѣ non intervention, присылала добровольцевъ и деньги. Сопротивленіе, такимъ образомъ, затягивалось: изъ политической демонстраціи война становилась войною настоящею. Въ ту минуту Сербія походила на дуэлянта, который о дуэли далъ знать полиціи, но, приближаясь къ мѣсту поединка, съ ужасомъ видитъ, что полиція не приходитъ.

Въ своихъ воспоминаніяхъ (часть II, стр. 292) князь В. П. Мещерскій даетъ чрезвычайно мѣткую характеристику Бѣлградскихъ руководящихъ сферъ: „Въ Бѣлградѣ, познакомившись съ главными

дѣйствующими лицами, я сразу получилъ холодную ванну, ибо убѣдился, по впечатлѣніямъ, которыя они на меня произвели, что и князь Миланъ, и митрополитъ Михаилъ и знаменитый премьеръ Ристичъ,—все это были, болѣе или менѣе, искусные *актеры*, разыгрывавшіе сообща комедію возстанія и, въ особенности, комедію эксплоатированія добродушной въ своемъ энтузіазмѣ Россіи. Доминантною нотою всѣхъ троихъ было неудовольствіе на Россію, что она слишкомъ мало дѣлаетъ для Сербіи и, не рѣшаясь объявить войны, ограничивается только присылкою *сброда* добровольцевъ-скандалистовъ и деньгами, которыхъ, кстати прибавляли они, шлютъ слишкомъ мало, при чемъ я услышалъ ноту неудовольствія на Черняева за то, что ему шлютъ больше денегъ, чѣмъ Милану и Михаилу".

Сборомъ пожертвованій, отправкою въ Сербію добровольцевъ и денегъ завѣдывали въ Петербургѣ и Москвѣ—славянскіе благотворительные комитеты. Дѣятельность этихъ комитетовъ, постепенно расширяясь, подъ конецъ получила размѣры необыкновенные. Комитеты посылали отъ себя особыхъ уполномоченныхъ, съ нашими заграничными посольствами и консульствами пытались вступать въ сношенія непосредственно, дѣлать имъ запросы и давать указанія. Хотя дипломатическихъ чиновниковъ комитеты и считали рутинерами и не-патріотами, тѣмъ не менѣе, отвѣтственность лежала на представительствѣ оффиціальномъ: оно разбирало недоразумѣнія между сербскими властями и добровольцами; къ нему же обращались добровольцы съ жалобами на уполномоченныхъ славянскихъ комитетовъ. Тутъ впервые обозначился антагонизмъ русскаго общества съ дипломатіею. Печать и общественные дѣятели на всѣ лады дискредитировали дипломатію, а потомъ отъ нея же требовали вліянія на „братушекъ". Для внушенія добровольцамъ дисциплины, Славянскій комитетъ рѣшилъ командировать „генерала" и выборъ его палъ на генерала Дандевиля. Но „генеральство" на добровольцевъ не подѣйствовало. Они домогались денегъ, а такъ какъ генералъ Дандевиль давалъ деньги съ разборомъ,—на него посыпались нареканія и настолько оскорбительныя, что сослуживцы его сочли нужнымъ печатно выступить въ защиту его добраго имени...

Благочестивая декорація, въ которую движеніе облекалось,—пѣніе молитвъ и народнаго гимна, соучастіе духовенства, симпатіи царственныхъ особъ: Государыни Императрицы и Наслѣдника престола, на первыхъ порахъ, не позволили разглядѣть въ немъ революціоннаго осадка, который, однако, образовался, при томъ, въ такой степени, что скоро сдѣлался видимымъ и невооруженному глазу. Само правительство на Сербію смотрѣло, отчасти, какъ на фонта-

нель и охотно отпускало туда „политическихъ", въ разсчетѣ, что на полѣ брани они сложатъ буйныя головы и, такимъ образомъ, начальство избавятъ отъ дальнѣйшихъ хлопотъ. Радикальные органы, къ славянофильству всегда относившіеся враждебно и иронически, теперь вдругъ тактику перемѣнили и превратились въ завзятыхъ націоналистовъ. Движеніе, полагали они, во всякомъ случаѣ, послужитъ пробужденію общественнаго самосознанія, а, затѣмъ, не исчерпавъ локальнаго своего назначенія, оно снова перебросится въ Россію. Собираясь воевать съ турками „внѣшними", главари радикализма за пазухой приберегали камень и противъ тѣхъ, кого на условномъ своемъ языкѣ они называли „внутренними турками".

Съ чувствомъ глубокаго отвращенія взиралъ Е. П. Новиковъ на событія въ Сербіи, наплывъ добровольцевъ и дѣятельность славянскихъ комитетовъ. Рѣка выступила изъ береговъ; сдержать ея разливъ правительство было не въ силахъ. Въ этой правительственной слабости Новиковъ усматривалъ признаки приближающагося крушенія всего государственнаго строя. Съ своей стороны графъ Андраши не пропускалъ возможности подчеркнуть революціонный характеръ движенія. „Вы нами недовольны, сказалъ онъ Новикову, что мы арестовали корреспондента „Новаго Времени". Не угодно ли вамъ прочесть полицейское дознаніе, и вы увидите, за что господинъ этотъ былъ арестованъ: на тайной сходкѣ въ Аграмѣ онъ проповѣдывалъ образованіе федеративной всеславянской республики". Корреспондентъ этотъ былъ, ставшій впослѣдствіи извѣстнымъ патріотическимъ публицистомъ, Ш—ъ.

Негодуя на Россію,—что она сидитъ смирно и хладнокровно смотритъ на неравную борьбу сербскаго Давида съ турецкимъ Голіафомъ, — весьма рѣзкую выходку позволилъ себѣ редакторъ газеты „Застава", издававшейся въ Новомъ Садѣ (Австріи) Милетичъ. Онъ выразилъ сожалѣніе, что выстрѣлъ 4-го апрѣля не достигъ цѣли, вслѣдствіе чего на русскомъ престолѣ Александръ II, а не Александръ III. По этому поводу Новиковъ пишетъ Карцову, отъ 28-го іюня 1876 г.:

„Благодарю васъ, что вы поставили меня въ возможность присылкою мнѣ № 80 Новосадской „Заставы" обратить вниманіе австро-венгерскаго министерства иностранныхъ дѣлъ на чудовищныя печатныя заявленія южно-славянскихъ демагоговъ. Графъ Андраши исполнилъ свою обязанность: пресловутый Милетичъ сидитъ въ тюрьмѣ, несмотря на протесты своего друга Полита. Такъ поступлено въ Австро-Венгріи. Увидимъ, насколько въ облагодѣтельствованной нами Сербіи у правительства хватитъ разума, дабы запрещеніемъ ввоза этой мерзкой газеты засвидѣтельствовать о своемъ

негодованіи противъ ея гнусныхъ доктринъ. А что-то не слыхать".

Русскіе добровольцы въ Сербіи дѣлились на двѣ категоріи. Одна—люди высшаго общества, гвардейцы: Дохтуровъ, графъ Келлеръ, Медвѣдовскій, Шевичъ, Волковъ и др. Они отправились въ Сербію, повинуясь вліянію Аничкова дворца и ради военной славы. Напутствуя ихъ, Наслѣдникъ Цесаревичъ произнесъ высокознаменательныя слова: „я ваши Таковскіе кресты обмѣняю на Георгіевскіе". Военные этого типа подчеркивали, что пріѣхали они воевать, а не заниматься политикою и, какъ будто, сторонились Черняева. Такъ, напримѣръ, когда начальникъ штаба, В. В. Комаровъ, покинулъ армію, въ исправленіе его обязанностей вступилъ Дохтуровъ, но подъ непремѣннымъ условіемъ—не носить званія начальника штаба.

Другая категорія состояла изъ военныхъ, отбившихся отъ службы и ухватившихся за случай—кто погулять на волѣ, а кто и зашибить копейку. Въ Сербіи оказался полковникъ П. растратившій огромное состояніе, а потомъ побиравшійся по товарищамъ за подаяніемъ. Вся эта орава наполняла кофейни, не платила въ гостиницахъ, пила, играла въ карты, попадала въ полицію.

Въ это время пишущій эти строки оканчивалъ курсъ въ Императорскомъ Александровскомъ лицеѣ. Подобно многимъ другимъ, я не устоялъ противъ увлеченія и тоже отправился добровольцемъ. Дядя А. Н. встрѣтилъ меня чрезвычайно родственно и гостепріимно. Онъ потребовалъ, чтобы я остановился въ консульствѣ, а затѣмъ посовѣтовалъ ѣхать въ отрядъ генерала Новоселова.

„Этотъ генералъ, сказалъ мнѣ А. Н., занимается военнымъ дѣломъ, а не политикою. Что же до Черняева, я съ нимъ отношеній не поддерживаю. Его главная квартира въ Делиградѣ. Онъ окруженъ всякимъ сбродомъ и занимается только манифестаціями. То выдумали провозгласить Милана королемъ. И подобный coup de théâtre устраиваетъ армія не побѣдоносная, а послѣ пораженія. Теперь онъ выписалъ портныхъ... для чего?.. какъ бы ты думалъ? Онъ кроитъ костюмы для своей славянской стражи. Сербамъ уже всѣ эти комедіи порядочно надоѣли. Ристичъ мнѣ заявилъ, что Сербія извѣрилась въ Славянскій комитетъ и отнынѣ будетъ слѣдовать исключительно указаніямъ Россіи оффиціальной"[1]).

Въ письмѣ Карцову, отъ 25 октября 1876 г., Н. П. Игнатьевъ нѣсколькими удачными штрихами очерчиваетъ личность Черняева:

---

[1]) Ю. Карцовъ. Семь лѣтъ на Ближнемъ Востокѣ. Стр. 51—52.

„Черняевъ былъ моимъ товарищемъ въ военной академіи. Никто болѣе меня не знаетъ его личныхъ качествъ и недостатковъ. Онъ поступилъ безумно и надѣлалъ много ошибокъ. On l'a surfait et il ne pourra jamais se maintenir à la hauteur où notre presse l'a placé, но тѣмъ не менѣе, онъ — по странному стеченію обстоятельствъ—сдѣлался какимъ-то миѳическимъ народнымъ героемъ. Не намъ его позорить, но желательно его направить, при случаѣ помочь ему и *образумить*. *Умѣючи* можно весьма легко произвести на него вліяніе. Сколько мнѣ кажется, онъ попалъ въ дурную среду, и интриганы его опутали. Желательно чтобы онъ выбрался на добрую колею. На немъ лежитъ громадная отвѣтственность за совершившееся разореніе Сербіи—безъ достиженія цѣли“.

Послѣ рѣшительныхъ дней Дюниша, М. Г. Черняевъ нѣкоторое время оставался въ Бѣлградѣ. Съ сербскими министрами онъ былъ въ полномъ разладѣ. Въ воздухѣ пахло государственнымъ переворотомъ. Миланъ ссорился со скупщиною и думалъ противъ нея опереться на русскихъ добровольцевъ. Затѣямъ подобнаго рода А. Н. положилъ конецъ категорическимъ заявленіемъ: на иностранныхъ штыкахъ самодержавіе основано быть не можетъ. Впервые я увидалъ Черняева въ консульствѣ. Онъ имѣлъ видъ жалкій, растерянный. Онъ былъ внѣ себя отъ негодованія на какого-то добровольца, который съ перепою, ни съ того, ни съ сего, всадилъ нѣсколько пуль въ сербскаго ребенка. Михаилъ Григорьевичъ храбрился, подогрѣвалъ себя надеждою, что дѣло освобожденія славянъ не погибнетъ, что онъ, Черняевъ, доведетъ его до конца и т. п., но смутное сознаніе подсказывало ему, что приключилось паденіе и что паденіе это безповоротно. А паденіе совершилось съ высоты такой популярности, какой послѣ Кузьмы Минина на Руси и не запомнятъ... Вскорѣ А. Н-чу пришлось сообщить Черняеву Высочайшее повелѣніе о запрещеніи въѣзда въ Россію.

Прибывъ въ Бѣлградъ и убѣдившись въ негодности сербской милиціи, Михаилу Григорьевичу, строго говоря, слѣдовало отсовѣтовать сербамъ воевать. Но онъ олицетворялъ собою движеніе, оно подняло его и несло: возвратъ былъ для него немыслимъ. Невозможность обойтись мѣстными средствами слишкомъ била въ глаза. Оставалось возложить упованіе на помощь Россіи, сначала общественной, а потомъ и всего государства. Война съ турками стала какъ бы декорумомъ; дѣйствительная борьба велась противъ Россіи оффиціальной или Зимняго дворца. М. Г. Черняевъ, будучи сербскимъ главнокомандующимъ, на самомъ дѣлѣ, продолжалъ ту дѣятельность, которую незадолго передъ тѣмъ велъ въ качествѣ из-

дателя „Русскаго Міра". Его начальникомъ штаба былъ другой сотрудникъ этой газеты: В. В. Комаровъ...

...Практическимъ человѣкомъ М. Г. не былъ, онъ жилъ воображеніемъ. Его вѣчно окружалъ сонмъ людей, которые поддакивали его фантазіямъ и овладѣвали его довѣрчивостью. Подобно знаменитому герою Сервантеса, М. Г. не признавалъ препятствій, всю жизнь сражался съ злыми геніями и великанами, изнемогалъ въ борьбѣ и вѣчно ходилъ съ помятыми боками. У него, какъ полководца, волевыя способности несомнѣнно преобладали надъ критическими, сердце—надъ разумомъ. Но именно этою отзывчивостью, главною чертою его характера, и объясняется тайна какъ его колоссальныхъ успѣховъ, такъ и за ними слѣдовавшихъ столь же необыкновенныхъ неудачъ. Къ чистому человѣку грязь не пристаетъ. М. Г. погружался въ омутъ политики по самое горло, къ нему прилѣплялись личности самыя темныя, но ни одна пылинка не пристала къ его, украшенной Св. Георгіемъ, груди. Самые заклятые враги,—у него ли ихъ не было—и тѣ не могли услѣдить въ немъ корыстнаго побужденія. Это былъ человѣкъ высокой души и безсребренникъ въ полномъ значеніи слова. „Васъ знаетъ вся Россія", сказалъ Черняеву Императоръ Александръ III. Непонятно, какъ могли люди, близко его знавшіе, поставить его на высокій административный постъ, гдѣ практическій смыслъ и выдержка необходимы, удивляться, что онъ понадѣлалъ промаховъ, а потомъ преслѣдовать его и колоть этими промахами почти до самой гробовой доски [1]).

Съ обычною правдивостью, въ живыхъ краскахъ, въ донесеніяхъ своихъ рисовалъ Карцовъ картину того положенія, въ которое попала Сербія. Эгоизмъ и малодушіе князя Милана, алчность митрополита Михаила, пріемы Ристича, исполненные коварства, чисто восточные, онъ безпощадно выводилъ на свѣжую воду, разоблачалъ тенденціозную лживость газетныхъ извѣстій, обнаруживалъ систематическія попытки славянскихъ комитетовъ оффиціальному представительству отдавливать ногу. Не умолчалъ онъ и о такихъ фактахъ, когда сербскіе солдаты покидали раненыхъ русскихъ офицеровъ, сами дезертировали или прибѣгали къ членовредительству. О писательской манерѣ Карцова секретарь Н. Н. Лодыженскій отзывался такъ: „А., Н. изобразилъ Сербію въ видѣ темнаго пятна, но онъ не указалъ просвѣта, куда бы можно направиться". Но Карцовъ считалъ дѣломъ чести избѣгать всего, что смахивало бы на политику личную. Онъ старался собрать матеріалъ безпристра-

[1]) Ю Карцовъ. Семь лѣтъ на Ближнемъ Востокѣ. Стр. 53, 54, 55, 56.

стный и обильный, но онъ его, какъ дипломаты поступаютъ нерѣдко, съ намѣреніемъ—вызвать то или иное рѣшеніе, не подтасовывалъ.

Образъ дѣйствій Карцова, выставлявшій движеніе въ настоящемъ свѣтѣ, лицамъ, стоявшимъ во главѣ его, пришелся очень не по вкусу. Старинный благожелатель Карцова, ген. Н. П. Игнатьевъ, исходя изъ точки зрѣнія, что есть вещи, которыя высказывать нельзя, а еще менѣе надъ которыми — себѣ позволять иронизировать, въ письмѣ отъ 25 октября 1876 г. откровенно выразилъ ему неодобреніе:

„Мнѣ прискорбенъ *разладъ*, существующій между вами и многими изъ русскихъ добровольцевъ. Мы переживаемъ историческую эпоху, въ которую не только всѣ русскіе, но всѣ славяне должны дѣйствовать единодушно, позабывъ всю мелочь житейскую и дрязги людскія, а помнить лишь, что мы окружены врагами, пользующимися каждою слабостью нашею и единовѣрцевъ нашихъ. Ваши донесенія написаны прекрасно, но въ нихъ проглядываетъ какое-то презрѣніе сербскому народу и глумленіе надъ борющимися за правое дѣло. Острить можно надъ нашими единовѣрцами, но не въ такую минуту, когда затронуты самые существенные интересы *наши* на Востокѣ. Правительству необходимо знать истину положенія вещей, и въ этомъ отношеніи вы совершенно основательно обращаете вниманіе на темную сторону дѣла. Гнусныхъ людей, къ сожалѣнію, слишкомъ много на свѣтѣ. Но Ристичъ, Мишковичъ и К⁰, даже вся мѣстная Бѣлградская интеллигенція *не* сербскій народъ, за котораго русскіе добровольцы кровь свою проливали, и котораго мы ни бросить, ни оттолкнуть о [illegible] можемъ...

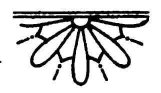
„Лишь заклятые враги наши (политическіе), партія Митхада, англичане и венгерцы могутъ стараться *раздуть* весьма понятныя раздраженія и препирательства между сербами и нашими добровольцами. Почва подготовлена для удачнаго дѣйствія ихъ агентовъ. Тѣмъ болѣе должны мы напрячь усилія наши для противодѣйствія. Со свойственною вамъ ловкостью, вы найдете — нѣтъ сомнѣнія — возможность сгладить шероховатости и способствовать возстановленію единодушія. Не можетъ быть, чтобъ въ Сербіи не нашлись дѣйствительные патріоты, люди разумные, которые не взялись бы одолѣть нынѣшнее броженіе, внушивъ народу убѣжденіе, что вся будущность Сербіи теперь — больше чѣмъ когда-либо — связана съ Россіею и отъ нея одной зависитъ. Удастся ли врагамъ славянства поссорить сербовъ съ русскими серьезно, и Сербія пропадетъ между Венгріею и Турціею. Выдержитъ сербскій народъ настоящій кри-

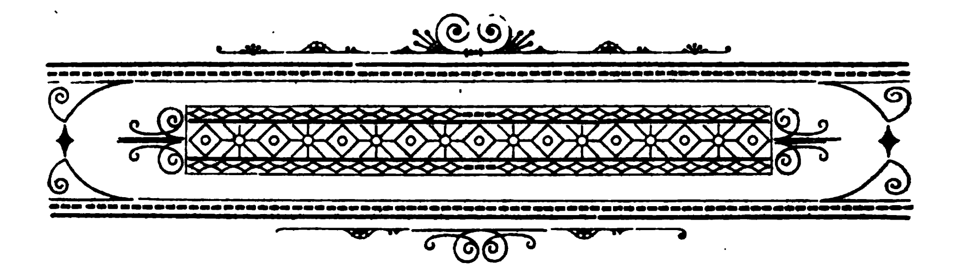
зисъ непоколебимо, вѣря въ Россію и слушая насъ — настанетъ часъ успѣха и мщенія, и славянство несомнѣнно одолѣетъ враговъ своихъ".

Вдаваясь въ тонъ славянофильской идеологіи и принимая, не поддающіяся учету, племенныя Wahlverwandschaften за реальную единицу силы, Н. П. Игнатьевъ только уплачиваетъ дань духу времени. Заступничество Россіи за славянъ-единовѣрцевъ, такимъ образомъ, переставало уже быть актомъ политическаго разсчета и свободной воли, а превращалось въ нравственное обязательство характера безусловнаго. Невозможность порѣшить вопросъ мѣстными средствами рельефно выставляла наше безсиліе, народное терпѣніе искушала, втягивала насъ и, въ результатѣ, дѣлала войну неизбѣжною. На горькомъ опытѣ, скоро извѣдала Россія: благодѣтельствованіе и здравая утилитарная политика суть два понятія, которыя далеко не синонимы.

Ю. С. Карцовъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Аракчеевъ подъ слѣдствіемъ.

(1800 г.).

Страничка изъ біографіи гр. А. А. Аракчеева.

Внѣшняя исторія графа А. А. Аракчеева достаточно извѣстна. Прекрасно извѣстны и обстоятельства двукратныхъ отставокъ безъ лести преданнаго графа. Однако доселѣ не былъ извѣстенъ фактъ состоянія Аракчеева подъ слѣдствіемъ вслѣдъ за вторичной своей отставкой. Ниже приводится мною любопытный въ этомъ отношеніи документъ, почерпнутый изъ дѣлъ Главнаго Военно-Суднаго Управленія, бывшаго Генералъ-Аудиторіата и Аудиторіатскаго Департамента. Документъ любопытенъ тѣмъ, что надъ Аракчеевымъ, человѣкомъ въ общемъ мелочнымъ и строго слѣдившимъ за казеннымъ интересомъ, тяготѣло подозрѣніе именно въ причиненіи ущерба казнѣ. Дѣло до суда однако не дошло и ограничилось разслѣдованіемъ.

Мих. Соколовскій.

I.

Письмо Д. Неплюева кн. С. И. Салагову.

Государь Императоръ, выслушавъ всеподданнѣйше представленную мною у сего прилагаемую выписку изъ дѣла о неисправностяхъ, оказавшихся въ гвардейскомъ артиллерійскомъ баталіонѣ послѣ отставленнаго отъ службы генералъ-лейтенанта графа Аракчеева, такъ какъ ваше сіятельство по сему дѣлу нашли, что казна, какъ въ покупкѣ лошадей, такъ и въ исправленіи казенныхъ строеній никакого убытка не имѣетъ, утверждая мнѣніе вашего сіятельства, высочайше повелѣть изволилъ: дѣло сіе оставить. О чемъ сообщая вашему сіятельству, честь имѣю быть съ совершеннымъ почтеніемъ и т. д.

СПБ.

Апрѣля 16 дня 1800 г.

II.

Выписка изъ слѣдствія, произведеннаго при С.-Петербургскомъ ордонансъ-гаузѣ.

По всевысочайшему Вашего Императорскаго Величества повелѣнію отъ генералъ-адъютанта графа Ливена минувшаго 799-го года декабря отъ 6 дня присланъ въ генералъ-аудиторіатъ всеподданнѣйшій рапортъ генералъ-лейтенанта Амбразанцева, вступившаго въ должность артиллеріи инспектора, послѣ отставленнаго генералъ-лейтенанта графа Аракчеева, о неисправностяхъ, оказавшихся въ гвардейскомъ артиллерійскомъ баталіонѣ, съ тѣмъ, чтобъ по разсмотрѣніи должное взысканіе учинено было съ тѣхъ, кои о описанныхъ въ немъ неисправностяхъ не доносили.

Генералъ-лейтенантъ, кой нынѣ въ отставкѣ, Амбразанцевъ всеподданнѣйше отъ 4 декабря 799 года доносилъ:

1) Что по принятіи имъ упомянутаго баталіона отъ генералъ-маіора Булыгина такъ, какъ отъ старшаго тогда въ баталіонѣ, нашелъ конскую аммуницію, построенную изъ глянцевой кожи, а не изъ сыромятной, каковая въ полевыхъ артиллерійскихъ полкахъ состоитъ, и что генералъ-лейтенантъ графъ Аракчеевъ объявилъ ему, что о построеніи конской аммуниціи изъ глянцевой кожи было всевысочайшее Вашего Императорскаго Величества повелѣніе.

По изслѣдованію оказалось:

На 1) генералъ-лейтенантъ графъ Аракчеевъ объяснился: что сію конскую аммуницію, построенную изъ глянцевой, а не изъ сыромятной кожи, перемѣнять ему и никому другому не дозволяло всевысочайшее Вашего Императорскаго Величества повелѣніе, когда въ гвардейскомъ артиллерійскомъ баталіонѣ утверждена глянцевая, каковая и прежде всегда состояла и которой прочность, при первыхъ учрежденіяхъ артиллеріи въ Гатчинѣ при всегдашнемъ движеніи оной въ высочайшемъ Вашего Императорскаго Величества присутствіи утверждена же.

Слѣдственная комиссія за симъ отзывомъ заключенія своего положить не могла.

Донесеніе Амбразанцева:

2) Лошадей нашелъ въ взрослыхъ лѣтахъ, а которыя и молодыхъ лѣтъ, но большею частью разбиты и за разными болѣзнями на дальнѣйшее служеніе не прочны и слѣдуетъ перемѣнить другими годными, и что о всѣхъ оныхъ лошадяхъ генералъ-лейтенантъ графъ Аракчеевъ увѣдомилъ его, что какъ о состояніи оныхъ, которыя приняты отъ генералъ-лейтенанта Базина, такъ и о поступившихъ чрезъ покупку въ баталіонъ 242 лошадяхъ въ командованіе его

графа Аракчеева, донесено имъ было и Вашему Императорскому Величеству, но отчего сіи послѣднія оказались разбитыми, ему неизвѣстно; если жъ лошади поступили бы таковыми въ баталіонъ, то должны отъ ротныхъ командировъ въ то жъ время быть о томъ письменныя донесенія; ротные жъ командиры ему, Амбразанцеву, отозвались, что въ какомъ состояніи тогда находились лошади, въ такомъ были оныя и въ командованіе генералъ-лейтенанта графа Аракчеева; прошедшаго жъ 799 года, осенью, графъ Аракчеевъ по представленнымъ отъ ротъ о лошадяхъ съ показаніемъ ихъ годности и пороковъ описямъ оныхъ осматривалъ и нѣкоторыхъ отмѣчалъ въ продажу; а отъ генералъ-маіора Вулыгина въ представленныхъ лошадямъ описяхъ означено: взрослыхъ лѣтъ—64, разбитыхъ и за разными болѣзнями неспособныхъ на службу — 75 лошадей; посему онъ, Амбразанцевъ, симъ донесеніемъ и испрашивалъ Высочайшаго повелѣнія о перемѣнѣ неспособныхъ лошадей другими, годными, купивъ оныхъ на ремонтную сумму, кою вытребовать изъ комиссаріата, ибо оной за три года въ баталіонъ требовано не было, прибавя къ тому оставшую сумму отъ купленныхъ въ баталіонѣ въ 779-мъ году въ командованіе графа Аракчеева 242 лошадей и вырученную сумму при продажѣ неспособныхъ лошадей.

По слѣдствію оказалось:

На 2) по самоличному комиссіи всѣхъ лошадей въ баталіонъ осмотру найдено годныхъ на службу: строевыхъ — 29, артиллерійскихъ—181, подъемныхъ и вьючныхъ 43; — взрослыхъ лѣтъ, но по крѣпкому сложенію и хорошимъ тѣламъ также на службу годныхъ: строевыхъ—26, артиллерійскихъ—108, подъемныхъ и вьючныхъ—15, а всего на службу годныхъ—402; негодныхъ за старостью, болѣзнями и худыми тѣлами: строевыхъ—10, артиллерійскихъ—106, подъемныхъ и вьючныхъ - 35, а всего 151 лошадь; въ числѣ сихъ негодныхъ состоитъ 75 такихъ, кои поступили въ баталіонъ разными случаями изъ разныхъ казенныхъ мѣстъ и купленныя до командованія еще баталіономъ генералъ-лейтенанта графа Аракчеева (о)стальныя затѣмъ 76 состоятъ изъ числа 242 лошадей, купленныхъ и поступившихъ въ баталіонъ при бытности уже графа Аракчеева; въ числѣ сихъ послѣднихъ оказалось покупки фурштата обознаго Андреева—65 и фурштата фурмейстера Тимофѣева—11.

Отставной генералъ-лейтенантъ графъ Аракчеевъ комиссіи объяснилъ, что купленныхъ во время его командованія обознымъ Андреевымъ лошадей смотрѣлъ онъ самъ, при всѣхъ штабъ и оберъ-офицерахъ и хотя было изъ нихъ нѣсколько ниже мѣры 1 арш 14 вершк., но поелику доброта лошади не отъ одного зависитъ роста, а при томъ имѣя тогда всевысочайшее повелѣніе быть въ

готовности къ выступленію въ Финляндію и баталіонъ имѣлъ въ нихъ крайнюю надобность, наполнить же его изъ другихъ мѣстъ лошадьми не было никакихъ средствъ, ибо тогда повсемѣстное было движеніе артиллеріи, по каковымъ причинамъ и помѣщены они въ баталіонъ, а паче по тому, что большую часть изъ оныхъ лошадей видѣлъ 4-хъ лѣтъ и полагалъ, что, будучи присмотрѣны имъ, чрезъ время по молодости своей сдѣлаются и будутъ способными; въ доказательство жъ тогдашней ихъ доброты поставляетъ онъ, графъ Аракчеевъ, то, что во время отдачи ихъ въ баталіонъ по ротамъ и послѣ о негодности отъ ротныхъ командировъ рапортовъ не имѣлъ, а выбранныя ими во время осмотра и на томъ же мѣстѣ изъ всѣхъ обознымъ Андреевымъ привезенныхъ лошадей неспособныя быть въ числѣ артиллерійскихъ 13-ть онымъ Андреевымъ проданы и ни одна лошадь въ баталіонъ таковая не поступила, въ чемъ свидѣтельствуетъ и артиллеріи полковникъ Воронинъ, присутствовавшій въ комиссіи, сіе слѣдствіе производившей.

Ротные командиры показали, что сіи лошади и тогда таковы же были, каковыми оказались при пріемѣ генералъ-лейтенантомъ Амбразанцевымъ баталіона; рапортовъ же о негодности ихъ не подавали графу Аракчееву потому, что о семъ предписанія имъ не было извѣстно, и при томъ же и лошади всѣ находились по ротамъ съ апробаціи его, слѣдственно, годность оныхъ и не принадлежала къ ихъ отчету, которыя однако-жъ по словеснымъ ихъ донесеніямъ графомъ Аракчеевымъ въ сентябрѣ мѣсяцѣ 799 года свидѣтельствованы, и многія назначены были въ продажу.

Генералъ-лейтенантъ графъ Аракчеевъ противъ сего объяснилъ, что во всемъ количествѣ хотя и есть лошади на службу неспособныя, но онѣ (ежели-бъ не получилъ онъ отставки) по истребованіи ремонта были перемѣнены другими годными; въ прочемъ же худоба лошадей и неспособность произошла послѣ его отставки до пріѣзда въ Петербургъ генералъ-лейтенанта Амбразанцева въ теченіе мѣсяца, да по пріѣздѣ его до осмотра комиссіею болѣе двухъ мѣсяцевъ отъ употребленія оныхъ штабъ и оберъ-офицерами въ партикулярную свою, равно и самимъ Амбразанцевымъ, какъ по городу, такъ и за городъ ѣзду и для возки воды, дровъ и снѣга при занимаемомъ имъ, Амбразанцевымъ, казенномъ домѣ.

Генералъ-лейтенантъ Амбразанцевъ отозвался, что на казенныхъ подъемныхъ шести лошадяхъ одинъ разъ только по неотысканію наемныхъ ѣздилъ въ Гатчино и сіе единовременное употребленіе имъ тѣхъ 6-и лошадей было гласное, въ чемъ и отвѣтъ дать можетъ предъ Вашимъ Императорскимъ Величествомъ; а сверхъ сего ѣздили туда жъ въ маскарадъ штабсъ-капитаны Тре-

тьяковъ, Поль и поручикъ Арапетовъ 1-й, на 8 лошадяхъ, по неотысканію жъ наемныхъ, съ позволенія полковника, что нынѣ генералъ-маіоръ, Булыгина, о чемъ согласно показали и оные офицеры; болѣе жъ сего, чтобъ кто еще на оныхъ лошадяхъ ѣздилъ, по слѣдствію не открылось; ремонта жъ въ баталіонѣ не требовано и не получено съ 797 года, о которомъ графъ Аракчеевъ объяснился, что не требовалъ онаго въ ожиданіи наступленія положеннаго по уставу для перемѣны неспособныхъ лошадей осенняго времени, полагая, что сумма по истребованіи до онаго времени должна лежать безъ обращенія своего, когда комиссаріатская экспедиція, имѣя ежечасно въ деньгахъ надобность, могла сдѣлать свои обороты, о чемъ извѣстно ему, яко бывшему военной коллегіи члену; а, во-вторыхъ и потому, что артиллерійскою экспедиціею ремонтъ и на всѣхъ артиллерійскихъ лошадей, по всѣмъ бывшимъ тогда артиллерійскимъ баталіонамъ еще не былъ принятъ изъ комиссаріата по разсчетамъ, то и полагалъ: сего гвардейскаго баталіона ремонтъ причислить въ тотъ же разсчетъ; въ третьихъ, по принятіи имъ надъ артиллеріей начальства въ скоромъ времени получилъ онъ Высочайшее повелѣніе увеличить штатъ реченнаго артиллерійскаго баталіона, то и по сему случаю располагалъ, что артиллерійской экспедиціи съ комиссаріатскою способнѣе сдѣлать будетъ въ одно время разсчетъ.

По справкѣ слѣдственною комиссіею найдено: что въ упоминаемомъ баталіонѣ противъ штата Высочайше конфирмованнаго 798 года іюля въ 10 день не будетъ доставать лошадей строевыхъ—20, артиллерійскихъ—274, подъемныхъ 49, на покупку коихъ (какъ инспекторъ артиллеріи Корсаковъ комиссію увѣдомилъ) имѣются суммы въ баталіонѣ столько, что все показанное недостающее число совершенно искуплено будетъ, и баталіонъ къ будущей осени въ разсужденіи лошадей приведется въ совершенную исправность, а при томъ и изъ тѣхъ, кои по свидѣтельству комиссіи оказались неспособными къ службѣ за худобою, почти половина такъ поправились, что служить еще могутъ, особенно же тѣ лошади, кои оказались неспособными изъ поступившихъ при графѣ Аракчеевѣ по причинѣ той, что онѣ молоды, да и тѣ, кои состоятъ въ баталіонѣ, немного менѣе установленной мѣры, въ разсужденіи, что онѣ еще лѣтъ также молодыхъ и здоровы, на службу употреблены быть могутъ.

Слѣдственная комиссія въ мнѣніи пишетъ: что о оказавшихся неспособными къ службѣ 151 лошадяхъ того, чтобъ оныя пришли въ сіе состояніе отъ употребленія ихъ въ непринадлежащую до службы ѣзду, заключить не можно, ибо на сіе кромѣ вышеписаннаго другихъ доказательствъ нѣтъ; касательно жъ того, что графъ Арак-

чеевъ не истребовалъ на лошадей ремонта, чрезъ что часть оныхъ оставалась худыми, то какъ сіе сдѣлано имъ въ соблюденіе казеннаго интереса и что ожидалъ положеннаго по уставу на перемѣну лошадей времени, въ кое конечно въ оный и истребовалъ, но въ сіе время отставленъ отъ службы, почему и неисправнымъ его почесть не можетъ, а равно и въ томъ, что не перемѣнилъ негодныхъ лошадей, но оныя въ баталіонѣ остались, ибо сего за отставкою его отъ службы дѣйствительно сдѣлать ему было не можно, а такъ какъ генералъ-отъ-артиллеріи Корсаковъ объяснилъ, что на лошадей суммы въ баталіонѣ имѣется достаточно и изъ неспособныхъ половина уже поправилась и сдѣлались на службу годными, то въ семъ случаѣ и взысканіе съ него, графа Аракчеева, положить комиссія не можетъ; впрочемъ же такихъ еще неисправностей, за кои бы слѣдовало сдѣлать какое-либо взысканіе, не открылось, равно и за употребленіе генералъ-лейтенантомъ Амбразанцевымъ и офицерами подъемныхъ лошадей въ вышеизъясненную ѣзду взысканія положить также не можетъ, ибо сіи лошади по закону находятся въ собственномъ распоряженіи командировъ баталіонныхъ.

Донесеніе Амбразанцева:

3) Что на исправленіе казармъ и прочихъ строеній гвардейскаго артиллерійскаго баталіона, которыя въ 799 году по приказанію графа Аракчеева были исправляемы находящимся въ артиллерійской экспедиціи за архитектора коллежскимъ ассесоромъ Демерцовымъ, сверхъ употребленныхъ имъ 5.000 р., отпущенныхъ отъ баталіона на то исправленіе, требуетъ онъ, Демерцовъ, еще 6.975 р., на заплату за забранныя имъ на тѣ строенія въ долгъ разные припасы и матеріалы и за работу работникамъ по приказанію графа Аракчеева, которой суммѣ и представилъ онъ, Демерцовъ, счетъ, кому и за что сколько заплатить слѣдуетъ, но при всемъ томъ исправляемыя имъ строенія не всѣ еще окончены и требуютъ еще нѣкоторыхъ починокъ, а весной и болѣе оныхъ откроется.

По слѣдствію оказалось:

На 3) Генералъ-лейтенантъ графъ Аракчеевъ комиссію увѣдомилъ, что о построеніи всего онаго испрашивано было всевысочайшее Вашего Императорскаго Величества благоволеніе, по которому случаю и имѣлъ счастіе гвардейскій артиллерійскій баталіонъ получить бывшіе лейбъ - гвардіи Вашего Императорскаго Величества полка каменный и деревянный дома, а отъ военнаго губернатора мѣста для построенія конной ротѣ казармъ, но по случаю его отставки строеніе еще не было окон-

чено, а собственное его разсужденіе клонилось только къ тому, дабы въ одно время помѣстить весь баталіонъ въ свои казармы, какъ для лучшаго за онымъ присмотра, равно и для облегченія города отъ постоя и что сдѣлано оное по повелѣнію Вашего Императорскаго Величества съ тѣмъ, дабы на докончаніе баталіонныхъ казармъ и содержаніе оныхъ на тотъ 799 годъ взять сумму изъ артиллерійской экспедиціи до полученія на будущіе годы положенной въ баталіонъ ежегодно къ отпуску; смѣты же тѣмъ перестройкамъ не только имъ пересматриваны, но и утверждены, которыя и въ комиссію представилъ оригиналомъ и по коимъ полагалось на починку и всѣ построенія казармъ 13.295 р. 25 к.; употреблено архитекторомъ Демерцовымъ всего 11.975 р., то и осталось на докончаніе оныхъ 1.320 р. 25 к.; но генералъ-лейтенантъ Амбразанцевъ доставилъ въ комиссію счетъ, что на поправленіе всѣхъ тѣхъ строеній потребно сверхъ употребленныхъ Демерцовымъ помянутыхъ денегъ еще 6.319 р. 44 к., изъ коего комиссія усмотря, что полагаетъ въ ономъ Амбразанцевъ такія исправленія, коихъ по даннымъ Демерцову смѣтамъ вовсе положено не было, требовала отъ него, Амбразанцева, по сему объясненія; по доставленіи жъ онаго вышло, что на недоконченное Демерцовымъ строеніе потребно до 280 р. 50 к.; слѣдовательно, вычтя ихъ изъ остающейся суммы противу смѣтъ Демерцову данныхъ, останется еще прибыли 1.039 р. 75 к.

Слѣдственная комиссія полагаетъ, что Демерцовъ за сіи исправленія, кои ему поручены не были, отвѣчать не долженъ, требуемая жъ имъ на заплату за забранные у подрядчиковъ въ долгъ разные припасы и матеріалы сумма 6.975 р. отъ баталіона уже просителямъ заплачена, какъ о семъ оной и справкою комиссію увѣдомилъ. Графомъ же Аракчеевымъ строеній исправлено столько, сколько въ его бытность возможно было исправить на имѣвшееся число денегъ и въ семъ случаѣ излишняго противу смѣтъ ничего не употреблено, прочее жъ неисправленное строеніе остается приводить въ исправленіе на будущее время, на отпускаемую въ баталіонъ для сего предмета годовую сумму.

Донесеніе Амбразанцева:

4) По вѣдомости, представленной при вышеприсанномъ генералъ-лейтенанта Амбразанцева донесеніи, показано, что упоминаемому баталіону слѣдуетъ получить отъ артиллерійской экспедиціи 6.000 р. вмѣсто отпущенныхъ изъ онаго на покупку для гвардейскаго жъ баталіона на строевыхъ лошадей, ибо сія сумма 6.000 р. принята была въ сей баталіонъ изъ комиссаріата на покупку недостающаго по новому штату числа лошадей, и сверхъ сего по той

вѣдомости показано за бранныхъ баталіономъ на разныя покупки лошадей и прочаго денегъ изъ суммъ артиллерійской экспедиціи принадлежащихъ всего 12.063 р. 46 к., кои слѣдуетъ доставить въ эту экспедицію.

По слѣдствію оказалось:

На 4) слѣдственная комиссія въ мнѣніи пишетъ: касательно показанныхъ въ долгу на артиллерійской экспедиціи денегъ 6.000 р., то объ оныхъ самъ генералъ-лейтенантъ Амбразанцевъ комиссію увѣдомилъ, что оные въ баталіонъ уже возвращены, а по объявленію генерала-отъ-артиллеріи Корсакова и куплено уже изъ сей суммы строевыхъ 9 лошадей, прочую жъ показанную по той вѣдомости къ отдачѣ въ артиллерійскую экспедицію сумму, дѣйствительно, когда получитъ баталіонъ изъ комиссаріата, во оную возвратить должно, о чемъ баталіонъ сообщилъ комиссіи копію съ того требованія, какое отъ той экспедиціи во оный было прислано; изъ сего комиссія видитъ, что на тѣ вещи, за кои платятся въ артиллерійскую экспедицію деньги, баталіонъ бралъ отъ экспедиціи заимообразно.

Генералъ-аудиторъ по сему дѣлу находитъ, что казна, какъ въ покупкѣ лошадей, такъ и въ исправленіи казенныхъ строеній, никакого убытка не имѣетъ, почему и взысканія согласно съ мнѣніемъ слѣдственной комиссіи не полагаетъ. Въ прочемъ всеподданнѣйше предаетъ на всевысочайшее Вашего Императорскаго Величества благоизволеніе.

Генералъ-аудиторъ князь Салаговъ.

Апрѣля 14 дня 1800 г.

Сообщилъ М. К. Соколовскій.

Невпопадъ.

Состоявшій очень долго при войскахъ кавказской арміи, а впослѣдствіи при главнокомандующемъ, генералъ-лейтенантъ С., прибывъ однажды въ Петербургъ по дѣламъ службы, былъ очень милостиво принятъ Государемъ Императоромъ Александромъ II. Государь разспрашивалъ его долго и много о дѣлахъ, о кавказской службѣ, о Кавказѣ, о войскахъ и наконецъ спросилъ:

— А что братъ? какъ его здоровье, здоровы ли дѣти?

— Братъ здоровъ, Ваше Величество, отвѣтилъ генералъ, только передъ моимъ отъѣздомъ изъ Тифлиса Катя заболѣла воспаленіемъ уха, а Ваня упалъ съ лошади, переломилъ ключицу и . . . . Не успѣлъ генералъ докончить армянскимъ акцентомъ своей фразы, какъ Государь его остановилъ:

— Я тебя спрашиваю не о твоемъ братѣ; у меня на Кавказѣ тоже есть братъ—Главнокомандующій.

Это было въ концѣ шестидесятыхъ годовъ.

Въ 1877 году 28 ноября, только что Государь выслушалъ отъ офицера привезенное имъ въ Порадимъ изъ главной квартиры дѣйствующей арміи подробное донесеніе о взятіи Плевны,—какъ ему доложили, что пріѣхалъ изъ подъ Плевны еще одинъ офицеръ—представитель главной квартиры.

Принявъ его и выслушавъ отъ него дальнѣйшія подробности, Государь, полный чарующей любезности, спросилъ:

— А гдѣ братъ?

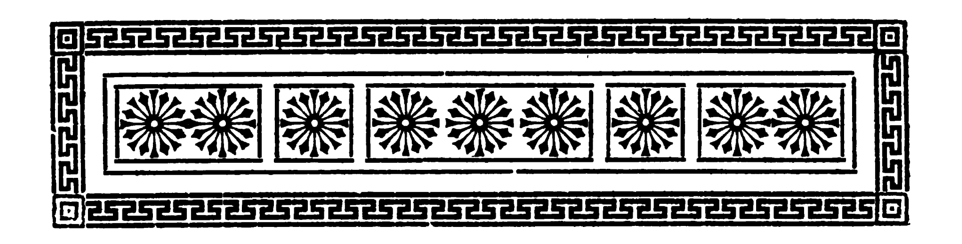
— Онъ уѣхалъ въ Петербургъ, уволенъ на 28 дней, по дѣламъ...

— О твоемъ братѣ я знаю, сказалъ Государь, ласково улыбаясь, Я хочу знать, гдѣ ты оставилъ Главнокомандующаго?

— Его Высочество въѣзжалъ въ Плевну въ то время, когда я отъѣзжалъ сюда,—смущенно отвѣтилъ офицеръ.

— Ты очень усталъ, много проскакалъ,—сказалъ привѣтливо Государь, отпуская его—тебѣ надо подкрѣпиться и отдохнуть. —Я тебя еще увижу.

А. Е. К.

Отрывки семейной хроники.

(Изъ воспоминаній баронессы Софіи Менгденъ [1]).

(*Окончаніе*).

Когда мой отецъ уѣхалъ хоронить свою мать, мы оставались въ Тулѣ, ждали весны и окончанія экзаменовъ моихъ братьевъ въ гимназіи. Мы должны были провести лѣто въ деревнѣ, а на зиму ѣхать въ Польшу.

Рано утромъ, въ теплый майскій день, большой четырехмѣстный дормезъ, запряженный шестерикомъ, стоялъ у подъѣзда нашего Тульскаго дома, на Дворянской улицѣ. Носили важи, картонки, укладывали провизію. Долго мы усаживались, пока лакей Петръ Ястребовъ не заперъ на ключъ дверцы, чтобы мы, дѣти, не могли выпасть изъ экипажа, положилъ ключъ въ карманъ и крикнувъ „съ Богомъ" вскочилъ на козлы.

Дормезъ тронулся, погромыхивая по тряской Тульской мостовой, потянулись нескончаемые заборы, покрившіяся лачужки, промелькнула послѣдняя будка со скучающимъ соннымъ будочникомъ, наконецъ проѣхали и шлагбаумъ. Городъ еще не исчезъ изъ вида, а мы—дѣти—уже просили достать взятую съ собой провизію. Но тутъ насъ ожидало небывалое развлеченіе. Дорога была тяжелая, только что прошли обильные теплые дожди, колеса погружались на половину въ грязь. Проѣхавъ нѣсколько верстъ, надо было подняться на высокую гору, откуда открывался чудный видъ на городъ. Наши губернскіе города отличаются красотой въ особенности издали. Бѣлая колокольня церкви во имя Всѣхъ Святыхъ красиво возвышалась надъ остальными церквами. Кладбище, прилегавшее къ церкви, служило пастбищемъ коровъ и лошадей городскихъ обывателей. Коровы и лошади мирно паслись межъ плитами и памятниками. Иные памятники были съ удивительными надписями. Помню: мои братья любили повторять слѣдующую надпись:

---

[1]) См. „Русскую Старину", 1908 г. апрѣль.

— Подъ камнемъ симъ лежитъ Лялинъ Максимъ, имъ бы жить и веселиться, а они изволили туда переселиться.

Другая надпись гласила:

— Скончался статскій совѣтникъ Иванъ Ивановичъ, былъ представленъ въ дѣйствительные статскіе совѣтники.

Возвращаюсь къ нашему путешествію. Лошади шли шагомъ, несмотря на понуканье и покрикиванье кучера Ивана Осипова. Андрюшка, форейторъ, погонялъ свою пару, бралъ то влѣво, то вправо, но ничего не помогало, дормезъ завязъ. Восьми вершковые коренники „Князь“ и „Дьяконъ“, выбившись изъ силъ—стали. Пристяжныя лягались, обдавая жидкой грязью дормезъ. Иванъ Осиповъ съ виноватымъ выраженіемъ на своемъ благообразномъ старческомъ лицѣ сидѣлъ на козлахъ, посматривая по сторонамъ.

— Черти,—ревѣлъ Петръ Ястребовъ. Но и его ругань не помогала. Лошади не трогались.

— Барыня,—послышался голосъ кучера. Тутъ по близости гуртовщики, позвольте отпречь лошадей и запречь воловъ.

Отпрягли лошадей, запрягли четырехъ воловъ, и они тихо, мѣрно потащили большой дормезъ. Зрѣлище было необыкновенное: карета, запряженная волами, тащилась медленно въ гору.

Кучеръ Иванъ Осиповъ возилъ пятое поколѣніе своихъ господъ. Онъ помнилъ еще одного изъ бывшихъ помѣщиковъ нашего имѣнія, при крѣпостномъ правѣ, который живя въ деревнѣ устраивалъ себѣ разныя развлеченія и, между прочимъ, велѣлъ построить при въѣздѣ въ усадьбу тріумфальную арку. Смастерили домашними средствами золотыя кареты, нарядили молодого красиваго мальчика въ мундиръ, красивую бабу разодѣли, посадили ихъ въ золоченую карету, запряженную цугомъ, и представляли торжественный въѣздъ въ Москву Императора Александра Павловича и Елисаветы Алексѣевны. Въ остальныя колымаги помѣстилась свита, собранная изъ дворовыхъ людей, а самъ помѣщикъ шелъ впереди шествія и звонилъ въ колокольчикъ!

Уже темнѣло, когда нашъ дормезъ, снова запряженный шестерикомъ, въѣзжалъ на плотину сосѣдняго знакомаго намъ села, расположеннаго въ пяти верстахъ отъ нашего имѣнія: прудъ, старыя ветла близъ воды, купальня, крестъ церкви надъ деревьями—все мнѣ столь знакомое, близкое. Еще пять верстъ, и мы дома, но не тутъ-то было. Послышался какой-то сухой трескъ, карету сильно встряхнуло, и мы какъ вкопанные остановились.

— Что случилось?—спросилъ матушка. Отвѣта не послѣдовало. Опять сталъ ругаться Петръ Ястребовъ, забѣгали какія-то тѣни около нашего экипажа и на вторичный вопросъ матушки: „Да отвѣчайте же, что случилось?“ послѣдовалъ наконецъ отвѣтъ Ивана

Осипова: „дальше ѣхать нельзя, должно, карета сломалась“. Изъ конторы прибѣжалъ знакомый намъ нѣмецъ управляющій, въ высокихъ сапогахъ, съ трудомъ вытаскивая ноги изъ грязи. Онъ стоялъ у дверцы дормеза и уговаривалъ матушку пройти въ контору, пока карету починятъ. „Какъ же мы пройдемъ по грязи“—говорила матушка. „Васъ всѣхъ на рукахъ перенесутъ“ отвѣчалъ онъ. Матушка согласилась и велѣла Петру Ястребову отпереть дверцы. Долго шарилъ онъ по своимъ карманамъ и не могъ найти ключъ. Ключъ дорогой былъ потерянъ. Пришлось лѣзть въ окно. Мы, дѣти, визжали и кричали отъ восторга, но каково же было матушкѣ и нашей гувернанткѣ Амаліи Егоровнѣ вылѣзать въ окно?! Дюжіе мужики насъ всѣхъ бережно на рукахъ перенесли въ контору.

Поздно вечеромъ пріѣхали мы въ нашу усадьбу. Заснувъ въ каретѣ, я была разбужена знакомымъ, радостнымъ лаемъ нашихъ друзей „Шарика“, „Діанки“, „Чурбана“. Я видѣла изъ окна дормеза забѣгавшіе огни въ окнахъ нашего дома и надъ елями темный небосклонъ, усыпанный милліардами звѣздъ. Мнѣ казалось, что нѣтъ нигдѣ въ мірѣ болѣе крупныхъ ласково мерцающихъ звѣздъ, чѣмъ озарявшія мое счастливое дѣтство.

Въ дѣтствѣ домъ, комнаты представлялись мнѣ громадными. Съ каждымъ возвращеніемъ весной въ усадьбу ихъ размѣры какъ будто уменьшались, а мое душевное радостное волненіе увеличивалось. Хотя лѣтнее время считалось каникулами, были и занятія. Матушка сама мнѣ давала уроки французскаго языка.

Бывало, сидишь въ кабинетѣ матушки, окна открыты въ садъ, воробьи весело чирикаютъ, пчелы жужжатъ вокругъ цвѣтовъ, пестрыя бабочки летаютъ высоко, на столѣ лежитъ тетрадь, я должна написать verbe „avoir“. Когда вспомнишь то время, удивляешься терпѣнію матушки. „Comment est l'infinitif du verbe avoir?..“ спрашиваетъ она. „L'infinitif du verbe avoir“ повторяю я. „Oui, l'infinitif du verbe avoir?“ Господи, и кто придумалъ этотъ verbe avoir и кому онъ нуженъ, думаю я, слѣдя за пролетомъ коршуна, за которымъ съ пронзительнымъ свистомъ гонится стая ласточекъ. А если матушка не замѣчаетъ, то братъ Юрій меня поддразниваетъ и шепчетъ:

— Учить французскую грамматику—пустяки, да и въ русской обращай только вниманіе на главное предложеніе, и не столько на предложеніе, сколько на придаточное предложеніе.

На свѣтѣ все преходяще, и лѣто промелькнуло быстро, безвозвратно. Насталъ день отъѣзда въ Варшаву. Въ залѣ собрались дворовые люди. Отецъ Никита служилъ напутственный молебенъ. Въ домѣ у моихъ родителей была домовая церковь. Священникъ былъ изъ заштатныхъ, глубокій старикъ, учился въ семинаріи, сидѣлъ

на одной скамьѣ съ извѣстнымъ московскимъ митрополитомъ Филаретомъ. Когда спрашивали отца Никиту „почему онъ отсталъ отъ Филарета“ онъ отвѣчалъ: „отсталъ по риторикѣ, по риторикѣ отсталъ. Филаретъ былъ изъ благонравныхъ, а меня приходилось драть по субботамъ“.

Во время молебна всѣ плакали, съ нами прощались, какъ будто насъ ссылали въ Сибирь. Много было разсказовъ о повстаніи 1863 года. Говорили, что не безопасно въ Варшавѣ.

Мы ѣхали на Москву и Петербургъ. До Москвы на почтовыхъ. Москву я смутно помнила. Проводя зиму въ деревнѣ, мы ѣздили на короткое время въ Бѣлокаменную. Жили мы въ меблированныхъ комнатахъ Варгина, ходили гулять въ сопровожденіи лакея въ гороховой ливреѣ съ пелеринками. Полагаю, что мы своимъ появленіемъ на улицѣ производили впечатлѣніе: лакей просилъ публику посторониться; „господа идутъ“ говорилъ онъ строго, а я раскланивалась направо и налѣво, пока Амалія Егоровна не объяснила мнѣ, что въ городѣ не здороваются со всѣми встрѣчными, какъ въ деревнѣ. Удивительны были вывѣски въ Москвѣ, въ особенности вывѣски цирюльниковъ: непремѣнно была нарисована дама въ вырѣзномъ платьѣ съ вычурной прической (въ то время была мода больнымъ пускать кровь, цирюльникъ исполнялъ должность фельдшера), изъ руки дамы, изображенной въ бальномъ платьѣ, кровь бьетъ фонтаномъ, а на одной вывѣскѣ надпись гласила: „Митрій Ефимовъ ученый фершалъ и костоправъ, вывихъ вправляетъ, зубы вырываетъ, банки ставитъ, кровь бросаетъ, піявицъ припущаетъ, кому куда угодно“.

Петербургъ не поразилъ меня своей холодной красотой. Онъ мнѣ остался памятенъ по слѣдующему случаю. Матушка повезла меня къ своему другу дѣтства, Е. А. Рихтеръ. Это была одна изъ великосвѣтскихъ дамъ петербургскаго общества. Не бывши красавицей, Е. А. Рихтеръ была очень представительна, держалась прямо, говорила тихо, свысока. На меня она навела страхъ, но ея дочь Катюша мнѣ полюбилась съ перваго раза. Хорошенькая дѣвочка съ бѣлокурыми локонами, одѣтая по модѣ, въ кринолинѣ, въ короткомъ платьѣ съ туго натянутыми чулками, она быстро ко мнѣ подошла, и мнѣ показалось, что она улыбнулась, глядя на мои длинныя, старомодныя панталоны съ обшивкою изъ broderie anglaise, покрывавшую на половину прюнелевые башмаки, напоминавшія пушистыя лапы бѣлыхъ голубей. Однако Катюша какъ благовоспитанная дѣвочка виду не показала, что я ей кажусь смѣшной. Она быстро ко мнѣ подошла и спросила:

— Играю ли я въ казаки и разбойники?

Тѣнь смущенія у меня исчезла, и мы были знакомы. Вообще, я осталась очень довольна нашимъ посѣщеніемъ у Е. А. Рихтеръ.

Дорога изъ Петербурга въ Варшаву не представляла много разнообразія и красоты. Сперва болота, а потомъ большею частью мѣстность лѣсистая. Чѣмъ ближе мы подъѣзжали къ Варшавѣ, тѣмъ больше было срубленнаго лѣса. Мѣстами лѣсъ былъ выжженъ. Зрѣлище было печальное, множество срубленныхъ деревьевъ лежало въ безпорядкѣ; уцѣлѣвшія отъ огня мрачно чернѣли обугленными стволами. Въ чащѣ лѣса скрывались банды повстанцевъ, стрѣляли въ поѣзда, и правительствомъ былъ данъ приказъ вырубать лѣсъ вдоль полотна желѣзной дороги. Въ поѣздѣ было безлюдно, кромѣ насъ и генерала съ конвоемъ никого не было. Разсказы о повстанцахъ меня не пугали. Я думала о Катюшѣ, о ея матери. Ночью мнѣ снилось, что мой отецъ женится на Рихтеръ и она говоритъ отцу моему:

— Я научу вашихъ дѣтей порядку, очень вы ихъ распустили.

Я просыпалась, похолодѣвъ отъ страха, боясь пошевельнуться. Полный мѣсяцъ заливалъ мягкимъ свѣтомъ вагоны, слышенъ былъ только мѣрный шумъ колесъ. Вокругъ меня всѣ мирно спали.

Большею частью осень въ Польшѣ бываетъ прекрасна. Когда мы пріѣхали въ Варшаву, въ сентябрѣ, стояла теплая погода. Городъ не былъ такъ красивъ, какъ въ настоящее время. На лучшихъ улицахъ было много низкихъ одноэтажныхъ деревянныхъ домовъ, тянулись деревянные заборы, мѣстами какъ рѣшето прострѣленные во время повстанія.

Не было той изящной пестрой толпы, какъ теперь. Большинство женщинъ были въ глубокомъ трaурѣ по „отчизнѣ“. Многія дѣти, посвященныя при рожденіи Богородицѣ, были всегда одѣты, до извѣстнаго возраста, въ бѣлый и голубой цвѣтъ, а мальчики капуцинами, въ коричневой рясѣ, опоясанной бѣлымъ шнуромъ. Варшава была на военномъ положеніи. Какъ только темнѣло, никто не смѣлъ идти по улицѣ безъ зажженаго фонаря, или надо было имѣть при себѣ билетъ о благонадежности, выданный полиціей, иначе васъ арестовывали и вели въ участокъ. Разсказывали про эпизодъ, случившійся съ извѣстнымъ Горбуновымъ. Бывши проѣздомъ въ Варшавѣ, Горбуновъ шелъ вечеромъ, пѣшкомъ, нарочно безъ фонаря; городовой остановилъ его и спросилъ „почему у него нѣтъ фонаря?“

Горбуновъ отвѣчалъ, „что не зналъ обязательства имѣть оный“.

— Если такъ, то идемъ до козы (въ участокъ).

Горбуновъ повиновался. Дорогою они разговорились. Видя добродушіе Горбунова, городовой сказалъ:

— Иди, баринъ, себѣ домой, тебя не стоитъ вести до козы.

Горбуновъ сталъ требовать его вести въ участокъ. Городовой наотрѣзъ отказался, о чемъ Горбуновъ очень пожалѣлъ. И дѣйствительно жаль: побывай Горбуновъ въ участкѣ, онъ по всѣмъ вѣроятіямъ нашелъ бы еще матеріалъ для одного изъ своихъ многочисленныхъ разсказовъ.

Въ царскіе дни всѣ жители Варшавы обязаны были освѣщать свои дома. На каждомъ окнѣ зажигали по двѣ свѣчи, что̀ придавало улицамъ праздничный видъ. Магазины въ то время были довольно плохи, исключая башмачныхъ. Польки, также какъ и француженки, щеголяютъ обувью. Ножки у нихъ маленькія, обуты онѣ прекрасно. Я въ первый разъ видѣла высокіе дамскіе шнурованные кожаные башмаки, называемые тогда краковскими. По пріѣздѣ въ Варшаву, матушка купила такіе башмаки моей маленькой сестрѣ и мнѣ. Гуляя по улицамъ, мы останавливались поглядѣть на нашу обувь и полюбоваться ею.

Саксонскій садъ, находящійся посреди города, со своими вѣковыми каштановыми аллеями, былъ прекрасенъ, какъ и теперь. Каждая аллея имѣла свое названіе: аллея сенаторовъ, любви, вздоховъ и т. д. Садъ не былъ посѣщаемъ польской аристократіей, по ихъ понятіямъ ce n'était pas comme il faut d'y aller. По субботамъ садъ не былъ привлекателенъ, весь переполненный евреями, а воздухъ былъ невыносимъ. Кишмя кишѣло красивыми еврейскими дѣтьми. Съ четырехъ сторонъ сада были желѣзныя ворота, запиравшіяся на ночь. У нихъ днемъ стояли городовые и пускали только прилично, чисто одѣтую публику; оборванцевъ или съ тюкомъ или узломъ не допускали въ садъ. Желѣзная рѣшетка отдѣляла садъ отъ рынка, называемаго „Желѣзной Брамой". На этомъ рынкѣ торговали еврейки, сидя подъ большими темными зонтиками. Зимой онѣ приносили большіе чугунные горшки съ горячими углями и грѣлись около нихъ, даже садились на эти чугуны. Вдоль рынка, вокругъ евреевъ и евреекъ, торгующихъ разными фруктами, овощами, мясомъ и разными съѣстными припасами, тянулись небольшія суровскія лавки. Грязь, вонь, толкотня были на Желѣзной Брамѣ невообразимыя, а безъ этого рынка нельзя было обойтись. Въ пятницу закупалась провизія, въ субботу въ шабашъ ничего нельзя было достать. Вся торговля была въ рукахъ евреевъ. У каждаго пріѣзжаго русскаго былъ свой „факторъ". Этотъ фа̀кторъ еврей доставлялъ вамъ все, что угодно, для него ничего не было невозможнаго. Въ особенности въ губернскихъ городахъ не имѣть фактора было тогда немыслимо. Нашъ знакомый X., получивъ назначеніе въ одинъ изъ польскихъ губернскихъ городовъ, пожелалъ пристроить къ своему дому веранду. Былъ призванъ еврей, зани-

мавшійся этимъ дѣломъ, но онъ заломилъ такую цѣну, на которую было немыслимо согласиться. Послали за другимъ, третьимъ. Каждый изъ евреевъ подымалъ цѣну. Тогда Х. обратился къ своему фактору, и тотъ ему представилъ еврея, который за умѣренную цѣну смастерилъ желаемую веранду. Оказалось, что каждый пріѣзжій въ городъ тотчасъ же оцѣнивался кагаломъ (хазуки). Съ удивительной точностью узнавали семейное, денежное положеніе каждаго пріѣзжаго, и его кагалъ продавалъ одному изъ своихъ собратьевъ. Производилось это такъ ловко, что вы непремѣнно должны были обращаться къ вашему фактору, не подозрѣвая, что вы ему проданы, иначе съ васъ требовали вдвое, втрое дороже, такъ какъ никто другой не смѣлъ отъ васъ принимать какія-либо порученія или заказы.

Когда еврейка выходитъ замужъ, ей обязательно брѣютъ волосы, она носитъ парикъ. Бѣдныя, не имѣя возможности купить парика изъ волосъ, носили черный или коричневый изъ шелковой матеріи парикъ. Проборъ прошивался бѣлой ниткой. Такой головной уборъ уродовалъ самыя красивыя лица, а красивыхъ евреекъ много. Мужчины евреи носили долгополые сюртуки и были въ пейсахъ, что̀ теперь рѣдко встрѣчается въ Варшавѣ. По воскресеньямъ Саксонскій садъ посѣщала другая публика. То были поляки не аристократы, а мелкіе чиновники съ ихъ семьями, прикащики, лакеи, горничныя и т. д. Всѣ они были разодѣты, вели себя прилично, никогда не встрѣчался пьяный. Горничная или прачка была такъ же прекрасно одѣта, какъ и ея пани. Полька никогда не надѣнетъ на голову платокъ, у каждой обязательно есть „капелюшъ“ шляпа, а если не на что купить капелюшъ, она идетъ съ непокрытой головой „простоволосая“, какъ у насъ говорится. Для польки и для поляка обязательно быть разодѣтыми, когда они идутъ на „шпацыръ“. Въ будни и въ богатыхъ домахъ можно было однако встрѣтить неряшливо одѣтую, босую прислугу, какъ мужскую, такъ и женскую. Въ Варшавѣ существовали еврейскія лавки, гдѣ можно было получать мужское платье на нѣсколько часовъ и платить по часамъ, глядя по качеству платья, 30, 40, 50 копѣекъ. Нерѣдко—и это характерная польская черта,—вы встрѣчали въ Саксонскомъ саду элегантно одѣтаго молодого человѣка, не подозрѣвая, что онъ только что былъ въ лавкѣ у какого-нибудь Берлинерблау или Полирштока, гдѣ раздѣвъ его предварительно, ему надѣвали все новое, начиная съ элегантныхъ сапогъ до моднаго цилиндра,—къ жилеткѣ привѣшивали бронзовую часовую цѣпочку и въ руки давали тросточку. Онъ фертомъ шелъ на „шпацыръ“ въ Саксонскій садъ, гдѣ важно прогуливался, а по истеченіи звѣстнаго срока онъ возвращался въ лавочку къ Берлинерблау гдѣ снова происходила метаморфоза: его раздѣвали, и онъ снова

облачался въ свое старое платье. Русское общество посѣщало Саксонскій садъ, большею частью между часомъ и пятью. Въ то время русское общество въ Варшавѣ было не велико, всѣ другъ друга знали и жили дружно. Для насъ, дѣтей, гулять въ Саксонскомъ саду было большимъ удовольствіемъ. Мы тамъ встрѣчали нашихъ друзей, дѣтей графини Барановой, Гурко и многихъ другихъ. Ежедневно въ саду гулялъ комендантъ города, старикъ князь Бебутовъ. Онъ любилъ дѣтей, разговаривалъ съ нами. „Здравствуйте, дѣти, здравствуй, мадамъ", говорилъ онъ, встрѣчая насъ и обращаясь къ Амаліи Егоровнѣ. Моимъ братьямъ и другимъ знакомымъ мальчикамъ онъ предлагалъ бѣжать въ перегонки. Кто первый добѣжитъ до конца аллеи, получалъ фунтъ винограда отъ князя Бебутова. Съ шумомъ и крикомъ бѣжали мальчики, толкая прохожихъ, что̀ побудило моихъ родителей запретить братьямъ, къ великому ихъ огорченію, посѣщать Саксонскій садъ.

Князь Бебутовъ любилъ оригинальничать: гуляя по саду, заложивъ руки за спину, онъ часто что-то бормоталъ себѣ подъ носъ.

— Что съ вами, князь? Вы какъ будто не въ духѣ сегодня.— спрашивали его.

— Я сегодня важничаю,—отвѣчалъ онъ.

Встрѣчая офицера, отдававшаго ему честь, князь приговаривалъ: „козыряй, козыряй, стану я всякому кланяться". Князь былъ добръ, а потому его адъютантъ не обижался, когда, пригласивъ къ себѣ къ обѣду гостей, князь ему говорилъ:

— Ты, братъ, сегодня не обѣдай у меня, я пригласилъ приличную публику.

Князь былъ любитель балета, часто посѣщалъ его, былъ абонированъ. Его ложа была недалеко отъ сцены. Когда князь былъ вполнѣ доволенъ исполненіемъ замысловатыхъ па хорошенькой балерины, прозванной „жучкомъ", князь громко, не стѣсняясь, говорилъ: „хорошо, жучекъ, спасибо, жучекъ".

Время было тяжелое въ Варшавѣ. Вездѣ и всюду чувствовалась непріязнь. Мы были пришлые, недруги. Съ дѣтства полякамъ вселяютъ вражду къ русскимъ, и мы не разъ ее испытали. Мои братья носили русскія рубашки, а для гулянья надѣвали поддевки. Русское платье видимо не нравилось публикѣ, и два раза незнакомыя дѣти плевали на моихъ братьевъ. Не будь при этомъ гувернера моихъ братьевъ, произошла бы формальная драка. Братъ Юрій съ поднятыми кулаками бросался на своего врача. Разъ во время прогулки по Маршалковской улицѣ съ моимъ отцомъ и братьями, одна дѣ-

вочка, незамѣтно для меня, подошла и собиралась меня дернуть за косу. Мой отецъ успѣлъ ее отстранить.

Прислуга была у насъ русская, всѣ съ нами пріѣхали, исключая буфетнаго мужика, поляка, нанятаго въ Варшавѣ, и казака, исполнявшаго должность курьера. Этотъ казакъ былъ очень любимъ нами, дѣтьми, и я глубоко жалѣла, что милѣйшая Амалія Егоровна не позволяла мнѣ подолгу съ нимъ разговаривать, какъ это дѣлали мои братья. Казакъ имъ разсказывалъ о своей семьѣ, что во время повстанія онъ ничего не набралъ въ Польшѣ, въ дѣлѣ не былъ, а все въ городѣ при господахъ. „Вернусь домой, жена по щекамъ будетъ бить. Былъ на войнѣ и ничего не привезъ", жаловался онъ. Улучшишь бывало минутку, когда Амалія Егоровна не видитъ, и постоишь въ дѣвичьей, слушая разсказы казака, или какъ онъ уговариваетъ дѣвушекъ идти смотрѣть, какъ рано утромъ будутъ кого-то „вѣшать".

— Отчего самъ не идешь?—спрашиваетъ Настя.

— Не могу, отвѣчаетъ казакъ, все нутро переворачиваетъ.

— Хорошъ самъ, а еще казакъ, а насъ посылаешь, — презрительно отвѣчаетъ Настя.

Похолодѣвъ отъ ужаса, я бѣгу обратно въ дѣтскую. Казакъ исполнялъ всегда съ большой охотой наши дѣтскія порученія. Когда мы имѣли капиталъ въ 15 или 20 копѣекъ, мы его просили купить сливъ у еврейки, торговавшей на углу нашей улицы. Возвращаясь съ покупкой и передавъ ее намъ, казакъ вынималъ еще нѣсколько лишнихъ сливъ изъ обшлага своего рукава и поровну раздѣлялъ ихъ между нами, при чемъ хвасталъ, что онъ надулъ жидовку, опустивъ незамѣтно для нея нѣсколько сливъ въ свой рукавъ. Мы съ аппетитомъ ѣли сливы, восторгаясь ловкостью и удальствомъ казака.

Буфетный мужикъ Станиславъ, всегда угрюмый, неразговорчивый, безпрекословно исполнялъ свое дѣло. Его молодое, некрасивое лицо, съ мрачными глазами изъ-подъ нависшихъ бровей, было непривлекательно. Остальная прислуга сторонилась Станислава. Разъ утромъ, придя въ столовую пить чай, мои братья въ большомъ волненіи объявили, что приходила полиція и арестовала Станислава. За что, почему? спрашивали всѣ другъ друга. Мой отецъ сталъ наводить справки, и оказалось, что Станислава посадили въ цитадель, за участіе въ повстаніи; онъ былъ въ бандахъ, ходилъ до лясу. Его давно искала полиція, а онъ, имѣя фальшивый паспортъ чернорабочаго, поступилъ въ русскій домъ, предполагая, что никому въ голову не придетъ его искать у русскихъ. Онъ былъ дворянинъ, окончилъ Петербургскій университетъ. Мои братья стали вспоминать, что по утрамъ, когда Станиславъ приносилъ имъ воду для

умыванья, и они повторяли латинскіе вокабулы, буфетный мужикъ говорилъ латинскія слова, но они тогда не обратили на это вниманія. Мои братья стали находить въ своей комнатѣ на столѣ письма, написанныя печатными буквами, съ просьбой послать Станиславу въ цитадель чаю, сахару, папиросъ, что мои братья съ радостью исполняли. Черезъ посредство начальства цитадели, Станиславу было передано все, что онъ просилъ, но мы никогда не могли узнать, когда и кто приносилъ письма, кто ихъ клалъ на столъ въ комнатѣ братьевъ. Со временемъ письма стали рѣже и понемногу прекратились. Какая судьба постигла Станислава, куда онъ дѣлся, осталось тайной.

15-го ноября былъ вечеръ у Д. Матушка взяла меня на этотъ вечеръ. Дочь хозяйки дома, взрослая дѣвица, не обращала на меня вниманія. Мнѣ было скучно, хотя я и хотѣла себя увѣрить, что мнѣ очень весело со взрослыми. Хозяйка была взволнована, и ея волненіе невольно отражалось на гостяхъ. Самъ Д. обѣдалъ у князя Черкасскаго и долженъ былъ вернуться тотчасъ же послѣ обѣда, но онъ прислалъ сказать, что и вечеръ проведетъ у князя.

Въ ночь съ 15-го на 16-е должно было произойти внезапное, повсемѣстное закрытіе римско-католическихъ монастырей въ Польшѣ за участіе въ мятежѣ, за снабженіе деньгами революціоннаго правительства. Въ Варшавѣ должны были закрыть семь монастырей, въ томъ числѣ и Бернардинскій, гдѣ былъ найденъ типографическій станокъ и большое количество оружія. Нѣкоторые монастыри подлежали упраздненію съ постепеннымъ уменьшеніемъ числа монаховъ. Кто желалъ, могъ уѣхать за границу, получая деньги на проѣздъ, но безъ права возращенія на родину. Въ каждомъ монастырѣ оставалось два—три монаха для богослуженія и обученія въ семинаріи. Закрытіе монастырей произвело сильное впечатлѣніе на публику. Всѣмъ руководилъ князь Черкасскій. Энергичное исполненіе и тайна, съ которыми велось дѣло, поразили общество. Въ числѣ лицъ, назначенныхъ для исполненія этого важнаго дѣла, былъ и Д., въ домѣ котораго мы были на вечерѣ. Великое было удивленіе народа, когда 16-го ноября за ранней обѣдней вмѣсто нѣсколькихъ монаховъ служилъ всего одинъ. Вопль и плачъ огласили костелы, въ особенности негодовали женщины. Утромъ, идя на рынокъ, кухарки, горничныя обязательно заходятъ въ костелъ, хоть на нѣсколько минутъ. Многіе лежатъ на полу распростертыя „крижемъ“. Каждый чувствуетъ, понимаетъ, толкуетъ по-своему религію, ту таинственную силу или Бога, которая управляетъ нами. Часто простой народъ, въ особенности женщины, дѣйствуетъ безсознательно, покоряясь внушенію извѣстныхъ лицъ, извращающихъ религію съ поддержкой церкви. Въ одной рус-

ской семьѣ была кухарка, тихая, трудолюбивая женщина. Она обсчитывала своихъ господъ, и прислуга голодала, но денегъ кухарка не брала, она покупала мясо, варила супъ и относила его въ большихъ мискахъ на паперть костела нищимъ католикамъ, вполнѣ убѣжденная, что она прекрасно поступаетъ. Эта же кухарка постоянно носила вериги и по нѣсколько разъ въ день становилась на колѣни, глядя на часы, провѣряя себя, молится ли она число минутъ и часовъ ей назначенныхъ. Въ Т. губерніи богатая помѣщица О., гордая своимъ древнимъ дворянскимъ происхожденіемъ, ежедневно стоя на молитвѣ, заставляла свою компаньонку читать житіе святыхъ. Она умилялась, слушая чтеніе о мученической кончинѣ знатныхъ святыхъ. Жизнь и кончина царицы Александры, Св. Георгія ее глубоко трогали. Она вѣрила легендѣ, что царица Александра была неравнодушна къ храброму и красивому юношѣ-воину, имѣвшему почетное положеніе при дворѣ императора Діоклетіана. Кто знаетъ, можетъ быть, въ тайникахъ своей души, помѣщица вспоминала свою молодость, свое увлеченіе въ былое время какимъ-нибудь бравымъ, знатнымъ гвардейцемъ, и тѣмъ съ большимъ усердіемъ клала земные поклоны. Но чтеніе о подвигахъ святыхъ, напримѣръ Конона Градаря, 5-го марта, Фрола и Лавра, 18-го августа,—помѣщица слушала разсѣянно, безъ умиленія и особеннаго усердія: то были люди простые, незнатнаго происхожденія. Кононъ Градарь огородникъ; Фролъ и Лавръ ремесленники, каменщики —ихъ подвигами не стоило, по ея соображенію, умиляться, и компаньонка обязана была за помѣщицу класть земные поклоны.

17-го ноября, насъ, дѣтей, не пустили идти гулять, боялись уличныхъ безпорядковъ въ Варшавѣ, по случаю закрытія монастырей. Войска стояли наготовѣ, однако все было тихо, безпорядковъ не было.

Центромъ, гдѣ собиралось русское общество, былъ домъ князя Черкасскаго. Княгиня принимала каждый вечеръ. Черкасскіе были бездѣтны и всю свою любовь перенесли на семью сестры княгини, графини Барановой, вдовы бывшаго тверского губернатора, графа Павла Баранова.

Семья Барановыхъ была многочисленна,—семь человѣкъ дѣтей—что оживляло большую квартиру Мостовскаго палаца, занимаемаго Черкасскимъ, министромъ внутреннихъ дѣлъ въ Царствѣ Польскомъ. Часто бывали дѣтскія сборища, играли въ разныя игры, было очень весело, и мы очень любили бывать у Черкасскихъ. Всегда занятый, серьезный, князь прояснялся, глядя на веселыя, шумныя дѣтскія игры. Онъ ласково шутилъ съ дѣтьми, не было того остраго, проницательнаго взгляда, съ которымъ онъ любилъ подсмѣиваться и

поддразнивать людей, ублажавшихъ себя высокомѣріемъ и самодовольствомъ. Его боялись. За проведеніе монастырской реформы его называли въ Варшавѣ „le pape noir". Князь всецѣло отдавался дѣлу, не допуская полумѣръ. Много толковъ возбудило въ то время загадочное убійство жандармскаго офицера въ имѣніи графини Потоцкой, Виллянова, въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Варшавы. Постановленіе 1864 года налагало штрафъ на помѣщика, на землѣ котораго произошло политическое убійство. Графиня Потоцкая должна была уплатить штрафъ въ 12.000 рублей, но она заявила, что въ виду мятежа не получаетъ доходовъ, уплатить денегъ не можетъ и просила взять годовой вексель, что было принято правительствомъ, но графиня хотѣла доказать, что ея дѣла въ весьма плохомъ положеніи и выставила для продажи свое фамильное серебро, заключавшееся въ разныхъ крупныхъ вещахъ, ковшахъ, кубкахъ и т. д. На каждой вещи была обозначена цѣна. Серебро было выставлено въ Варшавѣ на главной улицѣ въ магазинѣ, въ домѣ Бейера, на углу улицы Крулевской и Краковскаго предмѣстья. Князь Черкасскій не вѣрилъ въ дѣйствительную продажу этихъ вещей. Проходя однажды мимо дома Бейера, онъ зашелъ въ магазинъ, и, выбравъ одну вещь, гдѣ была выставлена цѣна въ 300 рублей, заявилъ, что онъ ее покупаетъ. Князя знали въ Варшавѣ, ювелиръ его узналъ, сконфузился и отвѣчалъ, что не можетъ отдать вещь, не получивъ на то согласія графини Потоцкой, которой въ то время не было въ городѣ. Черкасскій былъ правъ, не вѣря въ эту продажу. Графиня Потоцкая, какъ выше сказано, выдала вексель, въ надеждѣ, что этотъ штрафъ будетъ сложенъ, и дѣйствительно, въ виду ея ходатайства у лицъ высокопоставленныхъ, между прочимъ у графа Берга, покровительствовавшаго польской знати, предполагалось сложить штрафъ. Князь Черкасскій очень хорошо зналъ, что графиня Потоцкая не только не принимала никакихъ мѣръ противъ политическихъ преступленій, а скорѣе поощряла ихъ. Какъ министръ внутреннихъ дѣлъ, князь Черкасскій, за шесть мѣсяцевъ до срока платежа, велѣлъ продать этотъ вексель одному еврею съ уступкой пятисотъ рублей. Ужасъ графини и всѣхъ хлопотавшихъ за нее былъ великъ. Князь велѣлъ продать вексель подъ предлогомъ пополненія кассы, составляемой изъ штрафовъ.

Я же помню князя всегда ласковымъ, веселымъ. Играя разъ въ залѣ, мы, дѣти, съ разбѣга открыли дверь и всей ватагой съ шумомъ ворвались въ сосѣднюю комнату, гдѣ за длиннымъ столомъ, подъ предсѣдательствомъ князя, засѣдало многочисленное собраніе. Цѣпляясь за стулья сидящихъ у стола, мы обѣжали кругомъ комнаты и снова выбѣжали въ залу. Князь вышелъ за нами и спо-

койно обратился къ своей женѣ, попросивъ ее насъ не бранить и не наказывать. Вернувшись въ комнату, гдѣ происходило засѣданіе, князь притворилъ за собой дверь, было слышно, какъ щелкнулъ замокъ. Мы поняли неумѣстность нашей выходки и сконфуженно присмирѣли.

Въ Польшѣ большой интересъ представляетъ Ченстоховскій монастырь, куда тысячами стекаются богомольцы на поклоненіе чтимой чудотворной иконѣ Ченстоховской Божіей Матери. Князь Черкасскій пожелалъ частнымъ образомъ осмотрѣть монастырь и предложилъ моему отцу съ нимъ поѣхать. Мой отецъ, не бывавшій въ Ченстоховѣ, съ удовольствіемъ согласился на эту поѣздку. Доѣхавъ по желѣзной дорогѣ до Ченстохова, гдѣ ихъ ждалъ губернаторъ Кохановъ и уѣздный начальникъ, они въ двухъ колясках поѣхали въ монастырь, находящійся близъ Петрокова. У главной церкви ихъ встрѣтилъ пріоръ (архимандритъ). Князь Черкасскій заговорилъ съ нимъ по-русски, но пріоръ отвѣчалъ знаками „что не понимаетъ“. Князь заговорилъ по-французски, по-нѣмецки, отвѣтъ былъ все тотъ же—непониманіе. Тогда Черкасскій обратился къ пріору по-латыни, и они долго бесѣдовали.

Чудотворный образъ Божіей Матери, славянскаго письма, находится въ особой церкви. Войдя въ оную, они увидѣли двухъ монаховъ, читавшихъ про себя молитвы; нѣсколько человѣкъ лежало кшижемъ на полу. За моимъ отцомъ и Черкасскимъ, исключая губернатора Коханова и уѣзднаго начальника, взошло еще человѣкъ десять народа. Осѣнивъ себя крестнымъ знаменемъ, они ждали, пока монахи прочли молитву, послѣ которой дозволялось открыть образъ. Икона помѣщалась высоко надъ алтаремъ. Одинъ монахъ потянулъ снурокъ; медленно сталъ подыматься щитъ, закрывавшій ликъ Божіей Матери. При видѣ иконы народъ радостными криками огласилъ костелъ. По прошествіи двухъ—трехъ минутъ, образъ снова былъ закрытъ. Тотчасъ же поднялся плачъ и вопль отчаянія. Осмотрѣвъ кельи, путешественники поѣхали въ русскій клубъ. Губернаторъ Кохановъ хвасталъ, что поляки, изъ мелкихъ чиновниковъ, посѣщаютъ оный. При зданіи клуба былъ небольшой садъ съ лужайкой, посреди которой возвышался деревянный столбикъ, гдѣ стояла клѣтка съ ученымъ скворцомъ. Скворецъ весело что-то насвистывалъ. Огибая дорожку близъ лужайки, мой отецъ замѣтилъ, что одинъ изъ чиновниковъ, полякъ, шедшій за ними, взявъ горсть песку, бросилъ ее въ скворца. Скворецъ замолкъ, нагнувъ голову, и съ любопытствомъ осматривалъ проходящихъ, затѣмъ онъ снова весело засвисталъ. Снова полетѣла въ него горсть песку.

— Чѣмъ имъ мѣшаетъ своимъ пѣніемъ скворецъ?—спросилъ мой отецъ Коханова. Да вы прислушайтесь къ его пѣнію,—отвѣчалъ Кохановъ.

— Еще Польша не сгинѣла—насвистывалъ весело скворецъ.

На возвратномъ пути мой отецъ и Черкасскій смѣялись, вспоминая, какъ чиновникъ старался заставить замолчать скворца; тутъ же отецъ замѣтилъ Черкасскому, что онъ не ожидалъ, что онъ такъ хорошо изъясняется по-латыни. Но князь отвѣчалъ: — Не могу похвастать знаніемъ латинскаго языка, да и каналья пріоръ тоже скверно говоритъ; по всѣмъ вѣроятіямъ, пріоръ далъ зарокъ не говорить со мною, однако онъ не могъ притвориться, что латынь ему непонятна. Чортъ знаетъ, какую мы несли съ нимъ ахинею.

Во время повстанія 1863 года тяжело жилось всѣмъ въ Польшѣ. Война притупляетъ разумъ,—факты, возмущавшіе людей въ обыденное тихое время, во время войны принимаются за обыкновенное явленіе. Когда революціонная партія красныхъ взяла верхъ, былъ изданъ указъ, возвѣщавшій въ прокламаціяхъ отмѣну баловъ, театровъ и запрещеніе жениться подъ угрозой смертной казни. Прокламаціи печатались въ Познанскихъ и Краковскихъ газетахъ, прикладывалась печать народоваго жонда. Часто эти указы нарушались. Такъ помѣщикъ Варшавской губерніи, молодой Х., тайно повѣнчался въ Варшавѣ. Молодые рѣшили уѣхать за границу, предварительно заѣхавъ въ свое имѣніе, въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Варшавы, куда они отправились на лошадяхъ въ элегантной каретѣ. Въ тиши надвигавшейся ночи,—счастливые, довольные въѣзжали они въ свою усадьбу, когда внезапно со всѣхъ сторонъ ихъ окружили вооруженные повстанцы.

Народовый жондъ былъ предупрежденъ, что Х. только-что повѣнчался. Довудца поспѣшилъ прибыть въ усадьбу до пріѣзда молодыхъ. Повстанцы объявили Х., что его тутъ же повѣсятъ, а пока не послѣдуетъ на то распоряженіе начальника банды, было приказано оставаться молодымъ въ каретѣ. Лошади были отпряжены, у кареты поставлена стража. Въ усадьбѣ царило смятеніе. Повстанцы требовали угощенія, изъ погреба носили вино. Окна въ домѣ были ярко освѣщены. Громко раздавалось пѣніе и говоръ кутящихъ. Стража, охранявшая молодыхъ, злобно поглядывала въ окно кареты: ее злило, что она не принимала участія въ весельѣ, происходившемъ въ домѣ. Ночь была тихая, теплая. Пирамидальные тополя, озаренные серебристымъ свѣтомъ луны, длинными тѣнями ложились вдоль дороги. Полный мира и тишины небосклонъ, усѣянный тысячами мерцающихъ звѣздъ, величаво красовался надъ ку-

полами деревьевъ усадьбы, гдѣ происходилъ полнѣйшій разгулъ.

X. какъ будто замеръ, онъ молча держалъ похолодѣвшую отъ ужаса руку своей молодой красавицы-жены. Въ его душѣ царило неопредѣленное томительное настроеніе. Неужели все кончено? Неужели смерть, конецъ жизни, счастья, думалъ онъ . . . .

. . . .

Внезапный выстрѣлъ раздался невдалекѣ, пуля прошуршала въ листьяхъ деревьевъ. Послышался конскій топотъ, сперва неясно, потомъ все ближе и ближе. Начальникъ дивизіи, генералъ Меллеръ-Закомельскій, шелъ на полныхъ рысяхъ. Онъ уже давно преслѣдовалъ довудца съ его бандой, но до сихъ поръ повстанцы ускользали, не давались ему.

Началась пальба, стража, приставленная у кареты, разбѣжалась, огни погасли въ домѣ; слышна была отчаянная ружейная трескотня. Много было убито, много раненыхъ, остальные повстанцы бѣжали, въ томъ числѣ и довудца. Читатель можетъ быть спроситъ, что сталось съ молодыми X. Они были спасены. „Les peuples heureux n'ont pas d'histoire“.

Въ Варшавѣ много еще толковали о жандармскомъ офицерѣ, служившемъ въ Плоцкѣ. Человѣкъ онъ былъ тихій, порядочный, пользовался уваженіемъ. Женатъ былъ на полькѣ, обожалъ ее. Жили они, что говорится, душа въ душу. Но и жизнь человѣческая, какъ и самое прекрасное лѣто, не обходится безъ облачныхъ дней, а иногда случается, что въ ясную погоду внезапно налетитъ буря, все поломаетъ на своемъ пути и безвозвратно унесетъ счастье, казавшееся столь прочнымъ. Стала замѣчать жена, что ея мужъ задумчивъ, чѣмъ-то озабоченъ. На всѣ ея разспросы, онъ отвѣчалъ уклончиво. Жена не унималась и приставала „скажи, да скажи, что съ тобой“? Послѣ долгаго колебанія онъ признался, что получилъ предписаніе произвести обыскъ въ имѣніи ея сестры, замужемъ за польскимъ помѣщикомъ въ Плоцкой же губерніи, что онъ не рѣшается приступать къ исполненію этого дѣла и со дня на день его откладываетъ. Жена старалась его успокоить, а съ наступленіемъ ночи, не сказавъ мужу, отправила гонца съ письмомъ къ сестрѣ, предупреждая, что у нихъ будетъ обыскъ. Это извѣстіе ничуть не встревожило помѣщика. — Пускай придутъ, говорилъ онъ, антиправительственнаго у меня ничего нѣтъ, ни оружія, ни пороха, ни прокламацій, чего же мнѣ бояться. Своими разсужденіями онъ успокоилъ жену. Но къ вечеру того же дня у него закралась мысль, если даже ничего не найдутъ, то могутъ его арестовать, посадить въ тюрьму; возможно, что тамъ его забудутъ

и онъ згинетъ ни за что, ни про что. Воображеніе рисовало ему самыя мрачныя картины, и онъ рѣшилъ бѣжать, бѣжать какъ можно скорѣй, пробраться черезъ границу въ Пруссію. Простившись наскоро съ женой, дѣтьми, захвативъ деньги, какъ только стемнѣло, никѣмъ незамѣченный, онъ черезъ садъ вышелъ изъ усадьбы. Мѣстность была ему знакома. Ночь была темная, безлунная; онъ шелъ лѣсомъ, по направленію къ Пруссіи. Погруженный въ свои думы, онъ не слыхалъ, что кто-то его догоняетъ, поспѣшныхъ шаговъ; его окликнули по-польски.—Кто ты такой, куда идешь? Два вооруженныхъ человѣка его схватили.—Кто тебя знаетъ, правду ли ты сказалъ, идемъ съ нами, говорили они, выслушавъ его. Онъ не могъ отдать себѣ отчета, сколько времени они шли по лѣсной чащѣ, пока его не привели къ начальнику банды повстанцевъ, скрывавшейся въ лѣсу. При слабомъ свѣтѣ фонаря довудца снова его допрашивалъ. Узнавъ, что въ имѣніи помѣщика долженъ прибыть для обыска жандармскій офицеръ, что самъ помѣщикъ пробирается къ Прусской границѣ, довудца велѣлъ его накормить и объявилъ, что вся банда также направляется къ границѣ, что у нихъ остановка въ лѣсу для отдыха, а съ разсвѣтомъ они отправятся въ дальнѣйшій путь и посовѣтовалъ помѣщику прилечь и также отдохнуть. При мерцавшемъ свѣтѣ догоравшихъ костровъ, помѣщикъ могъ разглядѣть, что всѣ повстанцы утомлены, лица измучены. Не прошло и четверти часа, всѣ вокругъ него крѣпко спали, лежа въ травѣ, подъ деревьями. Но сонъ не смыкалъ его глазъ, онъ думалъ о женѣ, о дѣтяхъ, упрекалъ себя, что ушелъ, оставилъ семью. Безпокойство охватило его все больше и больше и недолго думая осторожно, безшумно отправился онъ въ обратный путь. Солнце высоко стояло на небѣ, когда онъ издали увидѣлъ среди зелени сада рѣзко выдѣлявшуюся высокую череничную крышу своего дома. Сердце радостно забилось, онъ радовался своему возвращенію. Все было тихо, спокойно въ усадьбѣ. На разспросы, пріѣзжалъ ли жандармскій офицеръ, былъ ли обыскъ, жена отвѣчала, что никого не было, вѣстей изъ города она не получала, шуринъ его не пріѣзжалъ. По всѣмъ вѣроятіямъ это было недоразумѣніе, пустая тревога, говорила она. Они успокоились, жизнь потекла прежнимъ порядкомъ. Такъ прошло два дня, когда пронесся слухъ, что недалеко отъ усадьбы, въ канавѣ, близъ дороги найдено тѣло убитаго военнаго. Тяжелое предчувствіе защемило сердце помѣщика. Онъ поспѣшилъ на мѣсто происшествія. Убитый былъ нито иной, какъ его шуринъ. Въ то время, когда помѣщика угощали въ лѣсу повстанцы, довудца отдалъ приказъ немедленно отправить людей по направленію къ усадьбѣ, ждать про-

ѣзда жандармскаго офицера и тутъ же съ нимъ покончить. Его приказаніе было въ точности исполнено. Впослѣдствіи выяснилось, что начальство не давало приказанія жандармскому офицеру дѣлать обыскъ у помѣщика. Кто прислалъ бумагу для выполненія этого дѣла, осталось тайной не разъясненной. Что передумалъ, перечувствовалъ, что душевно перестрадалъ помѣщикъ—одному Богу извѣстно...

Въ 1864 году моему отцу, какъ предсѣдателю крестьянской коммиссіи, приходилось разъѣзжать по деревнямъ Царства Польскаго, по дѣлу преобразованія поземельныхъ отношеній помѣщиковъ и крестьянъ. Отецъ ѣздилъ въ коляскѣ съ конвоемъ казаковъ, человѣкъ въ тридцать, такъ какъ въ лѣсахъ бродили еще остатки повстанскихъ бандъ. Дороги въ Польшѣ прекрасныя, лѣса не были еще вырублены, ѣхать было пріятно лѣсомъ въ жаркое лѣтнее время. Множество дичи порхало по деревьямъ. Заяцъ перебѣгалъ дорогу, иногда появлялась граціозная дикая коза и мгновенно исчезала снова въ густой чащѣ лѣса. Помѣщики встрѣчали отца предупредительно и любезно, за то ихъ жены держали себя надменно и гордо. Крестьяне вели себя весьма развязно при переговорахъ съ ними помѣщиковъ, спорили, не соглашаясь на предложенныя условія, и тотчасъ же послѣ переговоровъ съ подобострастіемъ цѣловали руки помѣщиковъ. Пріѣхавъ въ имѣніе къ помѣщику X., отецъ былъ встрѣченъ весьма любезно. Его же красивая жена и еще болѣе красивая свояченица Изабелла держались гордо, изрѣдка бросая молніеносные взоры на пріѣзжихъ „кацаповъ". Вечеромъ, когда всѣ разошлись по своимъ комнатамъ, коммиссаръ Баумгартенъ изъ военныхъ пришелъ въ комнату къ отцу и разсказывалъ, какъ много воспоминаній у него связано съ имѣніемъ X. Въ 1863 г. Баумгартенъ былъ посланъ съ отрядомъ казаковъ за однимъ извѣстнымъ начальникомъ банды. Баумгартену дали знать, что довудца находится въ имѣніи X.— Отрядъ казаковъ окружилъ усадьбу. Домъ оказался пустымъ, никого изъ хозяевъ не было, оставалась одна прислуга. Дѣло было вечеромъ, ставни были притворены. Осмотрѣвъ и перешаривъ весь домъ, Баумгартенъ уже отчаявался найти довудца, когда къ нему подошелъ одинъ изъ казаковъ и сказалъ, что довудца въ домѣ, въ такой-то комнатѣ и лежитъ подъ сложенными тюфяками.—Ваше благородіе, я посмотрѣлъ въ скважину одной ставни, откуда виденъ свѣтъ горѣвшей лампы, говорилъ казакъ. Въ комнатѣ навалено множество тюфяковъ, и подъ ними спрятался начальникъ банды. Вернулись въ домъ, разобрали тюфяки и подъ ними нашли довудцу,

лежавшаго близъ стѣны. Надо было удивляться, что онъ не задохся подъ тяжестью тюфяковъ. Высокій, стройный, красивый, довудца молча послѣдовалъ за Баумгартеномъ. Обыскавъ его, нашли въ его карманахъ крупную сумму денегъ, болѣе десяти тысячъ рублей. Баумгартенъ въ своемъ присутствіи приказалъ счесть деньги и возвратилъ ихъ довуддѣ. Посадили его на фургонъ, окруженный казаками, и пустились въ обратный путь въ Варшаву. На станціи желѣзной дороги ихъ встрѣтилъ помѣщикъ X., его жена и свояченица. Жена X. тотчасъ же подошла къ Баумгартену съ просьбою позволить ея сестрѣ Изабеллѣ наединѣ поговорить съ довудцею.
— Позвольте, говорила она, моя сестра его невѣста, смилуйтесь, позвольте имъ проститься въ бесѣдкѣ.

Близъ станціи, въ маленькомъ садикѣ, была бесѣдка, вся заросшая дикимъ виноградомъ, окружавшимъ бесѣдку густой зеленой стѣной. Въ эту бесѣдку вошла красавица Изабелла, за ней довудца. Баумгартенъ имъ далъ десять минутъ времени на прощаніе. Вокругъ бесѣдки стояла стража изъ казаковъ. Послѣ прощанія довудца ввели въ вагонъ. По пріѣздѣ въ Варшаву, Баумгартенъ тотчасъ же поѣхалъ къ барону Корфу, главному военному начальнику, съ рапортомъ, что онъ исполнилъ порученіе, привезъ довудца, что при немъ большая сумма денегъ. Баронъ Корфъ былъ очень доволенъ, что довудца взятъ, приказалъ отобрать у него деньги. Арестованнымъ повстанцамъ запрещалось имѣть при себѣ деньги. Однако денегъ не оказалось; довудца объявилъ, что у него никакихъ денегъ не было. Тутъ Баумгартенъ понялъ свою оплошность. Дозволивъ красавицѣ Изабеллѣ прощаться съ своимъ женихомъ въ бесѣдкѣ, онъ далъ ей возможность взять деньги. Тѣмъ болѣе было досадно, что слухи ходили, что Изабелла не была невѣстой довудца, а онъ „романсировалъ“ съ ея замужней сестрой.

По воскресеньямъ мы иногда ѣздили къ обѣднѣ въ бывшій королевскій замокъ, гдѣ жилъ намѣстникъ графъ Бергъ. Надо было пройти анфиладу красивыхъ залъ до церкви, гдѣ по лѣвую сторону алтаря, на разостланномъ коврѣ, стоялъ графъ Бергъ. Онъ былъ лютеранинъ, но посѣщалъ русскую церковь. Онъ стоялъ не шевелясь съ закрытыми глазами. Многіе увѣряли, что онъ спалъ во время церковной службы. Однако каждый разъ, что отворялись царскія врата, графъ опускался на одно колѣно, наклонялъ голову, приложивъ свое бѣлое кэпи ко лбу. По окончаніи обѣдни всѣ бывшіе въ церкви собирались въ сосѣднемъ залѣ, и намѣстникъ любезно разговаривалъ на французскомъ языкѣ съ присутствующими. По-русски онъ зналъ плохо, за то говорилъ и писалъ въ совершен-

ствѣ на нѣсколькихъ иностранныхъ языкахъ. Присутствуя какъ-то на маневрахъ и неосторожно ставъ слишкомъ близко отъ того мѣста, гдѣ должны были проходить войска во время атаки, графъ Бергъ былъ сброшенъ съ сѣдла лошадью наѣхавшаго на него на полномъ ходу нижняго чина. Графъ при паденіи ушибъ себѣ ногу, ему пришлось пролежать нѣкоторое время. Онъ писалъ Императору Александру II, не составляя предварительно черновика. Сожалѣю, что помню только начало письма, о которомъ тогда много толковали.—Sire, enveloppé d'un peloton de cavalerie ennemie, je fus jeté par terre...

Намѣстникъ весьма ловко лавировалъ въ своихъ отношеніяхъ, какъ съ русскими, такъ и съ поляками. У него былъ свой особый взглядъ на вещи; слушая однажды разговоръ, гдѣ приводили русскую пословицу „не плюй въ колодецъ, придется испить", графъ замѣтилъ: „и плюй и испей".

Намѣстникъ ѣздилъ по Варшавѣ окруженный конвоемъ линейныхъ казаковъ, чтб придавало большую торжественность его выѣздамъ, но графъ Коцебу, назначенный генералъ-губернаторомъ послѣ графа Берга, ѣздилъ безъ конвоя. Послѣ удаленія съ политическаго поприща Ник. Алекс. Милютина и отъѣзда князя Черкасскаго и его друзей и сотрудниковъ изъ Варшавы, руководство дѣлами сосредоточилось въ рукахъ намѣстника Берга.

Когда настала весна 1865 года, было рѣшено, что мы не поѣдемъ въ деревню, а проведемъ лѣто за границей, близъ Дрездена, въ Блазевицъ, гдѣ была взята для насъ дача. Предполагаемая поѣздка за границу насъ, дѣтей, очень занимала.

Въ то время между Блазевицъ и Дрезденомъ были поля, лѣсъ, теперь они не существуютъ. Блазевицъ—продолженіе города, пространство, занимаемое когда-то полями и лѣсомъ, застроено прелестными дачами. Мы занимали дачу, окруженную красивымъ тѣнистымъ садо́мъ. Все было просто, какъ-то наивно. На искосокъ отъ нашего дома, черезъ улицу, была булочная съ вывѣскою „Potz und Blitz, das ist ja der Bäcker von Blasewizt".

Въ праздничные дни, музыка играла въ Шиллерсъ-гартенѣ, не большомъ садикѣ, посѣщаемомъ въ былое время великимъ поэтомъ Шиллеромъ. Моста черезъ Эльбу тогда еще не было, мы на паромѣ переѣзжали въ Лошвицъ,—любимая наша прогулка. Заходили въ домикъ, гдѣ жилъ Шиллеръ, гдѣ онъ написалъ многія свои произведенія. Домикъ весьма скромный, маленькій, чистенькій. На столѣ лежала книга, гдѣ посѣтителей просили записать свои имена. Братъ Юрій тотчасъ же написалъ:

„На послѣднемъ семъ листочкѣ
Напишу четыре сточки,
Въ знакъ почтенія моего,
Вы не вырвите его“. . . . .

Потомъ Юрій, открывъ окно, крикнулъ проходящимъ нѣмцамъ „Ich bin der' vertorbene Schiller“. Нѣмцы пришли, разумѣется, въ негодованіе, стали браниться, а мы поспѣшили удалиться, во избѣжаніе скандала.

Мы предпринимали прогулки пѣшкомъ въ Саксонскую Швейцарію, прогулки были превеселыя, однако весьма скоро братья и я стали скучать по деревнѣ. Не было того простора, къ которому мы привыкли, намъ было тѣсно въ саду, окруженномъ большою каменною стѣною, саду, считавшимся большимъ въ Блазевицъ и казавшемся маленькимъ сравнительно съ нашимъ деревенскимъ паркомъ. Мы жили во второмъ этажѣ дачи, а хозяинъ дачи Р. со своей семьей занималъ нижній этажъ. Въ жаркіе дни выносили тюфякъ господина Р. на лужайку; передъ домомъ клали тюфякъ подъ дерево, и нашъ хозяинъ отдыхалъ, лежа на тюфякѣ, предварительно снявъ сюртукъ и жилетъ. Огромный его животъ мѣрно колыхался, раздавалось шумное сопѣніе; преспокойно входили и выходили мухи въ раскрытый ротъ, ничуть не безпокоя сонъ господина Р. Картина не была изящна, Юрій каждый разъ, проходя мимо, говорилъ по его адресу нѣсколько внушительныхъ словъ. Несмотря на просьбы моей матери, чтобы господинъ Р. выбралъ себѣ не столь видное мѣсто для отдыха, его жена отвѣчала,—что ея мужъ привыкъ спать на лужайкѣ, и измѣнить она ничего не можетъ. Мы стремились выйти изъ-за ограды сада, на просторъ въ поле. А тутъ бывало услышишь пѣніе жаворонка, на душѣ станетъ невыразимо грустно. Пѣніе жаворонка воскрешало въ памяти деревню, луга, синіе весной отъ незабудокъ, необозримыя поля, столь оживленныя въ страдную пору. Вспомнишь прогулки въ лѣсъ, въ жаркій лѣтній день, даже чудится жужжаніе пчелъ и мошекъ въ лѣсной чащѣ. Вспомнишь старый дубъ въ лѣсу, подъ раскидистыми вѣтвями котораго пили чай, жарили на сковородѣ только-что собранные грибы... Мысли меня уносили въ нашъ деревенскій домъ; я мысленно спускаюсь изъ дѣтской, внизъ по лѣстницѣ, заглядываю въ дѣвичью, съ отвращеніемъ смотрю на обязательно стоящія на подоконникѣ банки съ піявками, съ замираніемъ сердца бѣгу по корридору, стараясь не глядѣть по направленію страшнаго темнаго чулана, и съ облегченнымъ сердцемъ вбѣгаю въ залу. Мои мысли подолгу останавливаются въ гостиной, переполненной воспоминаніями дѣтства. Обои изображали карнавалъ въ Римѣ. Меня крайне занималъ направо

отъ дверей въ залу паяцъ, изображенный съ длиннѣйшими рукавами, а на противоположной стѣнѣ—скачки. Сколько разъ мы, дѣти, спорили, которая изъ лошадей придетъ первая къ столбу! Тутъ же въ гостиной стоялъ большой круглый столъ. Въ длинные осеннiе вечера мы сидѣли вокругъ стола. Наша гувернантка, бывшая у насъ въ домѣ болѣе сорока лѣтъ, милѣйшая Амалiя Егоровна вязала чулокъ, матушка читала намъ вслухъ. Свѣтъ, падавшiй изъ-подъ бѣлаго абажура лампы, освѣщалъ красивое лицо моей матери, наклоненное надъ журналомъ „Подснѣжникъ" или „Semaine des enfants". На дворѣ завывалъ вѣтеръ, шумѣлъ и гнулъ пушистыя вѣтви елокъ; капли дождя стучали по каменнымъ плитамъ террасы—въ гостиной было тепло, свѣтло, уютно, а въ дѣтской душѣ беззаботно счастливо.

Братъ Юрiй понималъ, что происходило въ моей душѣ, онъ также скучалъ по деревнѣ, но, замѣтивъ, что я начинаю моргать, дабы скрыть слезы, туманившiя мои глаза, при одномъ воспоминанiи о деревнѣ, Юрiй строго замѣчалъ:

— Нечего нюни распускать; терпи, вернемся въ деревню. Вернемся—но когда? и настанетъ ли еще это время? И не лучше ли не возвращаться туда, гдѣ было прежде хорошо? гдѣ не найдешь прежняго? Прощайте, дорогiя воспоминанiя.

„Тамъ стѣны, воздухъ—все прiятно;
Согрѣютъ, оживятъ, мнѣ отдохнуть дадутъ
Воспоминанiемъ объ томъ, что невозвратно".
(„Горе отъ ума" Грибоѣдова).

Наше пребыванiе за границей ознаменовалось прiѣздомъ въ Дрезденъ дяди моей матери, Дмитрiя Гавриловича Бибикова. Матушка рожденная Бибикова; ея мать, моя бабушка, Софiя Гавриловна, была также Бибикова, сестра извѣстнаго Дмитрiя Гавриловича, кiевскаго генералъ-губернатора, впослѣдствiи министра внутреннихъ дѣлъ. Матушка повезла моихъ двухъ братьевъ, мою маленькую сестру и меня къ Дмитрiю Гавриловичу.

Мы съ дѣтскимъ любопытствомъ на него глядѣли. Это былъ герой двѣнадцатаго года. Ему при Бородинѣ оторвало руку. Мы любили повторять разсказъ, слышанный нами о томъ, что когда у Дмитрiя Гавриловича была оторвана рука, онъ воскликнулъ:—Il me reste encore un bras pour défendre ma patrie.

Мы не сводили глазъ съ пустого рукава его лѣвой руки. Дмитрiй Гавриловичъ былъ красивый старикъ, съ живыми черными глазами. „De vrais yeux Bibicoff", слышала я часто. Дмитрiй Гавриловичъ жилъ тогда за границей на покоѣ. При вступленiи на престолъ Александра II, онъ оставилъ постъ министра внутреннихъ

дѣлъ, былъ назначенъ членомъ Государственнаго Совѣта, долженъ былъ получать большую пенсію; отъ всего онъ отказался, также и отъ званія генералъ-адъютанта.

То былъ баринъ въ полномъ смыслѣ слова. Бывши уже взрослой дѣвушкой, я въ первый разъ видѣла царя-освободителя Александра Второго, въ домѣ дочери Дмитрія Гавриловича, Софіи Дмитріевны, замужемъ за графомъ Дмитріемъ Андреевичемъ Толстымъ. Мы жили тогда въ Петербургѣ; я поѣхала съ моимъ отцомъ на балъ къ Толстымъ. Графъ Дмитрій Андреевичъ былъ тогда министромъ народнаго просвѣщенія и оберъ-прокуроромъ Синода. Подъѣзжая къ Литейной, отецъ мой говоритъ:—мы недавно въ Петербургѣ, ты мало кого знаешь, по всѣмъ вѣроятіямъ ты не будешь танцовать мазурку, я буду тебя ждать въ красной гостиной, и мы не останемся ужинать.

— Я не буду танцовать мазурку,—звучитъ у меня въ ушахъ,—къ чему было ждать этого бала, готовиться къ нему, надѣвать красивое, блѣдно-розовое тюлевое платье?—Каждая молодая дѣвушка понимаетъ, какъ печально остаться безъ мазурки.

Гостиныя, уже полны гостей, ждутъ пріѣзда Государя Александра II-го и императора австрійскаго Франца-Іосифа. Изъ залы доносятся звуки вальса. Кто-то меня приглашаетъ, и мы направляемся въ бальный залъ.

— Пригласятъ ли меня на мазурку или нѣтъ?—мысль, которая меня не покидаетъ, пока мы кружимся по залѣ. Второй, третій подходитъ, а о мазуркѣ ни слова. Вотъ Катюша Рихтеръ въ бѣломъ платьѣ, съ жизнерадостнымъ выраженіемъ на лицѣ проходитъ подъ руку съ гусаромъ. Теперь ей не до меня, она по всѣмъ вѣроятіямъ уже приглашена на мазурку. Меня не интересуетъ видѣть—императора Франца-Іосифа, напоминавшаго командира армейскаго полка; характерную фигуру Андраши въ голубомъ, какъ бы линючемъ, гусарскомъ мундирѣ; двоюроднаго брата моего отца, блестящаго Валуева, тогдашняго министра государственныхъ имуществъ. Валуевъ мнѣ былъ симпатиченъ, несмотря на его напыщенный слогъ, но въ данную минуту его изысканно французскій языкъ, его обращеніе ко мнѣ „Mademoiselle de Mengden“,—казались мнѣ неумѣстными.

Я танцую уже четвертую кадриль, а кавалера для мазурки нѣтъ и нѣтъ. Я вспоминаю слова, сказанныя мнѣ одной знакомой, за нѣсколько дней до бала, что она раздѣляетъ дѣвицъ на три категоріи: тѣ, которыя всегда танцуютъ, тѣ, которыя не всегда приглашены, и наконецъ тѣ, которыя никогда не приглашены. Видимо я принадлежу къ третьей категоріи. Мимо меня проходитъ какъ въ

калейдоскопѣ княгиня Л.—toujours accrochée au bras d'un ministre. Ея побаивались; если кто ей нуженъ, у нея есть просьба, дѣло, она такъ пристанетъ, что непремѣнно исполнятъ ея желанія. Вотъ княжна X.—она выѣзжаетъ уже нѣсколько лѣтъ, про нее говорятъ: „elle est ancienne, mais si un jeune homme lui fait la cour, cela le pose dans le monde“.

Вотъ счастливая мать многочисленной семьи съ умиленіемъ, долго, упорно глядитъ въ лорнетъ:—одна изъ ея дочерей танцуетъ въ первыхъ парахъ съ важною особою. Другая маменька шопотомъ распекаетъ свою дочь, танцующую съ юнымъ офицеромъ и отказавшую въ мазуркѣ кому-то важному. Дочь только-что изъ дѣтской, она еще не постигла китайской грамоты своей матери: танцовать, говорить съ тѣмъ, кто поважнѣй. Она недоумѣвая глядитъ на негодующее лицо матери и уходитъ со своимъ кавалеромъ напоминающимъ воробья, впервые выпорхнувшаго изъ гнѣзда.

Шумъ, суета, разговоры, музыка. Но вся эта толпа, какъ въ оперѣ, изображала только народъ и воиновъ. У дверей залы стоитъ Императоръ Александръ II, и взоры всѣхъ на него обращены. Всѣ и все къ нему стремится. Я гляжу на Государя, думаю о красной гостиной, куда я должна явиться, вспоминаю разсказъ В.— „На одномъ балу Государь во время мазурки сталъ за ея стуломъ“.

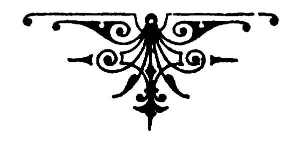
— Можетъ быть Государь ко мнѣ подойдетъ. Да, но В. красавица, а я—мнѣ страшно хочется посмотрѣться въ зеркало.—„Vous dansez la mazurka?“ Это обращеніе ко мнѣ. Я спасена. Аташе одного иностраннаго посольства, бѣлокурый молодой человѣкъ съ припомаженными волосами, напоминавшій собой барана изъ масла, котораго подаютъ на свѣтлый праздникъ, приглашаетъ меня на желаемый танецъ. Я благодарю судьбу за отсутствіе моихъ братьевъ на балу; какъ бы они посмѣялись, что у меня такой кавалеръ. Какой бы онъ ни былъ—я танцую мазурку. Издали я вижу огорченное, но покорное своей судьбѣ лицо моего отца.

„A vos dames“, прозвучалъ голосъ дирижера. Я никогда не брала уроковъ танцевъ и плохо танцовала. Въ общей мазуркѣ, когда одна пара идетъ за другой, не такъ замѣтно, кто дурно танцуетъ, но вотъ дирижеръ командуетъ тремъ парамъ „Les dames choisissent un cavalier, les messieurs une dame“. Мой припомаженный кавалеръ уходитъ за поисками дамы. Я гляжу по сторонамъ и не вижу никого знакомаго. Рѣшаюсь подойти къ одному гусару, сидящему недалеко отъ меня. Я вижу, что онъ удивленно на меня смотритъ, но все же онъ встаетъ, расшаркивается, и мы идемъ танцовать. Тутъ происходитъ что-то для меня ужасное: гусаръ ждетъ, пока всѣ танцующія пары садятся по мѣстамъ, потомъ ловко выкидываетъ

ногами удивительныя па, я бѣгу за нимъ, ничего не понимая, но надъ моимъ ухомъ раздается знакомый голосъ моей тетки Е. И. Татищевой: „Чучела, когда не умѣютъ танцовать мазурку, не выбираютъ перваго танцора". Она меня отстраняетъ, беретъ руку гусара, и я вижу мою красивую тетушку, въ палевомъ платьѣ плавно, гордо приподнявъ голову, скользящую по паркету, за гусаромъ, который, прищелкивая каблуками, откалываетъ такія па, о которыхъ я и понятія не имѣла. Тогда, тогда мнѣ казалось позорнымъ не умѣть танцовать мазурки и ужаснымъ, что я выбрала незнакомаго кавалера.

Какъ это давно было, и я ли это была...

Софія Менгденъ.

Къ исторіи Спасо-Каменнаго монастыря.

(XVII в.).

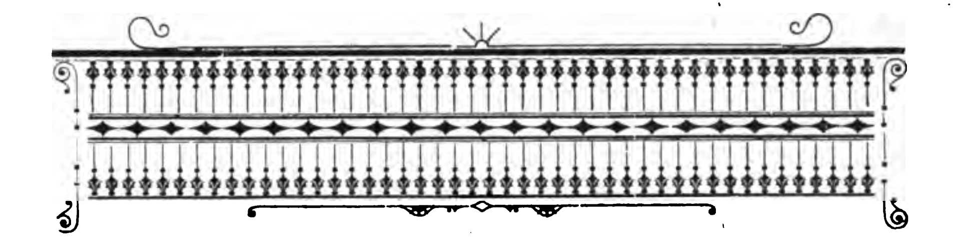
Государю Преосвященному Симону, архіепископу Вологодскому и Бѣлоозерскому бьютъ челомъ Всемилостиваго Спаса Каменного монастыря нищіе царскіе богомольцы и твои святительскіе—чернцы келарь старецъ Геронтей, казначей старецъ Исаія да соборные старцы: старецъ Игнатей, старецъ Иванъ, старецъ Паисѣя, старецъ Іовъ, старецъ Митрофанъ, старецъ Спиридонъ, старецъ Варсонофей, старецъ Симанъ, старецъ Васьянъ, старецъ Гаврило, старецъ Игнатей, старецъ Корнилей, старецъ Лаврентей, старецъ Аврамъ, да больнишная братія: старецъ Сергій, старецъ Ѳеофанъ, старецъ Тихонъ, старецъ Сергій и вся братія того Каменного монастыря. Жалоба намъ, государь, нищимъ твоимъ богомольцамъ на архимандрита Данила. Жилъ, государь, онъ архимандритъ Данилъ у насъ въ Каменномъ монастырѣ три годы и монастырь по твоему, государь, святительскому указу переписанъ былъ на него архимандрита, и владѣлъ онъ архимандритъ Данилъ всѣмъ монастыремъ одинъ и всякіе, государь, денежные приходы и расходы и книги приходные и росходные у себя въ кельѣ держалъ и въ московскіе и въ городовые поѣздки въ книги въ росходные онъ же писалъ безъ братцково совѣту и посельскихъ старцовъ и Тотомскаго Усолья книги у него же и изъ селъ, государь, всякой хлѣбъ, дружачи помѣщикомъ, на сѣмяна роздавалъ, а братія ничево тово не вѣдаетъ, въ томъ хлѣбѣ есть-ли заемныя памяти или нѣтъ,—то онъ, архимандритъ, въ казнѣ, вѣдаетъ, тѣхъ памятей нѣтъ. Да онъ же, архимандритъ, взялъ нашего старца съ Тотмы отъ соляного промыслу и отдалъ его головою къ Москвѣ брату своему, старцу Макарію, за то, что сынъ его Маркеловъ Мишка жилъ у нево, архимандрита, въ келейникахъ и держалъ его у себя и отдалъ брату же своему, старцу Макарью, и тотъ дѣтина Мишка отъ брата ево, старца Макарія, ушелъ и пойманъ былъ и седѣлъ въ Каменномъ монастырѣ на цыпѣ многое время, и сковавъ его Мишку онъ, архимандритъ, послалъ къ Москвѣ къ брату же своему Макарью Ѳерапонтова монастыря съ служкою съ Трошкою Сверловымъ, и тотъ, государь, нашъ старецъ Маркелъ и съ сыномъ невѣдомо живъ или нѣтъ да и лошадь. Да и лошадей, государь, изо всѣхъ селъ перевелъ онъ, архимандритъ; будучи на Москвѣ, коня

со всѣмъ, съ санми и съ полстью и съ медвѣдномъ рублевъ въ сорокъ потерялъ. Да нынѣ, государь, онъ, архимандритъ, во многое время келейника своего Гришку Рагозина для своего дѣла къ Москвѣ на коняхъ посылалъ въ три поѣздки, а денги давалъ на издержку казенные, и сколко давано, того мы не вѣдаемъ братія, а лошади даваны ему Гришкѣ санники добрые, и назадъ, государь, тѣ лошади не бывали. Да онъ же, архимандритъ, далъ келейнику своему Гришкѣ на домъ вкладную лошадь безденежно, а взята та лошадь за десять рублевъ, да онъ же Гришка испортилъ коня въ двадцать рублевъ. А какъ, государь, пріѣзжалъ по твоему святительскому указу твой сынъ боярской по него, архимандрита, къ намъ въ Каменной монастырь, и на поѣзде изъ монастыря онъ, архимандритъ, велѣлъ дьячку своему Ларкѣ Попову въ казенной кельѣ у казенной коробки замокъ сломить, а казнанія въ тое пору не было, а въ той, государь, коробкѣ были всякія монастырскія крѣпости. Да онъ же, архимандритъ, взялъ на насъ, богомольцовъ твоихъ, кабалу въ восмидесятъ рублехъ, хотѣлъ на Москвѣ дѣло вынять, что спорное земляное дѣло съ стольникомъ съ Васильемъ Панинымъ. И та, государь, кабала и денги у него, архимандрита, и съ Москвы, государь, о томъ стряпчей нашъ не пишетъ, куды денги сошли, а въ казнѣ, государь, и въ селахъ онъ, архимандритъ Даҥилъ, все опустошилъ. Милостивый Государь, Преосвященный Симонъ, архіепискупъ Вологотцкиі и Бѣлоѡзерскиі, пожалуй насъ нищихъ своихъ богомольцевъ: вели, государь, намъ богомольцамъ твоимъ съ нимъ, архимандритомъ, въ монастырской казнѣ и во всякихъ держахъ и въ крѣпостяхъ съ нимъ счетъ дать, чтобъ, государь, въ твоемъ святительскомъ богомольѣ та казна глухо не погибла, и намъ, богомольцамъ твоимъ, отъ тебя великого святителя въ наказаніи не быть, Государь, смилуйся.

Примѣчаніе. Внутренняя жизнь монастырей чрезвычайно мало извѣстна. Архимандритъ Спасо-Каменнаго монастыря Даніилъ, жалоба на котораго здѣсь приведена, упоминается въ 1670, 1671 и 1672 годахъ. (См. Описаніе Спасо-Каменнаго монастыря, что на Кубенскомъ озерѣ, сост. Н. Суворовымъ. Изд. 2. Вологда 1893, стр. 40).

Сообщилъ Н. Суворовъ.

Походъ во Францію 1814 г. [1]).

По (неизданнымъ) запискамъ прапорщика лейбъ-гвардіи Семеновскаго полка Ивана Михаиловича Казакова.

(Окончаніе).

Глава II.

Знакомство съ хирургомъ Дюпюитреномъ.—Понятія французовъ о русскихъ.—Ѳедоровъ русскій плѣнный на службѣ во французской гвардіи.—Вынужденное посѣщеніе венерической палаты въ госпиталѣ.—Молебствіе.—Отношенія парижанъ къ русскимъ офицерамъ и солдатамъ.—Кви-про-кво при объясненіяхъ солдатъ съ обывателями.—Въѣздъ Людовика XVIII.—Пале Рояль и рулетка.—Характеристика Дюпюитрена какъ человѣка.—Силомѣръ въ Тиволи.—Болѣзнь.—Прощаніе съ Дюпюитреномъ.—Выступленіе съ полкомъ изъ Парижа въ Шербургъ.—Фортель, выкинутый матросомъ.—Посадка баталіона на корабль „Память Св. Евстафія".—Игра въ шашки съ евреемъ.—Квасъ и черный хлѣбъ на кораблѣ.—Ламаншскій каналъ—Нѣмецкое море.—Мертвая зыбь.—Мель у береговъ Даніи.—Столкновеніе съ купеческимъ судномъ.—Зундъ и Балтійское море.—Мимо острова Борнгольма.—Возвращеніе.

20 марта вечеромъ нашъ полкъ помѣстили въ caserne la Pépiniere, изъ которой, простоявъ одни сутки, полкъ былъ переведенъ въ caserne Napoleon на берегу рѣки Сены противъ Тюильрійскаго сада, а офицерамъ розданы квартирные билеты. Мнѣ дали билетъ въ улицѣ Сентъ-Оноре у часового мастера. Взявъ фіакръ и со мною одного изъ своихъ людей, поѣхалъ къ часовому мастеру, но квартиру нашелъ неудобной. Мнѣ посовѣтовали ѣхать въ la mairie de St. Germain l'Auxerois. Войдя въ присутствіе, я представилъ выданный мнѣ billet de logement и объяснилъ, что у часового мастера нѣтъ мѣста, кромѣ мастерской; мнѣ тотчасъ выдали другой билетъ на квартированіе вблизи этой меріи у извѣстнаго доктора и хирурга monsieur Dupuytren. Домъ его былъ на набережной рѣки Сены, противъ Луврской колоннады. Жилъ онъ въ бель-этажѣ. Вхожу въ

[1]) См. „Русскую Старину" мартъ, 1908 г.

залу, выходитъ ко мнѣ человѣкъ лѣтъ подъ сорокъ, [1]) серіозный; спрашиваетъ меня: „Que me voulez-vous?“ [2]) я отдаю ему билетъ и говорю: Veuillez bien m'excuser, de vous déranger, monsieur [3]); взглянувъ на билетъ,—говоритъ отрывисто: „C'est bien, je vous reçois—entrez, vous aurez une chambre à part [4]),—ведетъ меня черезъ гостиную, черезъ свою спальню и говоритъ: „C'est ma femme,—а ей: Voilà notre locataire“ [5]).

Я рекомендуюсь, вижу, что жена его хорошенькая брюнетка, высокаго роста, съ прекрасной таліей и съ ней премиленькая лѣтъ шести дочка. Сталъ извиняться, что невольно ее безпокою, но г. Дюпюитренъ пресеріозно говоритъ: Monsieur, assez causer, veuillez me suivre pour vous montrer votre chambre [6]). Прошли еще комнату, вродѣ гардеробной и черезъ корридорчикъ,—l'antichambre, въ другую большую комнату въ три окна: среднее служитъ дверью на террасу, аршинъ семь въ квадратѣ, прямо противъ Луврской колоннады, лѣвымъ фасомъ выходящей на набережную, съ которой переброшенъ чугунный pont des arts, а съ третьей стороны виднѣлась большая caserne Napoleon, гдѣ стоялъ нашъ полкъ. Я былъ очень доволенъ и не зналъ, какъ благодарить его. Но какъ у меня еще было два человѣка и два вьюка съ вещами, которыхъ надо было также помѣстить, то я разсказалъ Дюпюитрену объ этомъ затрудненіи.—Это ничего не значитъ, сказалъ онъ, вотъ дверка на маленькую лѣстницу, которую я отопру, когда привезутъ ваши вещи. Я тѣмъ болѣе остался доволенъ такимъ распоряженіемъ, что полковой вагенбургъ, и всѣ офицерскія лошади съ лишними вещами будутъ находиться за городомъ въ Сенъ-Дени; и тогда же я распорядился—бывшаго со мной человѣка Фрола послалъ въ фіакрѣ привезти необходимыя вещи, а Якову съ остальными вещами и тремя лошадьми велѣлъ отправиться въ вагенбургъ. Поблагодаривъ еще разъ Дюпюитрена, я собрался уходить.—Куда же вы идете.—Я пойду обѣдать въ ресторанъ.—Нѣтъ, сказалъ онъ, вы мой постоялецъ и прошу васъ отобѣдать съ нами. Я не могъ отказаться. Тутъ онъ началъ меня разспрашивать: откуда я, какъ зовутъ меня, почему я говорю по-французски, дѣлалъ мнѣ настоящій допросъ; я долженъ былъ выска-

---

[1]) Родился въ 1777 году въ Pierre-Buffière—близъ Лиможа. *Пер. А. Б*

[2]) Что вамъ отъ меня угодно. *Пер. А. Б.*

[3]) Благоволите, М. Г., извинить меня за причиняемое вамъ безпокойство. *Пер. А. Б.*

[4]) Хорошо, я васъ принимаю, войдите, вы будете имѣть отдѣльную комнату.

[5]) Моя жена, а ей:—Вотъ нашъ постоялецъ. *Пер. А. Б.*

[6]) Довольно, сударь, бесѣдовать, благоволите слѣдовать за мной, чтобъ я вамъ показалъ вашу комнату. *Пер. А. Б.*

зать всю свою исторію съ малолѣтства: воспитаніе въ Пажескомъ корпусѣ, камерпажство при Императорѣ и всю свою подноготную, такъ что онъ показался мнѣ довольнымъ и сталъ даже ласковъ.

Французы вообще не имѣли никакого понятія о Россіи, они по невѣжеству считали ее страной дикой, варварской; ничто ихъ такъ не удивляло, какъ то, что много русскихъ говорили по-французски. Бывало идешь походомъ и, встрѣчая какого-либо жителя, спросишь его: combien y a t'il de lieues jusqu'à telle ou telle ville? [1]) Получишь въ отвѣтъ: combien de lieues? [2]) и показываетъ пальцами 2 или 3. Скажешь ему: mais mon ami—on vous parle, et vous repondez par signes.—Tiens! il parle français, celui-là [3]). Подобнаго рода куріозы случались и въ Парижѣ, такъ, напр., когда мы проходили черезъ городъ парадомъ, слышали, какъ французы говорили, что будто у всѣхъ насъ кирасы подъ мундирами, такъ ихъ удивляла выправка каждаго солдата, чтобъ выставить грудь впередъ; и когда приходилось останавливаться, чтобы взять взводную дистанцію, то растегивали мундиры, чтобы увѣрить ихъ въ отсутствіи кирасъ. Тутъ также часто раздавались восклицанія „Tiens! il parle français“ [4]). Въ Парижѣ, въ то время осталась только первая гвардейская дивизія, въ которой врядъ ли былъ тогда какой-либо офицеръ, не знавшій французскаго языка. И французы вообще отъ высшаго общества до крестьянъ—полюбили русскихъ. Французскіе солдаты были очень дружны съ русскими, но въ противоположность съ послѣдними – съ пруссаками и австрійцами были все на ножахъ.

Часть французской старой гвардіи также была въ Парижѣ, и въ одномъ домѣ со мной квартировали четыре гренадера, изъ которыхъ одинъ оказался русскимъ изъ Орловской губерніи, по фамиліи Ѳедоровъ, взятый въ плѣнъ подъ Аустерлицемъ, котораго въ плѣну принудили вступить во французскую гвардію на службу, и онъ совершенно офранцузился, женился и не захотѣлъ возвратиться въ Россію. Какъ этотъ Ѳедоровъ былъ тоже постояльцемъ Дюпюитрена, то онъ часто приходилъ бесѣдовать и поговорить съ моимъ человѣкомъ Фроломъ. Я нѣсколько разъ уговаривалъ его возвратиться въ Россію, но онъ отказывался. Нельзя было и его обвинять:—онъ былъ отданъ въ службу какъ сирота, не имѣя ни отца, ни матери, къ кому жъ онъ тамъ придетъ, а здѣсь онъ уже сжился; у него жена и дѣти:—ихъ, говорилъ онъ, онъ не можетъ покинуть; и при

---

[1]) Сколько лье отъ такого до такого города. *Пер. А. Б.*

[2]) Сколько лье? *Пер. А. Б.*

[3]) Но, другъ мой, васъ спрашиваютъ словами, а вы отвѣчаете—знаками — Глядь! этотъ никакъ говоритъ по-французски. *Пер. А. Б.*

[4]) Глядь! онъ говоритъ по-французски. *Пер. А. Б.*

этомъ прибавилъ:—„Жалованье хорошее; начальники мною довольны. Передъ походомъ въ Россію, меня полковникъ отправилъ въ кадры, чтобъ не драться мнѣ противъ своего отечества. Насъ было нѣсколько человѣкъ и всѣхъ изъ Варшавы отправили во Францію". Дюпюитренъ, заставъ меня разговаривающаго съ нимъ, сказалъ мнѣ: laissez le tranquille, mon cher,—vous devez connaître le proverbe: „ubi bene, ibi patria!" [1]) и разсказалъ мнѣ свою исторію: – онъ савояръ [2]), пришелъ пѣшкомъ въ Парижъ; поступилъ въ школу, сталъ учиться, дошелъ до степени доктора и не имѣетъ желанія возвратиться домой.

На другой день въ 7 часовъ утра, когда въ первый разъ послѣ бивуака я сладко спалъ на чистой, мягкой постели, слышу грозный приказъ: „Levez-vous!" слово хорошо мнѣ знакомое, такъ, что я вскочилъ, думая, что еще въ Пажескомъ корпусѣ, гдѣ ротный командиръ Ротмалеръ ежедневно будилъ насъ. Увидавъ своего хозяина, я опомнился и спросилъ: Qu'y a t'il? laissez-moi encore dormir;—j'ai sommeil. „Non, non, levez-vous, nous devons partir".—Où, et pourquoi?—„Vous le saurez; habilles-vous, le temps presse" [3])! Нечего было дѣлать – онъ такъ грозно и повелительно говорилъ, что я поспѣшно одѣлся. Мы вышли по маленькой лѣстницѣ изъ моей передней. Внизу стоялъ кабріолетъ; онъ сѣлъ и пригласилъ меня садиться; выѣхали со двора и понеслись большой рысью по набережной черезъ Pont-neuf. Мнѣ это все показалось такъ странно, что я также строгимъ тономъ спросилъ его: Mais où me menez-vous? „Attendez, vous le saurez tout-à-l'heure!" [4]) —Мнѣ едва минуло 17 лѣтъ и хоть и былъ я высокъ ростомъ, но безсознательно чувствовалъ, что онъ овладѣлъ мною. Черезъ нѣсколько минутъ мы остановились у подъѣзда огромнаго зданія, на фронтонѣ котораго большими словами виднѣлась надпись: Hôtel-Dieu. Я подумалъ, что это церковь; но сбѣжавшіе съ лѣстницы швейцаръ и прислуга въ фартукахъ, и большія залы, при входѣ въ которыя его встрѣтилъ очень почтительно какой-то чиновникъ,—дали мнѣ понять, что это

---

[1]) Оставьте его въ покоѣ, мой милый, вамъ должна быть извѣстна пословица: „гдѣ хорошо, тамъ и родина". *Пер. А. Б.*

[2]) Здѣсь слово „савояръ" написано фигурально, такъ значится въ общежитіи:—бѣднякъ—замухрыжка или просто—трубочистъ; а не уроженецъ Савои, такъ какъ извѣстно, что Дюпюитренъ родомъ изъ Лимузена. *Прим. А. Б.*

[3]) Что случилось; дайте мнѣ еще поспать; я спать хочу. „Нѣтъ, нѣтъ, вставайте, мы должны ѣхать".—Куда и зачѣмъ? «Вы узнаете, одѣвайтесь, время не терпитъ».

[4]) Но куда же вы меня везете? „Подождите, вы сейчасъ это узнаете".

госпиталь. Когда онъ сталъ осматривать больного, я спросилъ про него у окружающихъ, и узналъ отъ нихъ, что онъ и есть le fameux directeur de l'Hôtel-Dieu [1]). Наконецъ, пройдя черезъ нѣсколько отдѣленій, мы вошли въ палату сифилитиковъ; что я тутъ увидѣлъ, подѣйствовало на меня такъ сильно, что я хотѣлъ уйти, но Дюпюитренъ схватилъ меня за руку: non, non, mon cher, il faut que vous sachiez—que celà vous arrivera, si vous courerez les lieux publics; et voilà pourquoi je vous ai force de venir ici avec moi. Donnez moi votre parole, que vous n'irez pas dans ces bouges infâmes!"—De tout mon coeur , je vous donne ma parole d'honneur, de ne pas y penser seulement [2]). Послѣ этого мы поѣхали домой, и я отъ души его благодарилъ и назвалъ его: Vous êtes un bourru bienfaisant; et que c'est le bon Dieu, qui m'a conduit chez vous, et ma reconnaissance vous sera eternelle [3])!

Такимъ образомъ онъ меня покорилъ своей волѣ, а я его полюбилъ и слушался, какъ отца. Я не могъ уходить изъ дому, не сказавшись ему: когда мнѣ хотѣлось видѣть Парижъ и его рѣдкости, то онъ самъ ѣздилъ со мной за проводника; когда же ему самому приходилось куда ѣздить, то онъ говорилъ женѣ: „ma chère amie aie bien soin de notre locataire pour ne pas le laisser sortir! Et j'espère que vous serez assez galant pour tenir compagnie à une jeune dame pendant mon absence?"—Il le faut bien, puisque vous êtes devenu mon maître, et que je suis votre prisonnier [4]). Такъ какъ въ Парижѣ было приказано внѣ службы ходить въ партикулярномъ платьѣ, то онъ зналъ, что въ мундирѣ я никуда не пойду, а во фракѣ онъ меня не пускалъ. Сказалъ я ему однажды, что хочу идти въ Пале-Рояль—обѣдать у извѣстнаго Very. Онъ беретъ шляпу; беретъ подъ руку жену, и мы всѣ вмѣстѣ отправляемся туда; тамъ мы пообѣдали, ѣли мороженое въ ротондѣ и кончили день театромъ. Разъ я отпросился сходить къ своимъ офицерамъ, также жившимъ на отведен-

---

[1]) Знаменитый директоръ госпиталя Отель-Дье.

[2]) „Нѣтъ, нѣтъ, дорогой мой, вамъ нужно знать, что и съ вами будетъ то же, если вы будете бѣгать по публичнымъ мѣстамъ; и вотъ почему я васъ принудилъ заѣхать сюда со мной. Дайте мнѣ слово, что вы не пойдете въ эти гнусные вертепы".—Отъ всей души даю вамъ честное слово даже и не думать о нихъ.

[3]) Вы благодѣтельный бука; Богъ меня къ вамъ послалъ, и я вамъ вѣчно буду благодаренъ.

[4]) Милый другъ, займись нашимъ постояльцемъ, чтобы не выпускать его изъ дому.—И я надѣюсь, что вы будете достаточно любезны, чтобъ провести время съ молодой дамой въ мое отсутствіе.—По необходимости придется это исполнить, потому что вы сдѣлались моимъ властелиномъ, а я вашимъ плѣнникомъ. *Пер. А. Б.*

ныхъ квартирахъ. Всѣхъ, кого я только засталъ дома, даже ротнаго моего командира, нашелъ одержимыми—par un rhume ecclésiastique. Возвратясь, я разсказалъ объ этомъ моему хозяину и отъ души благодарилъ его за его наставленіе; тутъ онъ сталъ мнѣ больше довѣрять и давалъ болѣе свободы.

Чаще всего я ходилъ въ оперу, приглашенный директоромъ Гарделемъ въ его ложу, которая была на самой сценѣ съ правой стороны; всѣ закулисныя таинства мнѣ открылись. Между танцовщицами мнѣ приглянулась прелестная дѣвица mademoiselle Virginie. Къ сожалѣнію, ее скоро увезъ какой-то рыжій англійскій лордъ.

Черезъ нѣсколько дней послѣ нашего водворенія въ Парижѣ, было назначено молебствіе на площади, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ былъ обезглавленъ Людовикъ XVI. На этомъ мѣстѣ былъ поставленъ амвонъ трехсаженной вышины, съ расходящимися во всѣ стороны ступеньками, покрытыми алымъ сукномъ; вокругъ амвона на площади стоялъ весь корпусъ въ густыхъ колоннахъ. При появленіи Императора и прусскаго короля войска отдали честь, и оглушительное „ура“! продолжалось все время объѣзда колоннъ. На амвонѣ главный оберъ-священникъ съ полковыми священниками и придворной пѣвческой капеллой дожидались съ образами. По командѣ вынесли изъ полковъ всѣ знамена и обставили амвонъ. Скомандовали на молитву; всѣ сняли кивера, и началось молебствіе. По окончаніи молебствія всѣ войска, при восторженныхъ крикахъ „ура“, прошли церемоніальнымъ маршемъ, послѣ чего были распущены по квартирамъ.

Жизнь наша пошла своимъ порядкомъ—дежурства и караулы, какъ въ Петербургѣ. Мнѣ пришлось раза два стоять въ караулѣ у генералъ-губернатора Сакена. Гаупвахта на дворѣ. Утромъ, какъ только ему выѣзжать, караулъ выстроится и отдастъ честь, генералъ поздоровается и не велитъ болѣе выходить, а только ставить часовыхъ. Офицеръ долженъ быть на верху въ залѣ и обѣдать вмѣстѣ съ генераломъ.

Какъ намъ, такъ и солдатамъ хорошее житье было въ Парижѣ; намъ и въ голову не приходила мысль, что мы въ непріятельскомъ городѣ. Съ нами искали случая познакомиться даже изъ le faubourg St-Germain [1]). Офицеры гвардіи были люди образованные и лучшаго петербургскаго общества. Французскія дамы явно оказывали предпочтеніе русскимъ офицерамъ передъ наполеоновскими и про послѣднихъ говорили вслухъ, qu'ils sentent la caserne [2]); и дѣйстви-

---

¹) Кварталъ въ Парижѣ, обитаемый по премуществу старой дореволюціонной французской аристократіей. *Прим. А. Б.*

²) что они отзываются казармой. *Пер. А. Б.*

тельно мнѣ случалось видѣть, какъ большая часть изъ нихъ входятъ въ киверѣ или въ каскѣ въ комнату, гдѣ сидятъ дамы, говорятъ, прикладывая руку къ козырьку: „Bonjour la compagnie; j'ai l'honneur de vous saluer [1])", и начинаютъ отстегивать свою саблю.

Солдатъ нашихъ тоже полюбили, — народъ видный, красивый. Около казармы всегда куча народа, и молодыя торговки, съ ящиками черезъ плечо, съ водкой, закуской и сластями толпились около солдатъ на набережной передъ казармой; при чемъ, чтобы не случилось какого недоразумѣнія, безотлучно находился тутъ дежурный офицеръ.

Однажды, будучи дежурнымъ, сидѣлъ я въ лавкѣ у воротъ, куда посторонніе не допускались, вижу, какъ молодецъ гренадеръ подходитъ къ торговкѣ и говоритъ:— Ну, мадамъ дай-ка мнѣ шнапса; и показываетъ на бутылку; торговка наливаетъ ему столовую рюмку водки, гренадеръ проглатываетъ ее и требуетъ другую; торговка наливаетъ и смотритъ, что онъ съ ней сдѣлаетъ, когда же онъ проглотилъ и эту, то она закричала: „mon Dieu, mon Dieu, il mourra" [2]); но гренадеръ проситъ еще третью рюмку, торговка отказывается наливать, а тотъ все настаиваетъ, тогда я сказалъ:—donnez lui encore une, „mais, mon Dieu, il mourra",—ne craignez rien, donnez lui encore [3]); онъ выпилъ третью и заплатилъ; затѣмъ онъ подошелъ ко мнѣ и спросилъ: что это она все говорила: „мондье, мондье". Это она боялась, какъ бы ты не умеръ. Онъ засмѣялся;—какъ это отъ трехъ наперстковъ-то, да я всю бутылку ея выпью и не поморщусь.—Ну, братъ, довольно, здѣсь пьяныхъ не любятъ.

Походы по Польшѣ, Германіи и Франціи внесли путаницу въ филологическія познанія нашихъ солдатъ, такъ напримѣръ научившись въ Польшѣ по-польски, когда вошли въ Германію, стали требовать, что имъ нужно, по-польски и удивлялись, что нѣмцы не понимали ихъ; были даже смѣшныя жалобы: разъ нѣмка угощала своего квартиранта кофеемъ и, осторожно сливъ кофе въ чашку, подала ему ее; видя всю эту процедуру, солдатъ пригрозилъ ей кулакомъ и сказалъ:—вишь плюха какая, себѣ оставила погуще, а мнѣ даетъ жижу; и хватаетъ у нея кофейникъ. Она ему кричитъ: „nicht gut, nichtgut, schlecht" [4]) онъ вырвалъ изъ ея рукъ кофейникъ и выпилъ всю гущу, которая тамъ осталась. Дошло до офицера, онъ сталъ ему выговаривать, а тотъ отвѣтилъ: „помилуйте,

[1]) Здорово, компанія,—честь имѣю кланяться.

[2]) Боже мой. Боже мой,—онъ умретъ.

[3]) Налейте ему еще одну. «Боже мой, да онъ умретъ»—Не бойтесь, дайте ему еще.

[4]) Не хорошо, не вкусно, скверно. *Пер. А. Б.*

ваше благородіе, вѣдь эта басурманка налила мнѣ жижку, а себѣ взяла погуще; съ досады я вырвалъ у нея кофейникъ и выпилъ все, а она-то кричитъ—ни гу, ни гу, шляхъ!—врешь, басурманка, я не шляхъ, а русскій и ты меня не одурачишь". Офицеръ расхохотался и перевелъ нѣмкѣ, та въ свою очередь разсмѣялась. Придя во Францію, они усвоили себѣ нѣкоторыя нѣмецкія слова и требуютъ отъ французовъ: Гибъ бродъ, гибъ шнапсъ. Опять та же исторія:—является жалоба и объясненіе:—„Я ему учтиво сказалъ, гибъ бродъ,—пора ѣсть, а онъ замоталъ головой, какъ будто не понимаетъ; я вижу, что хлѣбъ-то лежитъ на лавкѣ, я и отломилъ себѣ краюху". Ты не правъ, онъ тебя не понималъ.—„Какъ не понять, я вѣдь не по-русски ему говорилъ, а гибъ бродъ".—Да вѣдь онъ французъ и по-нѣмецки не понимаетъ.—Виноватъ, ваше благородіе, а я думалъ, что онъ не хочетъ меня накормить.

Вскорѣ пошли у насъ снова парады, при встрѣчахъ: графа д'Артуа [1]), императора австрійскаго и Людовика XVIII. Насъ разставляли шпалерами по тѣмъ улицамъ, по которымъ они проѣзжали, и мы отдавали имъ честь. Наполеонъ въ Фонтенебло долженъ былъ отречься отъ престола, и королемъ французскимъ былъ признанъ Людовикъ XVIII, который былъ очень толстъ и страдалъ подагрой, черезъ чтó, въѣзжая въ Парижъ, ѣхалъ въ каретѣ, а когда былъ большой парадъ, и мы проходили мимо церемоніальнымъ маршемъ, то онъ сидѣлъ на балконѣ, потому что по лѣтамъ и толщинѣ не могъ сѣсть на коня. При этомъ, ни у жителей, ни у войска не замѣчалось никакого восторга. Вечеромъ, на правомъ берегу Сены, противъ площади Людовика XV былъ сожженъ большой фейерверкъ. Народу было множество. И мнѣ и другимъ офицерамъ удалось спасти въ давкѣ какую-то молодую даму, которую въ толпѣ чуть не раздавили; она была безъ чувствъ, когда мы ее вынесли изъ толпы и оставили на рукахъ мужа, не знавшаго, какъ насъ благодарить, но мы поспѣшили уйти и не спросили даже, кто они.

Рѣдкій день проходилъ безъ того, чтобъ я не бывалъ въ Пале Роялѣ,—сборное мѣсто, куда всѣ офицеры собирались, какъ самое пріятное, веселое и, вмѣстѣ съ тѣмъ, самое пагубное. Пале Рояль есть своего рода городъ въ городѣ Парижѣ: вы можете въ четверть часа съ головы до ногъ одѣться франтомъ; можете отлично ѣсть и пить и жить въ прекрасной квартирѣ и имѣть всѣ удовольствія и развлеченія, не выходя изъ Пале Рояля, лишь бы у васъ были

---

[1]) Карлъ X (род. 1757; вступилъ на престолъ 1824; отрекся 1830, умеръ 1836). *А. Б.*

деньги. Можете и въ конецъ разориться, проигравшись въ № 129, въ рулетку, въ банкъ, въ rouge et noir, гдѣ найдете отличное общество. Сколько разъ мнѣ случалось видѣть тамъ нашихъ генераловъ и старика Блюхера въ партикулярномъ платьѣ, горчайшаго игрока, проигрывавшаго большія суммы. Я часто заходилъ туда, но не имѣлъ охоты играть, да и далъ слово Дюпюитрену этого не дѣлать.

Примѣчаніе И. М. Казакова:

Рулетка есть адъ и рай для многихъ—выигрывающій въ восторгѣ, а проигравшійся испытываетъ всѣ мученія ада, и въ сумасшествіи съ отчаянія застрѣливается или бросается въ Сену.

Докторъ Дюпюитренъ—европейская извѣстность, былъ очень богатъ, но жилъ сравнительно скромно: какъ зажиточный парижскій буржуа, держалъ свой экипажъ, кучера и трехъ лошадей. Въ домѣ одинъ камердинеръ, служанка и кухарка. Обѣдъ, при которомъ подавались лучшія вина, былъ всегда хорошій,—изъ четырехъ блюдъ, но не кухмейстерскій; и несмотря на посѣщенія его важными лицами и нашими генералами, меню его обѣда не измѣнялось. Когда я спрашивалъ его, почему онъ не велитъ поизысканнѣе приготовить обѣдъ, онъ отвѣчалъ: „je ne suis pas un restaurateur s'ils veulent venir chez moi, ils n'ont qu'a manger mon pot au feu“ [1]). Онъ былъ серіозный, но добрѣйшій человѣкъ, настоящій – bourru bienfaisant: больныхъ бѣдныхъ приходило къ нему множество и онъ, кромѣ лѣченья, давалъ имъ деньги, завернувъ ихъ въ рецептъ. Я очень полюбилъ его и привязался къ нему, и онъ меня очень любилъ; разъ спрашиваетъ меня, не нужны ли мнѣ деньги. На что мнѣ они, grâce à vous мнѣ не на что ихъ тратить; у меня ихъ много—тысячи полторы, полученныя отъ отца и зашитыя въ поясъ. Я ему показалъ поясъ, онъ взялъ его къ себѣ и выдавалъ мнѣ по мѣрѣ надобности. Мнѣ только тогда исполнилось семнадцать лѣтъ; я чувствовалъ, что онъ со мной поступаетъ какъ отецъ, и считалъ его семью какъ бы своею, и только впослѣдствіи я вполнѣ могъ оцѣнить его любовь и благодарить Бога, что я случайно попалъ къ нему въ Парижѣ, безъ чего я по молодости и неопытности могъ погубить себя физически и нравственно. Однажды за обѣдомъ онъ заговорилъ о бывшемъ сраженіи подъ Парижемъ и о томъ, что онъ былъ возлѣ башни La Villette и оперировалъ раненыхъ, за что и получилъ орденъ Почетнаго Легіона. Какъ! вы были въ Ла-Виллетъ?

---

[1]) „Я не трактирщикъ, если они желаютъ посѣщать меня, то пусть не брезгаютъ моимъ приваркомъ“. *Пер. А. Б.*

возразилъ я ему, когда и я былъ тамъ ординарцемъ при генералѣ Ермоловѣ, значитъ, вы были свидѣтелемъ того эпизода, когда по прекращеніи сраженія выстрѣлили по генералу и его конвою и ранили казака?—„Да, да, услыхавъ ружейные выстрѣлы, мы вслѣдъ затѣмъ услышали и пушку, которой убили и ранили у насъ нѣсколько человѣкъ“, сказалъ Дюпюитренъ; ah! mon bon ami, vous l'avez échappé belle [1])! Я разсказалъ ему все, что случилось со мной въ этомъ сраженіи. Ему разсказъ мой могъ бы показаться фантастичнымъ, но я рѣшительно не терпѣлъ лжи и ничего не утрировалъ, а достовѣрность случившагося у Ла-Виллетъ, чему онъ самъ былъ свидѣтелемъ, убѣдила его въ справедливости моихъ словъ.

Хотя Дюпюитренъ и показывалъ мнѣ всѣ рѣдкости города, ему всюду былъ доступъ, но это мало послужило мнѣ на пользу—я былъ еще большимъ ребенкомъ, не понималъ цѣны этому, и все это проходило для меня безслѣдно. Разъ пошли мы—онъ, его жена въ садъ Тиволи, гдѣ въ то время были разныя игры и карусели, какъ и въ Петербургѣ на масляницѣ—это меня больше всего забавляло. Недалеко отъ входа было мѣсто, гдѣ пробовали силу „Allons, essayez votre force“ [2]). Мнѣ все это было знакомо въ корпусѣ, гдѣ была гимнастика и чугунныя ядра, которыя заставляли насъ катать, поднимать и бросать за извѣстную черту; и я тамъ слылъ за силача. Тутъ мнѣ подали машину съ пружиной, въ которой стрѣлка, по мѣрѣ сжатія, вертѣлась и показывала градусами вѣсъ поднятія тяжести; внизу широкое стремя, въ которое ставишь обѣ ноги, и сверху ручка, за которую тянутъ. Мнѣ говоритъ Дюпюитренъ: „allons, essayez la force des reins“ [3]). Я сталъ тянуть, стрѣлка стала показывать много, хозяинъ машинки говоритъ: — „Oh! Oh! comme vous y allez“ [4]). Я потянулъ еще сильнѣе, и стрѣлка, дойдя до nec plus ultra [5]), согнулась; хозяинъ закричалъ: assez, monsieur, assez, vous allez casser ma machine [6]). Дюпюитренъ говоритъ: „que diable, vous êtes un Hercule, mon ami, qui le dırait en vous voyant aussi fluet“ [7]).

Когда я бывалъ на караулѣ, то возвращался на другой день, только въ полдень. Дюпюитренъ скучалъ, и жена его мнѣ говорила,

---

[1]) А! мой другъ, вы счастливо отдѣлались!

[2]) Ну, испробуйте вашу силу.

[3]) Ну-ка, испытайте силу поясничныхъ мускуловъ.

[4]) Ого, какъ вы скачете.

[5]) До крайняго предѣла.

[6]) Довольно, сударь, довольно, вы сломаете мою машину.

[7]) «Кой чортъ, да вы, мой другъ, настоящій Геркулесъ, кто бы могъ это подумать, видя васъ такимъ тщедушнымъ» *Пер. А. Б.*

что не только онъ, но и маленькая Мари все искала меня, потому, что я ее очень любилъ и игралъ съ нею. Когда Дюпюитренъ возвращался и видѣлъ меня, онъ говорилъ весело: „Vous voilà enfin,— reposez vous mon cher“ [1]). А мнѣ на что отдыхъ, я бы хотѣлъ бѣгать по городу и завидовалъ парижскимъ гаменамъ, весь день бѣгающимъ по улицамъ, и я со многими изъ нихъ былъ пріятелемъ. Такимъ образомъ время скоро проходило. Два мѣсяца какъ мы стояли въ Парижѣ. Миръ былъ окончательно заключенъ. Наполеонъ формально отрекся отъ престола Франціи и, сохраняя свой титулъ императора, былъ увезенъ на островъ Эльбу въ Средиземномъ морѣ, переданный ему во владѣніе.

Было очень жарко. Въ одинъ прекрасный вечеръ я пошелъ въ купальню на рѣкѣ Сенѣ. Купался довольно долго. Придя домой, я почувствовалъ сильную головную боль, легъ въ постель, заснулъ и потерялъ сознаніе; утромъ, человѣкъ мой, видя, что я не встаю, сталъ будить меня; а я безъ памяти и въ сильномъ жару и бреду. Онъ доложилъ Дюпюитрену, который, придя, послалъ за фельдшеромъ. Поставили синапизмы и шпанскую мушку. Человѣкъ мой побѣжалъ въ полкъ донести о моей болѣзни. Полковой лѣкарь тотчасъ пріѣхалъ; увидя Дюпюитрена, поговорилъ съ нимъ и отправился, оставивъ меня на его попеченія. Дня три я былъ безъ памяти, мнѣ дали лѣкарства, и я двѣ недѣли вылежалъ въ постели. Горячку прервали, но напала сильнѣйшая лихорадка, и сдѣлалась ужасная слабость. Генералъ Потемкинъ, нашъ полковой командиръ, пріѣзжалъ нѣсколько разъ навѣщать меня.

Такъ какъ вскорѣ приказано было выступить въ походъ въ Шербургъ, чтобъ оттуда всю первую гвардейскую дивизію отправить на русской эскадрѣ, пришедшей для этого въ Шербургъ, то генералъ предложилъ мнѣ остаться въ Парижѣ, при комиссіи, которая должна собрать всѣхъ отлучившихся, а какъ императору, какъ шефу полка и обо всемъ доносили, и онъ зналъ отъ лейбъ-медика Вилліе, который часто бывалъ у Дюпюитрена въ гостяхъ и видалъ меня, какъ постояльца, что я боленъ, но въ надежныхъ рукахъ, приказалъ оставить меня при комиссіи въ Парижѣ. Яковъ Алексѣевичъ Потемкинъ съ Дюпюитреномъ уговаривали меня, но я ни за что не соглашался, не понимая, что въ этомъ была милость Государя и моя выгода и польза по службѣ, и говорилъ генералу: доложите Императору, что живой или мертвый, а я пойду съ полкомъ въ Россію. Государь согласился и приказалъ назначить другого; назначили подпоручика Буйницкаго, и онъ получилъ крестъ и чинъ поручика. Молодость, молодость,

---

[1]) „Вотъ и вы наконецъ,—отдохните, мой милый“. *Пер. А Б.*

прекрасная вещь, но большая глупость! Впрочемъ, мысль эта можетъ быть и несправедлива, но послѣдствія въ моей жизни убѣдили меня, что мы дѣйствуемъ непроизвольно, а Высшая Воля и Провидѣніе устраиваютъ нашу судьбу помимо насъ и ведутъ насъ туда, гдѣ мы должны быть.

Простоявъ почти три мѣсяца въ Парижѣ, первая гв. дивизія выступила на „Эвре“ и „Канъ“ въ Шербургъ. Лихорадка меня трясла черезъ день. Какъ ни прискорбно мнѣ было разставаться съ семействомъ знаменитаго Дюпюитрена, любившаго меня какъ своего родного, но у меня было неодолимое желаніе возвратиться въ Россію къ любимому отцу, у котораго я остался одинъ, ибо старшій братъ мой Андрей, вышедшій изъ корпуса еще въ 1812 году, былъ смертельно раненъ въ сраженіи подъ Бауценомъ и умеръ въ госпиталѣ, о чемъ я узналъ въ Парижѣ отъ родственника, служившаго съ нимъ въ одномъ полку.

Сборы мои были не продолжительны. Лошадей моихъ осталась пара въ вагенбургѣ; наканунѣ выступленія полка ихъ привели ко мнѣ; хозяинъ мой послалъ комиссіонера купить мнѣ упряжь и небольшую дорожную бричку; маршрутъ прислали изъ полка; но семья Дюпюитрена, задавъ мнѣ на прощанье обѣдъ, со слезами проводила меня; и я, несмотря на все свое желаніе мое ѣхать въ Россію, горько плакалъ, прощаясь съ милымъ и дорогимъ мнѣ семействомъ, которое было для меня столь благодѣтельнымъ. Господинъ Дюпюитренъ взялъ съ меня слово, что я буду писать ему изъ Петербурга, и переписка, хотя и не частая, но раза по три или четыре въ годъ, продолжалась до смерти Дюпюитрена, послѣдовавшей въ 1835 году, еще при жизни Карла X, съ которымъ онъ былъ такъ друженъ, что завѣщалъ Карлу три милліона франковъ [1]). Письма мои къ нему, я начиналъ всегда словами: Mon cher et bien aimé bienfaiteur... [2])

Походъ былъ не утомительный, я какъ больной ѣхалъ при штабѣ, и полковой лѣкарь лѣчилъ и кормилъ меня латинской кухней; вслѣдствіе ли лѣченья или отъ самаго похода, но лихорадка стала отставать, такъ что по приходѣ въ Шербургъ я былъ здоровъ. Нѣсколько дней мы ждали прихода изъ Англіи нашей русской эскадры, на которой должны были плыть въ Петербургъ. Въ Шербургѣ я былъ до крайности удивленъ, увидѣвъ на другой день, что въ небольшой гавани корабли стоятъ на землѣ, обставленные подпорками, а иные лежали на боку, и ихъ чинили и конопатили, и море, вслѣдствіе отлива, удалилось отъ города верстъ на десять или болѣе, а по дну

---

[1]) Значительную часть своего состоянія. *Пер. А. Б.*

[2]) Милый и дорогой благодѣтель... *Пер. А. Б.*

морскому расхаживали люди, собирая въ корзины раковины и улитки. Съ полудня начался приливъ, съ такою силой и скоростью, что врядъ ли отъ волны можно ускакать на лошади. Вслѣдствіе прилива и отлива, военные корабли не могли подходить къ городу, а бросали якорь на дальнемъ разстояніи.

Однажды днемъ, когда приливъ былъ во всей силѣ, я былъ свидѣтелемъ удивительной сцены на одномъ купеческомъ кораблѣ. Мачта оканчивается шпилемъ, толщиной вершка въ три, длиной аршинъ въ шесть, на концѣ котораго укрѣпленъ досчатый, плоскій кругъ въ діаметрѣ вершковъ десяти. Не знаю, изъ любви ли къ искусству или по другой какой причинѣ, матросъ взлѣзъ по гладкому шпилю и сѣлъ на кругъ, потомъ всталъ на ноги, снялъ шляпу и сталъ кланяться стоявшей на набережной толпѣ народа, которая начала ему аплодировать. Тогда онъ снялъ съ себя куртку, шаровары и сапоги; потомъ опять одѣлся, всѣмъ раскланялся, и по шпилю спустился головой внизъ до сальника, а оттуда по канату на палубу. Во время всей продѣлки, сердце замирало, и духъ захватывало, ожидая его паденія съ этой высоты. По окончаніи такого необыкновеннаго представленія деньги посыпались ему на палубу, и врядъ ли кто изъ всей толпы не подалъ ему свою лепту, даже изъ домовъ, гдѣ было множество зрителей по окнамъ, матросу посылали деньги, такъ что онъ собралъ порядочную сумму.

Когда эскадра наша изъ двѣнадцати кораблей остановилась на дальномъ рейдѣ, начались у насъ переговоры на счетъ провизіи во время нашего путешествія; нашему баталіону назначено было садиться на 74 пушечный корабль „Память Св. Евстафія“ и одной артиллерійской бригадѣ. На этомъ кораблѣ находились: контръ-адмиралъ Эліотъ, капитанъ Т., старшій лейтенантъ Панафидинъ, лейтенантъ Веревкинъ (нашъ орловскій дворянинъ) и другіе, которыхъ имена запамятовалъ. Флотскіе офицеры всей эскадры и слышать не хотѣли объ уплатѣ нами за столъ; тогда генералъ нашъ сказалъ: — Тогда мы будемъ угощать васъ виномъ. Положили по сту рублей съ каждаго офицера; и это составило порядочную сумму, имѣя въ виду, что въ полку было до пятидесяти офицеровъ. Генералъ послалъ въ Парижъ квартирмистра и казначея Лодомірскаго, который привезъ большой обозъ винъ и разныхъ гастрономическихъ и кондитерскихъ припасовъ, такъ что столъ и вина были великолѣпные.

Я продалъ въ Шербургѣ своихъ лошадей и бричку. Въ назначенный день присланы съ корабля баркасы, катера и шлюпки, которые стали перевозить нашъ баталіонъ на корабль. Четыре пушки уже были перевезены, и баталіонъ пошелъ по длинному молу, а я, какъ состоялъ въ числѣ больныхъ, нанялъ двухъ-весельную лодку,

перенесъ всѣ свои чемоданы и съ двумя своими людьми отправился на рейдъ. Погода была свѣжая, вѣтеръ порядочный; по мѣрѣ удаленія отъ берега, валы запѣнились бѣлыми гребнями, и лодка ныряла и прыгала по волнамъ, какъ щепка, такъ что мнѣ стало страшно и я досадовалъ, для чего я не пошелъ съ баталіономъ, для котораго были большіе баркасы и катера. Съ большимъ трудомъ мы подвигались противъ вѣтра и волненія; и не зная, откуда ходъ и лѣстница на корабль, я подплылъ къ кораблю съ подвѣтренной стороны, гдѣ волненіе было меньше и влѣзъ по трапу, т. е. гдѣ къ наружнымъ стѣнамъ корабля прибиты бруски и протянуты двѣ веревки, за которыя хватаясь руками влѣзаютъ на палубу. Когда я вступилъ на палубу, то страхъ мой пропалъ, видя, что этотъ левіаѳанъ даже не шевелится, когда лодка такъ и прыгаетъ и мечется по волнамъ. Многіе офицеры уже были на кораблѣ, и мнѣ указали мою койку, на второй палубѣ возлѣ каютъ-компаніи между двумя чугунными пушками, посреди которыхъ, какъ съ правой, такъ и съ лѣвой стороны были офицерскія койки, завѣшанныя парусиной. Расположившись тамъ, какъ дома, я вошелъ въ каютъ-компанію, гдѣ всѣ собрались и даже играли въ бостонъ, въ шахматы и въ шашки.

Не знаю, по какому случаю находился на нашемъ кораблѣ еврей Гольдбергъ, хотя одѣтый и не въ лапсердакѣ, но настоящій израиль. Съ нимъ офицеры играли въ шашки, при чемъ, при выигрышѣ, онъ получалъ условленную плату, а проигрывая, долженъ былъ пить по небольшой рюмкѣ морской воды; и случалось часто, что онъ принужденъ былъ уходить поспѣшно на носъ корабля изъ-за рвоты, происходящей отъ морской воды.

Бывъ еще молодъ, я въ карты не игралъ, а только въ шахматы; водки и вина не пилъ, а занимался рисованьемъ и лазаньемъ по мачтамъ; на марсъ я лазилъ не хуже матросовъ; лазилъ, какъ называютъ матросы—въ собачью дыру и до сальника, это высшее мѣсто мачты, откуда выставляется шпиль. Мнѣ очень нравилось лежать на бушпритѣ; это мачта на носу корабля, состоящая изъ двухъ толстыхъ десяти аршинныхъ бревенъ, выставленныхъ на носу корабля подъ угломъ градусовъ 15, разставленныхъ между собой на полъ-аршина, а промежутокъ переплетается веревками, на которыхъ во всю длину лежитъ собранный треугольный парусъ, по которому легко дойти до конца мачты, гдѣ я часто сидѣлъ и лежалъ какъ бы на воздухѣ и летѣлъ надъ моремъ. Сначала капитанъ корабля запретилъ было мнѣ ходить на бушпритъ, но, увидѣвъ, что я и на мачты лазаю, махнулъ рукой.

Въ первый день, какъ мы поступили на корабль, когда за обѣдомъ подали намъ черный хлѣбъ и квасъ, то каютъ-компанія огла-

силась крикомъ „ура"! Контръ-адмиралъ, комнаты коего были надъ нами, прислалъ узнать причину восторженнаго шума. Корабль былъ двухдечный или двухпалубный, на первой мы жили между орудій, а на второй — весь нашъ баталіонъ. Мы держали караулъ часовыхъ, и дежурный по батальону долженъ былъ утромъ и вечеромъ рапортовать адмиралу, который приглашалъ его обѣдать съ собой. Лихорадка нѣсколько разъ у меня прекращалась, но, по невоздержанности въ пищѣ, опять начинала трепать, такъ что полковой врачъ за столомъ садился возлѣ меня, отнималъ вредныя кушанья и не давалъ много ѣсть.

Когда съ адмиральскаго стопушечнаго корабля данъ былъ сигналъ выступить эскадрѣ въ море и идти къ берегамъ Англіи, на кораблѣ все засуетилось, стали поднимать якорь, вертѣть шпиль (воротъ) и корабль сталъ тихо подвигаться къ мѣсту, гдѣ опущенъ якорь. Меня все это занимало, и я съ любопытствомъ слѣдилъ за всѣми маневрами, какъ на палубѣ, такъ и на мачтахъ. По командѣ лейтенанта и свистку боцмана, матросы какъ кошки полѣзли по мачтамъ, приготовили паруса и по свистку спустили ихъ съ рей; вѣтеръ сталъ постепенно ихъ надувать, и эта огромная машина, гордо и величественно поплыла по направленію вѣтра. Эскадра построилась въ двѣ колонны. Нашъ корабль былъ въ правой колоннѣ шестымъ, а еще шесть шли въ полуверстѣ съ лѣвой стороны. Городъ Шербургъ находится на Атлантическомъ океанѣ, гораздо южнѣе Ламаншскаго канала, отдѣляющаго Англію отъ Франціи, то переѣздъ нашъ при тихой погодѣ продолжался трое сутокъ. Въ каналъ мы шли ближе къ англійскому берегу, но и французскій берегъ былъ у насъ на виду. Па-де-Кале отъ Дувра до Кале тридцать верстъ. Пройдя Дувръ, мы остановились у города Диль; берегъ былъ низкій, песчаный, и болѣе версты до него корабли не могли подходить. На берегъ мы съѣхали на лодкахъ, чтобъ поѣсть англійскаго росбифа. Императоръ былъ уже въ Лондонѣ. Генералъ нашъ тотчасъ же отправился туда; многіе также хотѣли съѣздить въ Лондонъ; но начальство не позволило. Мы цѣлую недѣлю простояли у г. Диля. Сочувствія къ англичанамъ не было ни у офицеровъ, ни у солдатъ, ни у матросовъ.

Изъ Англіи эскадра получила предписаніе идти въ Петербургъ. Выйдя изъ Ламаншскаго канала, вступила въ Нѣмецкое море. Тутъ насъ застало сильное волненіе, такъ называемая мертвая зыбь; вѣтру почти не было, онъ былъ противный, и мы должны были лавировать, чтобы понемногу подаваться впередъ. Волны были огромныя, какъ горы, такъ что въ полуверстѣ лавирующій корабль совершенно скрывался отъ глазъ, и виднѣлись только верхнія части

мачтъ, потомъ, всплывая на верхъ волны, при лавированіи, такъ ложился на бокъ, что показывалъ почти всю подводную часть и на палубѣ не было возможности ходить. Тутъ у всѣхъ офицеровъ и солдатъ сдѣлалась морская болѣзнь,—всѣ лежали разслабленные, одинъ лишь я изъ всѣхъ пѣхотинцевъ почему-то не подвергался этой несносной и мучительной болѣзни, а ходилъ по палубѣ, держась однако жъ рукой за такелажъ или за снасти, чтобъ не поскользнуться и не упасть. Морскіе офицеры растолковали мнѣ причину этой зыби: въ океанѣ на далекомъ разстояніи была буря, и вѣтеръ развелъ сильное волненіе моря, взявъ противоположное отъ насъ направленіе, и заставилъ волноваться ту часть моря, на которую вѣтеръ даже не дѣйствовалъ. Трудно представить, что ощущаетъ въ эту зыбь человѣкъ, не привыкшій къ оной. Я такъ былъ любопытенъ, что входилъ на бушпритъ, ложился на парусъ, прикрѣпленный между двумя бревнами, выпущенными изъ носа корабля, и ощущалъ то же, что и на качеляхъ, когда корабль поднимается на высокую волну и потомъ спускается на дно волны.

Мнѣ очень хотѣлось выдержать штормъ и бурю на кораблѣ, чтобъ имѣть понятіе о томъ, что человѣкъ испытываетъ во время бури и опасности между небомъ и водою, но ни въ Нѣмецкомъ, ни въ Балтійскомъ моряхъ ничего подобнаго не было. Зыбь прекратилась, подулъ попутный вѣтеръ, мы уже были въ виду Ютландіи; и тутъ я вполнѣ убѣдился въ реальности Галилеевой системы: плывши очень скоро, мнѣ казалось, что будто корабль стоитъ на мѣстѣ, а берега Ютландіи бѣгутъ мимо насъ.

Берега Ютландіи очень низки, почему около береговъ большія отмели. Въ одинъ день, когда мы сѣли за столъ обѣдать, вдругъ почувствовали сильные толчки и колебанія, такъ что бутылки и графины попадали на столъ, и всѣ въ испугѣ вскочили; флотскіе офицеры выбѣжали на палубу, но вскорѣ возвратились и, сѣвъ опять обѣдать, объяснили, что теченіе такъ сильно, что сбило корабль съ пути, и мы было сѣли на мель, но къ счастію и вѣтеръ былъ настолько силенъ, что благополучно перетащилъ корабль черезъ узкую мель.

Къ вечеру погода стала измѣняться; туманъ сталъ ложиться довольно густой и къ утру такъ сгустился, что капитанъ приказалъ бить рынду, т.-е. звонить въ колоколъ и бить въ барабанъ, чтобъ не столкнуться съ кѣмъ-нибудь. Въ 7 часовъ я вышелъ на палубу; въ колоколъ безпрестанно звонили; я подходилъ къ носу по лѣвому борту, какъ вдругъ корабль ударился носомъ въ какое-то небольшое одномачтовое судно; послѣдовалъ трескъ и крики, что передъ носомъ корабль показался въ туманѣ. Ударъ пришелся въ кормовую

часть корабля, проходившаго съ правой стороны; у насъ поврежденъ былъ бушпритъ, а въ суднѣ пробита корма и сломана мачта; нашъ корабль продолжалъ свой путь какъ ни въ чемъ не бывало, а бѣдное судно должно было поспѣшить къ недалекому берегу, чтобъ спастись или сѣсть на мель. При восходѣ солнца, туманъ разсѣялся; эскадра стала въ виду. Пошли переговоры флагами съ адмиральскимъ кораблемъ и, по окончаніи сигналовъ, послѣдовалъ съ адмиральскаго корабля выстрѣлъ ядромъ, которое саженяхъ въ пятидесяти запрыгало рикошетами по морю, что̀ означало строгій выговоръ капитану.

Погода становилась лучше и лучше, наконецъ, передъ входомъ въ нѣсколькихъ миляхъ отъ Зунда, насталъ совершенный штиль. Море стало зеркаломъ. Жара страшная; ничто не двигалось; спустили парусъ для купанья; я хотѣлъ выкупаться, но докторъ рѣшительно схватилъ меня за руки и не пустилъ.

Штиль продолжался сутокъ двое, и всѣ корабли, какъ мертвые, стояли безъ движенія, а между ними море бороздили шлюпки, кто по службѣ, кто въ гости. Наконецъ по зеркальному морю пробѣжала рябь; начались приказы и разговоры сигналами; подулъ вѣтерокъ, и мы поплыли къ Зунду. Съ лѣвой стороны показался высокій гористый берегъ Норвегіи, но къ сожалѣнію мы не пошли Бельтомъ, и Копенгагенъ остался для насъ тэрра инкогнита. По мѣрѣ движенія нашего по Зунду, воды Нѣмецкаго моря имѣли зеленоватый отливъ, а при вступленіи въ Балтійское, цвѣтъ моря сдѣлался бурымъ, и припоминая, что въ географіи ему приписано качество бурнаго, я надѣялся, что намъ придется выдержать штормъ; но ожиданіе мое не сбылось. Видя громадность корабля, въ которомъ помѣщалось болѣе 1.500 людей и болѣе 80 орудій большого калибра, высоту борта отъ воды, какъ мнѣ казалось аршинъ 10 или 12, я не могъ предполагать, что въ бурю волны его кидаютъ какъ щепку, а адмиральскій 120 пушечный трехдечный „Голіаѳъ“ въ полтора раза болѣе другихъ, я думалъ, не долженъ былъ бояться никакой бури.

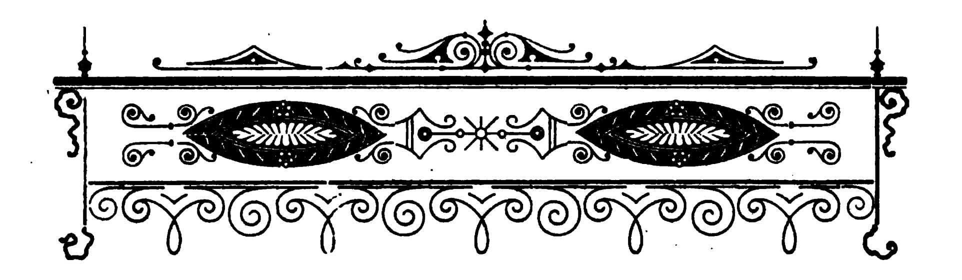
Плаваніе наше по Балтійскому морю было спокойное, и никакой бури мы не испытали, а только пировали и попивали взятое на наши деньги вино изъ Парижа. Какъ я не пилъ ни водки, ни вина, то часто посмѣивался надъ нашими и флотскими офицерами, которые порядочно подгуливали. Разъ послѣ обѣда съ шампанскимъ и прочими винами и грогомъ или жженкой, нѣкоторые вылѣзли на палубу въ очень веселомъ расположеніи духа, и подпоручикъ князь Щербатовъ сталъ увѣрять, что онъ видитъ островъ Борнгольмъ, тогда какъ намъ пришлось еще два дня плыть до него. Этому

дальновидѣнію много смѣялись, и въ поговорку вошло, когда видишь пьянаго человѣка, то говорили: онъ видитъ Борнгольмъ! Другое морское выраженіе:—легъ на дрейфъ также примѣнено къ пьяному человѣку, потому что корабль, желая почему-либо остановиться, ставитъ такъ паруса, что вѣтеръ, дуя въ тотъ и другой парусъ, противодѣйствуетъ ходу, корабль останавливается и только покачивается съ боку на бокъ, какъ пьяный человѣкъ, то и стали говорить, что онъ легъ на дрейфъ или дрейфуетъ; и несмотря на дальновидѣніе кн. Щербатова, мы не видали Борнгольма, пройдя мимо него ночью.

Наконецъ, мы благополучно прошли Финскій заливъ и вступили въ Кронштадтъ. Путешествіе наше по морю продолжалось болѣе мѣсяца, послѣ чего насъ высадили въ Ораніенбаумѣ.

Сообщилъ Александръ Безгинъ.

Изъ воспоминаній о плаваніи на крейсерѣ „Африка".

Отъ редакціи.

„Русская Старина", разбирая русскую жизнь со всѣхъ сторонъ, даетъ біографіи выдающихся людей, описаніе быта и разныхъ событій изъ исторіи русской жизни. Предлагаемыя „воспоминанія" открываютъ еще одну сторону жизни, а именно воспоминанія изъ быта русскихъ моряковъ за границей, попутно давая описаніе посѣщенныхъ ими странъ. Условія прежнихъ плаваній въ доцензовое время совершенно не похожи на нынѣшнія и отошли въ область старины, а потому не безынтересно будетъ воскресить въ памяти былое.

Въ 1880 году въ виду ожидавшихся политическихъ осложненій на Дальнемъ Востокѣ, изъ Кронштадта были отправлены нѣсколько судовъ на пополненіе эскадры Тихаго океана. Положеніе казалось настолько серьезнымъ, что управляющій морскимъ министерствомъ, генералъ-адъютантъ вице-адмиралъ Степанъ Степановичъ Лесовскій, рѣшилъ самъ принять командованіе морскими силами въ Тихомъ океанѣ, отбывъ на востокъ со своимъ штабомъ на одномъ изъ коммерческихъ пароходовъ. Суда же эскадры уходили изъ Кронштадта по мѣрѣ своей готовности.

Въ составъ ея вошелъ также крейсеръ „Африка" подъ командой капитанъ-лейтенанта Е. И. А.

Такая серьезная цѣль посылки судовъ, конечно, была очень привлекательна для насъ, молодежи, поэтому получить назначеніе на „Африку" оказалось, за большой конкурренціей, не такъ легко; тѣмъ не менѣе мнѣ удалось, по выбору начальства, попасть въ число

немногихъ счастливчиковъ въ плаваніе на крейсеръ. Впослѣдствіи политическія тучи разсѣялись, суда вернулись, но на долю „Африки" все-таки выпало крайне рѣдкое и интересное плаваніе, воспоминаніями о которомъ постараюсь подѣлиться съ читателями. Это плаваніе можно смѣло назвать по интересу даже выдающимся, хотя бы по сравненію съ плаваніями другихъ судовъ, уже не говоря о послѣднихъ годахъ плаванія тихоокеанской эскадры, которое заключалось только въ переходахъ изъ Владивостока въ Портъ-Артуръ и обратно, съ рѣдкимъ заходомъ въ Нагасаки и долгимъ стояніемъ въ резервѣ, что совершенно отбивало охоту къ службѣ и не давало практики въ морскомъ дѣлѣ.

Въ доброе старое время плавали за границей по многу лѣтъ и, по возвращеніи въ Кронштадтъ, случалось, прямо переходили на корабль, уходящій въ кругосвѣтное плаваніе, не перебираясь на берегъ. Долголѣтняя практика вырабатывала хорошихъ офицеровъ и командировъ, не заботившихся о счетѣ дней для выполненія пагубнаго ценза, отравившаго флотъ. Отправляя въ плаваніе, не говорили, на сколько лѣтъ посылаютъ, да и сами не спрашивали, такъ и нашъ крейсеръ ушелъ какъ будто на годъ, а плавалъ три съ половиной года, не смѣняя ни офицеровъ, ни команду. При такихъ условіяхъ офицеры отлично знали свою команду и могли быть вполнѣ въ ней увѣрены.

Въ день отхода „Африки" (1-го іюня) на крейсеръ собралось много родныхъ и знакомыхъ проводить близкихъ, покидавшихъ родину можетъ быть на долго. Торжественность проводовъ увеличивалась еще присутствіемъ на крейсерѣ семьи главнаго командира Кронштадтскаго порта, которую крейсеръ долженъ былъ по пути доставить въ Англію на островъ Уайтъ. Много бы еще хотѣлось передъ разлукой поговорить съ родными и близкими, но пришелъ моментъ разставанія и, обмѣнявшись напутствіями и пожеланіями, гости разъѣхались, а крейсеръ, слѣдуя по своему назначенію, плавно тронулся въ путь при крикахъ „ура!" съ стоявшихъ на рейдѣ судовъ.

По морскимъ обычаямъ не полагается на военныхъ судахъ принимать пассажировъ, а тѣмъ болѣе дамъ и дѣтей, исключенія дѣлались по особому каждый разъ разрѣшенію высшаго начальства, такъ было и въ настоящемъ случаѣ. Семья уважаемаго главнаго командира Кронштадтскаго порта вице-адмирала Петра Васильевича Козакевича въ лицѣ его супруги Анны Дмитріевны съ дѣтьми отправилась въ Англію, помѣстившись въ каютѣ командира, который въ свою очередь перебрался въ походную рубку.

Въ многихъ случаяхъ пассажиры стѣсняютъ офицеровъ и на-

рушаютъ обыденный строй, наши же гости не только не стѣснили насъ, но мы искренне пожалѣли, когда они покинули крейсеръ по приходѣ въ Плимутъ.

Послѣ очень непродолжительной стоянки въ Портсмутѣ 7-го іюня пришли въ Шербургъ, гдѣ простояли сравнительно долго изъ-за небольшого поврежденія машины. Несмотря на то, что Шербургъ порядочно скучный городъ, стоянка въ немъ оставила хорошее впечатлѣніе благодаря радушію и любезности французовъ и нашего вице-консула Постель. Не преминули осмотрѣть военный портъ и немногія достопримѣчательности города.

Во время стоянки въ Шербургѣ намъ удалось попасть въ день французскаго національнаго праздника за городъ на гулянье. Устройство вродѣ нашихъ гуляній: въ палаткахъ пьютъ пиво и вино, а на открытомъ воздухѣ публика увлекается каруселями, стрѣльбой въ цѣль и др. обычными развлеченіями, не въ нихъ конечно привлекательная сторона, а въ заразительномъ веселья самихъ французовъ. Веселье царило повсюду, захватывая въ свой кругъ всѣхъ безъ исключенія, увлеклись и мы, отдаваясь веселью наравнѣ съ другими.

Въ Шербургѣ были на вечерѣ у морского префекта; по поводу этого вечера, одинъ изъ молодыхъ офицеровъ писалъ домой: „было три очень хорошенькихъ барышни, съ одной изъ нихъ я танцевалъ кадриль; костюмы очень изящны, особенно замѣчательны ажурные чулки и бѣлыя туфли, платья для танцевъ спереди короткія, вообще народъ очень веселый и любезный“.

19-го числа крейсеръ ушелъ въ Портъ-Саидъ съ заходомъ въ Алжиръ.

Собственно послѣ Шербурга мы начали разбираться въ своей обстановкѣ, и надъ финансовымъ вопросомъ пришлось призадуматься: жалованья и морского довольствія, за вычетомъ оставленныхъ въ Россіи 30 рублей, дали 492 франка, а въ каютъ-компаніи взяли 450 франковъ, слѣдовательно, на руки 42 франка. Вотъ и живи какъ хочешь, а еще говорятъ, „вы за границей такъ много получаете“.

Въ Портъ-Саидѣ простояли до 9-го іюля въ ожиданіи очереди входа въ Суэцкій каналъ, берега котораго печальны и крайне однообразны—нигдѣ не видно зелени, только городъ Измаилія, расположенный на берегу большого озера, даетъ возможность глазу отдохнуть на зелени его садовъ. 10 іюля вышли въ заливъ того же имени, берега его такъ же пустынны и безотрадны, какъ и берега Суэцкаго канала; вдоль африканскаго берега тянутся невысокія возвышенности сначала буро-желтаго цвѣта, затѣмъ буро-краснаго

цвѣта. Азіятскій берегъ не лучше—только мѣстечко Елимъ или источникъ Моисея, гдѣ по преданію останавливались израильтяне послѣ перехода черезъ Чермное море, ласкаетъ взоръ, утомленный однообразіемъ окружающихъ береговъ. Мѣстечко Елимъ принадлежитъ нашему вице-консулу въ Суэцѣ.

До Суэца погода все время благопріятствовала намъ, и мы совершенно избаловались прекрасными переходами, зато въ Красномъ морѣ насъ порядочно потрепало, и переходъ вышелъ тяжелымъ. Сильный вѣтеръ съ африканскаго берега не только развелъ большую волну, но и засыпалъ крейсеръ мелкимъ раскаленнымъ пескомъ, проникавшимъ рѣшительно повсюду. Отъ этого горячаго, сухого воздуха трескается кожа, пухнутъ губы и дыханіе становится затруднительнымъ. Эти мученія вмѣстѣ съ сильнѣйшей качкой создали положеніе просто невыносимое. Въ первый же день большинство офицеровъ не выдержало, немного осталось на ногахъ, да и тѣ отказались отъ пищи, зато мы со старшимъ офицеромъ удѣлили большую дозу вниманія обѣду, такъ какъ вліяніе качки выразилось у насъ въ развитіи аппетита. Бѣдному нашему повару пришлось преодолѣть много препятствій, чтобы приготовить обѣдъ, и это ему удалось, несмотря даже на голову, расшибленную упавшей скамейкой.

Непривычка къ жарѣ давала себя сильно чувствовать; термометръ показывалъ наверху 45° Р., въ каютъ-компаніи же 37°, даже окачиваніе водой не приносило облегченія, зато кусочекъ льду за обѣдомъ былъ для насъ лучше всякаго лакомства. Вообще плаваніе по Красному морю и въ другихъ отношеніяхъ признается труднымъ: усѣянное массой острововъ и скалъ, Красное море требуетъ большого вниманія и тщательной прокладки курса.

Изъ острововъ значительнѣе другихъ Перимъ; этотъ островъ, скалистый въ южной части, къ сѣверу понижается и образуетъ низменность, въ самой высокой части острова стоитъ маякъ. Въ юго-восточной части имѣется хорошій портъ во внутреннемъ заливѣ, удобный для стоянки судовъ. Характеръ южныхъ береговъ Краснаго моря также мало утѣшителенъ, то же отсутствіе зелени, только скалы съ зазубренными вершинами, темнымъ пескомъ и каменьями нарушаютъ однообразіе картины, да вдоль берега тянется полоса ярко-бѣлаго, сверкающаго на солнцѣ, песка.

Когда крейсеръ вошелъ въ Аденскій заливъ, всѣ вздохнули свободнѣе, и настроеніе перемѣнилось—къ удовольствію окончанія тяжелаго перехода присоединился еще интересъ осмотрѣть новый для насъ городъ, твердыню англичанъ, имѣющую важное значеніе.

Общій видъ береговъ Аденскаго залива тотъ же, что и южной

части Краснаго моря—тѣ же опаленныя солнцемъ груды камней и горы красновато-бураго цвѣта. Приближаясь къ Адену, прежде всего вы видите двѣ большія, скалистыя группы горъ, изъ которыхъ каждая образуетъ полуостровъ. Западная группа, называемая Джебель-Гассанъ, имѣетъ главную вершину въ видѣ сахарной головы, другая же на восточной сторонѣ очень странной формы, называется „ослиными ушами".

Восточная группа носитъ названіе Джебель-Шамшанъ или Аравійскій мысъ, она представляетъ также скалистую возвышенность. Этотъ пунктъ англичане заняли въ 1839 г. и возвели на немъ укрѣпленія, чѣмъ обратили Аденъ въ неприступную крѣпость.

Къ сѣверу отъ береговъ бухтъ простирается далеко въ глубь страны песчаная поверхность, покрытая чахлыми кустарниками и нѣсколькими тощими пальмами.

Западный заливъ или Бандеръ-Тувайгіи болѣе извѣстенъ на мѣстѣ подъ именемъ „Задняго Аденскаго залива"; онъ лежитъ между вышеупомянутыми возвышенностями, вдаваясь въ глубь материка на нѣсколько миль, и имѣетъ три внутреннихъ залива. На берегу одного изъ нихъ, болѣе доступнаго по глубинѣ для стоянки судовъ, и помѣщается собственно европейская часть Адена. Въ трехъ миляхъ отъ него въ глубокой котловинѣ, окруженной со стороны материка горными массивами, раскинута арабская часть Адена.

Одинъ конецъ горныхъ массивовъ, имѣющій подобно другимъ остроконечныя вершины, доходитъ до берега, образуя небольшой мысокъ, противъ котораго лежитъ маленькій, скалистый островокъ Сирахъ, укрѣпленный фортомъ.

Европейская часть Адена состоитъ изъ небольшой площади, расположенной между горами и моремъ; эту площадь окаймляютъ нѣсколько десятковъ двухъ-этажныхъ домовъ и сараевъ-складовъ.

Всѣ зданія одного типа—внизу магазинъ или контора, на верху жилье. Гостиница удивительно плохая, безъ всякаго комфорта. Естественно, что осмотръ такого города не занялъ много времени, и мы, взявъ извозчиковъ, отправились въ арабскую часть Адена. По выѣздѣ изъ города вдали виднѣются арабское и еврейское кладбища, далѣе дорога идетъ мимо бѣдной арабской деревушки, а еще далѣе, поднимаясь вверхъ, проходитъ черезъ узкое, скалистое ущелье, надъ которымъ перекинута полукруглая арка, служащая мостомъ для сообщенія между укрѣпленіями на вершинахъ скалъ. Ущелье это защищено батареей, тутъ же казарма и гауптвахта Послѣ вечерней зори, ворота закрываются, чѣмъ прерываютъ всякое сообщеніе между обоими городами. Проѣхавъ по городу мимо

жалкихъ арабскихъ домиковъ, мы подъѣхали къ знаменитымъ аденскимъ систернамъ, служащимъ для сбора и храненія воды. Они представляютъ рядъ громадныхъ водоемовъ, расположенныхъ уступами на различной глубинѣ, внутренняя сторона ихъ выложена камнемъ, покрытымъ цементомъ. Въ водоемы ведутъ лѣстницы, а на верху устроены площадки. Дождь въ Аденѣ выпадаетъ одинъ разъ въ нѣсколько лѣтъ, и запасъ воды конечно недостаточенъ для всѣхъ жителей на продолжительное время, поэтому на берегу моря поставлены опрѣснители для общаго пользованія. Около систернъ разбитъ чахлый садъ, растенія плохія, да и тѣ большею частію въ кадкахъ. Этой поѣздкой исчерпывается весь интересъ стоянки, и потому никто не пожалѣлъ, что 19-го іюля мы распростились съ Аденомъ и вышли въ Индѣйскій океанъ. Онъ встрѣтилъ насъ не особенно милостиво, хотя мы попали сразу въ попутный муссонъ; сильный вѣтеръ прибавлялъ ходу, но вмѣстѣ съ тѣмъ не оставлялъ крейсеръ въ покоѣ, заставляя его качаться со стороны въ сторону довольно ревностно, при чемъ розмахи доходили до 30 и болѣе градусовъ. Въ добавокъ къ этому влажность воздуха, при сильной жарѣ, была настолько велика, что все дѣлалось мокрымъ: и постель, и бѣлье, и платье на себѣ. Горячей пищей не всегда пользовались, сначала повару удалось сварить супъ, но услужливый муссонъ выплеснулъ его изъ кастрюли. Дальше ужъ не помню, что и какъ онъ готовилъ, но только мы съ нетерпѣніемъ ждали прихода въ Сингапуръ. Были и развлеченія—сильные шквалы съ дождемъ часто нападали на крейсеръ, днемъ еще они не доставляли особенныхъ хлопотъ, зато ночью прямо надоѣдали. Стоишь на мостикѣ, кругомъ непроглядная тьма, и вдругъ со стороны идетъ что-то черное, темнѣе ночи, едва успѣешь сдѣлать распоряженіе объ убавкѣ парусовъ, какъ раздается свистъ и вой въ снастяхъ и проливной дождь промочитъ насквозь. Вахтенный начальникъ спроситъ, все ли благополучно на марсѣ, и получивъ отвѣтъ, опять шагаетъ до слѣдующаго шквала, внимательно всматриваясь въ окружающую тьму. Вообще этотъ переходъ вышелъ не лучше предъидущаго и если бы не дружный, симпатичный составъ каютъ-компаніи, было бы совсѣмъ плохо. Нельзя умолчать объ одномъ важномъ обстоятельствѣ, что всѣ офицеры были молодые и неженатые. Мы, какъ могли, разнообразили время, сообразуясь съ условіями плаванія и строгимъ судовымъ режимомъ; много читали и знакомились изъ книгъ со страной и городами, куда лежалъ нашъ путь, хотя много времени поглощала служба, ученья и работы, задаваемыя командиромъ. По мѣрѣ приближенія къ Малаккскому проливу океанъ сталъ спокойнѣе, и намъ удалось видѣть одно изъ рѣдкихъ явленій

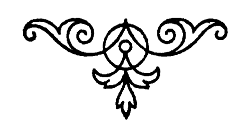
природы: все море кругомъ до горизонта представляло тускло свѣтящуюся поверхность молочнаго цвѣта съ рѣзко очерченными границами. Крейсеръ, идя по темной водѣ, постепенно приближаясь къ этой какъ бы снѣжной равнинѣ, вошелъ въ нее и въ теченіе часа шелъ точно въ молокѣ, между тѣмъ вода, зачерпнутая изъ-за борта, не имѣла никакого цвѣта.

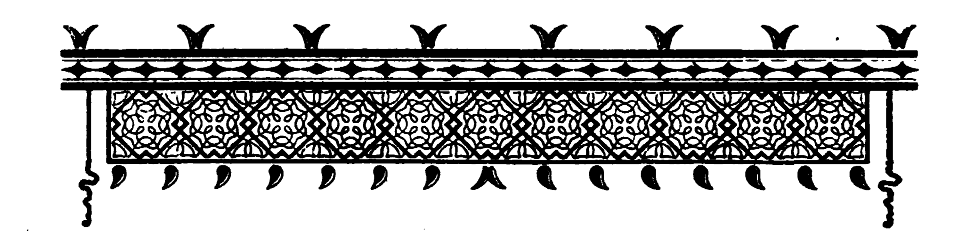
Вошли въ Малаккскій проливъ при пасмурной погодѣ, но берега острова Суматры все-таки увидѣли, также какъ и два скалистые рифа, которые предшествуютъ сѣверо-западной оконечности Суматры; дальше открывается самый островъ, на которомъ расположенъ городъ Ачинъ, его почти не видно, только бѣлый маякъ указываетъ входъ къ нему.

Съ лѣвой стороны видны два острова, покрытые роскошной растительностью. Въ самомъ проливѣ прибрежная полоса Суматры покрыта частью лѣсомъ, частью кустарникомъ; дальше къ востоку чаще попадаются холмы, покрытые только травой, и виднѣются блѣдно-зеленыя полосы горнаго риса. Внутренность же острова Суматры покрыта богатой тропической растительностью.

3-го августа крейсеръ подошелъ къ Сингапуру.

В. Рудневъ.

Ошибки короля Лира.

(Изъ воспоминаній о Москвѣ).

I.

Въ шестидесятыхъ годахъ прошлаго столѣтія, съ началомъ преобразованій Императора Александра Николаевича, сразу измѣнилась жизнь учебныхъ заведеній. — Духъ времени отразился и на жизни кадетскихъ корпусовъ: изъ подтянутыхъ, вымуштрованныхъ, воспитанники этихъ заведеній какъ бы сразу сдѣлались распущенными; кадеты въ стѣнахъ корпусовъ, что называется, забунтовали; то и дѣло было слышно объ отправленіи въ разные корпуса, по высочайшему повелѣнію, особыхъ инспекторовъ—генераловъ для производства разслѣдованія; бунты выходили по большей части изъ-за пустяковъ—горькое масло подано къ кашѣ, въ щахъ нашелся капустный червякъ или въ пирогѣ оказался запеченнымъ черный тараканъ—или наконецъ какого-нибудь упрямца, не желавшаго носить установленной формы—короткіе волосы, обстригутъ въ присутствіи роты на барабанѣ,—рота зашумитъ, за ней другая, смотришь, шумитъ весь батальонъ, получился корпусной бунтъ, который нерѣдко кончался очень серьезно; при неосторожномъ, неосмотрительномъ, грубомъ вмѣшательствѣ кого-либо изъ офицеровъ-воспитателей, какой-нибудь горячій юнецъ бывало, безъ всякой мысли о благоразуміи, или о справедливости, нанесетъ усмирителю оскорбленіе дѣйствіемъ и за это бѣшенное, ни съ чѣмъ несообразное, „молодечество" попадетъ въ солдаты,—вся карьера, не успѣвши еще начаться,—гибла безвозвратно.

Было нѣсколько такихъ случаевъ, что сѣрую шинель надѣвали сразу пять - шесть человѣкъ, и много было такихъ жертвъ именно въ то переходное время.

Все это дало высшимъ военнымъ сферамъ мысль о необходимости преобразованія кадетскихъ корпусовъ, и скоро вылилось въ ту форму, что спеціальные классы были отдѣлены отъ общихъ. Въ концѣ лѣта 1863 года воспитанники, коимъ подлежало въ кадетскихъ корпусахъ перейти изъ пятаго общаго класса въ первый спеціальный и изъ перваго спеціальнаго во второй,—были отъ всѣхъ корпусовъ (кромѣ Сибирскаго и Оренбургскаго) выдѣлены и образовали собой три военныхъ училища—1-е Павловское, 2-е Константиновское — въ Петербургѣ и 3-е Александровское — въ Москвѣ.

Въ Александровское училище (на Знаменкѣ) собраны были юнкера изъ кадетъ Московскихъ корпусовъ—1-го, 2-го и Александринскаго сиротскаго, а также изъ Воронежскаго и Орловскаго.

Жутко пришлось юнкерамъ на первыхъ порахъ; всѣмъ завоеваннымъ ими вольностямъ сразу былъ положенъ конецъ; пошла сильная „подтяжка"; все было втянуто въ колесо строжайшей субординаціи и суровой дисциплины; на многое юнкера жаловались, тяготясь тѣмъ непривычнымъ режимомъ, о которомъ, въ послѣдніе годы безшабашной кадетской жизни, они забыли думать и вспоминать.

II.

Между прочимъ, въ кадетскихъ корпусахъ рядомъ съ простою распущенностью, развито было кое-что и хорошее; вслѣдствіе болѣе чѣмъ снисходительнаго взгляда начальства на позднее возвращеніе кадетъ изъ отпусковъ въ воскресные дни, они получили возможность посѣщать театры.—Театровъ въ Москвѣ тогда и было-то всего два—Большой да Малый, и вотъ верхнія мѣста обоихъ театровъ по воскресеньямъ запестрѣли красными, синими и бѣлыми погонами кадетъ, наводнявшихъ и оперу Большого театра и комедію Малаго—тогда находившагося въ самомъ расцвѣтѣ.—То были времена Садовскаго, Самарина, Шумскаго, Живокини, Разсказова, Дмитревскаго, Медвѣдевой, Никулиной-Косицкой, Васильевой, Акимовой;—тогда именно появилась и сразу стала любимицей публики семнадцатилѣтняя Позднякова, вышедшая вскорѣ замужъ за начинавшаго же актера Ѳедотова—славная Гликерія Николаевна.

Многіе изъ кадетъ жили театральною жизнью; всецѣло отдаваясь ей, они пристрастились и къ театру и къ актерамъ, доставлявшимъ массу наслажденія своей чудной игрой.

И вдругъ собранные въ военное училище, переименованные въ юнкеровъ, они лишились возможности доставлять себѣ это пріят-

ное и, по истинѣ, полезное удовольствіе; отпуски со двора стали разрѣшаться ежедневно, но возвращаться въ стѣны училища было обязательно къ 9 час. веч. Никакъ не попадешь въ театръ.

Такъ юные театралы томились цѣлыхъ 8 мѣсяцевъ—съ конца августа 63-го до начала мая 64 года.

Въ началѣ мая, когда начались годовые экзамены—въ старшемъ выпускные, въ младшемъ переходные—совершенно неожиданно, послѣдовало высочайшее повелѣніе о немедленномъ выпускѣ юнкеровъ старшаго класса военныхъ училищъ въ офицеры безъ экзамена.

Старшій классъ возликовалъ, а младшій,—повѣсилъ носъ; въ сущности, ему оставили то, къ чему онъ уже и приготовлялся, т. е. держаніе экзамена; но какъ же, старшіе товарищи освобождены,—а мы нѣтъ,—выходило какъ будто бы насъ чего-то лишили, у насъ что-то отняли.

III.

Время пребыванія воспитанниковъ старшаго класса въ зданіи училища до дня производства, разумѣется, должно было обусловить нѣкоторыя поблажки со стороны начальства для нихъ, какъ для юнкеровъ, которые готовились, не сегодня-завтра, надѣть офицерскія эполеты.—Пошла разборка вакансій, а затѣмъ начались заказы мундировъ; заблестѣли въ стѣнахъ училища, рядомъ со скромными пѣхотными, артиллерійскими и саперными мундирами, гусарскіе ментики и доломаны, а также уланскіе мундиры съ бѣлыми, синими, красными, желтыми отворотами, зазвенѣли шпоры, юнкера выпускного класса получили дозволеніе беззвозбранно отлучаться изъ училища во всякое время и возвращаться въ роты, когда имъ заблагоразсудится.—Юнкерамъ же младшаго класса оставалось съ грустью продолжать усвоивать исторію профессора Моск. унив. С. М. Соловьева, аналитическую геометрію Н. Н. Алексѣева, химію проф. Ласковскаго, статистику профессора Бабста или его помощника Завадскаго [1]) Всѣ эти просвѣщенные люди также какъ

---

[1]) Владиславъ Ромуловичъ,—тогда юный кандидатъ правъ Москов университета, былъ приданъ въ помощь профессору Бабсту; онъ давалъ разъясненія по стастистикѣ и провѣрялъ въ теченіе года наши знанія.—Дойдя по судебной части—въ судахъ и въ судебныхъ палатахъ (Харьковъ, Москва) до высшихъ ступеней, онъ впослѣдствіи занималъ постъ управл. межевой частью на правахъ товарища министра юстиціи, а послѣ того былъ назначенъ первоприсутств. департ. герольдіи.—Онъ болѣе, чѣмъ кто-либо, вселялъ въ юнкерахъ жажду пріобрѣтенія знаній, пріохочивалъ

Капустинъ (Мих. Ник.), Юркевичъ, Иванцовъ-Платоновъ читали намъ лекціи, они сильно подняли въ юнкерахъ желаніе набираться знаній; но молодость брала свое: мы сѣтовали на то, что нашихъ старшихъ товарищей освободили, а насъ оставили томиться за книжкой.

Съ теченіемъ времени, въ этотъ періодъ радостей старшаго класса и юнкера младшаго получили нѣкоторое облегченіе: разрѣшено было и имъ возвращаться въ училище не въ 9 ч. вечера, а по окончаніи спектаклей въ театрахъ; сдѣлано это было не такъ, что юнкера, мимо воли начальства, понемногу завоевали себѣ свободу въ этомъ отношеніи; нѣтъ, не такое было начальство: нашъ незабвенный начальникъ училища инженеръ генералъ-маіоръ Борисъ Антоновичъ Шванебахъ былъ слишкомъ опредѣленный человѣкъ: онъ увидѣлъ, что волна упоенія старшаго класса не можетъ не отразиться на настроеніи младшаго, а потому, очень скоро сообразивъ все, онъ объявилъ намъ эту льготу во всеуслышаніе:—ходите въ театры наравнѣ со своими старшими товарищами, но не забывайте ни на минуту объ артиллеріи, фортификаціи, тактикѣ и проч.;—не жертвуйте науками театру, театръ отъ васъ не уйдетъ, а моменты пріобрѣтенія знаній можете упустить; кромѣ того пониженіе переводныхъ балловъ можетъ сильно отразиться на будущности.—Мы и умудрялись, повышая среднія отмѣтки на экзаменахъ, не выходить, что называется, изъ театра—въ такой мѣрѣ раньше недоставало намъ этого удовольствія.

IV.

Кончились наши экзамены, разъѣхались произведенные въ офицеры старшіе товарищи, въ числѣ ихъ въ то время находились—Варламовъ, вездѣ оканчивавшій со внесеніемъ его имени на мраморную доску (Воронежскій корпусъ, Александровское военное училище, Михайловское артиллерійское училище и артиллерійская академія), Николай Константиновичъ Шауфусъ (нынѣшній м-ръ путей сообщ.), А. Г. Вендрихъ (товарищъ м-ра п. с.), А. П. Скугаревскій (впослѣдствіи начальникъ штаба гвардейскаго корпуса, командиръ 8 корпуса, нынѣ предсѣдатель комитета по образованію войскъ) и друг. Младшій классъ сдѣлался старшимъ; въ младшій наѣхали снова юнкера изъ кадетъ

ихъ къ серьезному прохожденію курса наукъ, немало поощрялъ любовь къ театрамъ, былъ очень любимъ юнкерами; они всегда видѣли въ немъ и чувствовали какъ бы близкаго себѣ человѣка; все это вышло какъ-то само собой.

(въ числѣ ихъ, между прочимъ, изъ 2-го Московскаго В. В. Сахаровъ, впослѣдствіи генералъ-адъютантъ, военный министръ).—Вновь образовавшійся батальонъ училища отвели въ лагерь на Ходынское поле и запрегли въ муштру; опять пришлось забыть о театрахъ и о прочихъ развлеченіяхъ.

Однако Б. А. Шванебахъ не забылъ того, что юнкера сумѣли пользоваться театрами и въ то же время сдавали экзамены нисколько не слабѣе; онъ съ новаго учебнаго 1864/5 года разрѣшилъ возвращаться изъ отпусковъ послѣ окончанія спектаклей; самъ онъ любилъ театръ, посѣщалъ его частенько и бывало посматриваетъ изъ перваго ряда креселъ на верхъ, какъ его питомцы чинно ведутъ себя „въ райкѣ".

— Любуюсь вами, говорилъ онъ не разъ: тихо, смирно себѣ сидите и предаетесь удовольствію; да и то сказать, положительно въ зрѣлый возрастъ вы входите и уже не маленькіе вы для того, чтобы легкомысленно манкировать наукой въ ущербъ удовольствіямъ.

Наступилъ 1865-й годъ; быстро прошли первые мѣсяцы; съ нетерпѣніемъ ожидали юнкера старшаго класса начала мая—времени экзаменовъ; они были наивно увѣрены въ томъ, что и ихъ труды поощрятся Высочайшимъ повелѣніемъ о производствѣ въ офицеры безъ экзаменовъ.—Не тутъ-то было,—всѣ экзамены до малѣйшей подробности были съ насъ строго взяты; только по окончаніи усидчиваго труда, а затѣмъ тяжелаго лагернаго сбора на Ходынкѣ, мы получили разрѣшеніе въ концѣ іюля разобрать вакансіи по полкамъ; лишь въ августѣ 7-го числа состоялось производство.

V.

Страдная пора экзаменовъ для кого изъ насъ облегчилась, а для кого утягчилась тѣмъ, что совершилось въ Маломъ театрѣ—на мѣсяцъ пріѣхалъ изъ Петербурга знаменитый Вас. Вас. Самойловъ; это считалось большимъ событіемъ; вся Москва ежедневно привлекалась насладиться его игрой; а онъ, на-ряду съ русскими піесами, поставилъ репертуаръ Шекспировскихъ твореній,—Гамлетъ, Король Лиръ, Макбетъ;—желаніе посмотрѣть все это заполняло раекъ сѣрыми шинелями „юнкеровъ со Знаменки".

На этотъ разъ увлеченіе гастролями (тогда этого слова не употребляли) не прошло такъ благополучно для всѣхъ: многіе изъ юнкеровъ въ такой степени понизили свои отмѣтки на экзаменахъ, что вмѣсто перваго разряда по выпуску оказались во второмъ—изъ 146 человѣкъ 53 вышли съ чиномъ прапорщика вмѣсто подпоручика,

тогда какъ по разсчету годовыхъ отмѣтокъ предвидѣлось прапорщиковъ не болѣе 20—25 человѣкъ. Вотъ что надѣлалъ въ тотъ годъ Вас. Вас. Самойловъ, давшій массу эстетическаго наслажденія юнцамъ въ сѣрыхъ шинеляхъ.

VI.

Вспоминая представленія Самойлова, нельзя не отмѣтить нѣсколько небольшихъ курьезовъ.

Когда онъ въ роли короля Лира раздѣлялъ свои помѣстья дочерямъ, то между прочимъ, указывая по картѣ участки, которые имъ были намѣчены,—Гонерильѣ—весь этотъ край отъ той черты до этой, съ тѣнистымъ лѣсомъ, пышными лугами мы отдаемъ тебѣ съ потомствомъ во владѣнье, — съ паѳосомъ произнесъ Вас. Вас. и указкой отдѣлилъ ей на картѣ нашъ Крымъ съ Бессарабіей, Херсонью и съ частью Чернаго моря.

Когда, прогостивъ у Гонерильи, онъ увидѣлъ черную съ ея стороны неблагодарность и въ отчаянномъ гнѣвѣ рѣшилъ уѣхать отъ нея, то къ азартѣ злобы закричалъ: созвать коней, сѣдлать прислугу мнѣ скорѣй! (вмѣсто: сѣдлать коней, созвать прислугу мнѣ скорѣй). Въ одномъ мѣстѣ, когда весь театръ обратился въ напряженное вниманіе, къ тяжелой сценѣ, происходившей между Королемъ и Кентомъ,—который рѣшился защитить передъ Лиромъ его дочь Корделію,—Кентъ (Дмитревскій) замялся; В. В. Самойловъ, видя вѣроятно, что суфлеръ не спѣшитъ помочь, самъ, въ нетерпѣніи, началъ слова, которыя долженъ былъ произнести Дмитревскій: Кентъ льстецомъ не будетъ... Да да,—перебилъ его Дмитревскій, Кентъ льстецомъ не будетъ, когда король безумствуетъ;—Вас. Вас., не соразмѣривъ голоса, подсказалъ сгоряча довольно громко, а Дмитревскій подхватилъ подсказку какъ-то ученически и чудная сцена пропала.

Король Лиръ былъ поставленъ на сценѣ раза три; при повтореніи спектаклей ни такихъ, ни подобныхъ шероховатостей, конечно, не было допущено.

Москва наслаждалась спектаклями и игрой пріѣзжаго талантливаго артиста; но часть этой пребывавшейся тогда въ плѣсени старушки не могла простить невскому гостю, отчасти того, что онъ, между прочимъ, взялся за репертуаръ иноземнаго происхожденія, а отчасти и того, что онъ на время затмилъ „все мѣстное москворѣцкое“; многія газеты, схватившись за эти и подобные мелкіе эпи-

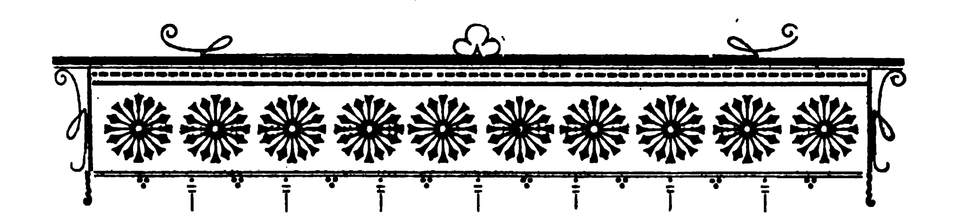
зоды, осмѣивали всю игру Вас. Вас., а одна изъ нихъ, заканчивая рецензію и подчеркивая ихъ на всѣ лады, возгласила:

Бѣда, коль пироги начнетъ печи сапожникъ,
А сапоги тачать пирожникъ.

Но эта брань на вороту не висла; огромныя заслуги почтеннаго, незабвеннаго Василія Васильевича Самойлова на поприщѣ отечественнаго искусства сказались во всей своей силѣ.

Сообщ. А. Е. К.

Генералъ Залѣсовъ.

(Воспоминанія).

III [1]).

При только-что сдѣланной мною общей характеристикѣ Залѣсова, при его отношеніяхъ къ офицерству, особенно къ молодежи, вернувшись изъ юнкерскаго училища въ полкъ и надѣвъ эполеты прапорщика, понятно, что чувствовалъ я себя по отношенію къ начальнику дивизіи—на неизмѣримомъ разстояніи и, по примѣру болѣе опытныхъ товарищей, старался даже избѣгать встрѣчъ съ нимъ на улицахъ Вильны, безъ церемоніи шмыгая въ сторону—въ первый попавшійся дворъ или переулокъ. О существованіи моемъ онъ узналъ впервые, разнеся меня на тактической задачѣ и поинтересовавшись моимъ „образованіемъ".

Познакомило насъ затѣмъ ближе неожиданно слѣдующее обстоятельство.

Въ дивизіи засталъ я уже такъ называвшіяся „собесѣдованія", учрежденныя Залѣсовымъ, которыя вѣрнѣе слѣдовало бы назвать лекціями, особенно когда „бесѣдовалъ" съ офицерами самъ генералъ: о возраженіи тутъ и рѣчи не было; всѣ только слушали и благодарили...

Такъ какъ скоро по прибытіи изъ юнкерскаго училища, обратилъ я вниманіе командира полка полковника А. слогомъ моимъ и знаніемъ литературы, то А., любившій не менѣе Залѣсова—при случаѣ щегольнуть передъ начальствомъ своими офицерами, а также знавшій, какое значеніе генералъ придаетъ „бесѣдамъ", предложилъ

[1]) См. „Русск. Стар.", апрѣль 1908 г.

мнѣ написать что-либо и прочесть написанное публично въ дивизіонномъ собраніи. Не принявъ во вниманіе завѣдываніе мною ротной школою лишь въ теченіе одной зимы, я немедленно рѣшилъ написать статью именно о школѣ, „о воспитательномъ“ ея значеніи. что́ въ двѣ недѣли и привелъ въ исполненіе съ храбростью юнаго, не разсуждающаго долго, прапорщика...

Тетрадь моя, довольно объемистая, тщательно-исписанная неувѣреннымъ еще почеркомъ, содержащая въ себѣ это, первое въ жизни моей, литературное произведеніе, вмѣстѣ съ приложеннымъ къ ней „мнѣніемъ“ Залѣсова, до сихъ поръ находится у меня, храня на поляхъ своихъ многочисленныя, собственноручныя возраженія генерала.—Помѣчена она мною 16 марта 1882 года.

Воспользуюсь ею, какъ интереснымъ матеріаломъ къ характеристикѣ Залѣсова.

Набрасывая въ черновикахъ работу мою и зная, что она пройдетъ черезъ цензуру начальника дивизіи, я увлекся критикою того, что казалось мнѣ въ тѣ дни на военной службѣ вообще, а въ 27 пѣхотной дивизіи въ особенности, страннымъ, ненормальнымъ. Давъ, поэтому, краткую историческую справку о развитіи въ русской арміи школьнаго дѣла и приведя примѣры изъ личной моей „практики“, я, подчеркивая съ намѣреніемъ духовную сторону образованія и воспитанія нижнихъ чиновъ при помощи ротной школы, позволилъ себѣ рядъ либеральныхъ отступленій. Однимъ словомъ, въ статьѣ моей молодость била ключомъ, смѣло, горячо протестуя противъ мертвящаго духа режима, который засталъ я въ дивизіи... О возможныхъ послѣдствіяхъ такой вылазки я, набрасывая статью, конечно, не думалъ.

Пропустивъ предисловіе, какъ нѣчто второстепенное, неважное, съ понятнымъ трепетомъ начинающаго писателя, да при томъ знакомящаго съ дѣтищемъ своимъ довольно строгаго, требовательнаго начальника, какимъ являлся для меня полковникъ А., я прочелъ послѣднему, на квартирѣ его, выдержки изъ моего произведенія. Мнѣ и въ настоящую минуту кажется, что А. не вслушался тогда внимательно въ то, что́ ему мною читалось—быстро, съ паѳосомъ, съ волненіемъ, будучи занятъ какими-либо другими соображеніями. Иначе, при осторожности его и знаніи взглядовъ на службу генерала Залѣсова, не допустилъ бы онъ въ такомъ видѣ трудъ мой на судъ къ его превосходительству. Впрочемъ,—какъ узналъ я гораздо позднѣе,—въ тѣ дни А. было не до офицерскихъ сочиненій: надъ головой его уже собирались уголовныя тучи, и въ отдаленіи громыхалъ громъ законной кары... Тѣмъ не менѣе, работа моя, даже въ извлеченіяхъ, пришлась по вкусу полковнику, и онъ, беря у меня

тетрадь для представленія Залѣсову, замѣтилъ довольно ободряющимъ тономъ:

— Да у васъ, прапорщикъ Жиркевичъ, отличный слогъ. И, знаете ли, даже... есть мысли... Прекрасно! Прекрасно! Не ожидалъ. Статья навѣрное понравится начальнику дивизіи!...

Нечего говорить, насколько польщенъ я былъ такимъ отзывомъ о моей работѣ, особенно въ виду того, что самъ А. щеголялъ слогомъ и любилъ пописывать.

Черезъ нѣсколько дней, однако, вызываетъ меня къ себѣ экстренно полковникъ А.

— Ну, прапорщикъ Жиркевичъ,—говоритъ онъ съ кислымъ видомъ, морща лобъ.—Не предполагалъ я, чтобы вы изволили такъ подвести меня съ вашей ужасною статьею... Благодарю!..

Вижу, что начальство не шутитъ, а на самомъ дѣлѣ не то смущено, не то разсержено.

— А что?.—задаю вопросъ упавшимъ голосомъ, предчувствуя заранѣе катастрофу.

— Какъ что?.. Вы еще спрашиваете!..—напустился на меня А. Да вы Богъ вѣсть какихъ, къ дѣлу не идущихъ сужденій, туда, въ статью вашу, понапихали!.. Генералъ Залѣсовъ, возвращая мнѣ тетрадь, замѣтилъ, что о многомъ отзываетесь вы рѣзко, такъ что, представь я ему вашу работу оффиціально, онъ вынужденъ былъ бы сдѣлать мнѣ замѣчаніе, какъ одобрившему статью, а васъ посадить подъ арестъ—за дерзость... Не ожидалъ... Впрочемъ... Вотъ и резюме начальника дивизіи. Полюбуйтесь-ка сами замѣтками на поляхъ статьи!..

— Да я, г. полковникъ—и не думалъ... Почему же не высказать всю правду?

— Не думали! Правду!—воскликнулъ съ негодованіемъ А., подавая мнѣ листъ бумаги, исписанный характернымъ почеркомъ Залѣсова.—А вотъ теперь, на досугѣ, подумайте!..

Я взялъ бумагу, помѣченную 26 марта, и прочелъ слѣдующее „мнѣніе“:

„Съ большимъ вниманіемъ прочелъ статью прапорщика Жиркевича и нахожу: 1) Офицеръ пишетъ хорошо, но весьма часто увлекается и строитъ, въ данное время, несбыточные идеалы; 2) Совершенно смѣшиваетъ цѣли народнаго и военнаго образованія, и вслѣдствіе этого обвиняетъ военную школу тамъ, гдѣ повинна собственно народная школа, требуя отъ военной того, чего она ни въ какомъ случаѣ дать не можетъ. 3) Офицеръ, какъ видно, не уяснилъ себѣ, что военное министерство взяло на себя трудъ грамотности, какъ мѣру временную, чуждую, и только въ силу край-

ности занялось этимъ дѣломъ, всецѣло лежащимъ на министерствѣ народнаго просвѣщенія. 4) Авторъ, въ изложеніи, безпрестанно отвлекается отъ своего предмета посторонними разсужденіями, имѣющими мѣсто въ какой-нибудь литературной газетѣ или журналѣ, а отнюдь не въ офицерской бесѣдѣ, и совершенно игнорируетъ всякое значеніе опыта въ дѣлѣ воспитанія солдата, съ чѣмъ никакъ нельзя согласиться. 5) За сдѣланными на поляхъ статьи отмѣтками, не нахожу возможнымъ допустить статью къ чтенію безъ значительныхъ сокращеній. Генералъ Залѣсовъ".

Въ сущности, отзывъ о работѣ крутого генерала былъ даже лестенъ для авторскаго моего самолюбія, почему, въ этомъ смыслѣ и началъ я мои объясненія; но А. не далъ мнѣ округлить фразу.

— Видите ли вы теперь, что такое написали?! загорячился онъ, когда я окончилъ чтеніе.—Особенно въ негодованіе привело меня ваше предисловіе, гдѣ вы—страшно сказать!—дерзнули окритиковать учрежденныя его превосходительствомъ бесѣды, отвергая какъ-бы самый смыслъ ихъ, пользу... И это кому же?! Гдѣ?! Въ статьѣ, подносимой для просмотра тому же начальнику дивизіи... Жалѣю, что не велѣлъ онъ мнѣ водрузить васъ на гауптвахту... Вотъ, кстати, полюбуйтесь-ка заодно и на отмѣтки генерала въ самой тетради!

Я развернулъ мое произведеніе, да такъ и ахнулъ отъ конфуза и ужаса, едва просмотрѣлъ бѣгло замѣчанія, сдѣланныя Залѣсовымъ къ моему „предисловію"...

Вообще въ тетради было много приписокъ рукой генерала въ родѣ—къ дѣлу не идетъ, ссылокъ на предыдущія страницы (въ виду обнаруженныхъ у меня генераломъ противорѣчій), вопросовъ, восклицательныхъ знаковъ, строчекъ, рѣзко подчеркнутыхъ цвѣтными карандашами.

Все это, равно какъ и мѣста статьи, вызвавшія такія отмѣтки, мною здѣсь пропускается, чтобы не утомлять вниманія читателя. Приведу лишь болѣе характерныя выписки изъ тетради съ замѣчаніями на нихъ Залѣсова.

Я написалъ, между прочимъ, въ предисловіи, что, взявшись за школьный вопросъ, предвижу, что получу упрекъ въ моей неопытности: „Какъ, скажутъ, прапорщикъ, прослужившій какіе-нибудь два года [1]), осмѣливается говорить о такихъ вещахъ, въ которыхъ необходимъ долгій служебный опытъ, высокое умственное развитіе и солидное образованіе". (Сбоку—отмѣтка Залѣсова: сила не въ прапорщикѣ, а въ долгомъ опытѣ и любви къ дѣлу").

---

[1]) Считая въ томъ числѣ и время, проведенное въ юнкерскомъ училищѣ.

Критикуя храбро такъ называемыя въ дивизіи „бесѣды“, я писалъ, что, предназначая статью мою для одной изъ такихъ бесѣдъ, понимаю вообще подъ словомъ бесѣда—свободный, безъ чиновъ, обмѣнъ мыслей между присутствующими, чего въ 27 пѣх. дивизіи не существуетъ. („Въ извѣстномъ размѣрѣ и духѣ“ дополнилъ мысль мою Залѣсовъ).

„Если же, иронизировалъ я:—предметами бесѣдъ будутъ избраны чтенія военныхъ авторитетовъ, или изложенія мыслей людей, искушенныхъ жизненнымъ опытомъ и компетентныхъ, то это уже, на мой взглядъ, не будутъ бесѣды, а лекціи. („Значитъ, возразилъ сердито генералъ:—отъ бесѣдъ должны быть отстранены всѣ люди опыта и знанія. Это—абсурдъ...“

„Не понимаю!„ написалъ Залѣсовъ, поставивъ огромный знакъ вопроса противъ того мѣста статьи, гдѣ я, съ самоувѣренностью, выразился:—Въ военной службѣ иногда опытъ нѣсколькихъ мѣсяцевъ значитъ болѣе, чѣмъ служебная дѣятельность нѣсколькихъ лѣтъ.

„Кромѣ того, развивалъ я далѣе мысль мою: у насъ отъ каждаго изъ офицеровъ требуется исполненіе его обязанностей, не справляясь, опытенъ онъ, или нѣтъ. („Соотвѣтственныхъ опыту“ пояснилъ генералъ).

По мѣрѣ писанья статьи, я все рѣзче и рѣзче нападалъ на начальство. Въ виду этого, и замѣчанія Залѣсова принимали все болѣе внушительный, порою прямо грозный, оттѣнокъ.

„А между тѣмъ, разсуждалъ я: каковы убѣжденія и взгляды молодыхъ офицеровъ, никто не интересуется“. („Если бы, написалъ генералъ,—принимать въ разсчетъ личный взглядъ каждаго офицера, то ни одинъ начальникъ не вынесъ бы такой египетской работы, да и что бы тогда вышло изъ службы?“).

„Офицеру, который на бесѣдахъ захотѣлъ бы высказаться, спросить совѣта и указаній, это рѣшительно невозможно— разсуждалъ я („неправда!“—отмѣтка Залѣсова): такъ какъ ему не позволятъ чистосердечно выложить свою душу и, или осмѣютъ, или просто подавятъ величіемъ своего опыта.“ („Авторъ—очень самолюбивъ!—примѣчаніе генерала:—И ниже противорѣчитъ себѣ“).

„Пусть позволятъ намъ, т. е. молодымъ офицерамъ, говорить на бесѣдахъ, въ кружкѣ своихъ товарищей, не стѣсняясь возможностью задѣть чье-либо самолюбіе или обидѣть кого-нибудь“! продолжалъ я, намекая на самого Залѣсова. („На все должна быть мѣра, а у военныхъ въ особенности!“ охладилъ пылъ мой оппонентъ).

„Говорить бездоказательно не слѣдуетъ“, написалъ онъ же противъ мѣста, гдѣ я высказался въ томъ смыслѣ, что на нашихъ

дивизіонныхъ бесѣдахъ, напримѣръ, будто бы умышленно обходятъ вопросъ о солдатской школѣ, какъ вопросъ, въ которомъ чувствуютъ себя некомпетентными.

„А, между тѣмъ, какая невообразимая путаница и произволъ царятъ въ нашей офицерской средѣ по этому вопросу (т. е. о школѣ), и никто не заводитъ рѣчи о необходимости пролить луча свѣта въ эту, позорную для всего нашего сословія, неурядицу!.. Пусть же позволено будетъ мнѣ высказаться“... излагалъ я. („Слишкомъ сильно! отмѣтилъ Залѣсовъ:—Никто и не запрещаетъ“).

„Тамъ, гдѣ я заявилъ, что отдаю работу мою на судъ людей, болѣе меня опытныхъ, генералъ даже съиронизировалъ, написавъ: „Вѣдь вы же опытъ по своему *величію* отвергаете“!..

„Неправда!“ красовалось противъ фразы, гдѣ я сказалъ, что всякое искреннее мнѣніе у насъ будетъ непремѣнно обвинено въ задней мысли.

— И такъ далѣе, и такъ далѣе! Заговорилъ раздраженнымъ тономъ полковникъ А., когда, по растерянному выраженію лица моего, убѣдился, вѣроятно, въ томъ, что я въ достаточной степени проникся репликами начальства:—Все такія же отмѣтки, а то и похуже, при томъ не въ одномъ лишь предисловіи, но и въ самой статьѣ... Не ожидалъ, прапорщикъ Жиркевичъ!.. Хотя, признаться, въ общемъ вы достаточно заинтересовали-таки нашего генерала вашей искренностью, и онъ нѣсколько разъ, во время бесѣды моей съ нимъ, въ шутку звалъ васъ—„нашъ литераторъ“...

— Ну, а теперь, какъ тамъ себѣ хотите—извольте, г. литераторъ, въ недѣлю исправить статью—по указаніямъ его превосходительства, принимая уже начальническій тонъ, продолжалъ полковникъ:—Сами заварили кашу—сами ее и расхлебывайте!

При этихъ словахъ въ моемъ молодомъ сердцѣ заговорило столь жестоко задѣтое самолюбіе, почему я храбро заявилъ, что ни на какія уступки и передѣлки ни за что не пойду.

— Пусть начальникъ дивизіи или запретитъ совершенно статью къ чтенію, развивалъ я мысль мою:—или разрѣшитъ прочесть ее въ томъ видѣ, какъ она написана...

Но полковникъ А., въ отвѣтъ, только повертѣлъ пальцами у лба своего, очевидно желая тѣмъ показать мнѣ, что, выражая подобныя требованія, я, безъ сомнѣнія, не въ своемъ умѣ...

Впрочемъ, въ концѣ нашего разговора, онъ сталъ даже самъ подсмѣиваться надъ той храбростью, съ которой рѣшился я высказать Залѣсову то, чего обыкновенно ему не говорятъ, т. е. правду.—Веселость полковника объяснилъ я себѣ и радостью, что на этотъ разъ все для меня и для него окончилось благополучно.

На прощанье мнѣ было объявлено, что „резюме“ свое на особомъ листѣ Залѣсовъ велѣлъ вернуть себѣ послѣ моего прочтенія. Но я тутъ же рѣшилъ оставить его у себя, что́ и сдѣлалъ... Скоро о безразсудно-смѣлой выходкѣ моей, о курьезной полемикѣ на бумагѣ съ „самимъ“ Залѣсовымъ, какъ-то сами собой всѣ узнали въ дивизіи, всѣ заговорили. Одно время мнѣ даже не давали прохода просьбами—показать автографы грознаго начальника дивизіи, насмѣшками—видимо не довѣряя слухамъ о правдѣ, мною высказанной. Скоро самому мнѣ казалось забавнымъ многое въ той вылазкѣ, которую учинилъ я противъ непоколебимаго авторитета, какимъ считался въ дивизіи Залѣсовъ.

Но все это пережилъ я потомъ. А пока... Пока, т. е. непосредственно послѣ непріятной бесѣды моей съ полковникомъ, послѣ встряски, мнѣ имъ данной, придя домой, прочтя внимательно и статью мою, и замѣтки Залѣсова, впервые сообразилъ я о той опасности, которой подвергнулъ себя, откровенно высказываясь...

— Да генералъ—чего добраго—принялъ меня за вольнодумца, за революціонера!—думалъ я, съ холодной испариною на лбу, бѣгая по моей убогой квартиркѣ. Такъ и тянуло меня еще и еще прочесть реплики Залѣсова, сопоставить ихъ съ высказанными мною взглядами, сдѣлать изъ всего этого общій выводъ. И самыя разнородныя чувства, мысли, предчувствія слетались въ разстроенную мою душу; страницы, строки прыгали, путаясь, предъ глазами. А, въ общемъ, все же считалъ я себя какъ бы несправедливо, обидно, даже жестоко, высѣченнымъ... Но за что?! Неужели за правду?!.— Моя статья была откровенной, горячею исповѣдью неиспорченнаго еще жизнью сердца, которую грубо осмѣялъ духовникъ, поэмой молодости, перечеркнутой сухимъ, равнодушнымъ цензоромъ, предательскимъ ударомъ врага въ раскрытую довѣрчиво грудь...

И, въ то же время, не могъ же самъ я отрицать того, что въ отповѣди, сдѣланной Залѣсовымъ,—много правды, особенно тамъ, гдѣ генералъ касается разныхъ моихъ „вольныхъ“ отступленій отъ основной темы статьи.

Пройдясь, напримѣръ, въ послѣдней на счетъ офицеровъ, которые, какъ я выразился картинно,—возводятъ убѣдительность кулака—въ принципъ, а затрещину—во всеоживляющій двигатель,—я получилъ строгую отмѣтку генерала: „къ дѣлу не идетъ!“

А вѣдь фраза, пока заносилась она мною въ тетрадь, казалась мнѣ такой эффектною, главное—соотвѣтствующей вопросу, о которомъ я говорилъ...

Коснувшись „новыхъ вѣяній, ворвавшихся въ казарму“, вынуждающихъ и офицерство съ ними считаться, я закончилъ словами:

„Съ этой точки зрѣнія лиризмъ простителенъ мнѣ“. („Только не для военной бесѣды!“ отрѣзалъ неумолимо генералъ).

Такъ и обдало меня отъ подобной отповѣди холодомъ:

— Надо же было, дѣйствительно, ввернуть, для краснаго словца, этотъ проклятый, не идущій къ дѣлу, „лиризмъ“!

„Желательно, но не всегда возможно“, замѣтилъ Залѣсовъ противъ мѣста, гдѣ я проводилъ мысль о томъ, что „въ нравственномъ воспитаніи солдата строевое образованіе и воспитаніе должны идти рука объ руку“.

Коснувшись неудовлетворительной постановки преподаванія Закона Божія въ ротной школѣ строевыми офицерами, упрекнувъ „большинство офицеровъ“ въ томъ, что „оно привыкло придерживаться буквы закона“,—я получилъ возраженіе: „Офицеры тутъ ни при чемъ! Опять дѣло народнаго образованія“.

По мнѣнію моему выходило, что „военная служба портитъ солдата“. „Наведите справки у толковыхъ мировыхъ судей, у слѣдователей, мировыхъ посредниковъ, вообще у лицъ, ближе стоящихъ къ народу, часто сталкивающихся съ его дурными и хорошими сторонами, проповѣдовалъ я:—И объ отставныхъ солдатахъ, въ общей сложности, услышите вы не совсѣмъ хорошіе отзывы.

На это Залѣсовъ, въ свою очередь, спросилъ:

„Авторъ наводилъ справку по всей Россіи?“

— Такъ и рѣжетъ, такъ и щелкаетъ!—волновался я—въ безсильномъ, обидчивомъ бѣшенствѣ.

— На взглядъ мой, „что въ нѣкоторыхъ ротахъ нашей арміи нравственный уровень нижнихъ чиновъ стоитъ на очень низкой степени“—Залѣсовъ отвѣтилъ:

„Слава Богу если только въ нѣкоторыхъ — на 800-тысячную армію!“

— А вѣдь снова правъ онъ, старикъ, правъ! — думалось мнѣ: Надо же было мнѣ такъ обобщать, такъ валить все въ одну кучу!

„И виноваты въ этомъ, конечно, офицеры“,—добавилъ я.

„Опять офицеры“!—протестовалъ генералъ.

— Господи! Да вѣдь онъ и въ самомъ дѣлѣ могъ подумать, будто-бы умышленно бросаю я грязью въ товарищей! — какъ вихрь проносилось въ моей головѣ: что я хочу выдѣлиться, показавъ себя, въ ущербъ другимъ, за образецъ...

Едва прочелъ Залѣсовъ о томъ, что—ротный командиръ обязанъ воспитывать роту свою „въ духѣ обще-человѣческихъ нравственныхъ принциповъ“—какъ внушительно подчеркнулъ: „обязанъ воспитывать ее въ духѣ военнаго закона. *Это долженъ авторъ знать и помнить*“.

Такъ и ждешь продолженія: А за либеральную болтовню посадить прапорщика Жеркевича на трое сутокъ на гауптвахту...

Коснувшись затѣмъ вопроса о томъ, что со введеніемъ вольноопредѣляющихся въ войска, могутъ въ среду нижнихъ чиновъ пробраться и люди, политически неблагонадежные, — я услышалъ отъ Залѣсова:

„Смотря потому, каковы будутъ командиры“.

Солдата никто не учитъ не уважать и гнушаться его семьи. „Это неправда!“—остановилъ меня генералъ, когда я высказался въ томъ смыслѣ, что часто на военной службѣ подрываютъ уваженіе въ нижнемъ чинѣ къ той мужицкой средѣ, изъ которой онъ вышелъ, хотя-бы уже кличками, употребляемыми при обученьи—„мужики“,— „деревенщина“ и т. п.·

Такъ мнѣ и послышался тутъ знакомый, слегка дрожащій голосъ, произносящій эту фразу.

На приведенные, для потвержденія сказаннаго, факты послѣдовала резолюція: „Примѣры единичные равносильны анекдотамъ, чтó къ серьезному дѣлу не идетъ“.

„Строй оставлю въ сторонѣ—откровенно сознался я: какъ дѣло, въ которомъ еще чувствую себя неопытнымъ“.

„Болѣе, чѣмъ странно для офицера!“ — отмѣтилъ Залѣсовъ.

— Вотъ и попался, глупо влопался съ такимъ признаніемъ!— засосало у меня подъ ложечкою грустное предчувствіе: вѣроятно генералъ, прочтя это мѣсто статьи, поставилъ уже крестъ противъ фамиліи моей въ своемъ секретномъ спискѣ офицеровъ, а въ ближайшемъ іюнѣ нарочно „хапнетъ“ роту, въ которой служу, на смотръ — для того чтобы провѣрить на дѣлѣ строевыя мои познанія...

И тутъ же я выругалъ себя довольно обидною кличкою.

„При подобномъ взглядѣ немыслимо *никакое* сообщеніе людямъ, если только они не пробудутъ въ школѣ лѣтъ 10—20“—отмѣтилъ авторитетно генералъ, когда я указалъ на то, что прежде, чѣмъ толковать въ школѣ ротной нижнимъ чинамъ о гигіенѣ,—надо познакомить ихъ съ отправленіями человѣческаго организма, а на усвоеніе подобныхъ отвлеченныхъ познаній большинство солдатъ, по развитію ихъ, неспособно.

Какъ примѣръ, привелъ я немедленно и случай изъ личныхъ моихъ наблюденій, когда, несмотря на разъясненія мои, унтеръ-офицерамъ той роты, гдѣ я служилъ, о вредѣ для здоровья воды, бравшейся ими изъ сосѣдняго ключа, нижніе чины эти упрямо продолжали пользоваться дурной водою, тогда какъ имѣлась, нѣсколько

дальше отъ казармъ, хорошая. При этомъ я употребилъ выраженіе „мужицкій желудокъ“.

— Жаль, что авторъ не далъ себѣ труда вникнуть и разъяснить, почему такъ поступили люди. Тогда бы онъ видѣлъ истинную причину и, конечно, не „въ мужицкомъ желудкѣ“... — возразилъ Залѣсовъ.

И мнѣ припомнилось, что брать дурную воду было для солдатъ удобнѣе, сподручнѣй—такъ какъ источникъ находился къ нимъ ближе, почему значительно сокращалось время для доставки воды. Несомнѣнно, здѣсь и скрывалась причина упорства унтеръ-офицеровъ. Генералъ это сейчасъ же угадалъ...

Поймавъ меня самого на употребленіи словъ „мужицкій желудокъ“ и рѣзко подчеркнувъ слово „мужицкій“, Залѣсовъ отмѣтилъ далѣе, противъ другого мѣста статьи моей:

„Это слово авторъ, говоря выше, нашелъ неприличнымъ и въ то же время себѣ позволяетъ такъ выражаться. Непослѣдовательно...“

У меня была выражена мысль, что солдаты, по всей вѣроятности, формулируютъ свои отношенія къ гигіенѣ, объясняемой имъ офицами въ ротныхъ школахъ, такъ:

„Штука—хитрая. А что ни говори — все больно мудрено!“

„Думать можно все, что угодно — наставилъ меня генералъ: Но не слѣдуетъ изъ этихъ думъ выводить рѣшительныя заключенія“.

Да и самому мнѣ было теперь ясно, что фраза моя построена слишкомъ нескладно, выдумана, не серьезна... Надо же было мнѣ ее вклеивать въ статью!..

„Невольно приходитъ на умъ—патетически восклицалъ я въ статьѣ: что если бы собрать все время, по пустякамъ растрачиваемое на погоню за *идеальнымъ унтеръ-офицеромъ*, да обратить его съ пользою на тѣ предметы, которые дѣйствительно могутъ быть имъ усвоены“.

„Это слѣдуетъ помнить вообще при всякой погонѣ за идеалами!“—отрѣзалъ генералъ.

И тутъ только я понялъ причину неудовольствія его превосходительства подобной фразою: вѣдь „идеальный унтеръ-офицеръ“, т. е. показной, смотровой, наружно-образцовый, являлся „конькомъ“ Залѣсова, а, значитъ, пройдясь относительно него, я снова сдѣлалъ вылазку на взгляды самого генерала... Ясно было, что, за такую именно дерзость, и брошенъ былъ по поводу „идеаловъ“ опытной рукой въ мой огородъ камень...

Впрочемъ, по мѣрѣ того, какъ вчитывался Залѣсовъ въ статью,

все болѣе убѣждаясь въ искренности юношескаго моего задора, отношеніе стараго генерала ко мнѣ, какъ къ „автору", постепенно смягчалось, почему и тонъ его изъ рѣзкаго, недовольнаго, обрывающаго, сталъ переходить на снисходительный, порою какъ бы даже отеческій... Чудилось, что Залѣсовъ не сомнѣвался уже въ отсутствіи злого умысла, задней мысли въ нападкахъ моихъ на разные служебные вопросы.

Такъ, когда упомянуто было мною о неподготовленности офицеровъ, какъ педагоговъ солдатской школы, онъ замѣтилъ:

„Вотъ это—дѣльный вопросъ,—давно слѣдовало къ нему обратиться."

Я писалъ: „Естественнымъ результатомъ такихъ неопытныхъ учителей-офицеровъ является очень часто первая ротная школа".

„Что же и тутъ нашъ мужикъ-новобранецъ виноватъ?"—благосклонно спрашивалъ меня Залѣсовъ.

При упоминаніи о неудовлетворительности постановки такъ называвшейся „педагогики" въ Виленскомъ пѣхотномъ юнкерскомъ училищѣ, гдѣ я воспитывался, послѣдовалъ со стороны генерала новый вопросъ:

„А давно это было?" — Иными словами: Давно ли вы, прапорщикъ, авторъ статьи, такъ храбро и просто разрѣшающій важнѣйшія задачи военной службы, сошли со школьной скамьи?—Насколько великъ багажъ личнаго вашего опыта?

Тутъ невольно вспомнились мнѣ тактическія задачи на горизонталяхъ въ присутствіи его превосходительства, когда бѣдному офицеру, со страха хватившему какую-либо несуразность, задавались подобные же вопросы...

Огромный вопросительный знакъ красовался въ тетради противъ мѣста, гдѣ я ляпнулъ:

„Наша славянская натура просто-на-просто неспособна къ проведенію какой-либо системы цѣликомъ".

А я, въ свое время, пораженъ былъ оригинальностью подобнаго признанія, позаимствовавъ его для статьи моей изъ какой-то газетной передовицы...

— „Правда" одобрилъ Залѣсовъ, прочтя наблюденіе мое о томъ, что „библіотеки ротъ наполнены самой негодной дребенью", но что „даже и при такомъ богатствѣ матеріала, рѣдко бываетъ, чтобъ одна и та же книга существовала для цѣлаго класса".

„Находятся же средства въ ротахъ для покупки одѣялъ, зеркалъ и т. п. предметовъ, только портящихъ солдатъ и рѣшительно имъ ненужныхъ, лишнихъ—высказался я, указывая на скудность средствъ, отпускаемыхъ на нужды ротныхъ школъ и снова упустивъ

изъ виду, что „одѣяла“ были однимъ изъ „коньковъ“ Залѣсова...

„А гигіена забыта?“ сейчасъ же возразилъ генералъ, видимо задѣтый за живое, густо подчеркнувъ слово „одѣяло“.

„Правда“ написано имъ за то противъ мысли, что „успѣхъ школьнаго дѣла трудно выставить напоказъ начальству, хотя каждый порядочный офицеръ долженъ тутъ работать за совѣсть“.

На взглядъ мой, что „отличительная черта умственной дѣятельности нашего крестьянина — отсутствіе воображенія, почему міръ идеаловъ и отвлеченностей ему недоступенъ“ былъ отвѣтъ: „И слава Богу“!

А я, наоборотъ, приходилъ въ тѣ дни въ отчаяніе отъ умственнаго и нравственнаго убожества моихъ подчиненныхъ по ротѣ...

„Какъ громадное пособіе при обученіи грамотности служитъ способность придать своей рѣчи простоту, понятливость и экспрессію—разсуждалъ я“.

„Что даетъ только долгая практика“ дополнилъ Залѣсовъ.

Съ этой, какъ и со многими другими отмѣтками генерала можно было бы спорить, объяснивъ ему, почему я думаю такъ, а не иначе, при томъ съ надеждою даже на нѣкоторый успѣхъ... Но положеніе мое тѣмъ и продолжало оставаться тяжелымъ, что на подобный споръ съ грознымъ, недоступнымъ „Гаврилычемъ“ не было у меня никакой надежды: генералъ по-просту не впустилъ бы меня къ себѣ въ квартиру, а то за дерзкій визитъ прямо изъ нея отправилъ бы на гауптвахту...

Далѣе, въ статьѣ, проводилъ я проектъ о необходимости устройства въ полкахъ бесѣдъ и чтеній съ нижними чинами—особенно въ праздничные дни, когда ихъ тянетъ въ отпускъ—на кутежи и развратъ.

„Мысль — недурная — одобрилъ Залѣсовъ; — если найдутся исполнители“.

Тутъ чувствовалась какъ бы даже косвенная надежда на меня, автора статьи...

Когда же высказался я за устройство при полковыхъ чайныхъ солдатскихъ библіотекъ, то Залѣсовъ пошелъ, къ изумленію моему, далѣе меня, написавъ:

„Должны быть книги и газеты. Правда“.

— „Правда“ отмѣчено имъ на поляхъ противъ мысли моей:— „Да, солдатская школа въ то же время и школа офицерская. И кто въ мирное время не сумѣетъ или не захочетъ, съ помощью ея, закрѣпить ту нравственную связь между солдатомъ и офицеромъ, которая служитъ залогомъ боевой подготовки перваго, тотъ жестоко ошибется.

Для нравственнаго воспитанія нижняго чина практиковалъ я строгое разграниченіе отношеній къ подчиненнымъ на жизнь, такъ сказать, строевую, и жизнь внѣ строя.

„Но въ военной службѣ та и другая жизнь должны быть безусловно связаны!—возразилъ Залѣсовъ:—Не надо забывать значеніе дисциплины".

— Пожалуй еще отмѣтилъ у себя, въ своемъ спискѣ, что я и по части дисциплины хромаю—изнывалъ я, по мѣрѣ того, какъ углублялся въ нежданную полемику съ начальствомъ:—Вотъ тебѣ дооткровенничался!..

А тутъ еще новый, хотя и въ снисходительной формѣ, „камень" въ огородъ мой...

Пишу: „Для благотворнаго вліянія на солдата надо, чтобы личность начальника являлась въ глазахъ ихъ во всеоружіи нравственныхъ качествъ человѣческой личности".

Но Залѣсовъ, очевидно не забывъ еще признаніе мое относительно неопытности по строю, написалъ насмѣшливо сбоку:

„А если при этомъ начальникъ будетъ плохъ по фронту и будетъ врать въ строю, то нравственныя качества помогутъ ему оставаться на его высотѣ"?

Вотъ два огромныхъ вопросительныхъ знака противъ того мѣста, гдѣ назвалъ я русскаго солдата „угнетеннымъ, приниженнымъ нравственно существомъ, скрытымъ подъ солдатскимъ мундиромъ".

За то нѣсколько далѣе отмѣтка „большая правда!" когда высказался я еще разъ, что офицерству въ мирное время слѣдуетъ подготовлять тотъ нравственный матеріалъ по отношенію къ подчиненнымъ, который даетъ себя почувствовать во время войны.

„Надо, чтобы офицеръ сперва выработалъ эти взгляды устойчиво и правильно", поставлено Залѣсовымъ противъ мысли о выработкѣ, путемъ воспитанія и въ школѣ, правильныхъ взглядовъ нижнихъ чиновъ на жизнь и службу.

Въ концѣ статьи моей, я съ неразсуждающей храбростью прапорщика напалъ на рядъ военныхъ авторитетовъ, доказывая, что и Драгомировъ, и даже великій Суворовъ грѣшили порой непослѣдовательностью въ дѣлѣ образованія и воспитанія русскаго солдата, допуская явныя несообразности.

Но Залѣсовъ выступилъ въ защиту низведенныхъ мною съ пьедесталовъ знаменитостей, возразивъ—въ двухъ мѣстахъ:

„Г. Драгомировъ болѣе, чѣмъ кто-нибудь принималъ всегда во вниманіе и нравственный элементъ.—Авторъ очевидно разумѣетъ только наружные пріемы ученій Суворова, а не духъ ихъ, который и до сихъ поръ можетъ служить образцомъ".

„Желалъ бы получить отъ автора программу—объединилъ въ концѣ концовъ замѣчанія свои Залѣсовъ: какъ въ 4 года службы воспитать солдата такъ, чтобы онъ былъ на высотѣ боевой готовности и на высотѣ жизни гражданской, или, какъ любитъ говорить авторъ,—обще-человѣческой"...

— Вотъ такъ отжарилъ!—сказалъ я самъ себѣ въ безумной растерянности, складывая мою тетрадь—едва дочиталъ послѣднюю ея замѣтку...

Мнѣ еще разъ представилось съ поразительной ясностью дѣйствительно глупое положеніе полковника А.—въ моментъ обратнаго полученія произведенія моего отъ генерала Залѣсова—съ напутствіемъ послѣдняго.

Окончу описаніе происшествія со статьею тѣмъ, что, несмотря на вторичную бесѣду мою съ командиромъ полка, я не согласился ни на какія передѣлки. Такъ статья и не сдѣлалась предметомъ офицерской бесѣды...

Теперь, когда прошло столько лѣтъ со времени только-что изложеннаго, не могу я не отдать долга справедливости суровому начальнику, хотя и строго, но, въ сущности, по-отечески, прощающе отнесшемуся къ моей неумѣстной самонадѣянности, которая въ то же время явилась рѣзкой критикою порядковъ, учрежденныхъ имъ же въ дивизіи... Другой, на его мѣстѣ, быть можетъ, поступилъ бы иначе...

А. Жиркевичъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Щедрый скупецъ.

Въ апрѣльской книжкѣ „Русской Старины“ помѣщена замѣтка въ которой небезъизвѣстный генералъ П. А. Казадаевъ изображенъ одновременно очень скупымъ и очень щедрымъ.

Эпизодъ, обнаружившій въ немъ совмѣщеніе этихъ двухъ совершенно противоположныхъ качествъ, не представляетъ чего-либо случайнаго; это совмѣщеніе обозначается въ Петрѣ Александровичѣ въ теченіе всей его жизни.

На четвертую батарею (бывшую батарейную), которою онъ командовалъ въ тридцатыхъ годахъ прошлаго столѣтія, имъ былъ въ концѣ семидесятыхъ годовъ пожертвованъ капиталъ, съ котораго проценты шли и идутъ теперь на выдачу нижнимъ чинамъ, уходящимъ въ запасъ, нѣкотораго единовременнаго пособія (кажется, до двухъ рублей каждому) „на дорогу“. На дорогѣ не найдешь говорилъ Петръ Александровичъ.

Въ тѣхъ же годахъ Петръ Алекс. пожертвовалъ въ Сергіевскій соборъ дорогую серебряную икону съ лампадой и около полутора тысячъ руб. на то, чтобы лампада вѣчно теплилась неугасимо—„за упокой душъ конно-артилл. офицеровъ и нижнихъ чиновъ, павшихъ въ бояхъ“.

Въ близкое къ тому время (въ 1873 г.) П. А. Казадаевъ былъ очень обрадованъ тѣмъ, что Государь Императоръ Александръ II отнесся особенно милостиво къ гв. конной артиллеріи: когда взводы этого славнаго рода войскъ 6 августа на Преображенскомъ и всей Гвардейской Артиллеріи парадѣ прошли въ пѣшемъ строю не въ ногу, Государь, обратясь къ командиру гв. конной атриллерійской бригады, генералъ-маіору М. И. Бреверну, сказалъ:

— Ну, кто въ лѣсъ, кто по дрова; конная артиллерія въ этомъ очень слаба.

У присутствовавшихъ сердца замерли, — Государь недоволенъ парадомъ! передавалъ впослѣдствіи свое впечатлѣніе присутствовавшій на парадѣ П. А. Казадаевъ.

— За то, когда Я видѣлъ ее,—продолжалъ Государь,—въ конномъ строю, не могъ достаточно налюбоваться; лихіе молодцы! удивительная лихость развита! пѣшему строю ты, Бреверпъ, ихъ подучишь, а Я жалую тебя назначеніемъ въ мою свиту.

Казадаевъ до того обрадовался, что далъ по этому случаю Бреверну обѣдъ, на который пригласилъ человѣкъ до сорока своихъ и Бреверна друзей и хорошихъ знакомыхъ.

Богатый обѣдъ состоялся въ лучшемъ ресторанѣ — у Бореля,— на углу Морской и Кирпичнаго (впослѣдствіи Кюба). Закуски, кушанья, вина, сигары, ликеры были подаваемы въ изобиліи и самыя лучшія; шампанское лилось рѣкой. П. А. Казадаевъ угостилъ на радостяхъ лукулловски; никогда гости его не забыли роскоши и изысканности угощеній. На представленіе счетовъ Борель былъ вообще мастеръ, а въ этотъ разъ себя перещеголялъ: онъ умудрился прописать по 75 рублей съ души.

П. А. Казадаевъ глазомъ не моргнулъ — заплатилъ безъ разговоровъ около 3-хъ тысячъ рублей.

На другой день, первый гость, пріѣхавшій поблагодарить старика, увидѣлъ у него на письменномъ столѣ, среди разбросанныхъ въ безпорядкѣ бумагъ, кусокъ сыру и два свѣжепросольныхъ огурца, полузавернутыхъ въ обѣденное меню.

— Что это?—прямо спросилъ онъ, видя, что отъ Петра Александровича не ускользнуло изумленіе, выразившееся въ его глазахъ, устремленныхъ на эту диковину.

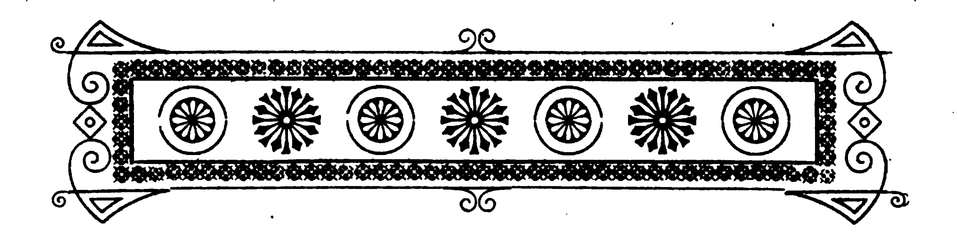
— Очень люблю я малосольные огурцы, сказалъ П. А., сыръ тоже моя слабость, вотъ я и взялъ ихъ отъ стола. — Ахъ, да, вѣдь вотъ,—очевидно вспомнивъ что-то, началъ онъ усиленно звонить и звать человѣка.

— Платонъ, Платонъ, поди сюда, скорѣй, подай мое пальто...

Человѣкъ принесъ пальто, и старикъ съ торжествующей улыбкой извлекъ изъ бокового кармана пару громадныхъ омаровъ, также завернутыхъ въ меню роскошнаго пира, даннаго имъ наканунѣ...

Сообщ. А. Е. К.

Стародубъ.

Дубъ въ миѳологіи и культѣ славянъ.—Дубовая Балка.—О-ва Дубовые.—Святой Дубъ на о. Хортицѣ,—Стародубъ въ XI, XIV, XV, XVI, XVII, XVIII и XIX вѣкахъ.—Стародубье.—Историческія названія въ окрестностяхъ нынѣшняго Стародуба.

„Старшины нишком стали за дубом, а пид дубом сидить сліпий кобарь;
кругом його Запорожці і гайдамаки"... *Шевченко*
Свято в Чигирині...

Дубъ игралъ очень важную роль въ миѳологіи и культѣ первобытныхъ народовъ Европы и издавна почитался славянами, какъ священное дерево.

Дубовыя рощи у нихъ явились предметомъ особенной заботливости, а само дерево. служившее олицетвореніемъ силы и мощи, было посвящено Перуну.

По славянскому преданію дубъ существовалъ до сотворенія міра [1]):

по всей вселенной, когда не было еще ни земли, ни неба, разливался одинъ окіянъ море;

посреди этого окіяна „стояли два дуба, на тѣхъ дубахъ сидѣли два голубя;

спустились эти голуби на морское дно, захватили клювами песку да камешковъ и принесли Творцу міра;

такъ и были созданы земля и небо"...

По другому преданію „существуетъ желѣзный (прьвопосажденъ) дубъ, на которомъ держатся вода, огонь и земля, а корень этого дуба стоитъ на силѣ Божіей".

Понятно, что и своихъ покойниковъ славяне хоронили подъ священ-

---

[1]) А. Коринфскій. Народная Русь.

ными деревьями, о чемъ безмолвно свидѣтельствуютъ „жальники“ [1]), встрѣчающіеся еще кое-гдѣ на землѣ Русской. Для обсужденія общественныхъ вопросовъ собирались также подъ дубами, разсчитывая такимъ образомъ на помощь Перуна.

Поселки и урочища, получившіе свои названія отъ священныхъ деревьевъ, представляютъ поэтому интересъ для историческаго ихъ изученія; заброшенные пустыри и незначительные города вдругъ оживаютъ—и аккорды яркой, могучей жизни начинаютъ звучать и слышатся вздохи сѣдой старины.

Такой явл яется Дубовая Балка, возлѣ мѣстечка Кривой Рогъ [2]) она вся покрыта дубовымъ лѣсомъ, въ которомъ попадаются дубы до шести аршинъ въ обхватѣ.

Огромныя скалы, толпящіяся по обѣ стороны балки, придаютъ ей дикую прелесть, а находящіяся въ скалахъ пещеры—таинственность. „Гайдамацкая конюшня“ и „Гайдамацкая хата“—являются изъ нихъ наибольшими; здѣсь скрывались гайдамаки отъ преслѣдованія поляковъ, здѣсь найдены слѣды и болѣе отдаленной культуры [3]).

Такими являются острова Большой и Малый Дубовые, расположенные за порогомъ „Явленнымъ“ на Днѣпрѣ; оба они по окраинамъ скалистые, въ срединѣ песчаные, покрытые множествомъ дубовыхъ пней.

Почти вся поверхность Малаго Дубоваго острова усѣяна человѣческими костьми—неизвѣстно откуда сюда попавшими.

Что это? Запорожское ли кладбище или слѣды грозныхъ боевъ, которые здѣсь не разъ происходили со времени Святослава?..

Такимъ былъ „святой дубъ“ на островѣ Хортицѣ,—этомъ сердцѣ запорожской „сичы“. Лѣтъ 35—37 назадъ этотъ замѣчательный дубъ засохъ, но по пню можно судить о его громадности [4]).

На этомъ островѣ древніе руссы приносили жертвы послѣ побѣдъ надъ врагами [5]), а позднѣе у „святого дуба“ собиралась казацкая рада для обсужденія важнѣйшихъ вопросовъ; здѣсь же произносились молитвы и слышались грозные призывы къ оружію.

Подъ этимъ дубомъ въ 1775 году собралась послѣдняя запорожская рада, и слышалъ дубъ проклятія, и видѣлъ слезы казацкія, бѣжавшія съ глазъ прощавшихся съ сѣчью ея сыновъ.

---

[1]) „Жальникъ“—названіе древнихъ христіанскихъ кладбищъ, особенно расположенныхъ на взгорьяхъ. (Польша).

[2]) Херсонской губ., Елизаветградскаго у.

[3]) *Эварницкій*. Запорожье въ остаткахъ старины и преданіяхъ народа. СПБ. 1888.

[4]) *Новицкій*. Островъ Хортица на Днѣпрѣ „Одес. Вѣст.“ 1876 г. № 55.

[5]) *Бопланъ*. Описаніе Украйны. Спб. 1832 г.

Такимъ является въ ряду многихъ другихъ мѣстъ и городъ Стародубъ, Черниговской губерніи.

Кѣмъ онъ былъ основанъ, и гдѣ находилась первоначально крѣпость, остается пока невыясненнымъ, но достовѣрно лишь то, что онъ является однимъ изъ древнѣйшихъ русскихъ городовъ.

На зарѣ русской исторіи, въ 1080 году уже Мономахъ писалъ: „на ту зиму повоеваша половцы Стародубъ весь"...

Въ 1095 году стародубская крѣпость выдерживаетъ 30 дневную осаду [1]); княземъ тамъ въ это время былъ Олегъ.

Далѣе Стародубу пришлось испытать на себѣ и необузданность татаръ, и жестокость Литвы, и іезуитство Польши, и злобу Москвы.

Послѣ татаръ, онъ перешелъ во власть Литвы и былъ во владѣніи брянскаго князя.

Это было въ 1380 году, когда брянскимъ княземъ былъ Димитрій Ольгердовичъ.

Въ этомъ же году Димитрій Донской отнялъ его у Литвы, но прошло немного времени, и снова стародубскимъ княземъ мы видимъ внука Гедимина—Патрикія, а съ 1400 года Александра Патрикіевича.

Съ 1446 года Стародубъ отданъ можайскому князю, но религіозныя притѣсненія заставляютъ въ 1499 году князя Семена Ивановича перейти со всѣмъ краемъ къ Московскому великому князю.

Вотъ выступаетъ на темномъ фонѣ прошлаго смѣлая личность Левина, отбившаго въ 1534 году осаду поляковъ...

Но кровью заплатилъ Стародубъ за эту побѣду: въ слѣдующемъ же году поляки снова подступили, взорвали порохомъ часть стѣны и ринулись въ городъ.

Рѣзня была ужасная... Кровь лилась рѣкой, многіе стародубцы были перебиты, остальные взяты въ плѣнъ вмѣстѣ съ воеводами, городъ же былъ сожженъ до тла.

Государь велѣлъ немедля поставить новый городъ и заселить его.

1579 годъ принесъ новые пожары: войска Баторія сожгли предмѣстья Стародуба.

1607 годъ... На кровавомъ фонѣ прошлаго, озаренномъ заревомъ пожаровъ, обрисовывается зловѣщая личность Лжедимитрія II-го.

Близость Стародуба отъ литовской границы и старанія Рукина сильно помогли ему.

По поводу обрѣтенія царевича въ Стародубѣ было всенародное торжество: жители города воздавали мнимому государю царскія почести, падали въ ноги ему, звонили въ колокола, пѣли молебны.

---

[1]) Историко-статистическое описаніе Черниговской епархіи, книга 7-я. Черниговъ 1883 г.

*

Со всѣхъ сторонъ стекались военные отряды, и Стародубъ представлялъ собой огромный торжествующій лагерь.

Отсюда самозванецъ и началъ свои дѣйствія, отправившись на Брянскъ, Кромы, Орелъ и т. д. [1]).

Черезъ 12 лѣтъ Стародубъ по Деулинскому договору снова отходитъ къ Литвѣ [2]).

Іезуиты начинаютъ въ немъ свою работу, а смоленскій епископъ Андрей Квашнинъ-Золотой клянется старую вѣру греческаго благочестія искоренить безъ остатку, а учинить всѣхъ людей въ Стародубѣ и другихъ мѣстахъ „въ унеѣ".

Это было въ 1632 году, но уже черезъ 16 лѣтъ стародубцы „очистили стародубовщину отъ жидовъ, езуитовъ и ляховъ" [3]).

1651 годъ... снова паны и жолнеры явились въ Стародубъ, и снова полились потоки крови, но черезъ годъ уже жолнеры были выгнаны, и паны перебиты.

Послѣ Богдана Хмельницкаго въ число полковъ, на которы тогда подѣлена была Малороссія, входитъ и Стародубскій; до этого времени казаковъ тамъ не было.

Стародубъ находится теперь подъ управленіемъ гетмана восточнаго берега Днѣпра, и является важнымъ административнымъ пунктомъ; жители раздѣляются на мѣщанъ, казаковъ и купцовъ.

Городъ дѣлается богатымъ и торговымъ; Московскій Великій Государь Алексѣй Михайловичъ присылаетъ жалованную грамоту на „магдебурское право и вольности", взамѣнъ прежней, которая „отъ разоренья Литовскихъ людей утерялась" [4]).

Въ это же время вокругъ Стародуба возникаютъ одна за другой раскольничьи слободы; сюда, въ дремучіе лѣса дубовые, стекаются гонимые и предаваемые анаѳемѣ люди стараго толку, не пожелавшіе принять Никоновыхъ новшествъ, и всѣхъ ихъ прячетъ въ своихъ лѣсахъ Стародубье.

Въ 1667 году попъ Кузьма съ 12 семействами явился къ пріятелю своему сотнику стародубскому, Гаврилу Ивановичу.

Тотъ велѣлъ Курковскому атаману Ломакѣ поселить его съ остальными бѣглецами въ мѣстечкѣ Понуровкѣ, на рѣкѣ Ревнѣ [5]).

Вскорѣ пришелъ еще попъ Стефанъ со старообрядцами изъ Туль-

---

[1]) Пясецкій. Очерки города Орла.

[2]) Костомаровъ. Царь Михаилъ Ѳедоровичъ.

[3]) Историко-статист. опис. Черниговской епархіи, кн. 7.

[4]) Грамота эта виситъ на стѣнѣ одной изъ комнатъ въ Стародубской городской управѣ, находящейся на Почтовой ул.

[5]) Маркевичъ. Исторія Малороссіи, V.

ской и Калужской губерній (нынѣшнихъ) и основалъ слободу Митьковку.

Раскольники все прибывали, новыя слободы росли, и въ небольшой промежутокъ времени Стародубье стало центромъ поповцевъ.

Въ это время въ Стародубѣ снова разыгрывается буря... Брюховецкій, дѣйствовавшій противъ Дорошенка, заслужилъ благодарность Москвы, былъ пожалованъ въ бояре и получилъ богатую вотчину близъ Стародуба, занимавшую много селъ и деревень.

Стараясь угодить Москвѣ, онъ предложилъ умножить великорусскихъ воеводъ, ввести кабацкую продажу вина, сдѣлать перепись народу, установить цѣловальниковъ на великороссійскій образецъ и т. под. [1]).

Вскорѣ прибыли въ Стародубъ новые Московскіе воеводы и съ ними ратные люди для того, чтобы „доходы надлежащіе денежные и хлѣбные збирать".

Но скоро понялъ бояринъ и гетманъ Брюховецкій, что всеобщая ненависть, которую онъ возбудилъ къ себѣ, являлась очень опасной и рѣшилъ, измѣнивъ Москвѣ, соединиться съ Дорошенкой.

Пишетъ онъ письмо къ воеводѣ черниговскому, Толстому, чтобы онъ вмѣстѣ съ другими воеводами ушелъ изъ городовъ малороссійскихъ; вскорѣ затѣмъ казаки и дѣйствовать начали болѣе рѣшительно противъ воеводъ.

Стародубъ былъ взятъ казацкими полковниками: Сохою и Бороною, а воевода князь Игнатій Волконскій былъ убитъ [2]).

Какова же была общественная жизнь Стародуба въ то время?

Горожане ссорились межъ собой: „полковникъ противъ гетмана, священники между собою, осмеро противъ двухъ, волновались цѣлый годъ, между казаками и посполитыми ссоры, позвы и потомъ гульба въ корчмахъ. Едва не въ каждомъ дворѣ шинокъ, а при шинкахъ безчинства и частыя убійства; за развратъ не чинилось никакого наказанія, напротивъ, считалось то удальствомъ. Пьянство неудержимое, равнодушіе къ благочестію... [3]).

Такая жизнь стародубцевъ вызвала негодованіе архипастыря черниговскаго, Лазаря Барановича.

Въ 1676 г. священникъ черниговской Благовѣщенской церкви, Стефанъ Шуба является по волѣ святительской въ Стародубъ и въ полковой Николаевской церкви торжественно произноситъ анаѳему на всѣхъ буянившихъ и чинившихъ безобразія; анаѳематствованіе сопровождалось погашеніемъ свѣчей.

---

[1]) Костомаровъ. Преемники Богдана Хмельницкаго.

[2]) Соловьевъ. Исторія Россіи въ царствованіе Алексѣя Михайловича.

[3]) Историко-статист. опис. Ч. епарх.

Но это не усмирило стародубцевъ: „августа 1677 г. народъ взволновался противъ священника Якова, того, котораго Рославецъ [1]) побилъ и за котораго произнесено въ прошломъ году проклятіе, выволокъ сего священника изъ алтаря послѣ службы Божіей, билъ жестоко и убилъ бы до смерти, если бы не защитилъ наказной полковникъ“ [2]).

Стародубъ и Стародубье, одинъ въ центрѣ другого, но какой рѣзкій контрастъ между ними: пьяный ревъ толпы и таинственный шепотъ дубовыхъ лѣсовъ; рѣки крови, насилія, развратъ—и тихій плескъ Ревни, спокойствіе и цѣломудріе монастырей; богохульства, оскверненія храмовъ—и стройныя молитвы иноковъ; культъ плоти и культъ духа; царство ужаса и проклятія и царство Божественнаго спокойствія.

Но вернемся къ Стародубу.

Когда собиралась рада въ Глуховѣ или Переяславлѣ, то полковникъ Стародубскій долженъ былъ являться туда; въ 1674 году 17 марта на радѣ въ Переяславлѣ, въ числѣ прочихъ полковниковъ, избиравшихъ гетмана Ивана Самойловича, объединившаго казачество обоихъ береговъ Днѣпра—присутствовалъ и стародубскій Рославецъ [3]), тотъ самый, что черезъ 2 года побилъ попа въ Стародубѣ.

Въ 1680 году онъ же черезъ малороссійскій приказъ завязалъ переговоры съ Москвой, думая отложиться отъ гетманскаго регимента [4]), но, будучи открытъ, долженъ былъ бѣжать въ Москву.

Волненія въ Стародубѣ не унимались и при Петрѣ.

Въ 1708 году „сапожники и портные и весь черный народъ напали на домъ тамошняго войта съ дубьемъ, отбили погребъ, забрали закопанныя въ землѣ вина и въ иныхъ дворахъ побрали бочки съ виномъ и, перепившись, побили до смерти пятьдесятъ жидовъ“...

Послѣ измѣны Мазепы [5]) Петръ I велѣлъ съѣхаться въ Глуховѣ 4 ноября 1708 года малороссійскому духовенству и старшинѣ; новымъ гетманомъ здѣсь былъ выбранъ стародубскій полковникъ Иванъ Скоропадскій, а Мазепу и его соучастниковъ духовенство предало анафемѣ [6]).

Мазепа въ безсильной злобѣ хотѣлъ хоть чѣмъ-нибудь отомстить Москвѣ: тайными письмами думалъ онъ склонить Скоропадскаго вы-

---

[1]) Стародубскій полковникъ.

[2]) L. c., ibid.

[3]) Соловьевъ. Царствованіе Алексѣя Михайловича.

[4]) Соловьевъ. Царствованіе Өеодора Алексѣевича.

[5]) Костомаровъ. Гетманъ Иванъ Степановичъ Мазепа.

[6]) Костомаровъ Ibid., Соловьевъ. Царствованіе Петра I Алексѣевича.

рѣзать московскій гарнизонъ въ Стародубѣ, но гетманъ остался твердъ и вѣренъ Петру.

Между тѣмъ въ Стародубѣ идетъ сплошная вакханалія, вызвавшая даже присылку въ 1719 году въ январѣ мѣсяцѣ изъ Глухова гетманскаго универсала, для всего стародубскаго полка:... въ полкахъ регименту нашего въ городахъ, городкахъ и селахъ многое отъ полу мужеска и женско молодіе и своевольные люди... вимисливше себѣ безчинное гулянье *вечерница*, нанимаютъ подобныхъ себѣ жъ легкомысльниковъ и збираючись по почамъ *купали* справуютъ, игры, танци... Подъ часъ таковыхъ сборовъ чинятся ексцессы, яко то грѣхи блудные, растлѣнія дѣвства, беззаконное дѣтей прижитіе [1]...

Особенно, повидимому, любили стародубцы кулачные бои „черезъ которые многіе здоровья, а иные лишаются и житія", и болѣе невинные купальныя игры—въ Петровъ постъ.

Но нельзя сказать, чтобы со стародубцами совершенно не было сладу; правда, приходилось властямъ военнымъ прибѣгать къ крутымъ мѣрамъ, а духовнымъ объявлять Божіе неблагословеніе нѣкоторымъ мѣстностямъ, какъ это было 13 марта 1725 года.

Мѣщанинъ стародубскій Іосифъ Самусенокъ присвоилъ себѣ принадлежавшую церкви мельницу и не хотѣлъ ее отдавать причту, несмотря на бумагу епископа черниговскаго Іродіона Жураковскаго, повелѣвавшаго это сдѣлать.

Тогда „за такую церквѣ святой обиду Божіе и архіерейское неблагословеніе Іосифу Самусенку и домови его" было объявлено и „дотолѣ, доколѣ же не возвратитъ церковнаго церквѣ, запрещается ему домашнимъ его въ церковь входити и во дому его священническому чину съ благословеніемъ и молитвою бывати и пасхальнаго хлѣба находящаго дня Воскресенія Христова не освящати" [2]).

Самусенокъ, когда дѣло приняло такой оборотъ,—обязался уплатить за мельницу 100 руб., и ежегодно вносить по 150 руб...

А кругомъ Стародуба шумѣли вѣковые лѣса и хоронили бѣжавшихъ отъ гнѣва царскаго—раскольниковъ.

1685 годъ былъ тяжелымъ для нихъ...

Софья и патріархъ Іоакимъ велѣли полковнику примѣнить къ нимъ 12 статей и возвращать обратно на родину [3]); поэтому они бѣжали на Вѣтку, принадлежавшую Халецкому, который и защищалъ ихъ, взявъ хорошій чиншъ (оброкъ).

Съ прекращеніемъ гоненія бѣглецы снова возвратились въ сло-

---

[1]) Истор.-стат. опис. Черн. еп., стр. 27, т. 7.

[2]) Ibid., стр. 30.

[3]) Мельниковъ. Очерки поповщины.

боды Стародубья, и во время нашествія Карла XII даже помогала Петру, отбивая обозы у шведовъ и ведя партизанскую войну.

Вотъ отрядъ старообрядцевъ-добровольцевъ доставляетъ Петру шведовъ, захваченныхъ ими въ плѣнъ, и довольный ихъ вѣрностью Петръ утверждаетъ за ними тѣ земли, на которыхъ они поселились.

Въ 1735 году Гомельская церковь была перевезена въ Стародубье и поставлена въ двухъ верстахъ отъ слободы Клинцы.

Послѣ паденія Вѣтки началось возвышеніе слободъ Стародубскихъ, сдѣлавшихся центромъ поповцевъ.

Выросли слободы: Воронокъ, Ардонъ, Млинка, Чуровичи, Деменки, Святская, Тимошкинъ перевозъ, всѣ съ часовнями, а Злынка, Климовая, Зыбкая, Клинцы, Лужки, Еліонка и Добрянка — съ церквами.

Въ 1756 году поповцы имѣли уже и въ Петербургѣ своихъ единовѣрцевъ, съ которыми сносилось Стародубье; въ домѣ купца Гутуева, близъ Сѣнной площади въ Спасскомъ переулкѣ была ихъ молельня.

При Екатеринѣ Гутуевская община имѣла уже 2 молельни и духовно всецѣло зависѣла отъ Стародубья: изъ Покровскаго монастыря ей присылали „исправленныхъ“ поповъ, запасные дары и мнимо древнее мνро.

Книги и вѣнчики доставлялись также изъ Стародубья, изъ Клинцовской типографіи.

Такъ переплеталась жизнь Стародуба и Стародубья съ жизнью Москвы и Петербурга.

Далѣе, съ 1781 года онъ числится въ Черниговскомъ намѣстничествѣ, съ 1796 г. въ Малороссійской губерніи и лишь съ 1802 г. занимаетъ окончательно мѣсто во вновь образованной Черниговской губерніи.

Въ 1783 году изъ казаковъ былъ сформированъ Стародубовскій 34-й, драгунскій полкъ, и этимъ заканчивается періодъ бурной прошлой жизни города.

Обращенный въ уѣздный городъ Черниговской губерніи, съ начала XIX столѣтія, онъ съ каждымъ годомъ дѣлался все болѣе и болѣе глухимъ и бѣднымъ провинціальнымъ городкомъ: лѣса кругомъ него вырубаются; только оставшіеся старообрядческія слободы да нѣкоторыя названія окружающихъ селъ и воскрешаютъ забытую жизнь.

Вотъ Литовскъ, поселенный въ XIV вѣкѣ во время владычества Литвы, вотъ села Дарѣевичи и Яцковичи—до татарскаго періода, а верстахъ въ 20 отъ Стародуба раскинулись села Олехино, Яремино и Артюшино—владѣнія бояръ Сѣверскихъ князей Яремы, Олехи и Артюшки.

Верстахъ въ 7 отъ города по берегамъ рѣки Вабли раскинулось въ живописной мѣстности село Левинка—и при этомъ имени встаетъ въ памяти образъ прежняго владѣльца храбраго Левина, отогнавшаго когда-то поляковъ отъ города.

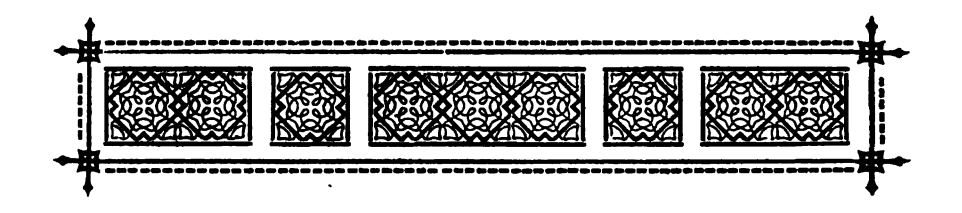
Гораздо дальше, за Понуровкой лежитъ Ломаковка—сохранившая имя атамана Ломаки...

И вездѣ-вездѣ слѣды старинныхъ дубовыхъ лѣсовъ, въ которыхъ одинокія проглядываютъ старообрядческія молельни и часовни.

Время стираетъ понемногу штрихи прежней жизни Украйны Стародубовской.

П. Мезерницкій.

Изъ жизни нашего духовенства.

Воспоминаніе о Димитріи (Муретовѣ), архіепископѣ Одесскомъ.

I.

Архіепископъ херсонскій и одесскій *Димитрій* (Муретовъ), одинъ изъ знаменитѣйшихъ Святителей второй половины прошлаго столѣтія, родился въ 1811 году, въ селѣ Лучинскѣ, Пронскаго уѣзда, Рязанской губерніи, и въ мірѣ носилъ имя Климента Ивановича. Отецъ архіепископа Димитрія былъ діакономъ Лучинской церкви.

Климентъ Муретовъ, будущій святитель, учился сначала въ Рязанской семинаріи, а потомъ въ Кіевской духовной академіи (съ 1831—1835 г.); за годъ до окончанія курса онъ принялъ монашество съ именемъ Димитрія и былъ оставленъ при академіи въ должности діакона. Въ 1837 г. онъ былъ назначенъ профессоромъ богословскихъ наукъ.

Профессоръ Кіевской академіи Пѣвницкій, пріѣзжавшій на погребеніе архіепископа Димитрія (18 ноября 1883 года) въ Одессу, сказалъ, при отпѣваніи тѣла почившаго, замѣчательно сильную и трогательную рѣчь, въ которой, между прочимъ, говоритъ: „меня послала поклониться твоему гробу и воздать тебѣ послѣднюю дань любви и глубокаго почитанія родная для тебя академія; она всегда считала тебя своимъ приснымъ и смотрѣла на тебя какъ на одного изъ славнѣйшихъ своихъ первенцевъ. Давно оставилъ ты ее; уже порѣдѣли ряды твоихъ питомцевъ между ея наставниками, но до сихъ поръ цѣла, свѣжа и неувядаема въ ней славная и благодарная память о тебѣ и имя твое и теперь, какъ прежде, окружено въ ней благословеніями. Ты воспиталъ въ ней цѣлые сонмы преемственныхъ поколѣній для достойнаго служенія церкви, и каждый изъ твоихъ питомцевъ, оставляя академію, уносилъ съ собою въ сердцѣ благо-

говѣніе предъ твоимъ великимъ умомъ, предъ твоею обширною ученостью, твердою вѣрою и твоею несказанною добротою. Мѣста твоихъ питомцевъ заняли другіе, тебя не видѣвшіе и не имѣвшіе счастія слышать твои слова, но живое преданіе изъ рода въ родъ передавало славу твою и нынѣ, на значительномъ разстояніи времени, ты стоишь передъ нами точно исполинъ, на котораго мы, позднѣйшіе преемники твоихъ слушателей, смотримъ не только съ почтеніемъ, но и съ удивленіемъ".

По разсказамъ, лекціи профессора Муретова производили на слушателей неизгладимое впечатлѣніе. Его лекціи, по общимъ отзывамъ, положили прочное начало разработкѣ богословской науки въ русской церкви. Лекціи эти никогда не были изданы, но до сихъ поръ не умолкаетъ молва о томъ, что ученикъ Димитрій Булгаковъ, впослѣдствіи—Макарій, митрополитъ московскій [1]) воспользовался лекціями своего профессора, записывая за нимъ, и издалъ ихъ, немного обработавъ, и что архіепископъ Димитрій, по своей скромности и снисходительности, никогда и никому не говорилъ объ этомъ. Митрополитъ Макарій составилъ себѣ громкое имя въ богословской литературѣ и получилъ ученую степень доктора богословія.

2.

Въ 1841 году профессоръ богословія Димитрій Муретовъ занялъ мѣсто ректора академіи, возвышаясь надъ всѣми своимъ свѣтлымъ умомъ и выдающимися способностями. 23 декабря 1850 года онъ былъ назначенъ епископомъ Тульскимъ, а въ 1857 г., по смерти *Иннокентія* (Борисова) [2]), архіепископа Херсонскаго, переведенъ изъ Тулы въ Одессу.

Въ Тулѣ передъ еп. Димитріемъ буквально благоговѣли; здѣсь онъ заслужилъ такія симпатіи всего мѣстнаго общества, которыя съ трудомъ поддаются описанію. Такъ напримѣръ извѣстный сла-

[1]) *Макарій* (Булгаковъ), въ мірѣ Михаилъ Петровичъ, сынъ священника, родился 19 сентября 1816 г. въ селѣ Сурковѣ, Курской губерніи, Новооскольскаго уѣзда. Ректоръ Петербургской академіи. Съ 1857—епископъ Винницкій, викарій Подольской епархіи, съ 1857 — Тамбовскій, съ 1859 — Харьковскій архіепископъ, съ 1868—Литовскій, съ 1879—митрополитъ Московскій. Скончался 10 іюня 1882 г. въ с. Черкизовѣ, въ загородномъ архіерейскомъ домѣ.

[2]) *Иннокентій* (Борисовъ) въ мірѣ Иванъ Алексѣевичъ, знаменитый церковный ораторъ, родился въ г. Сѣвскѣ, Орловской губерніи, въ 1800 г. Въ 1837 г., изъ ректоровъ Кіевской академіи, былъ возведенъ въ санъ епископа Чигиринскаго. Съ 1841 г. епископъ Вологодскій, съ 1842—Харьковскій, съ 1848—архіепископъ Херсонскій. Скончался въ Одессѣ 26 мая 1857 года.

вянофилъ Алексѣй Степановичъ Хомяковъ († 1860) писалъ къ одному изъ своихъ друзей, А. И. Кошелеву († 1883) слѣдующее: „Ты, конечно, знаешь, что ораторъ Иннокентій умеръ, и что на его мѣсто назначенъ Димитрій, нашъ Тульскій. Я радъ, что о его прощаніи съ Тулой ничего не будетъ въ газетахъ. Это было такъ трогательно и искренно, что стыдно было бы видѣть это вмѣстѣ съ прочими замѣтками о прощаніяхъ съ обожаемыми начальниками. Весь городъ. отъ мала до велика, провожалъ его за нѣсколько верстъ пѣшкомъ, а въ соборѣ слезы были общія. Находитъ же человѣкъ отзывъ, хотя бы и у насъ“ [1]).

Впослѣдствіи, когда архіепископъ Димитрій, проѣздомъ изъ Одессы, заѣхалъ въ Тулу, народъ толпами окружалъ его, чтобы принять его благословеніе и получить хотя бы клочекъ листка съ его поученіями, которыя онъ раздавалъ на память. Случайно разорвавшіяся и выпавшія изъ рукъ владыки четки были расхвачены народомъ по зернышку, какъ священная драгоцѣнность, а когда народу объяснили, что поступокъ его неблаговиденъ, хотя и произошелъ изъ любви и уваженія къ архипастырю, тотъ же народъ собралъ всѣ зерна четокъ, связалъ ихъ и въ надлежащемъ видѣ препроводилъ къ владыкѣ,

Въ Одессѣ было то же обожаніе. Народъ смотрѣлъ на владыку Димитрія какъ на лицо, выдающееся по своему благочестію, неизмѣримой добротѣ и отзывчивости ко всѣмъ несчастнымъ. О его добротѣ, милосердіи и благотворительности сложились цѣлыя легенды. Его осаждали просьбами о помощи всюду, и онъ отдавалъ все, что имѣлъ, оказывая иногда очень значительную помощь. Онъ, напримѣръ, отдалъ одной вдовѣ съ дѣтьми пакетъ, даже не вскрытый имъ, съ 3 тыс. рублей, полученный отъ одного богатаго купца за погребеніе его жены. Когда, по вскрытіи пакета, вдова снова пришла къ арх. Димитрію выразить свое недоумѣніе, не ошибся ли владыка, онъ отвѣтилъ, что это ей даръ отъ Бога. Въ сентябрѣ 1883 г., за два мѣсяца до кончины святителя, одинъ офицеръ, потерявшій службу вслѣдствіе болѣзни, человѣкъ семейный, попросилъ у него нѣсколько сотъ рублей; святитель обѣщалъ дать ему просимую сумму, когда получитъ доходы изъ монастырской кружки, и, конечно, исполнилъ свое обѣщаніе. Не удивительно, что разсказы о многочисленныхъ благотвореніяхъ архіеп. Димитрія кажутся инымъ легендарными.

---

[1]) Русскій Архивъ, 1879 г. вып. III.

3.

Въ Одессѣ архіепископъ Димитрій былъ 17 лѣтъ. Въ 1874 г., къ 21 сентября, ко дню ангела владыки, Одесса получила печальное извѣстіе о перемѣщеніи его въ Ярославль. Общее мнѣніе о переводѣ архіеп. Димитрія изъ Одессы было то, что онъ жертва тогдашняго оберъ-прокурора Синода, графа Д. А. Толстаго, который, по сложившемуся въ Одессѣ убѣжденію, почему-то не любилъ его. Послѣ того, какъ желаніе одесской городской думы отправить депутацію въ Ливадію, гдѣ въ это время былъ императоръ Александръ II, съ ходатайствомъ жителей Херсонской епархіи, объ оставленіи въ Одессѣ архіеп. Димитрія „до конца дней его жизни"—не увѣнчалось успѣхомъ, одесско-херсонская паства стала приготовляться къ тяжелой разлукѣ съ архипастыремъ. Передъ отъѣздомъ изъ Одессы архіепископъ Димитрій посѣтилъ нѣкоторые города своей епархіи, а 27 октября принялъ прощальный обѣдъ, данный въ честь его гражданами Одессы. Обѣдъ происходилъ въ биржевой залѣ, здѣсь собрались представители различныхъ сословій, обществъ, народностей и вѣроисповѣданій; было католическое, протестантское и реформатское духовенство англиканскій пресвитеръ, магометанскій мулла и еврейскіе раввины; были русскіе, сербы, болгары, румыны, греки, французы, итальянцы, англичане, нѣмцы, консулы и вице-консулы иностранныхъ государствъ и многіе представители еврейской національности; были лица высшаго общества и скромные ремесленники; все это собралось сюда, чтобы выразить глубочайшее уваженіе и любовь къ архипастырю. Хоры были переполнены народомъ. Рѣчи, обращенныя къ уѣзжающему владыкѣ, были лучшимъ выраженіемъ тѣхъ чувствъ, которыя внушала его дѣятельность и благотворительность. Отвѣчая на рѣчи, архіепископъ сказалъ, что онъ и свыкся и сроднился душею и сердцемъ съ одесской паствой, которая останется для него родною на всю жизнь. Ему были поднесены адресы отъ различныхъ учрежденій, напр. отъ славянскихъ и греческихъ благотворительныхъ обществъ, отъ общества изящныхъ искусствъ, отъ общества состраданія къ животнымъ, отъ еврейскаго общества и пр.

12-го ноября архіепископъ Димитрій уѣхалъ изъ Одессы. На вокзалѣ были десятки тысячъ людей, которые осаждали владыку, желая получить отъ него послѣднее благословеніе. Та минута, когда раздался послѣдній звонокъ, была трогательна: густая толпа обступила со всѣхъ сторонъ, архипастыря, запрудивъ дорогу къ поѣзду; послышались рыданія и крики. Когда архіепископъ заносилъ ногу на ступеньку вагона, народъ, буквально, прильнулъ къ нему, цѣлуя полы его верхней рясы, его руки и ноги.

4.

Архіепископомъ Ярославскомъ Димитрій былъ очень недолго и 26 апрѣля 1876 г. назначенъ архіепископомъ Волынскимъ и Житомірскимъ. Съ оставленіемъ графомъ Толстымъ мѣста оберъ-прокурора Синода, преосвященный Димитрій былъ возвращенъ въ Одессу, на мѣсто архіепископа Платона (Городецкаго) назначеннаго митрополитомъ въ Кіевъ [1]).

Пребываніе въ Ярославлѣ, въ суровомъ климатѣ, крайне вредно отразилось на здоровьи архіепископа Димитрія; онъ сталъ страдать сильными приступами ревматизма и даже думалъ уйти на покой, опасаясь, чтобы при его немощи и болѣзняхъ не было бы запущенія въ епархіальныхъ дѣлахъ, но его свѣтлый умъ и любящее сердце, его высокій нравственный авторитетъ дѣлали его сильнымъ и среди немощей. Болѣе мягкій климатъ Волыни мало оказалъ пользы архипастырю, надорванное здоровье котораго не улучшалось.

Съ восторгомъ узнала Одесса о возвращеніи архіепископа Димитрія. Митрополитъ Платонъ, уѣзжая въ Кіевъ, на привѣтствіе Одесской городской думы, выразилъ радость, что преемникомъ ему на одесской каѳедрѣ будетъ архипастырь „добрый, кроткій и любвеобильный".

Вечеромъ, 8 апрѣля, архіепископъ Димитрій возвратился въ Одессу. Здѣсь снова пробудилась та любовь, которую онъ оставилъ по себѣ во время своего твердаго управленія епархіей.—Несмотря на позднее время, дебаркадеръ желѣзной дороги былъ переполненъ тысячами людей всякаго званія, состоянія и національности. Вся платформа, вокзальныя залы, все помѣщеніе станціи—были запружены народомъ. Невозможно описать ту радость и тотъ восторгъ, съ какими встрѣтила Одесса своего любимаго владыку. Когда поѣздъ подошелъ, всѣ обнажили головы и хлынули навстрѣчу архіепископу. Чтобы провести его до кареты, потребовалось много усилій и много времени.

Архіепископъ Димитрій съ радостью принялъ свое вторичное назначеніе въ Одессу, но съ какою грустью описываетъ онъ свое

[1]) *Платонъ Городецкій*, сынъ священника Іоанна Шемехина, въ мірѣ Николай, родился 2 мая 1803 г., въ Тверской губерніи, Зубцовскомъ уѣздѣ, посадѣ Погорѣло Городище, фамилію Городецкаго ему дали въ духовномъ училищѣ. Изъ ректоровъ Костромской семинаріи, въ 1843 г., онъ былъ назначенъ епископомъ Ковенскимъ, въ 1848—Рижскимъ (съ 1850—архіепископомъ), съ 1867—Донскимъ, съ 1877—Херсонскимъ. Въ 1882 г. назначенъ митрополитомъ Кіевскимъ. Скончался 89 лѣтъ, 2-го октября 1891 г.

физическое и душевное состояніе въ вступительномъ словѣ своемъ, сказанномъ въ каѳедральномъ Одесскомъ соборѣ, 11-го апрѣля. Дѣйствительно, величавый и полный силъ и здоровья, владыка— былъ теперь слабъ и немощенъ, но по-прежнему—бодръ духомъ и постоянно, во время служенія, какъ и прежде, говорилъ проповѣди, которыя по силѣ мышленія ставятъ даже выше проповѣдей, произносимыхъ имъ въ зрѣломъ возрастѣ; въ нихъ, по общимъ отзывамъ, было столько свѣта и правды, что онѣ западали въ сердцахъ слушателей.

5.

Архіепископъ Димитрій скончался внезапно, 14 ноября 1883 г., въ $10^1/_2$ часовъ утра. Въ этотъ день онъ собирался служить въ каѳедральномъ соборѣ литургію, но вдругъ почувствовалъ себя дурно; прибывшій черезъ нѣсколько минутъ докторъ уже засталъ его мертвымъ.

17 ноября былъ выносъ тѣла почившаго въ соборъ, а 18 ноября было совершено погребеніе. На обѣихъ печальныхъ церемоніяхъ были тысячи народа (по исчисленію, на перенесеніи тѣла усопшаго владыки въ соборъ участвовало болѣе 130 тыс. человѣкъ); биржа въ день погребенія бездѣйствовала, а это—чрезвычайно рѣдкій случай въ Одессѣ; день и ночь на улицахъ города горѣли фонари, обернутые траурнымъ крепомъ. При перенесеніи тѣла присутствовали духовныя лица другихъ исповѣданій. Самое погребеніе сопровождалось цѣлымъ рядомъ рѣчей и трогательными сценами прощанія съ усопшимъ. Архіепископъ Кишиневскій Сергій [1]), совершавшій обрядъ погребенія съ другими архіереями и читавшій разрѣшительную грамоту, былъ такъ взволнованъ, что съ трудомъ произносилъ слова; епископъ Сумскій Геннадій, ученикъ арх. Димитрія [2]), плакалъ навзрыдъ. „Учитель, учитель, повторялъ онъ, какъ рано оставилъ ты насъ!"—Онъ рыдалъ такъ долго, что принуждены были принести воды, чтобы успокоить его.

Отъ Константинопольскаго патріарха, изъ Сербіи, Румыніи, Бол-

---

[1]) *Сергій* (Ляпидевскій) род. въ Тулѣ, въ 1820 г.; въ мірѣ Николай, сынъ протоіерея Іакова Каркадиновскаго. Изъ ректоровъ Московской, академіи съ 1861 г. епископъ Курскій, съ 1880—архіепископъ Казанскій, съ 1882—Кишиневскій, съ 1891—Херсонскій, съ 1893—митрополитъ Московскій. † 13 февр. 1896 г.

[2]) *Геннадій* (Левицкій) род. въ 1818 году въ Херсонской губерніи, Елизаветградскомъ уѣздѣ. Изъ ректоровъ Тамбовской семинаріи, съ 1862 г.— епископъ Сарапульскій, съ 1872—Кинешемскій, съ 1883—Сумскій; въ 1886 году ушелъ на покой и † 1893 г. 10 февраля.

гаріи и Греціи были телеграммы въ консульства, полныя соболѣзнованія о кончинѣ архипастыря. Въ главной еврейской синагогѣ, въ день погребенія, было совершено моленіе объ усопшемъ архіепископѣ, во время котораго главный раввинъ сказалъ прочувствованную рѣчь.

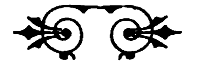
„Любовь, милосердіе и состраданіе, говорилъ онъ, безгранично жили въ великомъ сердцѣ почившаго. Онъ примѣнялъ милосердіе съ рѣдкимъ великодушіемъ, не спрашивая: кто—ты, откуда ты, какъ ты вѣришь, гдѣ ты молишься? Онъ говорилъ: ты человѣкъ, значитъ ты, чадо моего Бога, значитъ, ты мнѣ братъ.

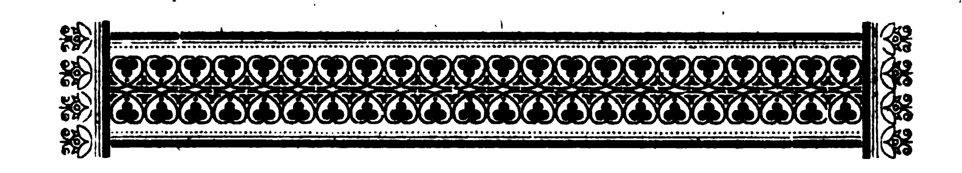
„Его милосердіе было до того безгранично, что оно въ наше время, которому не особенно свойственно создавать легенды, создало исторіи о его милосердіи, напоминающія древнія легенды".

Въ заключеніе—можно прибавить, что архіепископъ Димитрій широко и глубоко понялъ, усвоилъ и провелъ въ жизнь свою евангельское ученіе о милосердіи и кротости.

А. Н. Сергѣевъ.

С.-Петербургъ,
1907 г.

Занятіе Керчи непріятелемъ въ Крымскую кампанію.

(Эпизодъ).

До крымской войны входъ изъ Чернаго моря въ Керченскій проливъ и даже—въ Азовское море—былъ защищенъ небольшими земляными батареями, расположенными между Акъ-Бурунскимъ и Павловскимъ мысами, лежащими по прибрежью моря въ четырехъ верстахъ къ югу отъ города Керчь. Какъ батареи, такъ и вооруженіе ихъ были слабы и не соотвѣтствовали назначенію, вдобавокъ же вся горжевая (тыльная) часть ихъ была совершенно открыта, такъ что взятіе этихъ укрѣпленій со стороны суши не представляло затрудненій.

Съ осени 1853 года распространились слухи о предстоящей войнѣ, и для керченскихъ укрѣпленій начали производить спѣшныя работы по усиленію батарей: былъ увеличенъ гарнизонъ и приступили къ заготовкѣ въ городѣ значительнаго количества провіантскаго запаса.

1854-й годъ прошелъ для Керчи спокойно, но въ апрѣлѣ 1855 г., вскорѣ послѣ Пасхи, въ морѣ, передъ керченскими батареями, появились три французскихъ легкихъ парохода, которые, сдѣлавъ въ теченіе одного дня промѣры, къ вечеру скрылись за горизонтомъ. Черезъ два дня, рано утромъ, въ гарнизонѣ защитниковъ батарей забили тревогу, такъ какъ замѣтили облака дыма, виднѣвшіяся около Таклинскаго маяка, расположеннаго на возвышенномъ берегу Чернаго моря въ разстояніи 20 миль отъ прибрежья нашихъ батарей. Тотчасъ вѣсть объ этомъ долетѣла до жителей Керчи, которые хотя и всполошились, но охваченные непокидающимъ ихъ любопытствомъ, кто пѣшій, а кто въ экипажѣ, съ поспѣшностью, устре-

мились толпами на крѣпостныя высоты, лежащія позади батарей и прикрывающія городъ со стороны моря. День былъ ясный, солнечный, такъ что любопытная публика отчетливо видѣла, какъ вражескій флотъ приближался къ батареямъ, и суда его, становясь на якорь, образовали собою полукругъ, обнявшій собою береговую оборону. Не прошло и часу, какъ непріятельскія суда открыли огонь по батареямъ, и вначалѣ, еще не пристрѣлявшись, многіе снаряды давали перелетъ черезъ укрѣпленія, ложась въ тылу ихъ—на высотахъ, гдѣ собралась любопытная публика. Особенно грозными оказались для публики двѣ французскихъ паровыхъ лодки, которыя быстро выскочили изъ непріятельской боевой линіи и, приближаясь къ батареямъ, на ходу, открыли огонь изъ ландкастерскихъ орудій, разрывные снаряды которыхъ, падая средь публики, зарывались въ землю и, послѣ взрыва, обдавали любопытныхъ массою земли и мелкаго щебня. Все это надѣлало такой переполохъ, что лошади повзбѣсились и разбѣжались, а народъ опрометью бросился въ городъ, видя, что дѣло принимаетъ нешуточный оборотъ. Наблюдатели дѣйствія непріятельскаго флота видѣли и то, что наша артиллерія, хотя и усердно отвѣчала своими орудіями, но снаряды на значительное разстояніе не долетали до непріятельскихъ судовъ; а тѣ двѣ канонерки, которыя приблизились къ батареямъ, обсыпались нашими снарядами, но неуспѣшно, такъ какъ послѣдніе ложились вокругъ лодокъ, не нанося имъ вреда.

Обстрѣливаніе батарей орудіями непріятельскаго флота продолжалось два дня, въ теченіе которыхъ батареямъ былъ нанесенъ большой вредъ, и не мало подбито орудій; въ то же время противникъ успѣлъ разрушить бонъ [1]), заграждавшій собою проходъ изъ Чернаго моря въ Керченскую бухту. Проходъ этотъ былъ довольно широкій (до 800 саж.), образованный берегомъ нашихъ батарей и оконечностью Тузлинской песчаной косы, примыкающей къ кавказскому берегу. Одновременно съ бомбардированіемъ батарей непріятель началъ дѣлать высадку десанта на берегу Камышъ-Бурунской бухты, лежащей въ четырехъ верстахъ къ западу отъ нашихъ укрѣпленій, съ тѣмъ, чтобы обойти городъ и крѣпость и тѣмъ облегчить взятіе ихъ. Такое намѣреніе непріятеля побудило командующаго нашимъ гарнизономъ генерала Врангеля къ поспѣшному отступленію изъ Керчи по дорогѣ къ Ѳеодосіи; гарнизонъ же

---

[1]) Плавучее загражденіе изъ бревенчатыхъ звеньевъ, въ которыхъ лѣсъ связанъ между собою болтами и обоймами изъ толстаго желѣза, самыя звенья сцѣплены одно съ другимъ цѣпями. Такое загражденіе удерживается на мѣстѣ надежными якорями.

нашъ состоялъ изъ 4-хъ баталіоновъ пѣхоты, 2-хъ казачьихъ полковъ съ конною батареею и артиллеристовъ—прислуги при орудіяхъ батарей. За Врангелемъ потянулось все начальство укрѣпленій, такъ что непріятелю представлялась возможность овладѣть нашими батареями со стороны моря, но онъ еще не зналъ объ отступленіи гарнизона и потому не могъ на это рѣшиться. Врангель же, отойдя отъ Керчи 15 верстъ, началъ дѣлать рекогносцировки къ сторонѣ города, о чемъ татары давали знать непріятелю, который вслѣдствіе этого два раза подвергнулъ городъ бомбардированію съ своихъ судовъ, проникшихъ въ Керченскую бухту. Такъ что безполезныя диверсіи Врангеля подвергли Керчь напрасному разгрому.

Что касается керченскихъ горожанъ, то они, натерпѣвшись страху въ первый день открытія непріятелемъ огня и видя суету и растерянность Врангеля, пришли къ сознанію своей беззащитности и возможности потерять движимое имущество; поэтому, не заботясь о домахъ, кто таковыми владѣлъ,—начали спѣшно собирать свой скарбъ, часть котораго замуровывали въ подвалахъ, а что можно захватывали съ собою, чтобы по возможности поспѣшно бѣжать. Но и бѣгство людей, обремененныхъ деньгами и имуществомъ, было весьма затруднительно за недостачею и дороговизною подводъ, такъ какъ за паро-конный татарскій фургонъ съ провожатымъ требовали отъ 130 до 150 руб. за двадцати-верстный переѣздъ отъ Керчи, до первой отъ нея станціи Султановки; въ добавокъ къ этому не хватало даже подводъ. Вслѣдствіе этого не мало горожанъ отправились пѣшкомъ, а нѣкоторые, положившись на волю Божію, остались въ городѣ, надѣясь, что французы и англичане не варвары и къ будущимъ своимъ плѣнникамъ отнесутся по-человѣчески.

Пока непріятель высаживался и дѣлалъ предварительныя развѣдки, городъ Керчь опустѣлъ, укрѣпленія, какъ выше сказано, были брошены нашими защитниками съ оставшимся въ нихъ разрушеннымъ крѣпостнымъ хламомъ и вооруженіемъ, лишь были нами взорваны небольшіе пороховые погреба. А какъ только городъ опустѣлъ, въ него нахлынула масса крымскихъ татаръ изъ окрестныхъ деревень и занялись безчинствомъ и грабежомъ, что впрочемъ длилось недолго, такъ какъ вступившій вскорѣ непріятель принялъ суровыя мѣры, которыя прекращали удаль татаръ.

По оставленіи Керчи нашими войсками и жителями, непріятель двинулъ въ нее свой десантъ, который состоялъ изъ французовъ, англичанъ и турокъ; вмѣстѣ съ этимъ появились въ водахъ Керченской бухты его паровыя суда, которыя нѣсколько опередили занятіе города своими войсками и начали бомбардировку прибреж-

ныхъ городскихъ зданій, большею частію хлѣбныхъ магазиновъ, ко-рые были или сильно повреждены, или сожжены, такъ что хранившееся въ нихъ зерно попорчено; а вдобавокъ къ этому, непріятель, занявъ городъ, портилъ хлѣбные склады, поливкою товара известью.

Такъ какъ высадка непріятельскаго десанта производилась въ разстояніи 8—9 верстъ отъ города Керчи, то наступленіе на городъ шло съ осторожностью, подъ защитою окоповъ, на случай сопротивленія русскихъ войскъ, которыхъ уже не было; эта осторожность замедлила занятіе врагомъ города, тогда какъ суда его уже вошли въ Керченскую бухту и начали громить городскія постройки.

Оставленіе Керчи войсками съ ихъ начальствомъ было сдѣлано такъ поспѣшно и быстро, что побудило торопиться и гражданскія власти города, которыя впопыхахъ забирали дѣла, суммы, имѣвшіяся въ казначействѣ и разныхъ учрежденіяхъ, и все это грузили на небольшой военный пароходъ съ тѣмъ, чтобы отправить его черезъ Азовское море въ Таганрогъ. Но какъ ни спѣшили съ этою отправкою, а пароходъ былъ задержанъ, и когда онъ тронулся въ путь, то въ это время нѣсколько непріятельскихъ пароходовъ уже прорвались въ Керченскую бухту и, замѣтивъ нашъ пароходъ, пустили вдогонку за нимъ два своихъ, которые открыли огонь и разрушили корму нашего бѣглеца; опасная аварія и неизбѣжность попасть въ руки непріятеля побудила капитана нашего парохода выброситься на берегъ близъ мыса Еникале, гдѣ кое-какъ собранный грузъ погрузили на подводы и сухопутьемъ отправили внутрь Россіи.

Занявъ Керчь, непріитель часть своихъ судовъ направилъ въ Азовское море для соотвѣтственнаго тамъ хозяйничанья. Въ городѣ главнымъ начальникомъ былъ англійскій адмиралъ и въ подчиненіи французскій генералъ и турецкій паша; первые два были главными распорядителями и дѣятелями по управленію войсками и городомъ, а паша лишь наблюдалъ за своею воинскою ордою. Непріятельскія войска были расквартированы въ разныхъ жилыхъ городскихъ зданіяхъ и пустыхъ амбарахъ и содержали строгіе караулы, дѣлали дневные и ночные обходы для поддержанія спокойствія и порядка и въ то же время занимались фуражировками пищевыхъ продуктовъ по окрестнымъ селамъ и деревнямъ, при чемъ изрѣдка дѣлаемыя ими покупки продовольственныхъ предметовъ оплачивались по минимальный произвольной оцѣнкѣ завоевателей. Лѣсной матеріалъ для топлива пріобрѣтался порубкою городскихъ и окрестныхъ садовыхъ насажденій и виноградниковъ или разрушеніемъ крышъ зданій

при помощи муловъ и ословъ, которыхъ впрягали за одинъ изъ концовъ каната, а другой закрѣпляли за стропила крыши, которая, поддаваясь такой силѣ, рушилась на землю и разбиралась. Дисциплина по отношенію къ жителямъ была весьма строгая, и за малѣйшее неповиновеніе властямъ виновные заключались въ особыс городскіе или судовые карцеры съ ограниченнымъ въ нихъ пищевымъ довольствіемъ; злостные же поступки грабежей или мародерства судились краткосрочными судами, всегда влекшими за собою разстрѣлы. Съ особенною заботливостью непріятель относился къ гражданскому управленію городомъ при посредствѣ своихъ агентовъ и выборныхъ отъ горожанъ—помощниковъ, заботами которыхъ были устроены лазареты, столовая для бѣдныхъ и двѣ школы подъ руководствомъ двухъ священниковъ, оставшихся въ городѣ, которымъ завоеватель отпускалъ нѣкоторую сумму для учебныхъ и продовольственныхъ расходовъ. По настояніямъ и просьбамъ нашихъ пастырей въ Керченскія русскія и одну греческую церкви англійскій адмиралъ, для охраны ихъ, нарядилъ часовыхъ отъ французскихъ и англійскихъ войскъ, благодаря чему церкви остались нетронутыми. и служба въ нихъ протекала безпрепятственно въ теченіе всего времени оккупаціи Керчи.

Несмотря однако на строгость и благонамѣренное желаніе непріятеля сохранить въ Керчи спокойствіе, послѣднее было нерѣдко нарушаемо солдатами турецкихъ войскъ, которые съ присущимъ этому народу звѣрствомъ и ненавистью къ гяурамъ занимались ночными грабежами имущества не только въ жилыхъ помѣщеніяхъ жителей, но и въ замурованныхъ подвалахъ, которые указывали имъ татары; если же попытки къ грабежу встрѣчали препятствія, то злодѣи дѣлали поджоги и даже убивали лицъ, имъ помѣшавшихъ. Вслѣдствіе этого на городской площади ежедневно совершались разстрѣлы турокъ и всегдашнихъ ихъ руководителей мѣстныхъ татаръ—что̀ наводило страхъ и ужасъ на мирныхъ жителей, многіе изъ которыхъ по своей нервности, а частію отъ начавшаго ощущаться недостатка въ продовольствіи, испрашивали у завоевателя разрѣшенія выѣхать изъ Керчи—что̀ и удавалось.

Керчь, древняя Пантикапея, когда-то была огромная колонія, занимавшая двѣнадцати-верстное побережье между теперешнею Керчью и мысомъ Еникале на Азовскомъ морѣ; ея населеніе составляли богачи-торговцы мореплаватели, здѣсь было нѣсколько епископствъ и царственное мѣстопребываніе извѣстнаго царя Митридата и многихъ его преемниковъ, сложившихъ тамъ свои головы такъ же, какъ и ихъ царедворцы. Благодаря этому окрестности Керчи

и возвышающаяся надъ нею гора Митридатъ [1]) богаты могилами, курганами и подземельными катакомбами, скрывающими въ своихъ нѣдрахъ прахи знатныхъ съ рѣдкостными ихъ дорогими украшеніями, воинскими доспѣхами, облаченіями, монетами и предметами культа и домяшнаго ихъ обихода. Все это было извѣстно какъ въ Россіи такъ и за границей; однако раскопки описанныхъ рѣдкостей русскими археологами производились не особенно прилежно и весьма медленно, и до 1855 года ко многимъ могиламъ и курганамъ русская лопата еще не прикоснулась, что дало непріятелю возможность, въ теченіе короткаго пребыванія его въ Керчи, заняться тщательными раскопками и добыть не мало рѣдчайшихъ и цѣнныхъ находокъ, увезенныхъ ими съ собою, которыя нынѣ хранятся въ музеѣ Парижа. Между тѣмъ до крымской войны французы усиленно хлопотали о предоставленіи имъ права дѣлать раскопки керченскихъ древностей на извѣстныхъ условіяхъ, съ ежегодною за это платою въ нашу казну значительной арендной суммы. Такое предложеніе было признано непріемлемымъ, и французы, какъ бы въ отместку за это, воспользовались оккупаціею Керчи, поспѣшно занялись раскопками древностей и пріобрѣли даромъ то, за что прежде добровольно соглашались платить.

Съ заключеніемъ перемирія, тяготѣвшая надъ Керчью непріятельская гроза миновала, и несчастные жители ея начали постепенно возвращаться на старое мѣсто—сдѣлавшееся пепелищемъ, съ надеждою отыскать тамъ спрятанное ими имущество; но для многихъ это было тщетною мечтою, такъ какъ большинство тайныхъ складовъ вещей было расхищено или сожжено. Что же касается до вознагражденія потерпѣвшихъ отъ казны, то таковая, за приведеніемъ потерь въ извѣстность и составленіемъ соотвѣтственной оцѣнки, потребовала трехлѣтія, по истеченіи котораго страдальцы получили отъ 15 до 20 процентовъ стоимости убытковъ, при чемъ руины строеній и обгорѣвшій въ нихъ лѣсной матеріалъ засчитывались какъ годные для дѣла.

Съ 1856 года началась обстройка города Керчи, и возстановилась его жизнь торговая и промышленная, благодаря углубленію Керченскаго пролива, допустившаго входъ въ Азовское море боль-

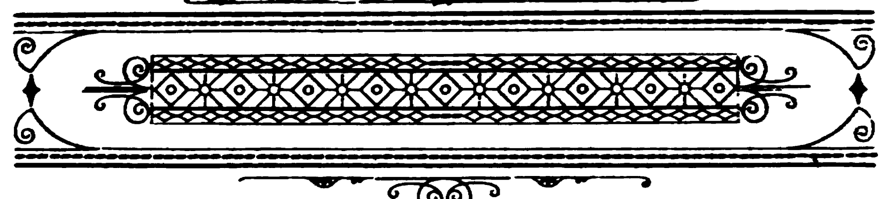
[1]) На вершинѣ этой горы и по нынѣ сохранился большой камень, въ которомъ высѣчено сѣдалище, называемое стуломъ Митридата, служившимъ ему для помѣщенія при обозрѣніи многочисленнаго своего торговаго флота, располагавшагося—по преданію—какъ въ Керченской бухтѣ, такъ и въ прилегающихъ къ ней водахъ Чернаго моря. Положеніе же названнаго стула таково надъ уровнемъ моря, что открываетъ взорамъ наблюдателя огромное пространство какъ бухты, такъ и моря.

шимъ грузовымъ судамъ, а равно и постройка новой керченской крѣпости немало способствовала развитію торговыхъ предпріятій горожанъ; все это совмѣстно съ развившимся морскимъ сообщеніемъ города съ заграницею сдѣлало Керчь благоденствующимъ, забывшимъ свой разорительный отъ непріятеля погромъ.

Сообщилъ Ив. Вороновъ.

С.-Петербургъ.
августа 2 дня 1907 г.

Ксендзъ Касперъ Боровскій, епископъ плоцкій.

1802—1885 г.г.

Служба въ провинціи приводитъ въ соприкосновеніе съ такими кругами и лицами, съ которыми въ столицѣ, быть можетъ, всю жизнь не было бы случая познакомиться. Въ бытность нашу, въ 80-хъ годахъ, въ составѣ Плоцкаго окружнаго суда, Варшавскаго округа, намъ пришлось имѣть сношенія съ представителями мѣстнаго римско-католическаго духовенства—сначала по службѣ, а потомъ и въ силу обычныхъ условій общественности. Старшимъ лицомъ этого духовенства, въ тѣ годы, былъ сперва епископъ Гинтовтъ, а впослѣдствіи епископъ Боровскій. При всей общедоступности и привѣтливости епископа Гинтовта, при всемъ его изяществѣ и художественномъ складѣ, побудившемъ его, между прочимъ, пріобрѣсти замѣчательную картинную галлерею, нельзя сказать, чтобы насъ влекло къ этому прелату. Причиною тому было встрѣтившее насъ въ Плоцкѣ, на первыхъ же порахъ, спорное дѣло о помѣщеніи окружнаго суда въ бывшемъ епископскомъ домѣ, находившемся, со времени событій 1863 года, въ вѣдѣніи казны, по которому намъ пришлось, по обязанности службы, войти въ коллизію съ епископомъ. Помимо того, епископъ Гинтовтъ, будучи лишь епископомъ-суффраганомъ (викарнымъ), управлялъ епархіею только временно, вслѣдствіе административнаго удаленія дѣйствительнаго епископа, продолжавшаго, однако, сохранять признаніе высшей духовной власти, почему былъ поставленъ въ необходимость держаться ближе правительства и заботиться о личномъ для него результатѣ происходившихъ переговоровъ относительно каноническаго замѣщенія епископскихъ вакансій въ Польшѣ.

Все это, къ сожалѣнію, лишало бесѣду съ эпископомъ Гинтовтомъ возможности того нравственнаго удовлетворенія, которое доставляетъ общеніе съ лицами, вполнѣ самостоятельными, стоящими внѣ круга обыденныхъ дѣлъ и отношеній. Въ началѣ 1883 года епископъ Гинтовтъ, по состоявшемуся соглашенію, былъ назначенъ архіепископомъ могилевскимъ, митрополитомъ римско-католическихъ церквей имперіи, съ пребываніемъ въ Петербургѣ.

Еще задолго до отъѣзда епископа Гинтовта къ новому мѣсту служенія, въ концѣ лѣта 1882 года, разнесся въ Плоцкѣ слухъ о прибытіи его предполагаемаго преемника, епископа луцко-житомирскаго, Боровскаго. Причиной рановременнаго пріѣзда его было то, что вступленіе въ царствѣ Польскомъ новыхъ епископовъ на каѳедры имѣлось въ виду произвести ко дню коронаціи Императора Александра III, ожидавшейся весною слѣдующаго 1884 года; между тѣмъ епископъ Боровскій, 80-ти-лѣтній старецъ, проживалъ въ то время въ Перми, куда былъ водворенъ еще въ концѣ 60-хъ годовъ, и переѣздъ оттуда въ зимнюю пору могъ быть для него опасенъ. Такъ какъ о перемѣщеніи епископа Боровскаго въ Плоцкъ, согласно желанію правительства, уже состоялось тогда заключеніе коллегіи кардиналовъ, то и было признано возможнымъ ускорить его переѣздъ. Помогло еще то обстоятельство, что вступившій въ управленіе вѣдомствомъ внутреннихъ дѣлъ графъ Д. А. Толстой былъ лично расположенъ къ епископу Боровскому, зная его еще съ молодыхъ лѣтъ, когда въ бытность свою чиновникомъ особыхъ порученій графъ собиралъ, при его содѣйствіи, матеріалы для труда по исторіи католичества въ Россіи. Въ ожиданіи исхода дѣла, епископъ провелъ зиму на 1883 годъ, какъ частное лицо, въ скромномъ помѣщеніи на выѣздѣ изъ города.

По полученіи утвержденія папы и соотвѣтственнаго указа, послѣдовало въ одинъ изъ воскресныхъ дней мая 1883 года вступленіе епископа Боровскаго на новую каѳедру (ингрессъ). Прекрасная весенняя погода благопріятствовала торжеству, привлекшему все мѣстное населеніе города и окрестныхъ жителей. Не обошлось безъ того, что благочестивые мазуры, отличающіеся, среди самихъ поляковъ, религіозной горячностью, отпрягали коней у экипажа епископа и собственными силами подвозили нововступающаго къ каѳедральному храму. Старецъ стойко выдержалъ продолжительную службу съ чтеніемъ буллы, правительственнаго exequatur, присягой и т. п. Спустя нѣсколько дней, мы, на-ряду съ другими должностными лицами, были почтены посѣщеніемъ епископа. Признаемся, что первое впечатлѣніе, произведенное на насъ, было не въ его пользу. Мы видѣли предъ собой небольшого роста, безформеннаго

старичка, съ неопредѣленными, болѣзненными пятнами на лицѣ и потухшими глазами, слабымъ голосомъ обмѣнивавшагося обычными привѣтствіями, при помощи сопровождавшаго его, пожилого и простоватаго на видъ каноника. Невольно припомнились намъ былые визиты губернскихъ игуменій въ непремѣнномъ сопровожденіи матери-казначейши или другой приближенной инокини. Но чрезъ нѣсколько дней тотъ же старецъ предсталъ въ иномъ, болѣе спокойномъ видѣ и приподнятомъ настроеніи. Мѣстнымъ духовенствомъ былъ предложенъ епископу, въ помѣщеніи духовной семинаріи, привѣтственный обѣдъ съ приглашеніемъ губернскихъ властей. На тостъ въ его честь, старецъ отвѣтилъ довольно продолжительной рѣчью, въ которой коснулся желательнаго взаимоотношенія свѣтской и духовной власти и церковной науки. Голосъ его звучалъ твердо, не проявлялось никакого смущенія отъ окружающей обстановки. Въ нашей памяти запечатлѣлись, между прочимъ, первыя слова его обращенія: „волею Господа Всемогущаго, въ Троицѣ славимаго, благословеніемъ святого отца, милостивымъ соизволеніемъ Монарха, находимся мы нынѣ на древней каѳедрѣ плоцкой“... Предъ нами стоялъ авторитетный представитель іерархіи, пережившей въ западной Европѣ вѣка, видѣвшей тамъ крушеніе многихъ началъ и призванной охранять отъ напора человѣческихъ страстей чудныя сѣмена, нѣкогда брошенныя въ міръ галилейскими рыбарями.

Знакомство съ епископомъ Боровскимъ облегчалось тѣмъ, что въ теченіе своей долгой жизни онъ имѣлъ возможность узнать Россію и отчасти Западъ. Хотя родомъ онъ былъ изъ Плоцкой губерніи, но образованіе получилъ въ духовно-учебнымъ учрежденіяхъ Витебскаго края; въ 40-хъ годахъ былъ профессоромъ и затѣмъ ректоромъ переведенной въ Петербургъ римско-католической духовной академіи. Въ 1849 году получилъ назначеніе епископа Луцко-Житомірской епархіи, гдѣ оставался до 1868 года, когда по политическимъ причинамъ былъ водворенъ на жительство въ г. Пермь и прожилъ тамъ 14 лѣтъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ ему случилось быть, въ 60-хъ годахъ, и въ Римѣ, на соборѣ по случаю канонизаціи японскихъ мучениковъ. Памятью этого посѣщенія осталось для него пожалованное ему папою, въ то время еще владѣльцемъ Церковной области, званіе гражданина города Рима, съ присвоеннымъ этому званію отличіемъ—мечомъ древняго образца. Имѣя влеченіе къ христіанскимъ древностямъ, епископъ съ удовольствіемъ вспоминалъ время, посвященное имъ изученію римскихъ катакомбъ. Онъ разсказывалъ, какъ однажды, отказавшись отъ услугъ назойливаго проводника, онъ заблудился въ катакомбахъ и былъ выведенъ изъ нихъ случайно встрѣченнымъ въ подземельѣ пастухомъ; спавшій пастухъ

испугался, увидѣвъ епископа въ мѣстѣ, служившемъ, по его словамъ, притономъ для самаго темнаго люда. Въ Римѣ епископъ пріобрѣлъ также прекрасные альбомы саркофаговъ и мозаикъ древнихъ базиликъ, которые охотно показывалъ.

Пріятное впечатлѣніе производили отзывы епископа о добрыхъ отношеніяхъ, существовавшихъ между нимъ и установленіями православной церкви, какъ въ бытность его на епархіи, такъ и въ послѣдующее время,—о приглашеніяхъ, которыя онъ получалъ—по его выраженію—„отъ сената“ Волынской духовной семинаріи на годичные акты, и о трогательной манифестаціи, сдѣланной ему при отъѣздѣ изъ Перми мѣстною семинаріею.

Еще пріятнѣе было встрѣтить въ епископѣ Боровскомъ глубокое уваженіе къ исторіи первыхъ временъ христіанской церкви, стремленіе искать въ ней пути къ разрѣшенію вопросовъ, волнующихъ современность, и справедливую оцѣнку великой роли отцовъ церкви первыхъ вѣковъ, особенно пастырей IV вѣка, въ дѣлѣ ея устроенія. У него имѣлись въ рукописи объемистыя сочиненія на эти темы—плодъ занятій въ годы невольнаго уединенія; находились лица, изъявлявшія готовность помочь въ трудѣ и расходѣ по ихъ изданію, но почему-то дѣло тогда затормозилось. Само собою разумѣется, что отъ прелата римско-католической церкви нельзя было ожидать другого отношенія къ ея исповѣданію, какъ самаго сочувственнаго, во всѣхъ подробностяхъ. Такъ, по возникшему однажды въ бесѣдѣ вопросу о степени допустимости свободной мысли въ сферѣ религіи, намъ припоминается приведенная имъ парабола о трехъ родителяхъ, оставившихъ своимъ дѣтямъ въ наслѣдство по ларцу съ драгоцѣнностями. Двое изъ нихъ отдали ларцы въ распоряженіе только взрослыхъ сыновей (при чемъ одинъ даже указалъ старшему сыну имѣть особенное наблюденіе). Третій отдалъ ларецъ въ руки всѣхъ дѣтей, безъ различія возраста. Какой изъ этихъ ларцовъ—спрашивалъ епископъ—окажется впослѣдствіи въ большемъ порядкѣ. Не будетъ ли третій ларецъ неразумно расхищенъ, такъ что у дѣтей не останется и памяти объ отцѣ. Однако въ рѣчи епископа постоянно чуялось теплое стремленіе къ идеалу вселенскаго характера церкви, для которой нѣтъ эллина, ни іудея. Однимъ изъ любимыхъ его выраженій были слова бл. Тертулліана: „in necessariis unitas, in dubiis libertas, in omnibus charitas“—„въ основномъ — единство, въ сомнительномъ — свобода, во всемъ— любовь“.

Невольно являлась мысль, какія могли быть причины, вызвавшія временное удаленіе съ епископіи столь разумнаго пастыря, о которомъ было извѣстно, что въ эпоху 1863 года онъ возставалъ про-

тивъ обращенія храмовъ въ арену революціоннаго возбужденія, чѣмъ даже заслужилъ нареканія толпы. Не ручаемся за полную достовѣрность, но отъ лицъ, повидимому освѣдомленныхъ, приходилось слышать, что причиною тому было столкновеніе епископа Боровскаго съ мѣстными властями по вопросу объ языкѣ въ дополнительномъ богослуженіи католической церкви. То было время, когда послѣ усмиренія мятежа—къ слову сказать, слабо отозвавшагося въ Юго-Западномъ краѣ, при стойкости тамъ коренного малорусскаго населенія—московскими публицистами былъ предпринятъ походъ въ видахъ усиленнаго обрусенія окраинъ и самого католичества. Однимъ изъ способовъ была выставлена повсемѣстная замѣна, въ дополнительномъ богослуженіи католической церкви, польскаго языка русскимъ, съ устраненіемъ при томъ мѣстныхъ нарѣчій. Шумливая пропаганда подѣйствовала на неосвѣдомленныя, на первыхъ порахъ, власти. Генералъ Безакъ, бывшій въ тѣ годы главнымъ начальникомъ края, ретиво принялся за насажденіе новаго порядка, встрѣтившаго, въ Волынской губерніи, стойкій отпоръ со стороны епископа Боровскаго. Епископъ не соглашался лишать возможности молитвы на родномъ языкѣ свою паству, состоявшую исключительно изъ помѣщиковъ и горожанъ-поляковъ. Быть можетъ, въ пылу борьбы, онъ позволилъ себѣ какое-либо увлеченіе; имѣя связи въ Римѣ, онъ могъ войти въ частное сношеніе съ кѣмъ-либо изъ членовъ куріи и тѣмъ косвенно вызвать репрессіи со стороны послѣдней. Какъ бы то ни было, долгими годами устраненія съ епархіи, равносильнаго фактическому лишенію сана, епископъ Боровскій искупилъ свою вину и на закатѣ дней видѣлъ возстановленіе болѣе правильныхъ отношеній между правительствомъ и папскимъ престоломъ, а также значительное смягченіе, если не отмѣну, обоюдоострой мѣры, которая повлекла за собой печальныя событія въ его жизни.

Жизненныя тревоги не оставили, однако, чувства горечи въ добродушномъ старцѣ. Онъ не относилъ ихъ къ винѣ высшихъ представителей власти, которые не всегда находятъ совѣтниковъ, стоящихъ на уровнѣ трудныхъ вопросовъ церкви и государства. Съ удовольствіемъ епископъ разсказывалъ о случаяхъ, когда ему, въ теченіе жизни, выпадало встрѣчаться или входить въ сношеніе съ монархами. Еще въ юные годы, въ бытность въ семинаріи, онъ видѣлъ Императора Александра I, когда послѣдній, въ 1817 году, проѣзжалъ черезъ Полоцкъ, отправляясь на Ахенскій конгрессъ. Государь остановился на почтовой станціи, гдѣ пилъ чай вмѣстѣ со свитой. Любопытная толпа, въ томъ числѣ и воспитанники, окружила небольшой домъ станціи, глядя въ окна; молодежь напи-

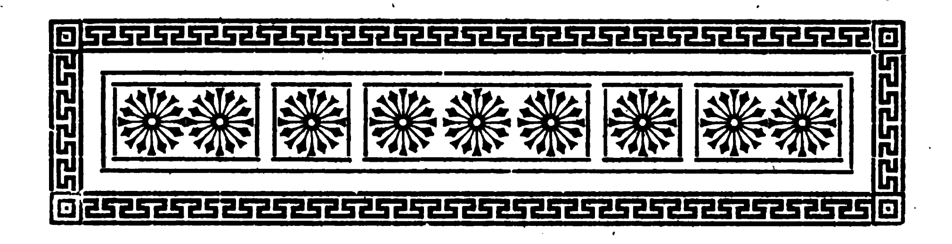
рала, окна не выдержали, и послышался трескъ стеколъ. Мгновенно Императоръ всталъ, вышелъ на крыльцо и, обведя толпу привѣтливымъ взглядомъ, громко промолвилъ: „хотите меня видѣть—посмотрите“. Взрывъ восторга былъ отвѣтомъ на оказанное вниманіе. Императоръ Николай I, которому епископъ представлялся въ 1849 году, при полученіи назначенія на епархію, по словамъ епископа, оставилъ въ немъ память по себѣ краткостью и категоричностью указаній, не оставлявшихъ сомнѣнія въ образѣ дѣйствія, котораго слѣдовало держаться. Иное впечатлѣніе производилъ на него Императръ Александръ II, на неоднократныхъ аудіенціяхъ. Каждый разъ епископъ былъ очарованъ его пріемами обращенія, гуманнымъ отношеніемъ къ ходатайствамъ, освѣдомленностью въ вопросахъ, яснымъ представленіемъ всѣхъ, часто противорѣчивыхъ, сторонъ каждаго дѣла, но на-ряду съ этимъ приходилось жалѣть о трудности, которую онъ встрѣчалъ въ подведеніи окончательнаго итога бесѣды. Выходя изъ кабинета Государя—говорилъ епископъ—бывало, выносишь новыя, тяжкія, сомнѣнія въ предстоящемъ пути. Теплотою настроенія отличалось, по разсказу епископа Боровскаго, свиданіе его съ Императоромъ Александромъ III. Въ виду преклонныхъ лѣтъ епископа, онъ, при содѣйствіи графа Д. А. Толстого, былъ освобожденъ отъ обязанности представиться въ Петербургѣ, вмѣстѣ съ другими, вновь назначенными епископами, съ разрѣшеніемъ на полученіе аудіенціи при возможномъ случаѣ посѣщенія Государемъ Польши. Такой случай представился осенью 1883 года, когда Императоръ, во время пребыванія въ Спалѣ, пріѣзжалъ осматривать Новогеоргіевскую крѣпость, расположенную въ предѣлахъ Плоцкой губерніи, и временно останавливался близъ этой крѣпости. Епископъ получилъ срочное приглашеніе, но, за мелководіемъ р. Вислы, нѣсколько опоздалъ. Императоръ милостиво пожалѣлъ старца въ причиненномъ ему безпокойствѣ, познакомилъ его съ августѣйшими дѣтьми, сопровождавшими государя въ поѣздкѣ, предложилъ ему чашку чая и поинтересовался, между прочимъ, гдѣ епископъ остановился. Узнавъ, что онъ помѣстился на время въ находящемся недалеко въ посадѣ Закрочимѣ, монастырѣ—одномъ изъ немногихъ, оставшихся неупраздненными,—Государь спросилъ, древній ли это монастырь. Епископъ отвѣтилъ, что насколько Закрочимскій монастырь древній, видно изъ надписи на одномъ изъ его колоколовъ о времени вылитія его для монастыря въ 1068 году,—при чемъ прибавилъ, что въ тѣ годы, можно сказать, вполнѣ еще не осуществилось и раздѣленіе церквей. „Желательно, чтобы и впредь такъ было“, сказалъ на это Государь. „И церковь ежедневно объ этомъ молится“, отозвался епископъ.

Не долго пробылъ епископъ Боровскій на новой епархіи. Несмотря на всѣ заботы окружающихъ, силы его видимо таяли. Изрѣдка служенія, уединенная молитва въ домашней каплицѣ чередовались съ текущими дѣловыми занятіями. Простота жизни его была истинно трогательна. Подкрѣплялъ онъ свои силы лишь ничтожной закуской, запиваемой чаемъ, который ему присылалъ изъ Перми его почитатель, прежній его домовладѣлецъ, русскій торговецъ. Нуждающійся людъ также не отходилъ отъ него безъ помощи, и канонику его выпадало не мало труда сообразовать скромный бюджетъ епископа съ запросами благотворенія. Быть можетъ, дни епископа еще продлилисьбы, если бы онъ не подвергся простудѣ при освященіи, осенью 1884 года, новаго храма близъ посада Бѣльска. При этомъ случаѣ, онъ посѣтилъ, послѣ службы, мѣстнаго владѣльца и, въ средѣ его дѣтей и родства, сказалъ нѣсколько прочувствованныхъ словъ о значеніи добрыхъ семейныхъ нравовъ, какъ основѣ человѣческаго благополучія. Это было послѣднее торжественное служеніе епископа, послѣдній завѣтъ его обществу. Въ первыхъ числахъ января 1885 года епископъ Боровскій тихо скончался и былъ погребенъ въ склепѣ Плоцкаго каѳедральнаго храма.

Спустя много времени, намъ пришлось провести лѣто въ одномъ изъ германскихъ курортовъ. Въ числѣ лицъ, обращавшихся къ цѣлебному источнику, оказался старичокъ-каноникъ, въ потертой одеждѣ, напоминавшій, серьезнымъ и добрымъ видомъ, былыхъ наставниковъ изъ нѣмцевъ. вносившихъ свѣтъ и гуманность въ наши захолустья. Онъ, видимо, сторонился разноплеменной толпы. То были дни предсмертной болѣзни и кончины папы Льва XIII. Слышались по этому поводу всевозможныя разсужденія. Однажды нашъ каноникъ— должно быть, изъ окрестностей Фульды, этого центра научнаго католицизма—вступилъ въ разговоръ и пріятно удивилъ спокойствіемъ за судьбы своей церкви, при ея соборной основѣ. Мы невольно вспомнили другихъ добрыхъ пастырей, съ которыми имѣли отношенія въ жизни, и спросили его, не знавалъ ли онъ польскаго епископа Боровскаго. „Не имѣлъ счастья знать его лично, отвѣтилъ каноникъ, но читалъ нѣкоторыя его сочиненія и ихъ высоко цѣню“. Оставалось преклониться предъ святою истиною: „Духъ, гдѣ хочетъ, дышетъ“.

С. Раевскій.

Сношенія Россіи съ папскимъ престоломъ въ исходѣ 17 и первой половинѣ 18 вѣка [1]).

По изслѣдованіямъ О. Пирлинга.

III.

Петръ I за границей.—Шереметевъ въ Вѣнѣ.—Его бесѣды съ Вольфомъ. — Пріѣздъ въ Римъ и аудіенція у Иннокентія XII. — Курбатовъ. — Отреченіе Курбатова отъ ереси. — Обманутыя надежды.—Царь Петръ въ Вѣнѣ.—Московское посольство за границей.—Впечатлѣніе, произведенное въ Вѣнѣ.—Иллюзіи императора Леопольда.—Письмо Вольфа.—Отъѣздъ Петра.—Свиданіе въ Равѣ съ Августомъ и патеръ Вота.—Въ стѣнахъ Замостья.—Посольство Гваріена.

Въ 1697 и 1698 г.г. Петръ I совершилъ, въ цѣляхъ самообразованія, путешествіе за границу, откуда онъ вернулся съ твердымъ намѣреніемъ приступить къ самымъ широкимъ преобразованіямъ.

Въ это время юный царь занималъ вниманіе всей Европы, которая видѣла въ немъ нарождающуюся силу, новый факторъ, съ которымъ ей вскорѣ пришлось считаться. Во время его пребыванія за границей разсказы о его личности облетѣли всѣ столицы и дошли до Рима.

Духовный міръ Петра, полный всевозможныхъ противорѣчій, представлялся въ то время для всѣхъ загадкою; никто не могъ бы тогда предсказать, какое направленіе приметъ его реформаторскій геній, но его замѣтное пристрастіе ко всему иностранному поддерживало увѣренность въ томъ, что онъ относится благожелательно къ латинянамъ и что онъ склоненъ покровительствовать церковной уніи.

Поддерживать подобный взглядъ, по крайней мѣрѣ нѣкоторое время, и извлечь изъ него пользу входило въ виды Петра, а уста-

---

[1]) См. „Русская Старина“ 1908 г. февраль.

новленіе дружескихъ и родственныхъ связей со старинными европейскими монархіями льстило его самолюбію. Австрія служила ему оплотомъ противъ Турціи, на Польшу онъ разсчитывалъ для борьбы со шведами, а посредничество папы могло имѣть значеніе какъ въ Вѣнѣ, такъ и въ Варшавѣ; для того же, чтобы заручиться поддержкою папы, наилучшимъ средствомъ было поддерживать въ немъ надежду на союзъ съ Римомъ. Царь рѣшительно вступилъ на этотъ путь, и въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, съ его вѣдома и одобренія, папскому престолу дѣлались осторожные намеки и предложенія, которыя ничѣмъ не связывали Россію, но поддерживали въ Ватиканѣ самыя радужныя и несбыточныя надежды.

Въ этомъ случаѣ, обстоятельства удивительно благопріятствовали планамъ Петра. Московское правительство снаряжало въ 1696 г. большое посольство, которое должно было посѣтить главнѣйшіе европейскіе дворы, завязать новыя и упрочить уже существовавшія дружескія отношенія къ нѣкоторымъ державамъ.

Русскіе обратились къ Ватикану съ запросомъ, относительно правилъ, требуемыхъ этикетомъ при представленіи посольства папѣ. Въ это же приблизительно время пропаганда обсуждала вопросъ о посылкѣ въ Москву миссіонеровъ, разсчитывая при этомъ на поддержку австрійскаго и польскаго пословъ. По этому поводу кардиналы Альбани,—будущій папа Климентъ XI,—и Тамара представили папѣ записки, въ которыхъ дѣлался историческій обзоръ сношеній съ Москвою, со времени появленія въ Римѣ Менезія, и разсматривался всесторонне вопросъ о царскихъ титулахъ. Оба кардинала предлагали послать въ Москву о. Воту, который обладалъ достаточной подготовкой, чтобы всесторонне изучить Россію и составить подробное ея описаніе, необходимое для дальнѣйшаго плана дѣйствій. На запросъ, сдѣланный по этому поводу варшавскому и вѣнскому нунціямъ, они отозвались объ о. Вота въ самыхъ лестныхъ выраженіяхъ, но полагали, что посылать его въ Россію было бы преждевременно, въ виду недавняго изгнанія оттуда іезуитовъ.

Въ то время какъ въ Римѣ усиленно старались найти какой-нибудь выходъ, туда прибылъ въ 1698 г. изъ Россіи знатный путешественникъ, преданный слуга Петра, бояринъ Борисъ Шереметевъ, отъ котораго папа и іезуиты услышали самыя неожиданныя для нихъ вещи. Этотъ выдающійся полководецъ, цѣлыхъ десять лѣтъ участвовавшій въ войнахъ съ турками, ненавидѣлъ магометанъ, и по его словамъ давно стремился въ Римъ: во время осады Азова, подъ непріятельскимъ огнемъ, онъ далъ обѣтъ посѣтить Ватиканъ; его самымъ горячимъ желаніемъ было побывать на островѣ Мальтѣ и посѣтить знаменитый орденъ Мальтійскихъ рыцарей. Петръ

былъ очень доволенъ тѣмъ, что одинъ изъ знатнѣйшихъ его бояръ, по собственному почину сбрилъ бороду, надѣлъ парикъ и нѣмецкое платье и предпринялъ путешествіе за границу. Шереметева сопровождала довольно большая свита, во главѣ которой стоялъ Алексѣй Курбатовъ, выдающійся финансистъ,—введшій впослѣдствіи въ Россіи въ употребленіе гербовую бумагу.

По пути въ Римъ, Шереметевъ и его свита прожили болѣе трехъ недѣль въ Вѣнѣ, откуда распространился слухъ о томъ, что бояринъ интересуется вопросомъ о соединеніи церквей. Императоръ Леопольдъ, озабоченный судьбою католиковъ въ Россіи, окружилъ московскаго боярина, выказывавшаго себя сторонникомъ запада, всевозможнымъ вниманіемъ и предупредительностью и поручилъ извѣстному іезуиту, Вольфу, показать ему столицу. Этотъ выборъ, самъ по себѣ, говоритъ многое. Вольфъ, по своему происхожденію и воспитанію, принадлежалъ къ высшему кругу, пользовался расположеніемъ императора и его супруги и имѣлъ большое вліяніе на дѣла. Знакомство съ польскимъ языкомъ давало ему возможность вести съ русскими переговоры безъ переводчика. Вольфъ и Шереметевъ видѣлись часто, по-долгу бесѣдовали, и между ними установились въ скоромъ времени такія близкія, довѣрчивыя отношенія, что они обсуждали даже самые важные вопросы религіи и между прочимъ коснулись вопроса о соединеніи церквей. Какое впечатлѣніе произвели эти бесѣды на Шереметева и Курбатова—неизвѣстно, но Вольфъ предался самымъ оптимистическимъ надеждамъ и, извѣщая Пропаганду о скоромъ пріѣздѣ боярина въ Римъ, онъ писалъ, что „есть большая надежда на то, что онъ и Курбатовъ примутъ въ тайнѣ унію“; при этомъ онъ совѣтовалъ дѣйствовать какъ можно осторожнѣе. Этотъ совѣтъ былъ не лишній, такъ какъ самъ Шереметевъ поступалъ очень неосторожно. Онъ такъ усердно посѣщалъ римскіе соборы, молился передъ раками апостоловъ, говорилъ такъ горячо о папской власти и о единой церкви, что представители Ватикана не сомнѣвались въ его преданности католической вѣрѣ, а кардиналъ Бульонъ даже увѣдомилъ Людовика XIV, что „русскій царь прислалъ своего агента для примиренія церквей“.

Курбатовъ, лучше его владѣвшій перомъ, писалъ папѣ чрезвычайно любопытныя письма о состояніи умовъ въ Москвѣ.

По его словамъ, многихъ изъ бояръ и священниковъ мучили сомнѣнія, и они стремились къ единенію съ Римомъ. Въ доказательство своихъ словъ, Курбатовъ ссылался на собесѣдованіе царя съ патріархомъ относительно отдѣленія церквей, которое Петръ, неудовлетворенный данными патріархомъ объясненіями, приписывалъ от-

-сутствію богословскихъ книгъ и искаженію текста св. писанія греками.

Римская курія была изумлена всѣмъ слышаннымъ. Представитель возрождающейся Россіи, относившійся съ симпатіей къ латинянамъ, былъ, разумѣется, желаннымъ гостемъ въ Ватиканѣ, но тамъ всѣ были еще болѣе изумлены, когда во время торжественной аудіенціи знаменитый русскій генералъ исполнилъ всѣ требованія этикета, преклонилъ три раза колѣна и поцѣловалъ папскую туфлю. Папа далъ ему частицу животворящаго Креста Господня, что привело боярина въ восторгъ.

Подобный же подарокъ былъ переданъ нѣкогда Поссевинымъ Іоанну Грозному, отъ имени Григорія XIII. Царь также точно остался тогда доволенъ.

Шереметевъ часто видѣлся съ іезуитами и внѣ стѣнъ Ватикана; генералъ іезуитскаго ордена предоставилъ въ его распоряженіе виллу, не вдалекѣ отъ Квиринала, но онъ не захотѣлъ поселиться въ ней. Относительно вопросовъ этикета, и для полученія аудіенціи, Шереметевъ совѣщался съ довѣреннымъ лицомъ папы, отцомъ Росси, когда же онъ хотѣлъ выяснить какіе-либо догматы, то онъ обращался къ патеру Шпоту (Szpot), который, какъ полякъ, могъ лучше договориться съ нимъ. Однажды бояринъ попросилъ его составить записку о правахъ папы на господство надъ вселенской церковью. Другой разъ онъ представилъ на его разсмотрѣніе толстую полемическую книгу противъ латинянъ, которую онъ привезъ съ собою изъ Москвы. Русскому монаху, Палладію Роговскому было поручено перевести эту книгу, но онъ вскорѣ уѣхалъ въ Москву, не окончивъ этого труда, и о немъ не было болѣе помину. Какъ бы то ни было, всѣ вопросы, затронутые Шереметевымъ, показывали, что его занимала мысль о соединеніи церквей; іезуиты рѣшили использовать этотъ случай и предложили ему избрать какое-нибудь лицо, которому онъ высказалъ бы всѣ тревожившія его сомнѣнія. Онъ тотчасъ указалъ на патера Тирса Гонзалеса.

Бояринъ и іезуитъ бесѣдовали часто при помощи переводчика, и хотя подробности этихъ бесѣдъ намъ неизвѣстны, но онѣ касались, разумѣется, вопросовъ, которые одинаково интересовали латинянъ и русскихъ. Шереметевъ былъ очарованъ умнымъ, образованнымъ миссіонеромъ, совершенно подпалъ подъ его вліяніе и былъ съ нимъ настолько откровененъ, что 5 апрѣля Гонзалесъ могъ написать въ Вѣну: „онъ мнѣ все открылъ подъ величайшей тайной".

Нельзя утверждать, что Шереметевъ былъ окончательно обращенъ іезуитомъ, но во всякомъ случаѣ его взгляды были сильно поколеблены, а въ это время Курбатовъ уже нашелъ „свой путь

въ Дамаскъ"; человѣкъ быстрый и рѣшительный, онъ дѣйствовалъ безъ вѣдома Шереметева, былъ нѣсколько разъ принятъ папою въ аудіенціи раннимъ утромъ, пока его принципалъ спалъ, и твердо рѣшилъ сдѣлать рѣшительный шагъ. „Все было устроено хорошо", писалъ 14 апрѣля Гонзалесъ, „и въ величайшей тайнѣ".

Въ Римѣ надѣялись, что Шереметевъ также приметъ католическую вѣру; надежды эти были такъ велики, что, во время его прощальной аудіенціи у папы, въ пріемной поджидали на всякій случай епископъ и іезуитъ, но нерѣшительный бояринъ не сдѣлалъ послѣдняго шага.

Уѣзжая изъ Рима, Шереметевъ и Курбатовъ выразили желаніе взять съ собою книгъ и просили позволенія прислать въ Римъ русскую молодежь, для обученія латинской грамотѣ; они хотѣли также взять съ собою двухъ іезуитовъ, знающихъ польскій и чешскій языки и знакомыхъ съ науками и искусствомъ, которые могли бы въѣхать въ Россію переодѣтые, подъ видомъ учителей. Патеру Гонзалесу было поручено исполнить желаніе Курбатова, но изъ этихъ обширныхъ плановъ ничего не вышло. Вернувшись въ Россію, Шереметевъ и Курбатовъ попали въ водоворотъ кипучей дѣятельности, царствовавшей вокругъ царя; имъ некогда было думать о соединеніи церквей. Шереметевъ принялъ снова командованіе войскомъ, былъ произведенъ Петромъ въ фельдмаршалы и принялъ славное участіе въ Полтавскомъ боѣ. Осыпанный наградами и почестями, онъ былъ однако сторонникомъ царевича Алексѣя и не пользовался довѣріемъ Петра. Что касается Курбатова, онъ поступилъ на службу по гражданскому вѣдомству, былъ назначенъ архангельскимъ вице-губернаторомъ и занятый своими служебными дѣлами забылъ о планахъ, которые обсуждались въ Вѣнѣ и въ Римѣ; такимъ образомъ поѣздка Шереметева и Курбатова не принесла никакихъ плодовъ. Въ запискѣ, изданной иждивеніемъ Шереметева, съ описаніемъ этого путешествія, нѣтъ ни малѣйшаго намека на ихъ сокровенныя бесѣды съ Вольфомъ и Гонзалесомъ.

Единственнымъ, существеннымъ результатомъ ихъ пребыванія въ Вѣнѣ и аудіенцій у папы и продолжительныхъ бесѣдъ съ іезуитами было то, что въ высшихъ сферахъ Вѣны и Рима начинали вѣрить въ существованіе въ Россіи стремленія къ уніи. Появленіе Петра за границей еще болѣе укрѣпило ихъ въ этой мысли.

Торжественное посольство, отправившееся изъ Москвы за границу въ 1697 г., въ составъ котораго вошли Лефортъ, Головинъ и Возницынъ, было для Европы провозвѣстникомъ новой Россіи, стремившейся отвоевать себѣ мѣсто среди цивилизованныхъ державъ запада. Въ числѣ странъ, которыя по составленному росписанію

*

должно было посѣтить это посольство, входили также Австрія и Италія. Императоръ Леопольдъ, взявшій на себя роль покровителя московскихъ католиковъ, задался цѣлью быть особенно любезнымъ и предупредительнымъ съ посольствомъ, съ которымъ ѣхалъ инкогнито самъ царь.

Онъ воспользовался свѣдѣніями, сообщенными ему Вольфомъ, со словъ Шереметева и Курбатова, и соотвѣтственно этому обставилъ пріемъ. Въ Вѣнѣ, гдѣ Петръ провелъ іюнь и іюль 1698 г., царь произвелъ впечатлѣніе человѣка доступнаго убѣжденіямъ и готоваго затронуть вопросъ объ уніи.

Очевидно, тамъ были настроены въ его пользу, и Петръ своимъ поведеніемъ вполнѣ оправдалъ созданную ему репутацію. Къ великому изумленію добрыхъ вѣнцевъ, этотъ царь, „преданный схизмѣ", не только посѣщалъ латинскія церкви, но даже присутствовалъ на богослуженіи, слушалъ проповѣди, интересовался всѣми подробностями католической литургіи и относился очень почтительно къ католическому духовенству. Приставленныя къ царю лица австрійской свиты, въ особенности кардиналъ Коллоницъ и патеръ Вольфъ, предоставивъ канцлеру имперіи, графу Кинскому, вести переговоры о политикѣ, бесѣдовали съ нимъ постоянно о вопросахъ вѣры, и Петръ не только не уклонялся отъ этихъ бесѣдъ, но видимо находилъ въ нихъ удовольствіе.

Патеръ Вольфъ, благодаря своему знакомству съ польскимъ языкомъ, могъ говорить съ русскими безъ переводчика; благодаря этому онъ чаще всѣхъ видѣлся съ Петромъ и бесѣдовалъ съ нимъ часами, съ глаза на глазъ. Однажды, во время совмѣстной поѣздки въ Пресбургъ, іезуитъ дошелъ до того, что осмѣлился прямо поставить вопросъ о соединеніи церквей. Петръ отвѣчалъ, что, со своей стороны, не видитъ къ этому затрудненій, но что придется считаться съ противодѣйствіемъ „озлобленныхъ поповъ, которые готовы будутъ распять его".

Патеръ Вольфъ былъ увѣренъ, что ему удалось снискать довѣріе и расположеніе царя, который говорилъ съ нимъ столь откровенно о такомъ щекотливомъ вопросѣ. Надобно сознаться, что іезуитъ имѣлъ полное основаніе думать это, ибо царь оказывалъ ему совершенно исключительные знаки вниманія, такъ напр. онъ выразилъ желаніе, чтобы Вольфъ былъ его переводчикомъ на аудіенціи у императора, и его едва удалось убѣдить въ томъ, что это было невозможно. Когда царь однажды занемогъ, то онъ охотнѣе принялъ совѣты Вольфа, нежели совѣты врача.

Однажды, когда патеръ, отслуживъ обѣдню, наклонился, чтобы поцѣловать его руку, Петръ любезно отдернулъ ее, сказавъ, что

ему бы слѣдовало поцѣловать руку, освященную прикосновеніемъ къ святымъ дарамъ. 29 іюня, въ день своихъ именинъ, Петръ потребовалъ, чтобы Вольфъ произнесъ проповѣдь. Долго колебались, на какомъ языкѣ произнести ее. Вольфъ вышелъ изъ затруднительнаго положенія, составивъ рѣчь частью по-чешски, частью по-моравски и по-польски; русскіе его слушатели поняли ее и по его словамъ, были отъ нея въ восторгѣ. Петръ понялъ общій смыслъ рѣчи и отдѣльныя, болѣе выдающіяся выраженія, отозвался объ ней съ большой похвалою, и въ знакъ своего благоволенія къ проповѣднику, не особенно вообще щедрый на подарки, онъ послалъ ему драгоцѣнныя матеріи и сорокъ собольихъ шкурокъ, тогда какъ министрамъ было послано всего по пятнадцати.

Кардиналъ Коллоницъ также завоевалъ расположеніе царя. Любознательный Петръ интересовался рѣшительно всѣмъ: посѣтивъ арсеналы и музеи, осмотрѣвъ достопримѣчательности города, онъ выразилъ желаніе присутствовать на обѣднѣ, которую кардиналъ долженъ былъ отслужить, 24 іюля, въ церкви іезуитской коллегіи. Онъ явился въ церковь со всей свитой, внимательно слѣдилъ за обрядами и по окончаніи обѣдни бесѣдовалъ съ кардиналомъ. Бывшій мальтійскій рыцарь и отъявленный врагъ магометанской вѣры, кардиналъ обѣщалъ царю молиться о томъ, чтобы Господь благословилъ его и „далъ ему узрѣть то, что нужно для спасенія“; смыслъ этихъ словъ былъ ясенъ, тѣмъ не менѣе они были выслушаны Петромъ благосклонно, также какъ и проповѣдь, произнесенная патеромъ Вольфомъ послѣ обѣдни, въ которой онъ говорилъ о ключахъ апостола Петра отъ царства небеснаго и о томъ, что другой Петръ, предстательствомъ перваго могъ бы получить ключъ, который открылъ бы ему доступъ въ Турцію.

Побесѣдовавъ съ кардиналомъ, царь перешелъ въ іезуитскую трапезную, гдѣ отобѣдалъ, очаровавъ всѣхъ своей привѣтливостью и своими остроумными замѣчаніями.

Поведеніе Петра подтверждало донесенія дипломатовъ, предсказывавшихъ, что съ его воцареніемъ для московскихъ католиковъ наступили лучшіе дни. Императоръ Леопольдъ былъ обрадованъ настроеніемъ своего царственнаго гостя и постарался сдѣлать ему пребываніе въ столицѣ пріятнымъ. При дворѣ празднества и концерты слѣдовали одинъ за другомъ. Царь любовался фейерверками, которые онъ любилъ до страсти. Въ роскошно иллюминованныхъ садахъ загороднаго дворца „Favorite“ былъ данъ большой маскарадъ, на который съѣхалось все высшее общество и который дорого обошелся императорской казнѣ.

О благопріятномъ впечатлѣніи, произведенномъ царемъ въ Вѣнѣ,

дошли вскорѣ вѣсти и до Рима. Уже 10 мая 1698 г., кардиналъ Коллоницъ, вѣроятно подъ впечатлѣніемъ своихъ бесѣдъ съ Шереметевымъ, писалъ, что Петръ „очень расположенъ возвратить свой народъ въ лоно католической церкви“. Папа Иннокентій XII заранѣе благословилъ дѣло уніи и того, кто готовъ былъ потрудиться для нея. Въ такомъ же духѣ писалъ и патеръ Вольфъ генералу іезуитскаго ордена. Онъ не предвидѣлъ, что настанетъ время, когда царь обвинитъ его въ томъ, что онъ „не кстати и не въ мѣру поусердствовалъ“. Генералъ іезуитовъ былъ въ восторгѣ отъ письма Вольфа, тщательно снялъ съ него копію, которая была препровождена папѣ и мечталъ о томъ, что „Провидѣніе, при помощи августѣйшаго императора Леопольда, приведетъ царя Петра въ лоно римско-католической церкви“.

Еще болѣе радужныя надежды высказалъ испанскій посланникъ въ Вѣнѣ, но въ сущности, какъ совершенно справедливо замѣтилъ нунцій Санта-Кроче,—„никому достовѣрно не была извѣстна настоящая религія Петра“, ибо „въ Лондонѣ онъ выказывалъ сочувствіе квакерамъ, а въ Вѣнѣ іезуитамъ,—и въ Вѣнѣ же подписалъ указъ о распространеніи православія въ Китаѣ“.

Путешествіе въ Италію очень соблазняло Петра, но ему не удалось осуществить своего желанія, такъ какъ, получивъ извѣстіе о стрѣлецкомъ бунтѣ, онъ былъ вынужденъ поспѣшить въ Россію, чтобы расправиться съ бунтовщиками огнемъ и мечемъ. Это не помѣшало ему однако принимать, на обратномъ пути, участіе во многихъ празднествахъ.

Во-первыхъ, король польскій Августъ II чествовалъ его въ Равѣ въ маленькомъ мѣстечкѣ въ Галиціи, гдѣ онъ провелъ четыре дня среди безконечныхъ празднествъ. Дружескія изліянія, коими обмѣнялись монархи подъ звонъ бокаловъ, и раскаты залповъ, произведенныхъ изъ орудій, были предвѣстникомъ союза, заключеннаго ими въ виду угрожавшаго общаго врага—Карла XII и его непобѣдимой арміи.

Среди пиршествъ и смотровъ, Августъ II нашелъ случай выступить передъ православнымъ царемъ въ качествѣ защитника латинской церкви. Онъ представилъ своему новому другу патера Воту, съ которымъ царь обошелся любезно, бесѣдовалъ о Москвѣ, приглашалъ его вновь посѣтить Россію, и между прочимъ сказалъ: что „соединеніе церквей не есть что-либо невозможное“—фраза, которая глубоко запала католикамъ въ душу. Прощаясь съ патеромъ, Петръ обнялъ его и принялъ отъ него благословеніе, низко склонивъ предъ нимъ голову.

Историческія стѣны Замостья были свидѣтелями подобной

же сцены. Къ пріѣзду царя, въ крѣпости очутился, какъ бы невзначай, варшавскій нунцій, Антоній Давія.

Сидя за столомъ рядомъ съ Лефортомъ, представитель Ватикана спросилъ его, пропустятъ ли черезъ Москву восточныхъ миссіонеровъ-католиковъ и получилъ отвѣтъ, что это невозможно. Тогда онъ обратился съ тѣмъ же вопросомъ къ самому царю, и Петръ любезно далъ на это свое согласіе, и обѣщалъ даже отпустить имъ деньги для проѣзда до границы. Въ этомъ, по причинамъ политическимъ, было отказано только однимъ французамъ. Но когда нунцій выразилъ желаніе, чтобы данное разрѣшеніе было потверждено письменно, то Петръ отвѣчалъ, что его слово значитъ болѣе, нежели какая-нибудь бумажонка, и что онъ пришлетъ грамоту позднѣе. Нунцію пришлось удовольствоваться этимъ уклончивымъ отвѣтомъ и оказанными ему внѣшними знаками уваженія.

Депеши, посланныя въ Римъ нунціемъ Давія, и письма Воты, полученныя тамъ вслѣдъ за благопріятными извѣстіями изъ Вѣны, подчеркнули еще разъ доброжелательное настроеніе царя къ латинянамъ; свѣдѣнія эти, полученныя изъ первыхъ рукъ, вполнѣ согласовались съ тѣмъ, что миссіонеры кармелиты писали непосредственно изъ Кремля. Все это, вмѣстѣ взятое, произвело въ Ватиканѣ настолько благопріятное впечатлѣніе, что папа рѣшилъ немедленно отправить въ Россію посольство, для возобновленія съ нею сношеній. Но его предупредило посольство, посланное въ Москву императоромъ австрійскимъ, во главѣ котораго стоялъ Игнатій Христофоръ Гварьенъ, извѣстный дипломатъ, бывшій ранѣе въ Москвѣ, вмѣстѣ съ Зѣровскимъ и Блумбергомъ!

Назначенный чрезвычайнымъ посломъ въ Москву въ 1698 г., онъ выѣхалъ изъ Вѣны съ многочисленной свитой. Въ секретари ему былъ данъ Гансъ Корбъ, написавшій впослѣдствіи книгу о Россіи, которая была издана въ Вѣнѣ и вызвала цѣлую бурю: Петръ настоятельно требовалъ ея изъятія, но это требованіе исполнено не было.

Въ снаряженіи этого посольства политика играла, видимо, второстепенную роль.

Какъ извѣстно, 8 февраля (29 января) 1697 г. Россія, Австрія и Венеція заключили оборонительный и наступательный союзъ противъ турокъ и татаръ; согласно второй статьѣ этого дипломатическаго акта, договаривающіяся стороны должны были сообщить другъ другу выработанные ими планы кампаніи; Гварьену было поручено собрать по этому поводу всѣ свѣдѣнія, но пока онъ толковалъ въ Москвѣ о воинственныхъ планахъ Московскаго правительства, Австрія заключила съ Турціей на двадцать пять лѣтъ Карловицкое перемиріе.

Восточный вопросъ, одинъ изъ самыхъ важныхъ въ то время обсуждался, какъ видно, въ Кремлѣ больше для проформы.

Несравненно большее значеніе придавалось въ Вѣнѣ церковнымъ дѣламъ. Гварьенъ, по своимъ личнымъ качествамъ, былъ самымъ подходящимъ человѣкомъ для переговоровъ о нихъ. Онъ готовъ былъ потрудиться для церкви и не боялся жертвъ. Папа Иннокентій XII, Гонзалесъ и патеръ Вольфъ дали ему соотвѣтственныя указанія; онъ получилъ также инструкціи отъ императора Леопольда, коего конечнымъ желаніемъ было водвореніе въ Россію іезуитовъ. Вмѣстѣ съ посольствомъ Гварьена пріѣхали въ Россію два іезуита: Иванъ Миланъ и Иванъ Берула; по бумагамъ они значились приходскими священниками Ольмюцкой епархіи.

Когда Гварьенъ прибылъ въ Москву, царь былъ еще за границей, и государствомъ управлялъ вѣчно пьяный князь Ромодановскій и тріумвиратъ, состоявшій изъ Льва Нарышкина, Бориса Голицына и Петра Прозоровскаго. Дѣла управленія находились въ самомъ печальномъ положеніи, отъ чего страдали также иностранцы и между прочимъ священники чехи Лефлеръ и Яроссъ, на мѣсто которыхъ пріѣхали іезуиты. Выбившись изъ силъ, истомленные, возненавидѣвъ Москву, они настаивали на томъ, чтобы имъ разрѣшено было уѣхать какъ можно скорѣе, но въ отсутствіе царя никто не считалъ себя въ правѣ выдать имъ паспорта; имъ пришлось покориться и выжидать его пріѣзда. Тѣмъ временемъ священникъ Касаграндъ былъ посланъ на верфи въ Воронежъ, гдѣ работали венеціанцы, а два патера были поселены въ Слободѣ, къ великому удовольствію католической паствы, которая 25 іюля 1699 г. послала трогательную благодарность императору.

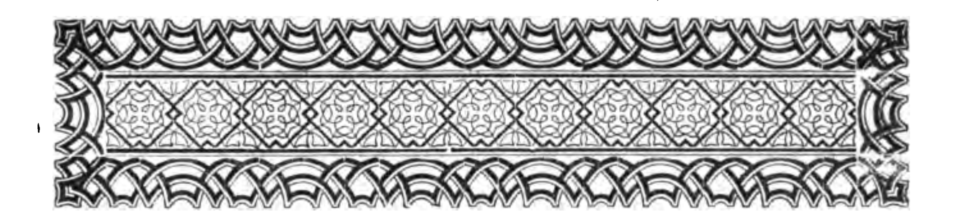
Смѣлый планъ Гварьена былъ построенъ на томъ, что Московское правительство (само того не вѣдая) разрѣшило іезуитамъ проживать въ Слободѣ; этимъ какъ бы отмѣнялся указъ объ ихъ изгнаніи, и правительству приходилось считаться съ совершившимся фактомъ. Но, несмотря на такое разсужденіе, іезуитамъ, пока ихъ положеніе не было оформлено, приходилось жить подъ вѣчнымъ страхомъ новыхъ преслѣдованій. Говорили, правда, будто, царь, въ бытность въ Вѣнѣ, далъ на все свое согласіе, но его обѣщанія были довольно туманны, а къ чему они привели—мы увидимъ далѣе.

Изъ заграничнаго путешествія царь вернулся гнѣвный, рѣшивъ дѣйствовать энергично и сурово. Возможно ли было, при этихъ обстоятельствахъ, вести съ нимъ какіе бы то ни было переговоры?

Сообщ. В. Т.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Письма королю Сигизмунду III о Самозванцѣ.

Важность каждаго новаго документа, касающагося личности перваго Самозванца, несомнѣнна. Матеріалъ далеко еще не весь использованъ и извѣстенъ; между прочимъ въ Отдѣлѣ Литовской Метрики Московскаго Архива Министерства Юстиціи находятся подлинныя письма разныхъ лицъ къ Сигизмунду III, содержащія отвѣты на королевскіе запросы по поводу появленія московскаго князька въ Польшѣ. Многоуважаемый П. Пирлингъ въ своихъ очеркахъ „Изъ Смутнаго времени“ упоминаетъ объ этихъ письмахъ и говоритъ, что „часть (ихъ) самая важная, самая интересная, лежитъ еще въ Московскомъ Архивѣ Министерства Юстиціи и преспокойно ожидаетъ своей очереди явиться на бѣлый свѣтъ. Если не ошибаюсь, никто до сихъ поръ ею не воспользовался и не ссылался на нее“. (Стр. 5).

Въ 1902 году („Русская Старина“, май) я напечаталъ „Новый

Naiasnieyszy Mcziwy Krolu Panie Panie moy Mcziwy.

1. Az iuz przed tym dalem byl pissanie moie do W. K. M. przez Pana Miecielskiego Komornika W. K. M., ale iz potym insze pissanie W. K. M. w niebytnosci moiey saszło dla ktorego zabawić się musiał na ukrainie dluzey, wiecz y za ponową rżeczy w tym czassie pissanie swe odnawiam do W. K. M. daiac znać W. K. M. o stanie rzeczy ukrainnych com tez iuz wiele razow czynil, o ktorych s Pana Miecielskiego dostateczną wiadomosć, wiec y stychtam Kozakow Danskich, odemne zatrzymanych (gdy s poselstwem do Dimitraszka iachali) y kilku z niech celnieyszych, a mianowicie iednego nastarszego nadnimi, drugiego, ktory do niech iezdzil po confederacią, trzeciego ktory iech tu prowadzil y z listy nieodpieczę-towanymi, ktore przy niéch byly. Ilom. pan. Hetmanowi Coronnemu poslanych, ktore tez, iako rozumiem, Ilomcz. W. K. M. przeslal do tego czassu W. K. M. wyczerpnac będziesz raczyl, wiecz go confederacy, ktorą maią z Nizowcy. Ia to samo tylko W. K. M. oznaymuię ze to łotrowstwo na tym są aby skupiwszy się albo w Ziemię Moskiewską wtargnęli, albo we wlos-

документъ о Самозванцѣ",—копію съ листка, случайно вплетеннаго среди другихъ документовъ въ книгу такъ называемыхъ „Новыхъ дѣлъ" Литовской Метрики. Подлинникъ,—листокъ въ четверку безъ даты и безъ подписи, содержалъ вопросные пункты (terminatam interrogatoriam), которые касались нѣкоторыхъ подробностей біографіи, сложенной, очевидно, о себѣ самимъ Самозванцемъ. Этотъ документъ вызвалъ живой интересъ въ П. Пирлингѣ, отозвавшемся („Русская Старина", іюнь 1902) замѣткой, гдѣ имъ высказано предположеніе, что листокъ составлялъ, вѣроятно, дополненіе къ письму епископа плоцкаго Барановскаго [1]), который ссылается на посланную имъ „особую терминату" для болѣе детальнаго уясненія біографіи Самозванца. Это предположеніе весьма вѣроятно, замѣчу только, что по формату бумаги и по почерку письмо Барановскаго и листокъ совершенно не сходны между собою.

Письма къ Сигизмунду III обнимаютъ періодъ съ февраля по октябрь 1604 года и являются отвѣтами на запросы короля. Писемъ—12, число, конечно, не исчерпывающее всего количества отвѣтовъ, но куда затерялись остальныя, пока неизвѣстно. Авторами писемъ являются [2]): князья Янушъ и Константинъ Острожскіе, епископъ перемышльскій, епископъ плоцкій Барановскій, Влодекъ, Дзялынскій, Окуловскій и Чарнковскій.

Въ 1604 году два вопроса занимали польское государство: дѣла въ Инфлянтахъ, грозившія принять очень серьезный оборотъ, и появленіе „московскаго князька", могущее втянуть Польшу въ столкновеніе съ Москвою, съ которой былъ заключенъ миръ. Финансы были

[1]) Письмо напечатано здѣсь.

[2]) Двухъ фамилій я разобрать не могъ.

ciach szkody wielkie poczynic mogli. Czemu ieslibys W. K. M. zabiezeć chcial potrzeba w czas o tym radzić poki Dniepr nie pusci, bo zaraz po roscieczy trudno iem co uczynić. (IX. № 58. f. 107).

Naiasnieisy Mosczywy Krolu Panie Panie nasz Mosczywy.

2. Dosly mys lysthy dwa Waszey Kroliewsky Mosczy, Die 22 february Przesz Komornika Waszey Kroliewskiy Mosczy Pana Crosnowskiego Na kthore zaras Waszey Kroliewsky Mosczy odpisuie y moye zdanie oznaymuie. Podziekowawszy unyzenie Waszey Kroliewsky Mosczy za thak Mosczywą przestroge y obmyslywanie bespieczenstwa Coronnego, po gothowiu przymnozenia iey wszego dobrego upatruiane tho z roznych myar sposzobow, rathunku prowincy Inflancky nymaydnie pretssego nad then Aby Dzierz zawczy dobr Waszey Kroliewsky pieniadze Kwarcziane czo predzy znosiely. Za thą asseouratią pozwolienia Ich Mosczy PP. Senatorow Coronnich y quittem Ie° Mosczy Xiędza Pethcanclierzego Ia acz nyetrzimam nycz dobr Waszey Kroliewsky Mosczy y s ktorych bych myal kwarthe dawacz alye yednak bende szie o tho s pilnosczią staral y ynnym Dzierzzawczom

въ плохомъ состояніи, и Сигизмундъ разсылалъ повсюду письма, побуждая высказаться по инфлянтскимъ дѣламъ и по вопросу о претендентѣ на Московскій престолъ. Письма къ королю заключаютъ, по большей части, отвѣты сразу на оба эти вопроса [1]). Въ 1605 году былъ созванъ сеймъ, на которомъ голоса лучшихъ людей государства—Замойскаго, Дорогостайскаго, Лещинскаго, Остророга — предупреждали короля не ввязываться въ сомнительную авантюру и не нарушать мира съ Москвою. Король, какъ извѣстно, не послѣдовалъ совѣтамъ и поддержалъ Самозванца. Кто же воспиталъ въ немъ увѣренность въ правотѣ претендента? Печатаемыя письма, являющіяся какъ бы подготовительнымъ матеріаломъ для сейма, могутъ дать отвѣтъ на это: большинство королевскихъ корреспондентовъ относилось отрицательно къ Самозванцу, и только нѣкоторые (преимущественно духовныя лица) хитро и осторожно совѣтовали воспользоваться послѣднимъ, какъ орудіемъ противъ Московскаго государства. Дневникъ сейма 1605 года напечатанъ въ „Русской Исторической Библіотекѣ“ т. I; письма являются, такимъ образомъ, дополненіемъ къ этому матеріалу, тѣмъ болѣе интереснымъ, что сохраняютъ множество бытовыхъ подробностей.

Предлагаемыя письма разсѣяны въ числѣ разныхъ документовъ №№ 53, 54 и 55 книгъ „Новыхъ Дѣлъ“ Литовской Метрики. Документы въ этихъ книгахъ соединены не по годамъ и не по содержанію, такъ что письма приходилось выбирать. Здѣсь они расположены въ хронологическомъ порядкѣ. При печатаніи я передавалъ польскій текстъ буква въ букву съ подлинникомъ.

---

[1]) При печатаніи текста я, чтобы не нагромождать матеріала, опускалъ почти всюду ту часть, которая касалась дѣлъ въ Инфлянтахъ, особенно, если письмо ясно дѣлилось на двѣ части.

---

poblissym perswadowac bende aby kwarthe czo naprędzy oddawaly. Za tho Panu Bogu nyemny dziekuie ze z łasky swey Waszey Kroliewsky Mosczy podawa dobrą pogode do przymnozenia slawey Waszey Kroliewsky Mosczy y pozitkow Rptey thym przybycziem knazika Dimitra w panstwo Waszey Krolewsky Mosczy. Zdanie tho moye yest aby Wasza Kroliewska Mosez thego pothomka ogloszonego na iakym mieysczu bespiecznie uczczywie chowac roskazac racyl. Gdzie by liudzie tameczny do nyego za pilnym dozorem przypusczeny bely thym czasem przesz ukraynne liudzie poddane Waszey Kroliewsky Mosczy siegaiane dalszy y dowodny wiadomosczy urodzenia yego y zamyslow Moskiewskich.

(IX, № 55, f. 34).

Naiasnieiszy a Mcziwy Krolu Panie Panie mnie Mcziwy. Naniszi sluzby y wierne poddanstwo moie w Mcziwa laske V. K. M. mego Mczego Pana unizenie zalleczam.

3. Dwoie pisanie oddal mi razem komornik V. K. M. mego Mczgo Pana, s tego, ktorego data 12 Februarii, wirozumiałem o wielkim niebespieczenstwie w ktorym

Переводъ представлялъ много трудностей, и я могу повторить жалобу переводчиковъ Русской Исторической Библіотеки, часто въ примѣчаніяхъ указывавшихъ на „затрудненія“ при передачѣ того и другого мѣста. Въ русскомъ текстѣ я оставлялъ безъ перевода латинскія выраженія, которыми такъ любили пересыпать свои произведенія схоластически образованные поляки; равнымъ образомъ сохранялъ безъ перевода и ополяченныя иностранныя слова: думаю. что этимъ нѣсколько сохранился колоритъ оригинала.

1. Отъ Януша Острожскаго изъ Константинова, 19 февраля 1604 г.:

Всепресвѣтлѣйшій, всемилостивый король, государь мой милостивый.

Только что было передано вашему королевскому величеству письмо мое черезъ г. Метельскаго, коморника вашего, какъ, въ мое отсутствіе, было получено другое письмо В. К. В., почему я долженъ былъ дольше задержаться на Украйнѣ, равно какъ и по поводу возобновленія дѣла. Тѣмъ временемъ я вновь отправилъ письмо свое вашему королевскому величеству, давая знать вамъ о положеніи дѣлъ на Украйнѣ, какъ я дѣлалъ уже много разъ. Объ этомъ достаточно увѣдомленъ г. Метельскій, равно какъ о тамошнихъ донскихъ казакахъ, задержанныхъ мною, когда ѣхали съ посольствомъ къ Димитрію. Нѣкоторые изъ нихъ—лица важныя, именно: одинъ—старшій среди нихъ, другой,—который ѣздилъ къ нимъ за конфедераціей, третій, — который ихъ туда провожалъ съ запечатанными пакетами, бывшими при нихъ. Пакеты были отосланы коронному гетману; ихъ, думаю, гетманъ переслалъ теперь къ вамъ, В. К. В., и вы поэтому познакомились съ содержаніемъ союзнаго договора, который онъ имѣетъ съ низовцами. Я же указываю вамъ только

---

iest położona Ziemia Ifflancka: a przi tim sposob, ktory V. K. M. memu Mczmu Panu od niektorych iest poddan, ku pretkiemu nabyciu pieniedzy dla osadzenia Zolnierzem zamkow tamecznych. Z drugiego zasię V. K. M. mego Mczgo Pana listu dnia 14 Februarii tegosz xiezyca pisanego, zrozumiałem takze o przedzierzeciu nieiskiego Dimitra Moskwicina, ktory się synem niebosczika kniazia wana Wasilewica byc powiada: Na to oboye V. K. M. mego Mczgo Pana pisanie zdalo mi się tesz razem V. K. M. memu Mczmu Panu odpisac. A co się naprzod pierwszego dotycze, nie yest pewnie zaden, ktoryby widzieć y baczyć nie miał: iakie niebespieczenstwo (a strzez Boze aby nieostatną zgube) temu panstwu za sobą to nieciągnelo, glybysię imminentibus periculis w czas zabiezeć niemialo: Pewien y tego kaszdy byc muszj nie tylko na upatrowaniu ale y na opatrowaniu takowych niebespieczenstw, na obmyslawaniu y staraniu V. K. mego Mczgo Pana nic nieschodzy: y zyczylbym uprzeimie tego, aby tak wie sposobow dostawało: iaka yest cheć V. K. M. mego Mczgo Pana do zabiezenia temu złemu.

на то, что воровство это основано на томъ, чтобы, соединившись, они или вторгнулись въ Московскую землю, или бы имѣли возможность произвести великіе безпорядки по волостямъ. Если бы вы пожелали предупредить это, то необходимо теперь же принять рѣшеніе, пока Днѣпръ не тронулся, ибо послѣ оттепели трудно будетъ что-либо ему сдѣлать.

Всеподданнѣйшую мою службу поручаю милости вашего королевскаго величества.

2. (Фамиліи—нѣтъ). 26 февраля 1604 г.:

Всепресвѣтлѣйшій, всемилостивый король, государь мой милостивый.

Дошло до меня два письма вашего королевскаго величества отъ 22 февраля черезъ коморника вашего—пана Кросновскаго. На нихъ отвѣчаю сразу и излагаю свое мнѣніе. Приношу благодарность вашему королевскому величеству за столь милостивую заботу и попеченіе о безопасности короны, въ смыслѣ увеличенія въ ней всякихъ благъ, и, обращая вниманіе на различныя мѣры и способы для спасенія провинціи Инфлянтской, не вижу болѣе дѣйствительнаго, какъ то, чтобы арендаторы земель вашихъ какъ можно скорѣе внесли кварту. Когда на это послѣдуетъ ассекурація господъ коронныхъ сенаторовъ и письменное заявленіе господина ксендза подканцлера, я, хотя и не арендаторъ земель вашего королевскаго величества,—потому и не имѣю, съ чего бы могъ дать кварту,—буду однако особливо стараться убѣждать другихъ арендаторовъ какъ можно скорѣе вносить деньги. Благодарю Господа Бога, что милостію своею даруетъ онъ умноженіе славы вашего королевскаго величества и преуспѣяніе Рѣчи Посполитой. Что же касается до появленія князька Димитрія въ государствѣ вашего королевскаго величества,

---

A isz iakom s tegos pisania V. K. M. mego Mczgo Pana wyrozumial: ten tylko ieden się być polaznye aby Panowie Dzierzawcy te qwarte, ktorą powinny na przyszle Swiątki wydać za uzyciem V. K. M. wydalj ią teras: niebylbym y ia Naiasnieiszi Mcziwy Krolu od tego, gdybym przypatrzywszy się dobrze temu iaki sobie Rzeczpospolita wszitka Szaffunek tej kwarti warowala: iako prawem pospolitem iest uprzywileiowana, ale niechcąc Rzeczypospolitl praeiudicare niesmiem, na to w cwal przypuscic y na zdanie tych ktorzy ten sposob ukazuią przypaso gdysz sine consensu omnium ordinum przeciwko prawu pospolitemu strach iest czego się wazyć. Iednak iestlj wszystkich Jch. M. panow Rad Coronnych zdania y pozwolenia bedą na tho zgodne a Panowie Dzierzawcy dadzą się w tym uzyc ya iscie nietylko abym mial byc contrarius ale y zyczyc tego V. K. M. memu Mczmu Panu rad bede. Co się zasię tknie tego Moskwicina: dosyc dobrze y dostateczne V. K. M. moi Mcziwy Pan o tej sprawie pisać, y deliberacią swoye w niei oznaimować raczysz. Iest się na co na oboie stroną obeirzeć, tu Occasio wielka do Ulacnienia y zniesienia niebespieczenstw Ziemie Ifflanckiej ukazuię

то мнѣніе мое таково, чтобы вы, государь, повелѣли этого объявившагося наслѣдника скрыть гдѣ-нибудь въ безопасномъ и спокойномъ мѣстѣ, и туда пускать къ нему людей по тщательному разсмотрѣнію: а чрезъ украинскихъ жителей, подданныхъ вашего королевскаго величества, собирать дальнѣйшія и болѣе убѣдительныя свѣдѣнія о его происхожденіи и замыслахъ касательно Москвы.

3. Отъ Ф. Чарнковскаго изъ Сполаева, 1 марта 1604 г.:

Всепресвѣтлѣйшій, всемилостивый король, государь мой милостивый. Всеподданнѣйшую службу мою и вѣрноподданство повергаю милости вашего королевскаго величества.

Коморникъ вашего королевскаго величества одновременно вручилъ мнѣ два письма ваши. Изъ датированнаго 12-мъ февраля уяснилъ я себѣ великое разстройство въ землѣ Инфлянтской и кромѣ того,—способъ, который указанъ нѣкоторыми вашему королевскому величеству для скорѣйшаго изысканія денегъ, потребныхъ для снабженія гарнизономъ тамошнихъ замковъ. Изъ другого письма вашего, государь, отъ 14 числа того же мѣсяца, узналъ я также о появленіи какого-то москвитянина Димитрія, который выдаетъ себя за сына покойнаго князя Ивана Васильевича. На оба эти письма вашего королевскаго величества рѣшилъ я отвѣтить сразу. Что касается перваго вопроса, то, вѣрно, не найдется ни одного человѣка, который бы не видѣлъ и не зналъ, какое разстройство (а, сохрани Боже— и окончательную гибель) онъ можетъ повлечь за собой для государства, если во время не предупредить его imminentibus periculis. Каждый долженъ стараться не только предусматривать, но и преграждать таковыя затрудненія, ни въ чемъ не переча стараніямъ и заботамъ вашего королевскаго величества. И я искренне хотѣлъ бы

---

się gdybys V. K. M. moi Mcziwy Pan pozwolic na tho raczyl, abybyl ten Moskwicin na Panstwa tamte prowadzon: Ondzie zasie przymierze z kniazem wielkim Moskiewskim zastempnię ktore iako Sakrosanctum u wszystkich nie tylko Chrzescianskich ale y Poganskich Panow y Potentatow ma byc zachowane: Ius gentium to ukazuie y uczy wieć wdawszy się w to: a statecznie tego niepoprzeć (do czego pewnie Neruum niemałego potrzeba zwlascza ze Moskiewski iest iusz ostrzezon y ma sią na dobry pieczy), nietylko niebespieczenstwo pewnie y daleki zaciąg, ale y u postronnych obeych narodow podziwienie niemale: uwazaiąc tedy to in utramque partem u sieble baeze to dobrze, ze iako przymierza wszelakie. zwykly się czinic s pozwoleniem wszech szanow Coronnych, a nieinaczej tak tesz tym wiecej niom zdaniem; zadzieranie z sąsiadem, a zwalscza spokoinym y w przymierzą stoiącym y podniesienie woiny przeziwko niemu sine consensu eorundem ordinum być niemoze: Coby tu pewnie zatym prowadzeniem te° Moskwicina byc musialo. A tak: z miesca y z powinnosci moiey nie moge nicz inszego V. K. M. memu Mczmu Panu radzic ieno zeby tha Deliberacio y wielka y

того, чтобы вамъ предложено было столь же много совѣтовъ, сколь велико ваше желаніе пресѣчь эти злоключенія.

Вотъ что я выяснилъ изъ того, что вы, ваше королевское величество, написали: только одинъ способъ оказывается возможнымъ: ту кварту, которую арендаторы повинны заплатить за будущіе праздники, нужно выдать, за вычетомъ въ пользу вашу, немедленно. И я, государь, ничего не имѣлъ бы противъ того, чтобы вся Рѣчь Посполитая, разобравши это хорошенько, утвердила расходованіе этой кварты, такъ какъ она уполномочена на это правомъ посполитымъ.

Однако не желая praeiudicare Рѣчи Посполитой, я не смѣю пуститься очертя голову и примкнуть къ мнѣнію тѣхъ, которые предлагаютъ этотъ способъ, такъ какъ sine consensu omnium ordinum страшно осмѣлиться на подобное дѣло вопреки праву посполитому. Однако если въ этомъ мнѣнія и позволенія коронныхъ чиновниковъ будутъ согласны, а господа арендаторы дозволятъ воспользоваться этимъ средствомъ, то я не только не былъ бы contrarius, но и съ радостью желалъ бы этого для васъ, государь всемилостивѣйшій. Что же касается этого москвитянина, то вы, ваше королевское величество, достаточно подробно пишете объ этомъ дѣлѣ и выясняете о немъ свою делиберацію. Здѣсь есть, о чемъ какъ слѣдуетъ призадуматься: съ одной стороны—великая occasio представляется для утишенія и прекращенія смутъ въ землѣ Инфлянтской, если бы вы, государь, соизволили этого москвитянина отправить на то царство. Съ другой же стороны нарушается союзъ съ великимъ княземъ московскимъ, который, какъ sacrosanctus, долженъ быть охраняемъ не только христіанскими, но и языческими государями и потентатами: jus gentium указываетъ на это и требуетъ осторожнаго отноше-

---

wazna na Seimie odprawowana byla a interim aby się sposob nalazi zeby się to kazactwo s tym prowadzeniem y nastempowaniem na Panstwa Moskiewskie zatrzymalo y iesli to byc moze zeby ten Moskwicin był w seqwestrze V. K. M. mego Mczgo Pana. Bo ku zatrzimaniu in officio kniazia Moskiewskiego y ku Snadnieiszym napotym a pozytecznieyszym Conditiom pokoiu nie mogł by być zawsze postrachem wielkiemu kniaziowi Moskiewskiemu wszak ze y w tym radzie y zdaniu tak V. K. M. mego Mczgo Pana, iako y inszych Ich Mcziow Panow Senatorow rad ya ustąmpie y mieysoze u siebie dam.
(IX, № 53, f. 115).

4. A strony knyasycza (yako sie mieni) Moskiewskie° Okolicznosci te pozytkow y niebespieczenstwa ktorych forytouacz go chcąc albo sie spodziewacz, albo tez obawiac potrzeba Nie poiedynkowe telko ale wszytkich oboyga Narodu Radom W. Kr. Mczi uwazeniu nalezec rozumyałbym. Na co przyssłoby podobno w sposob Conuocatiei Ich. M. PP. Senatorow do W. Kr. M. zezwacz. A tak by sie y istoty rzeczi snadniei domacac y byłolłby co do podobienstwa sposob yaki na to wy-

нія. Если же благоразумно не поддержать его (для чего, конечно, потребуется не малаго nervum, особливо если онъ уже объявленъ и объ немъ горячо пекутся), то произойдетъ не только вѣрная смута и продолжительная запинка, но и немалое изумленье у сосѣднихъ обоихъ народовъ. Обращая въ этомъ случаѣ вниманіе in utramque partem, съ своей стороны я считаю за лучшее замѣтить, что всякіе союзы мы обыкновенно заключаемъ съ согласія всѣхъ коронныхъ чиновъ, не иначе, тѣмъ болѣе въ этомъ случаѣ: задираніе сосѣда, при томъ спокойнаго и состоящаго съ нами въ союзѣ, и объявленіе ему военныхъ дѣйствій—не можетъ произойти sine consensu eorundem ordinum, а это могло бы быть, конечно при проведеніи этого москвитянина. И такъ—съ своей стороны, что меня касается, я ничего иного не могу посовѣтовать вамъ, государь, кромѣ того, чтобы эта deliberatio, великая и важная, была разобрана на сеймѣ, а interim изысканъ способъ—удержать казачество отъ наступленія на Московское государство.

И если бы могло случиться, чтобы тотъ москвитянинъ былъ въ секвестрѣ вашего королевскаго величества, то при задержаніи in officio московскаго князя и для удобнѣйшихъ въ будущемъ и прибыльнѣйшихъ кондицій мира развѣ онъ не могъ бы быть постоянной угрозой великому князю московскому. Конечно я готовъ уступить и дать мѣсто совѣту и мнѣнію какъ вашему, государь, такъ и другихъ господъ сенаторовъ.

4. Отъ Константина Острожскаго изъ Острога, 3 марта 1604.

Въ первой половинѣ письма—Инфлянтскія дѣла.

Со стороны московскаго князька, какъ себя онъ называетъ слѣдуетъ ожидать или опасаться всего того, что касается нарушенія благополучія и безопасности, на что его желаютъ науськать. Это слѣдуетъ

---

nalescz mogl. Aczcze zaprawdy bel w monastyrach moich y gdzie indziei sie poniewiral nie ukazaiąc ani maiąc zadnei coniectury do te°.

(IX, № 55, f. 40).

Nayiasnieyszy Mlcziwy Krolu Panie Panie nasz Mcziwy.

5. Dwa listy pospolu oddane mi szą przesz Komornika W. K. M. nasze° Mcziwe° Pana. Pierwszy ten przesz ktory o wielkich i naglych niebespieczenstwach Ziemie Inflantskiey; a drugi, ktorym o tem Moskwicinie, ktory się mieni bydz wlasznem potomkiem Iwana Wasilowicza kniazia Moskiewskiego, oznaymowac nam i zdania naszego dosięgac W. K. M. raczycz. Naprzod ziemia Inflantska, tez rozumiem, ze ratowana predzey bycz nie moze, iedno tym poprzedzenem Quarty ktorey potrzebem aby się i tha, ktora na Swiatki przypada, dogodzić mogło, ia barzo rad widzac rzecz tak sluszną i powinną, zdaniem szwem do tegosz przystawam. By szię tez moglo czo i tych szamych ktorzy Quartę placzie powinni do tey poslugi zaciągnąć, a zwlascza ludzi Zapasznych i tych tam kraiow poblizszych, by tez i tych ktorzy w tamtey Prouinciey maią Zamki i opatrzenia

обсудить не только каждому въ отдѣльности, но и радамъ обоихъ народовъ вашего королевскаго величества. На этотъ предметъ слѣдовало бы собрать, путемъ конвокаціи, господъ сенаторовъ. При такихъ условіяхъ легче всего будетъ возможно узнать сущность вещей: этотъ способъ—лучшій, какой только я могъ найти. А на то—правда ли, что онъ былъ въ монастыряхъ монахомъ или еще откуда-нибудь появился, указать или дать какое-либо объясненіе—невозможно.

5. Отъ епископа Перемышльскаго, изъ Бжозова, 4 марта 1604.

Всепресвѣтлѣйшій, всемилостивый король, государь нашъ милостивый.

Коморникомъ вашего королевскаго величества сразу посланы мнѣ два письма. Въ первомъ изъ нихъ говорится о великихъ и внезапныхъ неурядицахъ въ землѣ Инфлянтской; во второмъ вы упоминаете о томъ москвитянинѣ, который зоветъ себя наслѣднымъ потомкомъ московскаго князя Ивана Васильевича. О нихъ вы, государь, требуете нашего мнѣнія. Сперва—объ Инфлянтахъ: думаю, что они могутъ быть спасены скорѣе всего внесеніемъ немедленно кварты, и той, которая полагается, и той, которая приходится на праздники. Я очень радъ, видя, что это предложеніе правильно и основательно, и съ своей стороны склоняюсь къ тому же. Хорошо, еслибы можно было притянуть къ этой обязанности и тѣхъ, которые повинны платить кварту, и, особенно, людей съ достаткомъ и близкихъ къ томошнему краю, равно и тѣхъ, которые въ той провинціи владѣютъ замками и удовольствованы вами. Подобныя условія и извѣстная оборона должны быть противопоставлены тамошнимъ затрудненіямъ: а особливо, послѣ роспуска тамъ солдатскихъ кадровъ, подобные имъ полезны будутъ вашему королевскому величеству,

---

od W. K. M. podobnoby pretsza i pewnieysza obrona postawic się mogła przeciwco tym tam niebespieczenstwom: a zwlascza, ze za tym rozpusczeniem kol zolnierskich, podobno tym pilniey bedzie W. K. M. ohcial miec delectum militiae dla szamego niebespieczenstwa Rptey. Iesliby tez z tego rocznego Czopowego, ktorę nie dawno wybierac zaczęto, czo wieczey nad dlugi okazowało szię, mogłby I. M. P. Podskarbi Coronny od Poborczow i Arendarzow przed czaszem czego tez dosiąc: nie wątpie ze daly by się i Miasta, iesli ktore arenduią, w tymze usyć, a zaby za tym tem więtsze woysko zgromaczie się mogło; ktorego by się zazyło, iako do odiskania i oszwobodzenia Ziem Inflantskich, tak i do tych occazyi, ktore się z tem Kniaziowiczem W. K. M. do przyczynienia granicz i slawy, za blogoslawienstwem Panskim, podac by mogły. Z ktorem to Kniaziewiczem czo by czynic, ia placz w tem daiąc zdaniu PP. Rad starszych, to tylko szamo namięnię. Ze lubo tho iesth potomek tey tam stolicze nalezaczy wlaszny, lubo tez nie, iednak temu, ktory ią i krwia oblal i gwaltem po Fiederze osziadl, ktorą i dotąd, iako slychać, temze a nie inszem sposzobem i

пожелавшему имѣть delectum militiae на случай опасности для самой Рѣчи Посполитой. Если бы съ того ежегоднаго чоповаго, которое недавно стало выбираться, оставался бы излишекъ надъ долгами, то подскарбій коронный могъ бы чего-либо достигнуть черезъ сборщиковъ и арендаторовъ и раньше срока. Не сомнѣваюсь, что дали бы и города, арендаторы которыхъ сдѣлаютъ то же, и тѣмъ большее войско могло бы быть собрано, ка́къ для умиротворенія и освобожденія земель Инфлянтскихъ, такъ и для тѣхъ оказій, которыя соединены съ этимъ князькомъ. Съ благословенія Божія оно послужило бы вамъ къ вящей славѣ. А что дѣлать съ этимъ князькомъ, — я отношу къ компетенціи старшихъ совѣтниковъ, самъ только вотъ что поставлю на видъ: Потомокъ ли онъ владѣтельнаго князя, или нѣтъ, однако тому, кто себя запятналъ кровью и насильно сѣлъ по Θедорѣ, кто и до сихъ поръ, какъ слышно, всѣми способами давитъ и угнетаетъ, тому ужъ одно то должно быть страшно, что этотъ aemulus его попалъ въ такія руки. А если онъ почуетъ подходящую себѣ помощь въ Инфлянтахъ, ему придется открыто признать себя, тѣмъ болѣе, что кажется, тотъ же самый Годуновъ болѣетъ, а сынъ его, наслѣдникъ, еще не совершеннолѣтній. Я полагалъ бы, однако, чтобы это улаживалось потише, такъ какъ подъ предлогомъ инфлянтскихъ нуждъ могутъ сойти всѣ apparatus. Но и того, кто зоветъ себя княжичемъ, in publico не нужно признавать тѣмъ, за кого онъ выдаетъ себя, но, оставивъ подъ сомнѣніемъ, держать гдѣ-либо на сторонѣ подъ стражей; это для того, чтобы мы первыми barbarum не были готовы связаться съ непріятелемъ, съ которымъ придется имѣть дѣло, не поторопились или не навлекли бы на себя какой-либо бѣды нечестнымъ началомъ. Тѣмъ временемъ, однако, было бы хорошо имѣть кого-либо, отъ

---

cisznie i ſzatrzymawa, nie moze bycz iedno straszny, kiedy szię iusz ten aemulus iego w takie rzecze dostał. I będzieli czuł mocz iaką dobrą w Inflanciech przydzie mu się poczuwać, a tym więczey, ze snadz ten ze tho szam Hodunoff zchodzi na zdrowiu, a szynek iego wladzy iescze tak wielkiey nie dorasta. To bych iednak rozumial, aby iako naciszey się tho odprawowalo, iakesz tą potrzebą Inflantską snadnie się wsystkie apparatus pokryć mogą. Wiec i tego czo sie to Kniaziowiczem Zowie in publico nie przyimowac za tego kim się bydz mieni, ale zawątpiwać deliberowac i miec go gdzie na stronie pod strazą, a to dla tego, abysmy tego barbarum pierwey nisz będziem gotowi do związania się z nieprzyiacielem, z ktorem na tenczasz dzieło mamy, nie napędzili, albo tez skoro iakiego na sie niebespieczenstwa nie czasznym zaczęciem nie obalili: Tym czaszem iednak dobrze. by tam iakie pewne oczy miec, przesz ktoreby sie mogly zamysly iego a checi tego tam narodu ku temu ktory to zbiezał upatrować. Dobrze aby i ten zbieg in secreto bedąc nadzieie nie tracił dla tey Moskwy ktora około niego iesth. Bo i ci szami do szwych dobre otuchy

кого мы могли бы узнавать о его замыслахъ и симпатіяхъ тамошняго люда къ бѣглецу. Хорошо, чтобы и тотъ бѣглецъ, находясь in secreto, не лишалъ надежды и собравшихся вокругъ него москвитянъ. Ибо они сами могутъ подавать своимъ добрыя упованія и alere secreto factionem противъ того тиранна, изъ котораго (еслибы не пришлось его убить ради такой оказіи), имѣя этого aemulum, можно было бы извлечь выгоду или держать его въ рукахъ, однимъ словомъ, такъ съ нимъ обходиться, какъ древніе римляне поступали съ своими не внушающими довѣрія сосѣдями, одного бросая на другого. Это практикуютъ и теперь оттоманы (?). Были, правда, заключены крѣпкія и солидныя pacta вашимъ королевскимъ величествомъ, которыя должны быть свято исполнены. Но развѣ онъ, заключая pacta съ послами вашими, не принималъ того Эрика, который бѣжалъ изъ Польши? А развѣ къ врагу вашему, Карлу, онъ не засылалъ пословъ? Однако (хорошо ли я помню), онъ in pactis титулъ вашъ королевскій пропустилъ, почему—неизвѣстно, кто же нарушитель? Наконецъ, даже если эти pacta съ нимъ не являются conformia во всемъ съ тѣми, какія предокъ вашего королевскаго величества и вы сами, государь, заключили съ Θедоромъ, неужели всего этого нельзя устроить autoritate Ordinum, тѣмъ болѣе, что въ посольствѣ еще нѣтъ окончательной реляціи и послѣднихъ съ нимъ pactorum. При этомъ не было бы преступленіемъ—подробно указать на обиды, оскорбленіе бѣглеца, которое онъ причинилъ этому изгнаннику, тѣмъ болѣе, что это pro iure gentium habetur между монархами относительно тѣхъ, которые потеряли честь или престолъ. Также не приличествуетъ христіанской точкѣ зрѣнія скрывать то, на что есть явныя доказательства, тѣмъ болѣе, если этотъ бѣглецъ имѣетъ за собою права, въ чемъ я не сомнѣваюсь. И вотъ я покорно прошу

---

podawac i alere secreto factionem przeciwko temu Tyranowi mogą, ktorego iesliby ruszac za ta occasią nie przyszło, iednak maiąc thu tego aemulum, mogloby się albo czo wytargowac, albo wiec na wędzidle go trzymac, i tak się z nim obchodzic, iako oni wielczy Rzymianie z szwemi niepewnemi sąsziady czynili, iednego na drugiego chowaiąc; czego i dzisieyszych czaszow Othomanczyczy zazywac umieią. Byly tez przy tem pacta od W. K. M. przypomniane, a slusznie i potrzebnie, bo the czale i swiątobliwie maią, bycz dotrzymywane Ale szacz tez i on pacta zawieraiąc z Posly W. K. M. nie przyimował Erika onego, ktory zbiezal z Polski? A sasz i z nieprzyiacielem W. K. M. odpowiednem Carolusem po tem poselstwy się nie obszylal? Więcz (dobrze li ia pomnię) ieslisz in pactis titulu W. K. M. oyczystego umknął, a zaszby się tym nie okazal z kim przestawa? Na konieczs ieslisz pacta the z nim nie szą conformia we wszystkim tem ktore przodek W. K. M. i W. K. M. szam mial z Fiedorem postanowione, czyby się tego wszystkiego nie moglo upomnieć autoritate Ordinum, z ktorych iescze podobno dotąd nie byla relatia Poselstwa, i pactorum z nim

*

у Господа вмѣстѣ съ братіей, какъ о пользѣ совѣта и о спасеніи, такъ и о счастливомъ исходѣ этого дѣла, о добромъ здравіи и благополучномъ правленіи вашего королевскаго величества, государя моего и благодѣтеля.

С. Шамбинаго.

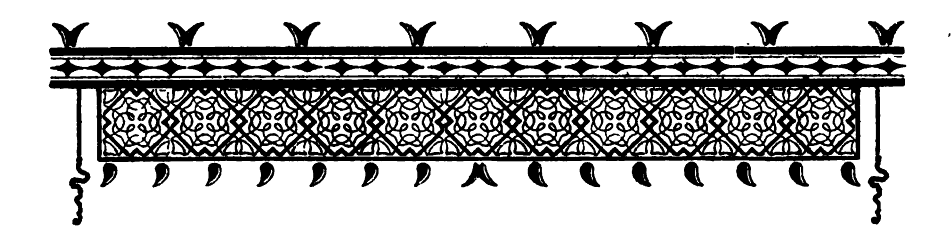
(Продолженіе слѣдуетъ).

---

poslednieyzych. A przy tem nie bylo by i tho zdroznie podobne wniesć i tego zbiega te krzywdę, ktorą się mieni mieć od niego, gdysz to pro iure gentium habetur miedzy Monarchami wyzutych albo wiec odstrychnionych z Panstw. sposzobem nieprzystoynem i nie Chrzescianskim, wzaiem miedzy szobą ratować s czego wszystkiego mogla by się podobno sluszna przyczyna nalesc, a tym wieczey iesli ten zbieg ma sprawiedliwosc, za ktorą nie wątpic by iusz i o dobrey radzie i o ratunku od Boda ktore° ia i z szwem Duchowienstwem iako za sczesliwe w tych sprawach powodzenie, tak i za dobre zdrowie i dlugo fortunne panowanie W. K. M. moie° Mczwe° Pana i dobrodzieia pokorne prosząc.

(IX, № 54, f. 73).

Письма Александра Николаевича Сѣрова къ Владиміру Васильевичу Стасову [1]).

7/19 ноября 1851.

Продолжаю о „порученіяхъ"... Одного, значитъ, я еще не исполнилъ, да и не собираюсь исполнить скоро. Зарембѣ я не отослалъ его нотъ—потому что въ числѣ ихъ есть Гайдновскія симфоніи, съ которыми мнѣ слишкомъ тяжело разстаться. До сихъ поръ я лучше всего и больше всего изучилъ Моцарта да Бетховена—въ прошедшемъ году, въ Крыму,—Глюка въ „Армидѣ" и „Альцестѣ"—въ нынѣшнемъ году лѣтомъ, Мегюля въ его маленькихъ комическихъ операхъ („Folie, „Irato", „Les deux aveugles") и теперь въ „Іосифѣ",—передъ Бахомъ, Генделемъ, Гайдномъ и Керубини [2]) (также и Глюкомъ въ его другихъ вещахъ) я крѣпко виноватъ. Ихъ надо знать такъ же твердо, какъ я могу сказать, что знаю почти все Моцарта и Бетховена. А такъ какъ написано этими господами не мало, то и заниматься есть чѣмъ; я думаю, хватитъ на всю жизнь. Такъ какъ я по понедѣльникамъ—у твоихъ, а они абонированы въ первый абонементъ, который выходитъ на понедѣльникъ, то и меня они всегда берутъ въ ложу, и за это я имъ очень благодаренъ. Мнѣ все это такъ нужно,—а изрѣдка случается получить и „порцію удовольствія" (какъ говоритъ Глинка).

Тебѣ, вѣроятно, въ видѣ газетныхъ извѣстій, писано уже о нашей нынѣшней итальянской оперѣ. Замѣчательныхъ сюжетовъ изъ всей труппы для меня два: Формесъ и Ронкони. Ты обоихъ ихъ слушалъ, слѣдовательно, нечего о нихъ распространяться.—Формеса до сихъ

---

[1]) См. „Русская Старина", апрѣль 1907 г.

[2]) Туда же примкнетъ Grétry—котораго „Richard coeur de lion" я недавно читалъ съ чрезвычайнымъ наслажденіемъ.

поръ я слышалъ въ Марселѣ (гдѣ онъ очень хорошъ)—въ „Ernani“ (роль старика—гдѣ онъ очень плохъ) и въ „Нормѣ“ (гдѣ изъ партіи Оровезо онъ сумѣлъ сдѣлать что-то рельефное)—еще игралъ онъ Лепорелло (въ бенефисъ Марраи: я не слыхалъ; говорятъ, что онъ былъ хорошъ, но ужасно паясничалъ). Голосъ его мнѣ чрезвычайно нравится—нѣмецкія вещи онъ долженъ пѣть хорошо. Вѣроятно филармоническое общество (по случаю своего юбилея) и Львовъ—не упустятъ случая воспользоваться такимъ басомъ для „Сотворенія міра“ Гайдна, которое дадутъ непремѣнно цѣликомъ въ филармоническомъ обществѣ—и для арій Зарастро. Если же этого не сдѣлаютъ (что невѣроятно), то я всѣ силы употреблю устроить концертъ глазной лечебницы, гдѣ Формесу найдется, что пѣть. Въ свой бенефисъ онъ даетъ „Роберта“—Бертранъ, вѣроятно, одна изъ лучшихъ его ролей. — Неизвѣстна тебѣ въ нашей труппѣ одна—Medori—знатный голосъ—сопрано, поетъ свободно—но больше ничего, значитъ damit basta!—Ронкони до сихъ поръ я видѣлъ только въ „Ernani“ (Карлъ V) и въ „Elisir“ (Dulcamara). Жаль, что не видалъ въ „Marie de Rohan“, гдѣ, говорятъ, имъ можно было лучше любоваться. Онъ умѣетъ пѣть (что можно сказать про немногихъ) и дѣлаетъ чудеса изъ своего не весьма счастливаго органа—актеръ онъ по-моему отличный.—Какъ онъ уморителенъ въ Дулькамарѣ! Я воображаю, каковъ онъ былъ въ Папагено!—Жаль, что голосъ его просто—нехорошъ. Но это ужъ почти общее правило—если много артистичности въ натурѣ, природа голосомъ обидитъ,—а при хорошемъ голосѣ почти всегда самая тупая организація. Исключенія, конечно, есть, зато эти исключенія—свѣтила первой величины, и чрезвычайная рѣдкость (напр., Зонтагъ; была Малибранъ; а ужъ и Віардо не туда—потому что голосъ ея, самъ по себѣ, не перваго сорту; мнѣ по крайней мѣрѣ такъ кажется).

Замѣчу тебѣ еще немножко, чтобъ покончить объ итальянцахъ—ты ужъ черезъ-чуръ бранишь Гризи. Я никакъ не могу не видѣть всего, что въ ней есть хорошаго. Она страшно преувеличиваетъ иногда, всегда „мелодраматична“—показываніе кулаковъ и т. д. напоминаетъ героя Александринской сцены—но иногда она очень картинна въ своихъ роляхъ—патетическое чувствуетъ и передаетъ сильно. Вообще мнѣ кажется, elle s'est trompée de vocation — она никогда не должна была образовать изъ себя пѣвицу—въ ней нѣтъ къ этому настоящихъ средствъ—ни голоса, ни чисто-музыкальной воспріимчивости (какъ въ Viardot, въ Ронкони,—отчасти напримѣръ въ Марраи)—она была бы замѣчательнымъ талантомъ въ драмѣ. Въ наружности ея для меня много хорошаго. Это той натуры женщина, какой мнѣ нужно для полнаго опьяненія. Но, разумѣется,

теперь она ужъ не въ тѣхъ годахъ, чтобъ такъ дѣйствовать [1]). Быть можетъ, отчасти она мнѣ пріятна и по воспоминанію, по нѣкоторому отдаленному сходству.

Еще одно, по случаю „Elisire". Я давно хотѣлъ прослушать эту оперу нынѣшними ушами: оказалось, что есть въ музыкѣ два, три мѣста хорошихъ, даже весьма—остальное глупо, а оркестръ все время дурацкій! Въ такомъ простомъ, почти сельскомъ сюжетѣ—вѣчная оглушительная мѣдь!! Еще разъ я убѣдился, что par reaction мнѣ надо будетъ не только безъ тромбоновъ и прочаго дреколья (какъ говоритъ Глинка) обходиться, но и тромпеты всего раза два, три въ цѣлой оперѣ употребить. Однѣхъ паръ Corni весьма и весьма достаточно. 4-хъ валторнъ ни за что;—остальное и подавно.

Недавно на Александринскомъ театрѣ давали маленькую оперу нѣкоего Дютша (ученика Мендельсона). Я не слыхалъ—говорятъ музыка мѣстами недурна—но вообрази—при совсѣмъ пасторальномъ сюжетѣ („Узкіе башмаки";—водевиль, дѣйствіе между французскими мужиками)—постоянно шумъ и громъ со всѣмъ дрекольемъ!! Откуда имъ приходитъ такая *чушь* въ голову!! Что за охота такъ безжалостно заглушать голоса, когда въ нихъ сосредоточивается весь интересъ оперы (въ мильонъ разъ лучше была бы другая крайность: т. е., еслибъ принято было непремѣннымъ закономъ въ оперѣ не употреблять ничего кромѣ квартета).

Ну, кажется, у меня опять открылся мой кранъ (какъ хорошо назвалъ Таборовскій)—я даже въ бесѣдѣ съ тобой боюсь пускать себя на всѣхъ парусахъ въ этихъ матеріяхъ. „Тутъ риторъ мой..." А мнѣ еще есть, что тебѣ сказать: напримѣръ, наконецъ удалось мнѣ видѣть Плесси въ „Verre d'eau". Какова она тамъ, не мнѣ тебѣ разсказывать! И какъ нарочно, возлѣ такой игры, возлѣ такой тонкой оконченности—грубая, размалеванная декорація—Вольнисъ (въ Герцогинѣ) изъ всѣхъ, кто игралъ съ Плесси—герцогиню, вѣрно не было хуже.—Ты помнишь, конечно, очень живо знаменитое „n'est ce pas" королевы Анны—лицо Плесси при этихъ словахъ навсегда осталось въ моей памяти. Какъ она тутъ хороша! Удивительное дѣло, отчего не вздумаютъ у насъ давать „Мольера" Ж.-Санда! Какова была бы Плесси въ Armande! Какъ я люблю всю эту вещь. А мнѣ еще нужно сказать тебѣ одно дѣльце: я очень благодаренъ тебѣ по случаю заказа варіацій. Тема безподобная и именно способная для такой разработки. Я такъ хорошо

---

[1]) Чувствую, что ты меня порядкомъ ругнешь за м-ме Джулію—но долженъ же написать, какъ что есть.

помнилъ ее, что спѣлъ наизусть еще не подходя къ нотамъ—квартеты Бетховена гостятъ у меня, также и Моцартовы, и квинтеты, и все это я очень часто игралъ и играю. На другой же день я принялся за дѣло—и до сихъ поръ готово 6 варіацій (было больше, но иными я недоволенъ и забраковалъ ихъ). Самое лучшее доказательство того, будутъ ли тебѣ пріятны мои варіаціи, будетъ ли твой новый заказъ, новая тема. Я готовъ работать. Странно, что въ одно и то же время съ твоимъ, мнѣ пришли еще заказы: отъ М. П. одинъ романсъ или элегія,—и отъ Бакунина отрывки изъ псалмовъ—для контрапункта вокальнаго. Мы объ этомъ условились и нарочно купили латинскую библію. Желаю, чтобъ тебѣ также пріятно было читать это письмо, какъ мнѣ было писать.

1/13 декабря 1851 бер. Лиговка.

Я ужасно давно не писалъ тебѣ и ты, вѣроятно, уже порядочно бѣсишься на меня, да и за дѣло. Ты, какъ и Х. въ этомъ случаѣ никакихъ отговорокъ и резоновъ не принимаете (а и М. П. я не писалъ съ 15 ноября). Дѣло въ томъ, что я чрезвычайно глупо, иногда, распоряжаюсь своимъ временемъ, особенно если накопится много разнаго чего вдругъ—я совсѣмъ растеряюсь и ни въ чемъ не поспѣю къ сроку. Въ послѣднее время, т. е. съ половины прошедшаго мѣсяца, я былъ занятъ и варіаціями для тебя, и двумя статьями въ журналы, и собираніемъ писать тебѣ, Х. и Бакунинымъ. Изъ варіацій остановился пока на—8, да и тѣ не могутъ назваться готовыми, потому что я ихъ набросалъ въ эскизѣ, понятномъ только для меня и играю еще всякій разъ иначе (впрочемъ кончу непремѣнно на дняхъ, и ты получишь ихъ ко 2 января нашего стиля) изъ статей—одна: Спонтини, начатая еще лѣтомъ въ „Библіотеку для чтенія“, въ декабрьскую книжку войти никакъ не могла, чего бы и надо было ожидать, еслибъ мнѣ Гаевскій разсказалъ путемъ, какъ много матеріаловъ всегда для декабрьскихъ книжекъ. Другая, кажется, тоже не попадетъ въ „Современникъ“ за этотъ мѣсяцъ—и у нихъ много матеріаловъ, а я отдалъ только 29-го—и кончилъ статью—типографіи... Бакунинымъ тоже не писалъ еще ни слова. И еще одно: собирался ѣхать къ Соничкѣ еще съ мамой въ половинѣ ноября, но остался для театровъ и для статей о нихъ, потомъ хотѣлъ ѣхать 26-го въ ея рожденье, но опять остался, потому что въ этотъ самый день шелъ Barbiere (съ Ронкони и Формесомъ-Базиліо), а въ четвергъ (29) шла опера Даргомыжскаго-Эсмеральда—которую мнѣ надо было видѣть по тысячѣ причинъ и при томъ именно въ первый разъ (бенефисъ Петрова). Просто не понимаю, въ чемъ и какъ проходитъ время—а я рѣшительно въ

отчаяньи, что оно такъ неумолимо летитъ! По крайней мѣрѣ въ настоящемъ случаѣ можно себя хоть немного утѣшать тѣмъ, что все-таки я что-то сдѣлалъ въ это время—хоть въ будущемъ мѣсяцѣ я буду въ состояніи дать себѣ отчетъ, что въ ноябрѣ сдѣлано то-то и то-то (хотя бѣдная „Майская ночь“ почиваетъ крѣпкимъ сномъ все это время). Статья въ „Современникѣ“ будетъ, если не въ декабрѣ, такъ въ январѣ и большая (вторая объ итальянцахъ за этотъ сезонъ)—статья о Спонтини и о серьезныхъ операхъ по его поводу—попадетъ, вѣроятно, въ „Пантеонъ“, гдѣ теперь (при новомъ меценатствѣ одного золотопромышленника)—мнѣ Кони хорошо заплатитъ. Варіаціи тоже будутъ ужъ кончены—un jour—и нѣкоторыми, я знаю, что ты будешь доволенъ; ихъ будетъ всего, я думаю, 10...

Въ письмахъ я тоже поправлюсь разомъ—корреспонденты мои перестанутъ на меня сердиться—я буду правъ, спокоенъ, чистъ совѣстью—и примусь за оперу съ свѣжими силами. Не знаю, удастся ли (при страшныхъ для меня развлеченіяхъ петербургской жизни), а хотѣлось бы въ декабрѣ много кое-чего заготовить, хоть въ эскизахъ. Я давно не писалъ ни строчки для оперы (съ октября), но надумался много, и работа можетъ пойти довольно быстро, если я рѣшусь на совершенное réclusion — на совершенное одиночество, хоть на нѣсколько дней. Только какъ это сдѣлать! Въ Крыму, бывало, пообѣдалъ въ воскресенье у Княжевичей, — и до будущаго воскресенья ни шагу изъ квартиры Бакуниныхъ, кромѣ двухъ вечеровъ у М. П. Съ утра до вечера, до поздней ночи никто не смѣетъ тревожить меня въ работѣ—и никакого развлеченія извнѣ не было. А здѣсь—въ понедѣльникъ опера, которую нельзя же мнѣ пропускать—особенно нынѣйшій годъ—во вторникъ, или французскій театръ, или къ Билибинымъ, гдѣ мнѣ хочется видѣть того или другого, слышать ту или другую—въ среду—какъ тебѣ извѣстно—собраніе у насъ на Лиговкѣ, въ четвергъ утромъ—часъ свиданія съ родными и знакомыми въ Училищѣ, нельзя же мнѣ не видать Виктора Анастасьева—и то М. П. сердится на меня, что я рѣдко его вижу.—По пятницамъ нѣсколько разъ кряду я проводилъ вечера у Глинки (будутъ теперь не пятницы,—такъ другой какой-нибудь день), въ субботу я не могу работать у ф. п. по крайней мѣрѣ полдня, потому что бываетъ Олим. Григор. Жебелева,—вечеромъ опять кто-нибудь у насъ (почти каждый день) бываетъ, даже по утрамъ—это одна изъ главныхъ причинъ, почему я живу полнедѣли у васъ, въ Галерной,—гдѣ на верху, я могу работать очень спокойно. Въ воскресенье утромъ—университетскіе концерты—у васъ гости.

Я, конечно, не съ тѣмъ это пишу, чтобы жаловаться тебѣ на совершенный недостатокъ времени для занятій, но хочу только показать огромную разницу отъ образа жизни моей въ Крыму, гдѣ всѣ дни шли невозмутимо ровно почти цѣлый годъ для меня—гдѣ я никогда не помнилъ, когда понедѣльникъ, когда вторникъ—всѣ дни совершенно похожи одинъ на другой. Оттого примешься бываю съ утра понедѣльника за Сонату, къ субботѣ ужъ и есть первое Allegro, совсѣмъ написанное.—Такъ и въ оперѣ. Матеріально я сдѣлалъ въ прошломъ году, быть можетъ, въ десять разъ больше нынѣшняго. Конечно на все было бы время и съ избыткомъ, еслибъ я не былъ такъ глупо устроенъ въ отношеніи своихъ музыкальныхъ работъ, что для нихъ я долженъ имѣть въ распоряженіи очень много совершенно спокойныхъ часовъ кряду. Если мнѣ, напр., утромъ случится полдня куда-нибудь отлучиться отъ работы, изъ дому, хоть на часъ—ни до ни по я не могу ужъ такъ заняться, какъ еслибы все утро было совсѣмъ мое. Не знаю какъ себя передѣлать въ этомъ случаѣ—а надо;—иначе въ Петербургѣ я никогда ничего не кончу.—Что у кого болитъ, тотъ о томъ и говоритъ, и ты же не потребуешь отъ меня, чтобы я стѣснялъ себя въ письмахъ къ тебѣ и говорилъ не о томъ, что мнѣ хочется говорить—теперь, больше чѣмъ прежде я очень строгъ къ себѣ въ своихъ работахъ, но не могу не видѣть, что я очень подвинулся и не могу не ожидать много хорошаго отъ „Майской ночи".—Незамѣтно самъ для себя я пришелъ къ новымъ взглядамъ, новымъ точкамъ зрѣнія насчетъ омузыкаленія этого безподобнаго Гоголева эскиза. Мнѣ кажется, что, принявшись теперь за многія сцены, которыхъ я не смѣлъ тронуть (большіе комическіе morceaux d'ensemble), я сразу потрафлю ихъ также хорошо, какъ потрафилъ въ Крыму „балладу" и „молитву". Арія головы, тебѣ извѣстная, въ началѣ этого года писанная и современный ей тріо, также и пляска хлопцевъ — пошли въ печку (кромѣ начала аріи)—потому что совсѣмъ не то, что тутъ должно быть—почти также не то, какъ и многое изъ написаннаго въ Крыму, чего я даже тебѣ и не показывалъ.

Во взглядѣ моемъ на веселую комическую музыку и на тонкій драматизмъ со стороны мелодической въ голосахъ и оркестрѣ, я теперь очень обязанъ положительно—операмъ Россини („Графъ Ори" и Barbiere), отрицательно—оперѣ Даргомыжскаго. Ты, конечно, напередъ можешь быть увѣренъ, что эта опера „Эсмеральда"—дрянь, —но для меня было сюрпризомъ, что она плоха до такой именно степени. Я думалъ, что онъ не дастъ намъ хорошей музыки, но что у него будетъ много отлично—хорошаго въ отдѣлкѣ, вродѣ того, чѣмъ мы любуемся у Глинки. Но тутъ ровно ничего: жалкое

безсиліе и насчетъ мелодіи, и насчетъ голосовъ, и насчетъ оркестра (котораго онъ совсѣмъ не понимаетъ), и насчетъ всего вмѣстѣ. Для меня эта опера была полезнымъ урокомъ, въ томъ смыслѣ, какъ Альбрехтъ водилъ своихъ учениковъ въ „Аскольдову могилу", чтобъ они учились „какъ не должно писать оперы". И въ самомъ дѣлѣ, это очень полезно: мы обыкновенно слышимъ только произведенія мастеровъ—на театрѣ, не говоря уже о Россини или Мейерберѣ (съ нѣкоторой стороны) даже и въ Доницетти и въ Верди есть мастерство, до котораго Даргомыжскому никогда въ жизни не дотянуться. Я думаю даже, что плохая опера „il Fantasma" del maestro Persiani—гораздо тверже на ногахъ, гораздо больше похожа на оперную музыку, чѣмъ эта ученическая мистификація публики—на никому въ наше время неинтересный Гюговскій сюжетъ. Слушая эту оперу—я испугался немножко, ну, какъ и въ моей будетъ общимъ впечатлѣніемъ это же, что-то ученическое, слабое, жалкое, incohérant, безхарактерное въ цѣломъ!!—ну какъ я также какъ Даргомыжскій ошибусь насчетъ оркестровыхъ эффектовъ—что совсѣмъ не то выйдетъ, чѣмъ это выходитъ на ф. п.?! Не забудь, что вѣдь и въ Даргомыжскаго оперѣ съ ф. п. многое казалось очень интересно многимъ, а теперь не кажется иначе, какъ слабымъ для всѣхъ, даже его поклонниковъ; не забудь также, что прелюдія передъ „Молитвой" моей на ф. п. выходитъ недурно, а въ оркестрѣ не вышла совсѣмъ—и не могла, значитъ, выйти, потому что оркестровыхъ исполнителей не должно винить никогда: все или почти все должно быть потрафлено сразу такимъ отличнымъ оркестромъ, какъ нашъ концертный и итальянской оперы, а что не выходитъ, то и не выйдетъ ужъ никогда.

Но я себя утѣшилъ тѣмъ, что въ „Молитвѣ"—самое Larghetto въ отношеніи оркестра удалось какъ нельзя лучше, что я въ своихъ главныхъ регистрахъ, въ распредѣленіи аккорда между инструментами въ tutti и въ характерѣ инструментовъ отдѣльныхъ—въ solo кажется, не ошибся—и тѣмъ еще, что у Даргомыжскаго вся бѣда въ томъ, что онъ мало и поверхностно изучалъ партитуры мастеровъ, а я о себѣ этого не могу сказать—и теперь, еще больше прежняго, во всемъ, что играю и читаю музыкальнаго, стараюсь подсмотрѣть всѣ таинства хорошей фактуры гармонической и оркестровой, безпрестанно подкапываюсь подъ самыя сокровенныя намѣренія, безпрестанно сравниваю и повѣряю одно другимъ. Потомъ еще больше прежняго я безпрестанно повторяю себѣ самое важное правило: писать на оркестръ сколько возможно легче и проще. Авось либо все это вмѣстѣ приведетъ не къ тому результату, какъ у Даргомыжскаго, авось либо оправдаются слова Гунке: что съ оркестромъ

я совладаю—какъ слѣдуетъ. Въ оперѣ, конечно, бездна и другихъ условій, кромѣ оркестра,—но въ оркестрѣ всего больше бросается въ глаза—неопытность. Только во всякомъ случаѣ ты не повѣришь. какъ сильно я растревоженъ оперою Даргомыжскаго въ примѣненіи его неуспѣха къ себѣ. Даже и матеріальный неуспѣхъ былъ очень непріятенъ—особенно для Петрова—въ бенефисъ онъ собралъ только 500 руб. сер.—полтеатра едва было наполнено—и то все знакомые Даргомыжскаго! Никто въ свѣтѣ никогда не будетъ въ состояніи мнѣ сказать напередъ—à la seule inspection de l'ouvrage — будетъ ли это совсѣмъ хорошо, и будетъ ли то, что я хочу чтобъ было—никто этого не скажетъ, не можетъ знать, пока оперу не дадутъ, а тогда вѣдь поздно поправлять! Сколько надо обдуманія и обсужденія съ тысячи сторонъ, пока я рѣшусь отдать свою оперу на сцену. хотя она будетъ ужъ и написана. Это, впрочемъ, конечно, все будетъ при тебѣ, потому что ты десять разъ успѣешь вернуться изъ Флоренціи къ этому вожделѣнному времени.

2 декабря. Галерная.

Только что изъ университета—сегодня играли Мендельсонову симфонію (A-moll) и „Эгмонта". Соло я никогда не слушаю, особенно фортепіанныхъ, если это не Бетховенскій концертъ. Вотъ оркестръ—у Мендельсона! Вотъ сила и мастерство, хотя много преувеличеннаго—ты впрочемъ хорошо, конечно, помнишь эту симфонію. Я же сегодня слышалъ ее въ первый разъ въ настоящемъ ея исполненіи, при чемъ Скерцо два раза сегодня, да три раза—въ нашемъ концертѣ. На мой взглядъ всего лучше — Скерцо, потомъ послѣдній гимнъ, потомъ—первая часть, съ восхитительными органными сочетаніями низкихъ густыхъ инструментовъ, особенно въ разработкѣ—т. е. 2-я часть 1-го Аллегро. Adagio мнѣ показалось несравненно хуже, того, что я ожидалъ, судя по ф. п. и по партитурѣ—Adagio—просто—скучновато,—тянятся безконечная мендельсоновщина съ вѣчными віолончелями. Въ послѣдней части, кромѣ „фугато" и гимна—нѣтъ ничего особеннаго красиваго и общее впечатлѣніе отъ финалъ все-таки скучно. Но удивительное дѣло!—сегодня мнѣ „Эгмонтъ", кромѣ „Sieges-Symphonie" и всегдашняго благоустройства во всемъ—благородства формъ (особенно рельефнаго отъ сосѣдства Мендельсоновскихъ „манерныхъ" мелодій и преувеличеннаго оркестра)—показался слабѣе, чѣмъ я его помнилъ по прежнимъ впечатлѣніямъ. Do majeur—не было ничего поразительнаго, saisissant. Далеко—отъ „Коріолана"... Когда наконецъ ты воротишься къ намъ? Какъ далеко отъ переписки (особенно нынѣшней нашей, довольно тощей и скучной!) до устной бесѣды. Отсутствіе твое замѣтно мнѣ без-

престанно, хотя я рѣдко съ кѣмъ говорилъ объ этомъ. Этого, конечно, не случится—но мнѣ было жестоко больно, еслибъ мнѣ пришлось ставить оперу безъ тебя! Все, что было бы для меня наслажденіемъ—на первыхъ репетиціяхъ (потому что ты знаешь, что я вѣдь не отдамъ же ни одной строчки, пока самъ ею не буду доволенъ совсѣмъ)—было бы отравлено твоимъ отсутствіемъ. Я никогда не забуду твоего лица въ то время какъ Тришатная пѣла, а я въ первый разъ въ жизни имѣлъ дѣло съ оркестромъ съ своей вещью! Не на много иначе бы было выраженье твоего лица, если бъ кто-нибудь изъ самыхъ „первѣйшихъ" очутился тогда вмѣсто меня у пюпитра и не моя, а его бы вещь исполнялась. Я это, конечно, приписываю по крайней мѣрѣ на половину твоей близости ко мнѣ въ жизни—но именно эта самая близость наша сдѣлала бы мнѣ утрату тебя на первыхъ пробахъ оперы—ничѣмъ не вознаградимою. Послѣ тебя—въ этомъ случаѣ у меня на первомъ планѣ, конечно М. П.—но уже послѣ тебя потому что на пробы я бы даже не позвалъ ее, и она сама, быть можетъ, не захотѣла бы этого, чтобъ не нарушить цѣлости перваго общаго впечатлѣнія отъ настоящаго спектакля—и при томъ она могла бы только больше или меньше, при случаѣ, радоваться, больше или меньше бояться за меня,—а въ тебѣ кромѣ этого всего драгоцѣнная для меня оцѣнка—послѣдній диктаторскій приговоръ—котораго мнѣ кромѣ тебя никто дать не можетъ. Отъ этого—и въ оперѣ тѣ вещи, которыя написаны послѣ тебя (серенада, дуэтъ и сцена съ пьянымъ Каленикомъ) еще съ моей стороны не считаются порѣшенными, хотя исполняются частенько для всѣхъ и каждаго, и всѣмъ нравятся—инымъ даже въ сильной степени.—Какъ видишь, я въ этомъ письмѣ безпрестанно съѣзжаю на музыку и на свои работы—такъ пусть уже будетъ въ этомъ тонѣ и до конца. Недавно, подсѣлъ къ ф. п. въ сумерки, я долго фантазировалъ и нашелъ, что я начинаю умѣть ладить съ импровизаціей—что выходятъ иногда очень порядочныя сочетанія, даже мысли—и связывать, и отчасти развивать ихъ мнѣ—не трудно (какъ прежде). Хотѣлось бы пустить этотъ наличный капиталъ въ ходъ и не на одну оперу (куда, какъ тебѣ извѣстно, я не рѣшусь употреблять ничего кромѣ лучшаго изъ лучшаго, къ чему только я, statu quo, способенъ). Хотѣлось бы мнѣ попробовать себя на небольшихъ вокальныхъ вещахъ, въ 2—3 голоса. На дняхъ я перерылъ всего Пушкина для подобнаго рода текстовъ, но не нашелъ такого, что бы мнѣ отвѣчало—моему внутреннему расположенію (выборъ опредѣляется тутъ вдругъ инстинктивно). У тебя вѣрно подъ рукою разная итальянщина—выбери мнѣ тексты для комнатныхъ дуэтовъ, терцетовъ, пожалуй квартетовъ—и—хоровъ (мужскихъ). Я чувствую въ себѣ присутствіе

общихъ музыкальныхъ мыслей, которыя нисколько бы не годились въ оперу de genre и на малороссійскій сюжетъ. Употребить же такія мысли на сонаты или маленькія пьесы мнѣ не хочется, потому что каждая такая вещь потребовала бы опять долгаго труда—а мнѣ хочется дѣлать небольшія вещи именно для голосовъ, чтобъ какъ можно скорѣе познакомиться съ многими тайнами въ ихъ употребленіи. Отъ тебя заказъ былъ бы мнѣ еще новой шпорой.

Ты въ Италіи сошелся съ Борисполецемъ [1]), я здѣсь безъ тебя довольно сблизился съ Вильбуа (тотъ самый, что пишетъ оперу „Андрій Бульба"). Онъ за меня уцѣпился съ такою же жадностью, какъ Борисполецъ за тебя—потому что нашъ общій интересъ—композиторство—дѣлаетъ насъ столько же какъ будто родными другъ другу—какъ для васъ то, что вы, оба русскіе—встрѣтились на чужбинѣ. (Петербургъ въ отношеніи серьезнаго музыкальнаго дѣла—такая же чужбина). Я ожидалъ отъ этого Вильбуа несравненно меньше, чѣмъ что нашелъ. Во-первыхъ онъ играетъ съ толкомъ, какъ весьма немногіе, взглядъ его на музыку довольно чистъ и вѣренъ, хотя онъ читалъ гораздо меньше нашего—и въ сочиненія я въ немъ вижу толку несравненно больше, чѣмъ въ Даргомыжскомъ (quoique ce n'est pas encore beaucoup dire).

С.-Петербургъ 12/24 декабря 1851. Галерная.

Съ подаркомъ моимъ тебѣ, я, разумѣется опоздалъ! Ужъ если вообще во всемъ мнѣ трудно не опаздывать, то въ музыкѣ—почти невозможно. Спѣшить въ сочиненіи—это адская мука для меня самого. Тогда на каждомъ шагу проявляется мое безсиліе сравнительно съ тѣмъ, что во мнѣ живетъ идеаломъ; я только бѣшусь и тогда ужъ ровно ничего выйти не можетъ. Я писалъ тебѣ, что мою нынѣшнюю жизнь и сравнивать нельзя съ Крымскимъ затворничествомъ (которое мнѣ почти необходимо для пристальной и успѣшной работы). Такимъ образомъ, я отложилъ уже попеченіе изготовить варіаціи къ сроку—постараюсь кончить ихъ не медля, но дня не могу обѣщать заранѣе. Чтобъ исправить свою вину, а отчасти и прямо—безъ малѣйшаго отношенія къ винѣ—я пришлю тебѣ вмѣстѣ съ варіаціями кое-что (немузыкальное), что, безъ всякаго сомнѣнія, доставитъ тебѣ не просто удовольствіе, а живѣйшую радость. Ты, навѣрное, мысленно крѣпко поблагодаришь меня за подарокъ и не подумаешь сердиться на меня за небольшую просрочку. Сегодня къ тебѣ пишутъ всѣ твои—я прикладываю къ ихъ письмамъ свой листочекъ, на которомъ по случаю того дня, около котораго ты будешь читать эти строчки, мнѣ хотѣлось бы сказать

[1]) Плат. Тимоѳ. Борисполецъ—живописецъ.

много, много пріятнаго для тебя, только та бѣда (со мной въ отношеніи тебя особенно), что когда хочешь, стараешься сдѣлать письмо особенно пріятнымъ—оно такимъ не выходитъ и иногда и въ сравненіе идти не можетъ съ какимъ-нибудь другимъ, писаннымъ безъ особеннаго разсчета—угодить. Хорошо помня объ этомъ, я не буду стараться надъ этимъ письмомъ, буду просто высказывать все, что приходитъ въ голову, все, что накопилось въ ней для тебя, и еще не было высказано (потому, что когда же мы успѣваемъ все переговорить другъ съ другомъ и замолчать отъ недостатка матеріала для разговора)?!! Теперь, еще чаще, чѣмъ вначалѣ твоего для меня отсутствія, я прихожу въ какое-то бѣшенство, что тебя нѣтъ со мною—а, при этомъ еще, нѣтъ ни М. П., ни Сонички! Я столько разъ уже быть можетъ тою же самою формулой выражалъ свое сиротство интеллектуальное, что наконецъ эта формула теряетъ свою силу, но что жъ дѣлать, когда приходится повторять! М. П. въ одномъ письмѣ (еще отъ 25 октября), говоря о своемъ стремленіи къ тебѣ, пишетъ:

„Другъ мой, припомни ту жажду, которую ты иногда имѣлъ въ Крыму, чтобы видѣть Вольдемара, чтобы перелить въ его бездонную грудь всѣ твои впечатлѣнія по искусству, всѣ твои порывы—освѣжиться мыслями—и каково тебѣ было—когда его не было!“ Въ такихъ дѣлахъ М. П. всегда говоритъ правду—слѣдовательно, ты можешь видѣть, вспоминалъ ли я о тебѣ во все время нашей разлуки и до 48 и послѣ 48.—Теперь съ многихъ сторонъ ты мнѣ еще нужнѣе, жажда тебя еще сильнѣе во мнѣ закипаетъ—и въ такія минуты я утѣшаю себя только тѣмъ, что, быть можетъ, такъ нужно для нашего же взаимнаго развитія, чтобъ послѣ, при твоемъ возвращеніи къ намъ,—мнѣ съ тобой было еще въ 1.000.000 разъ лучше прежняго.—Что мы, развиваясь, конечно, внутренно—находимъ черезъ нѣсколько времени новыя хорошія отрадныя стороны во взаимной бесѣдѣ—въ этомъ я недавно имѣлъ прекрасный случай убѣдиться—въ бесѣдѣ съ Соничкой.

Ты знаешь, что я ѣздилъ къ ней—именно отправился 3-го декабря, возвратился 7-го . . . .

Кромѣ всѣхъ новостей театральныхъ, музыкальныхъ, о Глинкѣ, и все, что можетъ интересовать Соничку, было у насъ предметомъ разговора. Играли мы въ 4 руки не много, но лихо—(сонаты со скрипкою Бетховена,—и Коріолана).—Бѣглости пальцевъ у Сонички теперь еще меньше прежняго, но понимаетъ и передаетъ музыку, конечно, еще лучше прежняго. Ф. п. ея было настроено, какъ нарочно, за нѣсколько дней до моего пріѣзда. Много было говорено у меня съ Соничкой и общихъ интеллектуальныхъ матерій—напр. о планѣ воспитанія, умственнаго развитія въ дѣтяхъ—вопросы

теперь для Сонички чрезвычайно важные—и мы удивились, что пришли, каждый самъ по себѣ, рѣшительно къ однимъ и тѣмъ же мыслямъ, точно сговорились. Особенно хорошій разговоръ былъ у насъ 6-го декабря, вечеромъ . . . . Говорили мы и о Коріоланѣ Шекспира (котораго Соничка недавно прочитала, а лѣтомъ еще Антонія и Клеопатру)—и о Molière, Ж. Санда.—Molière ей не нравится, она находитъ это довольно слабымъ (?!) произведеніемъ,—я не раздѣляю этого мнѣнія—также и на счетъ Шекспира и на счетъ Вальтеръ Скотта (котораго теперь тоже читать . . . .) мы продолжаемъ немножко разноголосить. Есть вещи, которыя для насъ съ тобой—верхъ совершенства, а на нее не дѣйствуютъ вовсе или дѣйствуютъ мало, слабо—но ты это все знаешь не съ настоящей стороны. Знаешь также, что ей положительно и сильно нравятся вещи для насъ очень не первостепенныя. (Диккенсъ, напримѣръ, кое-какіе романсы и т. д.). Но все-таки во всемъ главномъ она совсѣмъ наша—и больше еще наша, чѣмъ когда-нибудь прежде. Что бы я далъ теперь, чтобы также побесѣдовать съ М. П.! (о тебѣ не говорю, потому что это будетъ же и, быть можетъ, не слишкомъ долго ждать). А съ М. П. увижусь ли я когда-нибудь въ жизни? Я начинаю терять всякую надежду на это!—Игралъ я, въ гостяхъ у Сонички [1]) Орфея—и вре время просто плакалъ отъ какого-то глубокаго умиленія, которое именно эта Глюкова музыка всегда во мнѣ возбуждаетъ. Помнишь ли ты хоръ (F—dur) въ концѣ второго акта „Euridice va renaitre“ (слова эти въ срединѣ хора, я не помню первыхъ)?—Мнѣ пришли въ голову русскія слова для этого хора, и я тотчасъ напишу ихъ подъ переписанный хоръ и отдамъ Ломакину—чтобъ такимъ образомъ въ С.-Петербургѣ отпраздновать для себя 2 января.—Ахъ, еслибъ я могъ знакомить М. П. съ Орфеемъ—что было бы за наслажденіе для насъ обоихъ—она совсѣмъ бы растаяла, замерла отъ этой музыки... Сцена Орфея въ Тартарѣ—по-моему не имѣетъ ничего себѣ равнаго во всей области драматической музыки,—но кому я это говорю?! Не знаю отчего—но именно когда я играю Орфея—М. П. постоянно у меня на умѣ—между тѣмъ я при ней не зналъ еще этой музыки, и у меня не было этой оперы въ Крыму.—Возвратился отъ Сонички въ пятницу,—уѣхалъ въ 4 часа, тотчасъ послѣ обѣда. Воротясь въ Петербургъ, дома нашелъ приглашеніе на музыку къ Глинкѣ (пятница—его день), но не поѣхалъ, потому что усталъ и поздно было. Глинка все нездоровъ, никогда ни для кого не поетъ!! Очень любитъ слушать; намъ не легче.

---

[1]) Въ Лисинѣ.—*В. С.*

Музыкальныхъ матерій я не трогаю въ этомъ письмѣ, а уже опять накопилась бездна. Ты поймешь сколько, когда я скажу тебѣ, что слышалъ Barbiere и Otello новыми своими ушами,—также C-moll'ную симфонію Бетховена и прочиталъ всю партитуру „Фаниски" Керубини. Эти дни послѣ Лисина я опять былъ заваленъ корреспонденціей. Моя либреттистка послѣ долгаго молчанія, наконецъ, написала мнѣ и вызвала на длиннѣйшее письмо о всѣхъ предполагаемыхъ мелочныхъ передѣлкахъ въ текстѣ „Майской ночи". Письмо это уже совсѣмъ готово (съ подробнымъ сценаріумомъ) и пойдетъ въ Москву завтра. А. С.

Лиговка 2 января 1852.

Не подумай, что мнѣ пришло въ голову написать тебѣ нѣсколько словъ сегодня только потому, что я видѣлъ, что Мама къ тебѣ пишетъ. Нѣтъ, я давно собираюсь писать къ тебѣ и много,—не нѣсколько словъ—да все поджидалъ твоего письма собственно ко мнѣ—кажется, я имѣю нѣкоторое право ожидать—когда послѣднее письмо получено 24 октября (!!), а съ тѣхъ поръ писано всѣмъ, въ томъ числѣ вѣрному, неизмѣнному, неоцѣненному другу Б.!! (я думаю, ужъ и не одинъ разъ въ это время). Нечего говорить тебѣ, что обманутый въ ожиданіи—я порядочно взбѣшенъ на тебя, а другого ничего не хочу говорить, потому что это было бы съ моей стороны непростительное баловство. Вотъ почему ты и не получишь отъ меня теперь долго ничего кромѣ этихъ бранныхъ строчекъ. Я очень хорошо помню всѣ философскія утѣшенія, которыя ты мнѣ уже нѣсколько разъ предлагалъ „на случай" долгой паузы въ твоей перепискѣ со мной—всѣ эти утѣшенія понятны и извѣстны мнѣ какъ нельзя лучше—тѣмъ не менѣе всякій разъ какъ придетъ письмо въ Петербургъ изъ Флоренціи—да не ко мнѣ—да еще особенно къ Б.—я только услышу объ этомъ, во мнѣ закипитъ что-то такое непріязненное, такое захватывающее всего меня на то время, что и подумать невозможно о философскихъ утѣшеніяхъ—пошлешь философію ко всѣмъ чертямъ.—Не знаю, въ какой степени тебѣ эта глупая моя ревность будетъ пріятна,—но прошу тебя побѣдить въ себѣ пристрастіе къ доведенію близкихъ тебѣ до бѣшенства (я знаю, что ты это очень любишь) и не доставлять мнѣ такъ часто повода злиться на тебя.—Я недавно, по случаю новаго года, пробѣжалъ въ своей головѣ весь 51-й—и увидѣлъ, что ты передо мною за этотъ годъ—въ неоплатномъ долгу—а только продолжаешь бѣсить меня разными способами—всего больше какой-то кислотой нашей переписки!

Встрѣтилъ я новый годъ отлично—въ театрѣ, гдѣ давали Донъ-

Жуана и—сверхъ чаянія—весьма порядочно. (Формесъ—отличный Лепорелло, Донной Анной (Гризи) и Д. Октавіо (Маріо) я почти что доволенъ). Въ самое 1 января, т. е. вчера утромъ, я сыгралъ съ Дмитріемъ (по собственному выбору) увертюру (ор. 124) и IX-ю. Не забудь, что я ее услышу въ этомъ году—у Львова! Хоть это вознаградитъ меня за твою Рашель! Не я виноватъ, что Мельхіоръ [1]) не уѣхалъ.

Мая 15-го 1852.—Лиговка.

Ты меня до того пріучилъ уже къ совершенному прекращенію переписки между нами, что мнѣ какъ-то странно было читать твое письмо ко мнѣ (!) и теперь еще больше странно и неловко писать къ тебѣ. Какъ я ни взвѣшивалъ, ни вымѣривалъ всѣ свои вины передъ тобой (которыхъ даже и не знаю хорошенько, думаю только, что всѣ въ родѣ той, которую ты высказалъ), все никакъ не могу оправдать внезапнаго прекращенія переписки! Если ты нашелъ въ моей натурѣ много такой риноцеросности, которая тебѣ невыносима—то, вѣдь я думаю, эти стороны мои для тебя не новость, и ты давно очень хорошо зналъ ихъ и сносилъ, благодаря другимъ, хорошимъ для тебя сторонамъ—отчего жъ вдругъ пересталъ сносить, вдругъ вздумалъ требовать, чтобъ я переродился de fond en comble! Отъ кого можно этого требовать? Не лучше ли брать людей, какъ они есть, со всѣмъ ихъ дурнымъ и со всѣмъ хорошимъ, чѣмъ требовать, чтобъ всѣ перестроили свои натуры на твой ладъ? Я очень вѣрю, что человѣкъ, который намъ сколько-нибудь дорогъ и близокъ почему-нибудь,—очень больно встрѣтить стороны непріятныя, несносныя;—пожалуй нечеловѣческія—но въ комъ же ихъ нѣтъ, этихъ сторонъ—у каждаго въ своемъ родѣ—однако жъ уживаются же люди между собой и иногда въ очень близкихъ душевныхъ отношеніяхъ! Что за манія—никому ничего не прощать! Передѣлать весь свѣтъ, кажется, невозможно. По моему мнѣнію прощать невозможно только одного: если кто, бывши близокъ къ намъ, вдругъ отступился отъ насъ. Какъ бы дорогъ этотъ отступникъ ни былъ, нѣтъ силъ въ мірѣ, которыя бы теперь заставили бы меня перваго заискивать новаго сближенія. Я очень радъ, что ты вздумалъ самъ перервать свое проклятое молчаніе, самъ опять подошелъ ко мнѣ, а то я принужденъ былъ навѣки сдѣлаться совершенно чужимъ для тебя. Это отчужденіе уже начиналось къ несчастью,—все что къ тебѣ было близко, все что тебя мнѣ слишкомъ напоминало—дѣлалось мнѣ больше и больше противно—а такъ какъ этихъ предметовъ вообще не очень-то мало,

---

[1]) Секретарь А. Н. Демидова.

то можешь себѣ вообразить—хорошо ли мнѣ было все это время! Кромѣ извѣстнаго тебѣ письма къ Л. К. (которое я вовсе не съ тѣмъ писалъ, чтобъ оно было къ тебѣ отправлено)—я никому никогда не жаловался на тебя (если тебѣ писалъ кто-нибудь о моихъ жалобахъ или въ родѣ этого,—тотъ „совралъ“)—но, если бы ты не возобновлялъ переписки до твоего возвращенія, я встрѣтилъ бы тебя только случайно, какъ полузнакомаго—и только. Зачѣмъ ты этого хотѣлъ! Неужели во мнѣ нѣтъ рѣшительно ничего, что перевѣшивало бы, что есть для тебя непріятнаго, тяжелаго въ моей безпечности и ступидности въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ. — Mais aussi je défie quélqu'un de ne pas faire des faire pas въ такихъ запутанныхъ отношеніяхъ сердечныхъ и душевныхъ, какъ и моя роль въ твоихъ!

Вообще въ этомъ 52 году я особенно счастливъ на прекращеніе переписокъ. Долгое время у меня былъ всего одинъ корреспондентъ, неизмѣнное копье, М. П. Бакунинъ, Крымскій не пишетъ, потому, что и я къ нему давно не писалъ. Но не понимаю, что сдѣлалось съ моей либреттисткой! Прошлымъ лѣтомъ была въ Петербургѣ ея родная сестра (живописица), и мы были въ самыхъ хорошихъ отношеніяхъ. Но на мои письма въ Москву и въ Тверь (о передѣлкахъ въ оперѣ) я не получилъ ничего путнаго въ отвѣтъ, потомъ и совсѣмъ ничего не получалъ! Татьяна Бакунина была два раза въ Петербургѣ для свиданья съ братомъ (который въ крѣпости) и со мной не видалась. Черезъ одну знакомую Татьяны мнѣ было дано порученье купить для Тверскихъ Бакуниныхъ рояль Вирта по моему выбору,— на что, списавшись со мной о цѣнѣ, и выслали мнѣ 610 р. сер.— Я исполнилъ все самымъ аккуратнымъ образомъ и не промедливъ ни одного дня (что, какъ тебѣ извѣстно, не всегда со мною случается), но—не получилъ даже и двухъ строчекъ увѣдомленія—пришелъ ли рояль въ деревню (около Твери)—довольны ли имъ и т. д.—Все это довольно странно со стороны такихъ хорошихъ людей, какъ Бакунины.—Dans ma détresse на счетъ передѣлокъ опернаго текста я принужденъ былъ обратиться къ Петербургскимъ литераторамъ, а именно къ Ѳ. Кони (съ которымъ теперь въ большихъ ладахъ, потому что доставляю статьи въ каждую книжку издаваемаго имъ „Пантеона“—теперь это сталъ одинъ изъ лучшихъ журналовъ).— Но и тутъ „j'ai eu du guignon“—собственноручно переписалъ все либретто—оставивъ страницы en regard—бѣлыми для примѣчаній— и карандашемъ написалъ для Кони всѣ указанія, какъ и что должно быть въ тѣхъ мѣстахъ, которыми я недоволенъ. Вышла довольно толстая тетрадь въ четверку,—и что жъ ты думаешь—она пропала у Кони! Я отдалъ человѣку его (на страстной недѣлѣ въ пятницу)—

но Кони вовсе и не видалъ этой рукописи—при мнѣ нѣсколько разъ перерывалъ весь кабинетъ—и бѣдной „Майской ночи“ не оказалось. Это во всякомъ случаѣ очень непріятно, хотя и не должно служить извиненіемъ моей лѣни, потому что и на совсѣмъ—готовый текстъ—музыка еще не готова. Вообще все это время я испачкалъ—довольно, но оперу подвинулъ впередъ чуть-чуть, а больше назадъ, потому что зачеркнулъ многое изъ написаннаго въ Крыму и тебѣ отчасти извѣстнаго. Незнакомы же тебѣ только три конченныя вещи: серенада, дуэтъ (Левкó и Гануся) и квартетъ (сцена ругательства между головой и его хозяйкой, Хиврей). И то квартетъ нѣсколько тебѣ знакомъ—но я его совершенно измѣнилъ въ развитіи—просто совсѣмъ вновь написалъ большую часть—и вышло совсѣмъ хорошо. Я становлюсь строже и строже къ себѣ—по этому самому никакъ не могу много и скоро производить новое. Я на это жаловался Глинкѣ, который принимаетъ въ моемъ развитіи серьезное участіе, какъ самый близкій ко мнѣ человѣкъ и знатокъ дѣла. Онъ мнѣ далъ чудесный совѣтъ: продолжать оперу не торопясь и не насилуя себя, но наряду съ нею дѣлать оперныя же вещи совсѣмъ на другіе сюжеты—т. е. отдѣльныя сцены (аріи, дуэты, тріо, ensambles) на предметы миѳологическіе, или рыцарскіе, вообще какіе придутся по душѣ, задумывать и писать прямо на оркестръ (или для ф. п. съ оркестрными намѣреніями) и стараться всѣми силами оканчивать эти отдѣльные нумера изъ „воображаемыхъ“ оперъ, такъ чтобы можно было хоть завтра исполнить. „Это“—говоритъ Глинка—„замѣнитъ вамъ ту бездну оперъ, которую каждый изъ порядочныхъ писалъ, пока выбрался на свою настоящую дорогу; я и самъ не иначе работалъ—прежде „Жизни за Царя“.—Совѣтъ такой онъ мнѣ далъ, конечно, познакомившись съ тѣмъ, что я дѣлаю для „Майской ночи“. Онъ очень хвалилъ „Серенаду“—дуэтъ нашелъ „un peu diffus—но есть хорошія вещи“—другого я ему не показывалъ, ни баллады, ни молитвы, ни новаго комическаго квартета.—„Одинъ и тотъ же, хорошій—но немножко односторонній сюжетъ не заставитъ васъ выучиться всему вдругъ, что нужно для опернаго дѣла—а когда будете умѣть дѣлать отдѣльные нумера въ разномъ стилѣ—сдѣлать одну вещь цѣлую вамъ уже нисколько не будетъ трудно“.

Сблизившись съ Глинкой, я больше и больше въ него вѣрую. Всѣ превосходныя стороны его огромнаго таланта высказались мнѣ недавно особенно ярко въ представленіи „Жизни за Царя“ (8 мая, на Александринскомъ). Роль „Антониды“ исполнила Московская пѣвица, Семенова (которая во время оно поочередно со Степановой пѣла „Людмилу“). Роль „Вани“ нѣкто Леонова (не настоящій contralto, но не безъ пріятности); шло все какъ нельзя лучше. Глинка самъ былъ

въ театрѣ, и оркестръ большого театра, предваренный мною объ его присутствіи, старался на славу (даже англійскій рожокъ былъ припасенъ, вмѣсто обычнаго—гобоя). Я слушалъ очень строго, какъ будто не знаю ни Глинки, ни его оперы, и нашелъ столько безподобныхъ красотъ въ этой музыкѣ, что просто—таялъ. Помнишь, мы еще вмѣстѣ съ тобой восхищались фугой à la Händel въ интродукціи—но сколько во всей оперѣ подобныхъ красотъ! И—если смотрѣть на „Жизнь за Царя", какъ на особый родъ оперы—немножко—ораторный (отчасти какъ Фиделіо), то и драматизма—бездна. А какой оркестръ! Ты вѣдь знаешь, до какой степени мы иначе теперь все слушаемъ, чѣмъ прежде—уши стали совсѣмъ другія. Можетъ быть еще и par contraste „Жизнь за Царя" особенно блистательно выставилась, потому что недавно на большомъ театрѣ (18 апрѣля) давали Рубинштейна оперу „Куликовская битва".—Ты самъ заранѣе догадываешься, что это такое! Я даже не ожидалъ, чтобы Рубинштейнъ до такой степени слабо зналъ оркестръ и контръ-пунктъ. Я писалъ тебѣ, кажется, въ свое время, объ „Эсмеральдѣ" Даргомыжскаго,—вообрази, что „Димитрій Донской"—хуже! Музыканты въ оркестрѣ смѣются просто, какъ на каждомъ шагу виденъ—піанистъ, нисколько не подозрѣвающій настоящихъ оркестрныхъ эффектовъ (а ужъ о музыкѣ—нечего говорить).

Былъ у меня недавно Люфтъ (гобоистъ) старый нашъ знакомый—интересовался моими работами—я ему показалъ почти все. Онъ хвалилъ меня до крайности (главное потому, что никакъ не ожидалъ, чтобы я дошелъ до такой степени—онъ зналъ и помнитъ только мои самыя первыя попытки—10 лѣтъ назадъ!!), но что меня очень порадовало—это именно вѣрность моего инстинкта насчетъ оркестра. Я, разумѣется, спросилъ у Люфта обо всѣхъ фразахъ, которыя я тамъ и сямъ хочу поручить гобою (и поручилъ уже коегдѣ въ партитурѣ)—и что жъ—я нигдѣ не ошибся насчетъ эффекта—вездѣ все сыграть ловко, удобно и звуки самые отчетливые для гобоя.

Если такъ будетъ и съ другими инструментами (а почему же не будетъ?—вѣдь я гобой не особенно же отъ другихъ изучалъ)—то отдѣльное употребленіе инструмента уже за мной, только за массу, въ forte и—въ piano, еще нельзя отвѣчать заранѣе. Но тутъ разсчетъ и нѣкоторыя чудесныя замѣчанія Глинки, который мнѣ и твоему брату Дмитрію прочелъ кое-что въ родѣ лекцій объ инструментовкѣ. (Все это конечно записано у меня въ головѣ, да и на бумагѣ, для другихъ). Когда дѣло дошло до этихъ матерій—ты знаешь я буду говорить до скончанія вѣка—это вѣдь мой опасный кранъ (по выраженію Таборовскаго)—отлагаю до другого письма

многое—между прочимъ—о М. П., о Плесси —о моихъ житейскихъ планахъ, о времяпрепровожденіи и т. д. Глинка ѣдетъ 23-го мая. Ты видишь, что недолго намъ быть съ нимъ. Когда ты будешь читать эти строчки, онъ ужъ будетъ въ Варшавѣ, если не за границей.—Какъ мнѣ больно, что онъ ѣдетъ! Сейчасъ иду къ нему снимать съ него портретъ. Это большая милость съ его стороны.

30 іюня 1852 г. Парголово.

Давно собираюсь я писать тебѣ—но поджидалъ еще одного твоего письмеца, такъ какъ послѣ полугодовой паузы я не могъ довольствоваться небольшимъ твоимъ письмомъ, которымъ возобновилась переписка между нами.

Наконецъ получилъ я и второе, конечно, очень меня обрадовавшее, потому что я уже опять начиналъ думать, что ты вовсе не хочешь писать мнѣ. По случаю новаго твоего письма и по случаю нѣкоторыхъ болячекъ въ моей душѣ я могъ бы много, много написать тебы іеремiадъ—но такъ какъ онѣ были бы неразлучны съ нѣкоторыми „разсужденіями"—то я и избавлю тебя отъ всего этого.

Не могу не пожаловаться тебѣ на „кислоту" всей моей нынѣшней жизни — особенно для меня чувствительную послѣ отъѣзда Глинки.

Его пребыванье въ Петербургѣ, вся возня съ нимъ была для меня очень отраднымъ оазисомъ въ этой ровной, ровной, безпечальной, но и безрадостной жизни, которая какъ двѣ капли воды похожа на степную часть Крыма (отъ Перекопа до Симферополя).—День идетъ за днемъ очень скоро, потому что все гладко, нигдѣ ни задоринки, за то одинъ день совершенно похожъ на другой и не приходится вспомнить ни объ одной минутѣ изъ цѣлаго дня—особенно пріятной или особенно горькой—все, какъ-то ни то, ни се—самое скверное, что можетъ быть въ жизни, я, разумѣется, прячусь въ музыку, какъ черепаха въ свой домикъ, съ которымъ она родилась и умереть,—и, конечно, этимъ однимъ спасаюсь отъ разныхъ тоскливыхъ мыслей. Тебѣ извѣстно, что во мнѣ довольно нѣмецкаго Sitzfleisch, чтобы, пожалуй, „цѣлыхъ тридцать лѣтъ" провести въ постоянныхъ однообразныхъ занятіяхъ (какъ Гайднъ у Эстергази); тебѣ очень знакомо мое вѣчное, „безконечно—терпѣливое кропанье" (твое собственное выраженье въ письмѣ къ М. П.)—но теперь—въ этомъ одномъ вся отрада моей жизни. Я живу постоянно въ Парголовѣ, потому что здѣсь славно—лѣто отличное, а заниматься я могу даже еще спокойнѣе, чѣмъ въ Петербургѣ. Въ городѣ я стараюсь быть на самое короткое время (по журнальнымъ и денежнымъ дѣлишкамъ)—и то все время—не дома, гдѣ мнѣ довольно неловко—быть

совершенно одному—папа со мной не говоритъ уже нѣсколько мѣсяцевъ и избѣгаетъ меня видѣть! Резона къ этому я до сихъ поръ не придумалъ—т. е. спеціальнаго резона на прекращеніе разговора и т. д.—общіе, постоянные резоны его охлажденія ко мнѣ тебѣ извѣстны.

Совсѣмъ не такъ какъ, прежде—я теперь одинъ изъ безчисленнаго множества твоихъ корреспондентовъ. Извѣстія о твоемъ житьѣбытьѣ доходятъ до меня очень отрывочно—par petites bribes—даже по музыкальному департаменту, который я привыкъ считать „своимъ"—ты удостоиваешь Дмитрія гораздо полнѣйшими свѣдѣніями—мнѣ достается такъ—кое-что изъ остатковъ. Признаюсь тебѣ, что—помимо всякихъ „разсужденій" это дѣйствуетъ на меня не очень пріятно и отнимаетъ охоту писать тебѣ. При томъ я знаю, что объ очень многомъ, что я хотѣлъ тебѣ сообщить, ты уже знаешь изъ писемъ Дмитрія—а „повторенія" всякаго рода очень скучны, тѣмъ больше, когда почта стоитъ тебѣ довольно дорого. Еслибъ не было этого противнаго антракта въ нашей перепискѣ—я давно уже много бы писалъ тебѣ о Глинкѣ и нашихъ у него вечерахъ, о бесѣдахъ съ нимъ столько для меня полезныхъ, особенно въ отношеніи оперъ Керубини (я теперь изучаю уже третью: Фаниску, послѣ Медеи и Лодоиски) и въ отношеніи безподобныхъ замѣчаній Глинки объ оркестрѣ и оркестровкѣ (ты впрочемъ узнаешь это все изъ записанныхъ мною лекцій)—писалъ бы я тебѣ въ свое время о Львовскихъ концертахъ, о нашемъ, т. е. Глинкинскомъ концертѣ, съ новой „испанской увертюрой" и съ „Камаринской" и т. д., и т. д.—теперь—впечатлѣнія уже не такъ свѣжи и пріобщены уже къ общему запасу. Мнѣ—какъ и всѣмъ на свѣтѣ, кажется,—трудно писать не о томъ, что меня именно въ ту минуту занимаетъ, какъ пишу. А что теперь меня занимаетъ, къ тому ты statu quo можетъ быть больше чѣмъ равнодушенъ.

И въ самомъ дѣлѣ контрастъ силенъ: ты въ Неаполѣ съ своей чудесной Ниной—наслаждаешься (внѣ собственнаго творчества, которое все-таки выше всего), а я—въ смиренномъ уголкѣ чухонской природы—далекій отъ всего изящнаго въ „пластическомъ", въ четырехъ стѣнахъ дачной каморки кропаю критики и антикритики по случаю книги Ленца, оправданій Улыбышева и тому подобной „мелкоты"! отъ которой—въ сущности никому не легче!

Но мнѣ—какъ архинѣмцу по натурѣ, видно, суждено такое кабинетное существованіе!

Не думай однако, что я не завидую тебѣ—крѣпко завидую! Ты не знаешь, до какой степени я люблю все безподобное въ природѣ, и какъ мнѣ оно необходимо, чтобъ я не закисалъ въ своей флегма-

тичности. Мнѣ иногда кажется смѣшно ставить „производительную силу“ въ искусствѣ—въ зависимость отъ воздуха, отъ ландшафтовъ, которыми я окруженъ—но невольно приходится думать объ этой зависимости, когда вспоминаю, сколько я успѣлъ набросать музыкальныхъ мыслей въ Крыму, въ одно лѣто 50-го года—и какъ мало сдѣлалъ въ $1^1/_2$ года по пріѣздѣ въ Петербургъ! Что ни говори, а небо—много значитъ—и вліяніе его дѣйствуетъ безсознательно для насъ самихъ, но дѣйствуетъ сильно. Что мнѣ мѣшаетъ теперь много и плодотворно работать? Рѣшительно ничего, кромѣ монотонности, ровности жизни и недостатка красоты во всемъ меня окружающемъ, кромѣ книгъ и партитуръ! Я, конечно, не сижу сложа руки—но вѣчно недоволенъ собою—дѣло должно кипѣть, а кипитъ только одна досада моя на самого себя, когда вспомнишь, сколько мнѣ лѣтъ,—а я все еще только при одномъ покушеніи!! Иногда я начинаю думать (о чемъ писалъ и М. П.), что не мѣшаетъ ли мнѣ слишкомъ серьезная разработка критики во мнѣ, которая безпощадно казнитъ всѣ мои попытки при первомъ ихъ появленіи на мой собственный судъ. Жажда труда—сдѣлалась во мнѣ страстью, но зачѣмъ же нѣтъ, или почти нѣтъ плодовъ отъ этой страсти?—Или отъ того, что нѣтъ никакихъ толчковъ извнѣ, необходимыхъ, кажется для всѣхъ, сколько-нибудь артистическихъ натуръ.— Въ способности къ своему дѣлу—я не могу сомнѣваться—я знаю, что во мнѣ еще гораздо больше силъ, чѣмъ я ихъ обнаружилъ кое въ чемъ, тебѣ извѣстномъ (опера, Соната), но отчего жъ это идетъ такъ туго—и въ такіе годы?—Чѣмъ больше я самъ себя разбираю, тѣмъ больше отказываюсь понять что-нибудь во всей этой галиматьѣ—въ этой страшной разноголосицѣ между „обѣщаньемъ“ и „исполненіемъ“—„силами“ и ихъ „приложеніемъ“. Или я въ чемъ-нибудь „недоваренъ“, какъ напримѣръ въ другихъ отношеніяхъ недоварены мои сестры Лиза и Липочка? Какъ бы то ни было—а бѣдная „Майская ночь“ почти что не подвинулась съ твоего отъѣзда. „Другимъ“ я говорю, а иногда стараюсь утѣшить этимъ— что мое „либретто“ въ рукахъ опытнаго въ театральномъ дѣлѣ литератора Кони—и отъ его взгляда я ожидаю много освѣженья для себя—но вѣдь есть же „сцены“, текста которыхъ я не желалъ бы перемѣнить, и на которыя ничто не мѣшаетъ мнѣ музыку ок... ть отъ ноты до ноты даже въ оркестрной партитурѣ. Слѣдоват... ю, утѣшенье плохое!

Сообщ. В. В. Стасов

(Окончаніе слѣдуетъ).

Редакторъ-издатель П. Вороновъ.

Н. М. Гутьяръ,—Иванъ Сергѣевичъ Тургеневъ. Юрьевъ 1907 г. Ц. 1 р. 75 к.

Въ нынѣшнемъ, 1908 году (22 августа), исполняется, какъ извѣстно, 25 лѣтъ со дня смерти одного изъ крупнѣйшихъ представителей нашей художественной литературы Ивана Сергѣевича Тургенева. Невольно въ этотъ юбилейный его годъ мысль наша обращается къ нему съ особенной настойчивостью и вниманіемъ.

Какъ нельзя болѣе кстати къ этому именно времени вышла новая книга о немъ, заглавіе которой мы выписали выше.

Имя г. Гутьяра—не новое имя въ дѣлѣ изученія Тургенева. Знакомо оно и читателямъ „Русской Старины". Въ теченіе цѣлаго ряда лѣтъ въ „Вѣстникѣ Европы", „Русской Старинѣ", „Русскомъ Вѣстникѣ" и другихъ нашихъ ежемѣсячныхъ журналахъ появлялись время отъ времени отдѣльныя статьи г. Гутьяра, посвященныя Тургеневу, обращая на себя вниманіе знатоковъ и любителей литературы этого рода вообще и поклонниковъ Тургенева въ особенности. Теперь авторъ издалъ эти статьи отдѣльной книгой, сдѣлавъ въ нихъ, какъ говоритъ въ своемъ предисловіи, „необходимыя исправленія и дополненія согласно даннымъ, опубликованнымъ за послѣднее время", а также снабдивъ ихъ очень обстоятельно составленными и очень удобными для справокъ алфавитными указателями личныхъ именъ и произведеній, упоминаемыхъ въ книгѣ.

Книга г. Гутьяра весьма своеобразна и представляетъ цѣнный вкладъ въ литературу о Тургеневѣ, сразу же занявъ въ ней свое, совершенно особое и при томъ довольно видное мѣсто. Это не собраніе критическихъ статей о произведеніяхъ писателя, это и не біографія его въ общепринятомъ значеніи этого слова. Это просто 17 отдѣльныхъ очерковъ на разныя темы о Тургеневѣ, какъ человѣкѣ и писателѣ. „Въ выборѣ темъ для своихъ очерковъ авторъ", по его собственному свидѣтельству въ предисловіи, „руководствовался единственнымъ желаніемъ опровергнуть то или другое предвзятое мнѣніе или посильно освѣтить нѣкоторые изъ наиболѣе спорныхъ вопросовъ біографіи Ивана Сергѣевича Тургенева". Цѣли своей авторъ въ большинствѣ случаевъ достигаетъ вполнѣ успѣшно.

Среди литературы о Тургеневѣ книга г. Гутьяра выдѣляется еще тѣмъ, что это не трудъ писателя, который писалъ *между прочимъ* и о Тургеневѣ, а писателя, который писалъ *почти только* о Тургеневѣ или, во всякомъ случаѣ, *преимущественно только* о Тургеневѣ, специализировался на немъ, проникся имъ, изучилъ его до тонкости, до мелочей. Говоримъ такъ не только потому, что почти не знаемъ другихъ литературныхъ работъ г. Гутьяра, или, точнѣе говоря, знаемъ лишь очень немногія напр., „Изъ воспоминаній о Ѳ. И. Буслаевѣ" (см. „Русское Обозрѣніе" 1897 г., кн. 11),—а мы слѣдили и слѣдимъ за современной литературой довольно внимательно,—но и потому, что такое именно впечатлѣніе производитъ сама его книга. Кромѣ того, это, по всѣмъ признакамъ, не книга писателя профессіональнаго, который живетъ главнымъ образомъ литературой, а потому часто по неволѣ работаетъ на-скоро, на-спѣхъ, а писателя-любителя, который не спѣша, внимательно, вдумчиво, любовно подбираетъ свои матеріалы, какъ бисеръ нижетъ, для неспѣшной внимательной, вдумчивой, любовной работы надъ ними въ часы досуга отъ другой, обязательной ежедневной работы.

Вотъ первое впечатлѣніе, которое получишь при первомъ же бѣгломъ, поверхностномъ ознакомленіи съ книгой г. Гутьяра, съ обиліемъ выносокъ внизу страницъ ея, съ обиліемъ тщательно отобранныхъ отовсюду и внимательно продуманныхъ цитатъ. Внимательное чтеніе книги г. Гутьяра подтверждаетъ и окончательно укрѣпляетъ въ васъ это первое впечатлѣніе. Дѣйствительно, почти ничто существенное и наиболѣе интересное, что касается Тургенева, не оставлено г. Гутьяромъ безъ тщательнаго изслѣдованія и внимательнаго изученія, и на многое онъ успѣлъ установить свою собственную точку зрѣнія.

Поэтому, несмотря на то, что книга г. Гутьяра состоитъ изъ ряда отдѣльныхъ, совершенно независимыхъ другъ отъ друга очерковъ, къ концу чтенія ея составляешь себѣ весьма ясное, полное и цѣльное представленіе о Тургеневѣ, какъ человѣкѣ и писателѣ. Очень интересны очерки, гдѣ разбираются отношенія Тургенева къ наиболѣе крупнымъ представителямъ современной ему русской литературы: гр. Л. Н. Толстому, Н. А. Некрасову, А. А. Фету, Ѳ. М. Достоевскому, а также къ В. П. Боткину и П. В. Анненкову. Интересны также очерки: „Къ характеристикѣ міровоззрѣнія И. С. Тургенева" и „Творчество И. С. Тургенева".

Къ несомнѣннымъ пробѣламъ книги относится отсутствіе въ ней такихъ, напр., очерковъ какъ: „И. С. Тургеневъ и И. А. Гончаровъ", „И. С. Тургеневъ и А. И. Герценъ" и „И. С. Тургеневъ и Полина Віардо". Видимо, авторъ не имѣлъ еще для этихъ очерковъ достаточно изслѣдованныхъ и надежныхъ матеріаловъ, а потому осторожно воздержался отъ ихъ написанія. Но во второмъ изданіи его книги.—

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛЪ

РУССКАЯ СТАРИНА

1908 г.

ТРИДЦАТЬ ДЕВЯТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

Цѣна за **12** книгъ, съ исполненными лучшими художниками портретами русскихъ дѣятелей, **ДЕВЯТЬ** руб. съ пересылкою. За границу **ОДИННАДЦАТЬ** руб.—въ государства, входящія въ составъ всеобщаго почтоваго союза. Въ прочія мѣста за границу подписка принимается съ пересылкой по существующему тарифу.

Подписка принимается: для **городскихъ** подписчиковъ: въ С.-Петербургѣ—въ конторѣ „Русской Старины", Фонтанка, д. № 18, и въ книжномъ магазинѣ **А. Ф. Цинзерлинга** (бывшій Мелье и К°), Невскій просп., д. № 20. Въ Москвѣ при книжныхъ магазинахъ: **Н. П. Карбасникова** (Моховая, д. Коха). Въ Казани—**А. А. Дубровина** (Воскресенская ул., Гостиный дворъ, № 1). Въ Саратовѣ при книжн. магаз. **В. Ф. Духовникова** (Нѣмецкая ул.). Въ Кіевѣ—при книжномъ магазинѣ **Н. Я. Оглоблина**.

☛ Гг. **иногородные** обращаются исключительно: въ С.-Петербургъ, въ Редакцію журнала **«Русская Старина»**, Фонтанка, д. № 18, кв. № 6.

Въ „РУССКОЙ СТАРИНѢ" помѣщаются:

I. Записки и воспоминанія—II. Историческія изслѣдованія, очерки и разсказы о цѣлыхъ эпохахъ и отдѣльныхъ событіяхъ русской исторіи, преимущественно XVIII-го и XIX-го в.в.—III. Жизнеописанія и матеріалы къ біографіямъ достопамятныхъ русскихъ дѣятелей: людей государственныхъ, ученыхъ, военныхъ, писателей духовныхъ и свѣтскихъ, артистовъ и художниковъ.—IV. Статьи изъ исторіи русской литературы и искусства: переписка, автобіографія, замѣтки, дневники русскихъ писателей и артистовъ.—V. Отзывы о русской исторической литературѣ—VI. Историческіе разсказы и преданія.—Челобитныя, переписка и документы, рисующіе бытъ русскаго общества прошлаго времени.—VII. Народная словесность.—VIII. Родословія.

Редакція отвѣчаетъ за правильную доставку журнала только передъ лицами, подписавшимися въ редакціи.

Въ случаѣ неполученія какого-либо № журнала, подписчики должны немедленно же по полученіи слѣдующей книжки присылать въ редакцію заявленіе о неполученіи предыдущей. ***По истеченіи же 3-хъ мѣсяцевъ со времени выхода пропавшаго № редакція никакихъ жалобъ не принимаетъ***, т. к. послѣ этого времени почтовому вѣдомству трудно навести справки.

Рукописи, доставленныя въ редакцію для напечатанія, подлежатъ въ случаѣ надобности сокращеніямъ и измѣненіямъ; признанныя неудобными для печатанія сохраняются въ редакціи въ теченіе года, а затѣмъ уничтожаются.—Обратной высылки рукописей ихъ авторамъ редакція на свой счетъ не принимаетъ.

☛ Можно получать въ конторѣ редакціи **„Русскую Старину"** за слѣдующіе годы: 1876—1880 по **8** рублей; 1881 г., 1884 г., 1885 г. и съ 1888—1907 по **9** рублей.

ПРОДАЕТСЯ КНИГА

„МИХАИЛЪ ИВАНОВИЧЪ СЕМЕВСКІЙ,

ЕГО ЖИЗНЬ И ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ",

съ предисловіемъ и подъ редакц. Н. К. Шильдера. Цѣна 2 р. съ пересылкою. Съ требованіемъ обращаться: С.-Петербургъ, В. Подъяческая ул., д. 7.

Редакторъ-издатель **П. Вороновъ**. Тип. «Надежда», СПБ. Почтамтская, 13.

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ

ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ.

Годъ XXXIX-й. ІЮНЬ. 1908 годъ.

СОДЕРЖАНІЕ:

Принимается подписка на „Русскую Старину" изд. 1908 года.

Пріемъ по дѣламъ редакц. по понедѣльникамъ и четвергамъ отъ 1 ч. до 3 ч. пополудни.

Редакція помѣщается въ С.-Петербургѣ на Фонтанкѣ д. № 18. Телефонъ 37—66.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія «Надежда». Морская, 65.

1908.

Библiографическiй листокъ.

С. Н. Шубинскiй. Историческiе очерки и разсказы. Изданiе 5-ое. Спб. 1908 г.

Сборникъ разсказовъ г. Шубинскаго очень популяренъ, и съ 1869 г. разошлись уже четыре изданiя его, что для большой и объемистой книги—совсѣмъ не малый успѣхъ. Вышедшее недавно пятое изданiе исправлено и пополнено десяткомъ новыхъ статей и нѣсколькими рисунками. Авторъ пользуется заслуженной репутацiей занимательнаго историческаго повѣствователя, умѣющаго безъ излишняго вымысла придавать живость старинѣ и избѣгать сухости. Онъ знаетъ и любитъ старый бытъ, преимущественно XVIII вѣка, и подъ его перомъ возродился цѣлый рядъ интересныхъ фигуръ—героевъ „случая", самодуровъ, чудаковъ, авантюристовъ, кутилъ. Учащейся молодежи книга особенно полезна, какъ такое чтенiе, которое можетъ незамѣтно прiохотить къ занятiямъ исторiей.

Г. К. Градовскiй. Итоги. (1862—1907). Кiевъ. 1908 г.

Почтенный публицистъ, праздновавшiй недавно сорокапятилѣтiе своей литературной дѣятельности, выпустилъ сборникъ избранныхъ своихъ статей, въ которыхъ подвелъ „итоги" пережитому и передуманному въ теченiе почти полувѣка. Сборникъ стараго писателя посвященъ „другу-читателю" и открывается трогательнымъ обращенiемъ къ тѣмъ, „которые переживали съ авторомъ немногiе свѣтлые дни и долгiе сумрачные годы, перечувствовали мало радостей и извѣдали обилiе горя общественнаго"; къ тѣмъ, „кто горячо любитъ великую, свѣтозарную русскую литературу и по ея завѣтамъ стремится къ свободѣ и справедливости"... И имя Г. К. Градовскаго, и одухотворяющiя все имъ написанное идеи общеизвѣстны, и говорить о книгѣ подробно мы не будемъ. Скажемъ лишь, что не всякiй газетный работникъ,—а Градовскiй печатался почти исключительно въ газетахъ,—можетъ разсчитывать на такую живучесть своихъ статей. Публицистическiй талантъ Градовскаго такъ глубокъ и силенъ, что придаетъ особую жизненность его небольшимъ статьямъ и фельетонамъ; въ случайномъ и эпизодическомъ онъ всегда умѣетъ показать общее и коренное. Темпераментъ Градовскаго энергиченъ и настойчивъ, и съ рѣдкимъ упорствомъ, несмотря ни на какiя внѣшнiя препятствiя, онъ всегда неуклонно и послѣдовательно проводилъ благородныя идеи въ русское общественное сознанiе. Статьи и фельетоны тридцатилѣтней давности кажутся свѣжими и читаются съ интересомъ. Если бы составить хрестоматiю русской публицистики, они бы заняли въ ней одно изъ самыхъ видныхъ мѣстъ. Въ „Итоги" вошли историко-политическiя статьи („Роковое пятилѣтiе", „Восточная война", „Итоги войны", „Бюрократизмъ" и др.), очерки изъ исторiи печати („Русское Обозрѣнiе", „Два документа"), воспоминанiя автора, фельетоны. Желаемъ, чтобы успѣхъ I тома „Итоговъ" внушилъ автору мысль продолжать свой сборникъ.

Сочиненiя **Пушкина**. Изданiе Императ. Академiи Наукъ. Переписка подъ ред. и съ примѣч. **В. И. Саитова**. Т. II. Спб. 1908 г.

Первому тому саитовскаго изданiя переписки Пушкина мы посвятили въ свое время статью, въ которой отмѣтили заслугу редактора этого образцоваго собранiя, дающаго такъ много новаго и интереснаго о Пушкинѣ. Теперь мы можемъ лишь повторить этотъ отзывъ. Работа г. Саитова поражаетъ своей тщательностью и полнотою. Обезображенный и подчасъ урѣзанный прежними изданiями текстъ писемъ Пушкина провѣренъ по подлинникамъ и возстановленъ во всей точности, что помогаетъ изученiю пушкинской орѳографiи и фонетики. Новыхъ писемъ и записокъ Пушкина находимъ десятка полтора—къ П. П. Каверину, А. А. Муханову, кн. В. Ѳ. Вяземской, кн. П. А. Вяземскому, къ родителямъ, Н. С. Алексѣеву, М. Д. Деларю, Д. Н. Блудову и друг. Писемъ разныхъ лицъ къ Пушкину болѣе двадцати. Въ одномъ письмѣ къ Вяземской, впервые изданномъ В. И. Саитовымъ (№ 471), Пушкинъ сообщаетъ своей прiятельницѣ въ концѣ августа 1830 г.: „Я уѣзжаю, порвавъ съ госпожей Гончаровой". (Рѣчь идетъ, конечно, о матери невѣсты). „На другой день послѣ бала она устроила мнѣ самую смѣшную сцену, какую только можете себѣ представить. Она наговорила мнѣ такихъ вещей, что я по совѣсти не могъ ихъ слушать. Не знаю еще, разошлась ли моя свадьба, но поводъ къ этому есть, и я оставилъ двери раскрытыми настежь... Что за проклятая штука это счастье!.." Незадолго до женитьбы поэтъ писалъ своему кишиневскому другу Алексѣеву: „Ты не узналъ бы меня. Я обросъ бакенбардами, остригся подъ гребешокъ, остепенился, обрюзгъ,—но это еще ничего—я сговоренъ, душа моя, сговоренъ и женюсь. И непремѣнно дамъ тебѣ знать, что такое женатая жизнь". С. Д. Кисе-

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

НА ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ

„РУССКАЯ СТАРИНА"

на 1908 годъ.

Вступая въ 1908 году на тридцать девятый годъ своего существованія, „**Русская Старина**", благодаря измѣнившимся условіямъ цензуры, извлекаетъ изъ своего архива цѣлый рядъ цѣнныхъ записокъ и даетъ мѣсто особенно интереснымъ воспоминаніямъ, а также исторически обработаннымъ матеріаламъ и подлиннымъ документамъ.

Имѣя въ виду современныя условія общественной жизни Россіи, редакція предпринимаетъ цѣлый рядъ мѣръ къ обновленію и расширенію журнала.

Сохраняя своихъ прежнихъ, многочисленныхъ, сотрудниковъ, редакція получила согласіе на помѣщеніе въ журналѣ трудовъ слѣдующихъ лицъ: Е. К. Андреевскаго, Е. А. Боброва, И. Н. Божерянова, Н. Д. Бутовскаго, Н. Н. Вельяминова, К. А. Военскаго, А. А. Голомбіевскаго, С. М. Горяинова, Г. К. Градовскаго, П. Я. Дашкова, Н. М. Затворницкаго, Е. С. Каменскаго, Н. Н. Каразина, Ю. С. Карцова, В. О. Ключевскаго, А. Ѳ. Кони, Н. О. Лернера, П. М. Майкова, П. Д. Паренсова, Пирлинга, С. Ф. Платонова, М. А. Поліевктова, В. Ф. Руднева, В. И. Саитова, Д. А. Скалона, М. К. Соколовскаго, Т. О. Соколовской, А. И. Успенскаго, Д. И. Успенскаго, И. А. Шляпкина, Е. С. Шумигорскаго, Н. Д. Чечулина, А. И. Фаресова и др.

Въ 1908 году будутъ напечатаны:

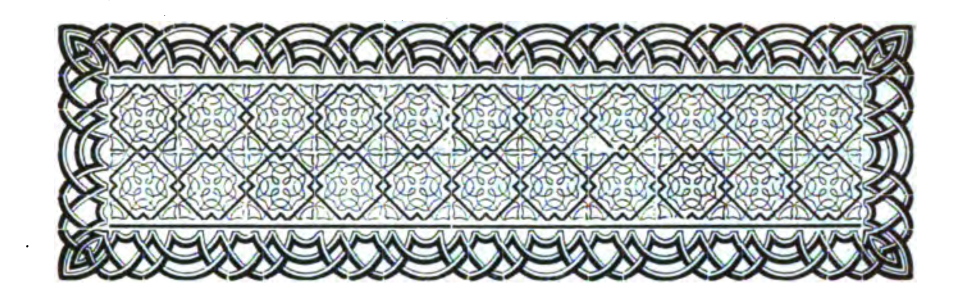
А. Ѳ. Кони—„Изъ замѣтокъ и воспоминаній судебнаго дѣятеля" и „Житейскія встрѣчи", **Г. К. Градовскаго**—„Изъ минувшаго", Дневникъ академика В. П. Безобразова—**М. В. Безобразовой**. **Ю. С. Карцова**—„За кулисами дипломатіи", **П. Д. Паренсова**—„Изъ прошлаго", воспоминанія—**Д. А. Скалона**, записки генерала **Домонтовича**, «Война за независимость славянъ 1877—1878 гг.» **П. Д. Зотова**, **А. Бѣломора**—«Изъ русско-японской войны»—**Детлова**. Въ походѣ и въ бою на «Владимірѣ Мономахѣ». 11 лѣтъ въ театрѣ—**И. Оноре**, записки основателя „Русской Старины"—**М. И. Семевскаго**, воспоминанія **Тургенева**, **Де-Санглена**, **А. Ф. Петрушевскаго**, воспоминанія командира „Варяга"—**В. Ф. Руднева**, переписка—композитора **А. Н. Сѣрова**, письма **П. И. Чайковскаго**, воспоминанія—Веселовскаго, Леваковскаго, Никитина, воспоминанія изъ русско-японской войны и изъ жизни духовенства и др.

По примѣру прежнихъ лѣтъ, въ журналѣ будутъ помѣщаться портреты выдающихся русскихъ дѣятелей. Журналъ, какъ и прежде, будетъ выходить 1-го числа каждаго мѣсяца.

Подписная цѣна на годъ 9 руб. съ пересылкой.

Книгопродавцамъ, принимающимъ подписку, дѣлается уступка по 30 к. съ экземпляра.

Подписка принимается въ С.-Петербургѣ, Фонтанка, д. № 18

За кулисами дипломатіи.

ГЛАВА VI [1]).

Карцовъ въ Петербургѣ.—Совѣщаніе 16-го ноября 1875 г.—Карцовъ предлагаетъ двѣ дивизіи расформировать и отправить въ Сербію.—Рѣзкій отпоръ великаго князя Николая Николаевича.—Аудіенція Карцова у Императрицы Маріи Александровны.—Положеніе Карцова поколеблено.—Командированіе генерала Никитина въ Сербію.—Неуспѣхъ его миссіи.—Сербы пробуютъ выманить у Никитина милліонъ.—Столкновеніе Карцова съ Никитинымъ.—Отозваніе Никитина.—Доносъ Снѣсарева.—Константинопольская конференція.—Генералъ Н. П. Игнатьевъ и графъ Андраши.—Каверза Милана.—Дѣятельность „Одбора“. — Равнодушіе петербургскихъ сферъ къ „Одбору“.—Частное письмо Карцова Гирсу, показанное Государю.—Генералъ Фадѣевъ въ Бѣлградѣ.—Политика невмѣшательства въ сербскія дѣла.—Отозваніе Карцова изъ Бѣлграда.—Причины его паденія.—Карцовъ—генеральный консулъ въ Парижѣ.—Его значеніе и популярность.—Выходъ въ отставку, болѣзнь, кончина и погребеніе.—Отзывъ газеты „Temps“.

Въ первыхъ числахъ ноября 1876 г. выѣхалъ А. Н. Карцовъ съ женою изъ Бѣлграда. На пароходѣ съ нимъ вмѣстѣ ѣхали: сербскій чрезвычайный уполномоченный Мариновичъ, французскій дипломатическій агентъ въ Бѣлградѣ де-Кержэгю; дѣлопроизводитель азіатскаго департамента Григорій де-Волланъ, корреспондентъ Юлій Шрейеръ и пишущій эти строки. Въ Вѣнѣ онъ засталъ Новикова въ настроеніи крайне угнетенномъ, подавленнымъ обвиненіями печати, упрекавшей его въ недостаткѣ патріотизма и угодничествѣ передъ Австріею. Получивъ отъ него экспедицію, пріѣхавъ въ Петербургъ, Карцовъ прямо съ поѣзда явился къ князю Горчакову. Канцлеръ немедленно доложилъ Государю: „M. Kartzow est chez moi, mais en habit de voyage. Marinovitch est à St. Pétersbourg. Quels sont les ordres de Votre Majesté Impériale pour les recevoir demain ou tout autre jour? J'ai dit à Kartzow de se présenter à Monseigneu le grand Duc Nicolas dès qu'il aura été aux pieds de Votre

[1]) См. «Русск. Стар.», май 1908 г.

Majesté“. На докладѣ высочайшая резолюція: „Il peut le faire dès à présent“. Въ тотъ же день послѣ полуночи Карцовъ былъ принятъ великимъ княземъ и изложилъ его высочеству безпомощное положеніе Сербіи и необходимость защитить ее, въ виду угрожающаго турецкаго войска.

Въ автобіографической замѣткѣ вотъ какъ разсказываетъ Карцовъ прибытіе въ Петербургъ, первые шаги и впечатлѣнія:

„Въ ноябрѣ Карцовъ былъ вызванъ въ Петербургъ, имѣлъ въ Царскомъ Селѣ нѣсколько аудіенцій у Государя и тамъ же, 16-го того же мѣсяца, присутствовалъ на совѣщаніи, бывшемъ подъ личнымъ Его Величества предсѣдательствомъ. Здѣсь Карцовъ громко вновь высказалъ мнѣніе, что желаемой цѣли можно достигнуть безъ оффиціальнаго разрыва съ Портою, на что получилъ рѣзкое возраженіе отъ великаго князя Николая Николаевича, уже тогда назначеннаго главнокомандующимъ. Государь же предоставлялъ свободно высказываться всякому. Между прочими мѣропріятіями, на совѣщаніи этомъ было рѣшено командированіе въ Бѣлградъ, для военной организаціи Сербіи, комиссіи подъ начальствомъ ген.-лейтенанта Никитина и ассигнованіе милліона рублей на расходы по этой организаціи, но подъ контролемъ Карцова и спеціально командированнаго чиновника министерства финансовъ—Рихтера“.

Военно-дипломатическое совѣщаніе 16-го ноября происходило въ синей изразцовой залѣ. Государь Александръ Николаевичъ къ Карцову по-прежнему относился весьма милостиво: передъ засѣданіемъ, прогуливаясь съ нимъ по залѣ, онъ разсказалъ ему ея исторію, относящуюся къ эпохѣ Императрицы Екатерины II. Въ совѣщаніи принималъ участіе и будущій завѣдывающій Гражданскимъ Управленіемъ въ Болгаріи—князь В. А. Черкасскій. Воспользовавшись удобною минутою, Карцовъ попросилъ слова и предложилъ—расформировать двѣ дивизіи и отправить ихъ въ Сербію. Недовольнымъ тономъ перервалъ его великій князь Николай Николаевичъ: „Это было бы несогласно съ военною дисциплиною и совершенно невозможно“. Оставшись съ княземъ Горчаковымъ наединѣ, Карцовъ обратился къ нему съ вопросомъ: „je crois que j'ai fait une gaffe?“ „Pas du tout, mon cher“, отвѣчалъ старый канцлеръ „nous étions là pour dire notre opinion“.

Вслѣдъ затѣмъ, Карцовъ былъ принятъ Императрицею Маріею Александровною. Аудіенція длилась чрезвычайно долго. Государыня разспрашивала про общее положеніе Сербіи, а въ особенности про дѣятельность санитарнаго отряда Краснаго Креста и уполномоченнаго тайнаго совѣтника Токарева. Газеты нападали на Токарева за скаредность и обвиняли его въ корыстолюбіи. Токарева Карцовъ ха-

рактеризовалъ какъ чиновника-формалиста, но человѣка честнаго и добросовѣстнаго. Въ эту минуту изъ-за ширмы показалась стройная фигура самого Государя.

— Ну что, доволенъ ли ты мною?—благосклонно обратился онъ къ Карцову.

— Ваше Императорское Величество! нельзя было добрѣе и милостивѣе отнестись къ Сербіи.

— Я назначилъ въ твое распоряженіе милліонъ рублей.

— Ваше Императорское Величество! осмѣлюсь просить особаго чиновника для отчетности.

— Ну, это ты устройся съ Рейтерномъ.

Несмотря на милостивое обращеніе Государя, Карцовъ на этотъ разъ оставлялъ Петербургъ уже не съ прежнею увѣренностью. Наслѣдникъ цесаревичъ былъ съ нимъ холоденъ и не сказалъ ему ни слова. Въ отношеніяхъ Императрицы Маріи Александровны и графини А. Д. Блудовой чувствовалась сдержанность, которой раньше не было. Въ свою очередь, Государыня Императрица жаловалась на Карцова—онъ рѣзкостью сужденій перешелъ черту придворнаго этикета и ее шокировалъ. „Il est trop passionné", говорила она потомъ про него. Въ дѣйствительности, Карцовъ былъ виноватъ тѣмъ, что въ донесеніяхъ своихъ, показавъ сербовъ, каковы они на дѣлѣ, онъ неосторожно задѣлъ сантиментальныя чувства высокопоставленныхъ патріотовъ и разорвалъ пелену условнаго обмана, въ славянофильскихъ кругахъ считавшагося обязательнымъ.

Въ составъ отъѣзжавшей въ Сербію чрезвычайной военной миссіи вошли: генералъ Никитинъ, съ нимъ три офицера: полковники Шепелевъ, Бобриковъ и Снѣсаревъ. Въ качествѣ финансоваго контролера былъ назначенъ товарищъ и однокурсникъ по лицею—А. А. Рихтеръ. Расходованіе суммъ должно было производиться коллегіально Карцовымъ, генераломъ Никитинымъ и сербскимъ военнымъ министромъ Груичемъ.

Въ Петербургѣ ублажали себя мыслью—Сербія кругомъ обязана Россіи, которая только-что предъявленіемъ Турціи ультиматума остановила побѣдоносное турецкое войско. Братскую помощь Россіи,—въ какихъ бы размѣрахъ и формѣ она ни послѣдовала,—сербы должны были принять съ восторгомъ.—Между тѣмъ, Сербіи угрожала опасность,—по окончаніи перемирія, турки вторгнутся, пройдутъ по странѣ и разорятъ ее до тла. Въ эту минуту, графъ Андраши далъ понятъ Сербіи—фактически ея судьбами располагаетъ Австро-Венгрія, а не Россія. Князь Миланъ въ промеморіи заявляетъ русскому дипломатическому агенту:

„Князь считаетъ своею обязанностью довести до свѣдѣнія князя

Горчакова,—графъ Андраши уполномочилъ Мариновича откровенно подъ секретомъ передать князю Милану,—буде Россія захочетъ воспользоваться Сербіею, какъ операціонною базою для прохода войскъ, Австро-Венгрія подобное дѣйствіе приметъ за нарушеніе Парижскаго трактата, въ свою очередь, симъ трактатомъ, по существу нарушеннымъ, въ отношеніи Сербіи не будетъ себя считать связанною. Этого мало: изъ словъ графа Андраши выходитъ, въ случаѣ войны Россіи съ Турціею, Австро-Венгрія сохраняетъ власть и право оккупировать Сербію, даже если бы русскія войска и не прошли бы черезъ сербскую территорію".

Итакъ Сербіи грозила бѣда не только со стороны Турціи, но, въ предположеніи предостереженія графа Андраши были не пустою угрозою, и со стороны, яко бы русской союзницы, Австро-Венгріи. Ну, а генералъ Никитинъ, кромѣ собственной особы, трехъ офицеровъ и милліона рублей денегъ, что же приносилъ онъСербіи? Несмотря на высокій рангъ и оффиціальныя полномочія, по существу онъ былъ такой же agent provocateur, какъ и его предшественникъ—генералъ Черняевъ. Въ промеморіи князь Миланъ обращаетъ вниманіе русскаго правительства—общественное мнѣніе въ Сербіи болѣе чѣмъ когда-либо настроено противъ войны и единственно надежда на общность дѣйствій съ Россіею можетъ заставить Сербію воевать. А потому, князь Миланъ настаивалъ, чтобы до 20-го декабря двѣ русскія дивизіи высадились въ Кладово.

Но, какъ мы видѣли, на совѣщаніи 16-го ноября предложеніе Карпова—расформировать и послать въ Сербію двѣ дивизіи—вызвало рѣзкое замѣчаніе великаго князя Николая Николаевича. Очень понятно, Карцовъ вторично не сунулся и настояніе князя Милана въ Петербургъ не передалъ. Что же бы, однако, вышло, если бы въ самомъ дѣлѣ, двѣ дивизіи, въ видѣ пассажировъ, были переправлены въ Сербію? Осталось ли бы турецкое войско въ бездѣйствіи или перешло бы въ наступленіе? Ограничилась ли Австро-Венгрія выраженіемъ неудовольствія, или ея противодѣйствіе получило бы характеръ болѣе опредѣленный? Все это вопросы, разумѣется, гадательные. Съ чисто военной точки зрѣнія, эти двѣ дивизіи для сербской милиціи послужили бы кадрами, и такимъ способомъ въ Сербіи образовалась бы значительная сила, которая на ходъ событій возымѣла бы вліяніе весьма важное. Уже одно то, что Сербія приковала бы къ себѣ вниманіе Виддинскаго корпуса Османа-паши и помѣшала бы движенію къ Плевнѣ.

Съ первыхъ шаговъ генерала Никитина въ Бѣлградѣ наглядно проявилась ложность его положенія. Въ промеморіи, написанной,

надо думать, по внушенію Карцова и предназначенной для сообщенія совѣту министровъ, цѣль и характеръ миссіи генерала Никитина князь Миланъ опредѣляетъ слѣдующимъ образомъ:

„Въ виду неизвѣстности, что принесетъ съ собою (Константинопольская) конференція—войну или миръ, Россія желала бы предохранить Сербію отъ нашествія турокъ. Посему на г. Карцова возложено, совмѣстно съ генераломъ Никитинымъ, который спеціально присланъ для военной организаціи съ матеріальными средствами ad hoc, сговориться съ сербскимъ правительствомъ о мѣрахъ къ предотвращенію опасности. Г. Карцовъ заявляетъ категорически: Россія въ данную минуту никакой стратегической выгоды не ищетъ и, въ случаѣ войны съ Турціею, можетъ вполнѣ обойтись безъ содѣйствія Сербіи. Полная свобода предоставляется Сербіи — принять или отклонить русскія предложенія. Если Сербія думаетъ обойтись собственными средствами, пусть она заявитъ тотчасъ, и Россія избѣгнетъ крупныхъ расходовъ. Если же Сербія русскую помощь принимаетъ, русское правительство ожидаетъ отъ сербскаго правительства поддержку откровенную и честную“.

Вопросъ—желательны ли сербамъ услуги генерала Никитина или нѣтъ—Карцовъ ставилъ ребромъ и вынуждалъ сербское правительство на него отвѣтить. Если да,—генералъ Никитинъ немедленно приступитъ къ дѣлу, если нѣтъ,—ему ничего не останется, какъ изъ Бѣлграда выѣхать. Дѣйствуя столь рѣшительно, Карцовъ не хотѣлъ генералу Никитину дать запутаться въ сербскихъ интригахъ, подобно тому, какъ, десять лѣтъ спустя, сдѣлался жертвою болгарскихъ козней другой русскій генералъ—Н. В. Каульбарсъ.

Сербскіе министры, конечно, весьма рады были бы отъ генерала Никитина отдѣлаться, но съ другой стороны, чрезвычайно лакомымъ имъ представлялся привезенный генераломъ милліонъ. И вотъ для русскихъ денегъ придумываются разныя помѣщенія. Въ автобіографической замѣткѣ, на этотъ счетъ, мы находимъ подробности весьма любопытныя.

...Никитинъ выказалъ такую безтактность, что Карцовъ былъ всецѣло возмущенъ его направленіемъ и образомъ дѣйствій. Съ сербскими интендантами онъ держалъ себя какъ бы подчиненный, чѣмъ послѣдніе пользовались для возможно быстрѣйшаго расхищенія русскаго милліона и, подъ предлогомъ вооруженій, дѣлали на этотъ фондъ заказы: въ Венгріи сѣна, которымъ изобиловала сама Сербія, безсмысленный въ Буда-Пештѣ заказъ восьми тысячъ резиновыхъ калошъ и т. п. Самъ онъ, безъ стыда, выпросилъ себѣ, по случаю Новаго года, сербскую ленту. Обо всемъ этомъ Карцовъ

извѣщалъ государственнаго канцлера, и уже съ начала февраля Никитинъ и его комиссія были отозваны. Рихтеръ увезъ обратно въ Россію около 850 тыс., оставшихся отъ милліона. Уличенный въ неудачномъ своемъ выборѣ, военный міръ изобличителю своему этого не простилъ. Пошли по Петербургу всякія сплетни и навѣты, имѣвшіе цѣлью дискредитировать Карцова во мнѣніи Государя. Съ другой стороны и Миланъ былъ золъ на него за высылку обратно въ Россію почтенныхъ остатковъ русскаго милліона".

Съ генераломъ Никитинымъ Карцовъ не церемонился и въ глаза высказывалъ ему горькую правду. Одинъ изъ сподвижниковъ Никитина, полковникъ Снѣсаревъ не побрезгалъ подать на Карцова доносъ,—будто онъ публично напивается пьянымъ. По приказанію князя Горчакова, старшій совѣтникъ А. С. Энгельгардтъ, по предмету доноса, запросилъ Карцова шифромъ. Тотъ отвѣчалъ приблизительно такъ: „Поводомъ къ обвиненію послужилъ военный завтракъ въ Топчидере. Присутствовавшіе много пили, въ томъ числѣ—князь Миланъ. Почувствовавъ себя нехорошо, я удалился въ кабинетъ родственника князя, Германи, и посидѣлъ немного въ креслахъ".

На требованія конференціи державъ въ Константинополѣ Порта отвѣтила отказомъ. Результатъ этотъ неожиданнымъ не былъ, и его предвидѣлъ генералъ Игнатьевъ, когда въ письмѣ отъ 25-го октября 1876 г. онъ писалъ Карцову:

„...Васъ извѣстили, конечно, изъ Ливадіи касательно установленной программы дѣйствій. Государь въ Москвѣ. Тамъ будетъ объявлена мобилизація войскъ южныхъ округовъ. Къ концу перемирія мы будемъ готовы вступиться за нашихъ единовѣрцевъ съ оружіемъ въ рукахъ, если дѣло не устроится на конференціи. Англія предложила созвать конференцію въ Константинополѣ на основаніи прежнихъ bases anglaises. Сомнѣваюсь въ успѣхѣ. Мѣсто выбрано неудачно".

Постановленіями константинопольской конференціи болѣе всѣхъ остался недоволенъ графъ Андраши. Онъ находилъ, что они явно направлены въ ущербъ независимости и развитію греческаго населенія и въ поощреніе исключительно „русскихъ и всеславянскихъ интересовъ". Тѣмъ не менѣе, протоколы конференціи, включая статью о границахъ автономной Болгаріи, австрійскіе уполномоченные, съ видимою неохотою, но все-таки подписали.

Что же вѣнскій кабинетъ заставляло поступать наперекоръ убѣжденію? Дѣло въ томъ, что согласіе Австро-Венгріи имѣло значеніе казовое pro forma. О томъ, что на Балканскомъ полуостровѣ она не допуститъ образованія ни славянскаго, ни иного значитель-

наго государства—Австро-Венгрія заявляла и въ Рейхштадтѣ на свиданіи монарховъ, и царскому посланцу графу Сумарокову-Эльстонъ, и канцлеру князю Горчакову, и русскому послу въ Вѣнѣ—Новикову. Если же въ Константинополѣ на конференціи она приступила къ общей программѣ,—сдѣлала она это, единодушія державъ яко бы не желая разстраивать. Не вѣрнѣе ли предположить: коснувшись больного мѣста, австрійская дипломатія побоялась возбудить подозрительность генерала Игнатьева и навести его на слѣдъ переговоровъ, которые, за его спиною, между Петербургомъ и Вѣною велись сокровенно. Когда же, годъ спустя, о существованіи секретной конвенціи 3-го января 1877 года узналъ генералъ Игнатьевъ, онъ возмутился и совершившемуся факту покориться не захотѣлъ. Какова бы ни была юридическая сила конвенціи,—для генерала Игнатьева словно ея не было вовсе: она была nulle et non avenue. Единственно законными онъ признавалъ акты Константинопольской конференціи, одобренные и подписанные представителями шести великихъ державъ. Въ мартѣ 1878 года онъ ѣздилъ въ Вѣну, гдѣ по вопросамъ Босніи и Герцеговины и границъ Болгаріи съ графомъ Андраши у него произошло продолжительное и чрезвычайно бурное объясненіе. Замѣчательное діалектическое искусство генерала Игнатьева разбилось о предубѣжденіе его противника. Держась точекъ зрѣнія совершенно различныхъ,—одинъ Константинопольской конференціи, другой—Рейхштадтскаго соглашенія и конвенціи 3-го января 1877 года, генералъ Игнатьевъ и графъ Андраши изображали двѣ параллельныя линіи, которыя не сходятся уже потому, что онѣ параллельны.

Покончивъ съ генераломъ Никитинымъ, Карцовъ дѣятельно принялся отсылать добровольцевъ въ Россію, раздавать пособія raненымъ и т. п. При генеральномъ консульствѣ было основано благотворительное общество, получившее по-сербски названіе „Одборъ". Въ составъ его вошли: Карцовъ, Лодыженскій и Рихтеръ. Миланъ и Ристичъ, потерявъ надежду что-либо отъ Россіи получить, начали творить пакости. Миланъ, воспользовавшись довѣрчивостью Карцова, подвелъ его безсовѣстнѣйшимъ образомъ. Про эту каверзу Милана въ автобіографической замѣткѣ Карцовъ повѣствуетъ:

„...Миланъ просилъ Карцова не отказать ему въ личной поддержкѣ передъ политическими дѣятелями, изъ которыхъ онъ замыслилъ образовать новое (министерство). Считая людей, намѣченныхъ княземъ, подходящими къ обстоятельствомъ, Карцовъ довѣрчиво отнесся къ просьбѣ и успѣшно ее исполнилъ, какъ вдругъ получилъ отъ канцлера телеграмму слѣдующаго содержа-

нія: Empereur vous défend de vous mêler de la politique intérieure de la Serbie.

Грозное высочайшее повелѣніе объяснялось тѣмъ, что, съ одной стороны, упрашивая Карцова привлечь въ новую министерскую комбинацію такихъ-то, Миланъ одновременно поручилъ своему агенту въ Петербургѣ спросить канцлера—дѣйствительно ли Императорское правительство настаиваетъ на томъ, чтобы такіе-то сдѣлались министрами?..

...Много лѣтъ спустя, съ тѣмъ же Миланомъ, уже отставнымъ королемъ, завтракая вдвоемъ въ Café Anglais, Карцовъ вызвалъ своего развѣнчаннаго собесѣдника на откровенное объясненіе по этому плачевному эпизоду. „Eh bien, franchement, mon cher Kartzow, j'en avais assez de votre joug et de votre tutelle, qui me pesaient par trop, et je vous ai imaginé cette crasse, spéculant sur votre nervosité qui vous amènerait à quelque coup de tête“.

22-го марта 1877 г. на Бѣлградскихъ улицахъ были расклеены объявленія о томъ, что добровольцы должны покинуть Сербію въ 48 час., въ противномъ случаѣ, они будутъ посажены въ тюрьму. Если бы не „Одборъ“, который поспѣшилъ на помощь, положеніе добровольцевъ оказалось бы самое безвыходное. На „Одборъ“ и его дѣятелей распространялись клеветы и сыпались обвиненія. Такъ, напримѣръ, сербскія газеты утверждали, что Рихтеръ не русскій, а нѣмецъ. Только благодаря тому, что Карцовъ озаботился для отчетности выпросить чиновника министерства финансовъ, онъ избѣгъ обвиненія въ лихоимствѣ.

Труды „Одбора“ прошли въ Петербургѣ незамѣченными. Ликвидировать наслѣдство военнаго времени—занятіе столь же безотрадное, какъ прибирать битую посуду, мести и вентилировать комнату послѣ кутежа. Рихтеръ писалъ Карцову отъ 4-го іюля 1877 г.

„...Всѣ отчеты по „Одбору“ я сдалъ вмѣстѣ съ привезенными обратно деньгами. Все оказалось въ полномъ порядкѣ (для казны, а не для меня: я приплатилъ крѣпко). Полагаю, что и контроль, куда счеты уже поступили, не найдетъ къ чему придраться. Подписи твоей на счетахъ „Одбора“ не потребовалось. Вмѣсто одобренія, о которомъ ты помазалъ меня по губамъ, я встрѣтилъ здѣсь полнѣйшее равнодушіе и ѣду завтра на подножный кормъ въ деревню“.

Подъ гнетомъ, окружавшихъ его, тяжелыхъ обстоятельствъ, Карцовъ товарищу министра, Н. К. Гирсу написалъ письмо, на заголовкѣ котораго стояло: личное и довѣрительное. Тѣмъ не менѣе, Гирсъ счелъ нужнымъ показать его канцлеру, тотъ—Государю. Карцовъ имѣлъ неосторожность напомнить—въ свое время—онъ пред

лагалъ расформировать двѣ дивизіи и отправить ихъ въ Сербію. Противъ этого мѣста значилась высочайшая отмѣтка:—это было бы неприлично.—Затѣмъ, онъ описывалъ денежную нечистоплотность, господствовавшую въ добровольческомъ станѣ, и выражалъ сожалѣніе, что великое дѣло освобожденія христіанъ позорится подобными явленіями. Государь поставилъ высочайшее „да" съ восклицательнымъ знакомъ. Какъ впослѣдствіи оказалось, разоблаченія Карцова, затрогивавшія честь военнаго мундира, очень не понравились военному министру Д. А. Милютину, тогда всемогущему. Гирсъ отвѣчалъ письмомъ отъ 4-го марта 1877 г.:

„Хотя письмо ваше отъ 12 февр. 1877 г. совершенно довѣрительно и personnelle, но въ виду важности изложенныхъ вами фактовъ, объясняющихъ весьма обстоятельно положеніе дѣлъ и направленіе, которому вы слѣдовали—я не могъ не сообщить его канцлеру. Я увѣренъ, что этимъ оказалъ я и лично вамъ услугу, потому что объясненія ваши по многимъ предметамъ, доходившимъ сюда косвенными путями, показываютъ правильность вашихъ дѣйствій. Нѣтъ сомнѣнія, что положеніе ваше было крайне затруднительно и уберечься отъ непріятностей было почти невозможно, въ особенности при такомъ наплывѣ соотечественниковъ всякаго свойства. Неудивительно, что между ними нажили вы себѣ нѣсколько враговъ...

...Повидимому, мы приближаемся къ мирному исходу настоящаго кризиса. Поѣздка Игнатьева будетъ, вѣроятно, успѣшна, но затрудненія, встрѣчаемыя въ переговорахъ между Турціею и Черногоріею, могутъ испортить дѣло...

...Какъ я уже о томъ телеграфировалъ, Протичъ не имѣетъ почти никакихъ сношеній съ нашимъ министерствомъ, и никто у насъ и не думалъ давать одобрительные отзывы о Ристичѣ, котораго продолжаемъ мы считать вреднымъ человѣкомъ. Только при настоящихъ обстоятельствахъ канцлеръ не считаетъ удобнымъ заботиться о его низверженіи и, вообще, вмѣшиваться во внутреннія дѣла Сербіи".

Отъ 24-го апрѣля 1877 г. Гирсъ пишетъ Карцову.

„Изъ послѣднихъ вашихъ телеграммъ вижу, что вы очень озабочены настоящимъ положеніемъ дѣлъ въ Сербіи и присутствіемъ тамъ Фадѣева; это очень понятно, тѣмъ болѣе, что послѣднее время сношенія ваши съ Петербургомъ были довольно рѣдки.—Дѣло въ томъ, что послѣ разгрома несчастной Сербіи, у насъ болѣе помышляютъ о томъ, какъ бы дать ей возможность залечить свои раны и не втягивать ея въ новыя затрудненія. Между тѣмъ, явился туда Богъ знаетъ какъ и по чьему наущенію Фадѣевъ, о поѣздкѣ кото-

раго въ Сербію мы не имѣли ни малѣйшаго понятія. Подобно Черняеву, онъ подстрекаетъ, конечно, на войну, но вы уже знаете, что никакого порученія отъ насъ онъ не получалъ.—Вы, слѣдовательно. весьма правильно поступили, противодѣйствуя по возможности его проискамъ.

...Поступокъ сербскаго правительства съ графомъ Марковымъ дѣйствительно гадокъ; это не скрылъ я отъ Протича, которому высказалъ всю злобу на Ристича. При другихъ обстоятельствахъ мы были бы гораздо болѣе взыскательны, но теперь не пожелали увеличивать затрудненія князя Милана".

Хотя Гирсъ выше и увѣрялъ, что министерство не имѣетъ почти никакихъ сношеній съ Протичемъ, однако, онъ съ нимъ бесѣдовалъ и выражалъ ему „злобу" на Ристича. Злоба, впрочемъ, платоническая, ибо противъ Ристича какихъ-либо дѣйствій министерство предпринимать было не намѣрено. Относительно Фадѣева, Гирсъ отзывается невѣдѣніемъ и старается, главнымъ образомъ, установить непричастность самого министерства. Вообще, послѣднія его два письма производятъ впечатлѣніе отбоя. Сербія отступаетъ на второй планъ, ея мѣсто, въ заботахъ русскаго правительства, занимаетъ Болгарія.

По многимъ признакамъ чувствуя приближеніе немилости, Карцовъ хотѣлъ ее предупредить и просилъ министерство перевести его генеральнымъ консуломъ куда-нибудь въ Европу. Но катастрофы избѣжать ему не удалось: весною 1876 г. послѣдовало его отозваніе. Будучи по характеру человѣкомъ весьма скромнымъ, Карцовъ никогда и не мечталъ о руководящей роли въ политикѣ. Онъ совѣстливо исполнялъ приказанія своего начальства, а самъ въ донесеніяхъ, чрезвычайно остроумныхъ, давалъ живую картину того, что происходитъ на мѣстѣ. Все шло какъ по маслу: за нимъ утвердилась репутація талантливаго писателя и ловкаго агента. Но вотъ, подъ дуновеніемъ вихря событій, аппаратъ въ центрѣ пересталъ давать опредѣленные отвѣты. Всѣ усилія Карцова добиться ясной директивы были напрасны. При такихъ условіяхъ, спасти, если не дѣло, то себя лично, можно было, только примкнувъ къ одному изъ направленій, чтобы съ нимъ вмѣстѣ выплыть или потонуть. Про Н. П. Шишкина, бывшаго генеральнымъ консуломъ въ Бѣлградѣ передъ А. Н., секретарь Н. Н. Лодыженскій говорилъ: „Этотъ навѣрно бы выслалъ Черняева". Иначе смотрѣлъ П. А. Сабуровъ: „Vous auriez dû, сказалъ онъ А. Н., vous encanailler avec les Serbes comme Ionine s'est encanaillé avec les Monténégrins". Н. П. Игнатьевъ говорилъ со свойственною ему импульсивностью: „Развѣ можно все писать? Я замѣтилъ Государю: какъ могли Вы, Ваше Императорское

Величество, такъ отозваться о сербахъ въ вашей рѣчи въ Кремлѣ? А Государь мнѣ въ отвѣтъ: это меня сбилъ Карцовъ". Но А. Н. въ томъ именно и ставилъ point d'honneur, что онъ исполнитель воли правительства, а не человѣкъ партіи. Въ концѣ концовъ, все противъ него возстало; онъ оказался виновнымъ передъ всѣми. Зимою 1876—1877 г.г. въ Петербургѣ находился сербскій министръ Мариновичъ. Когда ему поставили на видъ, что Сербія начала войну, не испросивъ разрѣшенія русскаго правительства, Мариновичъ вывелъ А. Н. на свѣжую воду, чѣмъ окончательно погубилъ его во мнѣніи Императора Александра II. Представлять оправданія для А. Н. было бы безполезно: оправдаться онъ не оправдался бы, а развѣ бы подвелъ бы другихъ и тѣмъ лишился послѣднихъ доброжелателей. Партія дѣйствія имѣла противъ А. Н. острый зубъ за его нѣсколько ироническое отношеніе къ славянскимъ комитетамъ и добровольческой пугачевщинѣ. Военный министръ Д. А. Милютинъ не прощалъ изобличеній и считалъ задѣтою честь военнаго мундира. Императрица Марія Александровна пожертвовала на Красный Крестъ въ Сербіи 30.000 р. Боясь держать столь крупную сумму въ консульствѣ, А. Н. помѣстилъ ее въ Вѣнскій банкъ, намѣреваясь черпать по мѣрѣ надобности. Государыня Императрица приняла это будто А. Н. отослалъ деньги, потому что не сочувствовалъ пожертвованію. „Если бы вы просто положили эти деньги въ карманъ, говорили А. Н. потомъ въ министерствѣ, вы бы такъ себѣ не повредили, какъ тѣмъ, что ихъ положили въ банкъ".

Въ его несчастіи не покинули А. Н. и ему остались вѣрными канцлеръ князь Горчаковъ и его товарищъ Н. К. Гирсъ. Они видѣли въ немъ честнаго человѣка, усерднаго чиновника, жертву сложныхъ политическихъ обстоятельствъ и ихъ собственной несостоятельности. Желаніе А. Н. было исполнено, онъ былъ назначенъ генеральнымъ консуломъ сначала въ Неаполь, а потомъ и въ Парижъ [1]).

Пребываніе Карцова въ Бѣлградѣ, политическія его удачи, разочарованія и провалъ мы изложили и, вмѣстѣ съ тѣмъ, прослѣдили двойственную негоціацію, которую князь Горчаковъ велъ параллельно: съ европейскимъ концертомъ и Англіею через посредство генерала Игнатьева, и отъ него втайнѣ, съ Австро-Венгріею самолично, при чемъ Германія занимала положеніе благожелательнаго посредника. Въ слѣдующей заключительной главѣ мы опишемъ роковыя для Россіи послѣдствія извилистой политики стараго Маккіавеля. Но,

---

[1]) Ю. Карцовъ. Семь лѣтъ на ближнемъ востокѣ. Стр. 56, 57, 58.

прежде чѣмъ съ Карцовымъ навсегда разстаться, сначала остановимся на его дѣятельности, какъ генеральнаго консула въ Парижѣ, затѣмъ, отмѣтимъ наиболѣе яркія черты духовной его физіономіи и, наконецъ, нѣсколько прощальныхъ строкъ мы посвятимъ его болѣзни, послѣднимъ днямъ жизни, преданію тѣла землѣ и свѣтлой о немъ памяти.

Въ 1881 году назначенный въ Парижъ генеральнымъ консуломъ, Карцовъ эту должность исполнялъ вплоть до 1906 года, когда, застигнутый закономъ о предѣльномъ возрастѣ, онъ вышелъ въ отставку. Посольскіе его коллеги, на первыхъ порахъ, опасались было—онъ, въ качествѣ боевого дипломата, противъ искушенія не устоитъ и пустится въ политику. Но Карцова отъ политики тошнило. „Qu'on me laisse tranquille, j'en ai assez“, всегда отвѣтствовалъ онъ на призывы къ активной дѣятельности. Парижъ онъ любилъ и разставаться съ нимъ не хотѣлъ. Поэтому отъ всякихъ предложеній перевода или повышенія онъ упорно отказывался.

Но и не переступая тѣсныхъ рамокъ консульской службы, сумѣлъ онъ завоевать и укрѣпить за собою положеніе, которымъ до него не пользовался ни одинъ консулъ. Парижскую почву онъ изучилъ до малѣйшихъ подробностей. Къ нему, очень естественно, то и дѣло, обращались за совѣтами, справками или помощью: и посольство, и командированные представители вѣдомствъ, и частные лица: путешественники или дѣловые люди. Политики онъ избѣгалъ; она сама приходила и засиживалась у него въ кабинетѣ. Прямо отъ посла дѣятели политики и прессы считали необходимымъ зайти и къ консулу, дабы, сказанное имъ посломъ, съ нимъ совмѣстно, обсудить и передумать. Для себя Карцовъ не искалъ ничего, а, слѣдовательно, въ большинствѣ случаевъ, былъ нейтраленъ. Обстоятельство это придавало его мнѣніямъ отпечатокъ независимости и безпристрастія. Пріѣзжавшіе въ Парижъ, министры иностранныхъ дѣлъ,—Гирсъ, Шишкинъ, графъ Муравьевъ,—въ Карцовѣ видѣли не чиновника и подчиненнаго, а стараго сослуживца и человѣка имъ близкаго. Съ Шишкинымъ и Муравьевымъ Карцовъ былъ на ты. На интимныхъ свиданіяхъ Муравьева съ французскимъ министромъ иностранныхъ дѣлъ, Делькассэ, въ ресторанѣ или въ театрѣ въ ложѣ, Карцовъ обязательно былъ третьимъ.

Французскія власти, относительно Карцова, въ свою очередь, проявляли деликатность самую отмѣнную. Ему былъ пожалованъ большой офицерскій крестъ Почетнаго Легіона,—степень, которая дается обыкновенно только посланникамъ. На память пребыванія во Франціи Государя Николая Александровича, президентъ республики Феликсъ Форъ подарилъ Карцову небольшое изящное изваяніе работы Севрскаго завода.

Связи свои и вліяніе Карцовъ эгоистично не приберегалъ, а полностью ихъ предоставлялъ интересамъ службы и соотечественниковъ. Во всѣхъ учрежденіяхъ, полицейскихъ и судебныхъ, у него были друзья, которые pour obliger M. Kartzow дѣлали возможное и невозможное. Сколькихъ барынь клептоманокъ, вообразившихъ, что въ Луврѣ или Bon Marché, при страшной давкѣ, за ними никто не слѣдитъ, онъ отъ позора спасъ и помогъ имъ перебраться черезъ границу. Благодаря отношеніямъ съ департаментомъ полиціи, установившимся у него издавна и прочно, нерѣдко удавалось ему посодѣйствовать бѣдному политическому выходцу или же выпутывалъ онъ изъ бѣды профессора—знаменитость, роскошный экземпляръ кадетской флоры, черезчуръ увлекшагося краснорѣчіемъ. Можно сказать съ увѣренностью, дня не проходило, чтобы на консульскомъ скромномъ своемъ посту Карцовъ словомъ или дѣломъ кому-нибудь да не принесъ пользы.

Къ вечеру часовъ около шести, покончивъ занятія въ консульствѣ, Карцовъ прогуливался по бульварамъ. На каждомъ шагу ему попадались знакомые. Всякій считалъ обязанностью его остановить или на ходу выразить ему привѣтствіе. Въ долгу Карцовъ не оставался и отвѣчалъ любезностью или веселою шуткою. Въ этомъ человѣкѣ билъ ключомъ родникъ жизни и веселья. Куда бы онъ ни явился, онъ съ собою вносилъ атмосферу особенной радости и благодушія. Входитъ Карцовъ въ ресторанъ—передъ нимъ гарсонъ изгибается: „Excellence, mon Prince“.—„Prince ne daigne“, съ величавымъ жестомъ и потѣшною интонаціею, восклицаетъ Карцовъ. Кругомъ всѣ покатываются со смѣху. Минута, и въ публикѣ по ресторану пронеслась вѣсть: тамъ-то за столикомъ обѣдаетъ M. Kartzow, популярнѣйшій русскій консулъ.

Подобно И. Ѳ. Горбунову, Карцовъ обладалъ комическимъ даромъ разсказывать невѣроятныя вещи и, при этомъ, сохранять невозмутимый видъ. Бывало, совѣтникъ К. М. Нарышкинъ придетъ къ нему, весьма озабоченный, съ бумагою только-что полученною. Вдругъ, читая, онъ замѣчаетъ: Карцовъ будто не слушаетъ, на лицѣ его выраженіе неизъяснимой жалости: „Андрей Николаевичъ, что это вы?“ вопрошаетъ въ недоумѣніи Нарышкинъ. „Не понимаю, Кириллъ Михайловичъ, какъ можете вы безпокоиться о такихъ пустякахъ? Подумайте только: черезъ семь тысячъ лѣтъ кто вспомнитъ объ этой бумагѣ“. „Ахъ, А. Н., вѣчныя шутки“, говоритъ Нарышкинъ, но, посмотрѣвъ на собесѣдника, онъ не выдерживаетъ, досада его пропадаетъ, и смѣхъ имъ овладѣваетъ поневолѣ.

Несмотря на крѣпкій организмъ, Карцовъ постепенно началъ сдаваться. Болѣзнь его—астма уступала леченію, но, съ каждымъ

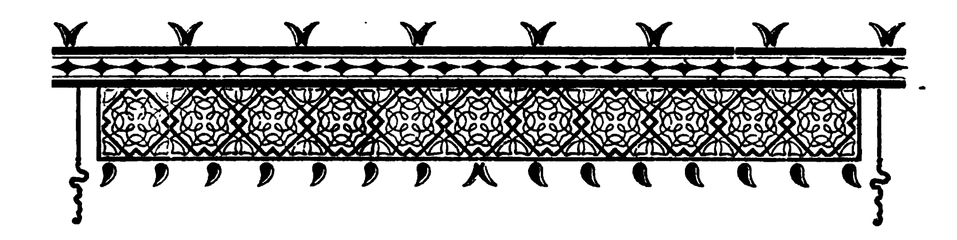
годомъ, приступы кашля дѣлались настойчивѣе и острѣе. Выйдя въ отставку, Карцовъ поселился въ Онеліи, на итальянской Ривьерѣ. Мѣсто было выбрано неудачно. Большое заблужденіе думать—больному старику все что нужно—это матеріальный комфортъ, медицинская помощь и заботливый уходъ. Пока въ человѣкѣ живо сознаніе, онъ дорожитъ привычною обстановкою, ищетъ близкихъ людей, мысленно возбуждая, дорогія ему, угасающія впечатлѣнія, борется съ ослабѣвающею памятью. Вилла въ Онеліи, изъ оконъ которой открывался великолѣпный видъ на море, по климату и живописности мѣстоположенія, безъ сомнѣнія, ничего не оставляла желать лучшаго. Но Карцовъ рвался во Францію, въ Монте-Карло, Ниццу и Каннъ, гдѣ самый говоръ напоминалъ ему Парижъ, гдѣ онъ разсчитывалъ встрѣтить друзей и знакомыхъ. Всякая подобная экскурсія вызывала ухудшеніе болѣзни. Особенно пагубно на него дѣйствовала томительная остановка въ Вентимильѣ, гдѣ происходитъ таможенный досмотръ. Въ сентябрѣ мѣсяцѣ, не слушаясь совѣтовъ врачей, Карцовъ покинулъ Онелію и переселился въ Cap St. Martin, по сосѣдству Ментоны. На девятый день переѣзда, болѣзнь приняла роковой оборотъ. Въ ночь съ 24-го на 25-ое сентября 1907 года, послѣ мучительныхъ страданій, его не стало.

Тѣло его было перевезено и похоронено въ Парижѣ, любимомъ его городѣ, на кладбищѣ Père Lachaise. Согласно волѣ покойнаго, выраженной въ завѣщаніи, при погребеніи, не было ни слѣдовавшихъ ему, какъ кавалеру Почетнаго Легіона, военныхъ почестей, ни вѣнковъ. Французскія власти и русская колонія выказали много теплаго чувства и, присутствовавшимъ на похоронахъ, вдовѣ и сыну усопшаго выразили симпатіи и соболѣзнованія. Въ печати русской и французской появились многочисленные некрологи. Въ немногихъ, но точныхъ словахъ, „Temps", серьезнѣйшая во Франціи газета, воздала покойному хвалу: „Ses nombreux amis en France garderont un profond souvenir au plus parisien des consuls étrangers. De son côté, la colonie russe n'oubliera pas l'excellent homme, dont la porte était toujours ouverte à tous ceux qui recherchaient ses conseils et son appui". Temps, 21 Oct. 1907.

Ю. С. Карцовъ.

(*Окончаніе слѣдуетъ*).

Письма Александра Николаевича Сѣрова къ Владиміру Васильевичу Стасову [1]).

(*Окончаніе*).

Какъ бы я счастливъ былъ работать теперь подъ призоромъ какого-нибудь строжайшаго музыкальнаго доки, такого какъ напримѣръ былъ Денъ для Глинки, чтобъ я не смѣлъ пропустить ни дня безъ какой-нибудь фуги на Генделеву тему или чего-нибудь другого въ томъ же вкусѣ, но непремѣнно „un travail ardu“. Это бы меня „приготовило“ какъ нельзя лучше къ тѣмъ днямъ, когда что-нибудь выведетъ меня изъ нынѣшней кислой колеи и вдвинетъ въ настоящую—гдѣ работа пойдетъ какъ слѣдуетъ. Усталости въ работѣ я почти не знаю,—когда дѣло идетъ на ладъ, меня нельзя оттащить отъ письменнаго стола, я это знаю по музыкальнымъ статьямъ, которыя продолжаю изготовлять для „Пантеона“.

Гаевскій [2]) послалъ тебѣ кое-что изъ моихъ статей. Въ разборѣ книги Ленца ты увидишь, что онъ задѣлъ Улыбышева и довольно дѣльно. Мнѣ хотѣлось еще больше Ленца остановиться на „дурацкомъ“ мнѣніи Улыбышева о Бетховенѣ (ты, вѣрно, помнишь, какъ глупо онъ посмѣивается надъ его симфоніями, особенно надъ девятою)! Я и принялся писать для „Пантеона“ рядъ писемъ, адресуя ихъ прямо къ Улыбышеву (напомнилъ ему мое личное съ нимъ знакомство въ 1843 г.). Одно изъ писемъ уже было въ печати, какъ въ „Сѣверной Пчелѣ“ появились двѣ статейки самого Улыбышева „Заключенія на книгу Ленца“—оправданія „по пунктамъ“ противъ всего, въ чемъ его Ленцъ упрекаетъ. Въ этихъ замѣчаніяхъ опять столько вранья и столько дерзкой глупости, что я рѣшился, кромѣ своихъ писемъ, которыя теперь пришлись какъ нельзя

---

[1]) См. „Русскую Старину“, май 1908 г.

[2]) Викторъ Павловичъ Гаевскій, близкій знакомый А. Н. Сѣрова.

больше кстати, пощелкать Улыбышева въ болѣе популярномъ изданіи, чѣмъ „Пантеонъ“, а именно въ фельетонѣ „Петербургскихъ Вѣдомостей“. Въ эту минуту я занятъ этимъ „фельетономъ“, который постараюсь сдѣлать чрезвычайно лаконическимъ, но дать отпоръ всему, что Улыбышевъ навралъ по случаю симфоніи Бетховена и другихъ разныхъ разностей.—Дмитрій, кажется, сообщилъ тебѣ, что отыскалась твоя статья о Листѣ. На дняхъ она будетъ въ моихъ рукахъ, а потомъ въ печати [1]).—Со стороны критики музыкальной я уже пріобрѣлъ кое-какую извѣстность—по крайней мѣрѣ въ томъ кругу читателей, который сколько-нибудь интересуется русской (!) музыкальной критикой.

Рубинштейнъ, говорятъ, крѣпко золъ на меня за статью объ его оперѣ, въ „Пантеонѣ“. Статья была не подписана мною,—потому что не вся—моя (о либретто писалъ другой „сотрудникъ“, котораго даже имени мнѣ Кони не сказалъ), но Рубинштейнъ узналъ, кому онъ обязанъ этимъ разборомъ, направленнымъ только на анти-поэтичность его оперы. Техники я стараюсь избѣгать въ статьяхъ, по возможности, au risque de passer pour un „profane“ un laïque sous ce rapport. Я увѣренъ, что все это, о чемъ я совершенно невольно распространяюсь (это вѣдь мой „кранъ“)—теперь тебя нисколько не трогаетъ. Какъ это все далеко отъ того, чѣмъ ты весь полонъ въ эту минуту! Но что жъ дѣлать! Писать можно и должно только о томъ, чѣмъ заняты мысли, иначе будетъ „насилованье“, отъ котораго никогда никому не хорошо, ни тому, кто пишетъ письмо, ни тому, кто его читаетъ.

По случаю извѣстія, какъ ты недавно и все это время восхищался старинными мастерами (Палестриной, Benevoli etc.), мнѣ живо припомнилось утро въ Галерной, когда ты такъ „нещадно“, лежа на своей постели, напалъ на меня за прихвостничанье Ломакину и компаніи въ „удивительномъ“ энтузіазмѣ къ такимъ вещамъ, которыя даже „имени музыки не заслуживаютъ“!! Съ тобой случается, что ты отпираешься отъ своихъ черезъ-чуръ забавныхъ промаховъ —отопрешься пожалуй и въ этотъ разъ—но мнѣ нѣтъ никакой причины „клеветать“ на тебя—и на „память“ свою я также, слава Богу, не могу пожаловаться.—Вотъ Глинка—такъ никогда не отпирается, а со всею возможною наивностью признается, что думалъ невѣрно, глупо—потому что не зналъ самой вещи, или не дошелъ еще въ то время до настоящей точки пониманья. Мнѣ жалко только, что въ настоящемъ случаѣ ты все-таки не довольно оправдаешь ме-

---

[1]) Эта статья В. Стасова осталась ненапечатанною, хотя и сохранилась. *В. С.*

ня: тебѣ все-таки будетъ казаться, что я шелъ „за другими“—и все потому только, что я не такъ упрямъ, какъ ты въ своихъ убѣжденіяхъ, и гораздо больше способенъ къ эклектизму, который для меня теперь кажется однимъ изъ самыхъ необходимыхъ условій артистической натуры. Ты вообще подвигаешься въ своей жизни рѣзкими зигзагами,—мечущими тебя въ концы діаметрально-противуположные одинъ другому.—Со мною это не такъ, и для меня больше и больше становится дикою манера произносить диктаторскіе приговоры о томъ, что намъ еще очень и очень мало извѣстно. Сколько еще есть вещей, которымъ надо учиться, пока ихъ будешь знать такъ же твердо, какъ мы теперь знаемъ партитуру „Донъ Жуана“, „Реквіема“ или „Пасторальной“ симфоніи. Какія чудеса въ операхъ Керубини! И что замѣчательно —родъ оперы нисколько непохожій на Моцартовъ—а вездѣ виденъ прототипъ для Фиделіо—и для „Жизни за Царя“.

Если ты не въ такомъ духѣ теперь, чтобъ болтать о музыкѣ, то я, навѣрное, крѣпко тебѣ надоѣлъ своимъ „краномъ“.—Завидно мнѣ, когда вспомню, *гдѣ* ты будешь читать эти строчки. А. С.

Парголово. 16 августа 1852.

Цѣлые полтора мѣсяца я не писалъ тебѣ. Это было по двумъ причинамъ: 1) все это время я былъ какъ-то крѣпко сердитъ на тебя—мнѣ нисколько не хотѣлось писать въ Италію, чтобъ подѣлиться мыслями и чувствами съ человѣкомъ, который, какъ мнѣ все это время казалось, вовсе не нуждается, что какъ будто забылъ о моемъ существованіи (это я выводилъ не изъ одного того, что я самъ не получалъ опять очень давно твоихъ писемъ и изъ многихъ, пожалуй, мелочныхъ фактиковъ — но для меня имѣющихъ особенное значенье)—2) еслибъ я и хотѣлъ писать, то не могъ бы наполнить письмо ничѣмъ, кромѣ самыхъ кислыхъ и скучныхъ іеремiадъ.—Дѣло въ томъ, что, какъ я тебѣ, кажется, уже и сообщалъ, все это время былъ рѣшительный застой въ моихъ музыкальныхъ работахъ. Faute de mieux я писалъ много статей для „Пантеона“ и, сколько знаю, не совсѣмъ неудачно. Но такого рода дѣятельность для меня всегда только—un pisaller и даже самая лучшая литературная работа (разумѣется, все только о музыкѣ или по случаю музыки) не можетъ мнѣ доставить настоящихъ отрадныхъ минутъ внутренняго самодовольства, что я что-то сдѣлалъ.—При долгомъ застоѣ натурально, что во мнѣ не было ни одного солнечнаго дня, все было сѣро, туманно—какъ Петербургское октябрьское небо, когда моросить глупый дождикъ, или что-то вродѣ мокраго снѣга, и по улицамъ нельзя ѣздить ни въ саняхъ, ни въ дрожкахъ.—

*

Къ счастью моему и, можетъ быть, къ твоему удовольствію обѣ причины, мѣшавшія мнѣ писать тебѣ, прошли (какъ все проходитъ).

На дняхъ я читалъ твое славное письмо къ своимъ (...)—Тамъ не было ни слова обо мнѣ или прямо для меня (даже извѣстія, что ты собираешься мнѣ написать такъ, что я буду доволенъ—не въ этомъ письмѣ, о которомъ идетъ рѣчь, а въ письмецѣ къ Дмитрію, сообщенному мнѣ—partiellemeut—гораздо позже)—но оно доставило мнѣ нѣсколько чудесныхъ минутъ. Это письмо какъ-то больше прежнихъ—разомъ окунуло меня въ твою Римскую жизнь. Мнѣ такъ стало хорошо—за тебя—такъ стало ясно, до какой степени тебѣ невозможно думать ни о чемъ и ни о комъ, кромѣ того, что въ это время такъ сильно и чудесно охватываетъ всего тебя—я такъ былъ доволенъ, что мнѣ есть возможность такъ узнавать твою нынѣшнюю жизнь изъ твоихъ писемъ (хотя и не ко мнѣ адресованныхъ)—что я вдругъ почувствовалъ опять живо, полно, „по-прежнему", что мы не можемъ сдѣлаться чужими другъ другу при такомъ одинаковомъ направленіи интеллекта самыхъ существенныхъ его сторонъ, въ самой его сущности, и, значитъ, въ сущности самой жизни... Ты поймешь о чемъ я хочу сказать, хотя на этотъ разъ я вовсе не способенъ понятно и хорошо высказаться. Мнѣ уже мильонъ разъ приходилось замѣчать (какъ и тебѣ безъ сомнѣнія), что одна и та же вещь, одно и то же дѣло, личность, художественное произведеніе, видъ природы и т. д. дѣйствуетъ на каждаго человѣка совсѣмъ иначе, иначе воспринимается каждымъ, разумѣется, въ прямомъ отношеніи къ его индивидуальности и его интеллектуальности, развитію—оттѣнковъ въ этомъ воспринятіи—„нѣсть числа".—Но съ другой стороны мы оба тоже несчетное число разъ замѣчали на фактахъ—что при всемъ несходствѣ, даже иногда діаметральной противуположности нашихъ темпераментовъ, характера и т. д. мы на очень многое смотримъ очень похоже другъ на друга—очень многое воспринимаемъ въ себѣ, вбираемъ въ себя, всасываемъ совершенно тѣми же органами умственными,—получаемъ впечатлѣнія почти точь въ точь одинакія—и оттого, напримѣръ, въ пониманіи искусства не разнорѣчимъ нисколько—что такъ рѣдко можетъ встрѣтиться (въ этомъ я убѣждаюсь больше и больше).

Эта одинаковость взгляда (во многомъ) дѣлаетъ то, что твои письма даже не ко мнѣ адресованныя—сочувствіе мысли во всей настоящей полнотѣ этого сочувствія—находятъ во мнѣ быть можетъ больше всѣхъ другихъ (....).

Безъ сомнѣнія всѣ, кому ты пишешь, найдутъ твои письма болѣе или менѣе „пріятными", занимательными—иногда „дорогими" (не съ одной той стороны, что вотъ это „близкій" намъ человѣкъ пи-

шетъ изъ далека, изъ Италіи), но я сомнѣваюсь, чтобъ многія частицы этихъ писемъ именно такъ подѣйствовали на тѣхъ, кому адресованы, какъ дѣйствуютъ на меня—т. е. чтобъ каждое слово письма упало именно на ту почву, на которую ты разсчитывалъ—для которой только это слово существуетъ.

Такъ какъ мнѣ теперь довольно часто случается писать для публики—то я, конечно, стараюсь избѣгать въ своихъ статьяхъ всего, что для публики останется гіероглифомъ, тогда какъ для насъ яснѣе дня. Ты въ письмахъ не имѣешь никакой надобности стѣснять себя, но мнѣ все кажется, что въ твоей манерѣ писать осталось еще довольно много невольнаго разсчета на полное пониманіе à demi-mot. Оттого я нѣсколько боюсь за твою статью о картинахъ Моллера и Брюлова. Для меня (и м. б. почти также для Дмитрія) статья будетъ навѣрное—превосходна—для большинства читающей публики (даже весьма образованной и compétente)—статья будетъ столько же, навѣрное, нѣсколько дикобразна. И пособить этому—едва-ли возможно. Я ни за что не возьмусь передѣлывать (!) твоихъ статей—особенно нынѣшнихъ.

Еслибъ и хотѣлъ даже, то врядъ ли могу, потому что, повторяю—для меня все будетъ ясно и хорошо (если хорошо, въ чемъ я не сомнѣваюсь), но „кривого пониманія“ со стороны другихъ—„кривого“ въ безчисленно тонкихъ оттѣнкахъ—ты не избѣгнешь.

Еслибъ ты зналъ, какъ для меня несносно всякій разъ, когда рѣчь дойдетъ до нашихъ „результатныхъ“ убѣжденій—до выводовъ, давно получившихъ для насъ силу аксіомы 2×2=4, всякій разъ поднимать всю исторію съ азовъ!—а иначе никоимъ образомъ невозможно быть сколько-нибудь понятымъ и не заслужить упрековъ самой сумасбродной парадоксальности тамъ, гдѣ, безъ всякаго сомнѣнія, правда на нашей сторонѣ. Что значитъ единичный голосъ противъ „всеобщей“ нелѣпицы?! Какую страшную силу надо придать этому голосу правды, чтобъ его услышали среди этой оргіи лжи и безсмысленности! А между тѣмъ ты, конечно, согласенъ со мной, что нельзя „молчать“, когда мы въ себѣ уже заслышали голосъ правды. По неволѣ, совершенно наперекоръ практикѣ и благоразумію, надо сдѣлаться апостоломъ правды—даже очень хорошо помня судьбу всѣхъ возможныхъ апостоловъ, начиная съ пытки не встрѣчать настоящаго сочувствія своимъ словамъ и дѣламъ.

По случаю апостольства мнѣ бы надо было поговорить съ тобою о нѣкоемъ Рихардѣ-Вагнерѣ, котораго сочиненіе въ трехъ маленькихъ томикахъ „Oper und Drama“ очень занимало меня въ послѣднее время. Это человѣкъ страшно умный,—многія вещи въ музыкѣ понимающій совершенно наперекоръ общему мнѣнію. Одно уже то,

что онъ ненавидитъ Мейербэра, а вѣнцомъ всей на свѣтѣ музыки считаетъ 9-ю симфонію, заставило меня крѣпко полюбить его взглядъ и всю натуру. Но при всемъ этомъ хорошемъ, надо отказаться отъ радости считать его „нашимъ“ (въ отношеніи критики и пониманья искусства); онъ не туда клонитъ, куда слѣдуетъ, и—или уже черезъ-чуръ далеко хватилъ a priori лѣтъ за тысячу впередъ, что совсѣмъ некстати, или просто заврался, желая теоретически оправдать свои неудачныя практическія стремленія. Онъ самъ пишетъ оперы—безъ „малѣйшей“ способности къ музыкальной красотѣ! Но, лучше я не буду вовсе открывать этого своего крана, иначе все письмо придется наполнить теоріями Вагнера и ихъ опроверженіями (которыя совсѣмъ готовы въ моей головѣ)—для печати, а мнѣ еще надо о многомъ другомъ съ тобою побесѣдовать. Теперь прибавлю только, что какъ будто нарочно мнѣ вдругъ подкатились томики Вагнера—и потомъ разборъ ихъ Фетисомъ въ „Revue musicale“, тогда какъ по случаю книги Ленца, всплылъ на современную поверхность—Улыбышевъ, съ своими отсталыми понятіями. Мнѣ была настоящая потѣха ловить ихъ во мракѣ совершенно съ разныхъ сторонъ, потому, что одинъ—не довернулся, а другой—перевернулся, и правда-то осталась какъ разъ—между ними.—Фетисъ въ своемъ разборѣ ни дать, ни взять Улыбышевъ, такой же умный дуракъ, только Улыбышевъ немножко больше: глупый умникъ. Оба дальше своего носа не видятъ, и какъ настоящіе старики, прогресса не признаютъ, потому что не понимаютъ по деревянности, дубинноголовности своей.

И такъ первая причина моего молчанія прекратилась вслѣдствіе твоего горячаго письма о Римѣ.—Вторая причина прекратилась, потому что послѣ долгаго застоя, я на дняхъ написалъ двѣ вещи для „Майской ночи“—на мой взглядъ лучше извѣстныхъ тебѣ. Это вопервыхъ „пѣсня хлопцевъ“ въ томъ же духѣ и тонѣ, какъ и та, что была при тебѣ, но музыка совсѣмъ другая, гораздо ближе къ народной малороссійской и такъ свѣжа и непринужденна, какъ будто ее съимпровизировалъ самъ казакъ Левко. Въ прежней тебѣ нравились „имитаціи“. Въ новой ихъ и въ поминѣ нѣтъ, потому что для щеголянья контрапунктомъ тутъ вовсе не мѣсто -тѣмъ больше, что эта пѣсня должна служить музыкальной основой цѣлаго большого ensemble'я, гдѣ, конечно, придется употребить въ дѣло и разнаго рода контрапунктную работу. Я теперь именно обдумываю кое-что для этой сцены дразненья старика—Головы.—Другая вещь—чисто-мелодическая: тема (Bdur. C.) для любовнаго дуэта Левкà съ Ганночкой, въ 1-мъ актѣ вслѣдъ за серенадой.—Я давно обдумалъ, что тутъ должно быть Andante con variazioni, особенно въ оркестрѣ,

но мнѣ не доставало, простой, наивно-страстной мелодіи.—Теперь l'ho trovato (нашелъ)! Хотѣлъ бы узнать твой судъ, но немножко рано, потому что у меня даже текста не хватаетъ на эту тему:—прежній текстъ этой сцены рѣшительно не годится никуда. Я уже написалъ Бакуниной въ Москву; не знаю, сумѣетъ ли она сочинить стихи на посланный ей мотивъ. Сама она не играетъ на фортепіано, но сестра немножко играетъ и поетъ, такъ что какъ-нибудь разберетъ мои двѣ строчки нотъ. Успѣшная работа въ послѣдніе дни придала мнѣ много новыхъ силъ и, быть можетъ, въ самое короткое время я подвину оперу къ концу. (Пора бы—не правда ли?) Что у кого болитъ, тотъ о томъ и говоритъ: изъ этого состоятъ всѣ на свѣтѣ искреннія переписки, слѣдовательно, я не „боюсь“ подоспѣть некстати съ извѣстіями о какой-то доморощеной оперѣ, тогда какъ ты и физически, и умственно такъ далекъ отъ всего этого! Музыка Палестрины, Скарлатти, Дуранте и т. д. [1]) и—комическая опера на малороссійскій сюжетъ! Между этими крайностями ни больше, ни меньше, какъ вся музыка, весь, музыкальный міръ! Ты въ послѣднее время столько узналъ, столько ушелъ впередъ меня (и не въ одной музыкальной начитанности), что я себя долженъ утѣшать только однимъ: чтобъ догнать тебя, не быть отсталымъ, мнѣ надо кончить оперу, чтобъ я могъ показать тебѣ, что я не прожилъ сложа руки и что перешагнулъ хоть одну ступеньку изъ тѣхъ, которыя мнѣ надо переступить и пройти всѣ, чтобъ быть—человѣкомъ.

Одному только я не могу не завидовать при мысли о тебѣ: ты хоть на нѣсколько времени встрѣтилъ въ своей жизни ту гармоническую красоту всего, которая такъ нужна человѣку на нашей степени развитія! Ты въ Италіи—окруженъ всѣмъ, что только есть [illegible] окруженъ красотою природы и людей! А я?! [illegible] ли мнѣ когда-нибудь сравняться съ тобой въ [illegible] или это стремленіе къ красотѣ (во мнѣ не менѣе [illegible] навсегда только и останется неудовлетво[illegible] Или на мнѣ повторится судьба Крыловской [illegible] можетъ, въ вознагражденіе за многія лише[illegible] какая способность къ искусству; но трудно [illegible] тянуть изъ себя самого эту паутину поэ[illegible] въ жизни сложится болѣе и болѣе не[illegible] прозаически—некрасиво, какъ наша чухон[illegible]чная русская жизнь, о которой ты такъ

---

[1]) Въ это время у В. Стасова была собрана въ Римѣ цѣлая масса копій съ партитуръ старыхъ итальянцевъ XVII и XVIII вѣка, подаренная имъ впослѣдствіи Императорской Публичной Библіотекѣ.

славно сказалъ въ своемъ письмѣ, сравнивая житье-бытье мужика-итальянца съ нашимъ. Извѣстная степень развитости и слѣдствіе ея—космополитизмъ—конечно многое для меня сглаживаетъ, но потребность лучшаго вѣдь живетъ же въ душѣ!

Чѣмъ наполнить всѣ эти пробѣлы? Если проживу весь свой вѣкъ въ Россіи—они никогда не наполнятся—и врядъ ли изъ меня выйдетъ что-нибудь порядочное [1]).

Въ чужіе края меня тянетъ такъ же сильно, какъ тянуло и тебя, а изъ твоихъ писемъ о Римѣ я вижу, что напримѣръ римская жизнь пришлась бы точно такъ же совсѣмъ и по мнѣ, какъ приходится по тебѣ и по многимъ другимъ. Это, видно, свойство всего истинно-хорошаго, что каждый находитъ тамъ именно то, что ему нужно. Ты, конечно, не сочтешь, что я говорю о своемъ стремленіи за границу въ укоръ тебѣ за неисполненное обѣщаніе перетащить и меня въ чужіе края. Я очень знаю, что для этого тебѣ не представилось ни малѣйшей возможности, если бъ даже ты бы желалъ этого очень сильно—въ чемъ я нѣсколько сомнѣваюсь, потому что тебѣ было „не до меня“. Но обидно будетъ, если и вообще мнѣ не представится таковой возможности!...

Признаюсь тебѣ, не смотря на многое хорошее, что̀ мнѣ доставитъ Петербургская зима—съ большою радостью уѣхалъ бы на совершенно-уединенную жизнь въ Крымъ. Мнѣ это было бы чрезвычайно полезно, я въ десять разъ скорѣе кончилъ бы оперу, чѣмъ въ Петербургѣ. Припомни, сколько я сдѣлалъ въ Крыму въ одинъ 50-й годъ. Многое, конечно, не пошло въ дѣло, но работа уже была и, слѣдовательно, былъ прокъ. Останавливаетъ меня только опасеніе: внезапнымъ отъѣздомъ огорчить стариковъ, хотя маму я могъ бы утѣшить, обѣщаніемъ уѣхать ненадолго, съ тѣмъ, чтобы послѣ вступить въ службу,—а отецъ уже давно рукой махнулъ на меня совсѣмъ, какъ на пропадшаго, „въ конецъ негоднаго“ и т. д. Нѣсколько разъ изъ его устъ и изъ писемъ его къ мамѣ, на дачу, я знаю, что онъ очень серьезно ставитъ меня рѣшительно на одну доску съ братомъ Юріемъ (который недавно выключенъ изъ службы за неспособность). По мнѣнію отца, мы оба рѣшительно одинаково превратили свою человѣческую карьеру въ скотскую жизнь (подлинное выраженіе). При такомъ мнѣніи одинъ лишній разъ уѣхать въ Крымъ—рѣшительно ничего не прибавитъ и не убавитъ. Тѣмъ не менѣе—мысль, что онъ все-таки серьезнѣе огорчится по этому случаю, чѣмъ напримѣръ потому, что я до сихъ поръ все еще не

[1]) Хороша земля, рѣшительно лишенная всякаго поэтическаго грунта въ историческомъ отношеніи, т. е. всюду—tabula rasa, все вновь начинаетъ!—а тутъ еще столица въ чухонскомъ болотѣ.

на службѣ и даже (quelle horreur!) опять отростилъ себѣ бороду (на дачѣ). Эта мысль одна только останавливаетъ меня въ рѣшеніи скорехонько, еще осенью же, катнуть на берега Чернаго моря.

Если это такъ случится—то, разумѣется, мнѣ уже нечего будетъ долго думать „ѣхать или не ѣхать"—жить на квартирѣ безъ службы просто невозможно à moins de travailler 16 heures par jour pour la presse,—а тогда гдѣ же взять время на музыку?—Та же служба выйдетъ только минусъ внѣшняя соціальная обстановка весьма важная въ глазахъ очень многихъ. Есть у меня въ виду и мѣстечко одно—недурное—но перспектива-то слишкомъ далекая и очень легко, что только помажутъ по губамъ.—Я вѣдь не ты, въ отношеніи счастливой звѣзды.—Въ моей жизни нейдетъ все такъ по-моему, какъ въ твоей хоть бы, напримѣръ, съ этимъ заграничнымъ путешествіемъ. Точно тебѣ какая-то добрая фея покровительствуетъ,—а въ моей жизни нѣтъ этого благодѣтельнаго вліянія, нѣтъ никакихъ сказочныхъ чудесъ—мнѣ дано кое-что при рожденіи, да за то и спрашивается очень много—и чуть промахнулся—наказаніе слѣдуетъ тотъ часъ же и безпощадно.

Желаніе мое было написать тебѣ хорошее письмо, и какъ всѣ заранѣе сдѣланные разсчеты въ такихъ случаяхъ, не удался и этотъ. Я чувствую, что какъ-то особенно плохо, несвязно, вяло писалъ и—рѣшительно ничего такъ не высказалось, какъ бы я хотѣлъ. Обезкураженный немножко этимъ, я не хочу затрогивать многихъ пунктовъ, которые назначались для этого письма—и поскорѣе приведу къ заключительному „vale".

Чтобы кончить чѣмъ-нибудь путнымъ, скажу тебѣ, что теперь кромѣ музыкальныхъ матерій—я постоянно читаю Вальтеръ Скотта—на эту минуту „Wawerley" (уже 3-й романъ на дачѣ). О красотѣ В. Ск., я думаю, мнѣ трудновато сказать тебѣ что-нибудь новое—это въ родѣ того, какъ бы я принялся тебѣ нахваливать „Zauberflöte" или Бетховенскія симфоніи—но скажу только, что никогда прежде я такъ не восхищался В. Ск., какъ восхищаюсь теперь—никогда такъ живо не чувствовалъ я себя совершенно поглощеннымъ жизнью В. Скоттовскихъ лицъ—я не читаю—я живу среди этихъ людей, думаю, чувствую вмѣстѣ съ ними—жаль только одно—читается это быстро и нельзя себя остановить, удержаться отъ чтенія, особенно когда В. Ск. пуститъ себя на всѣхъ парусахъ (обыкновенно съ половины романа)—а при такомъ быстромъ чтеніи не успѣешь опомниться, какъ дошелъ до конца—надо разставаться съ этою особенною жизнью каждаго романа, съ которой только-что освоился—одно утѣшеніе: тотчасъ же приняться за другой. Къ своему счастію я еще далеко не всѣ прочелъ.

16 сентября 1852. Галерная.

Тебѣ, конечно, весьма любопытно будетъ узнать подробно участь твоихъ статей, присланныхъ для печати. Дмитрій, вѣроятно, написалъ уже обо всемъ какъ слѣдуетъ со стороны внѣшнихъ фактовъ (гдѣ и когда напечатано и пр.). Онъ же самъ это все и устраивалъ (я только переписалъ половину статьи о Брюловѣ). Съ Краевскимъ я случайно встрѣтился въ Александринскомъ театрѣ и прямо, по своей всегдашней манерѣ, нисколько не зная его лично, подошелъ къ нему, чтобы разспросить кое-что о твоей статьѣ: тогда часть статьи—о Моллерѣ—еще не была напечатана. Краевскій сообщилъ мнѣ, что во всемъ виновата—цензура, что строчки о картинѣ Моллера въ духовной цензурѣ (?!)—теперь уже все это напечатано—и что о „Tempo destruttore“ [1]) не осталось ничего изъ твоего „описанія“ картины. Далѣе, въ теченіе небольшого разговора, въ антрактѣ, конечно, и коротенькомъ, Краевскій просилъ меня написать тебѣ, чтобъ ты почаще присылалъ что-нибудь для „Отечественныхъ записокъ“: „мы съ нимъ, вѣдь, старые знакомые“.

Со стороны личныхъ моихъ впечатлѣній я могу сообщить тебѣ все самое пріятное. Въ статьѣ о Брюловѣ и проч. для меня былъ очень замѣтенъ прогрессъ въ твоемъ писаньи для печати. О занимательности предмета, разумѣется, и говорить нечего. Восторженности какого-нибудь „éloge funèbre“ я и не ожидалъ отъ этого простого отчета, перечня послѣднихъ Брюловскихъ работъ; слѣдовательно, я никакъ не могу согласиться, чтобъ статья была холоднѣе, чѣмъ нужно, когда рѣчь идетъ о Брюловѣ. Это находятъ только тѣ, которые ожидали, что если ты пишешь о Брюловѣ, то будешь говорить обо всей его дѣятельности и тогда, разумѣется,—гораздо горячѣе, увлекательнѣе. Не надо забывать также, что т [illegible]
нѣсколько удерживался, не пускалъ себя на всѣхъ пе[illegible]
меня, и кажется на всѣхъ другихъ, особенно сильно по[illegible]
то, что̀ ты писалъ о Моллерѣ. Эта частица статьи, по мо[illegible]
лучшая. Ты самъ знаешь, какъ несносны всѣ на свѣтѣ [illegible]
разсказы о картинахъ, какъ о театральныхъ пьесахъ [illegible]
Значитъ, если твой отрывокъ о Моллерѣ можно проче[illegible]
шимъ удовольствіемъ и даже нѣсколько вообразить се[illegible]
тину (не видавъ изъ нея ни черточки), это, конечно, [illegible]
Вообще тебѣ многіе очень благодарны за эту статью [illegible]
художникахъ въ Римѣ. О Брюловѣ теперь пишутъ во [illegible]
налахъ [2]). Иногда попадаются очень интересныя подробности (напр.

---

[1]) Эскизъ картины Карла Брюлова *В. С.*

[2]) Карлъ Брюловъ умеръ, въ Римѣ, 23 іюня 1852. *В. С.*

въ статьѣ скульптора Рамазанова—въ „Москвитянинѣ“. Твое и дѣльнѣе, и несравненно лучше написано. Но вторая твоя статья (т. е. начало ея, недавно присланное тобою—о Тосканѣ) рѣшительно восхитила меня. Съ самыхъ первыхъ строчекъ она привела меня въ какое-то особенное, чудесное расположеніе духа, и, конечно, этому причиною не одно содержаніе статьи—безподобное, но и—языкъ, во многомъ очень близкій къ твоему великому образцу—Гоголю. Вотъ какъ должны быть, и какъ будутъ со временемъ курсы землеописанія. Что была бы за прелесть полный курсъ, такъ концентрированный и такъ написанный! Ты, конечно, помнишь, что и передъ самимъ Гоголемъ (несмотря на неполную его образованность) уже носился этотъ идеалъ—даже высказанный имъ (въ Арабескахъ). Ты не любишь, кажется, когда я слишкомъ тебя расхваливаю,—поэтому я не скажу на нынѣшній разъ, что эта статья объ Италіи уже важный шагъ твой на твоей настоящей дорогѣ, что это—для насъ теперь лучшій сокъ изъ твоего пребыванія за границей, и т. д., но скажу только, что я душевно, глубоко радъ за тебя—и напередъ ручаюсь въ самомъ поразительномъ дѣйствіи этой статьи на всѣхъ, кто ее прочитаетъ, прочитаютъ же—очень многіе. Она даже весьма популярно написана, т. е. спеціальнаго, техническаго тутъ нѣтъ ничего. А по всей вѣроятности „Римъ и Неаполь“ будутъ еще и почище Тосканы. Жаль, что мнѣ придется прочитать продолженіе этой статьи не тотчасъ, какъ ты пришлешь, я, вѣроятно, къ тому времени уже не буду въ Петербургѣ—ну да объ этомъ послѣ.

Дмитрій тебѣ, конечно, сообщаетъ, что онъ недавно водилъ меня (en 3, съ Бонжуромъ) [1]) къ братьямъ Брюловымъ, чтобы взглянуть на все, что осталось у нихъ—éparpillé—изъ его прежнихъ работъ. У Ѳедора мы видѣли вещи все извѣстныя, исключая—нагой женщины (масляными красками, не конченная картина). У Александра - два портфейля съ эскизами. Въ одномъ почти исключительно этюды для плафона въ Исакіѣ—въ другомъ—разныя разности на маленькихъ и на большихъ лоскуткахъ, карандашемъ и сепіей. Много очень замѣчательнаго—но поразительно подѣйствовалъ на меня „Юпитеръ“. Это маленькій эскизикъ карандашемъ—этюда для транспаранта, который Брюловъ хотѣлъ сдѣлать для Государя. Мысль его была представить: „открытіе планеты Нептуна, до сихъ поръ невиднаго землѣ изъ-за Сатурна“. Ты догадываешься, что все это „въ лицахъ“ по Брюловски. Каждая планета ввидѣ миѳологическаго божества, котораго имя носитъ. Хорошо

---

[1]) Такъ прозвали въ родственномъ и близкомъ кружкѣ брата Владиміра Васильевича: Александра Васильевича.

очень удалась Венера—хорошъ Марсъ: обѣ фигуры сочинены такъ, что обрамливаются звѣздами, въ геометріи одна фигура „вписывается“ въ другую. Но безъ сравненія лучше всего Зевесъ, парящій на своемъ орлѣ. Орелъ широко-широко раскинулъ свои мощныя крылья—а Зевесъ сидитъ величественно, какъ на тронѣ, голова немного откинута назадъ—какъ будто—съ неизмѣримой высоты спокойно взираетъ на вселенную, которою правитъ однимъ маніемъ бровей. Ни въ античныхъ головахъ, ни у итальянцевъ я еще не встрѣчалъ такого божескаго „могущества въ спокойствіи“, какъ въ этихъ нѣсколькихъ черточкахъ Брюловскаго карандаша! Быть можетъ, при исполненіи этого эскиза—утратилось бы что-нибудь изъ его поэзіи, вылетѣвшей изъ геніальной головы мгновенно, какъ молнія. Мы видѣли бездну эскизовъ Брюлова, гдѣ замѣтны усилія, замѣтно старанье, исканье à tatons (для плафона иногда одна фигура передѣлывалась разъ до 30, 40! вотъ-то работалъ!), но этотъ Юпитеръ создался непремѣнно „разомъ, въ полномъ вооруженіи“. Удивительный Юпитеръ! Видѣли мы, тоже у Александра Брюлова, въ числѣ эскизовъ масляными красками для какой-то церкви великаго князя Константина Николаевича, для образовъ въ кружкахъ (чуть побольше $^1/_4$ аршина въ діаметрѣ) одно „Распятіе“: Христосъ между двухъ разбойниковъ, внизу Богородица, Іоаннъ, Марія Магдалина—тоже чудесная вещь, хотя довольно близко напоминаетъ распятіе въ Лютеранской церкви.

Мнѣ всегда приходитъ въ голову—отчего Брюловъ,—при такомъ обиліи мыслей,—очень рѣдко принимался за большія работы иначе какъ по заказу? Или заказъ непремѣнное условіе дѣятельности для каждаго художника, какъ бы онъ высоко ни стоялъ въ своемъ развитіи? Въ цѣлой его дѣятельности главнѣйшую роль играютъ pièces d'occasion, образа и портреты. Не случайнаго, не заказного изъ большихъ конченныхъ вещей кажется—одна „Помпея“ [1]). А сколько онъ могъ бы сдѣлать этихъ миѳологическихъ сюжетовъ. Эти сюжеты, по-моему, больше церковныхъ приходились по индивидуальнымъ качествамъ его таланта—вполнѣ удовлетворили бы его стремленіе къ „чувственности“, въ поэзіи нагого тѣла, которую онъ такъ чудно постигалъ. По-моему, одинъ такой Зевесъ, еслибъ былъ конченъ, стоилъ бы цѣлаго плафона Исакіевскаго, который, несмотря на красоту многихъ фигуръ и чрезвычайно умное сочиненіе, все-таки—довольно холодная вещь (insipide—по свойству сюжета). Я больше и больше убѣждаюсь, что въ наше время, когда искусство

---

[1]) Сѣровъ не зналъ еще тогда, что „Помпея“ была заказана Брюлову—Анатоліемъ Демидовымъ. *В. С.*

больше и больше проникается умомъ, рефлексіей,—выборъ сюжета—великое дѣло, и, слѣдовательно, кромѣ исключеній, долженъ зависѣть прямо отъ художника, долженъ быть—свободенъ, какъ само искусство.

Недѣли двѣ назадъ, рано поутру мнѣ принесли письмо изъ-за границы, но не отъ тебя—отъ М. И. Глинки, изъ Парижа. Очень мило съ его стороны, что онъ вздумалъ ко мнѣ написать, и довольно много. Я хорошо помню его неохоту къ корреспонденціи и, конечно, очень цѣню вниманіе его, что онъ ко мнѣ написалъ прежде, чѣмъ я къ нему. Разумѣется, что я не замедлилъ отвѣтомъ. Онъ живетъ въ Парижѣ (Rue Rossini!) и останется тамъ всю зиму. Пишетъ, что принимается за симфонію. Это будетъ,—„Тарасъ Бульба“, онъ нѣсколько разъ игралъ мнѣ оттуда основныя мысли. Будетъ славно, можно поручиться напередъ, и будетъ, какъ всегда у него, оригинально въ высшей степени, потому что онъ идетъ своимъ особеннымъ путемъ. Въ „Жизни за Царя“ конечно есть много сходства съ направленіемъ Керубини, даже въ фактурѣ отдѣльныхъ частей, но есть и огромная разница, а перевѣсъ національнаго элемента измѣняетъ все.

Ты, если даже ненадолго попадешь въ Парижъ, конечно отыщешь его. Мнѣ жаль одно: онъ, кажется, довольно съ тобою бесѣдовалъ о всякой всячинѣ (въ 1849 г.)—но, сколько я замѣтилъ, особенно близко вы не сошлись. Онъ если и вспоминалъ о тебѣ, то почти всегда съ чисто внѣшней стороны, напр., что ты „кричишь громче всякихъ тромбоновъ—и любишь крѣпко спорить“. Очень я желалъ бы, чтобъ онъ узналъ тебя покороче, какъ напримѣръ онъ теперь знаетъ, кажется, насквозь—Димитрія и меня.—Денъ, берлинскій профессоръ и учитель Глинки, какъ ты помнишь, поручилъ ему попросить меня (вѣроятно былъ разговоръ именно объ этомъ) перевести на русскій его „Harmonielehre“, которую ты у меня видѣлъ. Я писалъ уже Глинкѣ, что считаю это очень лестнымъ и пріятнымъ порученіемъ, но безцѣльнымъ, потому что для такой вещи у насъ не достанетъ бездѣлицы: читателей и покупателей.

Писалъ я тоже М. И., какъ меня, pour le moment, занимаетъ одно нѣмецкое же сочиненіе: „Geschichte der Musik in Italien, Deutschland und Frankreich“—Vorlesungen gehalten zu Leipzig in 1850 von Franz Brendel (издана книга въ нынѣшнемъ году и, кажется, она есть у меня одного въ Петербургѣ). Это почти идеальное совершенство въ этомъ родѣ. Критическій взглядъ чисто современный—все поставлено на свое мѣсто. О старыхъ итальянцахъ (Palestrina etc.) сказано во многомъ очень похоже, какъ ты говоришь, — довольно подробно о „Lamentationes“ въ Сикстинѣ. Исторія оперы гораздо

лучше еще, чѣмъ у Улыбышева. Характеристика Баха и Генделя, ихъ параллелизмъ и различіе—какъ нельзя лучше. Другая группа великихъ: Гайднъ, Моцартъ и Бетховенъ—занимаетъ чуть не полкниги, такъ все это обстоятельно. Вѣрность взгляда ты можешь повѣрить хотя на томъ, что Моцартъ поставленъ въ параллель — Гёте, а Бетховенъ—Шекспиру, какъ мы съ тобой давно убѣдились. Моцарту, при всей универсальности и высшемъ геніи, отведено первѣйшее мѣсто только за оперы, и то съ ограниченіемъ, что въ серьезномъ, патетическомъ—Глукъ—выше. Полнѣйшимъ выраженіемъ всего Бетховенскаго духа признана, конечно,—9-я симфонія. О послѣ-Бетховенской музыкѣ довольно много. Я забылъ сказать очень важное: Моцарта онъ считаетъ, какъ мы же, замыкающимъ музыку XVIII вѣка, Бетховена—пророкомъ всей будущей музыки. И, разумѣется, опять досталось Мейербэру - еще дѣльнѣе, чѣмъ у Вагнера, потому что спокойнѣе, безъ желчи. Въ нѣкоторыхъ частностяхъ есть кое-что, въ чемъ мы съ Бренделемъ чуть-чуть расходимся, но вообще ты видишь, что книга хорошая, и ты прочитаешь ее съ наслажденіемъ. Переводомъ ея надо непремѣнно заняться со временемъ! Она даже на Руси найдетъ читателей, потому что написана очень занимательно и съ избѣжаніемъ всего техническаго (какъ и я стараюсь дѣлать въ томъ, что пишу о музыкѣ, а писалъ это время довольно).

Есть у меня un petit projet, въ которомъ ты, если захочешь, можешь мнѣ пособить. Хочется мнѣ, въ одну статью на французскомъ умѣстить все, что я до сихъ поръ замѣтилъ вранья о Бетховенѣ,—съ разныхъ эстетическихъ и техническихъ сторонъ, вранья въ Улыбышевѣ, въ книгѣ Ленца и въ критикахъ на эту книгу, въ Traité de l'harmonie и другія сочиненія Фетиса. Тутъ много будетъ интереснаго для людей знающихъ, которыхъ, конечно, больше въ Парижѣ и въ Германіи, чѣмъ у насъ. Вотъ почему я хочу написать по-французски и пустить въ „Revue musicale de Paris".— Ты войдешь въ сношеніе съ редакціей „Revue", по случаю моей статьи о Сантини; значитъ, черезъ тебя мнѣ ближайшая дорога, и ты не откажешься протянуть мнѣ руку помощи. Но когда это будетъ—не знаю, потому что само дѣло только очень недавно закопошилось въ головѣ въ этой формѣ. Ты поймешь, что меня побуждаетъ;—вовсе не стремленіе къ извѣстности (какъ у Ленца), а мнѣ просто не въ моготу, что даже такіе серьезные люди, какъ Фетисъ, позволяютъ себѣ городить чепуху о Бетховенѣ, а на Руси—что говори объ этомъ, что нѣтъ,— толку мало.

17 сентября 1852 г.

Я уѣхалъ бы въ Крымъ еще на лѣто, но удержался, сообразивъ, что, быть можетъ, этимъ отъѣздомъ сильно раздражу папу. Онъ съ огорченія можетъ сдѣлаться боленъ, и мнѣ, конечно, будетъ тогда не легко...

Меня крѣпко тянетъ въ Крымъ, гдѣ я въ уединеніи, на просторѣ, подъ южнымъ небомъ могу успѣшно кончить свою оперу, за которую теперь я только долженъ краснѣть, что такъ долго, такъ вяло надъ ней работаю. О „Майской ночи" кое-гдѣ въ Петербургѣ сильно поговариваютъ, даже печатаютъ (недавно въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ"—Данилевскій, фельетонистъ этой газеты, тиснулъ обо мнѣ статейку, рѣшительно безъ вѣдома моего) [1])—а въ сущности-то дѣло подвигается шагъ за шагъ, такъ что самому стыдно и совѣстно за себя! Въ Крыму, въ глуши татарской деревни, я надѣюсь кончить все къ январю 53—и тогда, оркестровавши все хорошенько въ первые мѣсяцы будущаго года,—весной пріѣду опять въ Питеръ, чтобы ставить оперу на сцену, къ чему, по всей вѣроятности, никакихъ препятствій не встрѣтится. Мою оперу ждутъ въ дирекціи, и все пойдетъ какъ по маслу, лишь бы она была на лицо. Мамѣ, сколько я замѣтилъ, было очень пріятно прочитать статью въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ".—Объ отъѣздѣ я съ ней еще не говорилъ серьезно—она только догадывается. Отъѣздъ, конечно, будетъ ей не очень пріятенъ—но что жъ дѣлать!—Я постараюсь утѣшить ее обѣщаніемъ скораго возврата съ готовой оперой.—Теперь я живу въ Петербургѣ уже какъ дорожный,—на мази махнуть въ Крымъ—т. е. сперва по желѣзной дорогѣ въ Москву, гдѣ мнѣ надобно провести дня три, четыре у моей либреттистки, чтобъ съ ней покончить все насчетъ кое-какихъ передѣлокъ въ текстѣ.

Пронеслись-было слухи, что Рашель будетъ въ Петербургѣ этой зимой—это было бы для меня порядочное мученье,—быть лишену возможности ее видѣть, тогда какъ эта возможность была подъ руками. Но къ моему удовольствію, слухи эти опять затихли и, кажется, если Rachel и будетъ, то не этой зимой, — тогда я опять буду уже здѣсь. Оперныхъ и симфоническихъ вещей я въ двѣ зимы, кажется, довольно переслушалъ—набрался добраго запаса, для себя, а теперь для меня такое время, что надо больше, гораздо больше дѣлать,—учиться больше на себѣ, чѣмъ на другихъ. Уже одно то—великая разница противъ прежняго,—что колебанія мои

---

[1]) Случилось такъ, что въ этомъ же фельетонѣ упомянуто о твоей статьѣ въ „Отечественныхъ Запискахъ", какъ объ очень занимательной. Окончательно вмѣстѣ выступаемъ въ публику.

кончились—я знаю, что могу писать музыку—могу довольно близко подходить къ идеалу, который уже очень давно во мнѣ выработался. Теперь только писать, писать и писать, чтобъ „слова не вязли на зубахъ“.

Мнѣ кажется, что и для тебя должны теперь окончиться колебанія. Тотъ, кто можетъ такъ писать, какъ статья о Тосканѣ, не смѣетъ въ себѣ сомнѣваться,—обязанъ писать, и много. Время, о которомъ мы прежде такъ много толковали, наконецъ пришло. Главное—за нами. Много еще будетъ разныхъ фазисовъ, разныхъ превращеній на каждомъ изъ насъ, но начало уже есть,—дорога передъ нами. Въ тебѣ, конечно, какъ во мнѣ, толпится цѣлая бездна начинаній—ясныхъ, и полуясныхъ, и неясныхъ идей для будущихъ работъ. Во мнѣ всего этого столько тѣснится, что не знаю, хватитъ ли сдѣлать большую часть изъ этого. Мнѣ кажется, что я никогда не пріучу себя быстро производить—частички родятся быстро, но цѣлое стоитъ мнѣ огромнаго труда, и главное времени—чтобъ вызрѣло. Хоть бы „Майская ночь“—теперь только я вижу и слышу ее всю отъ начала до конца—и какъ это непохоже на то, что я себѣ представлялъ въ Крыму, когда приступилъ къ оперѣ! Камня на камнѣ не осталось изъ прежняго—именно въ концепціи всего больше перемѣнъ. Притомъ довольно развитая въ насъ критика не позволяетъ мнѣ скоро работать—посредственно красивую, но не особенно—хорошую музыку я могу писать всегда, въ любую минуту,—но этого мнѣ, конечно, очень мало—особенно для оперы. Хорошо, если бъ мнѣ удалось всегда удержать въ себѣ строгую критику—не поддаться заказамъ, хваленіямъ и пробной работѣ. Хорошо, если бъ я никогда не былъ принужденъ стѣснять себя выборомъ сюжета или уступками въ пользу исполнителей или публики. Надо много силъ и философіи—чтобъ быть столько строгимъ къ себѣ „und immer auf das Ziel los zu steuern“.—Такой нѣсколько торжественной фразой мнѣ пріятно закончить это письмо.—Съ величайшимъ нетерпѣніемъ жду продолженія твоей статьи объ Италіи...

А. С.

Пріютъ—Бурлукъ [1]).

7 января 1853 г.

Ты начинаешь свое письмо (отъ 7/19 декабря) упреками, я начну—повинной. Въ самомъ дѣлѣ почти непростительно мнѣ было такъ долго оставить тебя безъ моихъ писемъ. Извиняю себя я только однимъ обстоятельствомъ: мнѣ надобно было получить отъ тебя еще одно письмо, адресованное уже въ Крымъ, прямо, не черезъ Петер-

[1]) Имѣнье М. П. въ 15 верстахъ отъ Бахчисарая и 5—отъ Чернаго моря).

бургъ.—Сегодня пришло ко мнѣ такое письмо, и вотъ и я отвѣчаю.—Обвиненіе твое въ неаккуратности я не могу принять безъ оговорки. Мнѣ помнится, что я написалъ тебѣ, что ты можешь адресовать письма ко мнѣ прямо—въ Бахчисарай (какъ ты и сдѣлалъ), больше подробностей въ адресѣ никакихъ не нужно (такъ какъ я живу въ деревнѣ татарской, и долженъ посылать за письмами). У меня много-много накопилось матеріалу для писемъ къ тебѣ, но на нынѣшній разъ не требуй чего-нибудь похожаго на планъ, на обдуманный распорядокъ... Я принялся за письмо прямо,—ничего не обдумывая,—принялся потому, что твое письмо—горячее, не смотря на преобладаніе „техническихъ" дѣлъ — расшевелило во мнѣ всю нашу родственность интеллектовъ, все наше внутреннее братство. Это письмо вдругъ вывело меня изъ равнодушія къ корреспонденціи,—которое овладѣло мною было съ тѣхъ поръ, что я въ Крыму.—Начну съ Петербурга. Изъ всѣхъ приведенныхъ тобою резоновъ, почему дурно я сдѣлалъ, что опять уѣхалъ изъ Петербурга—il n'y a qu'une seule vraiment valable: это—мама. Но я почти навѣрное зналъ, что эту зиму она будетъ съ Соничкой, и, слѣдовательно, разлука со мной будетъ достаточно нейтрализована.

При томъ же мама довольно привыкла, что очень часто, по разнымъ обстоятельствамъ моей только-что начавшейся артистической жизни, я буду принужденъ жить въ разлукѣ съ нею. Нынѣшнія обстоятельства именно изъ числа такихъ—деспотическихъ со стороны моего дѣла. Больно мнѣ было, когда (24 сентября) мама въ послѣдній разъ на прощанье крѣпко обняла меня и заплакала на моей груди:—до послѣдней минуты она крѣпилась—казалась даже довольно спокойною и совершенно погруженною въ приготовленія къ моему отъѣзду, закупки и т. д., но тутъ—не выдержала—больно очень—но что жъ дѣлать! Я утѣшилъ ее надеждою, что эта разлука очень не надолго—какъ и въ самомъ дѣлѣ будетъ, потому что я буду въ этомъ году въ Петербургѣ, и быть можетъ скорѣе, чѣмъ ожидаютъ.

Теперь—Крымъ. Ты, можетъ быть, знаешь, что я ѣхалъ на Кіевъ, къ каретѣ Энгельгардта [1]), но этимъ выигралъ только нѣсколько цѣлковыхъ (очень немного) и то, что видѣлъ Кіевъ, Херсонъ, Николаевъ. Ѣхали мы 16 дней (quelle corvée) и претерпѣли разныя адскія муки отъ холоду, пыли и остановки на лошадяхъ. Ни одно изъ моихъ путешествій на югъ и съ юга не было такъ несносно. Наконецъ 10 октября пріѣхалъ, т. е. дотащился (еще одною ступенью ниже перекладной—на татарской маджарѣ,—родъ

[1]) Василій Павловичъ Энгельгартдъ, большой почитатель и пріятель М. И. Глинки; теперь докторъ астрономіи, членъ-корреспондентъ Имп. Академіи Наукъ.

телѣги, сплетенной изъ прутиковъ, и такъ тихо—отъ Бахчисарая до деревни М. П.,—какъ будто на волахъ). Забрался въ самую степную глушь, такую, что передъ ней Симферополь—что-то вродѣ Парижа. Татарская деревушка изъ 90 дворовъ, кругомъ—степь.—барскій домъ М. П. чуть-чуть получше татарскихъ хатенокъ, такая же приземистая мазанка,—едва не шалашъ,—и такая ветхая, что, того и гляди—развалится окончательно. Вскорѣ послѣ моего пріѣзда, въ нашей хатенкѣ явилось фортепіанишко, жиденькое, гнусливое—но держитъ строй и позволяетъ всасыванье чужой музыки и кропанье собственной. Значитъ рай—для меня. Музыкальная моя библіотека тебѣ извѣстна.—Здѣсь у меня 2 оперы Глука, 3 Моцарта (Донъ-Жуанъ, Zauberflöte, Figaro), всѣ симфоніи Бетховена (кромѣ 9-й), всѣ квартеты и прочее скрипичное, всѣ сонаты, обѣ мессы, clavecin bien tempéré; кромѣ того (новое для тебя въ моихъ нотахъ)—мотетты Палестрины (французское изданіе), шестиголосное Crucifixus Lotti и 4 голосное (чудесное) Miserere Durante (изданіе Musica Sacra, берлинское)—полный Clavier-Auszug „Леоноры" Бетховена, т. е. Фиделіо въ прежнемъ видѣ, въ двухъ передѣлкахъ,—то изданіе, о которомъ написалъ Ленцъ; я тотчасъ его и выписалъ черезъ Битнера: полезно присмотрѣться, какъ Лудвигъ поправлялъ и переправлялъ свои вещи,—Schottische Lieder. Кромѣ того: случайно попались въ Симферополѣ ноты, оставленныя Бакунинымъ и очень важныя для меня: 2 псалма Генделя (Clavierauszug съ голосами) и 9 книжекъ партитуръ Гайдновскихъ квартетовъ (въ каждой по 3 квартета) [1]).—Добавь къ этому, что я привезъ съ собою все, что мнѣ нужно—подъ рукою—для справокъ (выписки изъ Берліоза, изъ Глинки, „Marche Marocaine", изъ „Фаниски" и „Лодооски" и т. д.)—„Fra Diavolo" Обера съ замѣтками инструментовки, выписанными собственноручно въ нотной конторѣ и провѣренными съ натуры, потому что я нарочно 2 раза слушалъ оперу и знаю въ ней—все, еще премилая вещь Россини „Conte Ory". Кажется, на бѣдность пособій и пищи пожаловаться трудно, хоть бы и не въ степной деревнѣ. Кромѣ музыки и музыкальныхъ статей, я читаю Вальтеръ - Скотта, которымъ запасся въ новомъ, славномъ переводѣ (французское иллюстрированное изданіе, à bon marché). Есть у меня и „Фаустъ" Гёте, и 1 томъ Шиллера (лирика), и Гомеръ (Фосса), и Biblia Sacra, и—Флаксманъ. Ты видишь, что подумалъ-таки, съ чѣмъ мнѣ ѣхать,—чѣмъ окружить себя—отрѣзавъ себя добровольно отъ Лаблаша, отъ Плесси, отъ оркестра большого

---

[1]) Забылъ еще: всѣ увертюры Мендельсона и одинъ изъ его квартетовъ Fehn, Albrechtsberger, Beeth'Studien.

театра, отъ университетскихъ и Львовскихъ концертовъ и проч. и проч...—Ты напрасно, совершенно напрасно обвинилъ М. П., что будто бы она тебя забыла (!!). Тутъ вышло только недоумѣніе съ письмами (она писала тебѣ въ мартѣ, когда ты еще не покидалъ Италіи). Не проходитъ дня, чтобъ ты не былъ изъ главныхъ, настоятельныхъ предметовъ нашихъ нескончаемыхъ бесѣдъ (во всякое время дня и ночи). Еще какъ разъ наканунѣ твоего послѣдняго письма М. П. говорила, что Богъ знаетъ какъ желала, чтобъ ты былъ вмѣстѣ съ нею и со мною именно теперь. И не подумай, что это что-нибудь въ родѣ façon de parler. У насъ былъ съ М. П. очень серьезный разговоръ вотъ о чемъ: она теперь имѣетъ въ рукахъ средства сейчасъ же (или почти сейчасъ) ѣхать за границу, вотъ и вздумала ѣхать къ тебѣ во Флоренцію съ тѣмъ, чтобы привезти тебя въ Петербургъ, хоть въ концѣ этого 53 года, а я между тѣмъ отправился бы въ Петербургъ и васъ тамъ дождался (такъ какъ раньше первыхъ представленій „Майской ночи“ я изъ Россіи не двинусь). Mais cela ne m'arrange pas. Я въ Петербургъ не хочу возвращаться безъ оконченной или почти оконченной партитуры.

10 января.

Двухдневный антрактъ вышелъ отъ моего нездоровья—я все это время проваляліся съ сильнѣйшею головною болью, которая и здѣсь, какъ на сѣверѣ, частенько отравляетъ мнѣ жизнь и вычеркиваетъ много изъ рабочихъ моихъ дней.

Такъ какъ мнѣ теперь хочется потолковать именно о работахъ нашихъ, то начну прежде всего съ того, что тебя больше прочаго тревожитъ. На счетъ статьи твоей о Листѣ—успокойся—вотъ она; лежитъ на моемъ письменномъ столѣ въ двухъ вершкахъ отъ бумаги, на которой я это пишу. Она славная по смыслу, но—не по формѣ (языкъ довольно тяжелъ, вовсе не такой, какъ ты нынче пишешь), и притомъ есть въ ней и замѣчательные промахи. Цѣлое прошлое лѣто (въ Парголовѣ) я никакъ не могъ получить ее отъ Кони въ руки—то она на дачѣ, а мы видимся въ городѣ, то она въ городѣ, а мы видимся на Безбородкиной (гдѣ Кони жилъ)—ты знаешь, какъ это иногда бываетъ въ Петербургѣ (да я думаю и вездѣ—въ столицахъ). Наконецъ получилъ наканунѣ отъѣзда своего въ Крымъ (вмѣстѣ съ гонораріемъ, котораго накопилось тогда довольно много). Вотъ я и читалъ твою статью въ каретѣ по дорогѣ въ Кіевъ,—чѣмъ иногда крѣпко бѣсилъ Энгельгардта, которому хотѣлось безпрестанно болтать о томъ и о семъ. А я не могъ утерпѣть, потому что статья сильно интересовала меня, какъ и все твое.—Кромѣ промаховъ историческихъ (напр. особенно объ Эмма-

нуилѣ Бахѣ, о которомъ Брендель—сильнѣйшій авторитетъ для меня во всемъ историческомъ—говоритъ совершенно иначе, чѣмъ ты въ этой статьѣ), кромѣ недостатковъ со стороны послѣдовательнаго развитія ф. п. съ самаго начала до времени Листа, я нахожу и о немъ самомъ со стороны арранжировки его, какъ продолженій „Бетховенскаго" пониманья ф. п. далеко не все сказано, что тутъ надобно сказать—не показанъ ясно рѣшительный переломъ, который Бетховеномъ и имъ сдѣланъ въ отношеніи Clavier-satz вообще, т. е. прежде ихъ и даже имъ современно въ ф. піанныхъ вещахъ было царство генералъ-басной игры, —діаметрально—противуположной всѣмъ условіямъ красоты звука въ распредѣленіи аккорда на ф. п. и съ другой стороны—удивительное дѣло!—столько же несогласной и съ Quartett-й Orchestersatz! Вглядываясь въ Бехтовенскую манеру писать для ф. п., я больше и больше убѣждаюсь, что весь Листъ вышелъ изъ этой манеры. Sapienti sat—и ты, конечно совершенно согласенъ со мною и разовьешь эту мысль какъ слѣдуетъ. Я хотѣлъ было самъ сдѣлать всѣ необходимыя поправки, оговорки и дополненія къ статьѣ въ видѣ примѣчаній „издателя" но мнѣ показалось потомъ неловко, и я рѣшился подождать тебя самого. Въ томъ же видѣ, какъ теперь, статья рѣшительно не должна быть въ печати. Но жаль, если ты ее совсѣмъ забросишь, тамъ есть превосходныя вещи, совершенно новыя для всѣхъ и нужныя для музыкальной публики, т. е. для того небольшого кружка, для котораго и я пишу. Взглядъ нашъ на всѣ музыкальныя дѣла, какъ онъ выраженъ въ твоей статьѣ, до того общій между нами, что я увѣренъ, многіе сочли бы статью о Листѣ—моею (такъ какъ меня начинаютъ уже знать по этимъ статьямъ). Многое у тебя какъ будто повторенье, иное какъ будто продолженіе того, что я помѣщалъ въ 52 году въ „Пантеонѣ". —Только многое кое-что ты перемѣнишь, потому что далеко не все то зналъ по музыкѣ, что знаешь теперь какъ свои десять пальцевъ.

10 января 1853.

Насчетъ нѣкоторой вялости двухъ тебѣ извѣстныхъ моихъ статей, мнѣ еще Дмитрій замѣтилъ. Со стороны манеры писать, это вовсе не изъ лучшаго, что мнѣ удалось. Но со стороны дѣла самого я считаю разборъ книги Ленца довольно—важнымъ. Вообрази себѣ, что съ тѣхъ поръ, какъ эта книга вышла, не было ни одной критики, написанной съ серьезнымъ направленіемъ,—ни одной, кромѣ моей! Пусть, значитъ, было бы и въ десять разъ больше недостатковъ въ моей критикѣ, ужъ одна серьезность взгляда выкупаетъ многое. Статья какого-то Paul Smith (въ „Revue

musicale“)—просто стыдъ что такое!—статья Берліоза (въ „Débats“) —французская болтовня—хотя есть нѣсколько отличныхъ строкъ о Бетховенѣ, которыя я себѣ и выписалъ. Нѣмецкихъ критиковъ мнѣ не случилось читать. Но я думаю, тамъ нашлись люди, которые отщелкали Ленца порядочно. Одинъ Брендель чего-нибудь стоитъ въ этомъ случаѣ, онъ же редакторъ Лейпцигской музыкальной газеты. Тамъ должно быть много замѣчательнаго, и не мѣшало бы съ ней познакомиться за все послѣднее время—какъ мнѣ было пріятно встрѣтить въ Бренделѣ какъ будто переводъ многихъ изъ моихъ доказательствъ, помѣщенныхъ въ критикѣ книги Ленца. Такъ напр. о глухотѣ Бетховена, которая ему не могла мѣшать въ сочиненіи—нисколько. Такъ еще о перевѣсѣ Бетховенскихъ симфоній передъ Моцартовскими—наконецъ, о 2 муссѣ и 9 симфоніи. О второй мессѣ Брендель говоритъ лучше моего, потому что слышалъ ее въ исполненіи (и не одинъ разъ) и отлично знаетъ старыхъ итальянцевъ.—А вліяніе ихъ на Бетховена въ этомъ случаѣ—яснѣе дня. Первое мое прикосновеніе къ Палестринѣ и другимъ показало мнѣ тотчасъ ближайшее родство этихъ звуковъ съ многими частями Credo.—Тэма Sanctus есть даже цѣликомъ въ одномъ мотеттѣ Палестрины, это мнѣ еще Дмитрій показывалъ. Родство звуковъ тутъ всего больше основано на церковныхъ тонахъ (Kirchentonarten), которые именно и придаютъ старинный католическій колоритъ. Эта сторона мессы—какъ Брендель разсказываетъ—очень удивляла Мендельсона, т. е. онъ никакъ не ожидалъ (!) найти ее въ Бетховенскомъ произведеніи. Сколько я теперь вижу, Бетховена въ послѣднее время чрезвычайно тянуло къ этимъ „церковнымъ тонамъ“ вообще: припомни послѣдніе квартеты. Кромѣ извѣстной „canzona in modo lidico“, тамъ и безъ подписи очень часто встрѣчаются то дорическій, то эолическій тонъ. Вообрази себѣ, что Глинка совсѣмъ не знаетъ этихъ kirchentonarten! [1]). Для того, чтобы все это знать какъ слѣдуетъ, надобно кажется родиться или нѣмцемъ или жидомъ [2]).

Мнѣ давно уже хотѣлось побесѣдовать съ публикою о Донъ-Жуанѣ Моцарта, съ тѣмъ, чтобы очистить эту оперу отъ „вранья“ Улыбышева. Я и приготовилъ было еще для „Современника“ статью о Д. Ж., гдѣ всего этого коснулся, но не слишкомъ подробно. По счастью редакція „Современника“ признала эту статью черезъ чуръ

[1]) Это совершенно невѣрно: въ „Русланѣ“ у него много разъ употреблены церковные тоны, какъ я на это указывалъ въ своей статьѣ о немъ, 1857 года. *В. С.*

[2]) О Гайднѣ я сказалъ правильно. Развѣ Моцартъ и Бетховенъ не ему обязаны созданіемъ симфоническаго оркестра и пр., и пр.?

„музыкальною“ для ихъ „литературы“. Между тѣмъ книга Ленца натолкнула меня на Улыбышева, со стороны вранья его о Бетховенѣ, которое, конечно, было мнѣ извѣстно, но я почти забылъ о немъ. Вотъ я и принялся за желтыя книжки, тебѣ довольно знакомыя. Сидѣлъ надъ ними все лѣто—entr'autres choses—и написалъ три письма къ Улыбышеву по случаю толковъ о Моцартѣ и Бетховенѣ (одно въ 20, другое тоже въ 20, третье въ 40 страницъ). Теперь же, въ Крыму—разрѣшился огромной статьей: „Моцартовъ Д. Жуанъ и его панегиристы“ (половину, т. е. 1 отдѣлъ, страницъ въ 40, вчера отправилъ къ Дмитрію, нашему „уполномоченному“ въ дѣлахъ съ типографіею). Возвращенная мнѣ Некрасовымъ статья послужила только пособіемъ, потому что я теперь разработалъ всѣ стороны иначе и довольно подробно. Твои примѣчанія на поляхъ книги Улыбышева почти всѣ пошли въ дѣло, sans scrupules:—я воспользовался всѣми твоими мыслями, которыя въ этихъ случаяхъ все равно, что мои собственныя. Но то, что ты сказалъ въ двухъ словахъ—для насъ двухъ,—надо было пояснить на 10 печатныхъ страницахъ—для публики, да и то врядъ ли еще поймутъ какъ слѣдуетъ. Въ моихъ писаніяхъ у меня есть Сцилла и Харибда: или я уклоняюсь въ манеру нѣсколько сухого, педантскаго доказательства—подробнаго какъ анатомическій курсъ—или разгорячусь немножко, размахаюсь и помѣщаю иногда доводы почерпнутые—на днѣ чернильницы. Равновѣсія тутъ, какъ и вездѣ, —на математической, т. е. едва—замѣтной линіи, которую не всегда удается найти. Замѣченные тобою промахи „contre la haute école“ (пусть это останется техническимъ выраженьемъ) относятся почти всѣ къ этой „размашистости“, которая, конечно, въ гораздо большей степени, чѣмъ во мнѣ, повредила и Улыбышеву. Въ письмахъ къ нему ты, вѣроятно, найдешь несравненно больше промаховъ, потому что я много горячился, а предметъ иногда до крайности тонокъ, едва уловимъ въ чертахъ разграниченія—и не трудно немножко заѣхать въ сторону (какъ при раскрашиваніи какого-нибудь очень мелкаго плана); изволь, напримѣръ, доказать, не обижая Моцарта, что бетховенскіе и квартеты, и симфоніи лучше моцартовскихъ; квинтетовъ бетховенскихъ обоихъ я не очень люблю, и они наврядъ ли лучше Моц.—а что даже 1-я и 2-я симфонія Бетховена лучше даже „Юпитера“—въ этомъ я нисколько не сомнѣваюсь, да кажется и ты также,—и Брендель и всѣ смыслящіе только. Опровергнуть главнѣйшее вранье Улыбышева о симфоніяхъ вообще,—на что̀ Ленцъ только намекнулъ (хотя довольно зло),—казалось бы, и не трудно въ существѣ, но пришлось читать публикѣ чуть не цѣлый курсъ объ идеалѣ симфоническаго стиля, какъ мы

его теперь понимаемъ, послѣ 9-ти симфоній Бетховена, пришлось, говоря о мысли бетховенской, которой въ симфоніяхъ ни Гайдна, ни Моцарта не было вовсе—затрагивать много такого, что еще никогда, кажется, никѣмъ не было затронуто нисколько—а въ совершенно новыхъ матеріяхъ и Гегель не умѣлъ говорить ясно и опредѣлительно. По случаю Гегеля я вспомнилъ, что въ „Москвитянинѣ“ меня величаютъ отчаяннымъ „гегеліанцемъ“—а тебѣ извѣстно, проходилъ ли я когда-нибудь философскій курсъ? По всему этому, не будь слишкомъ строгъ ко мнѣ, когда тебѣ попадутся въ руки эти письма къ Улыбышеву. Въ статьѣ о Д. Ж. были и будутъ свои трудности, но меньше, чѣмъ въ тѣхъ матеріяхъ. Тутъ больше соприкосновенья съ обще-поэтической почвой и, значитъ, меньше абстрактности. На Руси должно многимъ очень страннымъ казаться, какъ это человѣкъ такъ долго толкуетъ и такъ серьезно, о чемъ же—о музыкѣ?!, объ оперѣ, объ оперной критикѣ?! И такъ какъ музыкальная образованность—для всего этого необходимая, у насъ еще очень хромаетъ, то съ этой стороны мнѣ немножко досадно, что я пишу (и долженъ писать) по-русски. У насъ даже съ трудомъ отводятъ мѣсто въ журналахъ для такихъ серьезно-музыкальныхъ статей, которыя на фельетонъ никакъ не похожи. Но—это все равно! Было бы написано, высказано само дѣло.

О чемъ я здѣсь въ Крыму не разъ искренно пожалѣлъ—это о невозможности читать то, что ты присылаешь изъ Италіи—особенно статьи, которыя еще лучше писемъ!—Потеря, конечно, отчасти вознаградимая, потому что, какъ только возвращусь въ Петербургъ, тотчасъ же прочту все разомъ. Но своевременность теряется—да и для тебя—нехорошо,—это я знаю по себѣ. Ни за что бы не отдалъ свою оперу на сцену, еслибъ зналъ, что ты не пріѣдешь къ ея главной пробѣ и первому представленію. Судъ каждаго изъ насъ для другого, какъ я теперь вижу, рѣшительно важнѣе суда всѣхъ прочихъ вмѣстѣ. Я надѣюсь, что ты будешь въ Петербургѣ гораздо прежде, чѣмъ опера моя будетъ въ дирекціи, а то, право, не зналъ бы, какъ съ этимъ быть. Я тоже, какъ и ты, ненавижу сужденій „en gros“—не того намъ нужно. И такъ, я вѣрю, что тебѣ теперь менѣе занимательна судьба твоихъ писемъ и статей въ Петербургѣ, тѣмъ болѣе, что ты все еще колеблешься—очень неосновательно, по моему мнѣнію. Что за тобой—то уже очень выходитъ изъ ряду того, что было въ этомъ родѣ—открываетъ новыя интеллектуальные пути для всѣхъ читающихъ съ толкомъ и достаточно подготовленныхъ для такого чтенія (безъ сомнѣнія не популярнаго и не легкаго фельетоннаго—чортъ бы побралъ эту „легкость“).—Всѣ же подготовленные не могутъ не радоваться и не любоваться на эти

прекрасныя статьи. Искренно желаю, чтобъ успѣхъ статей объ Италіи (которыя я на дняхъ рекомендовалъ Бакунинымъ—они всѣ теперь собрались въ Твери, Алексѣй не воротился больше въ Крымъ къ моему горю)—чтобъ этотъ успѣхъ окрылилъ тебя на дальнѣйшее, чтобы ты, не унывая и не думая колебаться, писалъ да писалъ.—О себѣ скажу, что и меня мучитъ одно обстоятельство, съ которымъ не въ силахъ сладить—это медленность работы! Я ползу, просто, какъ черепаха, и когда же—въ самые сильные, самые дѣятельные годы, цвѣтъ жизни!! То, что удается кончить, выходитъ—хорошо, я совсѣмъ доволенъ многимъ и многимъ—но какъ мало всего этого! Какъ можно 3 года почти трудиться надъ оперой весьма небольшой и несерьезной! И послѣ 3-хъ лѣтъ все еще не кончить! Хорошо, если это только съ первою большою вещью, а если и всегда такъ будетъ—это какая-то странная ошибка во всей моей организаціи, съ которою и бороться почти невозможно. А жаль! при большой быстротѣ въ работѣ было бы много утѣшенья и мнѣ, и тебѣ, и всѣмъ, всѣмъ. Все пошло бы иначе въ моей жизни. Право, не знаю, чѣмъ и какъ тутъ пособить! Иногда пойдетъ какъ будто и быстро—а тамъ опять мѣсяцъ, два—заколодитъ и ни шагу впередъ!—Въ Парголовѣ только подъ конецъ лѣта я сдѣлалъ кое-что. Тутъ отъѣздъ—прибытіе, все это съѣло больше мѣсяца.

Въ Крыму въ ноябрѣ я работалъ очень дѣятельно и кончилъ почти три номера (значительная часть совершенно новая—въ томъ числѣ одно тріо, надъ которымъ я корпѣлъ еще при тебѣ и все выходило некстати трагически, а здѣсь въ Бурлукѣ—видно созрѣло давно внутри—вылилось разомъ и удачно совсѣмъ). Подъ конецъ мѣсяца—не пошло,—я и принялся за статью о „Донъ Жуанѣ"—и писалъ какъ-то лѣниво—почти цѣлый мѣсяцъ; въ остальное время, конечно, работалъ надъ оперою: оркестровалъ то и се, полировалъ, поправлялъ, но это все вѣдь не въ счетъ. Новаго не прибавилось. Такъ и новый годъ начался, довольно кисло—при томъ же и нездоровъ я былъ.

Совѣты твои насчетъ маленькихъ, дѣтскихъ вещей для ф. п.,—для меня, кажется, рѣшительно не годятся. Варіаціи мнѣ никакъ не удаются и все вообще въ этомъ мелкомъ родѣ. Къ чему я чувствую себя способнымъ—такъ къ квартетной музыкѣ, и тотчасъ послѣ „Майской ночи" примусь за квартеты. Еще моя бѣда: отъ партитуръ, что ли, или ужъ такъ на роду написано, у меня стали жестоко побаливать глаза! Каково же это для того, кому цѣлый вѣкъ надо возиться съ мелко-графленой бумагой!

Впрочемъ, не смотря на все это въ „Майской ночи" осталось только два большихъ куска, надъ которыми надо много работать

(комическая сцена возни хлопцовъ съ Головой,—и то уже основа, т. е. пѣсня есть; и—сонъ, чисто инструментальная вещь). Прочее все готово en esquisses terminées—иное уже и въ партитурѣ. Надъ оркестромъ я работаю тоже кропотно, потому что, не желая осрамиться, какъ Даргомыжскій и Рубинштейнъ, взвѣшиваю каждую нотку.—Я писалъ тебѣ, кажется, что „Молитва" остается за штатомъ, потому что, какъ я нынче понимаю свою оперу, эта музыка къ Ганночкѣ—не идетъ. Отрѣзать эту „Молитву" отъ оперы было для меня операціей довольно чувствительной, потому что я люблю ее,—но дѣлать нечего.

Въ благодарность за то, что ты такъ ее любишь, посылаю тебѣ одну мелодійку, написанную еще лѣтомъ, въ Парголовѣ. Не знаю, какъ ты ее найдешь, но мнѣ кажется, что на мѣстѣ это будетъ то, что тутъ слѣдуетъ. Текста я не подписалъ, потому что его еще нѣтъ—прежнія слова не годятся, а новыхъ еще изъ Москвы не получилъ. Текстъ извѣстный—въ родѣ „Сердце тонетъ въ райскомъ счастьи"-для предпослѣдней строки. Изъ Крымскихъ работъ хотѣлось бы послать тебѣ минорное Allegro (B moll 3/4), которое я считаю своимъ нынѣшнимъ Meisterstück'омъ, да много переписывать. Дождись лучше всего вмѣстѣ—оно и лучше, когда все на своемъ мѣстѣ, въ связи.—По моему мнѣнію, та опера нехороша, которую можно рѣзать по кусочкамъ, безъ вреда отдѣльному впечатлѣнію. Изъ „Zauberflöte" одна арія Зарастро E-dur исполняется въ концертахъ.

Замѣть, что я пишу къ тебѣ въ послѣдній день моего тридцать-третьяго года. Этимъ письмомъ кончаю свой годъ. Дай Богъ, чтобъ гораздо раньше слѣдующаго дня моего рожденія мы были всѣ вмѣстѣ.

Прощай! пиши мнѣ больше. А. С.

14 января 1854.

Жаль мнѣ будетъ, если этимъ пакетцемъ я только накажу тебя на 3 цѣлковыхъ—и больше ничего, т. е. если ни музыка посылаемая, ни статьи не доставятъ тебѣ большого удовольствія. Что письмо не слишкомъ удачно—въ этомъ я увѣренъ, М. П. просто назвала его кислымъ и вялымъ, какимъ я самъ былъ всѣ эти дни, потому что былъ нездоровъ. Впрочемъ на меня иногда находитъ какая-то убійственная вялость вообще, точно такая, какъ та, которая составляетъ всю основу натуры сестры моей Лизы (отчасти и Липочки)—какое-то скверное, противное равнодушіе ко всему на свѣтѣ—какая-то душевная „спячка".—Я иногда завидую такимъ натурамъ, какъ твоя и М. П.!—Вѣрно, въ васъ есть же много об-

щаго, что даже папа васъ сблизилъ въ изреченіи, которое повторялъ много разъ, что ты и М. П. меня погубили (!). Хороша погибель! Не будь васъ, изъ меня бы вышло еще меньше толку, чѣмъ теперь, а и теперь-то не очень много, въ сравненіи съ тѣмъ, что мнѣ дано. Проценты слишкомъ маленькіе съ большого капитала. О, еслибъ немножко холеризма въ мой сангвинико-флегматическій темпераментъ!—Грустно, а пособить, кажется, нѐ чѣмъ!

... Ты мнѣ не написалъ, составилъ ли ты себѣ вѣрное и довольно полное понятіе о книгѣ Ленца, прочитавъ мною критику? Увидѣлъ ли ты ясно, что онъ такой же умный дуракъ, какъ и Улыбышевъ, только что немножечко современнѣе и остроумнѣе? О характеристикѣ 3-хъ стилей Бетховена не такъ слегка можно говорить, какъ онъ вздумалъ. Я знаю по опыту, какъ трудно это разграниченіе и какъ легко ввести читателей въ заблужденіе, совершенно неумышленно. Мнѣ нынче ничто такъ не противно, какъ вранье въ серьезныхъ или полу-серьезныхъ книгахъ.

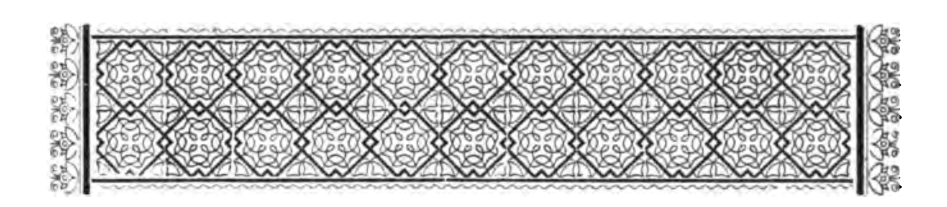
Особенно вранье, щеголяющее слогомъ, какъ у Ленца и Улыбышева. Эта противная французская болтовня, которая и въ Бюффонѣ, напримѣръ, была для меня всегда несносна. Цѣлую жизнь не перестану всѣми силами вооружаться противъ этихъ виртуозовъ слога, исказителей правды.

Откуда идетъ этотъ пакетецъ?—изъ Крыма, изъ чисто-азіатскаго уголка „пространнаго“ Россійскаго Государства—куда идетъ?—на западъ, въ Италію, въ Тоскану!! Съ юга на югъ, чего мнѣ прежде еще не приходилось—но какая разница! Когда-то и я увижу европейскій югъ, Европу вообще! Азія довольно прискучила. Особенно въ послѣдній вояжъ—алеутство всего вмѣстѣ крѣпко надоѣло.

А. С.

Сообщ. В. В. Стасовъ.

Бытовые очерки прошлаго.

(По архивнымъ документамъ).

Кто больше виноватъ? [1]).

I.

Зажиточный былъ крестьянинъ Григорій Степановъ, жившій въ половинѣ XVIII вѣка въ деревнѣ Аксеновой, Парфеньевскаго уѣзда Костромской губерніи. Ему принадлежало нѣсколько штукъ крупнаго и мелкаго скота; не было еще года, чтобы Григорій не свезъ на продажу ржи и овса въ Галичъ; избу его называли „о дву сѣняхъ". Деревня Аксенова состояла за коллежскимъ ассессоромъ Павловымъ въ вотчинѣ, которому Григорій „барскій оброкъ платилъ бездоимочно". Но не далъ Богъ вѣка Григорью Степанову и, не доживъ еще полныхъ 45 лѣтъ, онъ умеръ въ 1765 году, оставивъ послѣ себя вдову Матрену Моисееву, сына Мину 10 лѣтъ да жившаго съ нимъ вмѣстѣ на положеніи „свойственника" (не полноправнаго хозяина) родного своего брата Фоку Степанова, „скорбнаго болѣзнями".

Нелегкую, конечно, жизнь пришлось нести вдовѣ съ малолѣтнимъ сыномъ и недужнымъ деверемъ, и какъ только первому исполнилось 15 лѣтъ, она поспѣшила его женить, взявши такимъ образомъ себѣ въ домъ „работницу". Ѳедбра Ефремова, вышедшая замужъ за Мину Григорьева, была крестьянская дочь изъ сосѣдней деревни „Середняго двора" 17 лѣтъ, почти на 2 года старше мужа. Мина былъ очень тщедушенъ и горячъ нравомъ, Ѳедбра же казалась угрюмой, рослой женщиной, чуть не на голову выше Мины; спокойствіе царило на ея широкомъ рябоватомъ лицѣ, а упрям-

---

[1]) Моск. Архивъ М. Ю. Дѣло Чухломскаго упраздненнаго уѣзднаго суда № 1111. Собственныя и географическія имена принадлежатъ подлиннику, котораго настоящій очеркъ является обработкою.

ства ея не скрывали и родители при сватовствѣ за сына Григорья Степанова.

Несходство характеровъ скоро, конечно, стало сказываться въ жизни молодыхъ. Торопится, напримѣръ, Мина закладывать лошадь и кричитъ женѣ дать ему дугу. Та плавно и медленно, точно въ хороводѣ, идетъ къ стѣнѣ навѣса, гдѣ виситъ дуга. Въ нѣсколькихъ саженяхъ видитъ ее отъ себя Мина, такъ бы, кажется, и взялъ бы ее самъ, да приходится за оглобли держать лошадь.

— Скорѣе, Өедо́ра!—кричитъ онъ женѣ.

— Успѣешь,—спокойно отвѣчаетъ та, такъ же медленно снимая и дугу и также плавно возвращаясь къ мужу.

Пришла какъ-то Матрена Моисеевна къ молодымъ въ „горницу", но пришла не во время: ея невѣстка, не смотря на просьбы мужа, не соглашалась съ нимъ ѣхать въ деревню Никонову къ крестьянину Родіону Семенову на именины. Матрена Моисеевна поддержала сына.

— Мать!—сказала тогда Өедо́ра,—уйди лучше вонъ, нето я убѣгу.

Свекровь со слезами на глазахъ повернулась назадъ.

— Какъ же ты смѣешь моей матери непочтеніе оказывать!—съ сжатыми кулаками закричалъ на жену Мина, когда Матрена ушла отъ нихъ.

— Она твоя мать, а не моя,—угрюмо смотря въ полъ,—отвѣтила Өедо́ра.

— Ты знаешь — я твоей матери и отцу должное послушаніе и ласку всегда чиню, а ты всегда напротивъ дѣлаешь!—трясясь отъ гнѣва, кричалъ мужъ.— Онъ не могъ сдержать себя и поколотилъ жену, хотя это ему удалось съ большимъ трудомъ, потому что жена была очень сильна и защищалась отчаянно.

Чрезъ два года послѣ женитьбы Мина заболѣлъ: на спинѣ стали появляться нарывы съ такою сильною болью, что крестьянину невозможно было не только работать, но даже лежать долго въ одномъ положеніи. Повертываться ему, лежа на постелѣ, было очень трудно; мать или иногда жена помогали ему мѣнять положеніе. У Мины появился ознобъ и сильная головная боль.

— Поддержи меня, Өедо́ра,—сказалъ онъ однажды женѣ,—я перелягу на правый бокъ, только ты какъ можно остерегись браться около лѣваго плеча: тамъ у меня нарывъ и смертельная боль.

— Ты, кажется, много прибавляешь въ своей болѣзни, лежебочишь!—съ сердцемъ отозвалась жена и, перевернувъ мужа, изъ всей силы толкнула его въ лѣвое плечо своей рукой.

— Охъ!—застоналъ и заметался Мина, впадая въ безпамятство.

Когда онъ черезъ нѣсколько минутъ пришелъ въ себя, то почувствовалъ гораздо хуже: ко всему прежнему присоединилась еще необычайная слабость. Явившуюся мать онъ упросилъ съѣздить за своимъ отцомъ духовнымъ, священникомъ церкви Николы Чудотворца, въ Каликинѣ, находящейся отъ ихъ деревни верстахъ въ четырехъ. Прибывшій священникъ о. Филиппъ Ивановъ Мину Григорьева исповѣдовалъ и причастилъ.

— А въ совѣтномъ или несогласномъ житьѣ съ женою пребываешь?—спросилъ Мину почти передъ самымъ своимъ уходомъ о. Филиппъ.

— Какъ всѣ православные крестьяне,—тихо отвѣтилъ больной.

На слѣдующій день нарывы на спинѣ Мины прорвались, онъ сразу почувствовалъ себя здоровымъ и черезъ нѣсколько часовъ всталъ съ постели.

— Я говорила, что ты прибавляешь свою болѣзнь: видишь, ты уже всталъ—какой это недугъ!—говорила Минѣ съ улыбкою его жена.

Выздоровѣвшій молчалъ, но недоброе чувство подступило къ его сердцу.

II.

Прошло 3 года. 8 іюля 1775 г. въ самый праздникъ Казанской Божіей Матери и въ день чествованія Прокопія Устюжскаго, Христа ради юродиваго, почти всѣ крестьяне деревни Аксеновой отправились на пожни убирать сѣно. Праздникъ этотъ очень чтился между ними, но сѣно стояло уже въ копнахъ, высушено, оставалось только убрать его. Высушено же оно было безъ капли дождя, а на небѣ заходили тучи, и крестьянамъ не хотѣлось, чтобы оно было вымочено въ самомъ концѣ работы.

На телѣгѣ вмѣстѣ съ женою выѣхалъ и Мина Григорьевъ. Другіе его односельчане переѣхали рѣку Идолъ, гдѣ по берегу и стали убирать сѣно. Мина же съ Ѳедорой остановились на небольшой пожнѣ у мелкаго лѣску, не переѣзжая рѣки. Здѣсь въ копнахъ стояло скошенное имъ за нѣсколько дней назадъ сѣно. Лошадь Мина привязалъ къ одному изъ деревьевъ, а самъ съ женою принялся за работу; на пожнѣ они были только вдвоемъ.

Вилами таскалъ Мина сѣно и подавалъ женѣ, а та, стоя на верху стога, принимала, укладывала и обминала сѣно: стогъ выросталъ и выросталъ. Около часа работали они такимъ образомъ. Все дальше и дальше приходилось отходить Минѣ отъ стога къ копнамъ, и всѣ быстрѣе и быстрѣе бѣгалъ онъ съ охапкою сѣна на вилахъ къ женѣ. Бѣгомъ пустится парень и назадъ съ пустыми

вилами, оглянется, а жена его, стоя на стогу, то волосы поправитъ, то сарафанъ, то обопрется руками въ бока и смотритъ неподвижно вдаль. Мина прибѣжитъ съ новой охапкой сѣна, а она еще прежняго не уложила.

— Проворнѣй, Ѳедора,—закричалъ наконецъ Мина, выведенный изъ терпѣнія.

— Чего орешь, чтобъ тебя лѣшій взялъ!—спокойно и невозмутимо отвѣтила ему жена, опуская руки.

Мина промолчалъ и еще скорѣе побѣжалъ за сѣномъ, а жена вновь не спѣша принялась за его укладку. Копенъ уже осталось немного, только видитъ Мина, что одинъ изъ краевъ стога совсѣмъ внизъ свѣсился, того гляди, упадетъ, подбѣжалъ поближе—и на другой сторонѣ тоже.

— Стой, Ѳедора!—крикнулъ онъ женѣ:—не умѣешь стога вывершить, смотри, онъ свалится...

— А чортъ тебя возьми съ своимъ сѣномъ!—со злостію отвѣтила жена,—дѣлай самъ, какъ знаешь!—и съ этими словами она спустилась, или—вѣрнѣе скатилась со стога внизъ.

— Какъ же ты смѣешь, не кончивъ, работу бросать?—наступая на жену, крикнулъ Мина.

— Смотри, какой страшный!—огрызнулась Ѳедора.—Убирайся къ чорту и доканчивай тамъ работу, а меня не трогай!—повертываясь къ мужу, прибавила она.

Мина забѣжалъ впередъ жены и, схвативъ за руку, хотѣлъ ударить ее по лицу (или, какъ сказано въ документѣ, „въ рожу“), но Ѳедора свободной рукой во-время удержала руку мужа. Утомившись отъ работы, Мина почувствовалъ, что ему не сладить съ женою. Тогда, рванувшись изъ всѣхъ силъ, онъ освободилъ свои руки и, выхвативъ изъ-за пояса топоръ, обухомъ дважды ударилъ жену по спинѣ.

— Убиваютъ!—со стономъ повалилась Ѳедора на поле.

Не помня себя, „въ запальчивой своей ярости“,—какъ говоритъ документъ,—перевернувъ топоръ остріемъ, сколько набралось силъ, Мина ударилъ жену по шеѣ.

— Уби!..—вновь усышалъ онъ слабо голосъ жены и тотчасъ же увидѣлъ, какъ кровь ручьемъ хлынула изъ горла, лицо ея сдѣлалось блѣдно, вѣки судорожно заморгали.

Мина бросилъ топоръ, опустился возлѣ жены на колѣни и, схвативъ за руку, потрясъ ее.

— Ѳедора!—умоляющимъ голосомъ произнесъ онъ.

Но жена была нѣма, глаза какъ-то помутнѣли, а кровь продолжала литься изъ шеи. Мина бросился къ стогу, вырвалъ пучекъ сѣна

и, подбѣжавъ къ женѣ, заткнулъ имъ рану въ горлѣ. Онъ ближе наклонился къ женѣ: глаза ея стояли неподвижно, грудь не поднималась, дыханія не было: Ѳедора стала мертвецомъ.

Въ безсиліи опустился Мина на землю и сѣлъ около лежавшаго трупа жены, вглядываясь въ ея лицо.

Нѣсколько минутъ пробылъ онъ въ такомъ положеніи, потомъ всталъ, взялъ топоръ, вытеръ на немъ кровь сѣномъ; подойдя къ трупу жены, онъ приподнялъ его и, поддерживая голову Ѳедоры рукою, чтобъ не оторвалась отъ шеи, онъ потащилъ трупъ къ лѣску, къ тому мѣсту, гдѣ стояла лошадь. Здѣсь въ небольшомъ овражкѣ, между двухъ березъ, онъ и положилъ трупъ, а сверху закидалъ его ельникомъ. Послѣ того онъ вернулся къ тому мѣсту, гдѣ убилъ жену, поднялъ топоръ и, сѣвши въ телѣгу, поѣхалъ на другую пожню на рѣкѣ Идолѣ, „къ своей ватагѣ", какъ сказано въ документѣ.

— Что жъ ты одинъ, безъ жены, а гдѣ же Ѳедора?—спрашивали его односельчане.

— Ушла отъ меня, а куда,—не знаю,—отвѣчалъ Мина, стараясь не глядѣть на спрашивающаго. Онъ помогъ работавшимъ въ уборкѣ и вмѣстѣ съ ними вернулся въ свою деревню.

— Ѳедора еще не была? — спросилъ Мина мать по приходѣ домой.

— Нѣтъ; а ты гдѣ ее оставилъ? — въ свою очередь спросила сына Матрена Моисеевна.

— На нашей пожнѣ стогъ докончить, а самъ я поѣхалъ на рѣку Идолъ и вернулся съ нашими аксеновцами. Ужъ не случилось ли чего съ нею?—въ смущеніи замѣтилъ Мина.

— Подождемъ; можетъ быть, еще вернется,—отозвалась мать.

Однако день началъ уже клониться къ вечеру, а молодая женщина все не являлась. Тогда мать велѣла сыну запречь лошадь и вмѣстѣ съ нимъ и братомъ отца „скорбнымъ" Фокою Степановымъ поѣхали къ тому стогу, который укладывалъ Мина Григорьевъ съ женою. Отъ деревни Аксеновой до пожни, гдѣ была убита Ѳедора, считалось около четырехъ верстъ; мать съ сыномъ и деверемъ пріѣхали туда, когда ужъ начинало смеркаться.

— Такъ нѣсколько копенъ я и не убралъ, оставилъ Ѳедорѣ, а она куда ушла, не знаю,—въ смущеніи говорилъ Мина, когда они появились у стога.

— Позови ее громче: можетъ быть, не спряталась ли гдѣ въ кустахъ, она вѣдь очень упряма,—обратилась Матрена къ сыну.

— У меня голосъ что-то ослабъ, я не могу; мнѣ недужится,— отвѣтилъ тихо Мина, не глядя на мать.

— Θедора! Θедора!—послышались въ слѣдъ за тѣмъ голоса Матрены и Фоки Степанова.

Всѣ трое начали ходить по полю, порою приближаясь къ лѣску, который тянулся въ ту и другую сторону на разстояніи версты. Такъ какъ Θедоры не отыскивалось, а ночная пора наступала, то Матрена Моисеевна рѣшила оставить поиски до завтрашняго дня.

— Все равно въ лѣсу теперь ничего не увидимъ,—сказала она,—уже темно, а завтра съ утра можно будетъ пріѣхать сюда. Можетъ быть, Θедора безъ насъ уже и вернулась домой?—обратилась она къ сыну.

Мина молчалъ.

Утромъ на другой день Матрена зашла къ сыну и очень удивилась, что онъ не ложился спать на ночь, а сидѣлъ на скамьѣ.

— Я не могу ѣхать съ вами,—сказалъ онъ матери,—мнѣ очень недужится.

— И гдѣ бы ей быть?—глядя на сына, спрашивала между тѣмъ мать.—Не ушла ли къ отцу въ деревню, заѣхать развѣ къ нему?—вновь сказала Матрена.

— Не знаю... спросите дядю! — какъ-то невпопадъ бормоталъ Мина, не глядя на мать.

Матрена Моисеевна вдвоемъ съ деверемъ поѣхали на пожню; тамъ недалеко отъ стога они разглядѣли на травѣ капли крови, незамѣченныя вечеромъ; кровяной слѣдъ съ перерывами шелъ къ лѣску, вскорѣ имъ бросилась въ глаза кучка ельнику, разбросавъ который, они увидали лежавшій трупъ Θедоры съ синимъ, обрызганнымъ кровью лицомъ.

Черезъ часъ Матрена Моисеевна съ печальнымъ и укоризненнымъ лицомъ входила къ сыну.

Тотъ сидѣлъ въ томъ же положеніи, какъ и утромъ, понуривъ голову. Вдругъ онъ быстро поднялся и упалъ матери въ ноги.

— Прости меня, родительница!—только и могъ онъ произнести; по избѣ понесся отчаянный вопль, почти тотчасъ же слившійся съ другимъ—женскимъ.

III.

Того же 9 октября „утромъ“, слѣдовательно, черезъ два—три часа по возвращеніи съ пожни Матрены Моисеевны къ сыну, въ деревню Кузнецову—вотчину названнаго помѣщика Павлова, которому принадлежала Аксенова, „къ сотскому 22 сотни Дементью Петрову“ явился Фока Степановъ и разсказалъ объ убійствѣ его племянникомъ жены на пожнѣ во время работъ. Мина Григорьевъ

былъ взятъ тотчасъ же въ „караульную избу“ при деревнѣ, а на другой день, 10 октября, доставленъ въ Парфеньевскую воеводскую канцелярію.

Въ канцеляріи, при допросѣ, Мина Григорьевъ въ убійствѣ своей жены сознался и добавилъ, что „сдѣлалъ онъ то отъ одной безпутной своей сердитости“, безъ „умышленія“.

Такъ какъ тѣло убитой Ѳедоры Ефремовой продолжало оставаться въ овражкѣ лѣса, то воеводская канцелярія предписала сержанту Обертенкину, „дабы по нынѣшнему лѣтнему воздуху отъ того тѣла смрадной вони не умножилось“, погрести его при церкви Николая Чудотворца въ Каликинѣ, что 13 октября и было исполнено.

Парфеньевская воеводская канцелярія при рѣшеніи дѣла Мины Григорьева, сознавшагося чистосердечно въ убійствѣ жены, но отрицавшаго его умышленность, была поставлена въ затруднительное положеніе. Она собрала „обыски“ о поведеніи убійцы, и 22 человѣка, его знавшихъ, въ томъ числѣ и отецъ его духовный, показали, что Мина Григорьевъ „состоянія былъ хорошаго“.

Затрудненіе же въ рѣшеніи дѣла происходило отъ того, что Императрица Екатерина, подражая вѣроятно Елизаветѣ Петровнѣ, давшей слово при самомъ вступленіи на престолъ, не подписывать ни одного смертнаго приговора, также въ началѣ своего царствованія объявила слѣдующій человѣколюбивый именной указъ отъ 10 февраля 1763 года:

„Буде приводные воры съ первыхъ своихъ допросовъ во всемъ, на нихъ показуемомъ, покажутъ справедливо, то таковымъ, не чиня не только пытокъ, ниже пристрастныхъ допросовъ, рѣшить дѣло по законамъ; и для того при первыхъ разспросахъ дѣлать имъ довольныя увѣщанія, объявляя, что истинное ихъ признаніе въ винахъ избавитъ ихъ при разспросахъ отъ истязанія и пытокъ“.

На основаніи этого „именнаго“ указа Мина Григорьевъ, какъ записано въ дѣлѣ, былъ не только допрашиванъ, но и „увѣщаемъ“.

Законы же, по которымъ, въ силу этого же указа, должно было рѣшить дѣло, канцеляріей приведены слѣдующіе:

72 статья 21 главы „Уложенія“ царя Алексѣя Михайловича: „Кто кого убьетъ съ умышленія и сыщется про то допряма, то такого убойцу самого казнить смертію“.

69 ст. той же главы: „Гдѣ въ городахъ или въ уѣздахъ учинится убійство смертное, и того убойцу пытати, которымъ обычаемъ убойство учинилось—умышленіемъ или пьянымъ дѣломъ, а не умышленіемъ. И буде убойца учнетъ говорити съ пытки, что убилъ не умышленіемъ въ дракѣ пьянымъ дѣломъ, и того убойцу, бивъ кнутомъ, и дати на чистую поруку“.

Именной высочайшій указъ, объявленный лично Ея Величествомъ, въ свое присутствіе въ Сенатѣ 15 января 1763 года: „всѣхъ тѣхъ, кои въ разныя преступленія впали, обратить къ чистому признанію больше милосердіемъ и увѣщаніемъ, нежели строгостью и истязаніемъ, но стараться, какъ возможно при такихъ обстоятельствахъ кровепролитіе уменьшить“.

Именной высочайшій указъ Св. Синоду 27 ноября 1762 года: „Всѣхъ тѣхъ, которые дойдутъ по дѣламъ до пытки, не чиня имъ оной, о показаніи истины увѣщавать ученымъ священникомъ. А какъ Ея Императорскому Величеству не безъизвѣстно, что по инымъ городамъ таковыхъ ученыхъ священниковъ и нѣтъ, то для онаго увѣщанія сочинить особливую книжицу съ довольными доводами отъ священнаго писанія“.

„Вѣдѣніе Св. Синода Сенату, что „таковую книжицу сочинить отозвался синодальный членъ, преосвященный Аѳанасій епископъ, бывшій тогда тверской и кашинскій, а нынѣ ростовскій и ярославскій, и отъ Св. Синода ему приказано, но сочинена-ль, въ Сенатѣ неизвѣстно. А между тѣмъ, доколѣ та книжица сочинена будетъ, для непремѣннаго по тому Ея Императорскаго Величества указу исполненія къ синодальнымъ членамъ и епархіальнымъ архіереямъ изъ Синода посланы указы. Но какъ повсягодняя исповѣдь можетъ способствовать къ раскаянію преступниковъ и приведенію ихъ въ истинное признаніе и по тому и ко увѣщаванію по содержанію именнаго Ея Величества указа, о опредѣленіи ученыхъ священниковъ послать указы“.

Имѣя въ виду эти законы, Парфеньевская канцелярія 19 августа 1775 г. постановила: „Мину Григорьева отослать въ Галичскую провинціальную канцелярію ради его увѣщанія ученымъ священникомъ, каковымъ въ Галичѣ опредѣленъ протоіерей Семенъ Ѳедоровъ“.

Въ тотъ же день, 19 августа, Мина Григорьевъ, „въ ножныхъ кандалахъ заклепанный“, подъ карауломъ былъ отправленъ въ Галичъ, гдѣ и посаженъ въ мѣстную тюрьму, но въ ней онъ пробылъ недолго.

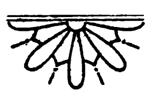
Послѣ чистосердечнаго признанія матери въ убійствѣ жены онъ дѣйствительно „разнедужился“, почти ничего не ѣлъ, съ каждымъ днемъ все худѣлъ и худѣлъ. Его товарищи по тюрьмѣ колодники часто видѣли, что Мина разговариваетъ самъ съ собою, а 14 сентября къ вечеру они замѣтили, что онъ вдругъ вскочилъ съ наръ, уставился какъ-то дико глазами въ уголъ и, испуганно крикнувъ, упалъ на полъ.

15 же сентября „штатной военной команды сержантъ Разогинъ“

донесъ Галичской канцеляріи, что „содержащійся подъ его карауломъ колодникъ Мина Григорьевъ скоропостижно помре“.

Такимъ образомъ, убійца на какіе-нибудь два мѣсяца пережилъ свою подругу жизни, съ которой вѣнчался почти мальчикомъ. Странное чувство испытывали мы при просмотрѣ слѣдственнаго дѣла: менѣе всего можно было думать, чтобы такая тяжелая и страшная драма обрушилась на молодыхъ, полныхъ будущаго, людей, изъ которыхъ одной было 22, а другому только 20 лѣтъ. Многія отношенія между супругами дѣломъ не выяснены, не указано даже, были ли у нихъ дѣти, такъ что, оканчивая настоящій очеркъ, мы вспоминаемъ тотъ же вопросъ, который былъ поставленъ нами въ заголовкѣ.

И. С. Бѣляевъ.

Письмо министра юстиціи И. И. Дмитріева къ графу Ѳ. В. Ростопчину въ 1812 г.

Милостивый Государь
Графъ Ѳедоръ Васильевичъ.

Тяжело мнѣ при официальномъ къ вамъ письмѣ не сказать словъ въ обыкновенномъ. На случай чрезвычайныхъ обстоятельствъ, отъ коихъ да сохранитъ васъ Богъ, я уже предписалъ старшему оберъ-прокурору, какія относительно Сенатскихъ дѣлъ сдѣлать распоряженія, остается только покорнѣйше просить ваше сіятельство о содѣйствіи вашемъ въ способахъ исполненія, когда нужда того востребуетъ. Мы съ нетерпѣніемъ ожидаемъ дальнѣйшихъ извѣстій изъ арміи. Въ настоящемъ положеніи Москвы очень живо представляю всю мѣру заботъ вашихъ, но за то всѣ благомыслящіе здѣсь патріоты приписываютъ ясному счастію Москвы, что на эту пору вы главнокомандующимъ въ ней, и объявленія ваши народу ходятъ изъ рукъ въ руки.

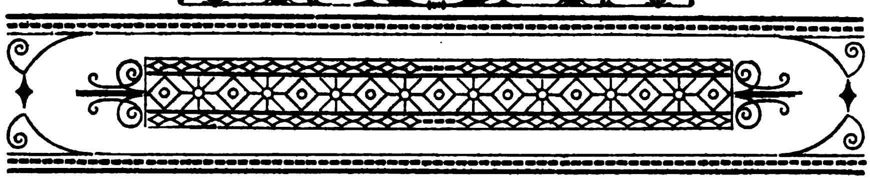
Дѣло ваше, о которомъ, конечно, вы теперь и не думаете, приказалъ я готовить къ докладу. Между тѣмъ отъ всего сердца желаю вамъ возможнаго благополучія съ душевнымъ почтеніемъ и преданностью имѣю честь быть

Милостивый Государь, вашего сіятельства
покорнѣйшій слуга Иванъ Дмитріевъ.

Санктпетербургъ
1812 Сентября 1-го.

Сообщилъ В. Афанасьевъ.

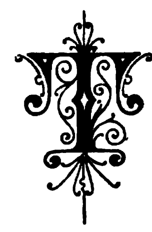

Генералъ Залѣсовъ.

(Воспоминанія).

IV [1]).

Тутъ я принужденъ нѣсколько нарушить послѣдовательность разсказа, такъ какъ мною пропущенъ случай, имѣвшій мѣсто въ періодъ службы моей въ дивизіи до написанія вышеупомянутой статьи, когда завѣдывалъ я библіотекою Саратовскаго полка.

Надо замѣтить, что на обязанности библіотекаря-офицера, по заведенному Залѣсовымъ порядку, лежало—опрашивая въ концѣ года офицеровъ—о желательности выписки въ предстоящемъ году журналовъ, книгъ, газетъ,—для полковой библіотеки, класть на столѣ послѣдней особый листъ, на которомъ каждый имѣлъ право заявить о желательности имѣть ту или другую книгу.

Такъ сдѣлалъ и я, не обративъ, затѣмъ, вниманія на то, что кто-то изъ сослуживцевъ записалъ о необходимости выписать „Критику чистаго разума“ Канта...

На бѣду генералъ Залѣсовъ потребовалъ къ себѣ въ томъ году въ подлинникахъ, для контроля, изъ полковъ упомянутые листы; его заинтересовала запись о „Критикѣ чистаго разума“, почему и послѣдовало полковнику А. приказаніе узнать непремѣнно, кто изъ офицеровъ пожелалъ имѣть въ библіотекѣ полка эту книгу.

Поднялся въ полку переполохъ, тѣмъ болѣе, что никто не могъ угадать, съ какой цѣлью производится разслѣдованіе, при томъ

---

[1]) См. „Русск. Стар.“, май 1908 г.

экстренное,—для того ли, чтобы поощрить офицера, читающаго столь серьезныя книги, или же, наоборотъ, для особой, неблагопріятной о немъ отмѣтки, въ секретномъ спискѣ генерала, какъ противъ субъекта, питающаго умъ свой слишкомъ отвлеченными предметами, ничего общаго со службою не имѣющими. Признаться, никто изъ насъ не читалъ книги Канта, никто, поэтому, и не могъ составить себѣ понятія объ ея содержаніи.

„А вдругъ", думалось каждому: „тамъ, въ самомъ дѣлѣ, нѣчто—запрещенное, дурно характеризующее направленіе мыслей читателя"?!.

Смущеніе наше особенно усилилось послѣ того, какъ полковой батюшка, узнавъ, въ чемъ дѣло, выразился загадочно:

— Видите ли, господа... Критиковать разумъ, да еще „чистый". Оно какъ бы... того,.. и не пристало намъ, грѣшнымъ... Разумъ, вѣдь, отъ Бога... А тутъ человѣкъ какъ бы дерзаетъ конечнымъ умомъ своимъ критиковать его... Вотъ почему—надо полагать—и начальнику дивизіи показалась богопротивной, безнравственной книга уже по одному заглавію ея... Не можетъ она вязаться и съ духомъ церкви православной...

Нашелся и офицеръ, записавшійся на книгу. По его тайному признанію, сдѣлалъ онъ это зря, не подумавъ, не предвидя, что изъ-за подобнаго заявленія поднимется цѣлая исторія...

Полковникъ А., распушивъ меня за то, что я представилъ безъ предварительнаго контроля списокъ Залѣсову, приказалъ сообщить ему фамилію записавшагося на книгу.

Однако, на общемъ совѣщаніи офицеровъ, рѣшено было, не выдавая товарища, заявить полковнику, что имѣть въ библіотекѣ „Критику чистаго разума" пожелали всѣ офицеры безъ исключенія. Въ подобномъ смыслѣ и сдѣлалъ я докладъ.

На томъ исторія оборвалась. Книгу, конечно, не выписали. Я же и до сихъ поръ не знаю, каковъ былъ смыслъ вопроса, заданнаго генераломъ Залѣсовымъ... Но фактъ переполоха въ полку изъ-за сущихъ пустяковъ всего офицерства, начиная съ командира, указывалъ на то, насколько въ тѣ дни все было запугано, обезличено, придавлено въ дивизіи...

V.

Какъ и слѣдовало ожидать, статья „о воспитательномъ значеніи солдатской школы" обратила на меня вниманіе, и генерала Залѣсова, и полковника А.—Обращать же на себя вниманіе его превосходительства было порою прямо опаснымъ, почему болѣе благо-

разумные изъ сослуживцевъ моихъ предпочитали держаться въ постоянной тѣни или полу-тѣни...

Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ полемики моей съ генераломъ Залѣсовымъ—по поводу труда моего—вызываетъ меня къ себѣ командиръ полка на квартиру и объявляетъ, что я, въ виду проявленной мною склонности къ литературѣ, назначаюсь имъ исполнять обязанности полкового адъютанта—вмѣсто поручика Нилендера, который дѣлается казначеемъ. Я попробовалъ, было, протестовать противъ такого неожиданнаго повышенія на отвѣтственную должность, сославшись на мою неопытность, но, на первое же мое, робкое, возраженіе, послѣдовалъ рѣзкій отвѣтъ, что дѣло тутъ идетъ о службѣ, почему личнаго мнѣнія моего никто и не спрашиваетъ; что генералъ Залѣсовъ, нѣсколько поколебавшись въ началѣ—въ виду моей молодости и неопытности,—сдался, наконецъ, на просьбу его, полковника А., милостиво даже сказавъ по моему адресу: „Какъ же, помню... Нашъ литераторъ“...

И вотъ я, юный поручикъ, совершенное „дитя“ въ жизни и по службѣ, тайкомъ пописывающій стихи и всей душою ненавидѣвшій канцелярщину, политику въ сношеніяхъ съ людьми, убѣжденно рвавшійся въ строй, къ общенію съ солдатами, къ ротной школѣ,—въ положеніи посредника между обществомъ офицеровъ и командиромъ полка, завѣдующимъ, на правахъ ротнаго командира, многочисленными музыкантской и писарской командами, въ составѣ которыхъ имѣлись сверхсрочные бородачи, годившіеся мнѣ въ отцы, окруженный цѣлымъ моремъ приказовъ по военному вѣдомству, по дивизіи, циркуляровъ, входящей, исходящей переписками, редактирующій ежедневно „Саратовскій листокъ“—какъ въ шутку окрестило офицерство приказы и приказанія по Саратовскому полку...

Такъ какъ генералъ Залѣсовъ, какъ я уже сказалъ, съ особымъ рвеніемъ преслѣдовалъ всяческихъ „штабныхъ“, въ томъ числѣ и полковыхъ адъютантовъ, то нетрудно было предвидѣть, что и меня, при моемъ повышеніи, неумолимо ждетъ та же же участь, какъ офицера, который постоянно будетъ на виду, при томъ весьма часто „въ полѣ зрѣнія“ его превосходительства.

И дѣйствительно, скоро сталъ я не безъ тайнаго вздоха вспоминать ту пору, когда, въ качествѣ зауряднаго строевого офицера, скромно, не философствуя, маршировалъ въ ногу съ нижними чинами на правомъ флангѣ второй полу-роты...

Какъ-то писарь, составлявшій нарядочную часть приказа по полку, забылъ поставить № роты, отъ которой слѣдовало выслать ординарца къ начальнику дивизіи, а я, просматривая черновой приказъ, не замѣтилъ пропуска. Къ вечеру, изъ штаба дивизіи полу-

чаю оффиціальную записку съ запросомъ о причинахъ такой неисправности.—Ясно было, что за отвѣтомъ, каковъ бы онъ ни былъ, послѣдуетъ суровая кара, т. е. „водруженіе на гауптвахту". Но, желая прикрыть вину писаря, я донесъ храбро, что „ординарецъ не былъ высланъ единственно по моей оплошности, такъ какъ, провѣряя приказъ, я не замѣтилъ въ немъ пропуска". Черезъ часъ записка моя находилась уже у командира полка съ резолюціей Залѣсова: „Предложите вашему новому адъютанту быть на будущее время внимательнымъ".—Одинъ изъ служившихъ въ штабѣ дивизіи, капитанъ Гапоновичъ, разсказывалъ потомъ, что генералъ, ознакомившись съ откровеннымъ отвѣтомъ моимъ, сказалъ:—Ну, сознался... значитъ, половина вины—долой....—И съ меня не приказано было взыскивать...

Чаще и чаще, затѣмъ, сталъ я чувствовать, что за мною, какъ за отвѣтственнымъ лицомъ, зорко слѣдитъ недовѣрчивый, придирчивый взоръ начальника дивизіи, старающагося при каждомъ подходящемъ случаѣ напомнить мнѣ о своемъ существованіи. Но, съ первыхъ же шаговъ моихъ на службѣ, усвоилъ я себѣ тактику—никогда не лгать начальству, не вывертываться, не искать лазеекъ, а говорить правду, какіе бы результаты лично для меня отсюда ни вытекали. Такъ продолжалъ я поступать и при встрѣчахъ съ Залѣсовымъ, пріучивъ себя, не мигая, прямо и честно смотрѣть въ гнѣвныя или холодныя—смотря по настроенію—его очи... И, надо отдать справедливость генералу: ни разу, на смѣлый, честный докладъ мой, на откровенное признаніе прегрѣшеній по службѣ не наложилъ онъ на меня взысканія...

Тѣмъ не менѣе, въ виду, все увеличивавшихся, тайныхъ симпатій моихъ къ Залѣсову, мнѣ было крайне тяжело сознавать, что я вызываю недоброжелательство его главнымъ образомъ лишь потому, что меня, помимо воли моей, выдвинули на отвѣтственное мѣсто... Но еще мрачнѣе стало у меня на душѣ, когда въ роли полкового адъютанта, очутившись у самаго, такъ сказать, кормила правленія Саратовскаго полка, сталъ я понемногу убѣждаться въ томъ, что у саратовцевъ не все—въ томъ блестящемъ видѣ, какъ казалось мнѣ до тѣхъ поръ снаружи—въ положеніи ни за что не отвѣчающаго субалтерна.

Тутъ для ясности послѣдующаго изложенія, приходится снова сдѣлать отступленіе, коснувшись личностей двухъ командировъ Саратовскаго полка—Каменскаго и А., тѣмъ болѣе, что характеристики эти относятся и къ генералу Залѣсову.

Гордость 27 пѣх. дивизіи—108 пѣх. Саратовскій полкъ доведенъ былъ до возможнаго совершенства во всѣхъ отношеніяхъ при

Залѣсовѣ незабвеннымъ въ лѣтописяхъ полка Антономъ Ивановичемъ Каменскимъ, много силъ своихъ, личнаго опыта, любви и средствъ вложившимъ въ полкъ для того, чтобы имѣть право называть послѣдній любимымъ своимъ дѣтищемъ. Въ такомъ именно видѣ, производясь въ генералы и получая бригаду въ той же дивизіи, сдалъ Саратовскій полкъ Каменскій новому командиру—полковнику А. Надо замѣтить, что Каменскій, съ его прямымъ, самостоятельнымъ характеромъ, не принадлежалъ къ числу любимцевъ Залѣсова. Отношенія между ними были только наружно приличныя.

Къ сожалѣнію, А. представлялъ изъ себя совсѣмъ иной типъ, чѣмъ Каменскій. Прекрасный семьянинъ, выдающійся строевикъ и хозяинъ, любившій, знавшій русскаго солдата, заботившійся о нуждахъ подчиненныхъ, умѣвшій, при случаѣ, и подтянуть, и обласкать, полковникъ А. привезъ съ собою въ Вильну два главныхъ личныхъ недостатка—привычку къ жизни на широкую ногу, не по средствамъ и слишкомъ безцеремонное отношеніе къ казенному рублю, а также долги, какъ результатъ подобныхъ отрицательныхъ качествъ. Принявъ Саратовскій полкъ, А. не исправился въ Вильнѣ. И вотъ, въ теченіе всего нѣсколькихъ лѣтъ, полкъ, въ хозяйственномъ отношеніи, былъ доведенъ имъ почти до полнаго банкротства, такъ какъ служилъ источникомъ, откуда добывались А. средства для блестящихъ пріемовъ, для туалетовъ жены, выѣздовъ, погашенія старыхъ долговъ и т. п. Разъ зарвавшись и не видя надъ собой должнаго контроля, полковникъ быстро покатился по наклонной плоскости.

Все кончилось, какъ и надо было заранѣе предвидѣть, катастрофой: казначей, поручикъ Нилендеръ,—котораго смѣнилъ я съ должности полкового адъютанта, запутанный А., любившій послѣдняго и напрасно старавшійся выручить его казенными деньгами, самъ сдѣлалъ долги, запутался, махнулъ подъ конецъ на все рукою, сталъ жить не по средствамъ, и, убѣдившись въ невозможности спасти себя и командира, избѣжать суда, застрѣлился въ Ботаническомъ саду, на публичномъ гуляньѣ... Поднялось дѣло, погубившее полковника А. и завѣдывающаго хозяйствомъ маіора К., раскрывшее въ то же время вопіющія злоупотребленія...

Когда-нибудь, въ поученіе другихъ, разскажу я подробно про эти печальныя страницы изъ прошлаго дорогого мнѣ полка. А пока подчеркну, что общество офицеровъ саратовцевъ съ честью вынесло на плечахъ своихъ и это полковое горе, какъ въ теченіе цѣлаго ряда лѣтъ выносило хозяйственный произволъ полковника А., не давая полку опускаться и въ остальныхъ отношеніяхъ... Судъ доказалъ, что если существовали недочеты въ хозяйствѣ полка,

даже незаконныя денежныя сношенія А. съ подчиненными, то все это продѣлывалось, такъ сказать, черезъ голову общества офицеровъ, нерѣдко тайкомъ отъ послѣдняго, а иногда—и на основаніи приказаній, не исполнить которыя было нельзя—въ виду довѣрія, которымъ пользовался А. у начальника дивизіи. Не помышляя еще въ тѣ дни о службѣ въ военно-судебномъ вѣдомствѣ, впервые убѣдился я, наблюдая за слѣдствіемъ и судомъ, какъ безсильно иногда человѣческое правосудіе вскрыть всѣ гнойники нарыва: многое, даже главное, такъ и осталось необнаруженнымъ, туманнымъ, хотя слѣдствіе и бродило около. Не мало тайнъ унесено уже въ могилы... Тяжело было бы касаться всего этого въ настоящихъ бѣглыхъ замѣткахъ, предназначенныхъ для печати... Да и къ чему?—Прошлаго не вернешь.

Страшный ударъ саратовская катастрофа нанесла прежде всего самолюбію генерала Залѣсова: она показала ему, на сколько неправильна была система командованія имъ дивизіей, основанная на внѣшнемъ, показномъ, на окрикахъ и взысканіяхъ, на презрительномъ отношеніи къ офицерству, къ „духу“ частей... Тяжело было старику убѣдиться въ томъ, что одинъ изъ 4-хъ столбовъ, на которомъ такъ долго зиждилось личное благополучіе его, какъ начальника дивизіи, полк. А., пользовавшійся такимъ неограниченнымъ его довѣріемъ, вдругъ оказался, въ качествѣ командира отдѣльной части, виновнымъ въ систематическомъ растлѣніи послѣдней...

Но, избалованный въ прошломъ судьбою, не привыкшій сознавать ошибки свои, всегда любившій отыскивать, подчеркивать лишь недостатки другихъ, и тутъ остался Залѣсовъ вѣренъ себѣ: причину главныхъ недочетовъ, кромѣ полковника А., хотѣлъ онъ видѣть въ небрежномъ отношеніи къ дивизіи генерала Каменскаго и комиссій, періодически повѣрявшихъ, по приказу его, имущественную, денежную части полка. Въ то же время, гнѣвно обрушился онъ на должностныхъ офицеровъ полка, упрекая ихъ въ томъ, что они знали о безвыходномъ положеніи казначея, но молчали, тѣмъ самымъ сдѣлавъ возможнымъ его самоубійство. И тутъ, какъ оказалось, ждалъ онъ доносовъ. Но доносить пришлось бы на товарища, при томъ прекраснаго человѣка, запутавшагося не по своей винѣ. На такую гадость никто изъ офицеровъ, конечно, не рѣшился бы. Говорить же откровенно, частнымъ образомъ, съ генераломъ Залѣсовымъ, нечего было и думать... Вотъ когда обнаружилось все значеніе той нравственной бездны, которую сознательно создалъ этотъ человѣкъ между собой и подчиненными—бездны, поглотившей полковника А., маіора К. и поручика Нилендера...

Въ виду только, что сказаннаго неудивительно, что и меня, какъ полкового адъютанта, назначеннаго на должность эту по личному выбору К., по настойчивой рекомендаціи послѣдняго, заподозрилъ Залѣсовъ въ прикосновенности къ укрывательству темныхъ дѣлъ полковой канцеляріи, увѣренный, что я зналъ многое о полковникѣ А. и поручикѣ Нилендерѣ, не донеся обо всемъ своевременно по начальству. Самъ подчеркивавшій ранѣе служебную мою неопытность, мою зеленую молодость, какъ бы не хотѣлъ онъ теперь вѣрить, что я слишкомъ легкомысленно относился въ ту эпоху къ службѣ, почему почти ничего не понималъ въ сложныхъ, хозяйственныхъ операціяхъ полка, а лишь кое о чемъ догадывался—наравнѣ съ большинствомъ офицеровъ.

Въ первые два дня послѣ самоубійства Нилендера жизнь моя проходила въ какомъ-то кровавомъ туманѣ. Смерть столь безвременно погибшаго друга и товарища камнемъ, даже какъ бы упрекомъ, лежала на сердцѣ... Въ полку воцарился хаосъ. Въ канцеляріи работали одновременно двѣ комиссіи—слѣдственная и дивизіонная. Самъ я, по мѣрѣ того, какъ шло разслѣдованіе, не могъ не убѣдиться въ томъ, что, принявъ отъ поручика Нилендера должность полкового адъютанта на честное слово, безъ провѣрки, не обратилъ вниманія на то, что и тутъ были недочеты. Обнаружились и недостача имущества музыкантской команды, и долги покойнаго музыкантамъ... Каждый день приносилъ мнѣ факты—о новыхъ злоупотребленіяхъ, о новыхъ гадостяхъ... Напримѣръ, нѣсколько дѣловыхъ бумагъ, компрометтировавшихъ А., безслѣдно пропало изъ строевой канцеляріи, оставшись на рукахъ у полковника, не будучи занесены по входящему журналу и книгѣ дежурнаго писаря... Въ довершеніи всего „ада“, въ центрѣ котораго я очутился, въ нѣсколькихъ саженяхъ отъ лагернаго моего барака, музыкантская команда съ утра до вечера разучивала похоронный маршъ, готовясь къ погребенію несчастнаго казначея, недавно бывшаго ея начальникомъ...

Хотя и сознавалъ я себя чистымъ по отношенію къ печальнымъ полковымъ событіямъ, но все изложенное создало обстановку, при которой самоубійство стало казаться мнѣ одно время единственнымъ желаннымъ выходомъ изъ положенія...

Тяготило меня и неудовольствіе генерала Каменскаго, дарившаго меня до того сердечнымъ расположеніемъ, сильно осунувшагося и какъ бы постарѣвшаго со дня катастрофы. Когда, по поводу какого-то вопроса, въ первый же день послѣ смерти Нилендера, доложилъ я генералу о томъ, что „это такъ было заведено у меня, въ строевой части“, Каменскій рѣзко замѣтилъ: „Мало ли что у васъ тутъ дѣлалось“!.. Я же, по свойству характера моего, вспы-

ливъ, отвѣтилъ ему: „У меня, въ адъютанской части, все велось честно... Если что и сдѣлано нехорошо, то безъ моего вѣдома"... На это Каменскій сухо сказалъ, что и начальникъ дивизіи не очень-то лестнаго мнѣнія о моей „канцеляріи"...

Скоро, однако, обѣ комиссіи выяснили полную неприкосновенность мою къ дѣлу, почему я и вернулъ себѣ расположеніе Антона Ивановича. Но генералъ Залѣсовъ, вопреки очевидности, не измѣнилъ на меня своего взгляда. Онъ искалъ только случая для того, чтобы сорвать на мнѣ свое негодованіе. упрямо твердя, что если бы я своевременно, какъ полковой адъютантъ, донесъ обо всемъ по начальству, то предотвратилось бы и самое несчастіе съ полкомъ...

Когда, по распоряженію неотрѣшеннаго еще отъ командованія частью полковника А., было задержано донесеніе въ штабъ округа на высочайшее имя—о самоубійствѣ поручика Нилендера и по этому поводу послѣдовалъ въ дивизіи запросъ отъ временно-командовавшаго войсками округа генерала Никитина, то Залѣсовъ препроводилъ эту бумагу—на распоряженіе Каменскаго съ резолюціей своей: „арестовать полкового адъютанта подпоручика Жиркевича за несвоевременное донесеніе на трое сутокъ". Будучи по должности адъютанта лишь исполнителемъ приказаній, и въ данномъ случаѣ былъ я совершенно правъ, пострадавъ напрасно. Тѣмъ не менѣе перспектива хоть на время уйти изъ полка, отъ полкового ада, на гауптвахту привела меня въ восторгъ. Но генералъ Каменскій, подмѣтившій, вѣроятно, мрачное, угнетенное состояніе духа моего, а также усмотрѣвшій несправедливость въ наложенномъ на меня взысканіи, сейчасъ же поѣхалъ къ Залѣсову въ „хапаловку". Что говорили между собой генералы, отношенія которыхъ окончательно обострила исторія въ Саратовскомъ полку не знаю; но только, вернувшись въ лагерь, Каменскій, нарочно, въ присутствіи почти всего общества офицеровъ полка (какъ бы желая тѣмъ подчеркнуть, насколько въ глазахъ его прежняя репутація моя осталась непоколебленною скандаломъ)—объявилъ мнѣ, что, по просьбѣ его, взысканіе, на меня наложенное начальникомъ дивизія, снято, при чемъ добавилъ драгоцѣнныя для меня слова:

— Я, подпоручикъ Жиркевичъ, заявилъ генералу Залѣсову, что вы измучены непосильной работою, что на васъ лица нѣтъ ото всѣхъ непріятностей, такъ что немудрено было забыть и о донесеніи; что вы намъ всѣмъ нужны для указаній и разъясненій...

И такъ, несмотря на желаніе Залѣсова—смѣстить меня съ должности, несмотря на слѣдствіе и даже обнаруженные недочеты

въ моей канцеляріи, я продолжалъ оставаться полковымъ адъютантомъ. Особенно же негодованіе Залѣсова противъ меня увеличилось, когда стало ему извѣстнымъ, что я, несмотря на привлеченіе къ суду полковника А., продолжаю поддерживать съ нимъ и съ семьей его близкія отношенія...

До катастрофы въ полку, хотя и бывалъ я въ домѣ у А., но рѣдко, такъ какъ честь эта не всегда выпадала на долю молодыхъ офицеровъ—на столько А. сумѣлъ поставить себя недоступно. Сдѣлавшись же полковымъ адъютантомъ, поневолѣ сталъ я бывать у А. чаще. Но наши служебныя отношенія нельзя было назвать особенно пріятными, такъ какъ, замѣтивъ по перепискѣ кое-какія отклоненія отъ закона, началъ я дѣлать протесты, даже по временамъ успѣвалъ настоять на отмѣнѣ отдѣльныхъ рѣшеній, чтó понятно, не могло нравиться, какъ старому служакѣ, командиру. Дошло до того, что однажды полковникъ А. сухо спросилъ меня, не желаю ли я вернуться въ строй?—Но мнѣ не хотѣлось бросать начатой работы; новое положеніе—надо сознаться—льстило молодому самолюбію, и я готовъ былъ всѣ столкновенія объяснять недоразумѣніями...

Въ оправданіе мое могу сослаться на предсмертное письмо поручика Нилендера къ товарищамъ, въ которомъ, между прочимъ, имѣлось такое мѣсто:

„Полковникъ А. мнѣ ничего не долженъ: вчера онъ отдалъ мнѣ свой долгъ. Такого командира, какъ А., болѣе, господа, имѣть не будете. Я любилъ его, какъ отца родного".

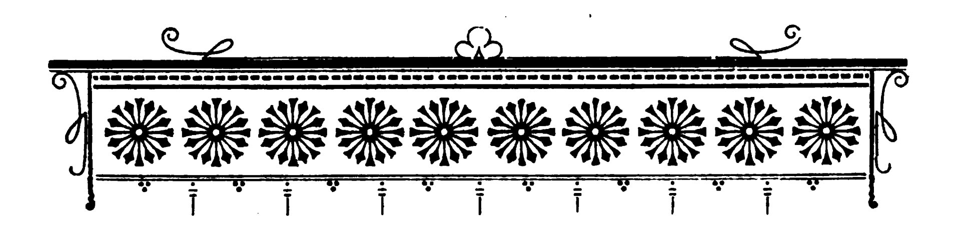
Если это написалъ за нѣсколько минутъ до смерти объ А., пожившій уже человѣкъ, имъ погубленный, то развѣ былъ въ состояніи я, почти юноша, устоять противъ обаянія личности моего начальника?.. Тутъ же надо искать и причину неограниченнаго довѣрія, какимъ пользовался у Залѣсова А. Понятно, поэтому, что когда самъ А. и его семья изъ положенія довольства очутились внезапно въ нищетѣ, опозоренные, почти всѣми покинутые, въ правѣ ли я былъ отъ нихъ отвергнуться?.. Конечно, нѣтъ... И я дѣйствительно не только участилъ визиты мои къ А., но особенно подружился съ достойной, страдалицей женой его, съ бѣдными дѣтьми, поддерживалъ всѣхъ ихъ нравственно... Объ этомъ не преминули, конечно, довести до свѣдѣнія Залѣсова—и вотъ однажды начальникъ штаба дивизіи полковникъ Дроздовичъ полуоффиціально заявилъ мнѣ, что его превосходительство находитъ такія отношенія мои къ „замаранному" А. неудобными, особенно въ виду того, что я продолжаю оставаться полковымъ адъютантомъ.

Поблагодаривъ за совѣтъ, я просилъ доложить начальнику дивизіи, что съ полковникомъ А. не мошенничалъ, продѣлокъ его не зналъ, всегда видѣлъ отъ него, какъ отъ человѣка, ласку, почему и въ данную минуту считалъ бы подлымъ бросить А., когда всѣ отъ него сторонятся.

А. Жиркевичъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Въ неволѣ у японцевъ.[1]

После ожесточенной стрѣльбы, во время которой пало много нашихъ, дотащились мы среди темной ночи до Онорь. Происходило это съ пятницы на субботу 29 іюля 1905 года. Постоянныя передвиженія вдоль и поперекъ Сахалина давали себя чувствовать. Отъ утомленія у меня появились галлюцинаціи. Не спрашивая уже, гдѣ я нахожусь (довольно для меня было, что вижу вокругъ себя какіе-то дома), бросился на голую землю и заснулъ крѣпкимъ сномъ. Не долго, однако, проспалъ, холодъ пробудилъ меня.

Свѣтало. Осмотрѣвшись вокругъ, я сообразилъ, что лежу на серединѣ рынка. Солдаты кучками раскладывали костры.

О погонѣ за нами японцевъ никто ничего опредѣленнаго сказать не могъ. Разставили вокругъ пикеты. Цѣлый день (суббота) прошелъ въ ожиданіи. Одни твердили, что здѣсь мы должны будемъ дать главную битву, другіе оспаривали ихъ, указывая на неравенство силъ—насъ немногимъ болѣе 2.000, тогда какъ японцевъ 20.000 и японцы каждый день ждутъ орудій большого калибра, потому только и откладываютъ атаку. Куда тутъ бороться!—въ порошокъ насъ изотрутъ. Къ вечеру на холмахъ, окружающихъ мѣстечко, мы увидѣли японскую пѣхоту и кавалерію. Они насъ не атаковали, очевидно, сжалившись надъ горсточкою людей. Только на другой день мы вздохнули полною грудью, когда увидѣли, какъ адъютантъ нашего генерала, вмѣстѣ съ начальникомъ конной дружины Григорьевымъ, умѣющимъ говорить по-французски, съ бѣлымъ

---

[1]) Изъ воспоминаній солдата-поляка — „Przegląd Powszechny". Kraków. 1907. Luty. Предлагаемая статья излагаетъ впечатлѣнія и образъ мышленія солдата изъ поляковъ, значительное количество которыхъ составляло контингентъ русскихъ плѣнныхъ. *Прим. переводчика.*

флагомъ пустились галопомъ къ японцамъ. Черезъ два часа адъютантъ возвратился. Увидавъ его еще издалека, всѣ мы бросились ему навстрѣчу, чтобы узнать о результатѣ переговоровъ. Построили насъ поротно и приказали оружіе—кто только какое имѣлъ—бросать въ одну кучу, а аммуницію—въ другую. Предупредили также, что если при вступленіи японцевъ въ мѣстечко кто-нибудь изъ насъ сдѣлаетъ въ нихъ выстрѣлъ, ни одного изъ насъ не останется въ живыхъ. Напрасная боязнь. Ночь съ воскресенья на понедѣльникъ мы уже спали спокойно. Подъ утро меня разбудилъ какой-то шорохъ... поднимаю голову и что же вижу? - на серединѣ рынка разложены костры, а при нихъ спокойно сидятъ себѣ японцы и варятъ завтракъ. Ихъ было не больше одной роты. Солдаты наши сначала съ боязнію, и издали присматривались къ нимъ. Потомъ мало-по-малу (изъ тѣхъ, которые были посмѣлѣе) стали подходить къ нимъ, и завязалась бесѣда на ломаномъ языкѣ, дополняемая болѣе жестами. Вскорѣ установились самыя сердечныя отношенія. Японцы снабдили насъ рисомъ, а мы ихъ отблагодарили сахаромъ. Когда совсѣмъ разсвѣло, пришла еще рота японцевъ. Японскія власти приняли отъ русскихъ, склады, постройки, поставили при нихъ свои караулы и разлѣпили соотвѣтственныя объявленія. Насъ (около 400 человѣкъ) построили по-ротно, пересчитали и, назначивъ къ намъ конвойными 4-хъ солдатъ, отправили въ обратный путь. Шли мы, разумѣется, въ полнѣйшемъ порядкѣ. Дошли до Рыбовска, гдѣ была главная японская квартира. Тутъ мы убѣдились, что японцы и въ мысли не имѣли двигать своихъ главныхъ силъ противъ насъ. Въ Рыбовскѣ насъ продержали два дня и всѣхъ переписали. 4-го августа мы переночевали въ Дербинскѣ, 5-го на Армуданѣ, 6-го въ Арковѣ, 7-го, наконецъ, прибыли въ Александровскъ. На пути безпрестанно встрѣчали русскіе мужицкіе возы, подъ японскимъ конвоемъ, съ рисомъ и разными продуктами. Въ теченіе нѣсколькихъ дней японская волна разлилась по цѣлому острову. Въ Александровскѣ навстрѣчу намъ вышло все населеніе. Крикъ, шумъ, вопросы на счетъ знакомыхъ—живы ли и т. п. Одни смѣются и радуются, другіе оплакиваютъ убитыхъ. Въ виду того, что въ казармахъ невозможно было помѣстить насъ всѣхъ, на площадяхъ и на дворахъ разбили японскія палатки. Мужчинъ къ намъ не пускали. Съ одной стороны для того, чтобы не устроили побѣга, а съ другой, чтобы кто-нибудь изъ лицъ, не принадлежащихъ къ войску, не остался среди плѣнныхъ, такъ какъ охотниковъ попасть къ японцамъ въ плѣнъ было много. И нѣтъ ничего удивительнаго: это былъ очень хорошій способъ удрать съ несчастнаго острова. За то въ опредѣленные часы женщины и дѣти, доставлявшія намъ провизію,

получали свободный пропускъ. Провизія была изъ разграбленныхъ складовъ. Грабежъ произведенъ въ то время, когда русскіе выступили изъ городка, а японцы еще не заняли его. Иначе грабежъ не удался бы, потому что японцы по вступленіи въ городъ у всѣхъ казенныхъ зданій и у складовъ ставили караулы. Женщины разсказывали, что десять человѣкъ пропойцевъ, которые занимались грабежомъ, японцы тотчасъ же повѣсили посрединѣ рынка, и трупы ихъ, на страхъ прочимъ, оставили висѣть на нѣсколько дней. Расклеили на домахъ манифестъ къ жителямъ, чтобы послѣдніе ничего не боялись, такъ какъ они пришли сражаться съ войскомъ, а не съ жителями, обѣщали всѣмъ защиту и справедливость, нарушителямъ же спокойствія грозили примѣрнымъ наказаніемъ. Занявши островъ, японцы навезли цѣлыя горы разныхъ товаровъ, не говоря уже о живности. Черезъ нѣсколько дней, не только всѣ склады были заняты, но цѣлыя груды товаровъ лежали на набережной. Для выгрузки брали плѣнныхъ, но не даромъ, а платили каждому по 1 рублю, кромѣ продовольствія. Съ острова насъ отправляли ежедневно по 400—500 человѣкъ на транспортныхъ паровыхъ судахъ, на которыхъ прибывало японское войско. Я оставилъ Сахалинъ 15-го августа, на суднѣ „Tayotomi-Maru-Kobe". День былъ превосходный. Морская пелена искрилась бриллiантами на солнцѣ. Кромѣ обычной пароходной прислуги, насъ конвоировали только двое солдатъ, да и тѣ, впрочемъ, все время спали. Была полная возможность овладѣть судномъ и направиться въ Николаевскъ. Но кому эта мысль пришла въ голову? Всѣ [1]) были счастливы, что ѣдутъ въ плѣнъ къ японцамъ. Продовольствіе наше въ пути состояло изъ риса, какой-то морской—очень соленой—травы и маленькихъ рыбокъ. Нелегко было глотать подобную пищу, особенно безъ хлѣба, котораго не было ни крошки. Спустя двое сутокъ мы высадились въ с.-в. японскомъ портѣ Аоморы. Мѣстное населеніе, не взирая на непогоду, встрѣтило насъ. Построивъ насъ въ ряды и пересчитавъ, отправили однихъ въ бараки, а другихъ въ школу. Въ числѣ послѣднихъ находился и я. Трудно передать то удовольствіе, которое испытывалъ я, очутившись—послѣ такихъ трудовъ и лишеній—въ обширной, свѣтлой и чистой, какъ зеркало, залѣ. Намъ давали бѣлый хлѣбъ, мясной супъ, чай съ сахаромъ. Внизу, въ сѣняхъ, появились японскіе торговцы съ разнообразными товарами. Наши сторожа наблюдали за торговцами, не позволяя имъ надувать насъ. Одного торгаша, который бралъ больше, чѣмъ слѣдовало, офицеръ приказалъ выбросить. Утромъ на другой день появились парикма-

---

[1]) Т. е. поляки. *Примѣч. переводчика.*

херы, въ скобкахъ сказать, баснословно дешевые. Обходя залу, я замѣтилъ доску на стѣнѣ, а на ней цѣлый Сахалинъ, начерченный мѣломъ, съ тщательнымъ обозначеніемъ рѣкъ, горъ, дорогъ, чуть ли не тропинокъ, не говоря уже о мѣстечкахъ и деревняхъ. Вотъ какъ приготовляли японскаго солдата къ походу на Сахалинъ. И это еще не все. На Сахалинѣ передъ войною былъ купецъ-японецъ, жилъ японецъ-фотографъ, въ магазинѣ Бородина служилъ приказчикомъ тоже японецъ; были и другіе японцы. Съ объявленіемъ войны русскія власти выслали ихъ въ Японію. Когда японское войско высадилось на Сахалинѣ, что же оказалось? Купецъ—японскій генералъ, приказчикъ—офицеръ, фотографъ—главный переводчикъ и т. д. Отдохнувъ въ Аомори три дня, мы въ томъ же порядкѣ, какъ прибыли, отправились на вокзалъ ж. д. Неожиданно для насъ раздалась команда японскаго офицера по-русски: „поляки, впередъ“. Удивленные, составляемъ особую группу и первыми садимся въ вагоны [1])—солдаты и офицеры въ третій классъ. Офицерамъ, которымъ не было любо такое братанье по оружію, японскій офицеръ деликатно разъяснилъ, что неволя для всѣхъ одинакова. Какая радость охватила насъ, поляковъ, когда мы очутились вмѣстѣ, отдѣльно отъ всѣхъ. Японская земля услышала въ первый разъ звуки польской пѣсни. Пѣли религіозныя пѣсни: „Kto sie w opieke“, „Serdeczna Matko“, „Pod twoją obrone“ и т. д. Торжественное настроеніе передавалось всѣмъ. Нѣкоторые отъ полноты чувствъ плакали, нѣкоторые вслухъ благодарили Бога за освобожденіе. Наша партія была назначена въ Nah'rosino, во 20 километрахъ отъ Токіо. Всѣхъ пунктовъ, гдѣ держали плѣнныхъ, было 28, въ Nahrosino содержалось 15.000. Двое сутокъ мы ѣхали. На большихъ станціяхъ насъ выводили изъ вагоновъ въ обширные, спеціально построенные, бараки. Тамъ были установлены столы, заставленные кушаньями, состоявшими изъ риса, овощей, свиного мяса и хлѣба. Японскія барыни, богато одѣтыя въ свои національные костюмы, граціозно обходили столы, наливая для насъ изъ чайниковъ чай. Офицеры и солдаты, которые знали, хотя два—три слова по-русски, старались занять насъ разговоромъ, а чего не умѣли объяснить — показывали жестами, утѣшали насъ, что мирные переговоры уже идутъ въ Америкѣ, что, слѣдовательно, намъ не долго придется сидѣть въ неволѣ, что скоро „русски пайду Москва“. Станціи до поздней ночи осаждали толпы народа, по преимуществу старики, женщины и дѣти. При отходѣ поѣзда раздавались крики „bajzan, bajzan, ruski“. Въ нѣкоторыхъ пунктахъ остановки японки раздавали намъ

---

[1]) Особое вниманіе къ полякамъ. *Прим. перев.*

подарки—плоды, папиросы и даже вѣера. Вообще національная японская гордость была польщена видомъ русскихъ плѣнныхъ настолько, что японцы не въ состояніи были скрыть своей радости. Nahrosino—деревушка въ разстояніи 4 килом. отъ линіи желѣзной дороги. Такъ какъ въ ней не нашлось мѣста для размѣщенія столькихъ плѣнныхъ, то вырубили часть лѣса и, въ теченіе мѣсяца, построили деревянные, крытые листовымъ желѣзомъ, бараки. 15.000 солдатъ въ нихъ могли удобно помѣститься. 23 августа мы прибыли къ мѣсту назначенія. Здѣсь—такъ же, какъ и въ пути—поляковъ помѣстили отдѣльно. Въ одномъ изъ бараковъ была устроена католическая капличка. Украшеніемъ ея занимались солдаты-поляки. Плѣнные изъ Портъ-Артура привезли съ собою много цѣнныхъ вещей, какъ, напр., шелковыхъ матерій. Послѣднія пошли на украшеніе алтаря. Стѣны „презбитеріума“ и полъ обили одѣялами (которыхъ японцы каждому дали по два); въ образахъ тоже не было недостатка. Разъ въ недѣлю японцы разрѣшали нѣсколькимъ солдатамъ ходить въ ближайшій лѣсъ. Тамъ мы собирали цвѣты, дубовые листья, вѣтки, вязали букеты, вили гирлянды и украшали каплицу. Каждый изъ насъ имѣлъ деньжонки, японцы платили жалованье согласно военному положенію, и на эти-то средства алтарь постоянно былъ освѣщенъ. Каплица никогда не оставалась пустою. Утромъ и вечеромъ толпились молящіеся и въ каплицѣ и передъ нею на улицѣ. Въ числѣ плѣнныхъ находились два органиста. Они руководили пѣніемъ. Пѣли по-польски, только когда ксендзъ пріѣзжалъ, пѣли за обѣднею по-латыни. Требы для насъ исполнялъ французскій миссіонеръ, ксендзъ Эдм. Caloin. Онъ пріѣзжалъ въ двѣ недѣли разъ, по понедѣльникамъ, служилъ обѣдню и исповѣдывалъ. Солдаты по-французски не разумѣли, а ксендзъ придумалъ слѣдующій способъ понимать ихъ подъ часъ исповѣди. На дощечкѣ написанъ былъ перечень грѣховъ, на одной половинѣ по-латыни, а на другой рядомъ тутъ же, по-польски. Кающійся показывалъ пальцемъ на наименованіе грѣха, въ совершеніи котораго сознавался. Внизу этого перечня была означена эпитимія троякаго рода, тутъ опять ксендзъ показывалъ пальцемъ. Американскіе поляки присылали нашей польской колоніи газеты, польскія книжки. Тѣ и другія были нарасхватъ. Остальное время проходило въ разсказахъ о войнѣ. Плѣнные были изъ разныхъ мѣстъ военныхъ дѣйствій, и въ темахъ бесѣдъ не ощущалось недостатка. Изъ многочисленныхъ разсказовъ у меня въ памяти сохранился одинъ. „Удирали мы въ разныя стороны—разсказывалъ одинъ изъ солдатъ.—*Я, съ четырьмя товарищами, поляками, спрятался въ кусты.* Наступила тишина. Выходимъ, чтобы бѣжать дальше. Вдругъ, изъ-за холма—японцы. Показываютъ жестами, чтобы мы останови-

*

лись и сложили оружіе. Приказаніе мы, разумѣется, исполнили безпрекословно. Подошли они къ намъ и начали разстегивать мундиры. *Струхнули мы* [1])—ужъ не хотятъ ли разстрѣлять? Между тѣмъ японцы суютъ руку подъ рубаху и чего-то ищутъ. Отыскавъ крестикъ, осматриваютъ его и, потрепавъ по плечу, съ улыбкой говорятъ: polando, polando je rusi. Отвели въ лагерь и хорошо угостили". Время мы проводили пріятно. Отношенія японцевъ къ намъ [2]) были превосходныя. Положительно мы не чувствовали, что находимся въ плѣну. Не взирая на все это, когда мнѣ объявили, что я могу возвратиться на родину, я отъ радости не находилъ себѣ мѣста. Дома лучше. 13 октября 1905 г.—въ самый день ратификаціи мирнаго договора, я сѣлъ на пароходъ.

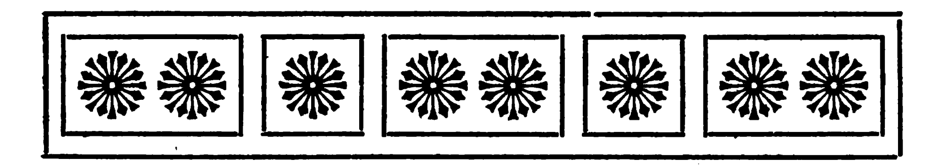
Перевелъ и сообщилъ А. Г. Воробьевъ.

---

[1]) Т. е. поляки. *Прим. перевод.*

[2]) Т. е. къ полякамъ. *Прим. перевод.*

Воспоминанія Броневскаго.

Давно задумалъ я описать для дѣтей моихъ важнѣйшія событія моей жизни; но недосуги, иногда лѣнь, препятствовали мнѣ исполнить мое сердечное желаніе. Начинаю разсказъ мой о быломъ, и да поможетъ мнѣ Господь быть полезнымъ моимъ милымъ дѣтямъ.

Прежде, нежели приступлю къ повѣсти моей жизни, нужнымъ нахожу познакомить ихъ съ предками моими.

Фамилія *Броневскихъ* происхожденія польскаго. Она принадлежитъ къ гербу Торнава. Многіе изъ дворянъ этой фамиліи служили въ войскахъ королей польскихъ какъ воины и употреблялись какъ дипломаты. Та отрасль Броневскихъ, которая поселилась въ Смоленской области, перешла изъ Галиціи; это были военные люди, и имъ пожалованы были земли на тогдашней границѣ Польши въ Бѣльскомъ уѣздѣ, вѣроятно съ условіемъ охранять границы. По возвращеніи Смоленска царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ, предки мои остались на своихъ земляхъ и, принявъ подданство русскому царю, вмѣстѣ съ тѣмъ приняли православное исповѣданіе. У меня хранится изъ дворянскаго депутатскаго собранія Смоленской губерніи документъ, изъ котораго видно, что одинъ изъ предковъ моихъ, за присоединеніе къ православной церкви, награжденъ землями и помѣстьями. Предки мои были очень богатые люди, но отъ размноженія ихъ рода имѣнія дѣлились такъ, что отцу моему досталось едва-ли 60 душъ въ с. Головенькѣ, родовомъ имѣніи нашемъ, гдѣ

отецъ мой и дѣдъ родились. Теперь въ Головенькѣ живутъ дѣти покойнаго дяди Михаила Михайловича Броневскаго, старшаго брата моего отца. Это потомство дяди моего есть единственное ближайшее къ намъ по родству; но я ихъ совершенно не знаю, потому что родился, воспитывался и теперь старѣюсь въ отдаленіи отъ нихъ. Частичка принадлежавшая отцу въ Головенькѣ, продана съ публичнаго торга за долги, и съ тѣмъ вмѣстѣ прекратилась наша родовая связь съ Смоленскомъ, осталось только воспоминаніе происхожденія.

Дѣдъ мой Михаилъ Васильевичъ Броневскій имѣлъ дѣтей: Ивана, Михаила, Богдана, Петра и Семена и дочь Екатерину. Семенъ Михайловичъ служилъ до подполковничьяго чина въ военной службѣ и былъ дежуръ-маіоромъ при графѣ Зубовѣ, главнокомандующимъ на Кавказѣ. Онъ былъ прежде сего покровительствуемъ Зоричемъ, на счетъ котораго путешествовалъ по Европѣ. Въ ученолитературномъ мірѣ Сем. Мих. извѣстенъ сочиненіемъ своимъ: „Извѣстіе о Кавказѣ", вѣрнымъ изображеніемъ Кавказа того времени; это сочиненіе и теперь уважается. Оставивъ военную службу, Сем. Мих. служилъ въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ по азіатскому департаменту. Онъ былъ при Константинопольской миссіи, а потомъ директоромъ азіатскаго департамента и кончилъ свое служебное поприще градоначальникомъ Θеодосіи въ чинѣ дѣйствительнаго статскаго совѣтника. Дяди мои, Михаилъ и Петръ Михайловичи, по обычаю того времени, были записаны въ гвардію, дослужились до сержантскаго чина и вышли въ отставку прапорщиками. Отецъ мой, Богданъ Михайловичъ, также служилъ въ л.-гв. Преображенскомъ полку въ бамбардирской ротѣ и также оставилъ военную службу съ чиномъ прапорщика, но потомъ служилъ въ гражданской службѣ и былъ ассесоромъ въ Тверскомъ губернскомъ правленіи; Екатерина Михайловна была замужемъ сперва за Елагинымъ, а потомъ за эмигрантомъ изъ корпуса Конде, графомъ де-Папорне. Отъ перваго брака у нея были дѣти, и четырехъ изъ нихъ я зналъ: они всѣ умерли бездѣтны. Впрочемъ быть можетъ и есть потомство отъ дочери ея, бывшей замужемъ за Вукотичемъ, но утвердительно не могу сказать.

Отецъ мой былъ женатъ на Серафимѣ Алексѣевнѣ изъ дому Левшиныхъ. Отъ брака этого имѣлъ семь сыновей, а затѣмъ отъ нихъ много внуковъ и внучекъ. Я былъ седьмымъ сыномъ, женатъ на Аннѣ Яковлевнѣ Гардениной, имѣю двухъ сыновей Димитрія и Якова и дочь Марію.

Вотъ благодатное семейство, которымъ Господь наградилъ благочестивую старицу мать нашу! Она по словамъ священнаго писа-

нія узрѣла сыны сыновъ своихъ, и Господь продлилъ ея вѣкъ до послѣднихъ дней (ей теперь болѣе 90 лѣтъ), чтобъ видѣть счастіе своего потомства. Здѣсь ясно виденъ промыселъ Божій, ясно видно награжденіе за благочестивую жизнь, 94 лѣтъ Господь призвалъ ее къ себѣ.

Въ семействѣ Колечицкихъ, родственномъ фамиліи нашей, есть древнее преданіе, что одинъ изъ предковъ нашихъ Броневскихъ, былъ непослушный сынъ, дѣлавшій много огорченій своему отцу, который въ негодованіи произнесъ проклятіе на него и потомство его. Съ тѣхъ поръ несчастія обрушились на фамилію нашу [1]). Назову нѣкоторыхъ изъ нихъ: Бригадиръ Броневскій, въ царствованіе Императрицы Анны Іоановны, былъ преслѣдуемъ временщикомъ Бирономъ, подвергнутъ былъ пыткѣ и хотя впослѣдствіи по303 минованіи этого терроризма Бироновскаго, онъ найденъ былъ невиннымъ, но не возвратилъ ни утраченнаго здоровья, ни потеряннаго имѣнія. Изъ дядей моихъ Иванъ Михайловичъ былъ убитъ мужиками своими; дядя Семенъ Михайловичъ котораго служба была такъ блистательна, кончилъ ее судомъ продолжительнымъ, который хотя и оправдалъ его, но убилъ физическія его силы, такъ что онъ преждевременно умеръ. Отецъ мой умеръ въ молодыхъ еще лѣтахъ—онъ утонулъ въ небольшой рѣкѣ, переѣзжая въ лодкѣ.

Отецъ мой былъ истиннымъ сыномъ своего вѣка, славнаго, веселаго вѣка Екатерины II. Служа въ гвардіи, наполненной тогда молодежью, мало занятою службой и преданною разгульной жизни,— вынесъ изъ кратковременной военной службы расположеніе къ веселой жизни. Въ обществѣ пріятелей съ бокаломъ въ рукахъ, съ остроумною шуткою въ устахъ, онъ любилъ проводить время. Отецъ мой былъ человѣкъ благородный, справедливый, честный и пользовался этою репутаціею и отъ знакомыхъ своихъ и отъ родныхъ Такъ дядя мой, родной братъ матушки моей, Никита Алексѣевичъ Левшинъ [2]), отправляясь въ Турецкій походъ, далъ полную довѣренность отцу моему на имѣніе свое, съ правомъ заложить и продать его. На штурмѣ Измаильскомъ, дядя мой былъ убитъ, и разумѣется имѣніе его было передано отцомъ моимъ наслѣдникамъ, роднымъ братьямъ его.

Въ то время, о которомъ я говорю, полицейское устройство во внутреннихъ губерніяхъ было очень слабо; такъ что грабежи и

---

[1]) Эту легенду разсказалъ мнѣ племянникъ Валерій Владиміровичъ, а самъ онъ слышалъ отъ одного изъ товарищей своихъ, Колечицкаго.

[2]) Служившій въ Бугскомъ егерскомъ корпусѣ маіоромъ.

разбои производились безнаказанно. Въ нашей Бѣлевской сторонѣ, изобилующей лѣсами, поселилась шайка разбойниковъ, истребить которыхъ земская полиція не имѣла возможности. Видя это безсиліе полиціи, окружные помѣщики согласились ополчиться на разбойниковъ. Отецъ мой, тогда молодой еще человѣкъ, съ дворнею своею, вооруженною, кто ружьемъ, кто рогатиной, а кто и просто дубиною, явился на сборное мѣсто. Сдѣлана была облава, которая мало-по-малу сближалась и сжимала притонъ разбойничій.—Это была землянка въ глухомъ, непроходимомъ лѣсу. Разбойники съ отчаяніемъ защищались: нѣсколько человѣкъ было ранено, двое разбойниковъ убито, а остальные перевязаны. У отца моего былъ проткнутъ насквозь рогатиной картузъ. Видно, тогда голову прикрывали высокой покрышкой. Къ соединенному ополченію присоединился отставной бригадиръ Сергѣй Онисимовичъ Князевъ, тогда молодой человѣкъ, съ большимъ состояніемъ. Сергѣй Онисимовичъ, въ самое короткое время, сдѣлался другомъ моего отца; дружба эта продолжалась до смерти отца моего и потомъ перешла на насъ, дѣтей его. Въ скоромъ послѣ сего времени, сестра Сер. Онис. вышла замужъ за дядю Ардаліона Алексѣевича, сынъ котораго Сергѣй есть истинно мною любимый братъ, сколько за просвѣщенный его умъ, столько же за благородный его характеръ. Умре!

Еще привожу одинъ изъ многихъ примѣровъ неурядицы земской; Петръ Алексѣевичъ Левшинъ, дальній родственникъ матушки, былъ разгульный и буйный человѣкъ. Имѣя достаточное состояніе, онъ пристрастился къ псовой охотѣ. По словамъ достойныхъ цѣнителей въ этомъ дѣлѣ, это была охота, о которой теперь и понятія не имѣютъ. Лихіе наѣздники [1]), сорванцы, головорѣзы, повинующіеся мановенію своего властелина, подъ опасеніемъ умереть подъ нагайками, сидѣли на превосходныхъ горскихъ скакунахъ, выведенныхъ съ Кавказа за большія деньги. Петръ Алексѣевичъ былъ человѣкъ вспыльчивый, рѣшительный и не терпѣлъ никакого противорѣчія. Въ случаѣ несогласія или ссоры съ своимъ сосѣдомъ, у него расправа была короткая: на конь своихъ удальцовъ, и нагрянетъ бывало на домъ своего противника и тамъ по своему усмотрѣнію или напугаетъ его или высѣчетъ плетьми. Само собою разумѣется, что такое

---

[1]) Въ числѣ ихъ были цыгане, крѣпостные, приписанные къ помѣщичьимъ имѣніямъ. Ихъ неохотно брали къ себѣ помѣщики, потому что они не имѣли никакого расположенія къ земледѣлію. Петру Алексѣевичу они годились какъ псовые охотники, пѣсельники, плясуны. Послѣ смерти Петра Алексѣевича, большая часть изъ нихъ выписалась въ тульскіе мѣщане—вотъ происхожденіе Ильюшки знаменитаго, Машекъ, Любашекъ и пр., которыми восхищались Москва, а теперь Петербургъ.

поведеніе накликало на его голову нѣсколько уголовныхъ дѣлъ. Его потребовали къ суду въ уѣздный городъ. Тутъ-то выказался вполнѣ характеръ этого человѣка: онъ не только что не явился въ судъ, но явно насмѣхался надъ безсиліемъ суда. Такъ напримѣръ онъ пріѣдетъ бывало въ уѣздный городъ, разумѣется, верхомъ и въ сопровожденіи своихъ головорѣзовъ,—прогуливается по городу, подъѣзжаетъ къ самому суду, надсмѣхается въ лицо надъ судьею, и когда тотъ вооружитъ на него полицейскую команду,—тогда Петръ Алексѣевичъ ускакиваетъ на лихомъ конѣ своемъ изъ города, переплываетъ Оку вплавь и—поминай какъ звали. Иногда посылались команды для взятія его изъ дома, но Петръ Алексѣевичъ всегда зналъ объ этомъ наѣздѣ отъ своихъ пріятелей и вѣроятно людей, содержимыхъ имъ на жалованьи, именно для этой цѣли, и потому неудивительнымъ покажется, что его никогда не заставали врасплохъ. Онъ всегда умѣлъ укрыться отъ превосходной силы, а иногда онъ шутилъ надъ этими командами презабавно. Такъ однажды онъ встрѣтилъ этотъ воинственный поѣздъ въ саняхъ на лихой тройкѣ. Когда узнали его и погнались за нимъ, то онъ пріостановился и выпустилъ воспитанника своего—медвѣдя, который навелъ не только на лошадей, но и на самихъ преслѣдователей, такой ужасъ, что они сломя голову умчались отъ него.

Эти шалости продолжались нѣсколько лѣтъ; по временамъ его прощали милостивыми манифестами, наконецъ онъ явился въ уголовный судъ въ Тулѣ, гдѣ и умеръ въ тюрьмѣ.

У насъ на Руси не перевелись еще неистовые защитники старины. Пускай отыщутъ они что-нибудь подобное теперь! Прекрасные патріархальные нравы были рѣдки тогда, также какъ и теперь; но за то нагло такъ обижать своего ближняго теперь никто не посмѣетъ.

Продолжаю разсказъ объ отцѣ моемъ. Сер. Онис. Князевъ, человѣкъ пылкій, увлекъ отца моего видимыми выгодами винокуренія. Первые годы шли удачно, а потомъ сгорѣлъ заводъ, прорвало плотину, и кончилось неустойкою, которая повлекла за собою казенное взысканіе, кончившееся продажею Шатскаго имѣнія матушки, а по кончинѣ батюшки родового его имѣнія Головеньки.

Незадолго до смерти своей отецъ мой видѣлъ не сонъ, а чудное видѣніе. Представлялось ему, что онъ въ церкви, гдѣ совершаетъ святыя святыхъ святой угодникъ Божій Николай Чудотворецъ. Пораженный святостью мѣста и обстоятельствъ, отецъ мой палъ ницъ, и въ это время услышалъ гласъ, сходящій сверху: „Готовься, ты скоро умрешь, но надъ дѣтьми твоими будетъ Божіе благословеніе“. На другой же день, посовѣтовавшись съ матушкой, приказалъ

своему иконописцу Степану написать образъ, представляющій видѣніе его. Этотъ образъ теперь находится у брата Николая Богдановича.

Теперь, когда протекло 50 лѣтъ послѣ этого пророческаго видѣнія, сдѣлаемъ вопросъ: сбылось ли оно? Чтобъ отвѣчать на этотъ вопросъ, надобно сдѣлать другой: въ какомъ положеніи оставилъ отецъ свое семейство?

Матушка осталась послѣ смерти отца съ 8-ю сыновьями (меньшой братъ Василій вскорѣ умеръ) и дочерью. Дочь была уже взрослая дѣвица. Старшему сыну Михаилу было только 17 лѣтъ; остальные сыновья въ кадетскихъ корпусахъ и дома. Состояніе было разстроено до того, что и думать не можно было, чтобы пособлять своимъ дѣтямъ. Связей съ сильными людьми не было никакихъ. И потому одно оставалось матери моей предоставить сыновей своихъ на волю Божію, она это и сдѣлала: молилась слезно Господу Богу о ниспосланіи благъ беззащитнымъ дѣтямъ ея, и Господь услышалъ молитву ея, и вотъ всѣ мы кончили благополучно ученіе свое, поступили на службу, гдѣ безъ исключенія всѣ семь братьевъ замѣчены были какъ способные и дѣльные офицеры. На войнѣ вели себя какъ храбрые люди, и нѣкоторыхъ Господь сподобилъ принять раны. Старшій братъ оставилъ военную службу, бывъ еще молодымъ человѣкомъ, и жилъ съ матушкою для успокоенія ея; онъ остался холостъ, а остальные всѣ были женаты и имѣютъ многихъ дѣтей, нѣкоторыя изъ нихъ уже въ зрѣлыхъ лѣтахъ и сами отцы семействъ, другія подростаютъ и воспитываются. Благодареніе Господу, всѣ они сдѣлались положительно полезными и честными людьми, а другіе подаютъ надежду ими быть. Одинъ только совратился съ праваго пути, но надѣюсь на милосердіе Господне, что Онъ его исправитъ и направитъ.

Разсудокъ нашъ противится всему чудесному, всему выходящему изъ обыкновеннаго порядка, и все, что не подлежитъ его объему,— съ гордостью отвергаетъ. Христіанинъ истинный суемудріе разсудка не признаетъ, иначе онъ не былъ бы христіаниномъ. Его *Вѣра* основана на безусловномъ вѣрованіи. Все это приводитъ къ заключенію, что изреченіе одного изъ боговдохновенныхъ людей: „пути Господни неисповѣдимы"— сбылось на нашемъ семействѣ.

Я родился 1794 года, генваря 29, въ имѣніи матери моей, сельцѣ Остаховѣ, Тульской губерніи, Бѣлевскаго уѣзда.

Первое событіе, которое поразило мое дѣтское воображеніе, и потому и сохранилось въ памяти,—это была присяга Императору Александру. Помню, какъ народъ толпился въ деревенской церкви;

помню, какъ мнѣ сказали, чтобъ я поднялъ кверху руку... Вотъ все, что удержалось въ памяти моей отъ этого важнаго событія.

Я въ то время жилъ у почтеннѣйшей тетки моей Авдотьи Алексѣевны Воейковой, старшей сестры матушки. Это была добрая, набожная старушка, преданная исключительно молитвѣ. Старушка тетушка имѣла обыкновеніе поздно ложиться спать, но никогда безъ ужина. Какое страданіе выносилъ я, ребенокъ, борясь со сномъ!.. У меня няня была Ульяна, простыя пѣсни которой я до сихъ поръ помню.

О батюшкѣ у меня сохранились неясныя понятія. Боялся я его сильно, помню, какъ я трепеталъ отъ мужественнаго его голоса. Вѣроятно, онъ меня считалъ избалованнымъ мальчикомъ, что и весьма вѣроподобно, потому что тетушка была добрая, снисходительная женщина, а гдѣ одна только доброта, тамъ и слабость. Болѣе другихъ сыновей батюшка жаловалъ брата Семена [1]), который имѣлъ счастливый даръ быть всегда веселымъ. Бывало, поднимутъ его съ постели, и принесутъ или приведутъ къ батюшкѣ. „Пой, Сеня!“ скажетъ батюшка, и Сеня зальется чистымъ серебрянымъ своимъ голоскомъ:

„Мнѣ комарики
Мѣшали младой спать
На разсвѣтѣ чуть заснула молода“.

Это была любима пѣсенка покойнаго батюшки.

Старшій братъ Михаилъ Богдановичъ, юноша съ небольшимъ 13-ти лѣтъ, порадовалъ батюшку своимъ офицерствомъ. Не помню однако же его пребыванія въ Остаховѣ, также не помню дома и остальныхъ братьевъ, кромѣ брата Александра, однимъ годомъ меня старшаго. Старшихъ братьевъ отвезли въ кадетскій корпусъ прежде, нежели я пришелъ въ сознаніе. Братья Михаилъ, Владиміръ и Алексѣй были отданы въ морской корпусъ, куда и я съ братомъ Александромъ впослѣдствіи поступилъ. Въ морской корпусъ насъ отдавалъ батюшка, потому что тамъ былъ вице-директоромъ родственникъ его Петръ Андреевичъ Баратынскій, которому мнѣ довелось уплатить за ласки мнѣ, юношѣ, попеченіемъ о его дѣлахъ по смерти его. Онъ сдѣлалъ меня своимъ душеприказчикомъ. Братья Семенъ и Николай были отданы въ Шкловской Зорича корпусъ, гдѣ былъ нѣкоторое время инспекторомъ дядя Семенъ Михайловичъ.

Я жилъ у матушки, когда получено было роковое извѣстіе о кончинѣ отца.

Помню очень, когда братъ Семенъ Богдановичъ, выпущенный изъ

---

[1]) Все, что разсказываю здѣсь о братѣ Семенѣ, знаю по преданію, а не по своей памяти.

корпуса офицеромъ, пріѣзжалъ домой. Это было въ 1803 году. Съ нимъ заѣзжали и гостили у насъ два товарища его: Лисаневичъ и Коперсталь. У послѣдняго былъ чудесный пудель, съ которымъ я искренно подружился и, кажется, плакалъ о немъ, когда его увезли. Долго спустя съ Коперсталемъ я сошелся на службѣ въ Дерптскомъ конно-егерскомъ полку; онъ былъ старый штабсъ-капитанъ, а я юный поручикъ. *Лисаневичъ* дослужился до генеральскаго чина на Кавказѣ, гдѣ они всѣ начали службу. Братъ Семенъ былъ выпущенъ въ Нижегородскій драгунскій полкъ.

Въ этомъ же (1804) году, братъ Михаилъ Богдановичъ пріѣзжалъ въ отпускъ и взялъ меня съ собою въ Петербургъ, для опредѣленія въ морской корпусъ, куда за годъ передо мною поступилъ братъ Александръ и находился уже братъ Алексѣй. Средствъ денежныхъ у брата Михаила Богдановича было очень немного; дома также не нашлось, и потому переѣздъ нашъ былъ самый скромный: мы отправились на долгихъ. Нанятъ былъ ямщикъ съ тройкою лошадей изъ села Куракова (подъ Бѣлевымъ), и мы отправились въ холодную зиму, гдѣ шажкомъ, а гдѣ труспой, дѣлая по 50 и по 60-ти верстъ въ сутки. Помню, что на дорогѣ около Твери, я былъ въ отчаянномъ положеніи: холодъ проникъ во всѣ поры, и я былъ близокъ къ замерзанію; но Богъ послалъ спасеніе: семейство какого-то богатаго купца, ѣхавшее въ тепломъ возкѣ, взяло меня къ себѣ и отогрѣло и накормило досыта.

Просьба была подана, но до открытія вакансіи должно было ожидать лѣта, и вотъ начались мои странствованія. Зиму прожилъ я у брата Владиміра, 18-ти лѣтняго мичмана, который заботился обо мнѣ, сколько можетъ то сдѣлать такой молодой человѣкъ. Я учился у него ариѳметикѣ и кажется усердно, потому что мною довольны были по поступленіи въ корпусъ. На весну флотъ выходилъ въ походъ, и потому меня отправили въ Петербургъ, къ родственнику нашему Якову Александровичу Александрову. Онъ меня помѣстилъ въ пансіонъ: не помню, чтобы меня чему-нибудь тамъ учили. Въ это время пріѣзжалъ въ Петербургъ дядя Семенъ Михайловичъ (не помню, откуда и зачѣмъ) и позаботился, чтобы я пристойно одѣтъ былъ. Я пораженъ и удивленъ былъ роскошью, до того мною неожиданною. Костюмъ мой состоялъ изъ фрака, круглой пуховой шляпы и сапогъ съ отворотами, какіе теперь носятъ жокеи. Въ исходѣ лѣта я поступилъ въ морской корпусъ въ 4-ю роту, которая жила въ первомъ этажѣ на набережную. Тамъ я нашелъ брата Алексѣя, произведеннаго въ гардемарины, и брата Александра. Ротный командиръ былъ маіоръ Петръ Даниловичъ Мамаевъ; частный офицеръ Головнинъ.

Въ мое пребываніе въ морскомъ корпусѣ строевой службы не было; правда, что маршировали, но учителемъ у насъ былъ танцмейстеръ де Роси. Можно представить себѣ, что это за маршировка была! Что нѣкогда существовало фронтовое образованіе въ морскомъ корпусѣ, то на это было доказательство въ ротныхъ амуничникахъ, гдѣ хранились ружья и очень красивыя каски. При мнѣ установленъ былъ новый мундиръ для морскихъ кадетъ. Онъ былъ двухъ-бортный темно-зеленаго сукна, съ дутыми пуговицами; на эполетахъ вышитые золотомъ якоря, исподнее изъ бѣлаго сукна, длинные сапоги и треугольная шляпа. Голову пудрили и носили косу. Въ домашнемъ костюмѣ перемѣна была только въ томъ, что вмѣсто длинныхъ сапогъ носили башмаки и головы не пудрили. Я засталъ еще старинный мундиръ, который донашивали. Онъ былъ также темнозеленый, но съ бѣлыми отворотами. Бѣлье перемѣняли два раза въ недѣлю и вообще за опрятностію строго смотрѣли. Всякій день поутру дежурный офицеръ осматривалъ кадетъ, и горе тому, у кого найдется какая-нибудь неисправность въ одеждѣ! Оставить безъ булки (это былъ обыкновенный завтракъ, и булки эти были очень вкусны) было легкимъ наказаніемъ, а то и розги. Особенно былъ нещаденъ Елисей Яковлевичъ Гамалѣя, который послѣ Мамаева былъ нашимъ ротнымъ командиромъ. Дня субботняго трепетали всѣ тѣ, которые въ продолженіе недѣли кому-либо изъ своихъ учителей плохо отвѣчали, и поэтому дежурная комната въ субботу наполнялась кадетами, и считалось необыкновеннымъ счастіемъ, если кто оттуда выдетъ не высѣченнымъ. Словомъ, розги очень часто употреблялись и иногда за маловажные проступки. Кормили насъ дурно: негодная крупа въ кашѣ, плохая говядина не рѣдко подавались на столъ и при томъ въ мѣру отпущенный хлѣбъ приводилъ въ отчаяніе наши молодые желудки. Смѣло могу сказать, что всѣ шесть лѣтъ, проведенныя мною въ корпусѣ, были временемъ строгаго воздержанія въ пищѣ, исключая тѣхъ дней, когда въ дни отпусковъ, по неточному расчету эконома, поставятъ лишніе приборы, тогда кто попроворнѣй приборъ этотъ приберетъ къ себѣ на колѣни и воспользуется двойною порціею. У насъ была всеобщая ненависть противъ эконома, и его клеймили именемъ *вора* и на стѣнахъ корпуса и даже на деревьяхъ лѣтняго сада.

Дежурные офицеры показывались въ камеры въ извѣстные часы, а въ остальное время внутренній порядокъ лежалъ на старшихъ и подстаршихъ, которые выбирались изъ гардемаринъ; лучшіе изъ нихъ производились въ унтеръ-офицеры. Офицеры рѣдко бывали съ кадетами, отъ этого въ ежедневной ихъ жизни было много произволу. Какъ въ обществѣ неустроенномъ, гдѣ нѣтъ строгаго полицейскаго

надзора, преобладаетъ физическая сила, такъ и у насъ кулачное право развито было въ высшей степени. По поступленіи моемъ въ корпусъ, мнѣ надобно было стать въ ранжиръ по физической силѣ, и потому выбранъ мнѣ былъ сперва одинъ, а потомъ другой соперникъ; съ обоими поочередно я обязанъ былъ выдержать бой на кулакахъ: одного я одолѣлъ, а другой меня поколотилъ, и изъ этихъ двухъ битвъ выведено было весьма логичное заключеніе: „всѣ тѣ, которые подчиняются силѣ поколоченнаго мною кадета, подчиняются и мнѣ; напротивъ тѣ, которые сильнѣе поколотившаго меня, суть мои повелители, и я обязанъ имъ повиноваться, подъ страхомъ быть поколоченнымъ". Бывали случаи, что за невинно угнетаемаго вступались богатыри ротные, но это рѣдко случалось, и всѣ мы жили въ безпрерывной междоусобной войнѣ до производства въ гардемарины. Достигнувъ до этого вожделѣннаго чина, у кадета прежнія дикія замашки смягчались; показывались понятія о чести, и преждебывшій дикарь сталъ походить на человѣка. Впрочемъ, у этихъ молодыхъ людей, кромѣ уваженья къ силѣ физической, были и свои хорошія свойства. Они не терпѣли слабодушія, лукавства, похищенія чужой собственности и провинившихся въ подобныхъ проступкахъ наказывали жестоко. Въ этой спартанской школѣ было и свое хорошее: здѣсь закаливали характеръ въ твердую сталь; здѣсь получалось омерзеніе ко всему низкому, и я увѣренъ, что на многихъ моихъ товарищей это воспитаніе благодѣтельно подѣйствовало; утвердительно могу сказать о себѣ, что оно мнѣ принесло большую пользу.

Съ производствомъ въ гардемарины, понятія мои расширились. Первый походъ мой былъ на 110-ти пушечномъ кораблѣ „Гавріилъ", подъ командою капитана 2-го ранга Чернявина, недавно принятаго изъ отставки. Въ Шведскую войну (1790 года), онъ пріобрѣлъ репутацію храбраго офицера и былъ украшенъ орденами Св. Владиміра 4-й ст. съ бантомъ и Георгіемъ 4-го класса, что̀ по-тогдашнему считалось большимъ отличіемъ; но къ несчастію Чернявинъ не оправдалъ общихъ ожиданій. Флотъ, выступившій въ маѣ мѣсяцѣ 1808 года, подъ командою адмирала Ханыкова, состоялъ изъ 9-ти линейныхъ кораблей, 5 фрегатовъ и нѣсколькихъ малыхъ судовъ. Цѣль похода этого была истребленіе шведскаго флота. Послѣ долгаго плаванія, наконецъ нашли этотъ флотъ, усиленный двумя англійскими кораблями, и вмѣсто того, чтобы вступить съ ними въ бой, адмиралъ нашъ заблагоразсудилъ уйти отъ врага. Въ боевомъ порядкѣ, который мы имѣли въ тотъ вечеръ, когда увидали шведско-англійскій флотъ, „Гавріилъ" былъ задній, ближайшій къ непріятелю корабль.

На разсвѣтѣ оказалось, что не „Гавріилъ“ задній корабль, а „Всеволодъ“, самый плохой ходокъ изъ всего флота, и очень близко отъ него два англійскихъ корабля; шведскій же флотъ на горизонтѣ. Когда посвѣтлѣло, то „Всеволодъ“, сблизясь съ однимъ англійскимъ кораблемъ, открылъ по немъ огонь. Другой англійскій корабль вскорѣ атаковалъ „Всеволодъ“, и такимъ образомъ нашъ корабль поставленъ былъ въ опасное положеніе между двумя англійскими. Въ это время на нашемъ флотѣ вотъ что происходило: адмиралъ далъ сигналъ „Гавріилу“ спуститься на непріятеля. Капитанъ нашъ ослушался приказанія. Начальникъ дивизіи контръ-адмиралъ Моллеръ, на своемъ кораблѣ „Зачатіе Св. Анны“, спускаясь на непріятеля и репетируя сигналъ адмирала: „спуститься „Гавріилу“ — проходя мимо его, выстрѣлилъ подъ корму ядромъ, что̀ считается во флотѣ самымъ строгимъ выговоромъ. У насъ на кораблѣ былъ старшій по капитанѣ офицеръ, капитанъ-лейтенантъ Нелидовъ, человѣкъ постоянно пьяный, но въ эту минуту проявилась въ немъ неожиданная энергія. Онъ подошелъ къ капитану и сказалъ ему, что этого позора нельзя выносить, и вслѣдъ за тѣмъ поставилъ штурмана на руль и приказалъ ему положить право на бортъ и сталъ за „Анною“ спускаться на непріятеля. Но этой рѣшимости у Нелидова не надолго стало; малодушіе капитана опять взяло верхъ: подойдя на дальній пушечный выстрѣлъ, онъ привелъ свой корабль къ вѣтру и приказалъ открыть огонь по 90 пушечному англійскому кораблю, который также отвѣчалъ нѣсколькими выстрѣлами, и вслѣдъ за тѣмъ вмѣстѣ съ другимъ англійскимъ кораблемъ удалились отъ „Всеволода“. Адмиралъ приказалъ фрегату „Ѳеодосій Тотемскій“ взять „Всеволода“ на буксиръ. Фрегатъ этотъ скоро оставилъ буксиръ, оправдываясь, что кабельтовъ лопнулъ, но слухи носились, что онъ обрубилъ его, и такимъ образомъ „Всеволодъ“, израненный въ бою съ двумя кораблями, былъ предоставленъ своей судьбѣ. Флотъ между тѣмъ уходилъ въ Балтійскій портъ, куда благополучно вошелъ бы и „Всеволодъ“, но имѣя поврежденіе въ рангоутѣ, не могъ обойти острова Роче, образующаго одну сторону губы Балтійскаго порта, свалился за него и такимъ образомъ былъ отдѣленъ отъ флота. Ночью посланы были баркасы для провода „Всеволода“ ко флоту; но атаковавшіе „Всеволодъ“ въ это время, все тѣ же два англійскихъ корабля, нѣсколькими выстрѣлами картечью разогнали наши баркасы. Завязался сильный бой между нашимъ и англійскими кораблями, который кончился тѣмъ, что англичане абордировали „Всеволодъ“ и взяли его.

„Всеволодъ“ былъ такъ избитъ въ этихъ двухъ кровавыхъ схваткахъ, что не могъ быть тронутъ съ мели, на которой онъ сидѣлъ, и потому англичане, взявъ съ корабля команду, на другой день

поутру рано зажгли его. Чрезъ нѣсколько часовъ послѣдовалъ взрывъ, сперва малой, а потомъ большой крюймъ-камеры. Во все это время я сидѣлъ на „Саленгѣ“ и смотрѣлъ на эту печально-величественную картину.

Вотъ первый мой шагъ въ военномъ дѣлѣ; эти обоюдные выстрѣлы съ нашей стороны и непріятельской были моимъ крещеніемъ огненнымъ. Трусость во мнѣ не обнаружилась никакимъ признакомъ. Я не имѣлъ этого чувства самосохраненія, не укрывался отъ опасности; напротивъ, мною овладѣло какое-то любопытство, мнѣ хотѣлось видѣть, что дѣлается. По росписанію къ бою, я назначенъ былъ командовать въ нижнемъ декѣ четырьмя пушками, но охотно согласился помѣняться мѣстомъ съ товарищемъ своимъ, который имѣлъ назначеніе на бакѣ, мѣстѣ совершенно открытомъ. Это я сдѣлалъ потому, что съ бака все видно, тогда какъ на палубѣ немногое можно видѣть.

Остатки „Всеволода“ теченіемъ несло мимо нашего корабля. Какой безмовный укоръ предательства! И на насъ, юношей, эта сцена дѣйствовала сильною грустью.

Въ этотъ же день къ непріятельскому флоту присоединилось еще три англійскихъ корабля подъ начальствомъ вице-адмирала Сомареца, имѣвшаго флагъ свой на „Викторіи“ (120 пушекъ), это тотъ самый корабль, на которомъ былъ убитъ въ Трафальгарской битвѣ герой англійскаго флота Нельсонъ. Къ вечеру Сомарецъ съ эскадрою своею дѣлалъ рекогносцировку нашего флота. Онъ прошелъ мимо острова Роче, на который успѣли поставить полевую роту артиллеріи, встрѣтившую англійскіе корабли огнемъ своимъ. Англійскіе корабли, проходя мимо, посылали свои выстрѣлы со всего борта. Нашей батареи не было никакого вреда, потому что командиръ ея подполковникъ Тимофѣевъ поставилъ ее такъ ловко на уступѣ скалы, что всѣ выстрѣлы англичанъ или упирались въ скалу или перелетали черезъ. Пройдя эту батарею, англійскій адмиралъ, шедшій впереди своей эскадры, поворотилъ свой корабль вдоль нашей линіи и открылъ огонь; „Гавріилъ“ былъ ближе другихъ и отвѣчалъ, но нѣсколько обезсилѣвшихъ ядеръ едва долетали до насъ, вѣроятно, и мы такой же имъ сдѣлали вредъ.

Вскорѣ послѣ этого, прибылъ въ Балтійскій портъ морской министръ Чичаговъ, который по высочайшей волѣ смѣнилъ Ханыкова, на мѣсто его назначилъ вице-адмирала Ломана, поднявшаго свой флагъ на нашемъ кораблѣ. Флотъ былъ поставленъ вдоль восточнаго берега губы; между кораблями устроены были на берегу батареи и вооружены пушками, свезенными съ кораблей же. Входы въ губу были усѣяны батареями и къ Балтійскому порту приведены были

сухопутныя войска. Словомъ, взяты были всѣ мѣры къ сильному сопротивленію, но ни англичане, ни шведы, въ продолженіе всего лѣта, ничего рѣшительнаго не предпринимали. Эти соединенные флоты ограничились только бомбардированіемъ нашего флота, бомбардированіемъ совершенно безвреднымъ для насъ. Иногда пролетитъ огромная бомба мимо снастей корабля, иногда ударится о камень на берегу—лопнетъ и кончится однимъ невиннымъ фейерверкомъ.

Осенью осаждавшій насъ флотъ удалился, и вслѣдъ за нимъ при сильномъ вѣтрѣ и мы изъ своего заточенія полетѣли въ Кронштадтъ. При выходѣ изъ Балтійскаго порта одинъ фрегатъ нашъ („Герой") разбился, капитанъ этого фрегата, бывшій въ корпусѣ ротнымъ командиромъ Петръ Харитоновичъ Зуевъ, былъ за это отданъ подъ военный судъ, который кончился, кажется, исключеніемъ его изъ службы.

При попутномъ штормѣ флотъ перелетѣлъ изъ Балтійскаго порта въ Кронштадтъ, менѣе сутокъ. Всѣ, за исключеніемъ „Героя", благополучно пришли,—корабли стали приготовляться къ вводу въ гавань, а насъ, гардемариновъ, отправили въ корпусъ. Сколько разсказовъ о видѣнномъ, испытанномъ! Мы привезли съ собою въ корпусъ гостинцы съ флота, кто черный корабельный сухарь, а кто пороху или нѣсколько картечей.

Во время блокады нашей въ Балтійскомъ портѣ, припоминаю два случая, сохранившіеся свѣжо въ моей памяти. На другой или на третій день прихода нашего въ Балтійскій портъ, ночью сдѣлалась тревога на флотѣ, отъ выстрѣловъ сперва при входѣ въ губу, а потомъ съ береговой нашей батареи. Вотъ въ чемъ было дѣло. Купеческій русскій корабль, въ родѣ морского ваньки, былъ зафрахтованъ для перевозки провіанта въ Балтійскій портъ. Не зная о событіяхъ съ нашимъ флотомъ, онъ безпечно приблизился ко входу въ Балтійскій портъ и попалъ въ средину англійскаго флота. Была темная ночь. На оклики съ кораблей брадатый кормчій отвѣтилъ молчаніемъ и вывѣсилъ всѣ свои парусишки. Сдѣлалась тревога на англійскомъ флотѣ; данъ былъ сигналъ крейсерамъ преслѣдовать врага; покуда они напали на путь нашего судна, оно все уходило дальше въ глубь бухты. Наконецъ одинъ англійскій фрегатъ приблизился и открылъ по немъ огонь. Нашъ ванька съ перепугу не зналъ, что дѣлать: онъ бы охотно отдался, если бы потрудился кто его взять, а то супостаты брать не берутъ, а видимо хотятъ извести православныхъ людей. Въ этомъ затруднительномъ положеніи, онъ направилъ свое суденышко на берегъ. Но тутъ изъ огня попалъ въ полымя: онъ наткнулся на батерею нашу, которая

открыла по немъ нещадный огонь. Покуда онъ кричалъ на батарею и просилъ пощады, покуда еще услышали,—ему влѣпили нѣсколько ядеръ въ корпусъ судна, перервали его снасти. Люди (ихъ было кажется трое) остались живы, но хозяинъ очень жалѣлъ объ убитой собакѣ, которая по словамъ его была умница.

Другой случай. Я помню, какъ англичане пустили на нашъ флотъ брандеръ и такъ неудачно, что онъ вмѣсто того, чтобы идти на флотъ—уткнулся на берегъ и тамъ сгорѣлъ, какъ потѣшный огонь.

Такъ кончился этотъ неудачный походъ Балтійскаго флота. Тогда какъ братья наши пожинали лавры въ Средиземномъ морѣ, а мы тутъ на домашнихъ своихъ водахъ порядкомъ осрамились. Слава Богу, что эта неудача не имѣла вліянія на успѣхи нашей арміи, безостановочно продолжавшей завоеваніе Финляндіи.

Адмиралъ Ханыковъ и кап. Чернявинъ были преданы военному суду.

Хотя кампанія 1808 года для корабельнаго флота нашего была унизительна, но это произошло отъ слабодушія нашего адмирала и одного капитана. Отдѣльно же дѣйствовавшія части флота исполняли свои обязанности какъ честные воины. Оборона „Всеволода“ достойна всякой похвалы: онъ защищался до самой крайности и взятъ былъ тогда, какъ истощены были всѣ средства къ оборонѣ. Капитаномъ корабля былъ Рудневъ; на помощь къ нему явились, когда „Всеволодъ“ защищался у берега, молодые офицеры, возвратившіеся только съ англійскаго флота: Докторовъ, Шестаковъ и Лазаревъ, теперь адмиралъ и командиръ Черноморскаго флота. Всѣ они взяты были въ плѣнъ и нашли между англійскими офицерами прежнихъ сослуживцевъ. Какъ офицеры, такъ и нижніе чины, взятые на „Всеволодѣ“, были возвращены на честное слово не служить въ продолженіе этой войны противъ англичанъ.

Тендеръ „Опытъ“ подъ командою лейтенанта Невельского былъ настигнутъ близъ Ревеля, англійскимъ 50-ти пушечнымъ фрегатомъ. Когда бой сдѣлался неизбѣжнымъ, то маленькій 12-ти пушечный нашъ тендеръ поворотилъ къ фрегату и отпустилъ ему въ носовую часть залпъ изъ всѣхъ своихъ 6-ти коронадъ. Великодушный врагъ, приведя къ вѣтру такъ что открылъ „Опыту“ бортъ свой, сдѣлалъ нѣсколько выстрѣловъ по немъ изъ своей верхней батареи и ожидалъ сдачи тендера. Невельской и не думалъ сдаваться, но посылалъ выстрѣлъ за выстрѣломъ, покуда стрѣльбою съ фрегата не поставленъ былъ въ крайнее положеніе. Подводная часть была пробита; рангоутъ растрепанъ, такъ что ни одного паруса нельзя было нести. Большая часть команды убита или ранена; самъ Невельской также раненъ. Капитанъ англійскаго фрегата не только

что лейтенанта Невельского, но ни одного изъ его офицеровъ и гардемаринъ не арестовалъ. Гардемарины были мои товарищи: Барановъ (по прозванію Бѣлый) и Сухонинъ. Первый былъ раненъ.

Гребной нашъ флотъ кампаніи 1808 года блистательно служилъ; онъ имѣлъ постоянно преимущество надъ шведскою флотиліей. Одинъ изъ моихъ товарищей Михайло Лермантовъ, теперь вице-адмиралъ и командиръ Свеаборгскаго порта, получилъ солдатскій Георгіевскій крестъ.

Поучившись осень и зиму въ корпусѣ, весною гардемаринъ отправились на флотъ для практическихъ занятій. Я съ товарищемъ моимъ Гунарьевымъ былъ назначенъ на люгеръ „Ящерицу“, подъ командою лейтенанта Арцыбашева. На люгерѣ было два мичмана Баскаковъ и братъ Алексѣй, дѣлавшій другой свой офицерскій походъ. Люгеръ имѣлъ 16-ть коронадъ 24 ф. калибра. Бригъ „Гонецъ“, корветъ „Шарлота“ и нашъ люгеръ назначены были конвоировать въ Або транспорты съ провіантомъ. Открытымъ моремъ перехода этого сдѣлать было невозможно, потому что моремъ владѣли англичане. Необходимо было пробираться около береговъ шхерами. Транспорты мы нашли на рейдѣ Рончесальмскомъ и благополучно сопровождали ихъ до Паркалаута; но тутъ группы островов рѣдки и открываютъ берегъ, это-то мѣсто и было занято двумя англійскими фрегатами. Въ свѣтлую іюньскую ночь въ шхерахъ отрядъ нашъ расположился въ боевой порядокъ. Мы ожидали, что непріятель атакуетъ насъ гребными своими судами, и дѣйствительно къ одному изъ фрегатовъ отъ другого присталъ барказъ и катера. Мы ожидали, что вотъ они пойдутъ на насъ; но англичане раздумали и оставили насъ въ покоѣ. Едва ли это нападеніе было бы удачно англичанамъ. Атаковать гребными судами парусныя, вооруженныя орудіями большого калибра, всегда опасно, а въ этомъ случаѣ успѣхъ былъ невозможенъ, потому что гребныхъ судовъ у нихъ было недостаточно.

Изъ Або люгеръ „Ящерица“ назначенъ былъ въ крейсерство, дистанція назначена была ему отъ Аланда до Корпо-Стремо. Военныя дѣйствія приходили къ концу, и мы не имѣли никакихъ встрѣчъ съ непріятелемъ. Въ іюлѣ мѣсяцѣ мы конвоировали шведскую яхту, на которой былъ уполномоченный отъ шведскаго правительства, для переговоровъ о мирѣ. Съ нашей стороны былъ назначенъ, кажется, графъ Румянцовъ, ожидавшій шведскаго уполномоченнаго въ Борго. Англичане нигдѣ не показывались, а утомленная Швеція искала мира. Люгеръ довольно долго стоялъ на рейдѣ въ Або, и я часто бывалъ и даже по нѣскольку дней живалъ у брата Ми-

*

хаила Богдановича, служившаго тогда въ морской артиллеріи. Онъ завѣдывалъ артиллерійскими запасами для флота, дѣйствовавшаго въ Финляндіи, и жилъ за городомъ на мызѣ возлѣ минеральныхъ водъ, гдѣ несмотря на войну лѣченіе и веселіе шло объ руку. Какъ было мнѣ хорошо, я и теперь съ удовольствіемъ вспоминаю.

Въ этой Гиперборейской странѣ я былъ свидѣтелемъ такой грозы, какой мнѣ не случалось потомъ видѣть и въ теплѣйшихъ климатахъ. Былъ день знойный. Я съ братомъ Алексѣемъ Богдановичемъ игралъ въ кегли, а братъ Александръ сидѣлъ на качеляхъ. На небѣ ничего не было замѣтно зловѣщаго. Вдругъ грянулъ такой сильный ударъ, что братъ Александръ упалъ съ качелей, у меня и у брата Алексѣя ноги подкосились. Въ это время чувствовали мы сѣрный запахъ. Когда вышли мы за ворота, то увидали шведа и большую пѣгую лошадь, на которой тотъ ѣхалъ, убитыми наповалъ, у человѣка видно было маленькое кровавое пятнышко на вискѣ, на лошади не было никакого признака. Въ то же время увидѣли огонь на башнѣ Шлосса, древній замокъ, въ которомъ хранились пороховые запасы, ввѣренные брату Михаилу Богдановичу. Разумѣется, онъ сломя голову понесся туда. Пожаръ сильно распространился въ верховьяхъ башни; ни пожарныхъ командъ, ни инструментовъ въ то время въ Або не было. По счастію въ это время на рейдѣ стояло нѣсколько судовъ, которыя выслали команды матросовъ съ пожарными трубами. Этотъ ловкій и смѣлый народъ проворно справился съ пожаромъ. Причина пожара тутъ же объяснилась. На эту башню дѣлали громовой отводъ и успѣли только что утвердить шпицъ желѣзный, къ которому впослѣдствіи думали придѣлать цѣпь, и потому этотъ шпицъ безъ цѣпи былъ не отводъ, а приводъ.

Осенью люгеръ возвратился въ Кронштадтъ, а мы въ корпусъ.

Какъ щедро Государь содержалъ войска свои въ Финляндіи, можно судить потому, что я, неважный гардемаринъ, получалъ на столъ по 47 руб. серебромъ въ мѣсяцъ, что̀ по тогдашнему курсу равнялось 100 р. ассигнаціями. Изъ этого братъ Алексѣй сдѣлалъ мнѣ экономію, которая пригодилась при выпускѣ.

По возвращеніи въ корпусъ насъ посѣтилъ король прусскій. Мы приготовлены были отвѣчать ему по-французски. У насъ въ часъ посѣщенія короля былъ классъ морскихъ эволюцій, и какъ теперь помню первую фразу, разумѣется, приготовленную заблаговременно; фраза эта начиналась такъ: La flotte arrangé en ligne de bataille...

Въ началѣ 1810 или концѣ 1809, посѣщалъ насъ принцъ Георгъ Ольденбургскій, онъ былъ у насъ во время обѣда.

Выдержавъ въ 1810 году третій гардемаринскій экзаменъ, по-

слѣдній пратктическій походъ мы дѣлали на корпусномъ фрегатѣ „Маломъ". Мы постоянно останавливались на якорѣ на Петербургскомъ рейдѣ и прогуливались между Петергофомъ и Кронштадтомъ. Тогда праздникъ въ Петергофѣ былъ не 1-го іюля, какъ теперь празднуютъ, а 22-го іюля, день покойной императрицы Маріи Θеодоровны. Я въ первый разъ увидѣлъ этотъ волшебный садъ съ гигантскимъ Самсономъ; особенно занимала меня искусственная собака, гонявшаяся за уткою; это было на прудѣ въ Марли.

Въ мое время въ морскомъ корпусѣ, при выпускѣ было повтореніе всего пройденнаго и нѣсколько разъ. Начиналось съ класснаго повторенія; потомъ былъ назначаемъ, такъ называемый, корпусный экзаменъ. Экзаменаторы были избираемы изъ преподавателей и къ нимъ назначались гардемарины не ихъ классовъ; экзаменаторами были также нѣкоторые изъ корпусныхъ офицеровъ. Послѣ этого экзамена былъ флотскій экзаменъ, на который приглашались морскіе офицеры, находящіеся въ Петербургѣ, и изъ Кронштадта. Это былъ по большей части экзаменъ практическій. Наконецъ главный экзаменъ, на который приглашались ученые. Помню я добрыхъ, ласковыхъ академиковъ Фуса и Крафта, и несноснаго педанта, хотя очень ученаго академика Гурьева, съ которымъ на нашемъ экзаменѣ инспекторъ нашъ, Платонъ Яковлевичъ Гамалѣя, имѣлъ непріятный разговоръ. Гурьевъ задалъ изъ аналитической геометріи претрудную задачу гардемарину, у него экзаменовавшемуся. Разумѣется, тотъ сталъ въ тупикъ. Платонъ Яковлевичъ, подойдя къ Гурьеву, сказалъ ему: „извините молодого человѣка, онъ не имѣетъ еще чести быть академикомъ. Задачу, вами заданную, могутъ рѣшать только люди, глубоко изучившіе математику".

Заслуги Платона Яковлевича, какъ ученаго,—неоцѣнимы. Онъ составилъ полный курсъ преподаванія математическихъ наукъ для морского корпуса. Лучшею похвалою его трудамъ можетъ служить то, что до сихъ поръ его курсомъ руководствуется морской корпусъ. Въ продолженіе 40 лѣтъ науки положительныя сдѣлали большой успѣхъ, но курсъ Гамалѣя остался до сихъ поръ неприкосновеннымъ, а по словамъ теперешняго инспектора морского корпуса, почтеннѣйшаго Марка Филипповича Горковенко, тогдашняго сотрудника Гамалѣя, во всемъ курсѣ математики въ морскомъ корпусѣ съ 1810 года сдѣланы незначительныя перемѣны.

Преподаваніе математическихъ наукъ въ морскомъ корпусѣ въ мое время было огромное. Исключительно однимъ этимъ предметомъ занимали насъ. Другіе предметы: исторія, географія, словесность, преподавались очень плохо и по руководствамъ, которымъ бы теперь смѣялись. Лучшимъ преподавателемъ исторіи былъ у

насъ Первухинъ, читавшій, правда, увлекательно о грекахъ и римлянахъ, но его чтеніе было чисто анекдотическое. Онъ не развивалъ предъ своими слушателями ни внутренней, ни политической жизни народовъ.

При переходѣ въ послѣдній гардемаринскій курсъ, давалось на произволъ проходить или не проходить дифференціальныя и интегральныя исчисленія, также и теорію кораблестроенія. Если кто отказывался отъ этихъ наукъ, тотъ при выпускѣ ставился ниже тѣхъ, которые проходили ихъ. Я прошелъ весь курсъ, и хотя былъ не изъ первыхъ въ математикѣ, но довольно хорошо ее зналъ. Въ другихъ наукахъ я былъ первымъ и главѣ нашего выпуска Баранову (черному) подсказывалъ на экзаменѣ географіи.

Въ нашемъ классѣ былъ преподавателемъ математики Ѳедоръ Васильевичъ Груздовъ. Это былъ не его предметъ, онъ преподавалъ русскую словесность, а математику поручили ему за неимѣніемъ другого преподавателя. Ѳедоръ Васильевичъ былъ честный и добрый человѣкъ. Онъ объявилъ намъ, что такъ давно проходилъ математику, что позабылъ ее и потому будетъ учиться ей и вмѣстѣ будетъ насъ учить. Когда мы перешли въ гардемаринскіе классы, то при посѣщеніи класса Платономъ Яковлевичемъ, Ѳедоръ Васильевичъ бывало спроситъ его: „я этого не понимаю, объясните мнѣ пожалуйста"—и инспекторъ тутъ же, при насъ, разъяснитъ недоумѣніе его. Покажется можетъ быть страннымъ, что мы хорошо учились; но это истина: классъ все время шелъ очень хорошо и никакъ не хуже, если не лучше, тѣхъ, гдѣ преподаватели были опытные, спеціальные люди.

Я выше сказалъ, что математическія науки у меня шли по среднему, а другія напротивъ отлично хорошо. Странное дѣло, мой учитель математики болѣе другихъ ободрялъ меня заниматься преимущественно словесными науками, находя, что въ нихъ заключается истинное просвѣщеніе, а что математика есть принадлежность спеціальныхъ людей, какими мы не готовимся быть, и это онъ говорилъ предъ своими учениками математики!

Маркъ Филипповичъ Горковенко былъ нашимъ преподавателемъ „теоріи кораблестроенія". Ученіе его было ясное, точное; но за то онъ строго требовалъ, чтобъ его предмету хорошо учились. Бывало къ нему въ классъ готовились со страхомъ и трепетомъ. Когда я уже былъ директоромъ лицея, разъ я посѣтилъ Марка Филипповича и нашелъ у него молодыхъ офицеровъ, проходившихъ при немъ „теорію караблестроенія". Я обратился къ М. Ф. съ просьбою позволить мнѣ, какъ старому его ученику, написать формулу момента остойчивости. Взялъ мѣлъ и отчетисто написалъ формулу.

Во всю мою жизнь, до этого случая, я не имѣлъ никакой на-

добности въ этой наукѣ, потому что не имѣлъ возможности и надобности примѣнить ее къ служебнымъ моимъ занятіямъ; но однако же формула эта сохранилась въ моей головѣ. Изъ этого никакъ не слѣдуетъ, чтобы я удержалъ въ памяти и все, чему меня учили въ корпусѣ. Нѣтъ, это дѣло невозможное, память человѣка не такъ устроена. Но что я помнилъ эту сложную формулу, на это была особенная причина. Когда въ первый разъ изъ этой части теоріи насъ спрашивали въ классѣ, то первый вызванный къ отвѣту спутался; за нимъ вызванъ былъ другой, третій и такъ весь классъ и каждому предлагалось написать моментъ остойчивости. Чтобъ дойти до вывода этой окончательной формулы, надобно перейти было много другихъ, и потому большая часть класса сбивались на другіе выводы. Когда всѣ написали по своимъ понятіямъ, то Маркъ Филипповичъ перебралъ всѣхъ насъ, и ошибшіеся награждены были разными эпитетами, на которые онъ былъ щедръ. Послѣдствіемъ этихъ замѣчаній было то, что я до сихъ поръ сохранилъ въ памяти своей эту одну формулу, тогда какъ позабылъ всю науку.

Продолжительный выпускной экзаменъ насъ изнурилъ такъ, что мы сами на себя не походили. Наконецъ онъ кончился и, 3-го марта 1811 года, мы Высочайшимъ приказомъ произведены были въ мичманы. Какое счастье этотъ первый чинъ принесъ всѣмъ намъ. Наконецъ, я не школьникъ, не живу въ этой строгой зависимости; не встаю по утру подъ звукъ барабана, иду куда хочу.

Съ производствомъ въ офицеры пришли заботы объ одеждѣ. Денегъ было мало, а все, безъ исключенія, было дорого. Война съ Англіей прекратила привозъ не однихъ колоніальныхъ произведеній. Фабрики наши возникали только, и первые образцы были и недобротны, и очень дороги. Мнѣ купили сукна на мундиръ и заплатили за аршинъ 21 рубль; это сукно было такого свойства, что, поносивъ его недолго, оно побурѣло и при томъ показались на немъ бѣловатыя полосы. Словомъ, это сукно было такого дурного свойства, что теперь подобнаго и въ продажѣ нѣтъ. Колоніальные товары были непомѣрно дороги: фунтъ сахару стоилъ 2 р. 50 к. Въ 1811 году серебро возвышалось, и рубль серебряный ходилъ въ 4 руб. ассигнаціями.

Изъ родныхъ въ это время были въ Петербургѣ: тетушка Катерина Михайловна, дядя Иванъ Өедоровичъ Касперскій, командовавшій въ это время гвардейскою артиллеріею. Какъ мы всѣ были обласканы имъ, его сестрами и его почтеннѣйшею матерью, которая была родною сестрою моею бабушки. Отъ этихъ родныхъ кромѣ ласки нечего было ожидать, оставался одинъ только дѣятельный попечитель о мнѣ и братѣ Александрѣ, вышедшемъ со мной вмѣстѣ,— это братъ Алексѣй Богдановичъ. Матушка прислала намъ 50 руб.,

братъ Семенъ Богдановичъ помогъ намъ по-братски и выслалъ 200 руб. и этимъ поставилъ насъ въ возможность прилично прикрыть свое тѣло.

Мнѣ, какъ младшему брату въ семействѣ, не разъ довелось пользоваться пособіемъ старшихъ братьевъ. Всѣ они въ разныя времена были мнѣ полезны, и я теперь какъ и всегда съ признательностью вспоминалъ объ ихъ братской ко мнѣ любви. Благодарю Бога, что Онъ далъ мнѣ возможность доказать имъ, что я братъ признательный, и теперь, когда мы всѣ состарѣлись, я съ услажденіемъ вспоминаю о той дружбѣ, которая насъ связываетъ до сей минуты. Дай Богъ, чтобы эта братская любовь перешла и къ дѣтямъ нашимъ.

Долго не позволили намъ зажиться въ Петербургѣ. Меня назначили въ 75-й корабельный экипажъ, а брата не помню въ который, но только оба эти экипажи находились въ Черномъ морѣ. Помолясь Богу и получивъ напутственное благословеніе отъ тетушки Катерины Михайловны и облитые слезами дочерей ея добрыхъ сестеръ Елизаветы и Катерины Тихоновны, мы 19-го марта въ морозъ 20° съ братомъ Александромъ вдвоемъ отправились чрезъ Москву на свиданіе съ матушкою.

Плуты ямщики воспользовались нашею неопытностью. Такъ на одной станціи насъ увѣрили, что гораздо покойнѣе ѣхать на своихъ саняхъ; мы купили и едва проѣхали двѣ станціи, какъ должны были ихъ бросить. Въ другой разъ насъ увѣрили, что выгоднѣе нанять на нѣсколько станцій, нежели на всякой станціи расплачиваться прогонными деньгами, и плутъ ямщикъ предложилъ нѣкоторую уступку. Мы согласились; проѣхавши двѣ станціи, ямщикъ, привезшій насъ, преневинно приходитъ просить прогонныя деньги. Чтобъ вывести наружу плутню, надобно было возвратиться назадъ за двѣ станціи, слѣдовательно, заплатить еще за четыре станціи и потомъ, отыскавши даже плута, едва-ли могли возвратить свои деньги.

Въ Москвѣ мы погостили день или два и поѣхали черезъ Тулу въ Остахово. Подъѣзжая къ деревнѣ, мы понукали своего ямщика, и какъ онъ ни гналъ своихъ коней, намъ казалось, что онъ тихо ѣдетъ. Слезы у меня текли по щекамъ, когда въѣзжали во дворъ. Не буду описывать радости матушки: она и плакала, и разспрашивала насъ, и усердно Богу молилась. Съ какою радостію встрѣтили насъ дворовые люди; даже свирѣпый, неумолимый „Поваляй“, состарѣвшійся нашъ дворовый песъ, и тотъ привѣтствовалъ насъ ласками своими. Братъ Владиміръ былъ въ это время дома, онъ уволенъ былъ для излѣченія раны. Братъ пріѣхалъ сухимъ путемъ изъ Тріеста, гдѣ сданы были наши корабли, тогдашнимъ друзьямъ нашимъ французамъ. Братъ Владиміръ служилъ съ отличіемъ кам-

панію въ Средиземномъ морѣ. Онъ командовалъ небольшимъ судномъ, вооруженнымъ четырьмя пушками. Находясь въ Тенедосѣ въ то время, когда турецкій флотъ, пользуясь удаленіемъ нашего, явился передъ нимъ, братъ свое суденышко сжегъ, а пушки свезъ въ крѣпость, поставилъ ихъ на валу и стрѣлялъ изъ нихъ до тѣхъ поръ, покуда турецкая пуля не врѣзалась въ лѣвое его плечо. Рана была и тяжелая и опасная; но благодаря молодости и венгерскимъ минеральнымъ водамъ, онъ исцѣлился совершенно. Въ то время какъ я его видѣлъ, онъ былъ здоровъ и преусердно игралъ на гитарѣ.

Погостивъ до просухи, мы отправились въ Севастополь, куда благополучно доѣхали. Флотъ стоялъ уже на рейдѣ, и мы прямо поступили на службу на корабли, братъ на кор. „Побѣду", а я на кор. „Правый", гдѣ былъ командиромъ моимъ капитанъ 2-го ранга Юстъ де-Додтъ, поступившій въ 1806 году къ намъ изъ датской службы. Онъ имѣлъ репутацію отличнаго офицера: гдѣ сражались, онъ непремѣнно былъ тамъ. Службу свою началъ подъ командою адмирала Сенявина, гдѣ командовалъ бригомъ, и подъ Тенедосомъ имѣлъ честь выдержать огонь всего турецкаго флота. Бригъ поставленъ былъ за моломъ, отчего корпусъ брига сохранился отъ выстрѣловъ турецкихъ. Когда турки стали высаживать десантъ, то онъ сжегъ свой бригъ и съ своею артиллеріею не мало способствовалъ оборонѣ крѣпости. За этотъ подвигъ онъ награжденъ былъ Георгіемъ. Въ 1808 году служилъ въ Финляндіи на гребной флотиліи и былъ въ нѣсколькихъ сраженіяхъ со шведами. Произведенный въ капитанъ-лейтенанты, онъ отправленъ былъ въ Черноморскій флотъ, гдѣ ему, только что произведенному въ кап.-лейтенанты, дали въ команду 74-хъ пушечный корабль „Правый". Такъ велика была довѣренность къ этому иностранцу; онъ ее оправдалъ. Въ 1810 году ему поручена была небольшая эскадра, состоящая изъ его корабля, фрегата „*Воина*" (кап.-лейт. Викортсъ) и не помню какого мелкаго судна. Додтъ имѣлъ порученіе взять Сухумъ-Кале, которое онъ исполнилъ и блистательно, и успѣшно. При попутномъ вѣтрѣ, корабль и фрегатъ подошли на пистолетный выстрѣлъ къ крѣпости, легли на шпрингъ и открыли огонь. Покуда подходили къ крѣпости, имъ досталось порядкомъ, но когда они открыли огонь, то чрезъ нѣсколько времени непріятельская артиллерія умолкла, тогда съ удивленіемъ увидали, что не только непріятельская артиллерія была сбита, но и крѣпостной валъ вмѣстѣ съ артиллеріею опрокинутъ въ крѣпость. Высадили роту морскихъ солдатъ, которые безъ боя заняли крѣпость, гарнизонъ крѣпости поспѣшно убѣжалъ въ горы къ черкесамъ, не успѣвъ ничего увезти съ собой. Де-Додтъ за необыкновенный подвигъ былъ и награжденъ необыкновенно:

произведенъ въ кап. 2-го ранга и получилъ Владиміра 3-й степени. Съ этимъ-то примѣчательнымъ человѣкомъ мнѣ привелось начать мою офицерскую службу; но послѣ описаннаго мною подвига, Додту не удалось на дѣлѣ примѣнить свои военныя способности, хотя и старался быть тамъ, гдѣ дерутся.

Флотъ подъ начальствомъ командира Севастопольскаго порта, вице-адмирала Галла, вышелъ, какъ въ формулярѣ моемъ написано, „для поисковъ и пораженія непріятельскаго флота". Турецкаго флота мы нигдѣ не встрѣтили, хотя $1^1/_2$ мѣсяца бороздили Черное море. Видѣли Варну и оттуда спустились къ Анатольскому берегу. Отъ одного греческаго судна, встрѣченнаго нами, мы узнали, что Пендараклійскій (по-турецки Эрейме) паша взбунтовался, и что съ сухого пути осаждаетъ Трапезонтскій паша, а съ моря блокируютъ фрегатъ и корветъ, и что они ожидаютъ изъ Константинополя двухъ линейныхъ кораблей. Адмиралъ отрядилъ два корабля „Анапъ" и „Марію", лучшихъ ходоковъ нашего флота, для захвата этихъ двухъ непріятельскихъ судовъ. Капитанъ Стулли, которому поручено было это предпріятіе, исполнилъ его совершенно удачно. Турки, видя приближеніе къ нимъ двухъ кораблей и полагая ихъ за обѣщанные изъ Константинополя, на фрегатѣ и корветѣ радовались, а бунтовщики скорбѣли. Когда они вошли въ заливъ и подняли русскій флагъ, тогда роли перемѣнились: бунтовщики привѣтствовали наши корабли криками радости, а на фрегатѣ засуетились и стали готовиться къ оборонѣ. Но было поздно, „Анапъ" открылъ огонь по фрегату, который, для очистки совѣсти, сдѣлалъ нѣсколько выстрѣловъ и спустилъ флагъ, чему и корветъ послѣдовалъ. Стулли, обезоруживъ турокъ и взявъ ихъ на свои корабли, а на фрегатъ и корветъ посадивъ свои команды, вышелъ изъ Пендаракліи и на другой день присоединился къ флоту. Паша-бунтовщикъ долго еще сопротивлялся, но когда ожидаемые два корабля изъ Константинополя пришли, тогда положеніе его сдѣлалось отчаяннымъ. Онъ зналъ, что ему нельзя ожидать помилованія, когда его возьмутъ, и потому, выбравъ темную ночь, съ своею небольшою дружиною сѣлъ на лодки, абордировалъ небольшое купеческое судно, вырѣзалъ экипажъ его, обрубилъ канатъ его и, проскользнувъ мимо двухъ турецкихъ кораблей, явился къ намъ въ Севастополь. Онъ прожилъ тамъ нѣкоторое время, покуда не получено было приказаніе отправить его во внутрь Россіи. Паша былъ очень красивый мужчина, весьма сообщительный; онъ не пропускалъ ни одного бала въ нашемъ собраніи.

Съ возвращеніемъ флота въ Севастополь нужда неумолимая заглянула ко мнѣ. Во время похода порціонныя деньги, по 25 руб. въ мѣсяцъ, обезпечивали меня пищею; съ возвращеніемъ въ портъ,

порціоны прекратились; жалованья тогда я получалъ 250 р. (разумѣется, ассигнаціями, тогда на серебро не было счета) въ годъ. Припасы къ столу хотя не дороже были, но и на то я не имѣлъ средствъ; квартира въ городѣ тоже была не по карману. Мы рѣшили съ братомъ жить въ корабельной бухтѣ, гдѣ нашли себѣ мазанку. Въ корабельной бухтѣ удобно было жить потому, что корабли и казармы экипажа были близки, и при томъ заливъ корабельной бухты доставлялъ припасы къ нашему столу: матросы ловили намъ устрицъ, а сами мы удили рыбу, которой тамъ такое изобиліе было, что въ нѣсколько часовъ наловимъ столько ея, что некуда дѣвать. Матушка пожаловала намъ слугу Павла, человѣка уже пожилого; онъ былъ необычайно лѣнивъ. Я его спросилъ однажды: Павелъ, что ты не вычистилъ мои сапоги? „Все равно замараете, какъ пойдете", хладнокровно отвѣчалъ Павелъ. Какъ намъ и самимъ нечего было ѣсть, то мы отпустили Павла въ работники въ огромный садъ близъ Севастополя, на рѣчкѣ Качѣ. Это скорѣе лѣсъ, но лѣсъ Крымскій, гдѣ дико растетъ то, что въ средней Россіи съ трудомъ воспитывается въ оранжереѣ. Павла мы скоро отпустили совсѣмъ домой, какъ человѣка намъ ненужнаго. Я долго боролся съ нуждою и послѣ описываемаго мною времени, но такой, какъ была въ Севастополѣ, никогда не бывало. Съ ужасомъ смотрѣлъ я на изнашивающіеся сапоги, потому что ясно видѣлъ, что нечѣмъ ихъ замѣнить. Благодарю Бога, что дѣтямъ моимъ не привелось испытать подобныхъ лишеній: всю тягость ихъ можетъ понимать только тотъ, кто ихъ испыталъ на себѣ.

Осенью пріѣзжалъ въ Севастополь дядя Семенъ Михайловичъ, для осмотра развалинъ древняго Херсона. Въ Ѳеодосіи тогда устраивался музей для древностей Крыма, по проекту дяди моего, бывшаго тогда градоначальникомъ Ѳеодосіи. Не знаю, что теперь сталось съ развалинами Херсона, но тогда матросы таскали изъ него все, что годилось въ постройку дома. Между грудами мусора иногда попадались тамъ и такіе предметы, которые имѣли право быть сохраняемы въ музеѣ; такъ и въ эту поѣздку дядя отыскалъ нѣсколько обломковъ древнихъ греческихъ статуй, которыя и отправлены были на военномъ транспортѣ въ Ѳеодосію. Адмиралъ Галлъ дружески принялъ дядю моего, и по этому случаю и мы съ братомъ пользовались нѣкоторымъ вниманіемъ адмирала. Въ продолженіе зимы мы дежурили на корабляхъ. По смѣнѣ съ одного изъ такихъ дежурствъ, я приказалъ приготовить для переѣзда моего въ городъ 10-ти весельный катеръ и при томъ приготовить паруса. Урядникъ мнѣ пришелъ сказать, что съ этого катера парусовъ нѣтъ; они прибраны шкиперомъ; но что есть паруса съ чернаго катера, да

немножко великоньки для компанейскаго [1]). Это замѣчаніе меня ни на минуту не остановило, такъ сильно у меня было желаніе покататься, что я не послушался благоразумныхъ предостереженій стараго служиваго. Это былъ въ памятный день для насъ служивыхъ того времени—день рожденія покойнаго Императора, 12-го декабря. Вѣтеръ былъ довольно свѣжій, холоду однако же не было; на рейдѣ стояло нѣсколько судовъ и въ томъ числѣ фрегатъ, кажется, *„Амфитрида“*, подъ командою капитанъ-лейтенанта Белинсгаузена, теперь адмирала и командира Кронштадтскаго порта. Катеръ мой стрѣлою летѣлъ по заливу, и я то спущусь подъ корму фрегата, то пролечу у него подъ носомъ. Бывшіе на фрегатѣ офицеры, изъ которыхъ были и товарищи мои, апплодировали моимъ подвигамъ. Поворачивая катеръ у мыса „Преображенія“, въ ту критическую минуту поворота, когда паруса переносятся, вдругъ изъ-за мыса дунулъ такой сильный вѣтеръ, что паруса положило на мачты, и катеръ бросило на бокъ, такъ что вода въ него влилась, и онъ уже не могъ встать. Когда меня съ 10-ю моими матросами выкинуло изъ катера, то первою моею мыслью было плыть къ берегу, — отплывая, слава Богу, что недалеко,—я почувствовалъ тягость намокшей одежды, во-время убѣдился, что не доплыву до берега, и потому воротился къ катеру и при помощи матросовъ, сидѣвшихъ на наружномъ боку катера, взобрался на него. Нѣсколько матросовъ, хорошихъ пловцовъ, благополучно доплыли до берега, а другіе уцѣпились за катеръ и держались за него кое-какъ. Одинъ изъ нихъ впалъ въ слабодушіе и сталъ вопить: „ахъ! батюшки, отцы родные, помогите, пропадаемъ!“ и тому подобное. Меня это сильно разсердило, и хотя и самъ я былъ въ такомъ же положеніи, какъ онъ, однако же отпустилъ ему добрую оплеуху. Не унялся мой несчастный матросъ и никакъ не могъ увѣриться, что онъ тутъ на катерѣ, въ совершенной безопасности, умѣя немного плавать, по примѣру другихъ своихъ товарищей, поплылъ къ берегу и отъ робости ли или отъ неискусства плавать, этотъ несчастный матросъ не доплылъ до берега и утонулъ. Между тѣмъ съ фрегата видѣли мое бѣдствіе и послали катеръ для спасенія нашего. На фрегатѣ мнѣ дали сухую одежду, напоили чаемъ и отправили на квартиру. Эта зимняя ванна была для здоровья моего безъ всякихъ послѣдствій, но я опасался отвѣтственности за безразсудность мою и особенно за смерть матроса. Дѣйствительно, чрезъ нѣсколько дней я получилъ приказаніе явиться къ адмиралу. Можно представить себѣ, съ какимъ замираніемъ

---

[1]) Черный катеръ употреблялся для черной работы, а компанейскій назывался катеръ, собственно для употребленія офицеровъ.

сердца шелъ я къ командиру своему? Сверхъ ожиданія, адмиралъ меня принялъ очень милостиво и сказалъ, что онъ получилъ отъ дяди нашего письмо, въ которомъ онъ проситъ отпустить насъ къ нему на 28 дней, и что онъ, съ своей стороны, охотно соглашается на этотъ отпускъ и даетъ на нашъ произволъ ѣхать въ Ѳеодосію или на транспортѣ, который скоро туда отходитъ, или сухимъ путемъ. А о бѣдѣ моей сказалъ. что онъ сожалѣетъ о случившемся со мною и увѣренъ, что на будущее время я буду осторожнѣе.

Чрезъ нѣсколько дней мы съ братомъ Александромъ на почтовыхъ прискакали къ дядѣ. О! какъ намъ хорошо было въ Ѳеодосіи! Всѣ насъ ласкали, придумывали различныя развлеченія для насъ. У дяди были положенные дни, у нѣкоторыхъ изъ служащихъ чиновниковъ и зажиточныхъ жителей также назначались вечера, и мы съ братомъ отъ одного удовольствія переходили къ другому. Дядя въ это время устраивалъ дачу свою въ двухъ или трехъ верстахъ отъ города. Это единственное было его достояніе; имѣніе, доставшееся ему отъ отца, онъ давно уже продалъ; на этой дачѣ дядя и умеръ, а послѣ смерти его дача продана была для уплаты долговъ. Теперь она принадлежитъ г. Котляревскому.

Погостивъ у дяди и навеселившись досыта, мы съ запасомъ прекраснаго турецкаго табака пріѣхали въ Севастополь. Это уже было въ мартѣ мѣсяцѣ 1812 года. Вскорѣ на вновь построенномъ кораблѣ въ Херсонѣ прибылъ братъ Владиміръ Богдановичъ, и съ этой минуты начинается улучшеніе въ моемъ положеніи.

Весною стали вооружать корабли, потомъ вышли на рейдъ, но флотъ не выходилъ въ море, только одни крейсера бороздили море. Главнокомандующимъ Молдавскою арміею назначенъ былъ адмиралъ Чичаговъ, бывшій морской министръ, ему подчиненъ былъ и Черноморскій флотъ. Адмиралъ потребовалъ 75-й кор. экипажъ въ армію. Назначеніе этого, а не другого экипажа понятно: командиромъ экипажа былъ предпріимчивый, смѣлый де-Дойдъ, но какое хотѣлъ адмиралъ дать ему назначеніе, это осталось для насъ неразгаданнымъ, потому что прежде, нежели мы присоединились къ главнымъ силамъ арміи, адмиралъ былъ уже смѣненъ.

Тогдашній экипажъ состоялъ изъ 404 нижнихъ чиновъ и раздѣленъ былъ на четыре роты, слѣдовательно, представлялъ собою на землѣ небольшой баталіонъ. До того времени строевая служба во флотѣ еще не была введена, и потому первымъ дѣломъ было обучить насъ пѣшему строю. Откинувъ старыхъ матросовъ, мало способныхъ къ строевой службѣ, и вмѣстѣ съ ними старыхъ лейтенантовъ и пополнивъ изъ другихъ экипажей недостатокъ, намъ изъ

3-го Морского полка дали ружья и безчисленное число учителей. Въ два мѣсяца выучили насъ дѣлать нѣсколько построеній батальіономъ и обращаться пристойно съ ружьемъ. Такимъ образомъ подготовленный экипажъ для войны на сушѣ былъ посаженъ на два транспорта и отправленъ въ Одессу. Въ Одессу насъ не впустили— тамъ открылась чума, взявшая столько жертвъ и потомъ появившаяся въ Крыму. Изъ Одессы мы отправились къ устью Днѣстра, гдѣ и высажены были въ 15-ти верстахъ отъ Аккермана. На транспортѣ, по недостатку офицеровъ, мнѣ юношѣ-мичману довелось командовать вахтою. Я и не подозрѣвалъ, что это первое мое командованіе на морскомъ суднѣ было вмѣстѣ и послѣднимъ.

1-го сентября небольшой переходъ въ 15 верстъ, до Аккермана, мы сдѣлали съ удовольствіемъ, гдѣ и передневали. На дневкѣ получено было повелѣніе идти форсированнымъ маршемъ на соединеніе съ арміею, которая въ это время перешла Днѣстръ и спѣшила на соединеніе съ арміею Тормасова, тѣснимаго превосходнымъ непріятелемъ. Это повелѣніе неудобопримѣнимо къ намъ, морякамъ, не имѣвшимъ понятія, какъ ходятъ солдаты по землѣ. Не говорю уже о насъ, молодыхъ офицерахъ, да и старшіе наши офицеры не имѣли яснаго понятія, какъ вести насъ. Вслѣдствіе этого незнанія было то, что первый переходъ былъ назначенъ въ 45 верстъ, второй 55, увеличивая такимъ образомъ переходы, мы дѣлали ихъ въ 65 верстъ. Матросы наши не имѣли ружей; тѣ, которыми мы учились въ Севастополѣ, принадлежали Морскому полку, которому и возвращены были. Это облегчало еще нѣсколько наши переходы; ранцевъ тоже не было; ихъ замѣняли кое-какіе мѣшки самодѣльщина, которые везли на подводахъ. Впослѣдствіи, когда мы вошли въ районъ арміи, то намъ дали ранцы и ружья отъ больныхъ, оставленныхъ въ госпиталяхъ.

Первый переходъ былъ неудаченъ для меня: у меня недостало силъ пройти назначенное разстояніе, и я вмѣстѣ съ товарищемъ Хрущевымъ (Иваномъ) прилегли подъ кустомъ и потомъ отправились на Божью волю. Проводника у насъ не было, мы сбились съ дороги; не зная, куда идемъ, однако понимая, что всякая дорога приводитъ куда-нибудь,—мы продолжали путь. Послѣ довольно длиннаго пѣшешествія, наконецъ мы приблизились къ какой-то деревнѣ. Тутъ непріязненно встрѣчены были стаею собакъ, бросившихся на насъ съ остервенѣніемъ. Я съ Хрущевымъ стали спиною другъ къ другу и отчаянно отбивались отъ псовъ саблями своими, которыми вооружались конечно не для того, чтобы воевать съ собаками. Но, увы! Въ великій 1812 годъ мнѣ съ моимъ товарищемъ Хрущевымъ досталось обнажить мечъ только противъ личныхъ нашихъ враговъ,

а не враговъ отечества. Мы довольно долго воевали съ собаками и не знаю, чѣмъ бы кончилась эта-битва, если бы не выручили насъ прибѣжавшіе поселяне. Насъ принялъ къ себѣ въ домъ отставной вахмистръ бывшаго Молдаванскаго гусарскаго полка, солдатъ славныхъ временъ Румянцева, и, покуда приготовляли намъ подводу, мы были угощены старымъ служивымъ на славу. Поѣвши, мы уснули такимъ богатырскимъ сномъ, что насъ съ трудомъ добудились.

Экипажъ нашъ усиленными маршами шелъ до Могилева на Днѣстръ, гдѣ получили извѣстіе, что Молдавская армія, называвшаяся тогда 3-ю западною, направилась къ Брестъ-Литовску.

Въ продолженіе похода нашего по Бессарабіи мы завели себѣ верховыхъ лошадей и такимъ образомъ обезпечили свои ноги отъ усталости.

Въ Подольской губерніи сошлись мы съ эскадрономъ регулярныхъ казаковъ, сформированныхъ на иждивеніе помѣщика Херсонской губерніи Скаржинскаго. Онъ успѣлъ соединиться съ арміею и былъ въ сраженіи подъ Борисовымъ и получилъ Владиміра съ бантомъ. Ему посчастливилось исполнить добровольно принятую на себя обязанность защитника отечества и въ великую годину испытанія нашего принести на алтарь отечества и свою лепту.

Молдавская армія, принявъ на себя отступающую армію Тормасова и оттѣснивъ въ Польшу австрійскую армію, направилась отъ Брестъ-Литовска къ Березинѣ. Не успѣвши присоединиться къ арміи въ Брестѣ, экипажъ нашъ изъ Луцка пошелъ отыскивать армію на Пинскъ. Какая это грустная сторона! Мы въ продолженіе нѣсколькихъ дней видѣли только песокъ, сосны и болото; не увидишь ни веселой поляны, не услышишь веселой пѣсни поселянина.

Наконецъ, послѣ долгаго странствованія, мы присоединились къ дѣйствующимъ войскамъ, въ окрестностяхъ Слуцка. Это былъ отрядъ генерала Эртеля, знаменитаго оберъ-полицеймейстера Москвы и Петербурга; отрядъ этотъ сформировался въ Мозырѣ изъ третьихъ баталіоновъ и нѣсколькихъ эскадроновъ полковъ Молдавской арміи. Войска эти боролись съ отрядомъ полка Домбровскаго, блокировавшаго Бобруйскъ. Между Слуцкомъ и Глуцкомъ была небольшая схватка съ поляками, гдѣ порядкомъ досталось послѣднимъ. Мы тутъ не участвовали.

Приближалось послѣднее дѣйствіе военной драмы 1812 года. Былъ ноябрь. Домбровскій отступилъ къ Борисову. Эртель изъ Бобруйска пошелъ на Рогачевъ, направляясь къ Могилеву на Днѣпрѣ, но въ Рогачевѣ онъ узналъ, что Могилевъ занятъ отступающею арміею, называвшеюся нѣкогда великою, а въ то время справедливо было бы

назвать ее—несчастною. Эртель возвратился въ Бобруйскъ, а оттуда, чрезъ Игуменъ прошелъ въ Минскъ. Во время этихъ безплодныхъ маршей и контръ-маршей, совершилась историческая переправа чрезъ Березину, и главнокомандующій Молдавскою арміею, отъ дурно разсчитанныхъ маршей генерала Эртеля, въ рѣшительный моментъ битвы на Березинѣ, лишенъ былъ пособія 15 тысячъ старыхъ привычныхъ ко войнѣ солдатъ. Эртель за эти безтолковыя движенія былъ удаленъ отъ командованія и уже не показывался передъ войсками, какъ предводитель ихъ; онъ окончилъ военное поприще свое генералъ-полицеймейстеромъ арміи и былъ ужасомъ шпіоновъ французской арміи, которыми наполнена была Бѣлорусская сторона, мечтавшая о независимости своей вмѣстѣ съ Польшею. На мѣсто Эртеля былъ назначенъ генералъ Тучковъ [1]), замѣненный вскорѣ генер. Винцегероде.

Въ Минскѣ мы присоединились ненадолго къ Молдавской арміи. Здѣсь въ первый разъ увидѣли ужасы отступленія французской арміи. Плѣнные вереницею тянулись по большой дорогѣ. Не прикрытая нагота, изнуреніе голодомъ сопровождало этихъ несчастныхъ. Подходя къ Минску, мы встрѣтили партію плѣнныхъ; въ числѣ ихъ былъ прекрасной наружности офицеръ; всѣ мы были проникнуты сочувствіемъ, взяли этого бѣднаго страдальца къ себѣ. У него были отморожены ноги. Наши доктора помогли ему сколько было возможно, а мы накормили и отогрѣли его. Это былъ итальянецъ, капитанъ и имѣлъ légion d'honneur. Продержавъ его нѣсколько дней при себѣ, мы должны были отправить его. Остался ли живъ этотъ несчастный?

Наступилъ періодъ морозовъ, тѣсныхъ квартиръ и зимнихъ бивакъ. Не разъ доставалось мнѣ ночевать на открытомъ воздухѣ, при морозѣ, доходившемъ до 20° и болѣе. Помню одинъ подобный бивакъ: холодъ проникнулъ во всѣ поры, и я дрожалъ отъ него, такъ что зубъ на зубъ не попадалъ. Лесли увидѣлъ мое бѣдствіе, заставилъ меня выпить глотокъ водки, которой я до того времени не пилъ. Какъ этотъ пріемъ оживилъ, согрѣлъ меня! — На бѣду мнѣ

[1]) Тучковъ былъ смѣненъ за разореніе Нѣсвижскаго замка кн. Радзивила. Онъ и шефъ Татарскаго уланскаго полка генер. Кнорингъ были по суду обвинены и разжалованы въ солдаты. Я видѣлъ этотъ замокъ въ самомъ пылу грабежа его и былъ свидѣтелемъ, какъ наши солдаты изъ третьяго этажа съ хохотомъ выбрасывали на дворъ огромное трюмо. Богатая библіотека, занимавшая нѣсколько большихъ залъ, была перевернута къ верху дномъ; я принесъ на бивакъ какой-то франц. романъ. Управитель кн. Радзивила содержался подъ карауломъ: часовые стояли одинъ у дверей, а другой въ комнатѣ. Говорили тогда, что отъ него добивались о скрытыхъ имъ сокровищахъ.

достался плутъ денщикъ, обокравшій меня дочиста. Онъ унесъ чемоданъ и шинель, такъ что я остался, въ чемъ былъ. Надобно было позаботиться о тѣлѣ своемъ и въ какомъ-то жидовскомъ мѣстечкѣ я купилъ себѣ фризовую шинель, а на мѣсто разрушившейся единственной моей рубашки купилъ у матроса толстую конопляную рубаху, которую носилъ, не скидывая два мѣсяца. Что сдѣлалось съ моимъ тѣломъ, какого рода насѣкомыми наполнилась эта рубаха, можно себѣ представить. Отъ насѣкомыхъ частію избавлялся посредствомъ *шкваренія*. Это самая простая операція: надъ горячими углями надобно держать за верхній край скрученую рубаху. Сильный жаръ отъ угольевъ, въ мгновеніе раздуетъ и развернетъ рубаху, откуда посыплются незванные гости, обитатели рубахи. Какъ пріятно бывало надѣть рубаху послѣ подобнаго очищенія. Въ этой тяжкой нуждѣ отъ холода иногда исполнялось безразсудное дѣйствіе. Такъ однажды послѣ ужина, изготовленнаго на большомъ кострѣ, я съ Иваномъ Хрущевымъ улегся на томъ мѣстѣ, гдѣ былъ костеръ. Тепло, раздольно было намъ спать и, удивительное дѣло, испареніе накаленной земли не вредно было намъ.

Насмотрѣвшись до омерзѣнія на смерть несчастныхъ французовъ отъ холода и голода, рискуя не разъ и самъ замерзнуть, какъ кочарыжка [1]), наконецъ съ отдѣленіемъ нашимъ отъ арміи, которая преслѣдовала французовъ къ Вильнѣ, свободнѣе вздохнули. Отрядъ нашъ пошелъ на Бѣлостокъ, гдѣ въ началѣ января 1813 года пріостановились, чтобъ оправиться и отогрѣться. Отъ этой тяжкой нужды открылась у насъ гнилая горячка. Болѣе половины нашихъ солдатъ поступили въ госпитали. Изъ офицеровъ уцѣлѣли только двое: лейтенатъ Горбаненко и докторъ Пивницкій: они оба любили лишнюю чарочку выпить. Отъ этой или другой причины, но только они избѣгали отъ горячки. Ко мнѣ горячка пришла послѣ, въ апрѣлѣ уже мѣсяцѣ.

Въ исходѣ февраля мы были уже на Вислѣ и стояли въ м. Фордуны, недалеко отъ Бромберга (Bygdosé по-польски), гдѣ находилась тогда главная квартира арміи, которою предводительствовалъ уже Барклай-де-Толли. По сдачѣ начальства надъ арміею, адмиралъ Чичаговъ, проѣзжая чрезъ Фордуны, позвалъ насъ къ себѣ и изъявилъ свое соболѣзнованіе, что не могъ ничего сдѣлать для насъ, но что онъ просилъ новаго главнокомандующаго быть къ намъ бла-

---

[1]) У насъ въ походъ 1812 года, крайней нужды въ пищѣ не было. Правда, что доводилось иногда довольствоваться однимъ сухаремъ, но этотъ сухарь всегда былъ.

госклоннымъ. Первая встрѣча съ адмираломъ, отвлекшимъ насъ отъ привычныхъ нашихъ занятій, была и послѣднею; Чичаговъ выѣхалъ вскорѣ изъ Россіи и къ несчастью впослѣдствіи велъ себя, какъ дурной сынъ Россіи. Жаль, онъ былъ весьма даровитый человѣкъ и по уму своему принадлежалъ къ тѣмъ немногимъ государственнымъ людямъ, которыхъ мнѣнія уважаются правительствомъ.

Я зналъ, что братъ Николай служитъ въ Дерптскомъ полку, и что это этотъ полкъ въ Молдавской арміи, къ которой наконецъ мы присоединились. Я отправился въ главную квартиру, гдѣ справился о квартирахъ Дерптскаго полка, онъ тогда стоялъ въ Бишгловскомъ замкѣ, верстахъ въ 30-ти отъ Фордуновъ. Пріѣхавъ туда, не зазасталъ брата, а нашелъ его Антона, которому обрадовался какъ родному. Братъ поѣхалъ въ главную квартиру съ тою же цѣлью, какъ и я туда ѣздилъ: мы отыскивали другъ друга. Переночевавъ у брата, на другой день отправился домой. Пріѣхавъ въ Фордуны, я встрѣтилъ своего денщика, порадовавшаго меня извѣстіемъ, что братъ меня дожидается у меня на квартирѣ. Сломя голову вбѣжалъ я въ свою комнату и нашелъ его спящимъ на моей кровати. До того времени мы были незнакомы другъ съ другомъ: я былъ еще младенцемъ, когда брата отвезли въ корпусъ; по производствѣ его въ офицеры онъ былъ дома, но меня уже тамъ не было. Братъ служилъ сперва на Кавказѣ, въ Борисоглѣбскомъ драгунскомъ полку, а въ 1806 году поступилъ на сформированіе новаго полка Дерптскаго драгунскаго же, съ которымъ пошелъ въ Молдавію. И вотъ двумъ роднымъ братьямъ довелось познакомиться тогда только, какъ они достигли совершеннаго возраста. Это только можетъ случиться въ нашей обширной Россіи, гдѣ большой просторъ для всѣхъ, особенно для военныхъ офицеровъ того времени. Война за войною приводила офицеровъ побывать въ Австріи, Пруссіи, Финляндіи, на Кавказѣ и въ Турціи, а со временемъ побывали и въ Парижѣ.

Разбудивъ торопливо брата, я долго добивался отъ него подтвержденія: точно ли онъ братъ мой Николай. Сколько слезъ радостныхъ пролито было въ эту минуту; сколько разспросовъ о прожитой жизни. На другой день мы вмѣстѣ поѣхали въ Бишгловскій замокъ, гдѣ братъ представилъ меня своему шефу (у котораго онъ былъ бригаднымъ адъютантомъ), графу Павлу Петровичу фонъ-деръ-Палену. Впослѣдствіи я служилъ долго подъ начальствомъ графа и долженъ сказать, что во всю мою долговременную службу, я не встрѣчалъ начальника пріятнѣе графа. У него были свои недостатки, но онъ ихъ искупалъ многими прекрасными свойствами.

Тутъ же было рѣшено, чтобы мнѣ перейти въ Дерптскій полкъ, только - что переименованный изъ Драгунскаго въ Конно-Егерскій [1]).

Съ открытіемъ весны, мы изъ Фордуновъ перешли въ имѣніе одного пана шамбелана (фамиліи не помню), это былъ ласковый, гостепріимный старикъ, у котораго была премилая дочь, вздыхавшая въ то время о французскомъ офицерѣ. Это было недалеко отъ Торуня, тогда блокируемаго нашими войсками. Въ тѣхъ мѣстахъ народонаселеніе польское перемѣшалось съ нѣмецкимъ. Должностные люди по большей части нѣмцы. Мы часто бывали у одного пожилого амтмана и проводили превесело время у этого радушнаго нѣмца. У него было большое семейство. Это было время возстанія изъ своего уничиженія угнетенной Пруссіи, возставшей и дружно шедшей, опираясь на Россію, противъ общаго врага Европы. Неужели пруссаки настоящаго времени позабыли, что Пруссія обязана своимъ спасеніемъ и возстановленіемъ народной чести, великодушію Императора Россіи. Видно, отцы нынѣшняго поколѣнія не умѣли передать имъ тѣхъ чувствъ любви, энтузіазма, которыя питали къ русскимъ пруссаки 1813 года, особенно въ эпоху вооруженія Пруссіи, т. е. въ началѣ 1813 года. Изъ семейства добраго амтмана шло на службу два молодыхъ воина. Мы были свидѣтелями, какъ ихъ снаряжали и благословляли на брань противъ врага ихъ отечества. На насъ пруссаки въ то время смотрѣли, какъ на своихъ избавителей.

Осаду Торуня (Торна) поручено было вести графу Ланжерону; назначены были войска въ осадный корпусъ, въ томъ числѣ нашъ экипажъ, которому поручалось осаждать крѣпость съ Вислы; для этого заблаговременно приготовлены были суда, употребляемыя на Вислѣ, для перевозки пшеницы въ Данцигъ. Двѣнадцать такихъ судовъ исправили и укрѣпили для поднятія орудій. Батарейная рота полковника Магденки была назначена на эти суда. Когда вскрылась Висла, и войска стали выступать для осады крѣпости, экипажъ сѣлъ на лодки и отплылъ къ Торуню. Подойдя къ крѣпости и остановясь у острова, лежащаго отъ нея на пушечный выстрѣлъ, импровизован-

---

[1]) Братъ Николай былъ болѣе какъ исправный кавалерійскій офицеръ. Онъ роскошничалъ верховыми лошадьми. Во время войны у него менѣе трехъ верховыхъ лошадей никогда не было; иногда собиралось до пяти лошадей. Братъ мнѣ подарилъ небольшую верховую лошадь, преладную и при томъ очень смирную, что̀ было весьма кстати для меня, плохого, хотя и смѣлаго ѣздока.

ная флотилія выстроилась въ линію и открыла огонь; крѣпость сдѣлала намъ честь и отвѣчала на нашъ огонь нѣсколькими выстрѣлами. На островѣ, къ которому мы пристали, въ тотъ же вечеръ стали устраивать батарею, и наши познанія въ фортификаціи пригодились. Артиллерійскіе офицеры роты Магденки менѣе нашего смыслили въ этомъ дѣлѣ. Кромѣ молодца ихъ командира Магденки, я помню двухъ братьевъ Фреймановъ и двухъ братьевъ Халютиныхъ. Съ однимъ изъ Халютиныхъ потомъ я служилъ въ одной дивизіи, онъ былъ въ Переяславскомъ Конно-Егерскомъ полку, и съ однимъ изъ Фреймановъ также встрѣтился въ Липецкѣ, онъ все служилъ въ артиллеріи. У четырехъ нашихъ судовъ открылась течь, и они найдены были негодными къ службѣ; съ нихъ-то и сняли орудія и поставили на батарею.

На другой день рано поутру изъ крѣпости была вылазка. Полевая артиллерія ихъ открыла по насъ съ берега огонь, и какъ берегъ Вислы въ этомъ мѣстѣ былъ довольно возвышенъ, а мы стояли близко къ нему, то выстрѣлы наши никакого вреда не могли имъ сдѣлать, между тѣмъ какъ имъ очень удобно было стрѣлять по насъ. Додтъ отвелъ насъ лѣвымъ флангомъ назадъ и поставилъ фронтомъ къ непріятельской батареѣ. Во все время этой осады я командовалъ одною лодкою и преусердно стрѣлялъ изъ своей пушки. Не знаю, чѣмъ бы кончилась эта перестрѣлка, если бы не выручила конная рота Наваки. Она быстро принеслась и открыла огонь по французской артиллеріи; вслѣдъ за нашею артиллеріею шли Павлоградскіе гусары; но французы не дождались гусаровъ и ушли въ крѣпость.

Въ крѣпости гарнизонъ былъ составленъ изъ разнородныхъ войскъ; это были остатки вѣнской арміи отъ похода ея въ Россію. Впрочемъ большую часть гарнизона составляла Баварская пѣхота, въ красивыхъ римскихъ каскахъ. Комендантомъ былъ старый служивый и храбрый офицеръ, бригадный генералъ Мовильонъ.

Осадными работами распоряжался флигель-адъютантъ полковникъ Мишо, офицеръ, отличаемый Императоромъ Александромъ. Мишо уроженецъ Піемонтскій и былъ офицеромъ въ войскахъ сардинскаго короля. Когда Піемонтъ сдѣлался частію Италіянскаго королевства, то Мишо поступилъ въ русскую службу, гдѣ все время служилъ съ большимъ отличіемъ, до возстановленія его короля т. е. до 1814 года.

Изъ Грауденца привезли къ намъ осадную артиллерію и недалеко отъ насъ, на берегу, устроена была мортирная батарея съ

прусскою прислугою и офицерами. Эта батарея наибольшій вредъ дѣлала крѣпости. Между тѣмъ траншейныя работы наши подвигались впередъ, и батареи были заложены на гласисѣ. Надобно было овладѣть сперва блокгаузомъ, много вредившимъ нашимъ работамъ. Въ одну безлунную ночь, при ясномъ небѣ, начался приступъ къ блокгаузу. Въ одну минуту заблисталъ огонь, сперва изъ блокгауза, а потомъ съ крѣпости. Ближній крѣпостной бастіонъ былъ такъ иллюминованъ ружейнымъ огнемъ, что его можно было срисовать. Блокгаузъ былъ ескладированъ и въ одну минуту взятъ. Потеря съ нашей стороны не была значительна, но всѣ мы жалѣли о молодцѣ Мишо, который на этомъ приступѣ лишился руки; но онъ остался живъ и явился въ 1814 году на службу къ своему законному государю.

Гарнизонъ, доведенный до невозможности защищаться, потому что запасъ пороха у него истощился—капитулировался. По условіямъ капитуляціи гарнизонъ долженъ былъ возвратиться во Францію и не служить противъ союзниковъ въ эту кампанію. Капитуляцію Государь Императоръ не утвердилъ, почему гарнизонъ былъ объявленъ военно плѣннымъ и отправленъ въ Россію.

Флотилія наша, во время осады Торуня, была дѣятельно занята. Иногда мы ходили ночью обстрѣливать крѣпость, съ праваго берега Вислы, откуда не было ведено траншейныхъ работъ. Обыкновенно посылались двѣ лодки, и мы выбрали заблаговременно мѣсто весьма удобное для насъ: это былъ небольшой мысъ, который насъ прикрывалъ отъ крѣпостныхъ выстрѣловъ. Сдѣлавъ выстрѣлъ по крѣпости, лодка пряталась за мысъ и тамъ, зарядивъ свою пушку, снова вытягивалась для слѣдующаго выстрѣла. Съ праваго берега, для этой же цѣли, посылалась полевая артиллерія, которая также какъ и мы безпрестанно перемѣняла свои мѣста; такъ что въ крѣпости не знали, куда направлять выстрѣлы. Весело бывало слушать, какъ наши ядра разгуливали по крышамъ домовъ крѣпости. Передъ разсвѣтомъ обыкновенно мы уходили. Тутъ-то и начнется дѣятельность крѣпостной артиллеріи, которая направляла свои выстрѣлы по тѣмъ дорогамъ, гдѣ должна была идти наша артиллерія.

По сдачѣ Торуня (это было въ половинѣ апрѣля), я простудился и получилъ сильную нервическую горячку. День былъ ясный, теплый, я ѣздилъ въ главную квартиру за приказаніемъ и имѣлъ неосторожность не взять съ собою шинели. Пошелъ дождь при сильномъ вѣтрѣ, дувшемъ мнѣ въ правый бокъ. Я ускорилъ аллюръ и возвратился повидимому благополучно; но на другой же день откры-

лась у меня горячка, которая едва было меня не свела въ могилу.

Мы вскорѣ выступили въ походъ и меня повезли на открытой повозкѣ за неимѣніемъ другой. Помню участіе одной дамы (это была Зассъ, супруга извѣстнаго генерала-лейтенанта Андрея Павловича Засса); она, проѣзжая мимо меня, кидавшагося въ горячешномъ бреду на телѣгѣ, остановилась, разспрашивала обо мнѣ, прислала мнѣ подушку, бутылку вина, и я замѣтилъ, что она утирала слезы. Это была тетка Викторіи Антоновны Репнинской, которую я очень почиталъ, сколько за ея прекрасныя свойства, столько же и за то что она была племянницей этой доброй женщины. Мы, мужчины, далеко не обладаемъ этимъ возвышеннымъ чувствомъ состраданія; женщины какъ-то умѣютъ смягчить и усладить страданіе, своимъ сердечнымъ участіемъ. Я вспоминаю и теперь объ этой женщинѣ, какъ объ Ангелѣ хранителѣ, посланномъ мнѣ отъ Бога. Послѣ этой встрѣчи, я ее не видѣлъ и потомъ узналъ отъ Викт. Ант., что она умерла.

Мы прошли чрезъ Познань и вошли въ Силезію, гдѣ близъ Сагана остановились. Горячка моя кончилась [1]); прекрасные майскіе дни оживили мою угасавшую жизнь, и я сталъ оправляться, набираться силъ не по днямъ, а по часамъ. Мы стояли у какой-то баронессы, молодой вдовы, у которой очень часто бывали. Въ военныхъ дѣйствіяхъ мы не участвовали; экипажъ нашъ былъ въ прикрытіи обозовъ арміи.

Мы проходили чрезъ гор. Брикъ, гдѣ стоялъ Гвардейскій экипажъ, въ которомъ много было корпусныхъ товарищей: Лермантовъ, Римскій-Корсаковъ, Ушаковъ, Константиновъ.

Во время перемирія намъ назначено было оберегать мостъ въ Эйлау на Одерѣ, гдѣ была корпусная квартира генерала Сакена.

Зная нѣмецкій языкъ столько, сколько во время похода въ нѣмецкой землѣ солдатъ выучивается ему, я бывалъ въ большомъ затрудненіи. Братъ Николай во время перемирія стоялъ съ полкомъ недалеко отъ Швейдница. Собрался я навѣстить его. У меня былъ

---

[1]) Оба наши медика пользовали меня, особенно однако же занимался моимъ страждущимъ тѣломъ Александръ Андреевичъ Рихтеръ, которому я обязанъ, что не былъ брошенъ въ какомъ-нибудь городкѣ и не умеръ отъ нужды дорожной. Рихтеръ пользовалъ меня, только-что вышедшій изъ рукъ подобной же горячки: у него въ то время на головѣ не было волосъ, а какой-то бѣлый пухъ.

сильный и проворный конь—и я отправился въ путь. Отъ невѣрнаго произношенія имени деревни, меня направили въ противную сторону, и я заѣхалъ къ французскимъ аванпостамъ, откуда насилу ноги унесъ, и такимъ образомъ вмѣсто 10 верстъ, я сдѣлалъ 90, и все-таки не попалъ къ нему, а случайно наткнулся на двоюроднаго брата Левшина (Ардаліонъ Николаевичъ), служившаго капитаномъ въ Старо-Оскольскомъ пѣхотномъ полку. Онъ умеръ въ отставкѣ въ чинѣ подполковника.

По окончаніи перемирія, мы оставили Эйлау и присоединились къ понтоннымъ ротамъ; ихъ было двѣ: Иванова и Шишкина. Командиръ нашъ, Додтъ, видя, что экипажа его нѣтъ возможности, честнымъ образомъ, употребить, сдалъ его кап.-лейт. Сулима, а самъ отправился искать счастія въ главной квартирѣ. Такъ иногда пропадаетъ дарованіе отъ того, что нѣтъ случая ему выказаться. Острякъ Котляревскій, бывшій тогда за такимъ же дѣломъ при глав. квар., какъ и Додтъ, написалъ на послѣдняго эпиграмму.

Капитанъ Додтъ,
Оставилъ флотъ,
Пошелъ охотой,
Служить пѣхотой.
Что жъ дѣлаетъ онъ?
—„Играетъ въ бостонъ“ [1]).

Назначеніе нашего экипажа въ арміи было незавидное: сперва въ прикрытіи обозовъ, а потомъ при понтонахъ. Неудивительно, что офицеры наши искали перейти въ другой родъ войска. Командиръ нашъ уѣхалъ въ главную квартиру и взялъ съ собою Скарятина. Этотъ достойный морской офицеръ, я говорю о Додтѣ, тамъ сдѣлался посмѣшищемъ; позабыта была его геройская служба, позабыто было молодецкое взятіе Сухумъ-Кале, а помнилось только странное его положеніе въ главной квартирѣ, безъ опредѣленной цѣли. Додтъ недолго выдержалъ эту постыдную роль и уѣхалъ въ Николаевъ. Зонтагъ еще прежде перешелъ въ конные егери послѣ Лейпцигскаго сраженія, и меня туда же перевели. Словомъ, ни одного не было офицера, который бы не хлопоталъ: какъ бы уйти изъ этой злополучной команды. Оставшійся послѣ Додта командиромъ экипажа Сулима, въ 1814 году, оставилъ его и пристроился при генералѣ Рудзевичѣ, при которомъ и окончилъ войну. Докторъ Рихтеръ взятъ

---

[1]) Тогда это модная игра была.

былъ въ главную квартиру, тамъ обратилъ на себя вниманіе генералъ-штабъ доктора арміи Вилье, и чрезъ него впослѣдствіи сдѣлалъ блистательную карьеру. Кап.-лейт. Кричевскій въ началѣ 1813 года уѣхалъ въ Николаевъ. Мичманъ Борисъ Хрущовъ былъ оставленъ въ Плоцкѣ съ небольшою командою для охраненія тамъ моста чрезъ Вислу.

Корпусъ графа Ланжерона, съ кавалеріей Корфа, корпусъ барона Сакена, съ кавалеріей Васильчикова, поступили въ составъ Силезской арміи, подъ предводительство прусскаго фельдмаршала Блюхера, у котораго кромѣ двухъ русскихъ корпусовъ, вышеупомянутыхъ, были два прусскіе: Йорка и Клейста. Главная армія дѣйствовала изъ Богеміи на Дрезденъ, центральную позицію Наполеона, а Силезская изъ Силезіи.

По окончаніи перемирія начались марши взадъ и впередъ. Маленькій городокъ Яуеръ мы три раза оставляли и столько же разъ возвращались. Были небольшія стычки. Силезская армія всякій разъ отступала, когда являлся Наполеонъ съ резервомъ на помощь своимъ маршаламъ; а по удаленіи его Блюхеръ наступалъ. Страна отъ Левенберга до Яуера, отъ этихъ сосредоточенныхъ движеній двухъ армій, до того обѣднѣла, что невозможно было найти тамъ куска хлѣба. Запасъ провіанта истощился, и многіе питались однимъ картофелемъ, и тотъ безъ соли. Наконецъ, эти нерѣшительныя движенія разрѣшились знаменитою Кацбахскою битвою. Горныя рѣчки, протекающія въ этомъ уголку Силезіи, отъ проливныхъ дождей, наполнились и сорвали мосты. Разбитый въ двухъ-дневномъ бою, Макдональдъ потерялъ болѣе 100 пушекъ и 20 тысячъ плѣнными, и главною причиною гибели этого корпуса было то, что онъ лишился своихъ мостовъ, такъ цѣлая дивизія Пюто положила оружіе, не имѣя возможности переправиться за Кацбахъ.

На другой день послѣ Кацбахской битвы, т. е. 19-го августа, роту Иванова съ прикрытіемъ нашего экипажа, выдвинули впередъ для наведенія моста. Пройдя цѣлый день и наступившую ночь, мы, наконецъ, къ разсвѣту пришли къ Кацбаху. Рѣка бушевала и не позволяла на себѣ строить моста. Покуда разбирали понтоны и боролись съ рѣкою, подъѣхало два легкихъ орудія французской артиллеріи и съ первыхъ выстрѣловъ сбили нашихъ понтонеровъ. Примѣчательно было въ дѣйствіи этихъ двухъ орудій то, что изъ четырехъ первыхъ выстрѣловъ три попали въ цѣль. Надобно было оставить постройку моста, и понтоны пошли къ Левенбергу (на лѣвомъ берегу Кацбаха), гдѣ нашли остатки бывшаго моста, который при пособіи матеріаловъ, взятыхъ у жителей, скоро возстановили.

Вода въ это время стала сбывать, и между сваями моста показались утонувшіе французы, пѣшіе и конные. Наши матросы поживились кое-чѣмъ отъ утопленниковъ.

Армія пошла по направленію къ Дрездену, а насъ послали въ Герлицъ, гдѣ мы нѣсколько дней нѣжились послѣ трудовъ Силезской кампаніи.

Для обложенія Дрездена съ праваго берега Эльбы, изъ корпуса графа Ланжерона былъ отряженъ князь Щербатовъ съ своею дивизіею, а Силезская армія перешла Эльбу, между Виттенбергомъ и Торгау. Мѣсто для переправы было выбрано не знаю кѣмъ, при д. Эльстеръ, но назначено было именно то мѣсто, гдѣ Фридрихъ-Великій, въ семилѣтнюю войну, переправлялъ свою армію. Часу въ десятомъ вечера, обѣ понтонныя роты пришли къ Эльбѣ и нашли, что отъ прусскаго корпуса Бюлова былъ сдѣланъ мостъ на козлахъ, по которому по одиночкѣ, пѣшкомъ переходили люди, и такимъ образомъ переправленъ былъ баталіонъ ландвера. Мы немедленно приступили къ постройкѣ моста; матросы наши, присмотрѣвшіеся къ понтонамъ, работали чрезвычайно бойко; любо было на нихъ смотрѣть, какъ они справлялись съ быстрою Эльбою. Понтонеры не успѣвали снаряжать понтоновъ, какъ якоря были завезены и поставлены на свои мѣста. Хотя это занятіе моряковъ при понтонахъ не есть настоящая ихъ служба, но должно правду сказать, что моряки для понтонной службы очень пригодны и при наведеніи мостовъ окажутъ великую услугу арміи. Когда начались работы у моста, Богъ знаетъ, откуда взялась французская артиллерія и открыла огонь по мосту, который сдѣлалъ небольшой, впрочемъ, вредъ мосту; работы несмотря на выстрѣлы быстро подавались впередъ. Къ этому времени было переправлено еще два баталіона прусскихъ и одинъ русскій изъ авангарда графа Сенъ-При. Эти четыре баталіона атаковали и сбили французовъ. Тогда еще въ нашей арміи не были введены горны; помню я эту музыку передового прусскаго баталіона, который подъ звуки своихъ горновъ мѣрно маршировалъ подъ картечью французской артиллеріи. Какія прекрасныя войска тогда были въ Пруссіи; какое одушевленіе было въ нихъ, и какъ молодецки они умирали на полѣ сраженія.

Къ 4 часамъ утра мостъ, на который употребили почти двѣ понтонныя роты, былъ готовъ и войска корпуса Иорка стали переправляться. Едва нѣсколько баталіоновъ успѣли перейти, какъ корпусъ Бертрана явился оспаривать переправу. Я стоялъ у моста на правомъ берегу, когда начали переправу пруссаки. Бодрый старикъ

Иоркъ былъ верхомъ, въ синей венгеркѣ, подбитой крымскими смушками. По временамъ онъ говорилъ нѣсколько ободрительныхъ словъ своимъ юнымъ солдатамъ; когда получилъ онъ донесеніе о приближеніи французовъ, старикъ вспыхнулъ, пришпорилъ свою лошадь и понесся на другой берегъ. Я не утерпѣлъ, побѣжалъ за нимъ. Войска, перешедшія черезъ мостъ, устроивались недалеко отъ него; французы были близко, такъ что ядра долетали до моста. Иоркъ взялъ передніе два баталіона и повелъ ихъ въ атаку; они были опрокинуты. Иоркъ взялъ еще нѣсколько свѣжихъ баталіоновъ и бросился съ ними впередъ. Въ это время только-что переправившійся полкъ Черныхъ гусаръ, обойдя французовъ справа, сдѣлалъ блистательную атаку и взялъ (кажется) 8 пушекъ. Авангардъ графа Сенъ-При также перешелъ Эльбу, и нашъ генералъ послалъ спросить у Иорка, не нужна ли ему помощь русскихъ войскъ, на чтò Иоркъ отвѣчалъ, что онъ надѣется и съ своими средствами поколотить французовъ. И дѣйствительно, послѣ атаки гусаровъ, французы на всѣхъ пунктахъ стали отступать, а наша армія безпрепятственно перешла Эльбу.

Когда Черные гусары приготовлялись къ атакѣ, я ходилъ между ихъ эскадронами пѣшкомъ и видѣлъ, какъ они заряжали пистолеты. Хорошо, что они не вздумали употреблять этого оружія въ своей славной атакѣ, а иначе она была бы постыдною. Впослѣдствіи я убѣдился, какой позоръ приноситъ безтолковое употребленіе пистолета въ кавалеріи. Пистолетъ во время атаки кавалериста дѣлаетъ— трусомъ. Одно только холодное оружіе, употребленное смѣло, ручается за успѣхъ.

Послѣ переправы черезъ Эльбу, когда всѣ союзныя арміи сближались къ Лейпцигу, смѣлое движеніе Савари надѣлало суматоху въ нашей арміи. Савари дѣйствовалъ съ своею кавалеріею на пути сообщенія арміи и затруднилъ движеніе ея до того, что нѣкоторые корпуса были возвращены назадъ, для отраженія его. Многіе обозы наши достались въ руки непріятелей.

Я позабылъ сказать, что фельдмаршалъ Блюхеръ былъ очень доволенъ нашими дѣйствіями и прислалъ къ намъ своего адъютанта, который и объявилъ намъ удовольствіе фельдмаршала. Впослѣдствіи всѣ офицеры нашего экипажа получили Монаршее благоволеніе: эта награда была первою, полученною мною за военный подвигъ.

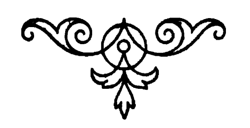
Когда армія стала стѣснять Наполеона въ Лейпцигѣ, понтонная рота Иванова съ нашимъ экипажемъ была поставлена въ Гіебенштейнъ на Саалѣ, близъ Галле.

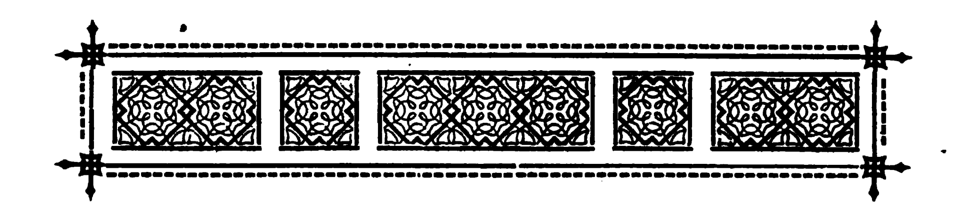
Припоминаю одинъ случай со мной во время похода нашего къ Галле. Мы шли тогда по сторонѣ гористой, и скаты горъ были очень каменисты, такъ что понтонныя лошади въ два или три перехода избили себѣ ноги до того, что не могли везти тяжелыхъ своихъ понтоновъ. Я посланъ былъ отъ полковника Иванова въ близъ лежащія деревни добыть лошадей, воловъ, словомъ, найти средства двигать понтоны. Прійдя въ одну деревеню, я объявилъ о своей нуждѣ Шульцу и далъ ему изъ своей команды для сбора воловъ и лошадей, подтвердивъ строго ничего не брать, кромѣ этихъ животныхъ. Мои солдаты работали усердно и ко мнѣ со всѣхъ сторонъ сводили скотъ. Въ это время проѣзжалъ чрезъ селеніе гусарскій офицеръ, къ которому жители обратились съ просьбою, что у нихъ отнимаютъ рабочій скотъ, что ихъ разоряютъ и пр., что обыкновенно говорятъ люди, теряющіе что-либо. Гусарскій офицеръ началъ говорить со мной тономъ начальничьимъ, объявилъ, что онъ числится при генералъ-полицмейстерѣ Эртелѣ, и требовалъ, чтобы я отпустилъ скотъ, мною собранный. Я ему отвѣчалъ вопросомъ: увѣренъ ли онъ, что я съ моею командою не сдѣлалъ никакого безпорядка, кромѣ того, что взялъ лошадей и воловъ. На утвердительный его отвѣтъ, я сказалъ ему, что я здѣсь по приказанію моего начальника и исполняю, что мнѣ приказано, и потому просилъ его оставить меня исполнять мою обязанность. Но гусаръ видно былъ человѣкъ несовсѣмъ толковый, настаивая, чтобы я исполнилъ его требованія. Тогда я ему сказалъ, что я его арестую и представлю какъ офицера, который препятствуетъ исполнять обязанность другому офицеру. Послѣ этой моей выходки онъ уѣхалъ, а я поторопился убраться изъ деревни, не ожидая пріѣзда Эртеля, съ которымъ встрѣча могла быть трагическою: Эртель имѣлъ право разстрѣливать не только непріятелей, но и своихъ.

Началась историческая Лейпцигская битва. Къ намъ долеталъ громъ пушечный, и мы съ грустію ожидали приказаній идти куда-нибудь съ своими мостами. Мы были подчинены начальнику артиллеріи корпуса генерала гр. Ланжерона, генералъ-маіору Василицкому, къ которому я посланъ былъ за приказаніемъ. Приказано было понтонамъ идти не помню куда-то для наведенія моста, и мы отправились по прекрасному шоссе изъ Галле къ Лейпцигу. Это шоссе такъ хорошо было, что наши тяжелые понтоны катились рысью, взявъ на себя пѣшихъ людей. Однако же надобности въ мостѣ не было, и мы потянулись за арміею, преслѣдовавшею отступающаго непріятеля.

Когда войска остановились въ окрестностяхъ Франкфурта на Майнѣ, понтоны расположились въ Гамбургѣ, гдѣ мы ласково были

приняты старухою принцессою Гессенъ-Гомбургскою, два сына которой служили въ австрійской арміи генералами. Воображаю, какъ мы смѣшны были при этомъ хотя маленькомъ дворѣ, но дворѣ съ большими претензіями. Мы приглашены были къ обѣду, и весь дворъ былъ en grand tenue. Принцесса была въ Екатерининской лентѣ. Насъ разсадили между дамъ, разряженныхъ въ пухъ и прахъ, и мы конечно показались имъ дикарями незнаніемъ своимъ свѣтскихъ приличій и плохимъ знаніемъ употребительныхъ языковъ.

Замѣтки о Н. Ѳ. Щербинѣ.

Въ послѣдніе годы усилился интересъ къ полузабытому поэту Щербинѣ. Стихотворенія его (изд. 1850, 1857 и 1873 г.г.) давно уже вышли изъ продажи и стали библіографическою рѣдкостью. Рукописи его изучаются съ вниманіемъ, котораго не всегда удостоиваются даже болѣе выдающіяся дарованія; можемъ указать описаніе его рукописей въ „Отчетѣ Имп. публ. библ. за 1898 г.“ (Спб., 1902 г., стр. 63—77), статьи Н. Кашина въ „Литературномъ Вѣстникѣ“ 1904 г. (кн. 4), Н. Янчука въ „Журн. минист. народ. просв.“ 1907 г. (іюль), замѣтку въ „Отчетѣ московск. Публичн. и Румянцовск. музеевъ за 1906 г.“ (М., 1907 г., стр. 36—38). Вопросъ объ изданіи полнаго собранія произведеній Щербины стоитъ на очереди; для этого уже собрано много матеріаловъ. Лучшее изъ вышедшихъ доселѣ изданій Щербины—послѣднее, 1873 г., но полнымъ оно назваться не можетъ. Главной причиной, препятствовавшей его полнотѣ, являлись цензурныя условія. Изъ эпиграммъ Щербины издатели вынуждены были кое-что исключить, чтобы сдѣлать ихъ возможно пригодными для печати, но благодаря этому многія эпиграммы нуждаются въ объясненіяхъ. Нѣсколько такихъ объясненій, данныя для которыхъ представлены преимущественно хранящимися въ Имп. публ. библіотекѣ рукописями поэта, составляютъ содержаніе настоящихъ замѣтокъ. Пользуемся изданіемъ 1873 г., на которое и будемъ ссылаться.

Стр. 302. Обозначенный въ эпиграммѣ сокращеніемъ: „С—въ“ „отецъ снотворный Анапцова“,—московскій литераторъ Н. В. Сушковъ, дядя поэтессы графини Е. П. Ростопчиной; Иванъ Яковлев. Анапцовъ — герой комедіи Сушкова „Мизогинъ“ (въ альманахѣ „Раутъ“ 1852 г.).

Стр. 305. Эпиграммы: „Ты гимны воспѣвалъ“... и „Льстивый рабъ“... написаны, какъ видно изъ собственноручнаго подлинника Щербины (Имп. публ. библіот., тетр. 6), на А. Н. Майкова. Изъ первой эпиграммы, написанной по поводу стихотворенія Майкова „Коляска“, исключены два послѣдніе стиха:

Но я спрошу тебя дилеммою такой:
Скажи:—подлецъ ли ты, иль скорбенъ головой?

Другія эпиграммы Щербины на Майкова—въ „Русск. Старинѣ“ 1907 г., апрѣль, 205—206; августъ, 262.

Стр. 309. Эпиграмма „N. N.“ или „Тмутараканскому критику“ (*стр. 432*) въ рукописи озаглавлена: „О Константинѣ Аксаковѣ“ (Имп. публ. библіот., тетр. 6). Щербина былъ задѣтъ отзывомъ К. С. Аксакова въ „Обозрѣніи современной литературы“, помѣщенномъ въ „Русской Бесѣдѣ“ 1857 г.

Стр. 316. Эпиграмма: „Хоть теперь ты екс-писатель“... въ рукописи (Имп. публ. библ., тетр. 6) озаглавлена: „Кукольнику“; Щербина приписалъ къ ней любопытное замѣчаніе: „Кукольникъ теперь поселился въ Таганрогѣ, обезпечивъ себя казнокрадствомъ, служа по провіантской части во время крымской кампаніи. Онъ сказалъ одному моему знакомому, что онъ ужъ теперь ex-чиновникъ и ex-писатель“. Это подало поводъ къ вышеписанной эпиграммѣ“.

Стр. 321. Эпиграмма „Либерализмъ онъ внесъ и въ руки“... въ рукописи (Публ. библ., тетр. 6) озаглавлена: „Чернышевскому по поводу Погодина“.

Стр. 322—323. Эпиграммы: „О, если бъ такъ же вдохновенно“... въ рукописи (Публ. библ., тетр. 6) озаглавлена: „Розенгейму“ и „Еще Розенгейму“. Въ 3-мъ стихѣ вмѣсто „Ростовѣ“ слѣдуетъ читать: „Бѣлостокѣ“.

Стр. 323. Двустишіе: „Чтобъ вѣру дать моимъ словамъ“... въ рукописи (ibid.) озаглавлено: „Отвѣтъ Розенгейму на его тупую эпиграмму“.

Стр. 324. „Экспромптъ N. N.“ въ той же рукописи озаглавленъ: „Экспромптъ о П. И. Якушкинѣ“.

Стр. 327. Посвященіе „Сонника современной русской литературы“ „вѣчно - достойной памяти князя Харитона Акакіевича Чушинскаго-Чихматова“—насмѣшка надъ министромъ народнаго просвѣщенія княземъ Плат. Александр. Ширинскимъ-Шихматовымъ.

Стр. 337—338. „Титулярный литераторъ и піита N. N.“, о службѣ котораго Щербина составилъ забавный формулярный списокъ,—Н. В. Гербель (см. ту же 6-ую тетрадь). Въ графѣ: „Имѣетъ

ли недвижимое имѣніе?“ Щербина написалъ: „Имѣетъ, а именно: Книги: I переводъ „Слова о полку Игоревѣ“; II „Изюмцамъ“; III „Отголоски“, „Шиллеръ въ русскомъ переводѣ“ и тому подобную *недвижимость*“.

Стр. 392. „Эпитафія ***“ 9) въ рукописи (Имп. публ. библ., тетр. 8) озаглавлена: „Эпитафія И. И. Панаеву“. (См. „Русс. Стар.“ 1907 г., апрѣль, 197).

Стр. 394. Графъ „Межеумковъ-Безразсудко“, на котораго написана эпиграмма: „Ты, наконецъ, нашелъ свое призванье“...—гр. Г. А. Кушелевъ-Безбородко. На него же—эпиграмма на *стр. 403.*

Стр. 397. Эпиграмма „Красиотой своей ливреи“... въ рукописи (Публ. библ., тетр. 8) озаглавлена: „Редакція «Русскаго Слова»“.

Стр. 411. Эпиграмма „Ихъ двое будутъ всѣмъ въ литературѣ править“... написана на Некрасова и А. А. Краевскаго (см. рукоп. Публ. библ., тетр. 9) „по поводу ихъ неожиданнаго товарищескаго соединенія въ 1858 г. въ изданіи «Отечественныхъ Записокъ»“.

— — Эпиграмма „Согласенъ въ этотъ разъ со всѣми я“... въ рукописи (Публ. библ., тетр. 9) озаглавлена: „Академіи наукъ на избраніе въ члены Валуева“. 3-ій стихъ читается:

Что ты холопей академія...

Стр. 413. Эпиграмма „Какъ всякій мѣдный лобъ“... въ той же рукописи озаглавлена: „Публицистъ-Писаревъ“.

Стр. 414. Эпиграмма „Чуждъ интриги и обмана“... въ той же рукописи озаглавлена: „Графъ Александръ А.“ Рѣчь идетъ о близкомъ къ Александру II графѣ Александрѣ Влад. Адлербергѣ. (О немъ см. „Русс. Арх.“ 1907 г., I, 621—622; „Русс. Стар.“ 1907 г., ноябрь, 360).

— — Эпиграмма „Бѣдняковъ все слышу клики я“... въ той же тетради носитъ заглавіе: „Книгопродавецъ Вольфъ“. 3-ій стихъ читается:

Хуже нѣтъ жида Маврикія...

Стр. 417. Эпиграмма „Адвокату N. N.“ въ той же тетради озаглавлена: „Адвокату Лохвицкому. (См. также бумаги Щербины въ публ. библіот., № 17, *л. м*, стр. 2).

Стр. 418. „Литія по усопшемъ рабѣ Божіемъ N. N.“ въ 9-ой тетради Щербины озаглавлена: „Литія по усопшемъ рабѣ Божіемъ Константинѣ Гротѣ“. Та же эпиграмма въ другомъ спискѣ (публ. библ., бумаги Щербины, № 17, *л. м*, стр. 1—2) носитъ заглавіе: „Панихида по Гротѣ. (Epicedium)“. К. К. Гротъ былъ министромъ финансовъ.

Стр. 419. Четверостишіе „Газетѣ“ въ 9-ой тетради озаглавлено: „Петербургскія Вѣдомости“. Первый стихъ читается:

Газета Коршева есть двухъэтажный домъ...

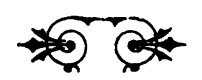
В. Ѳ. Коршъ издавалъ „Петербургскія Вѣдомости“.

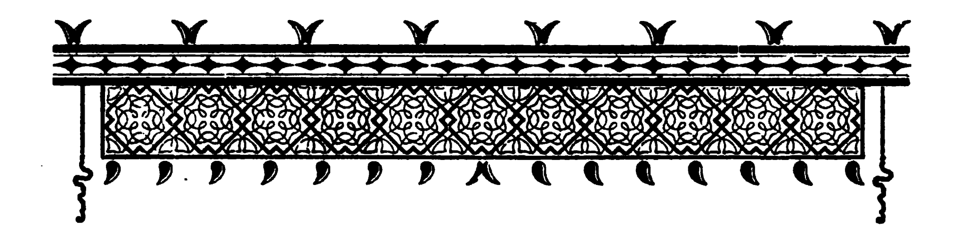
Въ апрѣл. книгѣ „Русс. Старины“ 1907 г. (стр. 201—202) мы напечатали ямбъ Щербины „Любовь“, ошибкою внеся его въ число еще неизданныхъ пьесъ. Исправляемъ ошибку: это стихотвореніе было напечатано въ сборникѣ „Молодикъ“ на 1844 г. (Спб., 1844, изящн. словесность, стр. 93), подъ названіемъ „Современная любовь“.

Извлекаемъ изъ 9-ой тетради еще не напечатанную эпиграмму Щербины „Русская серія“, о которой лишь упоминается въ Сочин., *стр. 439*:

Французское произношенье
Смыслъ русской серіи даетъ,
Такъ что другое назначенье
Ей здравый смыслъ не приберетъ.

Сообщ. Н. Лернеръ.

История карелъ [1].

Приладожская Карелія въ XV и началѣ XVI вѣковъ; споры со шведами изъ-за границы.

Въ приладожской Кареліи въ теченіе XV, XVI вѣковъ возникаетъ много монастырей, содѣйствовавшихъ утвержденію православія среди карелъ: Свирскій по Свири, Андрусова пустынь (Олонец. уѣздъ), Ильинскій женскій монастырь (Повѣн.), Никольскій (Ладожск.), Сяндебскій (Олон.), Яблонская пустынь (Олон.), Брусенскій (Петроз.), Задненикифорскій (Олон.), Климецкій (Петр.), Машезерская пустынь [2].

Валаамскій монастырь, имѣвшій скиты по сѣверо-западнымъ берегамъ Ладожскаго озера, пользовался уже въ то время уваженіемъ среди приладожскихъ карелъ, проторившихъ себѣ въ XV вѣкѣ дорогу отъ Олонца на Сердоболь, по которой богомольцы направлялись въ Сердоболь для того, чтобы отсюда безопаснѣе переправиться на Валаамъ.

Кромѣ монастырей, владѣвшихъ въ качествѣ землевладѣльцевъ многими деревнями, вліяніе на образованіе карелъ оказывали въ Южной Кареліи и появившіяся здѣсь дѣти боярскія и вообще введенные новгородцами порядки. Такъ Карелія была подѣлена на погосты, которые въ верхней Кареліи дѣлились на перевары; перевары въ это время были уже болѣе многолюдными и состояли изъ нѣсколькихъ деревень каждая. Такъ въ Куркіокской переварѣ было

[1]) См. „Русскую Старину“, октябрь 1907 года.
[2]) Памятная книжка Олон. губерніи 1867 г.

13 деревень. Подати собирались по сохамъ и обжамъ. Болѣе же всего оказывало вліяніе на обрусѣніе, какъ и прежде, участіе въ новгородской торговлѣ, которая часто направлялась исключительно черезъ Карелу, т. е. Кексгольмъ. Такъ въ 1425 году ганзейцы закрыли на два года Неву съ цѣлью заставить новгородцевъ согласиться на выгодныя для Ганзы условія; послы ихъ, прибывшіе въ Новгородъ въ 1426 году, съ изумленіемъ замѣтили, что торговля по обыкновенію была оживленною, и въ городѣ было 116 нѣмецкихъ купцовъ, которые доставили сюда товары черезъ Выборгъ и Карелу. До XVI вѣка новгородцы являлись въ Выборгъ или на большихъ судахъ по Невѣ, или на маленькихъ—по Вуоксѣ. Около 1500 года въ Выборгѣ находилось до 400 русскихъ купцовъ [1]). Въ этой торговлѣ карелы, главнымъ образомъ, поставляли шкурки пушного звѣря и рыбу. Сокращеніе пушного звѣря по прибрежьямъ Ладожскаго озера вынуждало карелъ селиться все далѣе отъ сѣверныхъ береговъ Ладожскаго озера въ лѣсной глуши. Новыя поселенія, возникавшія въ лѣсной глуши, въ административномъ отношеніи причислялись къ деревнямъ, изъ которыхъ выходили поселенцы. Такъ деревни: Пелькъярви, Саанлахта, Тохмаярви—причислялись сперва къ деревнямъ Сердоболя;—Иломантси, Эно, Піэлисъярви—къ деревнямъ Пелькъярви.

Со шведской стороны также выходили поселенцы и занимали уже мѣстности за предѣлами Шведскаго государства, въ области, по Орѣховскому договору отошедшей къ Новгороду. Такъ, выше уже мы видѣли, какъ финнами-ямелястами занимались карельскія мѣстности при Ботническомъ заливѣ. Шведское правительство въ XV вѣкѣ старается заселять финнами-ямелястами мѣстности нынѣшняго Куопіоскаго прихода. Въ 1475 году шведы строятъ крѣпость Нейшлотъ восточнѣе границы, опредѣленной Орѣховскимъ договоромъ. Нарушеніе шведами условій Орѣховскаго договора вызываетъ цѣлый рядъ набѣговъ въ XV в. со стороны новгородцевъ и карелъ на финновъ, поселившихся въ мѣстностяхъ, принадлежащихъ по Орѣховскому договору новгородцамъ (1415, 1462, 1478, 1489, 1496 годы).

Шведы и финны мстили отвѣтными набѣгами. Такъ въ 1480 году 24-хъ тысячное войско ихъ вторглось въ русскія владѣнія и „на пространствѣ 30 миль вширь убивали, уничтожали и расхищали все, что ни встрѣчалось“ [2]).

Послѣ подчиненія Новгорода Москвѣ московскіе государи:

---

[1]) Viipurin Kaup. Historia. Ruuth.

[2]) Suomen Historia. Lindequist, стр. 145.

Іоаннъ III, Василій III—требуютъ точнаго соблюденія условій Орѣховскаго договора. Такія требованія предъявляются ими во время переговоровъ въ 1482, 1487, 1493, 1507, 1513 годы. Окончательное рѣшеніе этого вопроса шведамъ удавалось постоянно откладывать на будущее время. Насколько вопросъ о возстановленіи орѣховскихъ границъ былъ непріятенъ шведамъ, видно изъ слѣдующаго. „Спорный вопросъ о границахъ, въ виду предстоящихъ въ будущемъ переговоровъ о нихъ, шведы попытались запутать, для чего они и прибѣгли къ обману. Прежній договоръ о мирѣ исказили и привели въ новый видъ. По чьему почину произошло это сомнительное дѣло, неизвѣстно, какъ неизвѣстно вполнѣ и время, когда это случилось. Наиболѣе правдоподобно, что этотъ подложный договоръ составленъ послѣ 1493 года, самое позднее—въ первое десятилѣтіе XVI вѣка. Пограничная линія въ подложномъ Орѣховскомъ договорѣ значительно отличается отъ границы, утвержденной въ 1323 году. На пространствѣ отъ Сестры-рѣки до Торсаярви отклоненіе мало замѣтно, хотя пограничные пункты и тутъ чаще, чѣмъ въ первоначальномъ договорѣ. Далѣе граница идетъ восточнѣе прежняго такъ, что Нейшлотъ остается значительно западнѣе ея. Отъ Пуйтонсаари на озерѣ Торсаярви она идетъ черезъ Пурувези и Оривеси къ Юоярви, откуда черезъ Риккаярви и Каавинъярви на Келлотайпале, что находится посрединѣ между Каавинъярви и Вуотіярви“.

„Этимъ кончается перечень пограничныхъ пунктовъ въ подложномъ договорѣ. Говорится лишь, что граница, направляясь отсюда, идетъ къ ближайшей границѣ земли, какъ показано „въ другихъ книгахъ“. Такимъ образомъ совершенно избавлялись отъ упоминанія „Квенскаго моря“ (Ботническаго залива), конечнаго пункта границы“ [1]).

VI.

Состояніе приладожской Кареліи въ XVI вѣкѣ; тѣсныя связи населенія ея съ русскимъ народомъ.

Къ сожалѣнію, событія XVI вѣка сдѣлали излишнимъ подложный Орѣховскій договоръ потому, что они отдали во власть шведовъ не только мѣстности по р. Улео, но также и приладожскую Карелію, населеніе которой въ XVI вѣкѣ достигло значительнаго матеріальнаго благосостоянія, благодаря своей предпріимчивости, и успѣло обрусѣть настолько, что врядъ-ли чѣмъ другимъ отличалось

---

[1]) Suomen Keskiajan Historia. Forström. 404.

отъ чисто-русскаго населенія новгородскихъ областей, кромѣ употребленія въ домашнемъ быту своего карельскаго языка. Приладожская Карелія дѣлилась на семь погостовъ: 1) Городенскій-Воскресенскій, прилегавшій къ городу Карѣлѣ, 2) Михайловскій-Сакульскій, 3) Васильевскій - Ровдужскій, 4) Богородицкой - Кирьяжскій, 5) Никольской-Сердовольской, 6) Ильинской-Иломанской и 7) Воскресенской-Саломянской. Главными торговыми пунктами въ этой Кареліи были: 1) городъ Карѣла, 2) главное селеніе Богородицкаго-Кирьяжскаго погоста—нынѣшнее Куркіоки и 3) въ Воскресенскомъ-Саломянскомъ погостѣ—„село Пужзвино на рѣцѣ на Саломянѣ у погоста", вѣроятно нынѣшнее селеніе Куркоеги Салминскаго прихода. Въ городѣ Кексгольмѣ было до 250 дворовъ, изъ которыхъ 188 принадлежало торговымъ и промышленнымъ людямъ, въ селеніи Пужзвинѣ 75 дворовъ. Во всѣхъ 7 приходахъ было около 4 тысячъ дворовъ. Наиболѣе густо были заселены погосты Кирьяжской и Сердовольской, на которые приходилась почти половина всего населенія этихъ погостовъ. Опредѣлить цифру населенія этихъ погостовъ въ XVI в. довольно трудно потому, что въ одномъ карельскомъ дворѣ жило по нѣсколько семей такъ, что еще въ XIX вѣкѣ встрѣчались такіе дворы, въ которыхъ жило 70—80 душъ.

Среди карельскаго населенія встрѣчаются въ XVI вѣкѣ и русскіе въ лицѣ дѣтей боярскихъ. Въ Сакульскомъ, Ровдужскомъ погостахъ было 40 дворовъ дѣтей боярскихъ. Въ 1550 году, напр., упоминаются здѣсь князья Путятины; въ 1571 году, кромѣ нихъ, князья Мещерскіе, Пушкины, Нелединскіе, Головнины, Обольяниновы и много др. [1]).

Какъ и въ чисторусскихъ областяхъ, во главѣ управленія и суда стояли здѣсь губные старосты, губные цѣловальники, сотскіе, пятидесятскіе и десятскіе.

Большое вліяніе на обрусеніе карелъ оказывали и монастыри, которымъ въ этихъ погостахъ принадлежала четвертая часть всего количества дворовъ. Первое мѣсто по своему значенію принадлежало Валаамскому монастырю, основавшему по берегамъ Ладожскаго озера много скитовъ и часовенъ. Подъ 1589 годомъ, кромѣ него и Коневецкаго монастыря, перечисляются еще слѣдующіе монастыри: 1) въ Сакулѣ, 2) и 3) Канансарскій и Хейнисенмаскій въ Кирьяжскомъ погостѣ, 4) Вайнильскій въ Сердовольскомъ, 5) Кухасальскій въ Иломантскомъ, 6) Оружьярвскій въ Саломянскомъ и 7) въ Ровдужскомъ. Не имѣя возможности посѣщать церкви на погостахъ и въ монастыряхъ, населеніе строило въ маломальски людныхъ

---

[1]) Ординъ. Покореніе Финляндіи.

деревняхъ часовни, число которыхъ доходило въ этихъ погостахъ до 50 [1]).

Еще болѣе должно было вліять на обрусеніе пребываніе карелъ съ торговыми и промышленными цѣлями въ чисто-русскихъ городахъ. Въ царскихъ грамотахъ отъ 1571, 1588 годовъ, напримѣръ, предписывается цѣловальникамъ взимать пошлины съ карелъ, пріѣзжающихъ въ Новгородъ „съ рыбою и со всякимъ товаромъ". Въ качествѣ плотниковъ, до присоединенія приладожской Кареліи къ Швеціи, они свободно ходили по Руси, доходя до Москвы, и лишь послѣ Столбовскаго мира свобода ихъ была нѣсколько стѣснена обязательствомъ являться „въ Корѣлѣ нѣмецкимъ горододержавцамъ". Въ актахъ, собранныхъ въ библіотекахъ и архивахъ Россіи Импер. Археограф. экспедиціею Имп. Акад. наукъ, находится любопытное указаніе на частое появленіе карелъ-плотниковъ въ русскихъ городахъ: „Да, Өедька жъ корѣлянинъ въ посольскомъ приказѣ дьякомъ нашимъ—думному Ивану Грамотному да Савѣ Романчюкову—сказывалъ: въ прошломъ-де 130 (1621 г.) приходило ихъ къ Москвѣ пашенныхъ людей изъ Корѣльскаго уѣзда, для промысла плотничьяго дѣла изъ Иломенскаго погоста 10 человѣкъ, да изъ Пянвоозерскаго погоста 10 же человѣкъ, а изъ иныхъ-де погостовъ приходило близко 200 человѣкъ; и ходятъ-де они изъ Корѣльскаго уѣзда для промысловъ всякіе люди къ Москвѣ, и въ Великій-Новгородъ, и на Вологду, и на Бѣлоозерѣ и въ иные наши городы, въ Корѣлѣ нѣмецкимъ горододержавцамъ не являясь, и бывъ на Москвѣ и въ городахъ, ходятъ опять въ Корѣлу не являясь жъ". Съ другой стороны шведскіе документы говорятъ о томъ, что главными посредниками въ торговлѣ Эстерботніи, Саволакса и шведской Кареліи были русскіе карелы, въ рукахъ которыхъ и была вся торговля въ этихъ областяхъ шкурами. „Въ 1506 году фохтъ Эстерботніи Анти Пентинсонъ жаловался, что онъ не могъ получить лисьихъ шкуръ потому, что крестьяне только-что ихъ продали „русскимъ". Русскіе карелы въ Саволаксѣ и области Выборгской крѣпости покупали шкурки, а также и лошадей и хлѣбъ. Торговля лошадьми въ этихъ мѣстахъ была довольна давняя, и шведское правительство со времени короля Мауну Эрикова пыталось ограничить ее, чтобы помѣшать вывозу лучшихъ лошадей области въ Россію" [2]). Шведское правительство стремилось и вообще прекратить вывозъ мѣстныхъ продуктовъ въ Россію, направляя ихъ на западъ. Такъ „въ 1542 году король запретилъ въ Эвряня и Кареліи (шведской) вы-

---

[1]) Солнцевъ. Ortodoksisen Kirkon voihect Sta-Suemessa.

[2]) Forstrõm. Suomen Keskiajan Historia. 732, 733.

возить на продажу за границу сушеную или соленую рыбу, сало и также шкуры: все это нужно было везти въ шведскія гавани [1]). Запрещенія эти указываютъ лишь на то, что русскими карелами скупались въ тогдашнихъ шведскихъ областяхъ: шкуры пушныхъ звѣрей, лошади, хлѣбъ, рыба—соленая и сушеная, сало. Въ обмѣнъ на эти продукты русскіе приладожскіе карелы привозили сукна, холстъ, рукавицы и пр. мелочной товаръ, бѣломорскіе же—и соль, которая въ большомъ количествѣ вываривалась на солеварняхъ Колы, Кандалахты и Печенги. На ярмаркахъ въ устьяхъ Улео и въ Торнео карелъ бѣломорскихъ называли иногда біармами, приладожскіе же карелы всегда слыли подъ именемъ русскихъ. Очевидно, эти послѣдніе въ XVI вѣкѣ уже и не отличали себя отъ русскихъ. По крайней мѣрѣ, географическія названія мѣстностей, имена и прозвища жителей были уже обрусѣвшими: деревни Липовое, Лестуево, погостъ Соломянской и пр., Окулко Харловъ, Омельянка Сергѣевъ и пр.—вотъ названія селеній, имена и прозвища жителей-карелъ по писцовымъ книгамъ 1500 года.

Конечно, по глухимъ деревнямъ Кареліи на-ряду съ обычаями, заимствованными отъ русскихъ, сохранялись еще и языческіе карельскіе обычаи: собранія для жертвоприношеній, почитаніе деревьевъ и камней, прибѣганіе къ „арбуямъ", которые по примѣру православныхъ священниковъ давали имена новорожденнымъ, хоронили умершихъ. Но это происходило изъ-за невозможности для одного православнаго священника своевременно обслуживать весь свой погостъ, раскидывавшійся на сотни верстъ. Да и врядъ ли бы высшее православное духовенство было хорошо освѣдомлено о существованіи этихъ остатковъ язычества, если бы сами карелы уже не видѣли въ этомъ грѣха и не донесли объ этомъ владыкамъ новгородскимъ Макарію и Ѳеодосію, изъ которыхъ первый отправилъ для искорененія этихъ остатковъ язычества монаха Илью, второй священника Никифора.

Бѣдствія населенія ладожской Кареліи въ концѣ XVI и началѣ XVII в.; массовое бѣгство карелъ въ русскія земли.

Ни Макарій, ни Ѳеодосій не могли предвидѣть, конечно, тѣхъ несчастій, которыя въ скоромъ времени послѣ нихъ выпали на долю карелъ и которыя лучше всего доказали привязанность карелъ къ русскому православію, хотя бы и съ примѣсью язычества. Въ концѣ XVI и началѣ XVII вѣка Карелія и приладожская и бѣломор-

[1]) Salenius. Historiallisia tietoja Äyräpään vanhasta Kihlakunnasta.

ская испытали на себѣ опустошительные походы шведовъ и такіе же набѣги воровскихъ шаекъ смутнаго времени на Руси. Шведы дѣлали одинъ набѣгъ за другимъ на берега Бѣлаго моря, опустошая главнымъ образомъ Кемскую волость; шайки разбойниковъ смуты, спустившись по Двинѣ, довершили опустошеніе поморья. Въ виду нападеній шведовъ Соловецкій монастырь къ 1594 году былъ обведенъ каменными стѣнами, число ратниковъ его доведено до 500 человѣкъ; болѣе 500 человѣкъ, кромѣ того, Соловецкій монастырь сталъ содержать гарнизонами по острогамъ на берегахъ Бѣлаго моря. Болѣе тяжелые удары пали на приладожскую Карелію. Шведскій полководецъ Понтусъ-де-Лагарди прошелъ опустошительнѣйшимъ походомъ по берегамъ Ладожскаго озера въ 1580 году: изъ 4.041 двора въ Карельскомъ уѣздѣ населеніе послѣ его похода сохранилось лишь въ 440 дворахъ. Населеніе частью погибло, частью до послѣдняго человѣка бѣжало, какъ напр., изъ всего Соломенскаго погоста, изъ Суоярвской и Менгельской частей, Сердобольскаго погоста, изъ частей Иломанскаго погоста, прилегавшихъ къ Ліексѣ и Реполѣ, изъ Сорольской части Куркіокскаго погоста. Память объ ужасахъ этого похода сохранилась до позднѣйшаго времени. Еще въ 1879 г. Швиндтъ, собиравшій народныя преданія по сѣверо-западнымъ берегамъ Ладожскаго озера, слышалъ объ „ужасной лютости шведовъ того времени“, которые истребили русскихъ (т. е. православныхъ карелъ), сожгли церкви, дворы. Дѣвушки предпочитали бросаться въ воду, чѣмъ отдаваться въ руки враговъ. Тѣ жители, которые имѣли возможность бѣжать, зарывали свои сокровища въ землю и первоначально скрывались въ землянкахъ, потомъ бѣжали въ русскія области [1]). По перемирію 1583 года Карельскій уѣздъ остался за Швеціей, и шведское правительство немедленно же постаралось на опустѣвшія мѣста переселить крестьянъ изъ своихъ областей, равно заселяло ихъ отслужившими срокъ солдатами. Особенно много грамотъ было выдано такимъ переселенцамъ въ 1587, 1588 годахъ съ освобожденіемъ переселенцевъ отъ податей.

Въ 1595 году по Тявзинскому миру шведы вернули Карельскій уѣздъ Москвѣ. Московское правительство учреждаетъ каѳедру епископа „карельскаго и орѣховскаго“, принимаетъ мѣры по возвращенію на прежнія мѣста бѣжавшихъ въ русскія области карелъ. Такъ въ 1599 году царь Борисъ Ѳедоровичъ повелѣлъ выслать карелъ въ городъ Корѣлу изъ Спасскаго Кижскаго погоста, кромѣ тѣхъ, которые платили государственныя подати (т. е. выслать захребетниковъ,

---

[1]) „Kansantaruja Laatokan luoteis-rannikolta, Kesällä 1879 Koonnut Theodor Schvindt“.

подсусѣдниковъ, поселившихся на земляхъ митрополичьихъ, монастырскихъ, служилыхъ людей). Спустя пятнадцать лѣтъ послѣ Тявзинскаго мира, когда событія смутнаго времени стали угрожать независимости русской земли, шведы снова начали военныя дѣйствія противъ русскихъ и въ 1611 году овладѣли Корѣлою (Кексгольмомъ) съ уѣздомъ и монастыремъ Валаамскимъ. Коневскій монастырь опустошенъ былъ немного ранѣе. Монахи бѣжали въ русскія области, на островахъ: Валаамѣ и Коневцѣ поселились финскіе поселенцы. Со стороны русскихъ областей проникли въ карельскія земли польско-литовскія шайки воровъ, которыя въ 1612 году разорили весь Олонецкій край и двинулись въ сѣверныя части Карельскаго уѣзда, гдѣ Салма, Суоярви, Суйстамо, Корпіярви и Иломантси были начисто опустошены отчасти ими, отчасти стоявшими здѣсь въ лагерѣ шведскими войсками. Не столько изъ собственной Кареліи, но даже и изъ Ижоріи населеніе толпами бѣжало въ предѣлы Московскаго государства. Въ нынѣшнемъ Эвряпяскомъ уѣздѣ въ 1618 году изъ 1.141 двора пустыхъ было 949. Православно-карельское населеніе нѣкоторыхъ приходовъ, какъ напр.: нынѣшнихъ Іукуніемскаго и Русскеальскаго, находящихся къ сѣверу и западу отъ Сердоболя, поголовно ушло въ предѣлы Московскаго государства. И въ настоящее время о православныхъ карелахъ въ этихъ приходахъ свидѣтельствуютъ лишь географическія названія въ родѣ: Сырница, Романанъ-сари (Романовъ-островъ), Ивананъ-сари (Ивановъ-островъ), да остатки развалившихся часовенъ [1]). Шведское правительство еще до Столбовскаго мира позаботилось о заселеніи оставленныхъ карелами мѣстностей, поселивъ въ пустыхъ дворахъ своихъ солдатъ и переселенцевъ изъ внутреннихъ частей Финляндіи. Въ Сакколѣ уже въ 1616 году возникаетъ лютеранская община на мѣстѣ прежняго Михайловскаго-Сакульскаго погоста [2]).

VII.

Столбовскій миръ. Притѣсненія православныхъ со стороны шведскихъ властей.

Въ 1617 году былъ заключенъ Столбовскій миръ, по которому Москва должна была уступить Швеціи между прочимъ почти обрусѣвшій свой Карельскій уѣздъ. Государственная граница прошла между Олонецкимъ погостомъ Новгородскаго уѣзда и Соломенскимъ

---

[1]) Muinos-jäännöksia ja muistoja Sortavalan Kihlakunnasta. Killinen.

[2]) Kreikan usko Suomessa. Salenius.

(нынѣшнимъ Салминскимъ) и Иломанскимъ погостами Карельскаго уѣзда. Изъ земель Карельскаго уѣзда шведы образовали особый Кексгольмскій ленъ, который подчинялся генералъ-губернатору, жившему въ Нарвѣ. Политическія права населенія этой области были ограничены тѣмъ, что оно не могло посылать своихъ депутатовъ на сеймы. Сдѣлано было это съ тѣмъ разсчетомъ, чтобы не дать возможности оставшимся православнымъ жаловаться на свое угнетеніе изъ-за приверженности къ православію. Чтобы по возможности скорѣе ослабить православный элементъ и усилить лютеранскій, кексгольмскій ленъ былъ освобожденъ отъ рекрутской повинности, между тѣмъ какъ сосѣдніе съ нимъ лены: Выборгскій и Нейшлотскій должны были выставлять больше рекрутъ, чѣмъ остальные лены Финляндіи. Народъ толпами бѣжалъ отъ рекрутчины въ этихъ ленахъ въ Кексгольмскій ленъ. Кромѣ того шведскія власти позволяли преступникамъ, бѣжавшимъ за границу, возвращаться сюда съ освобожденіемъ отъ всякой отвѣтственности за свое преступленіе. Слѣдствіемъ этого было то, что страна наполнилась негодяями, которые, пользуясь оказываемымъ имъ покровительствомъ, безнаканно грабили и убивали православно-карельское населеніе. Дѣлалось это не съ тѣмъ, чтобы выжить православныхъ карелъ изъ ихъ родины, а съ тѣмъ, чтобы обратить ихъ въ лютеранство. Та часть православнаго населенія Карельскаго уѣзда, переходъ которой въ лютеранство былъ безнадеженъ, должна была оставить шведскія владѣнія немедленно по заключеніи Столбовскаго мира: въ теченіе 14 дней по заключеніи мира, монахи, дворяне и мѣщане Кареліи могли выселиться въ Россію, крестьяне же и священники не могли выселяться. Саленіусъ въ своемъ трудѣ „Kreikan usko Suomessa“ пишетъ, что „хотя православнымъ и предоставили свободу вѣроисповѣданія, но надѣялись въ то же время обратить ихъ въ лютеранство“ (стр. 30). Съ этою цѣлью шведское правительство предпринимаетъ цѣлый рядъ мѣръ противъ православія. Такъ: 1) король Густавъ Адольфъ назначаетъ особыя награды тѣмъ православнымъ, которые выучатъ лютеранскій катехизисъ, переведенный съ этою цѣлью на русскій языкъ. Мѣра эта интересна тѣмъ, что указываетъ на степень знакомства православныхъ карелъ того времени съ русскимъ языкомъ: катехизисъ надо было перевести на русскій языкъ, потому, что на финскомъ онъ не былъ имъ понятенъ. Объ этомъ же усвоеніи православными карелами русскаго языка говоритъ и слѣдующая мѣра: король Густавъ Адольфъ назначаетъ награды и тѣмъ пасторамъ, которые будутъ говорить проповѣди на русскомъ языкѣ. 2) Пасторамъ было приказано увѣщевать православныхъ отказаться отъ обрядовъ, не согласныхъ съ лютеранскими. 3) Карлъ XI обѣ-

щалъ „особенно свою милость тѣмъ, кто похочетъ принять прямую евангельскую вѣру, что въ Свеи, или робятъ своихъ въ тую же вѣру предать". 4) Было обнародовано постановленіе, которымъ освобождались отъ платежа повинностей тѣ православные, которые примутъ лютеранство. 5) Въ 1686 году епископъ Гецеліусъ написалъ увѣщаніе ко всѣмъ тѣмъ, которые уже говорили по-фински, но придерживались еще русскихъ церквей и ихъ священниковъ. 6) Всѣ православные, говорившіе по-фински, отчислялись къ лютеранскимъ приходамъ [1]).

Эти мѣропріятія ясно указываютъ на главное средство обращенія карелъ въ лютеранство: привить къ православнымъ кареламъ финскій языкъ вмѣсто русскаго языка. Поэтому-то и свѣтскія власти и духовенство шведское требуетъ отъ православныхъ священниковъ, чтобы они проповѣдывали народу на финскомъ языкѣ, учили народъ читать финскую библію и катехизисъ [2]). Кое-кто изъ православныхъ соблазнялся предлагаемыми наградами. Одинъ священникъ Іоакимъ Терентьевъ изучилъ лютеранскій катехизисъ и настолько былъ склоненъ къ лютеранству, что не прочь былъ принять новое посвященіе отъ выборгскаго епископа. Ему было предоставлено право надзора за другими православными священниками. Народъ его возненавидѣлъ.

Какой-то Семенъ Вязьма написалъ даже книгу противъ православія, обличая въ немъ „слѣпыя ошибки и обманы". Ему за это дали 7 дворовъ на прожитіе въ Куркіоскомъ приходѣ. Въ 1640 году уже 15 священниковъ, дьяконовъ и ихъ дѣтей умѣло читать финскій катехизисъ [3]). Здѣсь мы наталкиваемся на странное явленіе: мѣропріятія шведскаго правительства по обращенію православныхъ карелъ въ финнолютеранъ имѣли бо́льшій успѣхъ среди самого православнаго духовенства, чѣмъ среди простого народа. Въ простомъ православнокарельскомъ населеніи обращеніе въ финнолютеранъ шло очень медленно. Въ 1623 году Густавъ Адольфъ писалъ, что „въ Ижоріи населеніе жило въ большей своей части по русскому язычеству и ереси" [4]). Въ 1630 году графъ П. Браге жаловался, что „русская закваска въ Кексгольмской провинціи увеличивалась, а не уменьшалась" [5]). Въ 1630 году въ Кексгольскомъ

---

[1]) См. объ этихъ мѣропріятіяхъ Чистовича: „Исторія православной церкви въ Финляндіи и Эстляндіи, принадлежащихъ къ С.-Петербургской епархіи". 70, 71.

[2]) Salenius Kreikan usko, стр. 35—40.

[3]) Salenius, стр. 40.

[4]) Salenius, стр. 35.

[5]) Ibid, стр. 42.

ленѣ было 48 православныхъ церквей и часовенъ съ 17 священниками и дьяконами и лишь 8 кирокъ съ 6 пасторами. Даже нѣкоторые изъ новыхъ переселенцевъ-финновъ, невзирая на угрозу подвергнуться смертной казни, переходили въ православіе.

Шведскія власти теряли терпѣніе: въ 1630 году король опредѣлилъ, чтобы въ каждую православную общину на-ряду съ православнымъ священникомъ былъ назначенъ пасторъ, и православные обязаны были черезъ воскресенье слушать проповѣдь пастора, обязаны были платить оброки и своимъ священникамъ, и пасторамъ. Послѣ смерти священника пасторъ долженъ былъ оставаться единственнымъ духовнымъ пастыремъ прихода. Въ 1638 году королева Христина возобновила приказаніе, чтобы въ Кареліи вмѣсто священниковъ назначали пасторовъ. Петръ Браге, назначивъ пасторовъ въ православныя общины, приказалъ имъ отправлять для православныхъ требы. Православное духовенство подчинили выборгскому лютеранскому епископу, такъ что онъ могъ отрѣшать отъ должности православныхъ служителей церкви [1]). Въ 1640 году въ Кексгольмѣ была основана школа, въ которой обучалось до 80 мальчиковъ, большею частью православныхъ, получавшихъ однако лютеранское образованіе.

Пожалованіе земель въ приладожской Кареліи въ помѣстья шведскимъ дворянамъ. Продолжающееся переселеніе въ приладожскую Карелію финновъ-лютеранъ.

Если прибавить къ этому притѣсненія отъ шведскихъ чиновниковъ, то можно себѣ представить, какъ тяжело было православнымъ подъ шведскою властью. Отчасти для содѣйствія лютеранству, отчасти для военныхъ цѣлей, шведское правительство послѣ Столбовскаго мира пожаловало земли Кексгольмскаго лена шведскимъ дворянамъ, надѣясь на то, что чѣмъ больше капиталовъ будетъ вложено воинственнымъ дворянствомъ въ пограничную Карелію, тѣмъ ревностнѣе оно будетъ отстаивать ее. Съ 1618 по 1624 годъ Кексгольмскій ленъ находился въ распоряженіи шведскаго полководца Якова Делагарди. Послѣ него большая часть земель Кексгольмскаго лена была пожалована шведскимъ дворянамъ. Королева Христина раздарила и то, что осталось за казною. О размѣрахъ получаемыхъ помѣстій можно судить напр. по тому, что было получено Генрихомъ Кронштерномъ, который получилъ въ нынѣшней Куопіоской губерніи нынѣшніе приходы: Піэлисъярви, Пелькъярви, части Ило-

---

[1]) Солнцевъ. Ortodoksien Kirkon voiheet Sta-Suomessa, стр. 21—22.

мантскаго и Китескаго приходовъ, въ нынѣшней Выборгской губерніи—приходъ Суоярви, часть Сердобольскаго съ 869 крестьянскими дворами и 67 бобыльскими. А такъ какъ значительная часть православно-карельскаго населенія бѣжала въ Россію, то дворяне переводили сюда жителей изъ другихъ частей Финляндіи, увеличивая этимъ лютеранскій элементъ. О появленіи и увеличеніи лютеранскаго элемента въ Кексгольмскомъ ленѣ можно судить по слѣдующей таблицѣ возникновенія лютеранскихъ общинъ въ немъ: послѣ Столбовскаго мира: въ 1630 году въ Липерн; 1631—въ Рауту и Пюхяярви; 1637—въ Хитолѣ, Кезялахти, Пелкъярви и Китесѣ; 1638— Яаккимѣ, Куркіечи, Парикхалъ и Имбилахтѣ; 1639—Сердоболѣ, Салмѣ и Піэллисъярви; 1642—Ряйсялѣ; 1650—Тохмаярви и Каави; 1651—Нурмесѣ; 1653—Иломантси; 1691—Укупіэми; 1693—Кауколѣ; 1698—Кихтелюсваарѣ и 1700 въ Ряаккюлѣ [1]).

Положеніе населенія ладожской Карелін подъ шведскою властью въ XVII в. Продолжающееся бѣгство православныхъ карелъ въ русскія области.

Дворяне не жили въ своихъ помѣстьяхъ, а фохты и слуги ихъ собирали подати и требовали поденщины для поддержанія въ порядкѣ усадебъ. По редукціи 1682 и 1683 годовъ помѣстья были отобраны въ казну, по усадьбамъ дворянъ сѣли казенные приказчики, уступившіе свои мѣста скоро арендаторамъ, бравшимъ съ торговъ отъ государства эти земли [2]). Изъ отчета слѣдственной комиссіи отъ 1726 года мы видимъ примѣры притѣсненій со стороны арендаторовъ и чиновниковъ: безнаказанныя убійства крестьянъ, впряганіе ихъ вмѣсто лошадей въ экипажи ленсмановъ, произволъ при взиманіи податей. Подати были: подушная, дымовая (съ каждаго дыма), судейская, подать за поденщину по укрѣпленію Кексгольма и подать за освобожденіе отъ доставки лошадей и подводъ подъ чиновниковъ. Самая главная подать взималась со всего хозяйства по произведенной ленсманомъ съ двумя засѣдателями уѣзднаго суда оцѣнкѣ всего хозяйства съ живущими въ немъ. Хозяйство и люди, живущіе въ немъ, оцѣнивались арвіорублями и яурами. 100 яуръ составляли одинъ арвіорубль. Въ „Kuvia Raja—Karjalasta Forström'a приводится примѣръ такой оцѣнки отъ 1680 годъ:

---

[1]) Salenius. Kreikan usko Suomessa, стр. 49, 50.

[2]) Газета «Pohjois-Karjala» № 74, 84, 87, за 1904 г. статья «Muistoja Pohjois-Karjalan entisyydesta».

Человѣкъ съ лѣтнею и зимнею одеждою при хорошей лошади .	3	рубля.	
Средній человѣкъ	2	—	
Плохой человѣкъ	1	—	
Корова	1	—	
Телка	„	— 50	яуръ
Овца	„	— 15	—
Свинья	„	— 10	—
Фунтъ мѣди	„	— 10	—
Лукъ охотничій	„	— 50	—
Собака охотничья	„	— 50	—
Рыболовныя сѣти	„	— 9	—
Сѣти для лисицъ	„	— 9	—
Четвертая доля невода	„	— 15	—
Лодка	„	— 30	—
Возъ сѣна	„	— 10	—
Бочка зерна съ поля	1	— 20	—
100 сноповъ ржи съ пожоги . .	„	— 40	—
100 сноповъ овса съ пожоги . .	„	— 20	—

Все это складывалось вмѣстѣ и съ каждаго арвіорубля крестьянинъ долженъ былъ платить въ годъ $1^2/_3$ талера серебромъ и 24 каппы хлѣба. Допустимъ въ общемъ, крестьянинъ съ хозяйствомъ оцѣнивался въ 5 арвіорублей и въ такомъ случаѣ крестьянинъ платилъ $8^1/_3$ талера (приблизительно=нашимъ 9 рублямъ и 120 каппъ хлѣба). Кромѣ того приходилось содержать оцѣночную комиссію съ прислугою и лошадьми, продовольствуя ее что ни на есть лучшимъ въ домѣ.

Обыкновенный крестьянскій дворъ того времени заключалъ въ себѣ жилую избу, баню, ригу и хлѣвъ. Домашняго скота во дворѣ было приблизительно—1 лошадь, двѣ коровы и овцы. Прилегающіе ко двору поле и лугъ были очень малы: въ полѣ сѣялось 5 или 6 каппъ зерна, съ луга скашивалось два воза сѣна. Остальное количество сѣна накашивалось въ лѣсу, хлѣбъ главнымъ образомъ сѣялся на пожогахъ въ лѣсу.

Православные карелы, конечно, сильнѣе всего испытывали на себѣ гнетъ чиновниковъ и управляющихъ помѣстьями дворянъ, именно какъ православные, тяготѣвшіе къ своимъ единовѣрцамъ—русскимъ. Вынуждаемые притѣсненіями, они послѣ Столбовскаго мира продолжаютъ бѣжать въ предѣлы Московскаго государства, которое ихъ охотно принимало и лишь селило „отъ рубежа подалѣ“. Шведскія власти требовали возвращенія бѣглецовъ, но кромѣ пе-

реписки это ни къ чему не вело. Изъ актовъ археографической экспедиціи видно, что переписка такая возникала, напр., въ 1625, 1632, 1650 гг.

Война Москвы со Швеціею въ 1656 — 1661 г., новыя бѣдствія православно-карельскаго населенія и новые побѣги въ русскія области.

Принимая бѣглецовъ-карелъ и сажая ихъ на пашню въ мѣстностяхъ, удаленныхъ отъ границы со Швеціею, Московское правительство въ то же время не теряло надежды на возможность возврата приладожской Кареліи и готовилось къ войнѣ со Швеціею. Такъ уже въ 1649 году главное селеніе Рождественскаго погоста на р. Олонкѣ, бывшее вотчиною новгородскаго митрополита, было преобразовано въ городъ съ воеводскимъ управленіемъ, которому были подчинены 7 лопскихъ погостовъ, составлявшихъ нынѣшнюю Олонецкую губернію, безъ Каргопольскаго уѣзда, и Кемскій уѣздъ Архангельской губерніи. Часть населенія его должна была быть сформированною въ драгунскіе полки, которые существовали здѣсь до времени Θеодора Алексѣевича. Въ 1656 году и началась война со шведами. Русскія войска взяли Сердоболь, осадили Кексгольмъ. Православные карелы встрѣчали русскихъ, какъ своихъ избавителей: цѣловали крестъ московскому царю, снабжали съѣстными припасами московскія войска, косили сѣно для конницы москвичей, указывали дороги, выставили даже „даточныхъ конныхъ съ оружіемъ“ въ помощь московскимъ войскамъ. Лютеране должны были принимать православіе. Однако успѣхи русскаго оружія были непродолжительны, московскія войска отступили. Шведо-финскія войска учинили жестокое мщеніе надъ тѣмъ населеніемъ карельскимъ, которое не успѣло бѣжать: кто изъ нихъ былъ убитъ, кто сгорѣлъ, кто умеръ въ бѣгахъ, укрываясь отъ жестокостей шведскихъ солдатъ. 4.107 православно-карельскихъ семействъ успѣло бѣжать изъ приладожской Кареліи въ московскіе предѣлы [1]). Православныя церкви сжигались, и нѣкоторыя изъ нихъ болѣе уже и не возстановлялись потому, что въ этихъ мѣстахъ православныхъ не оказывалось, какъ напр., въ Пелькъярви нынѣшней Куопіоской губерніи. Мѣста бѣжавшихъ карелъ были опять заняты новыми переселенцами-лютеранами изъ Финляндіи. Въ 1658 году шведы произвели нападеніе на бѣломорскихъ карелъ. Въ 1661 году былъ заключенъ миръ со Швеціею съ сохраненіемъ прежнихъ границъ, установлен-

[1]) Salenius. Kreikan usko Suomessa.

ныхъ Столбовскимъ миромъ. Положеніе православныхъ карелъ сдѣлалось еще хуже, чѣмъ было до войны. Многіе изъ оставшихся православныхъ вынуждаемы были принимать лютеранство; памятникомъ православія предковъ многихъ нынѣшнихъ финновъ приладожской Кареліи служатъ такія фамиліи, какъ напр. Kuismanen (отъ имени Кузьма), Sissonen (отъ—Сисой), Simonen (отъ—Симонъ) и др. Для подрыва православія въ 1686 году въ Стокгольмѣ отпечатали на финскомъ языкѣ брошюру, въ которой не жалѣли красокъ для изображенія православныхъ священниковъ съ отрицательныхъ сторонъ. И все-таки православные карелы въ значительной своей части оставались непоколебимыми и отвѣчали даже на попытки ввести богослуженіе на финскомъ языкѣ такъ: „и птица въ лѣсу поетъ на своемъ языкѣ, такъ и они хотятъ держаться въ своей вѣрѣ". Лютеране на это имъ возражали: „не летаютъ вмѣстѣ съ воронами жаворонки, или съ сороками дрозды, не понимая ихъ языка [1]).

Для того, чтобы затормозить въ приладожской Кареліи торговлю русскихъ карелъ, правительство обратило селеніе Сердоболь въ городъ. Кексгольму въ 1624 году было дано право безпошлиннаго вывоза товаровъ черезъ Неву въ Германію; въ Салмѣ былъ основанъ торговый посадъ, который одно время имѣлъ даже особаго бургомистра. Московское правительство вслѣдствіе торговли съ зарубежнымъ населеніемъ учредило таможню въ селѣ Повѣнцѣ въ 1680 году.

Что касается количества карелъ, бѣжавшихъ вообще за XVII вѣкъ въ московскіе предѣлы, то для опредѣленія его исходною точкою можно взять тѣхъ 4.107 семействъ, которыя бѣжали изъ приладожской Кареліи вслѣдъ за отступившими русскими войсками въ 1656 году. По всей вѣроятности за весь XVII вѣкъ бѣжало не менѣе 10 тысячъ семействъ православныхъ карелъ. Московское правительство поселило ихъ главнымъ образомъ въ нынѣшнихъ: Новгородской и Тверской губерніяхъ, отчасти въ Ярославской губерніи. Многіе изъ нихъ сразу же попали въ крѣпостные къ дворянамъ и дѣтямъ боярскимъ, разославшимъ ихъ по своимъ помѣстьямъ. (Акты археогр. экспедиціи). Въ послѣднемъ случаѣ нѣкоторые изъ карелъ, вѣроятно, попали въ Тамбовскую и Калужскую губерніи. По крайней мѣрѣ, Кеппенъ указываетъ на поселенія карелъ, бывшія въ Козловскомъ уѣздѣ, Тамбовской губерніи и еще въ серединѣ XIX вѣка онъ предполагалъ существованіе карелъ въ этихъ губерніяхъ [2]).

---

[1]) Salenius. Kreikan usko Suomessa.

[2]) «Въ этнографической картѣ Европейской Россіи». Спб. 1853.

Появленіе въ карельскихъ лѣсахъ старообрядцевъ.

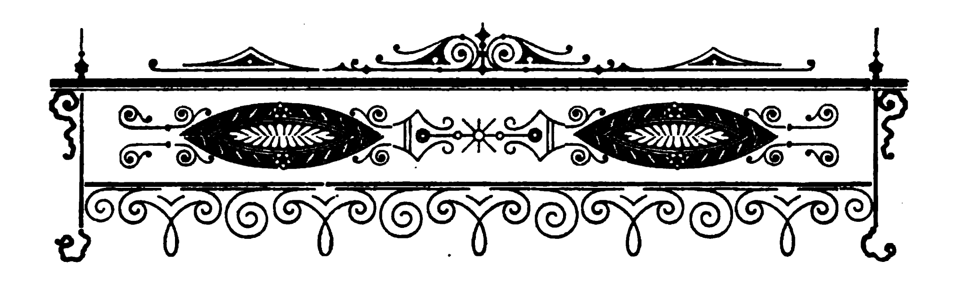
Въ то время, когда большая часть православныхъ карелъ въ теченіе XVII вѣка бѣжала изъ приладожской Кареліи въ предѣлы Московскаго государства, поневолѣ оставляя свои мѣста финско-лютеранскимъ поселенцамъ изъ внутренней Финляндіи, въ глухихъ мѣстностяхъ сѣверной Кареліи, тамъ, гдѣ теперь соприкасаются губерніи: Архангельская, Улеоборгская, Олонецкая и Куопіоская, появляется въ концѣ XVII вѣка чисто-русскій элементъ, правда, въ незначительномъ числѣ, однако очень въ національномъ отношеніи устойчивый и успѣвшій оказать въ этомъ направленіи вліяніе на карелъ. Послѣ взятія правительственными московскими войсками Соловецкаго монастыря въ 1677 году, монахи—противники Никоновыхъ новшествъ, разбѣжались по Поморскому краю, часть же ихъ проникла и въ глушь карельскихъ лѣсовъ. На одномъ изъ острововъ озера Топо, въ Архангельской губерніи, ими основанъ былъ скитъ, существовавшій до 1853 года. Близъ него возникло нѣсколько малыхъ скитовъ, заходившихъ даже въ предѣлы Улеоборгской губерніи. Топозерскій скитъ былъ здѣсь центромъ: въ немъ было до 150 человѣкъ братіи изъ Москвы, Новгорода, Пскова. Получая щедрыя пожертвованія, скитъ кормилъ стекавшееся сюда окрестное населеніе, раздавалъ милостыню хлѣбомъ и деньгами, поучалъ его въ молельнѣ, посылалъ своихъ братій для проповѣди по деревнямъ, крестилъ, исповѣдывалъ, отпѣвалъ и хоронилъ [1]). То же самое значеніе имѣлъ и то же самое дѣлалъ въ Олонецкой губерніи Выгозерскій скитъ, выходцами изъ котораго были основаны болѣе мелкіе скиты въ Олонецкой Кареліи и два скита въ Куопіоской губерніи: Мекринскій и Тахкалампскій, существовавшіе до второй половины XIX вѣка. Въ Мекринскомъ скиту во времена его процвѣтанія было до 36 человѣкъ братіи, и въ Тахкалампскомъ до 80 человѣкъ. Значительная часть карелъ приняла расколъ и тѣмъ болѣе утеряла черты финнизма. Вліяніе раскола чувствуется еще и по сіе время: про человѣка, не желающаго почему-либо ѣсть изъ общаго блюда, карелы говорятъ: ай-га староверчу (вотъ такъ староверъ). Брадобритіе и по настоящее время кое-гдѣ считаютъ грѣхомъ и пр.

Сообщилъ В. Крохинъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

[1]) Древняя и новая Россія 1880 г. № 2. Архангельскіе карелы. Н. Камкина.

Дуэль Эраси съ Меллеромъ-Закомельскимъ.

(Изъ воспоминаній стараго гусара).

Въ 40-хъ годахъ минувшаго столѣтія въ кавалеріи вообще, и въ особенности гусарскихъ полкахъ, дуэли были самымъ обыкновеннымъ явленіемъ, даже считались геройствомъ; всѣ безусые корнеты мечтали о дуэли, а старшіе офицеры нерѣдко разыгрывали роли самыхъ отчаянныхъ бретеровъ, придираясь ко всѣмъ и каждому; за малѣйшіе пустяки они вызывали на дуэль. Таково было время, и несмотря на строгія преслѣдованія дуэли ни въ гвардіи, ни въ арміи не прекращались.

Въ 1843 году одинъ лейбъ-гусарскій офицеръ убилъ своего товарища на дуэли безъ всякой причины, просто ради мнимаго геройства; въ тотъ же годъ поручикъ Бѣлорусскаго гусарскаго полка, тогда принца Оранскаго, Ладомирскій стрѣлялся съ своимъ товарищемъ и пріятелемъ Бутовичемъ, за то, что послѣдній отказался засвидѣтельствовать достоинства верховой лошади Ладомирскаго.

Дуэль состоялась на самыхъ строгихъ условіяхъ. Противники дрались на пистолетахъ на разстояніи восемнадцати шаговъ, съ барьеромъ въ 6 шаговъ. Бутовичъ остался живъ какимъ-то чудомъ, Ладомирскій попалъ ему прямо въ грудь навылетъ, къ счастію Бутовича, пуля не задѣла никакого важнаго органа, и Бутовичъ, по прошествіи 8-ми мѣсяцевъ, совершенно вылѣчился; спустя годъ въ гусарскомъ полку эрцъ-герцога Фердинанда, поручикъ Заремба убилъ на дуэли своего товарища и друга корнета Каришева, Александрійскаго гусарскаго полка поручикъ баронъ Остенъ-Сакенъ

убилъ на дуэли своего товарища карнета Дельво, Ахтырскаго гусарскаго полка корнетъ Карповъ изъ-за какихъ-то пустяковъ убилъ поручика Вальтера.

Но развѣ есть возможность пересчитать всѣ безумства дуэлистовъ того времени.

Я передамъ лишь прискорбный фактъ, который совершился на моихъ глазахъ.

Въ 1842 году въ Александрійскій гусарскій полкъ пріѣхалъ корнетъ Меллеръ-Закомельскій, выпущенный изъ корпуса въ этотъ полкъ. Меллеръ-Закомельскій, былъ прелестный симпатичный юноша, расположившій къ себѣ офицеровъ полка. Старинная пословица гласитъ: „нѣтъ семьи безъ урода“

Въ ту эпоху былъ въ полку поручикъ Эраси, ненавидимый всѣми. И дѣйствительно этотъ уродъ въ физическомъ отношеніи и въ нравственномъ ни въ комъ не могъ внушать къ себѣ симпатій.

Средняго роста съ громадной головой на узкихъ плечахъ, съ длиннымъ лицомъ, на которомъ природа вмѣсто носа насадила какую-то едва замѣтную пуговку, съ впалой грудью и короткими кривыми ногами, Эраси былъ отвратителенъ; ко всему этому надо прибавить, что онъ, какъ и всѣ обиженные природой, мечталъ о себѣ черезъ-чуръ много. Пріѣхавшій въ полкъ Меллеръ-Закомельскій, само собой понятно, съ перваго же разу почувствовалъ къ Эраси отвращеніе. Въ особенности Меллера-Закомельскаго поразили прыжки Эраси, переставлявшаго ноги не такъ, какъ всѣ добрые люди. По этому поводу Меллеръ-Закомельскій говорилъ: „что это вы, Эраси, такъ прыгаете вмѣсто того, чтобы ходить, какъ ходятъ всѣ добрые люди и нещадно стучите вашими каблуками, къ которымъ привинчены аршинныя шпоры?“

Хитрый грекъ Эраси сразу понялъ, что Меллеръ-Закомельскій не оставитъ его въ покоѣ, и старался отдѣлаться шуточками; но вотъ настакъ роковой день, когда шуточки не помогли. Утромъ Эраси на своей лошади ѣздилъ въ манежъ, гдѣ въ это время были Меллеръ-Закомельскій и Никитинъ. Неуклюжая фигура Эраси верхомъ на лошади, разумѣется, возбуждала смѣхъ; Меллеръ-Закомельскій, указывая на ѣздившаго по борту Эраси, громко хохоталъ; послѣдній, разумѣется, слышалъ все это, но показалъ видъ, будто ничего не слыхалъ. Такъ сцена въ манежѣ и кончилась благополучно.

На бѣду эскадронный командиръ ротмистръ Мамонтовъ, по случаю дня своего рожденія, вечеромъ устроилъ попойку. По обыкновенію запылала жженка, пили портеръ и шампанское. На пирушку

были приглашены многіе офицеры, въ числѣ которыхъ былъ и Эраси.

Когда сахаръ, положенный на скрещенныя сабли, растаялъ, жженку затушили лафитомъ и шампанскимъ. Ротмистръ Мамонтовъ большой ложкой разлилъ по стаканамъ жженку, и попойка началась.

Жженка очень вкусный напитокъ, но до высшей степени крѣпкій. Меллеръ-Закомельскій, отпивъ изъ своего стакана, тотчасъ же зарумянился, глаза его загорѣлись, и онъ опять накинулся на прыгающаго Эраси.

— Скажите, Эраси,—говорилъ Меллеръ-Закомельскій,—съ какой стати вы себя выдаете за испанскаго гранда, когда всѣмъ извѣстно, что вы чистокровный нѣжинскій грекъ?..—Я вовсе не имѣю желаніе отдавать на вашъ судъ мою родословную,—отвѣчалъ Эраси,—а потому покорно бы просилъ васъ не касаться этого обстоятельства.

Но Меллеръ не унимался; его возбужденное состояніе выпитой жженкой толкало его на крайнія мѣры, даже на дерзости по адресу Эраси.

— Конечно, я не имѣю ни малѣйшаго желанія заниматься вашей родословной, — возразилъ Меллеръ, — но вы такъ громко кричите, что вы испанскій грандъ, что до меня не могли не дойти эти слухи.

— А знаете, Меллеръ, пословицу: „не всякому слуху вѣрь“, — сказалъ Эраси.

— Ну, слуху-то я не могу не вѣрить, но и въ томъ, что вы испанскій грандъ, сильно сомнѣваюсь.

Ротмистръ Мамонтовъ, присутствовавшій въ комнатѣ, желалъ прекратить всѣ эти щекотливыя пререканія.

— Что это, Меллеръ, ты придираешься то къ родословной Эраси, то къ походкѣ, мнѣ кажется, какъ то, такъ и другое тебя не должно касаться, формуляра Эраси ты не читалъ, что же касается до его походки, то это такая мелочь, на которую, мнѣ кажется, не слѣдуетъ обращать вниманія; пусть каждый и ходитъ и дѣлаетъ, какъ ему угодно, лишь бы дѣйствія его не безпокоили другихъ.

Эта примирительная рѣчь Мамонтова только подлила масла въ огонь. По мѣрѣ того какъ Меллеръ пилъ жженку изъ стакана, онъ становился все въ болѣе и болѣе возбужденномъ состояніи.

— Однако согласись, Мамонтовъ, — вскричалъ Меллеръ, — не странно ли, что какой-то нѣжинскій пиндосъ кричитъ о себѣ, что онъ лаперузо ди Эрасо испанскій грандъ.

— А вы слышали, какъ я это говорилъ?—спросилъ Эраси.

— Лично я это не слыхалъ, — отвѣтилъ Миллеръ, но десятки

товарищей могутъ засвидѣтельствовать о вашемъ нагломъ хвастовствѣ, возразилъ Меллеръ.

— Ну, я бы не желалъ попасть подъ слѣдствіе и выслушивать показанія свидѣтелей,—говорилъ Эраси, — такъ какъ въ данномъ случаѣ всякое оправданіе съ моей стороны было бы противно моему достоинству. Я только еще разъ попрошу васъ, господинъ Меллеръ, не касаться ни моего происхожденія, ни того, за кого я себя хочу выдавать.

— Я готовъ исполнить вашу просьбу,—продолжалъ Меллеръ,— если вы будете такъ любезны, объясните мнѣ, какимъ образомъ жена испанскаго гранда стала торговкой маслинами на одесскомъ базарѣ.

— Ну, ужъ это слишкомъ, — вспыхнулъ Эраси, — вы, Меллеръ, даже мою мать не оставляете въ покоѣ.

Мамонтовъ было порывался затушить ссору между Эраси и Меллеромъ, но это было уже невозможно. Задѣтый за живое Эраси прыгалъ, какъ звѣрь, и нещадно стучалъ каблуками.— Я бы желалъ, г-нъ Меллеръ,—кричалъ Эраси, — чтобы вы взяли ваши слова назадъ и разъ навсегда прекратили бы ваши придирки.

— Я охотно это исполню,—отвѣчалъ Меллеръ,—если вы объясните мнѣ, какимъ образомъ ваша матушка, супруга испанскаго гранда, сдѣлалась торговкой маслинами на одесскомъ базарѣ.

— Вы сейчасъ получите мой отвѣтъ,—вскричалъ Эраси, сверкая глазами,—Никитинъ,—обратился Эраси къ Никитину,—прошу тебя выйди въ сѣни на пару словъ.

Сказавъ это, Эраси вышелъ изъ комнаты, за нимъ послѣдовалъ и Никитинъ; вскорѣ онъ возвратился и объявилъ, что Эраси вызываетъ его, Меллера, на дуэль.

— Съ удовольствіемъ принимаю вызовъ „испанскаго гранда" и впередъ соглашаюсь на всѣ его условія,—отвѣчалъ Меллеръ.

— Эраси предлагаетъ,—продолжалъ Никитинъ,—драться на пистолетахъ, на 18 шаговъ, съ барьеровъ въ 6 шаговъ.

— И прекрасно, я на все согласенъ,—отвѣчалъ Меллеръ,—какъ разсвѣтетъ, мы отправимся въ сосѣднюю рощицу и тамъ покончимъ дѣло.

— Ты, Мамонтовъ, — обратился онъ къ послѣднему, — будешь моимъ секундантомъ?

Мамонтовъ молча поклонился.

Здѣсь замѣчательно то, что, несмотря на трагическую развязку ссоры между Меллеромъ-Закомельскимъ и Эраси, вся компанія была въ благодушнѣйшемъ настроеніи духа, какъ будто ровно ничего не

произошло; поручикъ Тарвигэ игралъ на флейтѣ, корнетъ Неклюдовъ фальшивымъ и самымъ заунывнымъ тономъ пѣлъ малороссійскую пѣсню: „Віють вітры, віють буйны", Меллеръ-Закомельскій пристально занимался жженкой, корнетъ Кухаревичъ молодецки крутилъ усы и утверждалъ, что все на свѣтѣ пустяки, кромѣ соленыхъ огурцовъ.

— Да будетъ тебѣ заниматься жженкой,—обратился онъ къ Меллеру—поговоримъ о дѣлѣ.

— Что же я буду говорить о дѣлѣ,—возразилъ Меллеръ,—я уже сказалъ, что согласенъ на все, Никитинъ по всей вѣроятности передалъ мои слова Эраси; вотъ какъ разсвѣтетъ, мы отправимся въ рощу. .

— А вотъ это какъ разъ и неудобно,—возразилъ Мамонтовъ,—съ разсвѣтомъ люди поведутъ лошадей на водопой, и имъ покажется страннымъ, что г-да такую рань поѣхали въ рощу; а второе, чуть ли не главное,—продолжалъ Мамонтовъ,—у меня нѣтъ дуэльныхъ пистолетовъ.

— А на казенныхъ унтеръ-офицерскихъ развѣ нельзя драться? спросилъ Меллеръ.

— Конечно, можно,—отвѣчалъ Мамонтовъ,—но для этого необходимо согласіе Эраси.

И это послѣднее условіе было принято Эраси.

— Знаешь, Мамонтовъ,—сказалъ Меллеръ,—мы можемъ драться у тебя въ вишневомъ садочкѣ, если ты позволишь?

— Конечно, позволю,—отвѣчалъ Мамонтовъ, — я противъ этого ничего не имѣю.

— Ну, прекрасно,—сказалъ Меллеръ,—значитъ, когда разсвѣтетъ, мы и покончимъ дѣло въ твоемъ садочкѣ.

— Знаешь, Меллеръ,—продолжалъ Мамонтовъ,—я бы совѣтовалъ тебѣ на всякій случай написать хотя нѣсколько словъ твоей матери.

— Не могу, голубчикъ,—отвѣчалъ улыбаясь Меллеръ,—ни одной мысли въ головѣ не вяжется; такъ пьянъ.

— Какъ же ты будешь драться, если ты, какъ говоришь, пьянъ?—удивился Мамантовъ.

— Ну, на это-то меня хватитъ,—отвѣчалъ Меллеръ,—для того, чтобы спустить курокъ, не требуется особыхъ соображеній.

— Ну, какъ хочешь, это дѣло твое,—сказалъ Мамонтовъ.

Между тѣмъ разсвѣло, и всѣ отправились въ садочекъ. Никитинъ и Эраси были уже тамъ.

Мамонтовъ, по обыкновенію, сказалъ примирительную рѣчь.

— Я согласенъ покончить дѣло миромъ,—отвѣчалъ Эраси,—если г-нъ Меллеръ возьметъ свои слова назадъ.

— А я не хочу кончать миромъ и словъ своихъ назадъ не возьму,—вскричалъ Меллеръ.

— Въ такомъ случаѣ приступимъ къ дѣлу,—сказалъ Мамонтовъ и отмѣрилъ 18 шаговъ; посрединѣ были положены сабли.

Враги стали по мѣстамъ и начали сходиться къ барьеру; лишь только Меллеръ сдѣлалъ шагъ впередъ, какъ Эраси выстрѣлилъ и попалъ ему прямо въ середину живота; несчастный юноша со стономъ упалъ на землю, его тотчасъ же подняли, отнесли въ домъ и положили на кровать.

Въ ту же минуту былъ посланъ гонецъ въ полковой штабъ за докторомъ.

Между тѣмъ воспаленіе разорванной кишки быстро распространилось, затѣмъ началась агонія, и Меллеръ-Закомельскій умеръ до ріѣзда доктора.

Какъ водится, Мамонтовъ, Никитинъ и Эраси были преданы суду, который вынесъ такую конфирмацію: Никитина заключить на 1 1/2 года въ крѣпость, Мамонтова также, а Эраси разжаловать въ солдаты.

Эта конфирмація была послана на высочайшее утвержденіе.

Императоръ Николай I ее измѣнилъ. Никитину назначилъ 4-хъ мѣсячное заключеніе въ крѣпости, Эраси, какъ вынужденному принять вызовъ Меллера, наказанію не подвергать, лишь отдать на покаяніе въ монастырь на 8 мѣсяцевъ, а Мамонтова, принявшаго участіе въ дуэли и давшаго казенные пистолеты изъ цейхауза, разжаловать въ солдаты съ переводомъ въ Сибирскій уральскій полкъ.

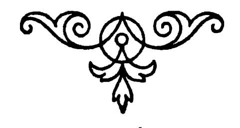
Такъ погибъ прелестный юноша Меллеръ-Закомельскій, онъ могъ бы быть украшеніемъ людей, если бы среда, въ которую онъ попалъ, не исказила его понятій. Въ заключеніе слѣдуетъ слово о дальнѣйшей судьбѣ Эраси.

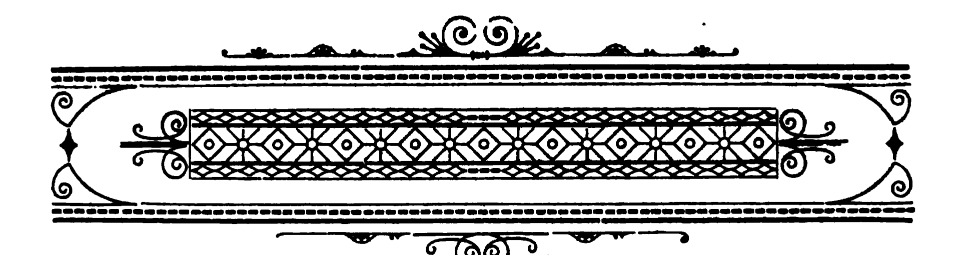
Возвратившись въ полкъ изъ монастыря, куда онъ былъ отправленъ на покаяніе, Эраси сдѣлался еще болѣе нахальнымъ, прыгалъ и стучалъ каблуками громче прежняго. Одинъ разъ у помѣщика Енушевскаго на завтракѣ собралось большое общество, и составилась пулька стрѣльба изъ ружей по яйцамъ; въ числѣ играющихъ, конечно, былъ и Эраси. Поляки вообще хорошіе стрѣлки, но разбивать яйца пулями было дѣло не легкое, а потому и случались частые промахи, но Эраси перещеголялъ всѣхъ и взялъ много пулекъ. Лавры побѣдителя такъ бы и остались за нимъ, если бы не произошло одно маленькое обстоятельство. На скорлупѣ разбитаго Эраси яйца было усмотрѣно маленькое круглое отверстіе, которое могло произойти только отъ дроби, но не отъ пули; всѣ бросились осматривать патронташъ Эраси, откуда онъ бралъ готовые патроны;

оказалось, что въ пыжѣ была завернута бекасинная дробь. Это мошенничество Эраси возмутило всѣхъ, и „испанскій грандъ" со срамомъ былъ выгнанъ изъ дома помѣщика Енушевскаго.

Объ этой исторіи узнали въ полку, и общество офицеровъ предложило Эраси подать въ отставку.

Сообщ. Н. А. Поповъ.

28 ноября 1878 г.

Въ апрѣльской книжкѣ „Русской Старины“ помѣщена статья А. Е. К. „Изъ воспоминаній о генералъ-адъютантѣ Степанѣ Степановичѣ Ганецкомъ“.

Въ статьѣ этой много неточностей, которыя я считаю долгомъ исправить:

1) Бывшаго командира гренадерскаго корпуса, а потомъ коменданта С.-Петербургской крѣпости, побѣдителя Османа-паши генерала-адъютанта Ганецкаго звали не Степанъ Степановичъ, а *Иванъ* Степановичъ.

2) Иванъ Степановичъ былъ дѣйствительно назначенъ генералъ-адъютантомъ въ первую годовщину взятія Плевны, т. е. 28 ноября 1878 года, но назначеніе это не было объявлено ему лично Государемъ, а онъ получилъ объ этомъ увѣдомленіе въ письмѣ военнаго министра.

3) Молебствіе въ первую годовщину паденія Плевны было не въ церкви дворца Великаго Князя Николая Николаевича, а въ малой церкви Зимняго Дворца.

4) Я былъ, въ этотъ день, награжденъ не орденомъ Св. Георгія, а былъ произведенъ въ чинъ генералъ-маіора.

5) Описаннаго въ статьѣ разговора Государя Императора съ Иваномъ Степановичемъ Ганецкимъ не слыхалъ никто, такъ какъ онъ происходилъ въ кабинетѣ Государя безъ свидѣтелей, и мы

узнали о томъ, что тамъ говорилось, только отъ Ивана Степановича.

6) Обращеніе Государя Императора ко мнѣ описано тоже невѣрно; я разскажу объ этомъ ниже и

7) Орденъ Св. Георгія 4-й степени былъ мнѣ пожалованъ, по представленію генерала Ганецкаго, по удостоенію Георгіевской думы. Доказательствомъ послѣдняго служитъ Высочайшая грамота, данная 31-го декабря 1878 года, въ которой сказано:.......... „по представленію начальства и удостоенію Кавалерской Думы военнаго ордена, Всемилостивѣйше пожаловали мы Васъ и проч. [1]).

Теперь опишу памятный для меня день 28 ноября 1878 года, т. е. первую годовщину взятія Плевны. Я и, конечно, прочіе участники этого дня получили приглашеніе прибыть къ молебну въ малую церковь Зимняго Дворца, а потомъ, къ 6-ти часамъ, къ обѣду во дворецъ къ Великому Князю Николаю Николаевичу Старшему. Приказано было быть въ походной формѣ, т. е. въ сюртукахъ при шарфахъ и въ высокихъ сапогахъ.

Около 10 часовъ утра я поѣхалъ къ Ивану Степановичу Ганецкому въ гостиницу „Парижъ" на Малой Морской (теперь улица Гоголя), чтобы поздравить почтеннаго генерала. Иванъ Степановичъ предложилъ мнѣ ѣхать вмѣстѣ съ нимъ къ Великому Князю Николаю Николаевичу. Не успѣла карета наша отъѣхать пять шаговъ, какъ была кѣмъ-то остановлена, дверцы открылись, и фельдъегерскій офицеръ подалъ генералу Ганецкому письмо отъ военнаго министра. Иванъ Степановичъ, не найдя у себя очковъ, поручилъ мнѣ прочесть письмо, въ которомъ военный министръ увѣдомлялъ генерала, что въ виду его заслугъ и проч. Государь Императоръ назначаетъ его своимъ генералъ-адъютантомъ. Тогда мы отправились, предварительно, на Владимірскую улицу въ офицерскій магазинъ Скосырева, гдѣ Иванъ Степановичъ взялъ генералъ-адъютантскіе погоны и аксельбанты и, надѣвъ ихъ, приказалъ ѣхать къ Великому Князя Николаю Николаевичу. У Великаго Князя мы застали генералъ-адъютантовъ Непокойчицкаго, Гурко и многихъ другихъ. Великій Князь, обойдя присутствующихъ, отошелъ къ окну

---

[1]) Я не зналъ, когда собирается Дума, и первое извѣстіе о присужденіи мнѣ ордена получилъ въ день засѣданія отъ генерала-адъютанта Непокойчицкаго (къ сожалѣнію я затерялъ его записку) и отъ товарища моего Н. Н. Сухотина (нынѣ Членъ Государственнаго Совѣта, генералъ отъ кавалеріи). Записка послѣдняго у меня сохранилась и начинается словами: „спѣшу быть добрымъ вѣстникомъ; поздравляю Васъ кавалеромъ, только что вернулся изъ Думы Обручевъ, въ которой прошло Ваше представленіе".

и о чемъ-то бесѣдовалъ съ генералами Гурко, Ганецкимъ и Непокойчицкимъ. Впослѣдствіи оказалось, что разговоръ шелъ обо мнѣ; Иванъ Степановичъ спрашивалъ совѣта Великаго Князя, можно ли просить Государя о награжденіи меня.

Отъ великаго князя генералъ Ганецкій поѣхалъ въ Зимній Дворецъ одинъ, а я отправился туда же, въ другомъ экипажѣ, съ генераломъ Маныкинымъ-Невструевымъ. Въ Зимнемъ дворцѣ мы собрались въ кругломъ залѣ (ротонда) передъ малой церковью; Ив. Степ. тамъ не было, онъ былъ приглашенъ въ кабинетъ къ Государю Императору.

Черезъ нѣкоторое время пришелъ въ круглый залъ Иванъ Степановичъ и, подойдя ко мнѣ и къ Маныкину, разсказалъ намъ, что поблагодаривъ Государя Императора за награду онъ сталъ просить о награжденіи меня чиномъ генерала.

— Я сказалъ Государю, что Фрезе достоинъ быть генераломъ, а онъ ничего не получилъ.

— Развѣ Фрезе не получилъ никакой награды?—спросилъ Государь.

Тогда Иванъ Степановичъ дѣйствительно *отрѣзалъ*, по выраженію А. Е. К., фразу:—въ томъ-то и дѣло, что кромѣ Вашего благоволенія ничего не получилъ.

— И такъ мнѣ неловко стало, когда я это сказалъ—прибавилъ сконфуженно Иванъ Степановичъ.

— Я вѣдь совѣтовался съ Великимъ Княземъ, и онъ и Непокойчицкій, а особенно Гурко, настаивали, чтобы я прямо обратился къ Государю.

Въ это время прибылъ Государь, и всѣ пошли въ церковь. По окончаніи молебна Государь ушелъ, и многіе стали уже расходиться, въ томъ числѣ и я съ Маныкинымъ пошли по корридору, но немного не доходя зала, гдѣ стоитъ Кирасирскій караулъ, я слышалъ, что меня кто-то зоветъ, оказалось, что меня догонялъ адъютантъ Великаго Князя Николая Николаевича Ласковскій, сказавшій мнѣ:—тебя Великій Князь требуетъ. Конечно, я сейчасъ же вернулся и пошелъ къ Великому Князю, который самъ шелъ мнѣ навстрѣчу, говоря:—гдѣ ты пропалъ? иди за мной и съ этими словами вошелъ въ кабинетъ Государя. Тамъ никого не было, и мы, пройдя черезъ весь кабинетъ, вышли черезъ противуположную дверь въ пріемную, гдѣ находились: Государь Императоръ, Наслѣдникъ Цесаревичъ Александръ Александровичъ и Великій Князь Константинъ Николаевичъ.

Когда я приблизился къ Его Величеству, Государь, съ ласковой

улыбкой на лицѣ, спросилъ меня: — а какъ Ганецкій тебя называлъ?

— Опытный полковникъ, Ваше Императорское Величество—отвѣчалъ я.

Государь громко засмѣялся и прибавилъ:—поздравляю тебя генераломъ; теперь ты опытный генералъ. Задавъ мнѣ потомъ нѣсколько вопросовъ о прежней моей службѣ, Государь вошелъ въ кабинетъ, куда послѣдовали за нимъ и великіе князья, послѣднимъ выходилъ Наслѣдникъ Цесаревичъ, который пожалъ мнѣ руку, сказавъ:—поздравляю Васъ, генералъ.

Великій Князь Николай Николаевичъ сейчасъ же вышелъ изъ кабинета и вошелъ вмѣстѣ со мной въ корридоръ, гдѣ было еще очень много публики; впереди всѣхъ стояли Ганецкій и Гурко. Великій Князь толкнулъ меня къ ген. Ганецкому, который крѣпко меня обнялъ, то же сдѣлалъ и I. В. Гурко.

Изъ дворца я поѣхалъ къ моей покойной матушкѣ, обрадовать ее сообщеніемъ о великой Царской милости, а потомъ отправился домой, гдѣ и нашелъ своего товарища, генералъ-маіора П. Д. Паренсова, который на молебнѣ не былъ, но отъ кого-то узналъ обо всемъ происшедшемъ и привезъ мнѣ генеральскіе погоны, надѣвъ которые, я уже генераломъ отправился на обѣдъ къ Великому Князю Николаю Николаевичу. На обѣдѣ присутствовалъ Государь Императоръ.

Вотъ фотографически вѣрное описаніе незабвеннаго для меня дня 28-го ноября 1878 года, каждую минуту котораго, несмотря на то, что прошло уже 30 лѣтъ, я помню, какъ будто бы это было вчера.

Считаю долгомъ объяснить, что значитъ выраженіе—опытный полковникъ, откуда оно взялось. Дѣло въ томъ, что я участвовалъ, подъ начальствомъ генерала Гурко, въ первомъ Забалканскомъ походѣ. I. В. Гурко относился ко мнѣ очень хорошо и хотѣлъ, чтобы я занялъ должность помощника начальника штаба (ген. Нагловскаго), когда Гурко пошелъ съ Западнымъ отрядомъ, черезъ Балканы, на Софію. Я съ радостью принялъ предложеніе I. В., но Великій Князь не согласился на это назначеніе, и вскорѣ я былъ командированъ къ Гренадерскому корпусу, т. е. къ генералу Ганецкому.

Ганецкій раньше меня не зналъ, но когда мы съ нимъ хорошенько познакомились, онъ тоже сталъ относиться ко мнѣ очень хорошо и говорилъ Маныкину и другимъ: „Фрезе опытный полковникъ, и его Гурко хвалитъ“. Потомъ онъ и въ глаза сталъ называть меня „опытный полковникъ“, когда хотѣлъ, напримѣръ, знать

о чемъ-либо мое мнѣніе, онъ всегда говорилъ: „ну, а что вы скажете, опытный полковникъ“.

Такъ онъ относился ко мнѣ до дня своей кончины. Ежегодно 28 ноября мы съ нимъ вмѣстѣ ѣздили къ Великому Князю Николаю Николаевичу, гдѣ слушали молебенъ, а потомъ завтракали у его высочества, при чемъ Великій Князь приказывалъ намъ садиться рядомъ противъ себя. Къ обѣду я всегда былъ у Ивана Степановича Ганецкаго.

Упомянувъ нѣсколько разъ о генералѣ Маныкинѣ-Невструевѣ, я не могу не помянуть добрымъ словомъ этого рано умершаго почтеннаго человѣка. Кто читалъ дневникъ М. А. Газенкампфа (стр. 176—7), тотъ знаетъ, зачѣмъ я былъ посланъ къ г. Ганецкому, какая на меня была возложена задача. Съ моимъ назначеніемъ, какъ бы умалялась роль начальника штаба корпуса, и многіе, на его мѣстѣ, встрѣтили бы меня недружелюбно, а иные бы не отказались и отъ интриги. Но не таковъ былъ почтенный, толстый Александръ Ивановичъ,. онъ встрѣтилъ меня самымъ любезнымъ образомъ, и я помню его первыя слова: „я очень радъ, Александръ Александровичъ, что васъ прислали, давайте работать вмѣстѣ, будемъ помогать старику Ганецкому сдѣлать дѣло, какъ слѣдуетъ“. Александръ Ивановичъ ставилъ дѣло выше вопросовъ личнаго самолюбія.

Описавъ то, что было 20 лѣтъ тому назадъ, я не имѣлъ намѣренія утруждать вниманіе читателей „Русской Старины“ дальнѣйшими сообщеніями о моей скромной особѣ, но у меня есть одинъ, свято хранимый мною документъ, характеризующій нашего незабвеннаго фельдмаршала Великаго Князя Николая Николаевича, а потому я и хочу сказать еще нѣсколько словъ.

Въ мартовской книжкѣ „Военнаго Сборника“, въ статьѣ П. Д. Паренсова (страница 224) говорится: „Радецкій былъ противникомъ наступленія Шипкинскаго отряда ранѣе, чѣмъ Гурко, перейдя хребетъ, выйдетъ южнымъ подножіемъ Балканъ, на одну съ нимъ высоту, но Великій Князь настоялъ. Радецкій повиновался и проч.“.

Въ дневникѣ М. А. Газенкампфа на страницѣ 278 сказано:

„Великій Князь съ нетерпѣніемъ ждетъ перехода (Радецкаго) въ наступленіе. Радецкій все настаиваетъ, чтобы подождать, пока подойдутъ войска Гурко, а Великій Князь ждать не хочетъ и требуетъ, чтобы движеніе въ обходъ Шипки было начато немедленно“. Далѣе *23-го декабря*. Сегодня пріѣхалъ съ Шипки Фрезе, котораго Великій Князь посылалъ къ Радецкому. Говорятъ, что Ра-

децкій теперь окончательно рѣшилъ начать походное движеніе завтра, 24-го, хотя и продолжаетъ сомнѣваться въ успѣхѣ и т. д.

Вотъ объ этой-то командировкѣ на Шипку я и хочу сказать два слова. 19 декабря 1877 года, рано утромъ, потребовалъ меня къ себѣ начальникъ штаба генералъ-адъютантъ Непокойчицкій и, разсказавъ, какого рода порученіе хочетъ возложить на меня главнокомандующій, приказалъ идти къ Великому Князю. Великій Князь началъ съ того, что, разъяснивъ мнѣ весь свой планъ перехода черезъ Балканы, упомянулъ о томъ, что самъ Радецкій, еще въ октябрѣ, предлагалъ Великому Князю то же самое, теперь упрямится и не хочетъ наступать. „Конечно я могу ему приказать“, сказалъ Великій Князь, „но можетъ быть у него есть какія-нибудь особыя причины упорствовать, такъ вотъ я и рѣшилъ послать тебя къ Ѳед. Ѳед., поѣзжай, потолкуй съ нимъ, разберись и моимъ именемъ передай Радецкому, что ему дѣлать“.

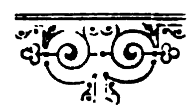
На вопросъ мой, могу ли я остаться при Радецкомъ въ случаѣ наступленія, Великій Князь отвѣтилъ: „нѣтъ, вернись сюда, письменное донесеніе все не то, я буду безпокоиться“. Черезъ два часа я, въ сопровожденіи двухъ лейбъ-казаковъ изъ конвоя главнокомандующаго, выѣхалъ верхомъ, и всю дорогу меня волновали два чувства—чувство гордости отъ высокаго ко мнѣ довѣрія главнокомандующаго и другое—сознаніе громадной отвѣтственности, на меня возложенной этимъ порученіемъ. Я пріѣхалъ на Шипку 21 декабря, и когда явился къ Радецкому, то съ первыхъ словъ увидѣлъ, что Ѳед. Ѳед. облегчилъ мою задачу: получивъ отъ Великаго Князя депешу о моей къ нему командировкѣ онъ понялъ, что упираться болѣе нельзя, и заявилъ мнѣ, что онъ рѣшилъ начать наступленіе, на этихъ же дняхъ. Тогда я попробовалъ было его отговаривать, но онъ стоялъ на своемъ и впослѣдствіи Дмитровскій (начальникъ штаба 8 корпуса) выражалъ мнѣ, что я напрасно старался, что „теперь ужъ Ѳед. Ѳед. не отговоришь“. При мнѣ пріѣхали къ Радецкому генералы: Святополкъ-Мирскій, Скобелевъ и Столѣтовъ, съ которыми онъ обсуждалъ порядокъ движенія и проч., и въ тотъ же день въ сумерки я отправился назадъ. 23 декабря пріѣхалъ въ Боготъ и подробно доложилъ обо всемъ Великому Князю. 28 декабря 1877 года Вессель-паша со всей своей арміей сдался разбившему его генералу Радецкому. Послѣ этого прошло 12 лѣтъ, я служилъ уже на Кавказѣ и жилъ въ Тифлисѣ, когда 28 декабря 1889 года получилъ слѣдующую депешу изъ Петербурга: „Въ сегодняшній многознаменательный день плѣненія Шипкинской

арміи Весселя-паши, вспоминаю, какъ ты исполнилъ свято и устойчиво мое приказаніе Радецкому".

НИКОЛАЙ.

Какъ зѣницу ока берегу я эту депешу. Черезъ 12 лѣтъ нашъ незабвенный фельдмаршалъ вспомнилъ объ одномъ изъ множества своихъ подчиненныхъ и обласкалъ его, а это не забывается.

А. Фрезе.

Пикникъ подъ Николинъ день.

Изъ записокъ стараго помѣщика.

Въ 70-хъ годахъ прошлаго девятнадцатаго столѣтія саратовскій beau monde, пресыщенный городскими развлеченіями, надумалъ устроить пикникъ подъ Николинъ день, и въ полдень 5 декабря вереница троечныхъ саней уносила веселое общество въ село Разбойщина, за 12 верстъ отъ города.

Дочь моя Вѣра, которая только-что въ то время вышла изъ института, а ея лучшая подруга, сверстница по годамъ, красавица Л. Набокова умолили своихъ матерей отпустить и ихъ на этотъ пикникъ, и матери, сами не любя участвовать въ подобныхъ удовольствіяхъ, рѣшились дать на это свое согласіе только подъ условіемъ, чтобы онѣ ѣхали вмѣстѣ съ однимъ изъ моихъ родственниковъ, въ саняхъ котораго, кромѣ его съ женой и этихъ молодыхъ дѣвушекъ, находились докторъ Степановъ и Русъ.

Пикникъ блистательно прошелъ съ танцами и ужиномъ, при чемъ одна изъ участницъ, подойдя къ образу Николая угодника съ бокаломъ въ рукѣ, смѣясь, сказала: „съ именинами тебя, старикъ, поздравляю". И затѣмъ, далеко за полночь, веселое общество возвращалось въ городъ, не обративъ вниманія на начавшуюся мятель.

Не проѣхали они и нѣсколькихъ верстъ, какъ разыгравшаяся мятель вдругъ перешла въ страшный ураганъ, такъ что въ двухъ шагахъ нельзя было ничего видѣть, и занесенная мѣстами дорога и темнота ночи заставили поѣздъ разбиться.

И вотъ судьба, какъ бы въ наказаніе за легкомысленное удовольствіе наканунѣ дня Святого, котораго такъ чтитъ не только Русь, но и другіе народы, послала участникамъ этого удовольствія печальный конецъ, доставивъ и нѣкоторымъ изъ ихъ близкихъ тяжелое испытаніе.

Сбившись съ пути и проплутавъ всю ночь, всѣ перепростудились, пообморозились и въ особенности легко одѣтое дамское общество,

исключая маленькой, юркой барыньки, которая, спустившись на дно саней, прикрылась любимой собакой, большимъ санбернаромъ.

Бойкая и самоувѣренная дочь моя отправилась вмѣстѣ съ мужчинами искать дорогу и, попадая безпрестанно въ глубокій снѣгъ, обморозила себѣ руки и ноги, но на ея счастье, часть общества, среди котораго она находилась, набрела на пустые дегтярные сараи, гдѣ оказалась кадка съ водой. И по совѣту доктора Степанова пожилой помѣщикъ, владѣлецъ села Бекова, М. А. Устиновъ, пробивъ ледъ въ кадкѣ и раздѣвъ Вѣру, опустилъ ея обледенѣвшія руки и ноги въ воду, гдѣ насильно и держалъ ихъ до тѣхъ поръ, пока обмороженные члены отошли.

Лидія же Набокова, въ сопровожденіи отставного гусара Миллеръ и юнаго Булыгина [1]), чиновника особыхъ порученій при губернаторѣ, разсчитывая добраться до желѣзнодорожной караулки, пошли по рельсамъ возвышенной насыпи, но такъ какъ Набокова была въ ротондѣ и взять ее подъ руку не представлялось возможности, то сильнымъ порывомъ вѣтра ее снесло внизъ, а спутниковъ сбило съ ногъ, и они, опомнившись послѣ своего паденія, отыскать ее не могли.

Съ разсвѣтомъ дня 6-го декабря, когда дочь мою привезли въ городъ, тотчасъ же о происшествіи этомъ дано было знать отцу Лидіи, исправлявшему въ то время должность губернатора, Набокову, которымъ и посланы были казаки для ея розыска, но въ это время Лидія была уже найдена, по указанію проходившаго поѣзда желѣзной дороги, замѣтившаго лежавшую въ снѣгу женщину, и она отъ этого случая настолько сильно пострадала, что жизнь ея долго была въ опасности, что озабочивало не только ея родителей, но и все любившее ее общество.

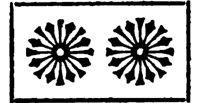
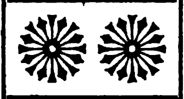
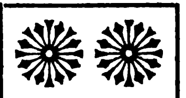
Дочь же моя Вѣра отдѣлалась лишь небольшой горячкой. Обѣ онѣ впослѣдствіи вышли замужъ.

Изъ мужчинъ особенно пострадали Миллеръ и Булыгинъ, у которыхъ кисти рукъ долго не приходили въ нормальный видъ.

Сообщилъ В. А. Шомпулевъ.

[1]) Впослѣдствіи А. Г. Булыгинъ былъ министромъ внутреннихъ дѣлъ.

Изъ дипломатической переписки сэра Джемса Гарриса—графа Мальмсбюри.

1777—1782 гг. [1]).

Нѣкоторый внѣшній лоскъ прикрываетъ у тѣхъ и у другихъ слоевъ русскаго общества недостатокъ образованія и убожество мысли. Ихъ развлеченія, убранство помѣщенія и многочисленная челядь напоминаютъ что-то азіатское. Очень странно, хотя быть можетъ и вполнѣ естественно, что хотя они во всемъ подражаютъ иностранцамъ, и въ ихъ обычаяхъ, и въ характерѣ (я говорю о высшемъ классѣ) нѣтъ ничего самобытнаго, однако, они, вообще говоря, неохотно принимаютъ въ свою среду иностранца".

„Эта страна переживаетъ въ настоящій моментъ самый опасный кризисъ; впрочемъ, счастье, сопутствующее всегда императрицѣ, ея энергичный характеръ и талантливость могутъ замѣнить ей способныхъ генераловъ и опытныхъ государственныхъ людей. Самыя злѣйшіе ея враги—лесть и ея собственныя страсти: лести, какъ бы она ни была груба, она всегда доступна, а склонность удовлетворять свои слабости, повидимому, возрастаетъ съ лѣтами".

„Положеніе настоящаго фаворита, Зорича, повидимому, не особенно прочно" [2]). „Онъ знаетъ, что ему предстоитъ отставка, „je sais bien que je dois sauter, mais par Dieu je couperai les oreilles à celui qui prend ma place" — вотъ подлинныя слова, сказанныя имъ на-дняхъ въ разговорѣ по этому поводу. Онъ получилъ и растратилъ огромное состояніе, но къ чести человѣка, достигшаго столь высо-

---

[1]) См. „Русскую Старину" апрѣль 1908 года.

[2]) Письмо къ Суффольку отъ 2/13 февраля 1778 г.

каго положенія, надобно сказать, что онъ пользовался своимъ вліяніемъ, чтобы дѣлать добро и оказывать услуги тѣмъ, кто, по его мнѣнію, нуждался въ его покровительствѣ".

„Нѣсколько дней тому назадъ [1]), Потемкинъ, недовольный Зоричемъ, представилъ императрицѣ въ Царскомъ Селѣ стройнаго гусарскаго офицера — своего адъютанта. Она взглянула на него пристально. При этомъ былъ Зоричъ. Лишь только императрица удалилась, фаворитъ осыпалъ Потемкина самой грубой и оскорбительной бранью и вызвалъ его на дуэль. По окончаніи спектакля, Зоричъ послѣдовалъ за императрицею въ ея апартаменты, бросился къ ея ногамъ и сознался въ томъ, что онъ сдѣлалъ, сказавъ, что не смотря на всѣ почести и богатства, коими она его осыпала, онъ равнодушенъ ко всему и дорожитъ лишь ея благосклонностью. Это подѣйствовало. Когда Потемкинъ явился къ императрицѣ, его приняли холодно, и Зоричъ, день или два, видимо, былъ въ особой милости. Тогда Потемкинъ уѣхалъ изъ Царскаго Села въ Петербургъ. Вслѣдъ за нимъ былъ посланъ сюда Зоричъ съ приказаніемъ пригласить его на ужинъ, и „уладить дѣло, такъ какъ она не терпитъ непріятностей". Этотъ ужинъ состоялся на-дняхъ; въ настоящее время Зоричъ и Потемкинъ наилучшіе друзья, по крайней мѣрѣ на видъ. Но Потемкинъ человѣкъ очень хитрый и въ концѣ концовъ проведетъ Зорича. Онъ рѣшилъ добиться его отставки, а Зоричъ рѣшилъ зарѣзать своего преемника".

„Послѣдствіе смѣлаго поступка Зорича было непродолжительно. Онъ получилъ, нѣсколько дней тому назадъ, окончательную отставку [2]). Императрица уволила его въ самыхъ любезныхъ выраженіяхъ, но онъ принялъ это совершенно иначе. Позабывъ, съ кѣмъ онъ говорилъ, онъ высказалъ ей самые горькіе упреки, въ яркихъ краскахъ изобразилъ ея непостоянство и предсказывалъ ей, что оно будетъ имѣть самыя пагубныя послѣдствія. Увѣряютъ, будто она была тронута этими словами, но не измѣнила своихъ намѣреній. Зоричу приказано путешествовать; ему пожалована вмѣстѣ съ тѣмъ большая пенсія, огромная сумма денегъ и помѣстье въ 7 тысячъ душъ. Его преемникъ, Корсаковъ, не будетъ объявленъ фаворитомъ, пока Зоричъ не уѣдетъ. Необузданный нравъ Зорича не позволяетъ замѣстить его оффиціально, пока онъ тутъ. Дворъ и столица только и заняты этимъ событіемъ; къ сожалѣнію, оно подаетъ поводъ къ весьма прискорбнымъ размышленіямъ и омрачаетъ, въ глазахъ иностранцевъ, славу императрицы".

---

1) Письмо отъ 16/27 мая 1778 г.

2) Писано 22 мая (2 іюня) 1778 г.

Нѣсколько дней спустя [1]) Гаррисъ писалъ:

„При дворѣ можно наблюдать странное зрѣлище. Зоричъ не успокоился, несмотря на то, что онъ щедро вознагражденъ; хотя онъ лишился своего положенія, но онъ не уѣзжаетъ и сохраняетъ всѣ прерогативы фаворита. Смѣлость, съ какою онъ говорилъ съ императрицею, напугала ее, и она боится раздражить человѣка столь безпокойнаго характера. Трудно повѣрить, до какой степени императрица взволнована; она не знаетъ на что рѣшиться. Кн. Орловъ высказалъ ей на-дняхъ, какія послѣдствія все это можетъ имѣть, рано или поздно. Она какъ будто одумалась и послала Завадовскому приказаніе вернуться ко двору, рѣшивъ возвратить этому тихому и спокойному человѣку его прежнее положеніе. Но Потемкинъ, который прекрасно знаетъ характеръ императрицы и лучше всего умѣетъ достигнуть своей цѣли, повернулъ все по-своему... и въ ту минуту когда я пишу эти строки, императрица находится на дачѣ Потемкина, на границѣ Финляндіи, гдѣ она старается забыть труды и заботы по управленію имперіей въ обществѣ своего фаворита, простонародное имя котораго, Корсакъ, уже замѣнено болѣе благозвучнымъ Корсаковъ. Тѣмъ временемъ сюда прибылъ Завадовскій, и такъ какъ онъ рѣшился пріѣхать единственно по просьбѣ Орлова, то онъ спрашиваетъ, зачѣмъ его потревожили въ его уединеніи.

„Великій князь смущенъ всѣмъ происходящимъ; онъ сталъ теперь настолько же сдержанъ, насколько былъ онъ раньше неостороженъ.

„Непримиримые враги, гр. Панинъ и кн. Орловъ, стали теперь закадычными друзьями; благодаря гр. Панину Орловъ находится въ наилучшихъ отношеніяхъ съ великимъ княземъ, котораго самъ Панинъ научилъ смотрѣть на него какъ на главнаго и опаснѣйшаго своего врага.

„Со времени моей послѣдней депеши, сообщалъ Гаррисъ 19 іюня, въ придворной жизни не произошло никакой перемѣны. Корсаковъ пользуется расположеніемъ и благосклонностью, какія выпадаютъ на долю всякаго новаго фаворита; полагаютъ, однако, что онъ недолго удержится. Зоричъ утратилъ всякое значеніе. Завадовскій, въ награду за поспѣшность, съ какою онъ возвратился ко двору, получитъ высшее назначеніе—въ Сенатъ; это дѣлается противъ желанія Потемкина, воля котораго безъапелляціонна во всемъ остальномъ. Ежели его вліяніе будетъ продолжительно, и если императрица не проявитъ всю силу ума, коимъ она несомнѣнно одарена, то могутъ произойти большія несчастія. Въ народѣ замѣтно всеобщее недовольство, и если бы онъ имѣлъ возможность выражать его, — трудно

[1]) Письмо къ Суффольку отъ 29 мая (9 іюня) 1778 г.

*

сказать, до чего бы это могло дойти. Единственные друзья, на которыхъ императрица можетъ положиться, это гр. Панинъ и его братъ, которые пользуются репутацiей честныхъ людей, и кн. Орловъ и его братья—люди весьма популярные: имъ очень не нравится все происходящее, но, разумѣется, они будутъ стоять въ сторонѣ до тѣхъ поръ, пока „положенiе дѣлъ не измѣнится".

„Вчера (писалъ Гаррисъ 10 iюля) новый фаворитъ впервые былъ представленъ придворнымъ. Онъ держитъ себя приличнѣе, нежели его предшественникъ, и относится холоднѣе ко всевозможнымъ льстивымъ увѣренiямъ, коими осыпаютъ его придворные".

Корсаковъ недолго пользовался благоволенiемъ Екатерины; 10/21 августа Гаррисъ писалъ: „Карьера новаго фаворита близится къ концу. У него слаба грудь, онъ кашляетъ кровью. На его мѣсто есть уже нѣсколько кандидатовъ: однихъ поддерживаетъ Потемкинъ, другихъ Орловъ и Панинъ, которые дѣйствуютъ нынѣ заодно; но этотъ разъ императрица рѣшила, кажется, сдѣлать выборъ сама. Потемкинъ [1]), коего заносчивость можно сравнить только съ его влiянiемъ, крайне раздраженъ тѣмъ, что не отъ него будетъ зависѣть выборъ фаворита; онъ удалился на нѣсколько дней отъ двора и согласился вернуться лишь послѣ того, какъ императрица согласилась, чтобы ей былъ представленъ одинъ маiоръ, за которымъ онъ нарочно послалъ въ Крымъ. Во время его отсутствiя, противная партiя выставила кандидатомъ сына одного армянина негоцiанта и незаконнорожденнаго сына покойнаго канцлера Воронцова. Участь этихъ молодыхъ людей еще не рѣшена, Корсаковъ будетъ, кажется, посланъ въ Спа для поправленiя здоровья".

Придворныя интриги, коими сопровождалось появленiе каждаго новаго фаворита, составляли цѣлый мѣсяцъ единственную тему депешъ Гарриса; 28 августа (9 сентября) онъ писалъ:

„Я имѣю основанiе думать, что нынѣшнiй фаворитъ будетъ уволенъ черезъ нѣсколько дней, и что его замѣнитъ чиновникъ, служащiй въ конторѣ графа Панина, по фамилiи Страховъ; этотъ молодой человѣкъ пользуется хорошей репутацiей, но его не считали претендентомъ на эту высшую должность, ни по его общественному положенiю, ни по наружности, ни по уму. Его замѣтили на балу въ Петергофѣ, 28 iюня; онъ обязанъ своимъ счастьемъ выбору императрицы, ибо, хотя онъ вполнѣ зависитъ отъ Панина, но послѣднiй, узнавъ, на кого палъ выборъ, былъ удивленъ не менѣе того, какъ будутъ удивлены придворные, когда этотъ фактъ получитъ огласку. Пока это величайшая тайна, которая извѣстна весьма

---

1) Писано 28 авг. (8 сент.) 1778 г.

немногимъ. Если положеніе Страхова упрочится, то это повлечетъ опалу Потемкина, а вліяніе Панина усилится; а если Панинъ будетъ дѣйствовать по-прежнему заодно съ Орловымъ, то это событіе будетъ имѣть самыя благодѣтельныяпос лѣдствія [1]).

Не далѣе, какъ черезъ недѣлю, положеніе при дворѣ снова измѣнилось:

„Потемкинъ былъ опять въ милости у императрицы [2]). Онъ старался всѣми силами помѣшать ея выбору и пустилъ въ ходъ всѣ средства, на которыя онъ могъ возлагать надежды, благодаря своей ловкости и своему вліянію на императрицу. Онъ осмѣлился даже угрожать и держалъ самыя неприличныя рѣчи. Но, замѣтивъ, что это было совершенно безполезно, и что императрица рѣшила настоять на своемъ, онъ принялъ самый мягкій и покорный тонъ, какой только можно себѣ представить, просилъ прощенія, получилъ его и предложилъ свои услуги. Онѣ охотно были приняты и ежели свѣдѣнія, которыя мнѣ сообщили, вѣрны, то Потемкинъ отправился, въ настоящую минуту, на обѣдъ къ Панину, чтобы сообщить ему, что императрица нашла новую должность для одного изъ его секретарей. Ловкость и хитрость князя Потемкина въ этихъ дѣлахъ можетъ сравняться лишь съ неумѣлостью и апатіей графа Орлова, который легко могъ бы погубить своего соперника, если бы онъ сталъ отстаивать свою власть; онъ могъ бы вернуть свое прежнее вліяніе, и государство только бы выиграло отъ этого.

Но вмѣсто того, чтобы воспользоваться случаемъ, онъ сталъ подсмѣиваться надъ всѣмъ происходящимъ, и его шутки были столь неумѣстны, что императрица была очень обижена.

„Потемкинъ находился уже нѣсколько мѣсяцевъ открыто въ преступной связи съ одной изъ своихъ племянницъ, фрейлиной императрицы. Во время ихъ ссоры, императрица упрекнула его въ этомъ и поставила ему на видъ, до какой степени это позоритъ дворъ. Въ тотъ же день вечеромъ онъ уговорилъ князя Голицына жениться на ней: они были торжественно обручены во дворцѣ“.

Въ это время неожиданно для всѣхъ выступило на сцену новое дѣйствующее лицо,—грозный Алексѣй *Орловъ*, который появлялся при дворѣ не иначе, какъ въ самыхъ серьезныхъ обстоятельствахъ.

„Вопреки всеобщему ожиданію, писалъ Гаррисъ 21 сентября (2 октября), въ прошлую среду, пріѣхалъ сюда графъ Алексѣй Орловъ. Его присутствіе чрезвычайно смутило теперешнихъ фаворитовъ, тѣмъ болѣе, что онъ уже имѣлъ нѣсколько аудіенціей у

---

[1]) Орловъ, какъ англоманъ, пользовался симпатіей Гарриса.

[2]) Письмо отъ 14/25 сентября 1778 г.

императрицы. Потемкинъ старается казаться равнодушнымъ и быть въ духѣ. Я имѣлъ честь играть вчера вечеромъ за столомъ императрицы, за которымъ они оба сидѣли; не берусь описать сцену, во время которой разыгрывались всевозможныя страсти, какія только могутъ волновать человѣческое сердце, и которыя заинтересованныя лица старались скрыть съ самымъ ловкимъ притворствомъ.

„Я всячески старался разузнать [1]), пріѣхалъ ли графъ Алексѣй Орловъ по повелѣнію государыни, и что именно произошло со времени его пріѣзда, и могу сообщить, кажется вполнѣ достовѣрно, что ближайшимъ поводомъ къ пріѣзду графа Алексѣя Орлова былъ неосторожный бракъ его брата и желаніе спасти поколебавшееся вліяніе ихъ семьи. Положеніе дѣлъ въ Россіи и его испытанная преданность императрицѣ не оставляли ни малѣйшаго сомнѣнія на счетъ того, какой пріемъ ему будетъ оказанъ. И онъ былъ увѣренъ въ томъ, что это доказательство его преданности будетъ принято благосклонно.

Дѣйствительность оправдала его ожиданія.

„Могу поручиться за достовѣрность слѣдующаго разговора. Нѣсколько дней спустя по пріѣздѣ графа Орлова, императрица пригласила его къ себѣ; отозвавшись съ величайшей похвалою о его душевныхъ качествахъ и горячо поблагодаривъ его за оказанныя ей услуги, она сказала, что потребуетъ отъ него одну вещь, которая для ея спокойствія важнѣе всего, что ей до сихъ поръ приходилось требовать отъ него. „Будьте друзьями съ Потемкинымъ, сказала она, добейтесь отъ этого необыкновеннаго человѣка, чтобы онъ былъ осторожнѣе въ своихъ поступкахъ, чтобы онъ относился заботливѣе къ исполненію обязанностей, сопряженныхъ съ тѣмъ высокимъ постомъ, какой онъ занимаетъ, чтобы онъ старался пріобрѣсти друзей, хотя бы въ отплату за то уваженіе и дружбу, которыя я къ нему питаю. Ради Бога, продолжала она, постарайтесь сойтись съ нимъ, чтобы я и этимъ была вамъ обязана; устройте мое домашнее счастье, подобно тому, какъ вы содѣйствовали блеску и славѣ моего царствованія".

Если подобныя рѣчи странны, въ устахъ государыни, говорящей со своимъ поданнымъ, не менѣе страненъ и отвѣтъ Орлова.

„Вы знаете, В. В., отвѣчалъ графъ, что я вашъ рабъ, жизнь моя къ вашимъ услугамъ. Если Потемкинъ нарушаетъ ваше душевное спокойствіе, прикажите: онъ тотчасъ исчезнетъ, вы объ немъ болѣе не услышите. Но чтобы я, В. В., съ моимъ характеромъ и репутаціей вмѣшался въ дворцовыя интриги, чтобы я сталъ добиваться дружбы того, кого я долженъ ненавидѣть, какъ чело-

---

[1]) Письмо къ графу Суффольку отъ 5/16 октября 1778 г.

вѣка, и кого я считаю величайшимъ врагомъ государства... Простите, В. В., ежели я отвѣчу отказомъ".

Императрица заплакала, гр. Орловъ удалился, но, вернувшись нѣсколько минутъ спустя, прибавилъ: „Мнѣ извѣстно, В. В., навѣрно, что Потемкинъ не питаетъ къ вамъ искренной привязанности, что онъ руководствуется во всемъ только своими личными выгодами: притворство—единственный выдающійся его талантъ, онъ старается всѣми силами отвлечь В. В. отъ дѣлъ и усыпить вашу бдительность, чтобы пользоваться неограниченной властью. Онъ причинилъ огромный вредъ вашему флоту, погубилъ армію и, что гораздо хуже, унизилъ вашу репутацію въ глазахъ всего свѣта и лишилъ васъ любви вашихъ вѣрноподданныхъ. Если вы хотите отдѣлаться отъ этого опаснаго человѣка, то моя жизнь къ вашимъ услугамъ, но если вы хотите выждать для этого удобнаго случая, я не могу быть вамъ полезенъ въ проведеніи тѣхъ мѣръ, для осуществленія которыхъ нужны: притворство, коварство и лесть". Императрица была глубоко тронута этими странными словами; созналась, что вѣритъ всему сказанному имъ о Потемкинѣ, и поблагодарила его въ самыхъ теплыхъ выраженіяхъ за его предложеніе, но присовокупила, что она не допускаетъ мысли о какихъ-либо насильственныхъ дѣйствіяхъ; она признала, что ея собственный характеръ измѣнился и жаловалась, что ея здоровье пошатнулось. Она просила Орлова не уѣзжать изъ Петербурга, такъ какъ ей понадобятся вѣроятно его совѣты и помощь".

„Алексѣй Орловъ молчитъ, — писалъ Гаррисъ мѣсяцъ спустя, и хотя ему оказываютъ всевозможные знаки благоволенія, но его послѣдній разговоръ не забытъ. Онъ остается тутъ по просьбѣ императрицы".

„Я не вижу, чтобы въ обращеніи императрицы съ Потемкинымъ произошла какая-нибудь перемѣна. Что касается его самого, то онъ сталъ вѣжливъ до неузнаваемости. Однако возвышеніе Страхова замедлилось, и врядъ ли оно состоится до тѣхъ поръ, пока Орловъ находится въ Петербургѣ".

„Придворная жизнь подвергается постоянно колебаніямъ; умъ и превосходныя качества императрицы парализуются заботами, которыя доставляетъ ей Потемкинъ и ея фаворитъ. Алексѣй Орловъ молчитъ, хотя ему оказываютъ особое уваженіе, но послѣдній его разговоръ очевидно не забытъ императрицею".

„Вскорѣ послѣ того страннаго разговора, о которомъ я сообщилъ вамъ, писалъ Гаррисъ своему корреспонденту 31 декабря 1778 г., императрица лишила гр. Алексѣя Орлова мало по малу своего довѣрія и благоволенія; она отказала ему въ какой-то незначитель-

ной милости, которой онъ просилъ для своего незаконнорожденнаго сына, и своимъ обращеніемъ заставила его прибѣгнуть къ обычному у русскихъ сановниковъ способу, когда они бываютъ въ немилости при дворѣ, —не выходить изъ дома, подъ предлогомъ болѣзни. Оказывается, императрица имѣла слабость передать кн. Потемкину свой разговоръ съ Орловымъ, и онъ успѣлъ убѣдить ее въ томъ, что все сказанное Орловымъ было дѣломъ личнаго недоброжелательства и зависти. Кн. Орловъ не показывался послѣ этого при дворѣ три мѣсяца; оба брата, которые обыкновенно не стѣсняются высказывать своихъ мыслей, говорятъ тономъ людей озлобленныхъ, ожиданія которыхъ не оправдались и которые предвидятъ, что имъ нѣтъ надежды вернуть когда-либо свое утраченное вліяніе.

„Страховъ, о которомъ я упоминалъ въ одной изъ предыдущихъ депешъ, не пользуется никакими внѣшними знаками отличія. Онъ воспитывался въ домѣ покойнаго канцлера Воронцова и получилъ мѣсто у графа Панина черезъ Бакунина, близкаго къ семейству Панина. Страховъ не обладаетъ никакими достоинствами; онъ охотно играетъ роль самаго низкаго шута и проводитъ время въ дурной компаніи, но это человѣкъ безупречной честности; мнѣ передавали, впрочемъ, что въ настоящее время, пользуясь своимъ независимымъ положеніемъ, онъ сдѣлался упрямъ и несговорчивъ. Оффиціальнымъ фаворитомъ остается по-прежнему Корсаковъ, который пользуется всѣми преимуществами и почестями, сопряженными съ этимъ положеніемъ; онъ добродушенъ, но очень глупъ и весь къ услугамъ кн. Потемкина и графини Брюсъ. Эти два лица, повидимому, всецѣло овладѣли, въ настоящее время, умомъ императрицы. Кн. Потемкинъ первенствуетъ во всемъ, что касается серьезныхъ дѣлъ и удовольствій, а графиня вмѣшивается только въ удовольствія, играя роль тѣхъ приближенныхъ, на обязанности которыхъ лежало въ прежнее время отвѣдать вино и кушанье прежде, нежели ихъ подавали монарху.

„Послѣднія двѣ недѣли (писалъ Гаррисъ 29 января (9 февраля) 1779 г.) при дворѣ происходятъ постоянныя интриги и неурядицы. Такъ какъ выражено желаніе перемѣнить фаворита, то на его мѣсто явилось множество претендентовъ. Друзья Страхова надѣялись, что ему будетъ дозволено заявить публично о той степени благоволенія, какой онъ такъ давно пользуется втайнѣ; но его неумѣніе держать себя и упрямство разстроили всѣ ихъ планы. Выборъ остановился бы вѣроятно на маіорѣ л.-гв. Семеновскаго полка Левашовѣ, если бы одинъ молодой человѣкъ, по фамиліи Свѣчковскій, коему покровительствуетъ г-жа Брюсъ, и котораго она рекомендовала на мѣсто Корсакова, не ранилъ себя, въ это самое время, кинжаломъ, съ отчаянія,

что ему не было оказано предпочтенія. Рана его не смертельна: хотя отъ императрицы старались скрыть истинную причину этого безумнаго поступка, однако она была имъ чрезвычайно встревожена, и вслѣдствіе этого Корсаковъ сохранитъ вѣроятно нѣкоторое время свое положеніе. Потемкинъ и г-жа Брюсъ уже не дѣйствуютъ болѣе заодно; князь такъ завидуетъ вліянію, которое эта дама пріобрѣла на государыню, что онъ всячески старался, чтобы ея мѣсто заняла двоюродная сестра фельдмаршала Румянцева. На бѣду, г-жа Брюсъ страстно влюбилась въ Корсакова; это обстоятельство вѣроятно поможетъ Потемкину настоять на своемъ".

„Мнѣ императрица оказываетъ весьма милостивое вниманіе [1]) и почти всегда приглашаетъ меня къ своему карточному столу. Нѣсколько дней тому назадъ, она предложила мнѣ вмѣстѣ съ двумя придворными отправиться съ нею въ загородный дворецъ, гдѣ собраны портреты коронованныхъ особъ Европы. Мы много говорили объ нихъ, а еще болѣе объ отсутствіи таланта у современныхъ художниковъ; всѣ видѣнные нами тутъ портреты отличаются отсутствіемъ рисунка, въ нихъ нѣтъ сочности красокъ и ни малѣйшаго творчества. Императрица называетъ этотъ дворецъ la Grenouillière; нѣсколько лѣтъ тому назадъ Веджвудъ сдѣлалъ для него замѣчательный сервизъ, на которомъ нарисована зеленая лягушка. Сервизъ этотъ намъ также былъ показанъ".

Несмотря на видимые знаки благоволенія со стороны императрицы, англійскій посланникъ ничего не могъ добиться отъ нея и отъ тѣхъ, кто руководилъ дѣлами.

„Лица, стоящія здѣсь во главѣ управленія слишкомъ богаты, чтобы ихъ можно было подкупить, слишкомъ упрямы, чтобы ихъ можно было убѣдить и слишкомъ невѣжественны, чтобы они могли выслушать правду", писалъ онъ съ грустью [2]). Я неоднократно говорилъ съ императрицею и съ княземъ Потемкинымъ и пришелъ къ убѣжденію, что на нихъ ничѣмъ нельзя повліять; они дѣйствуютъ подъ впечатлѣніемъ минуты, пользуясь благопріятнымъ стеченіемъ обстоятельствъ".

„По совершенно непростительной, но обычной безпечности графа Панина, императрица узнала о томъ, что Испанія объявляла намъ войну [3]), изъ Гамбурской газеты. Она была очень недовольна этой безпечностью и на слѣдующее утро, когда Панинъ явился къ ней съ бумагами, сдѣлала ему строгій выговоръ и выразила свое удивле-

---

[1]) Письмо Гарриса къ отцу 3 іюня 1778 г.

[2]) Письмо къ Виконту Weymouth отъ 24 мая (4 іюня) 1779 г.

[3]) Испанія объявила войну Англіи 28 іюня 1770 г. (Письмо Гарриса къ виконту Weymouth 5/16 іюля 1779 г.).

ніе по поводу того, что Мусинъ-Пушкинъ [1]) счелъ это обстоятельство настолько маловажнымъ, что извѣстилъ ее объ объявленіи войны не съ курьеромъ, а съ обыкновенной почтой. Въ тотъ же день она говорила окружающимъ съ большой горячностью и съ большимъ чувствомъ о *нашемъ* критическомъ положеніи; и замѣтила, что испанцы поступили неблагоразумно, объявивъ намъ войну".

„Въ понедѣльникъ, во время спектакля въ Петергофѣ, императрица въ антрактѣ подошла ко мнѣ и спросила, не получилъ ли я извѣстій и повидимо болѣе интересовалась нашими дѣлами, чѣмъ можно было думать по словамъ ея министровъ. „Я всегда была и буду искреннимъ другомъ Англіи", сказала она мнѣ; „Испанія предъявляетъ къ вамъ тысячу жалобъ, но ни одной изъ нихъ она не въ состояніи мотивировать. Непріязненные шаги, сдѣланные этимъ дворомъ, очень тревожатъ меня, но ваши средства и патріотизмъ велики; будьте увѣрены, что моя дружба къ Англіи вполнѣ искренна".

„Я увѣренъ, писалъ Гаррисъ [2]), подъ впечатлѣніемъ этого разговора, что если бы я могъ вести переговоры съ самой съ императрицей, то она не долго осталась бы безучастной зрительницей событій; но ея министры, по своей безпечности, или, быть можетъ, по инымъ еще менѣе похвальнымъ побужденіямъ, не раздѣляютъ этихъ чувствъ. Графа Панина отнюдь нельзя считать нашимъ другомъ; онъ дѣйствуетъ во всемъ по указкѣ короля прусскаго и принимаетъ всѣ его указанія безъ критики и размышленія".

Убѣдясь въ томъ, что графъ Панинъ, получая отъ Пруссіи за свои услуги щедрое вознагражденіе, искажалъ въ своихъ докладахъ императрицѣ представленія, дѣлаемыя Англіей, и изображалъ желанія этой державы въ превратномъ смыслѣ, Гаррисъ рѣшилъ, если представится возможность, объяснить ей сущность дѣла и быть посредникомъ между нею и англійскимъ правительствомъ. Съ этой цѣлью онъ сталъ ухаживать за Потемкинымъ, и ему удалось сблизиться съ нимъ на почвѣ личныхъ и политическихъ интересовъ. Главной цѣлью *обоихъ* было сломить шею графу Панину. Потемкинъ ненавидѣлъ графа, пользовавшагося почти такимъ же вліяніемъ, какъ и онъ самъ.

При ближайшемъ знакомствѣ съ графомъ Панинымъ онъ долженъ былъ сознаться, что репутація, которой пользовался графъ, совершенно не соотвѣтствовала его дѣствительнымъ качествамъ и что онъ не обладалъ ни способностями, ни искренностью, ни тѣми политическими принципами, которые ему приписывали.

---

[1]) Русскій посолъ въ Англіи.

[2]) Письмо отъ 9/20 іюля 1779 г.

Что касается Потемкина, то онъ готовъ былъ держаться какой угодно политики, лишь бы дала ему возможность свергнуть человѣка, соперничавшаго съ нимъ вліяніемъ.

Когда Гаррисъ передалъ Панину манифестъ испанскаго правительства объ объявленіи войны Англіи, то Панинъ выразилъ открыто свое сочувствіе къ Испаніи и всякій разъ, какъ объ этомъ заходила рѣчь, онъ высказывался въ томъ же смыслѣ; тогда Гаррисъ, имѣя основаніе думать, что императрица относилась къ поступкамъ Испаніи иначе, рѣшилъ обратиться къ Потемкину, какъ къ единственному человѣку, который могъ помочь ему. 28 іюня ему представился случай говорить съ нимъ въ пріемной императрицы.

Ободренный сочувствіемъ Потемкина, онъ возымѣлъ смѣлость просить необычной милости,—а именно чтобы ему было дозволено говорить съ императрицей о дѣлахъ лично. Потемкинъ отвѣтилъ, что хотя подобный шагъ былъ бы совершенно необыченъ и новъ, однако онъ постарается исполнить его желаніе, но требуетъ, чтобы это осталось въ совершенной тайнѣ.

„Въ слѣдующую пятницу, разсказываетъ Гаррисъ, Потемкинъ пригласилъ меня отобѣдать къ его племяннику на дачѣ, гдѣ изъ постороннихъ не было никого, кромѣ его семьи и слугъ; мы говорили о критическомъ положеніи, въ какомъ очутилась Англія, о послѣдствіяхъ, которыя исходъ настоящей войны могъ имѣть на взаимное отношеніе державъ, и о тѣхъ мѣрахъ, какія могли быть приняты, чтобы парализовать дѣйствія Франціи и ея союзниковъ противъ Англіи“.

Обсуждая этотъ щекотливый и трудный вопросъ, посланникъ высказалъ пожеланіе, чтобы императрица обратилась къ версальскому и къ мадридскому дворамъ съ декларацією и поддержала бы ее своими военно-морскими силами. Соглашаясь съ тѣмъ, что это могло имѣть желаемое дѣйствіе, Потемкинъ замѣтилъ:

„Но кому же могли бы мы поручить составленіе этой деклараціи и снаряженіе судовъ?“

Графъ Панинъ не хочетъ и не можетъ служить вамъ; онъ преданъ всецѣло Пруссіи. Графъ Чернышевъ негодяй, который выдастъ тайну данныхъ ему приказаній; ни съ однимъ изъ нихъ нельзя вести дѣло, между тѣмъ и тотъ и другой стоятъ во главѣ тѣхъ вѣдомствъ, черезъ которыя это дѣло должно вестись“.

„Въ отвѣтъ на это я предложилъ, говоритъ Гаррисъ, чтобы декларація была написана подъ его личнымъ наблюденіемъ, а когда она будетъ готова, чтобы онъ передалъ ее графу Панину, по повелѣнію императрицы“. Что касалось вооруженія судовъ, то Гаррисъ предлагалъ поступить такъ же, какъ въ предыдущую войну

когда императрица обсуждала этотъ вопросъ лично съ лицомъ, назначеннымъ командовать эскадрой.

„Вы не потеряли здѣсь времени даромъ, замѣтилъ на это Потемкинъ, и отлично все понимаете".

„На мой вопросъ, получу ли я аудіенцію у императрицы, онъ отвѣтилъ: „безъ сомнѣнія", присовокупивъ, что она готова выслушать меня, если я буду говорить съ нею вполнѣ искренно и откровенно.

Прошло недѣли двѣ.

„Въ понедѣльникъ, 22 іюля, на маскарадѣ, данномъ въ честь дня рожденія великой княгини, вскорѣ послѣ того какъ императрица окончила играть въ карты, ко мнѣ подошелъ г. Корсаковъ, предложилъ мнѣ послѣдовать за нимъ и провелъ меня заднимъ ходомъ въ гардеробную императрицы, а затѣмъ удалился. Императрица, которая уже была въ гардеробной, предложила мнѣ сѣсть и начала разговоръ, заявивъ, что послѣ своихъ личныхъ дѣлъ ей ближе всего къ сердцу наши дѣла; что она серьезно интересовалась ими послѣднее время, готова выслушать то, что я хочу сказать ей, и была бы очень довольна, если бы мнѣ удалось устранить препятствія, которыя по ея мнѣнію могутъ возникнуть при осуществленіи ея намѣреній быть намъ полезной. „Я отвѣчалъ на это, что, будучи увѣренъ въ томъ, что я говорю съ самымъ могущественнымъ и лучшимъ другомъ Англіи, я осмѣлюсь высказаться откровенно, не опасаясь навлечь этимъ на себя гнѣвъ ея величества".

На это послѣдовалъ успокоительный отвѣтъ императрицы, что „если бы она не была расположена слышать все, что я имѣлъ передать ей, то она никогда не согласилась бы говорить со мною при столь необычайной обстановкѣ, поэтому она просила меня быть вполнѣ откровеннымъ".

Ободренный этими милостивыми словами, Гаррисъ изложилъ современное состояніе Европы и Англіи въ частности, сказавъ что согласно съ данными ему инструкціями онъ дѣлалъ разныя предложенія графу Панину, и хотя на нихъ получался всегда отрицательный отвѣтъ, но онъ готовъ съ разрѣшенія государыни повторить ихъ еще разъ.

„Выслушавъ меня очень внимательно, императрица сказала, что она вполнѣ раздѣляетъ мой взглядъ относительно современнаго положенія Европы; она вполнѣ понимаетъ, въ какомъ критическомъ положеніи мы очутились и какъ по политическимъ мотивамъ, такъ и по своимъ личнымъ чувствамъ, очень желала бы быть намъ полезной; но ее удерживаетъ отъ этого опасеніе ввергнуть имперію въ новую войну; будучи высокаго мнѣнія о нашей силѣ и умѣніи, она увѣрена, что мы одержимъ побѣду надъ Франціей и Испаніей. Коснувшись затѣмъ

сѣверо-американской войны, Ея Величество выразила сожалѣніе о томъ, что намъ не удалось прекратить ее въ самомъ началѣ, и намекнула на возможность заключить миръ, признавъ независимость нашихъ колоній. Тогда я предложилъ ей вопросъ: какъ бы она поступила, если бы эти колоніи принадлежали Россіи, и какая-либо посторонняя держава предложила ей заключить миръ на подобныхъ условіяхъ? На это императрица отвѣтила съ большой горячностью: „J'aimerais mieux perdre ma tête“...

„Допустивъ, что все сказанное вами справедливо“, продолжала она, „имѣю ли я право вмѣшиваться въ распрю, чуждую моимъ интересамъ, изъ-за дѣла, которое мнѣ неизвѣстно во всѣхъ подробностяхъ; могу ли я начать войну съ державами, столь отдаленными отъ Россіи?“

„Выслушавъ внимательно всѣ мои возраженія, императрица выразила желаніе, чтобы я изложилъ мои доводы на бумагѣ, и дала мнѣ слово обсудить ихъ, затѣмъ она отпустила меня. Нашъ разговоръ продолжался болѣе часа; такъ какъ уже стемнѣло, то я съ трудомъ пробрался обратно въ бальное зало“.

„На утро я передалъ Ея Величеству черезъ Потемкина требуемую записку, а день спустя, 24 іюля, когда я имѣлъ честь ужинать за однимъ столомъ съ императрицей у егермейстера Нарышкина,—она сказала мнѣ, что все сказанное мною поразило ее. Вотъ ея подлинныя слова: „Depuis notre conversation, je n'ai fait que rêver à vos affaires; ma tête fermente, et si je puis trouver les moyens, vous verrez l'empressement avec lequel je vous servirai“.

„Сказавъ это, она обернулась къ присутствующимъ и сказала очень добродушно:

— Васъ не должно удивлять, что у насъ есть секреты съ сэромъ Джемсомъ Гаррисомъ; мы были сосѣдями по дачѣ, а у сосѣдей всегда заводятся тайны“.

„Въ слѣдующій понедѣльникъ, 29 іюля, Ея Императорское Величество дозволила мнѣ сопровождать ее во время прогулки по Царскосельскому парку; хотя она говорила все время о нашихъ дѣлахъ въ самомъ доброжелательномъ тонѣ, но присутствіе великаго князя и великой княгини, шедшихъ позади насъ, мѣшало ей войти въ подробности.

„Въ тотъ же вечеръ я имѣлъ случай говорить съ княземъ Потемкинымъ; онъ сообщилъ мнѣ, что графу Панину извѣстно уже, что я обратился къ нему за поддержкой; насколько я знаю графа Панина, я увѣренъ, что онъ сдѣлаетъ все отъ него зависящее, чтобы разстроить мои планы. „Нѣсколько дней спустя, мнѣ сообщили, что императрица выразила желаніе выслушать мнѣніе Го-

сударственнаго Совѣта объ англійскихъ дѣлахъ, чтобы каждый членъ Совѣта высказалъ свое мнѣніе въ отдѣльности", но Панинъ „успѣлъ разстроить этотъ планъ и не допустилъ обсужденія этого вопроса въ Совѣтѣ, напугавъ императрицу тѣмъ, что благоволеніе, оказываемое ею англійскому посланнику, безъ того встревожило представителей иностранныхъ державъ и могло повредить ея репутаціи безпристрастной монархини".

„На-дняхъ я имѣлъ серьезный разговоръ по этому поводу съ Орловыми", которые могли бы повліять на рѣшеніе императрицы; „они согласились со мною въ томъ, что они могли бы вновь пріобрѣсти благоволеніе императрицы, но присовокупили, что ея характеръ такъ сильно измѣнился, что они не увѣрены въ томъ, что имъ удастся сохранить это благоволеніе впредь, а подобный шагъ съ ихъ стороны, конечно, навлекъ бы на нихъ непріязнь великаго князя, съ которымъ для нихъ важно сохранить хорошія отношенія, такъ какъ они предвидятъ, что тревожное состояніе духа, въ которомъ находится постоянно императрица и ея образъ жизни должны сократить и преждевременно пресѣчь ея дни; поэтому они намѣрены теперь же отправиться въ Москву и жить тамъ въ полномъ уединеніи; но если бы въ нихъ встрѣтилась надобность, они всегда готовы вновь появиться при дворѣ, ибо хотя императрица совершенно измѣнила свое отношеніе къ нимъ, но они не могутъ позабыть всего, чѣмъ они ей обязаны".

Дѣло, возложенное на Гарриса, такимъ образомъ затянулось, и ему ничего не оставалось, какъ только наблюдать интимную жизнь двора, описанію которой посвящены многія изъ его депешъ.

Такъ напр. 7/18 августа 1779 г. онъ писалъ:

„При дворѣ нѣтъ ничего новаго. Каждый день ожидаютъ, что нѣкій Ціановъ замѣнитъ Корсакова. Но это событіе имѣетъ значеніе только для заинтересованныхъ лицъ. Оба они ставленники Потемкина, слѣдовательно, эта перемѣна только увеличитъ его авторитетъ и вліяніе, не затронувъ интересовъ общества".

Мѣсяцъ спустя (9/29 сент. 1779 г.) Гаррисъ пишетъ:

„При дворѣ не совершается, въ настоящее время, ничего особенно важнаго. Фаворитъ, вопреки ожиданію, сохраняетъ свое оффиціальное положеніе до сихъ поръ и хотя людская молва назначаетъ ему ежедневно новаго преемника, но Ея В. видимо не хочетъ давать новой пищи толкамъ. Паденіе и возвышеніе второстепенныхъ фаворитовъ не имѣетъ ровно никакого вліянія на общій ходъ придворной жизни, которой руководитъ кн. Потемкинъ; что касается его, то онъ сохраняетъ первое мѣсто въ довѣріи и уваженіи государыни. Онъ подчинялся прежде вліянію своей младшей племянницы, но съ

тѣхъ поръ какъ она вышла замужъ за кн. Голицына, старшая, Александра Энгельгардтъ. пріобрѣла надъ нимъ еще большее вліяніе. Это весьма симпатичная молодая женщина; она умна, замѣчательно ловко ведетъ придворныя интриги и отлично знаетъ цѣну подаркамъ. Ей уже удалось погубить графиню Брюсъ во мнѣніи императрицы, и ежели ея дядя не измѣнитъ своихъ чувствъ къ ней, то она сдѣлается, по всей вѣроятности, наперсницей государыни".

„Вчера утромъ (писалъ Гаррисъ 22 октября) Корсакову объявлена наконецъ отставка; генералу Бецкому было поручено сообщить ему о намѣреніи императрицы щедро обезпечить его, но въ то же время велѣно было передать непремѣнное желаніе государыни, чтобы онъ отправился путешествовать или женился. Его преемника зовутъ Ланскимъ; онъ уроженецъ Смоленской губерніи, кавалергардъ, и обратилъ на себя вниманіе въ бытность двора въ Петергофѣ. Потемкинъ, имѣвшій въ виду другого кандидата, тормозилъ его назначеніе до сегодняшняго дня, но изъявилъ наконецъ на это согласіе, получивъ, въ день своего рожденія, въ подарокъ 900 тысячъ рублей помѣстьями и деньгами. Ланской молодъ, хорошо сложенъ, и, говорятъ, человѣкъ очень покладистый. У него нѣсколько родныхъ и двоюродныхъ братьевъ, изъ коихъ большинство появится конечно при дворѣ. Это событіе усилило власть Потемкина, которую ничто не въ состояніи поколебать, если только онъ не женится на своей племянницѣ, Александрѣ Энгельгардтъ, о чемъ говорятъ при дворѣ, но это мало вѣроятно".

Ланской мѣсяца два спустя послѣ своего возвышенія опасно заболѣлъ; неизвѣстность относительно исхода его болѣзни такъ волновала Екатерину, что она ни о чемъ другомъ не могла думать, и на просьбу Гарриса объ аудіенціи Потемкинъ отвѣтилъ:

„Вы неудачно выбрали моментъ, у императрицы до того разстроены нервы, что она отказывается отъ всего, требующаго мало мальски усилія и напряженія вниманія. Ваши противники сумѣютъ воспользоваться этимъ обстоятельствомъ; графъ Панинъ, у котораго при дворѣ не мало тайныхъ агентовъ, сумѣетъ использовать его, чтобы преподать желательный ему совѣтъ. Въ настоящую минуту я не имѣю вліянія, тѣмъ болѣе, присовокупилъ онъ, что я рискнулъ посовѣтовать удалить изъ дворца фаворита, смерть котораго во дворцѣ могла бы причинить много непріятнаго".

Обстоятельства сложились такъ, что Гаррисъ до конца января не имѣлъ случая говорить съ Потемкинымъ и не могъ сообщить ему переданнаго ему Панинымъ отъ имени императрицы отвѣта на его ходатайство.

„Потемкинъ принялъ меня въ постели", пишетъ Гаррисъ. „Прочитавъ нѣсколько разъ отвѣтъ, продиктованный мнѣ графомъ Пани-

нымъ, и возвращая его мнѣ [1]), онъ сказалъ: „Таковъ всегдашній тонъ этого безпечнаго и тупого человѣка; холодныя увѣренія дружбы, отсутствіе логики и узость взгляда. Увѣряю васъ, присовокупилъ онъ, что „истинныя чувства императрицы переданы ложно; я не вижу въ этомъ изложеніи ничего, что бы она могла одобрить кромѣ послѣдняго параграфа. Правда, она отклоняетъ дѣлаемыя вами предложенія изъ боязни, въ общемъ не свойственной ея характеру, но вызванной текущими событіями; но ея отвѣтъ не могъ быть холоденъ и сдержанъ“.

„Я замѣтилъ на это: выгодно ли будетъ для Россіи, если въ отвѣтъ на дружественныя и конфиденціальныя предложенія англійскаго правительства ему будетъ данъ отвѣтъ, столь мало соотвѣтствующій желаніямъ англійскаго двора; быть можетъ, настанетъ день, когда взаимное положеніе державъ измѣнится, и Россія будетъ вынуждена, со своей стороны, искать дружескаго участія Англіи или прибѣгнуть къ ея услугамъ и т. д.“.

---

[1]) Вотъ текстъ этого отвѣта:

La sincérité des sentiments d'amitié de l'Impératrice pour le Roi et la nation de la Grande Bretagne, porte Sa Majesté Impériale à recevoir avec sensibilité toutes les ouvertures confidentielles qu'il plait à Sa Majesté Britannique de lui faire sur la situation présente de la guerre. Mais en même temps, elle se sent fort peinée de ne point pouvoire concilier sa façon de penser et ses désirs sur l'accélération de la paix, avec les ouvertures et les propositions que nous fait la Cour de Londres. L'impératrice aime la paix; elle désire ardemment que la Grande Bretagne en jouisse au plutôt; cependant Sa Majesté Impériale se tient convaincue que les démarches que la Cour de Londres lui propose pour l'accélerer, produiront, à coup sûr, *un effet tout à fait contraire*, vu qu'une proposition de paix, ou une médiation offerte, sans aucune condition conciliante, mais appuyée, au contraire, de démonstrations, doivent nécessairement produire un effet directement opposé au sentiment de l'Impératrice pour le roi et sa nation, et ne saurait manquer de provoquer les ennemis de la Grande Bretagne à une extension indéterminée de la guerre, en y enveloppant tout le continent de l'Europe.

Relativement au Traité d'Alliance proposé, l'Impératrice ne balance point de se tenir persuadée qu'on ne saurait cacher à l'èquité du roi, que le temps de la conclusion d'une alliance défensive n'est pas de sa nature, de l'état d'une guerre effective et surtout de la guerre présente, dont la cause a été de tout temps exclue des alliances entre la Russie et l'Angleterre, comme n'appartenant point à leur possessions respectives en Europe.

Au reste, Sa Majesté Impériale assure le roi, de la manière la plus forte, qu'elle persistera toujours dans ses sentiments pour lui, et pour la nation Britannique, et si la Cour de Londres pourra trouver quelques termes pour apprécier la base d'une reconciliation entre les puissances belligérantes, afin de prévenir une plus grande effusion de sang, et qu'elle jugera la participation de l'Imperatice utile aux intérêts de la Grande Bretagne, Sa Majesté Impériale se prêtera avec le plus grand empressement à s'y employer, avec le zèle et l'integrité d'une amie et allié naturelle de la Grande Bretagne.

Какъ разъ въ это время было получено извѣстіе о состоявшемся повелѣніи мадридскаго двора задерживать въ Кадиксѣ всѣ нейтральныя суда, шедшія въ Средиземное море, конфисковать ихъ грузы и продавать ихъ съ аукціона не только безъ вѣдома и согласія ихъ владѣльцевъ, но даже безъ вѣдома консуловъ. Объ этомъ Гаррисъ упоминалъ въ поданной имъ Потемкину запискѣ, какъ о доказательствѣ, чего можно было ожидать отъ Бурбоновъ, если бы Испанія пріобрѣла превосходство на морѣ, котораго она добивалась.

Прочитавъ это, Потемкинъ воскликнулъ: „Par Dieu vous la tenez; императрица ненавидитъ самоуправства и не допуститъ его на морѣ. Если это извѣстіе подтвердится, будьте увѣрены, мы не останемся безучастными зрителями военныхъ дѣйствій".

6 февраля было получено письмо отъ русскаго консула въ Кадиксѣ, сообщавшаго, что русское судно, которое шло подъ русскимъ флагомъ, съ грузомъ, въ Малагу было задержано, грузъ конфискованъ и проданъ съ аукціона, при чемъ съ командою обошлись крайне безчеловѣчно.

11 февраля Потемкинъ пригласилъ Гарриса къ себѣ и со свойственной ему стремительностью сказалъ: „отъ всего сердца поздравляю васъ; немедленно будетъ отдано приказаніе вооружить пятнадцать линейныхъ кораблей и пять фрегатовъ, которые должны уйти въ море раннею весною; хотя непосредственнымъ назначеніемъ ихъ будетъ защищать русскія торговыя суда envers et contre tous, но цѣль ихъ посылки — наказать испанцевъ, коихъ дерзость и самовольное поведеніе не можетъ долѣе быть терпимо императрицей".

„Эта мѣра принята единственно благодаря сдѣланному вами сообщенію. Графъ Панинъ все это скрылъ бы отъ нея". Посылка судовъ стóитъ самой энергичной деклараціи. „Теперь Англія можетъ считать, что къ ея флоту прибавилось двадцать судовъ; ибо хотя мы, быть, можетъ и не будемъ дѣйствовать совмѣстно съ вами, но, разумѣется, мы отвлечемъ вниманіе вашихъ враговъ".

На замѣчаніе англійскаго посланника, что это будетъ только покровительствомъ русской торговлѣ, Потемкинъ вышелъ изъ себя и сказалъ:

„Я только-что былъ у императрицы, и я передалъ это вамъ по ея личному приказанію; она велѣла мнѣ разыскать васъ, не теряя времени, ибо она знаетъ, что это доставитъ вамъ удовольствіе, кромѣ меня и васъ въ настоящую минуту объ этомъ планѣ никому не извѣстно".

Нѣсколько дней спустя, Гаррисъ имѣлъ честь ужинать съ императрицей у графа Строганова. Во время ужина императрица сказала Гаррису, что онъ причинилъ ей послѣднее время не мало душевной тревоги.

„Vous m'avez donné des insommnies, сказала она; прочитавъ бумаги, переданныя вами черезъ князя Потемкина, въ виду участія, которое я принимаю во всемъ, касающемся вашей страны, я перебирала мысленно всѣ средства помочь вамъ. Я готова сдѣлать все, чтобы быть вамъ полезной, *единственно, чего я не могу сдѣлать,—это вмѣшаться въ войну*, мнѣ пришлось бы нести отвѣтственность за подобный поступокъ передъ подданными, передъ моимъ преемникомъ, быть можетъ, передъ всей Европой". Я сталъ убѣждать императрицу, говоритъ Гаррисъ, въ томъ, что ея согласіе на мои предложенія не могло повлечь подобныхъ послѣдствій, но она остановила меня, сказавъ: Je sais déjà tout ce que vous pouvez me dire; cela a déjà fait essez d'impression sur moi; si j'étais plus jeune, je serais peut être moins sage. Я горячо желаю мира; вы можете увѣрить короля, вашего монарха, что если онъ захочетъ прибѣгнуть ко мнѣ для достиженія столь желанной цѣли, то онъ можетъ быть увѣренъ, что я буду дѣйствовать съ тѣмъ безпристрастіемъ, какое диктуетъ мнѣ моя симпатія къ его народу. „Я буду писать", присовокупила она, „его величеству сама въ этомъ духѣ, вы получите отъ меня отвѣтъ черезъ нѣсколько дней", и она перемѣнила разговоръ; немного погодя, обращаясь къ кому-то, она сказала: „qu'elle donnerait de l'argent aux pauvres de Pétersbourg si M-r Rodney venait à battre la flotte espagnole" (если Родней разобьетъ испанскій флотъ, то она дастъ денегъ въ пользу бѣдныхъ г. Петербурга).

Вскорѣ дѣйствительно было получено извѣстіе, что англійскій морякъ Родней, на пути въ Гибралтаръ, неожиданно столкнулся съ испанской эскадрой, которую онъ атаковалъ и разбилъ, а черезъ два дня нанесъ пораженіе испанскому флоту, крейсировавшему у мыса св. Вицента.

Вчера вечеромъ, сообщалъ Гаррисъ 21 февраля (3 марта) 1780 г., войдя въ комнату, императрица тотчасъ подошла ко мнѣ и сказала въ полголоса: „Я дѣлаю больше, чѣмъ я обѣщала; я не только даю бѣднымъ Петербурга 1000 рублей, но я даю сегодняшній балъ по случаю побѣды, одержанной Роднеемъ".

„Въ этихъ стѣнахъ, продолжала она, намекая на правила, соблюдавшіяся въ Эрмитажѣ, всѣ должны быть откровенны и искренны, поэтому я не скрою отъ васъ своего удовольствія по этому поводу,

хотя я высказываю это вамъ не какъ русская императрица англійскому посланнику, а какъ другъ Англіи говорилъ бы съ добрымъ англичаниномъ, и мои слова не должны быть переданы въ вашихъ оффиціальныхъ депешахъ".

„Послѣ этого императрица почти весь вечеръ удостоивала меня бесѣдой; а когда мои коллеги и прочіе приглашенные сѣли за ужинъ съ великимъ княземъ и великой княгиней, она разрѣшила мнѣ раздѣлить ея скромную трапезу, поданную на ломберномъ столѣ".

Знаки особаго вниманія и благоволенія, оказываемые Гаррису императрицей и Потемкинымъ, вводили его въ заблужденіе, и онъ часто предавался оптимистическимъ надеждамъ, которымъ не суждено было сбыться.

Между тѣмъ частыя свиданія и переговоры его съ императрицей и Потемкинымъ возбудили неудовольствіе французскаго и испанскаго повѣренныхъ въ дѣлахъ при петербургскомъ дворѣ, и они явились къ Потемкину для объясненія; чтобы придать своимъ словамъ больше вѣса, де-Корберонъ вытащилъ изъ кармана бумажку и прочелъ по ней, сколько разъ Гаррисъ видѣлся съ княземъ Потемкинымъ, и о чемъ по его предположенію они бесѣдовали. Потемкинъ, недовольный, этимъ разговоромъ, вышелъ изъ себя и, ничего не отвѣтивъ, поспѣшно всталъ и сказалъ, что онъ занятъ. Корберонъ положилъ бумажку на столъ и ушелъ.

На другой день Потемкинъ, услыхавъ, что Корберонъ хвастался тѣмъ, что онъ запугалъ Потемкина, сказалъ: „онъ и въ самомъ дѣлѣ хотѣлъ запугать меня; и принялъ мое негодованіе за страхъ".

Между тѣмъ и король прусскій, знавшій черезъ Панина обо всемъ, происходившемъ при петербургскомъ дворѣ, былъ взволнованъ домогательствами Гарриса и писалъ графу Герцу de tout tenter pour écraser un ministre ingrat, qu'il avait comblé de ses bontés à Berlin, и вскорѣ Гаррисъ узналъ, что королемъ были сдѣланы шаги къ тому, чтобы перетянуть на свою сторону всесильнаго Потемкина.

„Если окажется, писалъ по этому поводу Гаррисъ, что на преданность моего друга [1]) нельзя болѣе разсчитывать, и что его успѣли поколебать какими-либо прямыми или косвенными обѣщаніями, то я сочту себя въ правѣ дѣйствовать тѣмъ же путемъ; ибо, если онъ только подпадетъ подъ вліяніе Пруссіи, и если ей удастся его за-

[1]) Т. е. Потемкина.

добрить, то намъ придется отказаться отъ всякой надежды на успѣхъ, и благопріятная для насъ конъюнктура обратится противъ насъ. Но не слѣдуетъ забывать, что я имѣю дѣло съ человѣкомъ неимовѣрно богатымъ, который прекрасно понимаетъ значеніе того, чего мы добиваемся, и который можетъ польститься на деньги только изъ жадности, отнюдь не изъ-за нужды. Онъ можетъ, пожалуй, потребовать столько же, сколько Торси предлагалъ безуспѣшно Марльборо" [1]).

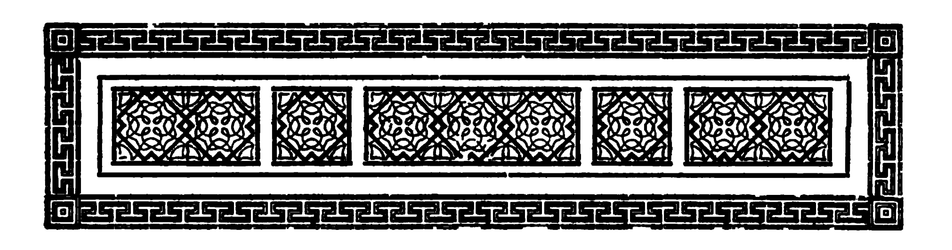
Сообщ. В. Т.

(Продолженіе слѣдуетъ).

---

[1]) Посланникъ Людовика XIV въ Гагѣ, де-Торси, желая склонить на сторону Франціи герцога Марльборо, предлагалъ ему, въ маѣ мѣсяцѣ 1709 г., два милліона франковъ.

Жизнь и литературная дѣятельность П. А. Плетнева.

I.

Свѣдѣнія относительно происхожденія Петра Александровича Плетнева и первыхъ лѣтъ его жизни крайне скудны. Только недавно изданная переписка его съ Я. К. Гротомъ даетъ намъ нѣкоторыя указанія, но и они отличаются отрывочностью и самымъ общимъ характеромъ. Прежніе біографы не знаютъ мѣста его рожденія и разногласятъ въ показаніяхъ о времени появленія его на свѣтъ. Главный свидѣтель жизни Плетнева, его другъ Я. К. Гротъ, на сообщеніяхъ котораго основываются другіе, говоритъ, что Плетневъ родился въ Бѣжецкомъ уѣздѣ, Тверской губерніи [1]). Хотя справедливо то, что Плетневъ былъ тверякъ, однако въ указанной перепискѣ находимъ болѣе точное извѣстіе. „Мѣсто моего рожденія", пишетъ Плетневъ Гроту, „самая Тверь, какъ я, помнится, и говорилъ тебѣ" [2]). Впрочемъ, можетъ быть, родившись въ Твери, Плетневъ дѣтство свое провелъ въ уѣздѣ.—Что касается времени рожденія Плетнева, то Гротъ относитъ его къ 10 августа 1792 года [3]). Геннади же, въ „Справочномъ словарѣ о русскихъ писателяхъ", датируетъ рожденіе Плетнева 10 сентября 1798 года [4]). Цифра Грота вѣрнѣе, потому что сходится

---

[1]) «Труды» Я. К. Грота. Изд. К. Я. Грота. Спб. 1901. Т. III, стр. 288—изъ отчета И Академіи Наукъ за 1865 г. Еще «Труды», III, стр. 308. Для издающагося нынѣ «Русскаго Біографическаго Словаря» написана біографія Плетнева К. Я. Гротомъ, на основаніи матеріала изъ бумагъ Плетнева, полученныхъ имъ отъ отца. Спб. 1902.

[2]) «Переписка Я. К. Грота съ П. А. Плетневымъ». Изд. подъ ред. К. Я. Грота. Спб. 1896, т. III, стр. 400.

[3]) «Труды», III, 288. «Переписка», II, стр. 952, 820.

[4]) Р. Архивъ. 1867 г. стр. 971.

съ другими указаніями,—напримѣръ, въ письмѣ къ Жуковскому отъ 17 февраля 1838 года Плетневъ считаетъ себѣ 40 лѣтъ [1]).

Естественно было бы ожидать получить свѣдѣнія о дѣтствѣ Плетнева изъ огромной переписки его съ Гротомъ. Но, какъ уже замѣчено, находимое тамъ не оправдываетъ ожиданій. Причину этого можно видѣть, съ одной стороны, въ томъ довольно своеобразномъ взглядѣ Плетнева на переписку, въ силу котораго онъ считаетъ самымъ важнымъ перечислять всѣ внѣшніе факты текущей повседневной жизни, чего требуетъ и отъ друга. Отсюда большинство сообщеній Плетнева носитъ чисто внѣшній характеръ: гдѣ онъ обѣдалъ, пилъ чай и кофе и проч. и проч. И это въ каждомъ письмѣ, особенно первой половины переписки. Интересно читать пикировку друзей по этому поводу, которая идетъ отчасти въ первомъ томѣ и по всему второму тому [2]). Въ силу такого взгляда на переписку Плетневъ не считалъ интереснымъ сообщать другу свѣдѣнія изъ своего прошлаго. Съ другой стороны, Плетневъ, можетъ быть, не любилъ и самъ припоминать свое дѣтство, въ которомъ онъ не находилъ такихъ событій, на которыхъ ему было бы пріятно остановиться. Онъ съ удовольствіемъ помянулъ бы прошедшее добромъ, но такъ какъ сдѣлать этого не могъ—въ противоположность Гроту—то и предпочиталъ совсѣмъ отъ него отказываться. Такъ, онъ разсказываетъ женѣ о времени *послѣ выхода изъ института* [3]), а Гроту пишетъ въ 1845 году: „Какъ интересны и какъ для меня драгоцѣнны ея“ (Каролины Ивановны, матери Грота) „разсказы о твоемъ дѣтствѣ! У меня ничего нѣтъ подобнаго. Ни собственная память моя, ни бумаги мои не удержали ничего изъ лѣтъ, давно минувшихъ“ [4]).

Этими соображеніями приходится объяснять незначительность сообщаемыхъ перепискою свѣдѣній. Постараемся выбрать изъ нея, что можно. О родителяхъ Плетневъ нигдѣ не упоминаетъ ни полсловомъ. Объ отцѣ его мы знаемъ только имя—изъ отчества Петра

---

[1]) «Сочиненія и переписка П. А. Плетнева». Спб. 1885, т. III. См. также «Переписку» съ Гротомъ, II, 693, гдѣ говорится, что Плетневу во время пребыванія его въ Педагогическомъ Институтѣ было 18 лѣтъ. Въ секретномъ донесеніи о Плетневѣ отъ 16 апр. 1826 г. читаемъ: ...«отъ роду 33 года»...—Гротъ. «Пушкинъ, его лицейскіе товарищи и наставники», стр. 255. Тоже «Труды Грота» III, 255, вторая пагинація. Оказывается, что цифра 1798, какъ годъ рожденія, указана самимъ Плетневымъ въ автобіографическихъ замѣткахъ. Это сообщено намъ К. Я. Гротомъ, который называлъ это «страннымъ затменіемъ».

[2]) «Переписка» I. 480, 596, 606 и др. II, 26, 34 и т. д.

[3]) Ib. II, 530.

[4]) Ib. II, 511.

Александровича, о матери же—и того не осталось. Біографы говорятъ, что Плетневъ происходилъ изъ духовнаго званія [1]), былъ сынъ бѣднаго сельскаго священника [2]). Судя по словамъ Плетнева въ одномъ письмѣ Гроту, что онъ „росъ между чужими", и что „съ рожденія былъ одинокъ и никѣмъ не взысканъ по сердечному влеченію" [3]), можно предполагать, что на его долю выпало тяжелое сиротство. Болѣе ясныхъ фактическихъ указаній ни одно письмо не даетъ, а то, что можно почерпнуть, представляетъ изъ себя нѣкоторыя данныя, свидѣтельствующія о душевныхъ впечатлѣніяхъ юнаго Плетнева, по существу довольно однообразныхъ и съ общимъ характеромъ безотрадности. Въ письмѣ отъ 24 февраля 1842 года Плетневъ пишетъ: „твое описаніе дѣтства живо и восхитительно. Но это не картина моего дѣтства. Ты былъ счастливѣе меня. Я провелъ свое дѣтство безъ развитія, безъ впечатлѣній, безъ поэзіи. Можетъ быть, въ 19 лѣтъ я еще походилъ на чурбанъ, который валяется на землѣ. Что дѣлать? Таковы были обстоятельства моего лучшаго для другихъ и ничтожнѣйшаго для меня времени. Потому-то я и не понимаю дѣтскихъ идей; онѣ моей души не озарили. Я ни слова не умѣю написать по понятіямъ дѣтскимъ, потому что мои мнѣ остались неизвѣстны". Затѣмъ, въ письмѣ слѣдующаго мѣсяца Плетневъ пишетъ Гроту: „моя первая жизнь, почти до 20 лѣтъ, представляетъ совершенный образъ прозябаемости" [4]). Въ письмѣ отъ 15 августа 1845 года читаемъ: „благодарю за новыя черты изъ дѣтства твоего. Нетерпѣливость твою я еще засталъ частію. Какія, бывало, бури поднимались у насъ, во время перваго знакомства, при спорахъ. Но какъ опыты и размышленія умудрили тебя. Во мнѣ ничего подобнаго не было оттого, что я росъ какъ-то одиноко, весь закрытый въ себѣ. Къ животнымъ никогда не открывалась во мнѣ такая страсть, какъ въ тебѣ. Но созерцаніе природы вообще было, есть и пребудетъ моею исключительною склонностью, особенно объ руку съ кѣмъ-нибудь, чувствующимъ по-моему". Такого же тона воспоминаніе, въ письмѣ Гроту въ томъ же году и мѣсяцѣ; кромѣ того, однако, есть болѣе интересная подробность о начаткахъ позднѣйшихъ влеченій Плетнева. „Первыя лѣта моей жизни", пишетъ онъ, „такъ безцвѣтны, что я самъ ихъ не помню. Выросъ я между чужими. Всегда мнѣ чужды были забавы и удовольствія моихъ товарищей. Единственная потребность, господство-

[1]) Ср. Секретное донесеніе, гдѣ говорится, что Плетневъ поступилъ «изъ духовнаго званія въ Спб. Педагогическій Институтъ».

[2]) Гербель «Русскіе поэты».

[3]) «Переписка» II, 530, 477.

[4]) Ib. I, 501.

вавшая въ душѣ моей, была любовь: ребенкомъ я любилъ тѣхъ изъ дѣтей, которыя были хорошенькія. Это странное врожденное стремленіе къ красотѣ до сихъ поръ меня преслѣдуетъ". Еще имѣемъ одно воспоминаніе изъ дѣтской жизни, но оно тоже незначительно. Всѣ впечатлѣнія, которыя производила на Плетнева въ дѣтствѣ церковная служба, заключены имъ въ слѣдующемъ краткомъ выраженіи въ письмѣ Гроту отъ 3 апрѣля 1846 года. Гротъ ему пишетъ ранѣе о своихъ чувствахъ, которыя онъ испытывалъ въ протестантскомъ храмѣ за службой во время поста, и говоритъ о каѳедрѣ, заунывной музыкѣ, проповѣди. Плетневъ на это отвѣчаетъ: „всѣ ощущенія дѣтства твоего въ церкви и мною испытываемы были, особенно въ великій постъ. Въ напѣвѣ и особенно въ смыслѣ стиховъ, которые у насъ поются, чудная поэзія. Она равняется только поэзіи служенія, бывающаго при отпѣваніи покойниковъ". И только! Распространиться болѣе Плетневъ почему-то не счелъ интереснымъ, а просто сблизилъ православную службу съ протестантской, которая не имѣетъ почти никакого сходства съ первой.

Этими выдержками ограничиваются всѣ наши свѣдѣнія о дѣтскихъ годахъ жизни Плетнева. Конечно, отсюда нельзя вывести какихъ-нибудь вполнѣ вѣрныхъ и цѣлостныхъ заключеній объ этомъ періодѣ его жизни. Можно предположить, что обстоятельства задерживали умственное развитіе Плетнева; но несомнѣнно то, что умственный голодъ не помѣшалъ эстетическимъ наклонностямъ его заявить себя въ самомъ раннемъ дѣтствѣ. Не заглушили неблагопріятныя обстоятельства и того чувства любви и привязанности, которое констатируетъ Плетневъ въ себѣ въ эту раннюю пору, и которое онъ проявилъ потомъ во всей силѣ по отношенію къ своимъ великимъ друзьямъ.

Относительно учебныхъ лѣтъ Плетнева мы можемъ узнать изъ источниковъ еще меньше. Біографы Плетнева показываютъ, что онъ учился въ Тверской духовной семинаріи. Но когда онъ поступилъ туда, долго ли тамъ учился, все это покрыто „мракомъ неизвѣстности". Скабичевскій въ своей статьѣ о Плетневѣ [1]), разбирая написанную Плетневымъ біографію товарища его, Георгіевскаго [2]), предполагаетъ возможнымъ видѣть въ ней нѣкоторыя автобіографическія черты. „Судя по біографическимъ свѣдѣніямъ", говоритъ Скабичевскій, „и тому горячему тону, съ которымъ написана статья, можно предполагать, что прежде времени умершій отъ чахотки

---

[1]) «П. А. Плетневъ». В. Е. 1885, VI.

[2]) «Сочиненія и переписка Плетнева» I, 1—12: «Извѣстіе объ Иванѣ Георгіевскомъ, авторѣ романа «Евгенія» (1818 г.).

Иванъ Георгіевскій былъ товарищъ Плетнева и по семинаріи, и по Педагогическому институту, другъ его дѣтства, къ которому онъ питалъ самыя нѣжныя чувства. Конечно, онъ подразумѣваетъ, между прочимъ, и себя въ числѣ товарищей Георгіевскаго въ слѣдующихъ строкахъ біографіи: „Характеръ его" (Георгіевскаго), говоритъ Плетневъ, „рано принялъ то направленіе, отъ котораго никогда не уклонялся. Пусть себѣ представятъ его пятнадцати-шестнадцати лѣтъ—во власти людей, державшихся еще деспотическихъ правилъ Аристотеля: окруженный безотвѣтными товарищами, онъ отваживается свободно открывать свои мысли, требуетъ или удовлетворительнаго рѣшенія, или права на скромное сомнѣніе. Дѣтскія забавы не доставляли ему радостей [1]). Обыкновенно небольшое общество его пріятелей находило одно удовольствіе въ прогулкахъ по прекраснымъ берегамъ Волги. Этотъ вкусъ онъ такъ умѣлъ усилить въ кругу своемъ, что никто изъ друзей его не хотѣлъ показываться дитятею. Никогда не могъ онъ послѣ вспомнить безъ особеннаго чувства о тѣхъ товарищахъ, которые раздѣляли съ нимъ дѣтскія его мечтанія". Далѣе Плетневъ пишетъ, что „всѣ семинаріи до нынѣшняго своего преобразованія [2]) доставляли большею частію одни познанія въ древней словесности. Кто познакомится съ языками Омера, Виргилія, тотъ почти всегда дѣлается къ нимъ пристрастнымъ: таково слѣдствіе ихъ очаровательности. Георгіевскій столько любилъ заниматься древними классиками, что въ одномъ мѣстѣ и свою Евгенію заставляетъ поклоняться Омеру—странность, вѣроятно въ глазахъ его такъ же непримѣтная, какъ если бъ онъ заставилъ ее поклоняться Расину. Онъ не довольствовался однимъ чтеніемъ древнихъ: въ минуты восторга самъ покушался стихотворствовать на языкѣ римлянъ" [3]).

Изъ словъ Плетнева видно, что онъ учился въ дореформенной семинаріи. Извѣстно, что старая семинарія была погружена въ схоластику, и была, по общему характеру, риторико-лингвистической.

Какъ уже сказано, мы не знаемъ, сколько времени учился Плетневъ въ семинаріи. Въ біографіи Георгіевскаго Плетневъ сообщаетъ, что товарищъ его провелъ тамъ семь лѣтъ. Можетъ быть, что и Плетневъ оставался тамъ столько же времени, если разсуждать на основаніи тѣхъ же товарищескихъ отношеній между ними. Въ виду того, далѣе, что товарищи поступили изъ семинаріи въ Педагогическій институтъ, представляется вѣроятнымъ, что, не на-

---

[1]) Ср. выдержку изъ Переписки на стр. 4.

[2]) Т. е. до 1808 г.

[3]) «Соч. и переп. Плетнева», I, 2.

мѣреваясь идти по духовной службѣ, они и не учились въ послѣднемъ богословскомъ классѣ, т. е. послѣдніе два года. Такой порядокъ поступленія семинаристовъ въ высшія учебныя заведенія, прежде окончанія полнаго курса семинаріи, прекратился только въ недавнее время. Мало того: наши друзья могли выйти изъ семинаріи и еще ранѣе, въ виду того спроса, который существовалъ въ тогдашнихъ свѣтскихъ учебныхъ заведеніяхъ на учениковъ, и который удовлетворялся очень часто именно духовными воспитанниками. Еще лѣтъ 50 тому назадъ бывали случаи, когда изъ столицы шелъ запросъ въ семинарію—набрать извѣстное количество учениковъ для того или иного учебнаго заведенія, и не всегда находились охотники бросить проторенную отцами дорогу. Кандидатовъ набирали изъ разныхъ классовъ, не исключая и риторики — младшаго класса семинаріи, питомцы котораго часто достигали „возраста совершенна". Поэтому Георгіевскій и Плетневъ могли не учиться и въ философскомъ классѣ, а прямо поступить изъ риторики въ институтъ [1]).

Конечно, все это принадлежитъ къ области догадокъ. Къ числу фактовъ относится только сообщеніе Плетнева, что онъ привезенъ былъ въ 1811 году въ С.-Петербургскій Педагогическій институтъ [2]), значитъ когда ему было уже около 18 лѣтъ. Выраженіе, „меня привезли", употребленное Плетневымъ, можетъ, кажется, обозначать, что выборъ этотъ не былъ совершенно самостоятельнымъ и не явился слѣдствіемъ особаго желанія быть наставникомъ юношества. О колебаніяхъ своихъ при поступленіи въ учебное заведеніе онъ пишетъ и Гроту въ 1845 г.: „я хотѣлъ первоначально поступить въ Медицинскую академію, но одинъ родственникъ отговорилъ меня. Когда я рѣшился идти въ Педагогическій институтъ, то всѣ нашли это очень выгоднымъ" [3]).

Объ этомъ періодѣ учебныхъ лѣтъ Плетнева наши свѣдѣнія опять сбивчивы, да и о самомъ институтѣ мало имѣется систематизированныхъ извѣстій. Въ немъ преподавались слѣдующія науки: чистая и прикладная математика, логика, метафизика, нравоучительная философія, географія, естественная исторія, всеобщая и

[1]) Догадка о томъ, что Плетневъ поступилъ въ Институтъ изъ философскаго класса, оправдывается указаніемъ статьи: «Духовныя семинаріи и искусства». (Прав. Р. Слово, 1902, № 6, стр. 448), гдѣ говорится, что Плетневъ принадлежалъ къ выпуску Тверской семинаріи 1813 года, значитъ, вышелъ изъ философскаго класса. Мы не имѣли возможности провѣрить это сообщеніе. Ср. «Странникъ» 1860 г. біографія ѳ. Константиновскаго или «Гражданинъ» 1874 г. № 4, восп. Т. И. Филиппова.

[2]) Въ статьѣ: «И. А. Крыловъ» (1845). Соч. и переп. II, стр. 12.

[3]) «Переписка» II, 530.

русская исторія, химія, опытная физика, политическая экономія и коммерческія науки, сельское домоводство, эстетика, языки и словесности: латинская, нѣмецкая и французская, рисованіе и черченіе, Въ 1806 г. были прибавлены права естественное и публичное, а въ 1811—Законъ Божій, права уголовное и римское и греческая словесность [1]). Курсъ былъ трехлѣтній, при чемъ первые два года студенты обязаны были слушать всѣ предметы преподаванія, а въ послѣдній, третій годъ занимались уже преимущественно избранными ими спеціальными предметами и, сверхъ того, изучали, подъ руководствомъ профессоровъ, способы преподаванія [2]). Какъ свидѣтельствуетъ самъ Плетневъ въ своей статьѣ по случаю двадцатипятилѣтняго юбилея Спб. университета, въ продолженіе 13 лѣтъ своего существованія (1804—1817) институтъ далъ три выпуска учителей [3]). Изъ нихъ первый сдавалъ свой окончательный экзаменъ въ 1807 году, 4 сент., въ присутствіи самого Императора, три часа выслушивавшаго отвѣты воспитанниковъ [4]). Плетневъ же поступилъ въ 1811 году, когда былъ выпущенъ второй выпускъ, въ которомъ между прочимъ находился и К. И. Арсеньевъ, бывшій потомъ профессоромъ въ Спб. университетѣ [5]). Такимъ образомъ, Плетневъ попалъ въ число воспитанниковъ третьяго и послѣдняго выпуска. Здѣсь мы встрѣчаемся съ любопытнымъ обстоятельствомъ. Объ этомъ III выпускѣ мы узнаемъ слѣдующее: „ученіе по уставу продолжалось три года, но, за малоуспѣшностью учащихся, затягивалось и до шести лѣтъ (напр. 1811—1817)“ [6]). По этому извѣстію Плетневъ, такимъ образомъ, долженъ былъ кончить курсъ въ 1817 году, достигнувъ 24-лѣтняго возраста. Въ пользу того, что въ 1816 году онъ еще самъ учился въ институтѣ, онъ даетъ косвенное доказательство въ своей статьѣ о Крыловѣ. Для ясности приведемъ его слова о томъ, въ какой обстановкѣ онъ увидѣлъ въ первый разъ Крылова. „Наступаетъ время“, говоритъ Плетневъ, „съ котораго говорить о Крыловѣ становится мнѣ удобнѣе, потому что многое изъ того удалось самому мнѣ видѣть. Это 1811 годъ. Меня привезли тогда въ С.-Петербургъ—и хоть изъ казеннаго заведенія, въ которое помѣстили меня, труд-

---

[1]) Энциклопедическій Словарь изд. Брокгауза и Эфрона. «Главный Педагогическій Институтъ», 16 полут., стр. 787 и слл.

[2]) Журн. Мин. Нар. Пр. 1865, ч. CXXVI: «О приготовленіи учителей для гимназій и прогимназій», стр. 22 и слл.

[3]) «Первое двадцатипятилѣтіе С.-Петербургскаго Университета» Спб., 1844, стр. 7.

[4]) Ib. стр. 8.

[5]) «Труды Грота» III, 284.

[6]) Энциклопедическій Словарь l. c.

новато было находить доступъ къ свѣту, но мнѣ посчастливилось посмотрѣть на Крылова въ одну изъ лучшихъ для него эпохъ. Послѣдовало открытіе Императорской Публичной Библіотеки. Нѣсколько лѣтъ ежегодно праздновали это событіе торжественнымъ публичнымъ собраніемъ, и каждый разъ учреждалось тутъ чтеніе новыхъ сочиненій замѣчательнѣйшихъ въ то время литераторовъ. Въ первый разъ увидѣлъ я Крылова, когда онъ читалъ въ этомъ собраніи только-что написанную имъ басню „Похороны". „Гнѣдичъ", говоритъ тутъ же Плетневъ, „читалъ въ упомянутомъ собраніи свою небольшую поэму „Рожденіе Омера" [1]). Первое торжественное собраніе по случаю открытія Публичной Библіотеки происходило 2-го янв. 1814 г.; здѣсь Крыловъ читалъ басню „Водолазы"; „Похороны" же относятся къ 1816 году. Поэма Гнѣдича написана въ томъ же году. Значитъ, описываемое Плетневымъ торжественное собраніе происходило никакъ не ранѣе 1816 г.,—собраніе, на которое Плетневу посчастливилось попасть изъ стѣнъ казеннаго заведенія.

Но въ послужномъ спискѣ Плетнева читаемъ: „Опредѣленъ изъ студентовъ Педагогическаго института учителемъ словесности въ Екатерининскій институтъ 1814 г. мая 23; назначенъ учителемъ словесности въ Патріотическій институтъ 1814 г. ноября 12; назначенъ учителемъ словесности въ Павловскій кадетскій корпусъ 1815 г. генваря 10. За отличную службу утвержденъ въ чинѣ титулярнаго совѣтника по Екатерининскому институту 1816 года, апрѣля 8".

Трудно согласить эти разнорѣчивыя показанія. Можно предположить—хотя это будетъ довольно смѣло—что Плетневъ былъ назначенъ учителемъ еще въ то время, когда онъ не пересталъ быть воспитанникомъ института. Въ прежнее время часто случалось, что ученики старшихъ классовъ преподавали въ младшихъ. Могло случиться и съ Плетневымъ такъ, что онъ, будучи студентомъ, давалъ въ то же время уроки въ указанныхъ учебныхъ заведеніяхъ. Но едва-ли не съ большей основательностью можно отнести подробности посѣщенія Плетневымъ собраній Публичной Библіотеки—на долю его „странныхъ затменій" (см. примѣчанія), а изъ сообщенія „Энц. Словаря" о 6-лѣтнемъ курсѣ Пед. инст. 1811 по 1817 г.—сдѣлать исключеніе для Плетнева, т. е. что онъ, какъ лучшій студентъ, былъ выпущенъ черезъ 3 года.

Что дало Плетневу семинарское и институтское образованіе? На этотъ вопросъ даетъ отвѣтъ самъ онъ, что учебные годы прошли для него безъ значенія, что они не дали ему почти никакого

---

[1]) «Соч. и переписка», II, 12—13.

духовнаго имущества. „Хотя между товарищами“, пишетъ онъ Гроту въ письмѣ отъ 25 авг. 1845 г. „почитали меня отлично хорошимъ ученикомъ, но я былъ всегда лѣнивъ: не любилъ ничего учить, особенно наизусть; всякое дѣло откладывалъ и надѣялся на удачу, которая къ удивленію не измѣняла мнѣ. Даже въ институтѣ я ничего основательно не узналъ. На экзаменахъ попадалось мнѣ все что-то легкое. Одной математикѣ учился я нѣсколько времени со страстію, особенно стереометріи. Только опредѣлившись учителемъ исторіи и ариѳметики въ Екатерининскій институтъ, почувствовалъ я необходимость заниматься внимательно“. Но если даже не видѣть въ этихъ словахъ преувеличенія скромности, то и тогда большую долю вины можно возложить не столько на самого Плетнева, сколько на самую постановку учебнаго дѣла въ воспитывавшихъ его учебныхъ заведеніяхъ. Не говоря о семинаріи, могъ ли институтъ дать основательныя свѣдѣнія и сообщить любовь къ знанію, при томъ многочисленномъ количествѣ предметовъ, которое мы указывали? Съ другой стороны, уже въ то время начала обнаруживаться реакція либеральному направленію царствованія, поведшая впослѣдствіи, напримѣръ, къ извѣстнымъ подвигамъ Магницкаго въ Казани.

Правда, Плетневъ съ удовольствіемъ вспоминаетъ о нѣкоторыхъ изъ своихъ институтскихъ преподавателей, но о немногихъ. Такъ, о Балугьянскомъ, уроженцѣ Карпатской Руси, у котораго онъ слушалъ политическую экономію и науку о финансахъ, онъ отзывается такимъ образомъ: „Онъ былъ профессоръ истинно вдохновенный! Ни однимъ языкомъ хорошо не владѣя, никогда онъ не затруднялся, говоря на всѣхъ живо, скоро и по-своему, но въ то же время увлекательно [1]). Другого учителя, Грефе, Плетневъ называетъ только „знаменитымъ въ классической литературѣ профессоромъ“ [2]).

Но если Плетневъ долженъ былъ уже по выходѣ изъ института восполнять недочеты своего образованія самостоятельными занятіями, то о жизни чувства можно сказать, что она текла въ немъ, безпрепятственно развиваясь. Ни семинарія, ни вообще духовное происхожденіе не оставили, какъ свидѣтельствуетъ Гротъ, никакихъ рѣзкихъ слѣдовъ, ни во внѣшнемъ его существѣ, ни во взгля-

---

[1]) «Переписка», III, 45. Балугьянскій умеръ въ 1847 г. Онъ былъ первымъ ректоромъ Спб. университета.

[2]) Ib. III, 564. Въ «Дневникѣ» Никитенко о немъ читаемъ такую замѣтку: «страшный Грефе, бичъ всѣхъ малосвѣдущихъ въ латыни студентовъ, вернулся изъ Германіи». Т. I, 201, 1826 годъ.

дахъ и сужденіяхъ [1]). Семинарія поддерживала его нравственныя качества, можетъ быть, благодаря вліянію такихъ товарищей, каковъ былъ описываемый имъ Георгіевскій, а можетъ быть также и тогдашнему свободному режиму. О его нѣжномъ и чуткомъ сердцѣ много говоритъ слѣдующее воспоминаніе, сообщаемое Плетневымъ Гроту, по поводу занятій съ одной дѣвушкой: „это было золотое время: мнѣ было 18 лѣтъ, Жозефинѣ—16. Мы оставались всегда только двое въ прелестной ея комнаткѣ и безпрестанно оба краснѣли, не понимая сами отчего... Она была удивительное созданіе по красотѣ души, сердца и тѣла". Дѣвушка эта вскорѣ умерла отъ несчастной случайности: она вывалилась изъ окна. „Я и теперь", продолжаетъ Плетневъ, „не могу вспомнить о ней безъ сердечнаго трепета и участія" [2]). Благодаря развитію чувства, хотя бы и на счетъ интеллектуальной дѣятельности, Плетневъ пристрастился къ поэзіи и потомъ усовершенствовался въ знаніи поэтическихъ произведеній настолько, что, какъ самъ говорилъ, зналъ у любимыхъ поэтовъ „до малѣйшаго оттѣнка всякій эпитетъ или другое что" [3]). Эта же сердечная отзывчивость сыграла немаловажную роль въ его послѣдующей жизни и дѣятельности и была, безъ сомнѣнія, причиною тѣснаго сближенія Плетнева съ тогдашними корифеями русской литературы. Плетневу безъ труда удалось это сближеніе, и, въ благодарность за общеніе съ представителями любимой для него эстетической стихіи, онъ постарался обратить на нихъ весь жаръ своего пылкаго сердца. Судьба, какъ нельзя болѣе, благопріятствовала Плетневу въ этомъ отношеніи: въ 1817 г. кончилъ свое школьное образованіе Пушкинъ, получившій, такимъ образомъ, возможность свободно заявить себя на поэтическомъ поприщѣ, до этого ставъ уже извѣстнымъ своими лицейскими стихотвореніями.

II.

Жизнь и дѣятельность Плетнева по выходѣ изъ института не представляетъ сколько-нибудь рѣзкихъ переходовъ, чтобы можно было говорить о различныхъ по внутреннему характеру періодахъ его дѣятельности. Она текла по одному руслу, иногда лишь ослабѣвая, иногда усиливаясь. Но для удобства изслѣдованія намѣтимъ нѣкоторыя внѣшнія грани. Прежде всего, можно отдѣлить время до 1832 года, года избранія его въ профессоры С.-Петербургскаго уни-

[1]) «Труды» III, 296.
[2]) «Переписка» II, 693.
[3]) Ib. I, 280.

верситета. Это—періодъ пріобрѣтенія литературныхъ знакомствъ и начала его дѣятельности, стихотворной и критической. Съ 32 г по 46—періодъ профессуры и изданія „Современника“. Наконецъ—до 65 г. — послѣдніе годы его жизни. — При этомъ намъ конечно, нельзя будетъ не выступить изъ однихъ предѣловъ въ другіе,—при разсмотрѣніи нѣкоторыхъ сторонъ жизни Плетнева, отмѣчавшихъ собою болѣе продолжительные промежутки времени, чѣмъ нами указанные,—если этимъ будетъ достигаться большая цѣльность обзора.

Въ 1814 г. Плетневъ вступилъ на педагогическое поприще Сначала онъ сдѣлался по его собственнымъ словамъ (см. выше) учителемъ исторіи и ариѳметики, а по послужному списку—словесности въ Екатерининскомъ женскомъ институтѣ. Здѣсь-то почувствовалъ онъ необходимость заниматься самому внимательнѣе и о результатахъ своихъ стараній говоритъ онъ такимъ образомъ: „въ короткое время я такъ постигнулъ способъ преподавать занимательно и успѣшно исторію, что Шторхъ (Андрей Карловичъ, вице-президентъ академіи наукъ, извѣстный ученый, ум. 1835), послѣ присутствія на моемъ урокѣ написалъ императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ: „Madame, j'ai trouvé un tresor dans notre Institut c'est m-r Pletneff“ [1]). Секретное донесеніе полиціи (см. о немъ ниже) показываетъ, что Плетневъ поступилъ въ 1814 г. учителемъ въ Военно-сиротскій домъ, „и съ сего времени“, прибавляется тамъ, „продолжаетъ (писано въ 1826 г.) въ ономъ службу съ отличнымъ усердіемъ“. Этотъ Военно-сиротскій домъ, или отдѣленіе [2]), должно быть, то же самое, что и Екатерининскій Институтъ. Онъ находился у Обуховскаго моста, гдѣ и жилъ Плетневъ до 1839 г., въ домѣ Агаѳоклеи Марковны Сухаревой, извѣстной всему Петербургу. Пушкинъ иногда адресовалъ письма Плетневу:—„у Обухова мосту, въ домѣ г-жи Сухаревой башни“[3]). Плетневъ не любилъ названія „Военно-сиротское отдѣленіе“ и просилъ Пушкина „ради Бога“; чтобы тотъ писалъ въ адресѣ не такъ, а „въ Екат. институтъ“ [4]). Здѣсь преподавалъ Плетневъ до 1830 г. Въ томъ же 1814 г. онъ началъ занятія въ Патріотическомъ институтѣ, гдѣ оставался долѣе, принявъ тамъ въ 1829 г. еще должность инспектора классовъ. Съ 1815 г. Плетневъ былъ привлеченъ къ занятіямъ и въ военно-учебныхъ заведеніяхъ: въ Павловскомъ кадетскомъ корпусѣ (до 1828 г.); въ Пажескомъ корпусѣ служилъ

[1]) «Переписка» II, 530.

[2]) Такъ называетъ его Плетневъ. См. «Соч. и переписка» III, 349.

[3]) «Соч. и переписка» III, 380 (примѣч.). Ср. «Труды» III, 255 — «Секр. донес.».

[4]) «Соч. и переписка». III, 349.

съ 1825 по 1832, а въ школѣ гвардейскихъ подпрапорщиковъ и юнкеровъ съ 1830 по 1832. Впослѣдствіи ему поручались и многія другія педагогическія обязанности, напр., „инспектора частныхъ пансіоновъ и школъ“ въ столицѣ (1840) [1]).

Самъ Плетневъ не оставилъ намъ благопріятныхъ отзывовъ о своей учительской дѣятельности, за исключеніемъ одного стихотворенія „Похвала учительской жизни“ [2]), которое начинается слѣдующимъ образомъ:

Блаженъ, кого судьба полюбитъ съ колыбели
И мирною стезей на службу поведетъ—
Безъ шума, безъ хлопотъ, съ студенческой постели
Онъ, беззаботливый, въ учители пойдетъ.
    Завидную онъ жизнь въ быту своемъ проводитъ:
    Одинъ порядокъ—царь его, часы —законъ;
    Внимая зову ихъ, то ѣздитъ онъ, то ходитъ,
    И въ пору ляжетъ спать и въ пору встанетъ онъ...

За исключеніемъ этого, пожалуй ироническаго, стихотворенія, большинство упоминаній о педагогической дѣятельности показываетъ, что Плетневъ очень тяготился ею. Напримѣръ, въ письмѣ Кюхельбекеру отъ 8 сентября 1823 г. Плетневъ заботится о томъ, чтобы ему, Кюхельбекеру, „выпутаться изъ скучнаго учительскаго ремесла, котораго муки никто, вѣрно, болѣе меня не чувствовалъ“, и извиняется, что пишетъ мало по отсутствію времени [3]). Въ письмѣ къ Пушкину (1825 г.) называетъ свою должность „проклятою“ [4]). Общій его отзывъ объ этой должности таковъ, что онъ „съ тѣхъ поръ (по смерти вышеупомянутой Жозефины) не испытывалъ въ учительствѣ счастья, какое она ему сообщить умѣла“. На одну изъ причинъ находимъ указаніе въ дневникѣ Никитенка, служившаго учителемъ въ томъ же Екатерининскомъ институтѣ. Плетневъ, на первыхъ порахъ отдаваясь съ увлеченіемъ дѣлу, ставилъ довольно широкія задачи своему преподаванію. Но такое „превышеніе власти“, по сравненію съ программами и видами начальства, не соотвѣтствовало этимъ послѣднимъ. Поэтому онъ не разъ подвергался непріятностямъ и долженъ былъ сокращаться. Да и вообще, по разсказу Никитенка, закулисная учебная жизнь представляла нѣкоторыя неблаговидныя свойства. Плетневъ поразсказалъ ему

---

[1]) Біографія К. Я. Грота, стр. 8—9.
[2]) См. «Соревнователь Просвѣщенія и Благотворенія» 1820, кн. 11.
[3]) «Русская Старина» 1875, іюль стр. 371—2.
[4]) «Соч. и переписка» III, стр. 331.

„много правды, которая хуже всякой лжи“ [1]). — Свои свѣтлые взгляды на воспитаніе и образованіе Плетневъ высказалъ, напримѣръ, въ рѣчи, произнесенной въ Главномъ Педагогическомъ институтѣ 20 дек. 1835 г., по случаю выпуска воспитанниковъ. Онъ признаетъ многосложность, затруднительность, важность учительства. Наставникъ долженъ всегда быть современнымъ, иначе дѣло его разстроится. „Наставники наши должны достигать своей цѣли преимущественно нравственными путями. Каждому изъ нихъ прежде всего надобно сдѣлаться любимымъ лицомъ въ своемъ кругу. Отъ привязанности рождается довѣренность“ и т. д. [2]).

Несмотря на всѣ трудности учительскаго дѣла, Плетневъ, какъ это видно изъ единодушнаго отзыва лицъ, знакомящихъ насъ съ этимъ родомъ его дѣятельности, былъ такимъ преподавателемъ, что навсегда оставлялъ память о себѣ въ душѣ учениковъ. Въ „Запискахъ“ извѣстной А. О. Смирновой читаемъ, что она такъ говорила Пушкину: „Я любила его уроки (аббата де-Лоша, по естественнымъ наукамъ). Но еще больше любила я уроки Плетнева, вообще уроки словесности“. „Моимъ усердіемъ“, читаемъ далѣе, „я въ значительной степени обязана учителямъ, особенно Плетневу; онъ съ воодушевленіемъ отдавался своему дѣлу“ [3]). Гротъ свидѣтельствуетъ о привязанности къ Плетневу учившихся у него слѣдующимъ образомъ: „въ семействахъ и учебныхъ заведеніяхъ, гдѣ онъ являлся преподавателемъ, онъ былъ искренно любимъ всѣми: въ его обращеніи, въ его рѣчахъ и взорѣ живо чувствовалось сердечное участіе къ своему дѣлу и къ молодежи; въ его личности была неотразимо привлекательная сила. Многочисленные его ученики и ученицы разныхъ поколѣній, разсѣянные по всей Россіи, съ непритворнымъ чувствомъ любви вспоминали и еще теперь вспоминаютъ своего бывшаго наставника. Говорю это съ полнымъ знаніемъ дѣла, потому что сколько разъ бывалъ свидѣтелемъ, какъ встрѣчались съ Плетневымъ такія лица послѣ многолѣтняго отсутствія и какъ тепло выражали свою неохладѣвшую къ нему приверженность [4]). О такой встрѣчѣ Гротъ разсказываетъ, напримѣръ, въ одномъ письмѣ къ своимъ роднымъ отъ 24 авг. 1843 г., изъ путешествія съ Плетневымъ по Прибалтійскому краю: въ Дерптѣ „Плетневъ совершенно неожиданно нашелъ одну изъ старинныхъ своихъ ученицъ, m-me

---

[1]) «Дневникъ» I, 283.

[2]) «Соч. и переписка» I. стр. 251. Рѣчь носитъ заглавіе: «Обязанности наставниковъ юношества».

[3]) «Записки», ч. I, 135—136; ср. I, 18.

[4]) «Труды», III, 307.

Ивановскую, урожденную де-Вить. Почти нѣтъ города", прибавляетъ Гротъ, „гдѣ бы онъ не встрѣчался со своими учениками или ученицами". [1]).

Выдающіяся качества Плетнева, какъ учителя, были, безъ сомнѣнія, причиной того, что Жуковскій рекомендовалъ его царскому дому въ качествѣ преподавателя русскаго языка и литературы. Онъ уже и ранѣе сталъ извѣстенъ тамъ, такъ какъ институты, въ которыхъ занимался Плетневъ, находились подъ высочайшимъ покровительствомъ. Плетневъ, какъ мы видѣли, еще въ самомъ началѣ своей дѣятельности заслужилъ лестный отзывъ, какъ un trésor педагогическихъ способностей, что̀ и было передано императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ. Благодаря этому и рекомендаціи Жуковскаго, онъ занялъ мѣсто учителя русскаго языка и словесности сначала в. к. Елены Павловны (съ 1826 г.), а затѣмъ (съ 1828) и царскихъ дѣтей: Ольги и Маріи Николаевенъ и Наслѣдника престола, Александра Николаевича. Правильныя занятія его съ послѣднимъ, а также особо съ его сестрами начались съ 1829 г., и продолжались (съ наслѣдникомъ) до весны 1837 г., когда ученикъ его отправился въ путешествіе по Россіи; съ великими княжнами они продолжались и позднѣе, особенно съ Ольгой Николаевной, съ которою Плетневъ занимался до 1845 г., почти до ея брака. Кромѣ этого, Плетневъ преподавалъ еще вел. княж. Маріи и Елизаветѣ Михайловнамъ. Послѣдняя, по словамъ Плетнева, „родилась, училась, выросла и замужъ вышла на его глазахъ". Такимъ образомъ, онъ съумѣлъ оправдать рекомендацію Жуковскаго и довѣріе къ нему царскаго дома. Занятія его сводились преимущественно къ чтенію и объясненію выбранныхъ произведеній русскихъ писателей. Слѣдующая выдержка изъ замѣтокъ Петра Александровича даетъ понятіе о характерѣ занятій. „То обстоятельство, что на меня было возложено составлять выборъ чтенія и приводить его въ исполненіе,—особенно въ отношеніи къ Наслѣднику престола, я почиталъ весьма важнымъ, думая, что чтеніе можетъ столько же дѣйствовать на сердце, какъ и обращеніе съ людьми. Стараясь въ этомъ занятіи сохранить даже литературную пользу, я рѣшился хронологически пройти всѣ замѣчательнѣйшіе русскіе журналы и воспользоваться въ нихъ всѣмъ, чѣмъ было можно. За правило было мною принято —не смотрѣть на слогъ, который я совершенно измѣнялъ во время чтенія. Я только искалъ занимательности въ разсказѣ, силы въ нравоученіи и надлежащаго достоинства въ характерахъ. Непри-

---

[1]) «Переписка», II, 104.

личное все было выбрасываемо по отмѣткамъ“ [1]). Впослѣдствіи Плетневъ составилъ для Наслѣдника и пособіе по исторіи словесности, напечатанное имъ въ 1835 г. въ небольшомъ количествѣ экземпляровъ подъ заглавіемъ: „Хронологическій списокъ русскихъ сочинителей и библіографическія замѣчанія о ихъ произведеніяхъ“. Фортунатовъ разсказываетъ, что Плетневъ являлся къ студентамъ на лекціи передъ занятіями съ Наслѣдникомъ въ шелковыхъ чулкахъ и башмакахъ и въ 10 часовъ отправлялся отъ студентовъ къ вѣнценосному ученику своему въ придворной каретѣ [2]).

Относительно чтеній съ в. к. Ольгой Николаевной много замѣтокъ находимъ въ перепискѣ съ Гротомъ. Они читали съ княжной изъ Пушкина, Жуковскаго, Квитки; читали „Римъ“ и „Т. Вульбу“ Гоголя. Занимались также и литературными разговорами такого характера, какъ напр. обсужденіе женитьбы Жуковскаго; или, напр., Плетневъ разсказывалъ про Квитку, какъ онъ окривѣлъ, какъ кривой пошелъ въ монахи и т. д. На чтеніяхъ иногда присутствовала и государыня или другія лица царскаго дома. Въ знакъ признательности ученица дарила учителю подарки, напр. „бронзовую ручку съ бархатцами“ и т. д., на что и Плетневъ отвѣчалъ тѣмъ же. Допускала она иногда и разговоры съ нимъ касательно своей судьбы, напр., передавала ему о предложеніи бразильскаго императора, на которое она отвѣтила отказомъ, а Плетневъ сожалѣлъ, прибавляя, что онъ только и во снѣ видитъ, какъ бы ему побывать въ Америкѣ и т. д. [3]).

Вообще царскій домъ и въ лицѣ остальныхъ членовъ, начиная съ Государя и особенно Наслѣдника, относился къ Плетневу дружелюбно. Его различныя просьбы имѣли успѣхъ, обращеніе съ нимъ было самое простое. „По простотѣ и искренности точно частное семейство“, замѣчаетъ онъ въ одномъ письмѣ. Въ 1850 г. эта близость помогла ему, когда его служба начала „покачиваться“. Бутурлинскій комитетъ не оставилъ въ покоѣ и Плетнева и подалъ Государю доносъ, какъ пишетъ Плетневъ, „находя въ моихъ лекціяхъ и годичныхъ отчетахъ слѣды либеральныхъ идей“. Если бы не защита Наслѣдника, которому онъ написалъ письмо, то онъ, какъ увѣрялъ Уваровъ, былъ бы смѣщенъ съ должности ректора [4]). Благопріятныя отношенія къ себѣ со стороны царскаго дома онъ сохранялъ не-

---

[1]) Біографія К. Грота, стр. 17—18.
[2]) Воспоминанія проф. Фортунатова, Р. Арх. 1869, стр. 332.
[3]) «Переписка» I, 238, 512, 140, 54 и т. д.
[4]) Письмо П. къ Жуковскому «Соч. и переп.» III, 620.

*

измѣнно до конца жизн, о чемъ вспоминалъ онъ и на смертномъ одрѣ [1]).

III.

Но для насъ интереснѣе литературныя отношенія Плетнева, выражавшіяся въ знакомствѣ со всѣмъ тогдашнимъ литературнымъ міромъ и въ вступленіи въ литературныя общества. Вмѣстѣ съ тѣмъ начали появляться и его работы, какъ писателя.

Съ однимъ изъ первыхъ тогдашнихъ поэтовъ познакомился онъ съ Жуковскимъ, какъ увидимъ ниже, но подробностей начала этого знакомства мы не знаемъ. Болѣе свѣдѣній имѣемъ мы о сближеніи его съ друзьями и товарищами по лицею: Дельвигомъ, Кюхельбекеромъ и Пушкинымъ. Относительно послѣдняго Левъ Пушкинъ въ своей запискѣ разсказываетъ, что въ періодъ жизни Пушкина въ селѣ Михайловскомъ (1824—26 г.) началась его переписка съ Плетневымъ, который взялся быть издателемъ его сочиненій. „Они“, говоритъ Л. П., „въ то время лично были почти незнакомы, но впослѣдствіи ихъ сношенія кончились тѣсною дружбой [2]). Это извѣстіе, кажется, не совсѣмъ точно, что̀, правда, можно сказать и о всей запискѣ, страдающей погрѣшностями. Изъ писемъ Пушкина съ юга въ періодъ его изгнанія (съ 20 мая 1820 г.) видно, что еще до этого времени Плетневъ познакомился съ поэтомъ довольно коротко. Изъ другихъ источниковъ мы узнаемъ, что въ первый разъ Плетневъ встрѣтилъ Пушкина въ домѣ его родителей, когда онъ былъ еще лицеистомъ. Потомъ, служа вмѣстѣ съ Кюхельбекеромъ въ Екатерининскомъ институтѣ, онъ черезъ Кюхельбекера познакомился и подружился съ Дельвигомъ [3]). Это случилось вскорѣ послѣ выпуска послѣдняго изъ лицея. Плетневъ пріобрѣлъ себѣ въ Дельвигѣ заботливаго друга, который, какъ отзывался Плетневъ потомъ, держалъ его „въ ежовыхъ рукавицахъ“ [4]). Дружба ихъ была самая тѣсная, поддерживавшаяся весьма частыми взаимными посѣщеніями, и не прерывалась до самой смерти Дельвига. Смерть друга, по отзыву Плетнева, была для него большимъ ударомъ, послѣ котораго

---

[1]) Біографія К. Грота, стр. 4—5.

[2]) Л. Майковъ, «Пушкинъ», біографич. матер., стр. 11.

[3]) Бартеневъ, «Пушкинъ въ южной Россіи». М. 1862, стр. 136.

[4]) «Переписка» I, 42. Ср. также отзывы объ этой дружбѣ въ «Соч. и переп.» II, 16.

онъ сталъ „какимъ-то автоматомъ“ [1]). Дельвигъ, Кюхельбекеръ и Плетневъ хаживали вмѣстѣ на литературные субботніе вечера къ Жуковскому, гдѣ часто бывалъ Пушкинъ. Тамъ съ нимъ Плетневъ и познакомился. О продолженіи этого знакомства Бартеневъ разсказываетъ такимъ образомъ: „любовь къ словесности соединяла молодыхъ людей. Поздними вечерами они возвращались вмѣстѣ отъ Жуковскаго и въ одушевленныхъ бесѣдахъ не замѣчали дальнихъ разстояній столицы. Плетневъ напечаталъ тогда романъ одного своего покойнаго товарища, студента Георгіевскаго: „Евгеній (я) или письма къ другу“, и къ этому, довольно слабому произведенію написалъ предисловіе, въ которомъ разсказана жизнь рано умершаго сочинителя. „Зачѣмъ вы напечатали романъ?—замѣтилъ ему Пушкинъ — вамъ бы выдать одно предисловіе, это вещь прелестная“. Сношенія ограничивались пока обыкновеннымъ знакомствомъ, а потомъ Пушкинъ уѣхалъ. Въ 1821 г., въ 8-мъ (февр.) номерѣ „Сына Отечества“, появилась безъ подписи элегія Плетнева, подъ заманчивымъ заглавіемъ „Б—овъ изъ Рима“. Поэтъ Батюшковъ жилъ тогда въ Италіи, и отъ него ждали новыхъ стиховъ. Вышла забавная мистификація. Профессоръ Кошанскій въ лицеѣ, прочитавъ элегію своимъ слушателямъ, говорилъ: вотъ сейчасъ виденъ талантъ, чувствуется стихъ Батюшкова. Въ литературныхъ кружкахъ разошелся слухъ, будто элегія написана Батюшковымъ. Прошло нѣсколько мѣсяцевъ; но въ 1822 г. поэтъ возвратился въ Петербургъ, и, какъ извѣстно, въ безпокойномъ, близкомъ къ помѣшательству состояніи. Слухъ объ элегіи дошелъ до него, и по справкѣ оказалось, что она получена въ журналъ отъ Плетнева. Батюшковъ подозрѣвалъ тогда, что у него множество враговъ, желающихъ уронить его славу, что противъ него какой-то заговоръ, и что Плетневъ нарочно выбранъ, чтобы повредить ему. Пушкину обо всемъ написали въ Кишиневъ, и на это онъ замѣчаетъ въ письмѣ къ брату: „Батюшковъ правъ, что сердится на Плетнева; на его мѣстѣ я бы съ ума сошелъ отъ злости. „Б—овъ изъ Рима“ не имѣетъ смысла, даромъ что новость на Олимпѣ мила. Вообще, мнѣніе мое, что Плетневу приличнѣе проза, нежели стихи: онъ не имѣетъ никакого чувства, никакой живости, слогъ его блѣденъ, какъ мертвецъ. Кланяйся ему отъ меня (т. е. Пл—ву, а не его слогу) и увѣрь его, что онъ нашъ Гете“ [2]). Левъ Сергѣичъ

---

[1]) «Соч. и переп.» III, 374, письмо къ Пушкину. По общему обычаю Плетневъ писалъ Дельвигу посланія, одно изъ которыхъ начиналось: «Дельвигъ, гдѣ ты учился языку боговъ?» Дельвигъ обыкновенно отвѣчалъ на это: у Кошанскаго. «Дельвигъ» ст. Гаевскаго, въ Современникѣ 1853 г.

[2]) См. однотомное изд., 5-ое соч. Пушкина (Павленкова), стр. 1492.

не отличался скромностью. Письма отъ брата читались у него цѣлою компаніею. Тогда Плетневъ послалъ въ Кишиневъ по почтѣ извѣстное прекрасное посланіе свое: „Я не сержусь на ѣдкій твой упрекъ“ и т. д. [1]). Плетневъ въ томъ же 22 году написалъ сочувственный разборъ одного стихотворенія Пушкина, а потомъ „Кавказскаго Плѣнника“, замѣчательный по строго нравственному требованію, предъявленному критикомъ въ отношеніи характера самого Плѣнника [2]). Въ черновомъ письма Пушкина, писанномъ въ отвѣтъ и оправданіе по поводу этихъ обстоятельствъ Плетневу, читаемъ: „Я долго не отвѣчалъ тебѣ, мой милый Плетневъ; собирался отвѣчать стихами, достойными твоихъ, но отложилъ попеченіе; положеніе твое противъ меня слишкомъ выгодно, и ты слишкомъ хорошо умѣешь имъ воспользоваться“ и т. д. „Многіе“, добавляетъ Пушкинъ, „приняли стихотвореніе за сочиненіе Батюшкова. Знаю, что съ посредственнымъ писателемъ этого не случится“ [3]). Послѣ всего этого они перешли на ты и совершенно сблизились [4]).

Черезъ Дельвига же Плетневъ познакомился и съ другими литературными силами. Такъ, около того же 1818 г., когда онъ познакомился съ Пушкинымъ, онъ пріобрѣлъ знакомство Баратынскаго [5]). Черезъ него же Плетневъ сошелся близко съ Крыловымъ. Былъ знакомъ Плетневъ также съ Гнѣдичемъ и Карамзинымъ. Сюда же нужно отнести кн. Вяземскаго. Послѣдній въ своей статьѣ, посвященной памяти Плетнева [6]), пишетъ, что онъ встрѣтился съ нимъ „въ средѣ имъ равно сочувственной и близкой. Плетневъ былъ уже тогда пріятелемъ Жуковскаго и другомъ Пушкина, Дельвига, Баратынскаго. Эти связи его тотъ же часъ породнили съ нимъ и меня“. Къ тому же кругу писателей, группировавшихся вокругъ Пушкина, присоединялись потомъ и другіе, какъ, напр., позднѣе, Гоголь. Всѣ они часто видѣлись другъ съ другомъ. Между прочимъ у Плетнева, по его собственнымъ разсказамъ, собирался по субботамъ небольшой литературный кружокъ преимущественно молодыхъ писателей. Въ этихъ дружескихъ собраніяхъ прочитывались и обсуживались всѣ литературныя новости недѣли, читались и разбирались собственныя, только-что написанныя, стихотворенія, и такимъ образомъ соверша-

---

[1]) «Соч. и переписка Плетнева» III, 276.

[2]) Ib., I, стр. 53, 68.

[3]) Въ томъ же изданіи соч. Пушкина, стр. 1495. Въ «Соч. и перепискѣ» этого письма нѣтъ.

[4]) Бартеневъ, «Пушкинъ въ южной Россіи», стр. 136 и слл.

[5]) «Баратынскій и его сочиненія». Лонгинова, Р. Арх. 1867 стр. 250 сл.

[6]) «Утро», сборникъ Погодина, М. 1866, стр. 153—157.

лось взаимное литературное образованіе собесѣдниковъ [1]). Въ біографіи Баратынскаго читаемъ, что друзья жили весело, безпечно. „Баловень - поэтъ“ стало обычнымъ названіемъ служителя Каменъ. Однако не ко всѣмъ можно примѣнить это названіе и, въ частности, не къ Плетневу. Онъ справедливо могъ жаловаться, какъ увидимъ, что онъ задавленъ дѣлами. Другіе же, болѣе обезпеченные и счастливые, настолько же справедливо могли давать поводъ къ насмѣшкамъ журналовъ. „Благонамѣренный“, напр., помѣщалъ такіе сатирическіе стишки:

Союзъ поэтовъ.

Сурковъ (Дельв.) Тевтонова (Кюхельб.) возноситъ;
Тевтоновъ для него вѣнковъ безсмертья проситъ;
Барабинскій (Барат.), прославленный отъ нихъ,
Ихъ прославляетъ обоихъ“ и проч. [2]).

Для Дельвига данное ему названіе вполнѣ характерно.

Итакъ, судьба отнеслась благопріятно къ Плетневу. Онъ попалъ въ самый центръ литературнаго движенія. Эстетическія стремленія его нашли надлежащее примѣненіе, и въ кругу лучшихъ писателей того времени онъ получилъ возможность къ литературному образованію своему и выясненію идей объ искусствѣ.

За симпатію, которую выказывали Плетневу литературные корифеи, онъ платилъ имъ самою горячею признательностью. Главнымъ ея выраженіемъ были хлопоты его по изданію сочиненій друзей, часто отлучавшихся изъ Петербурга, хлопоты, охотно имъ принимаемыя на себя, а также и исполненіе различныхъ другихъ порученій. Изъ имѣющейся переписки Плетнева съ Пушкинымъ, Жуковскимъ и др. мы можемъ яснѣе видѣть, каковъ былъ характеръ ихъ взаимныхъ отношеній.

Что касается, напр., Пушкина, то къ нему до самой его смерти Плетневъ выказывалъ самую живую любовь, стремившуюся проявиться какъ можно шире; въ частности, онъ очень заботился о славѣ поэта и о его жизненныхъ обстоятельствахъ. Въ большинствѣ писемъ къ Пушкину важною частью ихъ являются отчеты по изданію стихотвореній и другихъ произведеній великаго поэта. Когда послѣднему былъ запрещенъ въѣздъ въ столицу, то онъ нашелъ въ Плетневѣ самаго ревностнаго опекуна, такъ сказать, своихъ выгодъ. Первое изъ имѣющихся у насъ писемъ Плетнева начинается изда-

---

[1]) Вышеупомянутая статья Гаевскаго.

[2]) «Благонамѣренный» 1822 г. IX ч. стр. 512.

тельскимъ вопросомъ. „Какъ быть, милый Пушкинъ! Твое письмо пришло слишкомъ поздно. Первый листъ Онѣгина весь уже отпечатанъ... Слѣдственно, поправокъ сдѣлать нельзя... Ты вѣрно уже получилъ письмо мое съ деньгами 500 р. По этому суди, что работа у насъ не дремлетъ, когда дѣло идетъ о твоихъ стихахъ". Въ письмѣ отъ 3 марта 1825 г.: „нынѣшнее письмо будетъ рапортомъ, душа моя" и проч. И въ другихъ дѣлахъ поэта Плетневъ также принималъ самое живое участіе, напр., когда Пушкину страстно хотѣлось вырваться изъ Михайловскаго за границу. Плетневъ же мирилъ поэта съ его легкомысленнымъ братомъ и т. д. Интересы Пушкина были для него выше всего, и это побуждало Плетнева зорко слѣдить за произведеніями поэта. Если въ нихъ онъ находилъ что-нибудь ошибочное, или какую-нибудь шероховатость, то сейчасъ же замѣчалъ ему. Пушкинъ принималъ во вниманіе эти замѣчанія, и дѣйствительно поправлялъ нѣкоторые стихи свои. Правда, это касалось именно отдѣльныхъ только стиховъ. Когда, напр., Смирнова и Плетневъ совѣтовали продолжать Пушкину „Евгенія Онѣгина", то онъ отвѣчалъ имъ: „такъ вы хотите, чтобы Татьяна была счастлива? Когда Авг. Лафонтенъ писалъ свои романы, то, къ концу ихъ, жена всегда приходила къ нему и говорила: „сдѣлай ихъ счастливыми, милый Августъ" [1]). Даже многочисленные уроки Плетнева не останавливали хлопотъ его въ пользу друзей. „Тебѣ стыдно", пишетъ онъ Пушкину, „не быть заботливымъ и дѣятельнымъ, когда я началъ хлопотать, я, задавленный проклятою своею должностью". За то всякій знакъ невниманія къ себѣ Плетневъ близко принималъ къ сердцу. Такъ, онъ обижается, что Пушкинъ, уѣзжая въ Москву, „не намекнулъ, какіе у него литературные планы". Пушкинъ послѣ Дельвига сталъ всѣхъ ближе сердцу Плетнева; его онъ ждетъ, „чтобы согрѣть близъ него свою душу". У Пушкина, конечно, спрашивалъ Плетневъ совѣтовъ въ писательскомъ дѣлѣ: „о себѣ прошу тебя. Если ты доброжелательствуешь мнѣ, говори прямѣе.. Послѣ твоихъ побранокъ мнѣ легче исправляться" [2]). Дѣлая литературныя замѣчанія поэту, Плетневъ указывалъ Пушкину также и ошибки его въ другихъ отношеніяхъ. Когда Пушкинъ хотѣлъ возбудить дѣло противъ одного афериста, издавшаго нѣкоторыя его сочиненія безъ вѣдома автора, то Плетневъ писалъ ему: „Изъ чего ты хлопочешь?.. Если хочешь примѣромъ его учить другихъ: этого никто не дѣлалъ, да и не сдѣлаетъ. Оставь во рту у

---

[1]) «Записки Смирновой» I, 220.

[2]) Соч. и переписка» III, 331, 374, 314.

нищаго кусокъ. Если ты его вырвешь, онъ, можетъ быть, умретъ съ голода, а ты досыта не наѣшься" [1]). По смерти Пушкина, какъ передаетъ лицо, близко знавшее Плетнева [2]), „разсказы о Пушкинѣ были одною изъ любимыхъ темъ въ его бесѣдахъ, и кто имѣлъ случай слышать ихъ, согласится съ нами, что чувство, которое питалъ Плетневъ къ дорогому покойнику, нельзя назвать иначе, какъ обожаніемъ".—Здѣсь, кстати, можно упомянуть о любопытныхъ полицейскихъ документахъ, цитированныхъ нами ранѣе, которые вызваны были отношеніями опальнаго Пушкина и Плетнева. Дѣятельныя сношенія друзей возбудили подозрѣніе полиціи, и о Плетневѣ были наведены справки. Въ секретныхъ запискахъ дается слѣдующая характеристика Плетнева: „служитъ съ отличнымъ усердіемъ, женатъ; поведенія весьма хорошаго, характера тихаго и даже робкаго, живетъ скромно". Объ ихъ отношеніяхъ сообщается, что „г. Плетневъ особенныхъ связей съ Пушкинымъ не имѣетъ, а знакомъ съ нимъ, какъ литераторъ. Входя въ бѣдное положеніе Пушкина, онъ по просьбѣ его отдаетъ по комиссіи на продажу напечатанныя его сочиненія, а вырученныя деньги или купленныя на нихъ книги и вещи пересылаетъ къ нему". Хотя Дибичъ приказалъ „имѣть за нимъ ближайшій надзоръ", 23 апрѣля 1826 года, но, очевидно, безъ результата.

Касательно отношеній обратныхъ—Пушкина къ Плетневу—можно сказать на основаніи писемъ его не только къ Плетневу, но и къ другимъ лицамъ, что эти отношенія характеризуются полнымъ равенствомъ. Сужденіямъ Плетнева, какъ уже мы видѣли, Пушкинъ придавалъ цѣну и включалъ его въ „ареопагъ": „созови мой ареопагъ", пишетъ онъ Плетневу: „ты, Жуковскій, Вяземскій, Гнѣдичъ и Дельвигъ; отъ васъ ожидаю суда и съ покорностью приму его рѣшеніе" [3]). Въ письмѣ 35 года пишетъ ему же: „я всегда находилъ, что все тобою придуманное мнѣ удавалось". Называетъ его всегда: кормилецъ, благодѣтель, братъ Плетневъ. Съ нимъ дѣлится онъ мыслями о своемъ душевномъ состояніи, напр., по поводу предстоящей женитьбы пишетъ: „милый мой, разскажу тебѣ все, что у меня на душѣ: грустно, тоска, тоска"... Даже такія признанія можно встрѣтить въ письмахъ: „довольно было (бы) мнѣ довольствоваться независимостью, которой обязанъ я былъ Богу и тебѣ" [4]). Въ письмахъ къ другимъ лицамъ часто встрѣчается имя Плетнева; Пушкинъ

---

[1]) Ib. III, 342.
[2]) Л. Майковъ, «Пушкинъ», стр. 321.
[3]) Соч. Пушкина, изд. Павленкова, стр. 1518.
[4]) Ib. стр. 1600.

проситъ обнять его, поцѣловать. Постоянно справляется о здоровьѣ Плетнева и т. д. Что касается мнѣній Пушкина о поэтическомъ дарѣ Плетнева, то, напр., цитированное выше въ основаніи своемъ имѣетъ раннія стихотворенія Плетнева, не выходящія изъ ряда тогдашнихъ посредственныхъ „твореній". Но послѣдующіе стихи оставили первые опыты далеко за собою. Къ нимъ Пушкинъ сталъ относиться внимательнѣе. Уже посланіе къ нему, вызванное неблагопріятнымъ отзывомъ, Пушкинъ ставилъ высоко. Затѣмъ о стихотвореніи Плетнева „Родина" въ письмѣ къ Бестужеву отозвался, что она „хороша" [1]). Слѣдующіе 8 стиховъ Пушкинъ заучилъ и при первой встрѣчѣ съ авторомъ прочелъ ихъ ему наизусть:

Муза, ты мой путь презрѣнный
Съ гордостью не обошла,
И судьбѣ моей забвенной
Руку вѣрную дала.
Будь до гроба мой вожатый!
Оживи мои мечты,
И на горькія утраты
Брось послѣдніе цвѣты [2]).

Въ своей поэзіи Пушкинъ увѣковѣчилъ имя Плетнева посвященіемъ ему главнаго произведенія своего, „Евгенія Онѣгина". Приведемъ его здѣсь цѣликомъ.

Петру Александровичу Плетневу.
Не мысля гордый свѣтъ забавить,
Вниманье дружбы возлюбя,
Хотѣлъ бы я тебѣ представить
Залогъ достойнѣе тебя,—
Достойнѣе души прекрасной,
Святой исполненной мечты,
Поэзіи живой и ясной,
Высокихъ думъ и простоты.
Но такъ и быть—рукой пристрастной
Прими собранье пестрыхъ главъ,
Полусмѣшныхъ, полупечальныхъ,
Простонародныхъ, идеальныхъ,
Небрежный плодъ моихъ забавъ,
Безсонницъ, легкихъ вдохновеній,
Незрѣлыхъ и увядшихъ лѣтъ,

---

[1]) Ib. стр. 1509.
[2]) Труды Грота III, 310; „Соч. и переп. Плетнева» III, 298.

Ума холодныхъ наблюденій
И сердца горестныхъ замѣтъ [1]).

Таковы же, какъ къ Пушкину, были отношенія Плетнева и къ другимъ выдающимся писателямъ—Вяземскому и Жуковскому—и обратно. Стоитъ только раскрыть переписку съ этими лицами, чтобы видѣть, какою сердечностью проникнуты письма обѣихъ сторонъ. И такъ же, какъ къ Пушкину, отношенія эти сохранялись до самой смерти кого-либо изъ друзей неизмѣнными.—Что касается Карамзина, то нужно сказать, что къ исторіографу Плетневъ питалъ глубокое уваженіе, выразившееся въ желаніи написать его біографію, но оно осталось неосуществленнымъ вслѣдствіе препятствій, встрѣченныхъ Плетневымъ въ самой семьѣ исторіографа [2]). А за нѣсколько дней до извѣстія о кончинѣ Плетнева было получено редакціею только-что основаннаго тогда „Вѣстника Европы" письмо отъ Петра Александровича, которое и было напечатано въ первой книгѣ журнала [3]). Въ этомъ письмѣ Плетневъ одобряетъ почтеніе издателей къ памяти Карамзина, заявленное самымъ выборомъ названія журнала, и осуждаетъ раздавшіяся въ то время въ Россіи восклицанія о ненужности авторитетовъ. Карамзинъ хотя и не является болѣе авторитетомъ въ языкѣ, но въ немъ, „этомъ авторитетѣ, еще остается много сокровищъ, которыхъ благотворнаго вліянія надобно пожелать всякому". Всего болѣе поражаетъ Плетнева неутомимость Карамзина въ составленіи исторіи, этого „артистическаго произведенія", отъ котораго стало возможно отправляться послѣдующимъ работникамъ. Затѣмъ изъ его же сферы пошли двѣ новыя школы въ литературѣ: Жуковскаго и Пушкина. Въ заключеніе Плетневъ изображаетъ душевныя качества историка, какъ человѣка вообще, и говоритъ, что они, вмѣстѣ съ его умственными богатствами, дѣлали домъ Карамзина центромъ, откуда являлись уже выработанными основныя идеи того времени".

Наконецъ, здѣсь же скажемъ—хотя хронологически это относится къ позднѣйшему времени—еще о двухъ литературныхъ знакомствахъ Плетнева. Въ отличіе отъ предыдущихъ лицъ, въ кругъ которыхъ былъ принятъ Плетневъ, по отношенію къ этимъ двумъ онъ самъ былъ на первыхъ порахъ покровителемъ. Однимъ изъ

---

[1]) Есть нѣсколько отрывковъ стихотвореній къ Плетневу. См. ихъ, напр. въ изд. Павленкова, стр. 741. Содержаніемъ ихъ служитъ совѣтъ Плетнева продолжать «Евг. Онѣгина» и получать посредствомъ этого доходъ съ публики, приблизительно, по 10 руб. за строку.

[2]) Майковъ, Л. «Пушкинъ», стр. 2.

[3]) Въ «Соч. и переп.»—нѣтъ, поэтому мы даемъ краткое содержаніе.

этихъ лицъ былъ Гоголь. Пріѣхавъ въ Петербургъ, какъ извѣстно, въ 1828 году, Гоголь, тогда еще очень молодой и неизвѣстный, сначала скитался нѣсколько времени по столицѣ, а потомъ уѣхалъ за границу. Возвратившись оттуда, онъ направился къ Жуковскому, который и поручилъ его Плетневу. Это было, вѣроятно, въ концѣ 1830 года. Плетневъ въ то время уже зналъ о литературныхъ опытахъ Гоголя: послѣдній въ 1829 году прислалъ ему incognito экземпляръ своего Ганца Кюхельгартена [1]), а также извѣстны были ему и работы, помѣщенныя въ „Литературной газетѣ" Дельвига. Плетневъ замѣтилъ въ молодомъ писателѣ талантъ и, по своей благожелательности къ литературнымъ дарованіямъ, помогъ Гоголю устроиться, доставивъ ему мѣсто преподавателя въ Патріотическомъ институтѣ и отыскавъ частные уроки для него. Кромѣ того, онъ постарался вскорѣ же „подвести Гоголя подъ благословеніе" Пушкину, о чемъ онъ писалъ послѣднему уже въ февралѣ 1831 года. Гоголь за всѣ заботы Плетнева полюбилъ его чрезвычайно. Изъ отпуска онъ пишетъ къ Плетневу: „здоровы ли Вы, безцѣнный Петръ Александровичъ? Я всеминутно думаю объ Васъ и рвусь скорѣе повѣситься къ Вамъ на шею". А въ постскриптумѣ: „Вы не можете себѣ представить, какъ я сгораю жаждою Васъ видѣть. Одинъ только любовникъ, летящій на свиданье, можетъ со мною сравниться" [2]). Устраивая судьбу Гоголя, Плетневъ старался какъ можно лучше обставить выходъ въ свѣтъ его повѣстей. Для этого придуманъ былъ псевдонимъ „Рудый Панько". Это было сдѣлано изъ осторожности предъ Булгаринымъ и по примѣру Пушкина [3]). Подружившись съ Гоголемъ, Плетневъ также слѣдилъ за изданіями его сочиненій, какъ это было и ранѣе и послѣ по отношенію къ остальнымъ друзьямъ; также велъ онъ и его денежныя дѣла, несмотря на крайнюю беспечность Гоголя, на которую Плетневъ не считалъ нужнымъ сердиться. Онъ же разными способами старался сохранить произведенія великаго реалиста отъ красныхъ чернилъ цензора.

Другимъ изъ указанныхъ лицъ была писательница Соханская (Кохановская). Сношенія Плетнева съ нею интересны тѣмъ, что почти въ продолженіе 20 лѣтъ происходили письменнымъ способомъ. Сначала она посылала Плетневу, тогда издателю „Современника", свои повѣсти, изъ которыхъ онъ печаталъ очень мало. Но потомъ, передавъ „Современникъ" въ другія руки, онъ вошелъ въ болѣе дѣя-

---

[1]) См. Р. Арх. 1891 г. II, 488.
[2]) Письма Н. В. Гоголя, изд. Маркса I, 223.
[3]) «Записки Смирновой» II, 177.

тельныя сношенія съ изюмскою [1]) корреспонденткою, при чемъ просилъ у нея автобіографіи. „Она“, пишетъ Плетневъ, „присылала мнѣ послѣдовательно одну тетрадь за другою, одну другой интереснѣе... А сама она является такимъ неподражаемо милымъ существомъ, что не разстаться бы съ нею“. Одну изъ этихъ тетрадей онъ посылалъ для прочтенія Государынѣ. Соханская сдѣлалась заочнымъ другомъ всего семейства Плетнева: „жена моя“, пишетъ онъ, „страстно привязалась къ этому чудному существу заочно, какъ и я. Онѣ теперь переписываются, какъ нѣжные друзья“. Въ 1861 году онъ съ Вяземскимъ хлопоталъ о пособіи ей, въ виду ея бѣдности.

Таковы были отношенія Плетнева къ литературнымъ дѣятелямъ. Уже изъ этихъ краткихъ свѣдѣній можно видѣть всю доброту души его, которую онъ изливалъ на своихъ любимцевъ. Въ этомъ отношеніи его вполнѣ можно назвать литературнымъ ангеломъ-хранителемъ, которымъ онъ оставался всю жизнь.

Вступая въ личную тѣсную связь съ литераторами, Плетневъ также уже вскорѣ по выходѣ изъ института постарался присоединиться и къ болѣе упорядоченнымъ литературнымъ занятіямъ, чѣмъ бесѣды въ кружкахъ. Съ этою цѣлью онъ вступилъ въ члены „Вольнаго общества любителей словесности, наукъ и художествъ“, гдѣ предсѣдательствовалъ А. Е. Измайловъ, издававшій журналъ „Благонамѣренный“, и „Вольнаго общества соревнователей просвѣщенія и благотворенія“, переименованнаго въ 1818 году въ „Вольное общество любителей россійской словесности“. Здѣсь предсѣдателемъ былъ Ѳ. Н. Глинка. Въ этомъ второмъ обществѣ участіе Плетнева было болѣе дѣятельное. Въ числѣ членовъ въ 1819 году видимъ графа Хвостова, „жосткія оды“ котораго воспѣты Пушкинымъ, Измайлова, Греча; въ качествѣ почетныхъ участвовали: Свиньинъ, Аделунгъ, Крыловъ, Жуковскій, Сперанскій, гр. Ѳ. Толстой и др. [2]). Въ одной рѣчи предсѣдателя читаемъ, что побудительною причиною возникновенія общества была, съ одной стороны, „любовь къ отечественной словесности“... „Ему придано и наименованіе Вольнаго, потому что по собственному произволу и съ доброю волею и въ духѣ законной свободы собрались и сбираются наши почтенные сочлены соревновать во всѣхъ отношеніяхъ просвѣщенію“... „Но сердце въ то же время напомнило имъ, что есть въ мірѣ несчастные, для которыхъ необходимы благотвори-

---

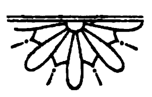
[1]) Изъ города Изюма, Харьк. губ.

[2]) См. «Соревнователь», 1819, кн. 7, 118 -120.

тели" [1]). Съ 1818 года общество начало издавать „Труды" или „Соревнователь Просвѣщенія и Благотворенія". Плетневъ былъ избранъ въ 1819 году 20 октября въ члены-сотрудники, а 10 ноября въ дѣйствительные члены вмѣстѣ съ Дельвигомъ [2]), такъ какъ общество нашло „представленныя ими произведенія достойными особеннаго уваженія". Въ началѣ 1820 года, Плетневъ и Дельвигъ были избраны въ члены цензурнаго комитета общества; во второй половинѣ того же года Плетневу поручена была цензура библіографіи; въ началѣ 1821 года онъ былъ избранъ цензоромъ поэзіи; въ томъ же году—секретаремъ цензуры комитета [3]). Въ журналѣ этого общества Плетневъ и сталъ преимущественно помѣщать свои произведенія.

В. Н.

(Продолженіе слѣдуетъ).

[1]) Ib. 1820 г., кн. 10.

[2]) Ib. 1819, 8 кн., стр. 113.

[3]) Ib. кн. 14, 254. Воспоминанія самого Плетнева объ этой дѣятельности см. «Переписка» II, 376, 254. Ср. «Соч. и переписка» I, 215.

Расправа Скобелева дѣда.

Въ оставшихся послѣ П. А. Казадаева документахъ сохранились между прочимъ нѣкоторыя бумаги, характеризующія генерала Скобелева (Ивана)—дѣда Михаила Дмитріевича,—отца Дмитрія Ивановича.

ПРИКАЗЪ
Резервной пѣхотѣ.

Г. Нижній Новгородъ, Сентября 12-го 1840 года.

Осматривая арестантовъ, на главной гауптвахтѣ здѣсь и въ Пензѣ содержащихся, нашелъ я, что всѣ судимые за кражу и въ подозрѣніи смертоубійства, крайне огорчены, тяжкое горе разительно отражается на лицѣ каждаго изъ нихъ, и каждый очевидно отягченъ или раскаяніемъ или дѣйствительно, по словамъ ихъ, невиннымъ оклеветеніемъ.

Напротивъ того всѣ дезертиры глядятъ весело, бодро, покойно, съ улыбкой, и гнусно поправшая вѣру Христову душа клятвопреступныхъ измѣнниковъ ликуетъ какъ будто на пиру.

Чтобы соблазну этому дать приличное исправленіе, предписываю отнынѣ впредь всѣмъ пойманнымъ изъ бѣговъ и содержащимся подъ стражею во время судопроизводства еженедѣльно, въ день субботній, давать по 25 лозановъ въ счетъ тѣхъ ударовъ, которые будутъ имъ опредѣлены при рѣшеніи ихъ участи; въ каковое время, неупустительно, полученные лозаны вычитать по пословицѣ: долгъ платежемъ красенъ.

Въ ссудѣ этой двѣ пользы: преступнику будетъ легче въ рѣшительную минуту, а мнѣ веселѣе думать, что измѣнившіе подъ моимъ начальствомъ присягѣ не смѣются.

Кто не уважаетъ религіи, не признаетъ въ Царѣ Благодѣтеля и Отца, а въ родной намъ Россіи нѣжной матери, тому радоваться нѣтъ причины.

Подлинный подписалъ
Инспекторъ Резервной пѣхоты
Генералъ-Лейтенантъ Скобелевъ.

Результатъ изданія этого приказа.

24-го февраля 1841 года за № 63 генералъ Скобелевъ, очевидно въ отвѣтъ на полученный запросъ, пишетъ изъ Нижняго Новгорода Начальнику Штаба отдѣльнаго корпуса внутренней стражи Генералъ-лейтенанту Шалашникову. [1]).

На отношеніе Вашего Превосходительства отъ 13-го сего февраля за № 2773 имѣю честь увѣдомить, что приказъ 12 Сент. прошлаго года отданъ былъ мною по расчету страстей, въ различныхъ слабостяхъ людей отражающихся.

Природа пестра и своенравна, всѣ смертные родятся и образуются не по изданнымъ образцамъ, но по ея непостижимой намъ волѣ. Посему, чтобы съ успѣхомъ дѣйствовать на нравственность грѣшныхъ,—(что составляетъ мою обязанность),—и съ успѣхомъ производить спасительное вліяніе на ихъ понятія, по вышесказанному расчету пришлось: одному доброе слово, другому полновѣсная дубина, на умнаго дѣйствуетъ первое, на дурака послѣдняя.

Посреди сихъ дѣйствій, чтобы огромить, такъ сказать, преступныхъ дѣтей Отечества, подъ стражею содержащихся и устрашить въ лѣсахъ бродящихъ, я отдалъ приказъ безъ различія ко всѣмъ.— Дѣйствовалъ онъ лишь двѣ недѣли, а пользы произвелъ неисчислимыя.

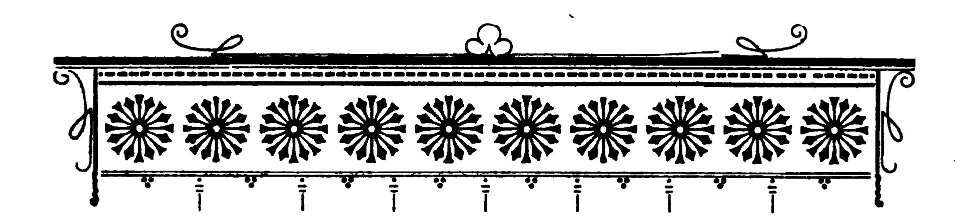
Поступокъ мой не согласовался съ законами за то и обращенъ былъ къ беззаконнымъ, скажу болѣе, къ людямъ варварскимъ, вреднымъ обществу, а потому извиненъ начальствомъ и Государемъ Императоромъ.

Подлинный подписалъ
Генералъ-лейтенантъ Скобелевъ.

Сообщ. А. Е. К.

[1]) Генералъ-лейтенантъ Шалашниковъ,—впослѣдствіи былъ начальникомъ праваго Кавказскаго крыла, дѣйствовавшаго противъ горцевъ, до глубокой старости онъ служилъ въ войскахъ Кавказскаго военнаго округа; это былъ серьезный, суровый генералъ, вполнѣ соотвѣтствовавшій режиму Императора Николая Павловича. Въ день взятія Шамиля (1859 г.) онъ былъ пожалованъ въ генералы-отъ-кавалеріи и награжденъ орденомъ Св. Георгія 3-й степени.

Записки графа Ланжерона.

Война съ Турціей 1806—1812 гг. [1])

Переводъ съ французской рукописи, подъ редакціей Е. Каменскаго.

Военныя дѣйствія въ Бессарабіи.

Пегливанъ былъ изгнанъ изъ Измаила довольно забавно. Какъ мы видѣли раньше, его другъ Мустафа, великій визирь (прежде Мустафа-Байрактаръ изъ Рущука), свергнувъ съ этой должности прежняго великаго визиря Мустафу-Челибея и отобравъ всѣ его имѣнія, выслалъ его въ Измаилъ, какъ коменданта города. Положеніе этого низверженнаго визиря, безъ войскъ, безъ денегъ, и всегда подъ мечемъ такого чудовища, какъ Пегливанъ, было конечно очень тяжелое и непріятное, но онъ ловко скрылъ свои опасенія, выказалъ полную покорность своей судьбѣ, подчинился Пегливану и, такимъ образомъ, спасъ свою голову. Онъ молча соединился съ жителями, съ арнаутами и ихъ начальникомъ Вели-пашей, племянникомъ знаменитаго Янинскаго Али-паши. Этотъ Вели скоро умеръ и былъ замѣщенъ своимъ братомъ Измаилъ-пашею, молодымъ человѣкомъ 18 лѣтъ. Извѣстно, что въ концѣ ноября Пегливанъ предпринялъ экспедицію противъ наслѣдника Баба-Дага, который долженъ былъ заплатить ему большую контрибуцію, но наслѣдникъ не исполнилъ своего обѣщанія, и Пегливанъ, 10-го января, снова пошелъ въ Баба-Дагъ, гдѣ и казнилъ наслѣдника (айяна). Онъ взялъ съ собой въ экспедицію всѣ свои войска, оставивъ въ городѣ только 400—500 изъ своихъ Кирсанисовъ. Челибей воспользовался этимъ счастливымъ случаемъ, поднялъ жителей, 500 разбойниковъ и закрылъ дверь Пегливану въ Измаилъ.

---

[1]) См. „Русскую Старину", апрѣль 1908 г.

Возмущенный удавшейся дерзостью Челибея, Пегливанъ приказалъ разрушить Измаилъ и истребить всѣхъ его жителей. Конечно, легко было приказать, но не такъ легко было исполнить такое приказаніе; тѣмъ не менѣе, Пегливану удалось отрѣзать всѣ пути сообщенія, такъ что провизія только съ большимъ трудомъ могла быть доставляема въ крѣпость. Вслѣдствіе чего и гарнизонъ и жители начали терпѣть сильную нужду.

Я воспользовался этимъ удобнымъ для насъ случаемъ и не только завелъ переписку съ Челибеемъ и Измаилъ-пашею, но даже, съ разрѣшенія кн. Прозоровскаго, снабжалъ ихъ провизіей и посылалъ имъ подарки.

Измаилъ-паша спросилъ меня, можно ли ему съ войсками выйти изъ города черезъ Молдавію и Валахію, въ Албанію; я его увѣрилъ, что онъ хозяинъ своихъ дѣйствій, и обѣщалъ конвой и провіантъ, но когда онъ узналъ, что ему придется пройти Сербію, то онъ никакъ не могъ рѣшиться на это. Для переговоровъ служилъ нашъ генералъ Балла, хотя и не крупный дипломатъ, но онъ пользовался довѣріемъ своихъ компатріотовъ, въ особенности Измаила, такъ какъ былъ назначенъ сопровождать его отца, когда тотъ былъ раненъ и взятъ въ плѣнъ послѣ сраженія подъ Мачиномъ.

Если бы кн. Прозоровскій согласился пожертвовать нѣсколько тысячъ дукатовъ, Челибей освободилъ бы намъ Измаилъ, но я никакъ не могъ уговорить нашего старца принести эту жертву [1]). Измаилъ, вскорѣ, былъ снабженъ провизіей моремъ, черезъ устье Св. Георгія, и отношенія наши, поддерживаемыя мною съ Челибеемъ, стали менѣе дружелюбны и не давали болѣе надежды на успѣхъ въ моихъ планахъ относительно Измаила. Голодъ не заставлялъ болѣе великаго визиря обязываться у меня. Но если я не могъ уже болѣе купить городъ, то все же я его могъ взять силою. Съ этою цѣлью, я предложилъ главнокомандующему начать осаду Измаила съ тѣми силами, которыя у меня были, съ присоединеніемъ шести баталіоновъ изъ Киліи, Аккермана и Бендеръ и резервныхъ войскъ. Я просилъ у него только 20 осадныхъ орудій и ручался, что въ три недѣли крѣпость будетъ взята.

---

[1]) Я былъ увѣренъ въ успѣхѣ. Положеніе Челибея было таково, что этотъ обманъ сдѣлался для него совершенно необходимымъ. Онъ прекрасно зналъ, что ему не снести головы, если Пегливанъ войдетъ въ городъ, и смѣло могъ опасаться этого. Онъ не имѣлъ никакого состоянія на своей родинѣ и ничего не могъ ожидать отъ своего правительства. Онъ зналъ объ анархіи, царившей въ Портѣ, и всѣ политическія обстоятельства, а потому, тѣмъ болѣе долженъ былъ принять всѣ мои предложенія. Ему очень хотѣлось это сдѣлать, но его удерживалъ религіозный фанатизмъ, всегда очень могущественный у турокъ.

Но эта осада не входила тогда въ его планы, и онъ не согласился на мое предложеніе.

17 апрѣля я расположился лагеремъ въ Бурлакѣ, въ 15 вер. отъ с. Табакъ, и, отправивъ 12 канонерскихъ лодокъ въ Кислицы, учредилъ наблюдательный постъ на островѣ Читалѣ; кромѣ того, выслалъ на развѣдки партіи казаковъ, которые, впрочемъ, вскорѣ были взяты въ плѣнъ у самаго Измаила. Между тѣмъ турки изъ Исакчи стали проникать для развѣдокъ на лѣвый берегъ Дуная; тогда я приказалъ построить редутъ въ Карталѣ и отправилъ туда 2 баталіона Охотскаго полка съ Уральскими казаками, присланными отъ Засса. Въ апрѣлѣ турки высадились на лѣвомъ берегу и попробовали утвердиться тамъ, чему способствовало разлитіе Дуная, затруднявшее нашимъ войскамъ достигнуть занятой турками позиціи; но тѣмъ не менѣе, храбрый и очень развитой подполковникъ Стегманъ, командовавшій наблюдательнымъ постомъ въ Карталѣ, быстрымъ натискомъ атаковалъ турокъ, причинилъ имъ большія потери и заставилъ ихъ отступить обратно. Въ этомъ живомъ и скоро окончившемся дѣлѣ отличились: капитанъ 11-го Егерскаго полка Пригора и Уральскіе казаки.

Послѣ этой неудачи, турки болѣе ничего не предпринимали на Карталѣ, но время отъ времени безпокоили полковника Абдулина, командира Алексопольскаго полка, стоявшаго въ Рени. Абдулинъ принялъ полкъ отъ умершаго здѣсь отъ болѣзни и вскорѣ умеръ самъ.

Не задолго до того, какъ я занялъ лагерь въ Бурлакѣ, въ Измаилѣ произошелъ родъ революціи. Приверженцы Пегливана возмутились, начали рѣзню съ жителями города и арестовали Челибея. Но одному изъ старшихъ турецкихъ офицеровъ съ 10 жителями удалось бѣжать, и они спаслись у меня. Если бы я заранѣе былъ бы предувѣдомленъ объ этомъ происшествіи, и будь я ближе къ Измаилу, я бы могъ воспользоваться этимъ и войти въ городъ [1]).

9-го іюня, по приказанію Прозоровскаго, я наконецъ подошелъ къ Измаилу, думая, что одна лишь демонстрація вызоветъ переговоры съ Челибеемъ, но демонстрація эта не удалась.

Турки, несмотря на приказъ великаго визиря, безпрестанно производили незначительныя стычки съ моими аванпостами, и я былъ

---

[1]) Генералъ Рапгофъ только-что вернулся въ лагерь и, будь онъ болѣе рѣшительный, онъ могъ бы сейчасъ же явиться ко мнѣ и предупредить меня; а я бы очень скоро собрался къ Измаилу; но великолѣпный Рапгофъ былъ очень скроменъ и слишкомъ боялся дурного мнѣнія, котораго былъ о немъ Прозоровскій, чтобы рѣшиться на такой отважный шагъ. Онъ удовольствовался послать мнѣ нарочнаго, и время было потеряно.

вынужденъ выслать противъ нихъ казачьи полки: Кутейникова, Андріанова и Сулины. Казакамъ удалось убить до 50 чел., взять въ плѣнъ 12 чел., а остальные разбѣжались. Когда же я потребовалъ сдачи крѣпости, то получилъ отказъ.

Спустя нѣкоторое время, я сдалъ командованіе Бессарабскимъ корпусомъ генералъ-маіору Войнову, а самъ поѣхалъ въ Галацъ, а оттуда въ Валахію, гдѣ и принялъ резервный корпусъ, вмѣсто генерала Эссена 1-го, уѣхавшаго изъ арміи. Этотъ корпусъ, какъ я уже говорилъ, былъ очень большого состава, если считать его только по числу баталіоновъ и эскадроновъ, но въ немъ было мало хорошо обученныхъ людей. Корпусъ этотъ былъ предназначенъ для гарнизоновъ крѣпостей, для наблюденія за Браиловомъ и Измаиломъ и для защиты обѣихъ Валахій, въ то время, какъ главныя наши силы будутъ дѣйствовать въ Болгаріи.

Назначеніе это меня ужасно огорчило, такъ какъ оставаться въ бездѣйствіи было не въ моемъ характерѣ, и я не предвидѣлъ никакого случая заслужить отличія, столь нужнаго для моего будущаго; но я ошибся, и эта счастивая случайность укрѣпила во мнѣ мысль, что на войнѣ надо полагаться на судьбу, идти туда, куда посылають, и никогда не искать и не просить другого назначенія. Если я когда-нибудь былъ полезнымъ на службѣ и заслужилъ милости Государя, то именно въ это трудное и даже опасное командованіе, гдѣ мнѣ везло во всѣхъ отношеніяхъ. Между тѣмъ, я совершилъ невозможное при кн. Прозоровскомъ, я освободился отъ него и слѣдовалъ за нимъ по Дунаю совершенно самостоятельно. Онъ никогда, казалось, не хотѣлъ согласиться со мной, пока самъ не раскрылъ глаза на удивительное повелѣніе Милорадовича и на тотъ вредъ, который его личныя связи приносили арміи и службѣ, во время управленія имъ обѣими Валахіями. Онъ хотѣлъ, вмѣсто него, назначить другого генерала, менѣе способнаго на угожденіе людямъ, которые были нашими явными врагами и обманывали насъ ежедневно. Эссенъ 1-й обладалъ всѣми качествами, которыя заставили Прозоровскаго остановить свой выборъ на немъ, но такъ какъ Эссенъ 1-й отказался отъ этого назначенія, казавшагося ему не блестящимъ, то нашъ старый главнокомандующій, взамѣнъ его, избралъ меня. Я былъ очень польщенъ знакомъ такого довѣрія ко мнѣ, и эта мысль смягчила мое горе, которое я чувствовалъ, будучи отстраненъ отъ наступательныхъ операцій.

Генералъ Эссенъ 1-й, узнавъ, что я принялъ это командованіе, сталъ что-то противъ меня имѣть (хотя я не могъ найти причинъ) и написалъ мнѣ ироническое письмо, поздравляя съ довѣріемъ, которое я заслужилъ своими собственными талантами, рѣшившись за-

щищать обѣ Валахіи съ 13 баталіонами противъ Рущукскихъ турокъ и гарнизоновъ 14 крѣпостей. А между тѣмъ, это именно мнѣ и удалось и не только противъ одного турецкаго корпуса и гарнизоновъ, но и противъ всей арміи великаго визиря.

Я пріѣхалъ въ Галацъ получить отъ кн. Прозоровскаго всѣ тѣ инструкціи, которыя онъ хотѣлъ словесно прибавить къ напечатаннымъ, составлявшимъ цѣлый томъ. Въ Галацѣ я уже не нашелъ Кутузова, въ главной квартирѣ, такъ какъ кн. Прозоровскій просилъ Государя удалить его изъ арміи, и Государь назначилъ его въ Вильно генералъ-губернаторомъ, даже не замаскировавъ эту немилость какимъ-нибудь благовиднымъ предлогомъ или утѣшительными фразами. Онъ не стѣснялся съ нимъ, зная, что у него не хватитъ характера шокироваться подобными оскорбленіями.

Странно, что кн. Прозоровскій самъ просилъ Кутузова въ помощники къ себѣ, но онъ ошибался въ немъ, хотя долженъ былъ знать его лѣнь и страшиться его приближенныхъ, весьма дурныхъ и даже опасныхъ людей. Затѣмъ, онъ долженъ былъ понять, что Кутузову, послѣ командованія русскими и австрійскими арміями противъ Наполеона, не было большою лестью стать вторымъ въ армію, да еще въ войнѣ противъ турокъ. Онъ могъ ожидать, что Кутузовъ будетъ добиваться сдѣлаться первымъ, на что, если бы не хватило энергіи у него самого, то рѣшились бы его клевреты.

Кутузовъ привезъ съ собой своего затя Николая Хитрово, полковника и флигель-адъютанта Государя, и сдѣлалъ его своимъ дежурнымъ полковникомъ. Это было въ высшей степени неблагородное существо [1]), безъ средствъ, глупый, сплетникъ, непостоянный, малодушный, способный на всякія преступленія. Онъ иногда бывалъ въ нервномъ волненіи, которое принимали за дѣятельность. Прозоровскій также ошибался въ немъ сначала и, наскучившись лѣнью и небрежностью своего дежурнаго генерала Тучкова, онъ замѣнилъ его Хитрово; но вскорѣ оцѣнилъ его по достоинству и удалилъ. Тогда Хитрово началъ распространять про него самыя оскорбительныя клеветы и вести интриги, достойныя осужденія. Князь Прозоровскій усмотрѣлъ въ этомъ вмѣшательство Кутузова и тогда же намѣтилъ смѣстить его [2]).

---

[1]) 1827 г. Въ 1812 г. Хитрово обвинялся, и даже, говорятъ, былъ уличенъ, въ продажѣ себя Коленкуру, французскому посланнику при нашемъ дворѣ, открывъ ему состояніе нашей арміи. Онъ сдѣлался шпіономъ французовъ. Изъ уваженія къ Кутузову, Государь, слишкомъ снисходительный, ограничился лишь увольненіемъ его со службы.

[2]) Хитрово написалъ въ Петербургъ письмо, гдѣ говорилось очень дурно о кн. Прозоровскомъ; письмо было адресовано начальнику канцеляріи военнаго министра. Очевидно Хитрово, не хотѣлъ, чтобы это

Кутузовъ, всегда окруженный гаремомъ, имѣлъ веселый домъ, гдѣ всѣ себя чувствовали очень свободно, и гдѣ его дочь, М-me Хитрово (также весьма свободная) очень любезно принимала гостей. Всѣ генералы собирались у него, отдѣляясь отъ Прозоровскаго, который всегда былъ въ дурномъ настроеніи, ворчливъ и бранившій весь свѣтъ и общество, не представлявшіе для него пріятности. За то въ домѣ Кутузова не щадили его. И это неудовольствіе, соединенное съ убѣжденіемъ, что Кутузовъ хочетъ его выжить, заставило Прозоровскаго ненавидѣть Кутузова. Онъ открыто упрекалъ его въ неудачномъ штурмѣ Браилова, также какъ и въ неудачахъ сраженія подъ Мачиномъ 1791 г. [1]) и смерти кн. Репнина; наконецъ, отношенія ихъ такъ обострились, что стало очевиднымъ, что одинъ изъ нихъ долженъ покинуть армію [2]).

Государь, получивъ письмо отъ Прозоровскаго, совершенно справедливо замѣтилъ: „Я знаю, что Кутузовъ уменъ, но мнѣ кажется, что ему нѣтъ смысла ссориться съ умирающимъ начальникомъ“. Дѣйствительно, если бы Кутузовъ не покинулъ арміи, онъ бы замѣстилъ Прозоровскаго черезъ 2 мѣсяца, что, быть можетъ, было бы счастьемъ и для насъ. Онъ имѣлъ много недостатковъ, пороковъ, но онъ обладалъ тѣмъ, чего раньше всего требовалъ кардиналъ Мазарини отъ генерала, онъ былъ счастливъ.

Во время бездѣйствія войскъ въ лагерѣ, Прозоровскій заставлялъ полки дѣлать ученья въ своемъ присутствіи и маневрировать цѣлыя дивизіи. Несмотря на то, что силы его съ каждымъ днемъ

письмо осталось въ секретѣ. Прозоровскій, получивъ копію съ этого письма, былъ увѣренъ, что диктовалъ его Кутузовъ; но онъ заблуждался. Я долженъ сказать правду, что Кутузовъ никогда не интриговалъ противъ него и не раздѣлялъ низкихъ помысловъ своихъ приверженцевъ. Два года спустя, когда онъ принялъ командованіе арміей, я ему говорилъ объ этомъ фактѣ, и онъ отвѣтилъ мнѣ съ рѣдкимъ прямодушіемъ: „да, старикъ былъ правъ, въ этомъ случаѣ я былъ единственнымъ виновникомъ, терпя около себя моего чуднаго зятя Хитрово“.—Это его собственныя слова.

[1]) Смотри записки мои о кампаніи 1791 года.

[2]) Послѣ отступленія арміи въ Сербешти, я пріѣхалъ на 2 дня въ Галицъ и былъ свидѣтелемъ сцены, происшедшей за столомъ, у стараго графа Браницкаго, пріѣхавшаго навѣстить своего сына, который состоялъ при кн. Прозоровскомъ волонтеромъ. Во время обѣда, гдѣ находился и Кутузовъ, по польскому обычаю, пили за здоровье многихъ. Прозоровскій, будучи немного навеселѣ и разгоряченный шампанскимъ, подъ вліяніемъ своей злобы, накинулся на Кутузова и довелъ его до того, что Кутузовъ всталъ съ своего стула и ушелъ къ себѣ. Съ тѣхъ поръ, онъ никогда уже не показывался у Прозоровскаго. Кутузову вообще везло на такія сценки. Смотри мои записки о кампаніи 1791 г., гдѣ описана исторія, которую онъ имѣлъ, за столомъ у кн. Репнина, съ генер. Писторомъ.

ослабѣвали, онъ ежедневно, верхомъ, присутствовалъ на маневрахъ, находилъ все дурнымъ и всѣхъ бранилъ.

Мы знаемъ, что онъ расположилъ войска въ Валахіи такимъ образомъ, что всѣ пункты, подверженные нападенію турокъ, были достаточно защищены, и, дѣйствительно, всѣ попытки турокъ успѣха не имѣли.

22 апрѣля, турки перешли изъ Силистріи въ Калерашъ, но были отброшены казаками и двумя ротами 7-го егерскаго полка, имѣвшими нѣкоторыя потери. 16 мая они снова хотѣли занять Калерашъ, но полковникъ Мельниковъ выслалъ туда подполковника 27 егерскаго полка Ботвинкина, который, подойдя къ д. Магурени, немного ниже Калараша, несмотря на численное превосходство турокъ, прогналъ ихъ обратно въ Силистрію. Въ Ольтеницѣ, передъ Туртукаемъ, турки также потерпѣли неудачу во всѣхъ своихъ попыткахъ основаться на лѣвомъ берегу Дуная.

Чтобы еще болѣе обезпечить Валахію, Прозоровскій расположилъ въ с. Саджатѣ въ 7 вер. отъ Бузео, на отличной позиціи, 6 баталіоновъ пѣхоты и Стародубовскихъ драгунъ, подъ начальствомъ ген.-лейт. Олсуфьева.

Этому небольшому отряду поручено было слѣдить за Браиловымъ и Силистріей; кромѣ того, на отрядъ возлагалось помогать: въ 1-хъ, Каларашскому посту; во 2-хъ, аванпостамъ ген.-маіора Жилинскаго, находившимся подъ Ульмано; въ 3-хъ, отряду у Визирьскаго брода и, въ 4-хъ, Бухарестскому корпусу, бывшему подъ моимъ начальствомъ, если бы я призналъ эту помощь нужной (а я дѣйствительно въ ней нуждался). Центральное положеніе этого отряда подъ Бузео было очень хорошо выбрано. Другой отрядъ былъ расположенъ близъ Визирьскаго брода у Бузео, около моста съ хорошимъ предмостнымъ укрѣпленіемъ. Отрядъ состоялъ изъ трехъ эскадроновъ Житомірскихъ драгунъ и Волынскихъ уланъ, подъ командой князя Гика. Это былъ человѣкъ честный, мягкаго характера, очень обязательный, храбрый, но какъ генералъ—мало знающій военное дѣло. Онъ умеръ въ Фокшанахъ, въ концѣ кампаніи.

Отрядъ, стоявшій близъ Визирьскаго брода, прибылъ изъ Ротишанъ, гдѣ былъ въ составѣ резерва, наблюдавшаго Черновицы и Буковину. Мы воевали тогда съ Австріей, а имъ, конечно, всѣ войска нужны были противъ Наполеона, а потому этотъ отрядъ былъ совершенно безполезенъ въ Ротишанахъ, и Прозоровскій присоединилъ его къ арміи. Когда распространился слухъ (оказавшійся фальшивымъ) о сборѣ австрійскихъ войскъ въ Буковинѣ, то Прозоровскій вынужденъ былъ вновь отправить его въ Ротишаны, а когда выяснилась ложность этого слуха, то отрядъ вернули къ

Визирьскому броду. Такимъ образомъ, этотъ несчастный отрядъ прошелъ совершенно безполезно значительное количество верстъ форсированными маршами, при изнурительной жарѣ, что погубило полкъ Волынскихъ уланъ, составленный изъ рекрутовъ и дезертировъ всѣхъ націй; часть ихъ погибла въ госпиталяхъ, а другая дезертировала. Кн. Прозоровскій ненавидѣлъ этотъ полкъ, въ который отъ него взяли двухъ его лакеевъ.

По первоначальному плану нашего главнокомандующаго, мы должны начать наступательныя дѣйствія взятіемъ Браилова, затѣмъ перейти Дунай, приблизиться къ Болгаріи, взять Исакчу, Тульчу, Баба-Дагъ, Мачинъ, Гирсово, Кюстенджи, блокировать Измаилъ, заставивъ его голодомъ сдаться и окончить кампанію у Троянова вала, окопавшись у Кюстенджи, Коросона и Черноводахъ. Но потерпѣвъ неудачу подъ Браиловымъ, Прозоровскій рѣшилъ оставить тамъ наблюдательный корпусъ, а съ остальными войсками перейти Дунай у Галаца, гдѣ мы переходили его съ кн. Репнинымъ въ 1791 году; но въ то время воды были низки, Кучефанъ пересыхала и ничто не мѣшало нашему переходу, въ 1809-мъ же году вода достигла изумительный высоты, всѣ берега Дуная были затоплены, и Кучефанъ была не проходима.

Послѣ долгихъ колебаній о выборѣ мѣста для моста, рѣшили построить его въ 7 верстахъ ниже Галаца, около устья Чумца, гдѣ Дунай хотя и шире, но теченіе его медленнѣе. Рѣка Чумца, въ 7 или 8 верстахъ вверхъ отъ своего устья, своими извилинами окружаетъ болото, черезъ которое необходимо надо было сдѣлать фашинную гать и, только перейдя правую сторону, возвышаются горы, по которымъ проходятъ дороги въ Исакчу, Баба-Дагъ, Тульчу, Мачинъ и въ Болгарію, но вода оставалась высокою до конца іюня, и переправа не состоялась.

Нетерпѣніе Прозоровскаго было необычайно, онъ 10 разъ въ день посылалъ измѣрять Дунай и предавался отчаянію, когда получаемыя извѣстія не согласовались съ его желаніями. Ему ничего не оставалось дѣлать, какъ ждать, такъ какъ не могъ же онъ заставить природу измѣниться по его желанію.

Чтобы разсѣяться, онъ приказалъ Платову предпринять набѣгъ на вышедшихъ изъ Браилова турокъ, что и удалось.

26 іюня Платовъ, въ оврагѣ, граничащемъ съ Серетомъ, устроилъ изъ казаковъ засаду и, какъ только турецкіе фуражиры вышли изъ Браилова, казаки внезапно напали на нихъ, порубили до 100 чел., а 150 взяли въ плѣнъ, при чемъ угнали до 200 лошадей и до 400 штукъ скота.

Наконецъ, въ концѣ іюня вода спала, болота просохли, и началась постройка мостовъ и гати изъ фашинъ. Мостъ былъ готовъ къ 11 іюля, но перейти по немъ можно было только 25 числа, такъ какъ до этого времени берега рѣки были затоплены, а потому и непроходимы.

Въ это время кн. Прозоровскій сдѣлалъ новое распредѣленіе арміи, которое онъ мѣнялъ 5 или 6 разъ въ годъ, признавая это самымъ важнымъ дѣломъ. Разработка этого вопроса производилась въ теченіе 8 дней, совмѣстно съ его начальникомъ канцеляріи полковникомъ Хоментовскимъ, о ничтожности котораго я уже говорилъ.

Въ инструкціяхъ, данныхъ мнѣ словесно кн. Прозоровскимъ, въ дополненіе къ письменнымъ, по поводу назначенія меня начальникомъ резервнаго корпуса, а также и тѣхъ, которыя, до того, были даны генералу Эссену, рѣшительно ничего не было забыто. Приказы его, хотя и растянутые, были точны и ясны и предусмотрительны. Онъ меня предупреждалъ о политическомъ положеніи Европы, о нашемъ разрывѣ съ Англіей, о войнѣ Франціи съ Австріей и объ участіи, которое мы въ ней принимали. Онъ совѣтовалъ мнѣ быть осторожнымъ съ иностранными консулами, но въ то же время охранять ихъ и быть внимательнымъ къ французскимъ и австрійскимъ курьерамъ, проѣзжающимъ занятыя нами земли.

Изъ нѣкоторыхъ его выраженій видно, что его очень стѣсняетъ вынужденное разрѣшеніе на проѣздъ ихъ и вообще присутствіе въ нашей арміи этихъ консуловъ—привилегированныхъ шпіоновъ. Но Дворъ не далъ ему указаній объ этомъ, хотя онъ и просилъ ихъ.

Начальникъ резервныхъ войскъ въ тылу арміи долженъ былъ, послѣ того какъ армія перейдетъ Дунай, командовать войсками отъ Чернаго моря до Сербіи; наблюдать за 7-ью крѣпостями или укрѣпленными пунктами, которые турки еще имѣли на лѣвомъ берегу Дуная; защищать весь этотъ берегъ; охранять обѣ Валахіи отъ нападеній; снабжать провіантомъ, деньгами, оружіемъ и даже помогать войсками сербамъ; слѣдить за сохраненіемъ продовольственныхъ запасовъ, одежды, парковъ, осадной артиллеріи, транспортовъ и проч. и проч.; привести крѣпости, бывшія въ нашемъ распоряженіи, въ готовое состояніе; быть готовымъ противъ австрійцевъ, которые могли, черезъ Трансильванію, напасть на нашъ тылъ и флангъ въ Валахіи и Молдавіи; стараться узнать ихъ силы, проникнуть въ ихъ замыслы, поддерживать съ ними договоры; если возможно, не терять изъ виду правый берегъ Чернаго моря и имѣть очень дѣятельную корреспонденцію съ генер.-лейт. герцогомъ Ришелье, генералъ-губернаторомъ Новороссійскаго края, начальникомъ войскъ въ

Одессѣ и въ Крыму и съ адмираломъ маркизомъ де-Траверсе, начальникомъ Черноморскаго флота [1]), и подавать имъ, въ случаѣ необходимости, помощь [2]).

Кн. Прозоровскій, получивъ какія-то извѣстія изъ Константинополя, началъ опасаться, чтобы англійскій флотъ, соединившись съ турецкимъ и имѣя на судахъ десантъ, не напалъ бы на наши берега, но эта боязнь была не основательна, такъ какъ кн. Прозоровскій долженъ былъ понять, что англичане прекрасно знали, что они не могутъ долго оставаться нашими врагами и, связанные съ нами торговлей и коммерческими интересами, вовсе не искали случая сдѣлать намъ зло; одни же турки ничего не могутъ намъ сдѣлать. Во всякомъ случаѣ, мнѣ, имѣющему свою резиденцію въ Бухарестѣ, не представлялось никакой возможности слѣдить за берегами Чернаго моря.

Главнокомандующій преподалъ мнѣ еще одну частную инструкцію, хорошо составленную, которую необходимо соблюдать на случай сраженія съ турками, какъ съ войсками разныхъ оружій, такъ и съ одной кавалеріей. Онъ рекомендовалъ генераламъ никогда не позволять имъ атаковывать себя, но непремѣнно предупреждать ихъ всегда и вездѣ, лишь только извѣстно, что турки собрались. Это было также и моей системой, которую я всегда и приводилъ въ исполненіе.

8 іюля князь Прозоровскій поѣхалъ осматривать лагерь у Визирьскаго брода и Саджата. Возвратясь въ Рымникъ, онъ такъ заболѣлъ, что не было надежды на выздоровленіе. 14-го его перевезли въ Галацъ, гдѣ находился и я, здѣсь онъ, при всѣхъ генералахъ и офицерахъ, находившихся въ комнатѣ, сказалъ мнѣ: „вы видите, въ какомъ я положеніи, быть можетъ я не проживу и ночи: вы самый старшій послѣ меня, возьмите на себя командованіе арміей, я не могу быть болѣе полезнымъ моему Государю и родинѣ; Господь не захотѣлъ, чтобы я окончилъ эту войну". Эти слова и его состояніе (онъ походилъ на трупъ. вынутый изъ земли) заста-

---

[1]) Съ этого момента защита и судьба русскихъ, въ раіонѣ 2000 верстъ, была поручена тремъ французамъ.

[2]) Именно эти громадныя требованія и ужасная отвѣтственность испугали Эссена 1-го, генерала съ большими достоинствами, очень храбраго, болѣе смѣтливаго, чѣмъ отважнаго въ своихъ предпріятіяхъ. Я считаю себя отважнѣе его, принявъ эту должность, такъ какъ я рисковалъ всѣмъ, и я чувствовалъ себя очень хорошо и былъ даже счастливъ, я спасъ Валахію, и именно этой кампаніи я обязанъ возвращеніемъ мнѣ милости и довѣрія Императора и порученіямъ, которыя онъ мнѣ давалъ съ тѣхъ поръ. Между тѣмъ, я еще не былъ произведенъ въ генералъ-аншефы, какъ могъ бы того ожидать.

вили прослезиться всѣхъ присутствующихъ и особенно меня, такъ уважавшаго его и пользовавшагося его особымъ довѣріемъ. Послѣ этой сцены, его отнесли на кровать, и я подумалъ, что все кончено; но на другой день онъ ожилъ и былъ очень чувствителенъ.

Когда я, отказавшись отъ командованія, просилъ его приказаній и не хотѣлъ подписывать приказовъ по арміи, мое положеніе стало довольно затруднительнымъ. Съ одной стороны, мнѣ надо было ѣхать въ Валахію, гдѣ мое присутствіе признавалось необходимымъ, а съ другой—флигель-адъютантъ Государя, князь Василій Трубецкой, пріѣхавшій послѣ штурма Браилова, просилъ меня не уѣзжать, такъ какъ ожидали смерти Прозоровскаго съ минуты на минуту. Наконецъ, я рѣшилъ уѣхать, и Трубецкой обѣщалъ прислать курьера какъ только главнокомандующій скончается.

19 іюля я пріѣхалъ въ лагерь Охотникова, у Визирьскаго брода, къ князю Гика и узналъ, что Платовъ собирался произвести новый набѣгъ около Браилова, чтобы уничтожить хлѣбъ, посѣянный тамъ турками, чего не могъ сдѣлать дежурный генералъ Тучковъ. Довольно необдуманно я поѣхалъ догонять Платова, чтобы присутствовать на спектаклѣ, который онъ собирался разыграть.

Набѣгъ этотъ ему удался такъ же, какъ и въ первый разъ. Устроивъ засаду, онъ завлекъ на нее турокъ, захватилъ въ плѣнъ 4 офицеровъ и 150 всадниковъ, да человѣкъ 200 легли на мѣстѣ; самъ же Платовъ потерялъ только 30 человѣкъ.

На другой день, 20 іюля, онъ хотѣлъ повторить тотъ же маневръ, но на этотъ разъ неуспѣшно. Турки засѣли въ нашихъ прежнихъ траншеяхъ, которыя они перекопали и привлекли, на себя казаковъ и встрѣтили ихъ такимъ сильнымъ огнемъ, который, по своей силѣ, равнялся орудійному огню съ крѣпости. Много было убито и ранено у насъ, а въ довершеніе всего, внезапно появившаяся конница турокъ всѣхъ насъ окружила. Я находился среди этой драки, рѣшительно не зная, что дѣлать; былъ даже моментъ, когда я рисковалъ быть изрубленнымъ или взятымъ въ плѣнъ, но мнѣ удалось спастись бѣгствомъ на плохонькой казачьей лошади, которую мнѣ далъ Платовъ. Если бы я былъ взятъ въ этой стычкѣ, про меня могли бы сказать: „на кой чортъ замѣшался онъ въ этомъ дѣлѣ?“ Платовъ отступилъ, а турки выразили свою радость, производя залпы изъ всѣхъ орудій и ружей. Залпы эти очень не понравились Платову.

Нѣсколько дней спустя, послѣ моего выѣзда изъ Галаца, пріѣхалъ изъ Петербурга генералъ-отъ-инфантеріи князь Багратіонъ, чтобы замѣстить Кутузова.

Князь Багратіонъ, георгіевскій кавалеръ, происходилъ изъ ста-

ринной фамиліи беевъ или князей-владѣтелей одной провинціи на Кавказѣ, раздѣленной раньше на нѣсколько маленькихъ княжествъ. Въ 1809 году, князь Багратіонъ имѣлъ 45 лѣтъ. Природа многое сдѣлала для него, но искусство не прибавило ничего. Рожденный съ превосходнымъ военнымъ взглядомъ, онъ обладалъ удивительной дѣятельностью и инстинктомъ военнаго дѣла. Храбрый, предпріимчивый, отважный въ бою, онъ пріобрѣлъ привычку къ войнѣ, которую велъ всю свою жизнь противъ персовъ, турокъ, Италіи, Германіи, Пруссіи и Швеціи. Немногіе генералы могутъ соперничать съ нимъ по количеству сраженій, въ которыхъ онъ участвовалъ, и по тѣмъ интереснымъ командованіямъ, которыя ему поручались. Въ 1799 г., въ Италіи, онъ командовалъ авангардомъ Суворова, въ Германіи, въ Пруссіи, въ 1805 и 1807 гг. онъ командовалъ авангардомъ Кутузова и Беннигсена и въ 1808 г. корпусами въ Швеціи. Вездѣ и всегда онъ отличался, и всѣ полученные имъ ордена и чины были заслуженной наградой полезныхъ и блестящихъ его дѣйствій, а не постыднымъ результатомъ личнаго расположенія. Россія не имѣла лучшаго начальника авангардовъ, лучшаго начальника главныхъ силъ, но безусловный недостатокъ подготовительнаго образованія заставлялъ опасаться, что онъ не будетъ также хорошъ во главѣ арміи и, кажется, про него можно было сказать: „что блещетъ во второмъ ряду, помрачается въ первомъ".

Багратіонъ, не знавшій никакого другого языка, кромѣ русскаго и на этомъ языкѣ не могъ написать ни реляціи, ни записки, ни письма безъ ошибки, никогда не читалъ книгъ; онъ имѣлъ талантъ справляться съ людьми, и его умъ, прямой и ясный, всегда избиралъ себѣ хорошихъ людей среди тѣхъ, которыхъ ему совѣтовали принять къ себѣ. Онъ имѣлъ еще другой, очень драгоцѣнный талантъ, онъ былъ обожаемъ всѣми, кто служилъ подъ его начальствомъ. Его храбрость—блестящая и въ то же время хладнокровная, его манеры, солдатская рѣчь, фамильярность съ солдатами, прямое и открытое веселье возбуждало всеобщую любовь, и никто изъ начальниковъ нашей арміи не были такъ любимы, какъ онъ, и даже генералы, которыхъ онъ опередилъ (ихъ было много и я въ числѣ ихъ) служили всей душой и съ удовольствіемъ подъ его начальствомъ, исключая Милорадовича, который никого не любилъ и не уважалъ кромѣ себя; въ этомъ случаѣ, онъ одинъ придерживался этого мнѣнія. Багратіонъ, за сраженіе подъ Аустерлицемъ, былъ произведенъ не въ очередь въ генералъ-лейтенанты и, конечно, повышеніе это вполнѣ заслуженно. За шведскую войну онъ вмѣстѣ съ Барклаемъ-де-Толли, былъ произведенъ въ генералъ-отъ-инфантеріи, и имъ обоимъ вполнѣ извинительно это производство не въ очередь,

никто бы ничего не сказалъ, если бы рѣчь шла только объ этихъ двухъ генералахъ, но выдвигали и другихъ, не обладавшихъ качествами достойными на такое повышеніе, которое скорѣе роняло, чѣмъ возвышало ихъ.

Багратіонъ родился въ очень бѣдной семьѣ и не получилъ никакого образованія. 15 лѣтъ, едва умѣя читать и писать, онъ былъ принятъ унтеръ-офицеромъ въ одинъ пѣхотный полкъ на Кавказѣ, гдѣ онъ пробылъ 5 или 6 лѣтъ въ томъ же званіи, раздѣляя солдатскую жизнь; затѣмъ онъ перешелъ въ регулярныя войска.

Я его видѣлъ въ Петербургѣ, въ 1790 г., въ казачьей формѣ, мало извѣстнымъ и не принятымъ ни въ одномъ домѣ [1]).

19 лѣтъ спустя, онъ командовалъ арміями! несомнѣнно великая ему честь, что онъ достигъ этого безъ протекціи [2]).

Багратіонъ не имѣлъ ни малѣйшаго понятія, никакого представленія объ административной части арміи и еще меньше о политикѣ. Изъ-за этого пробѣла въ образованіи, онъ принужденъ былъ довѣряться своимъ подчиненнымъ, иные изъ которыхъ иногда имѣли надъ нимъ большое превосходство, и можно судить, насколько это вліяніе могло быть опаснымъ, когда извѣстно, что такое секретари и писаря, особенно въ Россіи.

Послѣ смерти Прозоровскаго, Багратіонъ совершенно довѣрился Безаку, несмотря на взглядъ Императора, относившагося не благосклонно къ этому публицисту и, говорятъ, несмотря даже на его приказъ. Нашъ новый начальникъ не съумѣлъ указать ему его мѣсто, какъ его предшественникъ, котораго хотя секретарь и обманывалъ въ дѣлахъ, гдѣ онъ былъ заинтересованъ, но онъ никогда не допускалъ вліянія его на военныя операціи. При Багратіонѣ же Безакъ

---

[1]) 1827 г. Когда Багратіонъ пріобрѣлъ извѣстную славу въ арміи, онъ женился на маленькой племянницѣ кн. Потемкина, дочери графини Скавронской, затѣмъ графини Литта. Эта богатая и блестящая партія не подходила къ нему. Багратіонъ былъ только солдатомъ, имѣлъ такой же тонъ, манеры и былъ ужасно уродливъ. Его жена была настолько бѣла, насколько онъ былъ черенъ; она была красива, какъ ангелъ, блистала умомъ, самая живая изъ красавицъ Петербурга, она недолго удовлетворялась такимъ мужемъ и такъ предалась распутству, что Багратіонъ принужденъ былъ разойтись съ ней. Послѣ его смерти, она уѣхала въ Парижъ, гдѣ чрезвычайная безнравственность ея, во всѣхъ отношеніяхъ, даже въ либерализмѣ, внушала отвращеніе даже въ тѣхъ, которые плѣнялись ея умомъ и грaціей. Въ Парижѣ она жила открыто, тратила массу денегъ и, кромѣ своихъ любовниковъ, никому ничего не платила.

[2]) 1827 г. Онъ былъ раненъ въ Бородинскомъ сраженіи въ 1812 году и умеръ нѣсколько дней спустя, при общемъ сожалѣніи. Будь онъ живъ и продолжай командовать арміями, онъ скоро получилъ бы фельдмаршала, чего вполнѣ заслуживалъ на полѣ битвы.

командовалъ арміей, велъ самолично переписку съ министрами и посланниками иностранныхъ дворовъ. Его начальникъ слѣпо подписывалъ все, что онъ ему предлагалъ, не измѣняя ни одного слова. Безакъ сумѣлъ воспользоваться этой, достойной осужденія, снисходительностью и счастливыми для него обстоятельствами, благодаря, извѣстному всѣмъ, своему характеру и алчности [1]).

Безакъ былъ странный юмористъ, надоѣдливый, но надо отдать ему справедливость, я рѣдко видѣлъ человѣка, голова котораго была такъ хорошо приспособлена для дѣла; онъ чрезвычайно легко справлялся съ работой; память у него была изумительная, онъ все зналъ, все читалъ и ничего не забывалъ; онъ колко и блестяще, прекрасно владѣлъ перомъ, какъ на русскомъ, такъ и на французскомъ языкахъ и, конечно, также на своемъ родномъ нѣмецкомъ языкѣ, но стиль его былъ слишкомъ витіеватъ и поэтиченъ для военныхъ реляцій.

Съ Багратіономъ пріѣхалъ генералъ Булатовъ, бывшій офицеръ главнаго штаба, 45 лѣтъ, знающій свое дѣло, интеллигентный, дѣятельный и очень храбрый. Онъ пріѣхалъ изъ Швеціи, гдѣ былъ плѣнникомъ, попавъ въ руки непріятеля послѣ довольно живого дѣла, въ которомъ шведы одолѣли его численнымъ превосходствомъ и онъ, потерявъ весь свой отрядъ, получилъ 7 или 8 ранъ.

Князь Багратіонъ привезъ съ собою еще молодого графа Павла Строганова, племянника моей жены и моего давнишняго друга. Это былъ одинъ изъ высшихъ и богатыхъ сановниковъ Россіи. Онъ началъ свою карьеру не съ военной службы, какъ было въ обыкновеніи у русскихъ, а былъ сначала адъютантомъ у министра внутреннихъ дѣлъ, потомъ служилъ въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ, будучи другомъ Адама Чарторыйскаго, кн. Кочубея, адмирала Чичагова, Новосильцева и др. приверженцевъ, такъ называемой, англійской партіи въ Россіи; но какъ только система нашей дипломатіи измѣнилась, и господа Будбергъ, Румянцевъ и др. получили значеніе въ министерствѣ, Строгановъ тотчасъ же перешелъ въ

---

[1]) Его обвиняли въ наживѣ себѣ огромнаго состоянія. Я думаю, что онъ воспользовался расположеніемъ молдаванъ и валаховъ къ русскимъ служащимъ, имѣющимъ вліяніе, но чтобы онъ имѣлъ милліоны (какъ говорили), доказательствъ не было. Онъ ловокъ, хитеръ и могъ скрыть на нѣкоторое время свое состояніе, чтобы прекратить неблагопріятные толки, въ надеждѣ умилостивить Государя и получить какое-нибудь мѣсто, на которое, по своей старости, надѣяться ему было трудно. Онъ былъ не такимъ человѣкомъ, чтобы слишкомъ долго могъ играть комедію съ сокрытіемъ своего состоянія. Онъ не могъ безъ причины отказывать себѣ всю жизнь въ развлеченіяхъ, которыми онъ любилъ пользоваться. Несомнѣнно, онъ имѣлъ на своемъ мѣстѣ доходъ, но менѣе, чѣмъ говорятъ.

армію съ переименованіемъ въ генералъ-маіоры. Оказалось, что онъ не былъ чуждымъ ни войнѣ, ни положенію, которое занималъ. Его храбрость была блестяща, такъ же, какъ его умъ и образованіе.

Кромѣ того, съ Багратіономъ пріѣхалъ еще генералъ-маіоръ главнаго штаба Адеркасъ, къ которому онъ питалъ неограниченное довѣріе.

Итакъ, Михельсонъ и Кутузовъ имѣли Гартинга и Толя, Багратіонъ—Адеркаса, гр. Каменскій—Фридерице, единственный кн. Прозоровскій не былъ ни подъ чьимъ вліяніемъ.

Мнѣнія объ Адеркасѣ такъ различны, что я ничего не могу сказать про него опредѣленнаго. У него было много враговъ, и говорили, что онъ очень безнравственный и неспособный. Дѣйствительно, онъ не выказалъ таланта, необходимаго въ кампаніи, въ которой онъ участвовалъ съ Багратіономъ, но я убѣдился въ его дѣятельности, храбрости и знаніи своего дѣла; что же касается его характера, я не имѣлъ случая подозрѣвать въ немъ безнравственности.

Князь Прозоровскій очень хорошо принялъ Багратіона, но когда послѣдній поѣхалъ на Дунай, осматривать мостъ и приготовленія къ переходу войскъ, то Прозоровскій предался подозрѣніямъ, вообразилъ, что онъ слишкомъ рано собирается распоряжаться войсками, удалилъ его изъ главной квартиры и отправилъ командовать войсками въ Саджатскій лагерь, который былъ укрѣпленъ и ввѣренъ ген.-лейт. Эссену 3-му.

Переходъ черезъ Дунай.

Наконецъ, 25 іюля, послѣ 3-хъ мѣсяцевъ ожиданія и двухмѣсячныхъ работъ, мостъ черезъ Дунай былъ оконченъ, такъ же, какъ и предмостное укрѣпленіе и фашинная гать, проложенная до Емулетца, и генералъ Гартингъ съ 2 баталіонами Староингерманландскаго полка, однимъ Алексопольскаго, 4-мя двѣнадцати фунтовыми пушками и 150 казаками—перешелъ Дунай.

Въ это же время, Якимовъ съ частью флотиліи добрался до Емулетца и спустилъ понтоны по теченію, на востокъ, гдѣ и навелъ мостъ. Вызванные 3 эскадрона Переяславскихъ драгунъ, двигаясь по взводно, пробили лошадьми широкую дорогу въ тростникахъ, по которой ген. Гартингъ прошелъ безъ труда на возвышенности до Вакарели, гдѣ и построилъ 2 редута.

Я не перестаю повторять, что въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ чрезвычайно удобно вести войну съ турками, которые ничего не подо-

зрѣваютъ, ничему не сопротивляются, никого не устрашаютъ, и всѣ изолированные начальники которыхъ, враждуя между собой, даже при ожиданіи нападенія врага, никогда не подаютъ другъ другу помощи.

Назиръ Браилова, коменданты: Мачина и Исакчи, Пегливанъ въ Баба-Дагѣ, Мустафа-Челибей въ Измаилѣ, Емикъ-оглы въ Силистріи—не могли не знать нашихъ плановъ, такъ какъ знали, что мы въ продолженіе долгаго времени работали надъ мостами и строили дороги, но они и не думали помѣшать нашей переправѣ. Между тѣмъ, какъ занявъ 4 редута, построенныхъ на возвышенностяхъ Вакарели, турки могли бы сильно намъ навредить

27 іюля перешелъ Дунай Зассъ съ слѣдующими войсками:

2 баталіона Фанагорійскаго полка.
2 „ Новгородскаго „
2 „ Украинскаго „
2 „ Охотскаго „
2 „ Егерскаго „
10 орудій 12 фунтовыхъ.
5 эскадроновъ Переяславскихъ драгунъ.
5 „ Ольвіопольскихъ гусаръ.
3 полка казаковъ.

28 и 29 іюля съ Платовымъ переправились:

2 баталіона Архангелогородскаго полка.
2 „ 7-го Егерскаго „
12 орудій Донской артиллеріи.
10 эскадроновъ Чугуевскихъ уланъ.
5 „ Стародубовскихъ драгунъ.
и 9 полковъ казаковъ.

29 іюля три нашихъ корпуса соединились и расположились лагеремъ на возвышенностяхъ Вакарели. Въ этотъ же день Зассъ, имѣя подъ своимъ начальствомъ графа Сергѣя Каменскаго (которому князь Прозоровскій не хотѣлъ давать отдѣльнаго корпуса) двинулся къ Исакчѣ.

Командовавшій авангардомъ, генералъ Булатовъ, 1 августа подошелъ къ Исакчѣ и нашелъ ее брошеной. Гарнизонъ бѣжалъ, спасаясь моремъ и сушею, частію въ Измаилъ, частію въ Баба-Дагъ. 7 пушекъ, много оружія и провіанта было оставлено въ крѣпости.

Исакча имѣла въ серединѣ старую каменную цитадель, очень удобную для обороны, и была окружена хорошимъ ретраншаментомъ. Городъ расположенъ на правомъ берегу Дуная, въ прелестной мѣст-

ности, амфитеатромъ возвышаясь надъ садами, лѣсами и виноградниками, окружавшими его. Съ высотъ стараго города открывался очаровательный видъ вдоль Дуная.

Булатовъ тотчасъ же послалъ занять монастырь, расположенный въ 5—6 верстахъ отъ Исакчи, гдѣ были захвачены 1.200 болгаръ, не успѣвшихъ бѣжать. Всѣ они были отправлены въ Бессарабію.

2 августа Булатовъ занялъ Тульчу, которая также была покинута, какъ Исакча. Тамъ нашли 18 пушекъ и огромные запасы боевыхъ и продовольственныхъ припасовъ. Преслѣдуя бѣжавшихъ въ Баба-Дагъ жителей, Булатовъ захватилъ 1.500 плѣнниковъ, которыхъ со всѣмъ ихъ имуществомъ, также отправили въ Бессарабію.

Въ этотъ же день Платовъ занялъ Баба-Дагъ, незадолго до того оставленный Пегливаномъ, а теперь покинутый немногими оставшимися тамъ жителями. Въ Баба-Дагѣ взято 10 пушекъ.

Баба-Дагъ расположенъ въ 4-хъ верстахъ отъ Исакчи и въ 10 отъ большого озера Разелинъ, соединяющагося съ Чернымъ моремъ тремя каналами. Большое и богатое озеро это очень выгодно въ коммерческомъ отношеніи. Въ 1791 г. Кутузовъ овладѣлъ Баба-Дагомъ и разрушилъ его, но впослѣдствіи турки возстановили крѣпость, которую теперь мы вновь разрушили.

Послѣ взятія этихъ трехъ крѣпостей, Прозоровскій приказалъ Войнову, расположенному лагеремъ въ Булракѣ, близъ Табака, въ Бессарабіи, подойти къ Измаилу и блокировать его. Въ то же время, капитанъ-лейтенанту Попандопуло сосвоею флотиліей, подняться вверхъ по Дунаю, рукавомъ Сулина, и подойти къ Тульчѣ.

8 августа Войновъ подошелъ къ Измаилу, расположился тамъ лагеремъ и, окруживъ городъ, совершенно отрѣзалъ его отъ всякихъ сообщеній съ Болгаріей.

Между тѣмъ, еще 3 августа, Попандопуло соединился, передъ Тульчей, съ флотиліей Якимова, подошедшей изъ Галаца.

По дорогѣ къ Тульчѣ, Якимову удалось взять два турецкихъ укрѣпленія съ 5-ю пушками, а затѣмъ онъ приблизился къ острову Четаль, гдѣ Дунай развѣтвляется на 2 рукава, изъ которыхъ одинъ направляется къ Тульчѣ, а другой къ Измаилу, образуя такимъ образомъ Килію и Сулину,

Флотилія Киліи также приблизилась къ Тульчѣ и размѣстилась противъ р. Шута.

Конечно, если бы Пегливанъ оставался въ Измаилѣ, мы не заняли бы такъ легко всѣ эти крѣпости, въ особенности Тульчу, ко-

торая ему была очень нужна, но Мустафа-Челибей не обладалъ ни сильнымъ войскомъ, ни военными дарованіями.

Передвинувъ на правый берегъ Дуная генерала Маркова съ:

2	баталіонами	Колыванскаго полка.
2	„	13 Егерскаго „
1	„	Алексопольскаго „
5	эскадронами	Сѣверскихъ драгунъ.
и 2	„	Ольвіопольскихъ гусаръ,

Князь Прозоровскій размѣстилъ на р. Прутѣ 2 баталіона Куринскаго полка и 2 баталіона Козловскаго полка, но затѣмъ, вскорѣ передвинулъ ихъ къ Измаилу, гдѣ они и соединились съ Войновымъ.

Для охраненія вагенбурга у Галаца, онъ оставилъ 1 баталіонъ Витебскаго полка и Оренбургскихъ казаковъ, подъ начальствомъ ген.-маіора Степанова.

8-го августа, подойдя къ Измаилу, Войновъ имѣлъ маленькую стычку съ гарнизономъ, выдвинувшимъ 1.000 пѣхотинцевъ и 500 всадниковъ ему навстрѣчу, но послѣ довольно жаркаго дѣла, продолжавшагося 2 часа и стоившаго обѣимъ сторонамъ изрядныхъ потерь, турки были отброшены въ крѣпость.

Войновъ размѣстился въ верстѣ отъ того лагеря, который мы занимали въ 1807 г.

Занявъ Тульчу, Зассъ отправилъ Платову полкъ Дерптскихъ драгунъ, баталіонъ 14 Егерскаго полка и полкъ казаковъ, которыхъ, тотъ у него просилъ, хотя и не особенно нуждался въ нихъ.

Затѣмъ, Зассъ, овладѣвъ островомъ Четаль и его ретраншаментами, брошенными турками, велѣлъ ихъ срыть и занялъ однимъ баталіономъ 14-го Егерскаго полка, подъ начальствомъ полковника Книппера, 2 редута, прикрывающихъ большой мостъ, въ 8 верстахъ отъ Измаила, на рукавѣ Дуная, называемомъ „Старый Дунай“ по дорогѣ въ Тульчу (это былъ тотъ самый мостъ, который я хотѣлъ сжечь въ 1807 г.). Въ то же время, Попандопуло, оставивъ одинъ сильный отрядъ своей флотиліи у устья Сулины, а другой—при сліяніи рукавовъ Сулины и Св. Георгія, въ 5 вер. ниже Тульчи, подошелъ къ Измаилу на разстояніе пушечнаго выстрѣла и 6 августа, отбилъ нападеніе вооруженныхъ турецкихъ лодокъ, вышедшихъ изъ города, чтобы занять батарею на островѣ Четалѣ.

Такимъ образомъ, Измаилъ былъ окруженъ и блокированъ со всѣхъ сторонъ.

3 августа Платовъ выслалъ изъ Баба-Дага отряды казаковъ и кавалеріи во всѣ стороны по берегу Чернаго моря и по дорогѣ на

Гирсово, чтобы ловить турецкихъ бѣглецовъ; при чемъ, пойманныхъ болгаръ онъ отправлялъ въ Бессарабію.

Между тѣмъ, 20 турецкихъ судовъ, изъ коихъ 2 были двухмачтовыя, съ войсками, назначенными для Тульчи, хотѣли силою войти въ озеро Разелинъ, но, увидѣвъ на берегу нашихъ казаковъ, они повернули и скрылись въ открытомъ морѣ.

5 августа генералъ-майоръ Иловайскій занялъ Кара-Арманъ, на берегу Чернаго моря, въ 60 верстахъ отъ Баба-Дага, и его отряды подъ начальствомъ полковниковъ Луковкина и Желтоножкина, атаковали турокъ, высадившихся на берегу озера Разелина; при чемъ, гнали турокъ съ такою энергіею, что бѣжавшіе бросили 2 пушки.

Въ предмостномъ укрѣпленіи, близъ Галаца, былъ поставленъ отрядъ генерала Колюбакина, въ составѣ:

2-хъ баталіоновъ Смоленскаго полка,
2-хъ баталіоновъ Нейшлотскаго полка,
2-хъ баталіоновъ Вятскаго полка,
16 орудій 12-ти фунтовыхъ,
9 осадныхъ орудій,
3-хъ эскадроновъ Ольвіопольскихъ гусаръ
и полка Уральскихъ казаковъ.

Смерть князя Прозоровскаго.

Хотя Прозоровскій былъ въ состояніи страшной слабости и страдалъ сухоткой, предвѣщавшей близкій его конецъ, но его дѣятельность и изумительное усердіе на пользу родины были все тѣ же. Его душа боролась со смертью и форсировала натуру.

5-го августа онъ перешелъ Дунай и 6-го расположился въ редутахъ, выстроенныхъ Гартингомъ на возвышенностяхъ Вакарели. 7-го онъ еще ѣздилъ верхомъ, но 8-го такъ ослабъ, что его врачи были принуждены объявить ему, что отнынѣ ихъ искусство безсильно, и что онъ не проживетъ и 24 часовъ. Онъ самъ потребовалъ этого приговора, выслушавъ его съ величайшею твердостью; онъ просилъ докторовъ дать ему возбуждающихъ средствъ, чтобы оживить силы и продлить жизнь на нѣсколько часовъ для окончанія дѣлъ, которыя онъ считаетъ насущными для блага службы, и привести въ порядокъ свои собственныя. Онъ подписалъ нѣсколько бумагъ, далъ приказанія и инструкціи своимъ секретарямъ съ хладнокровіемъ и точностью, достойными восхищенія. Написалъ длинное письмо Государю, гдѣ почтительно описывалъ всю правду, продиктованную преданностью къ нему и любовью къ отечеству.

*

Зная, что конецъ жизни его приближается, онъ исполнилъ съ самой почтительной набожностью и публично свой религіозный долгъ и, приказавъ, затѣмъ, отнести себя на постель, сталъ ожидать смерти. 9-го августа, въ 5 час. вечера онъ скончался тихо и безъ агоніи.

Его сожалѣли. Таково было вліяніе этого честнаго, прямого, твердаго характера уважаемаго старца, оплакиваемаго послѣ смерти даже тѣми, которымъ приходилось много терпѣть отъ дурного расположенія его духа и его строгости къ службѣ, доведенной до чрезмѣрности.

Тѣло его набальзамировано и отправлено въ Россію для погребенія, согласно его воли.

11-го августа, кн. Багратіонъ, сосланный въ Саджатъ, какъ я упоминалъ выше, пріѣхалъ на правый берегъ Дуная, чтобы принять командованіе арміей.

Взятіе Мачина и Гирсова.

Въ тотъ же день Платовъ двинулся изъ Баба-Дага въ Гирсово, а чтобы отрѣзать сообщеніе этого города съ Мачиномъ, онъ отправилъ отрядъ казаковъ до Троянова-Вала. Вездѣ, гдѣ показывались казаки, турки отовсюду убѣгали. Кромѣ того, Платовъ отправилъ отрядъ въ Черноводы, вдоль Дуная, придавъ ему нѣсколько орудій Донской артиллеріи, съ цѣлью остановить подкрѣпленія, которыя могли подойти изъ Силистріи въ Гирсово и Мачинъ. 16-го августа онъ устроилъ сообщенія съ Марковымъ, подошедшимъ къ Мачину, и построилъ батареи на Дунаѣ, противъ Гирсова, а затѣмъ уже приблизился къ стѣнамъ города.

Въ то же время, Эссенъ 3-й подошелъ къ Обилешти, чтобы подкрѣпить меня въ случаѣ надобности (а я имѣлъ большую въ этомъ надобность, какъ это будетъ видно ниже).

Олсуфьевъ остался въ Саджатѣ съ двумя полками, но вскорѣ Выборгскій полкъ былъ переведенъ въ Ольтеницу, противъ Туртукая, а Олсуфьевъ вступилъ въ командованіе войсками, назначенными наблюдать за Браиловымъ. Онъ замѣнилъ князя Василія Вяземскаго, который, въ свою очередь, замѣнилъ князя Гику, заболѣвшаго послѣ довольно сильной ссоры съ Прозоровскимъ, заставившей его уѣхать въ Торшаны, гдѣ онъ и умеръ.

14-го августа, генералъ-маіоръ Марковъ окружилъ Мачинъ, онъ имѣлъ подъ своимъ начальствомъ генералъ-маіоровъ Гартинга, По-

пандапуло, графа Павла Строгонова и Денисьева и слѣдующія войска:

2 баталіона Колыванскаго полка,
2 баталіона Украинскаго полка,
2 баталіона Старо-Ингерманландскаго полка,
2 баталіона 13-го Егерскаго полка,
1 баталіонъ Алексопольскаго полка,
5 эскадроновъ Сѣверскихъ драгунъ,
6 эскадроновъ Ольвіопольскихъ гусаръ,
8 орудій конной артиллеріи,
4 орудія 12-ти фунтовыхъ,
6 орудій осадныхъ,
2 мортиры
и 200 казакавъ.

Онъ расположился лагеремъ въ равнинѣ, окружающей Мачинъ, придавъ своему лагерю форму окружности. Это было то самое мѣсто, которое, въ 1791 г., мы занимали лагеремъ. При его приближеніи, турки сожгли предмѣстье и заняли на Дунаѣ три укрѣпленія, изъ которыхъ одно было взято нашими казаками и драгунами, со стороны рѣки. Въ Мачинѣ находилась превосходная каменная цитадель и очень сильный ретраншаментъ.

15-го августа, маіоръ 13-го Егерскаго полка Юзъ-баша, очень хорошій офицеръ, овладѣлъ каменнымъ укрѣпленіемъ и разрушенной мечетью, по Браиловской дорогѣ, а генералъ Гартингъ тотчасъ же велѣлъ открыть траншеи и построить батареи передъ крѣпостью. 16-го августа нашъ огонь подбилъ 3 непріятельскихъ орудія, затронулъ бастіонъ и взорвалъ маленькій пороховой погребъ. Браиловскіе турки пробовали было послать имъ помощь водою, но батарея, поставленная вдоль Дуная, на 3 версты ниже Мачина, помѣшала имъ исполнить это предпріятіе. 17-го августа, въ городѣ замѣчено было большое движеніе, видимо гарнизонъ хотѣлъ спастись бѣгствомъ, но драгуны и егеря, находившіеся въ разрушенной мечети, замѣтили ихъ движеніе, а такъ какъ генералъ Попандопуло занялъ, благодаря подполковнику Колыванскаго полка Гамильтону, берегъ рѣки подъ самой крѣпостью, то гарнизонъ не могъ пройти, и онъ былъ отрѣзанъ отъ воды, городскіе же колодцы не могли удовлетворить ихъ потребностямъ. Вслѣдствіе этого, 18-го августа, Мачинъ принужденъ былъ сдаться, а гарнизонъ былъ признанъ военно-плѣннымъ. Всего было взято 28 офицеровъ и 300 солдатъ. Кромѣ того, намъ досталось 13 пушекъ, 500 ружей, 600 паръ пистолетовъ, 80.000 снарядовъ и патроновъ и много провизіи.

Жижъ-ага, комендантъ Мачина, зять назира Браилова, былъ чрезвычайно жадный разбойникъ, онъ получилъ отъ Михельсона довольно большую сумму, чтобы дѣйствовать противъ Пегливана и тѣмъ помочь намъ взять Измаилъ; но онъ ничего не сдѣлалъ, а деньги удержалъ. Боясь попасться въ наши руки, онъ, ночью, спасся бѣгствомъ въ болота, лежащія вдоль Дуная, но уже послѣ того какъ подписалъ капитуляцію. Этотъ негодяй былъ взятъ въ 1811 году Кутузовымъ въ Слободзеѣ, и его слѣдовало бы разстрѣлять, но изъ уваженія къ назиру Браилова (бывшему тогда визиремъ), его помиловали.

Взятіе Мачина съ такой малой потерей (200 раненыхъ и убитыхъ) было очень счастливымъ и полезнымъ дѣйствіемъ, благодаря чему Браиловъ былъ совершенно отрѣзанъ и лишенъ всякой надежды на помощь. Теперь, паденіе его, также какъ и Измаила, казалось вѣрнымъ, такъ какъ мы сдѣлали то, что должны были сдѣлать гораздо раньше.

Новый планъ кампаніи былъ превосходно разработанъ, и всѣ операціи были ведены энергично и умно.

Князь Багратіонъ лично присутствовалъ при осадѣ Мачина, но изъ деликатности не принялъ командованія отъ Маркова, который совсѣмъ не былъ достоинъ ни такой чести, ни подобной деликатности со стороны главнокомандующаго. Гартингъ и Попандопуло, сдѣлали всѣ приготовленія для осады, а награжденъ былъ одинъ Марковъ. Онъ получилъ Владиміра 2-й ст., хотя во время осады онъ высказалъ также мало соображеній, какъ и дѣятельности. Онъ ни разу не осматривалъ траншей и меньше всѣхъ принималъ участія въ дѣлѣ. Особенно жаль Гартинга, который былъ предназначенъ Прозоровскимъ стоять во главѣ этой экспедиціи и, конечно онъ былъ не доволенъ, видя, кто замѣстилъ его.

Въ Мачинѣ кн. Багратіонъ обратился къ болгарамъ съ прокламаціей, приглашая ихъ остаться у своихъ очаговъ. Прокламація была очень благонамѣренна, но надо было умѣть поддержать ее строжайшей дисциплиной и прекращеніемъ грабежей, но Багратіонъ не хотѣлъ или не умѣлъ этого сдѣлать.

Въ этой кампаніи казаки, поддерживаемые Платовымъ, получили очень много наградъ и милостей, часто въ ущербъ регулярнымъ войскамъ. Всѣ казаки, благодаря грабежамъ, сильно богатѣли [1]).

---

[1]) Для линейныхъ войскъ было несчастьемъ состоять подъ начальствомъ Платова. Этотъ превосходный казачій генералъ былъ совершенно не свѣдущъ въ командованіи регулярными войсками. Онъ питалъ къ нимъ глубокое презрѣніе и дурно обращался съ ними. Онъ не умѣлъ ни расположить лагеремъ ихъ, ни отдать диспозиціи. Онъ никогда не выходилъ въ

Багратіонъ, чувствуя себя смущеннымъ, опередивъ по службѣ Платова [1]), не сумѣлъ поставить себя по отношенію къ нему.

Вся Болгарія была опустошена и разграблена казаками, и эта столь плодородная и богатая страна, которая могла прокормить армію въ продолженіе зимы, была истощена и превращена въ пустыню.

Платовъ и командиры казачьихъ полковъ сожгли всѣ деревни и забрали оттуда болѣе 50.000 головъ скота. Независимо того, что позорно было раззорять такъ страну, гдѣ должны были жить войска, надо прибавить еще, что ради грабежа наши легкія войска уменьшались почти на половину. Каждый начальникъ посылалъ отъ своего полка цѣлые отряды на Донъ съ награбленнымъ добромъ, и налицо, въ полкахъ не оставалось и 200 человѣкъ. Полковники Мельниковъ, Ефремовъ, маіоръ Балабинъ, генералъ Кутейниковъ — пріобрѣли себѣ огромныя состоянія, а послѣдній, дабы пожуировать, сказался больнымъ и уѣхалъ на Донъ.

Такъ какъ награбленная въ Болгаріи громадная добыча должна была пройти по мосту черезъ Дунай, близъ Галаца, а затѣмъ по мосту, выстроенному въ Гирсовѣ, то, чтобы въ корню остановить такое злоупотребленіе, достаточно было поставить на мостахъ стражу съ вѣрнымъ офицеромъ, но Багратіонъ сдѣлалъ большую ошибку, не предпринявъ никакихъ мѣръ.

Такое обращеніе съ болгарами тѣмъ болѣе было возмутительно, что поступки эти производились тѣми, которые покровительствовали имъ и пришли спасать ихъ отъ такъ называемыхъ тирановъ (которые однако никогда ихъ не грабили съ такой жестокостью); поневолѣ болгары спасались къ туркамъ, принося къ нимъ то немногое, что у нихъ еще оставалось. Страна стала безлюдной, лишенной какихъ бы то ни было рессурсовъ, и массы несчастныхъ, спрятавшихся въ лѣсахъ, изъ злобы, душили тамъ нашихъ отсталыхъ фуражировъ и заблудившихся одиночныхъ солдатъ.

Послѣ взятія Мачина, Марковъ долженъ былъ перейти къ Гирсову, но Платовъ, болѣе сообразительный и болѣе ловкій, преду-

---

походъ раньше полудня, такъ какъ спалъ до 11 часовъ. Эта привычка, оставшаяся послѣ Потемкина, бодрствовать всю ночь въ ожиданіи приказаній, вкоренилась въ немъ такъ, что онъ никогда не ложился раньше разсвѣта, а для того, чтобы разбудить его, казакъ долженъ цѣлый часъ чесать ему голову. Можно представить себѣ, сколько терпѣли войска съ нимъ, во 1-хъ, отъ его капризовъ и, во 2-хъ, отъ походовъ въ самую сильную жару дня, но ничто не могло измѣнить его привычекъ и принциповъ.

[1]) Платовъ былъ уже генералъ-маіоромъ, когда кн. Багратіонъ былъ только произведенъ въ офицеры.

предилъ его, хотя въ полученномъ имъ приказаніи ему указывалось дойти лишь до Троянова Вала и прикрывать осаждающія войска съ этой стороны.

Появившись 16 августа передъ Гирсовымъ, 17-го онъ окружилъ крѣпость, выстроилъ три батареи изъ Донскихъ орудій, а 18-го открылъ по крѣпости сильную канонаду, 19-го онъ построилъ новую батарею и потребовалъ сдачи города. Турки соглашались сдать крѣпость, но требовали свободнаго выхода гарнизона. Платовъ не могъ согласиться на это безъ разрѣшенія главнокомандующаго, который однако отказалъ въ этомъ.

Гирсово расположено на правомъ берегу Дуная, въ 50 верстахъ выше Мачина. Двѣ громадныя скалы возвышаются на маленькой площадкѣ, гдѣ расположенъ городъ, почти на одномъ уровнѣ съ Дунаемъ. Городъ окруженъ ретраншаментомъ, прикрывающимъ оба утеса, на одномъ изъ которыхъ построенъ большой каменный дворецъ, въ готическомъ стилѣ, а на другомъ, менѣе возвышенномъ, была каменная башня. Позади скалъ тянется возвышенность, на которой видны остатки укрѣпленій, построенныхъ фельдмаршаломъ Румянцевымъ въ 1773 году.

Багратіонъ выѣхалъ изъ Мачина 23 августа, вмѣстѣ съ Марковымъ, которому онъ тогда протежировалъ (и я не понимаю почему, такъ какъ онъ его прекрасно зналъ) и пріѣхалъ въ Гирсово уже послѣ паденія ея, такъ какъ Платовъ взялъ ее 22 августа [1]).

Гарнизонъ Гирсова сдался военно-плѣнными и состоялъ: изъ командира, 15 офицеровъ, 330 солдатъ и 800 жителей. Въ крѣпости было взято: 3 мортиры и 27 пушекъ.

Въ Мачинѣ мы оставили два баталіона, а Якимовъ получилъ приказанія дѣйствовать своей флотиліей противъ Браилова и стараться мѣшать всѣмъ предпріятіямъ Браиловскаго гарнизона въ Мачинѣ.

Взятіе Гирсова для насъ было очень важно. Теперь мы могли, занявъ на Черномъ морѣ Кюстенджи и укрѣпивъ на Дунаѣ Черноводы, расположиться въ самомъ центрѣ Троянова Вала — въ Корасанѣ, имѣя совершенно обезпеченнымъ лѣвый флангъ арміи, и тамъ спокойно ожидать сдачи Браилова и Измаила. Таковъ былъ планъ кн. Прозоровскаго, который не хотѣлъ, въ этой кампаніи, идти дальше.

---

[1]) За взятіе Гирсова Платовъ получилъ Владимірскую ленту, а Марковъ, возмущенный тѣмъ, что былъ предупрежденъ имъ, изливалъ свою злобу въ проклятіяхъ, мало однако смущавшихъ Платова.

Взятіе Гирсова было также очень выгодно для постройки моста, по которому значительно сократилась дорога по доставкѣ продовольствія изъ Бузео и другихъ мѣстностей Валахіи. Такой мостъ и былъ вскорѣ выстроенъ въ 7 верстахъ ниже Гирсова, около устья Яломицы, по приказанію Багратіона, Диваномъ Валахіи.

Между тѣмъ, сераскиръ Дуная, Хозрефъ-Мехметъ-паша, подошелъ къ с. Россеватъ, расположенному въ 5 верст. отъ Троянова Вала и въ 60 отъ Гирсова, но, имѣя слишкомъ слабыя силы, чтобы предпринять что-нибудь серьезное, онъ остановился здѣсь и выслалъ небольшіе отряды намъ навстрѣчу. Одинъ изъ этихъ отрядовъ наткнулся на казаковъ Сысоева и былъ разбитъ съ потерею 50 чел., другой отрядъ былъ обращенъ въ бѣгство есауломъ Грековымъ и, наконецъ, 20 августа, казачій генералъ Денисьевъ разбилъ третій отрядъ на самомъ Трояновомъ Валѣ. Всѣ эти счастливыя стычки остановили Хозрефа, который не зналъ ни нашихъ силъ, ни положенія нашей арміи.

Генералъ Зассъ и гр. Каменскій остались около Тульчи; о дѣйствіяхъ ихъ я сообщу дальше.

22 августа изъ Бухареста прибылъ Милорадовичъ во главѣ 10 баталіоновъ и 15 эскадроновъ, что впрочемъ не составляло и 4.000 чел. [1]). Онъ тотчасъ же получилъ приказаніе догнать Багратіона, а по соединеніи съ нимъ, главнокомандующій раздѣлилъ всѣ силы на 3 корпуса:

1-й корпусъ: ген.-лейт. Милорадовичъ.
2 баталіона Сибирскаго Гренадерскаго полка.
2 „ Малороссійскаго Гренадер. п.
2 „ Апшеронскаго п.
2 „ Одесскаго п.
2 „ 6 Егерскаго п.
10 эскадроновъ Бѣлорусскихъ гусаръ.
5 „ Кинбургскихъ драгунъ.
2 казачьихъ полка.
12 орудій конной артиллеріи.
10 орудій 12 фунтовыхъ.
3 орудія осадной артиллеріи.

---

[1]) Большая половина его войскъ была въ госпиталяхъ. Малая заботливость, которую онъ выказывалъ о солдатахъ, плохое продовольствіе, получаемое ими отъ вѣроломныхъ членовъ Дивана Валахіи, которымъ онъ протежировалъ за счетъ своихъ подчиненныхъ, имѣли гибельное вліяніе на здоровье солдатъ. Въ корпусахъ, которыми я командовалъ, внѣ фронта никогда не было болѣе восьмой части.

2-й корпусъ: ген.-лейт. Платовъ.

2 баталіона Архангелогородскаго полка.
2 „ Воронежскаго п.
2 „ Новгородскаго п.
2 „ Украинскаго п.
2 „ Орловскаго п.
2 „ 7-го Егерскаго п.
2 „ 14-го Егерскаго п.
5 эскадроновъ Стародубовскихъ драгунъ.
5 „ Дерптскихъ драгунъ.
9 „ Чугуевскихъ уланъ.
9 казачьихъ полковъ.
12 орудій 12 фунтовыхъ.
12 орудій Донскихъ.
20 понтоновъ.

3-й корпусъ: ген.-лейт. Марковъ.

2 баталіона Фанагорійскаго гренадерскаго полка.
2 „ Колыванскаго п.
2 „ Старо-Ингерманландскаго п.
2 „ 13-го Егерскаго п.
5 эскадроновъ Сѣверскихъ драгунъ.
5 „ Ольвіопольскихъ гусаръ.
1 Казачій полкъ.
10 орудій 12 фунтовыхъ.
3 орудія конной артиллеріи.

Всѣ три корпуса вмѣстѣ составляли 31 баталіонъ, 44 эскадрона, 12 казачьихъ полковъ, 3 осадныхъ орудія, 32 пушки 12 фунтовыхъ, 26 конно-артиллерійскихъ, 62 полковыхъ; всего 123 орудія и 20 или 22.000 нижнихъ чиновъ.

Въ Гирсовѣ оставили большую часть обоза, больныхъ, слабыхъ и проч., изъ которыхъ и составили гарнизонъ, придавъ ему 6 орудій и отрядъ изъ флотиліи Якимова, подъ начальствомъ лучшаго офицера флота лейтенанта Центиловича.

Опасаясь, чтобы Хозрефъ не окопался и не укрѣпилъ сильно с. Россеватъ, Багратіонъ хотѣлъ тотчасъ же идти его атаковать, не ожидая даже прибытія Милорадовича, чтò онъ могъ бы съ успѣхомъ исполнить, но, не зная силъ противника и признавая необходимымъ заранѣе занять удобную базу и обезпечить фланги, чтò было очень умно и предусмотрительно, онъ, еще до движенія къ Троянову Валу, приказалъ: Маркову двинуться на Кюстенджи, Платову расположиться въ Корасанѣ, а Милорадовичу осторожно двигаться къ Черноводамъ.

Два послѣдніе корпуса, раздѣленные между собой интерваломъ въ 18—25 верстъ, въ случаѣ нападенія турокъ на одинъ изъ нихъ, могли бы соединиться черезъ 7 или 8 часовъ. Между тѣмъ, Милорадовичъ, имѣвшій корпусъ слабѣе по численности, былъ болѣе подвергаемъ опасности, такъ какъ находился всего въ 10 верстахъ отъ Хозрефа, который могъ бы однимъ переходомъ, въ ночь, обрушиться на него и захватить весь корпусъ. Но... турки были хорошіе люди!

Трояновъ Валъ, не точно названный именемъ этого великаго человѣка, былъ построенъ Юстиніаномъ во времена разрушенія Римской Имперіи, когда императоры уже не были въ состояніи защищать весь Дунай; онъ до сихъ поръ сохранилъ свою замѣчательную форму, какъ и настоящіе Трояновы валы въ Бессарабіи.

Мѣстность для расположенія полной арміи была избрана очень удачно; она представляла узкую полосу земли между моремъ и Дунаемъ. Отъ Черноводовъ до Корасана не болѣе 24 верстъ и верстъ 20 отъ Корасана до Кюстенджи. Всѣ окрестности окружены непроходимыми болотами, и особенно плохая дорога была между Черноводами и Корасаномъ.

Отъ Баба-Дага до вала и на нѣсколько верстъ дальше мѣстность совершенно открыта, точно въ Бессарабіи, гдѣ армія въ 100.000 можетъ свободно расположиться и маневрировать во всѣхъ направленіяхъ. Этотъ клокъ земли очень выгоденъ для русскихъ, такъ какъ за Трояновымъ Валомъ, къ Силистріи и Базарджику, мѣстность становится гористой, покрытой лѣсами, ущельями и очень трудно проходима.

Взятіе Кюстенджи.

Багратіонъ разсчитывалъ взять Кюстенджи очень легко, но, узнавъ, что турки хотятъ защищаться, и потому сразу овладѣть крѣпостью будетъ затруднительно, приказалъ Платову подойти туда и соединиться съ Марковымъ.

Я полагаю, что разсчетъ этотъ былъ совсѣмъ неправильный; онъ слишкомъ усиливалъ свой лѣвый флангъ и ослаблялъ правый, передъ которымъ уже были обнаружены турки.

29 августа онъ разрѣшилъ Милорадовичу приблизиться къ Черноводамъ, что̀ я считалъ весьма предусмотрительнымъ.

25 августа, казачій генералъ Денисьевъ, встрѣтившись съ партіей турокъ около Кюстенджи, разбилъ ихъ и нанесъ большія потери. 28-го турки снова собрались около крѣпости, въ числѣ до 1.000 всадниковъ, но и они были отброшены казаками съ потерею до 100 чел.

29 августа Багратіонъ приказалъ Платову выступить ночью съ такимъ разсчетомъ, чтобы 30-го быть уже передъ Кюстенджи. Приказаніе это было выполнено очень точно, несмотря на большой переходъ и на усталость войскъ.

Князь Трубецкой съ авангардомъ изъ 3 баталіоновъ егерей, 9 эскадроновъ Чугуевскихъ уланъ, 6 Донскихъ орудій и 400 казаковъ, съ разсвѣтомъ подошелъ къ крѣпости и, увидавъ, что мѣстность не удобна для дѣйствій кавалеріи, поставилъ ее въ резервъ, а самъ съ одними егерями, подъ командою Лаптева и Книппера, двинулся къ крѣпости.

Кюстенджи построена на скалѣ, вдающейся въ море и образующей какъ-бы островъ, соединенный съ землей узкой полосой въ 150 саженъ. Крѣпость окружена хорошимъ ретраншаментомъ съ широкимъ рвомъ. Въ крѣпости находилось болѣе 2.000 отчаянныхъ разбойниковъ изъ Болгаріи.

Храбрый Трубецкой, подчасъ черезчуръ пылкій до безразсудства, быть можетъ движимый надеждой самому легко овладѣть крѣпостью, слишкомъ неосторожно двинулся со своими стрѣлками со стороны кладбища, гдѣ турки устроили засаду, и, подойдя къ ретраншаментамъ, поставилъ очень близко къ валу Донскія орудія. Между тѣмъ, турки незамѣтно усилились на кладбищѣ, бывшемъ передъ ретраншаментомъ, и когда Трубецкой открылъ огонь, турки внезапно напали на егерей и выбили у насъ изъ строя до 200 чел.

Со стороны Трубецкого было большой неосторожностью подойти такъ близко къ крѣпости съ такимъ незначительнымъ числомъ егерей, а тѣмъ болѣе въ мѣстности никѣмъ неизслѣдованной ранѣе и, какъ оказалось, отрѣзанной.

Но Трубецкого изъ этой ловушки выручилъ Платовъ; онъ быстро выслалъ еще 3 баталіона, которые и заставили турокъ обратно войти въ укрѣпленіе. Вслѣдъ затѣмъ, Платовъ потребовалъ сдачи города, но турки не приняли даже парламентера. Тогда Платовъ приказалъ всей своей артиллеріи, очень близко выставленной и абсолютно безъ всякаго прикрытія, открыть очень сильный огонь. Во время перестрѣлки, мы потеряли артиллерійскаго генерала Рѣзваго, начальника всей артиллеріи арміи, раненаго выстрѣломъ изъ ружья въ плечо.

Вечеромъ, для прикрытія орудій, построили батареи и снова потребовали сдачи города. Турки безусловно отказались сдаться военноплѣнными, но соглашались сдать городъ съ условіемъ предоставленія горнизону права выйти съ оружіемъ и всѣмъ имуществомъ.

Богратіонъ разсчиталъ, что, имѣя 20.000 войскъ, чего было весьма

немного для предстоящихъ операцій, и потерять изъ нихъ 1.000 человѣкъ при счастливомъ штурмѣ и до 3.000 при неудачѣ, да еще потерять столь дорогое время передъ такимъ ничтожнымъ укрѣпленіемъ, обладаніе которымъ было для насъ однако же необходимымъ и, наконецъ, имѣя въ виду, что гарнизонъ можетъ получить моремъ подкрѣпленіе и при томъ столь значительное, что крѣпость можетъ быть и не взята, принялъ предложеніе турокъ и былъ совершенно правъ.

30 августа Измаилъ-паша съ 2.000 разбойниковъ вышли изъ крѣпости на честное слово, что не подымутъ противъ насъ оружіе въ теченіе года. Безполезное обѣщаніе для турокъ, такъ какъ оно не могло быть сдержано ими. Долгъ людей и данное ими слово не могутъ быть священными для начальниковъ, которые заставляютъ служить своихъ подчиненныхъ подъ угрозою смерти; конечно, послѣдніе предпочитаютъ рисковать отдаленной и не намѣренной опасностью, чѣмъ неминуемой погибелью. Измаилъ-паша хотя и далъ слово, но мѣсяцъ спустя онъ снова воевалъ противъ русскихъ. Когда, въ 1810 году, онъ былъ взятъ въ Базарджикѣ, то въ оправданіе свое онъ сказалъ, что ему отрубили бы голову, если бы онъ не сталъ служить, а теперь онъ отдаетъ ее въ наши руки. Резоны его нашли вполнѣ удовлетворительными.

Взятіе Кюстенджи первоначально было возложено на Маркова, но Платовъ, взявъ крѣпость въ 15 дней, также легко перебилъ у у него эту побѣду, какъ и въ Гирсовѣ. Это можно назвать хорошей шуткой, сыгранной казаками.

Въ Кюстенджи оставили Орловскій полкъ съ ихъ командиромъ генераломъ Палицынымъ, котораго рѣшительно нельзя было послать противъ непріятеля. Ему-то и поручили разрушить крѣпость и городъ.

Мы имѣли такъ много войскъ, а страна (благодаря казакамъ) была такъ разрушена и разграблена, что мы были не въ состояніи во всѣхъ завоеванныхъ городахъ оставить сильные горнизоны, а потому, по неволѣ, приходилось разрушать и истреблять города, хотя это и отзывалось варварствомъ. Кромѣ того, мы этимъ причиняли и себѣ зло, такъ какъ эти разрушенія лишали войска зимнихъ квартиръ.

Взятіемъ Кюстенджи заканчивается планъ кампаніи, выработанный кн. Прозоровскимъ, но Багратіонъ не былъ человѣкомъ, который могъ бы этимъ удовлетвориться; его энергія и активная дѣятельность отразились и на мнѣ, иначе я бы очень скучалъ въ Валахіи.

Еще 13 августа Марковъ былъ посланъ въ Корасанъ, а ген. Денисьевъ со своимъ авангардомъ казаковъ занялъ Трояновъ Валъ.

Между тѣмъ, Милородовичъ, пріѣхавъ въ Черноводы, возымѣлъ желаніе немедленно атаковать, со своими 4.000 чел., Хозрефа-пашу. Желаніе это было въ высшей степени неосторожнымъ, но онъ никогда ни въ чемъ не сомнѣвался, въ особенности послѣ того, какъ ему одинъ разъ посчастливилось разбить сераскира, который былъ гораздо слабѣе, чѣмъ его считали.

Багратіонъ не только запретилъ ему предпринять такое рискованное движеніе, но и вообще предпринимать что-либо безъ его разрѣшенія. Милорадовичъ вообразилъ, что онъ хочетъ отнять отъ него славу и самому воспользоваться побѣдой надъ Хозрефомъ, но такое подозрѣніе было лишено всякаго основанія, такъ какъ онъ былъ слабъ. Багратіонъ, конечно, понималъ это, но Милорадовичъ подозрѣвалъ его въ другихъ намѣреніяхъ и, съ этого времени, ихъ давній раздоръ, скрываемый однѣми лишь внѣшними формами, проявился наружу и въ такой степени, что они уже не могли оставаться вмѣстѣ.

31 августа Багратіонъ принужденъ былъ остановиться въ Корасанѣ, такъ какъ обозы и провіантные транспорты не могли поспѣть за войсками, совершавшими весьма быстрые переходы.

Милорадовичъ остался въ Черноводахъ и такъ скрытно размѣстилъ свои войска, что турки даже и не замѣтили ихъ. Они также не замѣтили, какъ Павелъ Иловайскій устроилъ, 30 августа, изъ двухъ казачьихъ полковъ, засаду, а затѣмъ, выдвинувъ цѣпь казаковъ, приказалъ имъ отступать. Турки, ничего не подозрѣвая, въ числѣ до тысячи всадниковъ, бросились за ними и наткнулись на засаду. Иловайскій бросился на турокъ и атаковалъ ихъ съ обоихъ фланговъ.

Турки были опрокинуты и потеряли до 150 чел. убитыми, 2 офицера и 40 всадниковъ были взяты въ плѣнъ, а въ числѣ ихъ племянникъ Хозрефа и его байрактаръ или подпрапорщикъ, казаки же потеряли 13 человѣкъ. Это былъ обыкновеный маневръ казаковъ съ турками, всегда удающійся имъ.

Сраженіе подъ Рассеватомъ.

Когда, 31 августа, Багратіонъ прибылъ въ Корасанъ, онъ тотчасъ же приказалъ графу Строганову перейти Трояновъ Валъ съ казаками и произвести рекогносцировку расположенія турокъ. Тотъ ихъ нашелъ окопавшимися въ Рассеватѣ, но гораздо слабѣе числомъ, чѣмъ предполагали. Тогда Багратіонъ, разсудивъ, что для разбитія ихъ достаточно будетъ корпусовъ Платова и Милорадовича, отправилъ Маркова изъ Корасана къ Черному морю, по направленію на Мангалъ.

13 сентября кн. Багратіонъ самъ произвелъ рекогносцировку и составилъ диспозицію, по которой оба корпуса, посланные разными дорогами, должны были исполнить: одинъ — атаковать Рассеватъ, а другой отрѣзать дорогу на Силистрію, при отступленіи турокъ.

Турки не проявляли ни малѣйшаго намѣренія. По моему мнѣнію, если они ничего не предполагали предпринимать, то они должны были оставаться въ Рассеватѣ; но если бы они сами перешли въ наступленіе противъ Милорадовича и отбросили бы его (что въ сущности было трудно, но возможно), они принудили бы Багратіона отступить, по крайней мѣрѣ, на время и помѣшали бы его операціямъ. Теперь же, когда они увидали его, идущаго на нихъ съ большими силами, они должны были отступить, но они ничего не сдѣлали и были разбиты, чтó было неизбѣжно, такъ какъ съ такими врагами можно было сдѣлать все, что угодно.

Рассеватъ—это большая деревня, расположенная въ 5 верстахъ отъ Троянова Вала, на склонѣ двухъ горъ, раздѣленныхъ оврагомъ. Возвышенности эти господствуютъ надъ деревней и рѣкой, вдоль которой, на протяженіи 2 верстъ, тянется узкая дорога въ Силистрію. Далѣе, дорога эта проходитъ мимо озера и пересѣкаетъ сильно болотистый ручей, черезъ который былъ перекинутъ очень плохой мостъ.

На горѣ и въ долинѣ турки возвели ретраншаменты, которые не имѣли между собой связи и были открыты съ фланговъ.

Позиція турокъ была очень неудачна, она не имѣла ни обстрѣла, ни удобнаго пути отступленія.

Турки имѣли 7.000 вооруженныхъ солдатъ и жителей и 14 орудій. Сераскиръ-Хозрефъ имѣлъ подъ своимъ начальствомъ: Емика-Оглы— коменданта и собственника Силистріи, султана Сеима-герои и Яура-Гасана, знаменитаго разбойника. Всѣ начальники войскъ, (исключая Емика-Оглы и Яура-Гасана, связанныхъ интересами разбойничества) не были связаны ни субординаціей, ни общими взглядами. Каждый считалъ себя равнымъ другому; тотъ, кто имѣлъ больше войскъ, полагалъ, и не безъ основанія, что онъ сильнѣйшій; всякій дрался и располагался лагеремъ отдѣльно, а бѣжали одинаково всѣ. Вотъ что такое турецкая армія!

Согласно распоряженія кн. Багратіона, два корпуса, составлявшихъ его армію подъ Рассеватомъ, имѣли подъ ружьемъ не болѣе 12.000 человѣкъ. Войска эти выступили въ полдень 3 сентября изъ Черноводовъ, чтобы атаковать турокъ. Корпусъ Милорадовича двинулся прямо на Трояновъ Валъ, прошелъ дефиле, раздѣляющее его отъ Черноводовъ, и остановился на бивакѣ вправо отъ Дуная, а казаки на валу.

Платовъ пошелъ влѣво и, повернувъ въ 6 верстахъ отъ озера, близъ Дуная, также остановился бивакомъ, позади вала, войдя въ связь съ Милорадовичемъ. Весь этотъ маневръ былъ произведенъ въ величайшемъ порядкѣ и съ осторожностью; ночью огней не зажигали, и турки ничего не подозрѣвали.

Можно ли себѣ представить, чтобы начальникъ 7.000 войскъ, опасавшійся быть атакованнымъ въ такой скверной позиціи, арміей гораздо сильнѣе его, которую считали почти вдвое, чѣмъ было на самомъ дѣлѣ, не выслалъ бы патрулей и разъѣздовъ, вообще не позаботился бы узнать о своемъ противникѣ и позволилъ бы себя окружить. Если бы Хозревъ имѣлъ на Трояновомъ Валу хоть только 2 пикета, выставленныхъ въ 6—7 верстахъ отъ его лагеря, то онъ могъ быть своевременно увѣдомленъ о движеніи и силахъ Багратіона, такъ какъ съ валовъ видна была мѣстность на протяженіи 50 верстъ. Во истину можно сказать, что военачальникъ, ведущій войну противъ турокъ, часто можетъ пріобрѣсти славу и честь дешевымъ способомъ.

4-го сентября, въ 3 часа утра, оба корпуса двинулись на турокъ, имѣя впереди массы казаковъ. Графъ Павелъ Строгановъ командовалъ колоннами въ корпусѣ Платова, а Павелъ Иловайскій—у Милорадовича. Платовъ раздѣлилъ свои войска на три колонны подъ начальствомъ: Бахметьева, кн. Трубецкаго и Рѣпнинскаго; на правомъ флангѣ двигалась колонна кавалеріи, подъ командою гр. Павла Палена, а на лѣвомъ—другая колонна кавалеріи, подъ начальствомъ Лисаневича. Денисьевъ и Иловайскій 5-й съ пятью полками казаковъ составляли шестую колонну, двигавшуюся лѣвѣе лѣвофланговой кавалерійской колонны и имѣвшей цѣлью ударить туркамъ во флангъ и отрѣзать ихъ отъ Силистріи.

Корпусъ состоялъ изъ двухъ линій; гр. Цукато командовалъ одной, а полковникъ Уманецъ другой.

Оба корпуса преодолѣли много трудностей, чтобы перейти овраги, раньше чѣмъ достигнуть Рассеватскихъ возвышенностей.

Лишь только казаки приблизились, какъ турецкая конница вышла изъ лагеря и атаковала ихъ. Платовъ, слѣдовавшій вмѣстѣ съ своими казаками, построилъ боевой порядокъ, правѣе турокъ. Гр. Цукато, пройдя съ первой линіей Милорадовича возвышенности, соединился своимъ правымъ флангомъ съ Платовымъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ выслалъ, на поддержку спѣшенныхъ казаковъ, стрѣлковъ 6 Егерскаго полка, которые и заставили турокъ оставить возвышенности и отступить въ деревню. Вторая линія Милорадовича вышла въ $1^1/_2$ верстахъ отъ Рассевата въ глубокій оврагъ, тянувшійся до Дуная, въ которомъ, близь рѣки, была скрыта турецкая конница.

Милорадовичъ выдвинулъ противъ нея Сибирскихъ гренадеръ и Бѣлорусскихъ гусаръ, приказавъ имъ ограждать нашъ тылъ. Укрѣпивъ свой правый флангъ, онъ остальныя войска повелъ на деревню Рассеватъ, занялъ возвышенности и, не переставая подвигаться, открылъ живой и хорошо направленный артиллерійскій огонь, на который турки сначала отвѣчали очень слабо, а когда наша артиллерія подбила у нихъ одну пушку, то они вскорѣ и совсѣмъ замолчали.

Въ то же самое время подошелъ съ своимъ корпусомъ Платовъ и открылъ сильную канонаду. Рѣпнинскій съ Новгородскимъ полкомъ направился влѣво, на возвышенность, лежащую между двумя оврагами, чтобы дождаться ген. Денисьева, удалившагося еще болѣе влѣво со своими казаками, а ген. Бахметьевъ со своимъ каре подошелъ къ корпусу Милорадовича. Наша артиллерія, выбивъ своимъ огнемъ турокъ, заняла ихъ позицію и начала обстрѣливать деревню. Турки бѣжали со всѣхъ сторонъ по дорогѣ въ Силистрію, бросивъ свои ретраншаменты и орудія. Если бы ген. Денисьевъ отошелъ еще лѣвѣе, и Платовъ, отрядивъ два каре для поддержки его, послалъ бы ихъ занять дефиле, находящееся позади турецкаго лагеря, то ни одинъ бы турокъ не спасся, а если бы Еминъ-Оглы, который участвовалъ дѣлѣ, былъ бы взятъ, то Силистрія осталась бы безъ защитниковъ.

Конечно, будущее было неизвѣстно, но одного обзора поля сраженія, до начала дѣла, было бы достаточно, чтобы замѣтить преимущество лѣваго фланга турокъ, куда и надо было направить главную часть корпуса Платова, не обращая вниманія на правый ихъ флангъ, гдѣ былъ Милорадовичъ. Еще лучше было бы расположиться въ 2 верстахъ отъ деревни Рассеватъ. Эта ошибка имѣла вліяніе на результатъ сраженія.

Какъ только наша кавалерія и казаки увидѣли бѣгство турокъ, они бросились въ догонку за ними. Гр. Строгановъ присоединился къ нашей колоннѣ въ центрѣ, Денисьевъ съ лѣваго фланга, а Иловайскій съ праваго. Турецкая конница уходила по Силистрійской дорогѣ, которая, къ сожалѣнію, не была отрѣзана, что̀ могло бы быть сдѣлано. Пѣшіе турки отступали вдоль Дуная.

Между тѣмъ, кн. Трубецкой вошелъ въ ретраншаментъ съ 7-мъ Егерскимъ полкомъ и занялъ его, а ген. Бахметьевъ выслалъ Архангелогородскій полкъ выгнать турокъ, спрятавшихся въ тростникахъ вдоль Дуная, и взять лодки, на которыхъ они могли бы спастись.

Въ это время, гр. Цукато съ 6-мъ Егерскимъ полкомъ вошелъ въ Рассеватъ, а кавалерія Милорадовича была послана въ догонку

бѣглецамъ. Пѣхота же его прошла не оставливливаясь деревню и вышла на гору, возвышающуюся надъ болотами и ручьемъ, откуда было видно, какъ турецкая конница спѣшно переходила по мосту, перекинутому черезъ этотъ ручей.

Пѣхота турокъ была менѣе счастлива, она спряталась въ болотахъ, но гр. Цукато послалъ туда маіора Ставрокова съ баталіономъ 6-го Егерскаго полка, чтобы выбить ихъ оттуда. Въ результатѣ множество турокъ было побито и 150 взято въ плѣнъ.

Платовъ со своими казаками, а за ними регулярная кавалерія неотступно преслѣдовали бѣгущихъ турокъ, приводя ихъ въ полный безпорядокъ и наводя на нихъ панику. Преслѣдованіе турокъ породило какой-то спортъ, гдѣ каждый, имѣвшій лучшую лошадь, гнался въ одиночку и рубилъ своего врага. Такая охота длилась до вечера, на протяженіи 20 верстъ, когда лошади не въ состояніи были двигаться дальше. Въ концѣ дня произошелъ довольно курьезный эпизодъ. Со склона довольно крутого холма было видно, какъ турки слѣзли съ измученныхъ лошадей и тащили ихъ подъ узцы, уходя отъ нашихъ казаковъ, которые, въ свою очередь, сдѣлали то же и преслѣдовали ихъ такимъ же образомъ.

Наконецъ вся кавалерія, не будучи въ состояніи больше двигаться ни впередъ, ни назадъ, остановилась на бивакѣ въ 20 верстахъ отъ Рассевата. Бой окончился, и пѣхота Платова остановилась около деревни, а егеря около оврага, позади пѣхоты Милорадовича.

Преслѣдуя турокъ, Платовъ замѣтилъ 10 лодокъ, наполненныхъ бѣглецами, которыя сбились въ кучу и силились плыть противъ теченія Дуная. Поставивъ на берегу 6 Донскихъ орудій, подъ командою храбраго полковника Карпова, онъ своими выстрѣлами потопилъ 4 лодки; тогда турки побросали остальныя 6 лодокъ, а сами кинулись вплавь на лѣвый берегъ Дуная. Видя это, казаки Атаманскаго и 11-го Иловайскаго полковъ смѣло бросились вплавь на тотъ берегъ, гдѣ и перебили тѣхъ несчастныхъ турокъ, которые хотѣли спастись отъ нихъ. Затѣмъ, они такимъ же образомъ благополучно вернулись обратно, захвативъ въ шести турецкихъ лодкахъ 3 пушки.

Сраженіе это, начавшееся въ 6 час. утра, уже было окончено въ 9 час., но преслѣдованіе продолжалось до 5 час. вечера. Турки потеряли 30 знаменъ, въ томъ числѣ знамя сераскира и всѣ свои пушки. Въ плѣнъ было взято 48 офицеровъ и 1.000 солдатъ, изъ которыхъ 400 умерло въ тотъ же вечеръ отъ ранъ. Въ общемъ, турки имѣли около 2.500 или 3.000 человѣкъ убитыми.

Наша потеря заключалась: убитыми 7 казачьихъ офицеровъ, въ числѣ ихъ подполковникъ Ефремовъ, и 50 казаковъ. Ранено 20

офицеровъ и 150 казаковъ. Пѣхота не имѣла никакихъ потерь и не дала болѣе 100 оружейныхъ залповъ.

Князь Багратіонъ имѣлъ тѣмъ больше основаніе торопиться атаковать турокъ въ Рассеватѣ, что въ случаѣ подхода подкрѣпленій изъ Рущука, въ числѣ 10—12 тысячъ, которыхъ Хозрефъ такъ любезно поджидалъ на невыгодной позиціи, положеніе наше значительно бы осложнилось. Но и прибытіе Рущукскаго сераскира, если бы только онъ расположился бы въ Рассеватѣ, не спасло бы турокъ, и все-таки они были бы разбиты; но намъ было бы труднѣе, и мы понесли бы больше потерь. Другое дѣло, если бы онъ избралъ себѣ хорошую позицію близъ Силистріи, въ лѣсахъ, тогда намъ было бы очень затруднительно выбить ихъ оттуда.

Какъ только сераскиръ узналъ о пораженіи Рассеватскихъ турокъ, онъ повернулъ обратно и отступилъ.

Сраженіе подъ Рассеватомъ, которое Милорадовичъ самъ назвалъ въ насмѣшку охотой съ борзыми, сдѣлало честь энергіи и рѣшимости Багратіона; но что касается славы нашихъ войскъ, то она не увеличилась. Не трудно было 12.000 русскимъ съ 75 орудіями выбить 7.000 турокъ, расположенныхъ на такой позиціи и имѣвшихъ лишь 14 пушекъ. На самомъ дѣлѣ, это была простая стычка, но надѣлавшая столько шуму въ Петербургѣ, что было даровано столько же наградъ и даже болѣе значительныхъ, чѣмъ за кампанію 1807 и 1808 г.г. противъ Наполеона.

Кн. Багратіонъ получилъ ленту св. Андрея, ген.-лейт. Платовъ и Милорадовичъ были произведены въ генералъ-аншефы, что было еще болѣе удивительно, нежели лента, пожалованная Багратіону. Платовъ, будучи старше Милорадовича, былъ мало польщенъ своимъ возвышеніемъ, онъ хорошо понималъ, что эта милость должна больше радовать самого Багратіона, который возвелъ его въ этотъ чинъ. Несмотря на то, что онъ былъ генералъ-лейтенантомъ моложе меня и многихъ другихъ генераловъ, прослужившихъ съ большей пользой, чѣмъ онъ, никто не былъ шокированъ, увидавъ Платова генеральнымъ гетманомъ всѣхъ казаковъ имѣя всего 60 лѣтъ отъ роду. Онъ былъ уже генералъ-маіоромъ, когда мы были только полковниками, и потерялъ свое старшинство при Павлѣ I, который держалъ его въ продолженіе трехъ лѣтъ въ строгомъ тюремномъ заключеніи или въ суровой ссылкѣ. Никто, говорю я, не былъ шокированъ, узнавъ, что онъ снова занялъ свой постъ и получилъ титулъ, требуемый его мѣстомъ. Благодаря его службѣ, совершенно изолированной отъ регулярной, онъ рѣдко имѣлъ сношенія съ нами, что и было причиной его неспособности, хорошо всѣмъ извѣстной, командовать корпусами или арміями, составленными изъ регуляр-

ныхъ войскъ, но, тѣмъ не менѣе, обстоятельства эти не возбуждали ни боязни, ни зависти со стороны его сослуживцевъ.

Не такъ было съ Милорадовичемъ; его возвышеніе возбудило негодованіе всей арміи и имѣло основаніе, такъ какъ его поведеніе въ Валахіи заслуживало большаго порицанія и примѣрнаго наказанія. Онъ былъ, по старшинству командованія подъ Рассеватомъ, третьимъ и рѣшительно ничего не дѣлалъ. Затѣмъ, это дѣло, которое, въ сущности, было лишь счастливой стычкой, не могло предоставлять генералу случая выказать свои таланты, за которые могла быть пожалована такая награда. Милорадовичъ—очень храбрый и, быть можетъ, хорошій начальникъ бригады, далеко не имѣлъ тѣхъ способностей, требующихся отъ лицъ, занимающихъ подобныя высокія положенія, которое занималъ онъ. Войска судили его по этому случаю строго и справедливо. Дружба съ графомъ Аракчеевымъ, къ сожалѣнію слишкомъ могущественная тогда, возвела его на такой постъ, и я долженъ добавить, что и Багратіонъ способствовалъ этому. Онъ никогда не любилъ и не уважалъ его, но Милорадовичъ былъ старше его въ чинахъ генералъ-маіора и лейтенанта и не смотря на огромную разницу, раздѣляющую ихъ достоинства, они были товарищи по славѣ и милостямъ за походъ въ Италію съ Суворовымъ и потому одинаково награждались. Но Багратіонъ желалъ проявить свое благородство и великодушіе къ сопернику, котораго онъ такъ перегналъ въ дѣлахъ и взглядахъ, и имѣлъ низость рекомендовать его болѣе увѣренно, чѣмъ слѣдовало; въ его представленіи слишкомъ явно сквозило желаніе сдѣлать угодное Аракчееву и польстить пристрастію Государя къ Милорадовичу.

Багратіонъ долженъ былъ обдумать свое представленіе и вспомнить, что у него въ арміи были генералъ-лейтенанты и постарше Милорадовича и болѣе, чѣмъ онъ, заслуживающіе награды. Напримѣръ, я былъ тогда старшимъ въ арміи, былъ главнымъ начальникомъ Валахіи, несъ болѣе важную службу и имѣлъ успѣхъ гораздо болѣе блестящій, нежели Милорадовичъ, который въ сраженіи подъ Рассеватомъ являлся заурряднымъ генераломъ.

Сообщ. Е. Каменскій.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

Отъ комиссіи по изданію „Академической библіотеки русскихъ писателей.“

Комиссія по изданію „Академической библіотеки русскихъ писателей“, образованная при Разрядѣ изящной словесности Императорской Академіи Наукъ, приступая нынѣ къ изданію полныхъ собраній сочиненій *Е. А. Баратынскаго*, *Д. В. Веневитинова*, *А. С. Грибоѣдова*, *А. В. Кольцова* и *М. Ю. Лермонтова*, имѣетъ честь обратиться ко всѣмъ правительственнымъ и общественнымъ учрежденіямъ, а равно и къ частнымъ лицамъ, располагающимъ рукописными матеріалами, касающимися поименованныхъ писателей, съ просьбой сообщить Разряду изящной словесности возможно подробныя свѣдѣнія объ имѣющихся у нихъ матеріалахъ (подлинникахъ, фотографическихъ снимкахъ или рукописныхъ спискахъ произведеній и писемъ означенныхъ писателей, писемъ къ нимъ; оффиціальныхъ документахъ, прямо или косвенно ихъ касающихся; дневникахъ и запискахъ; генеалогическихъ данныхъ; портретахъ и т. д.). При этомъ комиссія покорнѣйше проситъ не отказать въ сообщеніи даже въ тѣхъ случаяхъ, если эти матеріалы имѣютъ лишь косвенное отношеніе къ упомянутымъ писателямъ, и даже если эти матеріалы уже стали достояніемъ печати, были уже использованы издателями и изслѣдователями.

Всѣ сообщенія, а равно и матеріалы комиссія проситъ направлять по адресу: С.-Петербургъ. Въ Императорскую Академію Наукъ, въ Разрядъ изящной словесности.

Редакторъ-издатель **П. Вороновъ**.

РУССКАЯ СТАРИНА въ изд. 1908 г.

ТОМЪ СТО ТРИДЦАТЬ ЧЕТВЕРТЫЙ.

АПРѢЛЬ, МАЙ, ІЮНЬ.

Записки и воспоминанія.

Изслѣдованія. — Историческіе и біографическіе очерки. — Переписка.—Разсказы.—Матеріалы и замѣтки.

СТРАН.

Портреты.

Библіографическій листокъ.

поэта, А. Н. Гончарова, Нащокина, Плетнева, И. В. Кирѣевскаго. Изданіе В. И. Саитова, имѣющее значеніе первоисточника, ляжетъ въ основу всевозможныхъ историческихъ и филологическихъ изученій Пушкина. *Н. Л.*

Записки князя С. П. Трубецкого. Спб. 1907.

Записки неудавшагося главнокомандующаго военнымъ пронунціаменто 14 декабря 1825 г. появляются въ печати не въ первый разъ. Онѣ уже были напечатаны въ Лондонѣ и въ Лейпцигѣ, а теперь вышли въ „легальномъ“ изданіи и съ добавленіями, взятыми изъ подлинной рукописи, которыхъ въ прежнихъ изданіяхъ не было. Гвардіи полковнику князю С. П. Трубецкому было поручено (онъ былъ по чину старше всѣхъ активно дѣйствовавшихъ 14 декабря) принять начальство надъ войсками, но „диктаторъ“ оказался человѣкомъ слабаго характера и первый жестоко оплошалъ и, когда его единомышленники стояли подъ выстрѣлами оставшихся вѣрными частей, приносилъ въ главномъ штабѣ присягу Николаю Павловичу. Записки Трубецкого, стоявшаго такъ близко къ революціонному движенію, отражаютъ нерѣшительность его характера. Въ литературѣ декабристскихъ мемуаровъ его записки—одинъ изъ самыхъ блѣдныхъ и вялыхъ документовъ. Но духъ времени былъ такъ силенъ, и атмосфера была такъ насыщена элементами политическаго броженія, что даже Трубецкой не удержался и попалъ не только въ относительно благоразумную и мирную оппозицію, но и въ кругъ прямыхъ бунтовщиковъ. Съ этой-то стороны и характерны его записки. „Диктаторъ“ не годился не то, что въ диктаторы, но въ рядовые революціи и все-таки не оказался чуждъ политическаго протеста. Его глубоко поразила надпись, положенная Государемъ на представленномъ ему политическомъ разсужденіи А. Н. Муравьева, замѣтимъ—консервативной окраски: „дуракъ! не въ свое дѣло вмѣшался“... Его оскорбляли и возмущали безправіе и произволъ. Къ книгѣ приложены четыре фототипическіе портрета Трубецкого и княгини Е. И. Трубецкой. Жаль, что издательницы записокъ, дочери кн. С. П. Трубецкого, не снабдили записокъ примѣчаніями, безъ которыхъ историческіе документы сравнительно малодоступны среднему читателю. *Н. Л.*

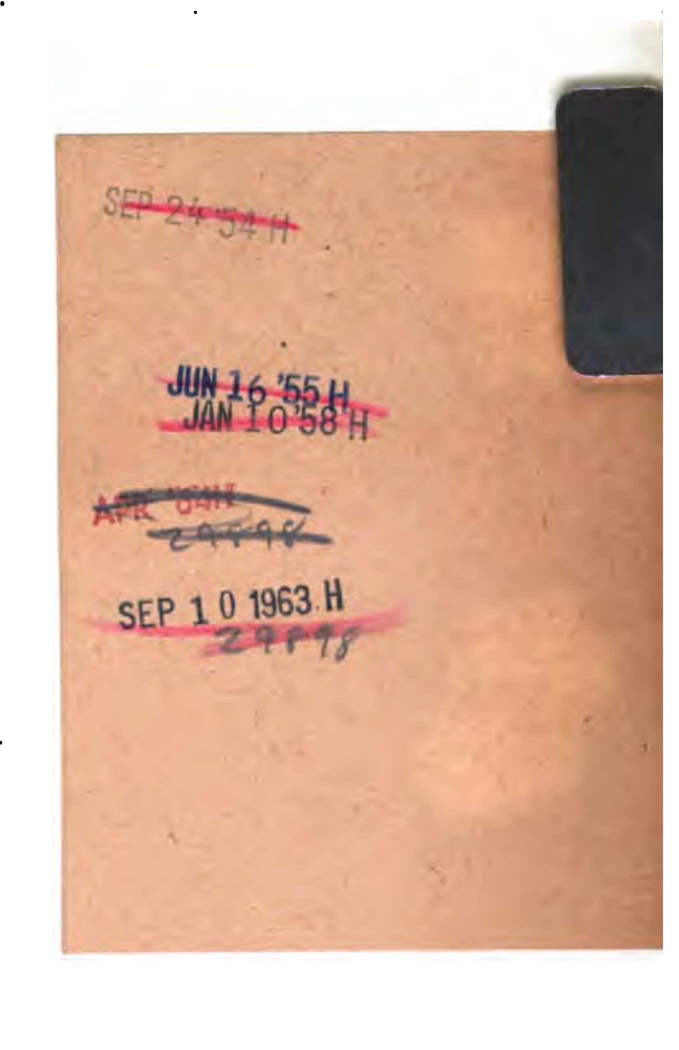
Валерій Брюсовъ. Лицейскіе стихи Пушкина. По рукописямъ московскаго Румянцевскаго музея и другимъ источникамъ. М. 1907.

Занявшись сличеніемъ напечатаннаго въ первомъ томѣ академическаго изданія сочиненій Пушкина текста лицейскихъ произведеній поэта съ ихъ подлинниками, хранящимися въ Румянцевскомъ музеѣ, г. Брюсовъ обнаружилъ въ академическомъ изданіи нѣкоторые пропуски варіантовъ, невѣрно прочтенныя слова. Указанія г. Брюсова въ свою очередь нуждаются въ провѣркѣ; кто видалъ пушкинскіе черновики, исчерканные, съ множествомъ поправокъ, тотъ знаетъ, какъ трудно читаются рукописи Пушкина, и какъ легко, разбирая ихъ, впасть въ ошибку. Рукописи могутъ быть разобраны не однимъ человѣкомъ, а только нѣсколькими: часто одинъ прочтетъ то, въ чемъ не разберется другой. Попытки г. Брюсова сложить изъ черновыхъ набросковъ Пушкина два „новыя“ стихотворенія не только незаконны, но и очень неудачны; къ тому же онѣ и излишни, такъ какъ эти пьесы („Унынье“ и „Н. И. Кривцову“) Пушкинъ отдѣлалъ и самъ напечаталъ. Пользуемся случаемъ отмѣтить одинъ пропускъ, не указанный ни въ одной изъ критическихъ статей о первомъ томѣ академическаго изданія: Л. Н. Майковъ не внесъ въ свое изданіе шуточнаго лицейскаго стихотворенія „Гауэншильдъ и Энгельгардтъ...“, несомнѣнно принадлежащаго Пушкину (см. „Современникъ“ 1863 г., № 8, стр. 397). *Н. Л.*

Н. П. Загоскинъ Исторія Императ. Казанскаго Университета за первыя сто лѣтъ его существованія. Т. IV. Казань. 1906.

Четвертый томъ монументальнаго изслѣдованія профессора Загоскина охватываетъ эпоху попечительства М. Л. Магницкаго, когда злополучный Казанскій университетъ сталъ жертвой самой тупой и фанатической реакціи и подвергся знаменитому „обновленію“. Былая дѣйствительность сбивается на смѣхотворный шаржъ. Когда профессоръ „краснорѣчія, стихотворства и языка россійскаго“ Г. Н. Городчаниновъ сочинилъ и напечаталъ съ разрѣшенія цензуры лубочные стихи на оставленіе службы однимъ офицеромъ казанскаго адмиралтейства, стишки, въ которыхъ вложилъ матросамъ въ уста слезный плачъ: „другова такова ужъ намъ не найти“, зоркій попечитель и здѣсь нашелъ крамолу—оскорбленіе морского вѣдомства, очевидно, неспособнаго найти уходящему достойнаго замѣстителя. Профессора пресмыкались передъ попечителемъ, наушничали другъ на друга; провинившіеся студенты получали оффиціальный титулъ „грѣшниковъ“ и передавались духовному началь-

Редакторъ-издатель П. Вороновъ.

SEP 24 '54 H
JUN 16 '55 H
JAN 10 '58 H
SEP 10 1963 H